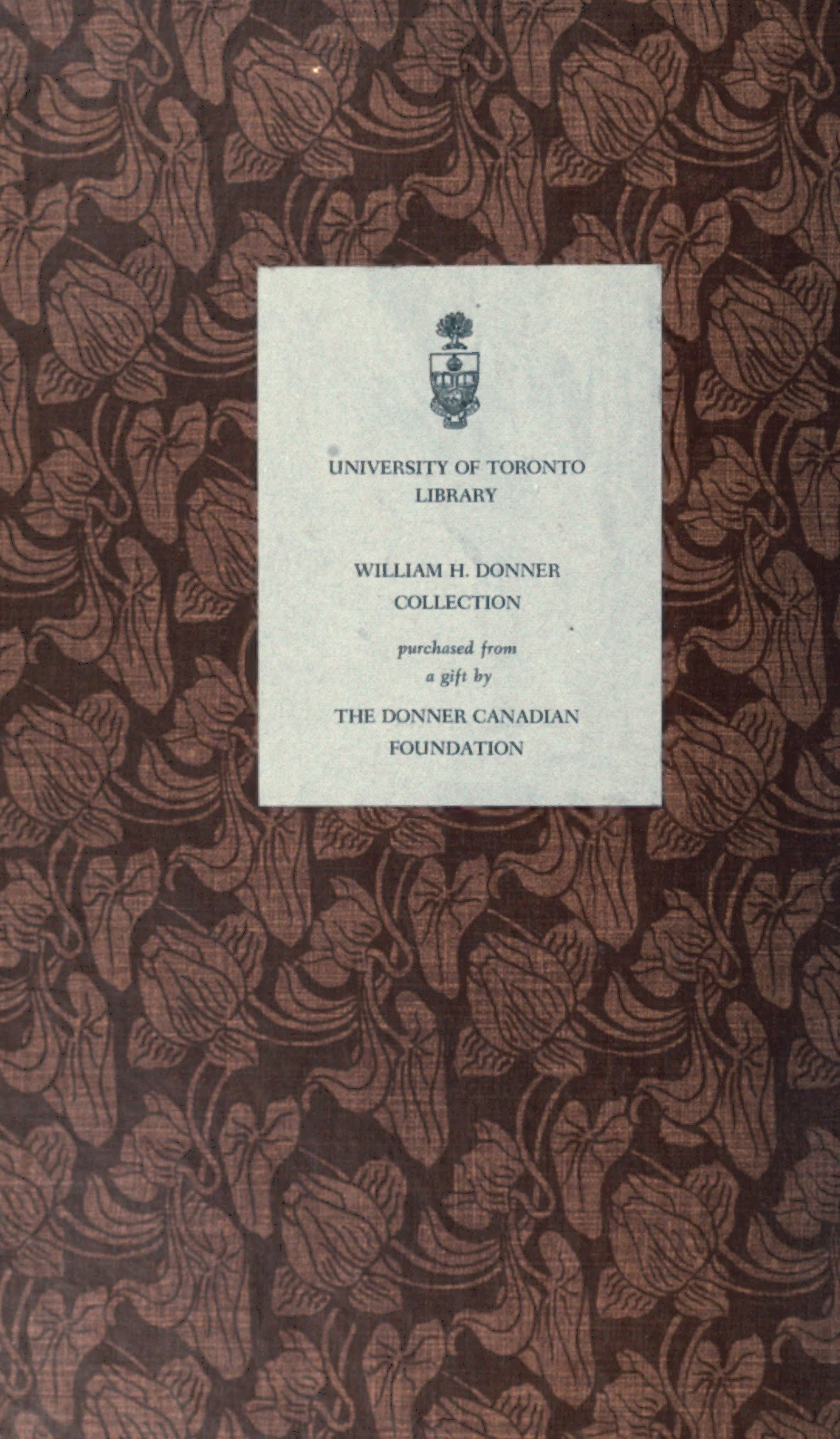
3 1761 05642997 0



СОЧИНЕНІЯ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА. 1900

СОЧИНЕНІЯ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА. 1900

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій пер., № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИБАВЛЕНИЕ.

УЧЕБНИКЪ.

ИЗВѢСТІЕ

О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДАХЪ

ГРАНОВСКАГО [1]).

Въ издаваемыхъ нынѣ сочиненіяхъ покойнаго Т. Н. Грановскаго мы не предлагаемъ публикѣ ничего новаго. На первый разъ мы собрали все, что напечатано было имъ при жизни въ разныхъ изданіяхъ, и сверхъ того прибавили еще немногія статьи, которыя увидѣли свѣтъ вскорѣ послѣ его смерти. Такимъ образомъ въ наше собраніе вошли какъ ученыя изслѣдованія автора, такъ и его журнальныя статьи, по преимуществу рецензіи историческихъ сочиненій. Нѣкоторыя изъ нихъ остались неоконченными; но дорожа всѣмъ, что выходило изъ-подъ пера писателя, много нами цѣнимаго, мы нисколько не усомнились дать имъ мѣсто въ нашемъ собраніи наравнѣ съ прочими. Недосказанная мысль какъ будто еще живѣе напоминаетъ объ авторѣ, который еще такъ недавно жилъ и дѣйствовалъ между нами!

Вообще Грановскій писалъ немного. Менѣе всего принадлежалъ онъ къ числу записныхъ литераторовъ, наполняющихъ повременныя изданія множествомъ своихъ произведеній. Любя литературу и горячо сочувствуя важнѣйшимъ ея интересамъ, онъ впрочемъ никогда не былъ очень усерднымъ ея вкладчикомъ. Владѣя какъ немногіе даромъ слова, онъ однако не былъ расточителенъ на него въ печати. Никогда мысль его нельзя было застать праздною; а между тѣмъ эта постоянно дѣятельная мысль рѣдко искала себѣ огласки въ литературѣ. Не одному читателю, привыкшему думать, что нѣтъ мысли, которая не могла бы быть высказана публично, можетъ показаться страннымъ такое явленіе; многіе пожелаютъ знать ему объясненіе. Не беремъ на себя дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на подобные запросы; но не отказываемся привести здѣсь нѣкоторыя наши соображенія, могущія служить къ разрѣшенію сомнѣній читателя.

1) Напечатано при первомъ изданіи 1856 года и повторялось при послѣдующихъ.

Въ Грановскомъ соединялись два качества, которыя не часто встрѣчаются вмѣстѣ: умъ его былъ столько же ясный и живой, сколько и основательный. Его не удовлетворяло поверхностное знаніе предмета, первое знакомство съ нимъ. Его не пугали самыя трудныя задачи науки; онъ любилъ брать ихъ „съ боя" (какъ самъ же онъ выразился въ одной своей статьѣ), но не довольствовался своею первою побѣдою. Не останавливаясь на первомъ полученномъ успѣхѣ, онъ находилъ въ немъ лишь новыя побужденія къ тому, чтобы усилить занятія предметомъ. Чѣмъ больше знакомился онъ съ вопросомъ, тѣмъ больше любилъ углубляться въ него. Однажды выработанная мысль не принимала въ немъ навсегда неподвижную форму, закрытую для всякаго дальнѣйшаго развитія. Каждое новое изслѣдованіе, соприкасающееся съ предметомъ его занятій, наводило его на новыя соображенія. Оттого нерѣдко случалось, что Грановскій, уже обдумавши свой собственный планъ, или отказывался отъ него, или отлагалъ на неопредѣленное время его исполненіе, находя, что онъ еще недовольно соотвѣтствовалъ современнымъ требованіямъ науки. Время между тѣмъ наводило нашего ученаго на другіе вопросы, и возбужденная ими любознательность вызывала его на новыя занятія. Такимъ образомъ нѣсколько обширныхъ плановъ, задуманныхъ имъ еще во время пребыванія за границею, остались неисполненными, хотя для нихъ заготовлено уже было много матеріала. Въ эту раннюю эпоху одною изъ любимыхъ его темъ была, напримѣръ, исторія германскихъ учрежденій на римскихъ земляхъ. Эта задача обнимала въ себѣ почти всѣ начала новаго европейскаго общества. Она вытекала прямо изъ тогдашнихъ научныхъ занятій Грановскаго, она состояла въ тѣсной связи со многими жизненными для него вопросами философическаго свойства, она, казалось, имѣла за себя ручательство свѣжаго и бодраго таланта, который не отказывается легко отъ своей мысли, и однако осталась невыполненною, потому что, когда наступило время исполненія, молодаго ученаго сильно занимали уже многіе другіе научные интересы, и прежде задуманный планъ не удовлетворялъ болѣе возвысившимся требованіямъ ума его.

Съ необыкновенною живостью переходя отъ одного вопроса науки къ другому, Грановскій никогда, впрочемъ, не терялъ изъ виду прежнихъ задачъ; напротивъ, онъ часто возвращался къ нимъ съ новымъ воодушевленіемъ, — но за то и съ большею взыскательностью къ самому себѣ. Не довольно было, чтобы мысль много занимала его: онъ не прежде приступалъ къ литературной обработкѣ ея, какъ давши ей созрѣть въ себѣ и достигнувъ яснаго пониманія ея въ самыхъ подробностяхъ. Выработанная напередъ ясность мысли избавляла его отъ излишества словъ при ея выраженіи. Грановскій былъ вовсе чуждъ этого литературнаго легкомыслія, которое спѣшитъ всякую случайно навернувшуюся мысль тотчасъ передать публикѣ. Онъ самъ хотѣлъ всегда оставаться первымъ отвѣтчикомъ за свои идеи и былъ самымъ строгимъ ихъ судьею. Читающая публика, правда, много теряла въ обиліи матеріала отъ этой взыскательности автора къ самому себѣ; но за то она привыкла обращаться къ нему тѣмъ съ большимъ довѣріемъ. Она была увѣрена напередъ, что въ сочиненіи или даже въ небольшой журнальной статьѣ, подписанной именемъ Грановскаго, не встрѣтитъ ничего скороспѣлаго, необдуманнаго, парадоксальнаго; она знала заранѣе, что въ подобномъ чтеніи найдетъ для себя много поучительнаго, и охотно возвращалась къ нему по нѣскольку разъ. Мы знаемъ по многимъ опытамъ, какъ всегда великъ былъ

запросъ на тѣ книжки журналовъ, въ которыхъ помѣщались статьи Грановскаго. Въ ту эпоху нашей литературы, когда особенно много писалось съ плеча, когда наиболѣе чувствовался недостатокъ твердой мысли, сочиненія Грановскаго составляли одно изъ самыхъ отрадныхъ исключеній. Но мы не сомнѣваемся, что и въ лучшее ея время они также останутся образцовыми во многихъ отношеніяхъ.

Говоря о Грановскомъ, какъ о писателѣ, не надобно также забывать его въ высокой степени симпатичную природу, постоянно обращенную ко всѣмъ живымъ явленіямъ въ современности. Въ другомъ мѣстѣ говорили мы о томъ, какъ широкъ былъ кругъ его любимыхъ занятій. Можно сказать, что ни одно замѣчательное явленіе въ умственномъ мірѣ и въ общественномъ быту не ускользало отъ его вниманія. Мысль его устремлялась всюду, гдѣ только находила слѣдъ человѣческой дѣятельности. Онъ любилъ слѣдить за человѣкомъ на всѣхъ степеняхъ его развитія, безъ различія мѣста и времени. Самыя отверженныя породы людей не оставались чужды его симпатическому сердцу. Неутомимо слѣдя за успѣхами гражданственности подъ всѣми географическими широтами, онъ не обходилъ, впрочемъ, и тѣхъ странъ, которыя остались за предѣлами ея распространенія, и вездѣ пытливо доискивался причинъ гражданскаго застоя. Нѣкоторые читатели были очень изумлены, увидѣвъ напечатанное въ одномъ журналѣ съ именемъ Грановскаго чтеніе „объ Океаніи и ея жителяхъ“: съ какой стати было ему говорить объ Океаніи? какимъ образомъ мысль историка могла быть завлечена въ такую неисторическую страну? Дѣло, однако, объясняется очень просто Гдѣ только находилось какое-нибудь людское общество, тамъ непремѣнно хотѣла присутствовать и неутомимая мысль нашего ученаго. Когда одни народы такъ неуклонно идутъ впередъ въ своемъ развитіи — спрашивалъ онъ самъ себя — отъ чего другіе такъ неизмѣримо отстали отъ нихъ и какъ будто навсегда окаменѣли въ своихъ формахъ? Другими словами, что̀ становится съ человѣческимъ обществомъ, даже съ цѣлою породою людей, если она, подобно океанійской, отрѣзана отъ сообщенія съ образованными народами и предоставлена лишь самой себѣ? И чтобы найти основательный отвѣтъ на эти вопросы, Грановскій принялъ на себя трудъ изучить самыя условія океанійскаго быта по извѣстіямъ европейскихъ путешественниковъ. Результатомъ этого изученія былъ цѣлый рядъ оригинальныхъ мыслей, которыя онъ думалъ передать небольшому обществу своихъ друзей въ видѣ простыхъ домашнихъ бесѣдъ. До насъ дошло лишь одно такое чтеніе, — но читатель можетъ судить по немъ, какое обширное изученіе предмета авторъ обыкновенно полагалъ въ основаніе своихъ выводовъ.

Если дальній и малоизвѣстный свѣтъ такъ много занималъ нашего ученаго, то можно себѣ представить, съ какимъ живымъ интересомъ слѣдилъ онъ за всѣмъ тѣмъ, что̀ дѣлалось и происходило вокругъ него. Современныя общественныя явленія не имѣли между нами болѣе воспріимчиваго органа для себя. Все, что̀ было въ нихъ какъ отраднаго, такъ и горькаго, все это находило самый искренній и горячій отзывъ въ его душѣ. Вездѣ вокругъ себя онъ любилъ отыскивать благороднѣйшія стороны природы человѣка, открывать истинно человѣческія черты, — и чѣмъ онѣ были неожиданнѣе, тѣмъ болѣе доставляли ему сердечнаго удовольствія. Нельзя было сдѣлать ему большаго подарка, какъ разсказавъ случай изъ современной жизни, въ которомъ бы правда торжествовала надъ грубою силою, или выходила наружу

какая-нибудь малоизвѣстная свѣтлая сторона народнаго характера. За то густою тѣнью ложилась на его свѣтлую душу каждая новая туча, которая появлялась на горизонтѣ народной жизни. Тогда особенно сказывалась въ немъ эта глубокая чувствительность, которой не могли ослабить въ немъ ни обстоятельства жизни, ни многія испытанныя имъ лишенія, ни наконецъ продолжительныя кабинетныя занятія. Понятно, что, при такой чувствительности къ современному, вопросы, предлагаемые наукою о прошлой жизни человѣчества, нерѣдко уходили на задній планъ. Это не значитъ, конечно, чтобы Грановскій вовсе терялъ ихъ изъ виду: но передъ лицомъ великихъ современныхъ событій они нерѣдко теряли тотъ животрепещущій интересъ, который тотчасъ ищетъ себѣ выхода въ литературу. Къ тому же Грановскій постоянно былъ окруженъ избраннымъ обществомъ, съ которымъ могъ и любилъ дѣлиться всѣми своими мыслями. Сообщительный отъ природы, онъ всегда находилъ около себя среду, готовую принять его идеи, какъ только онѣ зрѣли въ его головѣ. Любя болѣе всего живое, свободное слово, онъ часто довольствовался этимъ средствомъ сообщенія своихъ мыслей и за нимъ не искалъ усильно другаго, которое могло бы открыть имъ болѣе обширную сферу дѣйствія. Притомъ Грановскій имѣлъ свои понятія о литературныхъ требованіяхъ: онъ былъ врагъ литературнаго неряшества: и по врожденному чувству изящнаго, и по уваженію къ публикѣ онъ не иначе хотѣлъ являться передъ нею, какъ въ приличной формѣ. Внѣшняя отдѣлка была въ его глазахъ необходимымъ условіемъ всякаго сочиненія, которое назначалось къ печати, и обыкновенно брала у него много времени; но какъ онъ въ то же время принадлежалъ обществу, и жизнь въ обществѣ была одною изъ первыхъ его потребностей, то, очевидно, не всегда отъ него самого зависѣло распредѣлять свое время и пользоваться имъ по желанію. Ему надобно было бы гораздо болѣе пренебрегать формою, чѣмъ сколько онъ хотѣлъ и могъ, чтобы увеличить въ значительной степени свою литературную производительность.

Читатель видитъ, что матеріала собиралось гораздо болѣе, чѣмъ сколько, по обстоятельствамъ, могло быть обработано его для обращенія въ литературѣ. Оттого между прочимъ Грановскій предпочиталъ столько любимую имъ форму публичныхъ чтеній всякому другому способу изложенія своихъ мыслей. Не говоря уже о томъ, что связь въ публичномъ курсѣ между профессоромъ и слушателями гораздо непосредственнѣе и живѣе, чѣмъ между авторомъ и его читателями, чтенія представляли ему еще ту выгоду, что менѣе связывали его внѣшними литературными условіями. Тутъ онъ могъ, отдавшись своему увлеченію предметомъ и довѣрившись живому слову, избѣжать часто утомительнаго труда кабинетной обработки и достигнуть еще большихъ результатовъ. Тѣ, которые имѣли случай слышать Грановскаго на его публичныхъ курсахъ, помнятъ, какое очарованіе производила его простая, но въ то же время благородная и изящная рѣчь. Публичныя чтенія, однимъ словомъ, удовлетворяли постоянному стремленію Грановскаго дѣйствовать живымъ словомъ на общество и въ то же время открывали ему возможность передавать публикѣ большую часть заготовленнаго матеріала, прежде чѣмъ онъ могъ быть сполна подвергнутъ внѣшней литературной обработкѣ. Обстоятельства не всегда были благопріятны для того, чтобы чтенія производились публично; но въ такомъ случаѣ профессоръ имѣлъ всегда открытый выходъ для себя въ обыкновенныхъ университетскихъ курсахъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, многіе значительные историческіе труды, задуманные нашимъ

ученымъ уже въ послѣднее время, не состоялись вовсе или не могли быть приведены къ окончанію. Такъ не состоялось и то его сочиненіе, котораго мысль внушена ему была приближавшимся столѣтіемъ Московскаго Университета. Желая принести свою лепту въ этотъ великій праздникъ отечественнаго образованія, онъ думалъ соединить въ своемъ трудѣ исторію трехъ самыхъ раннихъ дѣятелей просвѣщенія въ западной Европѣ, Теодериха, Карла и Альфреда, по справедливости называемыхъ Великими. Къ сожалѣнію, по разнымъ обстоятельствамъ эта прекрасная мысль осталась безъ исполненія. Въ бумагахъ покойнаго мы нашли только начало труда... Нужно ли удостовѣрять, что матеріалъ былъ готовъ у автора? Такъ чего же недоставало, чтобы начатый трудъ приведенъ былъ къ окончанію? Недоставало, можетъ быть, только одного — чтобы профессору представился случай напередъ изложить собранный имъ матеріалъ и свою мысль о немъ въ публичныхъ чтеніяхъ.

Вотъ почему Грановскій могъ удѣлять время отъ времени литературѣ лишь нѣкоторыя избранныя части сдѣланнаго имъ ученаго запаса. Сюда принадлежатъ разныя частныя изслѣдованія, очерки, характеристики. Но болѣе всего давали ему поводъ высказываться вновь появляющіяся историческія сочиненія въ иностранной литературѣ. Касаясь съ какой - нибудь новой стороны предметовъ ему давно знакомыхъ, они тѣмъ сильнѣе возбуждали его собственную мысль. Немногочисленныя русскія сочиненія по всеобщей исторіи большею частію также не проходили безъ того, чтобы онъ не поспѣшилъ, пользуясь даннымъ поводомъ, изложить хотя въ общихъ чертахъ свое собственное воззрѣніе на тотъ же предметъ или по крайней мѣрѣ выразить свое сочувствіе къ полезному труду. Но и здѣсь мы должны выставить на видъ одну черту, лично принадлежавшую покойному Грановскому. Какъ бы ни казалась незначительною предпринятая имъ работа по внѣшнему своему объему, онъ не терпѣлъ, чтобы она имѣла видъ заказной, и принимался за нее не иначе, какъ въ „свѣтлую минуту", и такъ сказать запасшись добрымъ настроеніемъ духа. Упорный систематическій трудъ былъ ему не по душѣ. Одна работа мысли его не удовлетворяла. Онъ хотѣлъ отдаваться своему труду сполна, всецѣло. Онъ руководился тою мыслію, что въ писателѣ долженъ дать почувствовать себя весь человѣкъ. По тому же самому, не во-время прерванная работа была для него работа почти потерянная, ибо не всегда возможно возвратить себѣ по желанію одно и то же душевное настроеніе. Но пусть лучше онъ самъ говоритъ за себя: онъ такъ хорошо умѣлъ въ немногихъ словахъ передать свою мысль. Лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, думая приступить къ біографическому очерку Н. Г. Фролова, Грановскій писалъ по этому поводу ко вдовѣ покойнаго: „Хочу употребить остающееся до отъѣзда (изъ Москвы) время на статью о нашемъ другѣ. Я обдумалъ ее, сколько мнѣ кажется, хорошо. Жду только, чтобы на меня сошла хорошая, свѣтлая минута, чтобы тотчасъ взяться за работу и кончить ее сразу, безъ промежутковъ, охлаждающихъ мысль. Вообще я доволенъ своимъ настоящимъ настроеніемъ и надѣюсь, что скоро буду въ состояніи приступить къ труду, въ которомъ найду и исполненіе долга и удовлетвореніе внутренней потребности". Въ томъ же письмѣ находимъ еще слѣдующее замѣчательное мѣсто: „Статья не будетъ и не должна быть велика. Да я вообще не умѣю и не желаю писать длинныхъ статей. Если не съумѣешь сказать въ немногихъ словахъ того, чѣмъ полно сердце, то многорѣчіемъ только разведешь водою собственное чувство. Вотъ моя литературная теорія".

Эти немногія слова лучше всѣхъ толкованій показываютъ, какъ Грановскій самъ понималъ литературную производительность, и какою мѣрою хотѣлъ онъ измѣрять ея внутреннее достоинство. Но чѣмъ больше съ годами зрѣли его мысли, тѣмъ больше чувствовалъ онъ необходимость увеличить сферу своей дѣятельности. Съ нѣкотораго времени особенно стала занимать его мысль объ историческомъ учебникѣ. Сознавая всю важность преподаванія всеобщей исторіи въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и находя, что существующія руководства мало удовлетворяютъ этой потребности, онъ рѣшился наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, послужить ей своими собственными средствами, т.-е. своимъ знаніемъ и трудомъ. Въ кругу историческихъ занятій трудно представить себѣ другую работу, которая бы менѣе шла къ Грановскому по извѣстнымъ уже намъ особенностямъ его духовной организаціи. Онъ и самъ чувствовалъ, что трудъ, котораго сущность состоитъ лишь въ искусномъ сводѣ того, что̀ уже сдѣлано другими, требуетъ отъ него напряженія, ему несвойственнаго. Онъ страдалъ въ то же время припадками болѣзни, которая впослѣдствіи разрѣшилась такъ неожиданно его смертью, и между тѣмъ продолжалъ работать усильно. Онъ хотѣлъ быть полезенъ другимъ и жертвовалъ этой мысли своимъ личнымъ интересомъ. Какъ нарочно, начинать приходилось съ тѣхъ частей исторіи, которыя менѣе другихъ входили въ кругъ прежнихъ занятій профессора. Согласно съ современными требованіями науки, надобно было прежде всего изобразить въ довольно полной картинѣ раннее историческое дѣйствіе на Востокѣ; надобно было въ немногихъ, но вѣрныхъ чертахъ схватить характеръ историческаго развитія въ Египтѣ, Ассиріи, Финикіи, Персіи, Индіи, Китаѣ, пользуясь результатами новѣйшихъ изслѣдованій. Работа требовала много времени, еще больше настойчивости. При доброй волѣ не оказалось недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, хотя можетъ быть не безъ ущерба для иныхъ, болѣе любимыхъ занятій, да и для самаго здоровья трудившагося. Работа ведена была не спѣшною, но твердою рукою. Уже самыя запутанныя эпохи древняго развитія были представлены въ стройномъ научномъ изложеніи; уже важнѣйшія страны Востока были пройдены одна за другою при свѣтѣ новыхъ открытій и изслѣдованій. Послѣднее лѣто, живя въ деревнѣ, Грановскій трудился надъ удобопонятнымъ и связнымъ изложеніемъ исторіи Евреевъ (которыхъ судьбы занимали его и при самомъ началѣ литературной дѣятельности). Передъ нимъ уже занималась заря исторіи классическаго міра; онъ готовился выйти на болѣе ровную почву гелленизма и романизма, чтобы ими начать свое обозрѣніе первыхъ зачатковъ европейскаго образованія. Въ это самое время дыханіе смерти остановило его руку и навсегда прервало трудъ, въ которомъ зрѣли сѣмена добра, можетъ быть, для нѣсколькихъ поколѣній къ ряду.

Нельзя не упомянуть, наконецъ, о томъ литературномъ предпріятіи, которое много занимало Грановскаго въ послѣдніе дни его жизни. По особенному стеченію обстоятельствъ, послѣдній годъ вообще былъ для него эпохою самаго сильнаго возбужденія умственныхъ и всѣхъ душевныхъ силъ. Никогда еще не порывался онъ такъ дѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами на общую пользу, на пользу образованія въ особенности. Слѣды жизненнаго утомленія, которые еще незадолго передъ тѣмъ туманили его взоръ и по временамъ отзывались въ самыхъ его рѣчахъ, вдругъ исчезли, оставивъ мѣсто болѣе ясному и свѣтлому воззрѣнію на жизнь. Съ отрадою и упованіемъ начиналъ онъ смотрѣть на будущее, и глаза его по прежнему загора-

лись огнемъ, когда онъ начиналъ говорить о своихъ надеждахъ. Люди, особенно близкіе къ Грановскому, уже во время пребыванія его въ деревнѣ лѣтомъ замѣтили это внезапное обновленіе его нравственныхъ силъ. Возвратившись къ намъ въ Москву осенью, онъ поразилъ всѣхъ своею необыкновенною возбужденностію. Онъ самъ постоянно былъ занятъ одною заботою и говорилъ намъ всѣмъ о необходимости работать дѣятельно для пользы общей. Тогда съ особенною горячностію взялся онъ за мысль о періодическомъ изданіи литературно-историческаго сборника, мысль, которая занимала его съ давнихъ поръ, но по разнымъ обстоятельствамъ все еще не могла быть приведена въ исполненіе. Это изданіе (на первый разъ отъ 3 до 4 книжекъ въ годъ) должно было обнять въ себѣ современное движеніе не только исторической науки въ обширномъ смыслѣ, но также литературы и политики. Грановскій разсчитывалъ на содѣйствіе многихъ своихъ товарищей и бывшихъ слушателей, и, не ограничиваясь главною редакціею сборника, самъ хотѣлъ принять въ немъ дѣятельнѣйшее участіе. Цѣлый рядъ мыслей о своей наукѣ думалъ онъ изложить въ особыхъ статьяхъ, которымъ хотѣлъ дать названіе „Историческихъ писемъ". Здѣсь же, по всей вѣроятности, нашла бы себѣ осуществленіе и другая любимая его мысль: подъ названіемъ „Городъ" давно хотѣлъ онъ представить публикѣ плодъ своего многолѣтняго изученія городской европейской жизни въ трехъ различныхъ ея моментахъ, или въ древней, средней и новой исторіи. Новая историческая литература, безъ сомнѣнія, также нашла бы въ немъ себѣ самый вѣрный отголосокъ. Какъ бы побуждаемый какимъ предчувствіемъ, Грановскій торопилъ своихъ будущихъ сотрудниковъ приготовленіемъ программы и подробнаго плана занятій для предполагаемаго изданія. Болѣзнь свою, которая не казалась опасною, сносилъ онъ тѣмъ нетерпѣливѣе, что она мѣшала ему — по желанію немедленно подвинуть дѣло впередъ. Программа была заготовлена. За два дня до смерти онъ слушалъ ее съ одобрительнымъ взглядомъ и подтвердилъ еще разъ, что надобно какъ можно скорѣе приступать къ самому дѣлу. Чрезъ нѣсколько дней онъ надѣялся стать на ноги и очень охотно говорилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, чтобы испросить дозволеніе на изданіе сборника. Извѣстно, какъ не суждено было сбыться всѣмъ этимъ добрымъ надеждамъ.

Послѣ всѣхъ объясненій остается, однако, неизмѣннымъ тотъ результатъ, что Грановскій немного писалъ для публики. Но, по нашему крайнему убѣжденію, это нисколько не мѣшаетъ ему быть однимъ изъ нашихъ избранныхъ писателей. Говоря строго, критика еще не произнесла надъ нимъ своего суда. До сихъ поръ о немъ говорили лишь какъ объ авторѣ той или другой статьи: теперь наступило время опредѣлить его мѣсто и общее значеніе въ литературѣ. Полное изданіе всего, что написано было Грановскимъ и напечатано еще при его жизни, можетъ послужить къ тому лучшимъ поводомъ. Впрочемъ, мы не сомнѣваемся, что внимательный разборъ всѣхъ сочиненій, собранныхъ вмѣстѣ, не только не уронитъ прежняго мнѣнія объ ихъ авторѣ, но подниметъ его еще болѣе. До сего времени критикѣ приходилось имѣть дѣло (мы беремъ, за недостаткомъ факта, его предположеніе) съ нѣкоторыми отдѣльными мыслями автора и частными результатами его изслѣдованій: теперь ей представляется случай обсудить всю сферу умственнаго созерцанія писателя, сколько она отразилась въ его сочиненіяхъ. Никогда также не имѣла она лучшаго повода говорить о степени его умственнаго и нравственнаго образованія и о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ оно сложилось. Только теперь

можно основательно разсуждать о томъ, какъ относится содержаніе сочиненій нашего автора къ ихъ незначительному внѣшнему объему. Смѣемъ думать, что эта важная сторона не ускользнетъ болѣе отъ вниманія критики; надѣемся также, что Грановскій, наконецъ, найдетъ себѣ оцѣнку не только какъ писатель, но и какъ историкъ и изслѣдователь въ особенности. Отъ него не станутъ болѣе требовать того, чего онъ не исполнилъ, а постараются добросовѣстно взвѣсить и опредѣлить цѣну тѣхъ идей, которыя онъ успѣлъ ввести вновь въ нашу литературу. Ибо съ этой только точки зрѣнія могутъ быть по справедливости оцѣнены заслуги писателя обществу, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Предупреждая критическій судъ, мы позволили себѣ причислить нашего автора къ числу „избранныхъ" писателей въ нашей литературѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно было бы сослаться на тотъ живой и всѣмъ извѣстный интересъ, который всегда возбуждали сочиненія Грановскаго въ образованной публикѣ. Но мы можемъ привести, сверхъ того, и нѣкоторыя другія основанія. Говоря объ избранныхъ писателяхъ, мы предполагаемъ въ нихъ прежде всего строгую разборчивость въ отношеніи къ самимъ себѣ. Въ авторѣ „Сугерія" и „Характеристикъ" не было недостатка въ этомъ качествѣ: его скорѣе можно было бы упрекнуть за излишнюю строгость къ своимъ литературнымъ произведеніямъ, но ужъ вѣрно никто не поставитъ ему въ упрекъ многорѣчивости и легкомыслія. Утверждаемъ смѣло, что между сочиненіями Грановскаго нѣтъ статьи, которая была бы случайнаго происхожденія и не служила бы выраженіемъ зрѣло обдуманной мысли. Многое осталось неисполненнымъ со стороны автора, чего въ правѣ были желать отъ него читатели, но за то въ его произведеніяхъ нѣтъ тѣхъ праздныхъ страницъ, которыя часто наполняются разглагольствіями писателей о самихъ себѣ, а подчасъ даже толками о своихъ собственныхъ заслугахъ литературѣ и о своемъ честномъ, усердномъ и безукоризненномъ служеніи ей. Литература была для Грановскаго „дѣломъ" въ настоящемъ смыслѣ слова, а не пустымъ парадомъ словъ или искусствомъ самовосхваленія. Какъ ни ухаживала за нимъ литературная сплетня, какъ ни старалась задѣть его съ чувствительной стороны, ей ни разу не удалось ввести его на тотъ грязный дворъ литературы, гдѣ, для забавы публики, даются время отъ времени разныя потѣшныя зрѣлища, которыхъ матеріалъ нерѣдко берется изъ самой жизни современниковъ. Сочиненія Грановскаго чужды всего личнаго. Рѣдко вдавался онъ въ полемику, да и въ ней всегда умѣлъ сохранить благородный тонъ.—Называя писателя избраннымъ, мы имѣемъ также въ виду нѣкоторыя свойственныя ему особенности самаго изложенія или внѣшней формы. И въ этомъ отношеніи Грановскій стоитъ особо въ нашей литературѣ. Самые порицатели его никогда не думали отрицать у него изящества рѣчи. Оно состояло главнымъ образомъ въ ясности, простотѣ и какомъ-то особенномъ благородствѣ языка, столько же мужественнаго, сколько и выразительнаго. Между многими внѣшними особенностями нашего автора замѣтимъ одну черту: начавши писать въ то время, когда у насъ были въ сильномъ ходу философическіе термины, заимствованные изъ чужого языка, и самъ много занимаясь нѣмецкою философіею, онъ однако, благодаря столько же своему вѣрному смыслу, сколько и чувству изящнаго въ языкѣ, умѣлъ сохранить свою рѣчь свободною отъ всякой посторонней примѣси. Не разъ приходилось ему касаться очень трудныхъ вопросовъ науки, а между тѣмъ рѣчь его никогда не теряла ясности и не пе-

стрѣла неудобопонятными терминами. Le style c'est l'homme — говоритъ старая, очень умная поговорка. Она вполнѣ прилагается и къ нашему автору. Въ самомъ дѣлѣ, мало сказать, что Грановскій умѣлъ сохранить чистоту и изящество рѣчи, когда объ этомъ думали всего менѣе, когда литература особенно страдала какою-то больною распущенностью языка. Онъ умѣлъ, сверхъ того, придать своей рѣчи какъ бы особенную физіономію; когда большинствомъ почти утраченъ былъ всякій смыслъ отчетливости и правильности въ выраженіи, онъ выработалъ для себя свой собственный слогъ, съ нѣкоторыми ему одному принадлежащими отличіями. Не говоримъ уже о выборѣ словъ, — читатели могутъ повѣрить это наше наблюденіе еще на свойственномъ нашему автору построеніи цѣлыхъ фразъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ умѣлъ онъ управляться съ нашими длинными причастіями, или какъ умѣлъ онъ избѣгать обыкновенныхъ, слишкомъ пошлыхъ оборотовъ, сохраняя, впрочемъ, связность и плавность рѣчи. Не приводимъ примѣровъ: они разсѣяны въ книгѣ. Вообще Грановскій не любилъ слишкомъ связнаго и сложнаго изложенія; онъ предпочиталъ рѣчь болѣе свободную, т. е. сжатую, нѣсколько даже отрывистую, но въ то же время сильную и выразительную. И всѣ эти особенности выработаны имъ въ такой періодъ развитія литературы, когда проведенный по ней общій однообразный уровень, повидимому, не оставлялъ въ ней много мѣста внѣшнимъ различіямъ между прозаическими писателями.

Намъ остается сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о самомъ изданіи сочиненій Грановскаго. Труды по редакціи ихъ раздѣлены были со мною профессоромъ С. М. Соловьевымъ. Въ согласіи съ нимъ установленъ былъ мною и самый планъ изданія. Хронологическій порядокъ былъ отвергнутъ нами, какъ не соотвѣтствующій цѣли. Принявъ его, намъ пришлось бы перемѣшать рецензіи историческихъ книгъ съ самостоятельными изслѣдованіями автора. На основаніи разнородности самаго содержанія, мы предпочли раздѣлить всѣ сочиненія Грановскаго на три главные отдѣла. Въ первый изъ нихъ вошли сочиненія *общаго историческаго содержанія*, которыя касаются болѣе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ науки, нежели изображенія того или другаго историческаго времени или изложенія самыхъ событій. Рѣчь „Объ исторіи" по праву должна была занять первое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ, потому что въ ней изложены самыя зрѣлыя понятія автора о наукѣ, которая составляла главный предметъ его занятій. Сюда же вошло изложеніе „Родоваго быта Германцевъ", на томъ основаніи, что авторъ, на извѣстныхъ намъ исторически формахъ древняго германскаго общества, хотѣлъ раскрыть природу и условія родоваго быта вообще. Это такъ справедливо, что закоснѣлые противники родоваго быта тотчасъ почувствовали опасность для себя и снова принялись выводить стѣну между германскимъ и славянскимъ міромъ, завѣряя всѣхъ, что, такъ какъ родовой бытъ безспорно былъ у Германцевъ, то поэтому самому его и не могло быть у Славянъ. Наконецъ, здѣсь же всего приличнѣе могла занять мѣсто и статья М. Эдвардса „О физіологическихъ признакахъ породъ". Читатель легко можетъ видѣть близкое отношеніе ея къ тѣмъ мыслямъ, которыя изложены въ рѣчи нашего автора. Мы не считали статью лишнею между сочиненіями Грановскаго какъ потому, что онъ вполнѣ раздѣлялъ воззрѣніе знаменитаго физіолога на этотъ предметъ, такъ еще болѣе потому, что онъ же взялъ на себя трудъ передать ее русской публикѣ и снабдить своими собственными примѣчаніями. Между прочимъ она же можетъ послужить примѣромъ того, какъ слѣдуетъ дѣлать переводы съ другихъ языковъ.

сохраняя вѣрность подлиннику и нисколько не нарушая требованій своего языка.

Во второй отдѣлъ вошли всѣ болѣе частныя *историческія изслѣдованія, очерки и характеристики*, прямо относящіяся къ опредѣленнымъ историческимъ эпохамъ и народностямъ. Здѣсь впереди всего мы сочли за нужное помѣстить статью подъ названіемъ „Судьбы Евреевъ“, составленную по Деппингу и Капфигу для Библіотеки для Чтенія. Это, сколько намъ извѣстно, самый первый опытъ автора въ изложеніи историческихъ событій. По немъ читатель лучше можетъ судить о степени дальнѣйшаго совершенствованія того же писателя. Въ томъ же самомъ журналѣ помѣщены были вслѣдъ за первою и нѣкоторыя другія историческія работы Грановскаго, впрочемъ безъ подписи его имени. Положительно мы знаемъ это о статьяхъ: „Финикіяне и Карѳагенцы“ (по Мюнтеру), которая, впрочемъ, явилась въ видѣ рецензіи на „Лекціи Погодина по Герену“, и „Свитригайло князь Литовскій“—по сочиненію Коцебу. Но мы не рѣшились перенести этихъ статей въ полное изданіе сочиненій, потому что не въ состояніи отдѣлить отъ нихъ чужаго нароста и отличить тѣ измѣненія, которыя сдѣланы въ нихъ самою редакціею журнала. Главное содержаніе втораго отдѣла составили два историческія „Изслѣдованія“, писанныя на ученыя степени, и столько извѣстныя „Характеристики“ Тамерлана, Александра Великаго, Лудовика Святого и Бэкона. Это тѣ самыя произведенія нашего автора, которымъ ставили въ упрекъ, что они написаны слишкомъ хорошо для ученыхъ сочиненій. Въ заключеніи книги читатели найдутъ мастерской очеркъ поэтическаго содержанія Эдды. Это лишь небольшой образчикъ того, съ какою любовью и съ какимъ знаніемъ дѣла занимался профессоръ изученіемъ литературныхъ памятниковъ въ связи съ исторіею.

Критическія статьи и рецензіи Грановскаго дали обильный матеріалъ для третьяго отдѣла его сочиненій. Всѣ онѣ писаны по поводу историческихъ сочиненій, появившихся въ продолженіе послѣднихъ 10 или 15 лѣтъ въ Германіи, Франціи и Россіи. У Грановскаго надобно было учиться писать рецензіи. Въ немногихъ чертахъ онъ умѣлъ схватить главное содержаніе книги и придать статьѣ самостоятельный характеръ изложеніемъ своего собственнаго взгляда. У многихъ читателей и теперь еще въ свѣжей памяти превосходный очеркъ исторіи и внутренняго состава Византійской имперіи, набросанный имъ по поводу одного небольшого сочиненія, подъ названіемъ „Латинскіе императоры въ Константинополѣ“. Разсѣянныя въ разныхъ журналахъ, онѣ собраны теперь въ одномъ изданіи. Къ нимъ же присоединили мы „Біографическій очеркъ Нибура“ (къ сожалѣнію, оставшійся неоконченнымъ) на томъ основаніи, что онъ составленъ былъ авторомъ по поводу появившейся въ концѣ тридцатыхъ годовъ „Переписки Нибура“, которая содержитъ въ себѣ самый богатый матеріалъ для біографіи знаменитаго историка. Мелкія библіографическія статьи естественно тутъ же должны были найти себѣ мѣсто. Желающіе узнать ближе, съ какими пріемами выступалъ Грановскій (хотя очень рѣдко) на литературное состязаніе, найдутъ ихъ въ ученомъ спорѣ его съ г. Хомяковымъ. Споръ давно забытъ, но употребленные въ немъ пріемы, кажется, и до сихъ поръ могли бы служить хорошимъ урокомъ для многихъ.— Затѣмъ оставалось еще нѣсколько статей, изъ которыхъ, по разнородности ихъ содержанія, нельзя было составить новаго отдѣла. Мы рѣшились, однако, соединить ихъ вмѣстѣ въ особомъ *прибавленіи* ко второй книгѣ. Сюда войдутъ небольшія статьи, которыя были помѣщены въ Библіотекѣ для воспи-

танія (изд. Рѣдкинымъ), біографическій очеркъ Н. Г. Фролова, чтеніе объ Океаніи и пр.

Все изданіе, для бо́льшаго удобства, сверхъ того раздѣлено нами на двѣ части. Изъ нихъ первая, издаваемая теперь, соединяетъ въ себѣ оба первые отдѣла, а вторая, которая выйдетъ лѣтомъ, будетъ заключать въ себѣ третій отдѣлъ и прибавленіе.—Со временемъ мы желали бы и надѣемся дополнить дѣлаемое теперь изданіе сочиненій Грановскаго еще однимъ или нѣсколькими томами. Въ нихъ должны будутъ войти заготовленныя имъ тетради учебника и выборъ изъ его университетскихъ курсовъ, по запискамъ студентовъ. Но это послѣднее дѣло требуетъ сличенія многихъ рукописей и потому отсрочивается на неопредѣленное время.

То поколѣніе, при которомъ началась профессорская дѣятельность Грановскаго, которое радостно привѣтствовало первые, нѣсколько робкіе успѣхи его на каѳедрѣ, давно уже разсѣялось по лицу широкой Россіи. Тому прошло ужъ много лѣтъ. Но вотъ—назадъ тому нѣтъ еще и полнаго года—мы опять были свидѣтелями, какимъ горячимъ сочувствіемъ отзывались молодыя сердца на задушевную рѣчь профессора, которая передавала имъ лучшій завѣтъ знанія, любовь къ человѣчеству. Мы видѣли еще, какъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ этой рѣчи, перечитывались вновь прежде написанныя имъ строки, которыя давно перестали быть новостью въ литературѣ. Въ нихъ какъ будто хотѣли дознать всю мысль автора, имъ, можетъ быть, недосказанную. То было уже вновь нараставшее поколѣніе, то самое, передъ которымъ въ послѣдній разъ прошелъ его свѣтлый образъ. Мы увѣрены, что въ нихъ, послѣднихъ его слушателяхъ, не умретъ любовь къ его памяти. Но неужели она останется только въ ихъ кругу и не сообщится другимъ, которые придутъ впослѣдствіи занять ихъ мѣсто и не найдутъ болѣе столько любимаго преподавателя?.. Наступитъ еще одно новое поколѣніе; тайна живой увлекательной рѣчи дойдетъ до него развѣ только по преданію; за то, думается намъ, тѣмъ прилежнѣе будетъ оно изучать Грановскаго какъ писателя. И это изученіе — прибавимъ мы—не пропадетъ даромъ: оно взойдетъ въ молодыхъ умахъ десятеричнымъ плодомъ. Чтобы сказать нашу мысль сполна,—у Грановскаго долго не перестанутъ учиться живому пониманію науки, разумному сочувствію лучшимъ человѣческимъ интересамъ, глубокому уваженію ко всему истинно великому, благородно-рыцарскому образу мыслей, простотѣ и вѣрности ученыхъ пріемовъ, благородству и изяществу языка, всего жь болѣе—неподкупности нравственнаго чувства.

П. Кудрявцевъ.

1856, апр. 15.

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ И ЗНАЧЕНІИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета 1852 года, генваря 12 дня [1]).

Мм. Гг.!

Московскій Университетъ, alma mater всѣхъ однородныхъ заведеній въ Россіи, привыкъ къ просвѣщенному участію русскаго общества. Ваше постоянное присутствіе на праздникѣ, которымъ замыкается истекшій и начинается новый академическій годъ, служитъ доказательствомъ, что участіе это не хладѣетъ. Въ свою очередь, Университетъ встрѣчаетъ Васъ, не какъ равнодушныхъ гостей: онъ предлагаетъ на судъ Вашъ образцы умственной дѣятельности своихъ членовъ и отдаетъ Вамъ честный и правдивый отчетъ во всемъ, что было совершено имъ въ теченіе прибавившагося къ его жизни года. Скоро представитъ онъ цѣлой Россіи итоги, выведенные изо ста такихъ отчетовъ, и съ законною гордостью разскажетъ ей повѣсть своего вѣковаго служенія великимъ идеямъ истины и добра.

Находясь на очереди для произнесенія предъ Вами въ нынѣшнемъ году обычнаго слова, я избралъ себѣ предметомъ современное состояніе и значеніе той науки, которой имѣю честь быть преподавателемъ.

Вопросы о теоретическомъ значеніи Исторіи, о приложеніи ея уроковъ къ жизни, о средствахъ, которыми она можетъ достигать своихъ дѣйствительныхъ или извнѣ ей поставленныхъ цѣлей, не новы. Они обращали на себя вниманіе великихъ умовъ древняго міра и составляютъ неистощимое содержаніе ученыхъ преній въ наше время. Важность этихъ вопросовъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи съ задачею нравственнаго и умственнаго образованія, слѣдовательно съ цѣлою участью будущихъ поколѣній.

---

[1]) Напечатана въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, часть LXXIV, 1852 года.

По кореннымъ условіямъ своей жизни, Востокъ не могъ принять участія въ рѣшеніи вопросовъ такого рода. Они никогда не входили въ сферу, въ которой сосредоточена дѣятельность восточной мысли. Азіатскимъ народамъ не чужда врожденная человѣку потребность знать свое прошедшее, но ихъ любознательность находитъ легкое удовлетвореніе въ родословныхъ спискахъ, въ простыхъ перечняхъ событій и въ историческихъ пѣсняхъ. Содержаніе этихъ памятниковъ, представляя обильный, хотя большею частію однообразный матеріалъ стороннему изслѣдователю, не могло на той почвѣ, которой принадлежитъ по происхожденію, уясниться до науки или облечься въ формы художественныхъ произведеній. Лѣтопись и пѣсня могутъ, конечно, быть вѣрнымъ отраженіемъ народнаго быта, но онѣ не въ состояніи служить орудіями умственнаго образованія. Онѣ живо и любовно напоминаютъ народу прошедшее, не приводя его къ ясному сознанію настоящаго. Требуя отъ исторіи разсказа, а не поученій, Востокъ довольствовался самыми бѣдными, хотя соотвѣтствующими его общественному развитію формами историческаго преданія. Единственное исключеніе составляютъ священныя книги Евреевъ. Мы говоримъ здѣсь не о вѣчномъ, стоящемъ выше человѣческихъ сужденій, значеніи Библіи, но о томъ богатствѣ нравственныхъ назиданій, житейской мудрости и глубокой поэзіи, которыми она преисполнена. Изъ этого источника черпало разсѣянное теперь по лицу земли племя ту дивную крѣпость, которую оно противопоставляло всѣмъ испытаніямъ своей злополучной исторіи. Но по самому свойству своему Божественный памятникъ, составляющій нынѣ духовную родину обреченнаго на скитаніе въ чужбинѣ Еврея, не могъ войти въ составъ предлагаемыхъ Вамъ, Мм. Гг., изслѣдованій. Ихъ исходною точкою будетъ древній, классическій міръ.

Греки и Римляне смотрѣли на исторію другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою. Такое воззрѣніе естественнымъ образомъ вытекало изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Съ этою цѣлью соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. „Я буду удовлетворенъ, говоритъ Өукидидъ, если трудъ мой окажется полезнымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ, а равно и о томъ, что по ходу дѣлъ человѣческихъ можетъ повториться снова“ [2]). Это практическое направленіе выразилось еще съ большею силою въ произведеніяхъ римскихъ историковъ; но въ лучшія времена римской литературы оно всегда соединялось съ нравственно-эстетическими цѣлями. Тѣсная связь исторіи съ жизнью, черпавшей изъ нея многостороннее назиданіе, сообщала нашей наукѣ важность, которой она, при всѣхъ сдѣланныхъ ею съ тѣхъ поръ успѣхахъ, не имѣетъ въ настоящее время. Назвавъ ее наставницею жизни [3]), Цицеронъ выразилъ

[2]) I. 22. — [3]) Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, *magistra vitae*, nuntia vetustatis. Cicero de orat. II. 9.

господствовавшее у древнихъ воззрѣніе. Они вѣрили въ могущество примѣровъ. Ихъ жизнь, далеко не такъ сложная, какъ жизнь новыхъ народовъ, нерѣдко повторяла одни и тѣ же явленія и такимъ образомъ открывала возможность прилагать къ дѣлу опыты минувшаго. Римскому гражданину, особенно въ послѣдній періодъ республики, во время ея высочайшаго могущества, нельзя было обойтись безъ обширной исторической образованности. Безъ нея невозможна была никакая политическая дѣятельность. Такое понятіе о практическомъ значеніи исторіи сохранилось при императорахъ. Самое рѣзкое и вполнѣ подтверждающее наши слова свидѣтельство находится въ біографіи Александра Севера, написанной Эліемъ Лампридіемъ: „Северъ особенно пользовался совѣтами мужей, знавшихъ исторію, и спрашивалъ у нихъ, какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ шла рѣчь, древніе римскіе императоры или вожди другихъ народовъ“ [4]).

При господствѣ такихъ направленій произведенія древней исторіографіи не могли походить на ученыя сочиненія новаго времени, болѣе или менѣе носящія на себѣ печать кабинетной работы. Историки Греціи и Рима принадлежали преимущественно высшимъ сословіямъ общества [5]) и часто описывали такія событія, въ которыхъ были личными участниками или свидѣтелями. Они старались сообщить разсказамъ своимъ какъ можно бо́льшую красоту и ясность, сдѣлать ихъ доступными для сколь можно бо́льшаго числа читателей. Изящная форма составляла необходимое условіе значительнаго успѣха. Но подъ изяществомъ формы разумѣлась не одна красота изложенія, а художественное, на основаніи общихъ законовъ искусства совершенное построеніе матеріаловъ. Исторія, по словамъ Лукіана, родственница поэзіи, а историкъ долженъ походить на ваятеля, который не создаетъ мрамора или металла, но творчески сообщаетъ имъ прекрасный образъ [6]). Въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ о формахъ, свойственныхъ историческимъ сочиненіямъ, и объ отношеніи ихъ къ искусству вообще высказался складъ ума обоихъ народовъ классической древности. Греки требовали преимущественно поэтической, Римляне риторической стихіи [7]). Послѣдняя, впрочемъ, была неизбѣжна вслѣдствіе того значенія, какое краснорѣчіе имѣло въ античной государственной жизни.

Имѣя такимъ образомъ въ виду или ту сторону духа, на которую дѣйствуетъ искусство, или сферу практической, гражданской дѣятельности, исторія уклонилась отъ строгаго характера науки. Изслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ почти не существовали. Ихъ

---

[4]) Maxime Severus ad consulendum adhibuit eos *qui historiam norant*, requirens quid in talibus causis, quales in disceptatione versabantur, imperatores vel Romani, vel aliarum gentium fecissent. Aelius Lampridius in Sev. c. 16. Можно подумать, что эти опытные въ исторіи мужи составляли родъ тайнаго совѣта при императорѣ.

[5]) L. Otacilius Pilitus (qui Cneium Pompeium M. docuit) primus omnium libertinorum, ut Cornelius Nepos opinatur, scribere historiam orsus, nonnisi ab honestissimo quoque scribi solitam. Sueton. de clar. orator. c. 3.

[6]) Quomodo historia sit conscribenda. cap. 45 et 51.

[7]) Ulrici, Characteristik der antiken Historiographie. p. 301, 302.

мѣсто заступали у великихъ писателей природная, укрѣпленная навыкомъ, способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. Къ тому же лучшія произведенія древнихъ историковъ суть монографіи, объемлющія одно какое-нибудь великое событіе или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ Христіанства. Замѣчательная мысль Полибія о недостаточности частныхъ исторій, по которымъ говоритъ онъ, также мало можно судить объ общемъ ходѣ исторіи, какъ по отдѣльнымъ членамъ тѣла о красотѣ цѣлаго организма [8]), не отозвалась даже въ его собственномъ трудѣ, равно какъ осталось безъ исполненія обѣщаніе Діодора Сицилійскаго [9]) разсказать судьбы всего міра какъ исторію одного государства. За то простота и опредѣленность содержанія ставили древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету. Одушевленіе, съ какимъ онъ приступалъ къ дѣлу, не охлаждалось предварительною повѣркою многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ свои свѣдѣнія новый историкъ. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложныя, не прямо къ ней относящіяся явленія. Ѳукидидъ передалъ намъ въ безсмертномъ твореніи своемъ весь ходъ Пелопоннесской войны, но не счелъ нужнымъ упомянуть о внутренней жизни Аѳинъ въ то время, о блестящемъ развитіи искусствъ и науки. Недостатокъ полноты искупается у него единствомъ содержанія и возможною только при такомъ условіи строгою красотою формы. При современныхъ понятіяхъ о задачѣ историка подобное ограниченіе предмета едва ли можетъ быть допущено. Но древніе, какъ сказано выше, разсматривали событія не съ всемірно-исторической, а съ національной точки зрѣнія, не допускали другой связи явленій, кромѣ такъ называемой прагматической, и не входили въ разборъ безчисленныхъ пружинъ, которыми движутся человѣческія общества. Они безъ труда подымали легкую ношу историческихъ матеріаловъ, завѣщанныхъ имъ предшественниками, и смѣло подчиняли ее своимъ личнымъ нравственно-эстетическимъ или гражданскимъ цѣлямъ. Греческій или римскій историкъ не скрывается за описываемыми имъ событіями: напротивъ, онъ вноситъ въ разсказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искусство для передачи читателямъ собственнаго воззрѣнія на данный предметъ. Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники, которыхъ недосягаемая красота не должна служить укоромъ новому историку, имѣющему предъ собою рѣшеніе другихъ, болѣе сложныхъ вопросовъ.

Необозримая масса накопившихся въ теченіе тысячелѣтій источниковъ нашей науки можетъ навести страхъ на самаго смѣлаго и предпріимчиваго изслѣдователя. А между тѣмъ эта масса ежедневно увеличивается открытіемъ неизвѣстныхъ памятниковъ или поступленіемъ въ ученый оборотъ

[8]) Prooem. — [9]) I, 3.

такихъ, на которые до сихъ поръ не было обращено надлежащаго внимания. У всѣхъ европейскихъ народовъ замѣтно однообразное стремленіе собрать въ одно цѣлое всѣ сохранившіяся свидѣтельства и преданія о своей старинѣ. Великіе труды французскихъ Бенедиктинцевъ и отдѣльныхъ ученыхъ XVII и XVIII вѣка блѣднѣютъ предъ однородными предпріятіями нашего времени. Просвѣщенное участіе правительствъ даетъ средства къ осуществленію начинаній, неисполнимыхъ силами частныхъ лицъ. Одновременно съ превосходными изданіями лѣтописей и государственныхъ актовъ европейскихъ державъ предпринимаются въ другія части свѣта ученыя экспедиціи, раскрывающія передъ нами тайны погибшихъ цивилизацій и народностей. Безчисленныя монографіи доводятъ до свѣдѣнія большинства читателей результаты новыхъ открытій и показываютъ ихъ отношенія къ предшествовавшему состоянію науки. Самый кругъ историческихъ источниковъ безпрестанно расширяется. Сверхъ словесныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ всякаго рода, отъ народной пѣсни до государственной грамоты, онъ принимаетъ въ себя памятники искусства и вообще всѣ произведенія человѣческой дѣятельности, характеризующія данное время или народъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ науки, которая не входила бы своими результатами въ составъ всеобщей Исторіи, имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества. Но изнемогая, съ одной стороны, подъ обременительнымъ богатствомъ матеріаловъ, которыхъ одолѣть вполнѣ не въ силахъ никакое трудолюбіе, историкъ часто поставленъ съ другой стороны въ необходимость замѣнять собственными предположеніями и догадками совершенное отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ. Ясно, что, при настоящемъ состояніи исторіи, она должна отказаться отъ притязаній на художественную оконченность формы, возможной только при строгой опредѣленности содержанія, и стремиться къ другой цѣли, т. е. къ приведенію разнородныхъ стихій своихъ подъ одно единство науки.

Совершено ли ею это дѣло? смѣемъ сказать, что нѣтъ. Всѣ вышедшія въ теченіи нынѣшняго столѣтія сочиненія о всеобщей Исторіи, какъ бы ни велика была пріобрѣтенная ими слава, служатъ оправданіемъ нашего отрицательнаго отвѣта. Начиная отъ 24-хъ книгъ о всеобщей исторіи Іоганна Мюллера, такъ мало оправдавшихъ высокія ожиданія, возбужденныя именемъ и обѣщаніями автора, до многотомнаго, но незначительнаго и нестоющаго своей извѣстности сочиненія Канту, мы видѣли рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ осуществить идеалъ всеобщей Исторіи. Вмѣнять эту неудачу безсилію писателей было бы несправедливо, въ виду великихъ успѣховъ, совершенныхъ исторіею съ начала нынѣшняго столѣтія. Причины лежатъ глубже. Онѣ заключаются въ отсутствіи строгаго метода и въ недовольно ясномъ сознаніи настоящихъ цѣлей нашей науки.

Величайшій историкъ XIX столѣтія, Нибуръ глубоко чувствовалъ эти недостатки, и никто не можетъ стать на ряду съ нимъ относительно заслугъ, оказанныхъ исторіи. Здѣсь рѣчь идетъ не о результатахъ его изслѣдованій о римской древности, а объ усовершенствованномъ имъ методѣ

исторической критики и о цѣломъ его воззрѣніи на науку. Можно сказать, что критика была до него дѣломъ личнаго таланта, какъ у древнихъ. Превосходство новыхъ заключалось въ большей начитанности и въ пріобрѣтенномъ навыкѣ обращаться съ огромнымъ матеріаломъ. Точныхъ и всѣмъ общихъ пріемовъ не было. Ихъ создалъ Нибуръ, работая надъ римской исторіею. Замѣтимъ однако, что его постигла участь, нерѣдко бывающая удѣломъ великихъ людей на пути открытій и изобрѣтеній. Колумбъ унесъ съ собою въ могилу убѣжденіе, что онъ нашелъ путь къ восточному берегу Азіи. Мнѣніе Нибура о древнѣйшихъ памятникахъ римской исторіи извѣстно: онъ полагалъ, что эти памятники, содержавшіе въ себѣ самыя положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія, подвергались измѣненіямъ и порчѣ подъ перомъ позднѣйшихъ римскихъ писателей. Задача критики состояла слѣдовательно въ разложеніи риторическихъ разсказовъ Ливія на ихъ простѣйшія составныя части и въ возстановленіи первобытныхъ источниковъ. Такая цѣль, очевидно, не могла быть достигнута, но преслѣдуя ее, Нибуръ нашелъ настоящіе законы исторической критики. Онъ показалъ намъ, какъ должно разбирать источники, и въ какой степени они заслуживаютъ довѣрія. Вліяніе его примѣра не замедлило обнаружиться. Черезъ тринадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія „Римской Исторіи", явилась критика новыхъ историческихъ писателей Ранке [10]), небольшое, но образцовое сочиненіе, въ которомъ съ блестящимъ успѣхомъ приложены къ дѣлу уроки великаго учителя. Въ настоящее время Ранке есть главный представитель исторической критики въ Германіи. Его многочисленные ученики образовали школу, которой дѣятельность, устремленная преимущественно на разработку средневѣковыхъ памятниковъ, уже принесла богатые плоды.

Заслуга Нибура не ограничилась впрочемъ введеніемъ новыхъ и точныхъ пріемовъ критики. Еще будучи юношею, въ частной перепискѣ своей, онъ высказалъ нѣсколько смѣлыхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимости дать исторіи новыя, заимствованныя изъ естествовѣдѣнія основы [11]). Историческое значеніе человѣческихъ породъ не ускользнуло отъ его вниманія, но ему не привелось развить вполнѣ и приложить къ дѣлу свои предположенія объ этомъ столь важномъ предметѣ. Тѣмъ не менѣе его превосходныя изслѣдованія объ этнографіи Италіи и древняго міра вообще могутъ служить исходною точкою и образцемъ для дальнѣйшихъ трудовъ такого рода.

Около того же времени, вопросъ о породахъ началъ занимать пытливые умы внѣ Германіи. Форіель, братья Тьерри и другіе ученые старались объяснить отношенія различныхъ народностей, преемственно господствовавшихъ на почвѣ Франціи и Англіи. Они озарили яркимъ свѣтомъ начало средневѣковыхъ народовъ и обществъ, но не рѣшились переступить чрезъ обычныя грани историческихъ изслѣдованій и оставили въ сторонѣ физіологическіе признаки тѣхъ породъ, которыхъ историческія особенности были ими тщательно опредѣлены. Надобно было, чтобы натуралистъ подалъ наконецъ го-

[10]) Leop. Ranke, zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. 1824.

[11]) Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr, I. 44.

лось противъ такого стѣсненія нашей науки и указалъ на связь ея съ физіологіею. Въ 1829 году, Эдвардсъ (W. F. Edwards) издалъ письмо свое къ Амедею Тьерри о физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и отношеніи ихъ къ исторіи. Это письмо содержитъ въ себѣ полное, изъ сферы естественныхъ наукъ почерпнутое, оправданіе выводовъ, къ которымъ пришли другими путями и совершенно независимо одинъ отъ другаго, Нибуръ и Амедей Тьерри [12]). Снимая съ разсѣянныхъ по лицу западной Европы галло-кимрскихъ племенъ ихъ новыя имена и доказывая живучесть породъ, Эдвардсъ излагаетъ правила для будущихъ розысканій. Высказанныя имъ по этому поводу мысли были приняты съ общимъ одобреніемъ, но до сихъ поръ еще не принесли желаемой пользы. Въ Англіи, Америкѣ и Франціи существуютъ ученыя этнографическія общества, которыхъ труды значительно подвинули впередъ антропологію, но не обнаружили надлежащаго вліянія на исторію. Уступки, сдѣланныя историками новымъ требованіямъ, были большею частію внѣшнія. Дальнѣйшее упорство, впрочемъ, невозможно, и исторія, по необходимости, должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ. Ей нельзя долѣе уклоняться отъ участія въ рѣшеніи вопросовъ, съ которыми связаны не только тайны прошедшаго, но и доступное человѣку пониманіе будущаго. Дѣйствуя за одно съ антропологіею, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своемъ великія породы человѣчества, и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій, свойства. Каковъ бы ни былъ окончательный выводъ этихъ изслѣдованій, имѣющихъ, быть можетъ, обнаружить историческое безсиліе цѣлыхъ породъ, не призванныхъ къ благороднѣйшимъ формамъ гражданской жизни, онъ принесетъ несомнѣнную пользу наукѣ, ибо сообщитъ ей большую положительность и точность. Но не одною этою только стороною граничитъ исторія съ естествознаніемъ. Еще древніе замѣтили рѣшительное вліяніе географическихъ условій, климата и природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ. Монтескье довелъ эту мысль до такой крайности, что принесъ ей въ жертву самостоятельную дѣятельность духа [13]). Не смотря на то, отношеніе человѣка къ занимаемой имъ почвѣ и ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга еще никогда не были удовлетворительнымъ образомъ объяснены. Великое твореніе Карла

---

12) Эдвардсъ самъ имѣлъ въ виду только Исторію Галловъ Ам. Тьерри. Изслѣдованія Нибура о томъ же предметѣ были, кажется, ему вовсе неизвѣстны.

13) Съ особенною рѣзкостію высказалъ авторъ Духа законовъ свою мысль въ слѣдующихъ словахъ. On a donc plus de vigueur dans les climats froids. L'action du coeur et la réaction des extrémités des fibres s'y font mieux, les liqueurs sont mieux en equilibre, le sang est plus déterminé vers le coeur et reciproquement le coeur a plus de puissance. Cette force plus grande doit produire bien des effets; par exemple, plus de confiance en soi même, c'est à dire plus de courage; plus de connoissance de sa superiorite, c'est à dire moins de désir de la vengeance, plus d'opinion de sa sureté, c'est à dire plus de franchise, moins de soupçons, de politique et de ruse. Enfin cela doit faire des caractères bien differents. (De l'esprit des loix. Liv. XIV, 11).

Риттера [14]), принимающаго землю за „храмину, устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго", проложило, конечно, новые пути историкамъ нашего времени, но многіе ли воспользовались этими трудными путями и предпочли ихъ прежнимъ, пробитымъ безчисленными предшественниками тропинкамъ? Вошедшій теперь въ употребленіе обычай снабжать историческія сочиненія географическими введеніями, заключающими въ себѣ характеристику театра событій, показываетъ только, что значеніе и успѣхи сравнительнаго землевѣдѣнія обратили на себя вниманіе историковъ и заставили ихъ измѣнить нѣсколько форму своихъ произведеній. Самое содержаніе немного выиграло отъ этого нововведенія. Географическіе обзоры, о которыхъ мы упомянули, рѣдко соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстію переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему, предметамъ и думаетъ, что вполнѣ удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ будто дѣйствіе природы на человѣка не есть постоянное, какъ будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Намъ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распредѣленіе произведеній природы на поверхности земнаго шара находится въ тѣснѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ [15]). Одно растеніе условливаетъ иногда цѣлый быть народа. Исторія Ирландіи была бы безспорно иная, если бы картофель не составлялъ главнаго средства пропитанія для ея жителей. То же можно сказать о нѣкоторыхъ животныхъ для другихъ странъ. Позвольте мнѣ, ММ. ГГ., привести по этому поводу слова знаменитаго нашего натуралиста, академика Бера.

„Ходъ всемірной Исторіи, говоритъ онъ, опредѣляется внѣшними физическими условіями. Вліяніе отдѣльныхъ личностей въ сравненіи съ ними ничтожно. Онѣ всегда почти приводили только въ исполненіе то, что̀ уже было подготовлено, и такъ или иначе, а должно было совершиться. Стремленіе установить что-нибудь совершенно новое и неподготовленное остается безуспѣшно, или влечетъ за собою только разрушеніе. Никто, конечно, не возьмется опредѣлить, какъ сложилась бы исторія человѣчества, если бы физическія свойства обитаемой имъ мѣстности были не тѣ, какія теперь. Но нельзя не обратить вниманія на то, что небольшія отступленія отъ дѣйствительно существующихъ нынѣ свойствъ необходимо были бы причиною очень значительныхъ отклоненій въ ходѣ всемірной Исторіи. Если бы, напримѣръ, при неизмѣнности всего остальнаго на поверхности земли, Суэзскій заливъ про-

[14]) Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie.

[15]) См. въ запискахъ Берлинской Академіи 1834 года превосходную, исполненную глубокомысленныхъ замѣчаній статью Риттера: Der tellurische Zusammenhang der Natur und Geschichte in den Productionen der drei Naturreiche, oder über eine geographische Productenkunde

стирался градусомъ дальше на сѣверъ, то-есть достигалъ бы Средиземнаго моря, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано установилось бы дѣятельное сообщеніе между берегами Средиземнаго моря и Индіи, не говоря уже о берегахъ Аравіи и Африки. Особенности, которыми запечатлѣна природа человѣка въ Индіи, гораздо раньше смѣшались бы съ особенностями Европы.— Или, не измѣняя очертанія Чермнаго моря, предположимъ, что воды Абиссиніи и окрестныхъ странъ текутъ не въ долину Нила, а кратчайшимъ путемъ прямо въ Чермное море. Для этого надо было только, чтобы мѣстность на сѣверъ отъ Абиссиніи понизилась, отъ запада къ востоку. Тогда исчезъ бы великій путь сообщенія между сѣвернымъ краемъ Африки и ея срединой. Египетъ, неоплодотворяемый приносимымъ съ юга органическимъ веществомъ, былъ бы пустыней безплоднѣе Триполиса. Онъ не имѣлъ бы уже вліянія на развитіе Греціи, и конечно судьбы народа Израильскаго были бы тогда иныя, которыхъ мы не въ состояніи разгадать. Но за то Абиссинія пришла бы въ тѣсное соприкосновеніе съ южнымъ берегомъ Азіи, и весьма вѣроятно, что тогда развились бы двѣ отдѣльныя, надолго чуждыя другъ другу цивилизаціи,—цивилизація Европы и цивилизація Индійскаго океана, точно такъ, какъ теперь мы не можемъ не признать двѣ отдѣльныя другъ отъ друга, и потому различныя цивилизаціи,—восточную въ Китаѣ, и противоположную ей на западѣ, которую мы привыкли считать единственною. Желать исчислить слѣдствія еще большихъ измѣненій значило бы вдаться въ область вымысловъ."

„Сказаннаго довольно для уразумѣнія той истины, *что когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ и отдѣлили другъ отъ друга страны,—судьба человѣческаго рода была опредѣлена уже напередъ, и что всемірная исторія есть не что иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи*. Въ заключеніе постараемся показать въ немногихъ словахъ, что даже и теперь, когда завоеванія въ области наукъ и промышленности дали человѣку столько средствъ покорять себѣ природу, исторія его развитія все еще подчинена той же неизбѣжной судьбѣ."

„Мы живемъ въ эпоху, когда европейская цивилизація перенеслась на всѣ населенные берега. Нѣкоторыя части Европы, кажется, уже не могутъ доставлять своимъ жителямъ пищу въ желаемомъ изобиліи. Европа начала переселять своихъ, привыкшихъ къ высшимъ формамъ жизни, жителей въ другія части свѣта. Это переселеніе будетъ усиливаться вмѣстѣ съ увѣренностью найти въ другой части свѣта европейскую образованность и можетъ продолжаться необозримо долгое время, ибо производительность природы въ теплѣйшихъ странахъ, за исключеніемъ областей, лишенныхъ дождя, несравненно сильнѣе, нежели въ средней Европѣ. Маисъ родится обыкновенно самъ-сорокъ, иногда самъ-200 и даже 300; и хотя онъ сѣется гораздо рѣже, просторнѣе, нежели наши хлѣба, но все-таки данное пространство земли, засѣянное маисомъ, доставляетъ гораздо больше пищи, нежели такое же, засѣянное нашимъ хлѣбомъ. Кромѣ того, въ жаркихъ странахъ жатва бываетъ два, иногда даже три раза въ годъ. Бананы доставляютъ

въ теплыхъ и влажныхъ странахъ на равномъ пространствѣ еще болѣе питательнаго вещества. По наблюденіямъ Александра Гумбольдта, картофель, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, даетъ во Франціи по вѣсу втрое больше продукта противъ пшеницы, занимающей равное съ нимъ пространство земли, а бананъ въ южной Америкѣ даетъ его во 130 разъ больше. Но такъ какъ фунтъ пшеничной муки питательнѣе фунта сочнаго банана, то сдѣлали другое исчисленіе, по которому оказывается, что пространство земли, могущее прокормить двухъ человѣкъ въ годъ, доставитъ, будучи засажено бананами, пищи на 50 человѣкъ. Хлѣбное дерево (artocarpus incisa), растущее на островахъ Великаго Океана, такъ богато вкусными и питательными плодами, что 3 такихъ дерева могутъ служить человѣку исключительною пищею въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ, и главнѣйшею въ остальную часть года. *Кукъ* говоритъ: „въ нашемъ суровомъ климатѣ человѣкъ, который цѣлый годъ пашетъ, сѣетъ и жнетъ, лишь бы пропитать себя и дѣтей своихъ, да съ трудомъ сберечь денежку на черный день, не лучше исполняетъ обязанность отца семейства, какъ островитянинъ Южнаго моря, который, посадя 10 хлѣбныхъ деревъ, ни о чемъ больше не заботится!“ Достигшая полнаго роста кокосовая пальма производитъ отъ 200 до 300 орѣховъ. Кромѣ того, изъ нея же можно добывать превосходный матеріалъ для веревокъ и тканей и, довольствуясь меньшимъ числомъ плодовъ, добывать вкусное вино и вываривать изъ орѣховъ масло.

„Справедливо предсказываетъ, основываясь на этой силѣ производительности тропическихъ странъ, ботаникъ Мейеръ въ Кенигсбергѣ, что человѣкъ, быстро размножаясь въ цивилизованныхъ странахъ, переселится обратно въ теплый поясъ. Одна Ямайка, равная пространствомъ Саксонскому Королевству, можетъ пропитать въ 25, а уже навѣрно въ $12^1/_2$ разъ большее населеніе, нежели Саксонія. Сколько же людей, прибавимъ бы къ тому, пропитаетъ лѣсная равнина Бразиліи! Напрасно называютъ почву ея дѣвственною; она только человѣку доставляла мало плодовъ. За то природа накопляла въ ней въ продолженіе тысячелѣтій органическое вещество для будущихъ жителей, точно такъ же, какъ прежде, при образованіи земной коры, скрыла подъ нею огромный запасъ топлива для той эпохи, когда размножившійся человѣческій родъ истощитъ лѣса“.

„Но возвращаясь въ свою древнюю отчизну, человѣкъ принесетъ съ собою изъ Европы сокровища, которыхъ никогда не пріобрѣлъ бы подъ тропиками: *трудолюбіе, науки, искусства, промышленность и сознаніе необходимости благоустроенной государственной жизни.* Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ, конечно, подавитъ чуждающіяся труда туземныя племена; но можно надѣяться, что тамъ, гдѣ требуется меньше времени для произведенія пищи, гдѣ она отъ природы зрѣетъ на деревьяхъ, умственная образованность будетъ гораздо болѣе общею, нежели на сѣверѣ. Дѣйствительно, даже въ средней Европѣ, не говоря уже о нашемъ сѣверѣ, только малая часть жителей можетъ посвящать частицу времени на развитіе своихъ духовныхъ способностей, а наибольшая половина круглый годъ занята добываніемъ пищи. Сколько лишняго досуга, въ сравненіи съ ними, уже у рабочаго

класса Италіи! Онъ не перестаетъ находить наслажденіе въ наукѣ и искусствѣ, за что мы жители сѣвера, кажется, несправедливо называемъ ихъ лѣнивцами. Такимъ образомъ, обозря исторію человѣчества въ общихъ, большихъ чертахъ ея, находимъ мы, что Европа была для него высокою школою, въ которой оно принуждено было трудиться и научилось любить умственныя занятія. Да признаютъ же наши потомки въ 30 и 40 колѣнѣ, разсуждая о судьбѣ человѣчества въ тѣни пальмъ роскошной Новой Гвинеи или среди вѣчно неизмѣнной температуры Полинезіи, — да признаютъ они, *что учебные годы наши на сѣверѣ не пропали даромъ*" [16]).

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ предположеній кенигсбергскаго ботаника, но приведенныя мною слова академика Бера достаточно показываютъ важность естествовѣдѣнія въ приложеніи къ исторіи. Къ сожалѣнію, ученые, посвятившіе себя исключительно послѣдней наукѣ, еще не въ силахъ выполнить великой задачи, имъ предстоящей. Углубляясь въ изученіе письменныхъ и словесныхъ памятниковъ прошедшаго, они не рѣшаются приступить къ источникамъ другаго рода, начертаннымъ рукою самого Творца. Содержаніе Исторіи составляютъ до сихъ поръ дѣла человѣческой воли, отрѣшенныя отъ ихъ необходимой, можно сказать, роковой основы, которую не должно смѣшивать съ законами развитія духа, выведенными a priori философіею исторіи. Слабая сторона философіи исторіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, заключается, по нашему мнѣнію, въ приложеніи логическихъ законовъ къ отдѣльнымъ періодамъ всеобщей Исторіи. Осуществленіе этихъ законовъ можетъ быть показано только въ цѣломъ, а не въ частяхъ, какъ бы онѣ ни были значительны. Но сверхъ логической необходимости есть въ Исторіи другая, которую можно назвать естественною, лежащая въ основаніи всѣхъ важныхъ явленій народной жизни. Ей нѣтъ мѣста въ умозрительномъ построеніи Исторіи; ее нельзя вывести изъ законовъ разума, но ея нельзя также отнести къ сферѣ случайности, потому что она принадлежитъ къ числу главныхъ, опредѣляющихъ развитіе нашихъ судебъ, двигателей Исторіи [17]).

---

[16]) Статья академика Бера „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества" помѣщена въ карманной книжкѣ Русскаго географическаго Общества, 1848 года.

[17]) Мы позволимъ себѣ привести по этому поводу слѣдующія замѣчанія, заимствованныя изъ весьма умной, не обратившей на себя должнаго вниманія книги Гинрихсена (Die Germanisten und die Wege der Geschichte. Kopenhagen, 1848): „При чисто логическомъ пониманіи исторіи, мы никогда не достигнемъ до глубокаго уразумѣнія отдѣльныхъ явленій и ихъ значенія въ цѣломъ. Все совершается ради начала, а начало заключается въ результатѣ. Такимъ образомъ естественныя и нравственныя причины вытѣсняются логическими: естественныя, потому что не имѣютъ никакой самостоятельности предъ логическимъ разумомъ, нравственныя, потому что лице является только орудіемъ духа времени или вслѣдствіе необходимости осуществляющагося начала. Вообще всякая попытка построенія исторіи на метафизическихъ основахъ мнѣ кажется слишкомъ смѣлою. Съ одной стороны, я не считаю конечнаго разума способнымъ къ такому дѣлу, съ другой мы нѣкоторымъ образомъ насилуемъ исторію, которая, какъ развитіе замкнутаго въ себѣ организма, должна быть изучаема въ сущности своей, въ свойственныхъ ей законахъ, въ предѣлахъ и условіяхъ, поставленныхъ ей природою. При-

Быть можетъ, ни одна наука не подвергается въ такой степени вліянію господствующихъ философскихъ системъ, какъ Исторія. Вліяніе это обнаруживается часто противъ воли самихъ историковъ, упорно отстаивающихъ мнимую самостоятельность своей науки. Содержаніе каждой философской системы рано или поздно дѣлается общимъ достояніемъ, переходя въ область примѣненій, въ литературу, въ ходячія мнѣнія образованныхъ сословій. Изъ этой окружающей его умственной среды заимствуетъ историкъ свою точку зрѣнія и мѣрило, прилагаемое имъ къ описываемымъ событіямъ и дѣламъ. Между такимъ неизбѣжнымъ и нерѣдко безсознательнымъ подчиненіемъ фактовъ взятому извнѣ воззрѣнію и логическимъ построеніемъ Исторіи большое разстояніе. Съ конца прошедшаго столѣтія, философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значеніе. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній. Скажемъ болѣе, философія исторіи едва ли можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей Исторіи, изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ феноменологіи духа, но спускаясь въ сферу частныхъ явленій, нисходя до ихъ оцѣнки, она уклоняется отъ настоящаго своего призванія, заключающагося въ опредѣленіи общихъ законовъ, которымъ подчинена земная жизнь человѣчества, и неизбѣжныхъ цѣлей историческаго развитія. Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ болѣе или менѣе носить на себѣ характеръ произвола, потому что великія событія, какъ бы они ни были далеки отъ насъ, продолжаютъ совершаться въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, т. е. въ своихъ результатахъ, и никакъ не должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто замкнутое и вполнѣ оконченное. Лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго нами

роды не есть только предшественница исторіи и театръ, на которомъ совершаются судьбы человѣчества; она постоянная спутница духа, съ которымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ, какъ естественное конечное существо, и человѣчество, какъ конечный организмъ, подчинены, съ начала вѣковъ, ея великимъ, неизмѣннымъ законамъ. Она дѣйствовала до начала исторіи и можетъ пережить ее. Поэтому, я думаю, что исходною точкою должна намъ служить естественная сторона исторіи, и что изученію нравственныхъ и логическихъ причинъ должно предшествовать опредѣленіе естественныхъ", стр. 7—9. Но Гинрихсенъ потомъ противорѣчитъ себѣ, относя эти предварительныя изслѣдованія не къ самой исторіи, а къ философіи исторіи. Какъ будто послѣдняя можетъ существовать отдѣльно отъ первой? Подобное же противорѣчіе встрѣчается у Нибура. Признавая вполнѣ вліяніе природы на исторію, онъ говоритъ, между прочимъ, что „исторія болѣзней есть весьма важная, но еще необработанная отрасль всемірной исторіи. Цѣлые отдѣлы исторіи объясняются прекращеніемъ или появленіемъ заразительныхъ болѣзней. Онѣ обнаруживаютъ величайшее вліяніе на нравственный міръ: почти всѣ великія эпохи нравственнаго упадка совпадаютъ съ великими заразами". (Чтенія о древней исторіи, II, 64. Сравн. переписку, II, 167). Такихъ мѣстъ можно привести много; но, во введеніи къ Чтеніямъ о древней исторіи, Нибуръ доказываетъ необходимость отдѣлить отъ настоящей исторіи находящіяся въ связи съ нею явленія природы, которыя, по его мнѣнію, должны войти въ составъ особой науки. Какой же? Отсюда, впрочемъ, видно, какъ мало опредѣлены границы нашей науки и какъ сбивчивы въ этомъ отношеніи понятія нашихъ историковъ.

мнѣнія о невозможности отдѣльной философіи Исторіи могутъ служить чтенія Гегеля объ этомъ предметѣ, изданныя по смерти его Гансомъ. Это произведеніе знаменитаго мыслителя не удовлетворило самыхъ горячихъ его почитателей, потому что оно есть не что иное, какъ отрывочное и не всегда въ частностяхъ вѣрное изложеніе всеобщей Исторіи, вставленной въ рамку произвольнаго построенія [18]).

Смутно понятая философская мысль о господствующей въ ходѣ историческихъ событій необходимости или законности приняла подъ перомъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма даровитыхъ писателей характеръ фатализма. Во Франціи образовалась цѣлая школа съ этимъ направленіемъ, котораго вліяніе обозначено печальными слѣдами не только въ наукѣ, но и въ жизни. Школа историческаго фатализма снимаетъ съ человѣка нравственную отвѣтственность за его поступки, обращая его въ слѣпое, почти безсознательное орудіе роковыхъ предопредѣленій. Властителемъ судебъ народныхъ явился снова античный fatum, отрѣшенный отъ своего трагическаго величія, низведенный на степень неизбѣжнаго политическаго развитія. Въ противоположность древнимъ трагикамъ, которые возлагали на чело своихъ обреченныхъ гибели героевъ вѣнецъ духовной побѣды надъ неотразимымъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій рокомъ, историки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, видятъ въ успѣхѣ конечное оправданіе, въ неудачѣ—приговоръ всякаго историческаго подвига. Смѣемъ сказать, что такое воззрѣніе на Исторію послужитъ будущимъ поколѣніямъ горькою уликою противъ усталаго и утратившаго вѣру въ достоинство человѣческой природы общества, среди котораго оно возникло.

Систематическое построеніе Исторіи вызвало противниковъ, которые вдались въ другую крайность. Защищая факты противъ самоуправнаго обращенія съ ними, они называютъ всякую попытку внести въ хаосъ событій единство связующихъ и объясняющихъ ихъ идей искаженіемъ непосредственной исторической истины. Дѣло историка должно, по ихъ мнѣнію, заключаться въ вѣрной передачѣ того, что̀ было, т. е. въ разсказѣ. Слова Квинтиліяна „scribitur ad narrandum non ad probandum“, служащія эпиграфомъ къ извѣстному сочиненію Баранта о Герцогахъ Бургундскихъ, получаютъ, такимъ образомъ, приложеніе ко всей безконечной области всеобщей Исторіи. На историка возлагается обязанность воздерживаться отъ собственныхъ сужденій въ пользу читателей, которымъ исключительно предоставлено право выводить заключенія и толковать по своему содержаніе предложенныхъ имъ разсказовъ. Нужно ли обличать слабость и несостоятельность такихъ понятій

[18]) Всѣмъ извѣстно принятое Гегелемъ раздѣленіе всеобщей Исторіи на четыре періода: Восточный, Греческій, Римскій, Германскій. Первый соотвѣтствуетъ дѣтству, второй юности, третій зрѣлости, слѣдовательно четвертый совпадаетъ съ старостію рода человѣческаго. Но Гегель отнюдь не то доказываетъ, противорѣча собственному построенію. Къ тому же названіе Германскаго вовсе не характеризуетъ всего содержанія 14 вѣковъ, протекшихъ съ паденія Западной Римской имперіи. Надобно впрочемъ замѣтить, что самыя мѣткія и глубокія мысли объ Исторіи высказаны Гегелемъ не въ философіи исторіи, а въ другихъ сочиненіяхъ, какъ-то: въ феноменологіи духа въ эстетикѣ, философіи права и т. д.

въ наукѣ? Блестящій успѣхъ повѣствовательной школы, при первомъ ея появленіи, не могъ быть продолжительнымъ, и объясняется временнымъ настроеніемъ пресыщеннаго теоріями общества. Возьмемъ въ примѣръ „Исторію герцоговъ Бургундскихъ“ Баранта, до сихъ поръ не утратившую своей быстро завоеванной славы. Главное достоинство этой книги заключается въ выборѣ авторомъ предмета, исполненнаго драматической занимательности и превосходно переданнаго намъ такими современными писателями, каковы были Фроассаръ, Монтреле, Коминъ и другіе. Заслуга Баранта болѣе литературная, нежели ученая. Онъ переложилъ на новый французскій языкъ памятники XIV и XV столѣтій, дотолѣ извѣстные только небольшому числу читателей. Но связанный добровольно наложенными на себя условіями, историкъ не сталъ выше источниковъ и самъ отнялъ у себя возможность раскрыть намъ настоящее значеніе событій, рѣзко характеризующихъ переходное время отъ средневѣковой къ новой исторіи. Его сочиненіе представляетъ весьма любопытное явленіе въ сферѣ литературной, но оно ничего не прибавило къ дѣйствительнымъ богатствамъ науки и ни въ какомъ отношеніи не подвинуло ея впередъ. Еще съ меньшимъ успѣхомъ и пользою могутъ быть пріемы повѣствовательной школы прилагаемы къ большимъ отдѣламъ не только всеобщей, но даже исторіи отдѣльныхъ народовъ. Какая возможность пересказать словами источниковъ событія, наполняющія собою нѣсколько столѣтій? И нѣтъ ли въ такомъ направленіи явнаго противорѣчія дѣйствительнымъ цѣлямъ науки, имѣющей понять и передать въ сжатомъ изложеніи внутреннюю истину волнующихся въ безконечномъ разнообразіи явленій?

Ни одно изъ исчисленныхъ нами воззрѣній на Исторію не могло привести къ точному методу, недостатокъ котораго въ ней такъ очевиденъ. Усовершенствованный, или, лучше сказать, созданный Нибуромъ способъ критики приноситъ величайшую пользу при разработкѣ источниковъ извѣстнаго рода, но отнюдь не удовлетворяетъ потребности въ приложенномъ къ полному составу науки методѣ. Въ этомъ случаѣ Исторія опять должна обратиться къ естествовѣдѣнію и заимствовать у него свойственный ему способъ изслѣдованія. Начало уже сдѣлано въ открытыхъ законахъ исторической аналогіи. Остается идти далѣе на этомъ пути, раздвигая по возможности тѣсные предѣлы, въ которыхъ до настоящаго времени заключена была наша наука. У Исторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой—независимыя отъ него, данныя природою условія его дѣятельности. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ, основныхъ началъ, т. е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія. Въ разсматриваемомъ нами вопросѣ статистика опередила исторію. „Въ противоположность принятымъ мнѣніямъ, говоритъ Кетлѐ, факты общественные, опредѣляемые свободнымъ произволомъ человѣка, совершаются съ бо̀льшею правильностію, нежели факты, подверженные простому дѣйствію физическихъ причинъ. Исходя изъ этого

основнаго начала, можно сказать, что нравственная статистика должна отнынѣ занять мѣсто въ ряду опытныхъ наукъ" [19]). Мы не въ правѣ сказать того же объ Исторіи. Пока она не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ назвать опытною наукою.

Я имѣлъ уже честь указать Вамъ, ММ. ГГ., на различіе цѣлей древней и новой исторіографіи. Отказываясь отъ притязаній на то совершенство формы, которое у народовъ классическаго міра было слѣдствіемъ исключительныхъ, не существующихъ болѣе условій, современный намъ историкъ не можетъ однако отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей. Вопросъ о томъ, какого рода должно быть это вліяніе, тѣсно связанъ съ вопросомъ о пользѣ Исторіи вообще. Отвѣтъ на послѣдній представляетъ большія трудности, потому что Исторія не принадлежитъ ни къ числу чисто теоретическихъ знаній, имѣющихъ задачею привести въ ясность лежащія въ глубинѣ нашего духа истины, ни къ прикладнымъ, которыхъ польза не требуетъ доказательствъ. Очевидно, что практическое значеніе Исторіи у древнихъ, основанное на возможности непосредственнаго примѣненія ея уроковъ къ жизни, не можетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новыхъ обществъ. Къ тому же однообразная игра страстей и заблужденій, искажающихъ судьбу народовъ, привела многихъ къ заключенію, что историческіе опыты проходятъ безплодно, не оставляя поучительнаго слѣда въ памяти человѣческой. Высказавъ эту мысль, какъ безусловную истину, Гегель [20]) вызвалъ противъ нея много нелишенныхъ справедливость возраженій. Конечно, ни народы, ни ихъ вожди не повѣряютъ поступковъ своихъ съ учебниками всеобщей Исторіи и не ищутъ въ ней примѣровъ и указаній для своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать въ самыхъ массахъ извѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ. Въ лицахъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, этотъ смыслъ переходитъ, по необходимости, въ отчетливое сознаніе отношеній, существующихъ между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей. Надобно, съ другой стороны, признаться, что всеобщая Исторія въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно излагается, не въ состояніи сильно дѣйствовать на общественное мнѣніе и быть для него источникомъ прочнаго назиданія. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что недостатки, нами отчасти указанные, останутся ея всегдашнею принадлежностію, что ея успѣхи будутъ состоять только во внѣшнемъ накопленіи фактовъ, и что изъ всѣхъ наукъ одна она утратила способность живаго движенія и органическаго развитія?

Приведенныя нами выше слова Кетлѐ о статистикѣ со временемъ получатъ приложеніе и къ нашей наукѣ. Ей предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадлежащей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣковые и вредные предразсудки, затмевавшіе взглядъ человѣка на природу: знакомый

---

[19]) Du système social et des lois, qui le régissent, стр. X.

[20]) Во введеніи къ Философіи Исторіи, стр. 9.

съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ къ результатамъ такого же рода. Оно положитъ конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлями, поставленными человѣку Провидѣніемъ. Исторія сдѣлается въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодѣйствіи. „Исторія, говоритъ Американецъ Эмерсонъ, не долго будетъ безплодною книгою. Она воплотится въ каждомъ разумномъ и правдивомъ человѣкѣ. Вы не станете болѣе исчислять заглавія и каталоги прочитанныхъ вами книгъ, а дадите мнѣ почувствовать, какіе періоды пережиты вами. Каждый изъ насъ долженъ обратиться въ полный храмъ славы. Онъ долженъ носить въ себѣ допотопный міръ, золотой вѣкъ, яблоко знанія, походъ Аргонавтовъ, призваніе Авраама, построеніе Храма, начало Христіанства, Средній вѣкъ, Возрожденіе наукъ, Реформацію, открытіе новыхъ земель, возникновеніе новыхъ знаній и новыхъ народовъ. Надобно, однимъ словомъ, чтобы Исторія слилась съ біографіею самого читателя, превратилась въ его личное воспоминаніе. Міръ, продолжаетъ тотъ же писатель, существуетъ для нашего воспитанія. Нѣтъ возраста или состоянія общества, нѣтъ образа дѣйствія въ исторіи, которые не соотвѣтствовали бы чему-нибудь въ жизни отдѣльнаго лица. Каждый фактъ сокращается и уступаетъ намъ часть своей сущности. Человѣкъ долженъ понять, что онъ можетъ жить всею жизнію Исторіи. Ему слѣдуетъ только измѣнить точку зрѣнія, съ какой обыкновенно смотрятъ на минувшее, и отнести къ самому себѣ исторію Рима, Аѳинъ и Лондона, и не забывать, что онъ верховный судъ, передъ которымъ рѣшаются тяжбы народовъ. Онъ долженъ достигнуть и устоять на той высотѣ, гдѣ раскрывается сокровенный смыслъ событій, гдѣ сливаются поэзія и быль. Потребность разума и цѣль природы выражаются въ томъ употребленіи, какое мы дѣлаемъ изъ самыхъ знаменитыхъ историческихъ разсказовъ. Рѣзкія очертанія событій распускаются въ вѣчномъ свѣтѣ времени. Нѣтъ якорей, канатовъ или оградъ, которые были бы въ состояніи навсегда удержать фактъ на степени факта. Вавилонъ, Троя, Тиръ, даже первобытный Римъ, уже перешли въ область вымысловъ. Но внутренній смыслъ и содержаніе этихъ явленій живутъ во мнѣ, и я нахожу въ себѣ самомъ Палестину, Грецію, Италію, духъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ.“

Даже въ настоящемъ, далеко несовершенномъ видѣ своемъ, всеобщая Исторія, болѣе чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени. Только такою мѣрою должны мы мѣрить дѣла отживвшихъ поколѣній. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть

великій примиритель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ. При каждомъ историческомъ проступкѣ она приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто бъ ни былъ онъ—цѣлый народъ или отдѣльное лице. Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто неспособенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое-нибудь одно лучшее и чистое чувство. Такое воззрѣніе не можетъ служить къ ущербу строгой справедливости приговоровъ, ибо оно требуетъ не оправданій, а объясненій, обращается къ самимъ лицамъ, а не къ подлежащимъ сужденію дѣламъ ихъ. Одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ благотворному дѣйствію Исторіи на общественное мнѣніе, заключается въ пренебреженіи, какое историки обыкновенно оказываютъ къ большинству читателей. Они, повидимому, пишутъ только для ученыхъ, какъ будто Исторія можетъ допустить такое ограниченіе, какъ будто она по самому существу своему не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго. Къ счастію, узкія понятія о мнимомъ достоинствѣ науки, унижающей себя исканіемъ изящной формы и общедоступнаго изложенія, возникшія въ удушливой атмосферѣ нѣмецкихъ ученыхъ кабинетовъ, несвойственны русскому уму, любящему свѣтъ и просторъ. Цеховая, гордая своею исключительностію наука не въ правѣ разсчитывать на его сочувствіе. Здѣсь, разумѣется, рѣчь идетъ не о тѣхъ достойныхъ всякаго уваженія, но по самому содержанію своему не допускающихъ занимательности, частныхъ изслѣдованіяхъ, безъ которыхъ не могла бы двигаться впередъ наука, хотя она употребляетъ ихъ въ дѣло только какъ матеріалъ.

Превосходные труды, совершенные въ теченіе текущаго столѣтія русскими учеными на поприщѣ отечественной исторіи, служатъ надежною порукою за ихъ успѣхи на болѣе обширномъ полѣ всеобщей Исторіи. Особенныя условія, въ которыя Провидѣнію угодно было поставить нашу родину, должны оказать могущественное содѣйствіе къ осуществленію высказанной нами надежды. Ясный отъ природы и неспутанный вліяніемъ сложнаго, составившагося изъ борьбы враждебныхъ общественныхъ стихій историческаго развитія, умъ русскаго человѣка приступитъ безъ заднихъ мыслей къ разбору преданій, съ которыми болѣе или менѣе связано личное дѣло каждаго Европейца. Я говорю, въ этомъ случаѣ, не о томъ позорномъ и недостойномъ историка безпристрастіи, въ которомъ видно только отсутствіе участія къ предмету разсказа, а о свободномъ отъ всякихъ предубѣжденій воззрѣніи на спорные историческіе вопросы. Тревоги, взволновавшія до дна Западныя государства, отразились въ понятіяхъ тамошнихъ народовъ и трудахъ историковъ, утратившихъ вѣру въ идею, замѣнившихъ ее нечестивымъ поклоненіемъ факту. Скептицизмъ, отличительный признакъ старѣющихъ, уста-

лыхъ обществъ, не коснулся насъ. Мы сохранили свѣжесть сердца и теплоту пониманія, безъ которыхъ нѣтъ великихъ подвиговъ ни въ сферѣ мысли, ни въ сферѣ дѣйствительности. Да не пройдутъ же безплодно досуги, дарованные намъ благимъ Провидѣніемъ. Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ вершинъ пирамидъ, сказалъ въ Египтѣ Наполеонъ своимъ солдатамъ. Мы также юные ратники на ветхой почвѣ исторіи; съ вершинъ прошедшаго на насъ также смотрятъ столѣтія, но смѣемъ думать, что мы прочтемъ въ ихъ очахъ не то, что̀ прочли въ нихъ воины французской республики.

Наука есть прихотливое растеніе. Она зрѣетъ не на всякой почвѣ и требуетъ тщательнаго ухода за собою. Условія успѣшнаго роста даны ей у насъ Державнымъ Покровителемъ русскаго просвѣщенія. Нужно ли вычислять памятныя всѣмъ намъ великія дѣла, совершенныя на этомъ поприщѣ въ правленіе Императора Николая? Но русскій профессоръ Исторіи не можетъ не помянуть съ благоговѣйною признательностію о царственномъ участіи въ судьбахъ его науки, столь величаво выраженномъ въ милостяхъ, оказанныхъ творцу Исторіи Государства Россійскаго и въ дарованныхъ русскому народу памятникахъ его прошедшей жизни.

О ФИЗІОЛОГИЧЕСКИХЪ ПРИЗНАКАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ПОРОДЪ

И ИХЪ ОТНОШЕНИИ КЪ ИСТОРИИ.

(Письмо В. Ф. Эдвардса къ Амедею Тьерри, автору исторіи Галловъ, переведенное и дополненное Т. Н. Грановскимъ [1]).

Статья „О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи" переведена нами съ французскаго. Авторъ этой статьи, извѣстный натуралистъ, В. Ф. Эдвардсъ издалъ ее въ 1829 году, въ видѣ письма къ Амедею Тьерри, по поводу книги послѣдняго объ исторіи Галловъ [2]). Несмотря на недостатки запутаннаго и не всегда яснаго изложенія, изслѣдованія Эдвардса обратили на себя общее вниманіе, ибо они показали впервые пользу, какую исторія и этнографія могутъ извлечь изъ естественныхъ наукъ вообще и изъ физіологіи въ особенности. Эдвардсъ доказалъ, приложеніемъ своихъ началъ къ частному случаю, что, при рѣшеніи вопросовъ о происхожденіи и родствѣ народовъ, естествовѣдѣніе приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и исторія, съ тою только разницею, что данныя, сообщаемыя первымъ, обыкновенно отличаются большею точностію и опредѣленностію. Такимъ образомъ предположенія Ам. Тьерри о раздѣленіи галльскаго племени на двѣ великія отрасли нашли полное оправданіе и подтвержденіе въ трудахъ натуралиста. Статья Эдвардса перепечатана въ Запискахъ французскаго Этнологическаго Общества, котораго онъ былъ предсѣдателемъ [3]). Передавая ее нашимъ читателямъ, мы считаемъ нужнымъ предпослать обзоръ основныхъ положеній Амедея Тьерри, на книгу котораго постоянно ссылается Эдвардсъ въ первой и главной половинѣ своихъ изслѣдованій.

По словамъ Цезаря, Галлія раздѣлялась на три части: въ южной, между Гаронною и Пиренейскими горами, жили Аквитанцы; въ средней Галлы, называвшіе себя Кельтами; въ сѣверо-восточной, на востокъ отъ Сены и на

[1]) Напечатано въ 1 томѣ *Магазина Землевѣдѣнія, изд. Н. Фроловымъ*.

[2]) Histoire des Gaulois, par Am. Thierry. Первое изданіе вышло въ 1828 году, третье, послѣднее, въ 1845.

[3]) Mémoires de la société ethnologique T. I, 1841.

сѣверъ отъ Марны, Белги [4]). Страбонъ подтверждаетъ свидѣтельство Цезаря, но прибавляетъ, что владѣнія Белговъ тянулись далѣе на сѣверо-западъ и занимали весь полуостровъ, лежащій между Сеною и Луарою. Аквитанцы болѣе походили языкомъ, наружностію и учрежденіями на Иберовъ, чѣмъ на своихъ сѣверныхъ сосѣдей. У Галловъ и Белговъ Страбонъ находитъ общія имъ черты лица и внѣшніе признаки, которые онъ называетъ галльскими. Но въ языкѣ и учрежденіяхъ можно было замѣтить довольно значительное различіе [5]).

Основываясь на свидѣтельствахъ названныхъ нами писателей, изъ которыхъ одинъ былъ завоеватель Галліи и въ превосходномъ очеркѣ изобразилъ ея состояніе предъ переходомъ подъ римское владычество, а другой собралъ въ одно цѣлое и критически повѣрилъ всѣ прежнія извѣстія объ этомъ краѣ, Ам. Тьерри пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Древнѣйшее населеніе Галліи принадлежало къ двумъ большимъ породамъ: иберской и галльской. Аквитанцы и Лигуры были Иберы. Порода галльская занимала, кромѣ собственной Галліи, острова британскаго архипелага. Она раздѣлялась на двѣ вѣтви, представлявшія существенныя различія въ языкѣ, правахъ и учрежденіяхъ. Первая отрасль поселилась въ Галліи и на островахъ британскихъ, до начала историческихъ временъ: древніе (т. е. Греки и Римляне) считали ее туземною или исконною владычицею той почвы, на которой ее застала исторія, и откуда она перешла въ Испанію, Италію и Иллирію. Въ Испаніи она образовала въ соединеніи съ Иберами новый, смѣшанный народъ Кельтиберовъ. Въ Италіи она явилась подъ именемъ Амбра или Омбра (правильнѣе Ambra — храбрый, благородный) и сообщила это названіе цѣлой области, Умбріи. Общее, родовое имя этой отрасли было Галлъ, у Римлянъ Gallus, у Грековъ Galas и Galates. Греки несправедливо называли иногда Галловъ Кельтами. Это имя, вошедшее теперь въ употребленіе въ наукѣ, принадлежало въ дѣйствительности только нѣсколькимъ племенамъ, вѣроятно составлявшимъ союзъ и жившимъ, по прямому свидѣтельству Страбона, къ сѣверу отъ Нарбоны, на западъ отъ Севенскихъ горъ. Слѣдовательно, оно было мѣстное и никакъ не должно быть принимаемо въ томъ обширномъ смыслѣ, какой давали ему Греки и даютъ новѣйшіе писатели.

Представителями второй отрасли, пришедшей въ западную Европу уже во времена историческія, были Арморианцы и Белги въ Галліи и ихъ выселенцы на островахъ британскихъ. Волки (Volcae) севенскіе и жившіе въ Герцинскомъ лѣсу были настоящіе Белги [6]), равно какъ и тѣ хищныя дружины, которыя за 280 лѣтъ до Р. Х. разграбили Грецію и основали царство галатское въ Малой Азіи. Эта вѣтвь галльскаго племени (принимая

[4]) De bello Gall. I. 1. — [5]) Strabo, lib. IV.

[6]) Hist. des Gaulois. T. I. LV. Тьерри приводитъ слѣдующія названія одного и того же народа: Volcæ, *Volgæ*, Bolgæ, Belgæ. Замѣтимъ, что часть Кимровъ, къ которымъ принадлежало и племя или союзъ племенъ, извѣстный подъ именемъ Белговъ, жила въ глубокой древности у береговъ Азовскаго моря, слѣдовательно на нашей Волгѣ. Не отъ нихъ ли получила рѣка свое названіе?

слово „галльское" въ обширнѣйшемъ, объемлющемъ обѣ отрасли значеніи) распространена была по всему пространству восточной Европы до прибытія Германцевъ. Ее можно прослѣдить отъ Азовскаго и Чернаго морей до Ютландскаго полуострова. Арморика было названіе мѣстное (ar—надъ, mûr—море); Белгами назывались жившія въ сѣверо-восточной Галліи и составлявшія воинственный союзъ племена; общее имя всей вѣтви было Кимвры, Кимры или Киммеріяне. Кимры занимали сѣверныя и западныя части Галліи, восточныя и южныя Британіи; застигнутые ихъ двоякимъ нашествіемъ (въ 6 и 4 столѣтіяхъ до Р. Х.), Галлы удержали за собою южныя и восточныя области въ Галліи, сѣверныя и западныя на островахъ британскихъ. (Histoire des Gaulois. Paris. 1844. T. I. Введеніе, стр. XCIII).

Господствовавшее прежде мнѣніе о германскомъ происхожденіи Кимвровъ, или Кимровъ, не имѣетъ болѣе мѣста въ наукѣ. Оно равно опровергается историческими и филологическими свидѣтельствами. Всѣ новѣйшіе изслѣдователи приняли, съ большими или меньшими измѣненіями въ частностяхъ, основныя положенія Ам. Тьерри. Нибуръ пришелъ собственнымъ путемъ къ сходнымъ результатамъ, но сохранилъ названіе Кельтовъ, какъ общее обѣимъ отраслямъ: галльской и кимрской [7]). Изъ изданныхъ въ 1851 году чтеній Нибура о географіи и этнографіи древняго міра [8]) видно, впрочемъ, что великій историкъ не допускалъ между языками Галловъ и Кимровъ того тѣснаго родства, которое теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Потомство Кимровъ уцѣлѣло въ французской Бретани и въ княжествѣ Валлисскомъ. Галлы живутъ до сихъ поръ въ Ирландіи и въ сѣверной Шотландіи. Но нравы и языки тѣхъ и другихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто нравамъ и языкамъ господствующихъ народовъ. Въ скоромъ времени на европейской почвѣ не останется болѣе живыхъ признаковъ породы, которую мы привыкли называть кельтическою. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, въ Корнваллисѣ умерла послѣдняя старуха, говорившая народнымъ нарѣчіемъ. Въ Бретани, по словамъ Ромье, бывшаго тамъ подпрефектомъ, французскій языкъ такъ быстро подвигается впередъ, что можно опредѣлить число миль, отнятыхъ имъ въ данный срокъ у туземнаго языка. Коль замѣтилъ такое же явленіе въ сѣверной Шотландіи. Прибавимъ къ этимъ даннымъ, заставляющимъ предполагать скорое прекращеніе кельтической породы, постоянно возрастающее и неудержимое переселеніе Ирландцевъ въ Америку, гдѣ они обыкновенно уже во второмъ поколѣніи теряютъ отличительные признаки своего племени. Въ настоящее время въ Европѣ остается не болѣе 4,500,000 человѣкъ, говорящихъ кельтическими нарѣчіями [9]).

Отмѣченныя цифрами примѣчанія принадлежатъ Русскому переводчику и должны служить историческимъ комментаріемъ къ изслѣдованіямъ Эдвардса.

---

7) Römische Geschichte. T. II, стр. 575—95.

8) Vorträge über alte Länder und Völkerkunde, стр. 631.

9) Kriegk, die Völker-Stämme und ihre Zweige nach den neuesten Ergebnissen der Ethnographie. Стр. 26.

Въ путешествіи, мною совершенномъ, я имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько наблюденій, которыя могутъ быть занимательными для Васъ. Я объѣхалъ большую часть странъ, имѣющихъ отношеніе къ изданной Вами исторіи, и старался повѣрить указанныя Вами различія между галльскими племенами. Предлагаю Вамъ теперь результаты моихъ изслѣдованій и нѣсколько замѣчаній, касающихся другихъ историческихъ вопросовъ. Моя попытка подкрѣпить или опровергнуть то, что̀ Вы вывели изъ историческихъ памятниковъ, посредствомъ наблюденія надъ настоящимъ состояніемъ народовъ, можетъ показаться странною. Кто бы ни были древніе Галлы, на какія бы вѣтви они ни дѣлились, что̀ общаго между ними и племенами, которыя занимаютъ нынѣ почву, нѣкогда имъ принадлежавшую? Какое дѣло исторіи до физіологіи? Какой свѣтъ можетъ первая заимствовать отъ послѣдней? У меня давно родилась мысль, которую, вѣроятно, раздѣляютъ многіе другіе, что физіологія можетъ служить большимъ пособіемъ для исторіи, и что онѣ такъ долго чуждались одна другой потому только, что ихъ отношенія не были изслѣдованы. Правда, что способъ изученія, который до нашего времени прилагался къ этимъ обѣимъ наукамъ, не могъ ихъ сблизить между собою и озарить одну свѣтомъ другой. Вашъ братъ проложилъ дорогу въ исторіи. Онъ указалъ на составныя части (англійскаго) народа [10]) и внимательно прослѣдилъ ихъ судьбы. Вы пошли по его слѣдамъ, но такъ какъ Вамъ предстояло болѣе обширное поприще и болѣе сложная задача, Вы должны были прибѣгнуть ко всѣмъ критическимъ методамъ. Такимъ образомъ Вамъ удалось различить въ путаницѣ временъ и писателей многія великія вѣтви того племени, котораго исторію Вы пишете. Примѣты, посредствомъ которыхъ Вы ихъ отличаете, взяты Вами изъ Вашей науки. Вы, слѣдовательно, признаете историческія породы, которыя могли существовать независимо отъ породъ, допускаемыхъ естествовѣдѣніемъ. Не стану отрицать у Васъ этого права, потому что у всякой науки есть свои правила; но, слѣдуя этимъ правиламъ, Вы пришли, кажется, къ тому же результату, котораго можно достигнуть посредствомъ другой науки. Посмотримъ теперь, при помощи какихъ заимствованныхъ изъ естествовѣдѣнія данныхъ намъ можно будетъ сойтись. Изученіе человѣка вошло недавно въ науку. Странно, что отдѣлъ, для насъ наиболѣе занимательный, до сихъ поръ наименѣе обращалъ на себя вниманія. Эта вѣтвь нашихъ знаній такъ нова, что основатель ея еще живъ. Знаменитый Блуменбахъ признаетъ въ человѣчествѣ пять породъ, подъ которыя, по его мнѣнію, можно подвести всѣ народы. Положивъ эти первыя основы, онъ оказалъ великую услугу. Но какой свѣтъ могли пролить на исторію эти немногія группы? Онѣ соотвѣтствуютъ приблизительно великимъ раздѣленіямъ земнаго шара, и каждая изъ нихъ содержитъ въ себѣ и соединяетъ слишкомъ много народовъ. Такое раздѣленіе рода человѣческаго на огромныя группы могло принести нѣкоторую, хотя ограниченную, пользу историку. Въ недавнемъ времени два натуралиста, гг. Демуленъ (Desmoulins) и Бори де

---

[10]) Въ знаменитомъ твореніи своемъ „Завоеваніе Англіи Норманами".

С. Венсанъ [11]), значительно увеличили число этихъ группъ. Вы безъ сомнѣнія не будете осуждать ихъ, если указанныя ими примѣты достаточно опредѣляютъ различіе народовъ между собою, и согласитесь, что чѣмъ болѣе раздѣленій, тѣмъ лучше для исторіи. Предоставьте натуралистамъ спорить о названіяхъ родовъ, видовъ, видоизмѣненій или породъ и объ ихъ классификаціи. Вамъ нужно знать только, носятъ ли на себѣ группы, составляющія родъ человѣческій, отличительные физическіе признаки, и до какой степени раздѣленія, утвержденныя исторіею, согласны съ естественными. Вопросъ, какъ видите, очень сложный. Для Васъ недостаточно существованіе такихъ группъ: надобно доказать, что онѣ всегда, или по крайней мѣрѣ во времена историческія, существовали въ одномъ и томъ же видѣ. Если бы послѣднее было доказано, то можно было бы черпать изъ этого источника свѣдѣнія о родствѣ племенъ и восходить къ ихъ началу, несмотря на примѣси, входящія въ составъ народовъ. Таковъ вопросъ, взятый съ его общей стороны и уже изслѣдованный г. Демуленомъ. Но предметъ этотъ, по новизнѣ своей, нуждается въ повѣркѣ, и я объясню Вамъ причины, заставляющія меня думать, что древніе народы могутъ быть узнаны въ новыхъ. Мнѣ необходимо прежде всего высказать мое мнѣніе, потомъ уже я перейду къ наблюденіямъ, занимательнымъ для Васъ въ частности и касающимся другихъ историческихъ вопросовъ. Не скрою отъ Васъ трудностей: ихъ очень много. Положимъ, что у всякаго народа есть особенныя, ему исключительно принадлежащія, физическія примѣты. Трудно однако допустить постоянное существованіе этихъ примѣтъ чрезъ длинный рядъ вѣковъ, въ теченіи которыхъ самый народъ подвергается многочисленнымъ вліяніямъ, изъ которыхъ каждое способно измѣнить совершенно его физіономію. Таковы, по общему мнѣнію, дѣйствіе климата на переселенцевъ, успѣхи или упадокъ образованности и смѣшеніе многихъ породъ. Но, кромѣ этихъ причинъ измѣненія, сколько народовъ было истреблено, сколько другихъ вытѣснено съ родной почвы. Какое впечатлѣніе выносимъ мы изъ чтенія исторіи, когда сравниваемъ древнія времена съ новыми? что̀ общаго между ними? Даже имена народовъ, нѣкогда славныхъ, исчезли за много вѣковъ до насъ; страны, ими заселенныя, приняли совсѣмъ иной видъ; прежній языкъ уступилъ мѣсто другому; только случайно уцѣлѣвшія развалины вызываютъ въ насъ воспоминаніе о древнихъ жителяхъ. Народъ перестаетъ существовать въ исторіи, утративъ свою независимость и политическую самостоятельность. Можно подумать, что въ политическихъ переворотахъ, такъ же какъ въ переворотахъ земнаго шара, исчезаютъ цѣлыя породы. Но новая, въ наше время возникшая, отрасль человѣческихъ знаній отрицаетъ эти ложные выводы. Болѣе основательное, сравнительное изученіе языковъ открываетъ часто въ нынѣшнихъ языкахъ остатки древнихъ нарѣчій, изъ которыхъ они сложились, и на основаніи такихъ признаковъ показываетъ непрерывавшуюся, хотя до сихъ поръ незамѣченную, связь между древними и настоящими обитателями.

---

[11]) Бори де С. Венсанъ принимаетъ 15 породъ; Демуленъ 16.

Но если древнія формы сохраняются въ новѣйшихъ языкахъ и обличаютъ ихъ происхожденіе, то можно ли допустить бо́льшую измѣнчивость въ формахъ нашего тѣла? Неужели черты нашихъ предковъ совершенно сгладились у насъ? Ужели климатъ измѣнилъ ихъ до того, что нельзя болѣе узнать первоначальнаго типа? или виною этого явленія было смѣшеніе породъ? Въ какой степени образованность облагороживаетъ, упадокъ ея искажаетъ народныя черты? Можно ли допустить, что цѣлые народы были истреблены, или вытѣснены изъ родины? Вопросы эти надобно разобрать, по очереди переходя къ наблюденіямъ, составляющимъ содержаніе моего письма. Необходимо прежде всего доказать возможность этихъ наблюденій. Можетъ быть, доводы, убѣдившіе меня, послужатъ и къ вашему убѣжденію.

Мы посмотримъ на предложенные нами вопросы съ точки зрѣнія, съ которой на нихъ до сихъ поръ едва ли смотрѣли. При оцѣнкѣ вліянія климата на формы тѣла, ихъ величину и другіе физическіе признаки, мы будемъ принимать въ соображеніе не недѣлимыя, а цѣлыя массы. Намъ нужно знать постоянный образъ дѣйствія природы, но нѣтъ дѣла до того, что она производитъ въ необыкновенныхъ случаяхъ. Изслѣдованія наши не должны, впрочемъ, выходить изъ опредѣленнаго времени, потому что рѣчь идетъ о приложеніи законовъ природы къ исторіи. Чтобы познакомиться съ общими направленіями природы, ее слѣдуетъ изучать въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Мы покажемъ теперь дѣйствіе климата на живыя существа, которыя наиболѣе отличаются отъ человѣка и наиболѣе подвержены измѣненіямъ.

Мы принимаемъ вліяніе климата въ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе часто употребляется, и разумѣемъ подъ нимъ соединеніе многихъ единовременно и сильно дѣйствующихъ причинъ. Эта уступка, сдѣланная нами обычаю, быть можетъ, оправдается въ послѣдствіи.

Пересаженныя растенія покрываются шипами и волосками или теряютъ ихъ; листья ихъ разрѣзываются; на цвѣтахъ измѣняются краски; число лепестковъ увеличивается; плоды получаютъ другой вкусъ; ростъ измѣняется сообразно съ свойствами ихъ новой родины. Нѣкоторыя растенія теряютъ даже извѣстныя черты ихъ рода и семейства, такъ напримѣръ цвѣты становятся полными, или махровыми.

Они могутъ, слѣдовательно, глубоко измѣняться, но почти всегда сохраняютъ какія-нибудь изъ первоначальныхъ примѣтъ своихъ, напоминающія ихъ происхожденіе. Допустивъ даже небывалый, впрочемъ, фактъ совершеннаго перерожденія нѣкоторыхъ растеній, большая часть при перемѣнѣ климата остаются тѣми же, какими были до пересадки, и самый неопытный глазъ легко узнаетъ ихъ.

Призывая свидѣтельство растеній въ пользу климатическихъ вліяній, мы допускаемъ самое сильное изъ возможныхъ доказательствъ; но въ то же время открываемъ, до какой степени ограничено это вліяніе, простирающееся только на самую малую часть растеній. Сколько есть такихъ, которыя, по перенесеніи ихъ въ отдаленную отъ родины землю, болѣютъ и умираютъ, сохраняя въ чистотѣ свои формы. Отсюда видно, что есть силы,

съ такимъ напряженіемъ поддерживающія первоначальный типъ, что онъ гибнетъ, но не поддается перемѣнамъ, которыя стремятся произвести въ немъ внѣшніе дѣятели.

Приводя такіе, основанные на моихъ собственныхъ наблюденіяхъ факты, я считаю долгомъ сослаться на мнѣнія другихъ, заслуживающихъ полное довѣріе, ученыхъ. Я подвергалъ эти факты суду извѣстныхъ ботаниковъ, изъ которыхъ многіе соединяютъ обширныя свѣдѣнія въ наукѣ съ личною, посредствомъ путешествій пріобрѣтенною опытностію. Гг. Дефонтенъ, Декандоль, Мирбель, Бори де С. Венсанъ, Тюрпенъ согласны со мною.

Переходя отъ растеній къ животнымъ, мы должны замѣтить, что человѣкъ въ состояніи слѣдить за переходомъ только тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ переводитъ съ собою. Посмотримъ прежде то, что̀ намъ положительно извѣстно о ручныхъ, или домашнихъ животныхъ. Здѣсь надобно строго отдѣлить дѣйствія климата отъ смѣшенія породъ и другихъ стороннихъ причинъ.

Самая рѣзкая перемѣна обнаруживается въ бо̀льшей или меньшей густотѣ мѣха, который также становится мягче или жестче и мѣняетъ цвѣтъ по степени тепла или холода. Животныя тучнѣютъ или худѣютъ; ихъ дѣти (по переселеніи) нерѣдко отличаются отъ нихъ ростомъ: но развѣ формы ихъ тѣла и отношеніе членовъ измѣняются? Случайныя перемѣны такого рода происходятъ обыкновенно отъ увеличенія и убавленія жира или соковъ, наполняющихъ клѣтчатку. Костякъ остается тотъ же и измѣняется только въ рѣдкихъ случаяхъ, иногда отъ болѣзней.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ измѣненій, животное отступаетъ отъ своего первообраза не далѣе, чѣмъ человѣкъ, когда онъ становится плѣшивъ, смуглъ или блѣденъ, дороденъ или худъ. Характеристическія черты, по которымъ его можно узнать, сохраняются почти всегда. Что̀ касается до переселяющихся животныхъ, то они мало подвергаются дѣйствіямъ климата, ибо ищутъ возможно ровной температуры. — Находя видоизмѣненія породъ въ различныхъ климатахъ, мы приписываемъ это явленіе климату, но въ одной и той же странѣ, подъ однимъ и тѣмъ же небомъ, встрѣчаются часто многочисленныя видоизмѣненія одной породы. Есть, слѣдовательно, другія причины, которыхъ нельзя отнести къ климату, доколѣ опытъ не докажетъ намъ противнаго. Кромѣ того, сколько породъ общихъ многимъ странамъ, и которыхъ особи вездѣ похожи другъ на друга. Очевидно, что онѣ могутъ мѣнять климатъ, не мѣняя формы. Не нужно доказывать, что генеалогія собаки, составленная Бюффономъ, совершенно произвольная. Она пользовалась довѣріемъ прежде, но наше время требуетъ доказательствъ болѣе строгихъ. Г. Демуленъ замѣтилъ, впрочемъ, что Бюффонъ самъ разрушилъ свою гипотезу, произведя въ послѣдствіи помѣсь отъ лисицы и волка.

Вотъ все, что̀ я могъ сказать вамъ положительнаго въ то время, когда занимался этою частію моего предмета. Мнѣ казалось, что я достигъ до удовлетворительнаго результата, но такъ какъ путешественники не обращали на этотъ отдѣлъ должнаго вниманія, то у доводовъ моихъ не было тѣхъ яркихъ признаковъ истины, которые тотчасъ сообщаютъ полное убѣжденіе.

Я присутствовалъ недавно въ Академіи Наукъ при чтеніи записки доктора Руленя (Roulin) объ измѣненіяхъ, которымъ подвергались домашнія животныя, переведенныя со стараго материка на новый. Авторъ только что возвратился изъ Америки, гдѣ онъ провелъ шесть лѣтъ. Я зналъ, что онъ, по знаніямъ своимъ и наблюдательности, былъ въ состояніи рѣшить вопросъ. Мнѣ предстояло выслушать приговоръ надъ выводами, извлеченными мною изъ данныхъ, быть можетъ, неполныхъ, и потому Вы можете судить о живомъ участіи, съ какимъ я слѣдилъ за чтеніемъ г. Руленя. Мнѣнія мои были вполнѣ подтверждены. Животныя, перенесенныя въ Америку, испытали только тѣ незначительныя перемѣны, о которыхъ я упомянулъ выше, по поводу дѣйствій климата.

Сказанное нами о животныхъ прилагается еще въ большей степени къ человѣку. Переходя съ юга на сѣверъ, онъ находитъ въ своей изобрѣтательности безчисленныя средства противъ стужи. Можно сказать, что онъ носитъ съ собою свой климатъ. Въ лапонской хижинѣ такъ же жарко, какъ въ Сиріи; если бы человѣкъ могъ такъ же освѣжать, какъ онъ нагрѣваетъ атмосферу, перемѣна климата не дѣйствовала бы на него вовсе, но условія его жизни были бы въ такомъ случаѣ искусственныя. Зато страсти, неразлучныя съ человѣкомъ, часто возвращаютъ его природѣ и разрушаютъ соображенія его разума; къ тому же механическія искусства еще не сдѣлались удѣломъ всѣхъ народовъ,—даже у самыхъ просвѣщенныхъ, значительная часть населенія плохо снабжена средствами, защищающими отъ вредныхъ вліяній погоды. Надобно, однако, замѣтить, что, при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ и на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія, человѣкъ лучше всякаго животнаго выноситъ перемѣну климата, хотя дѣйствія этой причины отзываются и на немъ.

Повѣрить наши замѣчанія не трудно, ибо фактовъ сюда относящихся много, хотя мы охотнѣе прибѣгаемъ къ воображенію, чѣмъ къ дѣйствительности. Возьмемъ на удачу нѣсколько примѣровъ.

Почти отъ каждаго европейскаго народа отдѣлились части, которыя за нѣсколько вѣковъ до насъ поселились въ другихъ странахъ свѣта. Многія изъ этихъ колоній заняли острова, гдѣ къ нимъ не могли присоединиться стороннія примѣси, и потому онѣ даютъ намъ полную возможность судить о дѣйствіи климата. Правда, что европейская кровь соединялась болѣе или менѣе съ кровью негровъ-невольниковъ, но изъ этого смѣшенія образовалась особенная каста, носящая на себѣ явные признаки своего происхожденія, и которую никакъ нельзя отнести къ бѣлой породѣ. Бѣлый человѣкъ давно живетъ у экватора, въ той крайней температурѣ, которая дѣйствуетъ на него сильнѣй всякой другой; но что̀ же вышло? Англія, Франція, Испанія могутъ доселѣ узнать дѣтей своихъ. Лица загорѣли и стали смуглѣе, наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ и физическая лѣнь усилилась, но черты не измѣнились. Порода не выродилась, и англійскій, французскій или испанскій переселенецъ сохраняетъ отличительные признаки своихъ праотцевъ. Еслибъ даже кому-нибудь, при помощи особенно тонкой наблюдательности, и удалось подмѣтить отличительныя черты

колониста, то оттѣнки, имъ замѣченные, должны быть до такой степени неуловимы для большинства, что ихъ нельзя принимать къ соображенію въ вопросѣ, насъ занимающемъ.

Повторенныя наблюденія такого рода произвели на меня глубокое впечатлѣніе и убѣдили меня, что народы одного происхожденія могутъ въ разныхъ полосахъ земли и въ продолженіе многихъ вѣковъ сохранять общій имъ первоначальный типъ. Съ другой стороны истина эта не совсѣмъ очевидна, потому что у каждаго народа могутъ существовать нѣсколько недостаточно опредѣленныхъ типовъ. Сравненіе становится въ такихъ случаяхъ весьма трудно. Обращая бóльшее вниманіе на оттѣнки, которыми различаются между собою эти типы, чѣмъ на общія имъ формы и пропорціи, можно даже вывести заключеніе совершенно противоположное нашему. Я приведу примѣръ, послѣ котораго не останется никакихъ сомнѣній. Еврейскій народъ разсѣянъ по цѣлой Европѣ, черты его такъ рѣзко опредѣлены и такъ всѣмъ извѣстны, что въ нихъ трудно ошибиться. Евреевъ можно считать за колонистовъ одной породы, поселившихся въ разныхъ странахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ они составляютъ часть населенія этихъ странъ. Тамъ, гдѣ правительство не оказывало имъ особенныхъ благодѣяній, оно по крайней мѣрѣ не мѣшало имъ жить на одной почвѣ, дышать однимъ воздухомъ и грѣться на одномъ солнцѣ съ остальными своими подданными; они сохраняютъ свою религію, нравы, обычаи, почти никогда не вступаютъ въ родственныя связи съ народами, среди которыхъ разселены, и потому трудно найти условія болѣе благопріятныя для оцѣнки дѣйствій климата. Оказывается, что климатъ не стеръ съ нихъ особенностей, ихъ отличающихъ: они вездѣ похожи другъ на друга. Еврей англійскій, французскій, нѣмецкій, италіянскій, испанскій, португальскій остается Евреемъ, при нѣкоторыхъ мелкихъ частныхъ оттѣнкахъ, т. е. у него постоянно сохраняются тѣ же характеристическія формы и пропорціи, изъ которыхъ слагается національный типъ. Такимъ образомъ Евреи, живущіе на разныхъ концахъ Европы, представляютъ болѣе сходства между собою, чѣмъ съ другими народами, и не смотря на продолжительное дѣйствіе свое, климатъ измѣнилъ въ нихъ только цвѣтъ лица, выраженіе и можетъ быть еще что-нибудь, столь же мало существенное. Произведенія италіянской живописи XVI вѣка, которыхъ предметы взяты изъ библейской исторіи, показываютъ, что тогдашніе Евреи ни мало не отличались отъ нынѣшнихъ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ Леонардо да Винчи, который умѣлъ соединять съ выраженіемъ отдѣльныхъ лицъ общій національный характеръ. Остается рѣшить важный вопросъ о томъ, каковъ былъ первоначальный типъ еврейскаго народа, когда у нихъ еще была родина, и они не разсѣялись по лицу земли. Тогда можно будетъ оцѣнить дѣйствіе климата въ теченіи 17 вѣковъ, періода, составляющаго половину исторической жизни человѣчества. Можно бы конечно довольствоваться и не столь значительнымъ отдѣломъ времени; но если Вы возвысите Ваши требованія и захотите знать черты еврейскаго народа въ древнѣйшую эпоху, т. е. за три тысячи лѣтъ до насъ, то у меня найдется готовый отвѣтъ.

Позвольте мнѣ разсказать Вамъ теперь, по какому случаю я самъ пришелъ къ такому выводу. Я не надолго удалюсь отъ моего предмета. Читая сочиненіе доктора Причарда объ естественной исторіи человѣка, я нашелъ, что авторъ защищаетъ странное положеніе, что люди были первоначально черны и что они бѣлѣютъ по мѣрѣ успѣховъ образованности. Книга г. Причарда очень любопытна и написана съ замѣчательнымъ талантомъ. Въ ней показано, какъ цвѣтъ лица измѣняется у жителей одной и той же страны, переходя отъ смуглаго низшихъ сословій къ свѣтлому, составляющему принадлежность богатаго и знатнаго класса. Факты, какъ видите, согласны съ предположеніемъ доктора Причарда; но съ другой стороны ихъ можно отнести къ другимъ явленіямъ, встрѣчающимся у народовъ, которыхъ исторія намъ вполнѣ извѣстна. Между различными, на одной почвѣ живущими народами существуетъ постепенность могущества и образованія: черные повинуются желтымъ, и тѣ и другіе подчинены, хотя не въ равной степени, бѣлому человѣку. Изъ смѣшенія этихъ породъ происходятъ средніе оттѣнки, занимающіе въ обществѣ положенія среднія между ихъ родителями.

Въ числѣ фактовъ, приведенныхъ докторомъ Причардомъ, одинъ особенно обратилъ на себя мое вниманіе. Авторъ ссылается на греческаго писателя, который говоритъ прямо, что Египтяне отличаются чернымъ цвѣтомъ кожи и курчавыми волосами (1). Мнѣ случилось быть въ то время въ Лондонѣ, гдѣ я встрѣтилъ доктора Ходжкина, молодаго, весьма ученаго врача, нынѣ профессора патологической анатоміи, и доктора Нокса, глубокаго знатока сравнительной анатоміи, который во время своего пребыванія въ Африкѣ занимался изученіемъ черныхъ племенъ. Разсказавъ имъ о свидѣтельствѣ греческаго писателя, я предложилъ повѣрить это свидѣтельство не посредствомъ самаго текста, а при пособіи доступнаго намъ памятника, т. е. гробницы египетскаго царя, тогда бывшей въ Лондонѣ, и которую Вы, вѣроятно, видѣли въ Парижѣ. Вамъ извѣстно, слѣдовательно, что на этой гробницѣ находятся сдѣланныя во весь ростъ фигуры людей, изъ которыхъ большая часть должна принадлежать простому народу; цвѣтъ ихъ лица правда смуглый, но они не черны, и у нихъ нѣтъ курчавыхъ волосъ, какъ у Негровъ. Послѣдніе признаки видны только у небольшаго числа отдѣльныхъ фигуръ, очевидно представляющихъ еѳіопскихъ Негровъ. Въ сторонѣ находятся двѣ другія небольшія группы иноплеменниковъ; въ одной изъ нихъ мы тотчасъ узнали Евреевъ. Наканунѣ я встрѣтилъ нѣсколько Жидовъ, гулявшихъ по лондонскимъ улицамъ. Мнѣ показалось, что я вижу ихъ портреты.

Полагаю, что соединенныхъ свидѣтельствъ гг. Ходжкина, Нокса и моего будетъ для Васъ довольно. Я не искалъ другихъ доказательствъ, но, читая путешествіе въ Египетъ Бельцони (Belzoni), нашелъ при описаніи вышеупомянутой гробницы слѣдующія мѣста: „въ концѣ этого шествія можно отличить людей, принадлежащихъ къ тремъ народамъ, непохожихъ на остальныя лица. Эти изображенія очевидно представляютъ Евреевъ, Еѳіоплянъ и Персовъ“ (Путешествіе въ Египетъ и Нубію, Т. I, стр. 389).

Далѣе сказано: „можно узнать Персовъ, Евреевъ и Еѳіопійцевъ; первыхъ по одеждѣ, въ которой они вездѣ являются на картинахъ, изображающихъ ихъ войны съ Египтянами; Евреевъ по физіономіи и цвѣту лица; Еѳіоплянъ по цвѣту кожи и наряду" (Ibid, 390).

Вотъ, слѣдовательно, цѣлый народъ, сохраняющій свой первоначальный обликъ въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ, занимающихъ почти все пространство историческаго періода. Въ первой половинѣ этого періода Евреи испытали неслыханныя бѣдствія; во второй, они были разсѣяны по всѣмъ климатамъ, были гонимы, преданы поруганію и позору, образовали изъ себя касту парієвъ, отверженцевъ рода человѣческаго. Нельзя придумать соединенія обстоятельствъ, болѣе способныхъ глубоко измѣнить физическую организацію народа. Итакъ природа человѣка, торжествующая надъ такими вліяніями, одарена значительною силою сопротивленія! Этотъ великій примѣръ можетъ быть принятъ за весьма точный опытъ, сдѣланный съ цѣлію опредѣлить дѣйствіе различныхъ климатовъ на формы и пропорціи человѣческаго тѣла въ теченіе историческихъ вѣковъ (2).

Мы не зайдемъ, впрочемъ, слишкомъ далеко въ заключеніяхъ нашихъ. Можетъ быть, не всѣ народы одарены одинаковою способностью сопротивленія внѣшнимъ вліяніямъ. Но допустивъ, что они не всегда съ равнымъ постоянствомъ удерживаютъ типъ свой, мы должны однако признать, что природа стремится къ такому постоянству, и что если-бы не было другихъ причинъ измѣненія, кромѣ климата, то большая часть народовъ долго хранила-бы характеристическія черты своихъ предковъ.

Что значитъ климатъ въ сравненіи съ смѣшеніемъ породъ? Всѣ племена, которыхъ исторія намъ извѣстна, болѣе или менѣе испытали такія смѣшенія. Эта причина тѣмъ сильнѣе, что она дѣйствуетъ на внутреннюю организацію и потому условливаетъ первоначальное образованіе существъ и должна повидимому навсегда опредѣлять ихъ формы. Если-бы эта причина дѣйствовала безпрепятственно, она, можетъ быть, уничтожила-бы всѣ различія, но ей поставлены предѣлы, изъ которыхъ многіе очевидны. Достаточно назвать ихъ: различія кастъ и сословій, которыхъ происхожденіе часто восходитъ до различія породъ, образуютъ грани, защищаемыя строгостію законовъ, могуществомъ преданій и, кромѣ рѣдкихъ исключеній, неприступныя для большинства. Такія искусственныя разграниченія не переставали существовать у нѣкоторыхъ народовъ со дня ихъ выступленія на сцену міра; но такъ какъ созданныя человѣкомъ учрежденія рано или поздно уступаютъ дѣйствію времени, и означенныя нами выше раздѣленія подчинены общему закону перемѣны, то намъ должно составить себѣ понятіе о такомъ порядкѣ вещей, гдѣ стремленіямъ природы не противопоставлено никакихъ историческихъ преградъ. Изъ этого изслѣдованія мы выведемъ для себя путеводныя начала, зависящія отъ числительнаго отношенія приходящихъ въ соприкосновеніе породъ и отъ ихъ распредѣленія на общей имъ почвѣ.

Начнемъ съ количественныхъ отношеній, предполагая, что ничто не препятствуетъ смѣшенію крови. Здѣсь мы можемъ опредѣлительно сказать, какъ дѣйствуетъ природа въ тѣхъ случаяхъ, когда несоразмѣрность чиселъ

очень велика: типъ меньшинства можетъ исчезнуть совершенно. Вотъ при какихъ условіяхъ и чрезъ сколько поколѣній обнаруживается этотъ фактъ. Домашнее животное соединяется съ другимъ, принадлежащимъ къ другой породѣ; помѣсь, отъ нихъ происшедшая, соединяется потомъ въ свою очередь съ животнымъ одной изъ чистыхъ породъ, которымъ оно обязано своимъ существованіемъ; новый приплодъ будетъ ближе къ чистой породѣ, чѣмъ къ помѣси. Опыты такого рода повторяются до тѣхъ поръ, когда въ послѣднемъ рожденіи не возстановится совершенно типъ того изъ родоначальниковъ, который соединился съ помѣсями. Это случается обыкновенно въ четвертомъ поколѣніи, иногда впрочемъ ранѣе или позже. Г. Жиру де Бюзаренъ (Girou de Buzareingues) сообщилъ мнѣ, что бываютъ случаи, въ которыхъ подобный результатъ достигается только при тринадцатомъ рожденіи и даже позже. Такіе факты рѣдки, и какъ ни важны они для науки, мы не должны однако на нихъ останавливаться, ибо ищемъ правила, а не исключеній. Къ тому же у насъ есть положительныя данныя, доказывающія владычество этого закона и надъ человѣческими породами. Признаки Негра или бѣлаго стираются въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи, при тѣхъ условіяхъ, на которыя мы указали, говоря о домашнихъ животныхъ вообще. Отсюда не трудно повидимому вывести заключеніе, противорѣчащее тому, что было сказано нами о возможности открыть въ новыхъ народахъ черты другихъ, уже не существующихъ, но родственныхъ имъ народовъ. — Конечно нельзя отыскать всѣхъ мелкихъ элементовъ, изъ которыхъ слагается племенной типъ, но когда дѣло идетъ о большихъ массахъ, вы увидите, что предлагаемый нами методъ значительно облегчаетъ изслѣдованіе. Положимъ однако, что, при помощи преградъ, дѣлающихъ невозможнымъ всякое смѣшеніе, отдѣльные типы сохраняются въ чистотѣ своей. Ясно, что въ такомъ случаѣ меньшинство никакъ не можетъ изъяснить формы большаго числа. Это начало весьма важное, и намъ придется часто прилагать его къ дѣлу. Возьмемъ теперь другой крайній случай. Положимъ, что обѣ породы, имѣющія соединиться, равны числомъ. Какія условія необходимы для того, чтобы онѣ слились подъ одинъ общій типъ? Надобно, чтобы каждое отдѣльное лицо одной породы вступило въ кровную связь съ лицомъ другой. Надобно, чтобы каждое недѣлимое приняло дѣятельное участіе въ сліяніи породъ, потому что легкіе оттѣнки не измѣняютъ типа.

Условія эти необходимы, но вы согласитесь, что ихъ выполнить не легко. Мы не говоримъ о совершенной невозможности такого численнаго равенства, потому что безусловное отрицаніе, или утвержденіе рѣдко можетъ быть позволено. Однако, допустивъ возможность равныхъ чиселъ съ обѣихъ сторонъ, мы все-таки не получимъ никакого права разсчитывать на подобный случай въ дѣйствительности. Можно-ли предположить попарное соединеніе всѣхъ лицъ, принадлежащихъ обѣимъ породамъ? Такое смѣшеніе породъ не можетъ быть слѣдствіемъ произвола, свободнаго выбора со стороны участниковъ, а развѣ необходимости? Но какъ допустить этого рода необходимость безъ особенныхъ, исключительныхъ, едва-ли встрѣчающихся въ исторіи обстоятельствъ? Тѣмъ не менѣе мы разсмотримъ результаты, которые должны

были-бы развиться изъ этихъ обстоятельствъ. Примѣръ нашъ будетъ заимствованъ изъ царства животныхъ.

Вамъ извѣстно, что человѣкъ совокупляетъ разные роды животныхъ по своему произволу, и что помѣсь, происходящая отъ такихъ совокупленій, носитъ на себѣ нѣкоторые изъ отличительныхъ признаковъ отца и матери. Такъ образуется новый, хотя средній, и потому самому опредѣленный типъ. Представляя отдѣльныя черты сходства съ своими родителями, помѣсь является чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ нихъ обоихъ.

Факты эти извѣстны всѣмъ; мы не знаемъ другихъ, принадлежащихъ къ тому же разряду. Однако есть и такіе, которые обличаютъ иное, для насъ особенно важное, стремленіе природы. Женевскій аптекарь г. Коладонъ (Coladon) развелъ у себя, для опытовъ надъ смѣшеніемъ породъ и уясненія нашихъ понятій объ этомъ предметѣ, значительное число бѣлыхъ и сѣрыхъ мышей. Изучая ихъ нравы, онъ нашелъ способъ ихъ совокуплять. Тогда онъ началъ длинный рядъ опытовъ, соединяя постоянно бѣлую мышь съ сѣрою. Вы вѣроятно ожидаете въ результатѣ помѣсей. Ничуть не бывало. Мышенки рождались бѣлыми или сѣрыми, со всѣми признаками чистой породы. Метисовъ не было вовсе; не было ничего пестраго или средняго между обѣими породами. Типъ той или другой возстановлялся совершенно. Случай этотъ, правда, чрезвычайный; но и тотъ, который мы привели выше, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ. Слѣдовательно обоимъ есть мѣсто въ природѣ; ни тотъ ни другой не владычествуютъ исключительно.

Наблюдая отношенія, существующія между породами, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Когда соединяются породы различныя, не принадлежащія къ одному виду, напримѣръ, оселъ и лошадь, собака и волкъ или лисица, ихъ произведеніемъ всегда бываетъ ублюдокъ. Напротивъ, если породы сходны между собою, то онѣ при совокупленіи могутъ воспроизводить въ чистотѣ первоначальный типъ которой нибудь изъ двухъ. Вотъ основныя начала, которыхъ приложеніе плодотворно для науки. Тѣмъ не менѣе мы воздержимся отъ такихъ приложеній, пока не докажемъ, что подобное направленіе существуетъ также въ природѣ человѣка. Предварительно мы еще займемся этимъ вопросомъ по отношенію его къ животнымъ. Мнѣ не нужно искать доказательствъ для приведенныхъ мною явленій. Они достовѣрны, и мы должны признать ихъ, несмотря на наружное противорѣчіе. Природа иногда смѣшиваетъ, иногда рѣзко отдѣляетъ типы. Въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчащаго ея обыкновенному ходу. Ея силы то дѣйствуютъ за одно, то находятся въ борьбѣ между собою; она производитъ, хранитъ и разрушаетъ.

Но намъ не слѣдуетъ ограничиться такими общностями. Вглядываясь ближе въ явленія, мы найдемъ величайшее единство тамъ, гдѣ съ перваго взгляда замѣтили наиболѣе противоположностей. При смѣшеніи отдаленныхъ породъ, ублюдокъ носитъ на себѣ типъ, отличный отъ матери, не смотря на нѣкоторое сходство. Когда двѣ близкія между собою породы воспроизводятъ оба типа, мать также рождаетъ существо на нее непохожее. Вотъ единообразіе явленій. Замѣтьте одно, что въ послѣднемъ случаѣ дѣтенышъ

болѣе сходенъ съ матерью, чѣмъ въ первомъ. Здѣсь, слѣдовательно, видно меньшее уклоненіе отъ общаго стремленія природы къ размноженію однихъ и тѣхъ же типовъ. Разсмотримъ это стремленіе съ настоящей точки зрѣнія, и мы увидимъ, что уклоненіе еще незначительнѣе.

Можно сказать, что въ низшихъ классахъ животныхъ существуетъ только одинъ полъ, потому что всѣ особи одарены одинаковыми органами произведенія, и каждая изъ нихъ даетъ жизнь существу, совершенно съ нею сходному. Здѣсь, слѣдовательно, воспроизводится только одинъ типъ. Но въ классахъ, стоящихъ выше, два пола участвуютъ въ произведеніи новыхъ особей. Самка родитъ дѣтеныша, который представляетъ сходство съ нею или съ отцомъ. Она производитъ такимъ образомъ два весьма опредѣленные и при сродствѣ своемъ до того различные типа, что самецъ и самка одной породы часто болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ отъ животныхъ близкой породы, но того же пола. Истина нашихъ замѣчаній подтверждается между прочимъ тѣмъ, что, при классификаціи мало извѣстныхъ звѣрей, натуралисты нерѣдко причисляли самку и самца къ разнымъ породамъ. Можно найти много подобныхъ примѣровъ въ естественной исторіи животныхъ и птицъ.

Очевидно, что опыты г. Коладона въ цѣлости своей относятся къ указанному нами разряду явленій. Самка производитъ два типа: свой собственный и типъ самца. Изъ животнаго царства легко привести другіе примѣры, но такъ какъ выводъ изъ наблюденій г. Коладона рѣзко обозначенъ, то я довольствуюсь этимъ поразительнымъ примѣромъ.

Для насъ гораздо важнѣе открыть тѣ же явленія, совершающіяся при такихъ же условіяхъ въ физической природѣ человѣка. Отъ наиболѣе различныхъ между собою человѣческихъ породъ происходятъ постоянно метисы. Мулатъ есть плодъ соединенія бѣлой породы съ черною. Не такъ извѣстно, но столь же достовѣрно воспроизведеніе типовъ обоихъ родителей при соединеніи двухъ близкихъ видовъ. Я много разъ замѣчалъ это явленіе, общее европейскимъ народамъ. Оно не принадлежитъ къ числу постоянныхъ, но намъ до этого нѣтъ дѣла. Смѣшеніе иногда раздѣляетъ, иногда же соединяетъ типы. Отсюда приходимъ къ основному выводу, что народы, составляющіе виды породъ различныхъ, но близкихъ между собою, не могли бы даже въ случаѣ такого совокупленія, какое мы предположили выше, утратить своихъ первобытныхъ типовъ, которые непремѣнно сохранились бы въ части новыхъ поколѣній. Къ сохраненію ихъ содѣйствуетъ сверхъ того географическое распредѣленіе породъ на одной почвѣ. Нельзя допустить распредѣленія совершенно равнаго, исключающаго образованіе многихъ группъ, съ значительнымъ перевѣсомъ той или другой. Это условіе само по себѣ дѣлаетъ невозможнымъ пресѣченіе первобытныхъ типовъ.

Они исчезаютъ иногда вслѣдствіе насильственнаго истребленія. Отдѣльныя части племени могутъ быть истреблены мечемъ непріятелей, но не цѣлый народъ, тѣмъ менѣе цѣлая порода. Конечно Гуанчи исчезли съ лица земли вслѣдствіе этой причины, но они жили только на маленькихъ островахъ. Караибовъ также нѣтъ болѣе на американскихъ островахъ, однако порода ихъ существуетъ на материкѣ (3). Другихъ достовѣрныхъ примѣровъ такого

рода я не знаю: ибо не вѣрю распространенному между моими соотечественниками мнѣнію о конечномъ истребленіи древнихъ Британцевъ на почвѣ занятой Саксами. — Вопросъ этотъ, какъ увидите потомъ, меня очень занимаетъ, и я намѣренъ посвятить ему краткое изслѣдованіе съ тѣмъ, чтобы этотъ случай могъ служить примѣромъ. Замѣтьте, впрочемъ, что я не отрицаю возможности такого факта, а говорю только о его невѣроятности. Вспомните, что Британцы были не варвары и что они стояли на извѣстной степени образованности. Я покажу, что послѣднее условіе значительно измѣняетъ существующія между двумя народами отношенія. Какую прибыль могли извлечь Саксы отъ совершеннаго изгнанія или истребленія Британцевъ? Они завоевали нашъ островъ, съ цѣлію доставить себѣ большія удобства жизни. Рабы составляли въ то время важную часть богатствъ. Неужели Саксы добровольно лишили себя такой выгоды, или побѣжденное ими племя отличалось такою любовью къ независимости и столь глубокимъ презрѣніемъ къ жизни, что предпочло смерть неизбѣжному порабощенію? Какъ ни сильны были природное мужество и страсть къ свободѣ Британцевъ, они однако не обнаружили этихъ свойствъ въ эпоху, о которой здѣсь говорится. Доказательствомъ можетъ служить то, что они просили Римлянъ возвратиться для ихъ защиты, и союзъ ихъ съ Саксами, которыхъ они сами призвали, не находя другаго средства къ оборонѣ противъ Пиктовъ и Скоттовъ. Подобной твердости нельзя допустить ни у Британцевъ, ни у другихъ народовъ. Небольшое число людей могло обречь себя на вѣрную гибель; отъ цѣлаго народа этого нельзя ожидать. Даже Римляне клали оружіе и сдавались.

Но съ другой стороны надобно предположить почти столь же невѣроятную твердость и въ народѣ-истребителѣ. Надобно допустить постоянство жестокости и звѣрства, котораго нѣтъ въ человѣческой природѣ. Подобное предположеніе было сдѣлано и подвергалось разсмотрѣнію въ эпоху завоеванія Китая Чингисъ-ханомъ. Это происшествіе, можетъ быть единственное въ исторіи, до того странно, что заслуживаетъ подробнаго изложенія. Я передамъ его словами Абель-Ремюза. „Въ то время, когда Чингисъ возвратился изъ своего похода на западъ, Еліу-Ту-цай нашелъ случай оказать племенамъ Китая услугу еще болѣе важную. Житницы были пусты; не было ни одной мѣры хлѣба, ни одного куска ткани. Тогда было представлено совѣту, что, такъ какъ Китайцы не приносятъ никакой пользы государству, то слѣдовало бы истребить все населеніе покоренныхъ областей и обратить эти земли въ хорошія пастбища, которыя могутъ служить большимъ пособіемъ для завоевателей. Одинъ Ту-цай былъ въ состояніи отвратить это странное предложеніе. Онъ объяснилъ хану, что войска его, подвигаясь къ южнымъ предѣламъ Китая, будутъ имѣть надобность во многихъ предметахъ, которые легко получать при справедливомъ распредѣленіи поземельныхъ повинностей, торговыхъ пошлинъ и налоговъ на соль, вино, желѣзо, уксусъ, произведенія горъ и озеръ. Такимъ образомъ, прибавилъ Ту-цай, можно получить въ годъ 500 тысячъ унцій серебра, 80 тысячъ штукъ разныхъ тканей, болѣе 40 тысячъ квинталовъ хлѣба, однимъ словомъ все нужное для содержанія войскъ. Нельзя, слѣдовательно, сказать о такомъ населеніи,

что оно безполезно для государства". Понятно послѣ этого, что доводы Ту-цая убѣдили его слушателей, хотя Монголы были страшно жестоки.

Народъ, — я разумѣю здѣсь многочисленное населеніе, — можетъ лишиться весьма обширныхъ владѣній. Случаи такіе теперь конечно рѣдки и встрѣчаются только у дикихъ. Американскіе туземцы, напримѣръ, уступили Европейцамъ огромное пространство земли. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нельзя было жить вмѣстѣ по причинѣ рѣзкой противоположности. Дикарь не имѣетъ собственности, ничего не знаетъ, ни къ чему не годенъ. Но въ исторіи Стараго-материка рѣчь идетъ не о дикаряхъ, а о варварахъ, т. е. племенахъ, у которыхъ есть уже зародыши образованности.

У варваровъ существуетъ нѣкоторая промышленность. Отсюда происходитъ невозможность добровольныхъ, или насильственныхъ переселеній цѣлаго народа. Вожди, предлагающіе походъ съ цѣлію завоеваній, не въ состояніи увлечь за собою всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Человѣкъ, у котораго есть собственность, разсчитываетъ: разсчеты не у всѣхъ одинаковы; одни идутъ, другіе остаются. Въ случаѣ завоеванія, побѣдителю не-для чего изгонять прежнее населеніе съ покоренной почвы. Ему конечно необходимъ просторъ, особливо если онъ ведетъ кочевую жизнь; но онъ довольствуется удаленіемъ только части побѣжденныхъ, ибо ему нужны подати, рабы и помощники. Оставшіеся въ живыхъ жители дѣлятся потомъ на двѣ половины: одни, побуждаемые стремленіемъ къ независимости, добровольно покидаютъ родимый край, другіе заключаютъ какую-нибудь сдѣлку съ побѣдителями. Вотъ заключенія, которыя можно вывести, если не изъ исторіи, то изъ знанія человѣческой природы. Скажу болѣе—исторія подтверждаетъ эти заключенія. Можно подумать, что вслѣдствіе частыхъ и огромныхъ переворотовъ, испытанныхъ кочевыми народами Азіи, ни одинъ изъ нихъ не остался въ предѣлахъ первобытной родины. Однако Абель-Ремюза, занимаясь татарскими племенами, находилъ ихъ всѣхъ на прежнихъ мѣстахъ, когда исторія и филологія снабжали его достаточными данными.

Говоря о гипотезѣ д-ра Причарда, я коснулся вліяній образованности и показалъ, что факты, приводимые имъ въ защиту своего мнѣнія, объясняются болѣе естественнымъ образомъ чрезъ смѣшеніе разныхъ породъ на одной почвѣ. Прибавлю, что мы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить съ точностію, какое вліяніе имѣетъ образованность на формы и пропорціи тѣла въ отдѣльныхъ породахъ.

Нельзя, слѣдовательно, ни утверждать, ни отрицать перемѣнъ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ такого вліянія. — Впрочемъ вопросъ о переходѣ отъ дикаго состоянія къ просвѣщенію насъ не касается, ибо онъ относится къ эпохамъ столь отдаленнымъ и темнымъ, что онѣ выходятъ изъ предѣловъ исторіи. Миѳологія и баснословныя преданія рисуютъ созданную воображеніемъ картину прошлаго. Но исторія не показываетъ намъ въ дикомъ состояніи ни одного народа, который потомъ самъ изобрѣлъ или заимствовалъ отъ другихъ науки и искусства. Подобное изложеніе сдѣлается возможнымъ со временемъ, когда у дикихъ племенъ Новаго-міра (4) совершится этотъ переходъ, самый трудный изъ всѣхъ, какіе предстоятъ

человѣческимъ обществамъ. Разсказы о немъ услышатъ только далекіе потомки наши.

Дѣйствія образованности уже зрѣлой на формы и пропорціональность тѣла народа, котораго физическія примѣты измѣнились вслѣдствіе его отрѣшенія отъ дикаго быта, могутъ быть замѣчены только въ частныхъ случаяхъ, потому что образованность не одинаково распредѣляется по сословіямъ, и низшія мало въ ней принимаютъ участія. Вы, безъ сомнѣнія, будете согласны со мной; но я пойду еще далѣе, опираясь на непосредственные опыты. Вездѣ, гдѣ мнѣ удавалось опредѣлить одинъ или нѣсколько типовъ, я находилъ эти типы во всѣхъ рядахъ общества, въ городахъ и селеніяхъ, отъ крестьянина и осѣдлаго работника, погруженныхъ въ глубочайшее невѣжество и бѣдность, до лицъ, принадлежащихъ къ древнимъ и пользующимся славою всякого рода фамиліямъ. Эти сословія представляютъ навѣрно всѣ степени просвѣщенія; однако одинъ и тотъ же типъ существуетъ во всѣхъ. Онъ, слѣдовательно, можетъ сохраняться при всѣхъ видоизмѣненіяхъ общественнаго быта. Другихъ доказательствъ намъ не нужно, и мы не поведемъ далѣе нашихъ изслѣдованій. Мнѣ кажется, что я разсмотрѣлъ эту сторону занимающаго насъ предмета съ самыхъ важныхъ точекъ зрѣнія и не упустилъ изъ виду ничего необходимаго для узнанія истины. Вопросъ былъ сложенъ и теменъ; я старался его упростить и пояснить; надѣюсь, что Вы вмѣстѣ со мною пришли къ убѣжденію, что главные физическіе признаки народа могутъ въ большинствѣ населенія оставаться неизмѣнными чрезъ длинный рядъ вѣковъ, не смотря на вліяніе климата, смѣшеніе породъ, иноплеменныя нашествія и успѣхи образованности. Не забудьте, что мы ограничили наши розысканія историческими временами, которыя наступаютъ для каждаго народа вмѣстѣ съ началомъ просвѣщенія. Мы, слѣдовательно, должны встрѣтить у нынѣшнихъ народовъ, при измѣнившихся оттѣнкахъ и въ большей и меньшей мѣрѣ, тѣ же черты, которыми они отличались въ эпоху ихъ вступленія въ исторію. Пришествіе новыхъ племенъ размножаетъ, какъ показано выше, а не смѣшиваетъ типы, которыхъ число увеличивается по числу народовъ и вслѣдствіе ихъ смѣшеній между собою. Но старые продолжаютъ существовать, хотя и въ меньшемъ объемѣ, по причинѣ распространенія среднихъ породъ. Такимъ образомъ, у народовъ болѣе или менѣе образованныхъ, первобытные и возникавшіе въ послѣдствіи типы, если они принадлежатъ значительнымъ частямъ населенія, могутъ существовать одновременно и не исключать другъ друга. Напротивъ, если они принадлежатъ малому числу, то они или исчезнутъ, или оставятъ мало слѣдовъ. Позволительно ихъ отыскивать, потому что есть причины, способныя сохранить ихъ; но не должно удивляться отрицательному результату поисковъ. Успѣхъ былъ бы гораздо удивительнѣе.

Начала, которыя насъ привели къ общему выводу, помогутъ намъ также при его приложеніи. Прошу Васъ не терять изъ виду то, что мы сказали выше о численномъ отношеніи и географическомъ распредѣленіи племенъ на одной почвѣ. Чрезъ наблюденіе мы узнаемъ настоящее; исторія сообщаетъ данныя о прошломъ; сравненіемъ опредѣляется отношеніе между тѣмъ

и другимъ, когда у народовъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія, были и есть условія, необходимыя для удержанія прежнихъ типовъ. Мы видѣли, что эти условія преимущественно встрѣчаются въ большихъ массахъ; отсюда слѣдуетъ, что великіе народы древности легче другихъ могутъ быть узнаны въ своихъ потомкахъ. — Не будемъ же жалѣть о томъ, что отъ насъ ускользаютъ мелкія примѣси, вошедшія въ составъ этихъ массъ и возбуждающія любопытство наше. Надобно умѣть умѣрять собственную любознательность. Зато опредѣленія наши будутъ точнѣе, потому что разнообразіе типовъ только сбиваетъ съ толку и затрудняетъ изслѣдователя. Такое дѣйствіе производитъ между прочимъ на умъ смутное воспоминаніе о разливѣ варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію, долго потомъ не вошедшемъ въ обычные берега. Длинный списокъ народовъ пугаетъ воображеніе. Можно подумать, что обширныхъ владѣній имперіи было недостаточно для помѣщенія однихъ варваровъ. Читатель раздѣляетъ страхъ, наведенный ими на Римлянъ: они кажутся ему безчисленными. Однако нѣкоторые историки записали числа или сообщили намъ данныя, на основаніи которыхъ можно составить себѣ болѣе вѣрное понятіе. Вотъ что̀ ускользаетъ отъ нашего вниманія, но чего не должно терять изъ виду. — Приведемъ главные примѣры: они послужатъ къ очищенію нашего ума отъ множества помрачающихъ его предубѣжденій. Ни греческихъ, ни латинскихъ писателей нельзя конечно упрекнуть въ намѣреніи уменьшить число враговъ. Напротивъ они увеличивали его, дабы скрыть позоръ своего пораженія. Вестготы, Вандалы, Гунны, Герулы, Остготы, Лонгобарды, Норманы, одни вслѣдъ за другими нападаютъ на Италію. Что̀ осталось въ Италіи отъ этого множества варваровъ? Вестготовъ, Вандаловъ и Гунновъ не зачѣмъ даже считать, потому что они только прошли по полуострову. Я не знаю, какія были силы Геруловъ и Остготовъ, когда они вошли въ Италію, но для меня довольно того, что Герулы, тотчасъ по водвореніи своемъ въ Италіи, должны были вступить въ кровавую борьбу съ Остготами и потерпѣли пораженіе. Объ ослабленіи побѣдителей можно составить себѣ понятіе по той малочисленной рати, которую они противопоставили Велизарію, хотя у нихъ было время и средства оправиться. Ихъ было сначала 50,000 человѣкъ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ семитысячный отрядъ, положившій оружіе и переведенный въ Константинополь (5).—Въ Италіи сохранились, безъ сомнѣнія, остатки этихъ народовъ, хотя о нихъ не упоминается болѣе; но какое значеніе могли они имѣть въ массѣ италіянскаго населенія, какъ бы ни было оно истощено предшествовавшими несчастіями? Долѣе другихъ удержались Лонгобарды, которые владѣли значительною частію края, получившею отъ нихъ свое названіе. Но сколько ихъ было въ началѣ? Можетъ быть, 100,000 человѣкъ. Нормановъ, которые завоевали почти всю южную Италію, было также весьма немного; но въ этой горсти людей находились Роланды и Амадисы исторіи (6). Галлія получила новое имя и новыхъ властителей вслѣдствіе пришествія Франковъ; Вамъ однако извѣстно, какъ малочисленна была дружина Хлодвига. Впослѣдствіи Вильгельмъ Завоеватель покорилъ съ 60 т. человѣкъ всю Англію. Эти великія, достопамятныя завоеванія преоб-

разили совершенно существовавшій до нихъ порядокъ вещей, но не могли произвести большихъ перемѣнъ въ типахъ покоренныхъ народовъ. Если потомки завоевателей частію сохранили физическія примѣты своихъ предковъ, то они составляютъ отдѣльныя небольшія группы и теряются въ массѣ населенія. Тѣже явленія повторяются и въ исторіи другихъ завоеваній, особенно такихъ, которыя совершились посредствомъ одного нашествія. Вообще не цѣлый народъ, а только часть его, иногда очень малая, идетъ войною на другой и покоряетъ его.

Таковъ былъ обыкновенный ходъ вещей въ историческія, намъ хорошо знакомыя времена. Здѣсь нѣтъ надобности входить въ разборъ цѣлей завоеванія. Но сколько завоеваній совершено съ цѣлями чисто-политическими, для утвержденія собственнаго превосходства и преобладанія надъ другими государствами, а не для того, чтобы сгонять народъ съ его родной почвы и поселиться на ней. Вамъ извѣстно, что Римляне при основаніи своего владычества постоянно дѣйствовали такимъ образомъ. Я не безъ намѣренія привелъ въ примѣръ Римлянъ и варваровъ, разрушившихъ имперію. Вы, вѣроятно, напередъ угадали приложеніе.

Бываютъ однако завоеванія другаго рода, производящія великія перемѣны чрезъ послѣдовательныя нашествія одного и того же народа. Ихъ волны идутъ одна за другою, и не смотря на значительные промежутки и бѣдность самаго источника, постепенно накопляются и образуютъ большія, существующія массы. Такъ Саксы овладѣли Британіею, гдѣ порода ихъ продолжается до сихъ поръ.—Другая причина смѣшенія народовъ, не столь поражающая воображеніе, но столь же дѣйствительная, заключается въ древнемъ и средневѣковомъ рабствѣ. Если источникомъ рабства была война, которую вели между собою родственныя, но не слитыя въ одинъ народъ племена, то коренные типы не подвергались измѣненію. Тоже самое можно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда война шла между сосѣдними народами одной породы. Если же рабы доставлялись изъ чуждыхъ странъ посредствомъ военныхъ набѣговъ или торговли, то они, вслѣдствіе своего разнообразнаго и пестраго происхожденія, составляли смѣсь, принадлежавшую къ неопредѣлимой части населенія. Предположивъ даже, — ибо надобно имѣть въ виду всякую возможность, — что нѣкоторыя изъ этихъ породъ рабовъ, по перевѣсу своему надъ другими, могли уцѣлѣть до нашего времени, мы найдемъ, что ихъ типы, составлявшіе принадлежность классовъ наименѣе многочисленныхъ, не представляютъ препятствій къ опредѣленію признаковъ, характеризующихъ цѣлый народъ. Разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ преимущественно о древнемъ невольникѣ, оторванномъ отъ своей родины и перенесенномъ на почву и къ племени, которыя ему равно чужды.

Мы обращались съ нашими вопросами къ исторіи естественной и къ исторіи гражданской. Изъ согласія обѣихъ видно, что прямые потомки всѣхъ великихъ народовъ, извѣстныхъ въ древности, должны существовать и теперь. —Замѣтьте, что этотъ выводъ не перестаетъ быть истиннымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ нѣтъ средствъ его повѣрить на дѣлѣ, потому что происхожденіе отдѣльныхъ лицъ и ихъ сходство съ предками

суть два различныхъ факта, которые могутъ быть соединены въ природѣ, но не должны быть смѣшиваемы между собою въ умѣ нашемъ. Я до сихъ поръ высказывалъ въ видѣ предположенія мою мысль, что у древнихъ народовъ были характеристическіе типы, потому что прежде всего намъ надобно было убѣдиться въ переходѣ этихъ типовъ къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, не смотря на дѣйствіе измѣняющихъ, нами уже разсмотрѣнныхъ причинъ. Убѣдившись въ этомъ, мы перейдемъ къ другому вопросу. — Вотъ еще новая выгода, происходящая отъ принятаго нами взгляда на предметъ.— Изъ предшествующаго разсужденія ясно, что если такіе типы существовали прежде, то они существуютъ и въ наше время. Путь намъ предстоящій очевиденъ: мы должны сначала опредѣлить посредствомъ наблюденій, есть ли вообще и сколько различныхъ типовъ у народа, подлежащаго изученію. Открывъ такіе типы, слѣдуетъ восходить къ ихъ началу. Я могу наконецъ отдать Вамъ отчетъ въ моихъ наблюденіяхъ, познакомивъ Васъ напередъ съ тѣми основаніями, на которыя они опираются. Вы должны знать существенные внѣшніе признаки, изъ которыхъ слагается типъ.

Признаки, заимствованные изъ формъ и размѣровъ головы и чертъ лица, занимаютъ безъ сомнѣнія первое мѣсто. Вы тотчасъ поймете сами, въ чемъ дѣло, безъ предварительнаго изложенія началъ классификаціи въ естественныхъ наукахъ. По какимъ примѣтамъ мы узнаемъ человѣка? Не по росту, не по дородству его, не по цвѣту́ кожи или волосъ, а по лицу, т. е. по формѣ головы и по отношеніямъ (пропорціямъ), существующимъ между чертами лица. Достаточно взглянуть на одну эту часть тѣла, чтобы узнать человѣка, котораго нельзя отличить отъ толпы, если будемъ на него смотрѣть съ другой стороны. Такъ ваятель изображаетъ человѣка въ бюстѣ. Сходство тотчасъ становится очевиднымъ. Возьмите, потомъ, составленное въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ описаніе того же человѣка; описаніе будетъ относиться къ нему, но не дастъ намъ вполнѣ опредѣляющаго и отличающаго его отъ другихъ понятія. Слово не въ состояніи передать оттѣнковъ, составляющихъ особенность недѣлимаго, и описаніе относится ко всѣмъ созданнымъ по одному образцу, т. е. наиболѣе сходнымъ между собою индивидамъ. Другаго, лучшаго способа для точнаго опредѣленія тождества породъ, по моему мнѣнію, нельзя найти, потому что онъ ближе всякаго другаго представляетъ отличительные признаки недѣлимаго, отвлекая отъ названныхъ мною выше, какъ мнѣ кажется, преходящихъ оттѣнковъ (7). Ихъ перемѣна не измѣняетъ человѣка. Я принимаю къ соображенію видоизмѣненія волосъ, цвѣта кожи, роста: когда они составляютъ общую принадлежность, тогда они получаютъ даже большое значеніе; но взятыя отдѣльно, они суть нѣчто второстепенное и никакъ не могутъ служить признаками породъ, кромѣ крайнихъ случаевъ.—Замѣтьте, что чѣмъ строже я настаиваю на тождествѣ типовъ, тѣмъ болѣе должны Вамъ внушать довѣріе мои приложенія къ исторіи. — Весьма можетъ быть, что природа, производя породы, дѣйствовала съ бо́льшею свободою. Я даже не сомнѣваюсь въ этомъ, потому что, придерживаясь преимущественно одного образца, она, вслѣдствіе причинъ намъ неизвѣстныхъ, уклоняется отъ него въ раз-

ныя стороны и доходитъ въ этихъ уклоненіяхъ до такъ называемыхъ уродовъ. Ограничивая такимъ образомъ типъ, устраняя сходства, не соединяющія въ себѣ всѣхъ существенныхъ признаковъ, мы уменьшаемъ число приложеній, но сообщаемъ имъ за-то болѣе точности.

Чѣмъ обширнѣе група съ опредѣленными уже признаками, тѣмъ достовѣрнѣе будутъ извлеченные нами выводы, потому что такую группу нельзя принять за случайное уклоненіе, не принадлежащее къ характеристикѣ народа. — Вотъ почему я старался въ разсказѣ о моихъ наблюденіяхъ дать Вамъ понятіе о пестротѣ и разнообразіи однихъ и тѣхъ же впечатлѣній. Послѣ сказаннаго доселѣ, Вы можете съ довѣріемъ слѣдовать за мною, ибо въ подобныхъ предметахъ участіе происходитъ отъ основанной на чемъ нибудь надежды дойти до истины. Вы, можно сказать, будете моимъ спутникомъ въ моихъ странствованіяхъ по Франціи, Италіи и части Швейцаріи. Вы будете присутствовать при моихъ наблюденіяхъ, но мы приступимъ къ ихъ приложенію только тогда, когда соберемъ ихъ въ достаточномъ числѣ и въ надлежащемъ объемѣ. — Тотчасъ по прибытіи на границу Бургундіи. я началъ замѣчать совокупность формъ и чертъ, которыя составляли особенный типъ. Чѣмъ далѣе я ѣхалъ, тѣмъ рѣзче и чаще выдавался этотъ типъ. Онъ очень часто попадался мнѣ вдоль дороги отъ Оксера къ Шалону. Я пріѣхалъ въ послѣдній городъ въ торговый день и поспѣшилъ на рынокъ, дабы разсмотрѣть лица окрестныхъ поселянъ. Многія изъ этихъ лицъ, къ удивленію моему, вовсе не походили на тѣ, которыя я видѣлъ прежде. Типы тѣхъ и другихъ были до такой степени различны, что представляли совершенную противоположность между собою. Описывать ихъ здѣсь не мѣсто. Я это сдѣлаю впослѣдствіи, когда рѣчь будетъ объ ихъ историческомъ названіи. Въ то время я не позволилъ себѣ никакихъ заключеній, потому что видѣлъ только небольшую часть провинціи и не могъ различать племенъ, которыми она была населена. Я довольствовался тѣмъ, что замѣтилъ эти факты и сохранилъ ихъ въ памяти, въ ожиданіи возможности употребить ихъ въ дѣло. Преобладающій и весьма характеристическій типъ, который я замѣтилъ до Шалона, попадался мнѣ часто на глаза во все продолженіе моей поѣздки по Бургундіи. Сущность его не измѣнилась въ Ліонской области, но оттѣнки были уже не тѣ. То же можно сказать о Дофинэ. Тотъ же самый характеръ формъ и пропорцій, но съ перемѣною цвѣта кожи, продолжается въ Савоіѣ до Монъ-Сени. Признаюсь, такое сходство чертъ у значительнаго числа людей, живущихъ на пространствѣ между Оксеромъ и Альпами, меня не мало удивило, хотя оно согласовалось съ моими мнѣніями. Разумѣется, что не весь народъ былъ вылитъ въ одну форму; но я нашелъ только одинъ рѣзко обозначенный типъ, за исключеніемъ небольшой группы, видѣнной мною въ Шалонѣ.

Если бы, слѣдуя другому плану, я положилъ въ основаніе моихъ наблюденій цвѣтъ кожи, а не формы и отношенія частей, то нашелъ бы на обширномъ пространствѣ между Оксеромъ и Монъ-Сени различныя племена Бургундовъ, Ліонцевъ, Дельфинатцевъ и Савояровъ, а не одноплеменный народъ съ разными оттѣнками цвѣта.

На этой землѣ жило въ глубокой древности одно изъ племенъ галльскихъ. Намъ все равно, какое именно. Впослѣдствіи Римляне покорили этотъ народъ, смѣшались съ нимъ. Если бы Вамъ нужно было опредѣлить, какому изъ обоихъ племенъ принадлежитъ описанный мною типъ, Вы не усомнились бы признать его галльскимъ, потому что меньшее число не въ состояніи передать своихъ внѣшнихъ признаковъ бóльшему. Но римское владычество уступаетъ мѣсто другому—бургундскому. Вы должны будете однако остаться при прежнемъ выводѣ, не смотря на послѣдующее завоеваніе края Франками. Отношенія остаются тѣже.

Таково будетъ по необходимости Ваше мнѣніе. Не скажу, что оно было и моимъ, потому что у меня въ то время не образовалось еще никакого мнѣнія. Я былъ слишкомъ занятъ внѣшнею стороною моихъ наблюденій и не заботился о выводѣ заключеній. Предо мною лежала Италія, и обѣщала мнѣ множество достойныхъ вниманія предметовъ. Я не хотѣлъ ни пройти равнодушно мимо произведеній древняго и новаго искусства, ни посвятить имъ исключительнаго изученія. Большая часть путешественниковъ заботятся только о томъ, какъ бы посмотрѣть на эти памятники, и довольствуются воспоминаніями, соединенными съ искаженными остатками минувшихъ вѣковъ. Но на этихъ самыхъ обломкахъ, на этомъ прахѣ древности, составляющихъ предметъ восторга и поклоненія для путешественниковъ, можетъ быть, существуютъ еще потомки людей, создавшихъ эти памятники, и напоминаютъ собою предковъ. Вотъ чтò мнѣ хотѣлось повѣрить, въ надеждѣ, что, въ случаѣ успѣха, изслѣдованія мои получатъ для меня такую же прелесть, какую имѣютъ для археолога самые счастливые поиски.

Проѣзжая чрезъ Флоренцію, я воспользовался случаемъ, какой доставляла герцогская галлерея, для изученія римскаго типа. Я обратилъ преимущественно вниманіе на бюсты первыхъ императоровъ, потому что они происходили отъ древнихъ фамилій и не принадлежали, какъ многіе изъ ихъ преемниковъ, къ чуждымъ племенамъ. Въ нихъ замѣчательно не только сходство формъ и пропорцій, которое существуетъ между многими, но характеръ до такой степени рѣзко опредѣленный, что его нельзя забыть и не узнать. Вы можете составить себѣ достаточное о немъ понятіе, взглянувъ на бюсты Августа, Секста Помпея, Тиверія, Германика, Клавдія, Нерона, Тита, которые находятся въ Парижскомъ Музеѣ и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ точное описаніе этого типа: вертикальный поперечникъ коротокъ, вслѣдствіе чего лице широко; такъ какъ верхушка черепа довольно плоская, а нижній край челюсти почти горизонтальный, то очеркъ головы подходитъ спереди къ формѣ четвероугольника. Это очертаніе до такой степени существенно принадлежитъ типу, что таже, но вытянутая въ длину голова, сохраняя всѣ прочія черты и представляя совершенное подобіе Римлянина, перестаетъ быть характеристическою. Боковыя части головы выше ушей выпуклы, лобъ низокъ, носъ настоящій орлиный, т. е. горбъ начинается сверху и оканчивается, не доходя до конца; основа носа горизонтальная. Передняя часть подбородка округлена.

Вы узнаете эти примѣты на бюстахъ и статуяхъ лицъ, мною назван-

ныхъ, и другихъ, о которыхъ я не упомянулъ. Но Вы не вездѣ найдете эти признаки, потому что типъ не можетъ быть всеобщимъ въ народѣ.

Эти замѣчанія глубоко врѣзались мнѣ въ память, хотя я не много о нихъ думалъ. Вниманіе мое было развлечено множествомъ предметовъ, на пути изъ Флоренціи въ Римъ черезъ Перуджію. Я полагалъ притомъ найти представителей древняго римскаго народа не на дорогѣ, а у цѣли моего путешествія. Но сверхъ ожиданія я узналъ ихъ, по поразительному сходству, уже на Монте-Джераландро, у самаго входа въ папскія владѣнія. Тѣже самыя примѣты были мною замѣчены на значительномъ числѣ лицъ по всей дорогѣ, въ Перуджіи, Сполето и т. д. до Рима. Мы ѣхали цѣлымъ обществомъ, и всѣ мы должны были признать неоспоримое сходство. Не считаю нужнымъ прибавлять, что упомянутыя примѣты существуютъ и въ Римѣ, не смотря на пеструю смѣсь населенія. Объ этомъ уже говорили другіе. Но такихъ признаковъ типа не должно искать исключительно въ какомъ нибудь одномъ предмѣстіи или уголкѣ Рима: они встрѣчаются вездѣ, у лицъ обоего пола и всѣхъ сословій. Сходство относится не къ одному только бюсту, но къ цѣлому стану. Вы знаете, что Римляне были средняго роста. Я не могу опредѣлительно сказать, какъ далеко этотъ типъ идетъ на югъ. Въ Неаполѣ онъ исчезаетъ или по крайней мѣрѣ не довольно рѣзко выступаетъ для того, чтобы его можно поставить въ числѣ характеристическихъ особенностей столицы. Тамъ преобладаетъ другая форма, о которой здѣсь не мѣсто говорить. Судя по нѣкоторымъ туземцамъ, я имѣю причины предполагать, что типъ, названный нами римскимъ, продолжается въ верхней части Неаполитанскаго Королевства. Во всякомъ случаѣ онъ распространенъ къ сѣверу отъ Рима не только въ направленіи къ Перуджіи, какъ я сказалъ, но и въ другую сторону, къ Сіеннѣ, Витербо и далѣе.

Эти наблюденія, при всей ихъ ограниченности, доставляютъ намъ полезныя и приложимыя къ исторіи свѣдѣнія. Я вовсе не думаю утверждать, что цѣлый народъ вылитъ въ одну форму. Достаточно и того, что есть такая общая большинству форма. Выше сказано, что черты, характеризующія нынѣшнихъ жителей этихъ странъ, принадлежали и древнему ихъ населенію. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что типъ императоровъ повторяется въ многочисленныхъ изображеніяхъ простыхъ воиновъ и частныхъ людей, которыхъ представляютъ найденные здѣсь барельефы и бюсты. Что же теперь думать о римскомъ народѣ? Можно ли допустить, что онъ произошелъ отъ Энея и Троянъ, образуя чуждое Италіи и заключенное въ предѣлахъ одного города племя? Городское населеніе обыкновенно выходитъ изъ сельскаго, особенно въ обширныхъ странахъ, и Римъ былъ населенъ такимъ же образомъ. Многіе изъ сосѣднихъ народовъ, между прочимъ Сабины и бо̀льшая часть Этрусковъ, принадлежали тогда, какъ и теперь, къ одной породѣ съ Римлянами. Но политическое раздѣленіе итальянскихъ племенъ, различіе ихъ именъ и интересовъ были до такой степени значительны, что историки почти всегда приписывали имъ различное происхожденіе. Микали и Нибуръ вѣрнѣе поняли эти отношенія, и факты мною излагаемые должны служить къ подкрѣпленію ихъ мнѣній.

Иностранцы могутъ поселиться среди какого нибудь народа, властвовать надъ нимъ, образовать его, измѣнить его имя и языкъ, не касаясь его общихъ физическихъ отличій. Небольшое число людей въ состояніи одержать верхъ надъ толпою и дѣйствовать на ея мнѣнія; но мы уже видѣли, что организмъ не такъ уступчивъ. Я не знаю, у какого, туземнаго или пришлаго народа заимствовали Этруски языкъ свой, учрежденія и искусства. Вопросъ этотъ еще далеко не рѣшенъ (8). Очевидно только то, что часть населенія похожа на другія, названныя мною племена. Исторія говоритъ намъ, что населеніе Этруріи было смѣшанное, а наблюденіе формъ подтверждаетъ ея свидѣтельство. Я не входилъ въ разборъ всѣхъ составныхъ элементовъ этой смѣси, но открылъ одинъ, котораго происхожденіе было для меня долгое время загадкою.

Одинъ изъ отличнѣйшихъ римскихъ живописцевъ, Агрикола, написалъ портреты четырехъ великихъ поэтовъ Италіи: Данта, Петрарки, Аріоста и Тасса. Этюды его были составлены по всѣмъ памятникамъ того времени. Онъ былъ такъ добръ, что показалъ мнѣ собраніе своихъ рисунковъ. Сравнивая ихъ между собою, я пришелъ къ заключенію, что портреты Данта должны быть очень похожи, потому что они почти не разнились одинъ отъ другаго. Къ тому же пропорціи его лица были такъ опредѣлены, и черты такъ рѣзки, судя по описанію, составленному однимъ изъ друзей флорентинскаго поэта, что живописцу трудно было бы не попасть на сходство. У него была продолговатая и нѣсколько узкая голова, лобъ высокій и развитый, носъ загнутый концемъ къ низу съ вздернутыми ноздрями (ailes du nez relevées), подбородокъ выдающійся.

Этотъ крѣпко обозначенный образъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Я не искалъ впрочемъ въ Тосканѣ повторенія такого типа, но по странному случаю, пріѣхавъ на границу по сіенской дорогѣ, я встрѣтилъ, или можетъ быть впервые замѣтилъ въ Радикофани нѣсколько сходныхъ съ нимъ лицъ. Одно изъ нихъ представляло живое подобіе Данта. Еще прежде, въ первый мой проѣздъ черезъ Флоренцію, я нашелъ въ галлереѣ великаго герцога нѣсколько такихъ фигуръ, между статуями и бюстами медичейской фамиліи. Онѣ попадались мнѣ также въ тамошнемъ обществѣ. Но я въ то время не обратилъ должнаго вниманія на это явленіе и не могъ дать себѣ яснаго отчета въ совокупности чертъ. Послѣднее пребываніе мое въ Тосканѣ было продолжительнѣе, и я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что замѣченный мною прежде типъ есть настоящій тосканскій. Мы видѣли, что онъ существовалъ въ эпоху Данта; я прибавлю, что къ нему должно причислить многихъ великихъ мужей флорентинской республики. Даже на памятникахъ этрусскаго искусства онъ обратилъ на себя мое вниманіе. Я продолжалъ наблюдать его въ Болоньѣ, Феррарѣ, Падуѣ и въ селеніяхъ, лежащихъ между этими городами. Въ Венеціи онъ не только часто встрѣчается, но существовалъ постоянно въ удивительномъ количествѣ. Онъ выдается такъ рѣзко, что его нельзя не узнать. Доказательствомъ можетъ служить голова Данта. Сходство такъ велико, что поражаетъ даже людей, которые не знаютъ, что̀ такое типъ или порода, и замѣчаютъ только

отдѣльныя явленія. Я стоялъ однажды въ Венеціи, въ галлереѣ венеціянской школы, передъ картиною, на которой изображенъ былъ одинъ изъ святыхъ, родившихся въ томъ краѣ. Видя, что я смотрю съ большимъ вниманіемъ, мой чичероне замѣтилъ мнѣ, что эта голова очень похожа на голову Данта. О количествѣ, въ какомъ этотъ типъ былъ распространенъ здѣсь прежде, я могъ судить по портретамъ дожей, собраннымъ въ бывшемъ дворцѣ ихъ. Я былъ пораженъ лежащимъ на всѣхъ этихъ портретахъ отпечаткомъ одной породы.

По мѣрѣ приближенія моего къ Милану, типъ этотъ попадался мнѣ все чаще. Иногда характеристическія черты его являлись въ такихъ преувеличенныхъ размѣрахъ, что подходили къ каррикатурѣ. Разъ мнѣ случилось остановиться часа на два въ одномъ селеніи: я отправился на площадь, гдѣ было собрано много крестьянъ. Я не могъ наглядѣться на нихъ, по причинѣ ихъ совершеннаго сходства съ однимъ изъ типовъ, видѣнныхъ мною во Франціи. Мнѣ казалось, что я перенесся на шалонскій рынокъ, гдѣ, какъ я уже сказалъ Вамъ, меня поразилъ у крестьянъ характеръ головы, совершенно отличный отъ того, какой я до тѣхъ поръ видѣлъ въ Бургундіи. Тамъ меня изумило различіе, а здѣсь сходство. Ошибиться было невозможно. Вспомните, въ какой чистотѣ и какъ часто я находилъ этотъ типъ въ Италіи. Я долженъ былъ признать существованіе рѣзко отмѣченной и многочисленной породы, распространенной по всему сѣверу итальянскаго полуострова. Но развѣ я не въ Цизальпинской Галліи и не видалъ такого же народа въ настоящей Галліи, по ту сторону Альповъ? Почему же не признать его, согласно съ исторіею, за Галловъ? Для полнаго убѣжденія въ предполагаемомъ тождествѣ обоихъ населеній надлежало однако совершить много новыхъ наблюденій. Я долженъ былъ слѣдить за этимъ типомъ съ одного мѣста на другое, на какъ-можно большемъ пространствѣ. Обратный путь мой шелъ черезъ ту часть Швейцаріи, которая нѣкогда принадлежала Галламъ. Я могъ слѣдовательно найти тамъ одну изъ двухъ породъ, а можетъ быть и обѣ.

Ронская долина начинается у сѣвернаго склона Симплона. Первые жители, встрѣчаемые путешественникомъ, даже на вершинѣ горы,—Германцы. Они отличаются отъ сосѣдей наружностію и языкомъ, ибо говорятъ по нѣмецки. Далѣе, въ Вале, измѣняются въ одно время языкъ и черты. Я слышу уже французское нарѣчіе и узнаю племя, съ которымъ познакомился въ Савоіѣ, съ тѣми же чертами и даже цвѣтомъ лица. Подъѣзжая къ Женевѣ, я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ съ другимъ типомъ. Въ самой Женевѣ ихъ уже было много: они совершенно походили на людей, видѣнныхъ мною въ сѣверной Италіи и Шалонѣ. Все населеніе очевидно принадлежало къ двумъ отдѣльнымъ, рѣзко противоположнымъ между собою породамъ: у одной голова болѣе круглая, чѣмъ овальная, черты округленныя и ростъ средній; у другой продолговатая голова, высокій и широкій лобъ, носъ загнутый концемъ къ низу съ приподнятыми ноздрями (ailes du nez), подбородокъ сильно выдающійся и высокій ростъ. Необходимымъ слѣдствіемъ совокупнаго жительства этихъ породъ на одной почвѣ было образованіе

многочисленныхъ среднихъ формъ. Я съ удовольствіемъ отмѣчалъ въ помѣсяхъ характеристическія черты и искаженныя пропорціи чистыхъ типовъ. Слѣдуя порядку, въ какомъ они поставлены выше, я буду впредь называть эти типы первымъ и вторымъ. Имѣя въ виду продолжать тѣ же наблюденія на новыхъ мѣстахъ, я рѣшился ѣхать къ Макону и Шалону черезъ Брескую область (Bresse). Мнѣ хотѣлось, такимъ образомъ, связать цѣпью непрерывныхъ изслѣдованій часть населеній, принадлежащихъ ко второму типу. Я нашелъ дѣйствительно на большой дорогѣ, въ Бресской области, такую же смѣсь тѣхъ же элементовъ, но отношеніе частей было другое. Первый типъ преобладалъ до такой степени, что я едва могъ находить слѣды втораго. Но послѣдній явился снова близъ Макона, вдоль рѣчнаго берега и по подымающейся въ гору дорогѣ къ Шалону. Къ счастію, я пріѣхалъ въ Шалонъ въ самый день рынка и получилъ возможность повѣрить мои воспоминанія чрезъ сравненіе съ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Изъ этихъ наблюденій и другихъ, сдѣланныхъ мною еще прежде въ прочихъ частяхъ Франціи, можно будетъ, если не ошибаюсь, извлечь столь же крѣпкое, сколько нежданное подтвержденіе главныхъ идей, высказанныхъ Вами въ изданной Вами „Исторіи Галловъ“.

Но я долженъ предварительно означить въ Галліи границы, въ которыхъ находятся данныя для предпринятыхъ мною сближеній. Такъ какъ я не былъ въ южныхъ областяхъ, примыкающихъ къ Пиренейскимъ горамъ и Средиземному морю, то не буду говорить о племенахъ Басковъ и Лигуровъ, которыя тамъ жили. Вы принимаете, что остальная Галлія принадлежала въ древности двумъ великимъ семьямъ народовъ, которыя различались по языку, обычаямъ и общественному быту. Числительное отношеніе ихъ между собою намъ неизвѣстно, но изъ нихъ состояла вся масса населенія. Я съ своей стороны признаю, что настоящіе жители тѣхъ частей Франціи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, подходятъ подъ два до того опредѣленные и различные типа, что ихъ нельзя смѣшивать. Если бы съ той эпохи, когда, по Вашимъ словамъ, эти два племени стали единственными владѣтелями почвы, не было никакихъ инородныхъ примѣсей, то мы были бы въ правѣ принять оба типа за принадлежность двухъ семей галльскихъ народовъ. Но съ тѣхъ поръ многіе другіе народы покоряли цѣлый край или нѣкоторыя его части. Какъ же провести черту различія? Въ самомъ началѣ этого письма, при изложеніи общихъ понятій, мы постановили правило, имѣющее руководить насъ въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Оно уже не разъ было прилагаемо нами къ дѣлу. *Меньшее число никогда не передаетъ своего типа большему.* Вамъ извѣстно, какъ несоразмѣрно было отношеніе завоевателей, поселившихся въ Галліи, къ туземному населенію. Мы ограничимся пока этимъ замѣчаніемъ. Дальнѣйшіе доводы будутъ представлены послѣ.

Изъ двухъ племенъ, названныхъ Вами галльскимъ и кимрскимъ, первое было вѣроятно самое многочисленное, потому что, по Вашимъ словамъ, оно составляло древнѣйшее населеніе Галліи и занимало почти все ея пространство до появленія Кимровъ. Изъ этого начальнаго историческаго раздѣленія жителей Галліи я заключаю, что первый типъ, который показался мнѣ

наиболѣе многочисленнымъ, принадлежитъ Галламъ, а второй Кимрамъ. Сравнивая ихъ географическое распредѣленіе, мы приходимъ къ тому же выводу. Вы говорите, что упомянутыя племена жили отдѣльно: 1) восточную Галлію занимали Галлы, въ тѣсномъ смыслѣ Цезаря, которыхъ Вы называете тѣмъ же именемъ; 2) въ сѣверной Галліи, которая заключала въ себѣ Белгику Цезаря и Арморику, обитали племена, соединенныя Вами подъ одно общее названіе Кимровъ. Изъ Вашего изложенія событій, относящихся къ восточной части, видно, что между тамошними Галлами не могло быть большихъ чуждыхъ примѣсей, потому что Кимры никогда не врывались туда съ оружіемъ въ рукахъ. Замѣтьте, что я нашелъ рѣзко означенный типъ, который мы признали галльскимъ, именно въ той части Франціи, которая соотвѣтствуетъ восточной Галліи въ ея протяженіи съ сѣвера на югъ, т. е. въ Бургундіи, Ліонской области, Дофинэ и Савоіѣ. Типъ этотъ такъ распространенъ тамъ, что я сначала не замѣтилъ никакого другаго, за исключеніемъ одной мѣстности. Только на возвратномъ пути, занимаясь исключительно этимъ предметомъ, я встрѣтилъ второй типъ въ другихъ мѣстахъ той же полосы.

Несмотря на черту, проведенную Вами между землями, принадлежавшими обоимъ племенамъ, я полагаю, что Вы не думаете раздѣлять ихъ безусловно и не отрицаете возможности смѣшеній между ними. Такія смѣшенія были неизбѣжны, что видно даже изъ Вашихъ изслѣдованій, приписывающихъ религіозныя вѣрованія друидизма Кимрамъ, отъ которыхъ, по Вашимъ словамъ, они были заимствованы обитавшими въ восточной полосѣ Галліи Галлами. Намъ дѣла нѣтъ до времени, когда они пришли въ соприкосновеніе. Довольно того, что мы знаемъ, что и тѣ и другіе были многочисленны, что они жили рядомъ и слились въ послѣдствіи въ одинъ народъ. Время, разумѣется, привело новыя переселенія и смѣшенія. Я буду держаться Вашихъ названій для бóльшаго согласія нашихъ розысканій. У перваго типа, которому Вы дали имя галльскаго, голова округлена такъ, что приближается къ сферической формѣ; лобъ средній, немного выпуклый и опускающійся (fuyant) къ вискамъ; глаза большіе и открытые. Носъ, начиная съ переносицы (depression à la naissance), почти прямой, т. е. въ немъ нѣтъ значительнаго сгиба; конецъ носа и подбородка закругленные; ростъ средній. Вы видите, что черты здѣсь совершенно согласуются съ формою головы и что это подробное описаніе можетъ быть выражено немногими словами, такъ какъ я сдѣлалъ выше, сказавъ, что *голова болѣе круглая, чѣмъ овальная, черты округленныя и ростъ средній* [12].

---

[12] Ни г. Дюмуленъ, ни Бори де Санъ-Венсанъ не обратили вниманія на различія, существующія между древними жителями Галліи, и довольствовались общею характеристикою этихъ племенъ. Ихъ описанія должны слѣдовательно относиться къ типу, наиболѣе распространенному, т. е. къ чистымъ Галламъ Цезаря. Г. Дюмуленъ говоритъ положительно о головѣ болѣе круглой, чѣмъ овальной, что составляетъ признакъ перваго типа. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ нимъ, другихъ же противорѣчій быть не можетъ, ибо онъ не входитъ въ подробный разборъ чертъ. Г. Бори говоритъ, что лобъ опускается къ вискамъ. Это естественное слѣдствіе округленной формы головы. Вы видите согласіе этихъ писателей съ моимъ описаніемъ.

Обратимся теперь къ сѣверной полосѣ Галліи, гдѣ были главныя жилища кимрскихъ племенъ. Мы найдемъ здѣсь поводъ къ удивительнымъ сближеніямъ съ тѣмъ, что было сказано прежде. Я объѣхалъ въ одномъ изъ предъидущихъ моихъ путешествій большую часть белгійской Галліи Цезаря, отъ устьевъ Соммы до устьевъ Сены. И что же? я замѣтилъ здѣсь въ первый разъ соединеніе чертъ, составляющихъ второй типъ. Иногда онъ являлся мнѣ въ такихъ рѣзкихъ очеркахъ, что поражалъ меня: голова продолговатая, лобъ возвышенный и широкій, носъ горбатый и загнутый къ низу, ноздри вздернутыя, подбородокъ большой и выдающійся впередъ, ростъ высокій. Мы остановимся на этихъ основныхъ наблюденіяхъ: они занимательны и важны для нашихъ будущихъ изслѣдованій, по обширности своихъ приложеній. Ограничимся пока одною Франціею, продолжая начатое нами сравненіе. Достовѣрно, что этотъ типъ, видѣнный мною потомъ въ Бургундіи, не могъ принадлежать германскому племени, отъ котораго эта провинція получила свое названіе, потому что онъ существуетъ на обширномъ пространствѣ въ Нормандіи и Пикардіи, куда никогда не проникали Бургунды. Съ другой стороны, онъ не можетъ принадлежать скандинавскимъ Норманамъ, потому что встрѣчается въ Бургундіи и другихъ областяхъ восточной Галліи, гдѣ вовсе не было норманскихъ поселеній. Такимъ образомъ существованіе одного и того же типа въ двухъ названныхъ нами провинціяхъ исключаетъ Бургундовъ и Нормановъ и заставляетъ насъ возвратиться другимъ путемъ къ Белгамъ Цезаря, которыхъ Вы называете Кимрами. Другая галльская порода находится тамъ также съ своими характеристическими чертами.

Сколько мнѣ извѣстно, никто не думалъ утверждать, что Норманы истребили или выгнали вонъ все туземное населеніе Нейстріи. Кромѣ фактовъ, мною уже изложенныхъ, обсужденіе которыхъ необходимо приводитъ къ заключенію, что нынѣшніе жители края суть потомки древнихъ Галловъ (т. е. Кимровъ), есть еще одно историческое обстоятельство, которое совершенно согласуется съ нашимъ выводомъ. Норманы, какъ только они овладѣли Нейстріею и поселились въ ней, приняли языкъ новой родины и забыли свой собственный, скудные остатки котораго сохранились въ юридическихъ памятникахъ. При всей жестокости и даже кровожадности, какую они обнаружили во время своихъ набѣговъ, Норманы въ устройствѣ гражданскаго быта могли служить образцомъ для другихъ народовъ Средняго вѣка. Они разоряли въ качествѣ непріятелей; сдѣлавшись владѣльцами, они начинаютъ беречь и совершенствовать пріобрѣтенное.

Я не знаю, сохранилась ли часть ихъ потомства съ отличительными признаками своего происхожденія. Ни въ какомъ случаѣ потомство это не могло быть многочисленно, потому что народъ-завоеватель далеко уступалъ числомъ покоренному имъ населенію. Мы уже показали въ началѣ нашихъ изслѣдованій, что древніе типы могутъ быть находимы только въ большихъ массахъ, и имѣли возможность оправдать это мнѣніе на дѣлѣ. Надобно притомъ вспомнить, какія выгоды представляетъ Франція для успѣха подобныхъ розысканій: обширное пространство; населеніе значительное во всѣ

времена, вслѣдствіе плодородной почвы и хорошаго климата; менѣе чужеземныхъ примѣсей, чѣмъ у другихъ народовъ, у которыхъ находимъ тѣ же составныя породы; наконецъ болѣе точныя историческія свидѣтельства о различіи туземныхъ племенъ. Только однажды вся Галлія вела жестокую борьбу противъ чуждыхъ ей пришельцевъ, которые впрочемъ добивались политической власти, а не исключительнаго обладанія почвою. По окончаніи борьбы, она благоденствовала подъ римскимъ владычествомъ. Вмѣсто сопротивленія Франкамъ, она помогала имъ, такъ что, не утративъ ничего изъ собственнаго населенія, она получила незначительное приращеніе извнѣ. Такое стеченіе обстоятельствъ, содѣйствующихъ къ сохраненію внѣшнихъ признаковъ народа, должно внушить сильное довѣріе къ тѣмъ выводамъ, до которыхъ мы дошли, особливо когда вспомнимъ предосторожности, принятыя нами для избѣжанія ошибокъ при опредѣленіи рѣзкихъ признаковъ породъ.

Опираясь на эти основанія, мы можетъ спокойно продолжать наше сравненіе, не затрудняя себя розысканіями о различныхъ племенахъ, которыя тѣснились и смѣняли другъ друга на одной и той же почвѣ. Опредѣливъ однажды физическія примѣты обѣихъ галльскихъ породъ, мы безъ труда узнаемъ ихъ въ другихъ, нѣкогда принадлежавшихъ ихъ предкамъ земляхъ, если только онѣ сохранились тамъ въ достаточномъ количествѣ.

Начнемъ съ Англіи. Южную часть Великобританіи, въ объемѣ, соотвѣтствующемъ нынѣшней Англіи въ собственномъ смыслѣ, занимали, по Вашему мнѣнію, тѣ же Кимры, которые владѣли сѣверною Галліею. Надобно теперь узнать, были ли у нихъ одинакіе внѣшніе признаки. Но въ Англіи господствуетъ мнѣніе, что потомство этого народа не существуетъ болѣе. Я не считаю нужнымъ напоминать Вамъ о томъ, что было сказано мною въ началѣ этого письма; выводы, мною представленные, до такой степени согласны съ законами человѣческой природы, что сами тотчасъ представятся Вашему разуму. Къ тому же вопросъ становится въ настоящемъ случаѣ чисто фактическимъ и опирается на свидѣтельство чувствъ. Я Васъ могу увѣрить, что характеристическій типъ народа, которому нѣкогда принадлежала сѣверная Галлія, существуетъ до сихъ поръ въ Англіи и что вообще онъ распространенъ по всему пространству саксонскихъ завоеваній. Онъ представляетъ намъ слѣдовательно древнихъ Британцевъ, владѣтелей края до пришествія Саксовъ. Вы называете ихъ Кимрами. Если о Британцахъ не говорится болѣе въ исторіи покоренныхъ Саксами земель, то это потому только, что у нихъ не было ни политической независимости, ни даже собственнаго гражданскаго быта. Они умерли для исторіи, особливо той, какую тогда писали, — но не погибли; остатки ихъ уцѣлѣли въ такихъ размѣрахъ, какіе приличны великому, хотя постигнутому несчастіемъ народу. Я сказалъ уже, что въ Англіи утвердилось мнѣніе о совершенномъ истребленіи и изгнаніи тамошнихъ Британцевъ. Оно дѣйствительно основано на преувеличенныхъ извѣстіяхъ лѣтописей; однако, при болѣе внимательномъ чтеніи этихъ памятниковъ, мы найдемъ въ нихъ признаніе, что остатки покореннаго народа были обращены въ тяжкое рабство. Общій ходъ евро-

пейской исторіи въ теченіи Среднихъ вѣковъ доставилъ снова низшимъ, образовавшимся изъ завоеванныхъ нѣкогда племенъ классамъ гражданскую свободу. Возвративъ по немногу, при содѣйствіи усиливавшейся промышленности, права свои, но утративъ прежнее имя, Британцы вступили во всѣ сословія общества. Успѣхи эти шли медленно; самое начало ихъ не было замѣчено, и потому гордость завоевателей и позоръ побѣжденныхъ не изгладились: многіе прямые потомки Британцевъ гордятся до сихъ поръ своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ Саксовъ или Норманновъ [13]).

Мнѣ остается упомянуть о Швейцаріи и сѣверной Италіи. Вы принимаете, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, Гельветовъ за Галловъ; я не сомнѣваюсь въ истинѣ Вашего предположенія, потому что нашелъ у нынѣшнихъ Швейцарцевъ отличительные признаки галльскаго племени. Вы не говорите, что они были смѣшаны съ Кимрами. Я не въ правѣ утверждать, что это смѣшеніе существовало прежде, но могу доказать его на дѣлѣ въ настоящее время и притомъ въ такихъ размѣрахъ, которые заставляютъ предполагать, что оно произошло уже давно. Нынѣшняя Швейцарія раздѣляется на двѣ неравныя части: одну восточную, гдѣ, можно сказать, говорятъ только по нѣмецки; другую южную и западную, въ которой такъ же господствуетъ французскій языкъ, какъ въ самой Франціи; что весьма естественно, ибо населеніе вдвойнѣ принадлежитъ Галліи, по признанному мною происхожденію отъ Галловъ и Кимровъ.

Могли ли бы мы безъ предыдущихъ розысканій и открытыхъ нами фактовъ узнать Галловъ въ сѣверной Италіи, между Сикулами, Лигурійцами, Этрусками, Венетами, Римлянами, Готами и Лонгобардами? Но у насъ есть путеводная нить. Ваши изслѣдованія и согласіе всѣхъ историковъ неоспоримо доказываютъ, что галльскія племена нѣкогда владычествовали въ сѣверной Италіи между Альпами и Апеннинами. Мы находимъ тамъ ихъ постоянныя жилища при первыхъ лучахъ исторіи; самыя достовѣрныя свидѣтельства представляютъ ихъ намъ со всѣми признаками великаго народа, отъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ эпохъ Рима. Вотъ все, что мнѣ нужно; мнѣ нѣтъ надобности заниматься другими народами, которые послѣ смѣшались съ Галлами; не для чего говорить объ ихъ числительномъ отношеніи, о свойствѣ ихъ языка и продолжительности ихъ пребыванія въ Италіи. Достаточно того, что Галлы тамъ жили въ большомъ числѣ. Я видѣлъ черты ихъ соплеменниковъ въ Трансальпійской Галліи, и узнаю эти же черты въ Цизальпійской. Вотъ уже фактъ общій намъ обоимъ, относительно Италіи. Но такъ какъ Вы отличаете отдѣльныя отрасли одного и того же племени, я съ своей стороны долженъ допустить такое же раздѣленіе. Вы отличаете въ Цизальпійской и Трансальпійской Галліи Галловъ и

---

[13]) Мы уже замѣтили, что когда двѣ породы живутъ рядомъ на одной почвѣ, то языкъ самой многочисленной изъ двухъ не всегда получаетъ перевѣсъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о небольшой части населенія, сохранившей въ какомъ нибудь углу свое древнее нарѣчіе. Въ княжествѣ Валлискомъ, гдѣ были смѣшаны обѣ породы, типъ Кимровъ не такъ часто встрѣчается, какъ типъ Галловъ, которыхъ Вы принимаете за древнѣйшихъ обитателей Великобританіи.

Кимровъ. Я видѣлъ Кимровъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя Вы имъ отводите, но въ другихъ, Вами не показанныхъ. Положимъ,—не смотря на трудность сказать что-нибудь утвердительное о столь отдаленномъ времени,—что, въ эпоху своихъ первыхъ поселеній въ Италіи, Кимры и Галлы жили порознь, не соединяясь между собою. Изъ приведенныхъ Вами свидѣтельствъ видно однако, что они вмѣстѣ воевали противъ Римлянъ, и что, слѣдовательно, смѣшеніе ихъ могло произойти уже тогда. Циспаданская Галлія была, по Вашимъ словамъ, во власти Кимровъ, которыхъ Вы изображаете какъ народъ чрезвычайно безпокойный, постоянно занятый далекими и опасными походами. При первомъ столкновеніи Римлянъ съ Галлами въ Италіи, Вы уже отличаете Кимровъ. Они были сосѣдями Этрусковъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляла незначительная для такого народа граница Апеннинскихъ горъ. Вѣроятно, что они неоднократно переходили черезъ нее, прежде чѣмъ заставили трепетать Римлянъ; можно также предположить, что многіе изъ нихъ поселились среди Этрусковъ. Дѣло въ томъ, что я нашелъ ихъ племенной типъ въ сѣверной Тосканѣ и убѣдился изъ наблюденія памятниковъ, что онъ существовалъ уже въ древности. Вспомните, что сѣверная часть Италіи, лежащая между Альпами и Апеннинами, составляетъ обширную равнину, которую пересѣкаетъ рѣка По. Если Кимры сначала заняли только Циспаданскую Галлію, то неужели война, которая всегда почти ведетъ къ большимъ перемѣщеніямъ, и миръ, слѣдствіемъ котораго бываютъ обыкновенно сближеніе и смѣшеніе племенъ, не могли въ теченіи вѣковъ разсѣять этотъ народъ по всему пространству равнины. Ужасъ, наведенный грозившимъ нашествіемъ Аттилы, не заставилъ ли большую часть населенія искать убѣжища на островахъ Адріатическаго моря, находящихся у устьевъ По, по берегамъ котораго издревле жили Кимры? Вы вѣроятно не забыли, что я находилъ ихъ типъ на старыхъ портретахъ и между теперешними жителями Венеціи.

Гораздо рѣже попадались мнѣ въ сѣверной Италіи признаки другой, т. е. чисто галльской породы. Въ этомъ случаѣ не можетъ даже быть сравненія. Конечно, я не могъ всего видѣть и всего изслѣдовать, но по этому самому и долженъ указать на пробѣлы, находящіеся въ моихъ наблюденіяхъ. Изъ сказаннаго мною не слѣдуетъ заключать, что галльскій типъ рѣдокъ въ Италіи; но въ чистотѣ и опредѣленности своей онъ мнѣ встрѣчался рѣдко. Судя по странному замѣчанію, сдѣланному мною въ Миланѣ, можно подумать, что онъ болѣе распространенъ, чѣмъ мнѣ сначала показалось. Въ одной изъ миланскихъ книжныхъ лавокъ, я нашелъ календарь на одномъ листѣ, подъ названіемъ Lunario, съ картинкою, изображавшею два забавныя лица, которыя смѣялись другъ надъ другомъ. Это были самыя вѣрныя каррикатуры галльскаго типа, принадлежавшаго живнему здѣсь въ древности населенію. Характеристическія черты были изображены въ особенно-преувеличенномъ видѣ, какъ бы съ намѣреніемъ выставить существенныя отличія. Для полной противоположности между обоими типами показано даже различіе роста: фигура Кимра отличается высокимъ станомъ, а Галлъ средняго роста. Рисовальщикъ не думалъ, безъ сомнѣнія,

ни объ естественныхъ наукахъ, ни о древности, но онъ изобразилъ въ смѣшномъ видѣ фигуры, которыя у него часто были передъ глазами и представляли рѣзкую между собою противоположность. Я замѣчу при этомъ, что когда Римляне говорятъ, по поводу первыхъ войнъ своихъ съ этими племенами, о чрезвычайномъ ростѣ Галловъ, то рѣчь, по всей вѣроятности, идетъ только о Кимрахъ.

Они сначала обитали въ Циспаданской области, и такъ какъ они были ближе къ Римлянамъ, то прежде другихъ на нихъ напали. Голова галльскаго исполина, нарисованная на вывѣскѣ, находившейся на римскомъ форумѣ, принадлежала этому племени. Когда Вы приводите въ Вашей исторіи свидѣтельство Римлянъ о высокомъ ростѣ Галловъ, Вы относите эти слова къ Кимрамъ, не ради физіологическихъ примѣтъ, которыя Вы вовсе не принимаете въ соображеніе, а вслѣдствіе историческихъ доводовъ, на которыхъ основано принятое Вами различіе. Я не зналъ этихъ фактовъ, однако пришелъ съ своей стороны къ заключенію, что Кимры рѣзко отличались величиною отъ Галловъ, которые вообще были средняго роста. Древніе писатели упоминаютъ о ростѣ итальянскихъ Галловъ, Белговъ, Галатовъ; я нашелъ, что во Франціи, Англіи, Швейцаріи и Италіи высокій ростъ составляетъ обыкновенную принадлежность типа, который, по Вашему указанію, я называю кимрскимъ. Итакъ этотъ внѣшній признакъ такъ же существовалъ въ древности, какъ онъ существуетъ въ наше время; такое сходство тѣмъ болѣе замѣчательно, что величина человѣческаго тѣла, по мнѣнію естествоиспытателей, легко подвергается измѣненіямъ. Приведенный мною фактъ не только любопытенъ самъ по себѣ, но онъ поучителенъ, ибо служитъ къ объясненію кажущагося противорѣчія между разсказами древнихъ историковъ и тѣмъ, что̀ мы теперь находимъ во Франціи, гдѣ ростъ рѣдко бываетъ выше средняго. Не разъ уже предлагали вопросъ: гдѣ же тѣ великорослые Галлы, о которыхъ намъ говорятъ Римляне. Возстановивъ черту различія, проведенную природою, но сглаженную исторіею, которая смѣшала отрасли племени насъ занимающаго, мы устранимъ упомянутое противорѣчіе.

Вотъ два ряда выводовъ — Вашихъ и моихъ — которые представляютъ нежданное и поразительное согласіе между собою. Они принадлежатъ двумъ разнымъ наукамъ, составляютъ результатъ изслѣдованій, которыя съ обѣихъ сторонъ производились независимо; а между тѣмъ, сравнивая ихъ, мы находимъ очевидное отношеніе. Итакъ мы оба шли къ одной цѣли, и наша встрѣча должна подкрѣпить наше убѣжденіе въ томъ, что мы нашли истину.

Вы могли замѣтить изъ моего разсказа, что у меня не было заранѣе составленныхъ мнѣній, когда я приступилъ къ моимъ наблюденіямъ; это обстоятельство весьма важно, потому что предупрежденные въ пользу какой нибудь идеи умы очень склонны къ самообольщенію. Противъ такой опасности у меня была оборона: я искалъ не неопредѣленнаго сходства, но яснаго, существеннаго, основаннаго на точныхъ формахъ и размѣрахъ. Мѣра, надлежащимъ образомъ прилагаемая, служитъ лучшимъ подкрѣпленіемъ, или опроверженіемъ мнѣній.

Наблюденія, которыя я еще имѣю сообщить Вамъ, не касаются болѣе предмета Вашихъ изслѣдованій; тѣмъ не менѣе я думаю, что они обратятъ на себя Ваше вниманіе, потому что изъ нихъ можно вывести новыя отношенія между науками, которыми мы оба занимаемся. До сихъ поръ рѣчь шла у насъ о народахъ, населяющихъ значительную часть западной Европы, т. е. большую половину Италіи, часть Швейцаріи, Францію и Англію. Я теперь буду бесѣдовать съ Вами о жителяхъ восточной Европы: о Славянахъ и Венграхъ. Хотя мнѣ не случилось посѣтить ихъ родину, однако у меня была полная возможность наблюдать ихъ отличительные типы. Войска австрійскаго императора въ королевствѣ Ломбардо-Венеціанскомъ почти исключительно состоятъ изъ Силезцевъ, Чеховъ, Моравовъ, Поляковъ и Венгровъ. Во время моего пребыванія въ сѣверной Италіи, я воспользовался случаемъ для изученія этихъ народовъ. Комендантъ, баронъ Свинбурнъ, принялъ меня весьма вѣжливо и благосклонно, и не только позволилъ мнѣ посѣщать казармы и производить нужныя наблюденія, но даже разрѣшилъ мнѣ брать съ собою живописца, который долженъ былъ снимать портреты съ указанныхъ мною лицъ. Эти приказанія были въ точности исполнены, и я нашелъ всѣ удобства, какихъ могъ желать. Я прежде всего старался опредѣлить тѣ черты, которыми каждое племя отличается отъ другихъ. Австрійское начальство было такъ благосклонно ко мнѣ, что соединяло въ одномъ мѣстѣ значительное число людей одного и того же происхожденія и языка. Я могъ, такимъ образомъ, наблюдать ихъ на досугѣ, всматривался въ совокупность господствующихъ чертъ и сравнивалъ между собою различные народы. Но мнѣ не удалось найти у нихъ отличительныхъ, племенныхъ признаковъ. Я вскорѣ замѣтилъ, что многіе изъ этихъ людей походили другъ на друга, хотя были уроженцами разныхъ странъ, и наконецъ успѣлъ отличить общій этимъ народамъ типъ. Я не думаю утверждать, что всѣ славянскіе народы вылиты въ одну форму; но очевидно, что есть извѣстныя характеристическія примѣты, которыя часто повторяются у всѣхъ ихъ.

Очеркъ головы, взятый спереди, представляетъ почти фигуру четвероугольника, потому что длина не многимъ превышаетъ широту; макушка плоская, а направленіе челюсти горизонтальное. Носъ короче разстоянія, отдѣляющаго его основаніе отъ подбородка; онъ идетъ почти прямо отъ переносицы, т. е. въ немъ нѣтъ опредѣленнаго сгиба. Тамъ, гдѣ такой сгибъ можно замѣтить, носъ является нѣсколько вогнутымъ, такъ что конецъ легко приподнятъ къ верху; нижняя часть довольно широка, оконечность закруглена. Глаза нѣсколько впалые, лежатъ на одной линіи, и когда въ нихъ есть нѣчто особенное, то они менѣе, чѣмъ имъ слѣдовало бы быть по общимъ размѣрамъ головы. Брови не густы и близко подходятъ къ глазамъ, особенно у внутренняго угла, отъ котораго они часто идутъ вкось. Невыдающійся ротъ съ довольно тонкими губами гораздо ближе къ носу, чѣмъ къ концу подбородка. Къ этимъ признакамъ надобно прибавить еще одинъ весьма странный, хотя общій всему племени, именно: рѣдкую, за исключеніемъ усовъ, бороду.

Таковъ типъ, повторяющійся съ бо́льшею или меньшею опредѣленностію

у Поляковъ, Силезцевъ, Моравовъ, Чеховъ и венгерскихъ Славянъ. Онъ также весьма распространенъ въ Россіи. Я не видалъ самъ Русскихъ въ то время, но имѣлъ случай убѣдиться въ моемъ предположеніи потомъ. Въ особенности полагаюсь я на свидѣтельство одного русскаго путешественника, который принялъ показанные ему мною рисунки, изображающіе другихъ Славянъ, за портреты русскихъ крестьянъ. Конечно, у этихъ народовъ существуютъ и другія очертанія головы, что я могъ замѣтить; но для опредѣленія этихъ признаковъ съ цѣлью, какую я изложилъ выше, и для изслѣдованія ихъ въ отношеніи къ вопросамъ, насъ занимающимъ, надобно было бы ѣхать самому въ славянскія земли и употребить много трудовъ и времени.

Я однако воспользовался этими наблюденіями для уясненія одного темнаго историческаго вопроса. Германія, даже въ наше время, можетъ относительно этнографіи быть раздѣлена на двѣ части: западную, занятую чистыми Германцами, и большую половину восточной, гдѣ населеніе смѣшанное изъ Германцевъ и Славянъ. При самомъ началѣ историческихъ временъ Эльба раздѣляла эти два племени. Собственная Австрія, которой жители говорятъ только по нѣмецки, лежитъ ниже Силезіи, Моравіи и Богеміи съ одной стороны: выше Каринтіи и Карніоліи съ другой. Она, можно сказать, вставлена въ раму земель, которыхъ основное населеніе есть славянское. Я заключилъ отсюда, что Австрія въ древности, до покоренія ея Германцами, принадлежала Славянамъ, быть можетъ съ примѣсью какого нибудь другаго племени. Вся эта восточная полоса досталась Германцамъ вслѣдствіе завоеванія. Нельзя ли предположить, что они смѣшались въ настоящей Австріи съ тамошними Славянами и истребили ихъ языкъ такъ, какъ на сѣверѣ они истребили языкъ Пруссовъ? Мнѣ хотѣлось найти подтвержденіе моей догадки въ народномъ австрійскомъ типѣ. Къ счастію, артиллерія состояла изъ настоящихъ Австрійцевъ. Я попросилъ, чтобы мнѣ показали уроженцевъ Вѣны и ея окрестностей, доказаннаго, по возможности, нѣмецкаго происхожденія. Ихъ собрали, и я тотчасъ отличилъ два рѣзко обозначенные типа: одинъ чисто славянскій, другой германскій. Для различенія ихъ между собою достаточно формы головы. Австрійцы съ славянскими примѣтами, безъ стороннихъ примѣсей, походили совершенно на портреты, списанные по моему порученію съ другихъ Славянъ.

Часть населенія Венгріи принадлежитъ, какъ я сказалъ, къ славянскому племени. Сколько я могъ замѣтить, широкая полоса этого края, захватывающая почти всю окружность и болѣе или менѣе заходящая внутрь, заселена Славянами, т. е. племенемъ, которое носитъ на себѣ признаки, выше мною описанные, и говоритъ славянскимъ языкомъ. Среднія же части Венгріи занимаетъ другой народъ, у котораго языкъ совершенно особенный. Онъ слыветъ у нихъ мадьярскимъ; мы называемъ его венгерскимъ.

Если замѣчаніе мое вѣрно, то изъ него слѣдуетъ, независимо отъ свидѣтельства исторіи, что между Славянами поселилось племя, имъ чуждое. Извѣстно, что до нашествія варваровъ эти области были заселены Даками и пр. Но мы не знаемъ, какіе это были народы. Быть можетъ, они принадлежали къ той же породѣ, которая до сихъ поръ сохранилась въ тѣхъ

странахъ и занимаетъ цѣлую половину Европы. Я предлагаю, впрочемъ, этотъ вопросъ мимоходомъ и не намѣренъ посвящать ему дальнѣйшихъ розысканій.

Чтó же за народъ, или смѣсь народовъ, господствуетъ нынѣ въ средней Венгріи, называетъ себя Мадьярами и слыветъ у насъ подъ именемъ Венгровъ?

Я занимался этимъ вопросомъ со стороны отличій типа и пришелъ къ весьма любопытнымъ для меня выводамъ. Скажу Вамъ прежде всего, что большая часть населенія, слывущаго за мадьярское или за потомковъ древнихъ Венгровъ, принадлежитъ славянской породѣ. Я наблюдалъ людей, которыхъ родной языкъ былъ мадьярскій, и нашелъ между ними много такихъ, которые, не смотря на языкъ свой, чертами лица обличали славянское происхожденіе. Древніе Мадьяры конечно говорили не по славянски: я докажу также, что у нихъ были совсѣмъ другія черты лица. Вотъ новое доказательство въ пользу мнѣнія, что Славяне нѣкогда обладали нынѣшнею Венгріею. Они соединились съ пришельцами и приняли ихъ языкъ: съ другой стороны часть Венгровъ, вслѣдствіе несоразмѣрнаго смѣшенія, утратила свой народный типъ. Политическое преобладаніе Венгровъ доставило господство ихъ языку; числительный перевѣсъ Славянъ упрочилъ существованіе ихъ типа.

Я долго и напрасно искалъ между австрійскими войсками совокупности физическихъ признаковъ, отличныхъ отъ видѣнныхъ мною дотолѣ и приложимыхъ къ древнимъ Венграмъ, или какому нибудь другому племени, поселившемуся, по свидѣтельству исторіи, въ той странѣ. Мнѣ пришло наконецъ въ голову то, чтó я самъ видѣлъ въ другихъ мѣстахъ и слышалъ въ Миланѣ отъ одного итальянскаго ученаго, путешествовавшаго въ Венгріи. Онъ встрѣтилъ въ средней части края Венгровъ небольшаго роста и особеннаго вида, которыхъ считалъ потомками древнихъ завоевателей, т. е. Гунновъ или Мадьяровъ. При осмотрѣ тюрьмы (bagne) въ Венеціи, мнѣ показали нѣсколько Венгровъ, изъ которыхъ одинъ, ростомъ ниже средняго, поразилъ меня своей наружностію. Я не могъ не вскрикнуть: вотъ Гуннъ! извините меня за это преждевременное восклицаніе. Вы увидите, что оно было не совсѣмъ неосновательно. Мои воспоминанія навели меня наконецъ на настоящую дорогу. При наблюденіяхъ моихъ въ миланскомъ замкѣ, о которыхъ я отдалъ Вамъ отчетъ, я имѣлъ предъ собою только гренадеровъ и вообще великорослыхъ солдатъ. Я спросилъ: нѣтъ ли Венгровъ небольшаго роста. Мнѣ показали одного; другихъ не было. Однако, я, къ великому удовольствію моему, узналъ тотъ же складъ головы, который поразилъ меня въ Венеціи. Черты были менѣе рѣзки, но сходство было очевидное. Тогда мнѣ указали на казармы Св. Франциска, гдѣ было много Венгровъ такого роста, какой мнѣ былъ нуженъ. Я тотчасъ туда отправился, и благодаря любезности начальства, по распоряженію котораго люди были собраны, получилъ возможность удостовѣриться въ частомъ повтореніи искомаго типа. Ожиданія мои не были обмануты: я нашелъ его съ бóльшими или меньшими измѣненіями на всѣхъ представившихся мнѣ лицахъ. Я вы-

бралъ, для снятія съ него портрета, Венгра изъ окрестностей Дебречина, напоминавшаго формы и пропорціи, видѣнныя мною въ Венеціи. Когда живописецъ принялся за работу, за солдатомъ пришелъ унтеръ-офицеръ и вызвалъ его. Такое приказаніе показалось мнѣ сначала страннымъ: но потомъ, когда мнѣ объяснили поводъ къ нему, я нашелъ, что оно было довольно основательно. Меня обвиняли въ выборѣ самаго безобразнаго изъ солдатъ, котораго вездѣ считали за урода, представителемъ венгерскаго народнаго типа. Правда, что онъ былъ не красивъ; но онъ представлялъ типъ во всей чистотѣ его, и я не могъ упустить случая. Къ счастію у меня были средства къ оправданію. Я послалъ офицерамъ портреты нѣсколькихъ прекрасныхъ собою Венгровъ, которые по моему желанію были срисованы въ замкѣ, съ означеніемъ ихъ именъ и мѣста рожденія. Я поручилъ сказать имъ при томъ, что послѣдній выборъ мой палъ на безобразнаго человѣка потому только, что я принимаю его за потомка древняго, поселившагося между ними племени. Доводы мои были хорошо приняты и доставили мнѣ позволеніе кончить портретъ.

По описанію типа, Вы можете, М. Г., судить объ его рѣзкомъ характерѣ и о тѣхъ слѣдахъ, какіе онъ долженъ былъ оставить въ своихъ естественныхъ видоизмѣненіяхъ или помѣсяхъ. Голова круглая, лобъ мало развитый, низкій и уходящій назадъ: положеніе глазъ косое, такъ что внѣшній уголъ приподнятъ къ верху; носъ довольно короткій и сплюснутый, ротъ выдается впередъ; губы широкія; шея очень толстая, вслѣдствіе чего задняя часть головы кажется плоскою и какъ бы образуетъ прямую линію съ затылкомъ; борода жидкая; ростъ малый. Вы согласитесь теперь, что восклицаніе, вырвавшееся у меня при видѣ Венгра въ Венеціи, было отчасти оправдано воспоминаніями, вызванными во мнѣ безобразіемъ этого лица и именемъ его родины. Конечно, отсюда нельзя еще заключать о тождествѣ этого типа съ гуннскимъ; но у меня есть въ запасѣ другіе доводы, столь сильные, что послѣ нихъ не можетъ остаться никакого сомнѣнія. Мой портретъ писанъ съ натуры; я не заимствовалъ ни одной черты изъ книгъ; я даже не заглядывалъ въ нихъ въ то время. Сравнимъ же составленное мною описаніе съ древними свидѣтельствами о Гуннахъ, которыя собраны г. Демуленомъ. Вотъ что Прискъ говоритъ объ Аттилѣ: онъ былъ малъ ростомъ; грудь у него была широкая; голова чрезмѣрно большая; глаза маленькіе; *борода рѣдкая; носъ сплюснутый;* цвѣтъ лица смуглый. У Аммiана Марцеллина находимъ еще одну черту: Гунны старѣютъ безъ бороды; у нихъ всѣхъ члены широкіе и крѣпкіе, шея толстая. Іорнандъ представляетъ почти полное описаніе Гунновъ. Они, по его словамъ, безобразны, смуглы, малорослы; глаза у нихъ небольшіе и расположены криво; носъ сплюснутый; безбородое лице походитъ на безобразный комъ мяса.

Вотъ точныя, подробныя и совершенно согласныя между собою описанія. Сравните ихъ съ тѣмъ, что̀ я сказалъ объ одномъ изъ типовъ, нынѣ существующихъ въ Венгріи. Слова мои могутъ быть приняты за древнее описаніе Гунновъ. Съ другой стороны, приведенныя мною свидѣтельства древнихъ писателей примѣняются съ небольшими измѣненіями къ породѣ

людей, еще живущей въ Венгріи. Я не упомянулъ о цвѣтѣ кожи, потому что не нашелъ въ немъ ничего особеннаго; къ тому же эти оттѣнки цвѣта переходчивы и съ трудомъ сохраняются, какъ я замѣтилъ выше [11]).

Итакъ теперь достовѣрно, что у древнихъ Гунновъ былъ тотъ же типъ, который я встрѣтилъ у Венгровъ. Отсюда слѣдуетъ, что часть нынѣшняго венгерскаго населенія происходитъ отъ Гунновъ; иначе надобно будетъ принять поселеніе въ этомъ краю другаго народа. За нашествіемъ Гунновъ въ 5-мъ столѣтіи (собственно въ 4-мъ) слѣдовало мадьярское въ 9-мъ. Мы можемъ убѣдиться въ сходствѣ или различіи внѣшнихъ признаковъ у этихъ двухъ народовъ только при пособіи тѣхъ началъ, которыя были выставлены мною во введеніи къ этому письму, при изложеніи общихъ понятій.

Надобно узнать, въ какой степени описанный нами гуннскій типъ господствуетъ въ той части нынѣшняго венгерскаго населенія, которая говоритъ по мадьярски. Личныя мои наблюденія доказываютъ его существованіе и даже заставляютъ предполагать, что онъ весьма распространенъ. Я не утверждаю, что онъ существуетъ во всей чистотѣ своей; но его можно узнать при бóльшихъ или мѐньшихъ измѣненіяхъ въ помѣсяхъ, отъ него происходящихъ. Свидѣтельство двухъ знаменитыхъ естествоиспытателей убѣждаетъ меня въ этомъ окончательно. Проѣзжая черезъ Женеву, я показалъ мое собраніе портретовъ г. Декандолю, принимающему живое участіе въ этой отрасли естественныхъ наукъ, на которую онъ обращалъ постоянное вниманіе въ своихъ путешествіяхъ. Просмотрѣвъ рисунки, изображавшіе славянскія племена, онъ съ перваго взгляда узналъ фигуру малорослаго Венгра, который служилъ мнѣ типомъ, и сказалъ, что въ самой Венгріи она встрѣчается очень часто. Г. Бёданъ (Beudant), совершившій, какъ Вамъ извѣстно, минералогическое путешествіе въ тотъ край, обратилъ вниманіе на множество предметовъ, между прочимъ на человѣческія породы: онъ также призналъ показанное ему мною изображеніе за мадьярское, или чисто венгерское. Онъ замѣтилъ только, что верхняя округлость головы слишкомъ сглажена, но что, впрочемъ, существенные признаки отъ этого не измѣнились.

Этотъ типъ въ чистотѣ своей и смѣшеніяхъ слишкомъ распространенъ и потому не можетъ, на основаніи изложенныхъ нами общихъ началъ, быть принятъ за исключительно гуннскій. Какъ ни многочисленно было это племя при вторженіи своемъ въ Европу, которой оно стало бичемъ, оно потомъ разсѣялось и понесло значительныя утраты; паденіе ихъ государства, вскорѣ послѣ смерти Аттилы, не мало содѣйствовало къ уменьшенію ихъ числа. Говорятъ даже, что они были совершенно истреблены въ то время; но мы знаемъ, какъ должно принимать подобныя выраженія. Надобно думать, что національныя черты Гунновъ были сохранены и распространены Мадьярами въ 9-мъ вѣкѣ.

---

[11]) Судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Гунны были смуглаго или темно-желтаго цвѣта. Большая голова Аттилы могла быть его личною особенностію. У того Венгра, котораго я видѣлъ въ Венеціи, голова была нѣсколько велика для его роста, но я не знаю, можно ли считать эту черту общею принадлежностію типа.

Сильное впечатлѣніе, произведенное наружностію Гунновъ на народы, застигнутые ихъ нашествіемъ, объясняется, сверхъ страшнаго безобразія пришельцевъ, еще и тѣмъ, что эта наружность была совершенно чужда не только европейскимъ, но даже извѣстнымъ въ то время азіатскимъ племенамъ. Нечего, слѣдовательно, удивляться тому, что современные лѣтописцы описали черты столь рѣзкія и отличительныя съ точностію, какой можно было бы требовать отъ новыхъ натуралистовъ. Васъ вѣроятно поразило сходство ихъ изображеній съ составленнымъ мною описаніемъ части нынѣшняго населенія Венгріи; но сходство это простирается, ни мало не ослабѣвая, еще далѣе, до другихъ весьма отдаленныхъ народовъ. Вы, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, хотя и не занимаетесь отдѣльно этими вопросами. Кому не извѣстно особенное устройство головы, которымъ отличается великая отрасль рода человѣческаго, названная именемъ монгольской. Тождество ея съ гуннскою очевидно и не требуетъ для подтвержденія знаній естествоиспытателя. Мнѣ не нужно ссылаться на славное имя Палласа, который узналъ въ описаніяхъ Гунновъ древними писателями признаки монгольской породы, ни приводить въ свидѣтели г. Демулена, который изъ такого же сравненія вывелъ тѣ же заключенія.

Доказавъ сходство, мы должны извлечь изъ него полезные для науки выводы. Въ основаніе мы положимъ нѣсколько новыхъ фактовъ и соображеній.

Вы знаете, что монгольскій типъ принадлежитъ не одному народу этого имени, а множеству другихъ, обитающихъ въ восточной Азіи. Онъ до такой степени распространенъ тамъ, что, по всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ, господствуетъ почти во всей восточной половинѣ этой части свѣта. Перерѣзавъ Азію вертикальною линіею, проходящею между обоими Индійскими полуостровами у устьевъ Гангеса, Вы раздѣлите ее на двѣ почти равныя между собою половины. Эти половины представляютъ такія же рѣзкія различія въ своемъ географическомъ положеніи, какъ и въ наружномъ видѣ племенъ, ихъ населяющихъ. Почти на всѣхъ обитателяхъ восточнаго отдѣла лежитъ одинъ общій имъ отпечатокъ: голова у нихъ круглая, лобъ мало развитъ и загнутъ назадъ, носъ сплюснутый, скулы выдаются впередъ, ротъ нѣсколько выпуклый, губы толстыя, борода рѣдкая, ростъ средній или малый. Черты племенъ, населяющихъ вторую половину, представляютъ въ совокупности признаковъ своихъ родственное сходство съ европейскими. Поэтому мнѣ нѣтъ надобности ихъ описывать.

Я вовсе не думаю утверждать, что проведенная нами мысленно линія совершенно раздѣляетъ двѣ большія семьи человѣческаго рода. На западъ отъ нея, мы найдемъ рядъ народовъ, совершенно сходныхъ съ монгольскою породою. Ихъ можно встрѣтить не только на крайнихъ предѣлахъ Азіи, но даже въ Европѣ. Однако они такъ незначительны числомъ въ сравненіи съ облегающею ихъ массою остальнаго, вовсе непохожаго на нихъ населенія, представляютъ столь поразительное сходство съ жителями восточной Азіи и тянутся такою непрерывною цѣпью отъ этихъ обширныхъ пространствъ, что мы не можемъ не отнести туда ихъ колыбели. Такой выводъ, извлечен-

ный изъ естественныхъ наукъ, вполнѣ подтверждается историческими преданіями и сравненіемъ языковъ, возводящими къ одному и тому же источнику всѣ народы монгольскаго типа, разсѣянные по западной Азіи и сосѣднимъ частямъ Европы. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ вѣтви этого племени, находимыя въ западной Азіи и въ Россіи, вышли изъ одного гнѣзда. Но что̀ скажемъ мы, сдѣлавъ еще шагъ впередъ и встрѣтивъ тѣ же общія черты у части жителей Венгріи? По аналогіи фактовъ, изложенныхъ нами выше, не въ правѣ ли мы заключить изъ такого сходства о единствѣ происхожденія, не справляясь ни съ языкомъ, ни съ преданіями, ни съ исторіею Мадьяровъ? Этотъ родъ наведенія не въ состояніи однако привести насъ къ дальнѣйшимъ результатамъ: онъ не можетъ открыть намъ ни времени переселенія ихъ предковъ, ни странъ ими занятыхъ или пройденныхъ, ни обстоятельствъ ихъ исторіи, предшествующихъ ихъ появленію въ Венгріи. Мы должны искать въ другихъ наукахъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. По словамъ ученыхъ филологовъ, основа мадьярскаго языка есть финская; но физическіе признаки настоящихъ Финновъ совсѣмъ другіе. Сравненіе народныхъ типовъ и языковъ приводитъ къ разнымъ, но не противоположнымъ между собою выводамъ. Въ настоящемъ случаѣ мы находимъ, что часть нынѣшняго населенія Венгріи пришла первоначально изъ восточной Азіи и что, съ другой стороны, она находилась въ тѣсной связи съ финскими племенами, отъ которыхъ заимствовала свой языкъ еще до пришествія своего на новую родину. Подтверждаетъ ли исторія такое происхожденіе Мадьяровъ и послѣдующія ихъ отношенія? Мы должны были бы принять и то и другое даже безъ ея положительныхъ свидѣтельствъ, но она, какъ Вамъ извѣстно, обратила вниманіе на этотъ великій вопросъ и собственнымъ путемъ пришла къ такимъ же заключеніямъ, какъ и мы. Задача была трудная. Дегинь, въ своихъ изслѣдованіяхъ о народахъ восточной Азіи, показалъ намъ первобытныя жилища Гіонгъ-ну, ихъ могущество и упадокъ; онъ прослѣдилъ ихъ странствованія и сношенія съ финскими племенами и наконецъ узналъ ихъ въ тѣхъ Гуннахъ, которые овладѣли Венгріею (9).

Такимъ образомъ, исторія указываетъ намъ на восточную Азію, какъ на колыбель народа, поселившагося въ Венгріи, и котораго предки были тѣсно связаны съ Финнами. Она, слѣдовательно, согласна съ физіологіею относительно ихъ происхожденія и съ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ въ вопросѣ объ ихъ отношеніи къ Финнамъ.

Если бы исторія всегда была въ состояніи находить при пособіи памятниковъ, ей одной принадлежащихъ, достовѣрное начало и кровную связь народовъ, то мы не имѣли бы надобности въ дополнительныхъ объясненіяхъ другихъ наукъ. Но восходя къ этимъ вопросамъ, она часто подвергается опасности сбиться съ прямой дороги, и ея заключенія нерѣдко оставались бы сомнительными безъ новыхъ доводовъ, почерпнутыхъ изъ чуждыхъ ей источниковъ. Къ этому разряду принадлежатъ изслѣдованія Дегиня о Гуннахъ. Они пріобрѣли сначала общее довѣріе, но потомъ, вслѣдствіе успѣховъ исторической критики, подверглись сомнѣнію. Абель Ремюза, котораго приговоръ имѣетъ большой вѣсъ, слѣдующимъ образомъ отозвался о мнѣ-

ніяхъ Дегиня: ихъ можно защищать, но трудностей много, и предметъ вообще требуетъ новаго пересмотра. Въ этомъ именно и состоитъ занимательность нашихъ розысканій. Съ одной стороны Дегинь, исходя изъ Монголіи, думаетъ слѣдить за однимъ и тѣмъ же народомъ въ его далекихъ странствованіяхъ и сношеніяхъ съ Финнами до прихода въ Венгрію; съ другой я узнаю, по отличительнымъ и рѣзкимъ признакамъ породы, въ той части нынѣшняго населенія Венгріи, которая говоритъ финскимъ нарѣчіемъ, потомковъ племени, вышедшаго изъ восточной Азіи. Но я иду еще далѣе. Я нахожу, что этотъ типъ распространенъ въ такомъ количествѣ, что его нельзя считать исключительною принадлежностію Гунновъ и ихъ потомства, но что онъ былъ у нихъ общій съ древними Мадьярами, народомъ, по языку близкимъ съ Финнами и поселившимся въ Венгріи четыре столѣтія послѣ Гунновъ. На этомъ основаніи я утверждаю, что между Гуннами и Мадьярами существовала родственная кровная связь.

По мадьярскимъ преданіямъ, вождь ихъ Арпадъ, который привелъ ихъ въ Венгрію, происходилъ отъ Аттилы. Народное преданіе подтверждается въ этомъ случаѣ свидѣтельствомъ физіологіи. Что̀ касается до собственно финскаго типа, то онъ вѣроятно существуетъ въ томъ же населеніи, но еще не былъ описанъ, и я не имѣлъ случая изучить его.

Изъ сравненія языковъ, съ цѣлью составить ихъ классификацію, въ Германіи возникла въ наше время цѣлая наука лингвистики. Вамъ извѣстна важность этой науки при рѣшеніи многочисленныхъ историческихъ вопросовъ, ибо Вы сами пользовались ею съ успѣхомъ. Она равно занимательна и для физіолога, потому что обращаетъ его мысль на великія задачи и служитъ ему проводницею въ его изслѣдованіяхъ о сродствѣ народовъ, хотя сродство языковъ не всегда совпадаетъ съ близостію породъ. Впрочемъ, оно очень часто ей соотвѣтствуетъ.

При сравненіи языковъ почти исключительно разсматриваются: ихъ лексикографическое содержаніе, т. е. слова; способъ употребленія этихъ словъ, составляющій предметъ грамматики, и духъ языковъ, — выраженіе не достаточно опредѣленное и ясное, вслѣдствіе чего я не буду на немъ останавливаться. Вниманіе филологовъ было также обращено и на произношеніе, но вообще имъ слишкомъ мало занимались. Такъ какъ оно нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ къ области физіологіи, то изъ него можно извлечь нѣсколько соображеній относительно нашего предмета. Вотъ почему я не терялъ его изъ виду при изученіи породъ и дошелъ до результатовъ, которые не лишены занимательности. Начнемъ съ фактовъ общеизвѣстныхъ. Взрослый человѣкъ можетъ научиться правильно говорить на иностранномъ языкѣ, но ему не такъ легко будетъ усвоить себѣ надлежащее произношеніе. Рѣчь его будетъ согласна съ грамматикою и обычаемъ, слогъ правиленъ и чистъ, но ему не удастся воспроизведеніе звуковъ въ должной чистотѣ. По строенію фразы, онъ можетъ показаться туземцемъ, но выговоръ почти всегда обличитъ иностранца. Употребляя слова и обороты чужого языка, онъ сохранитъ часть звуковъ, свойственныхъ его родному. Онъ положитъ ударенія не на тотъ слогъ, или замѣнитъ звукъ для него непривычный и труд-

ный другимъ, болѣе ему знакомымъ. Если бы онъ даже захотѣлъ отказаться совершенно отъ роднаго языка и забыть его, то въ голосѣ его сохранятся неизгладимые слѣды прежней рѣчи, по которымъ можно будетъ узнать его происхожденіе. Нѣтъ болѣе общаго и вѣрнаго способа отличить иностранца отъ туземца. Такимъ образомъ у отдѣльнаго человѣка выговоръ и особенности удареній переживаютъ слова и обороты забытаго имъ языка. Тоже самое, и еще въ большей степени, можно сказать о цѣломъ народѣ. Лице можетъ до безконечности разнообразить свои отношенія къ той средѣ, въ которую оно перенесено; цѣлому народу это невозможно.

Случается, что народъ принимаетъ новый языкъ отъ небольшаго числа пришельцевъ; но по недостатку непосредственныхъ сношеній, ему трудно усвоить себѣ вполнѣ и передать въ чистотѣ чуждое ему слово. Оно искажается въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, оборотахъ и выговорѣ своемъ. Принимая иностранный, живой языкъ, народъ поступаетъ съ нимъ такъ же, какъ мы поступаемъ съ мертвыми языками. Каждый произноситъ ихъ по своему: не трудно отличить въ этомъ случаѣ Англичанина, Француза, Нѣмца, Итальянца или Испанца. Перемѣнивъ языкъ, народъ передаетъ своимъ потомкамъ часть первоначальнаго произношенія, котораго слѣды не стираются въ продолженіи многихъ вѣковъ, и при всемъ своемъ разнообразіи, могутъ служить признакомъ общаго происхожденія. Я обязанъ знаменитому Меццофанти, съ которымъ имѣлъ случай познакомиться въ Болоньѣ, подтвержденіемъ моихъ, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ мнѣній объ англійскихъ Британцахъ.

Самое рѣзкое отличіе англійскаго языка отъ другихъ, употребительныхъ въ новой Европѣ, заключается въ чрезвычайной неправильности выговора. Познакомившись съ основными звуками какого-нибудь другаго языка, можно, при пособіи нѣкоторыхъ правилъ, довольно хорошо произносить слова, даже не понимая ихъ значенія. Правильное произношеніе англійскихъ словъ возможно только при совершенномъ знаніи языка. Говоря со мною, Меццофанти сказалъ, что это свойство англійскаго языка досталось ему въ наслѣдство отъ галльскаго. Мнѣ не зачѣмъ было спрашивать его о томъ, какимъ путемъ совершилась эта передача, потому что мнѣ такъ же, какъ ему, извѣстно было отношеніе Британцевъ къ Галламъ. Такимъ образомъ онъ сообщилъ мнѣ новое и нежданное доказательство въ подкрѣпленіе другихъ фактовъ, убѣдившихъ меня въ томъ, что Британцы не переставали существовать на англійской почвѣ, послѣ покоренія ея Саксами. Племя ихъ считали вымершимъ. Но филологъ узнаетъ ихъ потомковъ по звукамъ голоса, такъ какъ я узнаю ихъ по чертамъ лица. Этихъ доводовъ, кажется, достаточно.

Къ сожалѣнію Меццофанти, превосходящій всѣхъ современниковъ изумительнымъ знаніемъ языковъ, таитъ отъ насъ основу своего знанія. Онъ обязанъ имъ не огромной памяти своей и не врожденной, можно сказать, способности замѣчать и удерживать въ головѣ отдѣльныя слова и ихъ сочетанія, но уму въ высокой степени аналитическому, который проникаетъ въ духъ языковъ и усвоиваетъ его себѣ. Онъ самъ сказалъ мнѣ, что болѣе

изучаетъ духъ, чѣмъ букву. Что мы знаемъ о духѣ языковъ? Почти ничего. Если бы Меццофанти сообщилъ намъ результаты своихъ наблюденій, изъ нихъ образовалась бы, быть можетъ, новая наука.

Изъ его словъ видно, какое вліяніе можетъ имѣть на произношеніе новаго языка другой, давно умершій, и какою прочностію и живучестію одарены звуки повидимому летучіе и преходящіе.

Наблюденія, сдѣланныя мною надъ нарѣчіями сѣверной Италіи, доставятъ намъ еще одинъ примѣръ.

Нарѣчія генуэзское, піемонтское, миланское и бресчіанское принадлежатъ сѣверной Италіи, т. е. тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда жили Галлы. При всемъ разнообразіи, у нихъ есть общіе всѣмъ признаки, которыми они существенно отличаются отъ нарѣчій южной Италіи. Нельзя ли найти въ этихъ общихъ и характеристическихъ чертахъ остатковъ прежняго, т. е. галльскаго языка? Удостовѣриться въ этомъ не трудно. Поселившіеся по обѣимъ сторонамъ Альповъ Галлы, отказавшись отъ собственнаго языка въ пользу латинскаго, должны были измѣнить послѣдній сообразно съ началами, которыя изложены нами выше. Мы сравнимъ эти обѣ отрасли галльскаго племени сначала относительно выговора, признака чрезвычайно важнаго для того, кто умѣетъ его цѣнить, и съ измѣненіемъ котораго искажается весь языкъ.

Французы, по крайней мѣрѣ Парижане, утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ особенности выговора, то-есть они не возвышаютъ голоса и не кладутъ удареній преимущественно на извѣстные слоги. Тѣмъ не менѣе у нихъ есть такая особенность, которую люди хорошаго общества стараются, по возможности, не давать чувствовать. Удареніе полагается вообще на послѣдній слогъ; простой народъ значительно возвышаетъ при этомъ голосъ, въ особенности сельскіе жители въ цѣлой Франціи. На оборотъ, настоящіе Итальянцы отбрасываютъ удареніе на предпослѣдній слогъ; гласная, которою оканчивается слово, представляетъ латинское склоняющееся окончаніе. Французы, замыкая слово удареніемъ, сократили его. Таково направленіе языка даже въ тѣхъ словахъ, гдѣ за удареніемъ слѣдуетъ еще слогъ; въ такомъ случаѣ онъ не выговаривается и его по справедливости называютъ нѣмымъ. Это свойство, сообщенное транзальпинскими Галлами принятому ими латинскому нарѣчію, доведено, кажется, до еще большей степени у ихъ цизальпинскихъ соплеменниковъ. Когда я пріѣхалъ въ Италію черезъ Піемонтъ, меня приводила въ отчаяніе привычка жителей сокращать латинскія слова, ставя удареніе на послѣднемъ слогѣ. Слова мнѣ весьма извѣстныя подвергаются тамъ такимъ усѣченіямъ, что я не успѣвалъ ихъ разслушать.

Изъ всѣхъ свойствъ языка, ударенія, не смотря на свою важность, наименѣе обращаютъ на себя вниманіе, и потому мы перейдемъ къ другимъ болѣе замѣтнымъ признакамъ. Въ французскомъ языкѣ есть нѣсколько звуковъ, которыми онъ существенно отличается отъ кореннаго итальянскаго. Въ томъ числѣ французское U. Вамъ извѣстно, какъ трудно южнымъ Итальянцамъ выговорить этотъ звукъ, котораго у нихъ не существуетъ. Онъ могъ бы служить для нихъ тѣмъ, чѣмъ шибболетъ былъ для Іудеевъ. Однако

принадлежащее Транзальпинской Галліи Ü произносится и въ Цизальпинской, отъ западныхъ Альповъ до рѣки Минчіо, въ нарѣчіяхъ генуезскомъ, піемонтскомъ, миланскомъ, бресчіанскомъ и т. д. Въ этихъ же нарѣчіяхъ мы находимъ даже французское *eu*, выраженное тѣми же буквами, еще болѣе трудное для Итальянца, чѣмъ Ü. Есть слова, въ которыхъ оно звучитъ такъ, какъ въ французскихъ feu, peu, neuf и т. д. Если бы намъ не было извѣстно происхожденіе этихъ народовъ, то можно было бы подумать, что они заимствовали приведенные нами звуки. Но они были сами Галлы и потому не имѣли надобности въ такомъ заимствованіи. Принявъ латинскій языкъ, Галлы, жившіе по обѣимъ сторонамъ Альповъ, видоизмѣнили его по однимъ и тѣмъ же началамъ. Другая особенность французскаго выговора относительно итальянскаго заключается въ богатствѣ и разнообразіи такъ называемыхъ носовыхъ звуковъ. У Итальянцевъ, живущихъ къ югу отъ Аппенинскихъ горъ, этихъ звуковъ нѣтъ вовсе. Въ нарѣчіяхъ сѣверной Италіи они встрѣчаются очень часто.

Я собралъ много другихъ фактовъ такого рода, но не считаю нужнымъ приводить ихъ, полагая, что сказаннаго уже достаточно.

Не могу оставить Италіи, не упомянувъ о небольшомъ народѣ, котораго предки, говорятъ, играли великую роль въ исторіи и особенно занимаютъ Васъ. Въ горахъ между Виченцою и Вероною живетъ иноплеменное населеніе. Его принимаютъ за остатокъ разбитыхъ Маріемъ Кимвровъ. Ихъ называютъ даже этимъ именемъ, а также жителями семи или тринадцати общинъ, смотря по провинціи. Знакомство съ ними было для меня заманчиво во всѣхъ отношеніяхъ, и потому я принялъ намѣреніе посѣтить ихъ если можно лично, или по крайней мѣрѣ собрать о нихъ самыя точныя свѣдѣнія. Говорятъ, что какой-то датскій принцъ былъ у нихъ и узналъ своихъ соплеменниковъ. Если они въ самомъ дѣлѣ говорятъ датскимъ нарѣчіемъ и происходятъ отъ Кимвровъ, которые сражались съ Маріемъ, то ихъ нельзя смѣшивать съ отраслію Галловъ, которую Вы называете кимрскою. Въ противномъ случаѣ надобно предположить, что они перемѣнили языкъ еще во времена Марія, съ чѣмъ Вы конечно не согласитесь. Не доѣзжая еще до тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ, я убѣдился, что ихъ нельзя считать за выходцевъ изъ Херсонеса Кимврійскаго. Въ Болоньѣ Меццофанти показалъ мнѣ написанную на ихъ языкѣ молитву Господню. Судя по образцу, нарѣчіе это вовсе не датское, а нѣмецкое, до такой степени чистое и легкое, что я не нашелъ ни одного непонятнаго мнѣ слова. Когда я пріѣхалъ въ Виченцу и потомъ въ Верону, время года не благопріятствовало путешествію въ горы. Ледъ, снѣга и дурныя дороги заставили меня отказаться отъ моего намѣренія. Молодой веронскій графъ Орти въ нѣкоторой степени вознаградилъ меня за эту неудачу, приказавъ отыскать въ городѣ нѣсколько изъ этихъ горцевъ, которые часто тамъ бываютъ. Мнѣ доставлена была возможность ихъ видѣть и говорить съ ними. Не позволяя себѣ никакихъ заключеній о ихъ наружномъ видѣ, по причинѣ малаго числа видѣнныхъ мною лицъ, я могу сказать мое мнѣніе объ ихъ языкѣ. Я заговорилъ съ однимъ изъ нихъ по нѣмецки: онъ отвѣчалъ мнѣ по своему, и мы совер-

шенно понимали другъ друга. Я удостовѣрился окончательно, что ихъ нарѣчіе отнюдь не скандинавское, а нѣмецкое.

Эти соображенія, извлеченныя изъ сравненія языковъ, достаточно доказали мнѣ, что горцы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не могутъ быть потомками Маріевыхъ Кимвровъ. Мнѣ еще не были извѣстны историческія изслѣдованія, изданныя въ то время графомъ Джіованелли объ этихъ мнимыхъ Кимврахъ [15]). Графъ Орти былъ такъ любезенъ, что сообщилъ ихъ мнѣ. Впослѣдствіи докторъ Лабю доставилъ мнѣ экземпляръ этой книги. Графъ Джіованелли, руководимый побужденіями, сходными съ тѣми, которыя я изложилъ выше, и другими, о которыхъ я умалчиваю, искалъ въ писателяхъ, принадлежащихъ временамъ упадка Римской имперіи, слѣдовъ нѣмецкаго народа, поселившагося въ сѣверной Италіи до пришествія Лонгобардовъ. Онъ нашелъ достовѣрныя свидѣтельства объ этомъ событіи, съ точнымъ опредѣленіемъ времени, обстоятельствъ и причинъ. Въ панегирикѣ Эннодія Теодориху Остготскому находятся слѣдующія слова: „Ты принялъ безъ ущерба для римскихъ землевладѣльцевъ въ предѣлы Италіи цѣлое племя Аллемановъ, которые, лишившись по собственной винѣ прежняго короля своего, пріобрѣли такимъ образомъ новаго. Племя, постоянно грабившее наши области, стало стражемъ Римской имперіи; бѣгство изъ родины обратилось ему въ пользу, ибо оно нашло себѣ у насъ болѣе богатую землю". Письмо, написанное Кассіодоромъ отъ имени Теодориха, короля Остготскаго, къ Хлодвигу, королю Франковъ, объясняетъ причины и обстоятельства, при которыхъ совершилось это переселеніе Аллемановъ: „Побѣдоносная десница ваша покорила племена Аллемановъ, пораженныя уже другими тяжкими для нихъ событіями и проч. Остановите напоръ вашъ противъ изнуренныхъ остатковъ, ибо они пріобрѣли право на пощаду, потому что, какъ сами видите, бѣжали подъ защиту вашихъ родственниковъ. Будьте милосерды къ тѣмъ, которыхъ страхъ заставилъ укрыться въ нашихъ владѣніяхъ... Достаточно и того, что царь ихъ палъ вмѣстѣ съ гордынею своего народа" [16]).

Отсюда ясно, что мнимые Кимвры суть южные Германцы, принадлежавшіе къ союзу Аллемановъ, которыхъ имя распространилось потомъ на всѣ племена германскія. Такимъ образомъ опровергается сильное возраженіе противъ родства, предполагаемаго Вами между Кимврами и Кимрами (10). Впрочемъ, изслѣдованія мои о физіологическихъ признакахъ народовъ не имѣютъ ничего общаго съ этою частію Вашей исторіи и совершенно отъ нея независимы.

Я исполнилъ обѣщанія, высказанныя мною въ началѣ этого письма и въ самомъ заглавіи, доказавъ, что у народовъ, которыхъ я имѣлъ случай наблюдать, существуютъ опредѣленные типы, переходящіе отъ одного поколѣнія къ другому. Выводы мои подтверждаются свидѣтельствами исторіи.

[15]) Delle origine delle sette et tredici communi e d'altre popolazioni Allemane abitanti fra l'Adige e la Brenta nel Trentino nel Veronese e nel Vicentino. Memoria del Bened. Giovanelli. Trento. 1828.

[16]) Cassiod. Variar. 11. 41.

Я постановилъ начала и приложилъ ихъ къ народамъ, занимающимъ большую часть Европы; всѣми силами стараясь найти истину, я не позволялъ себѣ рѣзкихъ, догматическихъ приговоровъ и не отступалъ отъ осторожности, необходимой при обсужденіи предмета столь новаго и труднаго. Поэтому смѣю надѣяться, что мои убѣжденія будутъ приняты Вами, и что они возбудятъ участіе не въ однихъ Васъ. Я могъ бы распространить объемъ моей статьи, увеличивъ число приводимыхъ доказательствъ, но вопросъ отъ этого не сталъ бы яснѣе. Къ тому же я берегъ время моихъ читателей. Предметы, обращающіе на себя и дробящіе ихъ вниманіе, такъ многочисленны и разнообразны, что писатель долженъ заботиться о краткости изложенія. Иначе его не станутъ читать. Вотъ почему я приводилъ только самые сильные доводы, стараясь впрочемъ о томъ, чтобы сжатость не вредила ясности. Вы не будете, слѣдовательно, обвинять меня въ поверхностномъ изложеніи предмета, потому что я на небольшомъ числѣ страницъ коснулся столь многихъ вопросовъ.

Возможныя приложенія такъ многочисленны, что, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній, превышаютъ силы отдѣльнаго лица. Я ограничился тѣми, за которыя могъ отвѣчать. У насъ нѣтъ еще матеріаловъ для полнаго обзора европейскихъ народовъ. Сколько любопытныхъ вопросовъ могло бы рѣшить изученіе древности германскаго народа, занимающаго пространство отъ Альповъ до Скандинавіи, и которому мы обязаны столь многими стихіями новой образованности. Какъ желательно было бы узнать покороче живущія въ южной Франціи и въ сѣверной части Пиренейскаго полуострова племена, которыхъ, по имени ихъ предковъ, начинаютъ называть Иберами. Критическое изученіе языковъ и историческія изслѣдованія уже доставили намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, но никто еще не пытался опредѣлить различные типы, характеризующіе отдѣльныя семьи европейскаго населенія. Я достаточно видѣлъ этихъ типовъ для того, чтобы сказать утвердительно, что ихъ существуетъ нѣсколько, но не довольно для распредѣленія ихъ на группы и для уясненія ихъ отношеній къ исторіи. До сихъ поръ не описанъ даже типъ Басковъ, хотя высокая древность этого народа и его владычество въ Иберіи доказаны знаменитымъ ученымъ [17]), хотя Вы говорите о немъ въ Вашей исторіи Галловъ, хотя труды Г. Форіеля обѣщаютъ пролить на него новый свѣтъ (11).

Можно надѣяться, что такіе пробѣлы скоро исчезнутъ. Эти народы— сосѣди Франціи и почти со всѣхъ сторонъ прилегаютъ къ ней. Надобно только внимательно изслѣдовать ихъ и не довольствоваться поверхностнымъ обзоромъ. Намъ лучше извѣстны наши антиподы, чѣмъ сосѣди,—дикія племена, чѣмъ народы съ древнею образованностію,—такіе, у которыхъ вовсе нѣтъ историческихъ памятниковъ, чѣмъ другіе, озарившіе свѣтомъ исторію не только своей, но и чужой древности.

Ученые, принимавшіе участіе въ послѣднихъ, предпринятыхъ съ цѣлью

[17]) Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittelst der Baskischen Sprache; von Wilh. von Humboldt. Berlin. 1821.

открытій путешествіяхъ, обращали особенное вниманіе на наблюденія такого рода. Благодаря ихъ трудамъ, жители многочисленныхъ острововъ Тихаго океана лучше и тщательнѣе описаны, чѣмъ обитатели почти всѣхъ остальныхъ частей свѣта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наука болѣе бы выиграла чрезъ собраніе точнѣйшихъ свѣдѣній о народахъ и земляхъ Стараго материка.

Двѣ ученыя экспедиціи отправлены въ Грецію и Египетъ.

Если меня не обманываетъ память моя, то на гробницѣ египетскаго царя, о которой я говорилъ Вамъ выше, представлены два весьма различные, существовавшіе въ Египтѣ типа: одинъ, принадлежавшій простому народу, другой—высшимъ сословіямъ. Доселѣ обращали вниманіе только на послѣдній. Онъ, говорятъ, еще существуетъ у Коптовъ. Вѣроятно между ними сохранился и другой; я предложу этотъ вопросъ ученымъ, которые могутъ рѣшить его на мѣстѣ. Сравненіе этихъ двухъ типовъ съ прочими, которые находятся въ самомъ Египтѣ у Коптовъ, или у Феллаховъ, въ Нубіи, въ Абиссиніи, даже быть можетъ въ Аравіи, населеніе которой, по моему мнѣнію, не есть однородное, можетъ привести къ разрѣшенію важныхъ вопросовъ.

Другая экспедиція, отправленная въ Морею, по малому объему отмѣреннаго для ея наблюденій пространства, едва ли будетъ въ состояніи отличить въ нынѣшнемъ населеніи потомство Пеласговъ отъ настоящихъ Эллиновъ. Невѣроятно, чтобы первые были совершенно истреблены или вытѣснены изъ всѣхъ частей Греціи. Малтъ-Брунъ, опираясь на собственныя и чужія розысканія, нашелъ слѣды Пеласговъ въ языкѣ ихъ прежней родины. Можетъ быть теперь или въ послѣдствіи, по заключеніи мира и открытіи болѣе обширныхъ сношеній, представится возможность возстановить, посредствомъ основательнаго, соединеннаго съ здравою критикою изученія типовъ, первоначальное различіе между Пеласгами и Эллинами въ новой Греціи такъ, какъ мы возстановили различіе Галловъ и Кимровъ во Франціи.

Между тѣмъ я могу сообщить Вамъ о жителяхъ Мореи нѣсколько новыхъ свѣдѣній, которыми подтверждаются мои общіе выводы. У насъ обыкновенно толкуютъ о характеристическихъ признакахъ греческой головы безъ точныхъ и ясно опредѣленныхъ понятій. Однако точность въ этомъ случаѣ тѣмъ необходимѣе, что памятники греческаго искусства не представляютъ одного общаго имъ всѣхъ характера и отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ.

Большая часть боговъ и лицъ, принадлежащихъ героическому времени, изображены по одному образцу, составляющему такъ называемый идеалъ красоты. Формы и размѣры головы и чертъ до того правильны, что ихъ можно описать съ математическою точностію. Типъ этотъ узнается тотчасъ по правильному овалу лица, прямому лбу и носу и отсутствію раздѣляющей ихъ впадины. Въ цѣломъ такъ много гармоніи, что существованіе означенныхъ чертъ необходимо условливаетъ прочія имъ соотвѣтствующія. Но не таковъ характеръ лицъ, принадлежащихъ историческому періоду. Почти всѣ они, философы, ораторы, воины, поэты отличаются отъ описаннаго выше типа и составляютъ отдѣльную группу. Она столько же далека отъ первой,

сколько приближается къ обыкновеннымъ европейскимъ лицамъ. Я не считаю нужнымъ говорить о ней подробнѣе.

Если бы у насъ не было другихъ средствъ, кромѣ памятниковъ греческаго искусства, то мы были бы въ правѣ принять героическій, или миоическій типъ, вслѣдствіе его противоположности съ дѣйствительностію, за чисто-идеальный. Но воображеніе наше легче создаетъ уродовъ, чѣмъ образцы красоты. Это начало такъ вѣрно, что оно одно въ состояніи убѣдить насъ въ дѣйствительномъ существованіи означеннаго типа въ древней Греціи и тѣхъ странахъ, которыя заимствовали отъ нея свое населеніе. Быть можетъ, онъ существуетъ и донынѣ. Можно только предположить, что онъ былъ всегда весьма рѣдокъ, а теперь, если сохранился, сталъ еще рѣже.

Гг. Штакельбергъ и Бронштедъ, путешествовавшіе въ Мореѣ, сообщили мнѣ весьма любопытныя для меня наблюденія. Они утверждаютъ, что героическій типъ уцѣлѣлъ тамъ во всей чистотѣ своей и въ такомъ количествѣ, что составляетъ отличительный характеръ части населенія. Въ горахъ Аркадіи живутъ теперь Влахи, которыхъ языкъ, смѣшанный съ новогреческимъ, вошелъ въ употребленіе у окрестныхъ жителей. Горные пастухи даже носятъ имя Влаховъ, что подало поводъ къ заключенію объ ихъ происхожденіи отъ этого народа, а не отъ древнихъ Аркадцевъ. Я не могу допустить такого мнѣнія. Г. Штакельбергъ нашелъ между ними много чисто греческихъ лицъ; а Г. Бронштедъ увѣрялъ меня, что прекрасныя формы греческаго типа встрѣчались ему если не чаще, то столь же часто у пастуховъ Аркадіи, какъ у Майнотовъ, которые представляютъ потомство Лакедемонцевъ. Итакъ, не смотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, типъ этотъ сохранился на небольшомъ пространствѣ многократно опустошенномъ мечемъ, огнемъ, голодомъ и язвою, среди населенія, которое никогда не было многочисленно, и въ продолженіе долгой своей зависимости отъ жестокихъ властителей, не разъ вызывало и испытывало всѣ ужасы ихъ мести.

Но число настоящихъ потомковъ древнихъ Эллиновъ еще значительнѣе, чѣмъ можно думать, судя по тому, что̀ я сказалъ выше.

Мы видѣли, что въ Греціи сверхъ героическаго существовалъ еще другой типъ, представителей котораго находимъ въ большей части великихъ людей историческаго времени. Послѣдній типъ былъ особенно распространенъ въ древности, чему доказательствомъ служатъ тѣ же памятники. Онъ преобладаетъ и въ настоящее время. Меня убѣждаетъ въ этомъ все, что̀ я видѣлъ лично или слышалъ отъ другихъ. Впрочемъ здѣсь не нужно доказательствъ, потому что явленіе это есть необходимый выводъ изъ предъидущаго. Едва ли какой народъ сохранилъ съ такою вѣрностію, какъ Греки, языкъ своихъ предковъ. Ни у одного не найдемъ бо̀льшаго количества древнихъ обычаевъ, нравовъ и преданій. Стѣны Аргоса, Микенъ и Тиринеа, которыхъ древность была признана въ гомерическія времена, стоятъ донынѣ. Странствующіе рапсоды до сихъ поръ поютъ тѣмъ же напѣвомъ и тѣми же словами о достопамятныхъ событіяхъ; они сами представляютъ живое подобіе тѣхъ предшественниковъ, о которыхъ вызываютъ воспоминаніе; сходство наружныхъ чертъ подкрѣпляется въ этомъ случаѣ сходствомъ

происшествій. Новые Греки стоятъ относительно образованности ниже своихъ предковъ, жившихъ въ лучшія времена ихъ исторіи; но ихъ можно смѣло сравнить съ предшествовавшими поколѣніями, которыя приготовили позднѣйшую славу. Природа осталась та же. При равно благопріятныхъ условіяхъ, она способна къ такому же развитію. Необразованныя и грубыя поколѣнія, подъ вліяніемъ Финикіянъ и Египтянъ, развили, съ безпримѣрною у другихъ народовъ быстротою, науки и искусство. Почему же потомкамъ ихъ не совершить, при пособіи окружающаго ихъ европейскаго просвѣщенія, еще болѣе скорыхъ успѣховъ.

Не подумайте, что, указывая на существованіе въ Греціи двухъ типовъ, я отношу ихъ къ двумъ историческимъ породамъ той страны. Подобныхъ вопросовъ нельзя рѣшать съ такою поспѣшностію. У меня были подъ рукою всѣ нужныя данныя, когда дѣло шло объ отысканіи связи между историческими наименованіями галльскихъ племенъ и рѣзкими типами, которые я нашелъ между ними. Въ настоящемъ случаѣ такихъ данныхъ недостаточно; поэтому я ограничусь немногими замѣчаніями, могущими принести пользу тѣмъ изслѣдователямъ, которые займутся этимъ вопросомъ на мѣстѣ.

Первый изъ означенныхъ типовъ безъ сомнѣнія чистый; этого нельзя сказать утвердительно о второмъ. Онъ могъ произойти отъ соединенія перваго съ какимъ-нибудь другимъ, намъ неизвѣстнымъ. Въ немъ нѣтъ ни однообразія, ни оригинальности. Его надлежало бы прослѣдить по всему пространству Греціи, принимая это имя въ самомъ обширномъ его значеніи. Мы между прочимъ встрѣтимъ тамъ народъ еще недостаточно изслѣдованный. Онъ говоритъ языкомъ ему одному принадлежащимъ; пришелъ неизвѣстно откуда, и неизвѣстно когда занялъ настоящія жилища свои. По крайней мѣрѣ люди, въ которыхъ я предполагалъ наиболѣе свѣдѣній по этому предмету, не могли сказать мнѣ ничего достовѣрнаго. Албанцы суть, вѣроятно, остатокъ древнѣйшаго населенія. Они въ Греціи тоже, что Баски по обѣимъ сторонамъ Пиренеевъ, Бретанцы во Франціи, Валлисцы въ Англіи, наслѣдники Эрсскаго языка въ Шотландіи и Ирландіи. Такъ какъ иностранное происхожденіе Албанцевъ не можетъ быть доказано ни преданіями, ни исторіею, ни сравненіемъ языковъ, то почему не принять ихъ за Пеласговъ [18]). Я видѣлъ Албанцевъ въ Венеціи и заказалъ съ нихъ портреты; но я не рѣшусь высказать идей, пришедшихъ мнѣ тогда въ голову, пока не увѣрюсь положительно, что видѣлъ настоящій албанскій типъ, и

[18]) Господство славянскаго языка въ сѣверной и западной Греціи можетъ привести къ мнѣнію о преобладаніи славянскаго типа. Но я имѣлъ случай замѣтить, что этого типа нѣтъ ни у Кроатовъ, ни у Далматинцевъ. Г. Беданъ сдѣлалъ тоже замѣчаніе. Все это заставляетъ насъ думать, что потомки древнихъ Грековъ существуютъ въ большомъ числѣ даже между народами, говорящими другимъ языкомъ. Впрочемъ исторія и языкъ Албанцевъ доказываютъ, что и они не чистой породы. Вы утверждаете, что нѣкогда земля ихъ была заселена Галлами. Я самъ видѣлъ въ Далмаціи кимрскія лица. Искомый нами типъ будетъ только тогда достовѣрно опредѣленъ, когда его найдутъ въ другихъ частяхъ Греціи или въ странахъ, гдѣ прежде жили Пелазги. Къ тому же, надобно, чтобы отъ соединенія его съ героическимъ типомъ происходили признаки, характеризующіе лица историческаго періода.

пока приведенныя выше догадки о происхожденіи этого народа не будутъ признаны истинными или ложными (12).

Аравія, Персія и Индія требуютъ также особеннаго вниманія. Великіе результаты, къ которымъ привело насъ въ недавнее время изученіе языковъ Индійскаго полуострова, заставляютъ желать, чтобы путешественники или Европейцы, поселившіеся въ томъ краѣ, занялись опредѣленіемъ преобладающихъ въ Индіи типовъ. Можно думать, что основное различіе тамошнихъ языковъ, показанное г. Бюрнуфомъ (сыномъ), совпадаетъ отчасти съ различіемъ физіологическихъ примѣтъ, которыми отмѣчены отдѣльныя индійскія племена. Такая аналогія замѣтна съ самаго начала исторіи, свидѣтельствующей, что два древнѣйшіе народа Индіи представляли рѣзкую противоположность по цвѣту кожи и географическому положенію (13).

Потомки Персовъ существуютъ до сихъ поръ подъ именемъ Парсовъ или Гебровъ. Сравнительное изученіе типа Гебровъ и тѣхъ народовъ, среди которыхъ они теперь живутъ, при пособіи данныхъ, заимствованныхъ изъ сродства языковъ, вѣроятно содѣйствовало бы къ уясненію темныхъ историческихъ вопросовъ [19]). Я сказалъ выше, что населеніе Аравіи, по моему мнѣнію, не есть однородное. Какая другая страна представляетъ любителямъ этнографіи болѣе обширное поприще для изслѣдованій? Изъ всѣхъ народовъ, пріобрѣтшихъ громкое имя въ исторіи, можетъ быть одни Арабы никогда не подвергались чужеземному игу; немногіе народы ходили такъ далеко отъ своей родины и разселились на такомъ обширномъ пространствѣ: близкое сходство арабскаго языка съ другими расширяетъ еще болѣе сферу этихъ отношеній.

Въ предлагаемыхъ Вамъ изслѣдованіяхъ я строго воздерживался отъ всякихъ уклоненій отъ моего предмета. Я бралъ типы въ томъ видѣ, въ какомъ они дѣйствительно существуютъ; указывалъ на совокупность и свойство признаковъ, изъ которыхъ они слагаются; разсматривалъ ихъ существованіе въ данномъ періодѣ, а не въ безграничномъ времени; однимъ словомъ, я довольствовался тѣмъ, что̀ могъ узнать положительно, и не заходилъ далѣе. Очевидно, что собранные мною факты и извлеченные изъ нихъ выводы могутъ быть замѣнены другими; я самъ указалъ на условія ихъ существованія и видоизмѣненій. Ограниченный такимъ образомъ предметъ представляетъ, внѣ своихъ предѣловъ, полный просторъ мнѣніямъ всякаго рода.

Называя типомъ совокупность опредѣленныхъ признаковъ, я употребляю слово, имѣющее одно и тоже значеніе въ разговорномъ языкѣ и въ естественныхъ наукахъ, и такимъ образомъ устраняю возможность какого-либо

---

19) Г. Бюрнуфъ (сынъ), изучая отношенія языковъ санскритскаго и зендскаго къ европейскимъ, нашелъ, что первый ближе къ греческому, а второй къ германскимъ. Не странно ли, что и, съ своей стороны, имѣю причины думать, что идеалъ греческой красоты существуетъ или существовалъ въ Индіи. У меня подъ глазами памятники. Между тѣмъ, видѣнныя мною на гробницѣ египетскаго царя фигуры, которыхъ Бельцони называетъ Персами, представляютъ величайшее сходство съ однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ германскихъ типовъ. Фигуры эти, впрочемъ, обезображены въ атласѣ Бельцони.

недоумѣнія относительно мѣста, принадлежащаго въ общей классификаціи тѣмъ группамъ, къ которымъ относится это выраженіе. Оно равно прилично породѣ и ея отрасли, роду и виду и т. д. Подъ первобытнымъ, или чистымъ типомъ я разумѣю такой, который образовался не изъ соединенія другихъ, намъ извѣстныхъ. Болѣе обширнаго значенія я не даю этому выраженію.

Первобытные типы опредѣляются слѣдующимъ образомъ. Надобно замѣтить самыя рѣзкія различія отдѣльныхъ лицъ и потомъ привести въ извѣстность, дѣйствительно ли эти особенности повторяются довольно часто для образованія группъ, болѣе или менѣе значительныхъ, смотря по объему населенія. Результатомъ существованія нѣсколькихъ типовъ на одной и той же почвѣ будутъ многочисленныя помѣси, составныя стихіи которыхъ узнать не трудно, если число стихій ограничено. Правда, что отъ двухъ породъ могутъ произойти множество промежуточныхъ оттѣнковъ. Непредупрежденный наблюдатель не будетъ знать, на чемъ ему остановить глаза; безконечная смѣсь и пестрота явленій, особенно тамъ, гдѣ преобладаютъ смѣшанныя породы, заставятъ его думать, что общихъ и постоянныхъ признаковъ нѣтъ вовсе. Лица, принадлежащія къ чистымъ породамъ, покажутся ему въ такомъ случаѣ новыми видоизмѣненіями, усложняющими безвыходный хаосъ. Но хаосъ этотъ уяснится и придетъ въ порядокъ, когда вниманіе изслѣдователя обратится на крайнія противоположности. Тогда онъ получитъ возможность усмотрѣть, что онѣ повторяются часто съ однообразными признаками. Обѣ крайнія группы увеличиваются въ объемѣ по мѣрѣ усиленныхъ наблюденій, и чѣмъ рѣзче высказывается противоположность ихъ формъ, тѣмъ несомнѣннѣе становится ихъ первобытность. Поднявшись такимъ образомъ до основныхъ типовъ, мы для достиженія послѣдней степени достовѣрности должны прослѣдить ихъ въ разнообразныхъ оттѣнкахъ, которые образуются отъ ихъ совокупленій.

Мы упомянули о возможности преобладанія смѣшанныхъ породъ. Случиться можетъ, что отъ двухъ чистыхъ типовъ произойдетъ, вслѣдствіе ихъ постоянныхъ и равномѣрныхъ соединеній, третій средній, наиболѣе распространенный. Поэтому не должно принимать числительный перевѣсъ породы за доказательство ея первобытности, но надобно употребить средства, мною указанныя, для рѣшенія вопроса объ ея происхожденіи.

Я не говорилъ въ этомъ письмѣ о нравственныхъ и умственныхъ свойствахъ, особенно характеризующихъ тѣ группы, которыхъ внѣшніе признаки мною описаны. Предметъ этотъ входилъ въ составъ моихъ изслѣдованій и находится въ связи съ ихъ цѣлью, но его можно было на время оставить въ сторонѣ. Если бы я былъ въ состояніи въ немногихъ словахъ удовлетворить любознательности читателей, то конечно не усомнился бы сообщить Вамъ мои замѣчанія. Но вопросъ этотъ труднѣе всѣхъ тѣхъ, о которыхъ шла рѣчь въ моемъ письмѣ, отчасти по самой природѣ своей, но особенно по разнообразію точекъ зрѣнія, съ которыхъ его можно разсматривать. Есть, впрочемъ, одна общая: вездѣ и во всѣ времена приписывались отдѣльнымъ народамъ особенныя нравственныя свойства и наклонности ума. Причины этихъ отличій не входили въ соображеніе. Для упрощенія задачи на-

добно, слѣдовательно, устранить всякое изслѣдованіе о причинахъ и довольствоваться рѣшеніемъ вопроса о существованіи нравственныхъ отличій, соотвѣтствующихъ внѣшнимъ признакамъ, которыми отмѣчены отдѣльныя группы рода человѣческаго. Но въ такомъ случаѣ мы придемъ не къ необходимой связи, а къ простому совпаденію, открывающему поприще самымъ произвольнымъ толкованіямъ. Тѣмъ не менѣе опредѣленное наблюденіями отношеніе между нравственнымъ характеромъ и физіологическими признаками лица или народа могло бы, независимо отъ вопроса о причинахъ, доставить любопытные и удовлетворительные для всѣхъ выводы (14).

Даже при такой наружной простотѣ, задача эта слишкомъ сложная, и я не могу приступить къ ней въ настоящемъ случаѣ. Я поставилъ себѣ цѣлію разобрать физіологическіе признаки человѣческихъ породъ въ связи ихъ съ исторіею и указалъ только на самые очевидные и положительные изъ нихъ. Желая скрѣпить новый союзъ исторіи съ физіологіею, я боялся поколебать его разборомъ неясныхъ и отвлеченныхъ отношеній.

ПРИМѢЧАНІЯ ГРАНОВСКАГО КЪ СТАТЬѢ ЭДВАРДСА.

1) Греческій писатель, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть Геродотъ, доказывающій происхожденіе жителей Колхиды отъ Египтянъ сходствомъ внѣшнихъ признаковъ и общимъ этимъ народамъ обычаемъ обрѣзанія. Кн. II, гл. 104. Свидѣтельства Геродота и другихъ писателей привели Вольнея къ заключенію, что Египтяне принадлежали къ черной, эѳіопской породѣ. Несостоятельность этого мнѣнія теперь не подлежитъ сомнѣнію. Уже Блуменбахъ утверждалъ, что въ Египтѣ существовали три различные типа: эѳіопскій, индійскій и барабрскій или берберскій [1]), который встрѣчается чаще другихъ. Первый подтверждаетъ слова Геродота и другія извѣстія древнихъ о Египтянахъ. Онъ отличается выдающимися впередъ челюстями, толстыми губами, широкимъ и плоскимъ носомъ и выпуклыми глазами. Характеристическіе признаки втораго состоятъ изъ длиннаго и тонкаго носа, продолговатыхъ глазъ, которыхъ вѣки идутъ подымаясь отъ переносицы къ вискамъ; высоко стоящихъ ушей, короткаго туловища и длинныхъ ногъ. Третій, или берберскій типъ, въ которомъ многіе видятъ результатъ смѣше-

[1]) Племя Барабра, по мнѣнію многихъ этнографовъ, въ томъ числѣ Риттера, родное Берберамъ сѣверной Африки, живетъ въ нижней Нубіи. Впрочемъ, оно не похоже на Блуменбахово описаніе. Барабра, или Берберини (такъ называютъ ихъ въ Каирѣ) отличаются стройнымъ и худощавымъ тѣлосложеніемъ. Prichard, II. 184. Вотъ что говоритъ о нихъ русскій путешественникъ, Г. Рафаловичъ: тѣлосложенія всѣ они худощаваго и весьма стройнаго; верхнія и нижнія оконечности у нихъ нѣсколько длинны, но отличаются художественнымъ совершенствомъ контуровъ; руки и ноги малы и красивой щегольской формы, какъ у Египтянъ; мускулы развиты бѣдно; икръ почти нѣтъ; жира въ подкожной клѣтчаткѣ не встрѣчаешь. Записки Географическаго общества, кн. IV, стр. 171.

нія арабской и эѳіопской крови, представляетъ нѣчто среднее между двумя первыми. Въ немъ особенно замѣтна полнота мягкихъ частей, короткій подбородокъ, повислыя щеки, глаза на выкатѣ и вообще наклонность къ тучности [2]). Новѣйшія изслѣдованія неоспоримо доказываютъ, что населеніе древняго Египта было смѣшанное, съ преобладаніемъ однако кавказской породы, измѣнившей подъ вліяніемъ климата бѣлый цвѣтъ кожи на мѣдно-красный и темно-желтый. „Нынѣшніе Копты", говоритъ Шамполліонъ-младшій, „представляютъ пеструю смѣсь всѣхъ народовъ, которые одинъ за другимъ владычествовали въ Египтѣ. У нихъ напрасно ищутъ отличительныхъ признаковъ настоящей египетской породы" [3]). Богатая, съ трехъ сторонъ открытая врагу долина Нила искони манила къ себѣ восточныхъ завоевателей и хищныя племена Африки. Отличный знатокъ африканской этнографіи, Давезакъ, находитъ въ чертахъ Коптовъ явные слѣды монгольской крови, указывающіе на событія, воспоминаніе о которыхъ не сохранилось въ исторіи [4]).

Изображенія, находящіяся на древнихъ памятникахъ Египта, представляютъ поразительное разнообразіе народныхъ типовъ, довольно вѣрно переданныхъ художниками. Негры постоянно являются въ видѣ побѣжденныхъ, данниковъ, рабовъ или даже приносимыхъ богамъ жертвъ. Весьма замѣчательны въ этнографическомъ отношеніи рисунки, найденные въ большомъ храмѣ Ибсамбульскомъ (въ Нубіи), представляющіе царя (Сезостриса), который держитъ въ рукѣ одиннадцать головъ побѣжденныхъ имъ непріятелей. Здѣсь соединены различные племенные типы западной Азіи и Африки. Характеристическія черты Семита, вѣроятно Еврея, тотчасъ бросаются въ глаза зрителю. Лице царя (судя по рисунку, находящемуся въ извѣстномъ атласѣ Розеллини, № 79) отличается выраженіемъ того спокойствія, которое составляетъ постоянную принадлежность фигуръ, изображающихъ высшія сословія египетскаго народа. Продолговатые съ узкими отверстіями вѣкъ глаза и толстыя, рѣзко-обозначенныя губы суть единственныя уклоненія отъ главныхъ признаковъ кавказской породы.

Винкельманъ замѣтилъ, что уши египетскихъ статуй постоянно выше, чѣмъ у греческихъ. Это замѣчаніе страннымъ образомъ подтверждается въ изслѣдованіяхъ Дюро-де-ла-Маль, который, разсматривая черепа египетскихъ мумій, нашелъ, что въ нихъ слуховой проходъ лежитъ на одной линіи съ глазами. Въ послѣдствіи Де-ла-Маль встрѣтилъ въ Парижѣ Копта, занимавшагося преподаваніемъ арабскаго языка, и могъ повѣрить на живомъ лицѣ наблюденія свои надъ муміей. Уши этого Копта стояли такъ высоко, что ихъ можно было принять за небольшіе рога. Трудно, впрочемъ, сказать на сколько этотъ признакъ былъ общимъ всему народу, составленному изъ самыхъ разнородныхъ частей [5]). Нѣкоторые натуралисты замѣтили въ муміяхъ особенную форму зубовъ, но теперь доказано, что это

[2]) Prichard, Naturgeschichte des Menschengeschlechts, nach der dritten Auflage des Englischen Originals mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben von R. Wagner. T. II, стр. 252. — [3]) Champollion Figeac, Egypte ancienne, p. 27. — [4]) Esquisse générale de l'Afrique, p. 18. — [5]) Prichard, II. 267.

явленіе было слѣдствіемъ свойства пищи, которую употребляли Египтяне, или обычая подпиливать зубы, существующаго и у другихъ народовъ [6]). Нельзя также не вспомнить о самомъ древнемъ изъ извѣстныхъ намъ френологическихъ наблюденій. Осматривая поле битвы при Пелузіумѣ, Геродотъ нашелъ, что черепа Персовъ, которые были здѣсь убиты и погребены отдѣльно отъ побѣжденныхъ ими противниковъ, значительно уступали въ твердости и крѣпости черепамъ послѣднихъ. Персидскій черепъ, говоритъ онъ, можно пробить насквозь маленькимъ камешкомъ; египетскій едва можно разбить большимъ камнемъ: кн. III, гл. 12. Изслѣдованія новыхъ ученыхъ служатъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ сказаннаго нами о пестромъ составѣ египетскаго населенія. Изъ четырехъ египетскихъ череповъ, описанныхъ Зёммерингомъ (Sömmering), два нимало не отличаются отъ европейскаго, и одинъ представляетъ чисто африканскую форму. Въ собраніи Блуменбаха находились три черепа египетскихъ: одинъ изъ нихъ носилъ на себѣ большую часть признаковъ эѳіопской породы; другой походилъ совершенно на черепъ бенгальскаго Индійца [7]).

2) Причардъ [8]) повидимому противорѣчитъ Эдвардсу, говоря, что Евреи болѣе или менѣе приняли внѣшніе признаки тѣхъ народовъ, среди которыхъ живутъ съ давняго времени. Въ сѣверныхъ странахъ Европы они обыкновенно русы. У англійскихъ Евреевъ — голубые глаза и свѣтлые волосы; у нѣмецкихъ и польскихъ очень часто встрѣчаются рыжія бороды. Въ Индіи можно видѣть совершенно черныхъ Евреевъ. Но Эдвардсъ допускаетъ перемѣну въ цвѣтѣ кожи и волосъ и доказываетъ только неизмѣняемость формъ и пропорцій.

3) Гуанчами назывались древніе жители Канарійскихъ острововъ [9]), принадлежавшіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, атлантической, или берберской породѣ. Самыя достовѣрныя и полныя свѣдѣнія о племени Гуанчей собраны Сабиномъ Бертело (Sabin Berthelot) въ этнографическомъ отдѣлѣ его сочиненія: Histoire naturelle des îles Canaries. Бертело доказываетъ, между прочимъ, что Гуанчи не были совершенно истреблены Испанцами, и говоритъ по этому поводу слѣдующее: „три столѣтія иноплеменнаго владычества не могли изгладить народныхъ чертъ. Онѣ сохранились въ нѣкоторыхъ округахъ у горныхъ пастуховъ и въ живущихъ на возвышенностяхъ земледѣльческихъ семействахъ. Африканскій типъ господствуетъ въ массѣ населенія и даетъ себя тотчасъ замѣтить. У мужчинъ загорѣлый, болѣе или менѣе смуглый цвѣтъ кожи; овальное, костливое лицо; черты правильныя; лобъ выпуклый и нѣсколько узкій; большіе живые глаза темнаго, иногда зеленоватаго цвѣта; волосы густые, часто вьющіеся и переходящіе отъ черныхъ къ темно-рыжимъ; носъ орлиный, но безъ горба; ноздри широкія; губы толстыя; ротъ большой; бѣлые и правильно расположенные зубы; тѣлосложеніе сухое и крѣпкое. Мускулы рѣзко обозначены; ростъ вообще выше средняго" [10]).

---

[6]) Ibid. — [7]) Prichard. II, 249. — [8]) II. 2. 615. — [9]) Мы употребляемъ названіе Гуанчей въ томъ смыслѣ, который ему обыкновенно дается, хотя это имя принадлежало собственно только жителямъ одного острова Тенерифа.

[10]) Mémoires de la société ethnologique. T. I, стр. 146.

Остатки караибскаго племени, которому нѣкогда принадлежали Антильскіе острова и значительная часть противоположнаго материка, разсѣяны теперь вдоль приморскихъ странъ, лежащихъ между устьями Ореноко и Амазонской рѣки. Число Караибовъ замѣтно уменьшается.

4) Туземнымъ племенамъ Новаго-свѣта повидимому не суждено совершить того перехода отъ дикаго быта къ образованности, о которомъ говоритъ Эдвардсъ. Они представляютъ намъ теперь другое, не менѣе любопытное, хотя скорбное зрѣлище цѣлой породы, постепенно сходящей съ лица земли.

Число Индійцевъ въ Сѣверной-Америкѣ было уже весьма незначительно, когда туда прибыли первые европейскіе переселенцы. Все туземное населеніе едва ли превышало 200,000 душъ; самое могущественное изъ краснокожихъ племенъ, жившихъ къ сѣверу отъ Мексики, не могло выставить пяти тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе [11]). Судьба сѣверо-американскихъ Индійцевъ съ XVI столѣтія извѣстна. Въ ожесточенной борьбѣ съ бѣлыми пришельцами погибли цѣлые народы, до послѣдняго человѣка. Другіе до того ослабѣли, что въ настоящее время состоятъ изъ немногихъ семействъ. Въ 1849 году, по сю сторону Миссисипи (т. е. между этою рѣкою и Атлантическимъ океаномъ), считалось только 30,000 Индійцевъ. Остальные ушли далѣе на западъ отъ преслѣдующаго ихъ разлива англо-американской породы. Но обширныя пустыни, тянущіяся у подошвы Скалистыхъ горъ, не спасутъ своихъ краснокожихъ жителей отъ предстоящей имъ неизбѣжной гибели. Крѣпкіе напитки, оспа и безсмысленное истребленіе дичи, составляющей почти исключительную пищу племенъ, которыя не могутъ отрѣшиться отъ охотничьей жизни, довершаютъ дѣло, начатое европейскимъ оружіемъ. Въ одномъ 1838 году оспа похитила около 40, по другимъ показаніямъ, до 60 тысячъ степныхъ Индійцевъ. Читатели наши могутъ найти въ извѣстномъ сочиненіи Кетлина о нравахъ и обычаяхъ сѣверо-американскихъ туземцевъ потрясающій разсказъ о погибели народа Манданоъ, нѣкогда сильнаго и многочисленнаго. Въ 1838 году ихъ оставалось только 2000. Оспа истребила ихъ; послѣдній оставшійся въ живыхъ вождь племени добровольно уморилъ себя голодомъ.

Благія вліянія европейской образованности мало замѣтны въ бытѣ сѣверо-американскихъ дикарей. Скорѣе можно принять, что она противна ихъ нравственной природѣ и дѣйствуетъ на нихъ разрушительно. Примѣры, впрочемъ рѣдкіе, племенъ, ведущихъ осѣдлую жизнь подъ надзоромъ и властію Вашингтонскаго правительства и занимающихся земледѣліемъ и ремеслами, не могутъ служить опроверженіемъ указанныхъ нами фактовъ [12]). Благородныя и самоотверженныя усилія христіанскихъ миссіонеровъ не были до сихъ поръ увѣнчаны желаннымъ успѣхомъ. Изъ однообразныхъ жалобъ католическаго духовенства и проповѣдниковъ, принадлежащихъ ко всѣмъ

[11]) Andree. America in geographischen und historischen Umrissen. T. I. стр. 232.

[12]) Кетлинъ и другіе отдаютъ рѣшительное преимущество дикимъ и свободнымъ Индійцамъ надъ тѣми, которые живутъ подъ властію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и приняли уже нѣкоторую образованность.

сектамъ протестантства, видно, что христіанство распространяется только внѣшнимъ образомъ, не проникая въ глубину одичалыхъ и загрубѣвшихъ въ язычествѣ сердецъ. Основываясь на собственныхъ и сдѣланныхъ другими учеными наблюденіяхъ такого же рода, извѣстный естествоиспытатель и путешественникъ Марціусъ говоритъ, что семейство чисто - американской крови не можетъ существовать среди бѣлаго населенія долѣе 4-го или 5-го поколѣнія; что оно обыкновенно вымираетъ ранѣе, какъ бы отравленное несродною ему образованностію. Съ другой стороны, многочисленные остатки древности, находимые на огромномъ пространствѣ между Висконсиномъ и Флоридою, служатъ явнымъ доказательствомъ, что здѣсь нѣкогда жили земледѣльческіе народы, знакомые съ употребленіемъ серебра, мѣди и свинца; колоссальныя развалины городовъ и памятниковъ всякаго рода въ Средней и Южной Америкѣ еще громче говорятъ о прошедшей цивилизаціи и способности краснаго человѣка къ высшей гражданственности. Астрономическія свѣдѣнія Мексиканцевъ и Перуанцевъ не подлежатъ сомнѣнію. У бразильскихъ дикарей сохранились юридическіе символы, въ которыхъ нельзя не узнать обломковъ цѣлой системы сложныхъ общественныхъ отношеній. Сличеніе этихъ данныхъ съ настоящимъ бытомъ американскихъ туземцевъ привело Марціуса къ слѣдующему заключенію, которое, въ случаѣ, если вѣрность его будетъ доказана, выражаетъ великій и общій всему человѣчеству законъ историческаго развитія. Такъ называемое дикое состояніе бываетъ двоякое; одно предшествуетъ образованности, какъ первая, соотвѣтствующая дѣтству народной жизни степень развитія; другое наступаетъ для народа въ послѣдствіи, тогда, когда онъ истощилъ до дна запасъ отмѣренныхъ ему провидѣніемъ духовныхъ силъ и, какъ отжившій организмъ, разлагается на стихійныя части свои. Американцы прошли, по мнѣнію Марціуса, чрезъ возможный для нихъ, по природнымъ условіямъ, періодъ образованности и находятся теперь во второмъ состояніи дикости, изъ котораго нѣтъ другаго выхода, кромѣ смерти. Коренное американское населеніе представляетъ явные признаки такого разложенія. Оно распалось на дробныя части, составляющія около 1,400 отдѣльныхъ народовъ и племенъ, имѣющихъ свои языки и нарѣчія. Нѣкоторые языки сдѣлались исключительнымъ достояніемъ немногихъ семействъ. Рядомъ живущія племена, состоящія изъ нѣсколькихъ сотъ душъ, не понимаютъ другъ друга. Этотъ процессъ разложенія, очевидно, начался много вѣковъ тому назадъ. Мексико и государство перуанскихъ Никовъ приходили уже къ упадку въ эпоху покоренія ихъ Испанцами. На сѣверѣ, первые англійскіе мореходы нашли дикарей, живущихъ охотою и неспособныхъ даже отвѣчать на вопросы о загадочныхъ строителяхъ огромныхъ земляныхъ укрѣпленій, насыпей и кургановъ, которыми усѣяна равнина Миссисипи [13]).

Опровергая мнѣніе Марціуса, другой ученый путешественникъ, Чуди [14]), говоритъ, что оно можетъ быть допущено только относительно Сѣверной

---

[13]) Martius, die Vergangenheit und Zukunft der amerikanischen Menschheit въ Deutsche Vierteljahrsschrift, 1839. Ч. II, стр. 235—270. — [14]) Peru. T. II, стр. 369.

Америки, но что на югѣ, особенно въ Перу, туземная порода не только не вымираетъ, но даже грозитъ истребленіемъ потомкамъ бѣлыхъ завоевателей края. На это можно возразить тѣми же цифрами, какія находятся въ сочиненіи самого Чуди и ясно свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи индійскаго населенія въ теченіи трехъ послѣднихъ вѣковъ [15]). Но еще важнѣе въ этомъ отношеніи сильное возрастаніе смѣшанныхъ, или цвѣтныхъ породъ, происходящихъ отъ соединеній европейской, африканской и американской крови. Разнообразныя помѣси, составляющія результатъ такихъ соединеній, уже получили рѣшительный перевѣсъ надъ настоящими креолами, т. е. потомками Европейцевъ, и должны, повидимому, рано или поздно образовать господствующее населеніе Южной-Америки. Фактъ этотъ былъ замѣченъ еще Азарою (D. Felix de Azara, Voyage en Amérique méridionale. Paris. 1809), который говоритъ, по поводу парагвайскихъ метисовъ: „метисы (происходящіе отъ соединенія европейской и индійской крови) составляютъ въ Парагваѣ большинство такъ называемыхъ Испанцевъ. Мнѣ кажется, что они превосходятъ европейскихъ Испанцевъ ростомъ, красотою формъ и даже бѣлизною кожи. Эти факты заставляютъ думать, что породы облагораживаются вслѣдствіе смѣшенія, и что европейская возьметъ верхъ надъ американскою". Опредѣлить движеніе цвѣтнаго населенія въ республикахъ Южной-Америки невозможно по недостатку точныхъ статистическихъ свѣдѣній. Мы приведемъ однако нѣсколько цифръ, заимствованныхъ нами изъ путешествія въ Бразилію Rugendas'а (Voyage dans le Brésil. Paris, 1825).

	Бѣлыхъ.	Цвѣтныхъ.	Негровъ.	Индійцевъ.
Въ 1824 г., въ Мексикѣ считалось:	1,360,000	2,070,000	8,400	3,430,000
„ Гватималѣ	190,000	320,000	10,000	965,400
„ Колумбіи	600,000	720,000	470,000	854,000
„ Ла-Платѣ	475,000	305,000	70,000	1,150,000
„ Бразиліи	843,000	628,000	1,987,500	300,000

Надобно при этомъ замѣтить, что въ жилахъ большей части лицъ, причисляющихъ себя къ бѣлой, т. е. аристократической породѣ, течетъ также смѣшанная кровь. О разнообразіи и числѣ помѣсей такого рода можно судить по длинному списку ихъ названій, который помѣщенъ въ упомянутомъ нами сочиненіи Чуди о Перу. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ названій.

Плодъ бѣлаго человѣка и Негритянина называется:	Mulato.
„ бѣлаго и Индіанки	Mestizo.
„ Индійца и Негритянки.	Chino.
„ бѣлаго и Мулатки.	Cuarteron.
„ бѣлаго съ Местицею.	Creole.
„ бѣлаго съ Чиною	China blanca.
„ бѣлаго съ Квартераною	Quintero.
„ Негра и Мулатки.	Zambo negro.
„ Негра и Местицы	Mulato oscuro.
„ Негра съ Чиною.	Zambo chino.
„ Индійца съ Мулаткою	China oscura и т. д.

[15]) Тамъ же. Т. II, стр. 367.

Мы кончимъ наши замѣчанія словами одного изъ отличнѣйшихъ знатоковъ предмета, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. „Не подлежитъ сомнѣнію", говоритъ Пёппигъ, что краснокожій человѣкъ не выноситъ близости европейской образованности и умираетъ въ ея атмосферѣ, какъ отъ ядовитаго дуновенія, безъ содѣйствія крѣпкихъ напитковъ, заразительныхъ болѣзней или войны. Многократныя попытки правительствъ не въ силахъ были водворить въ этой породѣ привычекъ нравственно-гражданской жизни, ибо ей недостаетъ способности къ самоусовершенствованію. Такой недостатокъ дѣлаетъ безполезными глубоко-обдуманные и человѣколюбивые планы воспитанія, которые изложены въ сочиненіяхъ даровитыхъ и благонамѣренныхъ людей, и оправдываетъ сравненіе американскихъ туземцевъ съ тою низшею, но отмѣченною особенною физіономіею растительностію, которая развивается на почвахъ только что возникшихъ изъ моря и исчезаетъ при появленіи растеній высшаго рода. Какъ ни возстаетъ наше чувство противъ подобнаго предположенія, но тѣмъ не менѣе мы смотримъ на Американцевъ, какъ на обреченную гибели отрасль человѣчества. Опустѣвшія пространства займетъ другая болѣе крѣпкая духомъ, дѣятельная семья народовъ, идущихъ съ востока. Повинуясь своему призванію, она постоянно подвигается впередъ и покоряетъ себѣ самыя отдаленныя и дикія пустыни Новаго-міра, между тѣмъ какъ туземное племя ложится къ смертному сну и скоро исчезнетъ даже изъ памяти новаго народа. Быть можетъ, что менѣе, чѣмъ чрезъ столѣтіе, изслѣдованія о первыхъ жителяхъ цѣлой части свѣта сдѣлаются частію археологіи, и только тогда будетъ возможно понять и почувствовать вполнѣ трагическую и загадочную сторону исторіи американскихъ племенъ [16].

5) Изъ рѣчей, которыя Прокопій (de Bel. Goth. III. 4. 21) влагаетъ въ уста Тотилѣ, видно, что у Готовъ было до 200,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Вообще число Готовъ въ Италіи было гораздо значительнѣе, чѣмъ полагаетъ Эдвардсъ. То же самое можно сказать и о Лонгобардахъ.

6) Число Норманновъ, основавшихъ государство Обѣихъ Сицилій, было въ самомъ дѣлѣ ничтожно въ сравненіи съ объемомъ покоренныхъ ими областей. Но въ дружинѣ и совѣтѣ норманскихъ князей было мѣсто всякому смѣлому и даровитому человѣку, не смотря на его родину и происхожденіе. Фридрихъ II (Гогенштауфенъ), въ войскѣ котораго были всегда больпіе отряды, составленные изъ однихъ могамеданъ, наслѣдовалъ политику своихъ норманскихъ предшественниковъ.

7) Исторія подтверждаетъ мнѣніе Эдвардса о томъ, что цвѣтъ кожи и волосъ не можетъ служить надежнымъ признакомъ породы и подверженъ значительнымъ перемѣнамъ. Въ сочиненіи Причарда, гдѣ собрано наиболѣе относящихся къ нашему предмету фактовъ и наблюденій, приведено много примѣровъ такого перехода волосъ и кожи отъ одного цвѣта къ другому. Греческіе и римскіе писатели говорятъ о галло-кимрскихъ племенахъ, что они были бѣлокуры. Древніе ирландскіе памятники называютъ Ирландцевъ русыми и бѣлоголовыми. Но теперь во Франціи, въ Ирландіи и въ сѣверной

---

[16]) Статья „Indier" въ энциклопедіи Эрша и Грубера.

Шотландіи, именно тамъ, гдѣ наиболѣе сохранилось остатковъ древнѣйшаго, т. е. кельтическаго или галло-кимрскаго населенія, темные волосы составляютъ господствующій признакъ, а свѣтлые—исключеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, особенно въ городахъ, замѣчено то же явленіе [17]. Между финскими племенами есть русые и черноволосые.

8) Оставляя въ сторонѣ неразрѣшенный и едва ли разрѣшимый на основаніи чисто-историческихъ свидѣтельствъ вопросъ о происхожденіи Этрусковъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о внѣшнихъ признакахъ этого загадочнаго народа, на сколько мы можемъ судить о нихъ по изображеніямъ, сохранившимся на памятникахъ этрусскаго искусства, въ особенности на саркофагахъ. Изображенныя лица представляютъ полныя, округленныя формы; глаза у нихъ большіе; носъ довольно короткій и широкій; подбородокъ толстый и нѣсколько выдающійся впередъ. Вообще въ этихъ малорослыхъ и даже неуклюжихъ фигурахъ съ большими головами, короткими и толстыми руками, можно, говоритъ Причардъ, узнать „obesos et pingues Etruscos" [18]. Борода у нихъ бритая. Въ положеніяхъ видно спокойствіе и даже нѣкоторая изнѣженность. Типъ, замѣченный Эдвардсомъ, очевидно пришлый и привился въ послѣдствіи, потому что масса тосканскаго населенія сохраняетъ до сихъ поръ главныя характеристическія черты древнихъ Этрусковъ. „Изумительно", говоритъ Нибуръ, „до какой степени рѣзко отличаются другъ отъ друга, даже въ настоящее время, различныя племена, составлявшія населеніе древней Италіи. Другъ мой Арндтъ обратилъ мое вниманіе на этотъ предметъ. Когда вы будете въ Италіи, сказалъ онъ мнѣ, замѣтьте на тосканской границѣ различіе породъ. Эта граница отдѣляла Этрусковъ отъ Лигуровъ. Къ крайнему удивленію моему, я встрѣтилъ у Этрусковъ тѣже формы, тѣже круглыя и полныя лица, какія находятся на древнихъ памятникахъ" [19].

9) Предположеніе Дегиня о тождествѣ Гунновъ и Гіон-ну обязано своимъ распространеніемъ Гиббону, который принялъ его на слово и внесъ, какъ доказанный фактъ, въ свое великое твореніе о паденіи Римской имперіи. Самъ Дегинь былъ такъ убѣжденъ въ истинѣ своей гипотезы, что не счелъ даже нужнымъ подкрѣпить ее положительными доводами. Ему достаточно было сходства звуковъ и нѣкоторыхъ внѣшнихъ сближеній. Позднѣйшія изслѣдованія объ этомъ предметѣ были повидимому неизвѣстны Эдвардсу. Мы изложимъ въ немногихъ словахъ ихъ результаты. Народъ, который подъ именемъ Гунновъ навелъ ужасъ на Европу въ IV-мъ столѣтіи, а въ V-мъ грозилъ ей совершеннымъ порабощеніемъ, состоялъ изъ пестрой смѣси племенъ турко-монгольскаго и финскаго происхожденія. Ихъ смѣшеніе произошло у подножія Уральскихъ горъ, исконной родины Финновъ, куда зашли племена, вытѣсненныя войною и другими неизвѣстными намъ причинами изъ жилищъ своихъ въ Средней Азіи. Опредѣлить время прихода невозможно. Настоящіе Гунны, въ тѣсномъ смыслѣ, были по всей вѣроятности Монголы.

---

[17] Prichard. T. III, отдѣлъ 1, стр. 211—223. — [18] Prichard. T. III, отд. 1, стр. 287.
[19] Vorträge über alte Länder- und Völkerkunde, стр. 329.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приведемъ слова извѣстнаго нашего оріенталиста, отца Іакинѳа. „Поколѣніямъ, т. е. владѣтельнымъ домамъ (родамъ), занимающимъ Монголію, даемъ нынѣ названіе Монголовъ не потому, чтобы они происходили изъ дома Монголовъ, но потому, что сей домъ, усилившись, наконецъ всѣ прочія поколѣнія своего племени покорилъ своей власти и составилъ какъ бы новое государство, которое мало по малу привыкли называть Монголами же, по прозванію господствующаго дома. Симъ образомъ разныя монгольскія поколѣнія и прежде назывались общими именами: Татаньцевъ, Киданей, Хойхоровъ (Уйгуровъ), Тулгасцевъ, Сяньбійцевъ, Хунновъ и проч." [20]). Владычество Хунновъ или Гунновъ въ Монголіи, носившей такимъ образомъ ихъ имя, продолжалось отъ 214 г. до Р. Х.—93 г. по Р. Х.; съ другой стороны, надобно замѣтить, что это имя было далеко распространено на востокѣ. Оно находится между прочимъ въ клинообразной надписи персепольской, содержащей въ себѣ названія народовъ, входившихъ въ составъ персидскаго государства, и разобранной Лассеномъ. Гунны (Hunâ), о которыхъ здѣсь говорится, занимали область, лежащую къ югу отъ Колхиды [22]). По словамъ Козьмы, собравшаго въ VI-мъ столѣтіи по Р. Х. особенныя свѣдѣнія о тогдашней Индіи [23]), такъ называемые бѣлые Гунны жили вдоль сѣвернаго берега рѣки Инда и составляли могущественный народъ. Когда распалось государство Аттилы, имя Гунновъ перешло на многія изъ племенъ, ему подвластныхъ, хотя эти племена по происхожденію своему и не принадлежали къ грознымъ пришельцамъ IV-го вѣка. Подобное явленіе повторилось въ исторіи монгольскихъ завоеваній. Современники называли Монголами не однихъ только соплеменниковъ Чингисъ-Хана, но всю разнородную массу, изъ которой слагались его ополченія. Аттила и его племя принадлежатъ очевидно къ монгольской породѣ (замѣтимъ впрочемъ, что Причардъ причисляетъ Финновъ къ одной породѣ съ Монголами). Описанія современныхъ писателей, на которыхъ ссылается Эдвардсъ, такъ положительны и согласны между собою, что не позволяютъ сомнѣваться въ своей вѣрности. Монгольскій типъ выступаетъ передъ нами во всей своей опредѣленности. Іорнандъ какъ бы предвидѣлъ будущія возраженія и споры и заключилъ заимствованное имъ у Приска изображеніе наружности гунскаго царя слѣдующими словами, которыхъ нельзя не принять въ соображеніе: „онъ носилъ на себѣ признаки своего происхожденія (originis suæ signa restituens)". Слѣдовательно Аттила можетъ служить намъ представителемъ цѣлаго типа, котораго характеристическія черты въ немъ соединялись. Клапротъ [23]) говоритъ, что страхъ, наведенный Гуннами, имѣлъ вліяніе на древнихъ писателей и былъ отчасти причиною того, что они представили намъ черты этого народа въ искаженномъ и обезображенномъ видѣ. Но описанія Ам. Марцеллина, Приска, Сидонія Аполлинарія, Іорнанда соотвѣтствуютъ совершенно настоящему монгольскому типу, и если мы будемъ

[20]) Записки о Монголіи, I, 157. — [21]) Ritter, Erdkunde VII, 93—95. — [22]) Въ извѣстномъ сочиненіи: Christiana topographia.

[23]) Tableaux historiques de l'Asie. стр. 238.

смотрѣть на нихъ съ этой точки зрѣнія, то не найдемъ въ нихъ ничего преувеличеннаго или каррикатурнаго. Мы укажемъ нашимъ читателямъ на записки о Монголіи отца Іакинѳа. Тамъ находится (Т. I, стр. 169) описаніе Монголовъ, которое совершенно сходно съ тѣмъ, что Іорнандъ говоритъ объ Аттилѣ и Гуннахъ вообще.

Связь Мадьяровъ съ Гуннами доказать не трудно. Мадьяры принадлежатъ, какъ извѣстно, къ финскому (чудскому) племени, которое составляло значительную часть гунскаго народа, или, правильнѣе сказать, ополченія. Выше сказано, что имя Гунновъ пережило ихъ государство. Оно досталось, между прочимъ, въ наслѣдство нѣкоторымъ изъ финскихъ племенъ, которыя вообще не заявили въ исторіи воинственнаго характера, сообщеннаго имъ временнымъ соединеніемъ съ Турко-Монголами. Угры, или Венгры, именующіе себя Мадьярами, долѣе другихъ сохранили этотъ характеръ и память о связи своей съ Гуннами. Извѣстный францисканскій монахъ Рюйсбрёкъ, ѣздившій въ 1253 году посломъ къ монгольскому хану, говоритъ о народѣ Паскатировъ (Башкировъ), у которыхъ одинъ языкъ съ Венграми. Изъ земли Башкировъ, по словамъ этого путешественника, вышли Гунны, въ послѣдствіи названные Венграми.

Мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь мнѣніе ученыхъ, принимающихъ Гунновъ за Славянъ. Что Гунны увлекли въ своемъ движеніи Славянъ, не подлежитъ сомнѣнію; равно достовѣрно и то, что имя Гунновъ осталось во многихъ Славянскихъ мѣстностяхъ, нѣкогда имъ подвластныхъ: но смѣшивать эти два племени невозможно.

10) Лучшее изслѣдованіе о „Семи и тринадцати общинахъ“ принадлежитъ Шмеллеру (Schmeller, über die sogenannten Cimbern der VII und XIII Communen und ihre Sprache; помѣщено въ запискахъ Баварской Академіи наукъ. 1838. Т. II, отд. 3, стр. 557 и д.). Мы заимствуемъ изъ этого изслѣдованія слѣдующіе факты. Тринадцать веронскихъ общинъ (tredeci communi) занимаютъ самыя возвышенныя мѣста въ горахъ, изъ которыхъ вытекаетъ рѣка Проньо. Этотъ небольшой народъ состоитъ изъ 9000 душъ нѣмецкаго происхожденія; подъ владычествомъ венеціянской республики онъ пользовался многими нынѣ несуществующими правами. Еще въ концѣ XVIII столѣтія, всѣ чиновники 13-и общинъ должны были разумѣть нѣмецкій языкъ, который употреблялся и въ проповѣдяхъ духовенства. Въ настоящее время нѣмецкій языкъ сохранился только въ двухъ мѣстечкахъ, Гіанцѣ и Кампо-Фонтано, въ которыхъ считается вмѣстѣ около 1800 душъ. На востокъ оттуда, на высотѣ между Астико и Брентою, лежатъ семь общинъ (sette communi), образовавшія подъ владычествомъ Венеціи родъ небольшой, одаренной значительными правами республики. Населеніе состоитъ изъ 30,000 душъ. Въ южной части этихъ общинъ нѣмецкій языкъ уже вышелъ или выходитъ изъ употребленія. Онъ сохранился только въ немногихъ мѣстностяхъ и то преимущественно у женщинъ и дѣтей. Мужчины всѣ могутъ говорить по итальянски. Богатые и почетные люди даже не употребляютъ другаго языка. Жители тринадцати и семи общинъ выдаютъ себя за потомковъ тѣхъ Кимвровъ, которыхъ Марій разбилъ при Веронѣ. По

языкъ ихъ обличаетъ другое происхожденіе. Шмеллеръ, отличный знатокъ этого предмета, нашелъ, что жители общинъ говорятъ баваро-тирольскимъ нарѣчіемъ верхне-нѣмецкаго языка, которое соотвѣтствуетъ XII-у и XIII-у столѣтіямъ. По всей вѣроятности, эти колоніи составились изъ вызванныхъ тріентскими епископами, которые много занимались горными промыслами, нѣмецкихъ рудокоповъ. Окрестные жители до сихъ поръ называютъ жителей общинъ потомками рудокоповъ (Canopi—Knappen, Bergknappen).

11) Кромѣ приведеннаго Эдвардсомъ сочиненія В. Гумбольдта, читатели наши найдутъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній объ исторіи Басковъ въ „Исторіи южной Галліи подъ германскимъ владычествомъ" Форіеля (Т. II, 340—357). Но знаменитый авторъ не успѣлъ изложить вполнѣ своихъ изслѣдованій объ этомъ народѣ, быть можетъ древнѣйшемъ обладателѣ галльской почвы, отнятой у него Кельтами.

12) Въ 1835 году вышло сочиненіе Ксиландера: Die Sprache der Albanesen oder Schkipetaren, изъ котораго видно, что языкъ Албанцевъ не походитъ на греческій и не обличаетъ вовсе близкаго родства между этими народами.

13) Лассенъ въ своемъ классическомъ твореніи объ Индійскихъ Древностяхъ (Indische Alterthumskunde, стр. 361) принимаетъ также двѣ главныя породы въ восточной Индіи, арійскую и деканскую, которыхъ физіологическія отличія еще не были достаточно опредѣлены. Но кромѣ этихъ двухъ породъ, индійскій полуостровъ заключаетъ въ себѣ много племенъ неизвѣстнаго намъ происхожденія.

14) Эдвардсъ поступилъ благоразумно, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о нравственныхъ свойствахъ отдѣльныхъ человѣческихъ породъ. При настоящемъ состояніи наукъ нельзя ожидать удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса; но нельзя также не признать, что опредѣленіе физіологическихъ признаковъ народа тогда только получитъ настоящее значеніе для исторіи, когда будетъ показана связь этихъ признаковъ съ духовными и нравственными особенностями даннаго племени. Эдвардсъ доказываетъ неизмѣняемость породъ въ физіологическомъ отношеніи. Тоже самое начало можно провести и въ исторіи нѣкоторыхъ народовъ, сохранившихъ основныя черты своего первобытнаго характера чрезъ всѣ перевороты и внѣшнія вліянія, которымъ они подвергались въ теченіи столѣтій. Надобно пока собирать факты для соображеній. Въ одной изъ слѣдующихъ частей сборника мы представимъ нашимъ читателямъ сводъ современныхъ свидѣтельствъ о характерѣ Галловъ отъ выступленія ихъ на театръ исторіи до новыхъ временъ [21]).

[21]) Отсюда видно, что авторъ предполагалъ написать о характерѣ Галловъ особую статью для „Магазина", но не успѣлъ исполнить своего обѣщанія.

О РОДОВОМЪ БЫТѢ У ДРЕВНИХЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

(С. М. Соловьеву и К. Д. Кавелину)[1].

Вопросъ о родовомъ бытѣ, подавшій у насъ поводъ къ такимъ жаркимъ и плодотворнымъ преніямъ, былъ поднятъ почти въ одно время въ русской и въ нѣмецкой ученой литературѣ. Мнѣніе, высказанное еще въ прошломъ столѣтіи Мёзеромъ (Möser, Osnabrückische Geschichte), о различіи между осѣдлыми, преданными земледѣлію племенами Саксовъ и воинственными, полукочевыми Суевами имѣло, какъ извѣстно, продолжительное вліяніе на историческія изслѣдованія о древнемъ германскомъ бытѣ. Двойственный характеръ этого быта, представляющаго съ одной стороны поселянъ, крѣпко привязанныхъ обычаями и учрежденіями къ родной почвѣ, съ другой—многочисленныя, находящіяся въ постоянномъ движеніи толпы бездомныхъ удальцовъ, ищущихъ войны и новыхъ жилищъ, получилъ въ предположеніи Мёзера готовое и удобное, хотя не подкрѣпленное достаточными свидѣтельствами объясненіе.

Нынѣ рѣчь идетъ уже не о различіи между Саксами и Суевами (хотя еще недавно Гауппъ построилъ на этомъ различіи всю свою теорію племенныхъ германскихъ правъ), а объ общинномъ и дружинномъ устройствѣ вообще. Мысль Мёзера въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ обратилась въ цѣлое, систематическое ученіе, завершителемъ котораго былъ Эйхгорнъ. Знаменитый историкъ нѣмецкаго права опредѣляетъ характеръ древнихъ германскихъ общинъ внѣшними отношеніями собственности и сосѣдства, и только мимоходомъ, но съ свойственною ему дальновидностію, намекаетъ на возможное значеніе родовыхъ или кровныхъ связей[2]). Съ необыкновенною ясностію изображаетъ онъ отличія общиннаго быта отъ дружиннаго и выводитъ отсюда главныя явленія германской исторіи.

Немногія ученыя книги нашего вѣка пріобрѣли такую огромную и притомъ вполнѣ заслуженную извѣстность, какъ „Исторія нѣмецкаго государ-

---

[1]) Напечатано въ Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, изд. Н. Калачовымъ, кн. II, половина 1, 1855 г.

[2]) Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. § 18. Примѣчаніе.

ственнаго и гражданскаго права“ Эйхгорна. Пять изданій обширнаго и дорогаго сочиненія свидѣтельствуютъ о запросѣ публики и о неусыпныхъ стараніяхъ автора, не перестававшаго пополнять и исправлять трудъ свой. Эйхгорнъ основалъ цѣлую историко-юридическую школу, послѣдователи которой принадлежатъ не одной Германіи. Во всѣхъ странахъ Европы ученые заговорили объ общинахъ и дружинахъ, прилагая эти готовыя формы къ исторіи собственнаго отечества. Явленія, найденныя Эйхгорномъ въ германской старинѣ, были признаны всеобщими, типическими. Весьма немногимъ приходило въ голову сомнѣніе въ дѣйствительномъ сходствѣ древнегерманской общины съ ея новыми изображеніями.

Нельзя не замѣтить однако, что національныя предубѣжденія и твердая увѣренность въ собственномъ превосходствѣ надъ другими народами имѣли большое вліяніе на господствующія въ Германіи понятія о родной старинѣ. Нѣмецкіе писатели утверждаютъ, что, въ эпоху ихъ первыхъ столкновеній съ Римлянами, Германцы уже далеко оставили за собою дикое состояніе, и вслѣдствіе особенныхъ свойствъ, которыми исключительно надѣлила ихъ природа, стояли несравненно выше прочихъ народовъ, проходившихъ чрезъ тѣ же ступени развитія. Всякая попытка объяснить отдѣльныя явленія древнегерманскаго характера или быта аналогіями, заимствованными извнѣ, долгое время считалась признакомъ исторической тупости, неспособной оцѣнить германизмъ въ его самостоятельной красотѣ. Остроумное сближеніе Вилькена германскихъ учрежденій съ афганскими не только не обратило на себя должнаго вниманія, но даже было дурно принято; Гизо подвергся самымъ рѣзкимъ нареканіямъ за то только, что привелъ для сравненія съ Германцами отзывы путешественниковъ о правахъ дикихъ племенъ Америки. Современные Цезарю Германцы жили, по словамъ ихъ ученыхъ потомковъ, общинами, въ маркахъ, которыя раздѣлялись на находившіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга и на составлявшія частную собственность отдѣльныхъ членовъ пашни и усадьбы. Поземельная собственность опредѣляла гражданское значеніе лица и вообще служила основою общинныхъ отношеній. Съ другой стороны, воинственныя наклонности Германцевъ находили себѣ просторъ и удовлетвореніе въ дружинѣ, которая принимала въ ряды свои юношей, скучавшихъ мирнымъ бытомъ общины, безземельныхъ людей, которые надѣялись пріобрѣсти войною собственность и права, съ нею соединенныя; наконецъ всѣхъ тѣхъ, кому нельзя было оставаться дома, вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ,—всѣхъ уходившихъ отъ кровавой мести, преслѣдованій закона, и т. д. При такомъ, можно сказать, симметрическомъ порядкѣ вещей, въ которомъ самыя противоположныя учрежденія были искусно приложены одно къ другому, Германцы получили возможность самаго полнаго и разнообразнаго развитія. Они соединяли въ себѣ качества, которыя рѣдко или почти никогда не встрѣчаются въ одномъ и томъ же народѣ: высокую нравственную чистоту, возможную только при условіяхъ осѣдлой, семейной жизни, и блестящую, жаждавшую опасностей всякаго рода удаль, которую находимъ у юныхъ, полукочевыхъ, стоящихъ на порогѣ исторіи и гражданственности народовъ. Система, которой выводы

мы здѣсь въ немногихъ словахъ представили, сложилась изъ ученыхъ трудовъ и патріотическихъ мечтаній; но ей нельзя отказать въ строгой послѣдовательности, а главнымъ защитникамъ ея—въ глубокомъ знаніи. Къ сожалѣнію, ученики Мёзера и Эйхгорна довольствовались приращеніемъ и разработкою матеріаловъ, но не умѣли выработать изъ новыхъ матеріаловъ новыхъ идей. Такимъ образомъ важный вопросъ о родовомъ бытѣ, съ котораго начинается Исторія всякаго народа, остался внѣ сферы ихъ изслѣдованій. Примѣромъ можетъ служить Вайцъ, авторъ еще неоконченной и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной исторіи нѣмецкаго права, написанной съ явною цѣлію дополнить результатами новѣйшихъ розысканій пробѣлы, находящіеся въ трудѣ Эйхгорна. Онъ между прочимъ нѣсколько разъ упоминаетъ и о родовомъ бытѣ, но относитъ его къ доисторическому порядку вещей. „Неоспоримо", говоритъ, онъ, „что община и государство выросли изъ семейства; но исторіи нѣтъ дѣла до этихъ переходовъ: она принимаетъ общину уже готовую, совершившую предшествовавшее развитіе" [3]). Такой отзывъ, неудовлетворительный самъ по себѣ, ибо онъ просто обходитъ трудность, становится еще страннѣе, когда вспомнимъ, что важность родовыхъ отношеній въ государственной жизни древнихъ давно уже была всѣми признана. Извѣстно, какъ много занимался Нибуръ составомъ римскихъ родовъ. Еще ближе къ намъ, въ исторіи древнѣйшаго русскаго права, коснулся того же вопроса незабвенный Эверсъ. Между Германистами, если не ошибаемся, Вильда первый посвятилъ этому предмету нѣсколько замѣчательныхъ страницъ въ своей „Исторіи нѣмецкаго уголовнаго права". Но первое полное и систематическое изслѣдованіе о родовомъ бытѣ у Германцевъ вышло не ранѣе 1844 года. Мы говоримъ о книгѣ Зибеля, котораго труды поставили въ затрудненіе послѣдователей старой историко-юридической школы и уже вынудили у нихъ нѣсколько значительныхъ уступокъ [4]). Не всѣ выводы Зибеля могутъ быть впрочемъ приняты наукою. Въ увлеченіи полемики, онъ зашелъ слишкомъ далеко, и не довольствуясь указаніемъ на неоспоримые слѣды родоваго быта въ позднѣйшихъ учрежденіяхъ, предпринялъ построеніе родоваго государства, основанное, разумѣется, не на положительныхъ данныхъ, а на аналогіяхъ и наведеніи. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ этихъ уклоненіяхъ отъ настоящей цѣли изслѣдованія и ограничимся разборомъ историческихъ свидѣтельствъ, которыми доказывается существованіе у Германцевъ родоваго быта со всѣми его послѣдствіями.

Начнемъ съ вопроса о томъ, дѣйствительно ли у германскихъ племенъ была въ то время, когда съ ними познакомились Римляне, настоящая поземельная собственность? Съ этимъ вопросомъ, очевидно, связанъ другой—о внутреннемъ устройствѣ общинъ.

Источниками въ этомъ случаѣ намъ могутъ служить только извѣстія.

[3]) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, I. 44.

[4]) Sybel, Entstehung des Deutschen Konigthums. 1844. Сравн. разборъ этой книги, написанный Вайцемъ и помѣщенный въ историческомъ журналѣ Шмидта (Schmidt, Zeitschrift für Geschichtswissenschaft) 1845 года, Т. III, 13—44. Тамъ же помѣщенъ и отвѣтъ Зибеля на эту критику. Т. III. 294—318.

находимыя у Цезаря и Тацита. Другихъ свидѣтельствъ рѣшительно нѣтъ. Ссылки на памятники, возникшіе въ послѣдствіи, въ эпоху переселенія народовъ и образованія новыхъ государствъ на римской почвѣ, не должны быть допускаемы. Четырехвѣковыя сношенія съ Римомъ не могли не имѣть вліянія на Германію и не произвести въ бытѣ ея населенія значительныхъ перемѣнъ. Выслушаемъ прежде относящіяся къ нашему предмету слова названныхъ выше писателей.

Цезарь говоритъ о племени Суевовъ: „privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet. Neque multum frumento, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque sunt in venationibus“, т. е. у нихъ нѣтъ вовсе частной, раздѣленной межами поземельной собственности; они не остаются болѣе года на одномъ мѣстѣ для обработки полей своихъ. Хлѣба употребляютъ мало, но бо̀льшею частію питаются молокомъ и мясомъ стадъ своихъ; также много промышляютъ охотою. De B. G. IV. 1. Далѣе говорится о Германцахъ вообще, при сравненіи ихъ съ Галлами: „Agriculturae non student, majorque pars victus eorum in lacte, caseo, carne consistit. Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios; sed magistratus ac principes in annos singulos *gentibus cognationibusque hominum, qui una coierint*, quantum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt“. Земледѣліемъ мало занимаются; пища ихъ состоитъ преимущественно изъ молока, сыра и мяса: ни у кого изъ нихъ нѣтъ опредѣленныхъ, отмежеванныхъ участковъ земли; начальники и старшины выдѣляютъ ежегодно землю, опредѣляя по собственному усмотрѣнію мѣсто и количество отдѣльнымъ родамъ и семействамъ, живущимъ вмѣстѣ. Черезъ годъ они заставляютъ мѣнять участки. Ibid. VI, 22.

Полтора вѣка спустя, Тацитъ пишетъ: „agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationom partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant et superest ager“. Владѣніе землею переходитъ поочередно отъ одного земледѣльца къ другому, по числу ихъ; отдѣльные участки выдѣляются соразмѣрно съ достоинствомъ каждаго изъ участниковъ. Обширныя пространства облегчаютъ раздѣлъ; пашни мѣняются ежегодно, но земли остается еще довольно. Germ. стр. 26.

Свидѣтельства эти достаточно ясны. Изъ нихъ видно состояніе народа, только что переходящаго отъ кочевой къ осѣдлой жизни, еще незнакомаго съ настоящею поземельною собственностію. Описывая образъ жизни свободныхъ Германцевъ, Тацитъ говоритъ, что они стыдились добывать пòтомъ то, что̀ можно было пріобрѣсти кровью, и возлагали полевыя работы на женщинъ и рабовъ. Главнымъ занятіемъ Германца была война. Въ мирное время онъ ходилъ на охоту, или предавался праздности [5]). Какъ же согла-

[5]) Pigrum quin immo et iners videtur sudore acquirere quod possis sanguine parare. Germ. 14. Quotiens bella non ineunt, multum venatibus, plus per otium transigunt dediti somno ciboque—delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia c. 15. Ср. Цезаря de B. G. VI. 21.

сить съ этими показаніями великаго римскаго историка описаніе земледѣльческой общины, обличающей своимъ устройствомъ и господствующими въ ней правами высокую степень гражданскаго развитія, на которой Римляне нашли Германцевъ? Но Мёзеръ, Эйхгорнъ, и по ихъ слѣдамъ другіе толкуютъ извѣстіе Цезаря и Тацита сообразно съ требованіями собственной системы. Они относятъ все сказанное завоевателемъ Галліи о Германцахъ къ однимъ Суевамъ, которые подъ начальствомъ Аріовиста перешли на лѣвый берегъ Рейна и сошлись тамъ съ римскими легіонами; слѣдовательно, говорятъ нѣмецкіе ученые, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, изъ всѣхъ Германцевъ одни Суевы находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Цезаремъ; прочія же, жившія за Рейномъ, племена были ему извѣстны только по слухамъ. Ошибочныя извѣстія, вкравшіяся въ записки о галльской войнѣ, перешли къ позднѣйшимъ писателямъ, между прочимъ и къ Тациту, который въ 26-й главѣ своего сочиненія о Германцахъ повторилъ, не повѣривъ ихъ надлежащимъ образомъ, слова Цезаря, принявшаго учрежденія отдѣльнаго племени за характеристическое отличіе цѣлаго народа. Онъ вѣрно описалъ бытъ дружинный, но не имѣлъ понятія объ общинѣ. Не трудно замѣтить, сколько произвольно натянутаго въ такомъ толкованіи, отвергающемъ *оба главныя изъ уцѣлѣвшихъ свидѣтельствъ* о земледѣліи у древнихъ Германцевъ. Цезарь принадлежитъ къ числу самыхъ положительныхъ, можно сказать, математически точныхъ писателей древности. Описанія его кратки, но всегда содержатъ въ себѣ все существенное о данномъ предметѣ. Зарейнскіе Германцы были ему извѣстны не по однимъ слухамъ, потому что онъ лично былъ за великою рѣкою, воевалъ съ сѣверными Германцами и сверхъ того могъ въ самой Галліи собрать подробныя свѣдѣнія объ обычаяхъ народа, тѣсная связь котораго съ галльскими Белгами не подлежитъ сомнѣнію. Можно ли предположить со стороны этого геніальнаго и любознательнаго ума грубое невѣжество или непростительное равнодушіе къ вопросу о политическомъ и гражданскомъ бытѣ племенъ, съ которыми судьба уже не разъ сводила Римлянъ, и которыя, вслѣдствіе новыхъ завоеваній республики, сдѣлались ея ближайшими и опаснѣйшими сосѣдями въ Европѣ. Еще съ меньшимъ правомъ заподозрѣна достовѣрность Тацитова показанія. Знаменитый историкъ жилъ около 150 лѣтъ послѣ Цезаря. Въ теченіи этого времени Римляне почти не переставали воевать съ Германцами и узнали ихъ короче. Тациту могли служить источниками: изустные разсказы римскихъ воиновъ, которые не только участвовали въ зарейнскихъ походахъ, но бывали въ плѣну у Германцевъ и своими глазами видѣли образъ жизни Варовыхъ побѣдителей; разсказы многочисленныхъ Германцевъ, находившихся въ имперской службѣ; наконецъ сочиненія, въ родѣ потерянной исторіи германскихъ войнъ, написанной Плиніемъ старшимъ, который, кромѣ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ событій, вѣроятно имѣлъ подъ руками другіе письменные матеріалы. Нельзя же допустить, что Тацитъ, осмотрительности и добросовѣстности котораго отдаютъ полную справедливость всѣ изслѣдователи нѣмецкой старины, разобравшіе каждую строку его Германіи, списалъ буквально извѣстія Цезаря о поземельной собственности у Германцевъ и не

далъ себѣ труда глубже вникнуть въ дѣло, котораго важность не могла однако ускользнуть отъ него. Нужно ли говорить здѣсь о покушеніяхъ насильственно измѣнить ясный смыслъ тацитовыхъ словъ и вложить въ нихъ прямое противорѣчіе Цезарю [6]? Многіе объясняютъ ежегодную мѣну полей системою плодоперемѣннаго хозяйства [7].

Изъ всего вышесказаннаго выходитъ, что мы по необходимости должны ограничиться относительно времени, предшествующаго переселенію народовъ, извѣстіями, которыя находятся у Цезаря и у Тацита, и принять ихъ въ ближайшемъ, буквальномъ смыслѣ, не прибѣгая къ искусственнымъ, болѣе или менѣе произвольнымъ и затемняющимъ сущность дѣла объясненіямъ.

Ни у того, ни у другаго изъ этихъ писателей не упоминается о Маркѣ, составляющей, по мнѣнію Эйхгорна и его школы, краеугольный камень древне-германскаго политическаго и земскаго устройства. Слово Марка имѣетъ нѣсколько значеній [8]. Собственно оно означаетъ границу, limes. Но сверхъ того подъ нимъ разумѣются: a) служащіе границею, находящіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга [9]; b) совокупность земель, принадлежащихъ общинѣ, и наконецъ c) самая община, которой члены называются потому *commarchani*. Занятый исключительно мыслію о родовомъ бытѣ и опираясь на молчаніе римскихъ памятниковъ, Зибель, безъ всякой надобности, относитъ Марку къ позднѣйшимъ временамъ [10]. Допуская вполнѣ достовѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ намъ Цезаремъ и Тацитомъ, мы однако не въ правѣ отрицать все то, о чемъ не говорятъ эти писатели. Мёзеръ и Эйхгорнъ не безъ основательныхъ причинъ принимаютъ глубокую древность Марки и причисляютъ ее къ кореннымъ германскимъ учрежденіямъ; но ихъ взглядъ на самую Марку невѣренъ, потому что они не хотятъ признать перемѣнъ, которыя произошли въ ея внутреннемъ устройствѣ со временъ Цезаря до того времени, когда она предстаетъ намъ въ полномъ историческомъ свѣтѣ. Мы привели уже Эйхгорново опредѣленіе Марки. Это первоначальная германская община, члены которой, или commarchani, суть простые сосѣди, соединенные землею, на которой они вмѣстѣ живутъ, и отъ нея заимствующіе свое гражданское значеніе. Только тотъ настоящій, полноправный членъ общества, у кого есть своя собственная земля. Юридическія отношенія полно-

---

[6]) Waitz. I. 23.

[7]) Eichhorn I. § 14. Landau, die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwickelung. 1854. Стр. 52—63. Въ книгѣ Ландау собрано все, что можно сказать о существованіи трехпольнаго хозяйства у Германцевъ. Но доводы его не убѣдительны. Онъ заключаетъ отъ позднѣйшаго къ предыдущему.

[8]) Наша древняя *верь* представляетъ нѣчто соотвѣтствующее германской Маркѣ.

[9]) Обыкновенно границею Марки былъ лѣсъ. Яковъ Гриммъ (Deutsche Rechtsalterthümer. Berl. 1844) полагаетъ, что Марка означала первоначально просто лѣсъ. Рубежъ или граница есть позднѣйшее, производное значеніе. На исландскомъ языкѣ Mork значитъ лѣсъ, а Mark—рубежъ.

[10]) Надобно впрочемъ сказать, что самъ Эйхгорнъ въ 5-мъ изданіи (стр. 57) своего сочиненія счелъ нужнымъ оговориться и нѣсколько ограничить значеніе, какое онъ прежде давалъ Маркѣ. Вайцъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, полагающее ее въ основаніе политическаго устройства у Германцевъ. I. 31.

правныхъ жителей Марки основаны на договорѣ: ибо ихъ нельзя ни откуда вывести, кромѣ предварительнаго соглашенія участниковъ. Имѣли ли Эйхгорнъ и его послѣдователи въ виду такой договоръ, очевидно противорѣчащій господствующему между Германистами воззрѣнію на государство, мы не знаемъ, но обойтись безъ него имъ невозможно. Ихъ Марка есть не органическій начатокъ гражданскаго развитія, а искуственное произведеніе человѣческой воли. Sie ist nicht naturwüchsig, по нѣмецкому выраженію.

Предъ авторитетомъ славныхъ именъ Мёзера, Эйхгорна и примыкающаго къ нимъ Я. Гримма (Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 405 и слѣд.) умолкли на время прямыя свидѣтельства источниковъ. А между тѣмъ многіе изъ новыхъ изслѣдователей живо чувствовали недостаточность господствующаго понятія о Маркѣ. Примѣромъ можетъ служить Кембль, авторъ превосходнаго сочиненія объ Англо-Саксахъ [11]). Кембль обладаетъ высокими учеными достоинствами. Съ обширными историческими и филологическими знаніями у него соединяется глубокое и живое пониманіе германской древности. Тѣмъ не менѣе онъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, хотя съ другой стороны это противорѣчіе показываетъ его вѣрный историческій смыслъ. Принимая, по примѣру Мёзера и Эйхгорна, Марку за основу общественнаго устройства у Германцевъ, Кембль (стр. 54) называетъ ее „добровольнымъ союзомъ свободныхъ людей“. Такой добровольный союзъ предполагаетъ, какъ мы уже замѣтили, предварительное соглашеніе, договоръ, нѣчто въ родѣ contrat social. Но на предыдущихъ и слѣдующихъ страницахъ той же книги мы находимъ совсѣмъ другое. „Марка содержитъ въ себѣ совокупность земель, принадлежащихъ коренной (original) cognatio, роду или колѣну (стр. 43)“. Далѣе (на стр. 56) эта мысль высказана еще яснѣе и обстоятельнѣе: „Марка представляется мнѣ большимъ союзомъ или соединеніемъ семействъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ богатства, значенія и вліянія: нѣкоторыя изъ этихъ семействъ ведутъ свое происхожденіе прямо отъ общаго родоначальника или отъ племеннаго героя; родство другихъ сомнительнѣе, потому что чѣмъ болѣе ростетъ населеніе и увеличивается число родичей, тѣмъ далѣе отходятъ они отъ общаго корня; сверхъ того можно вступить въ общину посредствомъ брака, усыновленія, даже чрезъ отпущеніе на волю; но всѣ члены признаютъ соединяющую ихъ связь братства, родства или sibsceaft [12]). Всѣ они составляютъ одну единицу относительно другихъ, такихъ же общинъ“. Здѣсь дѣло идетъ не просто о сосѣдяхъ, а о родичахъ, т. е. о родовомъ бытѣ, при которомъ Марка получаетъ иное значеніе. Къ сожалѣнію Кембль не пошелъ далѣе: у него не достало мужества отказаться отъ вѣры въ существованіе поземельной собственности и цвѣтущаго земледѣлія у древнихъ Англо-Саксовъ. Можно подумать, что онъ, подобно большей части нѣмецкихъ ученыхъ, разсматриваетъ этотъ вопросъ не столько съ научной, сколько съ національной точки зрѣнія. Иначе трудно понять

[11]) Kemble, the Saxons in England. London, 1849. 2 тома.

[12]) Замѣтимъ, что *Sippe*, родство и родня, означаетъ также миръ. Въ англо-саксонскомъ переводѣ Евангелія слово миръ передано чрезъ *sybbe*.

его нерѣшительность: опровергая главныя изъ отдѣльныхъ положеній старой системы, онъ остается ей вѣренъ въ цѣломъ.

Шаткія опоры, поддерживающія зданіе, воздвигнутое нѣмецкимъ патріотизмомъ, ищущимъ въ прошедшемъ оправданія своимъ настоящимъ притязаніямъ, съ каждымъ днемъ оказываются несостоятельнѣе. Теперь трудно доказать, что Германцы были изобрѣтателями земледѣлія въ сѣверной и средней Европѣ, что они довели его до высокой степени и передали потомъ Славянамъ. Еще недавно, въ числѣ немногихъ и весьма неубѣдительныхъ доводовъ въ пользу этого мнѣнія, находилось распространеніе германскаго плуга и его названія между славянскими племенами. Однако Яковъ Гриммъ сомнѣвается въ германскомъ происхожденія слова плугъ, котораго онъ не нашелъ вовсе въ древнѣйшихъ памятникахъ (готскихъ), гдѣ оно замѣнено другими, совсѣмъ не похожими на него словами: Höha и Sulh (Deutsche Grammatik, III, 114). Лео (Malberg. Glosse) идетъ еще далѣе: онъ утверждаетъ, что Германцы заимствовали и орудія и выраженія, относящіяся къ земледѣлію, у Кельтовъ.

Слова Цезаря: gentibus cognationibusque hominum qui una coierint — указываютъ намъ на составъ населенія первоначальной германской общины, или Марки. Семьи и цѣлые роды живутъ вмѣстѣ. Только родичъ, членъ рода, есть настоящій членъ общины. Противники родоваго быта, утверждающіе, что только обладаніе землею сообщало Германцу значеніе полноправнаго члена Марки, напрасно ссылаются на Тацита. Изъ его словъ трудно вывести такое заключеніе. У него сказано прямо, что до совершеннолѣтія, или торжественнаго принятія оружія, юноши составляютъ часть отцовскаго дома, потомъ часть общины, т. е. становятся ея членами. Ante hoc (до совершеннолѣтія) domus pars videntur, mox reipublicæ. Germ. c. 13. Черезъ четыреста лѣтъ послѣ Тацита, Готы еще держались этого правила: юноша, способный носить оружіе, пользовался у нихъ полными правами свободнаго человѣка, или гражданина: Sic juvenes nostri qui ad exercitum probantur idonei *indignum est ut ad vitam suam disponendam dicantur infirmi*, et putentur domum suam non regere, qui creduntur bello posse tractare. Gothis ætatem legitimam virtus facit, et qui valet hostem confodere, ab omni se jam debet tuitione vindicare. Cassiodori Var. 1, 38. Вообще, мы желали бы встрѣтить хотя одно положительное свидѣтельство источниковъ въ пользу поземельной собственности и ея вліянія на общественное значеніе лица у древнихъ Германцевъ. На это можно сказать, что у дошедшихъ къ намъ римскихъ писателей и въ другихъ памятникахъ очень мало данныхъ относительно родоваго быта у Германцевъ. Конечно, такихъ данныхъ мало, но онѣ существуютъ и притомъ въ количествѣ, достаточномъ для совершеннаго оправданія опирающейся на нихъ системы, хотя эта система, независимо отъ частныхъ историческихъ фактовъ, истекаетъ изъ общихъ законовъ, которымъ подчинено въ развитіи своемъ всякое гражданское общество. Родовой бытъ не только стоитъ въ началѣ такого развитія, но дѣйствуетъ на него впослѣдствіи и отражается въ учрежденіяхъ позднѣйшаго, чисто государственнаго порядка.

Приведемъ однако главныя изъ касающихся нашего предмета свидѣтельствъ.

Сверхъ приведенныхъ выше словъ Цезаря о родахъ и семьяхъ, вмѣстѣ живущихъ, онъ говоритъ, что дружины Аріовиста, располагаясь въ боевомъ порядкѣ, становились родъ къ роду, по родамъ. Germani suas copias eduxerunt, *generatimque* constituerunt... De B. G. I. 51. То же самое, но еще опредѣлительнѣе и яснѣе, показываетъ Тацитъ. „Идя въ битву, Германцы строились клиномъ, при чемъ соблюдался извѣстный порядокъ: у каждаго рода и у каждой семьи было свое опредѣленное мѣсто. Non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates. Germ. 7. У Лонгобардовъ, по словамъ Павла Діакона, fara означало часть дружины и въ то же время родъ. II. 9. Подтвержденіе этому находимъ въ лонгобардскихъ словаряхъ, гдѣ fara=genealogia, generatio, parentella [13]). Законъ Алемановъ упоминаетъ о спорахъ, возникающихъ между родами: Si qua contentio orta fuerit inter duas genealogias de termino terrae eorum. Tit. 84. Законъ Вестъ-Готовъ не различаетъ сосѣдства отъ родства и соединяетъ ихъ подъ одни опредѣленія: nec pater pro filio, nec filius pro patre, nec uxor pro marito, nec maritus pro uxore, nec frater pro fratre, nec vicinus pro vicino, nec propinquus pro propinquo ullam calumniam pertimescat. (VI. 1. 8).

Собранныя здѣсь свидѣтельства принадлежатъ нѣсколькимъ столѣтіямъ и доказываютъ не только существованіе родовыхъ формъ, но даже ихъ положительное вліяніе на жизнь германскаго народа какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Но запасъ нашъ еще не истощенъ. Германскія нарѣчія сохранили неизгладимые слѣды давно умершаго порядка вещей. Вотъ нѣсколько сюда принадлежащихъ словъ:

Въ древнихъ рукописныхъ саксонскихъ словаряхъ латинское fratrueles переведено: gelondan, что̀ собственно значитъ: люди, живущіе вмѣстѣ, на одной землѣ [14]). Это Цезаревы gentes cognationesque qui una coierint, родичи=сосѣди. У тѣхъ же Англо-Саксовъ слово maeghte употребляется въ двоякомъ значеніи: родственниковъ или родичей и земли, завоеванной и заселенной членами одного рода [15]). Укажемъ также на тѣсно связанныя между собою слова: Adel (Adal) и Ôdal (Uodal). Первое означаетъ родъ, второе—владѣнія рода [16]). Другія выраженія, характеризующія самый составъ родовыхъ общинъ и слагающагося изъ нихъ государства, будутъ приведены ниже.

Изъ сказаннаго доселѣ мы позволимъ себѣ вывести слѣдующія заключенія объ образѣ жизни и бытѣ древнихъ Германцевъ.

Древне-германская община есть ничто иное, какъ родъ. Члены рода живутъ сосѣдями въ деревняхъ, или отдѣльными дворами на общей землѣ, Маркѣ, обнесенной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ или другою при-

[13]) Waitz. I. 221.

[14]) Kemble. the Saxons in England. I, 56. 89.

[15]) Lappenberg. Geschichte von England, I. 583.

[16]) Waitz. I. 66.

родною границею [17]). Это граница рода: на нее положено заклятіе. Ее охраняютъ языческіе боги (являющіеся демонами послѣ введенія христіанства) и безчеловѣчно жестокія постановленія исключительно родовой общины [18]). Смерть ожидаетъ инородца, самовольно преступающаго завѣтный рубежъ. Земля Марки окружена гибелью, по словамъ древней, приведенной Кемблемъ пѣсни [19]). Все лежащее въ предѣлахъ Марки принадлежитъ роду. Почва дѣлилась на двѣ части; одна содержала въ себѣ усадьбы и пашни, въ которыхъ родичи должны были ежегодно мѣняться участками; въ другой заключались общіе выгоны, луга и лѣса. Въ первой половинѣ могъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій, совершиться постепенный переходъ къ полной частной собственности; вторая несравненно долѣе носила характеръ общаго владѣнія. Слѣды этого быта сохранились особенно долго на скандинавскомъ полуостровѣ и до сихъ поръ еще не совершенно изгладились въ Германіи, не смотря на длинный рядъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, когда Цезарь и Тацитъ записали извѣстія, собранныя ими о Германцахъ. Сказанное ими объ отсутствіи поземельной собственности у Германцевъ отнюдь не противорѣчитъ первоначальному, чисто родовому устройству Марки, но даже можетъ служить къ объясненію ея позднѣйшей формы, которая описана Эйхгорномъ, и гдѣ частная собственность отдѣльныхъ членовъ общины, образовавшаяся изъ участковъ, прежде переходившихъ изъ рукъ въ руки, существуетъ рядомъ съ общимъ владѣніемъ лугами и лѣсомъ. На вопросъ о возможности такого порядка вещей, о какомъ намъ говорятъ Цезарь и Тацитъ, можно отвѣчать многочисленными аналогіями, заимствованными изъ быта другихъ народовъ. Не считаемъ нужнымъ указывать на всѣмъ извѣстные, представляющіе большое сходство съ германскими обычаи славянскихъ племенъ. Оранскій арабъ считаетъ своею собственностію только сѣмена, употребленныя имъ на посѣвъ, а не самую пашню. Въ Ягирскомъ округѣ Мадрасской области землевладѣльцы ежегодно мѣняются землями; афганскія племена подвергаются новому раздѣлу земель даже по истеченіи десятилѣтняго срока владѣнія. Страбонъ и Діодоръ упоминаютъ о подобномъ обычаѣ, существовавшемъ у нѣкоторыхъ племенъ Илліріи и Пиренейскаго полуострова [20]). Цейссъ весьма вѣрно характеризуетъ древнегерманскій бытъ словами: прочной опредѣленной собственности еще нѣтъ. Человѣкъ еще не привязался къ почвѣ, которая находится въ общемъ владѣніи. Пищу ему доставляютъ домашній скотъ и охота. Земледѣліе снабжаетъ только необходимѣйшими средствами существованія; война составляетъ любимое занятіе. Но эту подвижную, непостоянную жизнь нельзя однако назвать кочевою. Она занимаетъ средину между земледѣльческою и кочевою. У подобныхъ народовъ есть родина и жилища,

---

[17]) Это зависѣло отъ мѣстности. Понятно, что когда Германія была покрыта густыми лѣсами, и по словамъ нѣмецкой поговорки „бѣлка бѣгала по семи миль, прыгая съ дерева на дерево", т. е. не спускаясь на землю, жилыя мѣста находились въ полянахъ, окруженныхъ лѣсомъ.

[18]) Grimm, deutsche Rechtsalterthümer, 518—20. — [19]) The Saxons, I. 47.

[20]) Примѣры эти собраны у Кембля. I. 39.

но они легко ихъ покидаютъ ради новыхъ странъ"[21]). Не собственность, а происхожденіе, принадлежность къ роду опредѣляли значеніе лица въ такой общинѣ. Инородцу не было въ ней мѣста. Но родовыя связи заключались не въ одномъ кровномъ родствѣ: родъ увеличивался не чрезъ нарожденіе только. Въ составъ его можно было вступить извнѣ, посредствомъ усыновленія или брака. Вообще женщины служили часто посредницами и примирительницами родовъ, смягчая ихъ начальную исключительность. Англосаксонская поэзія недаромъ называетъ женщину freodowebbe, ткущею миръ. Этотъ превосходный эпитетъ показываетъ ея значеніе въ основанномъ на родовыхъ отношеніяхъ обществѣ. Пріобщенный посредствомъ брака или другимъ образомъ къ чуждой ему дотолѣ общинѣ, инородецъ становился родичемъ, потомкомъ ея родоначальника. Вымышленное, искусственное родство заступало мѣсто кровнаго. Исторія древней Греціи и Рима представляетъ множество аналогическихъ явленій[22]), дающихъ намъ возможность вполнѣ понять переходъ отъ естественнаго, основаннаго на единствѣ крови рода къ искусственному, который обыкновенно является уже частію государства. Такимъ полукочевымъ бытомъ германскихъ народовъ можно объяснить ихъ блужданія съ мѣста на мѣсто, постоянную тревогу, въ которой они находятся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ перваго ихъ появленія въ исторіи, т. е. съ нашествія Кимвровъ и Тевтоновъ. Родина Германца заключалась не въ данной мѣстности, а въ родѣ его. Она была подвижная; не мѣстность сообщала названіе роду, поселившемуся въ ней на болѣе или менѣе долгій срокъ и обратившему ее въ свою временную Марку, а наоборотъ имя рода переносилось съ одного конца Германіи на другой. Имена урочищъ могутъ служить полезнымъ, хотя въ бо́льшей части случаевъ недостаточнымъ пособіемъ для изученія германскихъ переселеній. Эта путеводная нить часто рвется въ рукахъ изслѣдователя, и нѣтъ никакой возможности связать порванные концы. „Мы не должны удивляться, говоритъ Кембль, встрѣчая среди такого безостановочнаго, обширнаго и общаго движенія, каковы были переселенія нашихъ предковъ, родовыя имена Германіи, Норвегіи, Швеціи и Даніи на нашихъ (т. е. англійскихъ) берегахъ. Не только небольшое число странниковъ, носившихъ знаменитое родовое имя, но одинъ человѣкъ могъ собрать вокругъ себя толпу товарищей, охотно соединявшихся подъ прославленное героическими преданіями имя рода (т. е. образовать искусственный родъ). Такимъ образомъ Гарлинги и Вельзинги, имена, тѣсно связанныя съ великимъ эпосомъ германскихъ и скандинавскихъ народовъ, повторяются во многихъ мѣстахъ Англіи"[23]). Ученый историкъ Англо-Саксовъ полагаетъ, что большая часть мѣстныхъ названій произошла отъ родовыхъ, и потому приложилъ въ концѣ 1-го тома своей книги цѣлый списокъ такихъ названій. — Когда улеглось великое движеніе народовъ, и Германцамъ закрылась прежняя возможность

[21]) Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme, 52 и 53 стр.

[22]) См. Niebuhr, Röm. Geschichte, 1, 345 и слѣд. Fr. Herman, Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer. §§ 5, 99. 101. — [23]) The Saxons, 1, 58.

переселеній на югъ или на западъ, ихъ связь съ родною почвою стала крѣпче. Значеніе Марки измѣнилось. Она перестала быть мѣстомъ только временнаго пребыванія рода. Прикованный къ отцовской почвѣ Германецъ требовалъ болѣе прочныхъ и опредѣленныхъ отношеній собственности. Ежегодный обмѣнъ пашенъ находился въ очевидномъ противорѣчіи съ выгодами и цѣлями отдѣльныхъ владѣльцевъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовали римскія вліянія и христіанство, которое, усиливая значеніе семейства, тѣмъ самымъ ослабляло родовое начало. Сказать, когда и какъ именно совершилась перемѣна у каждаго германскаго народа порознь, нельзя, по недостатку источниковъ, но можно догадываться, что мѣсто ежегодныхъ раздѣловъ заступили болѣе продолжительные сроки владѣнія, вытѣсненные въ свою очередь наслѣдственностію участковъ. Между памятниками, принадлежащими этой переходной эпохѣ, особенно важенъ для насъ эдиктъ франкскаго короля Хильпериха, изданный въ 574 году: a) Placuit atque convenit, ut si quis vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitutus fuerit, quamdiu filii aduxerint, terra habeant, sicut et lex salica habet. b) Et si subito filios defuncti fuerint, filia simili modo terras accipiat istas, sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitutus fuerit terras accipiant, non vicini (Pertz, Monumenta, IV. 10). Этотъ законъ отмѣняетъ прежній порядокъ наслѣдства, предоставляя ближайшимъ родственникамъ, т. е. дѣтямъ умершаго, право наслѣдовать предпочтительно предъ сосѣдями, т. е. родичами. Семейство выдѣляется изъ рода [24]).

Мы сказали выше, что слѣды первоначальной, т. е. родовой Марки долго существовали въ Скандинавіи и еще не совершенно исчезли въ Германіи. Въ XI столѣтіи сельское устройство въ Даніи было еще основано на началѣ общаго владѣнія. Мы постараемся изложить главныя черты этого устройства. Каждое селеніе или деревня состояла изъ *тофтовъ*, расположенныхъ вдоль двухъ крестообразно пересѣкавшихся улицъ. Подъ именемъ тофта разумѣлись: домъ, хозяйственныя строенія, дворъ и садъ поселянина, обнесенные тыномъ или другою оградою. Улицы и перекрестокъ посрединѣ селенія находились въ общемъ владѣніи и не могли быть застроены или заняты другимъ образомъ. Принадлежавшія такой общинѣ пашенныя земли были разбиты на нѣсколько клиновъ. Всякій клинъ (Kamp) былъ тщательно измѣренъ веревкою, и въ немъ выдѣлены участки всѣмъ владѣльцамъ тофтовъ. Участки эти были иногда крайне малы, но отъ правила нельзя было

---

[24]) Sybel, Entstehung des deutschen Königthums, стр. 25—27. Эдиктъ Хильпериха содержитъ въ себѣ неоспоримыя доказательства въ пользу родового быта. Доказательства эти тѣмъ убѣдительнѣе, что самый памятникъ возникъ на римской почвѣ. Видно, что Вайцъ не знаетъ, какъ примирить такое рѣшительное свидѣтельство съ собственною теоріею. Waitz, das alte Recht der Salischen Franken, стр. 130. Мы не привели нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, на которыя ссылается Зибель, напр. франкскій законъ de chreneeruda, потому что смыслъ его намъ не ясенъ и едва ли можетъ безъ натяжки служить подтвержденіемъ Зибелевой системы. То же самое скажемъ и о замѣчательной статьѣ „Si de parentilla“. Здѣсь трудно рѣшить, о чемъ идетъ рѣчь, о семьѣ или о родѣ.

отступить, и больманъ (землевладѣлецъ или жилецъ, отъ boel, bool=жилище) имѣлъ клочекъ земли въ каждомъ клинѣ. Когда деревня не представляла болѣе достаточнаго простора своимъ жителямъ и въ ней нельзя было устроить новыхъ тофтовъ, избытокъ населенія (по всей вѣроятности младшіе сыновья больмановъ) уходилъ изъ деревни и строилъ себѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, новыя жилища. Такой выселокъ назывался *торпъ* и находился въ зависимости отъ адельби (Adelbye), или старой общины. Родовая связь между ними была такъ крѣпка, что послѣдній, оставшійся въ живыхъ больманъ стараго селенія могъ, въ теченіе трехлѣтняго срока, принудить переселенцевъ къ возврату на прежнія мѣста [25]). Въ изложенномъ нами устройствѣ датскаго селенія уже нѣтъ ежегодныхъ раздѣловъ земли, но всѣ послѣдствія этого древнѣйшаго обычая сохранились. Стѣснительныя опредѣленія родовой собственности еще не изгладились. Каждый клинъ или *Камр* обведенъ межею, но между отдѣльными участками нѣтъ рубежей. Датское правительство рано вступило въ борьбу съ этимъ порядкомъ вещей: оно предоставило больману право обмѣна земли съ сосѣдями, вслѣдствіе чего онъ получилъ возможность собрать въ одно цѣлое свои разбросанные въ нѣсколькихъ клинахъ участки. Кромѣ того, ему разрѣшено было пріобрѣтать земли за предѣлами общиннаго владѣнія. Такая собственность называлась *огпит* и ставила своего владѣльца въ положеніе, совершенно отличное отъ того, какое онъ занималъ въ родномъ селеніи. Онъ выходилъ изъ-подъ опеки родовой общины и дѣлался полнымъ хозяиномъ, собственникомъ въ настоящемъ значеніи слова. Еще бо̀льшее подтвержденіе Цезаревыхъ и Тацитовыхъ извѣстій находимъ мы въ самой Германіи. Въ прошедшемъ столѣтіи крестьяне Фрикгофской общины (Frickhofen), въ Нассаускомъ герцогствѣ, ежегодно дѣлили по жребію принадлежавшія имъ общинѣ земли. На Гундсрюкенѣ подобный обычай сохранился до сихъ поръ: тамъ въ округахъ Мерцигъ, Отвейлеръ и Саарлуи есть общины, въ которыхъ земля переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, въ опредѣленные сроки отъ 3 до 18 лѣтъ. Она не составляетъ частной собственности и принадлежитъ селенію или общинѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Въ рейнской Баваріи встрѣчаемъ такія же явленія [26]). Наконецъ, не далѣе какъ въ 1805 году, крестьяне селенія Трантовъ, что̀ на рѣкѣ Пенѣ, въ сѣверной Германіи, еще смотрѣли на землю какъ на общую собственность и ежегодно дѣлили ее между собою. Въ раздѣлѣ участвовалъ также пасторъ селенія [27]). Очевидно, это слѣды родоваго владѣнія.

Не смотря на многочисленныя, изъ историческихъ памятниковъ и языка

---

[25]) Dahlmann, Geschichte von Dänemark, T. I, стр. 133 — 37. Къ сожалѣнію, у меня не было превосходной статьи Ганссена (Hanssenn, Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit, у Фалька, Neues Staatsb. Magazin, T. III и VI), которою пользовался Дальманъ и почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи германской и скандинавской древности.

[26]) Maurer: Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf- und Stadtverfassung. München, 1854, стр. 6.

[27]) Статьи: Ueber die Feldordnung und den Ackerbau der alten Germanen, въ Историческомъ журналѣ Шмита. 1845 г. III, 253.

заимствованныя данныя, свидѣтельствующія о преобладаніи родовыхъ формъ у Германцевъ долгое время послѣ ихъ вступленія въ исторію, мы считаемъ однако невозможнымъ полное и подробное изображеніе этихъ формъ. Попытку, сдѣланную Зибелемъ, нельзя назвать удачною, хотя отдѣльныя части его изслѣдованія заслуживаютъ большаго вниманія и обнаруживаютъ значительный критическій талантъ. Едва ли найдемъ у кого другаго болѣе вѣрное и отчетливое опредѣленіе родоваго государства. Зибель находитъ совершенно безплоднымъ споръ, когда-то поднятый о различіи рода естественнаго отъ искусственнаго, ибо эти формы равно часто встрѣчаются намъ въ исторіи и основаны на одномъ и томъ же началѣ. Главное здѣсь состоитъ въ правильномъ пониманіи рода вообще и въ умѣньи отличить значеніе родоваго старшины отъ власти отца семейства.

Въ такомъ смѣшеніи заключается основный недостатокъ книги, впрочемъ превосходной, въ которой впервые и притомъ непревзойденнымъ до сихъ поръ образомъ сближены для взаимнаго уясненія древности славянскаго и германскаго права. Эверсъ (das aelteste Recht der Russen) начинаетъ вездѣ съ отца семейства, у котораго родятся сыновья и внуки и такимъ образомъ расширяютъ домашній кругъ; но онъ упускаетъ изъ виду, что семейство до или внѣ государства основано на нравственномъ, а не на юридическомъ законѣ, и потому развиваетъ нравственныя, а не юридическія отношенія. Государства никакъ нельзя вывести изъ семьи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя является вполнѣ только въ государствѣ, отъ котораго она получаетъ нужныя для ея внѣшняго существованія юридическія опредѣленія. Семейство превращается въ государство не вслѣдствіе увеличивающагося числа членовъ, а чрезъ духовное усиленіе понятія о правѣ, сознательную или безсознательную волю участниковъ руководствоваться не одною родственною любовью, но еще гражданскими постановленіями. Такое стремленіе предполагается въ родѣ (gens), и потому мы можетъ назвать его прямо государствомъ; мы знаемъ, что родовая связь часто основана на вымыслѣ, но родовыя отношенія чрезъ это нимало не слабѣютъ. Такъ какъ внутреннее начало этого союза есть нѣчто духовное, относящееся къ области воли и договора, то оно также можетъ быть выражено настоящими родственниками, какъ и посторонними, дѣйствующими въ духѣ родства. Вотъ въ чемъ заключается различіе между родовымъ государствомъ и всѣми другими гражданскими союзами. Но не должно думать, что этотъ вымыслъ возникъ изъ потребности сообщить союзу благозвучное имя, торжественное богослуженіе или неопредѣленное чувство единства; напротивъ, онъ долженъ служить руководительною нитью во всѣхъ отношеніяхъ новаго государства, которое свято чтитъ образецъ свой и не отступаетъ отъ него. Существенный признакъ и законъ родоваго государства состоитъ въ томъ, что всѣ его гражданскія учрежденія облечены въ формы семейства; отсюда заимствуетъ оно свой характеръ даже тамъ, гдѣ родовые и мѣстные союзы внѣшнимъ образомъ совпадаютъ между собою. Это первый шагъ, означающій въ естественномъ развитіи народовъ пробужденіе политическаго сознанія. Народъ ищетъ соотвѣтствующихъ его потребностямъ формъ, и ему прежде всего предста-

вляется та, въ которой замкнута была его доисторическая жизнь,—форма семейства. На нее опираются общества, находящіяся въ дѣтскомъ возрастѣ; изобиліе миѳовъ, возникающихъ именно на этой почвѣ, очень понятно. Можно сказать, что основная мысль такой системы, принимающей государство за семейство, содержитъ въ себѣ миѳическую истину, поэтически прекрасный и глубокій смыслъ; но тѣмъ очевиднѣе становится, по достиженіи высшей ступени, ограниченность этой системы и ея неудовлетворительность для разума. Итакъ сравненіе государства съ семействомъ можетъ быть вѣрно, но понятіе, выводящее государство изъ семейства, какъ естественнаго основанія, ложно. Всѣ отношенія, истекающія изъ такого чувства, должны исчезнуть и сокрушиться при первомъ столкновеніи съ развитымъ чисто гражданскимъ порядкомъ вещей, т. е. съ настоящимъ государствомъ" [28]).

Соединеніе нѣсколькихъ родовъ составляетъ высшее политическое единство сотни [29]), или гау [30]). Начальниками какъ отдѣльныхъ родовъ, такъ и высшихъ, изъ ихъ соединенія образовавшихся союзовъ были *старшины*. Здѣсь возникаетъ вопросъ о происхожденіи и объемѣ власти этихъ старшинъ и объ отношеніи ихъ къ древне-германскому дворянству, той nobilitas, о которой говоритъ Тацитъ, не оставившій къ сожалѣнію никакихъ подробностей объ этомъ сословіи.

Прежде всего замѣтимъ, что древніе Германцы обыкновенно соединяли понятіе о власти съ понятіемъ старшинства. Англо - саксонское Ealdordom равно означаетъ отношенія короля къ подданнымъ, вождя дружины къ его воинамъ, мужа къ женѣ [31]). Беда, въ церковной исторіи Англо - Саксовъ, говоритъ, что у Саксовъ не было кунинговъ, или королей, sed satrapas plurimos *suae genti praepositos*. Въ саксонскомъ переводѣ этого сочиненія Алфредомъ Великимъ слово satrapae передано чрезъ ealdormen. Эти же саксонскіе *сатрапы* называются иногда majores natu (annales Petaviani). У Франковъ выраженіе senior и major natu означаетъ вообще человѣка, занимающаго высокое положеніе въ государствѣ. Старшины племени Узипетовъ называются у Цезаря majores natu. У Фризовъ aldirman есть судья; atha (отцы, см. фризскій словарь Рихтгофена) начальники вообще. Этихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно, хотя ихъ можно было бы привести гораздо болѣе. Такое соединеніе понятій власти и физическаго старшинства не можетъ быть случайнымъ. Оно указываетъ на родовое устройство, въ которомъ власть находится въ рукахъ старѣйшинъ. Но кто же были эти старѣйшины?

Цезарь нѣсколько разъ упоминаетъ объ нихъ, употребляя выраженіе magistratus и principes. Magistratus ac principes завѣдуютъ ежегоднымъ раздѣломъ полей. B. G. VI. 22. In pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum et pagorum inter suos jus dicunt, contraversiasque minu-

---

[28]) Entstehung des d. Königthums, 17.

[29]) Зибель принимаетъ сотню за первоначальное соединеніе нѣсколькихъ родовъ, отвлекая отъ ея числительнаго значенія. Сотня слѣд. не есть округъ, какимъ она является впослѣдствіи (франкская centena и т. д.), а союзъ.

[30]) Округъ. Eichhorn, § 14, n. a. Grimm. R. A. 496. — [31]) Sybel, 43.

unt... quum bellum civitas aut inlatum defendit aut infert, magistratus qui eo bello praesint, ut vitae necisque habeant potestatem, deliguntur. VI. 23. Надобно, слѣдовательно, отличать три рода властей: principes regionum и principes pagorum въ мирное время и magistratus, избираемые для войны съ несравненно бóльшими правами. Споръ о значеніи округовъ, которые Цезарь разумѣлъ подъ словами pagus и regio, удовлетворительно рѣшается параллельнымъ мѣстомъ у Тацита: principes qui jura per pagos vicosque reddunt. Germ. 13. Vicus соотвѣтствуетъ отдѣльной общинѣ, роду. Regio въ такомъ случаѣ есть округъ, занимаемый родомъ или общиною, Марка; pagus обыкновенно = gau, вмѣщающей въ себѣ, какъ уже сказано, нѣсколько родовъ, или Марокъ. Свидѣтельство Цезаря тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно вполнѣ подтверждается позднѣйшими источниками. Извѣстно, что изъ всѣхъ германскихъ народовъ Саксы наименѣе подвергались внѣшнимъ вліяніямъ: они позже другихъ приняли христіанство и долѣе сохранили древній бытъ и обычаи. Беда говоритъ объ нихъ: non habebant regem iidem antiqui Saxones, sed satrapas plurimos suae genti praepositos, qui ingruente belli articulo mittunt aequaliter sortes et quemcumque sors ostenderit, hunc tempore belli ducem (Heretogan, въ переводѣ Алфреда В.) omnes sequuntur et huic obtemperant. Peracto àutem bello rursum aequalis potentiae omnes fiunt satrapae. Hist. Eccl. V. 10. Сочинитель житія св. Лебуина, жившій послѣ Беды и пользовавшійся его сочиненіемъ, говоритъ о Саксахъ: Singulis pagis principes praeerant singuli. Pertz, Mon. II. 361. Изъ словъ Беды видно, что въ военные вожди избирались тѣже principes или, какъ онъ ихъ называетъ, satrapae, которые въ мирное время судили и рядили каждый въ своемъ округѣ. Мы едвали ошибемся, принявъ это показаніе Беды за правило, котораго держались древнѣйшіе Германцы, современники Цезаря и Тацита.

Вникая въ смыслъ извѣстій, сообщаемыхъ авторомъ „Германіи“, мы должны признать, что начало свободнаго избранія вообще преобладало у Германцевъ. О „principes qui jura reddunt“ сказано прямо, что они избираются въ народныхъ собраніяхъ. Нельзя иначе объяснить и другаго знаменитаго мѣста: reges ex nobilitate, duces ex virtute *sumunt*. Germ. c. 7. Такой обычай повидимому противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ о родовомъ бытѣ. Для устраненія возможныхъ по этому поводу возраженій, необходимо уяснить себѣ Тацитово слово nobilitas. Это тѣмъ труднѣе, что въ самыхъ твореніяхъ великаго историка мало данныхъ для рѣшенія имъ заданной загадки. Мы должны объяснить ее извнѣ, т. е. при пособіи стороннихъ источниковъ и болѣе или менѣе произвольныхъ и удачныхъ соображеній.

Вайцъ посвятилъ значительный отдѣлъ своей Исторіи германскаго государственнаго права разбору многочисленныхъ системъ, излагающихъ происхожденіе германскаго дворянства. Но его критика неудовлетворительна, ибо она довольствуется опроверженіемъ чужихъ мнѣній и не находитъ прочнаго основанія для собственной теоріи. Ближе другихъ подошелъ къ истинѣ, намъ кажется, Зибель, которому впрочемъ много помогъ Эйхгорнъ, съ обычнымъ мастерствомъ своимъ коснувшійся значенія древней германской

аристократіи, но оставившій въ сторонѣ вопросъ объ ея происхожденіи. Въ настоящее время едва ли кому придетъ въ голову отрицать существованіе отдѣльнаго благороднаго сословія у древнихъ Германцевъ. Сверхъ многочисленныхъ мѣстъ у Тацита, гдѣ nobiles прямо отдѣляются отъ остальной массы свободныхъ Германцевъ, мы можемъ указать на положительныя свидѣтельства писателей позднѣйшаго времени, какъ-то Нитгарда, Гукбальда, сочинителя житія св. Лебуина, на translatio S-ti Alexandri, и т. д. Изъ этихъ памятниковъ видно, что Саксы въ IX-мъ столѣтіи еще раздѣлялись на благородныхъ, свободныхъ и лассовъ, т. е. полусвободныхъ (sunt qui eorum lingua edelingui, sunt qui frilingui, sunt qui lassi dicuntur). У Саксовъ, какъ мы уже видѣли, долѣе чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Германіи сохранились обычаи старины; у нихъ никакъ не могло образоваться позднѣйшее служебное дворянство, слѣдовательно саксонскіе эделинги соотвѣтствуютъ Тацитовымъ nobiles. Этого мало. Почти у каждаго германскаго племени существуютъ знаменитые роды, изъ которыхъ избираются куниги, или цари: reges ex nobilitate. У Франковъ Меровинги, у Остъ-Готовъ Амалы, у Вестъ-Готовъ Балты. У Лонгобардовъ Гунгинги и Литинги, у Баваровъ встрѣчаемъ даже пять знатныхъ родовъ: Huosidroza, Fagana, Hahilinga, Anniona; isti sunt quasi primi post Agilolfingos, qui sunt de genere ducali. Lex Bajuvariorum, tit. 2. c. 20. Замѣчательно, что такіе царственные роды, stirpes regiæ, встрѣчаются у племенъ, незнавшихъ надъ собою царской власти. У Херусковъ, сколько намъ извѣстно, не было царей. Славный вождь ихъ Арминій никогда не носилъ этого титула, хотя начальствовалъ надъ всѣми силами народа. Страбонъ называетъ его просто полемархомъ (dux, Heretog, воевода). Онъ даже палъ жертвою своего честолюбія, regnum affectans, но когда въ возникшихъ послѣ него междоусобіяхъ погибло все дворянство Херусковъ (amissis per interna bella nobilibus), народъ отправилъ пословъ въ Римъ за Италикомъ, послѣднею отраслію царственнаго рода. Tacit. Ann. XI. 16. У Батавовъ насъ поражаетъ тоже явленіе. Въ источникахъ нѣтъ ни одного намека на существованіе у нихъ царей; тѣмъ не менѣе Тацитъ, которому такъ хорошо были извѣстны происходившія въ Германіи событія, говоритъ по поводу батавскаго возстанія, что Julius Paulus et Claudius Civilis, regia stirpe, multo ceteros anteibant. Hist. IV. 13. Объяснить это странное противорѣчіе можно только неопредѣленною терминологіею римскихъ писателей, не отличавшихъ настоящихъ царей, которымъ повиновались цѣлые народы (напр. Готы), отъ областныхъ князей или старшинъ, т. е. principes. Доказательства, приводимыя Зибелемъ, не допускаютъ никакого сомнѣнія [32]). Вотъ почему слово rex такъ часто встрѣчается и такъ мало имѣетъ значенія подъ перомъ писателей IV-го и V вѣка. Въ войскѣ Теодорика Великаго было такъ много куниговъ (reges), по словамъ Эннодія, что число ихъ равнялось почти числу простыхъ воиновъ [33]). По занятіи германскими племенами римскихъ провинцій являются начала настоящей монархіи, и слово rex получаетъ важность, какую оно дотолѣ не имѣло.

[32]) Sybel, 96—116. — [33]) Michelet, Hist. de France. I. 198.

Мы сказали выше, что Adal или Adel первоначально значило родъ, genus, prosapia. См. Grimm, R. A. 265. Аделингъ или Эделингъ значитъ собственно родичъ, членъ рода. Тоже самое можно сказать и о германскомъ имени царя. Англо-саксонское cyn=родъ, genus; отсюда прилагательное cyne, generosus, и существительное cyning, rex. На древнемъ верхне-германскомъ языкѣ chuninc происходитъ отъ chuni, родъ. Кунингъ и Адалингъ суть по преимуществу родичи, представители рода, наиболѣе близкіе къ родоначальнику. Изъ этихъ семействъ состоитъ древне-германская аристократія; изъ ея рядовъ избираются вожди цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ родовъ. Весьма любопытны въ этомъ отношеніи сохранившіяся генеалогіи англо-саксонскихъ государей. Онѣ всѣ восходятъ до Водана. Даже во времена христіанства англо-саксонскіе короли дорожили этими свидѣтельствами своего происхожденія отъ языческаго божества, которому поклонялись ихъ предки.

Изслѣдованія о родовомъ бытѣ и его вліяніи на дальнѣйшее развитіе германскаго государства еще далеко не замкнуты. Мы указали здѣсь только на главные изъ выработанныхъ уже результатовъ и на важнѣйшіе вопросы. Много любопытныхъ частностей оставлено нами въ сторонѣ, потому что онѣ заслуживаютъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Сюда принадлежитъ система взаимнаго ручательства (Gesammtbürgschaft), въ которой есть очевидные слѣды родоваго быта, и значеніе позднѣйшихъ, искусственныхъ родовъ (напр. дитмарсенскихъ), являющихся въ германской исторіи. Сближеніе германскаго родоваго быта съ тѣмъ же порядкомъ у Славянъ и Кельтовъ можетъ привести къ самымъ плодотворнымъ для науки выводамъ. Но для такого изслѣдованія не довольно однихъ историческихъ знаній. Здѣсь необходимо содѣйствіе филологіи. Г. Буслаевъ, котораго прекрасные труды на этомъ поприщѣ уже принесли столько пользы, могъ бы значительно подвинуть вопросъ, насъ занимающій, простымъ собраніемъ и сличеніемъ словъ, относящихся къ родовому быту у главныхъ европейскихъ народовъ. Заслуга была бы великая и доставила бы совершившему ее полное право на глубокую признательность историковъ.

СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА *).

Отъ паденія Маккавеевъ по нынѣшнее время.

„Съ удивленіемъ и почтеніемъ смотрю я, говоритъ Ватсонъ, на народъ еврейскій, разсѣянный по земной поверхности: я вижу въ немъ звѣно, которое соединяетъ насъ съ колыбелью рода человѣческаго“. Кромѣ этого уваженія, столь сильнаго для христіанина, гражданское и политическое значеніе шести милліоновъ отверженныхъ обществомъ людей, которые всегда составляли въ массѣ европейской людности нравственное пятно и настоящую касту паріевъ, очень достойно быть предметомъ соображеній философа и государственнаго человѣка. Многія другія обстоятельства призываютъ еще наше вниманіе къ этому народу въ минуту, когда мы принимаемся за перо: Россія, которая даетъ въ своихъ владѣніяхъ убѣжище цѣлой четверти еврейскаго населенія Европы, послѣ разныхъ опытовъ улучшить судьбу своихъ Жидовъ и сдѣлать ихъ полезными членами общества, оказала въ нынѣшнемъ году торжественное правосудіе ихъ долгому несчастію постановленіемъ, которое пребудетъ памятникомъ въ нашемъ законодательствѣ и состоитъ въ связи съ важными выгодами, государственными и частными. Многіе извѣстные писатели посвящали въ послѣднее время перья свои исторіи страданій и заблужденій Евреевъ; года три тому назадъ Парижская Академія Надписей предлагала этотъ самый предметъ дѣятельности соискателей ея вѣнцовъ, и наконецъ, послѣ превосходнаго сочиненія Петра Бера (Beer), „Опытъ о Жидахъ, 1825“, и трудовъ Мало и миссіонера Вольфа, изысканія двухъ весьма уважаемыхъ нами ученыхъ, Гг. Капфига и Деппинга, пролили новый свѣтъ на вопросъ, который мы избрали заглавіемъ для этого разсужденія **). Столько соединенныхъ поводовъ, изъ которыхъ каждый входитъ въ разрядъ фактовъ, любопытныхъ для наблюдателя современныхъ занятій въ области европейскаго ума, рѣшаютъ насъ представить здѣсь результатъ нашего чтенія.

*) Первая, по времени, изъ историческихъ статей Т. Н. Грановскаго. Она была напечатана въ Библіотекѣ для Чтенія за 1835 годъ, т. XIII, ч. 1. Мы предлагаемъ ее безъ всякихъ измѣненій.

**) Histoire philosophique des Juifs, depuis la décadence des Macchabées jusqu'à nos jours, par M. Capefigue, 1833 — Les Juifs dans le moyen-âge; essai sur leur état commercial, civil et littéraire, par G. B. Depping, 1834.

Къ числу самыхъ благодѣтельныхъ слѣдствій возрастающаго просвѣщенія безспорно принадлежитъ практическое приложеніе къ отношеніямъ лицъ и народовъ началъ вѣротерпимости и истинной любви ближняго, составляющихъ отличительный характеръ христіанской религіи. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изглаживаются враждебные предразсудки сектъ и вѣрованій; часъ отъ часу становится тѣснѣе союзъ между членами огромнаго семейства, которое называютъ человѣчествомъ. Удивительная перемѣна, которая въ послѣдніе годы совершилась въ состояніи европейскихъ Евреевъ, служитъ самымъ очевиднымъ примѣромъ этого сближенія. Очень недавно сыны Израиля были среди нашей образованности несчастнѣе японскихъ кожевниковъ. Разсѣянные по всѣмъ краямъ, безъ отечества, безъ политическаго быта, они не находили у другихъ народовъ ни безопаснаго пріюта, ни сочувствія къ своимъ страданіямъ. Церковь громила ихъ своими проклятіями; народъ ихъ ненавидѣлъ, правительства презирали ихъ и грабили; даже ученые, которые занимались ихъ исторіею, раздѣляли общее предубѣжденіе и, казалось, искали въ лѣтописяхъ этихъ несчастныхъ изгнанниковъ только новыхъ причинъ ненависти и новыхъ поводовъ къ обвиненію. Вольфъ (старшій), Бартоллоци, Банажъ, люди исполинской учености, собрали всѣ факты, изслѣдовали всѣ отдѣльныя явленія жизни Евреевъ, но значеніе этой жизни въ общемъ бытіи человѣчества не обратило на себя ихъ вниманія. Они безъ должнаго сочувствія изучали чудную исторію народа, который, утративъ всѣ условія отдѣльной народности, неизмѣнно пронесъ черезъ длинный рядъ вѣковъ и переворотовъ свои религіозныя вѣрованія, свой первобытный характеръ, свои преданія о минувшемъ и надежды на будущее. Наконецъ, къ славѣ и пользѣ христіанской Европы, обстоятельства измѣнились. Два тысячелѣтія тяжкихъ страданій и бѣдствій изгладили кровавую черту, отдѣлявшую Евреевъ отъ человѣчества. Честь этого примиренія, которое день ото дня становится прочнѣе, принадлежитъ нашему вѣку. Нынче, въ большей части европейскихъ государствъ, гражданское состояніе Евреевъ обезпечено, и въ самыхъ запоздалыхъ положеніе ихъ улучшено, если не законами, то просвѣщеніемъ.

Мѣры, принятыя разными правительствами въ пользу Евреевъ, составятъ предметъ краткаго очерка въ концѣ статьи. Займемся прежде исторіей этого народа. Здѣсь мы послѣдуемъ преимущественно за Гг. Капфигомъ и Деппингомъ, стараясь также познакомить читателей и съ содержаніемъ ихъ сочиненій, столько же примѣчательныхъ своей эрудиціей, сколько любопытныхъ. Книга Г. Деппинга посвящена въ особенности изысканіямъ положенія Евреевъ въ Средніе вѣки. Рама Г. Капфига гораздо обширнѣе: онъ предпринялъ описать судьбы народа Израилева съ того времени, когда римскіе орлы впервые явились въ покоренной Палестинѣ, до XIX столѣтія. Этотъ важный и превосходно начатый трудъ еще не оконченъ: мы имѣемъ только первый томъ, въ которомъ событія доведены до царствованія Юстиніанова.

Владычество Грековъ въ Сиріи и вліяніе Селевкидовъ на Палестину совершенно преобразовали наружный видъ „народа Божія". Придерживаясь еще библейскихъ ученій, Евреи уже заключали свою національность въ одной только вѣрѣ. Языкъ пророковъ оставался въ книгахъ Св. Писанія и былъ

забыть народомъ. Чернь говорила большею частію по-сирійски, а высшіе классы употребляли греческій языкъ и подражали обычаямъ азіатскихъ Грековъ. Даже имена израильскихъ государей заимствовались изъ языка Гомера и Платона, котораго философія подкапывала Слово Божіе и смѣшивалась съ догматами вѣры Авраама. Еврейскіе ученые писали по-гречески. Къ этимъ именамъ разрушенія народнаго быта скоро присоединились нравы развращенныхъ владыкъ міра, которые изъ Италіи безпрестанно бросали массы своихъ войскъ въ Азію.

Начало вліянія Рима на Іудею современно упадку могущества дома Маккавеевъ. По смерти Александра Іанея, сыновья его, Гирканъ и Аристовулъ, представители или, лучше сказать, орудія двухъ враждебныхъ сектъ, Фарисеевъ и Саддукеевъ, растерзали свое несчастное отечество кровавыми распрями за престолъ и наконецъ, послѣ долгой борьбы, рѣшились предоставить участь свою волѣ Помпея, который въ то время воевалъ въ Азіи съ Митридатомъ. Буйство Аристовула было причиною паденія этого дома и поводомъ къ порабощенію Палестины. Римскіе легіоны овладѣли Іерусалимомъ; Іудея сохранила наружную независимость; верховная власть отдана была Гиркану съ титуломъ главнаго жертвоприносителя, но дѣйствительное правленіе перешло въ руки сирійскихъ проконсуловъ. Среди этихъ переворотовъ возвысился иноземецъ, Грекъ, принявшій или исповѣдовавшій еврейскую вѣру, которому суждено было сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи царей іудейскихъ: Антипатеръ,—такъ назывался этотъ иностранецъ,—умѣлъ пріобрѣсти довѣренность безпечнаго Гиркана и покровительство Рима. Сынъ его Иродъ сдѣлалъ еще болѣе: когда Антигонъ, сынъ умершаго въ изгнаніи Аристовула, съ толпами Пароянъ явился подъ стѣнами Іерусалима, и Гирканъ, позорно изувѣченный жестокимъ побѣдителемъ, сошелъ со сцены, Иродъ поспѣшилъ воспользоваться обстоятельствами, отправился въ Италію, прибѣгнулъ къ покровительству Антонія и скоро возвратился въ Палестину въ вѣнцѣ Давида и Соломона. Іерусалимъ былъ опять взятъ Римлянами послѣ кроваваго приступа; бѣжавшій Антигонъ былъ распятъ въ Антіохіи, — неслыханный примѣръ поношенія царскаго сана, потому что этотъ родъ казни присвоенъ былъ только невольникамъ, — и единственною отраслію фамиліи Маккавеевъ осталась Маріамна, супруга новаго царя іудейскаго и истребителя ея дома.

Битва при Акціумѣ измѣнила судьбы древняго міра. Иродъ, во время борьбы державшій сторону Антонія, явился въ Родосѣ, сложилъ съ себя предъ побѣдителемъ порфиру и скипетръ и былъ осыпанъ его милостями. Признательность царя Іерусалимскаго не имѣла предѣловъ. Не смотря на законъ Израилевъ, воспрещавшій народныя игры, зрѣлища и поклоненія другимъ богамъ кромѣ Іеговы, Иродъ посвятилъ Августу цирки и храмы, учредилъ въ честь его игры и заставилъ народъ свой присутствовать на нихъ. Не довольствуясь этими доказательствами лести, онъ строилъ цѣлые города и называлъ ихъ именемъ своего могущественнаго благодѣтеля. Такъ на развалинахъ древней Самаріи возникла юная Севастія (греческій переводъ слова „Августа“), и на берегахъ Финикіи явилась великолѣпная Ке-

сарія. Сокровища, сокрытыя въ гробницахъ Давида и Соломона, пошли на украшеніе капищъ языческихъ боговъ, и драгоцѣнныя одежды, въ которыхъ почивали древніе цари іудейскіе, были распроданы для блистательнаго возстановленія Олимпійскихъ Игръ, давно уже утратившихъ прежнюю знаменитость. Благородные Греки назвали Ирода покровителемъ этихъ игръ.

Во время долгаго владычества монарховъ ассирійскихъ между Евреями возникли двѣ враждебныя между собою секты, которыхъ раздоры вспыхивали при всѣхъ важныхъ событіяхъ и переворотахъ Іудеи въ эпоху ея политической независимости. Фарисеи, еврейскіе патріоты, могущественные числомъ и вліяніемъ на чернь, которая съ благоговѣйнымъ изумленіемъ смотрѣла на ихъ строгость въ соблюденіи обрядовъ, предписанныхъ закономъ, вѣрили въ будущую жизнь, допускали, кромѣ книгъ Моисеевыхъ, изустныя преданія или законы, сообщенные, по ихъ мнѣнію, пророкомъ-законодателемъ словесно вождямъ народа. Они составляли настоящую національную партію и подъ религіознымъ фанатизмомъ таили честолюбивые замыслы; цѣлію ихъ было установленіе ѳеократическаго образа правленія. Высшіе классы народа принадлежали, напротивъ, къ сектѣ Саддукеевъ, которыхъ можно уподобить сословію французскихъ философовъ прошедшаго столѣтія: они отвергали безсмертіе души, принимали только пять книгъ Моисеевыхъ и считали толкованія „учителей Закона“ и изустныя преданія выдумкою Фарисеевъ; когда храмъ Іерусалимскій находился во власти Ассиріянъ, священники саддукейской секты вѣнчали голову свою цвѣтами, подобно жрецамъ Венеры ассирійской, и приносили запрещенныя жертвы передъ Скиніею Завѣта. Распри этихъ двухъ сектъ приняли скоро политическій характеръ: возведеніе на престолъ фамиліи Маккавеевъ было торжествомъ Фарисеевъ надъ Саддукеями, племени священниковъ надъ племенемъ царей, восторженной тайны надъ вольнодумствомъ и философіею. Маккавеи пали, и власть опять перешла къ партіи вольнодумцевъ и нововводителей, къ которымъ принадлежалъ самъ Иродъ. Новый царь, покровительствуемый всемогуществомъ Рима, сѣлъ на престолѣ своихъ государей, облитый ихъ кровью, но вражда двухъ партій не угасала: она воплотилась въ лицѣ самого Ирода и супруги его Маріамны, преемницы правъ угасшей династіи, строгой наблюдательницы Закона предковъ, равно ненавидѣвшей въ Иродѣ и ревниваго старика, и губителя родныхъ, и раболѣпнаго угодника языческихъ божествъ. Зная непріязненное расположеніе своихъ подданныхъ, Иродъ старался сблизиться съ ними,—и храмъ Іеговы въ дивномъ великолѣпіи возникъ изъ развалинъ. Но время примиренія уже прошло безвозвратно. Терзаемый подозрѣніями и страхомъ, онъ предалъ смерти Маріамну; двое сыновей, прижитыхъ съ нею, имѣли ту же участь. Еврейскіе историки съ горестью повѣствуютъ о кровавомъ правленіи „вѣнценоснаго преступника“, а христіанская церковь сохранила память избіенія младенцевъ, въ числѣ которыхъ долженъ былъ находиться Мессія, возвѣщенный волхвами. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ принялъ намѣреніе, которому подобнаго нельзя найти въ исторіи самыхъ безумныхъ тирановъ: онъ приказалъ собрать на ипподромѣ всѣхъ Іудеевъ знатнаго происхожденія и умертвить ихъ

въ часъ своей кончины, для того, чтобы возбудить непритворную скорбь въ Израилѣ и сдѣлать этотъ день днемъ плача для народа. Сестра его, которой ввѣрено было исполненіе этого приказанія, не осмѣлилась повиноваться ему. Нельзя не вспомнить грубыхъ, но выразительныхъ словъ одного нѣмецкаго историка, который говоритъ, что Иродъ достигъ могущества какъ лисица, царствовалъ какъ тигръ и умеръ какъ бѣшеная собака.

Августъ раздѣлилъ владѣнія Ирода въ Сиріи и Палестинѣ на три энтархіи и отдалъ ихъ сыновьямъ Ирода. Архелай, которому досталась собственная Іудея, напомнилъ народу злодѣйства отца, былъ позванъ на судъ римскаго императора, признанъ виновнымъ и сосланъ въ заточеніе въ Галлію. Отдѣльное существованіе Іудеи кончилось: она сдѣлалась римскою провинціею. Исторія еще упоминаетъ о нѣкоторыхъ царяхъ іудейскихъ, мнимыхъ потомкахъ Маккавеевъ или Ирода, но эти цари были просто намѣстниками императоровъ и бо́льшею частію жили въ Римѣ.

Евреи впервые явились въ Европѣ около ста лѣтъ до Р. Х., въ то время, когда Помпей овладѣлъ ихъ отечествомъ. Множество іудейскихъ плѣнниковъ, осужденныхъ на рабство, было распродано на рынкахъ Италіи. Въ царствованіе Августа число выходцевъ изъ Іудеи чрезвычайно увеличилось: въ одномъ Римѣ ихъ было до двадцати тысячъ человѣкъ; они занимали особую часть города, за Тибромъ. Любопытно сличить баснословныя преданія раввиновъ съ показаніями римскихъ историковъ. Раввины приписываютъ самое основаніе Рима какому-то жиду, Цефо, и очень важно увѣряютъ, что Ромулъ, одинъ изъ его преемниковъ, велъ кровопролитныя войны съ Давидомъ и угощалъ при дворѣ своемъ бѣглыхъ вельможъ царя Соломона. Въ нѣмецкихъ городахъ Вормсѣ и Ульмѣ Жиды хвастаютъ тѣмъ, что здѣсь были ихъ синагоги еще при Августѣ.

Достовѣрно, что прежде всего Іудеи явились въ Италію, и что уже оттуда разсѣялись по остальной Европѣ. Евреи знали, кажется, искусство быть ненавистными всѣмъ народамъ, и во время своей независимости, и послѣ паденія своего отечества. Нельзя не замѣтить глубокаго отвращенія, съ какимъ говорятъ объ нихъ римскіе писатели. Ихъ вѣрованія, обряды и народный характеръ составляютъ предметъ самыхъ жестокихъ насмѣшекъ, самыхъ ядовитыхъ намековъ. Одна изъ причинъ очевидна. Въ то время, когда римскій Пантеонъ былъ гостепріимно открытъ для боговъ всѣхъ подвластныхъ народовъ, когда политика завоевателей старалась соединить въ одну обширную систему политеизма всѣ отдѣльныя религіи языческаго міра и положить въ основаніе государственнаго единства единство религіи, Іудеи одни упорно уклонялись отъ такого сближенія и по прежнему молились только Іеговѣ; даже утративъ самобытность своего отечества, они твердо стояли за самобытность своихъ вѣрованій. Строго соблюдая свой законъ, они не присутствовали на народныхъ играхъ, которыя имѣли такое важное вліяніе на общественность древнихъ; они избѣгали всякихъ сношеній съ иновѣрцами и платили ненавистью за презрѣніе.

Но сверхъ-того, и занятія ихъ были такого рода, что не давали имъ большаго права на уваженіе. Они издревле промышляли за границею сво-

его отечества мелочною торговлею и гаданіемъ и тѣмъ же ремесломъ занимались преимущественно въ столицѣ тогдашняго міра. Ворожба впрочемъ доставляла имъ таинственное и мрачное вліяніе на суевѣрныхъ жителей Рима, которые, при всемъ своемъ отвращеніи къ Евреямъ, приходили къ нимъ съ глубокою вѣрою въ ихъ знаніе будущаго и въ награду за удачные отвѣты становились ихъ покровителями. Главною причиною терпимости, которою Іудеи пользовались въ этомъ городѣ, была огромная подать, платимая императорамъ.

Въ царствованіе кровожаднаго безумца, Калигулы, александрійскіе Евреи прислали депутатовъ просить его о сохраненіи преимуществъ, дарованныхъ Августомъ и нарушенныхъ суевѣрною чернью. Филонъ, старшій изъ депутатовъ, оставилъ намъ чрезвычайно занимательное сочиненіе о пребываніи своемъ въ Римѣ.

„Мы прибыли, говоритъ онъ, въ Римъ съ надеждою найти во властителѣ міра судью справедливаго и неподкупнаго. Калигула принялъ насъ при выходѣ изъ плѣнительныхъ садовъ Агриппины, тамъ, гдѣ Тибръ катитъ величественныя волны. Лице его было весело, и глаза, исполненные кротости, служили для насъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Когда мы объяснили ему цѣль нашего путешествія, онъ знакомъ руки показалъ, что будетъ къ намъ благосклоненъ; и вскорѣ Гемъ, одинъ изъ любимыхъ его отпущенниковъ, пришелъ сказать намъ, что императоръ приметъ насъ во дворцѣ. Тогда каждый изъ братій нашихъ возрадовался; но опытность, которую пріобрѣлъ я въ дѣлахъ міра, заставила меня сомнѣваться въ томъ, что радовало другихъ. Изъ всѣхъ пословъ, бывшихъ тогда въ Римѣ, намъ однимъ даровалъ императоръ аудіенцію во дворцѣ, и мнѣ казалось, что Евреи не могутъ сдѣлаться предметомъ особеннаго благоволенія римскаго владыки; что намъ должно считать за счастіе и то, если съ нами будутъ обходиться такъ, какъ съ другими послами. Въ самомъ дѣлѣ, мы узнали, что императоръ отправился въ Путеолы, великолѣпный дворецъ, который близость богатаго рыбою моря дѣлаетъ любимымъ жилищемъ Цезарей. Наслаждаясь удовольствіями стола, Калигула вовсе не думалъ о нашихъ жалобахъ. Когда мы прохаживались подъ лимонными деревьями, которыя окружаютъ дворецъ, одинъ изъ нашихъ братій подошелъ къ намъ съ смущеннымъ лицемъ. „Іерусалимъ! Іерусалимъ!“ вскричалъ онъ: „твой храмъ, святыня святыхъ, будетъ поруганъ! Братья, императоръ приказалъ поставить свою статую въ святилищѣ Іеговы, подъ именемъ Юпитера Статора“. Горесть сдѣлала насъ безмолвными, и мы ушли домой. Наконецъ нѣсколько молодыхъ людей, въ упоеніи сладострастія, увѣнчанные цвѣтами, пришли насмѣшливо возвѣстить намъ, что императоръ готовъ выслушать наши жалобы. Мы явились во дворецъ: двери были всѣ отворены, потому что Калигула объявилъ своимъ отпущенникамъ желаніе гулять въ садахъ Мецената и Ламіи. Увидѣвъ его, мы пали лицемъ къ землѣ и привѣтствовали его именами Августа и императора. „Не вы ли“, сказалъ онъ съ горькою улыбкою, „тѣ враги боговъ, которые не хотятъ мнѣ воздвигать жертвенниковъ и предпочитаютъ мнѣ неизвѣстное божество?“ Тогда молодые от-

пущенники, изъ лести, стали величать его названіями всѣхъ боговъ Олимпа. „Ты Вакхъ, насадившій виноградъ; ты Ираклъ, символъ могущества; ты Марсъ, отецъ ужасныхъ битвъ; ты Зевсъ, владыка Олимпа". Слыша эти слова, императоръ пріятно усмѣхнулся.

„Одинъ отпущенникъ, родомъ Египтянинъ, по имени Исидоръ, исполненный жесточайшей ненависти къ народу нашему, вскричалъ: „Ты еще болѣе разгнѣвался бы на этихъ людей, Цезарь, если бы ты зналъ ихъ презрѣніе къ твоей власти. Изъ всѣхъ народовъ они одни не хотятъ приносить въ честь тебѣ жертвъ и проливать на алтари своего Бога кровь посвященныхъ телицъ и дикаго быка".—Это клевета, отвѣчали мы твердымъ, но почтительнымъ голосомъ: мы приносимъ жертвы за благоденствіе твое, властитель міра. Трижды, со дня восшествія твоего на престолъ, струилась кровь на помостѣ храма въ честь тебѣ. Правда, что мы не вкушаемъ отъ посвященныхъ мясъ, мы предаемъ ихъ огню; но жертва тѣмъ совершеннѣе и пріятнѣе вѣчному Богу. — „Вѣчному Богу? вскричалъ онъ: а развѣ я не божество? Что мнѣ до жертвъ, которыя вы приносите другому? Какая мнѣ честь отъ нихъ?" При этихъ словахъ кровь застыла въ жилахъ нашихъ; мы собирали силы для отвѣта, но Цезарь вдругъ оставилъ насъ и пошелъ по богатымъ переходамъ своихъ чертоговъ, гдѣ золото, слоновая кость и мраморъ сіяли самымъ яркимъ блескомъ. Мы шли за нимъ среди насмѣшекъ всѣхъ отпущенниковъ, которые, желая угодить императору, оскорбляли насъ всякими средствами, какъ шуты на театрѣ. Мы молчали, потому что молчаніе иногда лучшій отвѣтъ. Императоръ, быстро повернувшись къ намъ, спросилъ меня, какъ старшаго изъ депутатовъ, почему мы воздерживаемся отъ мяса свиньи, и при этомъ вопросѣ неумѣренно расхохотался, какъ-будто пьяный. Мы отвѣчали, что таковъ былъ обычай нашихъ предковъ и что у каждаго народа есть свои нравы и законы, достойные уваженія. Отпущенникъ въ женоподобной одеждѣ прибавилъ, что мы также не ѣдимъ ягнятъ. „Они хорошо дѣлаютъ", сказалъ Калигула: „это дрянное мясо; я самъ не люблю ягнятины". Потомъ онъ кроткимъ голосомъ спросилъ у насъ, какъ-будто не зная причины нашего посольства, какой предметъ нашихъ желаній и жалобъ, и когда мы сказали и повторили, что просимъ древняго права гражданства для еврейскаго народа въ Александріи, онъ побѣжалъ по комнатамъ; лишь-только мы настигали его, онъ уходилъ снова; наконецъ, видя, что мы изнемогаемъ отъ усталости, онъ удалился въ тайныя отдѣленія дворца, сказавъ своимъ отпущенникамъ: „Эти люди болѣе несчастны, нежели виновны, что не вѣруютъ въ божественность моей природы".

Кровавая смерть Калигулы остановила исполненіе его безумныхъ намѣреній. Опасенія Евреевъ разсѣялись, но положеніе ихъ не улучшилось при новомъ императорѣ. Со времени Клавдія начинается для нихъ новый, столѣтній періодъ самаго бѣдственнаго и унизительнаго рабства. Презрѣніе, котораго они прежде были предметомъ, перешло въ рѣшительную вражду; насмѣшки превратились въ гоненія. Перемѣна эта произошла отъ двухъ главныхъ причинъ, — отъ заблужденія язычниковъ, которые смѣшивали

Евреевъ съ христіанами, и отъ изступленнаго фанатизма самихъ Евреевъ, которые требовали отъ своихъ побѣдителей не одной терпимости, но еще уваженія къ своимъ обрядамъ, и безпрестанными возмущеніями заставляли императоровъ прибѣгать къ мѣрамъ жестокости.

Первые христіане называли божественное ученіе Спасителя только очищеніемъ Ветхаго Закона, почти не вводили новыхъ обрядовъ, соблюдали день субботній и праздновали пасху въ одно время съ Евреями. Первые христіане отличались отъ Евреевъ однимъ поклоненіемъ Мессіи: они подвергались даже обрѣзанію, равнымъ образомъ убѣгали языческихъ празднествъ, не носили жертвъ на алтари боговъ римскихъ. На глаза язычниковъ, между Синагогою и Церковью не было никакого различія. Это обстоятельство вѣрно не имѣло бы вліянія на судьбу Іудеевъ, если бы христіанская религія при самомъ началѣ не обратила на себя подозрительнаго вниманія римскаго правительства. Одною изъ причинъ терпимости, которою Жиды пользовались въ Римѣ, было то отрицательное положеніе, въ которое они поставили себя относительно религіи побѣдителей; довольствуясь строгимъ соблюденіемъ своего Закона, они не заботились о доставленіи ему новыхъ приверженцевъ. Обращеніе иновѣрца вовсе не возбуждало радости въ членахъ синагоги, которые съ чуднымъ эгоизмомъ старались, напротивъ, ограничивать число призванныхъ къ наслѣдованію благъ, обѣщанныхъ народу Израилеву. Совсѣмъ другое предназначеніе было опредѣлено Всемогущимъ церкви христіанской: каждый день ея былъ ознаменованъ новыми завоеваніями и побѣдами надъ язычествомъ. Небесный глаголъ Спасителя нашелъ скоро поклонниковъ въ самомъ дворцѣ Цезарей. При Клавдіи успѣхи церкви сдѣлались такъ явны, что императоръ изгналъ изъ Рима Жидовъ „за безпорядки, производимые ими по наущенію христіанъ“. Не видя внѣшняго различія между ученіемъ Богочеловѣка и законами Моисея, римское правительство было изумлено новымъ характеромъ прозелитизма, который такъ неожиданно приняли послѣдователи Ветхаго Завѣта. Не прежде какъ въ половинѣ втораго столѣтія римскіе судьи стали отличать проповѣдниковъ Новаго Слова, открыто грозившихъ богамъ Капитолія, отъ Евреевъ, которые просили только терпимости для своихъ обрядовъ.

Это открытіе, избавивъ Жидовъ отъ обвиненій въ содѣйствіи дѣлу, котораго успѣхъ былъ для нихъ болѣе ненавистенъ, чѣмъ для самихъ язычниковъ, не принесло впрочемъ имъ большой пользы: оно не ослабило строгости римскихъ императоровъ, раздраженныхъ частыми возмущеніями въ Іерусалимѣ и Александріи. Первое и самое гибельное для евреевъ возстаніе произошло при Неронѣ, во время губернаторства надъ Іудеею Гессія Флора, достойнаго исполнителя повелѣній этого тирана. Выведенные изъ терпѣнія рядомъ несправедливостей, оскорбленій и злодѣйствъ, поджигаемые изступленными совѣтами фарисеевъ, ненавидѣвшихъ могущество Рима, жители Іерусалима изгнали Флора и съ дивною, хотя безумною, отвагою рѣшились сбросить съ себя иго „жестокаго царства эдомскаго“. Покушенія сирійскаго правителя усмирить мятежъ были неудачны; вѣсть о всеобщемъ возстаніи Палестины встревожила Нерона до того, что онъ самъ хотѣлъ

принять начальство надъ войсками, которыя отправлялись противъ Евреевъ. Но эта рѣшимость скоро оставила его; онъ не могъ оторваться отъ привычныхъ забавъ и поручилъ Веспасіану наказать непокорныхъ.

Іосифъ, очевидецъ и дѣятельный участникъ въ событіяхъ этой отчаянной войны, оставилъ ея описаніе. Веспасіанъ сдѣлалъ свое дѣло только въ половину: призываемый голосомъ войска на престолъ Цезарей, онъ поручилъ своему сыну Титу довершить покореніе Іудеи и отправился въ Римъ. Въ 71 году по Р. Х. Іерусалимъ палъ, облитый кровью своихъ защитниковъ; храмъ Соломоновъ былъ преданъ племени и уже не возникалъ болѣе изъ пепла. Милліонъ сто тысячъ Евреевъ погибло въ битвахъ, девяносто семь тысячъ распроданы въ рабство, остальные разсѣялись по всѣмъ краямъ земли. Одни поселились въ римской имперіи, другіе удалились на Востокъ, особливо въ Персію, гдѣ еще со временъ плѣненія Вавилонскаго оставалось много ихъ соотечественниковъ. Нѣкоторые проникли въ Китай и основали тамъ въ Ка-инъ-фу колонію, которая существуетъ до сихъ поръ. Всѣ эти изгнанники твердо увѣрены, что рано или поздно настанетъ день, когда разсѣянные сыны Израиля соединятся въ одинъ народъ и снова войдутъ въ землю предковъ.

Чудесное мужество, съ которымъ Іудеи отстаивали независимость своихъ вѣрованій и политическаго быта, не доставило имъ ни уваженія, ни даже состраданія языческой черни. Паденіе священнаго города было гибельно не для однихъ Евреевъ палестинскихъ; оно имѣло непріязненное вліяніе на участь ихъ соотечественниковъ въ разныхъ областяхъ римской имперіи. Мѣры правительства сдѣлались строже: Титъ приказалъ взимать съ нихъ дидрахмій въ пользу Юпитера Капитолійскаго, обложилъ ихъ постыдною податью наравнѣ съ развратными женщинами, и надзоръ за ними былъ ввѣренъ тому же претору, который имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ питейные домы и тибрскихъ лодочниковъ, самую презрительную часть римскаго народонаселенія. При Домиціанѣ строгость усилилась; для облегченія сбора податей, Жидовъ подвергали публично отвратительному осмотру: знакъ обрѣзанія служилъ неопровержимою уликою противъ тѣхъ, которые втайнѣ исповѣдовали вѣру отцевъ и уклонялись отъ платежа. Нерва смягчилъ нѣсколько эти безчеловѣчныя постановленія, но его благодѣтельность встрѣтила сопротивленіе въ народѣ. Въ особенности сильно было противодѣйствіе жителей Египта и Малой Азіи: въ Александріи и въ Антіохіи Жиды подвергались ежедневнымъ оскорбленіямъ. Самая жизнь ихъ была часто въ опасности, тѣмъ болѣе, что виновники почти всегда были увѣрены въ безнаказанности. Это тягостное положеніе, эти обиды черни и жестокое равнодушіе римскихъ проконсуловъ не могли измѣнить наклонностей Евреевъ, и напротивъ поддерживали въ нихъ духъ мятежа и вражды къ властителямъ. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ взятія Іерусалима Титомъ, три новыя возмущенія вспыхнули одно за другимъ, въ ливійскомъ городѣ Киренѣ, въ Месопотаміи и на островѣ Кипрѣ. Послѣднее сопровождалось ужаснѣйшими обстоятельствами: Евреи, подъ начальствомъ одного изувѣра, по имени Андрея, умертвили около двухсотъ сорока тысячъ Грековъ и Римлянъ. Въ

ожесточеніи своемъ, они ѣли мясо несчастныхъ, которые попадались имъ въ руки, сдирали съ нихъ кожу и дѣлали изъ нея себѣ одежду. Укротивъ ихъ, Адріанъ подъ смертною казнію запретилъ Жидамъ посѣщать островъ Кипръ; даже выброшенные на берегъ бурею немедленно лишались жизни. Но эти остальные мятежи были ничтожны въ сравненіи съ общимъ возстаніемъ Евреевъ при ложномъ Мессіи Баръ-Хохебѣ.

Преданія раввиновъ содержатъ въ себѣ много чудесъ и басенъ объ этомъ обманщикѣ. Они утверждаютъ, что онъ родился отъ небывалаго царя іудейскаго Козибы, носилъ прежде имя своего отца, но при началѣ поприща назвался Баръ-Хохебою, или „Сыномъ планеты". Предтечею его былъ старый Акиба, котораго рѣшенія до сихъ поръ благоговѣйно чтитъ синагога, „потому что Богъ открылъ ему сокрытое отъ Моисея". Не смотря на свою глубокую старость, — ему было около ста лѣтъ, — Акиба съ двадцатью четырьмя тысячами учениковъ явился въ станъ самозванца и былъ назначенъ начальникомъ всей конницы. Въ Талмудѣ сказано, что войска Баръ-Хохебы простирались до двухсотъ тысячъ человѣкъ; онъ избралъ мѣстомъ пребыванія крѣпкій городъ Виѳеръ, или Беторонъ, гдѣ былъ помазанъ на царство. Кровопролитныя неудачи римскихъ полководцевъ вызвали въ Палестину самого Адріана: Беторонъ былъ осажденъ, Баръ-Хохеба погибъ во второй мѣсяцъ осады, и съ нимъ исчезли надежды мятежниковъ. Акиба, главный помощникъ лже-мессіи былъ, по словамъ Мишны, разодранъ желѣзнымъ гребнемъ; другіе „учители Закона" сожжены были вмѣстѣ съ ихъ книгами, и болѣе полумилліона Іудеевъ заплатили жизнію за роковое заблужденіе. Воспоминаніе объ этомъ бѣдствіи сохранилось въ Синагогѣ: она до сихъ поръ призываетъ въ молитвахъ мщеніе Іеговы на голову Адріана и оплакиваетъ участь собратій, падшихъ жертвою его жестокости.

Еще до этой войны, Адріанъ населилъ Іерусалимъ греческими и сирійскими выходцами и назвалъ его Элія-Капитолина. Въ стѣнахъ священнаго города, какъ-будто для бóльшаго уничиженія побѣжденныхъ, воздвигнутъ былъ великолѣпный циркъ, гдѣ язычники отправляли свои торжества и предавались забавамъ. На воротахъ Эліи поставлено было изображеніе свиньи, и многочисленная стража наблюдала за тѣмъ, чтобы ни одинъ Еврей не могъ приблизиться къ городу. Цѣлію римскаго императора было совершенное уничтоженіе религіи Моисеевой: поэтому онъ запретилъ Іудеямъ возлагать на себя знакъ соединенія. Законъ этотъ, который впрочемъ имѣлъ силу уже при прежнихъ императорахъ, былъ отмѣненъ Антониномъ Кроткимъ: онъ-то облегчилъ тяжелую участь народа Израилева; онъ — единственный государь, о которомъ съ похвалою отзываются баснословныя преданія Синагоги. Раввины повѣствуютъ, что онъ самъ подвергался обрѣзанію, былъ другомъ іудейскаго патріарха, святаго Іуды (Іегуда Ганази), участвовалъ въ составленіи Мишны и въ глубинѣ души исповѣдовалъ Бога Авраама и Іакова.

Впрочемъ достовѣрно, что, со времени Антонина Кроткаго, въ состояніи Евреевъ, разсѣянныхъ по римской имперіи, произошла самая благопріят-

ная перемѣна. Явленія этого нельзя объяснить личнымъ характеромъ государей, занимавшихъ престолъ Цезарей: причины болѣе общія дѣйствовали на законодательство императоровъ и мнѣніе народа: онѣ заключались въ новомъ направленіи философіи.

Направленіе это обнаружилось во второмъ столѣтіи. Блестящее, но непрочное зданіе римскаго политеизма клонилось къ паденію; прежнія вѣрованія отжили вѣкъ свой и не удовлетворяли болѣе потребностямъ общества, которое стояло выше ихъ по своей образованности. Съ другой стороны, надобно было противопоставить какой-нибудь оплотъ успѣхамъ христіанскаго ученія, однимъ словомъ, должно было создать новую религію: философія взялась совершить это. При самомъ началѣ своихъ очевидно безплодныхъ усилій, она развѣтвилась на двѣ обширныя теоріи — эклектизмъ, который состоялъ въ томъ, чтобы изслѣдовать всѣ прежнія и современныя ученія и соединить благороднѣйшія и лучшія ихъ части въ одну стройную систему, и неоплатонизмъ, пытавшійся сочетать ученія Платона и Пиѳагора съ таинственными ѳеогоніями Востока. Обѣ эти теоріи вели къ одному результату,— къ сближенію, примиренію дотолѣ враждебныхъ вѣрованій, и обѣ были проникнуты равнымъ благоговѣніемъ къ религіознымъ системамъ Азіи. Законы Моисеевы, прежде почти неизвѣстные языческому міру, сдѣлались предметомъ ревностныхъ изученій, и вошли въ число матеріаловъ, изъ которыхъ отважные мыслители предполагали воздвигнуть свой величественный чертогъ. Вѣра Іудеевъ не только перестала возбуждать отвращеніе и ненависть, но даже возвысила ихъ въ общемъ мнѣніи. Таинственныя ученія раввиновъ чудно согласовались съ стремленіемъ умовъ, съ жаднымъ любопытствомъ людей, которые изумлялись во мракѣ метафизическихъ отвлеченностей; самые обряды Евреевъ, нѣкогда источникъ насмѣшекъ надъ ними, приняли въ глазахъ политеиста, наскучившаго своими богами, характеръ святости и высокое символическое значеніе. Можно видѣть въ исторіи примѣры практическаго приложенія этихъ теорій: въ храмѣ, который Геліогабалъ воздвигнулъ самъ себѣ, предполагалось сліяніе всѣхъ вѣрованій въ общее исповѣданіе Геліогабала. Северъ - Александръ каждый день приносилъ жертвы на алтаряхъ разныхъ боговъ. Въ то самое время въ Греціи и Италіи множились храмы „неизвѣстному божеству", безъ живописныхъ изображеній и мраморныхъ статуй. Не смотря на заповѣдь Іеговы—не заимствовать у другихъ народовъ ни боговъ, ни религіозныхъ понятій, Евреи не устояли противъ общаго направленія и участвовали въ великомъ обмѣнѣ идей. Они познакомились съ философами и поэтами древней Греціи, и въ нѣдрахъ Синагоги образовались секты терапевтовъ и ессеніянъ, которыхъ ученія чрезвычайно сходны съ ученіемъ Пиѳагора. Сверхъ того Евреевъ соединяла съ язычниками общая ихъ ненависть къ религіи Спасителя. Изучая развитіе этого новаго вѣрованія, защитники политеизма усмотрѣли, что, кромѣ философскихъ началъ, которыми они старались опровергнуть христіанство, имъ можно съ пользою прибѣгать къ историческимъ преданіямъ Синагоги, опередившей ихъ враждою противъ церкви.

Эта вражда началась съ того времени, какъ Богочеловѣкъ началъ про-

повѣдовать Слово спасенія. Еще при земной жизни Іисуса Христа оно уже было предметомъ опасеній и ненависти Фарисеевъ, какъ совершенно противное ихъ пользамъ и понятіямъ. Ожесточеніе, съ которымъ Синагога преслѣдовала Учителя, обратилось и на учениковъ. Въ преданіяхъ христіанской церкви сохранились имена первыхъ мучениковъ, запечатлѣвшихъ кровью вѣрность свою святому дѣлу. Впослѣдствіи, во время гоненій, поднятыхъ на христіанъ римскими императорами, Евреи были постоянно ихъ жестокими врагами, и языческіе жрецы не разъ изъявляли Жидамъ признательность за усердіе. Эти долгія и тяжкія обиды оставили и глубокіе слѣды въ сердцахъ христіанъ. Одною изъ главныхъ причинъ непримиримой ненависти последователей двухъ религій были ихъ пламенныя пренія, продолжавшіяся до четвертаго столѣтія. Среди быстрыхъ завоеваній своихъ церковь приходила въ соприкосновеніе со всѣми вѣрованіями древняго міра, побѣдно боролась со всѣми, но борьба ея съ Синагогою носитъ на себѣ характеръ особенной силы.

Политеисты и христіане не имѣли общихъ преданій единаго Бога. Ихъ пренія были просто философскія, въ которыхъ истина выводилась по началамъ разума и нравственности: они не могли обвинять другъ друга въ отступленіи отъ закона отцевъ или въ непризнаніи божественнаго Откровенія, дарованнаго послѣ этого закона. Совсѣмъ не таковы были отношенія христіанъ и Евреевъ: они мѣнялись упреками, сражались доводами, почерпнутыми изъ общихъ книгъ и преданій. Ихъ полемика не была философскою: спорили не о началахъ, но о фактахъ, это была междоусобная война, пламенная и непримиримая. Вотъ почему языческіе писатели влагаютъ самыя рѣзкія, самыя ядовитыя свои возраженія противъ христіанства въ уста Евреевъ.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ была безопасность, можно сказать даже уваженіе, которымъ пользовались Жиды въ римской имперіи отъ Антонина до Константина-Великаго. Первые законы этого монарха носятъ на себѣ отпечатокъ терпимости: они только ограждаютъ христіанъ отъ преслѣдованій со стороны Евреевъ; но подъ конецъ царствованія онъ запретилъ Жидамъ обрѣзывать своихъ рабовъ и заставилъ ихъ нести тягостныя обязанности декуріоновъ, отъ которыхъ они были избавлены Септиміемъ Северомъ. Вообще законодательство Константина и его сыновей имѣло цѣлію болѣе поощреніе новообращенныхъ разными гражданскими преимуществами, нежели стѣсненіе упорствующихъ въ невѣріи. Царствованіе Юліана Отступника доставило Евреямъ мгновенное торжество надъ противниками. Руководимый глубокою ненавистью къ ученію Христову, онъ рѣшился соединить разсѣянный народъ Израилевъ и возстановить храмъ Іерусалимскій въ прежнемъ величіи въ улику христіанамъ. Въ первомъ пылу торжества, Евреи разрушили церкви въ нѣкоторыхъ городахъ Сиріи: Газа, Аскалонъ и Дамаскъ долго представляли слѣды ихъ опустошеній. Вѣсть о возобновленіи храма Соломонова быстро разнеслась на востокѣ и западѣ, и изгнанники тысячами стекались къ священному городу. Но надеждамъ ихъ не суждено было исполниться: отцы церкви и языческіе писатели единогласно

повѣствуютъ о чудесномъ явленіи, которое принудило оставить безплодныя усилія; страшныя землетрясенія и огненные шары, носившіеся въ воздухѣ, разрушили начатыя работы и истребили строителей. При преемникахъ Юліана, особливо при императорахъ Ѳеодосіева рода, состояніе Евреевъ было довольно сносно. Имъ дозволено было свободное отправленіе религіи; Гонорій разрѣшилъ имъ имѣть рабовъ христіанъ; запрещеніе вступать въ военную службу было для нихъ болѣе выгодно, нежели унизительно. Когда Готы овладѣли Италіею, они сохранили всѣ преимущества тамошнихъ Жидовъ.

Этотъ ходъ дѣлъ совершенно измѣнился при Юстиніанѣ. Его законодательство проникнуто духомъ непріязни и презрѣнія къ Евреямъ. Они лишились всѣхъ гражданскихъ преимуществъ; объявлены неспособными къ свидѣтельству противъ христіанъ; даже ихъ семейственныя права были стѣснены до того, что родителямъ запрещалось лишать наслѣдства дѣтей, измѣнившихъ своей религіи. Самыя выраженія закона, кажется, имѣютъ цѣлію унизить ихъ въ общемъ мнѣніи. Въ дѣлахъ вѣры имъ еще позволено было судиться собственнымъ судомъ, но эта уступка ничтожна въ сравненіи съ преимуществами, которыми они пользовались при прежнихъ императорахъ.

Послѣ взятія Титомъ Іерусалима, утративъ политическое единство, разсѣянные по Европѣ и Азіи, Евреи сохраняли долго родъ ѳеократическаго правленія, снисходительно терпимаго правительствами. Западные Евреи повиновались патріарху тиверіадскому; восточные „Князю плѣненія“, который постоянно жилъ въ Вавилонѣ. Когда именно произошли эти званія, не извѣстно. Патріархъ, Іуда святой, современникъ Антонина Кроткаго, составилъ знаменитое собраніе законовъ и приговоровъ раввинскихъ, извѣстное подъ названіемъ Мишны; раввинъ Іохананъ продолжалъ его и назвалъ свое дополненіе Гемаррою. Такимъ образомъ образовался Талмудъ Іерусалимскій. Въ началѣ пятаго столѣтія явился Талмудъ Вавилонскій: онъ состоитъ изъ Мишны патріарха Іуды и дополненій, или Гемарры, раввина Асція. Эти книги, наполненныя самыми страшными вымыслами восточнаго воображенія, самыми нелѣпыми баснями и толкованіями закона, пользуются благоговѣніемъ Евреевъ: ихъ ставятъ выше книгъ Моисеевыхъ. Патріархамъ тиверіадскимъ предоставлены были большія права; императоры давали имъ титулъ „знаменитыхъ“, illustris; они разбирали дѣла своихъ соотечественниковъ и нерѣдко занимали должности при дворѣ. Санъ ихъ переходилъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, и былъ уничтоженъ въ 429 году. Около того же времени была ограничена власть Санхедрина, или совѣта старшинъ іудейскихъ, котораго главою былъ патріархъ. Впрочемъ вліяніе Санхедрина на дѣла единовѣрцевъ и права его были весьма важны до самаго царствованія Юстиніана.

Суровыя постановленія этого императора были началомъ и юридическимъ оправданіемъ жестокихъ преслѣдованій, которыхъ Жиды сдѣлались предметомъ. Въ Восточной имперіи участь ихъ становилась день ото дня нестерпимѣе. Въ Италіи строгая справедливость папы Григорія I и большей части его преемниковъ едва защищала ихъ отъ фанатизма черни и духовенства. Положеніе ихъ въ Испаніи было еще хуже: вестъ-готскіе короли отличались духомъ нетерпимости и насильственно заставляли Евреевъ принимать хри-

стіанскую вѣру. Одинъ Сизебутъ, по словамъ испанскихъ историковъ, обратилъ такимъ образомъ девяносто тысячъ человѣкъ. Благородное сопротивленіе святаго Исидора, епископа Толедскаго, не послужило ни къ чему. Отнимая у Жидовъ всѣ права, гражданскіе законы вестъ-готскихъ королей, по странному противорѣчію, дозволяли имъ торговать рабами христіанами: надобно замѣтить, что торгъ рабами составлялъ главную промышленность Жидовъ, пока они не нашли новаго средства добывать деньги посредствомъ отдачи ихъ въ ростъ. Въ 672 году Вамба, по требованію Толедскаго Собора, изгналъ изъ своихъ владѣній всѣхъ Жидовъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ своей религіи. Они перешли за Пиренеи и возмутили противъ Вестъ-Готовъ Септиманію, но война эта кончилась несчастливо для нихъ. Вскорѣ они опять явились въ Испаніи и сильно содѣйствовали успѣхамъ Мавровъ. Толедо, гдѣ ихъ наиболѣе угнетали, была предана ими Аравитянамъ; въ Вербное воскресеніе они отворили ворота мусульманамъ и вмѣстѣ съ ними перерѣзали всѣхъ христіанъ, которые въ то время были въ церковной процессіи.

При новыхъ обладателяхъ Пиренейскаго полуострова, Жиды отдохнули отъ прежнихъ страданій. Магометане презирали ихъ какъ и христіане, но это презрѣніе было холодно и рѣдко обнаруживалось въ преслѣдованіяхъ. Впрочемъ халифы кордовскіе не упускали случаевъ поживиться на счетъ невѣрныхъ, какого бы рода они ни были: въ 723 году, обманщикъ, именемъ Захарія, явился въ Сиріи и выдавалъ себя за Мессію; множество испанскихъ Жидовъ отправились къ нему, въ надеждѣ снова покорить землю отцевъ; мечтанія ихъ скоро разсѣялись; они возвратились въ Испанію, но халифъ не возвратилъ имъ оставленныхъ имуществъ.

Короли Меровинги и духовенство французское не ласковѣе Вестъ-Готовъ обходились съ изгнанниками. Отвращеніе, которое всѣ къ нимъ питали, увеличилось еще болѣе, когда они занесли во Францію проказу: зараженныхъ этою болѣзнію заключали въ особые домы, и надзоръ за ними былъ порученъ епископамъ. Соборы предписывали христіанамъ избѣгать съ Жидами всякихъ сообщеній; но частое повтореніе этихъ наказовъ показываетъ, какъ трудно было приводить ихъ въ исполненіе. Евреи были исключены изъ всякихъ должностей; имъ запрещено садиться въ присутствіи священниковъ, и браки ихъ съ христіанами объявлены недѣйствительными. Франція была раздроблена на нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, и законы эти не вездѣ имѣли одинаковую силу. Впрочемъ фанатизмъ и жестокость французскихъ епископовъ простирались до такой степени, что папы неоднократно принуждены были увѣщевать ихъ, предписывая поступать снисходительнѣе съ бѣдными Евреями.

Въ VII столѣтіи, Король Дагобертъ I предоставилъ имъ на выборъ, креститься или оставить его владѣнія. Жиды переселились въ южную Францію, но не надолго: въ началѣ царствованія второй династіи мы находимъ ихъ снова въ прежнихъ жилищахъ. При Карлѣ Великомъ они пользовались полною безопасностью и даже благоволеніемъ императора: многіе Евреи были облечены его особенною довѣренностію; посолъ его ко двору Гарунъ-аль-

Рашида былъ Жидъ: другой Жидъ находился при его особѣ въ качествѣ доктора. Но никогда положеніе ихъ не было такъ блистательно во Франціи, какъ въ царствованіе Людовика-Добраго. Преимущество и богатство ихъ были чрезмѣрны: они имѣли право провозить свои товары безпошлинно; торговали рабами, которымъ безъ ихъ позволенія запрещено было принимать другую вѣру, и въ случаѣ споровъ съ покупателями судились общимъ судомъ, составленнымъ изъ трехъ христіанъ и трехъ Евреевъ. Они же завѣдовали сборомъ податей. Лучшимъ доказательствомъ ихъ силы служитъ тщетная борьба съ ними Агобарда, епископа Ліонскаго: при всемъ своемъ умѣ и вліяніи на народъ, онъ растратилъ жизнь въ безплодныхъ усиліяхъ прекратить гнусный торгъ людьми, который производили Евреи.

Впрочемъ слѣды прежняго унизительнаго состоянія Евреевъ существовали еще въ нѣкоторыхъ позорныхъ обрядахъ. Въ Тулузѣ они навлекли на себя подозрѣніе въ намѣреніи предать городъ во власть Мавровъ: въ наказаніе за эту мнимую или дѣйствительную измѣну, они были обязаны ежегодно, въ страстную пятницу, представлять отъ себя депутата, который публично получалъ пощечину у дверей соборной церкви. Вообще страстная недѣля была для нихъ во всей Европѣ временемъ оскорбленій и опасностей. Въ городѣ Безіѐ существовалъ до половины XI столѣтія еще страннѣйшій обычай: всякій годъ, въ Вербное воскресенье, тамошній епископъ всходилъ на каѳедру и обращался къ народу съ слѣдующими словами: „Вы живете съ потомками людей, которые распяли Іисуса Христа: будьте вѣрны обычаямъ вашихъ отцевъ, вооружитесь съ Божіею помощію каменьями, бросайте ихъ въ Жидовъ и отмстите мужественно за оскорбленія Спасителю“. Потомъ онъ благословлялъ своихъ слушателей; они вооружались каменьями и отправлялись въ дома Евреевъ, которымъ, къ удивленію, предоставлено было право защищаться такимъ же оружіемъ. Война эта продолжалась до Свѣтлаго Воскресенія.

При послѣднихъ Карловингахъ нападенія Норманновъ и другія смутныя обстоятельства не позволяли обращать большаго вниманія на Евреевъ. Впрочемъ положеніе ихъ сдѣлалось несравненно хуже: ихъ даже не считали за людей. Бозонъ, король арльскій, подарилъ епископу своего города не только имущества Жидовъ, но и ихъ самихъ. Такія же понятія царствовали и въ Германіи: Отонъ I уступилъ въ 955 году Магдебургской церкви всѣхъ Евреевъ этого города.

Но въ это самое время, въ южной Европѣ, подъ покровительствомъ халифовъ испанскихъ, заря лучшей будущности восходила для народа іудейскаго.

Города Гренада, Севилья, Толедо, Кордова были наполнены ими. Случайныя гоненія, виною которыхъ были фанатизмъ черни или прихоти правителей, рѣдко возмущали ихъ спокойствіе, и были ничтожны въ сравненіи съ бѣдствіями собратій ихъ въ остальной Европѣ, Азіи и Африкѣ. Эти бѣдствія даже обратились въ пользу Евреевъ испанскихъ. Ученые раввины изгнанные изъ Вавилона, Помбедиты и Мегазіи, гдѣ были дотолѣ знаменитыя академіи, удалились въ Испанію и основали тамъ новыя училища. Главою перваго и самаго знаменитаго заведенія, учрежденнаго въ Кордовѣ,

былъ Рабби-Моуше, который ввелъ въ общее употребленіе Талмудъ, до тѣхъ поръ мало извѣстный на Западѣ. XII столѣтіе можно назвать золотымъ вѣкомъ еврейской литературы. Тогда процвѣтали Абенъ-Эзра и Маймонидъ, два свѣтила въ мрачной ночи тогдашняго невѣжества; Іегуда Галеви, сочинитель любопытной книги *Сеферъ-Хозри*, которой предметъ — обращеніе хазарскаго хагана къ еврейской вѣрѣ; Абенъ-Зоары, которому Аверроэсъ приписываетъ успѣхи медицины у Аравитянъ; Беніаминъ Тудельскій, и многіе другіе ученые и философы. Жиды лѣчили вельможъ, государей и даже папъ, упражнялись во всѣхъ наукахъ, и въ то же время занимались религіозной полемикой. Особенно жаркія пренія возбудило появленіе въ Испаніи секты Караимовъ, которыхъ можно назвать еврейскими протестантами. Они отвергаютъ Талмудъ и преданія раввиновъ и понимаютъ Священное Писаніе буквально *). Авраамъ Бенъ Діоръ написалъ противъ нихъ знаменитое сочиненіе свое о каббалѣ. Но Караимы не вдавались въ споры: они отличались строгостью нравовъ и очень рано исчезли изъ Испаніи. Въ Литвѣ, близъ Вильно, и въ Крыму, въ трехъ верстахъ отъ Бахчисарая, находятся ихъ колоніи, гдѣ они извѣстны своей честностью, говорятъ по-татарски и имѣютъ Библію на этомъ языкѣ. Литовскіе Караимы вышли изъ Крыма и поселены Витовтомъ, какъ и литовскіе Татары, плѣненные имъ въ войнахъ съ Тохтамышемъ: но замѣчательно, что тогда какъ мусульманскіе поселенцы совершенно забыли свой языкъ и нынѣче знаютъ только по-польски, эти Евреи сохранили въ своей маленькой колоніи языкъ, которымъ говорили они въ царствѣ Гиреевъ. Г. Вольфъ, извѣстный евреофилъ, нашелъ Караимовъ въ кочевомъ состояніи неподалеку отъ Багдада, въ пустынѣ Хитъ. Впрочемъ, не должно думать, чтобы и православные Евреи занимались вездѣ однимъ только торгашествомъ и грабежемъ своихъ должниковъ: въ пустыняхъ Аравіи есть цѣлыя поколѣнія кочующихъ Жидовъ, которые славятся наѣздничествомъ и грабятъ васъ по правиламъ военной чести,—съ саблею въ рукѣ. Беніаминъ Тудельскій нашелъ въ XIII вѣкѣ близъ Мекки еврейское поколѣніе *Рехабъ*, котораго древность восходитъ до временъ Моисея, и Г. Вольфъ видѣлъ одного изъ этихъ „сыновъ Рехаба" на борзомъ арабскомъ конѣ, вооруженнаго страшнымъ копьемъ Бедуина. Они отличаются огромностью роста и воинственнымъ видомъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ Басоры тотъ же миссіонеръ встрѣтилъ улусъ Бени-Кетура, а въ Хеджазѣ, близъ Хаибара, живетъ многочисленное поколѣніе независимыхъ Евреевъ, которые управляются собственными своими шейхами; но Буркгардтъ полагаетъ, что они должны быть Караимы. Въ Испаніи, кромѣ Караимовъ, была еще секта саддукеевъ, которыхъ съ жаромъ преслѣдовали раббиниты, нынѣшніе фарисеи.

Цвѣтущее состояніе еврейской литературы въ Испаніи и даже во Франціи, гдѣ нарбонская синагога славилась своими Давидомъ и Моисеемъ Кимхи, Соломономъ Ярхи, и проч., служитъ лучшимъ доказательствомъ спокойствія, которымъ они тамъ пользовались. Халифы и христіанскіе государи большею

*) Слово *караимъ* значитъ—чтецы, то есть, чтецы Библіи.

частію покровительствовали имъ. Но простой народъ нерѣдко давалъ чувствовать Жидамъ свою ненависть. Эта часть исторіи Евреевъ состоитъ изъ безконечной цѣпи ужасовъ и насильствъ, которые останутся навсегда памятникомъ варварства тогдашнихъ Европейцевъ. Подданные Альфонса IX, короля кастильскаго, умертвили въ глазахъ его прекрасную Жидовку, и убійцы не были даже наказаны. Въ сѣверныхъ областяхъ Франціи и въ Германіи, не смотря на запрещенія правительствъ и даже духовныхъ, чернь грабила и убивала ихъ, оправдывая свои неистовства слѣпыми подозрѣніями въ святотатствѣ и добываніи крови изъ христіанскихъ младенцевъ для своихъ обрядовъ. При началѣ Крестовыхъ Походовъ участь ихъ сдѣлалась еще ужаснѣе: отправляясь въ Палестину, крестоносцы считали святымъ дѣломъ убить нѣсколько „враговъ Христа“. Фанатизмъ дошелъ до того, что, въ половинѣ XIII столѣтія, святый Бернардъ долженъ былъ ходить изъ области въ область для укрощенія ярости народа. Въ первые годы царствованія Филиппа Августа половина Парижа принадлежала Жидамъ: они промышляли отдачею денегъ въ ростъ и имѣли въ числѣ должниковъ своихъ вельможъ и знатнѣйшее духовенство. Лица, принадлежавшія къ послѣднему сословію, отдавали имъ нерѣдко въ залогъ церковныя утвари. Подъ предлогомъ оскверненія ими этой святыни, Филиппъ ограбилъ и выгналъ Жидовъ изъ своихъ владѣній. Такимъ же образомъ поступали съ ними и другіе государи, которые попеременно то изгоняли ихъ изъ своихъ владѣній, то призывали назадъ, когда случалась нужда въ деньгахъ. Вильгельмъ Рыжій въ Англіи покровительствовалъ имъ, и даже обѣщалъ принять ихъ религію, если они докажутъ превосходство ея надъ христіанскою, но его наслѣдники угнетали ихъ болѣе и болѣе. Во время коронаціи Ричарда I народъ разграбилъ великолѣпные домы лондонскихъ Евреевъ и умертвилъ многихъ, а отряды крестоносцевъ, собираясь во святую землю, истребляли всѣхъ Жидовъ на пути, здѣсь, въ Италіи и въ другихъ мѣстахъ, какъ впослѣдствіи запорожскіе козаки и гайдамаки въ Польшѣ. Іоаннъ Безземельный, который сначала жаловалъ Жидовъ и писалъ къ Лондонскому лорду-меру, что еслибъ онъ, Іоаннъ, „удостоилъ своей милости *даже собаку*, эта собака должна пользоваться совершенною безопасностью“, впослѣдствіи давалъ своимъ вельможамъ грамматы, которыми освобождалъ ихъ на всю жизнь или на извѣстное число лѣтъ отъ уплаты долговъ Евреямъ, и самъ безжалостно конфисковалъ имущество этихъ несчастныхъ для удовлетворенія своей расточительности. Европейцы вообще почти не считали ихъ за людей: Жидъ составлялъ собственность феодальнаго владѣльца, который торговалъ имъ какъ скотомъ и грабилъ какъ непріятеля; Жидъ приносилъ ему ежегодно извѣстный доходъ, а въ случаѣ надобности его можно было продать или заложить. Генрихъ III продалъ всѣхъ живущихъ въ Англіи Жидовъ брату своему Ричарду. Для отличія Евреевъ отъ христіанъ, имъ приказано было носить рогъ на шляпѣ и нашивки на платьѣ: эти знаки выдавались имъ за деньги изъ государственной казны. Филиппъ Прекрасный, конфисковавъ всѣ имущества Жидовъ, живущихъ во Франціи, подъ смертною казнію запретилъ имъ жить въ государствѣ и подарилъ Парижскую сина-

гогу своему кучеру. Допущенные снова по необходимости въ ихъ деньгахъ, они подверглись новымъ преслѣдованіямъ. Шайки крестьянъ и пастуховъ, извѣстныя подъ названіемъ pastoureaux, разсѣялись по Франціи въ началѣ XIV столѣтія, истребляя все на пути своемъ. Въ Лангедокѣ и Гасконіи онѣ умертвили множество Жидовъ. Этотъ примѣръ нашелъ подражателей въ Наваррѣ, и десять тысячъ Евреевъ сдѣлались жертвами фанатизма народа. Ужасная язва, опустошившая въ 1348 году всѣ три части Стараго свѣта, была поводомъ къ новымъ неистовствамъ: Евреевъ обвиняли въ отравленіи рѣкъ и источниковъ, въ распространеніи заразы посредствомъ волшебныхъ заклинаній, и убивали ихъ тысячами. Напрасно ссылались они на свидѣтельство ученѣйшихъ врачей того времени: никто не хотѣлъ вѣрить. Устрашенныя общимъ волненіемъ, правительства не смѣли защищать ихъ противъ невѣжества и суевѣрія. Германія, Швейцарія, Брабантъ особенно были театромъ этихъ кровавыхъ побоищъ. Читая современныхъ историковъ, съ трудомъ вѣришь ихъ разсказамъ; они возмущаютъ душу своими отвратительно ужасными подробностями. Толпы фанатиковъ, называемыхъ бичующимися, ходили изъ города въ городъ, истязая себя самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, проповѣдуя покаяніе и истребленіе Жидовъ. Евреи, избѣгая мученій, которымъ подвергала ихъ одичавшая чернь, часто предупреждали ихъ самоубійствомъ. Достаточно было малѣйшаго подозрѣнія для ихъ погибели. Въ городѣ Монсѣ одного Еврея обвинили въ поруганіи иконы. Никакія пытки не могли вырвать у него признанія въ преступленіи. Назначили „Судъ Божій": обвиненный долженъ былъ драться съ кузнецомъ, который вызвался быть защитникомъ истины обвиненія. Бойцы явились за городскими воротами и въ присутствіи многочисленныхъ жителей начали битву. Первый взмахъ палки, которою былъ вооруженъ кузнецъ, рѣшилъ участь бѣднаго противника. Жидъ упалъ,—другихъ доказательствъ преступленія не нужно было. Его тотчасъ схватили, повѣсили за ноги; къ бокамъ его привязали двухъ голодныхъ собакъ, а внизу разложили огонь, на которомъ онъ медленно изжарился. Спустя нѣсколько лѣтъ потомъ подобное приключеніе случилось въ Бельгіи. Память казней и мученій, которымъ тамъ подвержены были Евреи, опредѣлили праздновать одинъ разъ въ каждомъ столѣтіи. Жители города Брюсселя торжествовали этотъ благородный праздникъ не далѣе какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1820 году.

Средь этихъ ужасовъ только изрѣдка примѣчаются проблески человѣколюбія и справедливости къ угнетеннымъ въ постановленіяхъ и прокламаціяхъ нѣкоторыхъ государей. Въ этомъ отношеніи особенно памятна Евреямъ граммата, дарованная имъ въ 1264 г. польскимъ герцогомъ Болеславомъ, и милости Казиміра Великаго, который, по любви къ своей Эстеркѣ, предоставилъ имъ значительныя преимущества. Казиміръ прижилъ съ ней многихъ дѣтей, и дочерямъ дозволилъ даже сохранить религію матери. Папы, которые въ Средніе вѣка вообще являлись покровителями угнетенныхъ и защитниками человѣчества, безпрерывно метали проклятіями противъ ихъ гонителей. Не должно однако-жъ думать, чтобы въ самой Италіи и въ Польшѣ имъ было легче отъ этихъ доказательствъ благорасположенія верховной

власти. Не одинъ фанатизмъ преслѣдовалъ ихъ въ Италіи: они должны были бороться тамъ съ мѣстными ростовщиками: Итальянцы едвали не хуже ихъ жадностью къ прибыли, и, подрываемые такимъ образомъ, Жиды жили тамъ въ крайней бѣдности. Въ одномъ Римѣ они наслаждались нѣкоторою безопасностью, и въ этой столицѣ католическаго міра сохранили они по-сю-пору право подносить торжественно новому папѣ экземпляръ Ветхаго Завѣта, что однакожъ не освобождаетъ ихъ и теперь отъ обязанности посылать каждое воскресеніе депутацію въ соборную церковь для слушанія проповѣди противъ заблужденій ихъ вѣры. Въ Польшѣ, куда покровительство Казиміра Великаго привлекло сонмы ихъ изъ Германіи, обливавшейся ихъ кровію, они скоро овладѣли всей торговлею и откупами; безпечный и вѣтреный характеръ народа охотно предоставилъ имъ всѣ хлопоты финансовой части: Жидъ сдѣлался первою потребностью жизни для Поляка; избирательные короли изъ природныхъ дворянъ не могли даже править государствомъ безъ „фактора", и извѣстно, что побѣдитель Турокъ, Іоаннъ III (Собѣскій), былъ совершенно преданъ двумъ своимъ Евреямъ. Однако они всегда находились тамъ въ крайнемъ угнетеніи, и паны позволяли имъ грабить своихъ поселянъ только для того, чтобы, при первой надобности въ деньгахъ, исторгнуть всю поживу оптомъ у грабителя. Въ Польшѣ упоминаютъ по-сю-пору имена вельможъ изъ весьма извѣстныхъ фамилій, которые не далѣе прошедшаго столѣтія приказывали Жидамъ представлять кукушекъ, для того чтобы стрѣлять въ нихъ. Два несогласные въ мнѣніяхъ дворянина нерѣдко обнаруживали свои непріязненныя чувства тѣмъ, что одинъ изъ нихъ старался поймать Жида, проживающаго на землѣ другаго, и по крайней мѣрѣ прибить его, если не повѣсить: обиженный такою несправедливостью противникъ, само собою разумѣется, въ благородномъ негодованіи платилъ тою же монетою его Жидамъ. Въ числѣ жестокихъ обидъ, которыя Малороссія претерпѣла отъ польскаго правительства, обыкновенно выставляютъ отдачу русскихъ церквей на откупъ Евреямъ, какъ доказательство неслыханнаго своевольства со стороны тамошнихъ католическихъ пановъ; но мы думаемъ, что эта статья не была понята нашими писателями. Отдача церковныхъ доходовъ на откупъ болѣе принадлежитъ къ исторіи Жидовъ, чѣмъ къ малороссійской. Невозможно предполагать, чтобы въ этомъ заключалось со стороны польскихъ католиковъ намѣреніе обиды православію: они почти вездѣ отдавали такимъ же образомъ еврейскимъ спекуляторамъ собственныя свои церкви. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка обычай этотъ былъ довольно извѣстенъ въ Литвѣ. Это показываетъ только, въ какой степени польское дворянство не могло обойтись безъ Жидовъ въ самомалѣйшихъ денежныхъ сдѣлкахъ.

Во Франціи участь Евреевъ сдѣлалась опаснѣе по причинѣ взятія Англичанами въ плѣнъ короля Іоанна: нужны были деньги для его выкупа. Карлъ V, король французскій, постоянно покровительствовалъ имъ; имъ даже дано было право брать, вмѣсто прежнихъ сорока, восемьдесятъ процентовъ. Евреямъ показалось, что этого мало; они испросили себѣ позволеніе брать проценты на проценты. Слабость правительства была удиви-

тельна: оно предоставило въ ихъ власть личную свободу несостоятельныхъ должниковъ и даровало имъ множество другихъ столь же беззаконныхъ преимуществъ. Положеніе Евреевъ было завидное; но неожиданный указъ Карла VI лишилъ ихъ въ 1394 году большой части имущества и даже права жить во Франціи. Они разсѣялись по окрестнымъ государствамъ и на этотъ разъ не могли обвинять своихъ враговъ въ несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ ихъ жадность къ деньгамъ не имѣла предѣловъ: ограбленные ими народы употребляли всѣ мѣры, чтобы избавиться отъ ихъ притѣсненій, и въ половинѣ XIV столѣтія жители города Саленса учредили для этого первый заемный банкъ въ Европѣ.

Въ Испаніи однако-жъ они продолжали заниматься науками. Въ XIV и XV столѣтіяхъ ученые Евреи принимали дѣятельное участіе въ составленіи знаменитыхъ таблицъ короля кастильскаго Альфонса XI; тогда жили астрономъ и врачъ Соломонъ-бенъ-Вирга и профессоръ астрономіи Абрагамъ-бенъ-Закутъ; тогда же процвѣталъ Іосифъ Альбо, авторъ книги *Сеферъ иккаримъ*, и знаменитый въ ученомъ и политическомъ отношеніи Абарбанель, комментаторъ нѣсколькихъ книгъ Ветхаго Закона; другіе труды Евреевъ по части философіи, филологіи, правовѣдѣнія и особенно математики даютъ тоже довольно выгодное понятіе объ ихъ просвѣщеніи. Но объ ихъ литературѣ должно вообще замѣтить, что она отличается восточною напыщенностью выраженій, многословіемъ, чрезвычайною пылкостью воображенія и часто безпорядкомъ идей. Въ одной книгѣ той же эпохи находимъ извѣстіе о важномъ открытіи, сдѣланномъ Евреями совершенно въ иномъ родѣ: они играли въ карты еще въ XIII вѣкѣ. Вообще по сочиненіямъ тогдашнихъ Жидовъ можно составить себѣ довольно ясное понятіе объ ихъ образѣ жизни и отношеніяхъ къ Испанцамъ, которые уже овладѣли большею частію полуострова. Многое покажется страннымъ теперь: Евреи славились тогда щегольствомъ одежды, занимались музыкою и были очень неравнодушны къ прелестямъ прекраснаго пола. Мужьямъ христіанамъ часто приходилось очень плохо отъ послѣдователей Ветхаго Завѣта. Въ Толедо они до того зазнались, что на улицахъ задирали и били природныхъ жителей: правительство принуждено было защищать послѣднихъ отъ ихъ нападеній. Но они и здѣсь не покидали всегдашней страсти своей къ деньгамъ и безжалостно грабили православныхъ должниковъ, не довольствуясь $33^1/_3$ со ста, законными въ то время процентами. Всѣ капиталы и промышленность перешли въ ихъ руки. Управленіе таможнями было ввѣрено Жидамъ; они занимали главныя должности въ чертогахъ государей и домахъ вельможъ, которые обходились съ ними съ величайшимъ почтеніемъ; они составляли даже сильную политическую партію. Когда Петръ Жестокій былъ умерщвленъ Генрихомъ Транстамаромъ, они остались вѣрными его памяти и въ Бургосѣ выдержали осаду противъ войска новаго короля.

Возрастающее вліяніе Евреевъ обратило наконецъ на себя вниманіе испанскаго духовенства: оно старалось вооружить противъ нихъ народъ. Возникли жаркія пренія; ученые расточали, въ полемическихъ сочиненіяхъ, ругательства. Въ 1413 году анти-папа Петръ де Лука, извѣстный подъ

именемъ анти-папы Бенедикта XIII, положилъ созвать въ Тортозу на публичное преніе знаменитѣйшихъ раввиновъ и ученыхъ богослововъ христіанскихъ. Диспутаціи продолжались нѣсколько мѣсяцевъ; съ обѣихъ сторонъ было показано много учености и еще болѣе нетерпимости: въ заключеніе, анти - папа издалъ буллу, которая не оставила бы Евреямъ ни убѣжища, ни средствъ къ существованію, если бы власть его была вездѣ признана. Главныя статьи ея повторены впослѣдствіи на Соборѣ Базельскомъ, и папами Павломъ IV и Піемъ V. Къ обращенію Жидовъ въ христіанскую религію, послѣ Тортозскихъ совѣщаній, наиболѣе содѣйствовали усилія Доминиканцевъ. Они отличились въ этомъ дѣлѣ талантами своими и жестокимъ фанатизмомъ. Знаменитѣйшимъ миссіонеромъ того времени былъ Винцентъ Феррье: онъ одинъ обратилъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Его краснорѣчіе было увлекательно, но страхъ, внушаемый народомъ, который съ изступленнымъ восторгомъ слушалъ его проповѣди, былъ еще сильнѣе. Участь новыхъ христіанъ была вовсе незавидна. Церковь не имѣла къ нимъ довѣренности, а Синагога предавала проклятію какъ отступниковъ. Марраны,—такъ назывались они,—принуждены были жить отдѣльно, и по словамъ современниковъ, отличались своимъ развратомъ и пороками. Въ числѣ этихъ новообращенныхъ находились нѣсколько уроженцевъ острова Кандіи, которые исповѣдовали особенную религію,—смѣсь закона Моисеева съ обрядами язычества. Въ Толедо они вынимали вечеромъ изъ скрытнаго мѣста пять черныхъ фигуръ, изъ которыхъ четыре представляли молодыхъ дѣвъ, повергались предъ ними на колѣна и читали молитвы на арабскомъ языкѣ до первыхъ пѣтуховъ. Но умнѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ Маррановъ предстояла блистательная будущность: они могли вступать въ духовное званіе, гдѣ ихъ свѣдѣнія давали имъ возможность и право достигать высшихъ отличій. Нѣкоторые изъ нихъ занимали важныя мѣста въ католической церкви и прославились ревностью, съ какою преслѣдовали прежнихъ единовѣрцевъ. Особенную извѣстность пріобрѣлъ францисканскій монахъ Альфонсъ де-Спина, пламенный авторъ книги Fortalitium Fidei, въ которой обвиняетъ онъ Жидовъ въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ. Онъ утверждаетъ между прочимъ, что они ежегодно умерщвляютъ по одному христіанскому ребенку. Примѣръ, который онъ приводитъ, наполненъ самыми отвратительными и ужасными подробностями; надобно однако-жъ замѣтить, что самъ онъ не былъ свидѣтелемъ этого случая, и что разсказъ его есть только повтореніе признанія одного крещенаго Жида какому-то епископу.

Наконецъ наступилъ бѣдственный для народа Израилева 1492 годъ. Мавры лишились послѣдняго своего владѣнія въ Испаніи, и Евреи получили приказаніе тотчасъ оставить этотъ край, или принять христіанскую религію. Отчаяніе изгнанниковъ было невыразимо: они такъ долго благоденствовали подъ небомъ Испаніи. Имъ дано было три мѣсяца сроку на приготовленія къ пути; золото и серебро должны они были оставить въ Испаніи; съ собою имъ позволялось взять векселя и товары. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, четыреста тысячъ человѣкъ оставили такимъ образомъ владѣнія Фердинанда и Изабеллы. Большая часть удалилась въ Португалію, гдѣ ихъ

братія пользовались большими правами и честностью своею заслужили общее уваженіе. Они гостепріимно приняли изгнанниковъ. Надежда лучшей участи оживила сердца ихъ, но не надолго. Въ Лиссабонѣ процвѣтала еврейская академія; заведено было много типографій, изъ которыхъ вышли превосходныя изданія книгъ Моисеевыхъ и разныхъ произведеній еврейской литературы: въ 1496 году все это рушилось,—ихъ выгнали изъ Португаліи. Замѣтимъ одинъ любопытный этнографическій фактъ: въ прежнихъ португальскихъ владѣніяхъ, въ Малабарѣ, есть два рода Жидовъ, черные и бѣлые. Тогда какъ реформація облегчала участь ихъ въ Германіи и готовила сѣвернымъ Жидамъ, вообще невѣжественнымъ и низкимъ, лучшую будущность, самая просвѣщенная и нравственная часть ихъ народа выброшена была изъ Пиренейскаго полуострова въ африканскія пустыни и Турцію, гдѣ грубый деспотизмъ Оттомановъ долженствовалъ довести ихъ до послѣдней степени уничиженія и несчастія. Они разсѣялись по африканскимъ городамъ и основали многолюдные посады въ Константинополѣ, Солоникѣ, Смирнѣ, и проч., гдѣ сохраняютъ до сей поры языкъ прежнихъ своихъ гонителей, Испанцевъ и Португальцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ однако-жъ перешли въ Италію, гдѣ Медичисы отдали имъ часть города Ливорно и допускали ихъ даже къ должностямъ въ своихъ владѣніяхъ; здѣсь они опять занимались съ успѣхомъ литературою, имѣли отличныя типографіи и библіотеки въ разныхъ городахъ Италіи, и грабительства ихъ ростовщиковъ не производили такихъ вредныхъ послѣдствій, какъ во Франціи или Испаніи, по причинѣ размножившихся заемныхъ банковъ, которые ссужали деньгами за самые умѣренные проценты. Учредителями этихъ заведеній были большею частію монахи францисканскаго ордена, считая богоугоднымъ дѣломъ отнятіе у Евреевъ способовъ вредить христіанамъ. Подъ тяжестью бѣдствій и среди благоденствія, Синагога нигдѣ и никогда не теряла надежды на блистательный конецъ своего „послѣдняго плѣненія“: она всегда съ нетерпѣніемъ ожидала пришествія Мессіи, и это вѣрованіе одно заставляло Евреевъ переносить мужественно неслыханныя жестокости, которыми обременяли ихъ иновѣрцы на Западѣ и Востокѣ. Восторженное суевѣріе Азіи еще болѣе расположило турецкихъ Жидовъ къ ожиданію скорой помощи мстительнаго и справедливаго неба. Обманщики и фанатики часто пользовались такимъ состояніе умовъ, и въ XVII столѣтіи пламенныя надежды Евреевъ всѣхъ странъ были обмануты самымъ горестнымъ образомъ. Смирнскій Жидъ, Забатай Зеви, или Теви, человѣкъ необыкновенно хитрый и краснорѣчивый, пробудилъ мужество ихъ своими пламенными проповѣдями. Радость іудейскаго міра была чрезмѣрна. Евреи сбирались вездѣ оставить бѣдственную чужбину и летѣть въ обѣтованную землю, какъ Турки посадили мессію Забатая въ тюрьму. Однако единовѣрцы не переставали вѣрить въ его божественное назначеніе. Тогда султанъ Магометъ IV приказалъ ложному „помазаннику“ принять магометанскую религію: самозванецъ сосланъ и скоро потомъ былъ казненъ. Между Жидами многіе до сихъ поръ думаютъ, что онъ живъ и рано или поздно совершитъ подвигъ искупленія.

Не отъ мессіи своего, но отъ успѣховъ просвѣщенія, которое смягчаетъ

нравы и дѣлаетъ человѣка послушнымъ голосу разума, слѣдовало имъ ожидать своего благополучія. Дѣйствительно, XVIII вѣкъ былъ источникомъ всѣхъ благъ, которыми они теперь наслаждаются въ цѣлой Европѣ. Усовершенствованіе правительственныхъ формъ доставило имъ первое и важнѣйшее изъ нихъ, — безопасность. Скоро Франція и Голландія даровали имъ полныя права гражданскія и политическія и сравнили съ христіанскими подданными.

Въ Англіи, гдѣ число ихъ не превосходитъ десяти тысячъ человѣкъ, большею частію иностранцевъ, такое же уравненіе было весьма недавно утверждено Нижнею Палатою. Въ Австріи Іосифъ II былъ ихъ благодѣтелемъ: онъ уничтожилъ установленное для нихъ различіе одежды и налоги, основалъ училища, открылъ имъ университеты и старался всячески возвысить ихъ до степени гражданъ. Францъ II слѣдовалъ его примѣру и выполнилъ многія его предположенія. Въ Германіи положеніе ихъ постепенно облегчалось, и шестнадцатая статья Акта Союза обезпечила имъ еще бóльшія выгоды. „Сеймъ Германскаго Союза, говоритъ она, обдумаетъ и разсмотритъ приличнѣйшіе способы улучшенія судьбы жителей, исповѣдующихъ еврейскую вѣру, и дарованія имъ полныхъ правъ гражданскихъ въ замѣнъ тѣхъ обязанностей, которыя они должны были бы нести какъ подданные. Между тѣмъ они будутъ пользоваться во всѣхъ государствахъ Союза всѣми преимуществами, какія дарованы имъ доселѣ“. Извѣстно, какихъ богатствъ достигли нѣкоторые изъ нихъ въ этомъ краю. Со времени знаменитаго Мендельсона, краснорѣчиваго толкователя Платоновой мысли, выраженной въ Федонѣ, они съ успѣхомъ посѣщали университеты, дали имъ изъ среды себя множество профессоровъ и нѣмецкой словесности нѣсколько остроумныхъ писателей, и особенно отличились въ медицинѣ и музыкѣ. Еврейское юношество не отстало отъ своихъ христіанскихъ сверстниковъ въ общемъ патріотическомъ движеніи, которое въ 1813 году такъ сильно способствовало къ освобожденію Германіи. Образовалась также секта такъ называемыхъ Новыхъ Жидовъ,—слѣдствіе распространеннаго между ними просвѣщенія,— которая отвергаетъ Талмудъ подобно Караимамъ, признаетъ одинъ только текстъ Св. Писанія закономъ своей вѣры и соединяетъ простые догматы Ветхаго Завѣта съ ученіемъ чистой нравственной философіи *). Однако не далѣе, какъ въ 1820 году, германскіе Жиды подвергались опасной грозѣ. Бѣдствія, которыя удручали Пруссію по случаю занятія ея Французами, передали въ руки Евреевъ множество ленныхъ имѣній, обремененныхъ долгами. Когда народъ увидѣлъ готическіе замки во владѣніи „нехристей“, которые, по праву бароновъ, естественно могли бы утверждать приходскихъ пасторовъ въ ихъ званіи, онъ обнаружилъ завистливое негодованіе. Наглость нѣкоторыхъ обогатившихся Евреевъ, — а это обыкновенная ихъ черта въ

*) Въ Германіи есть еще секта, основанная нѣкоторымъ Франкомъ, изъ Нюрнберга, которая наружно исполняетъ всѣ обряды христіанства, отъ крещенія до исповѣди, а втайнѣ исповѣдуетъ еврейскую вѣру. Члены этой секты нерѣдко занимаютъ высшія должности въ мѣстныхъ правительствахъ и пользуются всѣми выгодами усовершенствованнаго лицемѣрства. Ихъ называютъ *Мехесами*.

счастіи, — довершила раздраженіе черни. Ея нетерпимость вспыхнула въ Мейнингенѣ, Вюрцбургѣ и Рейнскихъ областяхъ; возстаніе распространилось до самаго Копенгагена, и германскіе Жиды услышали вновь роковый крикъ *гепъ! гепъ! гепъ!*, которымъ сопровождались избіенія ихъ въ Среднихъ вѣкахъ.

Польскіе раввины славятся своей богословской ученостью въ еврейскомъ мірѣ. Яковъ Полякъ есть Іоаннъ Скоттъ науки Талмуда: тонкость его софизмовъ, туманная глубокомысленность его разсужденій, его пустыя пренія о словахъ, привлекли къ нему несмѣтное множество молодыхъ германскихъ Евреевъ, которые для него оставляли университетскія чтенія. Эти „талмудисты" налетѣли съ сѣвера, какъ стая совъ, на Германію и основали свои академіи во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Фюртѣ и Прагѣ, распространяя между юношествомъ фанатизмъ и невѣжество въ полезныхъ наукахъ, отличающее польскихъ раввиновъ. Г. Беръ собралъ множество любопытныхъ подробностей о вредномъ вліяніи этихъ раввиновъ на еврейское населеніе въ Германіи и Польшѣ, о деспотизмѣ, съ какимъ они управляютъ своими общинами, и о средствахъ, которыя употребляютъ для поддержанія фанатизма и слѣпаго повиновенія своей власти. Этому-то вліянію должно приписать то рѣшительное отвращеніе, какое обличаютъ польскіе Жиды къ хлѣбопашеству: обнадеживаемые своими законоучителями въ скоромъ пришествіи Мессіи, они не хотятъ ввѣрять своихъ капиталовъ землѣ, чтобы быть всегда готовыми удалиться въ обѣтованную землю по первому призванію возстановителя ихъ народа. Многіе рѣшаются даже упредить его въ Палестину, и мѣстечко Сафетъ, гдѣ лѣтъ за двадцать было ихъ нѣсколько сотенъ, теперь считаетъ болѣе двѣнадцати тысячъ выходцевъ изъ польскихъ областей. Не нужно объяснять, сколько подобное расположеніе умовъ мѣшаетъ самымъ благимъ видамъ правительства въ ихъ пользу. Блаженной памяти Императоръ Александръ I, извѣстясь о важныхъ злоупотребленіяхъ власти со стороны раввиновъ, повелѣлъ уничтожить ихъ санхедрины и учредить думы изъ знатнѣйшихъ членовъ общины, для завѣдованія имуществомъ синагоги и доходами кагаловъ. Евреи сочли это нарушеніемъ ихъ вѣры. Еще съ 1810 года правительство пыталось въ разныя времена и подъ различными видами привесть въ исполненіе проектъ переселенія Жидовъ изъ западныхъ губерній въ Новороссію, гдѣ бы они могли предаться земледѣлію, и всѣ его старанія остались безуспѣшными. Въ 1825 году учреждена была въ Варшавѣ коммиссія, имѣющая цѣлію изысканіе средствъ улучшенія гражданскаго и нравственнаго состоянія этой части народонаселенія. Она учредила для нихъ училище, которое было посѣщаемо даже сыновьями богатыхъ Израильтянъ, и предполагала даже устроить полную систему народнаго воспитанія Евреевъ. Безъ сомнѣнія, эта мѣра могущественно способствовала бы къ преобразованію ихъ предразсудковъ, которые дѣлаютъ ихъ даже неспособными пользоваться благомъ даруемыхъ имъ выгодъ: пустая талмудная ученость до того поглощаетъ ихъ вниманіе, что многіе молодые раввины не знаютъ ни одного слова мѣстнаго языка, чтобы не имѣть ничего общаго съ христіанами. Указъ, который великодушно открылъ имъ поприще военной славы

и отличій въ русскихъ рядахъ и былъ первымъ шагомъ къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ закона, изданнаго въ нынѣшнемъ году, долженъ навсегда упрочить ихъ судьбу. Нынче отъ нихъ самихъ зависитъ ихъ благоденствіе. Желательно, чтобы они умѣли оцѣнить вполнѣ выгоды новыхъ правъ своихъ.

ВОЛИНЪ, ІОМСБУРГЪ И ВИНЕТА.

Историческое изслѣдованіе *).

Со второй половины IX-го столѣтія начинается въ жизни скандинавскихъ племенъ великій переломъ, кончившійся паденіемъ древняго языческаго быта. При крѣпости и неуступчивости сѣвернаго духа, переломъ этотъ не могъ совершиться скоро и безъ мучительныхъ потрясеній организма, въ которомъ онъ происходилъ. Предъ паденіемъ своимъ Одинизмъ еще вспыхнулъ яркимъ и грознымъ блескомъ, и въ то самое время, когда первые христіанскіе проповѣдники проникли въ лѣса и пустыни скандинавскаго міра, у береговъ западной Европы явились гости другаго рода, послѣдніе ратники и мстители вездѣ побѣжденнаго язычества, норманскіе викинги. Но не одно христіанство грозило разрушеніемъ древнему скандинавскому быту: его колебали другія перемѣны и обновленія въ народной жизни. Въ X столѣтіи мелкія владѣнія (fylki), на которыя дотолѣ былъ разбитъ полуостровъ, стали слагаться въ три большія политическія массы. Переворотъ государственный совершался современно съ религіознымъ. Гаральдъ Прекрасноволосый, истребитель самостоятельныхъ норвежскихъ ярловъ и прежней вольности народа, совершилъ свое дѣло въ одно время и можетъ быть по примѣру Горма Стараго въ Даніи и Эйриха Эймундарсона въ Швеціи (1). Тогда европейскія моря покрылись судами бездомныхъ витязей, которыхъ начальники большею частію принадлежали къ древней языческой аристократіи, ведшей свой родъ отъ Одина и другихъ Азовъ и вытѣсненной изъ прежняго положенія возникшимъ единодержавіемъ. Часть этихъ изгнанниковъ жила и погибла на морѣ въ мятежной участи викингства; другіе основали множество поселеній — *Норманій*, которыя стали пріютомъ для ихъ земляковъ, недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей. Они перенесли на чуждую почву вѣру и обычай, отъ котораго отпадала ихъ родина, искуственно продлили ветхій сокрушавшійся въ ней бытъ. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи норманскихъ поселеній былъ Іомсбургъ на вендскомъ Поморьѣ.

---

*) Диссертація на степень магистра. Помѣщена въ сборникѣ Д. Валуева: „Сборникъ ист. и ст. свѣдѣній о Россіи“, т. I. 1845.

Исторія скандинавскаго Іомсбурга тѣсно связана съ славянскимъ Волиномъ или Юмною. Ихъ рѣдко различаютъ лѣтописи; народное преданіе соединило ихъ участь въ одинъ фантастическій образъ; наконецъ наука, на этотъ разъ согласная съ преданіемъ, вскорѣ превзошла его смѣлостію своихъ построеній и создала изъ норманской крѣпости и вендскаго города величественную Винету, сѣверную Венецію, поглощенную моремъ за гордость, рожденную въ ней безмѣрнымъ богатствомъ. Только въ нашъ недовѣрчивый вѣкъ удалось ученымъ изслѣдователямъ (2) разсѣять поэтическій полумракъ, въ которомъ скрывался этотъ эпизодъ сѣверной исторіи. Они разложили на составныя стихіи дошедшія до насъ свѣдѣнія и поставили отдѣльно Волинъ, Іомсбургъ и баснословную Винету.

I. ВОЛИНЪ.

„Sy wart geheyszin Julyn, — nu nennet man sy Wollyn".
Ernesti de Kirchberg chronicon Mecklenburgicum, ap. Westphalen, Mon. ined. T. IV, p. 597.

Волинъ, Юлинъ, Юмна, Юмнета, Юмета и Юминъ, — подъ этими именами является въ исторіи славянскій городъ, котораго происхожденіе различно объясняется лѣтописцами средняго вѣка и позднѣйшими писателями. „Hasta" или „columna Julii", огромный столбъ съ ржавымъ копьемъ вверху, бывшій предметомъ народнаго поклоненія, и самое названіе „Юлинъ" подали поводъ къ сказанію, что городъ былъ построенъ Юліемъ Цезаремъ. Сказаніе это разумѣется образовалось не въ народѣ, а принадлежитъ къ числу ученыхъ сказокъ, посредствомъ которыхъ монахи лѣтописцы любили связывать современную имъ исторію съ преданіями далекой, классической древности. Это былъ какой то самовольный и простодушный прагматизмъ, которому достаточно было небольшаго сходства звуковъ для соединенія самыхъ отдаленныхъ и несоединяемыхъ предметовъ. Кому неизвѣстны примѣры такого рода (3). Приведенное извѣстіе встрѣчается первоначально только въ жизнеописаніяхъ (4) Св. Оттона, епископа Бамбергскаго, принесшаго христіанство въ Поморье. Изъ этихъ источниковъ перешло оно въ другіе позднѣйшіе памятники. Но оно не знакомо Адаму Бременскому, Гельмольду и Саксону Грамматику.

Въ началѣ XVI вѣка (1518) знаменитый своимъ участіемъ въ реформаціи Іоаннъ Бугенгагенъ написалъ исторію Помераніи (5), книгу важную, не смотря на множество странностей и грубыхъ ошибокъ. Онъ утверждаетъ между прочимъ, ссылаясь на Тацита, что въ правленіе Августа его полководецъ Домицій доходилъ до острова Волина, который въ то время носилъ имя Австравіи (Austravia), и поставилъ тамъ столбъ въ честь Юлія Цезаря.

Толпы окрестныхъ жителей поселились впослѣдствіи около этого обоготвореннаго ими по невѣжеству столба и основали городъ, названный Юлиномъ отъ „columna“ или „hasta Julii“.

Въ 1735 году профессоръ Шварцъ издалъ свои изслѣдованія о Іомсбургѣ (6) и выставилъ новое мнѣніе, по которому Юлинъ обязанъ своимъ происхожденіемъ основанному на религіозномъ единствѣ союзу семи Суевскихъ племенъ, поклонявшихся Гертѣ (7). Правдоподобнѣе и лучше предыдущихъ обставлена учеными свидѣтельствами гипотеза Веделя Симонсена (8). Вотъ въ короткихъ словахъ его положенія.

Еще до пришествія Славянъ, частыя нападенія скандинавскихъ пиратовъ побудили Германцевъ, жителей балтійскаго Поморья, построить городокъ или небольшое укрѣпленіе у самаго устья Свины въ С. З. части острова Волина. Удобство мѣста, откуда легко было слѣдить и предупреждать враждебныя покушенія, богатство рыбной ловли, наконецъ совершавшійся здѣсь весенній праздникъ въ честь германо-скандинавскаго бога Юла - Солнца (9) рано привлекли многочисленное народонаселеніе. Праздникъ Юла, при которомъ происходила ярмарка, бывшая началомъ Юлинской торговли, сдѣлался причиною быстраго возрастанія города и сообщилъ ему имя Юлина. Столбъ съ водруженнымъ въ него копьемъ, подавшій поводъ жизнеописателямъ Св. Оттона къ такимъ страннымъ толкованіямъ, былъ ничто иное, какъ Юловъ идолъ. Пришедшіе впослѣдствіи Венды наслѣдовали покинутыя Германцами жилища и поклоненіе Юлу. При бо̀льшей наклонности къ общественной жизни, они усилили значеніе Юлина и дали ему новое названіе: Іомъ, Юмъ, или Юмна, которое перешло потомъ на цѣлый островъ Волинъ. Ведель полагаетъ, что слова Іомъ или Юмъ въ связи съ финскимъ, но, по его мнѣнію, славянскимъ божествомъ Юмалою. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ историческихъ событій славянское имя города перешло къ Скандинавамъ, между тѣмъ какъ прежнее осталось въ употребленіи у Германцевъ. Въ VII столѣтіи Юлинъ былъ покоренъ Датчанами, и „Toki provincia Jumensi ortus“ участвовалъ въ битвѣ Бравальской (10). Въ концѣ VIII столѣтія, около 796, Юмна была совершенно разрушена Скандинавами по причинѣ возникшихъ въ ней междоусобій. Часть жителей переселилась въ Бирку въ Швеціи, остальная выстроила другой городъ также на островѣ Волинѣ, на восточной сторонѣ его, тамъ, гдѣ нынѣ Вольмерштетъ. Новая Юмна, или Юлинъ скоро стала на ряду съ старою чрезъ богатство и промышленность жителей и не разъ подвергалась нападеніямъ сѣверныхъ грабителей. Въ X вѣкѣ она подпала подъ власть Гаральда Блаатанда, конунга датскаго.

Всѣ вышеприведенныя мнѣнія весьма не крѣпки въ основахъ своихъ, не исключая даже послѣдняго. Нужно ли доказывать, что Цезарь не могъ быть строителемъ городовъ на балтійскомъ поморьѣ, и что объясненія Бугенгагена и его послѣдователей принадлежатъ къ числу тѣхъ странныхъ гипотезъ, которыя разлетаются при первомъ прикосновеніи къ нимъ строгаго изслѣдователя? Тацитъ не говоритъ ни слова о томъ, что влагаетъ ему въ уста померанскій историкъ. У Плинія встрѣчается дѣйствительно островъ Австравія (11), но по всей вѣроятности этотъ островъ лежалъ на нѣмец-

комъ, а не балтійскомъ морѣ, и къ берегамъ его приставалъ не Домицій, а Германикъ. Этимъ ограничиваются извѣстія Плинія объ Австравіи, между которою и Волиномъ нѣтъ ничего общаго (12). Слѣдовательно, Бугенгагенъ смѣшалъ Тацита съ Плиніемъ и сочинилъ самъ остальные факты, связывающіе пришествіе римскаго полководца съ началомъ вендскаго города, которому онъ старался дать знатную генеалогію. Шварцъ не объяснилъ ничего: имя города, hasta Julii и проч. остались для него загадкой, ключемъ къ которой не могло служить поклоненіе Гертѣ (13). Да и могъ ли быть у древнихъ Германцевъ, не знавшихъ городской жизни, городъ съ именемъ, славно перешедшимъ въ исторію? Обширная начитанность Веделя Симонсена не спасла его отъ значительныхъ недосмотровъ и ошибокъ. Въ пользу его мнѣнія, что Юлинъ былъ основанъ Германцами задолго до пришествія Вендовъ въ Поморье, нѣтъ ни одного историческаго свидѣтельства. Придуманная имъ связь Юлина съ Юломъ болѣе чѣмъ сомнительна. П. Э. Мюллеръ, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ скандинавской древности, замѣтилъ Веделю, что настоящая, употребительная форма была Іолъ, а не Юлъ, и что окончаніе *in* почти не встрѣчается въ именахъ городовъ скандинавскихъ, между тѣмъ какъ оно безпрестанно попадается у Славянъ вообще и у Поморянъ въ особенности, напр. Каминъ, Деминъ, Стетинъ и т. д. (14). Ире въ словарѣ своемъ (15) утверждаетъ даже, что самое названіе Іола или Юла было чуждо языческому періоду. Славянское происхожденіе слова „Юмна" доказать довольно трудно. О Юмалѣ, котораго Ведель и Мюллеръ, по незнанію, присвоили Славянамъ, нечего и говорить, а другаго объясненія въ этомъ смыслѣ нѣтъ. Сверхъ того, какимъ образомъ славянское названіе „Юмна" могло войти исключительно въ употребленіе у Скандинавовъ, тогда какъ нѣмецкіе лѣтописцы продолжали писать коренное скандинавское Юлинъ (16). Покореніе Юлина Гаральдомъ Гильдетандомъ въ VII столѣтіи основано только на гипотезѣ Сума, которая въ свою очередь основана на прорѣхѣ въ исландской рукописи Sögubrot. Сумъ замѣнилъ по догадкамъ то, чего не доставало въ текстѣ, и Датчане явились ранними завоевателями вендскаго Поморья (17). Конечно предположенія Сума подтверждаются словами Саксона Грамматика о Токи и другихъ Славянахъ, участвовавшихъ въ Бравальской сѣчѣ, но извѣстно, какъ Саксонъ смѣшивалъ событія и переносилъ новыя отношенія въ глубокую древность (18). Извѣстіе о междоусобіяхъ Юлинскихъ въ концѣ VIII вѣка и о разореніи города шведскимъ конунгомъ Геродомъ и датскимъ Геммингомъ взято Веделемъ изъ Вандаліи Кранца, писателя, жившаго въ началѣ XVI вѣка, который не можетъ служить свидѣтелемъ для исторіи столь отдаленнаго отъ него времени и пустилъ въ ходъ, какъ увидимъ далѣе, не одну историческую басню. — Наконецъ переселеніе части жителей разрушеннаго Юлина въ Вольмерштетъ основано только на весьма шаткой этимологической догадкѣ, что Wolmerstaedt есть сокращенное Wollinerstaedt.

Остается сказать о томъ, что сдѣлали для рѣшенія спорнаго вопроса два новѣйшіе ученые: Бартольдъ и Гизебрехтъ. Мы постараемся изложить ихъ мнѣнія въ связи съ собственными разысканіями.

Острова, образуемые тремя истоками, которыми Одеръ входитъ въ Балтійское море, по удобствамъ своимъ для жизни должны были рано обратить на себя вниманіе поморскихъ Вендовъ. Одно изъ самыхъ выгодныхъ для поселенія мѣстъ представлялъ юго-восточный уголъ острова, лежащаго между Свиною и Дивеновымъ. На послѣднемъ рукавѣ Одера возникъ славянскій городъ. Съ одной стороны жители могли здѣсь пользоваться всѣми выгодами, какія доставляетъ близкое море, съ другой—мелкое и песчаное дно Дивенова (19) предохраняло ихъ отъ опасныхъ посѣщеній скандинавскихъ судовъ. Древнѣйшее имя города, время основанія котораго опредѣлить даже приблизительно невозможно, по совершенному отсутствію свидѣтельствъ, было Волинъ, то самое, которое онъ носитъ теперь. Откуда происходитъ оно? Отъ слова волъ, означая скотоводство, какъ промыслъ жителей (20), или отъ имени жившаго тутъ Вендскаго племени — трудно рѣшить. Лѣтописцу X вѣка Видукинду извѣстны были между Вендами „Slavi qui Vuloini dicuntur“ (21), быть можетъ, тожественные съ Вилинами (Wilini) Гельмольда (22). Г. Касторскій (23) полагаетъ, что „Волинъ“ могъ произойти отъ Волоса или Велеса, бога общаго всѣмъ славянскимъ племенамъ. Познанскій епископъ Богуфалъ (XIII вѣка) называетъ Волинъ Валмегомъ (24), но это имя, у него одного встрѣчаемое, едва ли не есть ошибка писца. Что Волинъ подъ перомъ лѣтописцевъ (urbaniores Гельмольда) могъ обратиться въ латинское Julinum, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для того, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіографіею среднихъ вѣковъ. Близкій Волгастъ, въ имени котораго звучитъ тотъ же корень, испыталъ и не такое превращеніе: изъ него вышла Julia Augusta. Wol и здѣсь перешло въ Jul. Вообще надобно замѣтить, что корень *вол* повторяется въ именахъ значительнаго числа урочищъ вендскихъ (25), не говоря уже о другихъ земляхъ славянскихъ. Педантизму лѣтописцевъ не удалось вытѣснить даже изъ письменнаго употребленія народнаго имени города, перекрещеннаго ими въ Юлинъ. Въ одной изъ первыхъ грамотъ, относящихся къ христіанскому періоду померанской исторіи, уже читаемъ „Волинъ“ и „Волгастъ“ въ ихъ собственной, чистой формѣ. Этою грамотою основалъ папа Инокентій II, въ 1140 году, Октября 14-го, Волинское епископство (26). Около ста лѣтъ спустя, Богуфалъ говорилъ о Юлинѣ, какъ о прежнемъ, болѣе неупотребительномъ названіи города — *Julin dicebatur*. Въ XIV вѣкѣ, славянское названіе получило перевѣсъ надъ латинскимъ даже въ литературѣ, чему служатъ доказательствомъ взятыя мною въ эпиграфъ къ этой главѣ слова Эрнста фонъ Кирхберга, который писалъ свою Мекленбургскую Хронику около 1378 года: „sy wart geheiszin Julyn,— nu nennet man sy Wollyn“. Избѣгая гипотезъ, не подкрѣпляемыхъ сильными доводами, мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о Юловомъ или Юліевомъ столбѣ. Очевидно, что это былъ кумиръ какого нибудь славянскаго божества. Но кто скажетъ какого именно? Гизебрехтъ (27), основываясь на весеннемъ праздникѣ, который ежегодно совершался въ Волинѣ, полагаетъ, что столбъ съ копьемъ былъ посвященъ Яровиту. Съ другой стороны можно замѣтить, что копье есть постоянная принадлежность Радегаста. Но все это не болѣе какъ догадки, которыя по свойству

источниковъ едва ли могутъ быть возведены въ степень положительныхъ заключеній.

Какъ бы ни рѣшался споръ о происхожденіи слова Волинъ, самый фактъ существованія основаннаго задолго до историческихъ свидѣтельствъ объ немъ славянскаго города, сообщившаго свое имя цѣлому острову, лежащему между Свиною и Дивеновымъ, не подлежитъ сомнѣнію. Въ X столѣтіи этотъ городъ былъ уже богатъ и велъ значительную торговлю, чему служатъ доказательствомъ арабскія монеты (диргемы), въ очень большомъ количествѣ находимыя на островѣ, котораго онъ былъ главнымъ пунктомъ. Нынѣ неоспоримо доказано, что между берегами Балтійскаго моря и могамеданскимъ Востокомъ происходила очень дѣятельная торговля чрезъ посредство Хазаръ, Болгаръ и Славянъ русскихъ (28). Эта торговля, которая шла до Скандинавіи, куда ее проводили Поморяне и преимущественно Волинцы, судя по сказаніямъ объ ихъ богатствѣ и предпріимчивости, остановилась уже въ первой четверти XI-го столѣтія. По крайней мѣрѣ, всѣ найденныя досель диргемы принадлежатъ только двумъ династіямъ: калифамъ Аббассидамъ и Саманидамъ Самаркандскимъ, и самыя новѣйшія изъ нихъ относятся къ первымъ десяти годамъ XI-го вѣка. А между тѣмъ извѣстенъ обычай могамеданскихъ государей перечеканивать, по вступленіи на престолъ, монеты своихъ предшественниковъ, отъ чего происходитъ и рѣдкость древнихъ арабскихъ денегъ. Основываясь на этихъ данныхъ, можно съ полною достовѣрностію предположить сильную для того времени торговую дѣятельность города Волина, предшествовавшую построенію Іомсбурга въ его окрестностяхъ и датскому владычеству надъ устьями Одера. Эти послѣднія событія внесли Волинъ въ бурное движеніе скандинавской исторіи, откуда онъ вынесъ новый характеръ, чуждое ему имя и странныя преданія, противъ которыхъ доселѣ борется наука. Слѣдующіе отдѣлы этого разсужденія содержатъ въ себѣ разсказъ о Іомсбургѣ, не надолго, но грозно сверкнувшемъ надъ вендскимъ Поморьемъ, и разборъ извѣстій, которыми исландскія Саги и фантазія померанскихъ историковъ исказили истинныя преданія о старинѣ волинской. Но возвратимся еще разъ къ Волину.

Около 1070 года, каноникъ Бременскій Адамъ написалъ исторію гамбургскихъ епископовъ, въ которой находятся драгоцѣнныя свѣдѣнія о землѣ вендской. Онъ разсказываетъ между прочимъ, что за Лютичами, которые иначе называются Вильцами, течетъ Одеръ, величайшая рѣка земли славянской, при устьѣ которой въ скиѳскія болота лежитъ благородный городъ Юмна (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: Юлинъ), знаменитое мѣсто сборища окрестныхъ варваровъ и Грековъ. Въ этомъ городѣ, о которомъ ходитъ великая, почти невѣроятная молва, какъ о самомъ большомъ изъ всѣхъ городовъ Европы, живутъ Славяне и другія племена, греческія и варварскія. Даже выходцамъ саксонскимъ дано право жительства тамъ, съ условіемъ не обнаруживать христіанскихъ вѣрованій. Всѣ жители погружены въ язычество; впрочемъ нѣтъ племени болѣе честнаго, кроткаго и гостепріимнаго. Этотъ городъ богатъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, и нѣтъ ничего рѣдкаго или пріятнаго, чего бы тамъ не было. Тамъ находится olla Vulcani, которую жители

называютъ греческимъ огнемъ и о которой упоминаетъ Солинъ. Тамъ является также тройственнаго свойства Нептунъ, ибо островъ омывается тремя морями, изъ которыхъ одно, говорятъ, совсѣмъ зеленое, другое бѣловато, третье свирѣпствуетъ въ безпрерывныхъ буряхъ и страшно волнуется. Изъ Юмны (или Юлина) гребныя суда ходятъ въ короткое время въ Демминъ, суда на парусахъ въ прусскую Земландію; также на западъ въ Шлезвигъ и Алденбургъ, а въ противоположномъ направленіи они доходили въ 14 (43) дней отъ Юмны до Острогарда въ Россіи. Сухимъ путемъ можно въ 8 дней достигнуть до Гамбурга или до Эльбы (29). Это важное свидѣтельство перешло съ бо̀льшими или меньшими искаженіями въ другіе историческіе памятники и подало поводъ къ безчисленному множеству толкованій и выводовъ. Мы разберемъ его подробнѣе. Главные вопросы, возникающіе изъ словъ Адама, суть слѣдующіе: 1) гдѣ находился знаменитый городъ Юмна, величайшій въ цѣлой Европѣ, о которомъ не упоминаетъ однако ни одинъ изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ до бременскаго каноника? 2) кого онъ называетъ Греками? 3) что̀ такое olla Vulcani, тройственнаго свойства Нептунъ и т. д.

1. Гизебрехтъ, которому, кромѣ исторіи Вендовъ, мы обязаны очень дѣльными изслѣдованіями о географическихъ извѣстіяхъ Адама Бременскаго (30), полагаетъ, что Юмна лежала у устья рѣки Свины, и что, слѣдовательно, Юмна и Волинъ—два разные города (31). Онъ опирается на слѣдующіе доводы: торговля и судоходство Юмны предполагаютъ удобную гавань, которой существованіе на Дивеновѣ близь Волина невозможно по мелководію, между тѣмъ какъ устье Свины совершенно соотвѣтствуетъ такому назначенію (32). Св. Оттонъ посѣтилъ Юлинъ въ 1124 году, а Юмна, по свидѣтельству Гельмольда, была разрушена Датчанами до, или по крайней мѣрѣ, около 1120 (33). Наконецъ Саксонъ и нѣкоторые другіе лѣтописцы смѣшали, по незнанію, Юмну съ менѣе значительнымъ Волиномъ и подали примѣръ неосновательнымъ толкамъ позднѣйшихъ историковъ (34). Такія предположенія рѣшительно противорѣчатъ указаніямъ источниковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ неоспоримое тожество городовъ Волина и Юмны. Что русло Дивенова было песчано и мелководно, преимущественно близь моря, это намъ извѣстно; но извѣстны также и выгоды, которыя сопряжены были съ положеніемъ Волина на этомъ рукавѣ Одера. Эти выгоды исчислены выше. Съ другой стороны, море было такъ близко, что доставка товаровъ съ судовъ была весьма незатруднительна. Отъ устья Свины до города Волина не болѣе трехъ нѣмецкихъ миль. Впрочемъ выгрузка товаровъ могла совершаться и въ другомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что торговля Волина имѣла только относительную важность, и вовсе не предполагаетъ необходимымъ условіемъ близость большой гавани. Болѣе значительные торговые города Средняго вѣка, Гамбургъ, Любекъ — лежатъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своихъ гаваней. Гребныя суда могли ходить и по Дивенову (35). Свидѣтельство Гельмольда очень подозрительно. Весь разсказъ этого лѣтописца о Юмнетѣ-Юмнѣ (Винетѣ) цѣликомъ взятъ изъ Адама; вставлено только одно мѣсто, на которое ссылается Гизебрехтъ. Доказательства предъ глазами:

Adam (c. 66). In cujus ostio, qua scythicas alluit paludes, nobilissima civitas Jumne (al. Julinum) celeberrimam Barbaris et Graecis, qui in circuitu, praestat stationem. De cujus praeconio urbis, quia magna quaedam et vix credibilia recitantur, volupe arbitror pauca inserere digna relatu.

Helmold (1. 2). In cujus ostio, qua Balticum alluit pelagus (въ предыдущей главѣ Гельмольдъ говоритъ о Балтійскомъ морѣ: idemque mare barbarum, seu pelagus *scythicum)* quondam fuit nobilissima civitas Vinneta (правильнѣе Jumneta), praestans celeberrimam stationem Barbaris et Graecis, qui sunt in circuitu. De cujus praeconio urbis, quia magna quaedam et vix credibilia recitantur, libet aliqua commemorare digna relatu.

Ad. ibid. Est sane maxima omnium, quas Europa claudit, civitatum, quam incolunt Slavi cum aliis gentibus Graecis et Barbaris. Nam et advenae Saxones parem cohabitandi legem acceperunt, si tamen Christianitatis titulum ibi morantes non publicaverint. Omnes enim adhuc paganicis ritibus oberrant, caeterum moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior poterit inveniri.

Helm. I. c. *Fuit* sane maxima omnium, quas Europa claudit civitatum, quam *incolunt* (безсмыслица: fuit... quam incolunt) Slavi cum aliis gentibus permixtis, Graecis et Barbaris. Nam et advenae Saxones parem cohabitandi licentiam acceperunt, si tantum Christianitatis titulum ibi commorantes non publicassent. Omnes enim *usque ad excidium ejusdem urbis* paganicis ritibus oberrarunt. Caeterum moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri.

Ad. l. c. Urbs illa, mercibus omnium septemtrionalium nationum locuples, nihil non habet jucundi aut rari. Ibi est olla Vulcani, quod incolae Graecum vocant ignem, de quo etiam meminit Solinus.

Helm. I. c. Civitas illa, mercibus omnium nationum locuples, nihil non habuit jucundi aut rari. Извѣстіе объ olla Vulcani Гельмольдъ выпустилъ. Онъ или не понялъ этого мѣста, или, что̀ вѣроятнѣе, не нашелъ его въ бывшей у него рукописи. За то онъ вставилъ нѣсколько строкъ недостающихъ у Адама: Hanc civitatem opulentissimam, quidam Danorum rex maxima classe stipatus *funditus evertisse refertur*. Præsto sunt adhuc antiquæ illius civitatis monumenta.

Adam. I. c. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturæ: tribus enim fretis alluitur illa insula, quorum unum viridissimæ ajunt speciei; alterum subalbidæ. Tertius vero motu furibundo perpetuis sævit tempestatibus.

Helm. I. c. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturæ. Tribus enim fretis alluitur illa insula, quorum ajunt unum viridissimæ esse speciei, alterum subalbidæ. Tertius motu furibundo perpetuis sævit tempestatibus (36).

Изъ нѣсколькихъ строкъ, прибавленныхъ Гельмольдомъ къ разсказу Адама, рѣшительно невозможно вывести никакого заключенія. *Quidam rex Danorum, refertur*, наконецъ совершенное отсутствіе хронологическаго опредѣленія даютъ полное право предположить, что Бозовскій лѣтописецъ основалъ это извѣстіе на какихъ нибудь неясно дошедшихъ до него слухахъ о войнахъ Датчанъ съ Волиномъ. Развалинъ „antiquæ illius civitatis" онъ,

разумѣется, не видалъ, а говоритъ объ нихъ также по наслышкѣ, что̀ ясно слѣдуетъ изъ предыдущаго. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ часто повторялись датскія нападенія на Волинъ; Гельмольдъ, вѣроятно, разумѣетъ походъ короля Нильса (Николая), который дѣйствительно ходилъ войною на Поморье и взялъ около 1120 года Волинъ. Но ни датская исторія Саксона Грамматика, ни Книтлинга-сага не говорятъ о разореніи имъ этого города, хотя сообщаютъ другія, менѣе важныя подробности похода. Умолчать же о такомъ событіи они рѣшительно не могли, особливо Саксонъ, который вскорѣ потомъ опять упоминаетъ о Волинѣ, но на этотъ разъ уже не смѣшивая его, по мнѣнію автора Вендской исторіи, съ Юмною (37). Толкованіе совершенно самовольное! Слова лѣтописца: „inde (Nicolaus rex) Julinum navigans Bogislavum (польскій Болеславъ) magna manu instructum obvium habuit. Cujus copiis auctus celerem oppidi expugnationem peregit“ (38), вовсе не даютъ права предположить совершенное разореніе Юмны-Волина. А что часть города сгорѣла или была разрушена при этомъ случаѣ, это видно изъ разсказовъ Саксона о войнахъ съ Вендами Вальдемара I. Около 50 лѣтъ послѣ Нильсова нашествія, Вальдемаръ разрушилъ дѣйствительно вновь обстроенный Волинъ. Julinique vacuas defensoribus ædes incendio adortus *rehabitatæ urbis novitatem iterata penatium strage* consumpsit (39). Большая часть жителей удалилась тогда въ Каминъ, куда перенесено было также мѣстопребываніе епископа земли Померанской. Слава и значеніе Волина минули невозвратно; онъ сошелъ на ту степень, которую занимаетъ доселѣ. Напечатанныя курсивомъ слова намекаютъ очевидно на происшествія Нильсова похода, потому что въ промежуткѣ 1120 — 1176 Волинъ не былъ ни разу взятъ врагами, хотя суда Вальдемара съ крайнею для себя опасностью заходили изъ Свины въ Дивеновъ еще въ 1169 году (40). Слѣдовательно догадка Гизебрехта, что Саксонъ въ первыхъ книгахъ датской исторіи подъ именемъ Юлина разумѣетъ Юмну Адама Бременскаго, а въ 14-й говоритъ о настоящемъ Волинѣ, оказывается неосновательною. Въ томъ, что въ жизнеописаніяхъ Св. Оттона не упоминается о Юмнѣ, нѣтъ ничего удивительнаго: составители этихъ памятниковъ употребляютъ вездѣ латинизированное ими славянское имя города, котораго скандинавское названіе могло имъ даже быть неизвѣстно. Молчаніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи пояснить для насъ загадочныя извѣстія Гельмольда, который, вообще, можетъ служить неопровержимымъ источникомъ только относительно Рюгена и тѣхъ частей земли Вендской, которыхъ коснулись походы Генриха Льва. О прочихъ онъ или повторяетъ то, что̀ прежде его говорилъ Адамъ Бременскій, или разсказываетъ по дошедшимъ до него болѣе или менѣе вѣрнымъ слухамъ. Намъ остается теперь разсмотрѣть, въ какой степени справедливо утвержденіе Гизебрехта, что лѣтописцы смѣшивали, по незнанію, Волинъ съ Юмною, принимая два города за одинъ.

Главныя извѣстія о Юмнѣ находятся у Адама Бременскаго, лѣтописца правдиваго, но невольно запутавшаго занимающій насъ вопросъ. Въ существующихъ изданіяхъ его исторіи имена Юлинъ и Юмна встрѣчаются равно, но относятся оба къ одному и тому же городу. Гизебрехтъ, предполагая

порчу текста, читаетъ вездѣ Юмна. Гораздо правдоподобнѣе, что Адамъ употреблялъ безразлично оба названія, изъ которыхъ одно дошло къ нему черезъ Саксовъ и видѣнныхъ имъ Славянъ, другое слышано имъ изъ устъ датскаго короля Свейна Астридзона (41), которому Бременскій каноникъ обязанъ своими свѣдѣніями о Скандинавіи и, вѣроятно, о тѣхъ частяхъ Поморья, гдѣ лежала Юмна. Сличеніе уцѣлѣвшихъ рукописей для новаго изданія, которое войдетъ въ составъ Перцовыхъ „Monumenta" и поручено Лаппенбергу, не можетъ доказать противнаго, потому что всѣ эти рукописи, сколько извѣстно, не старѣе XIII вѣка. Въ одномъ изъ списковъ, которыми пользовался Лангебекъ, постоянно употребляется „Юмне" (42). Быть можетъ, есть другіе такіе же, но эти списки, сдѣланные на скандинавскомъ полуостровѣ, не могутъ служить основою для возстановленія подлиннаго текста. Скандинавскіе переписчики, естественнымъ образомъ, вставляли вездѣ для однообразія имя, подъ которымъ Волинъ долго былъ извѣстенъ въ ихъ отечествѣ, между тѣмъ какъ въ нѣмецкихъ спискахъ стольже часто встрѣчается славянское, болѣе знакомое Саксамъ, названіе. Во всякомъ случаѣ не трудно доказать, что Адамъ разумѣлъ подъ Юмною тотъ же городъ, который у Саксона Грамматика называется Julinum, у Свейна Аказона Hynnisburg, въ исландскихъ сагахъ Jomsborg. Источники, изъ которыхъ черпалъ Адамъ, намъ почти всѣ извѣстны. Событія вендо - скандинавской исторіи переданы имъ большею частію со словъ Свейна Астридзона, правнука Гаральда Блаатанда. Смерть послѣдняго разсказана слѣдующимъ образомъ: разбитый сыномъ Гаральдъ „vulneratus ex acie fugiens, ascensa navi elapsus est ad civitatem Slavorum quae Jumne (al. Julinum) dicitur" (43). Саксонъ, около 130 лѣтъ позже описывая, по народнымъ преданіямъ, туже самую борьбу, говоритъ о побѣжденномъ Гаральдѣ: „saucius a suis Julinum relatus, celerem vitae exitum habuit" (44). Но по исландскимъ преданіямъ Гаральдъ умеръ отъ раны своей въ Іомсбургѣ (45), а Іомсбургъ у Саксона вездѣ называется Юлиномъ. Что Hynnisburg Свейна Аказона есть не что иное, какъ искаженная форма Іомсбурга, въ этомъ согласны всѣ, не исключая Гизебрехта. Между тѣмъ разсказъ о Іомсбургѣ Свейна, современника Вальдемара и, подобно Саксону, писавшаго по порученію епископа Авессалона, оканчивается извѣстіемъ, что этотъ городъ былъ разрушенъ въ его время (46). Наконецъ Книтлинга-сага, памятникъ, возникшій во второй половинѣ XIII столѣтія, называетъ прямо Іомсбургомъ городъ Волинъ на Дивеновѣ (47). Всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ противорѣчитъ Гизебрехтъ, утверждая, что Саксона и Свейна ввелъ въ заблужденіе Лундскій архіепископъ Авессалонъ, герой вендской войны, съ разсказовъ котораго они писали (48). Книтлинга-сага только повторила укоренившуюся историческую ложь (49). Но дѣдъ Авессалона, Скіальмъ Бѣлый, дѣятельно участвовалъ въ нападеніяхъ на Юмну Эриха Эйегода (50), и образованный, умный внукъ его не могъ впасть въ грубую ошибку, которую ему приписываютъ, потому что земля вендская ему была хорошо знакома изъ семейныхъ преданій и собственныхъ походовъ. Въ свидѣтельствахъ лѣтописцевъ есть конечно ошибка, но вовсе не та, въ какой ихъ обвиняетъ Гизебрехтъ. Они смѣшали не два

различные города, а славянскій городъ и близкую отъ него норманскую крѣпость, которыхъ судьба была впрочемъ такъ тѣсно связана, что смѣшеніе именъ понятно и извинительно. Этотъ вопросъ былъ почти рѣшенъ Бартольдомъ (51) еще до появленія „Вендской Исторіи". Адамъ, руководствуясь сѣверными сказаніями, назвалъ городъ именемъ памятной грозою своихъ подвиговъ скандинавской колоніи, которой слѣды и вліяніе уцѣлѣли въ Волинѣ. Саксонъ поступилъ на обороть: онъ перенесъ названіе славнаго въ его время торговаго и разбойничьяго города на крѣпость, уже давно разрушенную. Оба были правы предъ современнымъ употребленіемъ слова. Названіе Іомъ (52) или Юмъ (отсюда Юмна), возникшее и прошедшее вмѣстѣ съ датскимъ владычествомъ на Поморьѣ, равно относилось къ цѣлому острову и къ главному его мѣсту, также какъ славянское „Волинъ". Имя крѣпости объясняется положеніемъ: Ioms-borg. Гиперболическія слова „maxima omnium quas Europa claudit civitatum" не должны возбуждать недовѣрчивости читателей къ Бременскому лѣтописцу. Въ этомъ отношеніи честь его нашла усерднаго и счастливаго заступника въ Гизебрехтѣ (53), который указываетъ на другихъ писателей Средняго вѣка, принимавшихъ Европу въ другомъ смыслѣ, нежели мы. Они, по примѣру Географа Равенскаго, понимали подъ Европою міръ языческій въ противоположность міру христіанскому (54).

2. Вопросъ о Грекахъ, жившихъ въ Волинѣ, рѣшаетъ самъ лѣтописецъ въ слѣдующей же главѣ, называя Кіевъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Греціи. Его Греки суть русскіе Славяне, принадлежащіе къ греческой церкви.

3. Темныя выраженія „ibi est olla Vulcani quod incolae Graecum vocant ignem, de quo etiam meminit Solinus" вызвали множество толкованій, въ томъ числѣ нѣсколько отдѣльныхъ разсужденій, болѣе запутавшихъ, чѣмъ уяснившихъ дѣло, потому именно, что они придали ему слишкомъ много важности. Гизебрехтъ между прочимъ выставилъ двѣ, одна другой противорѣчащія гипотезы. Въ особливомъ изслѣдованіи „о Вулкановомъ горшкѣ въ Юлинѣ" (55) онъ доказывалъ, что въ основаніи всего спора лежитъ простая ошибка Адама, который, припоминая слышанное имъ отъ Свейна Астридзона объ Исландіи, смѣшалъ этотъ островъ съ Волиномъ, ему также мало знакомымъ. Поэтому говоря объ Исландіи, онъ не упоминаетъ о тамошнихъ вулканахъ, которые перенесены имъ на вендскій берегъ. Подъ словами olla Vulcani, которыя въ нѣкоторыхъ памятникахъ средняго времени означаютъ чистилище, разумѣетъ Адамъ Геклу или другую огнедышащую гору. Гораздо правдоподобнѣе изложенное авторомъ „Вендской Исторіи" второе предположеніе (56), по которому текстъ Адама испорченъ невѣжественными писцами. Они вставили въ него примѣчанія древняго, почти современнаго лѣтописцу схоліаста и самовольно измѣнили порядокъ, въ какомъ одно извѣстіе слѣдовало за другимъ. Такимъ образомъ описаніе исландскихъ примѣчательностей очутилось въ главѣ о Юмнѣ. Сюда же принадлежитъ и triplicis naturae Neptunus. За вѣрность этой догадки мы не ручаемся, но она возможна, хотя съ другой стороны olla vulcani, быть можетъ, не что иное, какъ риторическая фигура, которой простой смыслъ для насъ потерянъ. Полиги-

сторъ Солинъ, на котораго ссылается Адамъ, не говоритъ, разумѣется, ни объ olla vulcani, ни о греческомъ огнѣ, изобрѣтеніи позднѣйшаго времени, но онъ описываетъ въ 5 и 6 главахъ своей компиляціи особенности Сициліи и вулканическихъ острововъ вообще.

Остановимся на этой точкѣ. Положительный выводъ изъ предыдущаго изслѣдованія заключается, слѣдовательно, въ не подлежащемъ сомнѣнію существованіи вендскаго города Волина на Дивеновѣ, котораго жители вели значительную по времени торговлю. Въ X столѣтіи, переворотъ, совершавшійся на Скандинавскомъ полуостровѣ, обнаружилъ вліяніе и на вендское Поморье. Сынъ стараго Горма, Гаральдъ Блаатандъ „armis Slavia potitus apud Julinum, nobilissimum illius provinciae oppidum, competentia militum praesidia collocavit (57)“. Таково было начало Іомсбурга.

II. ІОМСБУРГЪ.

> **Каждое лѣто ходили они на разныя земли и собрали много славы.**
>
> *Іомсбургская Сага, гл. 8.*

Когда именно Гаральдъ Блаатандъ построилъ у устьевъ Свины крѣпость, которой исторія составляетъ содержаніе этого отдѣла моихъ изслѣдованій, сказать трудно. Гизебрехтъ полагаетъ, на основаніи довольно вѣрныхъ соображеній, начало Іомсбурга въ промежуткѣ 935—966 годовъ (58). Оставляя въ сторонѣ хронологическій вопросъ, котораго удачное рѣшеніе, предположивъ его возможность, едвали вознаградитъ за трудное изслѣдованіе, приступаю къ самой исторіи Іомсбурга. Источники этой исторіи двоякіе: съ одной стороны разсказы Саксона, писавшаго съ изустныхъ преданій, сохранившихся въ южныхъ областяхъ Даніи, съ другой—исландскія саги, въ основаніи которыхъ лежатъ свидѣтельства, принесенныя на далекій островъ современниками Іомсбургской славы. Слова Саксона часто противорѣчатъ Іомсбургской сагѣ. У него есть многое, чего нѣтъ въ послѣдней, и на оборотъ. Причины такого разногласія раскрыты Гизебрехтомъ съ большимъ остроуміемъ и знаніемъ дѣла. Это едвали не лучшая часть его сочиненія. Онъ прослѣдилъ все движеніе саги отъ первыхъ извѣстій, принесенныхъ въ Исландію скальдами ярла Гаральда и Іомсвикингомъ Біорномъ, до послѣдней письменной редакціи въ XIII столѣтіи (59). Благодаря его трудамъ, у насъ есть Аріаднина нить, и мы съ меньшею противъ прежняго опасностію пускаемся нынѣ въ лабиринтъ мутныхъ, одно другому противорѣчащихъ извѣстій. Строго разобранная, очищенная отъ чуждыхъ ей примѣсей Іомсбургская сага, въ смыслѣ частнаго источника, конечно утратила много изъ прежняго своего значенія. Но въ цѣлой исландской литературѣ найдется не много памятниковъ, въ которыхъ общій бытъ скандинавскаго викингства переданъ съ такою вѣр-

ностію и силою. Я буду говорить собственными словами саги тамъ, гдѣ ея показанія оправданы критикою и свидѣтельствами другихъ болѣе сухихъ, но положительныхъ источниковъ.

По всей вѣроятности, первый славный вождь Іомсбургскихъ викинговъ былъ Сигвальди, съ острова Зеландіи (60). Его посадилъ на это мѣсто, сколько извѣстно, не Гаральдъ, занятый датскими смутами. Эти смуты доставили Іомсбургу почти полную независимость отъ роднаго края. Самые крѣпкіе приверженцы старины языческой, на которую поднялъ руку датскій конунгъ, собрались около Сигвальда: его родной братъ Торкель, Буй и Сигурдъ, сыны ярла Борнгольмскаго, Вагнъ, сынъ ярла Фюненскаго. Сага приписываетъ имъ много чудныхъ дѣлъ, но извѣстія ея мутны. Изъ нихъ видно только, что Іомсвикинги держали въ покорности островъ Волинъ или землю Іомъ, что они грабили остальное Поморье, нерѣдко подымали оружіе на собственную родину, въ судьбахъ которой не переставали принимать участіе, и вели дружбу съ вендскимъ царемъ Буриславомъ (61). Сигвальди былъ женатъ на дочери Бурислава Астридѣ. Около 980 года умеръ отецъ Сигвальди— Струтгаральдъ, ярлъ Зеландскій. Сыновья его отпраздновали его тризну по скандинавскому обычаю. Они привели съ собою 170 судовъ къ Зеландіи и пригласили къ торжеству Гаральда. Конунгъ явился. У него были хитрые замыслы. Онъ хотѣлъ употребить отвагу и силу Іомсвикинговъ въ пользу собственнаго дѣла. Сага ошибочно упоминаетъ здѣсь о Свейнѣ, смѣшивая его, на перекоръ хронологіи, съ отцемъ его Гаральдомъ, но разсказъ ея прекрасенъ простотою. Я постараюсь передать его съ возможною точностію, замѣняя только имя Свейна именемъ его отца.

„Конунгъ Гаральдъ велѣлъ на первый вечеръ подать Іомсбургскимъ викингамъ самаго крѣпкаго питья, и они пили черезъ мѣру много. Конунгъ Гаральдъ замѣтилъ, что они упились смертельно и стали очень многорѣчивы. Тогда обратился къ нимъ конунгъ съ такими словами: здѣсь становится скучно. Хорошо было бы выдумать, для увеселенія мужей, такую забаву, о которой долго помнили-бы люди. — Сигвальди отвѣчалъ: намъ кажется, что всего пристойнѣе и лучше начать тебѣ. Мы отъ тебя не отстанемъ.— Конунгъ сказалъ: я знаю, что есть у мужей обычай давать при такихъ пиршествахъ обѣты себѣ во славу; вы прославились во всѣхъ странахъ, и обѣты ваши должны быть также знамениты. Я подамъ примѣръ. Я клянусь, что до начала третьей зимы выгоню Этельреда (?), короля англійскаго, изъ его царства, или убью его и овладѣю его землями. Теперь твоя очередь, Сигвальди. Обѣщай не менѣе. Тотъ отвѣчалъ, что такъ и поступитъ. Я клянусь, молвилъ онъ, что до начала третьей зимы я приведу въ Норвегію всю силу, какую могу собрать, и выгоню Гакона ярла изъ земли его, или убью его, или самъ лягу.—Конунгъ сказалъ: ты началъ хорошо, и хорошъ обѣтъ твой. Да поможетъ тебѣ счастіе свершить обѣщанное! Тебѣ говорить теперь, Торкель Высокій. Тебѣ приличны смѣлые замыслы. — Торкель молвилъ: я далъ себѣ слово идти за братомъ моимъ Сигвальди и не обращаться вспять, доколѣ не увижу въ тылъ корабля его. — Смѣла была рѣчь твоя, и смѣло исполнишь ты сказанное. Ну, Буй Толстый, за тобою очередь. Обѣтъ

твой долженъ быть замѣтенъ. — Я клянусь помогать Сигвальди въ походѣ его, на сколько у меня есть отваги, и не отставать отъ него, доколѣ на это не будетъ его воли. — Я зналъ напередъ, сказалъ конунгъ, что ты хорошее молвишь намъ. За братомъ слѣдуетъ говорить тебѣ, Сигурдъ Капие. — Рѣчь моя коротка, отвѣчалъ Сигурдъ: я пойду за братомъ и не обращусь назадъ, пока братъ будетъ стоять на мѣстѣ, или пока онъ не ляжетъ мертвый. — Этого надобно было ждать отъ тебя, сказалъ конунгъ; за тобою дѣло теперь, Вагнъ. Любопытно намъ услышать обѣтъ твой. Вы сильные бойцы, друзья. — Вагнъ сказалъ: клянусь слѣдовать за Сигвальди и другомъ моимъ Буемъ въ походѣ ихъ и не отступать, пока не захочетъ того Буй, если онъ останется въ живыхъ. Кромѣ того есть у меня другой обѣтъ: если я буду въ землѣ норвежской, то убью Торкеля Лейру и лягу на ложе дочери его Ингеборги, не въ обиду друзьямъ ея. Біорнъ Британецъ былъ съ Вагномъ. Конунгъ спросилъ: каковъ будетъ твой обѣтъ, Біорнъ? Этотъ отвѣчалъ, что онъ послѣдуетъ за воспитанникомъ своимъ Вагномъ, на сколько у него достанетъ отваги! — Бесѣда кончилась (62). На другое утро Сигвальди, проснувшись, узналъ отъ жены своей Астриды о томъ, что̀ было наканунѣ. Хмѣль его прошелъ, но отступить отъ обѣщанія было невозможно. По совѣту жены, Сигвальди поступилъ слѣдующимъ образомъ при свиданіи съ Гаральдомъ. Конунгъ спросилъ Сигвальди, помнитъ-ли онъ объ обѣтѣ своемъ. Сигвальди отвѣчалъ, что не помнитъ. Тогда конунгъ повторилъ ему, сказанное наканунѣ. Сигвальди молвилъ: пьяный человѣкъ не то что̀ трезвый. Что дашь ты за исполненіе обѣщаннаго? Конунгъ сказалъ, что онъ намѣренъ дать двадцать кораблей, когда Сигвальди будетъ готовъ къ походу. Сигвальди замѣтилъ: прибавка хорошая для мужика, для конунга этого мало. — Гаральдъ наморщилъ немного брови и спросилъ: сколько кораблей нужно тебѣ? — Сигвальди сказалъ ему: шестьдесятъ большихъ судовъ — ни много, ни мало. Мой собственный участокъ будетъ не менѣе твоего, если-бы у меня было даже менѣе судовъ; потому что не всѣмъ суждено вернуться назадъ. — Конунгъ отвѣчалъ: суда будутъ готовы, когда ты будешь готовъ. — Это хорошая прибавка, сказалъ Сигвальди. Исполни слово твое, потому что я пускаюсь въ путь тотчасъ по концѣ пира. — Конунгъ задумался и молвилъ: я исполню какъ можно скорѣе, но я не думалъ, чтобы ты такъ скоро собрался! — Астрида, жена Сигвальди, сказала тогда: нѣтъ надежды, чтобы вы побѣдили ярла Гакона, если онъ узнаетъ заранѣе о вашемъ приходѣ и вы не въ расплохъ на него нападете. — Они стали готовиться къ отплытію еще во время пира. Това, дочь ярла Гаральда, сказала мужу своему Сигурду: прошу тебя помогать всѣми силами брату твоему Бую, потому что онъ оказалъ мнѣ много добра, и я, хотя малымъ, хочу отплатить ему. Вотъ два человѣка, которыхъ я даю тебѣ, Буй: одного зовутъ Гавардомъ, другаго Аслакомъ. — Буй взялъ этихъ людей и благодарилъ Тову. Аслака онъ тотчасъ отдалъ другу своему Вагну. Такъ кончился пиръ, и Іомсвикинги отправились не медля въ путь. У нихъ было сто большихъ судовъ" (63).

Но имъ не удалось застать въ расплохъ ярла Гакона. Увѣдомленный о

прибытіи страшныхъ гостей, онъ собралъ около трехсотъ судовъ и разставилъ ихъ въ выгодномъ порядкѣ для боя въ небольшомъ заливѣ, который образуетъ море у утесовъ Гіорунгскихъ. Сюда заманилъ ярлъ неосторожныхъ враговъ. Между ними началась сѣча, одна изъ самыхъ ужасныхъ и самыхъ знаменитыхъ въ преданіяхъ скандинавскихъ. Четыре исландскіе скальда бились за Гакона въ битвѣ и пѣли дѣла его. Одинъ изъ нихъ, Эйнаръ, хотѣлъ перейти къ Іомсвикингамъ, жалуясь на скупость норвежскаго владыки, но ярлъ удержалъ его даромъ великолѣпной серебряной чаши. Не смотря на перевѣсъ числа, на выгоду положенія своего, Норвежцы должны были уступить дикой отвагѣ противниковъ и подались назадъ. Тогда ярлъ Гаконъ сошелъ на землю, удалился въ лѣсъ и принесъ въ жертву богинѣ Торгердѣ лучшее сокровище свое, самое драгоцѣнное изъ всего, чѣмъ обладалъ онъ— семилѣтняго сына своего Эрлунга. Его кровью купилъ онъ побѣду. Поднялась страшная буря. Градъ билъ въ лице Іомсвикингамъ, вѣтеръ относилъ назадъ пущенныя ими стрѣлы. Сигвальди сказалъ тогда, что онъ обѣщалъ биться съ людьми, а не съ духами, и обратилъ корабль свой назадъ. Вагнъ послалъ ему въ слѣдъ копье свое и оскорбительную пѣснь.

„Сигвальди привелъ насъ подъ удары,
а самъ бѣжалъ малодушно. Онъ
торопится въ домъ свой; онъ спѣшитъ
пасть на грудь жены своей".

Примѣру Сигвальди послѣдовали Торкель Высокій и Сигурдъ Каппе, по смерти брата. Сильный ударъ меча отсѣкъ у Буя верхнюю губу и весь подбородокъ. Онъ молвилъ: не сладко будетъ теперь цѣловать меня дѣвамъ Борнгольмскимъ, схватилъ остатками обрубленныхъ рукъ ларецъ съ золотомъ своимъ и бросился съ нимъ въ море. Вагнъ съ семьюдесятью товарищей были взяты въ плѣнъ (64). Они подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Ярлъ хотѣлъ всѣхъ ихъ предать смерти. Вотъ какъ разсказываетъ объ нихъ сага. Узники были всѣ связаны одной большой веревкой. Торкель Лейра былъ избранъ исполнителемъ казни. „Сначала къ нему подвели трехъ человѣкъ; они были тяжело ранены, но къ нимъ были приставлены воины для стражи и для вплетенія имъ вѣнковъ въ волосы. Торкель Лейра подошелъ къ нимъ, отрубилъ имъ головы и спросилъ у бывшихъ при этомъ: не находите ли вы во мнѣ какой нибудь перемѣны послѣ этой работы? Говорятъ, что это бываетъ со всякимъ, кто убьетъ трехъ человѣкъ. — Ярлъ Эйрихъ (сынъ Гакона) сказалъ: мы не видимъ глазами перемѣны въ тебѣ, но намъ кажется однако, что ты много измѣнился.—Тогда подвели четвертаго человѣка отъ веревки и вплели ему вѣнокъ въ волосы. Онъ былъ крѣпко израненъ. Торкель спросилъ: каково тебѣ умирать?—Смерть вещь хорошая. Со мною должно случиться то, что̀ случилось съ отцемъ моимъ.—Торкель спросилъ: что̀ съ нимъ случилось?—Руби. Онъ умеръ.—Торкель срубилъ ему голову. Подвели пятаго и Торкель повторилъ вопросъ: каково ему умирать? Тотъ отвѣчалъ: я забылъ бы о законахъ Іомсбургскихъ викинговъ, если бы испугался смерти и молвилъ робкое слово. Умереть долженъ каждый.—

Торкель зарубилъ его до смерти. Потомъ Норвежцы рѣшили испытывать всѣхъ узниковъ вопросами. Имъ хотѣлось искусить ихъ отвагу — такъ ли они смѣлы, какъ говорила молва объ нихъ, не вымолвятъ ли робкаго слова предъ смертію. Привели шестаго плѣнника и вѣнчали его. Торкель говорилъ ему тоже, что прежнимъ. Онъ отвѣчалъ: я радъ честной смерти. А ты, Торкель, будешь жить съ позоромъ.—Торкель убилъ его. Тогда подошелъ седьмой и услышалъ обычный вопросъ. „Умирать мнѣ весело. Руби только скорѣе. Я держу ножъ въ рукахъ, потому что мы часто толковали съ товарищами, Iомсвикингами, о томъ, помнитъ ли и знаетъ ли что нибудь человѣкъ, когда у него только что срублена голова. Это будетъ знакомъ: я подыму ножъ къ верху, если у меня останется память, иначе онъ упадетъ на землю. — Торкель Лейра ударилъ въ него, голова отлетѣла прочь, но ножъ упалъ на землю. Привели восьмаго плѣнника, и Торкель спросилъ у него тоже, что у другихъ. Онъ отвѣчалъ, что смерть не противна ему, а когда мечъ поднялся надъ нимъ, онъ сказалъ еще: баранъ! Торкель остановилъ ударъ и спросилъ, какъ это слово пришло ему на языкъ.—Отвѣтъ былъ: я не изъ числа тѣхъ овечекъ, которыхъ вы, люди ярла, призывали вчера, когда мы рубили васъ.—Жалкій! молвилъ Торкель и опустилъ ударъ. Развязали девятаго. Онъ отвѣчалъ на обычный вопросъ: смерть отрадна мнѣ, также какъ товарищамъ моимъ; но я не хочу умирать какъ овца; я сяду передъ тобою, а ты руби меня прямо въ лице, да замѣчай, вздрогну ли я. Мы объ этомъ часто толковали.—Такъ и было сдѣлано. Онъ сѣлъ напротивъ Торкеля, который подошелъ и ударилъ прямо въ лице. Но онъ не вздрогнулъ, только глаза закрылись, когда смерть сошла на него. Потомъ подвели молодаго человѣка: у него были густые, какъ шелкъ золотистые волосы. Торкель обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ своимъ. Онъ отвѣчалъ: жизнь моя была очень хороша до сихъ поръ, но вчера и нынче умерли такіе люди, что мнѣ уже, кажется, не изъ чего жить. Я хочу только, чтобы меня вели на смерть не рабы, а воинъ не хуже тебя.—Я думаю, что такіе не рѣдки;—пусть онъ мнѣ нагнетъ голову и держитъ волосы къ верху, чтобы они не намокли въ крови. Подошелъ норвежскій воинъ, схватилъ волосы и обмоталъ ихъ около рукъ своихъ; когда Торкель занесъ мечъ, онъ нагнулъ голову узнику, но ударъ попалъ въ того, кто держалъ, и отсѣкъ ему обѣ руки у самыхъ локтей. Викингъ вскочилъ и спросилъ: чьи руки въ волосахъ моихъ?—Ярлъ Гаконъ сказалъ: намъ приключилось большое горе. Убей скорѣй этого и потомъ другихъ, которые близко стоятъ. Это люди опасные, и отъ нихъ не всегда можно остеречься. Ярлъ Эйрихъ молвилъ: надобно прежде узнать, кто они такіе. Какъ зовутъ тебя, молодой человѣкъ?—Меня зовутъ Свейномъ.—Кто отецъ твой?—Говорятъ, что я сынъ Буя. — Сколько лѣтъ тебѣ? — Если переживу эту зиму, то мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ. —Ты переживешь эту зиму, сказалъ ярлъ Эйрихъ и взялъ его себѣ. Ярлъ Гаконъ былъ этимъ очень недоволенъ... Затѣмъ развязали еще человѣка, но ноги его запутались въ веревкѣ, и онъ сидѣлъ неподвижно. Онъ былъ молодъ, великъ и черезъ мѣру отваженъ. Торкель сказалъ: каково тебѣ умирать? Онъ отвѣчалъ: умирать было бы хорошо,

если бы я только исполнилъ обѣтъ свой.—Ярлъ Эйрихъ спросилъ: какъ зовутъ тебя?—Вагномъ.—Кто твой отецъ?—Аки.—Какой же обѣтъ далъ ты, по совершеніи котораго тебѣ хорошо было бы умереть? — Я далъ обѣтъ лечь на ложе Ингеборги, дочери Торкеля Лейры, не въ обиду друзьямъ ея, и убить его самого, когда буду въ Норвегіи.—Изъ обѣта твоего ничего не выдетъ, сказалъ Торкель, бросился на него и обѣими руками занесъ ударъ. Но Британецъ Біорнъ далъ Вагну такой толчекъ ногою, что онъ упалъ. Ударъ Торкеля пролетѣлъ мимо, онъ самъ споткнулся и выронилъ мечъ, который перерубилъ веревку, державшую Вагна. Этотъ сталъ на ноги, схватилъ мечъ и убилъ Торкеля.—Теперь обѣтъ мой въ половину совершился; мнѣ стало веселѣе на сердцѣ. — Ярлъ Гаконъ вскричалъ: не упускайте его, убейте его скорѣе! Но ярлъ Эйрихъ молвилъ: ему такъ же слѣдуетъ жить, какъ и мнѣ. — Тогда сказалъ Гаконъ: намъ, кажется, не зачѣмъ болѣе метать жребій, потому что ты все рѣшаешь одинъ. Эйрихъ отвѣчалъ: Вагнъ хорошее пріобрѣтеніе, и обмѣнъ былъ бы выгодный, еслибы онъ заступилъ мѣсто Торкеля Лейры". — Такимъ образомъ взялъ ярлъ Эйрихъ Вагна себѣ. Вскорѣ всѣ плѣнники были освобождены, благодаря великодушію Эйриха (65), но они возвратились къ себѣ на родину, а не въ Іомсбургъ, на время опустѣвшій. О Гіорунгской битвѣ сохранился двоякій разсказъ: пѣсни бывшихъ при ярлѣ Гаконѣ скальдовъ перешли въ Исландію и составили основу первобытной Іомсбургской саги, между тѣмъ какъ Сигвальди и другіе бѣглецы, удалившіеся на островъ Зеландію, оставили иныя преданія, въ которыхъ ихъ участіе въ роковой битвѣ выставлено съ самой блестящей стороны. Этими преданіями воспользовался Саксонъ Грамматикъ (66).

Опустѣніе Іомсбурга продолжалось недолго. Исландецъ Біорнъ Асбрандзонъ засталъ тамъ въ 983 или 984 году (67) новыхъ жителей—Пальнатоки и его викинговъ. Съ именемъ Пальнатоки связана, хотя и не совсѣмъ справедливо (60), вся слава Іомсбурга. По словамъ саги, онъ устроилъ внутри самой крѣпости огромную гавань, которая вмѣщала въ себѣ триста большихъ судовъ. Входъ въ гавань защищали каменныя, устроенныя сводомъ ворота съ желѣзными затворами. Надъ воротами возвышалась башня, изъ которой можно было метать стрѣлы и камни въ нападающихъ (69). Это описаніе очевидно возникло въ позднѣйшія времена; оно рѣшительно не могло принадлежать первобытной, еще не искаженной чуждыми ей вставками сагѣ. Не говоря о трудности такихъ построекъ для того времени, замѣтимъ, что каменные своды вовсе неизвѣстны древнему зодчеству Скандинавовъ (70) и что еще въ XII вѣкѣ норвежскія крѣпости строились изъ большихъ связанныхъ канатами бревенъ (71). Пальнатоки также приписываютъ законы, которыми управлялись Іомсбургскіе викинги. Эти законы замѣчательны; они напоминаютъ во многомъ Запорожскую сѣчь.

„Таково было начало этихъ законовъ: никто не можетъ быть принятъ въ Іомсбургъ старѣе пятидесяти или моложе осьмнадцати лѣтъ. На родство и кровную связь не должно обращать вниманія при пріемѣ викинговъ, а на законъ. Никто не долженъ отступать предъ равно вооруженнымъ против-

никомъ. За смерть павшаго товарища каждый долженъ мстить, какъ за смерть брата своего. Ни въ какомъ случаѣ, ни при какой опасности не позволяются малодушныя слова и знаки робости. Вся добыча, взятая въ походѣ, все, что можетъ быть оцѣнено деньгами, должно приноситься на копье, къ дѣлежу. Нарушитель этого постановленія исключается изъ братства. Никто не долженъ лгать и сообщать другимъ полученныя имъ вѣсти, не передавъ ихъ прежде вождю Пальнатоки. Никому не позволено вводить въ крѣпость женщинъ или отсутствовать болѣе трехъ ночей сряду. Если откроется, что новопринятый викингъ убилъ прежде отца или брата одного изъ товарищей, то споръ между ними рѣшаетъ Пальнатоки. Онъ рѣшаетъ и другія распри. Такимъ образомъ жили они въ крѣпости своей и держали законъ свой (72)".

Громкая извѣстность Пальнатоки (73) основана преимущественно на томъ участіи, которое онъ принялъ въ кровавой распрѣ между Гаральдомъ Блатандомъ и сыномъ его Свейномъ. Подъ старость Гаральдъ сдѣлался ревностнымъ заступникомъ нѣкогда гонимаго имъ христіанства. Главою языческой партіи былъ Свейнъ. Разумѣется, что Пальнатоки и Іомсбургскіе викинги стояли на сторонѣ послѣдняго. Разсказъ Саксона снова противорѣчитъ сагѣ. Подобно ей, онъ приписываетъ Іомсбургскому вождю личныя причины ненависти къ Гаральду; но событія, о которыхъ онъ говоритъ, неизвѣстны Исландцамъ. По его словамъ, Токи или Пальнатоки былъ знаменитый стрѣлокъ изъ лука. Конунгъ Гаральдъ подвергъ его искусство страшному испытанію: онъ заставилъ его сбить стрѣлою яблоко съ головы роднаго сына. Недовольный этимъ первымъ опытомъ, Гаральдъ принудилъ Пальнатоки спуститься на лыжахъ съ крутаго утеса (74). Обо всемъ этомъ молчитъ Іомсбургская сага. Въ ней Пальнатоки является воспитателемъ покинутаго и презрѣннаго отцемъ Свейна. Онъ главный виновникъ войны, которая кончилась смертію Гаральда. Послѣднее дѣло сага и Саксонъ Грамматикъ согласно приписываютъ Пальнатоки, хотя совершенно расходятся въ разсказѣ подробностей. Раненный стрѣлою оскорбленнаго имъ викинга, Гаральдъ умеръ въ Іомсбургѣ или Волинѣ. Здѣсь впервые показывается тѣсная связь между крѣпостію и вендскимъ городомъ. Источники уже не различаютъ ихъ (75). Дальнѣйшая участь Пальнатоки теряется въ туманѣ странныхъ преданій. Мы даже не знаемъ достовѣрно, когда онъ умеръ или оставилъ Іомсбургъ (76). Въ исходѣ X-го столѣтія Сигвальди снова правилъ тамошними викингами. Послѣдній знаменитый въ скандинавской исторіи подвигъ совершили они 9 сентября 1000 года, въ битвѣ при Свольдѣ или при Гельзингборгѣ, гдѣ палъ норвежскій конунгъ Олафъ Триггезонъ. Сигвальди и въ этомъ случаѣ игралъ роль предателя, но онъ рѣшилъ участь битвы (77). Волинскіе Венды не были праздными зрителями грабежей и войнъ сосѣдняго Іомсбурга (78). Они рано соединились съ норманскими викингами, переняли ихъ жестокіе обычаи и послѣ окончательнаго опустѣнія Іомсбурга (79) продолжали грабить берега Балтійскаго моря. Рюгенскіе и волинскіе разбойники въ свою очередь посѣтили берега Скандинавіи (80). Въ XI столѣтіи городъ Волинъ получилъ еще другое значеніе: онъ сдѣлался надеж-

нымъ пристанищемъ для всѣхъ изгнанниковъ и удальцовъ датскихъ и, быть можетъ, норвежскихъ (81). Этимъ объясняются частыя нападенія датскихъ государей на Волинъ въ эпоху, когда древній викингскій бытъ былъ уже предметомъ гоненій и почти исчезъ на скандинавскомъ сѣверѣ. Около 1100 года, король Эрихъ Эйегодъ долженъ былъ отправить сильный флотъ противъ Волина, котораго жители, руководимые отчасти недовольными Датчанами, дѣлали почти невозможнымъ сообщеніе между островами, изъ которыхъ состояла Данія (82). Въ приготовленіяхъ къ походу игралъ главную роль Скіальмъ Бѣлый, дѣдъ знаменитаго архіепископа Авессалона (83). Этому роду суждено было нанести страшные удары Вендамъ вообще и Волину въ особенности. Городъ принужденъ былъ выдать Эриху укрывавшихся здѣсь Норманновъ и заплатить дань (84). Но такое смиреніе было непродолжительно. Судя по словамъ датскаго лѣтописца, Эрихъ Эйегодъ долженъ былъ предпринять еще два похода противъ того же врага (85). Успѣхи были, по всей вѣроятности, незначительные, потому что король Нильсъ вскорѣ послѣ Эриха (около 1120 года) опять ходилъ на Волинъ и частію сжегъ его, но не могъ прекратить разбои. Этотъ подвигъ совершили Вальдемаръ 1-й и архіепископъ Лундскій Авессалонъ (86). Волинъ, ослабленный долгими борьбами, палъ и не подымался болѣе. Силы его были истощены. Лѣтописцы не сообщаютъ подробностей о послѣднихъ битвахъ знаменитаго города и мимоходомъ говорятъ о его паденіи (87). Въ нынѣшнемъ Волинѣ ничто не напоминаетъ великой старины. Путешественнику, случайно заброшенному въ небольшой и бѣдный городокъ померанскій, едва ли придутъ въ голову пышныя описанія Адама Бременскаго. Слѣдовъ Іомсбурга также не найти ему. Только путемъ ученыхъ изслѣдованій можно опредѣлить приблизительно мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла крѣпость норманскихъ викинговъ. Имена Іомсбурга и Юмны не встрѣчаются въ мѣстныхъ преданіяхъ. Слава древняго Волина забыта онѣмеченнымъ народонаселеніемъ. Но рыбаки Волинскіе и и Узедомскіе разсказываютъ чудную повѣсть о царственной Винетѣ, о богатствахъ ея и гибели. По ихъ словамъ, море бережно хранитъ поглощенный имъ городъ. Въ ясные дни можно отличить сквозь прозрачныя волны развалины величавыхъ зданій, верхи церквей и башенъ, огромныя груды камней, расположенныхъ правильными рядами съ запада на востокъ. Иногда со дна морскаго подъемлются странные звуки: то гудятъ колокола винетскіе во славу Бога и земли Вендской. Эти разсказы поморскихъ рыбаковъ исполнены поэзіи. Но откуда взялись они? Гдѣ историческая основа прекраснаго преданія? Какъ могло существованіе такого города, какимъ описываютъ Винету, укрыться отъ вниманія лѣтописцевъ до Гельмольда, который въ исходѣ XII вѣка первый назвалъ это таинственное имя?

III. ВИНЕТА.

„Sie ward verstört und heist Wollin".
Nicolaus Mareschalcus ap. Westphalen Mon. ined. I. 579.

Изслѣдованія ученыхъ о Винетѣ составляютъ любопытный и поучительный эпизодъ въ самой исторіи науки. Сто лѣтъ тому назадъ такъ же крѣпко вѣрили въ существованіе Винеты, какъ въ подвигъ Вильгельма Теля. Всякое сомнѣніе казалось, если не преступнымъ, то по крайней мѣрѣ невѣжественнымъ и дерзкимъ отрицаніемъ очевидныхъ истинъ. Дѣло критики было трудное и опасное: она должна была спорить противъ дорогихъ народу повѣрій, опровергать свидѣтельства лѣтописей и уличать въ легкомысліи людей съ громкими именами и великими заслугами въ области науки. То, что̀ теперь намъ кажется обыкновеннымъ ученымъ трудомъ, было сто лѣтъ тому назадъ подвигомъ мужества и самоотверженія въ пользу истины. У сочинителя книги „Guillaume Tell, fable Danoise" было вѣрно не менѣе смѣлости, чѣмъ у горнаго стрѣлка, въ дѣлахъ котораго онъ усомнился, и Люцернскій совѣтъ, требовавшій казни наглаго скептика, едва ли былъ лучше Геслера. Жизнь ученыхъ, которые начали критическое разложеніе сказаній о Винетѣ, конечно не подвергалась опасности, но имъ также не легко, не безъ тяжкихъ трудовъ и оскорбленій всякаго рода досталась побѣда надъ вѣковымъ предразсудкомъ. Бартольдъ разсказалъ подробно странное рожденіе и быстрый ростъ басенъ о Винетѣ (88). Мнѣ остается только дополнить его прекрасный трудъ нѣкоторыми, ускользнувшими отъ его вниманія фактами и выводами послѣднихъ, окончательныхъ розысканій.

Имя Винеты встрѣчается въ первый разъ въ лѣтописи Гельмольда, писанной около 1170 года. Выше показано, что Бозовскій священникъ повторилъ, говоря о Винетѣ, слова Адама Бременскаго о Юмнѣ или Волинѣ. Изъ Гельмольдовой лѣтописи имя Винеты и ея описаніе перешли въ другіе письменные памятники средняго вѣка. Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, никто не думалъ отличать Винеты отъ Юлина. Полагали, что это были два имени одного и того же города. Во второй половинѣ XIV вѣка ученый рыцарь Эрнстъ фонъ Кирхбергъ написалъ стихотворную хронику земли Мекленбургской. Очевидно, что для древнѣйшихъ временъ онъ почти исключительно пользовался Гельмольдомъ. Но извѣстія, сообщенныя послѣднимъ, уже дополнены и развиты историкомъ-поэтомъ. Вмѣсто неопредѣленнаго „aliae gentes permixtae" явились Чехи и Поляки. Явились также Евреи, потому что, по мнѣнію Эрнста фонъ Кирхберга, ихъ не могло не быть въ торговомъ городѣ (89). Эти измѣненія были конечно неважны. Они въ сущности не искажали древняго текста, но первый шагъ на поприщѣ произвольныхъ толкованій и дополненій былъ сдѣланъ. При томъ направленіи,

какое приняла историческая наука въ исходѣ XV и въ XVI столѣтіи, сѣмя, брошенное Кирхбергомъ, не могло не принести богатыхъ плодовъ.

Реформація положила конецъ единству католическаго христіанства, въ которомъ дотолѣ жили и сознавали себя народы западной Европы. По самому свойству своему, такой переворотъ долженъ былъ обнаружить сильное вліяніе на всѣ отрасли человѣческаго знанія. У католическаго міра было свое пониманіе исторіи. Всѣ событія, всѣ народности были связаны одною идеей и одною цѣлью. При такомъ подчиненіи общему, частности болѣе или менѣе сглаживались. Но католическое воззрѣніе на исторію не могло быть принято поколѣніями XVI вѣка. Народы, выступивъ изъ связывавшаго ихъ прежде единства, потребовали каждый своей особенной, ему исключительно посвященной исторіи. Множество ученыхъ взялось за это дѣло. Они принесли къ нему умы, настроенные къ смѣлымъ соображеніямъ великими событіями современности, огромную начитанность въ древнихъ классикахъ и въ лѣтописяхъ средняго вѣка, пламенный патріотизмъ и совершенное отсутствіе всякихъ началъ критики. Скажемъ болѣе: у нихъ не было простаго смысла истины и правдоподобія. Чудовищныя компиляціи того времени поражаютъ нынѣшняго читателя нестройною ученостію, которая видна на каждой страницѣ, и страннымъ разгуломъ ничѣмъ не сдержаннаго воображенія (90). Разумѣется, есть исключенія, но ихъ немного. Это уже не простодушное невѣжество средняго вѣка, а самовольная игра историческими фактами, наглый умыселъ передѣлать прошедшее сообразно съ личною прихотью или народнымъ самолюбіемъ. Басня о Винетѣ въ ея постепенномъ развитіи служитъ разительнымъ доказательствомъ сказаннаго.

Первый, кто пошелъ по слѣду, проложенному Кирхбергомъ, былъ Альбрехтъ Кранцъ (ум. 1517), писатель не безъ значительной учености и не безъ дарованія, но зараженный общею болѣзнію вѣка. Подъ названіемъ „Вандаліи" написалъ онъ исторію сѣверной Германіи, смѣшалъ, по примѣру многихъ предшественниковъ, Вендовъ съ Винулами и Вандалами и принялъ Винету за отдѣльный отъ Юлина городъ. По его Винета находилась также при рѣкѣ Дивеновѣ и была въ сущности старый Волинъ, на развалинахъ котораго, или, по крайней мѣрѣ, очень близко отъ нихъ, выстроился новый городъ. Описаніе Винеты заимствовано Кранцемъ изъ Гельмольда. Сочинитель Вандаліи прибавилъ отъ себя извѣстіе о разореніи города Шведами и Датчанами, во времена Карла Великаго (91). Причиною этого бѣдствія были раздоры, возникшіе между жителями. Сказаніе это было принято за достовѣрный фактъ позднѣйшими историками, Сумомъ (92), Веделемъ Симонсеномъ (93) и т. д. Но откуда взялъ его самъ Кранцъ? Слова Гельмольда „quidam Danorum rex" вовсе не уполномочивали его къ такимъ выводамъ. Другіе, болѣе раніе источники не упоминаютъ вовсе о Винетѣ. Ведель Симонсенъ въ оправданіе Кранца ссылается на житіе св. Ансгарія, составленное въ IX вѣкѣ ученикомъ его Римбертомъ. Не понимаю, какъ могло ученому изыскателю придти въ голову такое неудачное оправданіе. Кранцъ называетъ по имени конунговъ Гемминга и Герода, говоритъ о междоусобіяхъ жителей и т. д. Римбертъ разсказываетъ совсѣмъ другое. Изгнанный

изъ родины шведскій конунгъ Анундъ просилъ помощи у Датчанъ и обѣщалъ имъ въ награду отдать на разореніе городъ Бирку. Жители умѣли отклонить отъ себя грозившую имъ бѣду, и датскіе викинги рѣшились вознаградить себя другою добычею. „Ceciditque sors quod ad urbem quamdam longius inde positam in finibus Slavorum ire deberent. Hoc ergo illi, videlicet Dani, quasi divinitus sibi imperatum credentes, a loco memorato recesserunt et ad urbem ipsam directo itinere properarunt, irruentesque super quietos et secure habitantes, improvise civitatem illam armis ceperunt et captis in ea spoliis ac thesauris multis ad sua reversi sunt (94). Здѣсь даже не названо имя взятаго города, не говоря уже о другихъ подробностяхъ. Но этимъ не ограничился Кранцъ. У Адама Бременскаго, у Саксона Грамматика читалъ онъ о богатствѣ и значеніи древняго Юлина. Онъ пользуется описаніемъ, которое составилъ первый изъ этихъ двухъ лѣтописцевъ, не замѣчая, что то же самое сказано имъ прежде о Винетѣ, со словъ Гельмольда. Потомъ онъ сообщаетъ новыя, у него перваго находимыя подробности, что Юлинъ уступалъ одному только Цареграду, что у каждаго изъ жившихъ тамъ торговыхъ народовъ были свои улицы, торжища и т. д. Короче, онъ разсказываетъ о Волинѣ то, что онъ зналъ о болѣе близкихъ ему по времени городахъ ганзейскихъ въ Россіи и Норвегіи (95). Слѣдовательно, Бартольдъ не правъ, называя Николая Марешалька „отцемъ лжи“ о Винетѣ. Марешалькъ былъ только сумазброднѣе, смѣлѣе Кранца, но не ему принадлежитъ честь начинанія.

Вскорѣ послѣ Кранцовой „Вандаліи“ написалъ свою исторію Помераніи Іоаннъ Бугенгагенъ, уроженецъ Волинскій. Въ первомъ отдѣлѣ моего разсужденія я упомянулъ о его книгѣ и о сочиненной имъ генеалогіи для роднаго города. Онъ уже принимаетъ Винету за отдѣльный городъ и переноситъ ее съ Дивенова на сосѣдній съ Волиномъ островъ Узедомъ (96). Разсказъ Гельмольда онъ относитъ исключительно къ Винетѣ. Преданіе о поглощеніи этого города моремъ ему еще неизвѣстно, но онъ упоминаетъ объ уцѣлѣвшихъ развалинахъ. Впрочемъ Бугенгагенъ приводитъ другое мнѣніе, утверждавшее тождество Винеты и Волина, и признается, что оно также не безъ основанія (97). Вопросъ этотъ, повидимому, его занималъ немного. Сочиненіе Бугенгагена не могло имѣть большаго вліянія, не смотря на то, что оно было гораздо лучше всего, что написано о томъ же предметѣ его современниками и вообще учеными XVI вѣка. Оно пролежало болѣе двухсотъ лѣтъ въ рукописи и напечатано не прежде, какъ въ 1728 году. Тѣмъ болѣе читались сочиненія въ родѣ Annales Herulorum et Vandalorum l. VII, Николая Марешалька (98). Не считаю нужнымъ передавать содержаніе этихъ бредней. Достаточно слѣдующаго: по свидѣтельству лѣтописей (?) въ Винету, гдѣ жили Птоломеевы Венеты, ходили товары изъ Индіи, Азіи, Греціи. Торговыя сношенія происходили тогда съ большимъ удобствомъ и простирались отъ Вандаловъ къ Сарматамъ, отъ Сарматовъ къ Скиѳамъ, потомъ къ Каспійцамъ, Сирамъ, Бактріянамъ и Индѣйцамъ. Когда погибла Винета, на ея мѣстѣ возникъ Юлинъ, что доказывается древними памятниками (99). Какими?

Но мы еще далеко отъ берега. Намъ еще предстоитъ длинное плаваніе въ этомъ океанѣ нелѣпостей, въ которомъ потонуло такъ много неосторожныхъ историковъ прошедшаго и даже нынѣшняго столѣтія.

Окончательно утвердилъ вѣру въ существованіе и значеніе Винеты сочинитель извѣстной померанской хроники Ѳома Канцовъ. Его нельзя упрекнуть въ умышленномъ обманѣ. Онъ былъ обманутъ собственнымъ воображеніемъ (100). Собирая матеріалы для своей книги, онъ рѣшился повѣрить на мѣстѣ истину сказаній о развалинахъ Винеты. Въ промежуткѣ 1520—30 были совершены имъ эти розысканія. Онъ нашелъ въ морѣ противъ деревни Дамерова, лежащей на островѣ Узедомѣ, ряды камней, расположенныхъ въ порядкѣ съ В. на З., и заключилъ, что въ этомъ направленіи шли улицы погибшаго города. Камни онъ принялъ за фундаментъ смытыхъ моремъ домовъ. Въ трехъ или четырехъ мѣстахъ утесы возвышались надъ поверхностію воды. Канцову показались они главами церквей и ратуши. Глубина не дозволила ему кончить изслѣдованій, но довольно было и найденнаго. Открытая имъ часть Винеты равнялась величиною Любеку и, безъ сомнѣнія, превосходила его во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Рыбаки, провожавшіе Канцова, разсказывали ему между прочимъ, что улицы Винеты были вымощены камнемъ и что эту мостовую, обросшую мохомъ, можно ощупать посредствомъ длинныхъ шестовъ (101). Вопросъ былъ рѣшенъ. Канцовъ внесъ въ свою хронику результаты сдѣланныхъ имъ открытій. На небольшомъ островѣ Волинѣ явились современно два богатые и сильные города: Волинъ и Венета. Послѣдняя была, впрочемъ, могущественнѣе своего соперника (102). Болѣе подробныхъ извѣстій объ ней не сообщаетъ Канцовъ. Онъ довольствуется буквальнымъ переводомъ извѣстнаго мѣста Гельмольдовой лѣтописи и заимствованнымъ у Кранца предположеніемъ, что Визби въ Готландіи возникъ вслѣдствіе гибели Винеты. Книга Канцова имѣла большой успѣхъ. Она ходила въ многочисленныхъ спискахъ, была дополняема и сокращаема учеными (103) и вообще считалась лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету. Не удивительно, что его разсказы о подводныхъ развалинахъ привлекли къ тому мѣсту, гдѣ онѣ находились, много любознательныхъ посѣтителей. Умершій въ 1560 году герцогъ померанскій Филиппъ приказалъ измѣрить пространство, занимаемое мнимыми остатками Винеты. Оказалось, что они шли на полмили въ длину и на три четверти мили въ ширину (104). Вскорѣ послѣ 1560 года, въ Дамеровѣ были, для осмотрѣнія загадочныхъ камней, молодой герцогъ Брауншвейгскій и Іоаннъ Луббехъ, бюргермейстеръ Трептовскій. Оба они слышали отъ проводниковъ своихъ много подробностей о великолѣпіи утонувшаго города. Пасторъ сосѣдняго Волгаста сказалъ даже герцогу, что послѣ бѣдствія, постигшаго Винету, Шведы увезли къ себѣ всѣ мраморные обломки. По словамъ какой-то старой пѣсни, металлическія ворота, которыми красовался Визби въ Готландіи, составляли часть этой добычи (105). Луббехъ нашелъ камни почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ оставилъ лѣтъ за тридцать или болѣе Канцовъ. Опираясь на прежнія изслѣдованія, на пѣсни и сказанія рыбаковъ и наконецъ на найденныя имъ въ монастыряхъ древнія рукописи, Трептовскій бюргермейстеръ

сообщилъ въ своемъ письмѣ къ Давиду Хитрею слѣдующія извѣстія. Городъ Винета былъ богатъ и славенъ еще до походовъ Гейзриха вандальскаго въ Африку и Одоакра герульскаго въ Италію. Причиною его погибели было не нашествіе враговъ, а наводненіе. Это бѣдственное событіе случилось въ царствованіе Лудвига Благочестиваго (106). Нельзя не подивиться такой изобрѣтательности и смѣлости догадокъ. Кромѣ самого Луббеха, никто не могъ воспользоваться источниками, на которые онъ ссылается. Положимъ, что онъ, какъ думаютъ нѣкоторые, дѣйствительно читалъ какія-нибудь монастырскія лѣтописи о Іомсбургѣ, передѣланныя изъ сагъ, но онъ вовсе не говоритъ о норманской крѣпости, а толкуетъ о Вандалахъ, Герулахъ и такой древности, до какой вѣрно не доходили ни видѣнные имъ письменные памятники, ни изустныя преданія Дамеровскихъ рыбаковъ. На старыя пѣсни ссылается не онъ одинъ; но странно, что ни одинъ изъ защитниковъ Винеты не привелъ хотя двухъ стиховъ изъ слышанной имъ пѣсни. Эти соображенія не помѣшали однако, нѣсколько десятилѣтій спустя, Микрелію внести въ свою подробную исторію земли Померанской всѣ басни о Винетѣ, которыя накопились въ теченіе цѣлаго столѣтія, и замкнуть изслѣдованіе великими открытіями Трептовскаго бюргермейстера. Существенно новыхъ фактовъ Микрелій не прибавилъ къ исторіи, и безъ того уже богатой подробностями; но онъ развилъ и пояснилъ дошедшія до него свѣдѣнія. Такимъ образомъ ему извѣстно, что въ Винетѣ были металлическія ворота, что серебро находилось тамъ въ такомъ изобиліи, что его употребляли на самыя ничтожныя вещи и т. д. Далѣе разсказываетъ Микрелій, что въ ясную погоду можно видѣть на днѣ морскомъ уцѣлѣвшіе остатки города и замѣтить прекрасное расположеніе улицъ. Разумѣется, что послѣ погибели Винеты ея мѣсто заступилъ Волинъ и въ свою очередь сталъ соперникомъ Царьграда (107). Я не считаю нужнымъ говорить въ этомъ обзорѣ ни о Мунстерѣ, ни о Хитреѣ и другихъ того же разряда писателяхъ, которые заимствовали у своихъ предшественниковъ готовый матеріалъ и только повторили въ своихъ книгахъ прочитанное ими прежде.

Въ XVIII столѣтіи басни о Винетѣ получили окончательную форму. Имя вендской столицы явилось на географическихъ картахъ того края и перешло изъ частныхъ изслѣдованій въ учебныя книги. Извѣстный своими историческими и географическими трудами Альбрехтъ Шварцъ былъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ фактовъ, переданныхъ Кранцомъ, Канцовымъ и Микреліемъ. Онъ старался доказать возможность современнаго существованія двухъ великихъ городовъ, каковы были, по общему мнѣнію, Волинъ и Винета, на томъ тѣсномъ пространствѣ, какое отвели имъ народныя преданія и наука. Іомсбургъ, о которомъ Шварцъ узналъ изъ скандинавскихъ источниковъ и написалъ отдѣльное разсужденіе, онъ относилъ къ Ямундскому озеру, въ окрестности Кеслина (108). Въ 1741 году два голландскія купеческія судна потерпѣли кораблекрушеніе близъ Дамерова. Тотчасъ распространился слухъ, что они разбились о каменныя развалины Винеты. Нашлись даже люди, которые увѣряли, что они собственными глазами видѣли надъ поверхностію моря три алебастровыя или мраморныя колоны,

изъ которыхъ одна покосилась отъ толчка, даннаго ей голландскимъ суднomъ. Тогдашніе разсказы передалъ намъ Штолле въ „Исторіи города Деммина". Онъ сообщалъ своимъ читателямъ, что стѣны города Винеты лежатъ на десять футовъ ниже морской поверхности, а помянутыя выше колоны только на шесть. Но когда убываетъ вода, верхи этихъ блестящихъ бѣлизною колонъ выходятъ наружу, и рыбаки разстилаютъ на нихъ сѣти свои для сушенія. Стѣны очень широки и крѣпки. Форма города овальная; величиною онъ болѣе Штетина. Вблизи отъ развалинъ, магнитная стрѣлка приходитъ въ странное колебаніе, что было причиною 8 кораблекрушеній въ теченіе 26 лѣтъ, т. е. съ 1745 по 1771 годъ (109). На основаніи всѣхъ исчисленныхъ данныхъ, написалъ прусскій президентъ Кеффенбринкъ напечатанное въ VIII томѣ Бюшингова магазина изслѣдованіе о Винетѣ, или старомъ Волинѣ (110). Здѣсь примирены всѣ противорѣчія, разрѣшены всѣ недоразумѣнія. Іомсбургъ былъ не что иное, какъ цитадель Винетская, „тоже что Бирса при Карѳагенѣ" (111). Приведенныя выше слова саги объ укрѣпленіяхъ Іомсбургскихъ не кажутся Кеффенбринку преувеличенными. Онъ даже снабдилъ ихъ слѣдующимъ комментаріемъ: „въ этой крѣпости (Іомсбургѣ) находился арсеналъ для тяжелыхъ орудій; тамъ также были приличныя комнаты для постояннаго жилища коменданту и остальнымъ высшимъ офицерамъ... Можно заключить, что и въ казармахъ для простыхъ солдатъ не было недостатка" (112). Есть наконецъ цѣлая глава объ отношеніяхъ вендскаго двора и великаго Бурислафа къ сосѣднимъ державамъ. Тутъ, между прочимъ, находится извѣстіе, что въ Іомсбургѣ былъ даже „первый министръ для придворныхъ и государственныхъ дѣлъ" (113). Сколько мнѣ извѣстно, слова ученаго президента не возбудили недовѣрчивости въ современныхъ ему ученыхъ. Около десяти лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ VIII тома Бюшингова магазина сказалъ о Винетѣ Іоаннъ Мюллеръ: „она была средоточіемъ, гдѣ произведенія пастушеской жизни и еще незначительнаго ремесленнаго труда обмѣнивались на товары купцовъ, посѣщавшихъ поморье. Но внезапно опустилась почва, на которой стоялъ городъ, въ море: великая Винета исчезла; развалины ея суть подводные утесы, но мраморъ и алебастръ свидѣтельствуютъ со дна морскаго о прошедшемъ величіи" (114).

Не говоря о бредняхъ, возникшихъ въ началѣ XVI вѣка и завершенныхъ въ статьѣ президента Кеффенбринка, самый фактъ существованія Винеты доказывается слѣдовательно: 1) свидѣтельствомъ Гельмольда; 2) народными преданіями; 3) развалинами города, о которыхъ у насъ есть разсказы людей, видѣвшихъ ихъ собственными глазами. Сверхъ того защитники Винеты ссылаются но такъ называемый Codex Oldenburgensis, гдѣ встрѣчается странное извѣстіе, что въ 1158 и 1176 годахъ въ Любскомъ городовомъ совѣтѣ засѣдали люди изъ городовъ Волина и Винеты. Такимъ образомъ существованіе Винеты относится къ позднѣйшему времени, и она ясно отдѣляется отъ Волина, съ которымъ ее смѣшивали (115).

Я разберу порознь всѣ эти доказательства. Ихъ опровергнуть не трудно:

I. Выше показано, что Гельмольдъ переписалъ почти отъ слова до слова описаніе Юмны Адама Бременскаго, но вмѣсто Юмны у него явилось новое

имя—Винета, о которой до того времени не упоминали лѣтописцы. Далѣе, говоря о смерти Гаральда Блаатанда, Гельмольдъ повторяетъ опять сказанное Адамомъ; но мѣсто, гдѣ умеръ раненный стрѣлою Пальнатоки конунгъ, названо у него Винетою (116). Ясно, что подъ этимъ именемъ онъ разумѣетъ Юмну Бременскаго лѣтописца или Юлинъ Саксона Грамматика, которыхъ тожество несомнѣнно. Нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Цельнеръ (117), Линдфорсъ (118) и наконецъ Шафарикъ, полагаютъ, что слово Винета въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ и грамотахъ означаетъ просто городъ Вендовъ—civitas Venetorum. Шафарикъ привелъ даже нѣсколько примѣровъ такого рода. Но дѣло идетъ о другихъ вендскихъ городахъ, другихъ Винетахъ, а не о Волинѣ, который подъ этимъ именемъ является впервые у Гельмольда. Во многихъ актахъ, относящихся къ 936 году, встрѣчается „Groninche quod dicitur Wenethen"; въ грамотахъ 937, 1022, 1062 годовъ—„Winethahusum" (Wendenhausen); въ грамотахъ 1022, 1064 и т. д.—„Winethe" (119). Замѣтимъ только, что это названіе употреблялось Нѣмцами, а не Славянами, которые сами никогда не называли себя Вендами, и слѣдовательно для нихъ слово „Vineta" было чуждый, иноплеменный звукъ (120). Есть другое мнѣніе, высказанное первоначально, если не ошибаюсь, Лангебекомъ (121), по которому „Винета" есть не что иное, какъ ошибка самого Гельмольда, не разобравшаго въ бывшемъ у него спискѣ Адамовой лѣтописи имени Jumne (въ латинизированной формѣ—Jumneta) и замѣнившаго его другимъ, ему болѣе знакомымъ; или, что еще вѣроятнѣе, эта ошибка принадлежитъ позднѣйшимъ переписчикамъ „Славянской Хроники". Совершенно сходный случай повторился съ „Церковною исторіею Англовъ" Беды, въ которой переписчики замѣнили извѣстное имя племени „Juti" другимъ, вовсе безсмысленнымъ—„Viti". Мнѣніе Лангебека очень правдоподобно. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Гельмольдовой лѣтописи нѣтъ совсѣмъ слова Винета, которое находится во всѣхъ доселѣ вышедшихъ изданіяхъ. Въ одномъ спискѣ читается: Jumeta; въ другомъ: Immuveta; въ третьемъ: Niniveta (122). Бангертъ въ примѣчаніяхъ къ своему изданію Гельмольда упоминаетъ объ одномъ спискѣ, гдѣ онъ нашелъ Jumneta (123). У позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые пользовались Гельмольдомъ такъ, какъ онъ пользовался Адамомъ, встрѣчается странное разнообразіе именъ тамъ, гдѣ они просто переписываютъ извѣстное намъ описаніе Юмны. Такимъ образомъ у лѣтописца саксонскаго читаемъ вмѣсто Юмны или Винеты: Wimne (124); у Германа Корнера: Nyniveta или Hyumeta (125); въ Chronicon Slavicum. Lunneta (126). Всѣ эти варіанты происходятъ отъ одной причины, оттого что переписчики и позднѣйшіе лѣтописцы, не разобравъ имени города, о которомъ говоритъ Гельмольдъ, писали его каждый на свой ладъ.

II. Безсмысленно отвергать свидѣтельство народнаго преданія потому только, что въ этомъ преданіи вымыслы и историческіе факты сплелись въ густую ткань, которой отдѣльныя нити почти неуловимы для глаза. Но не всегда такъ называемое преданіе переходитъ изъ устъ народа въ книгу, иногда оно идетъ обратнымъ путемъ—изъ книги въ народъ. Такихъ примѣровъ можно привесть много. Сказанія о Винетѣ едва ли первоначально

вышли изъ народа. Быть можетъ, подводные камни подали поводъ къ какимъ нибудь слухамъ между рыбаками, но окончательную форму преданіе приняло вслѣдствіе догадокъ и разсказовъ, пущенныхъ въ ходъ Канцовымъ и его послѣдователями. Частыя посѣщенія и разспросы любознательныхъ людей не могли не подѣйствовать на воображеніе Дамеровскихъ рыбаковъ. Оно, въ свою очередь, стало помогать соображеніямъ ученыхъ изслѣдователей и снабжать ихъ новыми, хотя очень не крѣпкими доводами. Что сказаніе о Винетѣ не было туземное, вендское, — это ясно изъ самаго имени города, которое могло возникнуть только у Нѣмцевъ. И имя, и преданіе произошли на чуждой, не славянской почвѣ. Это искуственно воспитанныя растенія, безъ внутренней силы, которую сообщаетъ народный духъ всему, что̀ выходитъ изъ глубины его.

III. Защитники Винеты приписываютъ великую важность списку членовъ Любскаго городоваго совѣта, въ которомъ сказано, что въ 1158 и 1176 годахъ въ этомъ совѣтѣ засѣдали люди родомъ изъ Винеты и Юлина (127). Такое извѣстіе доказываетъ съ одной стороны дѣйствительное существованіе Винеты, съ другой — ея различіе отъ Юлина. Но по словамъ самого Гельмольда, Винета уже не существовала во второй половинѣ XII столѣтія: quondam fuit—сказалъ онъ около 1170 года. Памятникъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, весьма сомнительнаго свойства. Онъ возникъ не прежде, какъ въ XIV или даже, быть можетъ, въ XV вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, существующій списокъ весь писанъ одною рукою и доведенъ до 1416 года. Невѣжественный составитель явно обличаетъ желаніе угодить тщеславію Любскихъ патриціевъ, которыхъ родамъ приписываетъ глубокую древность. Нижне-нѣмецкій языкъ этой компиляціи принадлежитъ довольно позднему времени (128). Наконецъ, допустивъ невозможную древность и достовѣрность Любскаго списка, мы должны вспомнить, что въ окрестности Любека могла быть не одна Винета. Ведель Симонсенъ (129) приводитъ одну грамоту императора Генриха IV, въ которой читаемъ: „in loco Winethe dicto in pago Lacne in comitatu Henrici comitis“. Эта Винета находилась недалеко отъ Гамбурга и по самому положенію своему могла быть въ тѣсной связи съ Любекомъ.

IV. Остается разобрать послѣднее доказательство—дѣйствительное существованіе подводныхъ развалинъ славянскаго города. Молва о знаменитыхъ развалинахъ побудила Берлинскаго ученаго Цельнера посѣтить въ 1795 году деревню Дамеровъ. При пособіи зрительной трубы, онъ замѣтилъ въ морѣ два мѣста, гдѣ волны разбивались съ особеннымъ плескомъ и шумомъ. Рыбаки сказали ему, что причиною этого явленія была большая кирпичная стѣна, въ четыре фута толщиною, которая удерживала натискъ воды. Цельнеръ слышалъ также отъ нихъ, сверхъ извѣстныхъ разсказовъ, что часть этой кирпичной стѣны возвышается до самой поверхности моря. Онъ не могъ ничего подобнаго замѣтить и отправился изъ Дамерова съ недовѣрчивостію къ мѣстному преданію и къ самымъ развалинамъ (130). Тѣмъ не менѣе онъ предложилъ собрать по подпискѣ деньги, нужныя для произведенія изслѣдованій на днѣ морскомъ съ помощію водолазнаго колокола. Собрана была довольно значительная сумма, но Цельнеръ умеръ, и предпріятіе останови-

лось (131). Въ 1798 г. опытъ былъ однако сдѣланъ, благодаря любознательности нѣкоторыхъ жителей Штеттина и Свинемюнде и датскаго шкипера Финка. По ихъ желанію, Шотландецъ Бусъ (Boos) опускался на морское дно въ означенномъ мѣстѣ, и хотя буря не позволила ему повторить опыта, но изъ словъ его оказалось несомнѣннымъ, что изслѣдованная имъ часть мнимыхъ развалинъ была не что иное, какъ обыкновенныя груды подводнаго гранита (132). На основаніи этихъ данныхъ, написалъ профессоръ Вреде въ Берлинѣ отдѣльное разсужденіе, въ которомъ онъ доказываетъ неосновательность слуховъ о поглощенной волнами Винетѣ (133).

Послѣднимъ защитникомъ Винеты и ея развалинъ явился извѣстный своими трудами на другомъ поприщѣ пасторъ Мейнгольдъ (134). Онъ опирается не столько на свидѣтельство Гельмольда, сколько на слѣдующіе доводы: 1) На древнее преданіе. 2) На правильно расположенные ряды камней, видѣнныхъ Канцовымъ и Луббехомъ. 3) На найденный въ морѣ, въ 1836 году, при постройкѣ Свинемюндской гавани, обточенный человѣческими руками камень. 4) На множество черепковъ отъ языческихъ урнъ, употреблявшихся при погребеніяхъ, которые находятся близь Дамерова. 5) На значительное число золотыхъ монетъ, около сорока лѣтъ тому назадъ тамъ же найденныхъ и *немедленно пропавшихъ*, такъ что надъ ними не произведено никакого изслѣдованія. Наконецъ: 6) на разорванный берегъ острова Узедома близь устья Свины, обличающій древній, сильный переворотъ, совершенный раздраженнымъ моремъ (135).

Всѣ эти доводы, за исключеніемъ втораго, достаточно опровержены Бартольдомъ (136). Но пасторъ Мейнгольдъ обратился самъ къ Обществу померанской исторіи и древностей съ просьбою о пособіи для новыхъ опытовъ посредствомъ водолазнаго колокола. Общество съ своей стороны сдѣлало предварительно нѣсколько запросовъ и изслѣдованій, которыхъ результатомъ были слѣдующія показанія. 1) Тайный коммерціи совѣтникъ Краузе сообщилъ обществу, что еще за сорокъ лѣтъ до сего, находясь въ Свинемюнде, онъ встрѣтилъ тамъ на одномъ англійскомъ суднѣ матроса, отличнаго пловца, который прежде занимался ловлею жемчужныхъ раковинъ. Г. Краузе предложилъ ему отправиться съ нимъ къ развалинамъ Винеты и опуститься тамъ нѣсколько разъ на дно моря для узнанія его свойства. Опыты эти начались на глубинѣ 9 футовъ и продолжались далѣе въ морѣ. Неутомимый матросъ 7 или 8 разъ опускался въ разныхъ мѣстахъ на дно, оставался долгое время подъ водою и каждый разъ выносилъ горсть морскаго песку и увѣреніе, что кромѣ обыкновенныхъ камней онъ не находилъ ничего. По всей вѣроятности, г. Краузе сообщилъ Обществу только новыя подробности о томъ предпріятіи, которое, какъ выше сказано, совершено было 14 Августа 1798 года нѣкоторыми Свинемюндскими и Штетинскими гражданами. 2) Г. Скабель въ Штетинѣ, который завѣдовалъ постройкою Свинемюндской гавани, письменно отвѣчалъ въ то время на вопросъ покойнаго президента Геринга о расположеніи Винетскихъ развалинъ, что онъ самъ дважды осматривалъ каменную гряду, извѣстную подъ этимъ именемъ, и при столь ясной погодѣ, что на глубинѣ 12 футовъ можно было отличать камешки величиною съ орѣхъ,

но ничего похожаго на развалины или на правильное расположеніе массъ не замѣтилъ. Поставщики камня для гавани, которые ломали въ самомъ этомъ мѣстѣ гранитъ и доставали его изъ глубины отъ 6 до 12 футовъ, подтвердили то-же самое. Однимъ словомъ, слѣдовъ каменнаго города подъ водою не оказалось никакихъ (137).

Вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ предварительныхъ справокъ, Общество померанской исторіи сочло себя въ правѣ отказать пастору Мейнгольду въ его просьбѣ, потому что всѣ дальнѣйшіе опыты были бы излишни и безполезны. Вопросъ рѣшенъ окончательно. Деревяннаго Волина не удалось превратить въ мраморную Винету. Она существовала только въ воображеніи ученыхъ и рыбаковъ Дамеровскихъ, которые долго не откажутся отъ прекраснаго преданія. Подобное сказаніе существуетъ и въ другой части Помераніи (138). Пусть народъ вѣритъ въ эти разсказы: для него они составляютъ исторію и поэзію; они могутъ быть приняты и въ настоящую, чистую отъ вымысловъ исторію: но ихъ не надобно ставить на ряду съ строгою дѣйствительностію. У нихъ есть свой смыслъ, свое независимое достоинство и значеніе.

Найдутся и кромѣ Дамеровскихъ рыбаковъ люди, которые еще не отступятся отъ Винеты, которымъ предъ лицемъ сухой, критикою добытой истины станетъ жаль изящнаго вымысла; но противъ ихъ возраженій наукѣ говорить нечего.

Въ заключеніе должно упомянуть о поэтическомъ предположеніи Гизебрехта (139). Онъ не вѣритъ въ существованіе Винеты; но ему кажется, что въ основаніи преданій объ ней лежитъ историческая истина, скрытая въ символическихъ образахъ. Гудящій колоколами церквей своихъ подводный городъ есть, по его словамъ, поэтическое изображеніе христіанской церкви въ землѣ Вендской, во дни отпаденія Саксовъ отъ Генриха IV.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ О ВИНЕТѢ.

1) Норманка Гита отвѣчала присланнымъ за ней посламъ молодого Гаральда: „странно мнѣ, что въ Норвегіи не нашлось еще конунга съ волею покорить Норвегію и владычествовать надъ нею, какъ Гормъ въ Даніи или Эйрихъ Упсальскій. Snorre Sturleson: Heimskringla, Haralds Saga, c. 3.

2) Сюда, преимущественно, принадлежатъ: *Lindfors*, dissert. de civitate Jomensi. Lundæ. 1811. *Ведель Симонсена* изслѣдованія о Іомсбургѣ, переведенныя съ датскаго Гизебрехтомъ: Geschichtliche Untersuchungen über Jomsburg im Wendenlande. Neue Pommersche Provincialblätter. T. II, стр. 3—175. Критическія замѣчанія на эту статью П. Э. Мюллера, напечатанныя въ томъ же журналѣ, T. III. стр. 150—176. *C. Fr. von Rumohr*. Sammlung für Kunst und Historie. Hamburg, 1816. 1. 9 — 123. *Barthold*. Geschichte von Rügen und Pommern. Hamburg. T. 1—3. 1839—1843. *Giesebrecht:* Wendische Geschichten. 3 тома. Berlin, 1842—1843. Я ограничился указаніемъ на главныя сочиненія. Болѣе подробное исчисленіе литературныхъ пособій можно найти въ упомянутой книгѣ Бартольда, T. I, стр. 301.

3) Напрм. Волгасть въ Померанiи „apud, *urbaniores* vocatur Julia Augusta. propter urbis conditorem Julium Cæsarem." Helmoldi Chronicon Slavorum ex recens. Bangerti. Lübeck, 1702. L. 1. p. 93. Понятно, кого Гельмольдъ называетъ urbaniores. У Кадлубка Chron. Poloniæ. L. 1. c. 16 читаемъ о двухъ польскихъ городахъ Julia (нынѣ Лебусъ) и Julinum (нынѣ Люблинъ), такъ названныхъ въ честь сестры Юлія Цезаря. Подобныхъ примѣровъ множество. Я привелъ ближайшіе къ предмету изслѣдованія.

4) Изъ этихъ жизнеописаній, три первыя составлены вскорѣ послѣ смерти св. Оттона, около половины XII вѣка, но они дошли къ намъ въ передѣлкахъ, принадлежащихъ позднѣйшему времени. Самая важная изъ этихъ компиляцій составлена въ концѣ XV-го вѣка Бамбергскимъ аббатомъ Андреемъ. Клемпинъ доказалъ недавно возможность возстановить чистый текстъ первоначальныхъ источниковъ. См. Die Biographien des Bischoff Otto und deren Verfasser. Baltische Studien, T. IX. p. 1—245. Вотъ что говорится въ этихъ памятникахъ объ Юлинѣ и его загадочномъ столбѣ: servus Dei Bernhardus correpta securi columnam miræ magnitudinis, Julio Cæsari, a quo urbs Julin nomen sumpsit, dicatam, excidere aggressus est." Andreas. lib. II. ap. Ludewig. Scriptt. rerr. Bambergensium. p. 462.—„Julin a Julio Cæsare condita et nominata in qua etiam lancea ipsius miræ magnitudinis ob memoriam ejus infixa servabatur. Ibid. L. III, p. 490. „Julin a Julio Cæsare vocabulum trahens". Anonymus Sancruciarius, Neue Pomm. Provincialblätt. T. IV. p. 334. Julinensibus venerabiliter reservata Julii Cæsaris lancea colebatur quam ita rubigo consumserat, ut ipsa ferri materies nullis jam usibus esset profutura. Ibid. 335.

5) Io. Bugenhagii Pomerania, ex manuscripto edidit J. N. Balthasar. Gryphisw. 1728. 4.

6) A. S. Schwartz, comment. critic. historica de Joms Burgo Pomeraniæ. Gryphiæ, 1735.

7) Тацитъ о Германцахъ c. 40.

8) Geschichtliche Untersuchung über Jomsburg. N. P. Provincialbl. T. II. p. 9—60.

9) Julin.... cujusdam idoli celebritatem initio æstatis maximo tripudio et concursu agere solebat, Andreas. l. III. ap. Ludew. 490.

10) Saxo Grammaticus. ed. Stephanius. p. 144.

11) Historia natural. lib. IV. cap. 13.

12) Ср. Schöning über der Griechen und Römer Kenntniss von den nordischen Landen. у Шлёцера Allgemeine nordische Geschichte, p. 88.

13) Самая богиня Герта и поклоненіе ей — вопросъ очень темный. Ср. разборъ извѣстій о Гертѣ у Бартольда. Gesch. von Pom. und Rügen. 1. 109—121.

14) Müller über Wedel Simonsen. N. P. Provinzialblätt. III. 150.

15) Glossarium Suevo-Gothicum.

16) Но Датчанинъ Саксонъ пишетъ вездѣ „Юлинъ", а не Юмна, а въ нѣкоторыхъ, и какъ кажется, лучшихъ рукописяхъ Адама Бременскаго находится Юмна или Юминъ.

17) Suhm, Danske Hist. 1. 498. Müller über Wedel Simonsen, 155.

18) См. превосходное изслѣдованіе о Саксонѣ Грамматикѣ у Дальмана. Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte, I. 150 и слѣд. Сказанное мною въ текстѣ относится только къ первымъ 8-ми книгамъ Саксоновой исторіи. Его разсказъ о современныхъ ему событіяхъ вѣренъ иточенъ.

19) Въ XII-мъ вѣкѣ Дивеновъ уже былъ недоступенъ для большихъ судовъ, какъ видно изъ разсказовъ Саксона о походахъ Вальдемара I-го.

20) Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen, 1. 296.

21) Lib. III. c. 69.

22) L. 1. c. 2. „Leubuzi et Willini" Шафарикъ рѣшительно считаетъ Вулоиновъ или Вилиновъ за Волинцевъ. Slowanské Starožitnosti, 892.

23) Начертаніе славянской миѳологіи. СП. 1841. стр. 177.

24) Boguphali episcopi Poznaniensis Chronicon Poloniæ ap. Sommersberg Scriptt. rerum Silesiacarum. II. 24. „Walmieg quod alias Julin *dicebatur*."

25) Barthold, 1. 296.

26) „Venerabilis frater Alberte Episcope tuis justis postulationibus annuimus et commissam tibi Pomeranensem ecclesiam sub beati Petri et nostra protectione suscipimus et presentis scripti privilegio communimus. Statuentes ut in *civitate Wolinense* in ecclesia beati Alberti episcopalis sedes perpetuis temporibus habeatur.... *civitatem ipsam Wolin*.... Castra hæc scilicet Dymmin. Treboses. Chork, *Wolgast* etc. Dregeri Codex Pommeraniæ diplomaticus, nr. 1.

27) Ueber die Religion der Wendischen Völker an der Ostsee. Baltische Studien, VI. 136.

28) Bohlen. Ueber den wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen, въ IV-мъ собраніи трудовъ Кенигсбергскаго нѣмецкаго общества. 1836. стр. 3 — 56. Rasmussen, über den Handel des Morgenlandes mit Russland und Scandinavien im Mittelalter. перев. съ датскаго въ N. Pomm. Provinzialbll. II. 366. Изслѣдованіе о торговыхъ путяхъ и сношеніяхъ сѣв. Европы съ могамеданскимъ востокомъ, въ теченіи трехъ первыхъ вѣковъ Геджры, можетъ рѣшить много историческихъ загадокъ. Мы въ правѣ ожидать такихъ рѣшеній отъ русскаго ученаго Г. Григорьева, который давно занимается этимъ предметомъ.

29) Adam. Brem. II. 66. Ниже будетъ приведено все это мѣсто Адамовой лѣтописи въ подлинникѣ.

30) Ueber die Nordlandskunde des Adam von Bremen, in den hist. litter. Abhandll. der K. D. Gesellschaft zu Königsberg. III. Sammlung.

31) Wendische Geschichten. I. 27—29. III. 366. Ср. Ueber die Nordlandskunde des Adam von Bremen, p. 169 - 174.

32) Wend. Geschicht. I. 27

33) Ibid. II. 214. III. 366.

34) Ibid. III. 366—368; 385.

35) Interea rex. Rugianorum classe auctus perque ostia amnis Zwinae Pomeraniam ingressus. Julini oppidi, ipso intacto, confinia populatur. Deinde ad fluvium

Julino Caminoque junctum.... ostiis bipertitum, Regia classe progreditur. Saxo Gram. p. 333. Ср. стр. 347.

36) Не одинъ Гельмольдъ списалъ разсказъ Адама о чудесахъ Юмны. Это было сдѣлано еще прежде безъименнымъ саксонскимъ лѣтописцемъ. Annalista Saxo въ Eccardi Corpus historicum medii aevi T. I. p. 339. Другіе хронисты пользовались большею частію Гельмольдомъ, котораго искаженныя слова легли въ основаніе всѣхъ басенъ о Волинѣ. Исторію этихъ басенъ я разскажу въ третьемъ отдѣленіи моего разсужденія. Здѣсь укажу на одинъ только примѣръ такого искаженія Адамовыхъ и Гельмольдовыхъ извѣстій. Г. Профессоръ Морошкинъ приводитъ въ доказательство важности города Юмны свидѣтельство двухъ компиляторовъ новаго времени Сев. Мунстера и Давида Хитрея. Критико-историческія изслѣдованія о Русахъ и Славянахъ. стр. 52. Почтенный изслѣдователь, къ трудамъ котораго нельзя не питать уваженія, не замѣтилъ, что приведенные имъ писатели перефразировали Адама, вставляя сверхъ того самовольно извѣстія, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ источникѣ. Профессоръ Морошкинъ переводитъ изъ космографіи Мунстера слѣдующее мѣсто: Славянскій городъ Юлинъ на Балтійскомъ морѣ не уступаетъ ни одному городу своею знаменитостію, славный по своимъ богатствамъ и зданіямъ, благородное торжище Вандаловъ: *нѣтъ города подобнаго ему, исключая Константинополя. Тамъ Руссы, Датчане, Сербы, Саксонцы и Вандалы имѣли свои улицы и базары.* Юлинъ много потерпѣлъ отъ Датчанъ. Вальдемаръ, король датскій, чрезъ полководца Свена сжегъ его и опустошилъ." Послѣдняя фраза не совсѣмъ вѣрно передана; въ подлинникѣ: Waldemarus quoque rex Daniæ—classe per Zvenum fluvium ingressus terram, Julinum oppidum captum direptumque incendit. Cosmograph. Lib. 3, p. 771. Рѣчь идетъ не о полководцѣ Свенѣ, а о рѣкѣ Свинѣ. Читатели легко замѣтятъ, что принадлежитъ Адаму Бременскому и что прибавили отъ себя изобрѣтательные компиляторы XVI и XVII вѣка. Разсказъ Хитрея также не безъ украшеній. Онъ говоритъ: *Портъ Юлина былъ первый послѣ Константинопольскаго!* Въ Юлинѣ не одно племя, а многіе народы, языки, вѣры и торговли: Виниты, Винны, Генеды, Свеоны, Славы, Вандалы, Датчане, Шведы, Камбривіи, Цирципане, Іудеи, язычники, Рутены греческой вѣры и многіе другіе. Всѣ сіи народы получали охранныя грамоты (salvus dabatur conductus), и каждый народъ имѣлъ свои базары, носившіе особенныя имена... смѣшеніе идолопоклонства произвело развратъ народовъ и *тиранію* и причинило гибель цвѣтущему городу Юлину. Сперва онъ былъ наказанъ небесной молніею, что побудило Рутеновъ переселиться въ свое отечество и съ своими товарищами искать иныхъ жилищъ въ Россіи, гдѣ они и основали княжество Волынское (ducatum Wulinenzem), существующее до сего дня". Все это сказаніе о Волыни основано кажется на простомъ созвучіи именъ Волынь и Волинъ. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ источникахъ нѣтъ слова, которое бы оправдывало эту выдумку. Во всякомъ случаѣ Хитрей очень ненадежный проводникъ въ средніе вѣка. Еще одно замѣчаніе, относящееся къ изслѣдованіямъ профессора Морошкина. На страницѣ 32-й сказано: „городъ Волинъ, что нынѣ Вольгасть". Это старое нынѣ никѣмъ не поддерживаемое мнѣніе.

37) Wend. Gesch. II. 214.

38) Saxo Gram. p. 235.

39) Saxo, p. 347.

40) Id. p. 333—35. Knytlinga-Saga, c. 124.

41) Ad. Br. ed. Lindenbr. p. 32, 52, 59, 92. Адамъ говоритъ о Свейнѣ: qui omnes barbarorum res gestas, ac si scripta essent, memoria tenuit.

42) Scriptores rerum Danicarum medii ævi. I. p. 51, примѣчаніе h.

43) Adam. 70.

44) Saxo, p. 186.

45) См. Fragmentum historiæ Daniæ Islandicum ap. Langebek, II. 149 Haraldus rex saucius in Vindlandiam fugit et prope *Jomsborgum* festo omnium Sanctorum expiravit. Сочинитель пользовался Адамомъ, потому что ссылается на Historiam Ham-

burgensem ib. 146. Другой Исландецъ, современникъ Валдемара II-го, говоритъ: Haraldus rex saucius factus in Vandaliam *Iomsburgum* fugit ubi omnium Sanctorum festo mortuus est. Langebek II. 425.

46) Haraldus.... primus urbem fundasse dicitur quæ Hynisburg nuncupatur, cujus mœnia ab Archipræsule Absalone ego Sueno solo conspexi æquari. Langebek I. 51.

47) Knytlinga-Saga c. 24.

48) Wend. Gesch. III. 366.

49) Ibid. III, 385.

50) Ibid. II. 156.

51) Gesch. von Rügen und Pommern I, 303 и слѣд.

52) Происхожденіе слова неизвѣстно. Я не считаю нужнымъ вычислять всѣ удачныя и неудачныя попытки объяснить его. Вотъ новѣйшее предположеніе Петерсена. Iom отъ мезоготскаго hiuhmas, hium, fem. jumja, т. е. толпа и земля вообще. Отсюда исландск. heimr, Англ. home. Die Züge der Dänen nach Wenden, Mémoires de la Société R. des antiquaires du Nord. 1836 — 37. p. 123. Исландскія саги принимаютъ Iомъ въ смыслѣ земли, поэзія скальдовъ—въ смыслѣ города.

53) Wend. Gesch. I. 28.

54) Chronogr. Saxo 991. Annales Sangalenses majores ad an. 995. etc.

55) Von den Töpfen Vulkans in Julin, Hakens Pomm. Prov. Bl. IV. 151.

56) Ueber die Nordlandskunde des Adam von Bremen. 169 — 74. Ср. того же автора. Zur Beurtheilung Adams von Bremen. Baltische Studien. VI. 183—204. Разборъ Гизебрехтовыхъ гипотезъ написалъ Лаппенбергъ: von den Quellen, Handschriften und Bearbeitungen des Adam von Bremen. Archiv der Gesellschaft für ælterе Deutsche Geschichte VI, p. 776 Sqq.

57) Saxo, p. 182.

58) Wend. Geschicht. I. 206.

59) Iомсбургская сага, въ первобытной формѣ своей, разсказываетъ о подвигахъ Сигвальди и его товарищей до Гіорунгской битвы. Пальнатоки ей неизвѣстенъ. Впослѣдствіи сага о Пальнатоки вошла въ составъ Iомсбургской и исказила ее, преимущественно въ хронологическомъ отношеніи. Wendische Geschichten III. 376—78, 386—88. Въ послѣдней, испорченной формѣ дошла къ намъ Iомсб. сага. Есть нѣсколько редакцій, но онѣ отличаются одна отъ другой только болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ однихъ и тѣхъ же событій. Существеннаго различія нѣтъ. Я пользовался нѣмецкимъ переводомъ Гизебрехта: Geschichte der Freibeuter von Jom, N. Pomm. Provinzialbll. 1. 90 — 139. Изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ редакцій это, кажется, древнѣйшая.

60) Wend. Gesch. 1. 207.

61) Вопросъ о томъ, кто былъ этотъ Буриславъ, царь земли вендской, много стоилъ труда историкамъ. Сумъ полагалъ, что Исландцы соединили въ одно царствованія польскихъ Мечислава и сына его Болеслава. D) Hist. III. 172. 188. Это мнѣніе ближе всего къ истинѣ. Дѣйствительно, завоеванія Мечислава и въ особенности сына его сблизили ихъ съ волинскими викингами. Болеславъ былъ владѣтелемъ значительной части земли вендской. Свидѣтельства лѣтописей многочисленны. Martinus Gallus. p. 37: „ipse (Boleslaus) namque Selenciam, Pomeraniam et Prussiam usque adeo vel in perfidia resistentes, vel conversos in fide solidavit“... Kadlubek 1. p. 39: „Selenciam, Pomeraniam, Prussiam, Russiamque suae subjiciens ditioni“... Helmold 1. c. 15: „Eodem quoque tempore, Bolizlaus Polonorum christianissimus rex... . omnem Slaviam, quae est ultro Odoram, tributis subjecit....“ Скептицизмъ Гизебрехта здѣсь неумѣстенъ (Wend. Gesch. 1. 232). Отъ исландской саги, по самому способу ея происхожденія, нельзя требовать точности хронологической и мѣстной. Впрочемъ, въ пользу Сумова предположенія есть еще доводъ: Iомсб. сага говоритъ, гл. 13, что Свейнъ датскій и Сигвальди были женаты на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ Бурислафа. У Титмара Мерзебургскаго, лѣтописца строгаго и правдиваго, встрѣчаемъ извѣстіе, что Свейнъ былъ точно женатъ на дочери Ме-

числава, сестрѣ Болеслава, которыхъ Исландцы смѣшивали такъ, какъ они смѣшивали имъ болѣе близкихъ и извѣстныхъ Гаральда и Свейна. Смот. Thietm. Merseb. VII. c. 28.

62) Iomsvik. Saga. cap. 13. Обѣтъ конунга — очевидный анахронизмъ. Сага смѣшиваетъ Гаральда съ Свейномъ, который дѣйствительно воевалъ съ Этельредомъ.

63) Iomsvik. Saga. c. 13.

64) Iomsvik. Saga, c. 13.

65) Iomsvik. Saga, c. 15.

66) Saxo, p. 183.

67) Wend. Gesch. I. 222. Въ 980 Сигвальди былъ еще въ Iомсбургѣ.

68) Исландецъ Бiорнъ принесъ на родину первые разсказы о Пальнатоки. Изъ нихъ сложилась особливая сага, которую впослѣдствiи соединили съ Iомсбургскою. Но сага о Пальнатоки, помѣщенная въ началѣ на перекоръ хронологической точности, поглотила, такъ сказать, остальное содержанiе. Пальнатоки является главнымъ, почти единственнымъ виновникомъ Iомсбургской славы. Саксонъ Грамматикъ разсказываетъ объ немъ только какъ объ отличномъ стрѣлкѣ и убiйцѣ Гаральда Блаатанда.

69) Iomsvik. Saga, c. 7.

70) Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, herausgegeben von der königl. Gesellschaft für nordische Alterthumskunde. Kopenhagen. 1837, стр. 69.

71) Einerson not. ad speculum Regale Norweg. p. 35.

72) Iomsvik. Saga, c. 8.

73) Самое подробное изслѣдованiе о Пальнатоки находится въ упомянутомъ мною изслѣдованiи Веделя Симонсена объ Iомсбургѣ. Основываясь преимущественно на словахъ Саксона: „Toki provincia Iumensi ortus". Ведель полагаетъ, что Пальнатоки, потомокъ этого Токи, былъ Славянинъ. Нелѣпость такого предположенiя доказана П. Э. Мюллеромъ: Ueber Wedel Simonsen. N. Pomm. Provinzialbll. III, 161.

74) Saxo, p. 184 — 6. Невѣроятность Саксоновыхъ разсказовъ бросается въ глаза. Во 1-хъ какъ могли умолчать Исландцы о такихъ событiяхъ, которыя сверхъ своей важности, по самому характеру своему принадлежатъ сагѣ; во 2-хъ, откуда взялъ Гаральдъ власть, которая давала ему возможность подвергать свободныхъ Скандинавовъ такимъ испытанiямъ? Едва ли не правъ П. Э. Мюллеръ, утверждающiй, что весь этотъ разсказъ взятъ изъ какого нибудь восточнаго, зашедшаго на сѣверъ преданiя. Быть можетъ также, что источникомъ этого преданiя былъ Геродотъ III. 34. 35. Но не у одного Саксона встрѣчается оно. Исландскiя саги приписываютъ подвиги, подобные подвигу Пальнатоки, другимъ лицамъ, жившимъ прежде и послѣ Iомсбургскаго вождя. P. E. Müller, Sagabibliothek. II. 172 слѣд. III. 359. Эти басни нашли далекiй отголосокъ. Онѣ повторились потомъ въ исторiи Вильгельма Теля. Кому не знакома эта исторiя? Сомнѣнiя въ достовѣрности событiя, не засвидѣтельствованнаго ни однимъ современникомъ, считались грѣхомъ противъ народной славы Швейцарской. Урiилъ Фрейденбергеръ, авторъ изслѣдованiя Guillaume Tell, fable Danoise, Bern, 1760, былъ судимъ за оскорбленiе отечества, и книга, по судебному приговору, сожжена рукою палача. Не смотря на опасности, грозившiя скептикамъ, не смотря на ученость защитниковъ преданiя о Телѣ, изъ которыхъ достаточно назвать Iоанна Мюллера (Sämmtliche Werke. T. VIII. p. 308), потомство иначе рѣшило это дѣло и оправдало Фрейденбергера. Въ 1835 году появились Urkunden zur Geschichte der eidgenössischen Bünde, изданныя Коппомъ. Это собранiе грамотъ и другихъ актовъ доказало, во 1-хъ, что извѣстiя о началахъ швейцарскаго союза искажены писателями позднѣйшими и что до 1743 года, когда была издана исторiя Швейцарiи Чуди, въ народѣ существовали другiя преданiя, не сходныя съ тѣми, которыя образовались изъ разсказовъ названнаго лѣтописца. Kopp. 44 — 45. Во 2-хъ, Гесслеръ, играющiй столь

важную роль въ сказаніяхъ о Телѣ, никогда не былъ фогтомъ Кюснахтскимъ. Id. p. 63. Наконецъ Гизели въ своихъ Recherches critiques sur l'histoire de Guillaum Telle показалъ, какъ простыя пѣсни народа о стрѣлкѣ Вильгельмѣ (Тель есть имя нарицательное: простякъ) подъ перомъ лѣтописца соединились съ скандинавскими сагами. Какъ и когда эти саги пришли въ Швейцарію, сказать трудно. Быть можетъ, этимъ фактомъ доказывается скандинавское происхожденіе, которое себѣ приписываютъ жители кантона Швица. Аристократическая фамилія Чуди, къ которой принадлежалъ знаменитый лѣтописецъ, жившій въ XVI вѣкѣ и давшій разсказамъ о Телѣ ту форму, въ какой они дошли къ намъ, вела свой родъ изъ далекихъ, восточныхъ странъ.

75) Доказательства приведены выше. Ср. Barthold, Gesch. von Pommern und Rügen, I. 315.

76) Ведель Симонсенъ говоритъ, что Пальнатоки умеръ въ 999 году, но его предположенія основаны только на свидѣтельствѣ Іомсб. саги, источника весьма недостовѣрнаго относительно хронологическихъ опредѣленій. По словамъ саги, Пальнатоки поссорился съ питомцемъ своимъ Свейномъ, получилъ отъ вендскаго царя Бурислава землю Іомъ и умеръ вождемъ Іомсбурга и врагомъ Даніи. Iomsv. Saga c. 7 — 12.

77) Snorre Sturleson, Saga af Olafi konungi Triggwasini, cap. 118—131. Saxo. p. 190 — 191. Adam. Brem. 82. Сводъ и повѣрка противорѣчащихъ одно другому свидѣтельствъ у Гизебрехта. Wend. Gesch. I. 240—250.

78) Wend. Gesch. I. 250. Wedel Simonsen, p. 9. Объ отношеніяхъ Волина къ Іомсбургу у насъ нѣтъ хорошихъ извѣстій. Вѣроятно, что Волинцы были сначала подвластны датскимъ вождямъ Іомсбурга, но когда эта крѣпость отложилась отъ датскихъ конунговъ, Волинцы стали союзниками и сподвижниками бывшихъ господъ своихъ. Изъ словъ Торфея: „adiunctum muneri honore mistum onus, sub custodis limitum titulo arcendi a finibus etc.“. Hist. rer. Norvegic. Part. II. lib. VII. c. 5 можно заключить, что Іомсвикинги *служили* Волинцамъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, если дѣло идетъ объ XI вѣкѣ. Впрочемъ истину Торфеевыхъ предположеній повѣрить трудно, по недостатку пособій.

79) Въ 1043 году, Магнусъ Добрый, король датскій и норвежскій, взялъ и сжегъ Іомсбургъ. „Magnus autem rex, posteaquam in Vindlandiam venit, Iomsborgum aggressus, oppidi munimentis mox expugnatis, incolarum plurimos occidit, oppidum ipsum subiecto igne cremavit, ruraque late vicina incendiis vastavit, maxima belli foeditate grassatus“. Snorre Sturleson. Saga af Magnusi Goda, c. 25. Опустошеніе окрестностей свидѣтельствуетъ о союзѣ, соединявшемъ къ одному дѣлу викинговъ и волинскихъ Вендовъ. Снорре даже жителей Іомсбурга называетъ Вендами: „Vendas Iomsborgum habitantes“ l. c. Схоліастъ Адама Бременскаго № 44 говоритъ о томъ же событіи, но не въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ: „Magnus rex classe magna stipatus Danorum, opulentissimam Slavorum obsedit civitatem Iuminem. Clades par fuit. Magnus omnes terruit Slavos“. Быть можетъ, Магнусъ подходилъ къ самому городу Волину. Приведенныя въ 1-мъ отдѣлѣ слова Гельмольда: „hanc civitatem opulentissimam, quidam Danorum rex maxima classe stipatus etc.“ очень близки къ словамъ стараго схоліаста. Не передѣлалъ ли Гельмольдъ этихъ извѣстій, вслѣдствіе какихъ нибудь недоразумѣній? Ср. Dahlmann, Gesch. von Dännemark, I. 121.

80) „Piraticae usus nostris creber, Sclavis perrarus.... ob hoc latius ad eos manare coepit quod Iulini oppidi piratae, patriae studiis adversum patriam usi, eo maxime Danis, quod ab ipsorum ingeniis traxerant, nocuerunt.“ Saxo. p. 186.—„Ea tempestate Sclavorum insolentia diu Danicae rei miseriis alita.... piratica nostros acerrime lacessebat“. Id. p. 225.—„Magnus... Slavis terribilis qui post mortem Knut Daniam infestabant“ Adam. Brem. 114.

81) Iulinum certissimum Danorum perfugium proscriptorum. Saxo. 225.

82) Alli et Herri Scaniae oriundi, sed eius usum facinoribus demeriti.... ma-

ritimis patriam latrociniis incessentes rem Danicam atrocius profligare coeperunt". Saxo, ibid.

83) Saxo, ibid.

84) Tunc Danica juventus Julinum adorta fractos obsidione cives, quot-quot intra moenia piratas habebant, cum pecunia pactionis nomine praebere coegit. Quibus nostri in potestatem acceptis, laesae patriae poenas crudelissima mortis ratione expetendas duxerunt. Saxo, ibid. За симъ слѣдуетъ описаніе ужасной казни.

85) Nec semel quidem Ericus Sclavici roboris amplitudinem pressit et nervas debilitavit, sed iterum ac tertio effrenata gentis illius ingenia tanto terrore retudit, ut nulla eum ulterius piratici aestus procella pulsaret. Saxo, ibid.

86) Quem incursationis morem nostris annis Waldemari regis maximique pontificis Absalonis propensae pro civibus excubiae domuerunt. Quorum strenuo interventu tranquillus terris cultus geritur, tuta aquis navigatio celebratur. Saxo, 187.

87) Saxo, p. 347. Suen Aggeson apud Langebeck, Scriptores rerum Dan. med. aevi. I. 51. Значительная часть жителей разореннаго Волина удалилась въ Каминъ, куда была перенесена также каѳедра епископа. См. Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen. II. 232. Giesebrecht, Wend. Gesch. III. 225. Волинъ былъ въ послѣдній разъ разоренъ Датчанами, въ 1177 году.

88) Gesch. von Pom. und Rügen. I. 404—423.

89) Ernesti de Kirchberg Chronic. Mecklenburg. ap. Westphalen, Mon. ined. IV. 593—840. Кирхбергъ еще принимаетъ Винету, Юлинъ и Волинъ за названіе того же города.

Als Wynneta wart virstört,
ich hans gelesin und gehört,
Daz sy widder buwete sus,
mechtig der Keysir Iulius,
und nante sy do Iulyn.
nu nennet man sy Wolyn. p. 614.

90) Ranke, Deutsche Gesch. im Zeitalter der Reformation. V. 492. Я надѣюсь представить подробную характеристику этого періода въ исторіи науки въ приготовляемой мною біографіи Ульриха фонъ Гуттена. Ср. также Бартольда Gesch. von Pom. u. R. I. 408.

91) Alberti Crantzii Wandalia. II. c. 19. 20.

92) Dansk. hist. I. 499. II. 159—162.

93) Geschichtl. Untersuchung. ueber Iomsburg. p. 59.

94) Vita S-ti Angarii c. 19. ap. Pertz, II. 704.

95) Wandalia, c. 33.

96) Wineta nobilissima Europae civitas fuisse creditur in terra Usedomensi in Pomerania, ubi adhuc prope Swinam cujusdam nobilis civitatis ostenduntur reliquiae. Pomerania, I. c. 6. Но подводные утесы, которые принимались за развалины Винеты, лежатъ не близь Свины, а слишкомъ три мили далѣе на западъ, у Дамерова.

97) Quidam vero ex ipso situ Winetam dicunt fuisse, quae nunc dicitur Wollin. Nec vanis ducuntur argumentis. Ibid. Меланхтонъ, который коротко зналъ Бугенгагена и, безъ всякаго сомнѣнія, читалъ его сочиненіе о Помераніи, полагалъ, что это Волинъ стоялъ на мѣстѣ Винеты. Вотъ слова его: „non procul a Stettino oppidum est Iulinum, ubi portus commodissimus, quare ibi propter mercatum fuisse olim ajunt amplam urbem, quam Venetam nominant et ruinae adhuc cernuntur". Oratio de vita Bugenhagii in praef. „Portus commodissimus" очевидно нейдетъ къ положенію Волина на Дивеновѣ, но подтверждаетъ мое мнѣніе, что устье Свины служило гаванью торговаго города.

98) Ap. Westphalen, Mon. ined. I. 168. Сочиненіе это написано около 1521 года.

99) Annales Herulorum et Vandalorum, p. 198.

100) Здѣсь дѣло идетъ только о Винетѣ. Вообще Канцовъ не отличался стро-

гимъ уваженіемъ къ истинѣ. Доказательства находятся въ III томѣ Бартольдовой исторіи Помераніи и Рюгена.

101) Aber kein Maurwerk ist mehr dar;... Allein seint die groszen fundamentsteine noch vorhanden und liegen noch so an der Rege, wie sie unter eim Hause ligen pflegen, eins neben dem andern, und an etlichen ortern andere noch droben. Darunter seint so grosze steine, an drey oder vier orten, das sie wol ellen hoch über Wasser scheinen, als das man achtet, es werden da ire kirchen oder ratsheuser gestanden sein.... Und die fischer des orts sagten uns, das noch gantze Steinpflaster der gassen da weren, und weren übermoset, das man sie nicht sehen könte; sunst wan man einen spitzen stangen oder spies hinein stiesze, so könte mans wol fülen.... Aber was wyr sahen, deuchte uns, das es wol so grosz war, als Lübeck". Thomas Kanzow's Chronik von Pommern, in hochdeutscher Sprache, herausgegeben von Fr L. B. von Medem, Anclam, 1841, p. 34—35.

102) Dan ob wol Wollin zu der Zeit ein mechtige Stat gewest, so ist doch Wineta viele mechtiger gewest...." Id. p. 33.

103) Теперь, когда благодаря трудамъ Бемера и Медема изданы оба текста хроники Канцова, очевидно, что „Pomerania", изданная Козегартеномъ и приписанная имъ Канцову, состояла, равно какъ и многіе сборники того же имени и сходнаго содержанія, изъ настоящаго сочиненія Канцова и многочисленныхъ дополненій и вставокъ, сдѣланныхъ впослѣдствіи учеными, которые занимались тѣмъ же предметомъ. Были также и сокращенія.

104) Zedlers Universallexicon. Томъ 57, стр. 819.

105) Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen I. 414.

106) Dähnert, Pom. Bibl., III, 126. Ср. Chythraei prooem. p. 33.

107) Ioh. Micraelii sechs Bücher vom alten Pommerlande. 1723. I. 97. Первое изданіе вышло въ 1640 году.

108) Geographie von norder Deutschland, стр. 123. Geschichte der Pommerschen und Rugianischen Staedte стр. 617.

109) Stolle, Beschreibung und Geschichte von Demmin. Greifsw. 1772, стр. 466.

110) Büschings Magasin, VIII. Geschichte der Stadt Iulin. стр. 389.

111) Стр. 393.

112) Стр. 399.

113) Президентъ Кеффенбринкъ говоритъ, что дочь великаго Бурислафа, Гейра, была назначена отцемъ вице-королевою Поморья. Привожу слова его въ подлинникѣ. Der Geira war einer namens Dixin zum ersten Minister in Hof-und Staatsangelegenheiten an die Seite gesetzet. Als nun eben in diesem Iahr 974 eine fremde Flotte bei dem Vindlandischen oder Iulinschen Werder anlandete, deren Mannschaft mit den Anwohnern der Küste nicht feindselig umging, sondern sich vielmehr *ungemein sittsam und angenehm* aufführte; so übernahm es gedachter Premier-ministre selbst diesen Gästen im Namen der Vice Königin die Ueberwinterung anzutragen... Стр. 402. Эти люди, которые такъ пріятно и нравственно вели себя, были Норманы Олафа Триггвезона, одного изъ самыхъ жестокихъ пиратовъ X-го вѣка.

114) Vier und zwanzig Bücher Allgemeiner Geschichte, въ полномъ собраніи сочиненій, томъ III, 218. При этомъ нельзя не вспомнить строгаго и отчасти справедливаго приговора, который произнесъ надъ Мюллеромъ другой болѣе великій историкъ, Нибуръ.

115) Этотъ „Codex", который служитъ дополненіемъ къ „Justicia Lubicensis" напечатанъ у Вестфалина. Mon. ined. III. p. 632.

116) Ipse vero Haraldus graviter sauciatus fugit ex acie, ascensaque navi elapsus est ad civitatem opinatissimam Slavorum, nomine Winnetam. Helmold. I. 15. Ср. Adam. Brem. 70.

117) Zöllners Reise durch Pommern nach Rügen, стр. 505.

118) Lindfors de civitate Iomensi. p. 72.

119) Slowanské starožitnosti, p. 894.

120) Ibid. 69.

121) Scriptores rerr. Danic. medii aevi I. 51—50.

122) См. примѣчанія къ Штенгеймову изданію Гельмольдовой лѣтописи, p. 581.

123) Chronicon Slavorum Helmoldi ex recensione Henr. Bangerti, p. 48.

124) Eccardi Corp. hist. medii aevi, I. 339.

125) Ibid. II.

126) Lindenbrogii Scriptores rer. Septentrionalium, p. 189. Эту Луннету смѣшивали многіе съ скандинавскимъ Лундомъ, противъ чего возставалъ еще Бугенгагенъ.

127) Westphalen, Mon. ined. III. 632.

128) Barthold, Gesch. von Pom. und Rügen. I. 420. Руморъ видѣлъ въ Любскомъ архивѣ не напечатанный списокъ членовъ городоваго совѣта, въ которомъ вовсе не упоминается о Юлинѣ и Винетѣ. Sammlung für Kunst und Historie, I. 79.

129) Geschichtl. Untersuchungen über Iomsburg, p. 37. Грамота Генриха IV отъ 1064 года. Она напечатана у Линденброга Scriptores rerum germanicarum Septentrionalium etc. p. 142, № 28.

130) Zöllner, Reise nach Rügen, 123, 522, 523.

131) Vedel Simonsen, Gesch. Untersuchungen über Iomsburg, p. 44.

132) Ibid.

133) Ueber die Gebirgstrümmer einer vorgeblich von der See verschlungenen Stadt Vineta, Zach: Monathl. Correspondenz. 1802. Mai, стр. 438. October, стр. 347.

134) Humoristische Reisebilder. 1838.

135) Ibid. p. 75—98.

136) Gesch. von Rügen und Pommern, I. 420. Примѣчаніе. Вотъ въ короткихъ словахъ опроверженіе Мейнгольдовыхъ положеній: иноземное слово Винета не могло быть основою народнаго преданія; если бы въ самомъ дѣлѣ море поглотило каменный городъ, то развалины его по прошествіи столѣтій не могли бы остаться въ томъ правильномъ расположеніи, какое замѣтили Канцовъ и Луббехъ; камень, найденный близь Свинемюнде, самъ по себѣ ничего не доказываетъ, а сверхъ того, его никто не видалъ въ Штетинѣ, куда, по словамъ г. Мейнгольда, онъ былъ посланъ; черепки отъ урнъ встрѣчаются не въ однѣхъ окрестностяхъ Дамерова; найденныя золотыя монеты, даже если бы этотъ фактъ былъ достовѣрнѣе, недостаточное свидѣтельство. Такіе клады попадались не разъ въ разныхъ мѣстахъ острова Волина. Что море въ глубокой древности измѣнило форму острова и оторвало даже часть берега—это возможно и даже вѣроятно; но этимъ не доказывается существованіе поглощеннаго города.

137) XIV-й Отчетъ Общества померанской исторіи и древностей. Baltische Studien, VII. 249—253.

138) Wend. Gesch. II. 128.

139) Ibid.

АББАТЪ СУГЕРІЙ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

De ces monuments le plus instructif, le plus authentique, est, sans contredit, la vie de Louis le Gros, par Suger. On ne saurait l'étudier avec trop de soin et de trop près. Elle repend des lumières infinies sur l'état de la société française à cette époque. J'en tirerai presque tout ce que je vais mettre sous vos yeux.

Guizot, *Hist. de la civilisation en France*. Leçon 42.

(Диссертація на степень доктора. Напечатана особою книгою въ 1849 году).

При бѣдности нашей исторической литературы, при недостаткѣ книгъ, удовлетворяющихъ существеннымъ потребностямъ русскихъ читателей, каждое новое историческое сочиненіе должно оправдать свое появленіе важностію своего содержанія. Нуждаясь въ необходимомъ, мы не имѣемъ права на ученую роскошь. Германія справедливо гордится отдѣломъ своей литературы, доступнымъ однимъ спеціальнымъ ученымъ, безчисленными монографіями, въ которыхъ разобраны мельчайшія подробности каждой науки. Но намъ еще далеко до такого богатства. Ученая производительность идетъ у насъ не въ уровень съ требованіемъ читающей публики. У насъ нѣтъ не только хорошихъ оригинальныхъ, но даже переводныхъ книгъ объ исторіи главныхъ народовъ древняго и новаго міра. Нѣтъ значительныхъ произведеній, къ которымъ могли бы примкнуть частныя изслѣдованія. При такомъ положеніи литературы монографіи не могутъ имѣть большаго значенія, принести существенной пользы. Онѣ по необходимости получаютъ характеръ отрывковъ, незанимательныхъ для публики, мало знакомой съ содержаніемъ цѣлаго.

Къ чему же послужитъ въ такомъ случаѣ изслѣдованіе объ аббатѣ Сугеріи? Мало ли именъ болѣе громкихъ, съ бо́льшимъ правомъ на общее вниманіе сохранила исторія? Стоило ли писать разсужденіе о предметѣ, не имѣющемъ для насъ никакого, по крайней мѣрѣ признаннаго, значенія? Частная цѣль автора — полученіе высшей ученой степени — не можетъ служить оправданіемъ безплодному для другихъ труду. Скажемъ болѣе: чѣмъ значительнѣе начитанность, обнаруженная въ такомъ трудѣ, тѣмъ строже долженъ быть падающій на него приговоръ. Сухое, не приложенное къ пользѣ общества знаніе, въ наше время не высоко цѣнится. Оно слишкомъ легко достается. Если увеличился матеріалъ науки, то съ другой стороны и еще въ бо́льшей

степени усилились средства, которыми его можно себѣ усвоивать. Современниковъ Гримма, Неандра, Шлоссера трудно удивить одною ученостію.

Не приписывая особенной важности изслѣдованію, которое предлагаю теперь на судъ русскихъ читателей, я смѣю думать, что оно, именно по предмету своему, не лишено нѣкоторой занимательности.

Исторію не безъ основанія обвиняютъ въ несправедливости. Она часто даетъ успѣхъ неправому дѣлу, часто возлагаетъ вѣнецъ побѣды на недостойное чело. Иногда слава подвига достается не самому совершителю, а другому, заслонившему его случайно или умышленно. Исторія довольствуется осуществленіемъ законовъ, которымъ подчинено ея движеніе, и предоставляетъ нашему нравственному чувству приговоръ надъ людьми, избранными ею для достиженія ея цѣлей. Благо тому, кто явнымъ дѣломъ или невѣдомымъ, духовнымъ участіемъ содѣйствовалъ осуществленію Историческаго закона. Въ наслажденіи подвигомъ онъ обрѣлъ себѣ высшую награду, какую даетъ жизнь. Но совершенное имъ не всегда по достоинству оцѣнено современниками, и имя его можетъ не дойти до потомства. Въ славѣ болѣе случайнаго, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ исправленіи такихъ несправедливостей Исторіи заключается одна изъ самыхъ благородныхъ обязанностей Историка. Онъ долженъ поставить на видъ забытыя заслуги, уличить беззаконныя притязанія. Это нравственная, въ высшемъ значеніи слова юридическая часть его труда. Нужно ли доказывать ея важность? Исторія можетъ быть равнодушна къ орудіямъ, которыми она дѣйствуетъ, но человѣкъ не имѣетъ права на такое безстрастіе. Съ его стороны оно было бы грѣхомъ, признакомъ умственнаго или душевнаго безсилія. Мы не можемъ устранить случая изъ отдѣльной и общей жизни, но нельзя допустить его тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ людей, на которыхъ лежитъ великая отвѣтственность Исторической роли. Приговоръ долженъ былъ основанъ на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла. Онъ произносится не съ цѣлью тревожить могильный сонъ подсудимаго, а для того чтобы укрѣпить подверженное безчисленнымъ искушеніямъ нравственное чувство живыхъ, усилить ихъ шаткую вѣру въ добро и истину. Да будетъ же воздано каждому по заслугамъ: признательность разнороднымъ труженикамъ, въ потѣ лица работавшимъ на человѣчество, удовлетворившимъ какому-нибудь изъ его требованій; строгое осужденіе людямъ, обманувшимъ современниковъ счастливою отвагою или геніальнымъ эгоизмомъ. Въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнію.

Аббата Сугерія конечно нельзя поставить на ряду съ великими двигателями всемірной Исторіи. Онъ принадлежитъ исключительно одному народу, одному вѣку. Въ числѣ его современниковъ встрѣтимъ людей съ болѣе обширнымъ кругомъ вліянія, съ болѣе глубокимъ умомъ. Но можно смѣло сказать, что онъ положилъ первый камень политическаго зданія, достроеннаго Лудовикомъ XIV, т. е. французской монархіи. До него король былъ только вождемъ феодальной аристократіи. Вліяніе Сугерія, или лучше сказать церкви, которой онъ былъ органомъ въ государствѣ, заставило Лудовика VI стать въ иное положеніе. Явилась новая теорія монархической власти. Государямъ Капетингской династіи была указана новая цѣль, новая дѣятельность. Политическая Исторія этой эпохи, столь важной по своимъ отношеніямъ къ дальнѣйшимъ судьбамъ Франціи, изложена мною въ настоящемъ изслѣдованіи. Сугерію принадлежитъ въ немъ первое мѣсто. Онъ имѣетъ на него двоякое

право: какъ дѣйствующее лицо и какъ Историкъ. Въ „Жизни Лудовика Толстаго", написанной аббатомъ Сугеріемъ, находится не только подробный разсказъ о незамѣченной другими лѣтописцами борьбѣ обновленной монархіи съ непокорными ей стихіями общества, но въ ней высказана самая мысль, вызвавшая борьбу. Главнымъ представителемъ этой мысли былъ никто другой, какъ аббатъ Св. Діонисія.

Въ заключеніе считаю нужнымъ отдать отчетъ въ тѣхъ ученыхъ пособіяхъ, какими я пользовался при составленіи моего изслѣдованія.

Наиболѣе обязанъ я знаменитому собранію памятниковъ французской Исторіи, изданному Бенедиктинскими монахами конгрегаціи Св. Мавра (Recueil des Historiens des Gaules et de la France). Для краткости я привожу въ ссылкахъ только имя Буке (Bouquet), перваго изъ издателей. Я нашелъ здѣсь не одни только тексты источниковъ, но множество указаній всякаго рода. Къ сожалѣнію нѣкоторые памятники, важные для Исторіи Франціи въ XI и XII вѣкѣ, напечатаны въ этомъ собраніи неполнѣ. Я прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ другимъ сборникамъ, находящимся въ библіотекѣ Московскаго Университета, особенно въ изданнымъ Дюшеномъ (Duchesne): Historiae Francorum scriptores, въ IV томѣ которыхъ помѣщено почти все непосредственно касающееся до Сугерія, и къ сдѣланному подъ надзоромъ Гизо переводу французскихъ лѣтописей (Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au XIII siècle). Съ равною признательностію долженъ я упомянуть о другомъ превосходномъ трудѣ тѣхъ же Бенедиктинцевъ, о начатой ими Histoire littéraire de la France. Подобной исторіи отечественной литературы нѣтъ ни у одного народа. Она замѣнила мнѣ много книгъ, которыхъ нельзя достать ни въ нашихъ библіотекахъ, ни черезъ книгопродавцевъ. Изъ монографій, относящихся къ моему предмету, у меня была только большая статья объ аббатѣ Сугеріи графа Карне, напечатанная имъ въ I томѣ Études sur les fondateurs de l'unité nationale en France. Paris, 1848. Она написана умно, съ вѣрнымъ взглядомъ на аббата Св. Діонисія, но въ сущности есть болѣе литературное, чѣмъ ученое произведеніе. Изъ мелкихъ недосмотровъ автора, изъ многорѣчивыхъ, не всегда нужныхъ описаній и отступленій можно заключить, что онъ не далъ себѣ труда подробно изучить время Сугерія. Другой, вышедшей еще въ XVIII вѣкѣ, болѣе обширной біографіи Сугерія (Histoire de Suger par. D. Gervaise, 3 volumes), которою много пользовался Карне, я не видалъ и знаю ее только по его ссылкамъ и строгому, но повидимому справедливому отзыву Бенедиктинцевъ (Histoire littéraire de la France, XII, 362, 403).

Такое лице, какъ Сугерій, не могло не обратить на себя вниманіе новѣйшихъ писателей французской исторіи. Гизо посвятилъ ему нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ Исторіи французской цивилизаціи. Сисмонди и Генрихъ Мартенъ довольно подробно говоритъ о немъ, разсказывая царствованіе Лудовика Толстаго. Заслуги и недостатки Женевскаго историка и его взглядъ на событія довольно извѣстны образованнымъ читателямъ. Можно напередъ угадать его воззрѣніе на аббата Св. Діонисія. Онъ смотритъ на него, какъ моралистъ Женевской школы. Простой, не столь подробный, но вѣрный источникамъ разсказъ Мартена по моему мнѣнію выше. Странно, что Мишеле почти не коснулся Сугерія и его дѣятельности. Онъ едва упомянулъ о немъ.

Начало Капетингской династіи не предвѣщало той великой будущности, которая была суждена этому роду. Гугонъ Капетъ и его ближайшіе преемники почти не выдвигались изъ рядовъ феодальной аристократіи, которой они считались главами. Въ числѣ ихъ вассаловъ были владѣльцы, далеко превосходившіе ихъ своимъ могуществомъ и вліяніемъ на современныя событія. Четыре поколѣнія Капетинговъ сошли въ могилу, не совершивъ ни одного памятнаго народу дѣла. Ихъ нельзя сравнивать съ послѣдними государями вытѣсненной ими династіи. Потомки Карла Великаго пали не вслѣдствіе личныхъ ошибокъ или недостатковъ, а подъ бременемъ тяжелаго наслѣдія, завѣщаннаго имъ предкомъ. Это наслѣдіе заключалось въ идеяхъ государственнаго единства и порядка, взятыхъ у Римскаго міра и неприложимыхъ къ обществу, которое разлагалось на самыя дробныя части свои. Феодализмъ одолѣлъ, потому что другой политической формы не могли вынести тогдашніе народы западной Европы; но паденіе Каролинговъ не было постыдно. Они сдѣлали все, что̀ могли сдѣлать воля и силы одного рода противъ неотразимаго движенія событій. Гугонъ Капетъ поднялъ вѣнецъ, свалившійся съ головы умершаго на двадцатомъ году отъ рожденія Лудвига V. Дѣло было не трудное. Кромѣ слабаго Карла Лотарингскаго, дяди Лудвига, у Гугона не было соперниковъ. Изъ другихъ вассаловъ французскаго короля никто не искалъ безплодной чести быть первымъ между равными (primus inter pares). Монархическія понятія предыдущей и послѣдующей эпохи были чужды феодальной Франціи X вѣка. Король былъ для нея не выраженіемъ народнаго единства, а представителемъ прошлаго, враждебнаго настоящему порядка вещей. Его значеніе основывалось на преданіи, а не на живыхъ потребностяхъ общества. Вѣрная союзница монархіи, церковь испытала въ X столѣтіи такую же участь; она должна была уступить феодализму, заключивъ съ нимъ невыгодную для себя сдѣлку. Этимъ объясняется равнодушіе, обнаруженное современниками при переворотѣ 987 года. Леннымъ владѣльцамъ нечего было жалѣть о паденіи прежней династіи, за которою они сознавали много нарушенныхъ ими правъ. Новая династія была ровесница новому обществу. Она стояла въ у̀ровень съ нимъ и не внушала ему никакихъ опасеній, потому что не могла ничего требовать во имя прошедшаго. Ея родоначальникъ принадлежалъ самъ къ сословію, положившему конецъ государству Карла Великаго. Отношенія Гугона къ вассаламъ лучше всего высказались въ извѣстныхъ словахъ Альдеберта, графа Пери-

горскаго. На вопросъ разгнѣваннаго короля: кто поставилъ тебя графомъ? онъ отвѣчалъ другимъ: кто поставилъ тебя королемъ? Есть причины думать, что Гугонъ не былъ лично убѣжденъ въ законности своихъ правъ на престолъ. Онъ царствовалъ девять лѣтъ, но не носилъ вѣнца королевскаго, говорятъ о немъ лѣтописи (1). Введенный имъ и болѣе двухъ сотъ лѣтъ существовавшій во Франціи (2) обычай короновать наслѣдника престола при жизни отца можетъ въ свою очередь служить доказательствомъ непрочнаго положенія первыхъ Капетинговъ. Только церковь имѣла возможность дать своимъ признаніемъ и благословеніемъ нравственную основу ихъ сомнительному праву.

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что Капетинги XI вѣка мало заслуживали покровительства церкви. Господствующимъ явленіемъ этого столь богатаго событіями вѣка было освобожденіе церкви изъ подъ феодальной опеки. Изъ государей тогдашней Европы французскіе короли всѣхъ менѣе приняли участія въ великой распрѣ между свѣтскою и духовною властію. Причастные симоніи не менѣе другихъ князей (3), они ни разу не обнаружили намѣренія стать въ ряды противниковъ, или заступниковъ папы. Проклятіе, произнесенное главою Западной Церкви надъ сыномъ и правнукомъ Гугона Капета (4), не было слѣдствіемъ ихъ сопротивленія его волѣ: оба они навлекли на себя праведный гнѣвъ папъ личными страстями своими, проступками, въ которыхъ не было ничего общаго съ религіозно-политическимъ движеніемъ той эпохи. Отзывы лѣтописцевъ о короляхъ Робертѣ, Генрихѣ I и Филиппѣ I доказываютъ, что ихъ бездѣйствіе было съ негодованіемъ замѣчено современниками. „Мы видѣли“, говоритъ лѣтопись Анжуйская, „праздное правленіе короля Роберта. Сынъ его, нынѣшній королекъ (regulus) Генрихъ не уступаетъ отцу въ постыдной лѣни (5)“. Преемникъ Генриха, Филиппъ I-й подвергся еще болѣе жестокимъ нареканіямъ. Въ 1074 году, Григорій VII писалъ французскимъ епископамъ: „государство французское, нѣкогда столь славное и могущественное, давно уже сошло съ высоты своего величія и, при возрастающей порчѣ нравовъ, утратило важнѣйшія добродѣтели. Но въ настоящее время достоинство и честь государства окончательно погибли. Законы презрѣны, право попрано. Дѣла позорныя, жестокія, невыносимыя совершаются безнаказанно и обратились въ обычай. Виною всему наущаемый дьяволомъ король, или, лучше сказать, притѣснитель вашъ. Жизнь его опозорена постыдными и преступными поступками, правленіе безплодно, достойно жалости и презрѣнія. Такого правителя нельзя найти даже въ басняхъ (6)“. Въ этихъ обвиненіяхъ, безъ сомнѣнія, много преувеличеннаго. Король Филиппъ былъ слабый, но отнюдь не жестокій государь. Генрихъ IV началъ великую борьбу имперіи съ папствомъ; французскій вассалъ завоевалъ Англію; начались крестовые походы, а французскій король не двигался, и среди всѣхъ этихъ происшествій, только однажды заставилъ говорить о себѣ, когда женился на Бертрадѣ, графинѣ Анжуйской, увезенной имъ отъ живаго мужа Фулькона Угрюмаго. Церковь расторгла беззаконный бракъ, но связь продолжалась къ соблазну цѣлой Европы. Бертрада примирила своихъ супруговъ: она нерѣдко являлась съ

обоими народу. Король садился съ нею рядомъ, графъ на скамьѣ, у ея ногъ. Много всякаго рода оскорбленій вынесъ Филиппъ въ теченіи сорокавосьмилѣтняго царствованія своего отъ духовенства и вассаловъ; но онъ не пытался стать выше, оградить себя отъ возможности подобныхъ обидъ. Быть можетъ, не одно нравственное безсиліе было причиною его терпѣнія. Стоитъ взглянуть на карту Франціи предъ концемъ XI вѣка, для того, чтобы убѣдиться въ рѣшительномъ перевѣсѣ властей феодальныхъ надъ королевскою (7).

Изъ 86 департаментовъ нынѣшней Франціи, около двадцати принадлежали тогда къ совершенно другой политической системѣ. Изъ нихъ образовались герцогства Лотарингскія, графство Бургундское и королевство Арелатское, которыя входили въ составъ Германской имперіи. Болѣе тридцати (8) департаментовъ, лежащихъ къ югу отъ Луары, принадлежали герцогамъ Аквитанскимъ, графамъ Тулузскимъ и другимъ туземнымъ династамъ, вслѣдствіе географическаго положенія своихъ владѣній, мало доступныхъ вліянію короля. Князья южной Франціи упоминали его имя въ своихъ грамотахъ, изрѣдка призывали его въ посредники между собою, но въ сущности пользовались полною независимостію. Только къ сѣверу отъ Луары могла бы утвердиться власть первыхъ Капетинговъ, если бы ея развитіе не было сдержано сосѣдствомъ такихъ сильныхъ вассаловъ, какими были герцоги Нормандскій и Бургундскій, графы Фландріи, Вермандуа, Шампаніи, Анжу и другіе менѣе сильные, но столь же гордые вассалы, наравнѣ съ королемъ носившіе титулъ свой „Божіей милостію". Родовыя владѣнія Капетинговъ, или герцогство Франція, заключали въ себѣ не болѣе пяти департаментовъ (Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, Уазы, Луарè). Но и на этомъ ограниченномъ пространствѣ не всегда была признаваема воля Филиппа I; не только купцы и путешественники, но онъ самъ подвергался опасности быть захваченнымъ въ плѣнъ при переѣздѣ изъ одного города своей области въ другой. Между этими городами возвышались многочисленные замки бароновъ Капетингскаго герцогства. Владѣльцы Куси, Монфоръ, Монлери, Пюизе, Монморанси, графы Мелана и Корбеля безнаказанно грабили церковныя и королевскія имѣнія. Они стояли долгое время наравнѣ съ великими вассалами, потому что подобно имъ находились въ непосредственномъ ленномъ отношеніи къ королю. Впослѣдствіи установилось справедливое различіе между владѣльцами великихъ коронныхъ ленъ и владѣльцами ленъ, лежавшихъ въ родовой области короля. За крѣпкими стѣнами своихъ замковъ имъ нечего было бояться малочисленной королевской дружины. Уцѣлѣвшіе вблизи отъ Парижа остатки этихъ зданій, безъ которыхъ былъ бы невозможенъ феодальный порядокъ вещей, служатъ лучшимъ обличеніемъ насильственной, безправной эпохи. Башня замка Куси, котораго часть взорвана на воздухъ по приказанію кардинала Мазарини, другая разрушена землетрясеніемъ 1692 года, стоитъ до сихъ поръ. Она имѣетъ 305 ф. въ объемѣ и 172 въ вышину. Съ высоты такихъ башенъ бароны Куси не безъ презрѣнія смотрѣли на беззащитный міръ, который лежалъ у ихъ ногъ (9). Въ наше время видъ средневѣковыхъ укрѣпленій приводитъ къ

инымъ мыслямъ: глядя на нихъ и воспоминая ихъ назначеніе, можно вполнѣ оцѣнить переворотъ, произведенный введеніемъ огнестрѣльнаго оружія въ общественныхъ отношеніяхъ западной Европы. Только пушка могла вразумить феодальнаго хищника и доказать ему существованіе обязательнаго даже для него закона.

Но ослушники королевской власти жили не въ однихъ замкахъ. Въ городахъ видимъ тоже насиліе, тоже угнетеніе слабаго сильнымъ. Король принадлежалъ къ числу первыхъ, потому что онъ одинъ долженъ былъ, по положенію своему, защищать порядокъ противъ цѣлаго общества, преданнаго безначалію, мѣрявшаго право силою. Жители Лаона неоднократно отнимали лошадей и били служителей короля Филиппа, когда онъ пріѣзжалъ въ ихъ городъ (10). Тотъ-же свидѣтель, который передалъ намъ эти подробности, разсказываетъ, что окрестные поселяне, приходившіе за покупками на Лаонскій рынокъ, подвергались многочисленнымъ опасностямъ. Городскіе сановники, пользуясь самыми ничтожными предлогами, брали ихъ подъ стражу и держали въ тюрьмѣ до выкупа; еще чаще попадались они въ руки простыхъ граждантъ, которые, подъ видомъ торга, приводили ихъ къ себѣ въ домъ, запирали и выпускали на волю только тогда, когда бѣдные земледѣльцы соглашались удовлетворить ихъ требованіямъ уступкою значительной части своего имущества. Жаловаться было некому. „Воровство и разбой совершались явно вельможами и ихъ прислужниками", прибавляетъ Гибертъ Ногентскій: „Ночному страннику не было спасенія: онъ былъ обреченъ на разграбленіе, плѣнъ или смерть" (11). Къ совершенному безсилію исполнительной власти должно прибавить отсутствіе законодательной. Постановленія короля были обязательны только для его собственныхъ владѣній. Сеймы каролингскаго періода давно вышли изъ употребленія и не были замѣнены другимъ соотвѣтственнымъ учрежденіемъ. Не только у отдѣльныхъ сословій, но у отдѣльныхъ мѣстностей были свои особенныя права, своенравные, противорѣчившіе одинъ другому юридическіе обычаи. Племенные законы предыдущаго періода уступили мѣсто мѣстнымъ, еще болѣе противнымъ государственному единству. Что̀ ни колокольня, то особый законъ, говоритъ старая французская пословица.

Таково было во Франціи, въ исходѣ XI вѣка, положеніе монархической власти, на судьбу которой Сугерію было суждено имѣть такое сильное вліяніе. Онъ родился около 1081 г., близъ Сентъ-Омера (12). Отецъ его Гелинандъ, человѣкъ низкаго происхожденія, сложилъ съ себя рано заботы о воспитаніи сына, ввѣривъ его участь монастырю Св. Діонисія. Передача малолѣтнихъ дѣтей ихъ родителями церкви совершалась посредствомъ особеннаго обряда (oblatio), которымъ навсегда разрывались связи младенца съ семействомъ и съ міромъ. Сугерію было вѣроятно не болѣе пяти лѣтъ, когда церковь приняла его подъ покровъ свой (13). Монастырь Св. Діонисія былъ уже давно знаменитъ своими святынями, могуществомъ и богатствомъ. Онъ могъ содержать доходами съ земель своихъ до ста тысячъ человѣкъ въ годъ, и самъ король находился въ числѣ его ленниковъ. Но благочестіе братіи далеко не соотвѣтствовало славѣ обители: ихъ слишкомъ

занимали управленіе монастырскими имѣніями, постоянныя распри съ враждебными сосѣдями и непокорными вассалами. Льготы и права обители, изъятой изъ-подъ епископскаго надзора и подчиненной прямо папѣ, ставили ея аббата на ряду съ знатнѣйшими духовными сановниками и князьями Франціи.

Наружность мальчика, принесеннаго Гелинандомъ въ даръ Св. Діонисію, не предвѣщала ничего особеннаго. Природа вложила великую, твердую и прекрасную душу въ тѣло малое и тщедушное, говоритъ современный біографъ (14). Но аббатъ Ивонъ замѣтилъ способности Сугерія и не далъ имъ заглохнуть въ праздности. Онъ отправилъ его въ подвѣдомое ему пріорство Летрейское. Здѣсь получилъ Сугерій первое образованіе. Въ 1095 году онъ возвратился въ монастырь по распоряженію Ивонова преемника Адама. Обстоятельство это показываетъ, что Сугерій уже обратилъ на себя вниманіе, что успѣхи, имъ сдѣланные, были значительны. Его вызвали съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ свои занятія вмѣстѣ съ наслѣдникомъ французскаго престола Лудвигомъ, котораго Филиппъ поручилъ на три года аббату Адаму. Не смотря на различіе характеровъ и состояній, между обоими юношами образовалась тогда тѣсная, до смерти обоихъ продолжавшаяся связь. Сугерій былъ немного моложе (15), но зрѣлѣе умомъ, вообще даровитѣе и образованнѣе своего друга. Заимствуемъ нѣкоторыя черты изъ составленнаго имъ впослѣдствіи, быть можетъ, не совсѣмъ безпристрастнаго описанія молодаго Лудовика. На тринадцатомъ году онъ уже обѣщалъ государству, котораго былъ наслѣдникъ, скорое приращеніе, церкви и бѣднымъ надежнаго заступника. Онъ отличался красивыми чертами лица, высокимъ и стройнымъ станомъ, скромнымъ нравомъ. Охота и дѣтскія забавы рано перестали занимать его и отвлекать отъ воинственныхъ упражненій. Крайнюю доброту его многіе принимали за признакъ умственной простоты. Къ Св. Діонисію и основанной въ честь его обители питалъ онъ особенное уваженіе и нерѣдко изъявлялъ желаніе вступить въ число братіи этой обители (16). Чему и какъ учились юноши, соединенные подъ надзоромъ аббата Адама, объ этомъ не говорятъ скудные подробностями такого рода источники. Вопросъ о воспитаніи мало занималъ людей XI-го вѣка. Основательное образованіе было нужно только высшему духовенству. Умственныя потребности другихъ сословій легко удовлетворялись. Но дѣятельность Лудовика Бодраго свидѣтельствуетъ о томъ вліяніи, какое на него имѣло пребываніе въ монастырѣ Св. Діонисія. Онъ вынесъ оттуда понятіе о правахъ и долгѣ монарха, чуждое его предшественникамъ и феодальному міру вообще (17). Новая, по возможности приложенная имъ къ дѣйствительности, теорія могла образоваться только въ церкви, изъ которой исходили всѣ великія идеи того времени. Она или сберегла ихъ какъ преданія, или выработала самобытно, озирая событія съ недоступной прочимъ элементамъ средневѣковаго общества высоты ея основнаго начала. Написанная Сугеріемъ „Жизнь Лудвига VI“ имѣетъ для Исторіи весьма важное значеніе (18). Съ одной стороны, это единственный памятникъ, показывающій намъ героическій періодъ юной монархіи, обновленной и освященной нравственными идеями, которыя

она заимствовала у церкви; съ другой, здѣсь обличается словами самого біографа вліяніе его и цѣлаго сословія, которому онъ принадлежалъ, на ходъ происшествій. Не смотря на общія бо́льшей части тогдашнихъ лѣтописей недостатки формы, это произведеніе отмѣчено опредѣленнымъ, ему исключительно принадлежащимъ характеромъ. Видно, что оно написано человѣкомъ, который смотрѣлъ на міръ не изъ монастырскаго окна и не довольствовался однимъ описаніемъ видѣннаго. Замѣчанія, вставленныя имъ въ подробный разсказъ о войнахъ Лудвига Бодраго съ мелкими вассалами герцогства Франціи, для историка важнѣе самыхъ войнъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ заключаются главныя черты новаго воззрѣнія на государство, той монархической теоріи, которой дальнѣйшее развитіе принадлежитъ Филиппу Августу, Св. Лудвигу и ихъ преемникамъ. Аббатъ Сугерій имѣлъ полное право поставить эпиграфомъ къ своему сочиненію: quorum pars magna fui. Онъ не сдѣлалъ этого и вообще осторожно говоритъ о собственной политической дѣятельности, какъ бы изъ опасенія затмить чужую, болѣе дорогую ему славу. Но не трудно отдѣлить его участокъ изъ суммы сдѣланнаго при немъ во Франціи. Онъ былъ посредникомъ между государствомъ и церковію, главнымъ представителемъ вышепоказанныхъ нами направленій. Лудвигу VI принадлежала только честь смѣлаго и дѣятельнаго исполненія идей, данныхъ ему его наставниками въ монастырѣ Св. Діонисія, и въ особенности дру́гомъ, котораго онъ тамъ же нашелъ. Въ 1098 году Лудвигъ возвратился ко двору отца и около того же времени былъ признанъ соправителемъ (19). Старый король, исключительно занятый своей страстію къ Бертрадѣ, жилъ подъ бременемъ церковнаго проклятія, не обращалъ вниманія на то, что̀ дѣлалось кругомъ его, и охотно передалъ управленіе сыну, котораго первое появленіе на политическомъ поприщѣ доставило ему прозваніе Бодраго и Воинственнаго (éveillé et batailleur). Преемникъ Вильгельма-Завоевателя, Вильгельмъ Рыжій, думалъ воспользоваться безпечностію короля Филиппа и отнять у него принадлежавшую ему часть графства Вексинскаго (Vexin) (20). Сугерій приписываетъ ему даже болѣе обширные замыслы: намѣреніе овладѣть всѣмъ королевствомъ французскимъ. Но такъ какъ „несправедливо и неестественно было бы Французамъ повиноваться Англичанамъ, или Англичанамъ Французамъ, событія обманули его ненавистную надежду", и Лудвигъ отразилъ всѣ его нападенія. Споръ былъ весьма неравный. Съ одной стороны опытный, богатый, самовольно располагающій средствами могущественнаго государства король, съ другой—юноша и нѣсколько сотъ рыцарей, которыхъ онъ созвалъ и удерживалъ при себѣ только личнымъ вліяніемъ (21). Неожиданная смерть Вильгельма (22) положила конецъ этой войнѣ, но не воинственнымъ трудамъ его молодаго противника. Лудовикъ былъ первый изъ Капетинговъ, обнажившій мечъ для защиты королевскаго права и общественнаго порядка, равно нарушаемыхъ феодализмомъ. Въ 1101 году ему удалось отплатить монастырю Св. Діонисія за полученное тамъ образованіе. Вассалъ монастырскій Бушаръ, баронъ Монморанси, отказался отъ исполненія своихъ ленныхъ обязанностей. Король Филиппъ потребовалъ, по жалобѣ аббата, Бушара къ суду, соста-

вленному изъ его перовъ, т. е. бароновъ королевской области. Судъ приговорилъ ослушника, за котораго стояли графъ Бомона и баронъ Муши (Mouchy le Chatel), но позволилъ ему, сообразно съ обычаемъ Франковъ, безпрепятственно возвратиться домой (23). Сугерій посвятилъ три главы (II—IV) описанію войны Лудовика съ Бушаромъ и его союзниками. Замѣчательнѣе всего въ этомъ разсказѣ слѣдующія слова: Бушаръ испыталъ въ скоромъ времени всѣ тревоги, всѣ бѣдствія, которыми королевская власть караетъ непокорныхъ подданныхъ (24). Такихъ выраженій не встрѣтимъ у французскихъ лѣтописцевъ, повѣствующихъ дѣла предшественниковъ Лудовика VI. Подданными короля можно было назвать только жителей принадлежавшихъ ему городовъ. Относительно вассаловъ онъ былъ ленный господинъ (suzerain), первый между равными ему. Новыя притязанія Лудовика были оправданы побѣдою. Мятежные бароны смирились.

За первою удачею послѣдовали другія. Церковь Реймская давно жаловалась на притѣсненія Эбала, барона Руси, и его сына Гишара. Эбалъ принадлежалъ къ числу самыхъ предпріимчивыхъ и сильныхъ бароновъ сѣверной Франціи. Онъ ходилъ съ цѣлою имъ собранною арміею въ Испанію для войны съ тамошними Маврами. Соединенный родствомъ съ главными феодальными династіями Шампаніи и Лотарингіи, онъ опустошалъ, не встрѣчая почти сопротивленія, Реймскую епархію, находившуюся подъ непосредственнымъ покровительствомъ и господствомъ короля. Жалобы, принесенныя на него Филиппу, остались безъ отвѣта со стороны слабаго государя. Лудовикъ рѣшился на опасную борьбу. Съ 700 рыцарей, составлявшихъ вооруженную свиту короля (maison armée du roi), онъ пошелъ на Эбала. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ онъ успѣлъ нѣсколько разъ разбить Эбала и его союзниковъ, разорилъ ихъ земли огнемъ и мечемъ и отплатилъ грабителямъ разграбленіемъ ихъ собственныхъ владѣній, говоритъ Сугерій. Доставивъ выгодный миръ Реймской епархіи, Лудовикъ долженъ былъ немедленно идти на помощь Орлеанской. Леонъ, вассалъ тамошняго епископа, отнялъ у него два замка. Королевская дружина возвратила ихъ законному владѣльцу, самъ Леонъ погибъ, защищаясь въ укрѣпленной имъ церкви (25).

Какъ ни маловажны эти военныя предпріятія въ сравненіи съ современными имъ крестовыми походами или войнами нѣмецкихъ императоровъ, они имѣютъ большое значеніе для Франціи и слѣдовательно для остальной Европы. Наслѣдникъ французскаго престола явился въ нихъ рыцаремъ церкви, ея защитникомъ противъ феодализма. Слѣдствія такого союза опредѣлить не трудно. Всѣ угнетаемыя сословія обратились съ надеждой на помощь къ королевской власти. Феодализмъ былъ общій притѣснитель. Двухсотлѣтній, рѣшительный перевѣсъ надъ другими силами государства укрѣпилъ въ немъ врожденныя ему привычки насилія, сообщилъ имъ даже видъ законности. Вотъ почему попытка Лудовика поразила ту часть Франціи, которая была театромъ его дѣятельности, своею новизною и смѣлостію. Давно уже свѣтская власть не вступалась за слабыхъ и бѣдныхъ, только церковь оказывала имъ участіе и посильное пособіе. Ей принадлежитъ благотворное учрежденіе „Божьяго мира“, вырвавшаго нѣсколько дней изъ феодальной

недѣли. Но она была не въ силахъ принудить къ строгому соблюденію Божьяго мира, получившаго вслѣдствіе этого характеръ болѣе нравственнаго, чѣмъ политическаго учрежденія. Надобно притомъ замѣтить, что французское духовенство въ эпоху, о которой здѣсь говорится, было не такъ сильно, какъ нѣмецкое или даже итальянское. Архіепископы, епископы, аббаты значительныхъ монастырей въ Германіи были настоящіе князья, ни въ чемъ не уступавшіе герцогамъ и графамъ. Они сами водили въ битву многочисленныя дружины свои. У французскихъ прелатовъ не было ни такихъ правъ, ни такого воинственнаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ правили обширными епархіями и стояли на верхней ступени ленной лѣстницы, т. е. принадлежали къ непосредственнымъ ленникамъ короля, къ его перамъ. Но ихъ могущество было ограничено не только хищными сосѣдями, не упускавшими, какъ мы видѣли, случаевъ пограбить въ церковныхъ владѣніяхъ, а собственными сановниками, которымъ были ввѣрены, по обычаю, мірской судъ и расправа, вмѣстѣ съ начальствомъ надъ дружиною епископа или монастыря. Эти видамы и адвокаты церквей (advocati ecclesiarum, avoués) угнетали ленныхъ господъ своихъ и всѣми силами старались обратиться изъ сановниковъ въ владѣльцевъ, т. е. присвоить себѣ данныя имъ въ управленіе или въ ленъ земли. Различное положеніе французскаго и нѣмецкаго духовенства объясняется исторіею развитія центральной власти въ обѣихъ странахъ. Еще въ X столѣтіи императоры Саксонской династіи противопоставили сдерживаемой ими свѣтской аристократіи духовную, болѣе надежную, потому что въ ней не было наслѣдственности. Этой политики держались нѣмецкіе государи вообще, до спора за инвеституру. У первыхъ преемниковъ Гугона не было ни такихъ замысловъ, ни силъ, необходимыхъ для ихъ осуществленія (26).

Между тѣмъ Сугерій продолжалъ заниматься науками (27). Не ранѣе 1103 года явился онъ при дворѣ. Дружба, соединявшая его съ наслѣдникомъ престола, и обширныя знанія доставили ему тотчасъ положеніе и вліяніе, несоотвѣтственныя его лѣтамъ и происхожденію. Сверхъ богословія, составлявшаго главный предметъ изученія въ монастырскихъ школахъ, Сугерій обладалъ основательными свѣдѣніями въ философіи, риторикѣ и—что̀ было тогда весьма рѣдко — хорошо зналъ исторію своего народа. Крѣпкая память его равно хранила тексты Священнаго писанія и отрывки изъ классическихъ писателей, особенно Горація, читанныхъ имъ въ ранней молодости. Въ болѣе зрѣлые годы онъ читалъ почти исключительно творенія Отцовъ церкви и книги, относившіяся къ церковной исторіи. Краснорѣчіе его было увлекательно. Но онъ не удовольствовался, какъ бо̀льшая часть его собратій, употребленіемъ латинской рѣчи; онъ заботился объ изяществѣ и правильности роднаго языка. Sermone Cicero, говоритъ объ немъ восторженный современникъ (28).

Онъ прибылъ въ пору ко двору короля Филиппа. Лудовикъ только что избѣжалъ двоякой опасности. Въ 1103 году онъ ѣздилъ въ Англію; вмѣстѣ съ нимъ прибылъ тайно отъ него отправленный гонецъ его отца съ письмомъ къ королю Генриху. Филиппъ приглашалъ сосѣда оставить у себя

молодаго гостя и держать его въ заточеніи. Сыновья Вильгельма Завоевателя не отличались строгою нравственностію, но такое нарушеніе правилъ рыцарской чести было не подъ силу даже Генриху I. Онъ разсказалъ все Лудовику и далъ ему возможность тотчасъ возвратиться въ Парижъ. Здѣсь раскрылись вполнѣ малодушіе Филиппа и злоба Бертрады. Она уже успѣла сбыть съ рукъ старшаго пасынка своего, прижитаго въ первомъ бракѣ Фулькономъ Анжуйскимъ, Готфрида Мартела, и такимъ образомъ доставила графство своему сыну отъ Фулькона, носившему имя отца. Ей хотѣлось достигнуть той же цѣли относительно королевства французскаго и возвести на престолъ Филиппа или Флора, сыновей своихъ отъ короля. Для этого надобно было устранить Лудовика. Когда онъ возвратился изъ Англіи, Бертрада подкупила трехъ чернокнижниковъ, которые взялись извести его въ теченіи 9 дней, но ихъ замыслъ открылся ранѣе и не удался. Нетерпѣливая мачиха прибѣгла къ послѣднему средству — къ отравѣ. Лудовикъ былъ спасенъ искусствомъ врача, учившагося у Мавровъ; однако оставшаяся на цѣлую жизнь болѣзненная блѣдность лица свидѣтельствовала о силѣ даннаго ему яда. Филиппъ принялъ роль примирителя между наложницею и сыномъ. Онъ своими просьбами смягчилъ праведный гнѣвъ послѣдняго, отдалъ ему въ полное владѣніе Понтуазъ и графство Вексинское и вообще пересталъ вмѣшиваться въ дѣла королевства (29). Можно предположить, что примиреніе Филиппа съ церковью было слѣдствіемъ этой сдѣлки. Въ декабрѣ 1104 года онъ принесъ торжественное покаяніе въ грѣхахъ своихъ и клятвенно обѣщалъ прервать сношенія съ Бертрадою. Папскій легатъ снялъ съ него тяготѣвшее надъ нимъ отлученіе отъ церкви. Не смотря на клятву свою, Филиппъ остался вѣренъ прежнему образу жизни. Бертрада даже приняла титулъ королевы. Но церковь не тревожила ихъ болѣе. Съ этой эпохи разсказъ Сугерія становится подробнѣе, личное участіе его въ событіяхъ замѣтно.

Въ числѣ крестоносцевъ, малодушно бѣжавшихъ изъ Антіохіи, осажденной Кербогою, былъ Гвидонъ Труссель, владѣлецъ замка Монлери, между Парижемъ и Орлеаномъ. Пользуясь этимъ положеніемъ, Гвидонъ и его предки часто прерывали сообщенія между обоими городами, обирали прохожихъ и вообще сильно тѣснили Капетинговъ, которые безъ ихъ согласія или военнаго прикрытія не могли посѣтить лежавшихъ на югъ отъ столицы своихъ владѣній; постыдное бѣгство изъ Антіохіи положило неизгладимое пятно на честь Гвидона. Оставленный, презираемый всѣми, онъ боялся за участь единственной дочери своей и потому охотно согласился на предложеніе короля, хотѣвшаго женить на ней Филиппа, старшаго сына своего отъ Бертрады. Бракъ совершился, но замокъ Монлери достался не новобрачнымъ, а Лудовику, который далъ брату въ замѣнъ графство Мантское въ Вексинѣ. Радость Капетинговъ была велика; точно у нихъ вынули соломинку изъ глаза или сняли ограду, въ которой они до того времени были заключены, замѣчаетъ Сугерій (30). Онъ самъ слышалъ слова, сказанныя Филиппомъ Лудовику: „сынъ мой, береги эту башню. Отъ нея было мнѣ много обидъ; отъ нея я преждевременно состарѣлся. Она не давала мнѣ

отдохнуть въ мирѣ“ (31). Другое счастливое обстоятельство значительно содѣйствовало къ водворенію спокойствія въ южной части королевской области. Родной дядя Труселя, Гвидонъ, графъ Роніфора и Шатофора, дотолѣ непокорный и враждебный королю (32), возвратился со славою и богатствомъ изъ Іерусалима. Онъ занялъ при французскомъ дворѣ должность сенешала и помолвилъ свою дочь за наслѣдника престола. Сенешалъ стоялъ въ то время выше всѣхъ прочихъ сановниковъ по вліянію и власти. Онъ заступалъ мѣсто короля въ судѣ, мѣсто конетабля въ войскѣ, и сверхъ того имѣлъ надзоръ надъ превотами (prevots, praepositi). Должность сенешала была наслѣдственная въ родѣ графовъ Анжуйскихъ, но они рѣдко исправляли ее сами и обыкновенно предоставляли ее другимъ, не столько важнымъ владѣльцамъ (33). Въ продолженіи двухъ лѣтъ Гвидонъ вѣрно служилъ королю Филиппу.

Изъ приведенныхъ словъ Сугерія „nobis audientibus“ видно, что онъ былъ свидѣтелемъ описываемыхъ имъ въ VIII главѣ событій. Положительнаго участія его въ совѣщаніяхъ, происходившихъ по поводу замка Монлери, мы не въ правѣ предположить, не смотря на авторитетъ ученыхъ Бенедиктинцевъ (34). Впрочемъ поприще практической дѣятельности открылось для него скоро. Въ іюлѣ 1106 года онъ присутствовалъ, вѣроятно, въ свитѣ своего аббата, на соборѣ, созванномъ папскимъ легатомъ Брунономъ въ Пуатье, для обсужденія мѣръ къ поддержанію королевства Іерусалимскаго. Менѣе чѣмъ черезъ годъ, въ мартѣ 1107 года, ему досталась честь защищать предъ лицемъ папы Пасхалія II, прибывшаго во Францію, права и льготы монастыря Св. Діонисія противъ епископа Парижскаго Галона, который ихъ оспоривалъ. Каноническій приговоръ состоялся въ пользу молодаго инока, глубоко изучившаго грамоты и другіе акты, хранившіеся въ монастырскомъ архивѣ (35). Пасхалій посѣтилъ обитель Св. Діонисія. Свидѣтельство Сугерія объ его пребываніи тамъ показываетъ, какое мнѣніе распространено было во Франціи о римскомъ духовенствѣ. „Онъ (т. е. папа) оставилъ потомству единственный, достопамятный и небывалый у Римлянъ примѣръ, ибо не только не требовалъ, какъ этого боялись, ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камней, принадлежавшихъ монастырю, но даже не удостоилъ ихъ взглядомъ“ (36). Подобныхъ выраженій о римской куріи и Римлянахъ въ „Жизни Лудовика Толстаго“ встрѣчается не мало. Причиною прибытія папы во Францію была его распря съ имперіею. Послы Генриха явились въ свою очередь въ Шалонѣ на Марнѣ. Здѣсь, на неутральной землѣ, должны были происходить переговоры. Аббатъ Адамъ и Сугерій провожали Пасхалія II въ Шалонъ. Французовъ удивилъ рѣзкій до угрозы языкъ нѣмецкихъ пословъ, стоявшихъ за права своего государя. Эти строптивые люди, казалось, были присланы для того, чтобы внушить страхъ противникамъ, а не для разумныхъ совѣщаній. Особенно отличился герцогъ Вельфъ, исполинъ ростомъ и великій крикунъ, передъ которымъ всюду и всегда носили мечь его. На рѣчь епископа Піяченцскаго, говорившаго въ пользу Римской церкви, они отвѣчали съ германскимъ неистовствомъ (Theutonico impetu): не здѣсь, а въ Римѣ, мечемъ рѣшимъ мы этотъ споръ,—

и вообще едва воздерживались отъ насильственныхъ поступковъ (37). По ихъ удаленіи, папа отправился въ Труа, гдѣ держалъ соборъ. Оттуда онъ возвратился въ Римъ, „исполненный любви къ Французамъ, которые служили ему всѣми силами, и страха и ненависти къ Нѣмцамъ“ (38). Таково было первое знакомство Сугерія съ папскимъ дворомъ, первое вмѣшательство его въ великіе вопросы, занимавшіе тогда церковь.

Соборъ въ Труа объявилъ между прочимъ недѣйствительнымъ брачное обѣщаніе, данное Лудовикомъ дочери графа Рошфорскаго. Предлогомъ служило дальнее родство между женихомъ и невѣстою; въ самомъ дѣлѣ рѣшеніе собора состоялось подъ вліяніемъ враговъ и завистниковъ (39) сенешала, во главѣ которыхъ стояли три брата Гарландъ. Обиженный отецъ не только самъ взялся за оружіе, но побудилъ къ возстанію многочисленныхъ родственниковъ и друзей своихъ, въ томъ числѣ молодаго Теобальда, графа Шартра и Блуа. Театромъ военныхъ дѣйствій были окрестности замка Гурне на Марнѣ. Счастіе было постоянно на сторонѣ Лудовика; онъ разбилъ своихъ противниковъ, взялъ Гурне и вслѣдъ за тѣмъ совершилъ походъ въ Берри, гдѣ личною отвагою, „неприличною царственной особѣ“ (40), положилъ конецъ непослушанію барона Сенъ-Севера. Чѣмъ ниже падалъ въ общественномъ мнѣніи король Филиппъ, исключительно занятый Бертрадою, тѣмъ выше подымался его наслѣдникъ, на плечахъ котораго лежала давно вся тяжесть государственнаго управленія. Съ 1108 начинается его настоящее царствованіе. Филиппъ умеръ 29 іюня этого года.

Личная связь Сугерія съ новымъ королемъ и роль, которую онъ игралъ при его дворѣ, объясняютъ многіе пропуски и намеки въ „Жизни Лудовика Толстаго“. Мы видѣли выше, что въ ней даже не упомянуто о покушеніяхъ Бертрады на жизнь пасынка; о разрывѣ брака между Луціеною Рошфоръ и Лудовикомъ говорится мелькомъ; съ такою же осторожностію говоритъ біографъ о событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ его героя. Сугерій очевидно зналъ болѣе, чѣмъ передалъ намъ. Онъ не искажаетъ событій, но умалчиваетъ о тѣхъ подробностяхъ, которыя почему нибудь считаетъ оскорбительными для чести королевскаго дома или для сильныхъ современниковъ. Въ такихъ случаяхъ политикъ обыкновенно беретъ верхъ надъ лѣтописцемъ.

Смерть короля Филиппа оживила надежды партіи, враждебной законному наслѣднику престола, опасавшейся его смѣлости и дѣятельности. Душою этой партіи стала Бертрада, не забывшая прежнихъ замысловъ. Сыновья ея отъ обоихъ мужей, Филиппъ Мантскій (которому, неизвѣстно когда и какъ, но еще при покойномъ королѣ, Лудовикъ возвратилъ Монлери) и Фулькonъ, графъ Анжуйскій, ея братъ графъ Амальрихъ Монфорскій соединились въ возставшими прежде вассалами короля, бывшимъ сенешаломъ Гвидономъ, котораго мѣсто при дворѣ заступилъ Ансельмъ Гарландскій, и его родственниками. Ихъ владѣнія со всѣхъ сторонъ облегали Парижъ (41). Опасность была велика, но Лудовикъ зналъ цѣну времени и не терялъ его. По совѣту друзей, въ особенности Ивона, епископа Шартрскаго, знаменитѣйшаго богослова той эпохи (42), онъ вѣнчался на царство черезъ пять

ней послѣ смерти отца. Обрядъ вѣнчанія происходилъ не въ Реймсѣ, гдѣ обыкновенно короновались короли французскіе, а въ болѣе близкомъ и надежномъ Орлеанѣ. Присутствіе многочисленныхъ прелатовъ служило доказательствомъ участія, какое духовенство принимало въ судьбѣ молодаго государя. Архіепископъ Сансскій (Sens) „снялъ съ него мечъ мірскаго воинства и опоясалъ его другимъ, благословеннымъ церковью на защиту храмовъ и бѣдныхъ и на казнь преступниковъ" (43). Протестація Реймскаго архіепископа пришла поздно. Ивонъ Шартрскій написалъ возраженіе противъ требованій Реймской епархіи, въ которомъ говоритъ прямо о „крамольникахъ, имѣвшихъ въ виду или вручить королевскую власть другому лицу, или умалить ее" (44). Мы не послѣдуемъ за лѣтописцемъ въ изложеніи войны Лудовика съ его вассалами. Онъ еще разъ отнялъ Монлери у непокорнаго брата; Бертрада удалилась въ монастырь, гдѣ вскорѣ умерла; графъ Рошфорскій и сынъ его Гугонъ Крессійскій, послѣ неоднократныхъ пораженій, были усмирены, но самые успѣхи короля вызывали противъ него новыхъ враговъ. Не одни владѣльцы его родовой области, герцогства Франціи: ихъ сосѣди,—бароны Нормандіи и Шампаніи, приняли участіе въ борьбѣ, развязка которой не могла не обнаружить вліянія на ихъ собственное положеніе. Это было общее дѣло феодализма. Генрихъ I, строгій блюститель королевской власти въ Англіи, охотно помогалъ французскимъ мятежникамъ. Въ 1109 годъ онъ взялъ обманомъ Жизоръ и отвѣчалъ насмѣшкою на рыцарское предложеніе своего леннаго господина кончить споръ поединкомъ (45). О состояніи тѣхъ частей Франціи, гдѣ шла война, о феодальныхъ нравахъ первой половины XII вѣка вообще, можетъ дать понятіе слѣдующій эпизодъ, заимствуемый нами изъ „Жизни Лудовика Толстаго" (46).

На одномъ изъ возвышеній, образуемыхъ берегами Сены, находилось странное и грозное феодальное жилище, неправильно названное замкомъ Рошъ-Гюонъ (Rupes Guidonis, Roche Guyon). Замокъ этотъ состоялъ изъ обширнаго подземелья, высѣченнаго въ крутой скалѣ. Узкій, удобный къ защитѣ входъ велъ въ этотъ вертепъ, котораго владѣльцы вполнѣ пользовались выгодами своего положенія на счетъ бѣдныхъ жителей окрестныхъ селеній и городовъ. Въ началѣ XII вѣка Рошъ-Гюонъ принадлежалъ Гвидону, кроткому юношѣ, непричастному злобѣ и хищничеству предковъ. Къ несчастію у него былъ тесть дурнаго нрава (proditor incomparabilis), Вильгельмъ, родомъ Норманъ. Ему давно хотѣлось отнять у зятя безполезное въ его рукахъ пристанище. Однажды, во время вечерней службы, онъ пришелъ въ церковь, которая соединялась съ замкомъ тѣснымъ проходомъ, пробитымъ въ скалѣ, впустилъ туда своихъ сообщниковъ и потомъ напалъ на Гвидона. Жена послѣдняго, дочь Вильгельма, надѣялась спасти мужа, закрывъ его своимъ тѣломъ. Ее убили вмѣстѣ съ нимъ. Та-же участь постигла ихъ дѣтей, которыхъ убійцы разбивали о камни. Выбросивъ трупы, Вильгельмъ спѣшилъ усилить дружину свою и сталъ громко звать испуганныхъ свидѣтелей кроваваго дѣла. Онъ обѣщалъ имъ богатую добычу и всякаго рода награды за оказанную ему помощь. Подъ первымъ впечатлѣніемъ ужаса никто не рѣшился пристать къ нему. Между тѣмъ Вексинское ры-

царство, которое боялось, чтобы король Генрихъ, бывшій въ то время въ Нормандіи, не пришелъ на помощь Вильгельму, заняло всѣ пути къ Рошъ-Гюону, заставило убійцъ, не успѣвшихъ запастись съѣстными припасами, сдаться и предало ихъ мучительной смерти. У Вильгельма заживо вырѣзали изъ груди сердце. Лѣтописецъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ разсказываетъ объ этой казни, не менѣе самаго преступленія характеризующей эпоху.

По всей вѣроятности, Сугерій рѣдко бывалъ при дворѣ въ первые годы правленія Лудовика. Онъ былъ слишкомъ занятъ ввѣреннымъ ему управленіемъ двухъ изъ важнѣйшихъ помѣстій, принадлежавшихъ монастырю Св. Діонисія. Аббатъ Адамъ назначилъ его превотомъ Берневаля въ Нормандіи и Тури, между Этампомъ и Орлеаномъ. Такія должности доставляли лицамъ, которымъ онѣ поручались, возможность жить внѣ монастырскаго правила и часто возлагали на нихъ обязанности, приличныя только мірянамъ. Сугерій долженъ былъ отстаивать права своего монастыря противъ притязаній нормандскихъ чиновниковъ въ Берневалѣ; еще съ гораздо большими опасностями пришлось ему бороться въ Тури. Здѣсь у него былъ сосѣдомъ Гугонъ Красивый, владѣтель замка Пюизе, смѣлый и жестокій рыцарь, наводившій такой страхъ на весь край, что многіе, ненавидѣвшіе его, служили ему изъ одного опасенія навлечь на себя его гнѣвъ (47). Въ особенности терпѣли отъ него земли графа Теобальда Шартрскаго и церковныя (48). Тури было богатое, со всѣхъ сторонъ открытое, беззащитное мѣсто. Обстоятельства требовали отъ монастырскаго превота не одной хозяйственной или административной дѣятельности. Ему часто приходилось самому садиться на коня и отражать хищниковъ. Настоянія Сугерія, склонившаго окрестное духовенство и графа Шартрскаго дѣйствовать за одно съ нимъ (49), побудили наконецъ Лудовика принять строгія мѣры противъ владѣльца Пюизе. Въ 1111 году онъ созвалъ нарочно по этому поводу парламентъ въ Мелёнѣ (Melun). Съѣхавшіеся прелаты на колѣняхъ молили короля, „какъ намѣстника Божія, какъ живой образъ Божества“ (50), избавить ихъ отъ притѣсненій новаго Фараона. Приглашенный къ отвѣту Гугонъ не хотѣлъ повиноваться. Надобно было прибѣгнуть къ силѣ.

Осада замка Пюизе принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ военныхъ предпріятій Лудовика Толстаго. Сугерій принялъ рѣшительное участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ укрѣпилъ Тури и снабжалъ отсюда королевскія войска всѣмъ нужнымъ (51). Главныя силы Лудовика состояли изъ церковныхъ дружинъ (52), которымъ онъ былъ обязанъ успѣшнымъ окончаніемъ осады. Гугонъ отбилъ два приступа; попытка Сугерія зажечь замокъ, посредствомъ придвинутыхъ къ стѣнѣ тележекъ съ сухимъ хворостомъ, пропитаннымъ саломъ и запекшеюся кровью (53), не удалась; при третьемъ приступѣ, старый священникъ, приведшій лично своихъ прихожанъ, подошелъ, закрываясь отъ стрѣлъ простою доскою, къ самой оградѣ и началъ вытаскивать изъ нея колья. Его примѣру послѣдовали другіе и ворвались съ разныхъ сторонъ въ укрѣпленіе. Замокъ былъ взятъ, и владѣлецъ его заключенъ въ Шато Ландонъ. Но эта побѣда вовлекла Лудовика въ новую распрю. Графъ Шартр-

скій, которому онъ оказалъ помощь противъ Гугона, потребовалъ себѣ часть отнятыхъ у послѣдняго владѣній и вступилъ въ тѣсный союзъ съ дядею своимъ, Генрихомъ англійскимъ (54). Всѣ прежніе враги короля охотно примкнули къ этому союзу. Смерть Одона, графа Корбельскаго, увеличила трудности и опасность. Ближайшимъ наслѣдникомъ умершаго былъ Гугонъ Красивый, котораго Лудовикъ держалъ подъ стражею въ Шато Ландонѣ. Ему была возвращена свобода съ слѣдующими условіями: онъ отказался отъ Корбеля, обѣщалъ болѣе не тревожить своими требованіями церковныя имѣнія и не возстановлять безъ королевскаго согласія срытыхъ укрѣпленій своего замка. Сугерій, присутствовавшій при всѣхъ переговорахъ съ Гугономъ, не вѣрилъ его обѣщаніямъ и противъ воли согласился на договоръ съ нимъ (55). „Онъ обманулъ насъ", говоритъ онъ, „не искусствомъ, а коварствомъ своимъ" (56).

Поведеніе барона Пюизе оправдало эти предсказанія. Тотчасъ по освобожденіи, онъ приступилъ къ исправленію своего замка, упросилъ Сугерія ѣхать съ порученіемъ отъ него къ королю, который въ то время находился въ Фландріи, и пользуясь его отсутствіемъ, осадилъ Тури. Къ счастію осторожный превотъ оставилъ здѣсь надежныхъ защитниковъ, отразившихъ первое нападеніе. Самъ Сугерій, узнавъ о случившемся, поспѣшилъ возвратиться и, подвергаясь опасности быть взятымъ или убитымъ, пробрался въ Тури, вмѣшавшись при приступѣ въ ряды непріятеля (57). Король не замедлилъ придти къ нему на выручку. Пюизе подвергся новой осадѣ. Лудовикъ по обычаю бился храбро, такъ что лѣтописецъ опять упрекаетъ его въ отвагѣ, болѣе приличной простому воину, чѣмъ государю (58). Въ самомъ дѣлѣ, его запальчивость была причиною сильнаго пораженія его войскъ, при чемъ онъ самъ едва избѣжалъ плѣна, который при тогдашнихъ обстоятельствахъ могъ имѣть огромное вліяніе на судьбу французской монархіи. Эта неудача была впрочемъ заглажена рѣшительною побѣдою и вторичнымъ взятіемъ Пюизе. Побѣдители разрушили его до основанія, какъ „мѣсто, преданное Божественному проклятію". Всѣ остальные члены феодальнаго союза испытали въ этой войнѣ болѣе или менѣе неудачъ, и лѣтописецъ, переходя къ описанію другихъ событій, заключаетъ многозначительными словами: „обязанность государей подавлять могущественною рукою, *по первобытному праву своей должности* (59), кичливость тирановъ, раздирающихъ государство безконечными войнами, полагающихъ наслажденіе въ грабительствѣ, разорителей бѣдныхъ и разрушителей храмовъ Божіихъ..." (60). Впослѣдствіи Гугону еще разъ удалось овладѣть развалинами своего замка и даже убить въ единоборствѣ сенешала Франціи, Ансельма Гарландскаго (61), но у него уже не было силъ для дальнѣйшей борьбы не только съ королемъ, но съ Сугеріемъ, возвысившимся до званія аббата Св. Діонисія. Бывшій баронъ Пюизе кончилъ жизнь въ Палестинѣ, гдѣ послѣ такихъ же дѣлъ умеръ отецъ его. Такъ обыкновенно заключали свое поприще защитники феодальнаго порядка въ эпоху, о которой идетъ рѣчь (62). Въ крестовомъ походѣ они находили удовлетвореніе двоякой потребности: войны и покаянія. Кровью магометанъ думали они смыть съ себя пятна, наложенныя другою кровью. Въ

монастыри и государства крестоносцевъ сбывала Европа среднихъ вѣковъ избытокъ безпокойныхъ, неугомонныхъ силъ, при вольной игрѣ которыхъ невозможно было бы утвержденіе правильныхъ, подчиненныхъ строгому закону обществъ. Почти въ одно время (около 1120 г.) съ Гугономъ Красивымъ сошелъ со сцены другой опасный противникъ Капетингскаго дома, Гугонъ Крессійскій, сынъ бывшаго сенешала Гвидона. Онъ вступилъ въ братство Клюнійское (63).

Мы видѣли, что Сугерій участвовалъ въ послѣднихъ событіяхъ не однимъ совѣтомъ. Онъ дѣятельно помогалъ Лудовику и безъ сомнѣнія ускорилъ паденіе замка Пюизе. Но его вліяніе уже простиралось за тѣсные предѣлы Капетингскихъ владѣній. Въ 1112 году онъ былъ въ Римѣ на соборѣ, который предалъ проклятію императора Генриха V и объявилъ недѣйствительнымъ договоръ, заключенный съ нимъ въ предыдущемъ году папою Пасхаліемъ относительно инвеституры (64). Тогда же король французскій оставилъ роль празднаго зрителя въ спорѣ между церковью и имперіей. Онъ сталъ явно на сторонѣ папы. Собранное, по его совѣту и при его пособіи, въ Вѣнѣ (1112 года 16 сентября) духовенство Франціи повторило произнесенное въ Римѣ надъ Генрихомъ проклятіе (65). Рѣшеніе Лудовика и путешествіе Сугерія ко двору папы совпадаютъ не безъ причины. Между этими властителями, столь неравными по объему и характеру ихъ могущества, образовалась съ той поры тѣсная связь, начало которой французскіе историки напрасно ищутъ въ Каролингскомъ періодѣ или при первыхъ преемникахъ Гугона Капета. Отношенія Карла Великаго къ каѳедрѣ Св. Петра были другаго рода: въ нихъ подразумѣвалось подчиненіе церкви главѣ свѣтскаго государства. Языкъ, которымъ Римскіе епископы говорили съ сыномъ и правнукомъ Гугона Капета, показываетъ, что они не высоко цѣнили ихъ вражду или пріязнь. Во второмъ десятилѣтіи XII вѣка, когда споръ за инвеституру принялъ столь грозный для Пасхалія оборотъ, Франція явилась самой вѣрной заступницею угнетенной церкви. Нѣсколько областныхъ соборовъ въ теченіи немногихъ лѣтъ выразили ея мнѣнія. Король, духовенство и народъ стояли за одно. Болѣе всего выиграло въ этомъ случаѣ нравственное значеніе короля. Его не заслоняли болѣе предъ Европою сильные или даровитые вассалы: онъ лично стоялъ во главѣ движенія, поднявшагося въ пользу папы. Стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ доставило ему вліяніе на развязку тяжбы, въ которой рѣшалась судьба Запада. Нельзя не признать, что Лудовикъ умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Онъ однимъ разомъ возвратилъ все утраченное его предшественниками въ общественномъ мнѣніи Европы. Но былъ ли онъ самъ въ состояніи понять важность событій, въ средоточіи которыхъ его поставила исторія, или на его долю остается только честь осуществленія чужой, подсказанной ему мысли—вотъ вопросъ, для разрѣшенія котораго необходимо составить себѣ ясное понятіе о личномъ характерѣ и степени даровитости Лудовика Толстаго. Жизнь его, написанную Сугеріемъ, часто и не совсѣмъ безъ основанія называютъ панегирикомъ. Мы выше замѣтили, что при несомнѣнномъ пристрастіи біографа къ царственному другу, онъ осторожно, нехотя гово-

рить о собственной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, читая внимательно этотъ памятникъ, сличая его съ показаніями другихъ не столь подробныхъ источниковъ, невольно приходишь къ такому заключенію: преемникъ Филиппа былъ добродушный, храбрый, дѣятельный государь; трехлѣтнее пребываніе въ монастырѣ Св. Діонисія обогатило его многими идеями, чуждыми феодальному міру, развило въ немъ чувство высшей справедливости, требованіе лучшаго государственнаго порядка, но онъ не принадлежалъ къ числу людей съ крѣпкою волею и независимымъ, самостоятельнымъ убѣжденіемъ. Его воля была почти всегда подчинена чужой; его убѣжденіе доставалось ему извнѣ. Его біографъ дважды упрекаетъ его въ томъ, что онъ велъ себя болѣе какъ простой воинъ, чѣмъ какъ полководецъ. Лудовикъ не могъ поступать иначе. Онъ былъ не что иное какъ исполнитель, но исполнитель усердный и смѣлый, прикрывшій блескомъ рыцарскихъ доблестей политическую теорію, которую чрезъ него проводилъ въ жизнь аббатъ Св. Діонисія. „Съ Лудовика Толстаго начинается новая эра; объемъ его власти, самая сфера его дѣятельности еще очень ограничены; результаты его усилій незначительны, по крайней мѣрѣ для настоящаго. Театромъ его подвиговъ почти всегда окрестности Парижа: онъ упражняетъ свое мужество и умъ противъ владѣльцевъ простыхъ замковъ, ограждая безопасность дорогъ, защищая купцовъ. Однако въ этихъ мелкихъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣе значительныхъ предпріятіяхъ можно замѣтить намѣреніе утвердить правильное, центральное правительство. Королевская власть отдѣляется отъ леннаго господства (suzeraineté) и требуетъ, хотя робко, но отъ собственнаго имени, правъ другаго рода. Она выступаетъ какъ высшая общественная власть, призванная поддерживать въ пользу всѣхъ и противъ всѣхъ справедливость и порядокъ. Эта власть еще недостаточна для осуществленія такой задачи, но въ ней самой и въ умахъ ея подданныхъ уже пробуждается сознаніе ея достоинства и призванія. Таковъ характеръ царствованія Лудовика Толстаго. Онъ мало сдѣлалъ для гражданской свободы, но много для образованія государства и національнаго правительства; онъ первый вывелъ монархію изъ феодальнаго порядка, сообщилъ ей новое начало, новое положеніе. Въ этомъ дѣлѣ, котораго развитіе опредѣлило судьбу Франціи, могущественно участвовалъ Сугерій, въ теченіи двадцатипятилѣтняго управленія своего (66)“.—Прибавимъ, что современники назвали аббата Св. Діонисія Соломономъ и отцомъ отечества (67). Они не могли не знать, кто правилъ государствомъ, на комъ лежала главная отвѣтственность и кому слѣдовала награда за великія перемѣны, совершенныя во Франціи въ первой половинѣ XII столѣтія.

Съ 1112 года Сугерій, оставаясь въ званіи превота Турійскаго, велъ исключительно всѣ переговоры французскаго короля съ папскимъ дворомъ. Когда заступившій на каѳедрѣ Св. Петра мѣсто Пасхалія (умершаго въ генварѣ 1118 г.) Гелазій II былъ изгнанъ изъ Рима императорской партіею и прибылъ на островъ Магалонъ просить, по примѣру предшественниковъ своихъ, покровительства у короля Лудовика и состраданія у французской церкви, Сугерій былъ отправленъ къ нему на встрѣчу съ дарами

и привѣтомъ своего государя (68). Въ Везеле должны были съѣхаться Гелазій и Лудовикъ, который, судя по выраженіямъ его біографа, намѣренъ былъ оказать папѣ дѣйствительную помощь противъ непокорныхъ Римлянъ (69). Свиданіе это не состоялось, по случаю смерти Гелазія, скончавшагося въ Клюнійскомъ монастырѣ. На французской землѣ происходило избраніе его преемника. Выборъ кардиналовъ палъ на Гвидона, архіепископа Вѣнскаго, человѣка рѣдкихъ дарованій, близкаго родственника и друга Лудовика Толстаго (70). Онъ принялъ имя Каликста II и въ этомъ же 1119 году созвалъ въ Реймсѣ соборъ, которому предстояло рѣшеніе главныхъ церковныхъ и политическихъ вопросовъ, занимавшихъ западную Европу. Не говоря о дѣлахъ меньшей важности, прелаты, созванные въ Реймсѣ, должны были разсудить папу съ императоромъ, Лудовика французскаго съ Генрихомъ англійскимъ.

Мы уже упоминали о вмѣшательствѣ англійскаго короля въ распри его леннаго господина съ мятежными вассалами. Генрихъ былъ постоянно на сторонѣ послѣднихъ. Случай, очень обыкновенный при феодальномъ устройствѣ государствъ, доставилъ наконецъ Лудовику возможность употребить въ свою пользу орудіе, которымъ его противникъ дотолѣ дѣйствовалъ противъ него. Онъ объявилъ себя защитникомъ племянника Генриха, Вильгельма Клитона, законнаго наслѣдника герцогства Нормадскаго, отнятаго силою у его отца Роберта Генрихомъ, который прежде такимъ же образомъ присвоилъ себѣ самое королевство англійское. Вильгельмъ былъ еще ребенкомъ во время битвы при Теншбре (71), рѣшившей судьбу Нормандіи и Роберта, приговореннаго братомъ къ вѣчному заточенію. Рыцарь, которому поручено было его воспитаніе, увезъ его вскорѣ отъ жестокаго и подозрительнаго дяди. Они вмѣстѣ переходили отъ одного феодальнаго двора къ другому, часто жили на счетъ монастырей, гдѣ имъ оказывали гостепріимство, пока наконецъ не нашли надежнаго пристанища и даже помощи у Лудовика Толстаго. Въ свою очередь король французскій обратился къ норманскимъ баронамъ, склоняя ихъ стать подъ знамя настоящаго господина. На это воззваніе отозвались не одни приверженцы бывшаго герцога, а всѣ недовольные строгимъ правленіемъ Генриха. Такихъ было много въ странѣ, гдѣ ленныя учрежденія обнаружили болѣе вліянія на нравы, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Европѣ. Покорность, которую Генрихъ требовалъ отъ своихъ вассаловъ, казалась Норманамъ оскорбительнымъ нововведеніемъ. Самые пороки храбраго, но расточительнаго, безпечнаго Роберта являлись блестящими качествами, въ сравненіи съ мелочною разсчетливостію и осторожностію его брата, наслѣдовавшаго впрочемъ всю дѣятельность, свирѣпость и дикія страсти Вильгельма Завоевателя. Вообще потомки Роберта Дьявола рѣдко измѣняли родовому характеру (72). Война съ Лудовикомъ началась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для англійскаго короля. Къ его многочисленнымъ внутреннимъ врагамъ присоединились внѣшніе. Графы Анжуйскій, Бретанскій, Фландрскій стали также за Вильгельма Клитона и съ разныхъ сторонъ вступили въ Нормандію. Въ цѣлой исторіи среднихъ вѣковъ, можетъ быть, не найдется войны, до такой степени выражаю-

щей во всѣхъ своихъ частныхъ явленіяхъ характеръ эпохи (73). Великихъ битвъ, которыми народы древняго и новаго міра привыкли рѣшать свои споры, нѣтъ вовсе. Военныя дѣйствія заключаются въ мелкихъ стычкахъ, осадахъ замковъ и укрѣпленныхъ городовъ, разграбленіи деревень, опустошеніи полей, принадлежащихъ непріятелю. Вся тяжесть войны падаетъ на однихъ поселянъ. Горожанинъ находилъ убѣжище за стѣною роднаго города; у рыцаря, сверхъ каменнаго замка, въ которомъ онъ не боялся врага, въ десять разъ болѣе многочисленнаго, былъ другой, подвижной, желѣзный— его доспѣхъ. Безъ замка, безъ рыцарскаго вооруженія феодальный порядокъ вещей былъ бы невозможенъ. Эти чисто внѣшнія, вещественныя условія опредѣлили на нѣсколько вѣковъ перевѣсъ ленной аристократіи надъ утѣсненными ею классами общества. Они находились одни къ другимъ почти въ томъ же отношеніи, въ какомъ Испанцы Кортеца или Пизаро къ мексиканскимъ и перуанскимъ воинамъ. Средневѣковыя общины отстояли свою независимость потому только, что у нихъ были свои укрѣпленія, глубокіе рвы, высокія башни и стѣны, съ вершинъ которыхъ жителямъ легко было отражать нападенія; но въ полѣ городскія дружины рѣдко рѣшались на битву съ феодальной конницею и не выдерживали натиска закованныхъ въ сталь коней и всадниковъ. Подобно греческому Ахиллу или Зигфриду нѣмецкой эпопеи, феодальный воинъ былъ почти неуязвимъ. Только чрезъ немногія отверстія, оставленныя между отдѣльными частями доспѣха, могли достать его непріятельскій мечь и копье. Глядя на полныя вооруженія той эпохи, хранимыя въ европейскихъ музеяхъ, можно подумать, что люди, ихъ носившіе, принадлежали породѣ, крѣпче сложенной, чѣмъ наша. Надобно много силы и навыка, чтобы выдержать на плечахъ такую массу желѣза (74). За то рыцарскія битвы XII вѣка, не смотря на несомнѣнное мужество бойцовъ, рѣдко бывали кровопролитны. Главную опасность представляла возможность попасть въ плѣнъ. Сбитому съ коня всаднику трудно было снова стать на ноги. Выкупъ свободы стоилъ дорого, но и въ этомъ случаѣ отвѣчалъ за леннаго господина его виланъ, съ котораго взыскивалась нужная сумма. Въ сраженіи при Бренмюлѣ (75), 20 августа 1106, гдѣ король Генрихъ, начальствуя лично надъ своими войсками, разбилъ Лудовика Толстаго, побѣдители взяли 140 рыцарей въ плѣнъ, а убитыхъ съ обѣихъ сторонъ было только три (76). „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ современный лѣтописецъ, они были закованы въ желѣзо и щадили другъ друга столько же изъ страха Господня, сколько по причинѣ братства по оружію. Они болѣе старались брать, чѣмъ убивать бѣглецовъ“. Словомъ: война представляла леннымъ владѣльцамъ не столько опасностей, сколько случаевъ выказать блестящую ловкость и силу; они находили въ ней сверхъ развлеченія отъ скуки, какую неизбѣжно наводила однообразная, праздная жизнь въ замкѣ, средства къ достиженію извѣстности, богатства и могущества. Когда не было настоящей войны, ее замѣняла искусственная—турниры. Но каменныя и металлическія твердыни, въ которыхъ жили и двигались эти люди, имѣли, какъ замѣчено выше, не одно внѣшнее значеніе. Онѣ-то дали возможность развиться вполнѣ тѣмъ неукротимымъ характерамъ, тѣмъ

своенравнымъ личностямъ, которые смѣло противопоставляли свой произволъ требованіямъ цѣлаго общества и закону. Самое свойство леннаго договора, въ который, кромѣ положительнаго, юридическаго, входило другое, не столь опредѣленное, большею частью отрицательно выраженное начало, подчинявшее господина и его вассала обязанностямъ чисто нравственнымъ,—открывало широкое поприще личному толкованію и прихоти. Условное понятіе чести не всегда удерживало рыцаря подъ знаменемъ вождя, которому онъ далъ нѣкогда клятву служить. Этимъ самымъ понятіемъ часто оправдывалъ онъ свой переходъ въ враждебный прежнему господину станъ. Изъ бароновъ, которые въ 1116 году подняли оружіе за Вильгельма Клитона, большая часть кончили войну въ рядахъ его противниковъ. Другіе перешли отъ Генриха къ Лудовику. Такимъ измѣнамъ не было конца. Общественное мнѣніе не осуждало ихъ. Изъ многочисленныхъ случаевъ такого рода, о которыхъ разсказываетъ Ордерикъ Виталій, возьмемъ только слѣдующій. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ и богатыхъ бароновъ норманскихъ, Евстафій Бретёльскій, женатый на побочной дочери короля Генриха, Юліанѣ, просилъ у него башню Иврійскую, которая нѣкогда принадлежала его предкамъ. Генрихъ, дорожившій преданностію и службою Евстафія, обѣщалъ ему исполнить со временемъ его просьбу и въ обезпеченіе далъ ему заложникомъ сына рыцаря Рауля, которому ввѣрено было храненіе Иврійской башни. Къ несчастію на барона Бретёльскаго имѣлъ большое вліяніе графъ Амальрихъ Монфорскій, „искусный изобрѣтатель преступныхъ козней“. По его совѣту Евстафій вырѣзалъ глаза у своего заложника и послалъ ихъ его отцу. Рауль отправился къ королю и разсказалъ ему о несчастіи своего сына. Онъ требовалъ мести. Разгнѣванный Генрихъ выдалъ истцу воспитывавшихся при его дворѣ двухъ дочерей Евстафія, родныхъ внукъ своихъ. „О горе!“ восклицаетъ лѣтописецъ: „невинныя дѣти жестоко искупили преступленіе родителя“. Рауль немилосердо воспользовался своимъ правомъ: онъ поступилъ по закону возмездія. Внучкамъ короля выкололи глаза и отрѣзали носы. Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ узналъ баронъ Бретёльскій о свирѣпомъ правосудіи тестя. Онъ тотчасъ объявилъ ему войну и привелъ въ оборонительное состояніе свои многочисленные замки. Въ самомъ Бретёлѣ приняла начальство противъ отца Юліана. Окруженная со всѣхъ сторонъ его войсками, безъ надежды на помощь извнѣ, она рѣшилась на страшное дѣло: пригласила отца къ стѣнамъ замка для переговоровъ о сдачѣ и изъ собственныхъ рукъ пустила въ него стрѣлу. Отцеубійство не удалось. Генрихъ избѣжалъ опасности, ему грозившей. По взятіи Бретёля, онъ подвергъ дочь свою наказанію, страннымъ образомъ замыкающему эту кровавую драму. Въ виду войска и жителей, Юліана, по приказанію Генриха, обнаженная до пояса, спустилась по веревкѣ съ городской стѣны въ ровъ, наполненный холодною водою. Это происходило въ февралѣ мѣсяцѣ. „Несчастная воительница, покрытая стыдомъ, кое-какъ выбралась изъ рва, удалилась къ супругу въ Пасси и разсказала ему во всей истинѣ свои печальныя приключенія“ (77). Впослѣдствіи Евстафій снова перешелъ на сторону Генриха; его супруга умерла въ монастырѣ (78). Сраженіе при

Бренмюлѣ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ было убито три человѣка, имѣло однако рѣшительное вліяніе на ходъ войны. Счастіе повернулось спиною къ Лудовику. Лучшіе его рыцари были въ плѣну, норманскіе бароны, приставшіе сначала къ Вильгельму Клитону, испуганные неудачею французскаго короля или утомленные борьбою, которой развязка была далеко, примкнули большею частью снова къ Генриху. Изъ великихъ вассаловъ, вторгнувшихся въ Нормандію, Фульконъ Анжуйскій еще прежде заключилъ миръ съ англійскимъ королемъ и помолвилъ свою дочь за его сына (79). Графъ Балдуинъ Фландрскій (80) умеръ отъ раны, полученной имъ при осадѣ замка Э (Eu). Лудовикъ принужденъ былъ оставить Нормандію и помышлять объ оборонѣ собственныхъ земель. Возвратившись въ Парижъ, онъ горько жаловался на свое несчастіе графу Амальриху Монфорскому, достойному прадѣду тѣхъ Монфоровъ, которымъ суждено было въ слѣдующемъ столѣтіи достигнуть такой славы и вліянія на судьбу Франціи и Англіи. Совѣтъ, данный Амальрихомъ французскому королю, не уступаетъ въ историческомъ значеніи битвамъ, выиграннымъ его потомками. „У васъ мало рыцарей, сказалъ онъ: обратитесь къ простому народу. Пусть священники ведутъ на помощь вамъ противъ общаго врага прихожанъ своихъ“ (81). Исполненный радости король рѣшился послѣдовать этому совѣту. Онъ разослалъ быстрыхъ гонцовъ съ повелѣніями къ епископамъ. Епископы охотно повиновались и предали проклятію, каждый въ своей епархіи, тѣхъ священниковъ, равно и прихожанъ ихъ, которые въ назначенный срокъ не явились для сопровожденія короля въ походъ противъ мятежныхъ Норманновъ (82). Можно смѣло сказать, что въ этихъ немногихъ словахъ Ордерика Виталія разсказано главное событіе Лудовикова царствованія. Мы полагаемъ важность этого событія не въ томъ только, что оно громче, чѣмъ всѣ предыдущія, свидѣтельствовало объ уже замѣченномъ современниками союзѣ между церковью и Капетингской монархіею, а въ выступленіи на театръ феодальныхъ войнъ забытаго Европою, несогласнаго съ ленными учрежденіями народнаго ополченія. Идея народности въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее принимаютъ новые народы и отчасти принимали древніе, была совершенно чужда феодализму, полагавшему съ свойственной ему точки зрѣнія, что защита государства оружіемъ составляетъ не общую обязанность гражданъ, а привилегію, исключительное право одного сословія. Старанія Карла Великаго и его преемниковъ, особенно въ Германіи, сохранить народное ополченіе, вытѣсняемое дружинами вассаловъ, оказались безсильными. Послѣднія взяли верхъ повсюду, къ равному ущербу монархій и національностей. Только въ Германіи оставались слѣды учрежденія, безъ котораго невозможно государство. Но подобно всѣмъ остальнымъ явленіямъ феодальнаго порядка, военная форма, имъ созданная,—его дружина—была ненадежна и своевольна. Она рѣдко служила противъ внѣшнихъ враговъ, за то поддерживала постоянныя междоусобицы во всѣхъ концахъ западной Европы. Опытъ, сдѣланный Лудовикомъ Толстымъ въ 1119 году, не могъ имѣть полнаго успѣха. Массы, имъ призванныя къ оружію, были слишкомъ непривычны къ этому дѣлу. Буйныя толпы ринулись на Нормандію и грабили,

гдѣ могли, не щадя даже церквей и духовенства. Епископы Нойонскій, Лаонскій и другіе, участвовавшіе въ походѣ, не останавливали хищниковъ изъ ненависти къ Норманамъ. Дабы удержать ихъ подъ знаменами, они предоставили имъ полный произволъ (83). Но фактъ этотъ не остался безъ слѣдовъ. Черезъ пять лѣтъ народное ополченіе Франціи стояло вмѣстѣ съ рыцарствомъ противъ нѣмецкаго императора, грозившаго государству. Въ XV-мъ вѣкѣ оно въ свою очередь смѣнило феодальную дружину, которой несостоятельность оказалась вполнѣ при Креси и Азенкурѣ. Изъ ополченія образовалось постоянное войско.

Мы оставили Каликста II въ Реймсѣ, куда съѣхались 15 архіепископовъ, болѣе двухсотъ епископовъ и множество другихъ важныхъ церковныхъ сановниковъ. Въ послѣднихъ числахъ октября 1119 года папа открылъ засѣданія собора. Лудовикъ Толстый явился лично съ жалобою на Генриха. Онъ былъ краснорѣчивъ, высокъ ростомъ, дороденъ и блѣденъ, по словамъ Ордерика Виталія (84), сохранившаго намъ рѣчь, произнесенную имъ при этомъ случаѣ. Она содержитъ въ себѣ изложеніе обидъ, нанесенныхъ ему королемъ англійскимъ и племянникомъ его графомъ Шартрскимъ. Эту рѣчь приписываютъ нѣкоторые историки Сугерію, не приводя впрочемъ никакихъ доказательствъ (85). Современники молчатъ. Можно однако предположить, что Сугерій находился въ Реймсѣ въ свитѣ своего государя или аббата Св. Діонисія, хотя онъ самъ не упоминаетъ о своемъ присутствіи при соборѣ. Папа осторожно отсрочилъ до другаго времени рѣшеніе спора между королями англійскимъ и французскимъ. Его и все собранное въ Реймсѣ духовенство слишкомъ занимали—дѣло объ инвеститурѣ, требованія императора, который стоялъ въ Страсбургѣ, грозилъ и ждалъ отвѣта. Отвѣтъ состоялъ въ новомъ отлученіи отъ церкви, произнесенномъ надъ нимъ съ соблюденіемъ страшныхъ, потрясавшихъ самые крѣпкіе умы обрядовъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ папа имѣлъ свиданіе съ англійскимъ королемъ въ Жизорѣ (86), и вѣроятно былъ посредникомъ мира, заключеннаго имъ съ Лудовикомъ въ началѣ 1120 года. Въ продолженіи войны, конченной этимъ миромъ, Лудовикъ успѣлъ совершить нѣсколько походовъ въ области, лежавшія къ югу отъ родовыхъ капетингскихъ владѣній и рѣзко отдѣленныя отъ сѣверной Франціи характеромъ народонаселенія и всѣмъ развитіемъ своей исторіи со времень Меровинговъ. Говоря объ одномъ изъ такихъ предпріятій, которыми поддерживалась слабая связь между землями, расположенными по обѣимъ сторонамъ Луары, Сугерій употребилъ выраженіе, не безъ причины обратившее на себя вниманіе знаменитаго автора „Исторіи французской цивилизаціи" (87): Scitur enim regibus longas esse manus (88). Мы знаемъ, что такой фразы безъ горькой ироніи нельзя было приложить ни къ Филиппу I, ни къ отцу его. Очевидно, что съ 1108 года положеніе короля измѣнилось, что монархическая власть получила новое значеніе, оправдывающее слова лѣтописца.

Около двухъ лѣтъ послѣ Реймскаго собора, Сугерій вторично отправился въ Италію съ порученіями къ папѣ отъ Лудовика Толстаго. Какого рода были эти порученія, мы не знаемъ (89). Достовѣрно только то, что

Каликстъ II принялъ пословъ съ большими почестями и даже выразилъ желаніе удержать при себѣ Сугерія (90). На возвратномъ пути во Францію послѣдній встрѣтилъ гонца, который привезъ ему вѣсть о смерти аббата Св. Діонисія, Адама, и объ избраніи его самого преемникомъ умершему. Но къ этимъ извѣстіямъ гонецъ прибавилъ, что король недоволенъ совершеннымъ безъ его вѣдома и предварительнаго согласія выборомъ и посадилъ въ Орлеанскій замокъ иноковъ и ленниковъ Св. Діонисія, явившихся съ просьбою объ утвержденіи новаго аббата (91). Положеніе Сугерія было крайне затруднительно. Принятіемъ высокаго сана, въ который возвело его довѣріе братій, онъ подвергалъ себя гнѣву короля, отказомъ—гнѣву папы. Поручивъ одному изъ друзей своихъ, ѣхавшему въ Римъ, узнать мнѣніе Каликста II объ этомъ дѣлѣ, онъ медленно продолжалъ свое путешествіе, въ надеждѣ получить болѣе благопріятныя извѣстія. Негодованіе Лудовика не могло быть продолжительно: оно было вызвано не лицемъ избраннаго, а формою избранія. Дѣйствительно, Сугерій узналъ, еще находясь въ дорогѣ, объ освобожденіи депутатовъ монастырскихъ изъ Орлеанскаго замка и о готовности короля признать его въ званіи аббата. Лудовикъ лично ожидалъ его въ монастырѣ Св. Діонисія и встрѣтилъ какъ друга. Обрядъ посвященія совершилъ архіепископъ Буржскій (92). Въ 1123 году Сугерій снова ѣздилъ въ Римъ, дабы изъявить свою признательность главѣ церкви. Онъ провелъ шесть мѣсяцевъ при дворѣ Каликста, пользуясь его милостями и довѣріемъ, участвовалъ въ великомъ Латеранскомъ соборѣ, утвердившемъ Вормскій Конкордатъ, заключенный между императоромъ и папою, и посѣтивъ знаменитѣйшіе своими святынями монастыри Италіи, возвратился на родину (93), которой угрожала опасность, призывавшая къ дѣлу всѣ силы юной монархіи. Въ Вормскомъ Конкордатѣ высказалась болѣе усталость, нежели искреннее желаніе мира со стороны заключившихъ его. Ни императоръ, ни папа не разсчитывали на продолжительное перемиріе, но оба они думали воспользоваться этимъ временемъ для приготовленій къ будущей борьбѣ. Генрихъ не забылъ участія, принятаго Франціею въ дѣлѣ инвеституры, явнаго покровительства, оказаннаго ею его противникамъ (94). Женатый на Матильдѣ, единственной дочери и наслѣдницѣ англійскаго короля (95), онъ надѣялся по смерти тестя присоединить къ своимъ владѣніямъ Нормандію, въ которой опять поднялась партія Вильгельма Клитона, и такимъ образомъ стѣснить и задавить въ зародышѣ государство Капетинговъ. Въ 1124 году императоръ и его тесть объявили войну Франціи и повели съ двухъ сторонъ нападеніе. Поручивъ оборону графства Вексинскаго и всей сѣверной границы Амальриху Монфорскому, съ которымъ соединились возставшіе въ Нормандіи бароны, Лудовикъ обратился къ остальной Франціи съ требованіемъ помощи противъ императора. Это было первое дѣло, собравшее цѣлое государство подъ одно знамя. Споръ шелъ не о перевѣсѣ той или другой феодальной династіи, а о національной независимости, объ отраженіи иноплеменнаго владычества. Со всѣхъ сторонъ шли на зовъ Лудовика рыцарскія дружины и народное ополченіе. Герцогъ Вильгельмъ Аквитанскій привелъ войско изъ-за Луары. Теобальдъ Шартрскій,

дѣйствовавшій въ Нормандіи за одно съ дядею Генрихомъ англійскимъ, служилъ вѣрно въ походѣ противъ Генриха Нѣмецкаго, отдѣляя отъ этой войны распрю свою съ леннымъ господиномъ. Послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго въ монастырѣ Св. Діонисія, защитника и покровителя капетингскаго королевства (96), Лудовикъ поднялъ съ алтаря орифламу, знамя Вексинскаго графства, сдѣлавшееся потомъ знаменемъ монархіи (97), и принялъ подъ личное начальство „сильную и преданную престолу“ монастырскую дружину, состоявшую изъ людей, среди которыхъ прошло его дѣтство. „Они не выдадутъ меня ни живаго, ни мертваго“, сказалъ онъ (98). У Реймса, назначеннаго сборнымъ мѣстомъ, собралось такое множество конныхъ и пѣшихъ воиновъ, что ихъ можно было принять за тучи саранчи, покрывшія поверхность земли (99). Для продовольствія войскъ приняты были необычайныя въ то время мѣры (100). Императоръ, неожидавшій подобной встрѣчи, поспѣшно отступилъ. Просьбы епископовъ, говоритъ Сугерій, отклонили Французовъ отъ преслѣдованія непріятеля и отъ вторженія въ Германію. „Но никогда, продолжаетъ онъ, не покрывалась Франція такимъ блескомъ, никогда не обнаруживала она съ такою славою могущества соединенныхъ частей своихъ. Ея король лично побѣдилъ императора Германіи, заочно—короля англійскаго (101). Земля умолкла предъ Франціею, и гордыня враговъ ея смирилась“ (102). Въ этихъ словахъ лѣтописца впервые сказалось народное чувство Француза, впервые выразилось сознаніе единой, нефеодальной Франціи. Богатые дары Лудовика засвидѣтельствовали его признательность Св. Діонисію и аббату Сугерію. Онъ уступилъ монастырю доходы съ ярмарки, происходившей внѣ его ограды, сборъ съ дорогъ, и сверхъ того одарилъ его землями и другими богатствами (103). Аббатъ Св. Діонисія дѣйствуетъ уже не однимъ вліяніемъ на друга, не однимъ совѣтомъ—онъ занялъ мѣсто между великими сановниками государства и принимаетъ явное участіе во всѣхъ значительныхъ событіяхъ не только своей родины, но Западной Европы. Немедленно послѣ окончанія войны съ Генрихомъ, онъ былъ вызванъ письмомъ Каликста II въ Римъ, гдѣ его, вѣроятно, ожидало кардинальство (104). Но прибывъ въ Лукку, Сугерій узналъ о смерти папы и не продолжалъ путешествія, опасаясь возбудить всегдашнее корыстолюбіе Римлянъ (Romanorum veterem et novam avaritiam devitando). Изъ грамоты, подписанной имъ 1125 года въ Майнцѣ, видно, что онъ былъ въ этомъ городѣ въ самое время избранія нѣмецкими князьями преемника умершему Генриху. Авторъ „Жизни Лудовика Толстаго“ не счелъ нужнымъ сообщить своимъ читателямъ причинъ своей поѣздки въ Майнцъ. Но ихъ не трудно угадать, зная участіе духовенства въ выборѣ Лотара Саксонскаго и въ устраненіи отъ нѣмецкаго престола Гогенштауфеновъ. Сугерій былъ очевидно на имперскомъ сеймѣ въ качествѣ французскаго посла и дѣйствовалъ въ видахъ папской партіи, согласной съ выгодами его правительства. На этотъ разъ догадка Д. Жерведа, приписывающаго Сугерію рѣшительное вліяніе на дѣйствія сейма, оказывается близкою къ истинѣ (105). Его дарованія уже были оцѣнены римскимъ дворомъ, который охотно употреблялъ ихъ въ дѣло. Число подписей подъ упомянутою грамо-

тою показываетъ, что Сугерій былъ въ Майнцѣ не одинъ, а съ большою свитою, состоявшею изъ духовныхъ лицъ и свѣтскихъ ленниковъ его монастыря. Этотъ актъ свидѣтельствуетъ вообще объ уваженіи и особенныхъ правахъ, какими пользовался лично новый аббатъ Св. Діонисія. Графы Морснехскіе въ Германіи незаконно владѣли землями, принадлежавшими его обители, за что̀ и были отлучены отъ церкви. Въ Майнцѣ Сугерій, удовлетворенный уступками и покорностію графа Майнарда, принялъ его снова въ лоно церкви, не смотря на присутствіе папскаго легата и Майнцскаго архіепископа, которымъ собственно принадлежало такое право (106). Эти прелаты даже подписались въ числѣ свидѣтелей подъ мировою грамотою.

Частыя отлучки Сугерія изъ Франціи и ввѣренныя исключительно ему сношенія съ римской куріею не отвлекали его отъ внутреннихъ дѣлъ королевства и отъ управленія собственнымъ монастыремъ. Мы укажемъ только на выданную имъ въ 1125 году жителямъ города С. Дени и принадлежавшаго къ нему округа льготную грамоту, въ которой онъ освободилъ ихъ отъ мертвой руки, одной изъ худшихъ повинностей, тяготѣвшихъ на виланахъ (107), и на походъ совершенный имъ при особѣ Лудовика VI въ Овернь. Сугерій не принадлежалъ къ числу воинственныхъ прелатовъ, которыми такъ богатъ XII вѣкъ, но въ случаѣ нужды онъ не отставалъ отъ другихъ, садился на коня и смѣло велъ въ бой дружину Св. Діонисія. Это испыталъ на себѣ Гугонъ Пюизе. Поводомъ къ войнѣ съ графомъ Вильгельмомъ VI Оверньскимъ была ссора послѣдняго съ епископомъ Клермонскимъ. Король, „не терявшій случаевъ служить церкви", уже помирилъ ихъ однажды (108). Въ 1126 году онъ долженъ былъ снова идти за Луару для усмиренія графа Оверньскаго, не слушавшаго его приказаній. Въ экспедиціи участвовали лично знатнѣйшіе владѣльцы сѣверной Франціи, между прочимъ графы: Карлъ Фландрскій, Фульконъ Анжуйскій, Конанъ Бретанскій, Амальрихъ Монфорскій. Даже Генрихъ вспомнилъ обязанности вассала и прислалъ ленному господину отрядъ норманскихъ рыцарей. Воиновъ было болѣе, чѣмъ нужно для завоеванія всей Испаніи (109), говоритъ „Жизнь Лудовика Толстаго". Но не изъ одного усердія къ королю шли такъ охотно за Луару бароны сѣверной Франціи. Ихъ вела туда давнишняя непріязнь къ богатымъ, промышленнымъ, болѣе образованнымъ племенамъ юга. Походами Лудовика Толстаго открывается движеніе, законченное Альбигенскими войнами. Амальрихъ Монфорскій прокладываетъ дорогу внуку своему Симеону. Вильгельмъ IX, герцогъ Аквитанскій, понялъ опасность, грозившую южной Франціи съ сѣвера, и пришелъ было на помощь леннику своему, графу Оверньскому. Но силы были слишкомъ неравны. Герцогъ присягнулъ въ ленной вѣрности Лудовику и просилъ мира. „Графъ Вильгельмъ, сказалъ онъ при свиданіи съ королемъ, получилъ отъ меня Овернь въ лено, такъ какъ я принялъ ее отъ тебя; если ты считаешь его виновнымъ, моя обязанность представить его къ суду твоему: я отъ этого не отказываюсь и готовъ дать заложниковъ (110)". Лудовикъ приказалъ епископу Клермонскому и графу Оверньскому явиться въ сопровожденіи Аквитанскаго герцога къ суду въ Орлеанъ и возвратился съ торжествомъ въ Парижъ, заставивъ

признать власть свою въ областяхъ, на которыя его предки не имѣли никакого вліянія. При осадѣ замка Монферана, близь Клермона, аббатъ Св. Діонисія занималъ самое опасное мѣсто въ лагерѣ и, какъ простой воинъ, долженъ былъ укрываться за щитомъ отъ сыпавшихся на него стрѣлъ. Одинъ только Стефанъ Гарландскій, съ 1107 года канцлеръ Франціи, заступившій по смерти двухъ старшихъ братьевъ своихъ мѣсто сенешаля (111), въ продолженіи тридцати слишкомъ лѣтъ не выходившее изъ ихъ рода, пользовался повидимому наравнѣ съ Сугеріемъ довѣренностію и милостію Лудовика VI. Опредѣлить долю участія каждаго изъ нихъ въ отдѣльныхъ событіяхъ было бы невозможно, но кажется нетрудно показать отношеніе аббата Сугерія къ одному изъ самыхъ важныхъ явленій той эпохи — къ освобожденію городскихъ общинъ.

Знакомымъ съ развитіемъ исторической литературы во Франціи читателямъ извѣстно, до какой степени неосновательны были толки писателей прошлаго вѣка о роли, какую Лудовикъ Толстый игралъ въ спорѣ между французскими городами и ихъ притѣснителями. Его называли виновникомъ этого движенія, ему приписывали положительное вліяніе на самое образованіе новыхъ городовыхъ учрежденій. Доказывать или оспоривать подобныя мнѣнія, послѣ всѣхъ изслѣдованій, совершенныхъ въ теченіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ (112), было бы смѣшно. Мишеле выразилъ результатъ этихъ изслѣдованій рѣзкими, но недалекими отъ истины словами: во Франціи общины основали монархію, а не на оборотъ. Лудовикъ VI явился только посредникомъ, иногда пристрастнымъ участникомъ въ борьбѣ, которая началась до него, шла независимо отъ его воли и привела къ результатамъ, которыхъ конечно ни онъ, ни кто другой изъ его современниковъ не могъ предвидѣть. Въ его вмѣшательствѣ въ дѣла городовъ нѣтъ ничего систематическаго, ничего обличающаго дальновидный разсчетъ или политическую цѣль. Ему, очевидно, не приходило въ голову ослабленіе феодализма посредствомъ общинъ. Тоже самое можно сказать о сынѣ его. Только Филиппъ Августъ оцѣнилъ важность новаго элемента, вошедшаго въ феодальное государство, и понялъ пользу, какую этотъ элементъ могъ принести монархіи. Дѣдъ его имѣлъ въ виду другую пользу—денежную. Онъ просто продавалъ свою подпись подъ грамотами, въ которыхъ опредѣлялись отношенія возникавшихъ общинъ къ ихъ владѣльцамъ. Вліяніе его не простиралось на самое содержаніе актовъ; онъ только скрѣплялъ ихъ и ручался за точное исполненіе обоюдныхъ условій. Въ случаѣ нарушенія договора, обиженная сторона обращалась къ нему съ жалобою и имѣла право на его помощь. Грамотъ, такимъ образомъ подписанныхъ Лудовикомъ Толстымъ, мало, не болѣе осьми. Замѣтимъ, что великіе вассалы учреждали въ своихъ владѣніяхъ общины, не спрашивая согласія короля (113), и не считали его посредничества нужнымъ для прочности договора. Не говоря о Лангедокѣ и Провансѣ, гдѣ, при усилившейся въ XI вѣкѣ промышленности, уцѣлѣвшіе остатки римскихъ учрежденій всплыли наружу и незамѣтно, почти безъ противодѣйствія со стороны властей, развились въ богатыя муниципальныя уложенія, многіе города сѣверной Франціи вытребовали или получили отъ

милости своихъ князей значительныя льготы и даже общинныя права, еще до вступленія на престолъ Лудовика VI. Сочувствіе, показанное послѣднимъ къ положенію низшихъ классовъ, страдавшихъ отъ притѣсненій феодализма, его дѣятельность въ пользу порядка и общественной безопасности заставили историковъ XVIII вѣка приписать ему дѣло, значеніе котораго они сами поняли только изъ его послѣдствій. Освобожденіе городовъ вовсе не входило въ ту политическую теорію, которую сынъ Филиппа I вынесъ изъ монастыря Св. Діонисія. Напротивъ, духовенство съ рѣшительною непріязнію смотрѣло на движеніе, которое обнаружилось преимущественно въ городахъ, ему принадлежавшихъ. Возстанія противъ свѣтскихъ владѣльцевъ были гораздо рѣже, можетъ быть потому, что свѣтскіе бароны, особенно во время крестовыхъ походовъ, часто нуждались въ деньгахъ и охотно заключали сдѣлки съ своими подданными, продавая имъ дорогою цѣною разныя льготы, изъ которыхъ постепенно слагались городовыя уложенія (114). Болѣе богатое и менѣе расточительное духовенство не такъ легко отказывалось отъ своихъ правъ. Здѣсь споръ обыкновенно рѣшался оружіемъ или личнымъ вмѣшательствомъ короля. Хартіи, скрѣпленныя Лудовикомъ Толстымъ, принадлежатъ всѣ епископскимъ или аббатскимъ городамъ. Гибертъ, аббатъ Ногентскій (Nogent), писавшій въ первой четверти XII вѣка, посвятилъ важнѣйшую часть своей автобіографіи подробному и въ высшей степени занимательному описанію смутъ, происходившихъ въ Лаонѣ между жителями и епископомъ. Изъ этого повѣствованія, которое цѣликомъ перешло въ сочиненія французскихъ историковъ, касавшихся вопроса о происхожденіи общинъ, я возьму только опредѣленіе общины, важное потому, что оно принадлежитъ современнику, и нѣсколько фактовъ, характеризующихъ образъ дѣйствія Лудовика Толстаго. Подъ ненавистнымъ и новымъ именемъ общины, говоритъ Гибертъ, разумѣется слѣдующее: податные жители города платятъ своему господину однажды въ годъ обычныя подати и налоги; въ случаѣ преступленія они вносятъ опредѣленную закономъ пеню. На такихъ условіяхъ, они совершенно свободны отъ всѣхъ другихъ взысканій и повинностей, какимъ обыкновенно подлежатъ рабы. Простой народъ охотно пользуется всякою возможностію откупиться и даетъ за это большія деньги (115). Городъ Лаонъ много терпѣлъ отъ епископа своего Галдериха, воинственнаго прелата, взявшаго своими руками въ плѣнъ Роберта, герцога Нормандскаго, въ сраженіи при Теншбрѐ. Ходатайство Генриха англійскаго и нечестно нажитое богатство доставили ему Лаонскую епархію. Онъ былъ крайне легкомысленный и жестокій человѣкъ, по словамъ лѣтописца, и болѣе занимался войною и охотою, чѣмъ своимъ дѣломъ. Подданныхъ онъ обложилъ неслыханными налогами. Недовольствуясь обыкновенными источниками доходовъ, онъ изобрѣталъ небывалые дотолѣ, между прочимъ чеканилъ фальшивую монету, которую, подъ опасеніемъ строгихъ наказаній, должны были принимать бѣдные жители его епархіи. Даже лица высшихъ сословій испытывали на себѣ его жестокость. Жераръ де Шеризи или Керзи, извѣстный своимъ мужествомъ рыцарь, былъ убитъ въ церкви по его приказанію. Другому Жерару онъ велѣлъ выколоть глаза. Обыкновеннымъ исполнителемъ

его безчеловѣчныхъ приказаній былъ негръ, котораго онъ выписалъ съ Востока и держалъ при себѣ въ должности палача. Въ 1109 г. Лаонцы воспользовались его отсутствіемъ и безъ его вѣдома склонили деньгами Лудовика Толстаго выдать имъ грамоту на учрежденіе общины (116). Богатыми дарами удалось имъ смягчить на время самого Галдериха. Въ продолженіи трехъ лѣтъ городъ мирно пользовался купленными имъ правами. Но въ 1112 году епископъ, которому наскучилъ порядокъ вещей, стѣснявшій его произволъ, обратился къ королю съ предложеніемъ семи сотъ ливровъ за уничтоженіе Лаонской общины. Граждане, узнавъ объ этихъ переговорахъ, обѣщали внести, сверхъ прежде уплаченныхъ, еще четыреста ливровъ за сохраненіе своихъ правъ. Лудовикъ не долго колебался между этими предложеніями: онъ взялъ назадъ свое слово и возвратилъ епископу прежнюю неограниченную власть. „Сынъ Филиппа былъ мужественъ на войнѣ, дѣятеленъ, твердъ сердцемъ въ несчастіи, добръ, но слишкомъ довѣрялъ людямъ низкимъ и корыстолюбивымъ. Этотъ порокъ сдѣлался для него обильнымъ источникомъ неудачъ и нареканій“, прибавляетъ аббатъ Ногентскій (117). Крутыя мѣры Галдериха произвели наконецъ кровавое возстаніе, стоившее ему жизни. Лаонъ, навлекшій на себя гнѣвъ короля, принужденъ былъ прибѣгнуть къ покровительству Ѳомы Марнскаго, одного изъ самыхъ свирѣпыхъ бароновъ XII вѣка. Кромѣ его никто не хотѣлъ помочь несчастнымъ гражданамъ Лаона. Послѣ долгихъ и разнообразныхъ бѣдствій, они наконецъ успѣли умилостивить Лудовика и въ 1128 году купили себѣ новую хартію, получившую имя institutio pacis. Замѣчательно, что въ то самое время, когда Лудовикъ воевалъ съ Лаонцами и призваннымъ ими Ѳомою Марнскимъ, онъ защищалъ Аміенскую общину противъ того же Ѳомы и отца его графа Энгерана. Побудительнымъ поводомъ къ вмѣшательству короля были и въ этомъ случаѣ деньги, данныя ему гражданами Аміена (118). Приведенные примѣры достаточно показываютъ, что въ отношеніяхъ своихъ къ городамъ Лудовикъ VI руководствовался не политическими видами, а денежнымъ разсчетомъ или другими минутными выгодами, хотя въ предѣлахъ собственныхъ владѣній онъ не терпѣлъ общиннаго устройства и допустилъ его только въ Мантѣ, который, по положенію своему на границѣ Нормандіи и воинственному характеру жителей, требовалъ въ свою пользу исключенія изъ общаго правила. Другіе королевскіе города, напримѣръ Парижъ, Орлеанъ, Этампъ, получили разныя льготы и привилегіи, улучшившія бытъ жителей, но безъ всякаго политическаго характера. Аббата Сугерія конечно нельзя причислить къ тѣмъ низкимъ и корыстолюбивымъ людямъ, о вліяніи которыхъ на Лудовика Толстаго упоминаетъ Гибертъ Ногентскій. Нельзя также представить его равнодушнымъ свидѣтелемъ городскихъ смутъ, происходившихъ на всѣхъ концахъ Франціи. Человѣкъ съ его умомъ и властію долженъ былъ по необходимости принять участіе въ общемъ движеніи и выразить, словомъ или дѣломъ, свое мнѣніе въ пользу какой нибудь изъ двухъ сторонъ. Изъ „Жизни Лудовика Толстаго“ видно, что авторъ не любитъ общинъ и какъ бы не считаетъ нужнымъ говорить объ нихъ. Разсказывая довольно подробно всѣ войны своего героя, онъ упомянулъ и о войнѣ его

съ Ѳомою Марнскимъ, но умолчалъ объ ея причинахъ. Лудовикъ является, какъ вездѣ, защитникомъ порядка и церкви противъ хищнаго, преданнаго проклятію феодальнаго владѣльца. Это повтореніе исторіи съ Бушаромъ Монморанси или съ Гугономъ Пюизе. Только мимоходомъ сказано, что въ одномъ изъ замковъ Ѳомы скрывались люди, убившіе епископа Галдериха „по поводу королевскаго приказанія уничтожить общину", и что они были жестоко наказаны (119). Между тѣмъ событія эти важны, они обращали на себя вниманіе цѣлой Франціи, тѣмъ болѣе, что со временъ послѣднихъ Каролинговъ Лаонъ считался столицею государства. Объ Амьенѣ тоже осторожное молчаніе. По словамъ лѣтописца, Лудовикъ водворилъ въ этомъ городѣ миръ, изгнавъ оттуда графа Энгерана, его сына и кастелана Аду (Ада); но причины изгнанія и предшествовавшей ему двухлѣтней войны означены общими выраженіями: ограбленія церквей и всѣхъ окрестныхъ мѣстъ (120). Объ общинѣ нѣтъ и помину. Самое слово это одинъ только разъ встрѣчается подъ перомъ Сугерія (121), не смотря на то, что оно громко раздавалось кругомъ его. Понятно, почему аббатъ Св. Діонисія не благоволилъ къ нему: онъ былъ по преимуществу мужъ порядка, строгій блюститель государственнаго единства. Въ немъ уже замѣтно то стремленіе къ централизаціи, къ подчиненію частей цѣлому, которое составляетъ отличительный характеръ государственныхъ людей Франціи во всѣ эпохи ея исторіи. Съ этой точки зрѣнія, одаренный политическими правами, укрѣпленный, располагавшій собственною дружиною городъ былъ немногимъ лучше феодальнаго замка. И тотъ и другой упрямо отстаивали свою самостоятельность, свое частное существованіе и тѣмъ мѣшали успѣхамъ великаго дѣла, начатаго Капетингской монархіею при Лудовикѣ VI, т. е. образованію французской національности. Для достиженія такой цѣли надобно было, чтобы распустились и исчезли въ общемъ упорныя особенности, какими такъ богатъ феодально-общинный міръ. Изъ этого не слѣдуетъ, что Сугерій былъ врагъ городовъ вообще. Напротивъ, онъ заботился объ ихъ благосостояніи и объ отмѣнѣ стѣснявшихъ промышленность злоупотребленій, чему служитъ доказательствомъ льготная грамота, выданная имъ отъ себя Сенъ-Дени, и состоявшіяся не безъ его содѣйствія распоряженія Лудовика Толстаго для городовъ королевской области. Но всякое движеніе, къ которому примѣшивалось насиліе, было ему противно. Вотъ почему онъ съ такою похвалою отзывается о походѣ короля противъ убійцъ графа Фландрскаго. По его мнѣнію „это самый благородный изъ подвиговъ, совершенныхъ Лудовикомъ Толстымъ (122)".

Смерть Карла Добраго, графа Фландрскаго, и ея послѣдствія составляютъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ въ исторіи XII столѣтія. Это происшествіе произвело глубокое впечатлѣніе на умы современниковъ, привычныхъ впрочемъ къ кровавымъ зрѣлищамъ, и было ими подробно описано. Изъ трехъ памятниковъ такого рода самый полный и лучшій есть дневникъ синдика Брюггскаго Гальберта. Гальбертъ писалъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ страшныхъ событій, совершавшихся предъ его глазами, и живо передалъ оригинальныя черты страны, въ которой съ осо-

беннымъ остервененіемъ боролись всѣ враждебные между собою элементы средневѣковаго общества. Краткій разсказъ „Жизни Лудовика Толстаго" почти во всемъ согласенъ съ показаніями Брюггскаго синдика.

Не многіе князья той эпохи стояли во мнѣніи европейскихъ народовъ на ряду съ Карломъ Фландрскимъ. Отецъ его, Кнутъ Святой, король Датскій, умеръ смертію мученика, въ храмѣ, во время молитвы, подъ ударами убійцъ (123). Спасшійся, но лишенный отцевскаго наслѣдія, Карлъ подвигами личной доблести добылъ себѣ громкую славу въ Палестинѣ и въ войнахъ, которыхъ театромъ была Франція. Умирая, графъ Балдуинъ VII Фландрскій назначилъ его своимъ преемникомъ. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Но Карлу предстояла трудная задача: водворить порядокъ въ такой землѣ, какова была Фландрія. Топоръ Балдуина VII притупился, не достигнувъ этой цѣли. Гентъ, Брюгге, Иперъ и другіе города, купившіе или завоевавшіе себѣ значительныя права, мало заботились объ исполненіи графской воли. Феодальные бароны не стыдились здѣсь вступать въ службу богатыхъ горожанъ и водить ихъ дружины противъ общаго господина. Сѣверная, или приморская Фландрія занята была полудикимъ, сохранившимъ много языческихъ обычаевъ племенемъ Флaминговъ, потомками тѣхъ Саксовъ, которые въ III и IV вѣкахъ грабили берега Римской имперіи и селились на нихъ. Въ началѣ XII вѣка они еще смущали благочестивыхъ странниковъ, посѣщавшихъ ихъ по дѣламъ церкви, наготою тѣла и безстыдствомъ рѣчей (124). Частыя распри ихъ между собою и съ сосѣдями были кровопролитны. Прикрѣпленныя къ верхушкѣ ихъ огромныхъ палицъ зажженныя смоляныя лучины давали знакъ къ войнѣ (125). Усилія графовъ и духовенства смягчить ихъ нравы были до тѣхъ поръ безполезны. Старанія Карла Добраго увѣнчались повидимому бо́льшимъ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ это можно заключить изъ словъ Гальберта: при немъ народъ началъ благоденствовать и вкусилъ отъ благъ справедливости и мира. Когда графъ усмотрѣлъ, что выгоды такого порядка всѣми оцѣнены, онъ рѣшилъ, что никто не долженъ ходить съ оружіемъ на рынокъ или около замковъ, и что всякій, недовѣряющій общественной безопасности, подлежитъ наказанію собственнымъ оружіемъ. Впослѣдствіи онъ запретилъ носить луки, стрѣлы и другое оружіе внѣ городовъ (126). Но другой современникъ, которому мы также обязаны исторіею Карла Добраго, прибавляетъ къ этой картинѣ безмятежнаго спокойствія многозначительный намекъ: „мужи благоразумные радовались усердію графа, но порочные нетерпѣливо сносили его власть, ибо видѣли, какъ справедливость его охраняла жизнь людей, имъ ненавистныхъ, и противилась всѣмъ ихъ покушеніямъ. Не имѣя болѣе средствъ къ свободному удовлетворенію своихъ страстей, они полагали, что благосостояніе графа несовмѣстно съ ихъ собственнымъ (127)". Изъ любви къ своимъ подданнымъ, Карлъ отказался отъ двухъ предложенныхъ ему царскихъ вѣнцовъ: Іерусалимскаго и нѣмецкаго (128). Къ безпорядкамъ, съ которыми онъ боролся, принадлежала неопредѣленность въ правахъ сословій, естественное слѣдствіе частыхъ смутъ, черезъ которыя прошла Фландрія. Люди, вышедшіе изъ крѣпостнаго состоянія, занимали мѣста, приличныя только людямъ

свободнымъ, и наоборотъ. Карлъ учредилъ нарочные суды для разбора такихъ дѣлъ и поручилъ имъ привести въ извѣстность, кто къ какому классу общества принадлежитъ, дабы никто не уклонялся отъ обязанностей своего званія (129). Въ числѣ тѣхъ, на которыхъ особенно падала тяжесть этой мѣры, былъ Бертульфъ, превотъ имѣній, принадлежавшихъ капитулу Св. Доната въ Брюгге. Его могущество мало уступало графскому и опиралось, сверхъ огромнаго богатства, на многочисленныхъ родственникахъ, братьяхъ и племянникахъ, которые также обладали обширными владѣніями и занимали важныя должности. Диздиръ Гакетъ, братъ Бертульфа, былъ кастеланомъ Брюггскаго замка. Но древность ихъ рода не соотвѣтствовала его богатству и силѣ (130). Отецъ Бертульфа, Эрембальдъ, былъ простой Флампигъ и служилъ Брюггскому кастелану. Умертвивъ тайнымъ образомъ своего господина, онъ женился на его вдовѣ, которая принесла ему въ приданое между прочимъ должность, которую занималъ ея первый супругъ (131). Сыновья Эрембальда пошли по его слѣдамъ. Дабы укрѣпить свое могущество сильными связями и заставить умолкнуть толки о своемъ происхожденіи, они старались породниться посредствомъ браковъ съ знатными фамиліями Фландріи. Но это средство не помогло. Одинъ изъ рыцарей, женатыхъ на племянницахъ превота Св. Доната, хотѣвшій кончить какую то тяжбу судебнымъ поединкомъ, получилъ отъ своего противника отказъ, основанный на неравенствѣ состояній, ибо по фландрскому закону мужъ рабыни по истеченіи года самъ обращался въ рабство. Карлъ очевидно принималъ въ этихъ спорахъ небезпристрастное участіе. Ему хотѣлось сломить опасное могущество рода, котораго глава хвастался тѣмъ, что посадилъ Датчанина на графство (132). Въ 1125 и слѣдующемъ году жители Фландріи подверглись страшнымъ бѣдствіямъ отъ неурожая. Въ то время, вѣроятно, признательность народа дала Карлу названіе Добраго. Онъ дѣлился съ неимущими собственнымъ столомъ, приказалъ производить на свой счетъ ежедневную выдачу хлѣба во всѣхъ городахъ графства и вообще принялъ противъ голода мѣры, свидѣтельствующія не объ одномъ милосердіи его, но о рѣдкой въ ту эпоху предусмотрительности. Среди заботъ о народномъ продовольствіи, онъ узналъ, что одинъ изъ братьевъ Бертульфа скупилъ, для перепродажи по высшей цѣнѣ, значительный запасъ хлѣба въ монастырскихъ имѣніяхъ и у иностранныхъ купцовъ. Графъ велѣлъ ему продать этотъ хлѣбъ по той-же цѣнѣ, по какой онъ былъ купленъ (133). Ненависть росла съ обѣихъ сторонъ. Однажды, въ порывѣ неосторожнаго гнѣва, у Карла вырвалась угроза сварить въ котлѣ превота Св. Доната (134). Въ кровопролитной распрѣ послѣдняго съ семействомъ Ванъ Стратенъ (135), онъ сталъ на сторонѣ послѣднихъ и наказалъ Буркарда, племянника Бертульфова и зачинщика вражды, сожженіемъ его дома. Но дѣтямъ и внукамъ Эрембальда угрожала еще большая опасность: приговоръ суда могъ свести ихъ разомъ съ высоты блестящаго, почти княжескаго положенія, на низшую степень общественной іерархіи. Они рѣшились отвратить отъ себя бѣду преступнымъ дѣломъ, которое отозвалось далеко за предѣлами ихъ родины и долго жило въ преданіяхъ фландрскаго народа.

Втораго марта 1127 года, рано утромъ, Карлъ Добрый молился въ церкви Св. Доната. Берегись, графъ, сказала позади его нищая старуха, которой онъ протягивалъ руку съ подаяніемъ. Графъ обернулся: за нимъ уже стоялъ Буркардъ, самый свирѣпый изъ племянниковъ превота, исполинъ ростомъ, наводившій ужасъ однимъ взглядомъ своимъ, по словамъ лѣтописи. Двумя ударами меча убилъ онъ обреченную его мести жертву. Въ храмѣ раздавалось между тѣмъ пѣнье псалма Давидова. Карлъ испустилъ духъ при словахъ: ты окропишь меня иссопомъ, и очищусь; ты омоешь меня, и стану бѣлѣе снѣга. „Онъ смылъ съ себя грѣхи свои рѣкою собственной крови", прибавляетъ Гальбертъ. Онъ умеръ смертью отца. Западная церковь поминаетъ ихъ обоихъ въ молитвахъ своихъ. Исторія также творитъ ему поминки: она чтитъ въ немъ мученика великихъ идей порядка и цивилизаціи, падшаго въ борьбѣ съ неукротимыми страстями поколѣній, считавшихъ общественный порядокъ несовмѣстнымъ съ ихъ личнымъ правомъ, а цивилизацію тяжкимъ гнетомъ (136).

За смертью графа послѣдовалъ цѣлый рядъ убійствъ, сначала въ самомъ храмѣ Св. Доната, потомъ въ городѣ, гдѣ заговорщики искали и преслѣдовали людей, извѣстныхъ своею преданностію ему. Многіе изъ нихъ успѣли скрыться. Граждане смотрѣли на происходившее съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ, котораго источникомъ былъ, вѣроятно, испугъ, а можетъ быть нѣчто худшее—желаніе перемѣны, пристрастіе къ убійцамъ, до дня кровавой измѣны пользовавшимся хорошею славою (137). На другой день они однако опомнились: начали собираться толпы и разсуждать о томъ, что надлежало дѣлать при такихъ обстоятельствахъ. Надъ трупомъ графа уже плакали и молились жены Брюггскія. Онѣ были смѣлѣе мужей и не робѣли предъ ненавистію Бертульфова семейства (138). Превотъ думалъ положить конецъ опасному для него плачу перенесеніемъ тѣла въ Гентъ, но ему не дали исполнить этого намѣренія. Черезъ нѣсколько дней онъ долженъ былъ запереться со всѣми сообщниками своими въ замкѣ, котораго кастеланомъ былъ братъ его Диздиръ Гакетъ. Большая часть города Брюгге уже была во власти сбиравшихся со всѣхъ сторонъ приверженцевъ убитаго графа. Кто станетъ мстить за него, когда его не будетъ, говорилъ Буркардъ готовясь къ преступленію. На этотъ вопросъ отвѣчало все фландрское рыцарство, хотя въ его рядахъ было много тайныхъ друзей, даже соумышленниковъ Бертульфа. Но они не смѣли признаться въ этомъ, видя общее возстаніе. Читатели могутъ прочесть у Гальберта непринадлежащія сюда подробности осады Брюггскаго замка, замѣчательной упорствомъ обѣихъ сторонъ, въ особенности достойнымъ лучшаго дѣла мужествомъ осажденныхъ. Отразивъ нѣсколько приступовъ, они должны были удалиться въ церковь, гдѣ совершилось злодѣяніе, и держались здѣсь до послѣдней крайности. Въ жителяхъ города не разъ обнаруживалось сожалѣніе къ нимъ, желаніе облегчить ихъ участь: многіе изъ заговорщиковъ, въ томъ числѣ самъ Бертульфъ, воспользовались этимъ и бѣжали; — но Буркардъ не терялъ надежды, бился днемъ и приказывалъ играть на трубахъ, въ знакъ побѣды, ночью. Онъ даже прибѣгалъ къ другимъ средствамъ: къ заклина-

ніямъ, показывающимъ, какъ много еще было языческаго въ нравахъ Фландріи. Въ ночь на 3 марта убійцы совершили надъ тѣломъ убитаго ими графа родъ языческой тризны. Они сѣли кругомъ своей жертвы, ѣли хлѣбъ и пили пиво изъ общаго кубка, думая тѣмъ смягчить гнѣвъ покойника и отвратить отъ себя возмездіе (139).

Но дѣло ихъ принимало со дня на день худшій оборотъ. Вильгельмъ, кастеланъ Иперискій, потомокъ графовъ Фландрскихъ, въ надеждѣ получить наслѣдіе Карла Добраго, обѣщавшій скорую помощь превоту Св. Доната, перешелъ на сторону его враговъ, видя, что они сильнѣе. Много другихъ бароновъ поступили также. Король французскій уже стоялъ въ Аррасѣ и звалъ къ себѣ перовъ графства Фландрскаго, для назначенія имъ новаго господина. Выборъ Лудовика палъ на Вильгельма Клитона, которому онъ нѣкогда безуспѣшно старался доставить герцогство Нормандское. Теперь обстоятельства были благопріятнѣе. Во Фландріи, раздираемой междоусобіемъ, некому было противиться. Генрихъ Англійскій, который конечно не безъ опасенія смотрѣлъ на возвышеніе племянника и предвидѣлъ новыя возстанія въ Нормандіи, на этотъ разъ былъ побѣжденъ счастіемъ и быстрыми дѣйствіями Лудовика Толстаго. Внукъ Вильгельма Завоевателя былъ признанъ графомъ баронами и городами Фландрскими. Первымъ онъ обѣщалъ всѣ имѣнія Бертульфова семейства, а городамъ—уступку повинностей и налоговъ (140). Пятаго апрѣля Лудовикъ вступилъ въ Брюгге; десять дней спустя, сдались осажденные, у которыхъ наконецъ оставалась одна подкопанная и разбитая стѣнобитными орудіями колокольня. Ихъ было всего двадцать семь человѣкъ. Прочіе погибли или бѣжали. Граждане Брюггскіе просили помилованія Роберту, племяннику превота, юношѣ рѣдкихъ достоинствъ, великодушно ставшему за родственниковъ, въ преступленіи которыхъ онъ не участвовалъ. Лудовикъ согласился только на смягченіе наказанія: Робертъ былъ битъ розгами, потомъ ему отрубили голову. Прочіе подверглись болѣе жестокимъ казнямъ. Бертульфъ, пойманный стараніями бывшаго союзника своего, Вильгельма Иперискаго, былъ повѣшенъ рядомъ съ голодною, терзавшею его собакою. Буркардъ умеръ на колесѣ. Передъ смертью онъ самъ просилъ, чтобы ему отрубили руку, поднятую имъ на Карла. Многіе были свергнуты съ башни Брюггскаго замка или заживо погребены въ болотѣ. Родъ Эрембальда палъ съ высоты непродолжительнаго величія, но имена переживших его паденіе членовъ встрѣчаются впослѣдствіи снова въ исторіи фландрскихъ смутъ. Правленіе Вильгельма Клитона продолжалось недолго. Жизнь, проведенная въ битвахъ и переѣздахъ отъ одного феодальнаго двора къ другому, не могла воспитать въ немъ качествъ, которыя были необходимы владѣтелю страны, не умѣвшей вынести Карла Добраго. По совѣту окружавшихъ его рыцарей, новый графъ взялъ назадъ обѣщанія, данныя имъ гражданамъ Брюгге. Лиль и Сентъ-Омеръ, оказавшіе ему сопротивленіе, были наказаны тяжелыми пенями. Вильгельмъ думалъ одною строгостію подавить неудовольствіе своихъ подданныхъ. Онъ не зналъ, съ какими людьми имѣлъ дѣло. Несмотря на видѣнные имъ примѣры, многолюдный, безпокойный Гентъ отказалъ въ повиновеніи графскому

кастелану. Рыцарь Иванъ, изъ Алоста, говорилъ съ графомъ отъ имени гражданъ. Онъ предлагалъ ему разобрать ихъ споръ судомъ выборныхъ изъ духовенства и народа, громко обвинялъ въ нарушеніи клятвеннаго обѣщанія и заключилъ требованіемъ: „откажитесь отъ графскаго сана, если наши обвиненія справедливы; мы призовемъ на ваше мѣсто человѣка болѣе способнаго и съ бóльшими правами“ (141). Вильгельмъ былъ смѣлъ. Онъ переломилъ бы соломинку въ знакъ разрыва ленной связи, но его остановилъ ропотъ и говоръ окружавшей ихъ толпы, говоритъ лѣтописецъ (142). Вѣрный феодальнымъ преданіямъ, не понимая новыхъ отношеній, въ какія его поставила игравшая имъ судьба, онъ въ свою очередь предложилъ рыцарю Ивану изъ Алоста кончить споръ поединкомъ. Какъ будто такая побѣда могла упрочить его шаткое положеніе! Болѣе всѣхъ могъ бы помочь ему и совѣтомъ и дѣломъ Лудовикъ Толстый. Но Лудовика занимала вспыхнувшая опять война съ Генрихомъ I и Теобальдомъ Шартрскимъ, которому съ 1125 года принадлежала вся Шампанія. Генрихъ поддерживалъ духъ неудовольствія во Фландріи. Враги его племянника получали отъ него всякаго рода пособія (143). Преемникъ Карла едва не испыталъ участи своего предшественника. Въ Иперне готовилось повтореніе кровавой драмы, которой свидѣтелемъ былъ Брюгге. Вильгельмъ, не подозрѣвавшій опасности, сидѣлъ у Иперской дѣвицы, съ которою былъ въ связи. „Она по обычаю вымыла ему голову, потомъ, зная о заговорѣ, стала плакать. Молодой графъ спросилъ любовницу о причинѣ ея слезъ и искусно склонилъ ее просьбами и угрозами открыть ему всѣ подробности, какія она узнала отъ его непріятелей относительно назначенной ему смерти. Тогда, не расчесавъ даже волосъ своихъ, онъ схватилъ оружіе и увезъ съ собою ту дѣвицу, дабы избавить ее отъ всякой опасности. Впослѣдствіи онъ отправилъ ее въ сопровожденіи нѣкотораго аббата къ Вильгельму, герцогу Аквитанскому, своему сверстнику и брату по оружію. Онъ просилъ его выдать ее честнымъ образомъ замужъ, какъ сестру и избавительницу свою. Воля его была исполнена (144)“. Черезъ годъ по смерти Карла Добраго жители Брюггскіе привѣтствовали уже третьяго графа,—Дитриха Эльзасскаго, въ свитѣ котораго вошли въ городъ немногіе, успѣвшіе спасти жизнь свою, члены Бертульфова рода. Ихъ вліяніе на фламинговъ немало помогло Дитриху, признанному почти на всѣхъ концахъ Фландріи. Генрихъ Англійскій стоялъ у цѣли. Король французскій, вызванный убѣдительными просьбами Вильгельма Клитона (145), пришелъ поздно. На его требованіе, прислать въ Аррасъ выборныхъ отъ земли фландрской, городъ Брюгге отвѣчалъ вычисленіемъ всѣхъ проступковъ и ошибокъ низложеннаго графа. „Да будетъ вѣдомо королю и всѣмъ князьямъ, современникамъ и потомству, писали смѣлые горожане, что французскому королю нѣтъ дѣла до избранія фландрскаго графа. Это право перовъ и гражданъ Фландріи. Обязанность графа относительно короля заключается только въ военной службѣ за тѣ лена, которыя принадлежатъ Франціи (146)“. Всѣ результаты блестящаго похода, совершеннаго Лудовикомъ въ 1127 году, были потеряны. 22-го іюля 1128 года Вильгельмъ Клитонъ въ сшибкѣ съ приверженцами Дитриха былъ раненъ

копьемъ въ руку. Боль прошла до самаго сердца, сказалъ онъ (147), удаляясь съ поля сраженія. Черезъ пять дней послѣ полученной раны — его не стало. Ему было только двадцать семь лѣтъ отъ роду. На смертномъ одрѣ онъ просилъ дядю о прощеніи и наградѣ слугамъ своимъ. Gulielmus nomine, Miser cognomine (имя ему было Вильгельмъ, прозваніе—злосчастный), по выраженію лѣтописца, оставилъ по себѣ поэтическое воспоминаніе (148). Его молодость, мужество, рыцарское великодушіе, самыя несчастія прикрыли недостатокъ болѣе положительныхъ правъ на участіе. Смерть его была важною утратою для Лудовика Толстаго, потерявшаго въ немъ орудіе, которое онъ всегда съ успѣхомъ противопоставлялъ Генриху Англійскому. Теперь Генриху нечего было опасаться съ этой стороны. Фландрія до такой степени подчинялась его вліянію, что современники считали его графомъ, а Дитриха—только намѣстникомъ его (149).

Авторъ „Жизни Лудовика Толстаго“ не говоритъ о несчастной развязкѣ фландрскихъ дѣлъ и обращаетъ вниманіе своихъ читателей на войну, которую французскій король долженъ былъ въ тоже время вести съ возставшими противъ него Стефаномъ Гарландскимъ и Амальрихомъ Монфорскимъ. Оба они принадлежали дотолѣ къ самымъ вѣрнымъ слугамъ Капетингской монархіи. Поводомъ къ враждѣ была совершенная Стефаномъ безъ королевскаго согласія передача должности сенешала графу Монфорскому, который женился на его племянницѣ (150). Не смотря на помощь, поданную его ослушникамъ изъ Англіи и изъ Шампаніи, Лудовикъ принудилъ ихъ уступить и отказаться навсегда отъ всякихъ притязаній на наслѣдственность сенешальства въ ихъ родѣ. Въ 1130 году Лудовикъ Толстый положилъ конецъ злодѣйствамъ и грабительствамъ Ѳомы Марнскаго. Около двадцати лѣтъ сряду держалъ Ѳома въ страхѣ почти всю Пикардію. Замокъ его Куси считался неприступнымъ. Лудовикъ рѣшился однако осадить его, но Ѳома, избалованный долгою безнаказанностію, самъ пошелъ на встрѣчу непріятелямъ. Въ схваткѣ онъ былъ смертельно раненъ и взятъ. „Ни раны, ни оковы, ни угрозы, ни просьбы не могли склонить закоснѣлаго преступника къ освобожденію купцовъ, которыхъ онъ съ безчестнымъ коварствомъ ограбилъ на большой дорогѣ и держалъ въ темницѣ“. Съ трудомъ уговорили его пріобщиться Св. Таинъ предъ смертію (151).

Монастырь Св. Діонисія былъ центромъ политической дѣятельности въ тогдашней Франціи. Здѣсь обсуживались и рѣшались всѣ важныя предпріятія, сюда сходились всѣ нити управленія. Тишина, приличная священной обители, смѣнилась шумомъ рыцарскихъ пировъ, говоромъ просителей, громкими преніями тяжущихся. Даже женщины получили свободный доступъ въ монастырь (152). Аббатъ любилъ великолѣпіе, держалъ, какъ мы выше видѣли, княжескую свиту и не чуждался мірскихъ забавъ. Въ сопровожденіи Амальриха Монфорскаго и другихъ знатныхъ сосѣдей, онъ проводилъ цѣлыя недѣли на охотѣ, которой добыча дѣлилась между больными братьями, бѣдными и ленниками монастырскими (153). Озирая съ вершины своего могущества путь, пройденный имъ со дня, когда отецъ его Гелинандъ принесъ его, бѣднаго и хилаго ребенка, въ даръ Св. Діонисію, Сугерій вѣроятно

не разъ увлекся естественнымъ чувствомъ гордости и заслужилъ не одинъ справедливый упрекъ. Не даромъ говорили о его надменности (154). Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, завистники и недовольные старались унизить его намеками на его происхожденіе (155). Распускали слухи о проискахъ, посредствомъ которыхъ онъ достигъ своего сана и былъ избранъ на мѣсто аббата Адама (156). Но душа его не успѣла очерствѣть, не подавила въ себѣ ежедневною заботою нравственныхъ требованій. Согрѣтая невѣдомымъ его современникамъ гражданскимъ чувствомъ, неотступною мыслію о благѣ Франціи, она хранила въ себѣ до случая сѣмя еще не обнаруженныхъ, чисто христіанскихъ добродѣтелей. Случай явился: за инокомъ Сугеріемъ давно слѣдили строгія очи другаго инока. Когда всѣ соблазны великой власти обступили аббата Св. Діонисія, когда душа его повидимому задремала подъ льстивый говоръ свѣта, ее пробудилъ повелительный и страстный голосъ, предъ глаголами котораго поникали главою вожди народовъ и самые гордые умы тогдашней Европы, голосъ Бернарда Клервальскаго. Трудно себѣ представить два характера болѣе противоположные. Одинъ былъ по преимуществу мужъ практической дѣятельности, гражданскихъ подвиговъ. Онъ рано усвоилъ себѣ политическую теорію и твердымъ шагомъ шелъ къ ея осуществленію. Въ разрѣшеніи этой задачи сосредоточилъ онъ всѣ свои помыслы, цѣлое существованіе свое. Его не развлекали отвлеченные вопросы науки, хотя знанія его были обширны и любознательность велика. Покорный признаннымъ его церковью ученіямъ, онъ не вступалъ въ богословскіе споры вѣка, начатаго Абелардомъ и законченнаго Альбигенцами, возраставшаго схоластику до совершеннолѣтія, любившаго войну во всѣхъ сферахъ и видахъ. Счастливый случай, а не собственное, неотразимое призваніе, привелъ его въ монастырь. Но онъ былъ вѣренъ, какъ немногіе въ его время, невольнымъ, въ дѣтствѣ произнесеннымъ обѣтамъ. Церковь наградила его: она дала ему знанія и возвышенное понятіе объ обществѣ, о гражданскомъ порядкѣ и справедливости. Онъ сталъ посредникомъ между ею и государствомъ. Здѣсь обнаруживается оригинальность этого яснаго, но не поражающаго особенною глубиною ума: онъ не уступилъ искушенію, которому поддалась большая часть людей его званія, дѣйствовавшихъ на театрѣ европейской исторіи. Онъ умѣлъ отдѣлить вѣчныя идеи, къ принятію и приложенію которыхъ церковь воспитывала народы, отъ частныхъ цѣлей западной іерархіи. Другъ Лудовика VI, наставникъ и намѣстникъ Лудовика VII не всегда смотрѣлъ на отношенія Франціи съ точки зрѣнія аббата Св. Діонисія. Не таковъ былъ основатель Клервальской обители. При самомъ вступленіи въ жизнь, на ея порогѣ, его уже тревожилъ вопросъ о цѣли земнаго существованія. Bernarde, quid venisti (зачѣмъ пришелъ ты, Бернардъ)? говорилъ онъ себѣ. Видя, что окружавшій его міръ не въ состояніи ему дать отвѣта, онъ отрекся отъ него. Старый отецъ, пять братьевъ, сестра убѣждали его остаться съ ними. Они были знатны и богаты, обѣщали ему все, что̀ могло плѣнить воображеніе красиваго и даровитаго юноши. Онъ устоялъ и удалился въ Сито. Но они не безнаказанно бесѣдовали съ нимъ, слушали его рѣчи. Одинъ за другимъ,

всѣ они—отецъ, братья и сестра пошли ему во слѣдъ. Въ стѣнахъ монастыря Бернардъ не нашелъ того уединенія, какого жаждала его душа. Онъ основалъ новую обитель въ страшной пустынѣ, среди лѣсовъ, гдѣ до него жили только разбойники. Ему было тогда двадцать четыре года отъ рожденія. Постояннымъ постомъ и созерцаніемъ онъ убилъ въ себѣ плотскія побужденія, потерялъ способность замѣчать внѣшніе предметы и чувство вкуса до того, что не различалъ масла отъ воды (157). По нѣскольку дней сряду проводилъ онъ безъ сна и безъ пищи, погруженный въ таинственный восторгъ, бесѣдуя съ видѣніями своими. Священное писаніе онъ изучалъ внимательно, но рѣдко прибѣгалъ къ комментаріямъ и толкованіямъ, довольствуясь текстомъ (158). Къ наукѣ вообще питалъ недовѣріе. Онъ писалъ англичанину Мурдаху, который не рѣшался вступить въ его монастырь, потому что боялся разлуки съ своими книгами: въ лѣсахъ найдешь болѣе, чѣмъ въ книгахъ; деревья и камни скажутъ тебѣ то, чего не услышишь отъ ученыхъ (159). Сочиненія его не даютъ, впрочемъ, понятія о томъ краснорѣчіи, которое, по словамъ его біографа, исходило изъ его устъ огненнымъ закономъ (160). Всѣ современные памятники свидѣтельствуютъ о неодолимой силѣ его рѣчей. Однажды онъ встрѣтилъ ѣхавшихъ на турниръ рыцарей. Бернардъ началъ имъ доказывать грѣхъ, сопряженный съ этою кровавою игрою. Рыцари смѣялись, потомъ стали внимательнѣе слушать и кончили тѣмъ, что сложили съ себя оружіе и перешли изъ рати земной „въ рать небесную“, т. е. постриглись (161). Когда вѣсть о пришествіи Бернарда приходила въ какой-нибудь городъ или селеніе, испуганныя жены и матери спѣшили удалить супруговъ и дѣтей своихъ. Иначе они пошли бы въ слѣдъ за проповѣдникомъ (162). Онъ не занималъ высокихъ должностей, не хотѣлъ быть ни епископомъ, ни кардиналомъ, но никто не имѣлъ такого вліянія на дѣла Западной церкви и не говорилъ такимъ языкомъ съ папами и государями. Тайна его могущества заключалась въ непреклонномъ, невѣдавшемъ уступокъ убѣжденіи. Все, что было отъ міра, мало имѣло значенія въ его глазахъ. Государство и семейство казались ему мимолетными формами, годными только для падшаго, слабаго человѣка. Не смотря на любовь къ уединенію и созерцательной жизни, онъ долженъ былъ часто покидать Клервальскую келью и дѣйствовать въ виду цѣлой Европы, ибо Западная церковь призывала его на помощь во всякой опасности, во всѣхъ борьбахъ своихъ. Къ его мнѣнію прислушивались католическіе народы при спорномъ выборѣ папы; его слово громомъ падало на каждую ересь. Этому слову должны были уступить отважная мысль Абеларда и крѣпкая воля Арнольда Бресчіанскаго, по словамъ самого Бернарда „не знавшаго обыкновеннаго голода и жажды, алкавшаго и жаждавшаго только крови душевной“ (163). При такомъ взглядѣ на жизнь, аббатъ Клервальскій не могъ высоко цѣнить политическую дѣятельность Сугерія, хотя питалъ къ нему личное уваженіе и пріязнь. Неизвѣстно, по какому именно случаю и когда онъ обратился къ Сугерію съ упрекомъ и увѣщаніемъ; но изъ одного письма Св. Бернарда (164) видно, что въ 1128 году аббатъ Св. Діонисія уже оправдался предъ нимъ перемѣною жизни. Бернардъ не

себѣ приписываетъ эту нежданную, внезапную перемѣну (165), но радостное чувство, какимъ проникнуто его письмо, показываетъ, что въ его глазахъ оно было великимъ событіемъ. Сугерій началъ съ самого себя преобразованіе ввѣренной ему обители. Не переставая заниматься дѣлами государства, онъ удалилъ отъ себя всѣ внѣшніе признаки своего могущества, все, что могло напомнить людямъ его близость къ престолу. Въ жизнеописаніи его, составленномъ монахомъ Вильгельмомъ, читаемъ любопытныя подробности о принятомъ имъ съ 1128 года образѣ жизни. Никто изъ братіи не превосходилъ его ревностнымъ исполненіемъ монастырскаго правила. Значительную часть дня онъ проводилъ въ молитвѣ, орошая слезами помостъ храма (166); остальное время посвящалось разнообразнымъ трудамъ. Пищу онъ употреблялъ самую простую; трапезу дѣлилъ постоянно съ нищими; воздерживался, когда былъ здоровъ, отъ мяса; вино пилъ не иначе, какъ съ водою (167). За ужиномъ ему читали вслухъ творенія Отцовъ церкви. Иногда онъ самъ поучалъ присутствовавшихъ разсказами о достопамятныхъ происшествіяхъ и дѣлахъ великихъ мужей. Бесѣда эта часто продолжалась до глубокой ночи (168). Потомъ онъ удалялся въ келью, нарочно имъ для себя устроенную. Она состояла изъ пятнадцати футовъ въ длину и десяти въ ширину (169). „Здѣсь-то, говоритъ Вильгельмъ, предавался онъ на досугѣ чтенію, слезамъ и размышленію, сюда уходилъ отъ шума и мірской бесѣды; въ этомъ одиночествѣ онъ, какъ сказано о мудромъ, наименѣе былъ одинокъ, ибо здѣсь его разумъ упражнялся въ изученіи великихъ писателей всѣхъ вѣковъ“ (170). Немногіе часы, проведенные имъ на жесткомъ ложѣ, возстановляли его силы, изнуренныя непрерывнымъ трудомъ. Онъ любилъ подчиненныхъ ему, какъ дѣтей своихъ, заботился объ ихъ здоровьѣ (171) и не щадилъ для этого издержекъ. Къ наказаніямъ прибѣгалъ рѣдко и только въ случаѣ совершенно дознанной вины. За то былъ расточителенъ на награды и пособія бѣднымъ (172). Вообще онъ былъ нравомъ веселъ и избѣгалъ всего изысканнаго или неестественнаго въ привычкахъ и поступкахъ своихъ (173).

Замѣчательно, что въ томъ же году, къ которому всѣ издатели относятъ 78 письмо Св. Бернарда, онъ велъ переписку совсѣмъ другаго рода съ Лудовикомъ Толстымъ, по поводу распри, возникшей между епископомъ Парижскимъ Стефаномъ и капитуломъ Парижскаго собора. Король принялъ сторону канониковъ, за что епископъ наложилъ на его владѣнія церковное запрещеніе. Папа Гонорій II, разсмотрѣвъ дѣло, снялъ съ Лудовика тяготѣвшее надъ нимъ отлученіе, къ крайнему негодованію Клервальскаго аббата, который въ рѣшеніи Гонорія видѣлъ вредную для церкви уступчивость свѣтской власти. Письма, написанныя имъ по этому случаю отъ собственнаго лица и отъ всего ордена Сито, представляютъ любопытный образецъ его языка. Онъ горько обвиняетъ папу въ слабости и требуетъ отъ короля, во имя „дружбы и братства“ (174), чтобы онъ подчинился приговору Парижскаго епископа. Но Лудовикъ твердо стоялъ за неокрѣпшія еще, почти невысказанныя его предками, права монархіи. Въ 1129 году онъ потребовалъ къ своему суду епископа Санскаго, обвиненнаго въ святокупствѣ.

Голосъ Бернарда раздался снова: въ письмѣ къ Гонорію II, онъ называлъ Лудовика Толстаго вторымъ Иродомъ, гонителемъ Христа (175). Принявши въ соображеніе, что Стефанъ Гарландскій былъ въ это время въ немилости и далеко отъ двора, что, слѣдовательно, король руководился не его совѣтомъ, мы въ правѣ допустить вліяніе Сугерія и при этихъ столкновеніяхъ молодой монархіи съ Ѳеократическими притязаніями, которыхъ представителемъ былъ аббатъ Клервальскій. Такая роль вполнѣ соотвѣтствовала положенію, какое занималъ Сугерій, и его воззрѣнію на государство. Защищая гражданское общество противъ несправедливыхъ домогательствъ католической іерархіи, онъ всѣми силами поддерживалъ и старался укрѣпить отношенія, въ которыя, какъ мы видѣли, Западная церковь вступила къ Капетингской династіи. Смерть папы Гонорія II-го едва не сдѣлалась причиной раскола для католическихъ народовъ. Несогласные между собою кардиналы выбрали двухъ папъ: Анаклета и Иннокентія II. За перваго стояли большинство кардиналовъ, Рогеръ II сицилійскій и Римскій народъ (176). Избраніе его, по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, совершилось съ соблюденіемъ законныхъ формъ. Но личныя свойства Анаклета не внушали довѣрія людямъ, наиболѣе дорожившимъ внѣшнимъ достоинствомъ и чистотою церкви. Кромѣ нареканій, падавшихъ на его образъ жизни, ему ставили въ вину огромное богатство, наслѣдованное имъ отъ дѣда Еврея и содѣйствовавшее, по общему мнѣнію, къ его возвышенію на престолъ Св. Петра. Иннокентій не могъ держаться въ Римѣ противъ могущественнаго соперника. Онъ уступилъ ему на время перевѣсъ въ Италіи и, по примѣру Гелазія, искалъ убѣжища во Франціи, отъ которой ожидалъ себѣ помощи. Немедленно по его прибытіи, Лудовикъ созвалъ соборъ въ Этампѣ. Въ виду опасности, которая предстояла католическому міру, Святой Бернардъ подалъ королю руку примиренія и убѣдилъ собранныхъ въ Этампѣ прелатовъ принять сторону Иннокентія. Его мнѣніе основывалось не столько на формальной законности выбора, сколько на нравственной оцѣнкѣ личностей обоихъ папъ (177). Можно безъ преувеличенія сказать, что въ этой великой тяжбѣ Клервальскій аббатъ игралъ роль судьи и что его приговоръ болѣе, чѣмъ все остальное, рѣшилъ участь Анаклета. Король англійскій еще колебался: Святой Бернардъ вывелъ его изъ недоумѣнія предложеніемъ взять на себя грѣхъ, сопряженный съ признаніемъ Иннокентія II (178); за Генрихомъ послѣдовали вскорѣ и другіе европейскіе государи. Но честь поданнаго примѣра и великодушнаго гостепріимства, оказаннаго изгнанному намѣстнику Св. Петра, осталась за Лудовикомъ. Изъ „Жизни Лудовика Толстаго“ видно, что Сугерій былъ въ этомъ дѣлѣ помощникомъ Св. Бернарда и дѣйствовалъ въ томъ же направленіи. По окончаніи Этампскаго собора, онъ отправился въ Клюни, гдѣ жилъ тогда Иннокентій, съ вѣстію о состоявшемся въ его пользу рѣшеніи и съ предложеніемъ услугъ всякаго рода отъ имени короля. Признательный папа посѣтилъ въ свою очередь монастырь Св. Діонисія и съ большимъ великолѣпіемъ праздновалъ тамъ Пасху (179).

Слѣдуя завѣщанному Гугономъ Капетомъ обычаю, Лудовикъ призналъ еще въ 1129 году соправителемъ и вѣнчалъ на царство старшаго сына сво-

его Филиппа, умнаго и любимаго народомъ юношу. Тринадцатаго октября 1131 года Филиппъ упалъ съ лошади и вслѣдствіе ушиба умеръ (180). Эта потеря страшно подѣйствовала на удрученнаго болѣзненною тучностью короля. Онъ впалъ въ совершенное отчаяніе. Только настоянія и совѣты Сугерія заставили его наконецъ обратить вниманіе на состояніе Франціи и принять мѣры противъ несчастій, которыя въ случаѣ его кончины ей грозили (181). Его династія еще не крѣпко сидѣла на престолѣ, при каждой перемѣнѣ царствованія ей предстояла новая опасность. Ея враги всегда были наготовѣ. Они ждали только случая, первой оплошности, чтобы возвратить все, отнятое у нихъ Лудовикомъ въ теченіи тридцатилѣтней, непрерывной дѣятельности. Не только между феодальными баронами, но въ духовенствѣ была сильная партія, которая разсчитывала на смерть хвораго короля и надѣялась замѣнить наслѣдственную монархію избирательною (182). Это значило отбросить общество на полтора столѣтія назадъ, поставить его въ то самое положеніе, въ какомъ оно находилось при паденіи Каролинговъ. Сугерій посовѣтовалъ Лудовику (183) почти то же, что̀ въ 1108 году, при сходныхъ обстоятельствахъ, совѣтовалъ Ивонъ Шартрскій. 25 октября, слѣдовательно черезъ двѣнадцать дней по смерти Филиппа, папа Иннокентій совершилъ лично надъ его младшимъ братомъ Лудовикомъ VII обрядъ помазанія и возложилъ на него королевскій вѣнецъ. Многіе роптали на эту поспѣшность, говоритъ Ордерикъ Виталій (184); но цѣль Сугерія была достигнута: вопросъ о престолонаслѣдіи былъ устраненъ, и права Капетингской династіи обезпечены на цѣлое поколѣніе.

Взятіемъ замка Брисона на Луарѣ, котораго владѣлецъ грабилъ купцовъ, заключается рядъ подвиговъ, совершенныхъ Лудовикомъ Толстымъ въ пользу общественнаго порядка и безопасности. Ядъ, данный ему въ молодости Бертрадою, и постоянные военные труды окончательно разстроили его здоровье. Возвратясь изъ подъ Брисона, онъ вручилъ (1133) сыну королевскій перстень, передалъ ему управленіе и изъявилъ желаніе провести остатокъ жизни въ монастырѣ (185). Новыя событія заставили его однако перемѣнить намѣреніе. Мы видѣли выше, какъ опасно было для Капетингской монархіи соперничество Нормандскихъ Герцоговъ, присоединившихъ къ своимъ обширнымъ владѣніямъ во Франціи цѣлое государство по ту сторону пролива. Король англійскій остался ленникомъ французскаго, но далеко превосходилъ его богатствомъ и силою. Смерть Генриха I представила случай положить конецъ этому неравенству. Внуки Вильгельма Завоевателя заспорили между собою объ его наслѣдіи. Послѣ кровавой междоусобицы Нормандія досталась Матильдѣ, графинѣ Анжуйской, дочери Генриха I; Стефанъ, графъ Блуаскій, удержалъ за собою Англію (186). Ему помогалъ Лудовикъ, отъ котораго конечно не скрылась вся важность такого дѣлежа. Но одновременно съ ослабленіемъ нормандской династіи произошло неожиданное усиленіе Капетинговъ. Герцогъ Аквитанскій Вильгельмъ, умершій въ 1137 году въ Кампостеллѣ, куда онъ ходилъ на поклоненіе мощамъ Св. Іакова, оставилъ старшей дочери своей Элеонорѣ герцогство Аквитанію и графство Пуату и завѣщалъ ей выдти, съ согласія бароновъ (187), замужъ за наслѣдника

французскаго престола. Не смотря на свидѣтельство Сугерія и другихъ лѣтописцевъ, можно усомниться въ подлинности этого духовнаго завѣщанія (188). Легко было впрочемъ обойтись и безъ него. Лудовикъ въ качествѣ леннаго господина, былъ законный опекунъ Элеоноры и, слѣдовательно, имѣлъ право располагать ея рукою (189). Онъ тотчасъ отправилъ сына въ Бордо въ сопровожденіи многочисленной, походившей на армію свиты. При Лудовикѣ VII находились графы Вермандуа и Шампаніи, аббатъ Сугерій и пятьсотъ знатныхъ рыцарей. Сверхъ того женихъ получилъ на дорогу значительныя суммы денегъ (190). Бракъ, слѣдствіемъ котораго было соединеніе земель, лежавшихъ по обѣимъ сторонамъ Луары, и народонаселеній, которыя въ продолженіе слишкомъ трехъ вѣковъ жили совершенно отдѣльною, различною жизнію, былъ великолѣпно отпразднованъ въ Бордо, куда собрались по этому случаю многочисленные вассалы Элеоноры. Но общаго согласія бароновъ, о которомъ, какъ условіи брака, упомянуто въ мнимомъ завѣщаніи Вильгельма, не было и не могло быть. Племенныя ненависти между сѣверными и южными Французами, мѣстные интересы еще были слишкомъ сильны и не могли подчиниться отвлеченному понятію политическаго единства Франціи. Сугерій прямо говоритъ, что при возвращеніи они принуждены были силою очистить себѣ дорогу въ Пуатье и вели настоящую войну съ врагами (191). Эти враги были подданные Элеоноры, недовольные ея замужествомъ. Лудовикъ Толстый не дождался прибытія сына. Онъ умеръ 1-го августа 1137 года (192). Его смертію заключается сочиненіе Сугерія, служившее главнымъ источникомъ для нашего разсужденія. Не считаю нужнымъ говорить подробнѣе объ этомъ памятникѣ: его важность и особенное значеніе должны были обнаружиться читателямъ изъ предъидущаго. Похвалы, расточаемыя Сугеріемъ царственному другу, могутъ показаться преувеличенными; слогъ его напыщенъ; о многихъ примѣчательныхъ событіяхъ не упомянуто вовсе, или говорится мелькомъ, съ очевидною осторожностію; но „Жизнь Лудовика Толстаго“ даетъ ясное понятіе объ общемъ характерѣ тогдашней Франціи и о господствующемъ надъ всѣми другими явленіи, т. е. о первомъ, рѣшительномъ выступленіи монархіи на то поприще, на которомъ дотолѣ происходила анархическая борьба вытѣснившихъ ее феодальныхъ властей.

Потеря начатой Сугеріемъ Жизни Лудовика VII оставила значительный пробѣлъ въ бѣдной источниками исторіи этого царствованія. Надобно собирать въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ отрывочныя, часто противорѣчащія одно другому извѣстія. Имя аббата Св. Діонисія рѣдко въ нихъ встрѣчается, хотя присутствіе его въ совѣтѣ молодаго короля, привыкшаго съ дѣтства „уважать его какъ руководителя и любить какъ отца (193)“, не подлежитъ сомнѣнію. Но ходъ, принятый событіями, показываетъ, что дѣйствительное вліяніе Сугерія на дѣла было далеко не такъ значительно, какъ прежде, и обнаруживалось только въ немногихъ случаяхъ. Лудовикъ наслѣдовалъ блестящую храбрость отца, но у него не было вовсе другихъ, болѣе нужныхъ главѣ государства качествъ. Не смотря на природное добродушіе, онъ ознаменовалъ начало своего правленія дѣломъ опрометчивой

и безполезной жестокости: казнію граждан Орлеанских, которых вина заключалась въ томъ, что они просили себѣ общинныхъ учрежденій, возникавшихъ, съ согласія, даже съ одобренія короля, въ другихъ городахъ Франціи (194). Походъ, предпринятый противъ графа Тулузскаго, кончился неудачно, къ ущербу королевскаго вліянія въ областяхъ за Луарою. Важнѣе всѣхъ другихъ происшествій, относящихся къ періоду 1137 — 1144, была распря Лудовика VII съ папою Иннокентіемъ II, нарушившимъ его право самовольнымъ назначеніемъ Петра-ла-Шатра архіепископомъ въ Буржъ. Король, у котораго былъ въ виду другой кандидатъ, протестовалъ и поручился честнымъ словомъ, что не впуститъ Петра въ неправедно полученную имъ епархію (195). Къ этой причинѣ несогласія присоединилась другая: одинъ изъ самыхъ близкихъ Лудовику людей, Рауль, графъ Вермандуа, женился на меньшой дочери Вильгельма X Аквитанскаго, Алисѣ, или Петронилѣ, которая принесла ему въ приданое большія лена въ Бургундіи. Съ этою цѣлью Радульфъ предварительно развелся съ первою женою своею, сестрою Теобальда, графа Шампаніи. Папа по жалобѣ Теобальда объявилъ разводъ и новый бракъ Рауля недѣйствительными и отлучилъ его самого отъ церкви. Такая же участь постигла горячо принявшаго его сторону Лудовика. Спорившія между собою партіи прибѣгли даже къ оружію. Война въ Шампаніи приняла самый жестокій характеръ. Владѣнія Теобальда были разорены огнемъ и мечемъ. Примѣромъ можетъ служить городъ Витри, взятый королемъ лично и сожженный. Между прочимъ сгорѣла соборная церковь и въ ней 1300 искавшихъ убѣжища и спасенія жителей (196). Это зрѣлище произвело глубокое впечатлѣніе на молодаго побѣдителя и заставило его подумать о мирѣ. Если бы не молитвы и заслуги благочестивыхъ мужей, въ ней нѣкогда жившихъ, говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ Оттонъ Фрейзингенскій, Франція погибла бы вслѣдствіе междоусобій, возникшихъ при сынѣ Лудовика Толстаго (197). Изъ писемъ Св. Бернарда, который не одобрялъ назначеніе Петра-ла-Шатра архіепископомъ Буржскимъ, но ревностно защищалъ друга своего, графа Теобальда, видно, что Сугерій принималъ нѣкоторое участіе въ этихъ событіяхъ и что онъ былъ противникомъ папскихъ притязаній. Отзываясь съ привычною жесткостію о Лудовикѣ VII, не оправдавшемъ его надеждъ (198), аббатъ Клервальскій осторожно и почтительно обращается къ Сугерію и предлагаетъ ему и Іоселину, епископу Суассонскому, вопросъ: не они ли поддерживаютъ короля въ враждебномъ расположеніи противъ церкви и графа Шампаніи? „Если все это дѣлается безъ вашего совѣта, странно; еще страннѣе и хуже, если вы подали совѣтъ, ведущій къ новому расколу и порабощенію церкви... Поступки юнаго государя вмѣняются въ вину его старымъ совѣтникамъ“ (199). Въ отвѣтъ на потерянное, къ сожалѣнію, письмо Сугерія, Бернардъ оправдываетъ передъ нимъ рѣзкость своихъ выраженій дошедшими до него слухами и желаніемъ высказать и передать другимъ собственное чувство. „Не думайте, прибавляетъ онъ, что я приписываю вашему совѣту или вашей волѣ бѣдствія, которыя мы оплакиваемъ“ (200). Изъ этихъ словъ можно заключить, что не аббатъ Св. Діо-

нисія пользовался главнымъ вліяніемъ на короля и что правленіе государствомъ перешло въ другія руки. Иннокентій II не дожилъ до конца этихъ смутъ. Преемникъ его снялъ отлученіе отъ церкви, произнесенное надъ Лудовикомъ, который вслѣдъ за тѣмъ заключилъ въ монастырѣ Св. Діонисія, при дѣятельномъ посредничествѣ Сугерія (201), миръ съ Теобальдомъ.

Многочисленные и разнообразные труды, совершенные Сугеріемъ въ первые годы царствованія Лудовика VII, показываютъ въ свою очередь, что у него было много свободнаго времени и что государственныя дѣла перестали быть его главною заботою. Въ 1140 году онъ приступилъ къ перестройкѣ церкви, посвященной Св. Діонисію. Старая церковь, основанная Дагобертомъ въ VII вѣкѣ, съ пристройками государей каролингской династіи, была мала и ветха. Король Лудовикъ заложилъ первый камень. Черезъ четыре года уже было готово новое, великолѣпное зданіе, свидѣтельствовавшее о богатствахъ монастыря. Работы, подъ личнымъ надзоромъ аббата, производились художниками и ремесленниками, вызванными съ разныхъ концовъ Франціи (202). Но цѣнность матеріаловъ далеко превосходила достоинство отдѣлки. Количество драгоцѣнныхъ камней и металловъ, употребленныхъ на украшеніе храма, въ самомъ дѣлѣ изумительно (203). Подъ аллегорическими и заимствованными изъ Священнаго Писанія изображеніями на окнахъ и стѣнахъ храма Сугерій помѣстилъ надписи въ стихахъ собственнаго сочиненія. Въ образецъ его поэтическаго таланта приводимъ слѣдующее четверостишіе подъ изображеніемъ Апостола Павла, вращающаго мельничный жерновъ, и пророковъ, несущихъ ему мѣшки съ пшеницею.

Tollis agendo molam de furfure, Paule, farinam,
Mosaicæ legis intima nota facis.
Fit de tot granis verus sine furfure panis,
Perpetuusque cibus noster et angelicus (204).

Выстроенная Сугеріемъ церковь была предметомъ общаго удивленія въ продолженіи всего XII столѣтія. Во второй половинѣ XIII-го, аббаты Св. Діонисія, Одонъ и Матвѣй, предприняли новыя передѣлки и оставили весьма немного изъ построекъ ихъ знаменитаго предшественника (205). Но сверхъ этихъ остатковъ у насъ есть любопытное, самимъ Сугеріемъ составленное описаніе воздвигнутаго имъ храма и принадлежавшихъ монастырю имѣній. Въ 1144 году, черезъ двадцать два года послѣ смерти аббата Адама, его преемникъ написалъ, по просьбѣ братіи, довольно подробное изложеніе своей дѣятельности въ пользу обители. Сочиненіе это, изданное впослѣдствіи подъ названіемъ Sugerii Abbatis S. Dionysii liber de rebus in administratione sua gestis, состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой содержится опись монастырскихъ имѣній и объясненіе мѣръ, принятыхъ аббатомъ къ ихъ улучшенію. Это весьма замѣчательный статистическій памятникъ, показывающій, что Сугерій былъ, при другихъ дарованіяхъ, отличный администраторъ и хозяинъ. Онъ удвоилъ доходы монастыря и при томъ нашелъ средство облегчить состояніе принадлежавшихъ Св. Діонисію виланОвъ. Вторая часть посвящена описанію вновь построенной церкви (206). Къ этой половинѣ примыкаетъ и служитъ ей дополненіемъ небольшое повѣствованіе объ освященіи

храма и перенесенія въ него мощей Св. Діонисія и его сподвижниковъ, Рустика и Элевтерія (libellus de consecratione ecclesiæ a se ædificatæ et translatione corporum St. Dionysii ac sociorum ejus (207). Около того же времени было написано главное по объему и содержанію сочиненіе Сугерія— „Жизнь Лудовика Толстаго“.

Вѣсть о паденіи Эдессы, взятой мусульманами, вызвала Сугерія снова на театръ политической дѣятельности. Пораженные ужасомъ палестинскіе князья просили помощи у западныхъ народовъ, въ особенности у Французовъ, „ради ихъ дивной храбрости“ (208). Лудовикъ съ радостію принялъ этотъ призывъ къ подвигамъ, которыми онъ надѣялся смыть съ себя грѣхи, навлекшіе на него церковное проклятіе, и загладить воспоминаніе о кровавомъ событіи въ Витри. Папа Евгеній III, бывшій монахъ Клервальскій, ученикъ Св. Бернарда, благословилъ напередъ будущихъ воиновъ новаго крестоваго похода. Болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ оживленію охладѣвшаго участія къ судьбѣ Палестины самъ Бернардъ. Никогда слово его не дѣйствовало такъ сильно на умы. Въ мартѣ 1146 года онъ склонилъ большую часть собранныхъ нарочно по этому поводу въ Везелэ бароновъ французскихъ возложить на себя крестъ (209). Оттуда онъ отправился въ Германію. Проповѣднику предстояло здѣсь трудное дѣло: онъ не зналъ языка своихъ слушателей и долженъ былъ бороться съ равнодушіемъ, которое до тѣхъ поръ нѣмецкій народъ показывалъ къ крестовымъ походамъ. Проповѣдь и успѣхъ Св. Бернарда въ Германіи принадлежатъ къ числу самыхъ характеристическихъ явленій среднихъ вѣковъ. Аббатъ Клервальскій обращался къ толпамъ собиравшагося вездѣ вокругъ него народа съ французской или латинской рѣчью (210). Но предшествовавшая ему слава, молва о чудесахъ, совершенныхъ имъ на пути, вдохновенное выраженіе прозрачно блѣднаго, утратившаго способность отражать внѣшнія впечатлѣнія лица, наконецъ вся наружность, въ которой было такъ мало земной жизни (211), сильнѣе всякихъ словъ дѣйствовали на воспріимчивое воображеніе массъ. Слушая эти чуждые имъ звуки, Нѣмцы восклицали, ударяя себя въ грудь: Christ uns genade! и произносили обѣтъ священной войны (212). Долѣе всѣхъ упорствовалъ король, Конрадъ III Гогенштауфенъ. Наконецъ настала и его очередь: онъ не устоялъ и принялъ крестъ вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, знаменитымъ Фридрихомъ Барбароссою. Въ началѣ 1147 года Бернардъ уже участвовалъ въ совѣтѣ, который Лудовикъ VII держалъ съ своими прелатами и баронами въ Этампѣ. Дѣло шло между прочимъ о мѣрахъ, которыя надлежало принять для охраненія порядка и управленія государствомъ въ отсутствіи короля. При тогдашнихъ обстоятельствахъ трудно было найти людей, которымъ бы можно было безъ опасенья ввѣрить на нѣсколько лѣтъ королевскую власть. Выборъ прелатовъ и бароновъ палъ на Сугерія и графа Вильгельма Неверскаго. Аббатъ Клервальскій указалъ на нихъ, говоря: вотъ два меча (213). Но графъ Вильгельмъ отказался отъ опасной и тяжелой чести, подъ предлогомъ даннаго имъ прежде обѣщанія вступить въ Картезіанскій монастырь; остался одинъ Сугерій, который долженъ былъ уступить настоятельнымъ просьбамъ короля и приказаніямъ

прибывшаго во Францію папы Евгенія (214). Для облегченія трудовъ ему были даны въ помощники Самсонъ, архіепископъ Реймсскій, и Рауль (Радульфъ), графъ Вермандуа (215). Впрочемъ имъ достались только второстепенныя роли исполнителей. Самсонъ жилъ въ своей епархіи, Рауль—въ Перонѣ, столицѣ своего графства. На одномъ аббатѣ Св. Діонисія лежала вся тяжесть государственнаго управленія. Онъ одинъ несъ предъ Лудовикомъ и общимъ мнѣніемъ отвѣтственность за все, происходившее во Франціи въ промежуткѣ отъ 1147 до 1149 года (216).

Засвидѣтельствованное современниками вліяніе Св. Бернарда на назначеніе Сугерія правителемъ королевства тѣмъ замѣчательнѣе, что, по поводу крестоваго похода, обнаружилась еще разъ глубокая противоположность ихъ понятій и мнѣній. Сугерій явился противникомъ предпріятія, которое онъ разсматривалъ съ точки зрѣнія государственнаго мужа. „Не должно думать, говоритъ его современный біографъ, монахъ Вильгельмъ, что король предпринялъ по его настоянію или совѣту свое путешествіе въ Святую землю. Лудовикъ принялъ это намѣреніе, котораго успѣхъ далеко не соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ, вслѣдствіе собственнаго благочестиваго рвенія и усердія къ Богу. Проницательный, предвидѣвшій грядущее Сугерій не только не внушалъ королю ничего подобнаго, но даже не далъ своего одобренія предпріятію, когда услышалъ объ немъ. Послѣ безполезныхъ усилій отвратить зло въ самомъ началѣ, не имѣя возможности умѣрить рвеніе короля, онъ разсудилъ уступить времени, дабы не оскорбить благочестіе государя и не навлечь на себя отвѣтственности въ будущемъ“ (217). Опасенія Сугерія были справедливы. Второй крестовый походъ дорого стоилъ Франціи. Цвѣтъ ея народонаселенія отправился въ Палестину. Св. Бернардъ писалъ къ папѣ Евгенію, что проповѣдь его имѣла полный успѣхъ, что во многихъ мѣстахъ на семь женщинъ остался одинъ мужчина (218). Сверхъ того надобно было обложить всѣ сословія тяжкими налогами для покрытія издержекъ продолжительнаго пути. Благочестивая цѣль не оправдала предъ современниками жестокихъ средствъ. Ропотъ былъ всеобщій (219). Даже духовенство не скрывало своего негодованія, тѣмъ болѣе, что ему стоило большихъ денегъ пребываніе во Франціи папы (220). Монастырскія лѣтописи и письма духовныхъ лицъ наполнены жалобами на притѣсненіе со стороны властей и на расхищеніе церковной собственности. Озлобленные каноники Св. Женевьевы избили папскихъ служителей, въ присутствіи совершавшаго божественную службу Евгенія и короля. Послѣдній подвергся даже личнымъ оскорбленіямъ, стараясь возстановить тишину во храмѣ (221).

Французскіе лѣтописцы, занятые исключительно судьбою крестоваго воинства, не говорятъ вовсе о томъ, что̀ происходило во Франціи во время Сугеріева управленія. Только у біографа его читаемъ слѣдующее: „тотчасъ по отбытіи короля и принятіи власти знаменитымъ мужемъ Сугеріемъ, хищники, полагавшіе найти въ отсутствіи государя свободу для беззаконій, стали являться на разныхъ концахъ государства и обнаруживать давно задуманные, преступные замыслы. Одни дѣйствовали открыто и силою отбирали достояніе церкви и бѣдныхъ, другіе грабили не такъ явно. Новый вождь не-

медленно вооружился противъ нихъ двойственнымъ, вещественнымъ и духовнымъ, царственнымъ и церковнымъ мечемъ, который былъ ему, по волѣ Божіей, врученъ верховнымъ первосвященникомъ. Въ короткое время онъ подавилъ дерзкія начинанія противниковъ и смѣлою рукою обратилъ въ ничто всѣ ихъ козни. Благоволеніе Господа сопровождало его всюду, такъ что онъ одержалъ безкровную побѣду надъ врагами, и государство въ составѣ своемъ не потерпѣло никакого ущерба. Такимъ образомъ мужъ добра, левъ извнѣ, но агнецъ сердцемъ, подъ руководствомъ самого Христа, велъ мирнымъ оружіемъ войну. Жители отдаленныхъ областей королевства, Лимузина, Берри, Пуату и Гасконіи, въ нуждахъ своихъ прибѣгали къ нему за пособіемъ. Онъ помогалъ имъ иногда дѣломъ, иногда совѣтомъ, не менѣе самого короля. Подобно доброму отцу семейства, онъ увеличилъ данное ему на сбереженіе добро, возстановилъ царскія жилища, развалившіяся стѣны и башни. Нѣтъ дворца или другаго королевскаго зданія, которое не было бы хотя частію исправлено имъ къ возвращенію Лудовика. Дабы государство въ отсутствіи государя не утратило что либо изъ своей чести, воинамъ производилась обычная плата и въ извѣстные дни имъ выдавались одежды или другіе дары. Достовѣрно, что большую часть этихъ издержекъ Сугерій великодушно принималъ на себя, не прибѣгая къ королевской казнѣ или къ народу. Всѣ деньги, поступавшія въ казну, онъ отправлялъ къ царственному страннику или откладывалъ до его возвращенія... Церковныя почести и званія раздавались и отнимались по его приговору. Съ его согласія посвящались избранные епископы, ставились аббаты. Епископы повиновались ему и слушали его безъ зависти и безъ стыда. Они собирались и расходились по его слову, радуясь, что къ духовенству принадлежалъ такой мужъ, одинъ за всѣхъ несшій всю тяжесть государственныхъ заботъ. Самъ верховный первосвященникъ до того почиталъ его доблесть и благоразуміе, что все имъ рѣшенное въ Галліи утверждалось въ Римѣ. Папа Евгеній писалъ къ нему самымъ дружескимъ образомъ, часто подкрѣплялъ его своими увѣщаніями, но никогда не принималъ повелительнаго тона, а— не хочу таить истины—смиренно просилъ“ (222)... Къ этимъ немногимъ словамъ монаха Вильгельма, автора панегирика, извѣстнаго подъ именемъ жизнеописанія аббата Сугерія, мы къ сожалѣнію не можемъ почти ничего прибавить изъ другихъ источниковъ. Важнымъ пособіемъ могла бы служить переписка Сугерія, если бы она сохранилась въ цѣлости. Но изъ напечатанныхъ Дюшеномъ 164 писемъ этой переписки только 16 принадлежатъ самому Сугерію, другія писаны къ нему; въ XV томѣ начатаго Бенедиктинцами собранія памятниковъ французской исторіи находится, сверхъ изданныхъ Дюшеномъ, еще шесть писемъ аббата Св. Діонисія. Всѣ 22 письма относятся къ послѣднимъ шести годамъ его жизни. Написанныя имъ прежде, въ теченіи почти сорокалѣтней дѣятельности, погибли. Они безъ сомнѣнія были значительнѣе уцѣлѣвшихъ, изъ которыхъ немногія имѣютъ настоящее историческое достоинство. Положеніе, которое занималъ аббатъ Св. Діонисія, заставляло современниковъ обращаться къ нему съ просьбами всякаго рода; такъ напримѣръ три письма отъ трехъ различныхъ лицъ, епископа

Окзерскаго, аббата Везелейскаго и графа Неверскаго, заключають въ себѣ одну и туже просьбу о покровительствѣ семейству какого-то медика Роберта (223). Большею частью дѣло идетъ о спорахъ, возникавшихъ между духовными лицами, о замѣщеніи церковныхъ должностей и т. д. Мы постараемся собрать разсѣянныя въ этой перепискѣ извѣстія, болѣе для того чтобы окончательно опредѣлить вліяніе и характеръ Сугерія, чѣмъ для пополненія скудныхъ свѣдѣній о состояніи Франціи подъ его управленіемъ.

Финансовое управленіе въ государствахъ среднихъ вѣковъ было довольно просто. Оно основывалось не на политико-экономическихъ теоріяхъ и сложныхъ соображеніяхъ, а на простыхъ началахъ частнаго хозяйства. Источники доходовъ были немногочисленны. Обозрѣть ихъ вполнѣ было легко, но за то трудно было ихъ поддерживать при шаткихъ отношеніяхъ общества, въ которомъ преобладало право сильнаго. Мы видѣли услуги, оказанныя Сугеріемъ монастырю Св. Діонисія, котораго доходы онъ болѣе чѣмъ удвоилъ. Тѣже самыя экономическія понятія и съ тою-же дѣятельностью, съ такою же разсчетливостью приложилъ онъ къ государственному хозяйству. Огромныхъ суммъ, взятыхъ съ собою Лудовикомъ VII, едва достало на продовольствіе его войска въ Германіи. Съ Венгерской границы король писалъ къ своему намѣстнику и просилъ его о скорой высылкѣ денегъ (224). Почти всѣ остальныя письма Лудовика, отправленныя имъ на пути и во время пребыванія въ Палестинѣ, того же содержанія. Сугерій не только удовлетворялъ этимъ безпрестанно повторяющимся требованіямъ, но даже находилъ возможность откладывать деньги къ возвращенію короля. Не разъ приходилось ему прибѣгать къ средствамъ своего монастыря, для покрытія издержекъ крестоваго похода и внутренняго управленія. Ему суждено было заключить долгое служеніе свое монархическимъ идеямъ—послѣднимъ великимъ дѣломъ въ пользу Капетингской династіи, т. е. сохраненіемъ въ ней правильнаго престолонаслѣдія. Возвратившійся изъ Палестины, весной 1149 года, Робертъ, второй сынъ Лудовика Толстаго, сталъ во главѣ партіи, замышлявшей посадить его на престолъ Лудовика VII (225). До насъ дошли имена главныхъ зачинщиковъ: канцлера Кадурка, Ротрока, графа Першскаго, и Алисы Бургундской (226). Сверхъ этихъ особъ, многія лица изъ высшаго духовенства и изъ рыцарства поддерживали Роберта въ его честолюбивыхъ намѣреніяхъ. Есть даже причина думать, что меньшой братъ Лудовика—Генрихъ, епископъ города Бове, и Радульфъ Вермандуа, который, не смотря на навлеченное имъ на себя отлученіе отъ церкви, былъ назначенъ соправителемъ Сугерія, знали о заговорѣ и сносились съ врагами короля (227). Печальныя вѣсти изъ Палестины о гибели французскихъ крестоносцевъ много вредили Лудовику VII: народъ роптадъ на него и на Св. Бернарда, какъ на виновниковъ предпріятія, такъ страшно кончившагося, и толпами собирался около Роберта, желая ему долгихъ лѣтъ и верховной власти (228). Можно смѣло сказать, что одно личное вліяніе Сугерія на современниковъ, общее довѣріе къ нему, его связи съ вождями феодальной аристократіи и мѣсто, которое онъ занималъ въ духовенствѣ, отвратили отъ Франціи угрожавшій ей переворотъ. Великіе вассалы, между

которыми онъ давно игралъ роль посредника и миротворца, изъявили при этомъ случаѣ готовность защищать законнаго государя. Не смотря на войну, которая шла между ними за королевство англійское и герцогство Нормандское, графъ Готфридъ Анжуйскій и Стефанъ Булоньскій вели оба дружескую переписку съ аббатомъ Св. Діонисія и оказывали ему глубокое уваженіе. Готфридъ ставилъ его имя выше своего собственнаго въ грамотахъ и письмахъ и говорилъ открыто, что готовъ служить ему болѣе, чѣмъ самому королю (229). Дитрихъ Фландрскій увѣдомилъ Сугерія о проискахъ Роберта и предложилъ ему помощь всякаго рода (230). Папа Евгеній обратился къ французскому духовенству съ предписаніемъ подвергнуть церковному отлученію всѣхъ противниковъ королевскаго намѣстника (231). Св. Бернардъ подкрѣплялъ Сугерія своими совѣтами и — потрясеннымъ впрочемъ неудачею крестоваго похода—вліяніемъ на общественное мнѣніе. Мы знаемъ, что аббатъ Клервальскій не отличался мягкостію языка и не льстилъ никому. Это испыталъ на себѣ папа Евгеній III, котораго онъ называлъ homuncio rusticanus (232). Упрекая Евгенія въ слабости, онъ говоритъ: не тебя, а меня считаютъ всѣ папою. Въ письмахъ Бернарда къ Сугерію не встрѣчаемъ такихъ выраженій. Онъ обращается къ аббату Св. Діонисія съ очевидною любовью и почтеніемъ, какъ къ настоящему главѣ государства: quia princeps maximus estis in regno (233). Въ письмѣ къ папѣ онъ отзывается о Сугеріи, какъ о второмъ Давидѣ, какъ о драгоцѣнномъ сосудѣ, украшающемъ равно храмъ Божій и царскій чертогъ. Въ дѣлахъ мірскихъ онъ вѣренъ и мудръ, въ духовныхъ усерденъ и исполненъ смиренія и—что̀ весьма трудно—безукоризненъ въ тѣхъ и другихъ (234). Опираясь на такихъ помощниковъ, намѣстникъ Лудовика VII взялъ верхъ надъ своими противниками. Неизвѣстно, что происходило въ собраніи созванныхъ имъ по этому случаю духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ (235), но изъ словъ монаха Вильгельма можно заключить, что Робертъ, вслѣдствіе принятыхъ противъ него мѣръ, не только долженъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ, но даже подвергся наказанію, или по крайней мѣрѣ обнаружилъ явное раскаяніе (236). Силы Сугерія слабѣли подъ бременемъ непрерывныхъ и разнообразныхъ заботъ. Senex eram, sed in his magis consenui писалъ онъ королю, умоляя его ускорить возвращеніе. „Нарушители общественнаго спокойствія возвратились, а ты, какъ узникъ, пребываешь въ изгнаніи, предаешь волку овцу, которую обѣщалъ защищать, уступаешь государство хищникамъ. Во имя взаимной вѣрности, соединяющей государя съ подданными, молимъ величіе твое, заклинаемъ благочестіе, убѣждаемъ кротость твою, не откладывай своего отъѣзда далѣе праздника Пасхи, да не явишься предъ Господомъ нарушителемъ данныхъ тобою при вѣнчаніи тебя на царство обѣтовъ. Мы же ждемъ Васъ, какъ ангела Божія, и приготовляемъ все нужное... Деньги, которыя мы собирались выслать Вамъ, вручены, по вашему распоряженію, рыцарямъ храма. Графъ Радульфъ получилъ также сполна занятые Вами у него 3000 ливровъ, за исключеніемъ двухсотъ. Земли и подданные Ваши, милостію Господнею, въ мирѣ благоденствуютъ. Въ надеждѣ на Ваше возвращеніе мы сберегли судебныя пени, поголовныя

и поземельныя подати, взысканныя при передачѣ леныхъ суммы и собранные въ вашихъ помѣстьяхъ съѣстные припасы. Дома и дворцы Ваши сохранены въ цѣлости и, гдѣ нужно, исправлены. Не достаетъ только господина. Я уже былъ старъ, но въ этихъ трудахъ, поднятыхъ мною не ради прибыли какой нибудь, а единственно изъ любви къ Богу и къ Вамъ, окончательно состарѣлся. Касательно королевы, супруги Вашей, осмѣливаемся совѣтовать Вамъ слѣдующее: не обнаруживайте Вашего негодованія противъ нея—если такое чувство есть въ душѣ Вашей—до возвращенія на родину. Тогда можно будетъ заняться этимъ и другими дѣлами (237)". Послѣднія строки очень важны. Онѣ показываютъ, что Сугерій, знавшій о ссорахъ Лудовика съ Элеонорою, боялся явнаго разрыва и старался предупредить несчастный для Франціи разводъ. Это подтверждается свидѣтельствомъ Вильгельма, который приписываетъ потерю Аквитаніи, составлявшей приданое Элеоноры, смерти Сугерія (238). Св. Бернардъ былъ другаго мнѣнія. Еще въ 1143 году онъ строго осуждалъ короля Лудовика за бракъ, заключенный имъ вслѣдствіе политическихъ разсчетовъ съ родственницею (239), хотя родство было самое дальнее, а выгоды значительны. Но Клервальскій аббатъ равнодушно глядѣлъ на соединеніе сѣверной Франціи съ южною; его тревожило нарушеніе каноническаго права, а не новое раздробленіе государства. Несогласія, которыя начались между супругами въ Палестинѣ, подали ему случай снова вмѣшаться въ это дѣло и рѣшить его сообразно съ своимъ убѣжденіемъ. „По совѣту Бернарда, аббата Клервальскаго, король Лудовикъ развелся съ супругою своею Элеонорою", говоритъ древній памятникъ, приведенный Д. Мартеномъ (240).

Озлобленные его успѣхами завистники Сугерія распускали о немъ разные слухи и старались очернить его въ глазахъ короля. Вильгельмъ неясно упоминаетъ объ ихъ обвиненіяхъ, смутившихъ на время „простую душу" Лудовика VII (241). Мы не знаемъ даже, въ чемъ заключались эти обвиненія. Впрочемъ недоразумѣніе продолжалось недолго. На возвратномъ пути во Францію, король посѣтилъ папу Евгенія, который обличилъ предъ нимъ злобу клеветниковъ и показалъ ему въ настоящемъ видѣ заслуги его намѣстника (242). Съ возвращеніемъ Лудовика въ отечество (осенью 1149 года) оканчивается собственно политическая дѣятельность Сугерія. Изъ переписки его видно, что онъ не устранялся рѣшительно отъ участія въ дѣлахъ и что совѣты его принимались съ уваженіемъ и покорностію людьми, смѣнившими его въ управленіи государствомъ; но онъ самъ считалъ свой гражданскій подвигъ совершеннымъ и готовился къ другому. Его біографъ сообщаетъ много подробностей о почестяхъ, которыя оказывались аббату Св. Діонисія въ послѣдніе годы его жизни. „Я видѣлъ, говоритъ онъ, какъ король и главные сановники государства почтительно стояли предъ великимъ мужемъ, сидѣвшимъ на скамьѣ и поучавшимъ ихъ" (243). Въ собраніяхъ французскаго духовенства прелаты вставали при его входѣ и уступали ему первое мѣсто и первый голосъ (244). Даже за предѣлами Франціи, называвшей его отцемъ отечества, разнеслась его слава. Знаменитый Рогеръ II Сицилійскій выѣхалъ ему на встрѣчу, получивъ ложное извѣстіе о его прибытіи въ южную

Италію; писалъ къ нему, по „долгу дружбы", объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ своихъ и просилъ не оставить отвѣтомъ (245). Давидъ, король Шотландскій, прислалъ ему письмо и богатые дары, въ томъ числѣ огромный зубъ какого-то морскаго чудовища (246). Мы видѣли выше его отношенія къ обоимъ искателямъ англійскаго престола, по смерти Генриха I, который также дорожилъ его дружбою (247). Но ни лѣта, ни совершенные труды, ни почести, бывшія за нихъ наградою, не охладили въ немъ внутренней дѣятельности. Онъ собирался продолжать историческое сочиненіе свое о „Жизни Лудовика Толстаго" и прибавить къ нему исторію первыхъ годовъ царствованія Лудовика VII. Дошедшія до насъ „Historia Ludovici VII" и „Gesta Ludovici VII" очевидно принадлежать не ему, хотя составлены, вѣроятно, при пособіи собранныхъ имъ матеріаловъ или замѣтокъ. Спутникъ Лудовика въ крестовомъ походѣ, Одонъ Дёльскій, монахъ Св. Діонисія, посвятилъ своему аббату написанную имъ исторію этого похода. „Вы описали исторію отца, говоритъ Одонъ въ своемъ посвященіи, Вамъ по праву подобаетъ разсказать жизнь сына. Вы знали его съ дѣтства короче, чѣмъ кто другой, ибо вы были ему воспитателемъ и кормильцемъ. Что̀ касается до меня, то не смотря на слабость силъ моихъ, я приступаю къ изложенію событій, происходившихъ во время странствованія ко гробу Господню, ибо я былъ свидѣтелемъ этихъ событій, находясь утромъ и вечеромъ при особѣ короля, котораго сопровождалъ въ качествѣ капеллана. Вы украсите мой разсказъ вашимъ краснорѣчіемъ (248)". Трудъ Одона долженъ былъ, слѣдовательно, служить только матеріаломъ для жизни Лудовика VII, которую намѣревался писать Сугерій. Онъ не успѣлъ исполнить этого предпріятія, хотя, по словамъ Вильгельма, написалъ начало (249). Оно по всей вѣроятности служило пособіемъ сочинителямъ „Исторіи" и „Дѣяній Лудовика VII". Впрочемъ достоинство этихъ произведеній, которыя нѣкогда приписывались Сугерію, хотя въ нихъ обоихъ говорится о происшествіяхъ, случившихся послѣ его смерти, очень невелико. „Дѣянія Лудовика VII" вошли, равно какъ и „Жизнь Лудовика Толстаго", въ составъ общей французской лѣтописи (Grandes Chroniques de France), которую вели монахи Св. Діонисія (250).

Государственныя дѣла и ученые труды уже не обращали на себя исключительнаго вниманія Сугерія. Мы сказали выше, что онъ готовился къ инымъ подвигамъ. Смѣлый противникъ крестоваго похода въ эпоху всеобщаго восторга и надеждъ, возбужденныхъ проповѣдью Св. Бернарда, хотѣлъ посвятить освобожденію Палестины остатки силъ и жизни (251). Гибель нѣмецкихъ и французскихъ крестоносцевъ въ Малой Азіи, раздоры и несчастія сирійскихъ христіанъ родили въ немъ глубокое чувство скорби. Онъ рѣшился на дѣло, отъ котораго нѣкогда отказался Клервальскій аббатъ (252), т. е. на личное участіе въ войнѣ съ невѣрными. Есть что-то поэтическое въ этомъ рѣшеніи семидесяти-лѣтняго старца, который на закатѣ жизни, проведенной въ строгомъ служеніи гражданскому обществу, въ борьбѣ съ формами и идеями средняго вѣка препоясался мечемъ и сталъ ратникомъ самой величавой изъ этихъ идей. Сугерій не хотѣлъ вовлекать Францію въ свое предпріятіе, подвергать ее новымъ утратамъ. Онъ требовалъ содѣйствія и помощи только

отъ духовенства и встрѣтилъ именно съ этой стороны рѣшительное равнодушіе (253). Самъ папа, пораженный развязкою втораго крестоваго похода, недовѣрчиво смотрѣлъ на его приготовленія (254), въ которыхъ выказались богатства монастыря Св. Діонисія. Сверхъ денегъ, необходимыхъ для содержанія войска, съ которымъ онъ собирался выступить въ путь, Сугерій отправилъ большія суммы храмовымъ рыцарямъ въ Палестину. Но дни его были сочтены. Послѣ поѣздки ко гробу Св. Мартина Турскаго, онъ заболѣлъ и началъ готовиться къ смерти. Собранныя имъ къ крестовому походу сокровища онъ ввѣрилъ вѣрному рыцарю (Вильгельмъ не называетъ его по имени) и поручилъ ему употребить ихъ для той же цѣли (255). Въ послѣднихъ, незадолго до кончины писанныхъ письмахъ его замѣтно горячее желаніе видѣть близкихъ ему людей, въ томъ числѣ Бернарда Клервальскаго. „Я бы спокойнѣе умеръ, если бы мнѣ привелось еще разъ увидѣть ангельскій ликъ Вашъ“, пишетъ ему Сугерій (256). Прощальное письмо къ Лудовику онъ заключаетъ словами: „любите церковь Божію, сиротъ и вдовъ, и Богъ поможетъ Вамъ устоять противъ видимыхъ и невидимыхъ силъ, противъ всѣхъ козней Вашихъ многочисленныхъ враговъ. Вотъ мой совѣтъ. Берегите письмо мое, ибо меня болѣе не сбережете, и старайтесь исполнить сказанное въ немъ“ (257). Сугерій умеръ 13 января 1152 года.

Между его современниками были люди, оставившіе по себѣ болѣе громкую славу. Клервальскій аббатъ, Абелардъ, другіе заслонили собою скромный образъ Гелинандова сына. Но они сдѣлали не болѣе его, хотя ихъ дѣятельность была виднѣе и блистательнѣе. Сугерій заложилъ во Франціи первый камень новаго государственнаго порядка. Нетрудно прослѣдить связь, соединяющую его съ одной стороны съ Лудовикомъ Святымъ, съ другой — съ тѣми смѣлыми и жестокими юристами, которые играютъ такую великую и трагическую роль при дворѣ французскихъ королей съ конца XIII вѣка. Съ Лудовикомъ Святымъ у него было общее глубокое чувство права, требованіе нравственныхъ основаній для общества; съ юристами онъ раздѣляетъ потребность строгаго, противоположнаго средневѣковой анархіи порядка, убѣжденіе въ необходимости подчинить всѣ отдѣльные интересы государственному благу. Подобно имъ, онъ боролся съ феодализмомъ и съ возникавшею въ его время общиною, хотя не питалъ къ этимъ формамъ такой ненависти, не считалъ себя въ правѣ употреблять противъ нихъ тѣ средства, какими дѣйствовали юристы, засудившіе средній вѣкъ, приговорившіе его къ смерти на основаніи Римскаго императорскаго права. Здѣсь онъ расходился съ ними. Его политическое воззрѣніе занимало средину между ихъ сухими, отрицавшими все, что̀ было поэтическаго въ современной имъ жизни, ученіями и великолѣпною, но неосуществимою, фантастическою теоріею властей, которую развили германскіе императоры въ борьбѣ своей съ папствомъ. Особенность Сугеріева ума и характера заключалась въ необычайной ясности и простотѣ. Онъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, которые знаютъ хорошо, чего хотятъ, которые отдали себѣ полный отчетъ въ своихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ. Благо тому, кто соединилъ въ себѣ такую ясность пониманья съ высокимъ нравственнымъ убѣжденіемъ, безъ котораго нѣтъ прочной исторической заслуги.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ О СУГЕРІИ.

1) Et dominatus est annis IX, non tamen diademate regio usus... Chron. Wilhelmi Godelli. ap. Bouquet. X. 259. Chron. Autissiodorense. Ibid. 275.

2) До 1223 года, т. е. до вступленія на престолъ Лудовика VIII.

3) Francorum regem Henricum... quia multum erat cupidus et episcopatuum venditionibus assuetus... Guiberti abbatis de Novigento de vita sua, ap. Bouquet. XII, 241... Regem Philippum hominem in Dei rebus venalissimun. Ibid.

4) Надъ королями Робертомъ и Филиппомъ I-мъ.

5) Ap. Bouquet. VIII, 252.—6) Epistolae. II, 5.

7) Гугонъ Капетъ, принявъ королевскій титулъ, заложилъ въ нѣдрахъ феодализма первый камень новой монархіи, но для него лично этотъ титулъ не имѣлъ опредѣленнаго смысла и значенія. У него не было довольно силъ, не видно даже, чтобы у него было намѣреніе возвысить королевскую власть надъ леннымъ господствомъ (suzeraineté) и связать въ одно цѣлое разбросанные члены народа. Престолъ болѣе и болѣе унижался при его преемникахъ. При Робертѣ, Генрихѣ I и Филиппѣ I едва замѣтны остатки народнаго и монархическаго единства. Самобытность и независимость не только далекихъ и могущественныхъ вассаловъ, но самыхъ мелкихъ и сосѣднихъ королю ленниковъ возрастаютъ. Изъ всѣхъ связей общества сохранилась только феодальная, дѣйствительная и драгоцѣнная, потому что она единственно поддерживаетъ тѣнь союза подъ однимъ вождемъ и предотвращаетъ совершенное разложеніе власти и страны. Но значеніе феодальной связи болѣе нравственное, чѣмъ политическое. Она уступаетъ всякому толчку и готова каждую минуту разорваться. Guizot, Notice sur Suger. Collection des mémoires relatifs à l'Histoire de France. T. VIII. 8.

8) У Сисмонди (Hist. des Français V. 8) опредѣлено число нынѣшнихъ департаментовъ въ каждомъ изъ великихъ ленъ французскихъ. Но это опредѣленіе приблизительное и неточное. Объемъ великихъ ленъ безпрестанно измѣняется. Земли приходили и отходили вслѣдствіе войнъ, брачныхъ союзовъ, раздѣленія феодальныхъ династій на линіи. Возьмемъ, наприм., графство Фландрское. Сисмонди говоритъ, что оно заключало въ себѣ четыре департамента. До отдѣленія отъ него Артуа, перешедшаго къ Капетингамъ въ 1180 году, графство Фландрское состояло изъ департаментовъ: Сѣвернаго, Па - де - Кале и части Сомскаго (de la Somme). Собственная Фландрія состояла изъ одного департамента Сѣвернаго. Но кромѣ того графы Фландрскіе владѣли значительнымъ участкомъ земли на правомъ, имперскомъ берегу Шельды и неоднократно присоединяли къ областямъ своимъ Геннегау. Еще труднѣе опредѣлить границы земель, принадлежавшихъ въ XI вѣкѣ двумъ линіямъ графовъ Шампаніи. Здѣсь дѣлежамъ и сдѣлкамъ не было конца. Вообще составленіе географическихъ картъ для средневѣковой Франціи сопряжено съ величайшими трудностями. Нужны отдѣльныя карты для каждаго пятидесятилѣтія, съ точнымъ означеніемъ непосредственныхъ и заднихъ ленъ (arrière fiefs).

9) Гордый девизъ бароновъ Куси извѣстенъ:

Je ne suis Roi ne Duc, Prince ne Comte aussi.
Je suis le sire de Couci. Art de vérifier les dates. XII, 231.

10) Guiberti ab. de Novigento de vita sua, ap. Bouquet, XII, 249

11) Bouquet, XII, 250.

12) Изъ всѣхъ мнѣній о мѣстѣ рожденія Сугерія это самое правдоподобное. См. доказательства въ Histoire littéraire de la France, XII. 361.

13) По мнѣнію Карне (Etudes sur les fondateurs de l'unité nationale en France, I, 75). Сугерію было около 10 лѣтъ въ 1091 году, когда отецъ привелъ его въ монастырь Св. Діонисія. Но Сугерій провелъ десять лѣтъ въ пріорствѣ Летрейскомъ и возвратился оттуда въ 1095 году, слѣд. онъ вступилъ въ монастырь не въ 1091 году, а ранѣе.

14) ... in tam brevi corpusculo talem natura collocaverit animum, tam formosum, tam magnum... Wilhelmi San. Dionysiani Vita Sugerii Ap. Bouquet, XII, 112.

15) Лудовикъ VI родился въ 1077 или 1078 году. Art de vér. les dates. V, 512.

16) Sugerii, Vita Ludovici Grossi, ap. Bouquet, XII, 11, 12. 13.

17) Эта мысль уже была высказана графомъ Карне. „Очевидно, говоритъ онъ, что въ монастырѣ Св. Діонисія для него (т. е. Лудовика VI) составили теорію королевской власти, что онъ приписываетъ себѣ новыя права, возложилъ на себя новыя обязанности. На всѣхъ важныхъ поступкахъ его жизни отразилось вліяніе церковныхъ идей, постоянно присущихъ, постоянно вопрошаемыхъ. Онъ живетъ на конѣ, во всей суровости феодальныхъ нравовъ, но его предпріятія обличаютъ систему, свидѣтельствуютъ о предусмотрительности, чуждой тому времени. I. 86.

18) Не только сочиненія, но самый характеръ и дарованіе Сугерія подвергались не разъ строгимъ приговорамъ. Не считаемъ нужнымъ приводить до недобросовѣстности пристрастные отзывы объ немъ писателей XVIII вѣка. Одинъ изъ его тогдашнихъ біографовъ обвинялъ его даже въ томъ, что онъ во время своего пребыванія въ школѣ ничего не дѣлалъ, а только спалъ, да пѣлъ. (Dauvigny, Hist. des hommes illustres, I, 6). Онъ не далъ себѣ впрочемъ труда назвать источникъ, изъ котораго заимствовалъ такія подробности. По мнѣнію Сисмонди, сочиненія Сугерія вовсе не показываютъ государственнаго, или вообще великаго человѣка (Hist. des Français, V, 69). Отзывъ Гизо мы взяли эпиграфомъ къ этому изслѣдованію. Но знаменитый историкъ былъ неправъ, говоря о Лудовикѣ Толстомъ: „въ его правленіи не было ничего систематическаго. Мало заботясь о теоріи и о будущемъ, онъ удовлетворяетъ, сообразуясь только съ здравымъ разсудкомъ, требованіямъ настоящаго. По возможности, онъ поддерживаетъ и возстановляетъ вездѣ правосудіе и порядокъ. Онъ вѣритъ, что получилъ призваніе и право такъ дѣйствовать, но не связываетъ ихъ ни съ какимъ общимъ началомъ, не преслѣдуетъ никакой великой цѣли (Hist. de la civilisation en France. 42 leçon). Внимательное изученіе „Жизни Лудовика Толстаго“ приводитъ къ другимъ заключеніямъ. Я ихъ высказалъ выше. Впрочемъ противъ Гизо можно привести его собственныя слова, сказанныя имъ въ краткой біографіи Сугерія, напечатанной при французскомъ переводѣ его сочиненій. (Collect. des mémoires, VIII. IX). Это замѣчательное мѣсто будетъ приведено нами.

19) Въ 1098 или 1099 году. Art de vérifier les dates. VIII. 512.

20) Область Вексинская (pagus Vilcassinus) лежала между рѣками Уазою и Анделью и была уступлена монастырю Св. Діонисія еще королемъ Дагобертомъ или однимъ изъ его преемниковъ въ VII вѣкѣ. Послѣ пришествія Норманновъ въ 912 году, эта область раздѣлилась на двѣ части. Сѣверная отошла къ герцогству Норманскому, южная (между Эптою и Уазою) осталась леномъ Св. Діонисія. Въ 1076 году послѣдній графъ Вексинскій пошелъ въ монастырь. Мѣсто его занялъ король Филиппъ I, вслѣдствіе чего онъ сталъ ленникомъ Св. Діонисія.

21) Via Ludovici Grossi, p. 12. Ордерикъ Виталій въ X кн. Церковной исторіи Нормандіи говоритъ, что Вексинскіе бароны вели эту войну безъ содѣйствія французскаго королевскаго дома. Сугерію эти дѣла были извѣстнѣе.

22) Вильгельмъ былъ убитъ на охотѣ стрѣлою, неизвѣстно кѣмъ пущенною. Подозрѣніе пало на Валтера Тиреля, бѣжавшаго во Францію. Но Сугерій разсказываетъ, что Тирель въ то время, когда ему уже нечего было бояться или надѣяться, увѣрялъ его клятвенно въ своей невинности. Ibid.

23) Non tentus, neque enim Francorum mos est. Sugerii Vita Lud. Grossi, 13.

24) Quid incommodi, quid calamitatis a regia majestate subditorum mereatur contumacia. Ibid.

25) Suger. de Vita Lud. Gr. 15.

26) Warnkoenig, Französische Staats-und Rechtsgeschichte. I. 218 — 231. Здѣсь коротко, но отчетливо изложены отношенія французскаго духовенства, отъ вступленія на престолъ Гугона-Капета до Филиппа Красиваго (1285).

27) Въ школѣ Сомюрской, по мнѣнію издателей Histoire littéraire (XII, 362), принятому Гизо. Они ссылаются на 88 письмо Сугерія, изъ котораго нельзя вывести положительнаго заключенія (Duchesne, Historiae Francorum scriptores IV. 522) Впрочемъ, на основаніи собственныхъ словъ Сугерія, можно предположить, что въ 1105 или даже 1106 году онъ опять посѣщалъ какую нибудь школу. Сугерій говоритъ о соборѣ въ Пуатье (26 іюня, 1106 г.): cui et nos interfuimus quia recenter a studio redieramus. Vita Lud. Gr. 18.

28) Scripturae divinae ita erat lectione plenissimus, ut undecumque interrogatus fuisset, paratum haberet competens absque dilatione responsum. Gentilium vero poëtarum ob tenacem memoriam oblivisci usquequaque non poterat, ut versus Horatianos utile aliquid continentes usqe ad vicenos, saepe etiam ad tricenos memoriter recitaret. Ita perspicaci ingenio et felici memoria quidquid semel apprehenderat, elabi illi ultro non poterat. Quod cuncti norunt quid memorem, hunc videlicet summum oratorem suis claruisse temporibus? Re etenim vera, juxta illud Marii Catonis, erat vir bonus dicendi peritus. Tantam siquidem in utraque lingua, et materna scilicet et latina, facundiae possidebat gratiam, ut quidquid ex illius ore audisses non eum loqui, sed legi crederes. Erat illi historiarum summa notitia et quemcumque illi nominasses Francorum regem, vel principem, statim ejus gesta inoffensa velocitate percurreret. Vita Sugerii a Wilhelmo San-Dionysiano ejus discipulo. Ap. Bouquet, XII, 104. Erat Caesar animo, sermone Cicero. Id. 106. Lectio quidem erat de libris Patrum authenticis, aliquando de ecclesiasticis aliquid legebatur historiis. Id. 107.

29) У Сугерія нѣтъ объ этихъ происшествіяхъ ни слова. Весь разсказъ находится у Ордерика Виталія. Hist. ecclesiastica: ap. Bouquet, XII, 693—4. Другой лѣтописецъ, Рогеръ Говеденскій, говоритъ, что Лудовикъ былъ въ Англіи въ 1101 году.

30) Vita Ludovici Grossi, 16.

31) Ibid. Age, inquiens, fili Ludovice, serva excubans turrim, cujus devexatione pene consenui, cujus dolo et fraudulenta nequitia nunquam pacem bonam et quietem habere potui.

32) Vita Lud. Grossi, 17.

33) Warnkoenig Franz. Staats- und Rechtsgeschichte I, 210—11.

34) Hist. littéraire. XII, 363. C'est encore de lui que l'on tient qu'il avoit assisté deux ans auparavant au conseil d'État où l'on délibera sur le mariage de la fille unique de Gui Trussel. Но Сугерій вовсе не упоминаетъ о своемъ участіи.

35) Hist Litt. XII, 363.—36) Vita Lud. Grossi, 19.—37) Ibid., 20.

38) Ibid. Cum amore Francorum quia multum servierant et timore et odio Theutonicorum. Конецъ этой (9-й) главы посвященъ Сугеріемъ описанію похода Генриха V въ Римъ и его дальнѣйшимъ сношеніямъ съ папою Пасхаліемъ. Французскій историкъ стоитъ за папу противъ императора. Впрочемъ эта часть его труда бѣдна подробностями и ничего не прибавляетъ къ извѣстіямъ нѣмецкихъ и итальянскихъ лѣтописцевъ

39) Aemulorum machinatione. Vita Lud. Gr. 22.

40) Quod regem dedecerat. Ibid. 24.—41) Ibid., 31. 36.

42) Potissimum dictante venerabili et sapientissimo viro Ivone Carnotensi episcopo. Ibid. 25.

43) Vita Ludov. Grossi, 25.

44) Erant enim quidam regni perturbatores, qui ad haec omni studio vigilabant, ut aut regnum in aliam personam transferretur, aut non mediocriter minueretur.

Ivonis episcopi Carnotensis epist. XL., ap. Duchesne. Hist. Francorum scriptt. IV. 237. Сугерій говоритъ по тому же поводу: Ludovicus, Deo annuente ad regni fastigia sicut bonorum voto asciscitur, sic malorum et impiorum votiva machinatione, si fieri posset, excluderetur. Vita L. G. 25. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 31) онъ яснѣе обличаетъ виды Бертрады на престолъ французскій для Филиппа Мантскаго въ случаѣ смерти Лудовика.

45) Vita Lud. Grossi, 29.— 46) Ibid.

47) Hugo Puteolensis vir nequam et propria et antecessorum tyrannide sola opulentus. Vita L. G. p. 32. Дѣдъ и отецъ Гугона безпрестанно воевали съ королемъ Филиппомъ и не разъ захватывали на дорогѣ и держали въ темницахъ своего замка не только людей, стоявшихъ выше ихъ въ ленной іерархіи, но епископовъ. Такую участь испыталъ между прочими славный ученостію и вліяніемъ на дѣла Западной церкви епископъ Ивонъ Шартрскій.

48) Ibid.—49) Sugerii ab. S. Dionysii liber de rebus in administratione sua gestis, ap. Duchesne. Hist. Franc. scriptt. IV. 336.

50) Dei, cujus ad vivificandum Rex portat imaginem, vicarius ejus. Vita Lud. Grossi. 33. Эти выраженія очень важны подъ перомъ лѣтописца, жившаго въ первой половинѣ XII вѣка, когда монархія носила еще вполнѣ феодальный характеръ. Церковь поднимаетъ ее высоко надъ феодализмомъ.

51) Ibid. — 52) Communitates parochiarum. Ibid. 34.

53) Carros etiam, quos multa congerie siccorum lignorum, adipis et sanguinis, cito fomento flammis accendendis onerari feceramus (erant enim excommunicati et omnino diabolici). Ibid. Замѣтимъ, что большая часть враговъ Лудовика была въ раздорѣ съ церковью, прокляты ею.

54) Vita Lud. Gr. 35.

55) Quia non potuimus quod voluimus, voluimus quod potuimus. Ibid. 37. Отзывъ Сугерія объ Одонѣ Корбельскомъ заслуживаетъ вниманія: hominem non hominem, quia non rationalem sed pecoralem. Одонъ вѣрно служилъ королю противъ родственниковъ своихъ. Въ этомъ и другихъ мѣстахъ „Жизни Лудовика Толстаго" у Сугерія, быть можетъ, невольно высказалось презрѣніе мыслящаго и образованнаго человѣка къ людямъ, преклонявшимся только предъ грубою силою.

56) „Perfidia, non arte delusi". — 57) Vita L. G. 38.

58) Et ultra quam regiam deceret majestatem miles emeritus, militis officio non regis, singulariter decertabat. Ibid. 39. Рыцарскія свойства Лудовика обнаружились вполнѣ при двукратной осадѣ замка Пюизе. Въ 1113 году (т. е. во время второй осады) здѣсь были собраны всѣ его главные враги: кромѣ Гугона Пюизе, Гвидонъ Рошфорскій, Гугонъ Кресси, Милонъ, владѣлецъ Монлерійской башни, графъ Теобальдъ Шартрскій и Блуасскій, наконецъ пятьсотъ норманскихъ рыцарей, присланныхъ королемъ Генрихомъ. Къ сожалѣнію, изъ длиннаго, но реторическаго, напыщеннаго разсказа Сугерія нельзя извлечь характеристическихъ подробностей.

59) „Officii jure votivo".— 60) Vita Ludov. Gr. 41.

61) Cum dapiferum ejus (regis) Ansellum Garlandensem baronem strenuum propria lancea perforasset. Ibid.

62) Сугерій говоритъ о Гугонѣ Красивомъ: nativam et assuetam dediscere proditionem non valuit; donec via Hierosolymitana *sicut* et *multorum nequam aliorum*, ejus omni veneno inflammatam nequitiam vitae ereptione extinxit. Ibid.

63) Chronicon Mauriniacense, ap. Bouquet. XII, 72. Art de vérifier les dates. XII. 136.— 64) Vita Lud. Gr. 21.

65) .... Ludovici suffragio et consilio in Gallicana celebri concilio collecta ecclesia, imperatorem tyrannum anathemate innodantes mucrone beati Petri perfoderunt. Vita Lud. Gr. 22. Акты этого собора утрачены, но письмо, въ которомъ изложены его дѣйствія, написанное Гвидономъ, архіепископомъ Вьенскимъ, къ папѣ, сохранилось. См. Bouquet. XV. 51. Sim. de Sismondi. Hist. des Français. V. 114. Впрочемъ, кромѣ Вьенскаго, во Франціи было, около того же времени и по тому же поводу,

нѣсколько соборовъ. Нигдѣ оскорбленія, нанесенныя Генрихомъ V главѣ Западной церкви, не возбудили такого негодованія.

66) Guizot, notice sur Suger. Collection des mémoires relatifs à l'Hist. de France. VIII, p. IX. Этотъ отзывъ противорѣчитъ другому того же историка, приведенному выше, но онъ ближе къ истинѣ.

67) Joscelі, episcopi Saresberiensis epistola ad Sugerium, ap. Duchesne script. rerum francic. IV, 503. Wilhelmi San-Dionysiani. Vita Sugerii, ap. Bouquet, XII, 110.

68) Gelasius.... ad tutelam et protectionem serenissimi regis Ludovici et Gallicanae ecclesiae compassionem, sicut antiquitus consueverunt, confugit. Vita Lud. Gr. 46. A domino rege.... destinati mandata deposuimus. Ibid.

69) Tam Romanis quam Francis vitae depositione pepercisse. Ibid. Гизо переводитъ: et avait ainsi, en quittant la vie, épargné une querelle aux Francais et aux Romains. Coll. des mémoires, VIII, 114. Въ древнемъ переводѣ „Жизни Л. Т.", который находится въ Chroniques de St. Denys, это мѣсто выпущено.

70) Людовикъ былъ женатъ на родной племянницѣ Каликста II, Аделаидѣ, дочери Гумберта II, графа Моріенскаго или Савойскаго. Art de vérifier les dates, V, 513.

71) Робертъ былъ разбитъ при Теншбре (Tinchebray) и взятъ въ плѣнъ 28 сентября 1106 года.

72) Пристрастный къ Генриху Ордерикъ слѣдующими словами описываетъ его характеръ: заботясь о доставленіи мира своимъ подданнымъ, Генрихъ сурово наказывалъ нарушителей закона. Среди изобилія, богатствъ и наслажденій, онъ слишкомъ предавался страстямъ своимъ. Съ ранней молодости до преклонныхъ лѣтъ, преступно утопая въ развратѣ, онъ прижилъ отъ разныхъ наложницъ нѣсколько дѣтей обоего пола. Его жестокое искусство увеличило значительно доходы казны... Присвоивъ себѣ право охоты въ цѣлой Англіи, онъ дошелъ до того, что приказалъ отрубить по ногѣ всѣмъ собакамъ, находившимся въ сосѣдствѣ лѣсовъ... Смѣло могу сказать, что, касательно дѣлъ свѣтскаго правленія, въ Англіи не было государя богаче и могущественнѣе Генриха. Hist. Ecclesiastica, ap. Bouquet. XII, 703. Guizot, Collect. des mémoires, XXVIII, 207. Не съ собаками только поступалъ такъ жестоко Генрихъ. Рыцарь Лука де-ла-Барръ, храбрый воинъ и остроумный труверъ, осмѣивалъ его въ своихъ пѣсняхъ. Впослѣдствіи несчастный поэтъ попался въ руки Генриху, и не смотря на то, что онъ былъ чужой подданный, не смотря на ходатайство графа Фландрскаго и на собственную славу, онъ подвергся страшному наказанію. Ему выкололи глаза. Ord. Vitalis, ap. Guizot, XXVIII, 395. Впрочемъ, стоитъ только заглянуть въ извѣстное сочиненіе Тьерри „О Завоеваніи Англіи Норманами", чтобы получить ясное понятіе о характерѣ сыновей Вильгельма Завоевателя. Факты, мною приведенные, ничего не значатъ въ сравненіи съ собранными тамъ свидѣтельствами.

73) У Сугерія эта война разсказана короче, нежели мелкія войны Людовика съ вассалами, напр. съ Гвидономъ Рошфорскимъ и Гугономъ Пюизе. Дальновидный лѣтописецъ понималъ, что покореніе замковъ, отдѣлявшихъ Парижъ отъ другихъ городовъ Капетингской области, для настоящаго важнѣе войны за Нормандское герцогство. Недостатокъ подробностей у Сугерія съ избыткомъ вознаграждаетъ Церковная исторія Ордерика Виталія, современника и отчасти свидѣтеля событій, о которыхъ здѣсь говорится. Ордерикъ родился въ Англіи въ 1075 году, но провелъ большую часть жизни и умеръ въ Нормандіи, въ половинѣ XII вѣка. Подъ именемъ Церковной исторіи онъ составилъ обширное сочиненіе, котораго первыя книги содержатъ въ себѣ краткую исторію христіанской церкви, а остальныя — подробную исторію Нормандіи и Англіи. Не смотря на множество мелочныхъ фактовъ, о которыхъ разсказываетъ Ордерикъ, его лѣтопись въ высокой степени занимательна и поучительна. Онъ часто противорѣчитъ Сугерію, но свидѣтельство его важно только для дѣлъ нормандскихъ и англійскихъ. Происшествія во Франціи и остальной Европѣ лучше извѣстны аббату Св. Діонисія. Я пришелъ къ этому

убѣжденіе послѣ внимательнаго сличенія ихъ сказаній. У меня не было подъ руками ни стараго изданія Дюшена въ Historiae Normannorum Scriptores antiqui, ни новаго, вышедшаго стараніемъ Общества любителей французской исторіи. Такъ какъ у Гизо помѣщены только отрывки, я пользовался очень хорошимъ и полнымъ переводомъ, напечатаннымъ Гизо въ Collection des mémoires relatifs à l'Histoire de France.

74) Слово вышло здѣсь у мѣста. Такія вооруженія могли носить только люди, пріученные къ нимъ съ раннихъ лѣтъ. Въ запискахъ Бусико находится любопытный разсказъ о его воспитаніи. Изъ него можно видѣть, до какой степени феодальные бароны заботились о развитіи силы и ловкости въ сыновьяхъ своихъ. Вслѣдствіе такого воспитанія рыцари были физически сильнѣе и крѣпче нынѣшнихъ, не говоря о преимуществѣ оружія, съ которымъ они одни умѣли обращаться. Надобно притомъ помнить, что Бусико жилъ въ XIV вѣкѣ, слѣдовательно въ эпоху упадка рыцарства и свойственныхъ ему доблестей.

75) По обыкновенію говорится при Бренвилѣ (Brenneville). Я слѣдую мнѣнію Дюбуа, переведшаго Ордерика для собранія Гизо. У него были рукописи, которыми не воспользовались прежніе издатели.

76) Orderic Vital. Guizot. Coll. des mémoires XXVIII, 309.

77) Ordericus Vitalis Hist. ecclesiastica, ap. Bouquet XII, 716. Guizot, Coll. des mémoires, XXVIII, 287—290.

78) Ib. Guizot, XXVIII, 338. Въ замѣну отнятаго Бретёйля и погибшихъ дочерей Генрихъ обѣщалъ Евстафію триста марокъ серебра ежегодно. „Тогда этотъ рыцарь укрѣпилъ стѣнами и окопами Пасси и, осыпанный богатствами, прожилъ болѣе двадцати лѣтъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Юліана, отказавшись отъ порочной жизни, какую вела до тѣхъ поръ, вступила въ новый монастырь въ Фонтевро и стала служить Богу“.

79) Vita Lud. Gros. 45.

80) Ibid. Современники подозрѣвали врачей, присланныхъ Генрихомъ Англійскимъ къ раненому Балдуину, въ отравленіи послѣдняго. Балдуинъ VII умеръ молодымъ и безъ наслѣдниковъ. Онъ былъ строгій блюститель правосудія, но понималъ его по своему. Его прозвали Топоромъ, потому что онъ постоянно ходилъ съ этимъ орудіемъ и часто отмѣчалъ имъ деревья, годныя для висѣлицъ. Kervyn de Lettenhove, Histoire de Flandre. Bruxelles, 1847. I, 349.

81) Ord. Vit. ap. Bouquet XII, 723. Guizot, XXVIII, 312.

82) Ibid.—83) Noviomensis episcopus et Laudunensis, aliique plures in illa expeditione [illegible] et pro malivolentia quam in Normannos habebant, suis omnes [illegible]. Sacra etiam loca quasi ex [illegible] violari [illegible] et [illegible] multo [illegible], [illegible] Ord. Vitalis, ap. Bouquet, XII, 724.

84) Erat enim rex facundus, statura procerus, pallidus et corpulentus. Ap. Bouquet, XII, 726.

85) Gervaise, Vie de Suger, II, 157. Карне, который много пользовался сочиненіемъ Жервеза, думаетъ также, что рѣчь Людовика была внушена ему Сугеріемъ: Les paroles et la conduite du roi furent visiblement inspirées par son conseiller habituel. Études, I, 104. Гдѣ доказательства? Я привожу сочиненіе Жервеза, котораго у меня не было, но отсылаю Карне к Histoire Littéraire de la France. Ученые составители очень строго отзываются объ этомъ писателѣ и называютъ его книгу романомъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ часто выдаетъ свои догадки за факты.

86) Ord. Vitalis, ap. Guizot, XXVIII, 342.

87) Hist. de la civilisation en France. 42 leçon.

88) Vita L. G. 42.

89) Карне справедливо замѣчаетъ по этому поводу: l'auteur de la vie de Louis le Gros garde en général une très grande réserve sur les négociations dont il est chargé, lorsque celles-ci touchent aux intérêts de l'Église. Études, I, 105. Мы уже

имѣли случай указать на осторожность Сугерія. Жервезъ (Vie de Suger, II, 170) говоритъ, что Сугерій ѣздилъ въ Римъ по поводу спора о первенствѣ, возникшаго между архіепископами Санскимъ (Sens) и Ліонскимъ. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ въ пользу этого предположенія.

90) Vir Apostolicus... honorifice nos recepit, et diutius retinere vellet.... Vita L. G. 47.

91) Ibid. 48. — 92) Ibid.

93) Vita Lud. Gros. 49.

94) Imperator Henricus, collecto longo animi rancore contra dominum regem Ludovicum, eo quod in regno ejus, Remis, in concilio domini Calixti anathemate innodatus fuerat. Vita L. G. 49.

95) Единственный законный сынъ Генриха, Вильгельмъ, носившій титулъ герцога Нормандскаго и присягнувшій на это лено Лудовику, утонулъ въ 1120 году. Его смерть усилила число приверженцевъ Вильгельма Клитона, которые въ 1123 начали открыто дѣйствовать противъ англійскаго короля.

96) Покровителемъ Франціи при первыхъ двухъ династіяхъ считался Св. Мартинъ Турскій.

97) Мы видѣли, что Вексинское графство было древнее лено Св. Діонисія. Орифламою (auri-flama) называлось знамя графовъ Вексинскихъ. Въ рыцарскихъ романахъ и лѣтописяхъ это слово встрѣчается нерѣдко въ смыслѣ знамени вообще. Du Cange, dissert. XVIII, sur l'hist. de Saint Louis: de la bannière de Saint Denis et de l'oriflamme Henri Martin, Hist. de France, III, 373. Contra Imperatorem insurgentem in regnum Francorum, in pleno capitulo B. Dionysii professus est se ab eo habere (Vilcassinum) et jure signiferi, *si Rex non esset hominium ei debere.* Sugerii liber de reb. in administratione sua gestis, ap. Duchesne, IV, 333.

98) Beati Dionysii copioso exercitu et coronae devoto. Hac, inquit, acie tam secure quam strenue dimicabo, cum praeter sanctorum dominorum suorum protectionem, etiam qui me compatriotae familiarius educaverunt aut vivum juvabunt aut mortuum conservantes reportabunt. Vita L. G. 51.

99) Vita L. G. 50. Впрочемъ Сугерій приводитъ очевидно слишкомъ значительныя числа. По его разсчету французское войско состояло изъ 300,000 человѣкъ, по крайней мѣрѣ. Такого ополченія не могла выставить тогдашняя Франція. Но для насъ важно не число воиновъ, а самый характеръ этого движенія.

100) Ibid. 51.—101) Послѣднее не совсѣмъ справедливо. Генрихъ одолѣлъ нормапскихъ мятежниковъ.

102) Vita L. G. 52. — 103) Ibid.

104) Cum autem et alia vice... nos dulcissime, ut magis honoraret, et sicut in literis suis continebatur libenter exaltaret, ad curiam revocasset. Vita L. G. 49. Hist. Littéraire, XII, 367.

105) Грамота, о которой здѣсь идетъ рѣчь, напечатана въ Исторіи аббатства Св. Діонисія Фелибьяна (Hist. de l'abbaye de St. Denys, par D. Michel Felibien. Paris, 1706) и извѣстна мнѣ только по извлеченію, которое находится въ Hist. littéraire, XII, 401. Составитель статьи о Сугеріи не входитъ даже въ разборъ предположеній Жервеза и ограничивается краткимъ примѣчаніемъ, въ которомъ сказано, что Жервезъ выдумалъ все, что написано имъ по поводу пребыванія Сугерія въ Майнцѣ. Конечно, лѣтописи не упоминаютъ о роли, какую аббатъ Св. Діонисія игралъ на имперскомъ сеймѣ, но нельзя предположить, чтобы его пребываніе въ Майнцѣ въ такое важное время было дѣломъ случая. Франція не могла смотрѣть равнодушно на выборъ новаго императора. Ей было слишкомъ памятно покушеніе Генриха V. Жервезъ безъ сомнѣнія приписываетъ Сугерію слишкомъ большое вліяніе на нѣмецкихъ избирателей, но онъ правъ, утверждая, что аббату Св. Діонисія, другу Лудовика Толстаго, пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ нѣсколькихъ папъ, были даны важныя порученія. Иначе нельзя объяснить его поѣздки въ Майнцъ въ такое время и съ такою княжескою свитою.

106) Hist. Littéraire. XII, 402. Составители объясняютъ этотъ случай тѣмъ, что Сугерій обращался прямо къ папѣ съ жалобою на графовъ Морспехскихъ и вѣроятно получилъ отъ него особое полномочіе.

107) Подъ мертвою рукою (manus mortua) въ тѣсномъ смыслѣ разумѣется исключительное право господина на оставшуюся по смерти его вилана собственность. Ducange. Glossarium mediae et infimae Latinitatis, sub voce „manus mortua". Warnkoenig. Französische Staats- und Rechtsgeschichte, II, 151—166. Сугерій говоритъ объ этомъ правѣ: exactio consuetudinis pessimae, quae mortua manus dicitur. Constitutio de hominibus villae B. Dionysii libertati traditis. ap. Duchesne, Hist. Franc. script. IV, 548. — 108) Vita Lud. Gros. 53.

109) Qui etiam Hispaniam perdomare sufficerent. Ibid.

110) Vita Ludov. Gros. c. 54.

111) Chronicon Mauriniacense, ap. Bouquet, XII, 76. Стефанъ получилъ сенешальство послѣ Вильгельма, умершаго въ 1120 году. Ансельмъ былъ убитъ Гугономъ Пюизе въ 1118. По словахъ приведенной нами лѣтописи монастыря Мориньи, Стефанъ болѣе повелѣвалъ, чѣмъ служилъ Людовику VI. Занимая высшія государственныя должности, онъ безъ успѣха добивался епископскаго сана. Высокомѣріемъ своимъ и образомъ жизни онъ навлекъ на себя непріязнь самыхъ замѣчательныхъ лицъ между тогдашнимъ духовенствомъ Франціи. Ивонъ Шартрскій и Бернардъ Клервальскій принадлежали къ числу его противниковъ. Hist. Littéraire, XIII, 105—108.

112) Ясный и удовлетворительный выводъ изъ всѣхъ новѣйшихъ розысканій объ общинахъ и городахъ французскихъ находится въ „Исторіи Француз. государствен. права" Варнкёнига. I, 260—332. Здѣсь названы также всѣ важныя сочиненія по этому предмету. Послѣднее по времени, значительное изслѣдованіе о происхожденіи городовыхъ учрежденій во Франціи принадлежитъ Гегелю (сыну философа) и составляетъ особый отдѣлъ его сочиненія о городахъ итальянскихъ: Geschichte der Städteverfassung von Italien, II, 329—378. Авторъ опровергаетъ известное мнѣніе Савиньи, отрицаетъ связь Римскихъ муниципальныхъ формъ съ средневѣковыми общинами и выводитъ послѣднія изъ германскаго начала. Теорія, защищаемая имъ съ рѣдкимъ талантомъ и ученостію, едва ли можетъ быть безусловно принята наукою. Превосходные разсказы Авг. Тьерри (въ „Письмахъ о Французской исторіи") обратили общее вниманіе на борьбы, предшествовавшія образованію общинныхъ учрежденій во Франціи, но эти же разсказы пустили въ ходъ много ложныхъ представленій. Великій историкъ обработалъ только драматическую часть предмета. Не всѣ города прошли черезъ такіе перевороты какъ Лаонъ, Везеле и другіе, выбранные имъ для своего повѣствованія. Большая часть городовъ пріобрѣли себѣ льготныя и даже общинныя грамоты безъ кровавыхъ потрясеній, безъ особеннаго героизма со стороны гражданъ, мирною сдѣлкою съ господиномъ, куплею. Только во введеніи къ послѣднему обширному сочиненію своему, къ „Разсказамъ о временахъ Меровинговъ", коснулся Тьерри настоящимъ образомъ вопроса о городахъ и представилъ попытку объяснить ихъ происхожденіе и постепенный ростъ до начала ихъ споровъ съ феодальными владѣльцами.

113) „Вообще льготы и учрежденія городовъ исходили прямо отъ земскихъ владѣльцевъ. Только въ епископскихъ и нѣкоторыхъ монастырскихъ городахъ средней Франціи является королевская власть участницею"... Warnkoenig. Franz. Staats- und Rechtsgeschichte, I, 961. Тоже говоритъ Гизо. Hist. de la civilisation en France, leçon 46.

114) Warnkoenig. Franz. St.- und Rechtsgeschichte, I, 279. Людовикъ VII далъ жителямъ Компьеня общинную грамоту ob enormitates clericorum. Такія жалобы и выраженія очень нерѣдки.

115) Guiberti abbatis de Novigento de vita sua, ap. Bouquet, XII, 250.

116) Compulsus et rex est largitione plebeia. Guibertus de Novigento, ap. Bouquet, XII, 250. — 117) Ibid. 251.

118) Ambiani, rege illecto pecuniis, fecere communiam. Guib. de Novigento, 260.

119) Vita L. G. 42. — 120) Ibid. 42.

121) Гр. Карне приписываетъ Сугерію рѣшительное сочувствіе къ дѣлу возставшихъ общинъ и говоритъ, что въ жизни Л. Т. слово община не встрѣчается вовсе. Все это несправедливо. На стр. 42, по поводу Лаона, сказано: „amissae communiae“. У Сугерія встрѣчается впрочемъ еще другое выраженіе: communitas, принятое многими, напр., Гюльманомъ (Städtewesen des Mittelalters, III, 7) почти за равносильное общинѣ. Мнѣ кажется, что между communia и communitas большое различіе. Первое слово означаетъ городскую общину въ обыкновенномъ смыслѣ, подъ вторымъ Сугерій и Ордерикъ Виталій разумѣютъ просто вооруженныхъ прихожанъ, ходившихъ на войну за своимъ священникомъ, безъ различія между сельскими и городскими населеніями. Communitates parochiarum въ жизни Л. Т. стр. 34. Tunc ergo communitas in Francia popularis statuta est a praesulibus, ut presbyteri comitarentur regi ad obsidionem vel pugnam cum vexillis et parochianis omnibus. Ord. Vitalis ap. Bouquet, XII, 705. Вообще сказанное Карне (Études, 1, 126), объ отношеніи Сугерія къ общинамъ поверхностно и обличаетъ недостаточное знакомство съ источниками.

122) Vita L. G. 54.

123) 10 іюля, 1086.

124) Barbarorum, maritimas Flandriae partes inhabitantium, indomitam feritatem, assuetam crudeliter fundere sanguinem, — говоритъ одинъ изъ біографовъ и современниковъ Карла Добраго, Валтеръ Теруанскій, de Vita Caroli Boni, ap. Bouquet, XIII, 338. Другой современникъ, Филиппъ Гарвенгскій (Harvengus), отзывается объ нихъ: cum fratres nostri, pro utilitate ecclesiae missi in quasdam partes Flandriae, aestatis tempore, devenirent, viderunt plerosque viros non solum feminalibus, sed omni genere vestium, refrigerii gratia denudatos per vicos passim et plateas incedere, propriis operibus nudos insistere... Kervyn de Lettenhove, Histoire de Flandre, I, 356.

125) Gualterius Teruanensis de Vita Car. B. ap. Bouquet, XIII, 338.

126) Galberti, Notarii Brugensis, Vita Car. B., ap. Bouquet, XIII, 348.

127) Gualterii, Vita Car. Boni, l. c.

128) Galberti, Vita C. B. 349, 350.

129) Volens itaque Comes pius iterum revocare honestatem regni, perquisivit qui fuissent de pertinentia sua proprii, qui servi, qui liberi in regno. Galbertus, de Vita C. B. 350. Графъ часто сидѣлъ самъ въ учрежденныхъ имъ судахъ, потому что „liberi responsa non dignabantur reddere servis“. Ibid. — 130) Ibid.

131) Kervyn de Lettenhove, Hist. de Flandre, I, 365.

132) Galbertus, Vita C. B. 351.

133) Kerv. de Lett. I, 564. — 134) Id. 368.

135) Многіе историки по ошибкѣ полагаютъ, что потомки Эрембальда носили фамилію Ванъ Стратенъ. Kerv. de Lett. I, 369.

136) Kerv. de Lettenhove, I, 376. Смерть Карла подробно разсказана Гальбертомъ, Вальтеромъ и безыменнымъ поэтомъ. Важнѣйшія современныя лѣтописи говорятъ объ ней.

137) Гальбертъ не скрываетъ участія, которое граждане Брюгге принимали въ судьбѣ превота и его семейства: cives nostri nimis indoluerant, eo quod Praepositus et sui ante tempus traditionis viri essent religiosi, amicabiliter se habentes erga eos Bouquet, XIII, 362.

138) Mulieres solae, говоритъ Гальбертъ.

139) More paganorum et incantatorum, по выраженію Гальберта.

140) Kerv. de Letten., I, 405.

141) Conveniant Principes utrimque nostrique compares ac universi sapientiores in clero et populo in pace et sine armis... et dijudicent. Si potueritis Comitatum, salvo honore terrae, deinceps obtinere, volo ut obtineatis: sin vero tales estis, sicut exlex,

sine fide, dolosus, perjurus, discedite a comitatu et eum nobis relinquite idoneo et legitimo alicui viro commendandum. Galbertus, 379.

142) Comes prosiliens *exfestucasset* Iwannum si ausus esset pro tumultu civium. Ib. 380. О значеніи этого обряда см. Ducange, Glossarium, s. v. Festuca.

143) Вильгельмъ Клитонъ поддерживалъ съ своей стороны опасенія и вражду къ себѣ дяди. Въ грамотахъ, выданныхъ во Фландріи, онъ упоминаетъ о правахъ своихъ на англійскій престолъ. Kervyn de Lettenhove, I, 421.

144) Ord. Vitalis ap. Bouquet, XII, 745.

145) Вильгельмъ писалъ своему покровителю: „старый и могущественный врагъ мой, король англійскій, собралъ несмѣтное войско и огромныя сокровища. Онъ хочетъ отнять у Васъ и у меня самую вѣрную и самую сильную часть Вашего государства. Онъ увѣренъ въ успѣхахъ войска своего, но еще болѣе довѣряетъ деньгамъ, ибо надѣется соблазнить дарами сердца Фламандцевъ". Duchesne, Hist. Franc. Script. IV, 447.

146) Notum igitur facimus universis.... quod nihil pertinet ad regem Franciae de electione vel positione comitis Flandriae. Galbertus, 384.

147) Corde tenusque dolens, plangere coepit. Ord. Vitalis, ap. Bouquet, XII, 745.

148) Unicus ille ruit cujus non terga sagittam,
Cujus nosse pedes non potuere fugam;
Nil nisi fulmen erat, quotiens res ipsa monebat,
Et si non fulmen, fulminis instar erat.
Roberti de Monte Chronica, ap. Pertz, Scr. Rer. Germ. VI, 489.

149) Rex Henricus—comitatum sub se disponendum tradidit Theodoro (т. е. Дитриху). Simeonis Dunelmensis, Historia de gestis regum anglorum, ap. Bouquet, XIII, 83. Kerv. de Lett. I, 430.

150) Stimulante Stephano Garlandensi. Vita L. G. 56. Стефанъ навлекъ на себя личную ненависть королевы, супруги Лудовика VI. Chron. Mauriniacense, ap. Bouquet, XII, 77.

151) Vita L. G. 56. О Ѳомѣ Марнскомъ или Марльскомъ много характеризующихъ эпоху подробностей у Гиберта Ногентскаго.

152) S-ti Bernardi epistola 78.

153) Per continuam septimanam ascitis nobis approbatis amicis et hominibus nostris, videlicet comite Ebroicensi Amalrico de Monteforti, Simone de Nielpha, Ebrardo de Villaperosa, et aliis quamplurimis, in tentoriis demorantes, singulis diebus totius hebdomadae cervorum copiam ad S-tum Dionysium non levitate sed pro jure Ecclesiae reparando (чтобы удержать за монастыремъ принадлежавшее ему право охоты въ одномъ изъ окрестныхъ владѣній) transferri et fratribus infirmis et hospitibus in domo hospitali nec non et militibus per villam, ne deinceps oblivioni traderetur, distribui fecimus. Sugerii liber de reb. in admin. sua gestis, ap. Duchesne, IV, 334.

154) Tua illa pristinae tuae conversationis insolentia. S-ti Bernardi epistola 78.

155) ... illustri viro ab aemulis humilitas objicitur generis. Willelmi Vita Sugerii, ap. Bouquet, XII, 103.

156) Verum quia falsam de illo opinionem in quorumdam cordibus convaluisse scio, illud sciendum, absentem hunc et longe positum ad regimen vocatum fuisse, nil tale suspicantem, sed et accessisse invitum. Ibid.

157) Guillelmus de S. Theodorico, Vita Bernardi; у Гизо Collect. des mémoires, X, 172, 188. Gaufridi, Vita Bernardi, ibid, 322. Не имѣя подъ рукою Мабилльонова изданія твореній Св. Бернарда, гдѣ помѣщены его біографіи, составленныя его учениками и современниками, я пользовался французскимъ переводомъ, помѣщеннымъ въ собраніи лѣтописей Гизо.

158) „Онъ однако читалъ со смиреніемъ труды святыхъ и православныхъ толкователей, не думая равняться съ ними; но подчиняя ихъ разуму свой собственный и шествуя по ихъ слѣдамъ, онъ часто черпалъ изъ того же источника, изъ котораго черпали они". Guillelm. de S. Theodorico, у Гизо, X, 176.

159) Ligna et lapides docebunt te quod a magistris audire non possis Epist. 106. Онъ самъ охотно молился и изучалъ Св. Писаніе въ полѣ или въ лѣсу. У меня не было другихъ наставниковъ, кромѣ дубовъ и буковъ, говорилъ онъ друзьямъ своимъ. Guillelm. de S. Theodorico, 175.

160) Siquidem diffusa erat gratia in labiis ejus et ignitum eloquium ejus vehementer, ut non posset ne ipsius quidem stilus, licet eximius, totam illam dulcedinem, totum retinere fervorem. Mel et lac sub lingua ejus, nihilominus in ore ejus ignea lex. Gaufridi: Vita Bernardi, p. 1135. Wilken, Geschichte der Kreuzzüge, III, 73. Guizot, Coll. des mém. X, 329.

161) Guil. de S. Theod. 208. — 162) Id. 166.

163) Epist. 195, ap. Bouquet, XV, 575.

164) Epist. 78, ap. Bouquet, XV, 546. Письмо это писано въ концѣ 1127 года или въ началѣ 1128, до войны Лудовика со Стефаномъ Гарландскимъ. Бернардъ жестоко порицаетъ послѣдняго и обвиняетъ Сугерія въ дружбѣ съ нимъ.

165) Quis tibi hanc perfectionem proponebat? Ego tanta, fateor, audire de te etsi desiderabam, non tamen sperabam. Ep. 78.

166) Pavimenta lacrymis humectabat. Wilhelmi, Vita Sugerii, ap. Bouquet, XII, 107.

167) Ibid. — 168) Ibid. — 169) Id. 108.

170) Ad optimos quosque, quocumque fuerint saeculo, animum intendebat; cum his illi colloquium, cum his studium erat. Ibid.

171) Quorum curationi et medicos non modicis sumptibus ipse praevidit ... Id. 107. Св. Бернардъ, напротивъ, запрещалъ монахамъ прибѣгать къ пособіямъ медицины: species emere, quaerere medicos, accipere potiones, religioni indecens est et contrarium puritati Ep. 345. Даже въ этихъ мелочахъ рѣзко обозначаются характеры аббатовъ Св. Діонисія и Клервальскаго.

172) Wilhelmi Vita Sugerii, 106.

173) Humanus satis et jocundus. Id. 105.... ut erat jocundissimus. Id. 107. Illud declinabat summopere, ne quidquam agere videretur quod in habitu vel vitae genere appareret notabile. Viro quippe bono simulationem judicabat indignam. Ibid. Св. Бернардъ превосходилъ Сугерія доведенною до крайняго аскетизма простотою жизни. Онъ не могъ смѣяться безъ внутренняго усилія, и вообще считалъ смѣхъ и веселость неприличнымъ человѣку. Gaufredi, Vita Bernardi, у Гизо, X, 327.

174) Monentes et rogantes per illam invicem amicitiam nostram et fraternitatem. Ep. 45. ap. Bouquet, XV, 544.

175) Et alter Herodes Christum non jam in cunabulis habet suspectum, sed in ecclesiis invidet exaltatum. Bouquet, XV, 549.

176) Относящіяся къ этому избранію мѣста лѣтописей собраны у Bouquet, XV, 344 и слѣд. См. также Baronii Annales ecclesiastici ad an. 1130. Raumer, Gesch. der Hohenst., I, 343.

177) Magis de persona quam de electione investigans. Vit. L. G. 57.

178) Ernaldi abb. Bonaevallis Vita Bernardi, ap. Bouquet, XV, 345. примѣч. a. Guizot, X, 239. Vita L. G. 58. — 179) Vita Lud. Gros. 58.

180) Vita L. G. ibid. Art de vér. les dates, V, 516.

181) Qui ergo intimi ejus et familiares eramus formidantes ob jugem debilitati corporis molestiam ejus subitum defectum, consuluimus ei quatenus filium Ludovicum, pulcherrimum puerum, regio diademate coronatum, sacri liquoris unctione regem secum *ad refellendum aemulorum tumultum*, constitueret. Vita L. G. 59.

182) Quidam enim laïcorum post mortem principis spem augendi honoris habebant; quidam vero clericorum jus eligendi et constituendi principem regni captabant. Ord. Vitalis Hist. eccl. ap. Bouquet, XII, 750.

183) Consiliis nostris adquiescens. Vita L. G. 59.

184) Nonnulli de ordinatione pueri mussitabant, quam procul dubio impedire, si potuissent, summopere flagitabant. ap. Bouquet, XII, 750. — 185) Vita L. G. 61.

186) Эти событія, т. е. развязка войны за наслѣдіе Генриха I, относятся къ царствованію Лудовика VII.

187) Si baronibus meis placuerit. Chron. comitum Pictaviae, ap. Bouquet, XII, 409.

188) Оно находится въ лѣтописи графа Пуату и герцоговъ Аквитанскихъ, на которую я сослался въ предыдущемъ примѣчаніи. Подлинность этого завѣщанія, котораго важность для Капетинговъ очевидна, отрицалъ еще Бели (Besly), Hist. des comtes de Poitou et des ducs de Guienne, Paris 1647), утверждавшій существованіе другаго, намъ впрочемъ неизвѣстнаго, завѣщанія. Доказательства, приводимыя Бенедиктинцами въ пользу подлинности, очень слабы (Recueil des Historiens des Gaules, XII; preface, XXXII—XXXVI). Ни Сугерій, ни другіе лѣтописцы, говорящіе о бракѣ Лудовика VII, не упоминаютъ о писанномъ завѣщаніи. Vita L. G. 62. Chron. Mauriniacense, ap. Bouquet, XII, 83. ср. D. Vaissète, Hist. générale du Languedoc, II, 324. Замѣтимъ, что лѣтописцы не согласны между собою на счетъ мѣста смерти герцога Вильгельма. Одни говорятъ, что онъ умеръ на дорогѣ, другіе — въ Кампостеллѣ. Распоряженіе его въ пользу Лудовика очень сомнительно. Проще всего предположеніе, что Лудовикъ VI воспользовался нежданною смертію Вильгельма и молодостію его дочерей, склонилъ на свою сторону часть бароновъ, и опираясь на феодальное право опеки и на мнимое завѣщаніе, устроилъ выгодный для Капетингской династіи бракъ.

189) Это высказано прямо въ Grandes chroniques de France: et porceque la Duchée estoit demorée sanz hoir mâle, la tint li Rois en sa main. Bouquet, XII, 198.

190) Vita L. G. 62.

191) Et si qui erant hostes prosternentes. Ibid.

192) Id. 63. Art de vér. les dates V, 517.

193) Wilhelmi. Vita Sugerii, 103.

194) Gesta Ludovici VII, ap. Bouquet, XII, 196. Grandes Chroniques de France, ibid.

195) Sismondi. Hist. des Français, V, 260.

196) Et in ea mille trecentae animae diversi sexus et aetatis sunt igne consumptae. Super quo rex Ludovicus, misericordia motus, plorasse dicitur.... Historia Francorum, ap. Bouquet, XII, 116. Безъимянный лѣтописецъ жилъ въ половинѣ XII вѣка.

197) Ottonis episc. Frisingensis Chron I. VII, c. 21.

198) Timeo autem ne sine causa laboraverimus in vobis. ep. 221. Bouquet, XV, 587. Dico vobis incipio poenitere super insipientia mea priori, quá plus justo adolescentiae vestrae hucusque favi.... raptoribus et praedonibus (sicut dicitur) adhaeretis, juxta illud prophetae: si videbas furrem, currebas cum eo et cum adulteris portionem tuam ponebas. Ibid.

199) Epist. 222. Bouquet, XV, 589.

200) Illud enim credatis nunquam me male sensisse de vobis: novi enim vos et puritatem vestram. Ep. 381, Bouquet, XV, 591. Впрочемъ, въ этомъ же письмѣ Бернардъ совѣтуетъ Сугерію отойти отъ совѣта нечестивыхъ.

201) Hunc (т. е. Сугерія).... comes Theobaldus modis omnibus honorabat, hunc apud reges Francorum *advocatum producebat unicum*. Wilh. Vita Sug. 105.

202) Id. 107.

203) Замѣчательно, что въ числѣ исчисляемыхъ Сугеріемъ драгоцѣнныхъ камней не встрѣчается алмазъ. Его не умѣли гранить.

204) Sugerii de rebus in administratione sua gestis, ap. Duch. IV, 348.

205) Hist. litt. XII, 398.

206) Это сочиненіе напечатано въ IV томѣ Дюшена и въ приложеніяхъ къ Histoire de S. Denys, par D. Felibien. Въ собраніи Бенедиктинцевъ помѣщена только вторая часть.

207) Duchesne, VI, 350—358

208) Ut Francorum invincibilis probitas periculum, quod evenerat, emendaret et futura repelleret. Chron. Maur. ap. Bouquet XII, 88.

209) Подробное, на глубокомъ изученіи источниковъ, изложеніе событій отно-

сящихся къ исторіи втораго крестоваго похода у Вилькена. Gesch. der Kreuzzüge, III. 1.

210) Замѣтимъ, впрочемъ, что духовенство знало Латинскій языкъ, и что французскій уже тогда былъ въ ходу между высшими свѣтскими сословіями. Въ началѣ XII вѣка богатые родители посылали изъ Германіи дѣтей своихъ для изученія языка во Францію. Guiberti de Novigento de Vita sua ap. Bouquet. XII. 246. Въ слѣдующемъ столѣтіи учитель Данта, Итальянецъ Брунето Латини писалъ по французски, потому что находилъ этотъ языкъ: plus delitable et plus commune à tots langaeges.

211) Corpus omne tenuissimum et sine carnibus erat; ipsa quoque subtilissima cutis in genis modice rubens. In illo nimirum quicquid caloris inerat naturalis, assidua meditatio et studium compunctionis attraxerat. Gaufredi Vita Bernardi, у Вилькена, III. 1, 19. Guizot, X. 320. Corpus tenue et paene praemortuum, говоритъ Оттонъ Дёльскій, Wilken, III, 1. 43.

212) Gaufredi Vita Bern., Guizot, X, 330. Wilken, III, 1. 67.

213) Ecce gladii duo hic. Satis est. Odo de Diogilo ap. Bouquet. XII. 93. Исторія крестоваго похода Лудовика VII, написанная Одономъ Дёльскимъ, напечатана только въ рѣдкомъ сочиненіи Шифле (Chifletii S. Bernardi Claraeval. genus illustre assertum, 1660). У Бенедиктинцевъ напечатаны самые незначительные отрывки. Вотъ почему я иногда долженъ ссылаться на полный французскій переводъ Гизо, Coll. des mém. XXIV.

214) Wilhelmi. Vita Suger., 108.

215) Odo de Diogilo, ap. Bouquet, XII, 94.

216) Это ясно изъ событій и изъ свидѣтельствъ Одона Дёльскаго и монаха Вильгельма. Первый говоритъ, по поводу отреченія графа Неверскаго, обращаясь къ Сугерію: imponitur tandem *tibi soli* onus amborum, quod inconcussa pace tulisti. Bouquet, XII, 93.

217) Wilh. Vita Sugerii, 108.

218) Vacuantur urbes et castella et paene jam non inveniunt quem apprehendant septem mulieres virum unum (Исаія IV, 1); adeo ubique viduae vivis remanent viris. Ep. 247.

219) Per totam Galliam fit exactio generalis, nec sexus, vel ordo, aut dignitas quempiam excusavit, quin auxilium Regi conferret. Unde factum est, ut ejus peregrinatio multis imprecationibus persequeretur. Mathaeus Paris ad an. 1146.

220) Gallicanae multum ex hoc gravatae sunt ecclesiae, говоритъ по поводу пребыванія папы Chron. Mauriniacense, 88.

221) Bouquet. XIV. 475, въ примѣчаніяхъ.

222) Wilhelmi. Vita Suger. 108. 109.

223) Bouquet, XV. 485.

224) Bouquet, XV, 487.

225) Робертъ оставилъ Сирію, поссорившись съ братомъ. Носились даже слухи, что онъ участвовалъ въ козняхъ Византійцевъ противъ крестоносцевъ: sicut adversus castra Dei dolositatem fertur irritasse Graecorum. Wilh. Vita Sugerii, 109.

226) Bouquet, XV, 513, примѣчаніе a.

227) Wilh. Vita Sugerii, 109. Генрихъ враждовалъ въ это время съ Сугеріемъ. Касательно Радульфа см. письмо Кадурка къ Ротроку Першскому, ap. Bouquet. XV. 512, и слѣдующее за тѣмъ письмо Сугерія къ Радульфу. Ib. 513. Повелительный тонъ Сугерія заслуживаетъ вниманія. Quod per praesentem nuncium vos ipsis praecipere scribendo volumus, пишетъ аб. Св. Діонисія графу ВерманДуа. Генриху и гражданамъ города Бове онъ угрожаетъ строгимъ наказаніемъ за непокорность королю. Videte, videte, viri discreti, ne et alia vice rescribatur quod semel inventum est in marmorea columna hujus civitatis ore Imperatoris dictum: villam Pontium refici jubemus. Villa Pontium древнее названіе Бове. Впрочемъ письмо это относится, кажется, къ 1150 году.

228) Quidam statim populares, qui ad nova facile concitantur, coeperunt occurrere, vitamque illi cum imperio imprecari. Wilh. Vita Sugerii, 109.

229) Certissime habebitis me paratum ad omnia quae volueritis ad servitium regis et *diligentius quam si praesens adesset*. Gaufridi comit. Andegavensis epist. ad Sugerium, ap. Bouquet, XV, 494. Стефанъ изъявляетъ Сугерію признательность за услуги ему оказанныя и обѣщаетъ хранить и защищать помѣстья Св. Діонисія отъ всякихъ нападеній. Stephani reg. ep. ad. Suger., Bouquet, XV, 520.

230) Id. 512.

231) Письма, въ которыхъ аб. Св. Діонисія излагалъ папѣ трудность своего положенія и просилъ его помощи, не дошли до насъ. Папа утѣшаетъ его: Literas quas nobis misisti debita benignitate recepimus et super adversitatibus et angustiis quas te pati significasti paterno tibi affectu compatimur... Confortare igitur, carissime fili, et viriliter age... Sicut enim ex literis quas fratribus nostris archiepiscopis et episcopis mittimus perpendere poteris, illos, qui pacem regni perturbant, nisi resipuerint, excommunicari mandavimus. Bouquet, XV, 454. Ср. грамоту Евгенія къ фран. епископамъ отъ того же числа (8 іюля, 1149). Ibid.

232) Ep. 237.

233) Ep. 376, ap. Bouquet, XV, 612. Письмо это написано по поводу поединка, который готовился между Робертомъ, братомъ Лудовика VII, и Генрихомъ, сыномъ Теобальда графа Шампаніи. Бернардъ проситъ Сугерія употребить свою власть для отвращенія этого единоборства и называетъ турниры проклятыми торжищами (maledictas nundinas).

234) Ep. 309, ap. Bouquet, XV, 596.

235) Мы знаемъ объ этомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Суассонѣ, только по письму Сугерія къ Самсону Реймскому и отвѣту послѣдняго. Bouquet, XV, 511. 512. Св. Бернардъ одобрялъ намѣреніе Сугерія созвать прелатовъ и бароновъ: ut sciant omnes qui habitant terram, quia remansit et regno et regi amicus dulcis, consiliarius prudens, adjutor fortis. Ep. 377. Ib. 613.

236) Non prius ejus conatibus destitit obviare, donec omnem illius tumorem prudenter compressit et ad condignam satisfactionem eum compulit. 109. Ср. S-ti Bernardi ep. 804, ap. Bouquet, XV, 623. Робертъ обѣщалъ Св. Бернарду исправиться.

237) Bouquet, XV, 509.

238) Quo (Sugerio) sublato de medio statim sceptrum regni gravem ex illius absentia sensit jacturam; ut pote quod non minima sui portione Aquitaniae videlicet ducatu, deficiente consilio, noscitur mutilatum. 104.

239) Ep. 244, ap. Bouquet, XV, 591.

240) Voyage littéraire, II, 83. Д. Мартенъ ссылается на Auctarium aquicinctinum, котораго первая часть теперь потеряна.

241) Quaedam de illo regiis suggesta sunt auribus. 109.

242) Съ дороги Лудовикъ просилъ Сугерія выѣхать къ нему втайнѣ и прежде другихъ на встрѣчу, дабы объявить ему состояніе государства и „наставить какъ вести себя по прибытіи“. Bouquet, XV, 518.

243) Wilh. Vita Sugerii, 105.

244) Huic advenienti assurgebant praesules et inter eos primus residebat. Ib. 103.

245) Bouquet, XV, 495.

246) Wilh. Vita Sugerii, 105.

247) Ibid.

248) Guizot Collect. des mém. XIII, 280.

249) Ipse etiam regis Ludovici splendido sermone gesta descripsit ejusque filii itidem Ludovici scribere quidem coepit; sed morte praeventus, ad finem opus non perduxit. 104.

250) Многіе приписываютъ Сугерію самое происхожденіе этихъ лѣтописей, представляющихъ полную исторію Франціи въ теченіе среднихъ вѣковъ. Но это мнѣніе нуждается въ доказательствахъ. Обычай записывать современныя событія

начинается въ монастырѣ Св. Діонисія не съ Сугерія, а гораздо прежде; окончательную форму получили лѣтописи Св. Діонисія послѣ него. Но вѣроятно его слава заставила приписать ему одному дѣло, въ которомъ участвовали его предшественники и преемники.

251) Wilh. Vita Sugerii, 1110. Wilken, III, 1. 276.

252) Цѣлью инока, писалъ онъ (ep. 399), долженъ быть не земной, а небесный Іерусалимъ, тотъ, къ которому ведутъ не ноги, а сердце.

253) Wilh. Vita Sugerii, 110.

254) Wilken, III, 1. 279.

255) Подробности о болѣзни и кончинѣ Сугерія у Вильгельма, 110, 111.

256) Bouquet. XV, 531. Въ отвѣтѣ Св. Бернарда (ib. 616) много чувства и любви.

257) Ib. 530.

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИЧЕСКІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(Публичныя лекціи, читанныя въ 1851 году. Напечатаны отдѣльной книжкой въ 1852 г. Москва, Университетская типографія).

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ТИМУРЪ.

Предметомъ нашихъ чтеній будутъ характеристики Тамерлана, Александра Македонскаго, Лудовика IX и канцлера Бэкона. Мы найдемъ не много сходнаго въ ихъ внутренней жизни, еще менѣе во внѣшней исторіи ихъ подвиговъ; подвиги каждаго изъ нихъ отмѣчены особеннымъ, ему исключительно принадлежащимъ характеромъ. Но между ними есть одно общее: это названіе великихъ людей, данное имъ современниками и утвержденное потомствомъ. Что же такое связано съ этимъ названіемъ? Какое призваніе въ исторіи людей, означенныхъ именемъ великихъ? Вотъ вопросъ, которымъ я позволю себѣ начать эти чтенія. Вопросъ этотъ не лишенъ нѣкоторой современности. Еще не давно поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами, безъ ихъ посредства, могутъ исполнять свое историческое назначеніе. Все равно сказать бы, что одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ, утратила свое значеніе, что одинъ изъ органовъ человѣческаго тѣла теперь сталъ ненуженъ. Такое воззрѣніе на исторію возможно только при самомъ легкомъ и поверхностномъ на нее взглядѣ. Но тотъ, для кого она является не мертвою буквою, кто привыкъ прислушиваться къ ея таинственному росту, видитъ въ великихъ людяхъ избранниковъ Провидѣнія, призванныхъ на землю совершить то, что лежитъ въ потребностяхъ данной эпохи, въ вѣрованіяхъ и желаніяхъ даннаго времени, даннаго народа. Народъ есть нѣчто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны, для обнаруженія себя, претвориться въ мысль и волю одного, одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ лица. Такія лица облекаютъ въ живое слово то, что до нихъ

таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія и желанія своихъ соотечественниковъ или современниковъ. Но съ приведеннымъ мною прежде мнѣніемъ соединяется другое столь же неосновательное, по которому великіе люди являются чѣмъ то случайнымъ, чѣмъ то такимъ, безъ чего можно обойтись. Замѣтимъ по этому поводу, что великая роль случая допускается только въ эпохи умственнаго и нравственнаго ослабленія, когда человѣкъ перестаетъ вѣрить въ законное движеніе событій, когда онъ теряетъ изъ виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человѣчества. Конечно, не всегда ясно намъ мѣсто, принадлежащее великому мужу въ цѣпи явленій, не всегда ясна задача его дѣятельности. Проходятъ вѣка, а онъ остается кровавою и скорбною загадкою, и мы не знаемъ, зачѣмъ приходилъ онъ, зачѣмъ возмутилъ народы. Толки, имъ вызванные, до такой степени противоположны между собою, что нельзя даже съ точностію опредѣлить вліянія имъ обнаруженнаго. Но развѣ то, что̀ намъ непонятно сегодня, должно остаться непонятнымъ и завтрашнему дню? Развѣ каждое новое событіе не проливаетъ свѣта на событія, повидимому давно уже совершившіяся и замкнутыя? Смыслъ отдѣльныхъ явленій иногда раскрывается только по прошествіи вѣковъ и даже тысячелѣтій. Наука въ такихъ случаяхъ не въ состояніи опередить самой жизни и должна терпѣливо ждать новыхъ фактовъ, безъ которыхъ былъ бы не полонъ кругъ извѣстнаго развитія. Историческое значеніе Сократа оцѣнено должнымъ образомъ только въ XIX столѣтіи, на разстояніи двадцати двухъ вѣковъ отъ приговора, произнесеннаго надъ нимъ Аѳинскимъ народомъ.

При изученіи каждаго великаго человѣка, мы должны обратить вниманіе на личность его, на почву, на которой онъ выросъ, на время, въ которое онъ дѣйствовалъ. Изъ этого тройнаго элемента слагается его жизнь и дѣятельность. Задача трудная, рѣшеніе которой предоставлено, если можно такъ выразиться, особенной исторической психологіи, имѣющей цѣлью устранить временныя и мѣстныя вліянія, видоизмѣняющія частныя свойства лица. При внимательномъ созерцаніи великихъ личностей, онѣ являются намъ откровеніями цѣлаго народа и цѣлой эпохи. Для чего бы онѣ ни были призваны на землю, для блага ли, для зла ли, во всякомъ случаѣ онѣ стоятъ не отдѣльно, не независимо, но тѣсно и крѣпко связаны съ землею, на которой выросли, и съ временемъ, въ которомъ дѣйствуютъ. Особенныя трудности въ этомъ случаѣ представляетъ исторія Востока: она подчинена другимъ законамъ, развивается подъ другими условіями, нежели европейская. Тамъ народы коснѣютъ въ продолженіи вѣковъ въ непробудномъ снѣ. Имъ видятся странныя грезы, которыя они переносятъ не только въ свою поэзію, но и въ свою исторію. Тамъ нѣтъ правильныхъ переходовъ отъ одной эпохи къ другой: нѣтъ постепенности и, слѣдовательно, логической необходимости въ развитіи, и потому появленіе великихъ людей часто принимаетъ характеръ чистой случайности. Но и здѣсь подобное заключеніе было бы слишкомъ опрометчиво. Когда насъ, напримѣръ, поражаетъ явленіе въ родѣ того завоевателя, о которомъ я буду имѣть честь говорить въ нынѣшнемъ чтеніи, когда мы съ трепетнымъ чувствомъ спрашиваемъ у себя отчета въ дѣ-

лахъ какого-нибудь Чингиса или Тимура и теряемся въ догадкахъ; когда въ насъ невольно рождаются вопросы: какой потребности удовлетворили эти люди, зачѣмъ покрыли землю развалинами, зачѣмъ стерли съ лица земли столько царствъ, столько прекрасныхъ формъ, успѣвшихъ развиться изъ нѣдръ магометанской цивилизаціи? Мы въ правѣ отвѣчать: а развѣ у этихъ народовъ, выведенныхъ на сцену исторіи Чингисомъ и Тимуромъ, дремавшихъ дотолѣ въ безконечномъ и скучномъ однообразіи кочеваго быта, не было потребности проснуться однажды и извѣдать все наслажденіе и всѣ тревоги дѣятельной исторической жизни? Но страшно бываетъ такое пробужденіе восточныхъ народовъ! Судьба Тимура, или Тамерлана связана съ однимъ изъ этихъ взрывовъ. Въ бесѣдахъ, ограниченныхъ предѣлами скудно отмѣреннаго времени, я не могу представить вамъ полныхъ біографій и долженъ просить васъ довольствоваться краткими характеристиками, въ которыхъ постараюсь показать отличительныя особенности каждаго изъ лицъ, выбранныхъ мною для этихъ чтеній. Связь между ними только внѣшняя, но всѣмъ имъ принадлежитъ право на названіе „великихъ", потому что всѣ они оставили глубокіе, хотя и не сходные между собою, слѣды на почвѣ всемірныхъ событій. Я ограничусь тѣми характеристическими чертами, по которымъ можно разгадать лицо самого Тамерлана и того народа, котораго онъ былъ представителемъ.

На обширномъ пространствѣ между Каспійскимъ, Охотскимъ и Японскимъ морями искони блуждали племена, принадлежащія двумъ великимъ породамъ: Монгольской и Турецкой. Иногда отдѣльныя отрасли обѣихъ породъ сливались, образовывали новыя народности и выходили подъ разными именами на сцену исторіи. Ихъ выступленіе однообразно ознаменовано однимъ характеромъ жестокихъ опустошеній. Они приносили съ собою гибель для всякой стоявшей на ихъ дорогѣ общественной формы, но сами не были въ состояніи создать прочнаго и одареннаго условіями внутренняго развитія государства. Около четырехъ вѣковъ по Р. Х., Монголо-Турецкія племена явились въ Европѣ подъ именемъ Гунновъ и поразили ужасомъ Славянъ и Германцевъ. Народное сказаніе приписывало Гуннамъ особенное происхожденіе. Готы говорили, что они прижиты блуждавшими въ пустынѣ нечистыми духами отъ готскихъ волшебницъ. До такой степени смутилъ Европейцевъ безобразный обликъ этихъ сыновъ степи, ихъ дикій образъ жизни, ихъ нравы, ихъ безпощадная лютость. Была пора, когда они грозили не только независимости европейскихъ народовъ, но самому существованію греко-римской цивилизаціи. На поляхъ Каталаунскихъ рѣшился этотъ вопросъ. Владычество ихъ продолжалось впрочемъ не долго. Они исчезли съ европейской почвы, не оставивъ никакого слѣда ни въ учрежденіяхъ, ни въ нравахъ. Чрезъ восемь вѣковъ Европа принимала снова тѣхъ же гостей: ихъ суждено было встрѣтить нашей Россіи, тогда только что начинавшей свое историческое служеніе. Она приняла на свою грудь удары варваровъ и подпала подъ ихъ тяжкое иго. Но остальная Европа, искупленная ею, избавилась отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. За то нашествіе было страшно для тѣхъ, на кого оно обрушилось непосредственно. Свидѣтельства современниковъ-очевидцевъ

о нравахъ Монгольскаго племени отличаются рѣдкимъ согласіемъ общихъ чертъ. Арабы, Персы, западные монахи-послы при дворѣ Хана и венеціанскій купецъ, Марко Поло, характеризуютъ Монголовъ почти одними и тѣми же выраженіями. Нѣтъ народа болѣе способнаго завоевать міръ, какъ Татары; они храбры, они привычны ко всякаго рода лишеніямъ, они безчеловѣчны, хищны, противъ нихъ не можетъ устоять ни одно государство, говоритъ Марко Поло. Восточные народы, по свойственному имъ фатализму, смотрѣли на дикарей Чингиса и Тимура, какъ на неотвратимую, небомъ ниспосланную кару. Ихъ лѣтописи наполнены странными, почти невѣроятными разсказами о страхѣ, который не только цѣлые отряды, но одинокіе Монголы внушали значительнымъ селеніямъ и городамъ. Жители нерѣдко добровольно подставляли шею подъ удары, въ полномъ убѣжденіи, что сопротивленіе безполезно. До такой степени распространено было въ Азіи мнѣніе о непобѣдимости Монголовъ. Виновникомъ ихъ могущества былъ, какъ вамъ извѣстно, Чингисъ - Ханъ, въ началѣ XIII столѣтія. Онъ самъ высказалъ цѣль своихъ войнъ. Овладѣвъ значительною частью Азіи, въ лѣтахъ преклонной старости, онъ собралъ однажды совѣтъ свой и предложилъ вождямъ слѣдующій вопросъ: какое благо выше всѣхъ на землѣ? Каждый изъ вождей отвѣчалъ по своему. Старый ханъ покачалъ головою и сказалъ имъ: „нѣтъ; счастливѣе всѣхъ на землѣ тотъ, кто гонитъ разбитыхъ имъ непріятелей, грабитъ ихъ добро, скачетъ на коняхъ ихъ, любуется слезами людей имъ близкихъ и цѣлуетъ ихъ женъ и дочерей“. Государство, основанное на такихъ началахъ, не могло быть прочно. По смерти Чингиса, оно распалось на нѣсколько ордъ, которыя вскорѣ стали враждовать между собою.

Тимуръ родился близь Самарканда, въ бывшемъ царствѣ Чингисова сына Чагатая. Народы Востока глубоко запомнили роковую ночь на 9-е апрѣля 1336 года. Онъ родился, какъ говоритъ преданіе, съ кускомъ запекшейся крови въ рукѣ и съ бѣлыми какъ у старца волосами. По женской линіи онъ принадлежалъ къ потомству Чингиса, но отецъ его, одинъ изъ многочисленныхъ Чагатайскихъ князей, не могъ оставить ему большаго могущества. Съ раннихъ лѣтъ Тимуръ обнаружилъ неодолимую силу воли и властолюбіе. Будучи ребенкомъ, онъ заставилъ товарищей своихъ дѣтскихъ игръ присягнуть себѣ въ послушаніи и вѣрности. Никто изъ нихъ не равнялся съ нимъ, впрочемъ, въ силѣ и ловкости. Первые годы его жизни прошли въ подвигахъ мелкаго грабежа и разбоевъ, доставившихъ ему славу безстрашнаго наѣздника. Восточная фантазія внесла въ эти темные годы Тимуровой молодости тѣ-же подробности и тѣ-же преувеличенія, какими наполнены сказанія о молодости другихъ азіатскихъ героевъ. Тимуръ выступилъ на театръ всемірно-исторической дѣятельности въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, одолѣвъ множество противниковъ, столько же незначительныхъ по объему власти, какъ и онъ самъ. Въ этихъ постоянныхъ трудахъ и войнахъ приготовился онъ къ роли, которая ему предстояла впереди. Въ 1371 г., слѣдовательно, когда ему было 35 лѣтъ отъ роду, онъ уже владѣлъ землями отъ Каспія до Манжуріи и держалъ на престолѣ Чагатайскомъ подвластнаго ему потомка Чингисова съ безплоднымъ титуломъ вели-

каго Хана. Вліяніе его простиралось на большую часть земель, завоеванныхъ прежде Монголами. Князья Кипчакской Орды, владычествовавшей надъ Россіею, призывали его посредникомъ въ своихъ распряхъ. Онъ поставилъ надъ ними Тохтамыша; но Тохтамышъ не былъ благодаренъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ сдѣлалъ попытку сбросить съ себя иго Тимура. Борьба была неравная. Предъ началомъ рѣшительной битвы, изъ рядовъ Тимуровыхъ выступилъ старый шейхъ Береке, произнесъ молитву и, взявъ горсть пыли, бросилъ ее въ войско враговъ: да помрачится лице ваше стыдомъ пораженія, сказалъ онъ. Разбитый близь Волги Кипчакскій Ханъ бѣжалъ, собралъ новое войско и въ 1395 году снова встрѣтился съ Тимуромъ на Терекѣ. Тимуръ одержалъ еще кровавую побѣду и сокрушилъ окончательно силы своего противника. Для Россіи наступила грозная година испытанія. Куликовская битва казалась, по видимому, безполезнымъ напряженіемъ народныхъ силъ. Что̀ былъ Мамай въ сравненіи съ Тимуромъ! До нынѣшняго Ельца дошелъ Желѣзный Хромецъ, какъ называютъ его наши лѣтописи, и остановился. Восточные лѣтописцы приписываютъ его нерѣшимость идти далѣе огромнымъ богатствамъ, которыя онъ будто бы уже награбилъ въ этомъ походѣ. Но православная церковь празднуетъ 26-го августа день перенесенія Владимірской Божіей Матери въ Москву и отступленія Тимурова. Конечно, Тимура испугали не военныя приготовленія великаго князя Василія Дмитріевича, готовившагося умереть за народъ свой, и не насытили сокровища, найденныя имъ въ степяхъ юго-восточной Россіи. Но съ тѣхъ поръ Тимуръ не касался болѣе предѣловъ Европы; театромъ его подвиговъ стала исключительно Азія. Я уже сказалъ, что не могу входить въ біографическія подробности о Тимурѣ; но если бы даже для нашей бесѣды было отмѣрено болѣе времени, то и тогда я не счелъ бы нужнымъ утомлять ваше вниманіе однообразными подробностями разоренія и опустошенія странъ, куда онъ являлся, какъ кара Божія. Укажу только на характеристическія черты, которыя познакомятъ васъ съ образомъ войны и съ личностью Тимура. Персія, по географическому положенію своему, должна была прежде другихъ странъ обратить на себя вниманіе вождя Чагатайскихъ Татаръ и попала подъ его владычество. Въ многолюдномъ, цвѣтущемъ торговлею Испаганѣ вспыхнуло возстаніе противъ побѣдителей. Тимуръ возвратился, взялъ городъ съ бою и памятникомъ своимъ оставилъ на площади Испаганской пирамиду, сложенную изъ 70,000 человѣческихъ череповъ. Такія пирамиды разставилъ Тимуръ по значительнѣйшимъ городамъ Азіи. Еще болѣе горькая участь постигла Багдадъ, великолѣпнѣйшій городъ магометанскаго Востока, нѣкогда столицу калифовъ Абассидовъ. Онъ осмѣлился противиться Тимуру и заплатилъ за эту отвагу гибелью почти всего своего населенія. Часть жителей погибла въ волнахъ Тигра; изъ череповъ тѣхъ, которые пали подъ ударами Тимуровыхъ воиновъ, выстроено было сто двадцать небольшихъ башенъ. Но всѣ эти ужасы едва ли могутъ сравниться съ тѣмъ, что̀ испытала Индія. Тимуръ избралъ тотъ-же путь, которымъ нѣкогда шелъ завоеватель другаго рода, Александръ Великій. Въ Пенджабѣ и въ Гангеской долинѣ до Дели не осталось цѣлаго города или се-

ленія. Груды развалинъ и труповъ свидѣтельствовали о недавнемъ проходѣ татарскихъ войскъ. Дели слылъ тогда богатѣйшимъ городомъ Индіи. Готовясь къ приступу, Тимуръ вспомнилъ, что въ лагерѣ его сто тысячъ плѣнниковъ, которыхъ онъ прежде собралъ для осадныхъ работъ. Онъ отдалъ приказаніе немедленно предать ихъ всѣхъ смерти. Приказаніе это было въ точности исполнено. Въ самомъ Дели погибло нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. На возвратномъ пути изъ Индіи, Тимуръ увелъ съ собою до милліона взятыхъ тамъ рабовъ, между прочимъ онъ приказалъ брать всѣхъ ремесленниковъ и всѣхъ ученыхъ. Въ этой свирѣпой душѣ таилось какое-то, можно сказать, мистическое уваженіе къ наукѣ. Театромъ дальнѣйшихъ подвиговъ такого же рода была Сирія и владѣнія Турецкаго султана, грозившаго въ то время Европѣ. Дамаскъ и Алеппо исчезли на время изъ списка значительныхъ городовъ азіатскихъ. Жители ихъ были избиты или отведены въ рабство въ глубь степей Средней Азіи. Въ большей части завоеваній Тимура трудно замѣтить какую нибудь опредѣленную политическую цѣль. Можно подумать, что имъ руководила безотчетная страсть къ разрушенію. Разоривъ богатую страну, срывъ до основанія ея города, потоптавъ копытами коней своихъ ея жатвы, настроивъ пирамидъ изъ отрубленныхъ головъ, онъ шелъ далѣе, не заботясь о прочномъ утвержденіи своей власти въ оставленной имъ безобразной пустынѣ.

Встрѣча его съ Баязидомъ принадлежитъ къ числу великихъ событій всеобщей исторіи. Оба они носили одинъ и тотъ-же типъ восточнаго завоевателя. Но Баязидъ не даромъ коснулся европейской почвы и принялъ отъ нея вліяніе. Онъ думалъ объ основаніи крѣпкаго, опирающагося на надежныя учрежденія, государства. Еще до начала войны, между Баязидомъ и Тимуромъ возникла любопытная переписка, гдѣ истощены были всѣ допускаемыя восточными дипломатическими формами ругательства. За эти оскорбленія должны были поплатиться жители Малой Азіи. Первый городъ Баязида, на который пали удары Тамерлана, былъ Сивашъ *), взятый послѣ довольно долгой осады, при которой показали особенное искусство монгольскіе инженеры. Въ этомъ отношеніи Тимуръ былъ великій человѣкъ, истинный художникъ. Въ войскѣ его было несравненно болѣе порядка, чѣмъ въ войскѣ Баязида; онъ ввелъ раздѣленіе на полки, ввелъ однообразіе одежды и многое другое, что впослѣдствіи вошло въ употребленіе у европейскихъ народовъ. Сивашъ палъ передъ осаднымъ искусствомъ Монголовъ. Жители его, Магометане, были большею частью истреблены или отведены въ рабство; но еще болѣе страшная участь постигла 4,000 армянскихъ всадниковъ, которые защищали городъ въ соединеніи съ Турками. Они были погребены заживо. Дальнѣйшихъ подробностей казни я не смѣю приводить, ибо онѣ слишкомъ ужасны. На поляхъ Ангоры (Анциры), гдѣ нѣкогда Помпей одержалъ побѣду надъ Митридатомъ, сошлись лицемъ къ лицу Баязидъ и Желѣзный Хромецъ. Произошла одна изъ величайшихъ битвъ, о которыхъ помнитъ исторія. Въ дѣлѣ было болѣе милліона ратниковъ, пришедшихъ

*) Древняя Себасте.

изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Тимуръ привелъ съ собою дружины всей Азіи; въ войскѣ Баязида находились 20,000 Сербовъ-христіанъ, которые составляли лучшую, передовую рать; за ними стояли янычары, набранные изъ плѣнныхъ христіанскихъ дѣтей, и уже за янычарами слѣдовали настоящіе Турки. Христіанскою кровью думалъ Баязидъ купить себѣ побѣду. Онъ былъ разбитъ на голову. Есть какое то мрачное и поэтическое величіе въ разсказѣ о свиданіи Тимура съ Баязидомъ. Тимуръ принялъ его, сидя на коврѣ. „Великъ Господь, сказалъ онъ, даровавшій полміра мнѣ хромцу и полміра тебѣ больному; ты видишь, какъ мало въ глазахъ Господа земное величіе". Вся бесѣда ихъ была проникнута скорбію. Тимуръ не ругался надъ падшимъ врагомъ; слова его исполнены грустнаго сочувствія къ судьбѣ побѣжденнаго. Разсказы позднѣйшихъ писателей о томъ, что онъ заключилъ Баязида въ клѣтку и обходился съ нимъ жестоко, лишены всякаго правдоподобія. Ни одинъ современникъ не упоминаетъ объ этомъ. Напротивъ, мы имѣемъ вѣрныя свидѣтельства, что Тимуръ до конца своей жизни обходился съ султаномъ съ должнымъ уваженіемъ. Кромѣ восточныхъ разсказовъ, у насъ есть разсказы Европейцевъ, которые были свидѣтелями этой битвы. Между прочими при дворѣ Тимура находились въ то время послы Кастильскаго короля Генриха III. Европейскіе народы смотрѣли на Анцирскаго побѣдителя, какъ на своего избавителя отъ Турокъ, и въ самомъ дѣлѣ нашествіе Тимура на 50 лѣтъ отсрочило паденіе Константинополя и остановило на долго успѣхи турецкаго оружія. Въ 1403 г. Генрихъ III отправилъ къ Тимуру новое посольство, при которомъ состоялъ придворный дворянинъ, Гонзалецъ де Клавиго, оставившій любопытный дневникъ своего путешествія. Послы эти не застали уже Тимура въ Малой Азіи и должны были ѣхать къ нему въ столицу его Самаркандъ. Земли, чрезъ которыя лежалъ ихъ путь, носили еще свѣжіе слѣды недавнихъ опустошеній. Особенно поразительно описаніе Тавриса, гдѣ правилъ за Тимура сынъ его Миранъ-шахъ. Городъ былъ весьма богатъ и принадлежалъ къ числу складочныхъ мѣстъ азіатской торговли, но развалины огромнаго, славнаго на цѣломъ Востокѣ дворца и другихъ великолѣпныхъ зданій обличали присутствіе Татаръ. Виновникомъ въ этомъ разореніи былъ впрочемъ не самъ Тимуръ. Сынъ его Миранъ-шахъ съ какою то дѣтскою, безумною радостью разрушалъ древнія зданія и тѣшился при видѣ пожаровъ, такъ что отецъ долженъ былъ наконецъ остановить его. Далѣе Клавиго встрѣтилъ множество пирамидъ изъ человѣческихъ головъ, свидѣтельствовавшихъ о побѣдномъ шествіи Тимура. Замѣчательно также описаніе города Самарканда. Городъ этотъ былъ обязанъ своимъ быстрымъ возвышеніемъ волѣ Тимура. Клавиго нашелъ въ немъ многочисленное, со всѣхъ краевъ Азіи насильственно сведенное населеніе. Здѣсь поселены были ученые, художники и ремесленники, которыхъ Тимуръ привелъ съ собою изъ далекихъ, завоеванныхъ имъ странъ. Магомедане жили рядомъ съ Индѣйцами и поклонниками огня. Клавиго съ удивленіемъ разсказываетъ о великолѣпномъ дворѣ и дворцѣ Тимура, и объ ордѣ, или лѣтнемъ стойбищѣ его, которое состояло изъ 20,000 разбитыхъ юртъ, т. е. палатокъ. Часть юртъ была покрыта

снаружи парчами, внутри украшена драгоцѣнными каменьями, добытыми въ походахъ. Когда Тимуръ принималъ Клавиго, онъ былъ уже въ преклонной старости, едва могъ сидѣть и съ трудомъ могъ поднять глаза на посла. Но въ хиломъ тѣлѣ жила еще крѣпкая и свирѣпая душа. Желѣзный Хромецъ предпринималъ въ это время походъ на Китай. Онъ собралъ вождей своихъ и сказалъ имъ: „на душѣ моей и вашей много грѣховъ; много мы пролили крови магометанской; пора смыть ее другою болѣе угодною Господу кровью; пойдемъ избить китайскихъ язычниковъ".—Другое любопытное описаніе, оставленное Европейцемъ, принадлежитъ Нѣмцу Шильдпергеру. Онъ былъ родомъ изъ Мюнхена и находился оруженосцемъ въ службѣ у одного изъ рыцарей, участвовавшихъ въ несчастной для христіанъ битвѣ при Никополисѣ (1395), въ которой Баязидъ разбилъ на голову Сигизмунда Венгерскаго. Турки изрубили большую часть своихъ плѣнниковъ. Шильдпергера спасла его молодость. Онъ поступилъ въ свиту султана, былъ при немъ въ сраженіи Анцирскомъ и вмѣстѣ съ нимъ попался въ плѣнъ къ Татарамъ. Онъ пережилъ Баязида и Тимура, служилъ сыновьямъ послѣдняго; потомъ продавалъ свою службу разнымъ магометанскимъ князьямъ и возвратился въ Европу послѣ 22-лѣтняго скитанія по Востоку. Шильдпергеръ былъ грубый и необразованный нѣмецкій наемникъ. Онъ торговалъ своею кровью и безъ зазрѣнія совѣсти проливалъ чужую. Разсказы его носятъ отпечатокъ этого безчувственнаго равнодушія. Онъ спокойно передаетъ своимъ читателямъ ужасы, которыхъ былъ самъ свидѣтелемъ, или слышанные отъ другихъ. Между прочими у него есть слѣдующій разсказъ: однажды жители города, навлекшаго на себя гнѣвъ Тимура, выслали для умилостивленія его дѣтей своихъ. При видѣ этихъ малютокъ, шедшихъ съ пѣснями изъ корана ему на встрѣчу, въ Тимурѣ разыгрался духъ истребленія. Онъ помчался на нихъ на конѣ своемъ и приказалъ своей конницѣ слѣдовать за нимъ. Несчастные родители, стоявшіе на городскихъ стѣнахъ, были свидѣтелями гибели дѣтей своихъ, потоптанныхъ татарскими конями. Случай этотъ, вѣроятно, повторился нѣсколько разъ. Шильдпергеръ разсказываетъ его объ Испаганѣ, магометанскіе историки — о какомъ-то изъ городовъ Малой Азіи.

Я уже замѣтилъ, что въ дѣятельности Тимура не должно искать господствующей, основной политической мысли. Похвалы нѣкоторыхъ новыхъ историковъ, на примѣръ Гаммера, которые видятъ въ Желѣзномъ Хромцѣ основателя какой-то особенной цивилизаціи, очевидно натянуты. Гдѣ слѣды и признаки этой цивилизаціи? Тимуръ былъ одержимъ ненасытимою жаждою дѣятельности, но у него не было опредѣленной и ясно сознанной цѣли. Законы, имъ изданные, не доказываютъ противнаго. Они могли скрѣпить временное, на одной силѣ основанное могущество, но не могли упрочить существованія настоящаго государства. Все, что въ состояніи сдѣлать одна сила, было сдѣлано Чингисомъ и Тимуромъ. Поэтому подвигъ ихъ былъ болѣе разрушительный, нежели творческій. Внѣшняя сила принадлежитъ къ числу великихъ дѣятелей всеобщей исторіи, но дѣятельность ея ограничивается исполненемъ. Тамъ, гдѣ она не соединена съ плодотворными идеями, ея

произведенія непрочны и безполезны. Персы не даромъ называли Тимура ненасытнымъ, вѣчно стремящимся и никогда не достигающимъ. Въ немъ самомъ было смутное, но возвышенное понятіе о значеніи науки и, слѣдовательно, мысли. Онъ охотно бесѣдовалъ съ учеными, зналъ историческія преданія Востока и Запада, уважалъ астрономію и презиралъ астрологію. Счастіе и несчастіе человѣка зависитъ, сказалъ онъ однажды, не отъ положенія звѣздъ, а отъ воли Того, Кто создалъ и звѣзды и человѣка. Жестокая душа проглядывала впрочемъ даже въ богословскихъ преніяхъ его. Онъ любилъ смущать собесѣдниковъ своихъ опасными вопросами. При заревѣ Алеппскаго пожара, при крикахъ погибавшаго населенія, онъ равнодушно велъ ученый разговоръ съ тамошними муллами. „Въ битвѣ подъ Алеппомъ, спросилъ онъ у нихъ, пало много моихъ и вашихъ воиновъ: которые изъ нихъ достойны рая?"—Тѣ, которые пали съ вѣрою въ Бога, отвѣчалъ умный муфти.

Тимуръ умеръ въ 1405 г. Не прошло ста лѣтъ по его кончинѣ, а государство его уже рушилось. Только въ Индіи уцѣлѣли его потомки, окруженные внѣшнимъ блескомъ власти, но безсильные, лишенные даже личной свободы преемники великаго Монгола. Въ другихъ частяхъ Азіи Тимуриды были вытѣснены мѣстными династіями. Когда Тимуръ предпринималъ новый походъ, онъ говорилъ о врагахъ своихъ: „я повѣю на нихъ вѣтромъ разрушенія". Вѣтеръ разрушенія повѣялъ на его собственное дѣло и на родъ его. Единственнымъ слѣдомъ завоеваній, наполнившихъ громомъ своимъ послѣднія десятилѣтія XIV вѣка, остались пирамиды изъ череповъ человѣческихъ. Къ этимъ памятникамъ можно еще прибавить—безлюдныя пустыни, которыя образовались въ странахъ нѣкогда цвѣтущихъ и населенныхъ. Вспомните о степяхъ нынѣшняго Туркестана. Огромныя развалины городовъ, остатки водопроводовъ свидѣтельствуютъ, что не природа положила на эти земли страшный и дикій характеръ, какимъ онѣ теперь отличаются. Здѣсь прошли Монголы. Человѣкъ легко привыкаетъ къ опасностямъ, которыми грозитъ ему природа. Онъ строитъ новое жилище у подножія волкана, на лавѣ, поглотившей его отца; онъ не уступаетъ морю подверженнаго безпрестаннымъ наводненіямъ, но выгоднаго для торговли берега, и смѣло ставитъ свой домъ на развалинахъ другаго, смытаго волнами. Корысть и другія побужденія удерживаютъ его даже тамъ, гдѣ вѣчно царствуетъ зараза. Взгляните на Новый Орлеанъ и на Батавію. Но Монголы и Татары дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ волканы, море и моръ. Есть земли, въ которыхъ повидимому навсегда остался слѣдъ ихъ опустошеній. Онѣ утратили даже природное плодородіе, какимъ славились прежде.

Приведенный мною выше отзывъ Венеціанца Марко Поло можетъ и теперь служить характеристикою Монгольскихъ нравовъ. Монголъ вернулся въ родныя степи, изъ которыхъ вывелъ его Чингисъ-ханъ. Онъ снова живетъ въ войлочной юртѣ своей, пасетъ свое стадо и забылъ о той своей роскоши, съ которой познакомились его предки въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Пора Чингиса и Тимура прошла какъ сонъ. По прежнему раздается въ монгольскихъ степяхъ унылая, хватающая за душу пѣсня, въ которой

иногда звучатъ отголоски минувшей славы и надежда на новые подвиги, на новое величіе. Надеждамъ этимъ не суждено болѣе сбыться. Если бы поднялась снова такая личность, какъ Чингисъ или Тамерланъ, и позвала народъ свой къ извѣданной уже дѣятельности—усилія ея неминуемо должны сокрушиться о новыя историческія условія. Куда повелъ бы теперь свое ополченіе честолюбивый вождь степныхъ племенъ? На югъ, къ Индіи, постоянной цѣли восточныхъ завоевателей? Но тамъ образовалась стѣна болѣе крѣпкая, чѣмъ Гималайскій хребетъ. Тамъ встрѣтитъ онъ не прежнихъ, способныхъ только къ страдательному мужеству Индѣйцевъ, а твердые сипайскіе полки подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. Двинется ли онъ другимъ, знакомымъ уже путемъ къ западу? Но его ждетъ здѣсь крѣпкое, христіанское, образованное государство, пережившее съ честію долгій періодъ своего историческаго искуса. Напоръ монгольскій не страшенъ болѣе Россіи, еще недавно одолѣвшей завоевателя болѣе грознаго, чѣмъ великіе ханы. Бывшіе властители наши должны въ свою очередь испытать русское вліяніе. Но Россія платитъ имъ не гнетомъ за гнетъ. Христіанское государство вноситъ въ юрты дикарей истинную вѣру и неразлучныя съ нею образованность и гражданственность. Нашему отечеству предстоитъ облагородить и употребить въ пользу человѣчества силы, которыя до сихъ поръ дѣйствовали только разрушительно. Начало уже сдѣлано. Въ 1813 и 1814 г. изумленная Европа видѣла въ числѣ избавителей своихъ отъ французскаго ига Башкира и Калмыка, стоявшихъ рядомъ и за одно дѣло съ самыми благородными и просвѣщенными юношами Германіи.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

Предыдущее чтеніе мое было посвящено характеристикѣ восточнаго завоевателя; мы видѣли кровавый слѣдъ, оставленный монгольскими конями, и не нашли другихъ памятниковъ, обличающихъ прочное вліяніе Тимуровыхъ завоеваній. Сегодня я буду имѣть честь бесѣдовать съ вами о завоевателѣ западномъ—о македонскомъ Александрѣ. Въ исторіи не много именъ, съ которыми связано столько славы и столько упрековъ. Вамъ извѣстно, въ какомъ состояніи находилась Греція въ эпоху, когда выступилъ Александръ на поприще исторіи. То была пора разложенія греческой городовой жизни, пора перехода отъ республиканскихъ формъ къ монархическимъ. На какую бы часть Греціи мы ни взглянули, вездѣ видимъ, подъ пестротою разнообразныхъ явленій, одинъ и тотъ же упадокъ коренныхъ основъ греческой цивилизаціи. Пелопонесская война положила конецъ блестящему, не повторенному болѣе исторіею, развитію греческой жизни. Въ борьбѣ До-

ризма и Іонизма рушилось прекрасное равновѣсіе стихій, изъ которыхъ слагалась эта жизнь, и сокрушились силы, сгладились лучшія особенности тѣхъ республикъ, которыя дотолѣ стояли по праву во главѣ остальной Греціи. Спарта заплатила за свою побѣду утратою внутреннихъ условій своего могущества. За нею осталась слава военныхъ доблестей, но простота древняго быта исчезла невозвратно. Корыстолюбіе и лицемѣріе, прикрывавшія наружною грубостію внутреннюю порчу, стали отличительными чертами ея граждань, нагло торговавшихъ выгодами и честію цѣлой Греціи. Въ болѣе привлекательномъ видѣ являются Аѳины; но отъ Аѳинянъ IV вѣка не должно также требовать строгихъ доблестей Мараѳонскаго поколѣнія или изящныхъ свойствъ демоса, современнаго Периклу. Нужно ли говорить о Ѳивахъ, которыхъ мимолетное величіе было дѣломъ двухъ великихъ мужей, унесшихъ съ собою въ могилу недоконченныя начинанія свои? Едва ли могло удаться Эпаминонду задуманное имъ политическое преобразованіе Греціи; но онъ, противъ воли и вѣдома, окончательно поколебалъ и безъ того шаткія основы древняго гражданскаго и религіознаго быта. Словомъ, распаденіе городовой жизни и республиканскихъ формъ очевидно. Но какія же формы замѣнятъ ихъ? Какая другая жизнь загорится на этихъ еще сохранившихъ часть первобытной красоты развалинахъ? Отвѣтъ на эти вопросы готовилось дать новое государство, лежавшее внѣ предѣловъ настоящей Греціи, на сѣверъ отъ нея, но тѣсно съ нею связанное племенными узами и образованностію, которую высшія сословія Македонскаго народа черпали изъ Греціи. Давно уже Македонскіе государи принимали участіе въ дѣлахъ греческихъ республикъ, но участіе это опредѣлялось не столько честолюбивыми замыслами и надеждами этихъ государей, сколько желаніемъ ихъ найти себѣ опору противъ враговъ въ союзѣ съ Аѳинами, Спартою, или наконецъ Ѳивами. Такое отношеніе между Греками и Македонцами продолжалось до Филиппа. Священная война дала ему возможность вмѣшаться въ распри греческихъ республикъ,—не второстепеннымъ союзникомъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, а рѣшителемъ спора. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Херонейская битва уничтожила послѣднія надежды людей, вѣрившихъ въ возможность возстановленія прежняго порядка вещей. Филиппъ былъ признанъ главою соединенныхъ греческихъ силъ. Для какой же цѣли?

Я сказалъ выше о всестороннемъ разложеніи греческой жизни. Оно обнаружилось не только въ сферѣ политической, но и въ сферѣ духовной. Аристотель былъ величайшимъ, но въ то-же время послѣднимъ самостоятельнымъ дѣлателемъ греческой науки; искусство остановилось еще ранѣе. Къ концу IV-го столѣтія образованность Греціи принесла уже и цвѣтъ и плодъ свой. Она еще красовалась дивнымъ богатствомъ изящныхъ формъ и великихъ идей, но органическое развитіе ея кончилось, и дальнѣйшаго роста отъ нея нельзя было ждать. Ей предстояло перейти къ другимъ народамъ и принять въ себя извнѣ, чрезъ сближеніе съ новыми, ей чуждыми стихіями, сѣмена новаго развитія. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако заключить, что въ разбираемую нами эпоху греческой исторіи не было вовсе дѣятельности и потребности въ ней. Напротивъ, потребность дѣятельности

была большая, но ей не было удовлетворенія. Поколѣніямъ IV-го столѣтія казался узкимъ театръ, на которомъ отцы ихъ совершали свои безсмертные подвиги. Обмелѣвшая городская жизнь не представляла болѣе честолюбивому гражданину достаточнаго простора. Личныя цѣли отдѣльныхъ граждань превосходили объемомъ силы и средства ослабѣвшихъ республикъ. Слѣдствіемъ этого хода вещей былъ совершенный упадокъ мѣстнаго патріотизма и стремленіе открыть внѣ предѣловъ родины поприще, достойное накопившихся и праздныхъ силъ. Такимъ поприщемъ могъ служить только Востокъ, именно Персія, въ которой съ конца V столѣтія постоянно играютъ важную роль греческіе наемники. Въ рядахъ этихъ продажныхъ дружинъ стояли нерѣдко лучшіе люди Аѳинъ и Спарты, скучавшіе мелкими вопросами и распрями, занимавшими ихъ родину. Они то принесли съ собою изъ далекихъ походовъ, предпринятыхъ въ глубь владѣній великаго царя, мысль о возможности завоевать государство, обнимавшее цѣлую треть Азіи. Мысль эта перешла отъ воиновъ къ государственнымъ людямъ и писателямъ Греціи. По трудности исполненія, по важности результатовъ, такое предпріятіе достойно было вниманія величайшихъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ. Рѣчь шла не объ одной славѣ или добычѣ, а о политическомъ возстановленіи Греціи, о замѣнѣ умиравшихъ мѣстныхъ интересовъ однимъ обще-эллинскимъ. Разсказы наемниковъ и сочиненія извѣстныхъ писателей, напр. Исократа, равно дѣйствовали на общественное мнѣніе и подготовляли его къ дѣлу, которое годъ отъ году казалось не только болѣе возможнымъ, но даже необходимымъ. При внутреннемъ безсиліи отдѣльныхъ частей, соединенная Греція располагала огромными средствами для войны наступательной. У мыса Тенара, въ другихъ такихъ же сборныхъ мѣстахъ, тысячи наемниковъ продавали свою отвагу и знаніе военнаго дѣла любому покупщику. Когда Филиппъ сталъ во главѣ Греціи и объявилъ походъ противъ Персовъ, онъ столько же слѣдовалъ внушеніямъ собственнаго честолюбія, сколько требованіямъ общественнаго мнѣнія. Ему, какъ видите, досталось на долю быть только исполнителемъ мысли, давно задуманной и уже громко высказанной. Походы Агезилая въ Малой Азіи были первою попыткою ея осуществленія. Филиппъ погибъ въ 336 г., среди приготовленій къ великому предпріятію. Мѣсто его заступилъ сынъ его Александръ. Трудно было начать царствованіе при обстоятельствахъ болѣе неблагопріятныхъ. Вся Греція встрепенулась при одномъ извѣстіи о смерти Филиппа. Демосѳенъ забылъ недавнюю утрату дочери, сложилъ съ себя трауръ и, увѣнчанный цвѣтами, пришелъ на площадь возвѣстить Аѳинянамъ о смерти Македонскаго царя. Греція взволновалась отъ одного конца до другаго, увлеченная надеждами на возвратъ невозвратимыхъ формъ ея прежней жизни. Филиппъ погибъ вслѣдствіе заговора. Неизвѣстно, кто былъ зачинщикомъ заговора. Знаемъ только, что въ немъ принимали участіе мать Александра, Олимпія, македонская аристократія и персидскій дворъ. Дѣло шло о перемѣнѣ династіи. Силы заговорщиковъ были велики. Одинъ изъ главныхъ, Атталъ, стоялъ во главѣ сильнаго отряда въ Малой Азіи. На сѣверѣ и на западѣ поднялись новые враги — полудикія племена Ѳракійскія и Иллирійскія, хо-

тѣвшія воспользоваться молодостью царя. Во всѣ стороны долженъ былъ озираться Александръ, противъ всѣхъ опасностей долженъ былъ находить средства. Но эти средства онъ нашелъ въ себѣ самомъ. Прежде всего онъ устремился на Ѳракію. Двадцатилѣтній полководецъ совершилъ изумительный походъ, прошелъ черезъ Балканскія ущелья, переправился чрезъ Дунай, разбилъ Гетовъ на противоположномъ берегу и заставилъ Ѳракійцевъ дать себѣ, въ видѣ заложниковъ, такія войска, которыя могли ему служить съ пользою противъ Персовъ. На возвратномъ пути онъ разбилъ Иллирійцевъ и взялъ съ нихъ такую же дань людьми, усиливая войско свое разноплеменными, приспособленными къ войнѣ всякаго рода отрядами.

Но въ Греціи гроза увеличивалась. Ѳивы поднялись явно и отбили стоявшій въ ихъ городѣ македонскій гарнизонъ; Аѳины вооружились; жители Пелопонеса шли на помощь Ѳивамъ. Никто не хотѣлъ вѣрить счастливому окончанію Александрова похода противъ Ѳракійцевъ. А между тѣмъ Александръ прошелъ непроходимыя ущелья Пинда и явился подъ стѣнами Ѳивъ. Городъ палъ; жители были наказаны за попытку возстанія и безполезное упорство защиты смертію и продажею въ рабство. Александръ долженъ былъ, съ одной стороны, уступить требованіямъ помогавшихъ ему Віотійцевъ, которые ненавидѣли Ѳиванцевъ; съ другой, онъ хотѣлъ строгимъ примѣромъ внушить страхъ остальнымъ Грекамъ и отбить у нихъ охоту къ подобнымъ возстаніямъ во время предстоявшей войны съ Персами. Доказательствомъ, что судьба разрушеннаго города лежала на сердцѣ Александра, можетъ служить его кроткое обращеніе съ тѣми Ѳиванцами, которые воевали противъ него въ рядахъ персидскихъ и были взяты въ плѣнъ. Паденіе Ѳивъ ужаснуло взявшуюся за оружіе Грецію и охладило ея вольнолюбивый порывъ. Тогда замолкъ и великій голосъ Демосѳена, единственнаго противника, который могъ быть опасенъ Александру. Демосѳенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ трагическихъ, одиноко стоящихъ въ исторіи личностей, въ которыхъ горячая любовь къ прошедшему соединяется съ яснымъ сознаніемъ невозможности призвать его снова къ бытію. Онъ хотѣлъ удержать по крайней мѣрѣ тѣ части этого прошедшаго, въ которыхъ еще были признаки жизни, и безъ устали боролся съ Филиппомъ, въ которомъ, не безъ основанія, видѣлъ самаго опаснаго врага греческой старины. Ѳивы пали, и Демосѳенъ отказался отъ безнадежнаго спора. Онъ понялъ, что дѣло, начатое Филиппомъ, перешло въ болѣе крѣпкія, непобѣдимыя руки. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могла противопоставить Греція двадцатидвухлѣтнему вождю, на котораго природа и судьба расточили дары свои? Ему дана была даже внѣшняя красота, такъ сильно дѣйствовавшая на народъ, по преимуществу одаренный художественнымъ чувствомъ изящной формы. Женственная прелесть его лица смѣнялась иногда грознымъ выраженіемъ, напоминавшимъ гнѣвнаго Зевса. Кассандръ не могъ забыть этого выраженія много лѣтъ послѣ смерти Александровой и, будучи самъ царемъ Македонскимъ, содрогался при видѣ статуй своего великаго предшественника. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какое воспитаніе далъ сыну Филиппъ. Аристотель передалъ своему ученику все богатство идей, выработанныхъ до него греческою наукою,

и можно безъ преувеличенія сказать, что ученикъ сталъ во многомъ выше наставника. Греція, съ такою непріязнію принявшая вѣсть о вступленіи Александра на Македонскій престолъ, поддалась вскорѣ обаянію его личности и привязалась къ нему съ тою способностью увлеченія, которую она сохранила отъ юныхъ дней своей исторіи. Могли ли Аѳины долго враждовать противъ изящнаго юноши, въ которомъ воплотились прекраснѣйшія стороны греческаго ума и характера? Кому, какъ не ему, было докончить поэтическій подвигъ, начатый гомерическими героями, съ которыми онъ представлялъ такое поразительное сходство?

Многіе историки возводятъ на Александра слѣдующее обвиненіе. Они говорятъ, что онъ началъ свое предпріятіе, какъ искатель приключеній, что онъ позабылъ обезпечить себѣ возвратъ и игралъ судьбою какъ отчаянный игрокъ, а не какъ истинно великій человѣкъ. На это легко отвѣчать. Александръ не даромъ вслушивался съ дѣтскихъ лѣтъ въ разсказы о Персіи; не даромъ онъ, еще будучи ребенкомъ, разспрашивалъ персидскихъ пословъ о силахъ ихъ царя, о путяхъ, ведущихъ къ его столицамъ, о разноплеменныхъ народахъ, составляющихъ его государство. Начиная походъ, онъ глубоко зналъ средства, какими располагалъ непріятель, и на этомъ основаніи расположилъ планъ будущихъ дѣйствій. Если бы могущество государствъ измѣрялось числомъ квадратныхъ миль, которое они занимаютъ, и количествомъ народонаселенія, то конечно борьба съ Персіею могла бы казаться безуміемъ; но Александръ иначе понималъ государство: онъ зналъ, что кромѣ внѣшнихъ силъ есть въ немъ другія—нравственныя, которыя въ великихъ борьбахъ народовъ всегда берутъ перевѣсъ. Ему было извѣстно, что персидское царство, связанное завоеваніями Кира изъ разнородныхъ племенъ, разлагалось на составныя свои части и что во многихъ сатрапіяхъ уже введена была наслѣдственность. Каждый сатрапъ считалъ себя самовластнымъ правителемъ ввѣренной ему области и мало заботился о выгодахъ цѣлаго государства. Недавнія смуты еще болѣе ослабили власть царя, отъ большей или меньшей крѣпости которой зависѣла дальнѣйшая судьба Персіи. Съ другой стороны должно сказать, что матеріальныя средства Персіи были огромны, почти неистощимы. Нужна была только опытная рука, для того чтобы привести въ дѣйствіе праздныя силы и возвратить государству положеніе, въ какомъ оно находилось при первомъ Даріи. Къ несчастію для Александра и къ бо̀льшей славѣ его, въ это время въ Персіи была такая рука. Вождемъ греческихъ наемниковъ въ персидской службѣ былъ Мемнонъ, родомъ изъ Родоса, человѣкъ геніальныхъ способностей, но внутренно испорченный, отрекшійся отъ своей родины, совершенно преданный Персіи. Онъ не ослѣплялъ себя, подобно Дарію и персидскимъ сатрапамъ, на счетъ грозившей опасности и предложилъ средство къ ея отвращенію. Онъ говорилъ: въ чистомъ полѣ мы не можемъ бороться съ Александромъ; а между тѣмъ у насъ есть деньги и флотъ; въ тылу у Александра мы составимъ наемное греческое войско и перенесемъ войну на македонскую почву. Греція не устоитъ противъ двойнаго искушенія корысти и свободы. Планъ Мемнона поддерживали многочисленные Греки, вступившіе въ персидскую

службу не изъ однихъ только корыстныхъ или честолюбивыхъ видовъ. Благороднѣйшіе Аѳинскіе граждане находились въ то время въ станѣ Дарія и готовились къ войнѣ противъ соотечественниковъ. Они понимали, что походъ Александра рѣшитъ вопросъ о самостоятельномъ существованіи ихъ родины. Завоевателю Персіи конечно не трудно было бы управиться съ Аѳинами или Спартою. Нѣкоторые изъ этихъ выходцевъ носили громкія имена и были во всѣхъ отношеніяхъ противниками, достойными Александра. Таковы были между прочими Эфіальтъ и Леосѳенъ, впослѣдствіи извѣстный вождь Ламійской войны. Разсчеты Александра на оплошность враговъ оказались, повидимому, ложными. Его ждали въ Азіи не одни нестройныя ополченія сатраповъ, а съ ними вмѣстѣ опытныя греческія войска, подъ начальствомъ превосходныхъ вождей. Планъ Мемнона былъ тщательно обдуманъ и исполненіе ввѣрено надежнымъ людямъ. Александръ велъ съ собою менѣе 40 тысячъ человѣкъ, но составъ этой арміи былъ изумительный. Она заключала въ себѣ, какъ уже было замѣчено выше, самые разнообразные роды войскъ. При ней былъ устроенъ даже генеральный штабъ, раздѣленный на два отдѣленія, изъ которыхъ одно занималось исключительно составленіемъ картъ и плановъ, другому ввѣрены были инженерныя работы. Нашей артиллеріи соотвѣтствовали стѣнобитныя и другія орудія, изъ подробнаго описанія которыхъ можно составить себѣ понятіе о высокомъ состояніи математическихъ наукъ въ то время. Денежныя средства Македонскаго царя были несравненно ниже его замысловъ. Въ началѣ похода у него оставалось не болѣе ста тысячъ рублей на наши деньги, но онъ зналъ, что война питаетъ войну, и не заботился о предстоящихъ издержкахъ.

Когда македонскія войска переправились въ Малую Азію, планъ Мемнона еще не былъ приведенъ въ исполненіе персидскимъ правительствомъ, и потому Александръ получилъ возможность одержать блестящую побѣду при Граникѣ. Другаго полководца, конечно, увлекла бы далѣе свѣжая, только что пріобрѣтенная слава, но Александръ не поддался искушенію. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать разбитаго непріятеля, онъ пошелъ назадъ и обратилъ всѣ свои усилія противъ приморскихъ городовъ. Ему нужно было отрѣзать персидскій флотъ отъ гаваней, въ которыхъ онъ находилъ убѣжище и запасы. Города сдавались одинъ за другимъ; упорнѣе прочихъ держался Галикарнассъ, защищаемый Аѳиняниномъ Эфіальтомъ. Эфіальтъ былъ убитъ, и Галикарнассъ отворилъ ворота побѣдителю. Впрочемъ, Македонцы были обязаны своими быстрыми успѣхами въ Малой Азіи не одному оружію. Александръ явился тамъ не какъ врагъ и иноплеменникъ, а какъ освободитель отъ чужеземнаго ига. Еще предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій совершилъ онъ близъ развалинъ древней Трои великолѣпныя поминки Ахиллу и Патроклу, предшественникамъ своимъ въ нескончаемой распрѣ Запада съ Востокомъ, и связалъ такимъ образомъ свое предпріятіе съ эпическими преданіями греческаго міра. Находившіеся подъ персидскимъ владычествомъ мало-азіатскіе города получили отъ него обѣщаніе политической самостоятельности. Богамъ каждаго изъ племенъ, чрезъ земли которыхъ лежалъ побѣдный путь Македонцевъ, были принесены жертвы и по-

клоненіе. Однимъ словомъ, онъ вызвалъ къ жизни почти утраченныя надежды давно уже отвыкшихъ отъ независимости народностей. Въ особенности привлекъ онъ къ себѣ много сердецъ тѣмъ уваженіемъ, какое вездѣ оказывалъ мѣстнымъ религіознымъ вѣрованіямъ, на которыя не безъ презрѣнія смотрѣли Персы.

Битва при Иссѣ была еще рѣшительнѣе Граникской. Персидскій царь долженъ былъ бѣжать съ поля сраженія, оставляя юному побѣдителю свои сокровища и свое семейство. Къ довершенію несчастія Персовъ, Мемнона уже не было въ живыхъ. Но Александръ оставался вѣренъ своему плану и не соблазнился возможностію овладѣть столицами Дарія. Онъ пошелъ вдоль береговъ Сиріи и продолжалъ отбирать города. Одинъ только Тиръ оказалъ ему сопротивленіе; семь мѣсяцевъ длилась осада, въ которой истощены были всѣ средства военной науки древнихъ. Съ паденіемъ Тира кончилась опасность, грозившая Александру: персидскаго флота не стало. Финикіяне отозвали свой участокъ; остальныя персидскія суда не имѣли болѣе значенія. Такимъ образомъ, на сушѣ Александръ уничтожилъ персидскій флотъ и планъ Мемнона.

Завоеваніе Египта не представило Александру почти никакихъ трудностей. Здѣсь еще живо и памятно было кровавое нашествіе Артаксеркса-Оха; свѣжа и глубока была ненависть къ Персамъ. Александръ не оскорбилъ народныхъ святынь и обычаевъ Египта. Онъ поклонился Апису, почтительно бесѣдовалъ съ жрецами и поставилъ начальниками отдѣльныхъ областей номарховъ, взятыхъ изъ Египтянъ; только военное и финансовое управленіе края ввѣрилъ онъ Грекамъ и Македонцамъ. На западъ отъ нильской дельты угадалъ онъ всемірно-историческое мѣсто, на которомъ воздвигнулъ Александрію. Если бы онъ не совершилъ ничего другаго, то одного этого дѣла было бы довольно для того, чтобы упрочить за нимъ названіе великаго, потому-что Александріи суждено было въ продолженіи многихъ вѣковъ быть складочнымъ мѣстомъ не только всемірной торговли, но всемірной образованности. Сюда сошлись для долгой, вѣковой бесѣды идеи Запада и Востока.

Походъ Александра въ Ливійскій оазисъ, гдѣ находилось знаменитое прорицалище Аммона-Ра, подалъ поводъ ко многимъ толкамъ и недоразумѣніямъ, какъ въ древности, такъ и въ новое время. Съ какою цѣлью ходилъ македонскій завоеватель чрезъ знойныя степи, нѣкогда засыпавшія песками своими войска Камбизовы? Неужели ученикъ Аристотеля могъ дорожить суетнымъ названіемъ сына Аммонова, которое дали ему жрецы таинственнаго божества пустыни? или ему нужно было новое средство дѣйствовать на суевѣріе толпы? Смѣемъ думать, что въ этомъ случаѣ участвовали оба побужденія. О рожденіи Александра уже ходили странные слухи между его соотечественниками. Мать его Олимпія слыла волшебницею. Македонцы говорили, что она родила Александра отъ Зевса, а не отъ Филиппа, который по этому не любилъ ни жену, ни сына. Свидѣтельство Аммонова оракула сообщило новое значеніе этимъ толкамъ. Самъ Александръ, впрочемъ, не былъ чуждъ суевѣрія. Извѣстно, съ какою радостію принялъ онъ слово

Иноіи, назвавшей его неодолимымъ. Онъ посѣтилъ нарочно Гордіумъ, дабы разсѣчь тамъ узелъ, съ которымъ было связано предсказаніе о владычествѣ надъ Азіею. Онъ желалъ напередъ оправдать народныя предчувствія, хотѣлъ, чтобы на него смотрѣли какъ на совершителя того, что уже давно было предсказано богами. Политическій разсчетъ и глубокое пониманіе Востока совпадали здѣсь съ собственнымъ поэтически-религіознымъ настроеніемъ духа. Принося жертвы и поклоненіе разнообразнымъ божествамъ тѣхъ странъ, въ которыя проникло его оружіе, Александръ удовлетворялъ двоякой потребности. Съ одной стороны, побѣжденные имъ народы забывали его иноплеменное происхожденіе и смотрѣли на него, какъ на единовѣрца. Съ другой, таинственные миоы восточныхъ религій влекли къ себѣ умъ, стоявшій высоко надъ сухимъ скептицизмомъ, который тогда господствовалъ въ Греціи.

По ту сторону Тигра, не далеко отъ Арбелъ, далъ Александръ послѣднюю битву Дарію. У Дарія было по крайней мѣрѣ вдесятеро болѣе войскъ, чѣмъ у его противника. Греческіе наемники и самыя воинственныя племена персидскаго государства были еще разъ призваны вмѣстѣ къ защитѣ Кировой монархіи. Смѣлый и опытный Парменіонъ оробѣлъ при видѣ многочисленныхъ враговъ. Онъ совѣтовалъ Александру начать битву ночью и получилъ въ отвѣтъ, что побѣды скрывать не должно. Завистники и враги Александра говорили, что онъ обязанъ бо̀льшею частью своей славы полководцамъ, которыхъ образовалъ для него Филиппъ. Александръ могъ по праву сказать объ Арбельской, самой трудной изъ одержанныхъ имъ дотолѣ побѣдъ, что онъ выигралъ ее самъ. Дѣло было потеряно, когда личное мужество и распорядительность молодаго царя возстановили сраженіе и обратили его въ пользу Македонцевъ. Успѣхъ былъ тѣмъ значительнѣе, что Персы бились съ бо̀льшею храбростію, чѣмъ когда либо. Ихъ конница ворвалась въ ряды македонской пѣхоты; фаланга была разстроена; лѣвое крыло подъ начальствомъ Парменіона почти разбито. Смѣлый напоръ праваго крыла, предводимаго самимъ царемъ, измѣнилъ ходъ дѣла и былъ причиною совершеннаго пораженія Персовъ. На этотъ разъ зависть должна была умолкнуть и признать въ Александрѣ достойнаго вождя побѣдителей. Война казалась почти конченною. Лучшія земли Дарія находились во власти его враговъ; за нимъ оставались только бѣдныя, но населенныя воинственными племенами, области сѣверовосточной Персіи. Утомленные Македонцы и Греки требовали раздѣла богатой и готовой добычи. Но въ умѣ Александра зрѣли другія намѣренія. Онъ призвалъ къ себѣ знатныхъ Персовъ и объявилъ, что въ его царствѣ не можетъ быть различія между побѣдителями и побѣжденными, что и тѣ и другіе должны слиться въ одну народность, подъ сѣнь одной высшей цивилизаціи. Идея была безконечно велика: но могли ли современники возвыситься до нея? не говорю уже о македонскихъ офицерахъ, которые громко роптали на того, кто по ихъ мнѣнію отнималъ у нихъ купленную ихъ кровью добычу, и смотрѣли на Персовъ какъ на рабовъ. Изъ самой Греціи раздались обвинительные, исполненные упрековъ голоса. Даже Аристотель счелъ нужнымъ предостеречь своего ученика и

написалъ къ нему письмо, въ которомъ доказывалъ невозможность равенства между Греками и варварами. Эту же мысль, но еще яснѣе, высказалъ Стагирскій философъ въ знаменитомъ твореніи своемъ о политикѣ. Онъ говоритъ, что сама природа провела рѣзкую черту между народами, „предназначивъ однихъ къ господству, а другихъ къ вѣчному рабству“. Лучше нельзя было выразить отношеніе Эллина къ иноплеменнику, съ точки зрѣнія перваго; Александръ понималъ эти отношенія иначе и выше. Для него, уже переступившаго чрезъ рубежъ завѣтныхъ греческихъ воззрѣній, различіе между Эллиномъ и варваромъ не имѣло другаго значенія, кромѣ высшей и низшей образованности. Онъ хотѣлъ удѣлить своимъ новымъ подданнымъ часть тѣхъ духовныхъ благъ, которыя до него были исключительнымъ достояніемъ одного народа. Разумѣется, что такой образъ дѣйствій долженъ былъ доставить ему любовь и признательность покоренныхъ племенъ, но онъ не могъ не вызвать сильнаго неудовольствія со стороны Македонцевъ и Грековъ, обиженныхъ непонятнымъ для нихъ уравненіемъ политическихъ правъ.

Чѣмъ далѣе шелъ Александръ этимъ путемъ, съ котораго онъ не сходилъ уже во все продолженіе своей жизни, тѣмъ сильнѣе подымалось противъ него негодованіе его воиновъ. Оно не замедлило, какъ увидимъ, выразиться въ преступныхъ замыслахъ на жизнь молодаго царя. Недовольные его мѣрами люди ставили ему въ вину уваженіе, какое онъ оказывалъ чужимъ богамъ, и называли жертвы, принесенныя имъ въ Мемфисѣ и Вавилонѣ, отступничествомъ отъ чистаго эллинизма. За то въ персидскихъ преданіяхъ объ немъ сохранилось слѣдующее выраженіе: „онъ чтилъ боговъ всѣхъ народовъ, но самъ, казалось, поклонялся единому, высшему божеству“. Въ самомъ дѣлѣ душа его жадно стремилась къ религіозной истинѣ и упорно искала ея подъ загадочными символами, въ которые восточная фантазія облекаетъ самыя возвышенныя чаянія свои. Но могъ ли образованный Грекъ того времени оцѣнить такую потребность духа и не назвать ее суевѣріемъ или притворствомъ?

Краткость отмѣреннаго мнѣ времени не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, войти въ нѣкоторыя подробности о походахъ Александра въ сѣверовосточныхъ областяхъ Даріева государства. Нигдѣ не обнаружился въ такой степени предпріимчивый геній Македонскаго завоевателя. Ему предстояла двоякая борьба съ воинственными жителями и съ негостепріимною природою тѣхъ странъ. Безъ предварительнаго знанія мѣстностей, безъ картъ, безъ надежныхъ проводниковъ, покорилъ Александръ земли, составляющія нынѣшній Туркестанъ, и не остановился предъ ущельями Индѣйскаго Кавказа. Но ему недостаточно было побѣдъ и внѣшней покорности со стороны завоеванныхъ съ такими трудами народовъ. Онъ заставилъ ихъ дѣйствительно примкнуть къ своему новому государству и связалъ ихъ съ нимъ цѣпью названныхъ большею частію по его имени колоній. На сѣверномъ берегу Яксарта возникла новая Александрія. Нѣсколько городовъ выстроилъ онъ въ другихъ, съ глубокимъ пониманіемъ географическихъ условій выбранныхъ, мѣстахъ и поселилъ тамъ македонскихъ и греческихъ ветерановъ, которымъ

даны были обширныя земли и большія льготы. Эти заброшенныя на далекій Востокъ колоніи служили передовыми постами греческой цивилизаціи и проводили далѣе тѣ идеи, которыхъ главнымъ сосудомъ былъ самъ Александръ.

Но въ то самое время, когда онъ совершалъ вычисленныя нами вкратцѣ дѣла, на него со всѣхъ сторонъ сыпались обвиненія въ измѣнѣ обычаямъ родины, въ жестокости и изнѣженности. Отвѣтомъ на послѣдній упрекъ могутъ служить его походы, въ которыхъ онъ несъ всѣ труды и опасности наравнѣ съ простыми воинами. Но мы не въ правѣ пройти молчаніемъ слуховъ, распространившихся тогда о жестокости Македонскаго царя. Александръ принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей, которыхъ всѣ качества и недостатки по вліянію своему подлежатъ суду исторіи. Въ доказательство его жестокости обыкновенно приводятъ три случая, которые всѣ относятся къ эпохѣ окончательнаго покоренія послѣднихъ персидскихъ областей, именно: смерть Филота и Парменіона, убійство Клита и участь философа Калисѳена. Я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить участіе Александра въ этихъ событіяхъ, доселѣ лежащихъ темными пятнами на его славѣ.

Парменіонъ оказалъ важныя услуги Македоніи еще при Филиппѣ. Въ войскѣ, покорившемъ Персію, онъ безспорно занималъ первое послѣ царя мѣсто. Сынъ его, Филотъ, былъ ровесникъ Александру и товарищъ его дѣтства. Оба они, отецъ и сынъ, принадлежали къ числу генераловъ, недовольныхъ участіемъ, которое Персы получили въ управленіи государствомъ, и не скрывали своихъ мнѣній. Гордясь высокимъ положеніемъ и прежними заслугами, они стали во главѣ оппозиціи и не только поддерживали ропотъ въ войскѣ, но приняли личное участіе въ составленномъ противъ царя заговорѣ. Вина ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Филотъ былъ казненъ по приговору наряженнаго надъ нимъ суда. Парменіонъ былъ убитъ посланными къ нему гонцами, потому что огромныя средства, которыя были въ рукахъ стараго полководца, дѣлали невозможнымъ открытое исполненіе состоявшагося также и надъ нимъ приговора.

Смерть Клита показываетъ въ самомъ ясномъ видѣ трудныя отношенія Александра къ его генераламъ. Мы уже замѣтили выше, что они были большею частію воспитаны въ школѣ Филиппа и лѣтами старѣе Даріева побѣдителя, на котораго они смотрѣли какъ на неблагодарнаго ученика своего. Они ставили ему въ укоръ всякое отступленіе отъ умной, но неприложимой къ огромнымъ размѣрамъ новаго государства политики его отца. Геніальные замыслы Александра казались имъ несбыточными грезами самолюбиваго юноши. Намъ уже извѣстно ихъ мнѣніе объ его обращеніи съ побѣжденными народами. Къ числу такихъ ограниченныхъ, грубыхъ, но храбрыхъ и въ сущности преданныхъ царю начальниковъ македонской арміи принадлежалъ Клитъ. Особенныя заслуги дали ему право громче, чѣмъ другіе, обнаруживать свое мнѣніе. Однажды на пиру, гдѣ, по македонскому обычаю, безпрестанно ходили кругомъ кубки съ виномъ, Клитъ разгорячился до того, что вышелъ изъ предѣловъ приличія. Онъ осыпалъ бывшаго тутъ же Александра насмѣшками, упрекалъ его въ неблагодарности

къ вѣрнымъ слугамъ и въ пристрастіи къ восточнымъ льстивымъ царедворцамъ, доказывая ему притомъ, что онъ несравненно ниже отца своего, Филиппа. Терпѣніе Александра истощилось, онъ вскочилъ и потребовалъ оружія. Друзья вывели вонъ пьянаго Клита. Но онъ успѣлъ уйти отъ нихъ, возвратился назадъ и пропѣлъ Александру сложенную на него въ Греціи оскорбительную пѣсню. Тогда царь вырвалъ у стоявшаго на часахъ воина копье и бросилъ имъ въ Клита. Вслѣдъ за поступкомъ наступило горькое раскаяніе. Александръ, въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей, не отходилъ отъ трупа, плакалъ и не хотѣлъ принимать пищи. Его едва удержали отъ самоубійства. Ни въ какомъ случаѣ здѣсь нельзя найти холодной и обдуманной жестокости. Это было ни что иное, какъ взрывъ страстной и нетерпѣливой природы.

Печальная участь Калисѳена также не можетъ служить поводомъ къ обвиненію на Александра. Этотъ философъ, родственникъ Аристотеля, по просьбѣ котораго Александръ взялъ его съ собою въ персидскій походъ, былъ представителемъ худшихъ направленій тогдашней греческой науки. Онъ былъ риторъ и софистъ, замѣнявшій отсутствіе нравственныхъ убѣжденій и недостатокъ основательнаго знанія звонкими фразами о добродѣтели и діалектическою ловкостію. При дворѣ Александра онъ сначала отличался наглымъ ласкательствомъ, которое наконецъ надоѣло царю. Обиженный философъ присталъ тогда къ партіи недовольныхъ и своими рѣчами сильно дѣйствовалъ на юношей изъ знатныхъ македонскихъ фамилій, которые служили въ царской гвардіи. Нѣкоторые изъ нихъ составляли заговоръ съ цѣлью убить Александра. Преступный умыселъ былъ открытъ, и нравственное участіе Калисѳена обличено, хотя и не было доказано, что онъ лично принадлежалъ къ числу заговорщиковъ. Калисѳенъ, по самымъ достовѣрнымъ изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, умеръ въ заключеніи, во время Индѣйскаго похода. Александръ повидимому хотѣлъ предать его суду по возвращеніи въ Европу, въ присутствіи Аристотеля, который впрочемъ едва ли оправдывалъ тщеславнаго и ничтожнаго родственника своего, преображеннаго впослѣдствіи въ мученика истины. Я счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Александра противъ его порицателей, хотя съ другой стороны нельзя не допустить, что на той почти недосягаемой высотѣ могущества и славы, на какой онъ стоялъ, ему трудно было сохранить прежнюю чистоту нрава и не отвѣчать строгими мѣрами тупой и безсмысленной оппозиціи, которая противилась его лучшимъ начинаніямъ и клеветала на самыя благородныя его намѣренія. Могъ ли онъ, напримѣръ, не уронивъ своего достоинства предъ новыми подданными, избавить Македонцевъ отъ соблюденія тѣхъ придворныхъ обрядовъ, которые долженъ былъ ввести, дабы не стать ниже прежнихъ персидскихъ царей во мнѣніи подвластныхъ ему и дорожившихъ внѣшними знаками величія народовъ Востока? А между тѣмъ это нововведеніе сдѣлалось предметомъ самыхъ ѣдкихъ насмѣшекъ и желчныхъ нареканій, какъ въ войскѣ его, такъ и въ цѣлой Греціи. Понятно, что страсти его должны иногда были брать верхъ надъ природнымъ великодушіемъ и надъ презрѣніемъ, какое внушало ему слабо-

уміе противниковъ. Но чтобы оцѣнить вполнѣ его превосходство надъ окружавшимъ его міромъ, стоитъ только вспомнить о совѣтахъ, какіе давалъ ему соперникъ Калисѳена, софистъ Анаксархъ.

Послѣднимъ великимъ предпріятіемъ Александра былъ его походъ въ Индію. Съ неслыханными трудами и опасностями провелъ онъ свои войска чрезъ горы Паропамизуса и чрезъ Пенджабъ, страну, которой жители искони славились воинственнымъ характеромъ, въ наше время стоившимъ столько крови и усилій Англичанамъ. Онъ поставилъ надъ этими племенами своихъ намѣстниковъ и основалъ нѣсколько городовъ съ греческимъ населеніемъ. Македонцы совершили все, что можно было сдѣлать въ предѣлахъ силъ человѣческихъ. У нихъ не осталось ни лошадей, ни одежды, ни обуви; даже мечи ихъ притупились отъ ежедневныхъ сѣчъ. Одинъ Александръ не раздѣлялъ общей усталости и унынія, всѣми овладѣвшаго. Предъ нимъ открывалась уже великолѣпная долина Гангеса, представляющая легкую добычу завоевателю. Но войска Александра пришли въ отчаяніе, они не могли поспѣть за смѣлою мыслію вождя и отказались идти далѣе, тѣмъ болѣе что между ними ходили ложные слухи о новыхъ опасностяхъ и битвахъ, которыя ихъ ожидали у самой цѣли похода. На берегу Гифазиса объявили они свое рѣшеніе царю, котораго всѣ усилія склонить ихъ къ привычной покорности были тщетны. Съ горькимъ чувствомъ уступилъ онъ ихъ волѣ, поставилъ двѣнадцать колоссальныхъ жертвенниковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановить побѣдное шествіе свое, и возвратился назадъ. Обратный путь его лежалъ чрезъ другія, дотолѣ почти неизвѣстныя путешественникамъ страны. Часть его арміи пошла чрезъ нынѣшніе Кандагаръ и Систанъ, другая отправилась на судахъ, нарочно для этого выстроенныхъ и ввѣренныхъ ученому Неарху, который получилъ приказаніе спуститься внизъ по Инду до его устьевъ и потомъ продолжать плаваніе до Евфрата. Цѣль экспедиціи заключалась въ изслѣдованіи и описаніе береговъ. Самъ Александръ во главѣ третьяго отряда избралъ путь чрезъ страшныя пустыни Белуджистана. Шестьдесятъ дней продолжался этотъ переходъ, и двѣ трети Александровыхъ спутниковъ погибли въ пескахъ непроходимой пустыни. Трудно понять, какъ могли спастись остальные.

А между тѣмъ вѣсть о смерти Александра разнеслась повсюду. Оставленные имъ въ завоеванныхъ областяхъ правители не думали о его возвратѣ и позволяли себѣ злоупотребленія всякаго рода. Македонцы и Греки грабили и притѣсняли туземцевъ; персидскіе сановники замышляли свергнуть съ себя владычество иноплеменниковъ. Въ доказательство тогдашняго безпорядка я приведу поступокъ хранителя царской казны, Гарпала. Расточивъ на оргіи, въ которыхъ соединялась греческая изобрѣтательность съ восточнымъ великолѣпіемъ, баснословныя суммы ввѣренныхъ ему денегъ и услышавъ о приближеніи царя, онъ бѣжалъ въ Аѳины, увозя съ собою около девяти милліоновъ руб. серб. на наши деньги, которые, принявъ въ основаніе тогдашнюю цѣнность благородныхъ металловъ, соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ 50 милліонамъ. Прикрытіемъ Гарпалу служили шесть тысячъ нанятыхъ имъ Грековъ. Возвратъ Александра былъ ознаменованъ не одними

наказаніями виновныхъ сановниковъ, но болѣе крѣпкой организаціею новаго государства. Сѣмена, прежде брошенныя завоевателемъ, начали приносить плодъ. 30,000 молодыхъ Персовъ, обученныхъ, по его приказанію, греческому языку и военному порядку, вступили подъ оружіе и образовали свѣжее, безгранично ему преданное войско. Изъ утомленныхъ совершенными походами Македонцевъ, нѣкоторые возвратились на родину, другіе вступили, по желанію царя, въ супружество съ дочерями богатыхъ Персовъ и положили начало сліянію обѣихъ національностей. Народы, по словамъ древняго писателя, забыли прежнія вражды и жадными устами прильнули къ поданному имъ кубку любви. Приготовленія къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ шли своимъ чередомъ. На Евфратѣ снаряжался огромный флотъ, котораго назначеніе было покорить Аравійскій полуостровъ, на южномъ берегу котораго Александръ уже собирался строить городъ. Другая экспедиція должна была обогнуть Африку и воротиться назадъ съ запада, чрезъ Иракловы Столбы, тѣмъ же путемъ, какимъ нѣкогда ходили отважные Финикійцы по порученію египетскаго Нехао. На Каспіи строились суда, которымъ назначено было изслѣдовать сѣверные берега этого почти невѣдомаго Грекамъ моря. Ученая любознательность соединялась въ этихъ случаяхъ съ торговыми разсчетами и планами новыхъ завоеваній. Александръ лично намѣренъ былъ вести сухопутное войско вдоль сѣвернаго берега Африки на покореніе Карѳагена и народовъ юго-западной Европы. Со всѣхъ сторонъ приходили къ нему посольства, свидѣтельствовавшія о славѣ его, дошедшей до самыхъ далекихъ, равнодушныхъ къ событіямъ греческой исторіи племенъ. Карѳагенецъ, Скиѳъ, Кельтъ и представители разныхъ народовъ Италіи сошлись въ Вавилонѣ какъ бы для того, чтобы напередъ взглянуть на будущаго властителя. Никогда еще не было такого живаго, дѣятельнаго сообщенія между разсѣянными по землѣ членами человѣческой семьи. Но дни Александра уже шли къ концу. Онъ проводилъ въ могилу лучшаго изъ друзей своихъ Эфестіона, одного изъ немногихъ, которые вполнѣ его понимали. Глубокая скорбь этой утраты соединилась съ тяжелыми трудами и вѣроятно была причиною болѣзни, отъ которой умеръ Александръ. Ему еще не было 33 лѣтъ отъ рожденія. Онъ зналъ, какая участь готовится его государству, и предсказалъ себѣ кровавую тризну.

Пробѣгая мыслію вѣка, лежащіе за нами, мы не найдемъ лица, котораго историческая дѣятельность по объему и вліянію могла бы сравниться съ Александровой. Онъ стоитъ посредникомъ и примирителемъ между Западомъ и Востокомъ. Онъ открылъ цѣлымъ народамъ пути, по которымъ до него ходили только немногіе смѣлые путешественники. Въ этомъ отношеніи у него нѣтъ другаго соперника, кромѣ Колумба. Греки знали хорошо западныя части Азіи: о сѣверо-восточныхъ областяхъ Персидскаго государства, о краяхъ пограничныхъ Индіи у нихъ были въ ходу самыя нелѣпыя басни. Александръ внесъ эти огромныя пространства въ область положительной географіи и открылъ испытующему уму Запада новую природу, несходную съ его развитіемъ исторію и цѣлый міръ самобытныхъ религіозныхъ идей и нравственныхъ представленій. Торговля и наука овладѣли землями,

дотолѣ лежавшими внѣ общенія человѣческаго. Въ свою очередь Востокъ глубоко принялъ въ себя вліяніе Даріева побѣдителя. Окаменѣлыя формы его жизни пришли въ движеніе; лежавшія праздно въ глубинѣ народнаго сознанія и неясныя самимъ себѣ идеи, составлявшія отстой прежняго, остановившагося развитія, поднялись наружу отъ прикосновенія европейской мысли и сообщили этой мысли небывалое богатство и полноту. Безъ Александріи не было бы настоящей образованности.

Всматриваясь пристальнѣе въ лицо Александра, нельзя не замѣтить, что природа соединила въ немъ самыя противоположныя между собою свойства: математическую точность ума и пламенное воображеніе поэта; крѣпкую волю мужа съ юношескою мягкостію и впечатлительностію. Наканунѣ битвы онъ хладнокровно вычислялъ всѣ условія кровавой игры, но въ рѣшительный часъ онъ становился горячимъ бойцомъ и кидался въ сѣчу, какъ любимцы его, гомерическіе герои. Мистическія вѣрованія Азіи и строгая наука Европы находили въ немъ равное сочувствіе. Здѣсь не мѣсто вычислять все сдѣланное имъ для успѣховъ нашего знанія. Достаточно будетъ напомнить вамъ о его постоянной связи съ Аристотелемъ, которому онъ присылалъ всякаго рода пособія для его изслѣдованій. Въ самую трудную пору его жизни, во время Индѣйскаго похода, мысль его не была исключительно занята предстоявшими опасностями. Онъ писалъ въ Вавилонъ, чтобы ему выслали оттуда книгъ для чтенія, въ особенности трагиковъ и философовъ.

Востокъ не забылъ о немъ до сихъ поръ. Почти на всѣхъ языкахъ Азіи сохранились сказанія объ Александрѣ. Объ немъ поютъ древнія пѣсни Арабовъ и разсказываютъ преданія еврейскаго народа. Персы внесли его въ число героевъ своего народнаго эпоса. Персидскій поэтъ говоритъ, что Искандеръ былъ родомъ Персъ и только случайно родился на европейской почвѣ. Востокъ не хочетъ уступить намъ своего завоевателя. Странствуя по пустынямъ средней Азіи, европейскій путешественникъ безпрестанно слышитъ странные намеки на Искандера. Въ Туркестанѣ его считаютъ строителемъ великихъ городовъ и зданій, которыхъ развалины свидѣтельствуютъ о прежнемъ богатствѣ края. Даже въ унылой пѣснѣ кочеваго Монгола слышится иногда отголосокъ зашедшихъ въ эти степи разсказовъ о великомъ Искандерѣ. Западъ не отсталъ отъ Востока. Въ памятникахъ средневѣковой литературы историческія свидѣтельства о Македонскомъ завоевателѣ соединены съ баснословными примѣсями, по которымъ видно, что эти преданія прошли чрезъ уста народа. Ему приписывается между прочимъ покореніе Британіи. Рыцарская эпопея овладѣла въ свою очередь предметомъ столь богатымъ и можно сказать сродственнымъ ей по содержанію. Въ многостороннемъ характерѣ Александра есть дѣйствительно черты чистаго, чуждаго античному міру рыцарства. Я напомню Вамъ только объ обращеніи его съ плѣннымъ семействомъ Дарія. Древній человѣкъ не уступалъ новому въ великодушіи, но почтительное обращеніе съ женщинами не входило въ его нравы. У всѣхъ племенъ латино-германской Европы есть романы объ Александрѣ Великомъ, составляющіе особый циклъ въ эпической поэзіи Среднихъ вѣковъ. Но подобно тѣмъ македонскимъ дружинамъ, которыя остано-

вились отъ изнеможенія на берегахъ Гифазиса и не пошли далѣе къ неизвѣстной имъ, одному лишь вождю вѣдомой цѣли, фантазія поэтовъ не можетъ слѣдить за дѣйствительными подвигами героя и ищетъ имъ объясненія внѣ предѣловъ, которыми ограничены человѣческіе замыслы. Персы говорятъ, что Александръ завоевалъ міръ, отыскивая таинственную страну, въ которой бьетъ живымъ ключемъ вода безсмертія. Въ нѣмецкой поэмѣ Лампрехта (XIII ст.), поэтъ христіанинъ толкуетъ съ другой точки зрѣнія внутреннюю тревогу, которая отражалась въ непрерывной и страстной дѣятельности Александра. Владычество надъ міромъ не было достаточною цѣлью для его подвиговъ. Онъ хотѣлъ дойти до рая и внимать земнымъ слухомъ пѣнію ангеловъ.

Позвольте мнѣ кончить эту затянувшуюся, можетъ быть, слишкомъ долго бесѣду. Я представилъ Вамъ только блѣдный очеркъ Александровой дѣятельности. При всемъ томъ меня, можетъ быть, обвинятъ въ пристрастіи. Я самъ готовъ въ немъ признаться; но прибавлю, что историку, внимательно изучающему памятники, которые содержатъ въ себѣ подробности о жизни и дѣлахъ Македонскаго завоевателя, трудно устоять противъ собственнаго увлеченія, трудно не поддаться обаянію этого властительнаго даже за гробомъ лица. Судьба была къ нему благосклоннѣе, чѣмъ къ кому либо изъ другихъ своихъ любимцевъ: она дала ему совершить всемірно-историческій подвигъ и рано свела его съ поприща, какъ будто для того, чтобы въ памяти народовъ сохранился, во всей юношеской прелести своей, его поэтическій образъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЛУДОВИКЪ IX.

Мы привыкли разумѣть подъ именемъ Среднихъ вѣковъ тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе Западной Римской имперіи отъ открытія Новаго Свѣта и начала Реформаціи. Но идеи и формы, составляющія характеристическую особенность Средняго вѣка, принадлежатъ не всѣмъ отдѣламъ этого обширнаго періода. Феодализмъ, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готическіе соборы, поэзія трубадуровъ и миннезенгеровъ, однимъ словомъ, главныя явленія, въ которыхъ вполнѣ сказалось внутреннее содержаніе средневѣковой исторіи, составляющія какъ бы цвѣтъ и плодъ ея, развились большею частію не ранѣе XI и отцвѣли къ концу XIII столѣтія. Пять предшествующихъ вѣковъ можно назвать періодомъ образованія, приготовленія отличительныхъ формъ средневѣковой жизни; два послѣдніе вѣка, XIV и XV, представляютъ намъ эпоху разложенія; они служили переходомъ къ новой исторіи.

Не трудно будетъ угадать общій характеръ того общества, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, взглянувъ на него съ его наружной стороны. Перенеситесь мыслію въ любое изъ государствъ тогдашней Европы, бросьте на него хоть бѣглый взглядъ, и Вы тотчасъ поймете, что война составляетъ главное занятіе, почти исключительную заботу всего населенія. Начнемъ съ городовъ, этихъ средоточій дѣятельной жизни и промышленности для народовъ древняго и новаго міра. Средневѣковой городъ обнесенъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ. На колокольнѣ или башнѣ стоитъ недремлющій сторожъ, озирающій безпокойными глазами окрестность. Отдѣльные дома похожи на крѣпости. Чрезъ улицы, на ночь, протягиваются цѣпи. Это обиліе предосторожностей обличаетъ вѣчную опасность, постоянную возможность нападенія. Врагъ грозитъ отвсюду. Когда его нѣтъ внѣ города, купившаго деньгами или кровью минутный покой у сосѣднихъ бароновъ, тогда онъ подымается внутри стѣнъ: цехи воюютъ съ патриціями, одна часть общины идетъ на другую. Переходя отъ городскаго къ сельскому населенію, мы встрѣтимъ тѣже явленія. Почти каждый холмъ, каждая крутая возвышенность увѣнчана крѣпкимъ замкомъ, при постройкѣ котораго, очевидно, не удобство жизни, не то, что̀ мы теперь называемъ комфортомъ, а безопасность была главной цѣлью. Воинственный характеръ общества рѣзко отразился на этихъ зданіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ желѣзнымъ доспѣхомъ, составляли необходимое условіе феодальнаго существованія. Къ высокимъ башнямъ господскаго замка робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и покровительства хижины виллановъ. Даже обители мира, монастыри, не всегда представляли надежное убѣжище своимъ жителямъ. Подобно городу и замку, монастырь былъ часто окруженъ укрѣпленіями, свидѣтельствовавшими, что святое назначеніе мѣста недостаточно защищало его противъ хищности окрестныхъ владѣльцевъ или наемныхъ дружинъ, которыя въ мирное время обращались въ разбойничьи шайки. Внутреннее содержаніе соотвѣтствовало наружному виду. Въ средневѣковой Европѣ не было народовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а были враждебныя между собою сословія, которыхъ начало восходитъ къ эпохѣ распаденія Западной Римской имперіи и занятія ея областей германскими племенами. Изъ пришельцевъ образовались почти исключительно высшіе, изъ покореннаго, или туземнаго населенія — низшіе классы новыхъ государствъ. Насильственное основаніе этихъ государствъ провело рѣзкую черту между ихъ составными частями. Граждане французской общины принимали къ сердцу дѣла нѣмецкихъ или итальянскихъ городовъ, но у нихъ не было почти никакихъ общихъ интересовъ съ феодальною аристократіею собственнаго края. Въ свою очередь баронъ рѣдко унижалъ себя сознаніемъ, что въ городѣ живутъ его соотечественники. Онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ, и едва ли съ бо̀льшимъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на беззащитнаго и безправнаго виллана. При такихъ особенностяхъ быта, у каждаго сословія должно было развиться собственное воззрѣніе на всѣ жизненныя отношенія и высказаться въ литературѣ. Рыцарскія эпопеи проникнуты этимъ исключительнымъ духомъ. Возьмите любой романъ Каролингскаго или прочихъ цикловъ: Вы увидите, что въ немъ нѣтъ и не мо-

жетъ быть мѣста героямъ другаго сословія, кромѣ феодальнаго. Тоже самое можно сказать о рыцарской лирикѣ. Она поетъ не простую, доступную каждому человѣческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственнаго быта, понятное только рыцарю, да еще можетъ быть горожанамъ южной Франціи и Италіи. За то среди городскаго населенія процвѣтала своя, непріязненная феодализму литература. Здѣсь то родилась сказка (fabliau), въ которой язвительный и сухой умъ горожанина осмѣивалъ не одни только идеи и доблести, составлявшія какъ бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще всѣ идеалы, всѣ поэтическія стороны Средняго вѣка. Въ труверахъ можно узнать праотцевъ Рабле и Вольтера.— Была повидимому одна сфера, гдѣ усталый раздоромъ и войною умъ находилъ покой и примиреніе. Мы говоримъ о наукѣ, выросшей подъ сѣнью западныхъ монастырей и носящей названіе схоластики. Это имя, означающее собственно науку Среднихъ вѣковъ, не пользуется большимъ почетомъ въ наше время. Подъ нимъ привыкли разумѣть пустыя, лишенныя живаго содержанія діалектическія формы. Не такова была схоластика въ эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственныхъ битвъ столь же смѣлая и воинственная, какъ то общество, среди котораго ей суждено было совершить свое развитіе. Заслуга и достоинство схоластики заключается именно въ ея молодой отвагѣ. Бѣдная положительнымъ знаніемъ, она была исполнена вѣры въ силы человѣческаго разума и думала, что истину можно взять съ бою, какъ феодальный замокъ, что для смѣлой мысли нѣтъ ничего невозможнаго. Не было вопроса, предъ которымъ она оробѣла бы, не было задачи, предъ которой она сознала бы свое безсиліе. Она, разумѣется, не рѣшила этихъ вопросовъ и задачъ, поставленныхъ роковою гранью нашей любознательности, но воспитала въ европейской наукѣ благородную пытливость и крѣпкую логику, составляющія ея отличительныя примѣты и главное условіе ея успѣховъ. Вотъ права схоластики на вѣчную признательность новыхъ поколѣній, хотя намъ нечему болѣе учиться въ огромныхъ фоліантахъ, которые содержатъ въ себѣ труды средневѣковыхъ мыслителей.

Изъ короткой характеристики, которую я имѣлъ честь Вамъ представить, Вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная дѣйствительностью мысль не обрѣтала покоя и въ той области, гдѣ, по настоящему, должны разрѣшаться всѣ противорѣчія нашего существованія, въ ясномъ сознаніи ихъ примиряющаго закона. Въ наукѣ шла таже борьба, что и въ жизни. Въ концѣ XI столѣтія уже начался споръ между реалистами и номиналистами, отозвавшійся вскорѣ въ богословіи и получившій впослѣдствіи великое значеніе. Въ XIII вѣкѣ, т. е. въ эпоху, о которой мнѣ предстоитъ сегодня бесѣдовать съ Вами, этотъ споръ перешелъ на другую почву. Парижскій университетъ, отстаивая логическій элементъ въ средневѣковой наукѣ, велъ ожесточенную борьбу съ мистическими стремленіями Францисканцевъ и Доминиканцевъ. О направленіи тогдашняго мистицизма можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ сочиненій генерала Францисканскаго ордена, Іоанна Пармскаго. Онъ произноситъ безусловный приговоръ надъ свѣтскимъ государствомъ, надъ семействомъ, надъ собственностью, надъ

внѣшнею дѣятельностью, и призываетъ всѣхъ къ жизни исключительно созерцательной, дабы скорѣе свершились земныя судьбы человѣка. Папа долженъ былъ положить конецъ этимъ преніямъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они находили сочувствіе внѣ школы, въ народныхъ массахъ, жадно принимавшихъ всякое новое ученіе, толкуя его сообразно своимъ понятіямъ. Въ началѣ XIII столѣтія подавлена была ересь Альбигенская. Та же участь постигла нѣмецкихъ Штединговъ и разнообразныя, но равно враждебныя западной церкви секты, возникшія во Фландріи и въ Италіи. Папство одолѣло, опираясь на свѣтскія власти; но побѣжденныя ереси продолжали существовать втайнѣ, не отказывались отъ своихъ надеждъ и ждали только удобнаго случая, дабы возстать съ свѣжею силою. Неужели этому хаотическому, но исполненному безконечной энергіи міру суждено было истощить свои силы въ безвыходныхъ борьбахъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ? Отдѣльный человѣкъ и цѣлое общество равно нуждаются въ порядкѣ и законѣ; для нихъ равно невыносимо безначаліе въ области несвязанныхъ никакимъ единствомъ явленій. Такое единство пытались дать средневѣкому міру вожди его: императоръ и папа. Поставленные развитіемъ исторіи и глубокимъ сознаніемъ нравственныхъ потребностей своего времени во главѣ общественнаго мнѣнія западной Европы, намѣстники Св. Петра стремились къ одной цѣли съ преемниками Карла Великаго. Но каждая изъ этихъ властей требовала себѣ первенства и главной роли въ задуманномъ дѣлѣ. Къ прежнимъ раздорамъ присоединился новый, котораго причиною была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни Римскимъ папамъ, ни Германскимъ императорамъ не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и въ крестовыхъ походахъ. Это движеніе носитъ двоякій характеръ: съ одной стороны, оно было вызвано преобладаніемъ религіознаго чувства, съ другой, современнымъ состояніемъ европейскаго общества. Всѣ тогдашнія сословія съ равнымъ жаромъ устремились въ страну, освященную земною жизнію Искупителя, и каждое несло съ собою свои надежды. Каждое изъ нихъ думало осуществить, на той священной почвѣ, свой политическій идеалъ. Горожане и вилланы уходили отъ феодальнаго гнета; барона манила возможность создать чистое феодальное государство, не стѣсняясь обломками историческихъ учрежденій, уцѣлѣвшихъ въ Европѣ; идеаломъ клерика, возложившаго на себя знаменіе крестоносцевъ, было ѳеократическое государство, не удавшееся Григорію VII. Цѣли эти не были достигнуты. Горько обманутые въ своихъ надеждахъ народы Запада перестали думать о завоеваніи Азіи и устремили свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы. Если бы Европу XIII столѣтія могла привести къ единству одна геніальная личность, то задача была бы скоро рѣшена. Въ такихъ личностяхъ не было недостатка. Вспомните о послѣднемъ императорѣ изъ дома Гогенштауфеновъ, о Фридрихѣ II. Эта странная, можно сказать — страдавшая избыткомъ силъ, личность не нашла себѣ мѣста въ современной ей обстановкѣ. Ни по идеямъ, ни по взгляду на жизнь, Фридрихъ не принадлежалъ тому поколѣнію, среди котораго жилъ, и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ протягивалъ руку людямъ новаго времени.

Отсюда произошли всѣ его неудачи. Великій законодатель, мыслитель, воинъ, поэтъ, стоялъ внѣ своей эпохи, былъ въ ней представителемъ только идей отрицательныхъ, враждебныхъ средневѣковому порядку вещей. Современники ненавидѣли и любили его страстно, но всѣмъ безъ изъятія былъ онъ непонятенъ, всѣмъ равно внушалъ недовѣріе и страхъ. Я приведу здѣсь одинъ многознаменательный примѣръ. Послѣднее войско, которое Фридрихъ велъ въ 1250 г. противъ Рима, состояло большею частію изъ Арабовъ и другихъ магометанскихъ наемниковъ. Надобно однако прибавить, что и Римскіе первосвященники въ борьбѣ съ императорами не всегда употребляли средства, дозволенныя христіанскому пастырю.

Среди этихъ воинственныхъ и бурныхъ поколѣній суждено было дѣйствовать Лудовику IX. Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Лудовика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и славы? Въ великихъ ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ Французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другаго рода. Позвольте мнѣ разсказать Вамъ одно, исполненное дивной красоты средневѣковое сказаніе. Это сказаніе о святой чашѣ (Graal). У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня чаша: изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за тайною вечерею; въ нее же пролилась Божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству, однимъ словомъ, высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ Средняго вѣка. Таковы должны быть блюстители „Граля“. Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей. Въ стремленіи приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ тампліеровъ, страннопріимцевъ и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но всякій орденъ есть общество, слѣдовательно нѣчто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль Среднихъ вѣковъ не могла быть вполнѣ удовлетворена военно-духовными братствами, въ которыхъ отдѣльная личность постоянно стояла ниже возлагаемыхъ на нее требованій и какъ бы оправдывала собственную немощь заслугами цѣлаго ордена. Съ другой стороны намъ извѣстно, какъ рано измѣнили эти ордена своему первоначаль-

ному назначенію и поддались искушеніямъ политическаго могущества и свѣтскихъ наслажденій. Примѣромъ могутъ служить тампліеры. Идеалу средневѣковой доблести суждено было воплотиться въ лицѣ Лудовика IX.

Лудовикъ былъ воспитанъ умною и строгою матерью своею, Бланкою Кастильскою. Всѣ четыре сына ея получили одно воспитаніе; но природныя наклонности взяли верхъ, и юноши вступили въ жизнь съ разными характерами. У нихъ была впрочемъ одна общая черта, состоявшая въ глубокомъ благочестіи. Но у Карла Анжуйскаго даже это высокое свойство обнаруживалось въ какой-то жестокой и мрачной формѣ. Современники почти единогласно говорятъ объ его задумчивомъ и суровомъ нравѣ. По словамъ Дж. Виллани, онъ почти не спалъ, мало ѣлъ и никогда не улыбался. Между памятниками, изображающими время и личность Лудовика IX, особенно замѣчательны два, изъ которыхъ я заимствовалъ большую часть подробностей предлагаемой Вамъ характеристики. Я говорю здѣсь о „Запискахъ Жуанвиля" и „Жизни Св. Лудовика", написанной духовникомъ королевы Маргариты. Главная прелесть и оригинальность Жуанвилевыхъ разсказовъ заключается въ рѣзко выдающейся противоположности между повѣствователемъ и его героемъ. Жуанвиль былъ храбрый рыцарь и, по тогдашнему времени, довольно начитанный человѣкъ, съ простымъ и даже нѣсколько прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Тѣмъ поразительнѣе для внимательнаго читателя тотъ поэтическій отпечатокъ, которымъ, вѣроятно безъ воли и вѣдома автора, отличается его сочиненіе. Жуанвиль простодушно разсказываетъ все видѣнное имъ въ бытность его при Лудовикѣ; но поэзія предмета согрѣла его фразу, сообщила ей красоту и порою возвышенность, какихъ не было въ природѣ самого повѣствователя. Я думаю, что отношенія короля къ сенешалу Шампаніи нельзя лучше объяснить, какъ слѣдующимъ анекдотомъ. Однажды, Лудовикъ, поучая бесѣдою вѣрнаго служителя, спросилъ у него: что̀ бы ты предпочелъ, смертный грѣхъ или проказу? Лучше тридцать грѣховъ, чѣмъ проказу, поспѣшно отвѣчалъ рыцарь, къ крайней печали благочестиваго государя. Жуанвиля нельзя однако упрекнуть въ недостаткѣ религіознаго чувства, но онъ былъ не въ состояніи подняться до той высоты, на какой стоялъ причисленный Западной церковью къ лику святыхъ король Французскій. Читая дошедшія до насъ біографіи послѣдняго, нельзя не спросить себя, гдѣ находилъ онъ время для управленія государствомъ? Ежедневно посѣщалъ онъ всѣ божественныя службы, проводилъ значительную часть дня въ одинокой и горячей молитвѣ, немилосердно бичевалъ себя, читалъ творенія Святыхъ Отцевъ, охотно бесѣдовалъ съ учеными богословами и вообще съ людьми, посвятившими себя наукѣ. Онъ повѣрялъ имъ свои сомнѣнія и требовалъ отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, смущавшихъ его душу. Но не въ однѣхъ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ высказывалось глубоко-религіозное настроеніе этой души. Нужно ли говорить о его щедрости къ бѣднымъ, о его частыхъ посѣщеніяхъ больницъ, о выстроенныхъ имъ храмахъ? Не безъ ужаса разсказываютъ современники о бѣдствіяхъ, поразившихъ крестоносцевъ въ Египтѣ. Испорченные, отвратительные видомъ и запахомъ трупы умершихъ отъ язвы воиновъ остались

бы непогребенными на чужой землѣ, ибо испуганное духовенство отказывало имъ въ послѣднемъ христіанскомъ обрядѣ. Король собственнымъ примѣромъ пристыдилъ малодушныхъ и заставилъ ихъ исполнять тяжкій долгъ, присутствуя лично при каждомъ отпѣваніи. Тѣла умершихъ братій не внушали ему омерзѣнія. Вамъ вѣроятно извѣстно, какъ сильно свирѣпствовала въ Средніе вѣка страшная болѣзнь, которую называютъ проказою. Люди, пораженные этимъ недугомъ, навсегда отлучались отъ общества; церковь разрывала, посредствомъ особеннаго обряда, ихъ связи съ остальнымъ міромъ: жилища, гдѣ ихъ обыкновенно содержали, были предметомъ общаго страха. Но Людовикъ не раздѣлялъ и въ этомъ случаѣ общаго чувства: онъ ходилъ за прокаженными и собственными руками омывалъ ихъ язвы. Я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ такого рода, но боюсь, что вамъ трудно будетъ выслушать безъ содроганія простое описаніе этихъ дѣлъ царственнаго подвижника. За то западные народы предупредили Римскаго первосвященника и еще при жизни Людовика назвали его Святымъ. Слава его не ограничилась впрочемъ западною Европою; она проникла на Востокъ: послы изъ Арменіи приходили въ лагерь крестоносцевъ и просили о дозволеніи видѣть святаго короля.

Посмотримъ на Людовика IX съ другой стороны. Мы увидимъ, что вся жизнь его, во всѣхъ ея направленіяхъ, проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды. Поставленный среди воинственныхъ поколѣній, для которыхъ высшею цѣлью дѣятельности была военная слава, Людовикъ не любилъ войны. Онъ не отличался той блестящею, безъ нужды вызывавшею опасности отвагою, которая составляла одну изъ принадлежностей рыцарства; его мужество было спокойное и холодное. Оно вытекало изъ обдуманнаго убѣжденія и не было слѣдствіемъ страсти. Первыя войны свои онъ велъ съ Англичанами и мятежными вассалами. Людовикъ одолѣлъ и тѣхъ и другихъ, возстановилъ нарушенныя права свои, но довольствовался непосредственнымъ результатомъ побѣды и не подумалъ о распространеніи власти или владѣній. Еще менѣе могла соблазнить его возможность отметить врагамъ. Съ раннихъ лѣтъ мысль его была занята войнами въ Палестинѣ, гдѣ христіанскому рыцарю открывалось поприще, вполнѣ достойное его подвиговъ. Я не буду повторять всѣмъ извѣстныхъ подробностей о его крестовыхъ походахъ; но есть черты, которыхъ нельзя пропустить, потому что онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на характеръ великаго короля. Въ то время, когда бѣдствія крестоносцевъ въ Египтѣ достигли до высочайшей степени и не было болѣе спасенія войску, запертому между Ниломъ и Мамелюками, Людовикъ отказался отъ предложеннаго ему средства возвратиться одному въ крѣпкую Даміету, гдѣ его ожидала совершенная безопасность. Въ плѣну у Мамелюковъ, среди ужасовъ и страданій всякаго рода, онъ одинъ изъ всѣхъ французскихъ рыцарей сохранилъ полное спокойствіе и ясность духа. Вскорѣ послѣ пораженія крестоносцевъ, Мамелюки возстали на своего султана, убили его и съ дикими воплями бросились къ своимъ плѣнникамъ. Одинъ изъ убійцъ показалъ Людовику вырванное у погибшаго султана сердце и спросилъ: что̀ дашь ты мнѣ за сердце

врага твоего? Король молча отвернулся. Прочіе христіане думали, что настал ихъ послѣдній часъ, и готовились къ смерти. Жуанвиль откровенно признается, что не могъ принести должнаго покаянія, потому что не могъ отъ страха припомнить ни одного грѣха. „По той-же причинѣ не помню я ничего изъ сказаннаго мнѣ тогда конетаблемъ Кипрскимъ“, прибавляетъ простодушный біографъ Лудовика IX. Есть сказаніе, достовѣрность котораго подлежитъ сомнѣнію, но любопытное, какъ выраженіе народной мысли. Въ Европѣ разнесся слухъ, что Мамелюки, убивъ своего султана, предложили его мѣсто Лудовику IX. На возвратномъ пути съ Востока, галера, на которой плылъ французскій король, потерпѣла значительныя поврежденія и подверглась большой опасности. На помощь ей подоспѣла другая галера. Король прежде всего спросилъ, есть ли на новомъ суднѣ мѣсто и для другихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ остался на поврежденной галерѣ. Я знаю, сказалъ онъ, что, спасши меня и семейство мое, вы не будете заботиться объ остальныхъ моихъ спутникахъ. Понятно, почему народъ заживо называлъ его святымъ. Послѣднее военное предпріятіе его было направлено противъ Туниса. Лудовикъ былъ боленъ и такъ слабъ еще до начала похода, что едва могъ держаться на конѣ. Жуанвиль часто долженъ быть носить его на рукахъ. Но несчастія, испытанныя въ Египтѣ, произвели, повидимому, неизгладимое впечатлѣніе на храбраго сенешала: онъ не принималъ участія въ африканскомъ походѣ и не былъ свидѣтелемъ кончины Лудовика, умершаго подъ стѣнами Туниса.—Сказаннаго мною будетъ, полагаю я, достаточно для опредѣленія характера, какой носила военная дѣятельность Лудовика IX. Онъ былъ рыцарь, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ значеніи этого слова, и полагалъ конечною цѣлью войны торжество истинной вѣры и возстановленіе нарушеннаго права.

Политическая дѣятельность Лудовика IX не разъ подвергалась не только нареканію, но и насмѣшкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта дѣятельность не можетъ не показаться странною, если мы будемъ разбирать ее съ точки зрѣнія обыкновеннаго житейскаго благоразумія, опредѣляющаго достоинство поступковъ ихъ непосредственнымъ успѣхомъ или неудачею. Внукъ Филиппа Августа началъ съ того, что усомнился въ законности своихъ правъ и подвергъ ихъ строгому испытанію. Предшественники его не могли быть очень разборчивы въ выборѣ средствъ и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ къ утвержденію своей власти. Лудовикъ предложилъ себѣ вопросъ, на какомъ основаніи Капетинги владѣли землями, перешедшими къ нимъ отъ другихъ владѣльцевъ? Болѣе всего тревожило его сомнѣніе относительно областей, отнятыхъ его дѣдомъ у Іоанна Безземельнаго. Онъ положилъ конецъ этой внутренней тревогѣ договоромъ 1258 года, по которому добровольно возвратилъ сыну Іоаннову, Генриху III, четыре богатыя провинціи. На возраженія своихъ совѣтниковъ Лудовикъ отвѣчалъ, что онъ отказывается отъ этихъ провинцій, потому что онѣ незаконно ему достались и для того, чтобы Генрихъ былъ ему настоящимъ ленникомъ. Чтобы понять глубокій смыслъ этого отвѣта, надобно составить себѣ ясное понятіе о родѣ

отношеній, существовавшихъ между феодальнымъ господиномъ и его вассаломъ. Ленная связь состояла не изъ однихъ юридическихъ условій, но заключала въ себѣ чисто нравственное начало обоюдной вѣрности и любви. Отсюда происходили частыя нарушенія этой связи, которую Лудовикъ хотѣлъ поднять до ея высшаго духовнаго значенія. Разумѣется, что такое идеальное стремленіе не могло быть всѣми понято по достоинству и встрѣтило много порицателей среди общества, привыкшаго къ насилію. Стоитъ заглянуть въ пѣсни трувера Рютбёфа. Даже въ глазахъ простаго народа кротость благочестиваго государя принимала иногда видъ слабости. Ты не король, а монахъ, сказала однажды Лудовику женщина, получившая отказъ на какую-то незаконную просьбу. Жители возвращенныхъ Генриху III областей не могли простить Лудовику этой уступки и долго не признавали установленнаго, въ честь его, Западною церковью праздника. Замѣчательно также враждебное отношеніе къ нему скептической, проникнутой античными стихіями Италіи. Граждане Флоренціи явно обнаружили неприличную христіанамъ радость, при полученіи извѣстій о пораженіи и плѣнѣ крестоносцевъ подъ Мансурою. Но огромное большинство европейскаго населенія глубоко чтило Лудовика, хотя вѣроятно не въ состояніи было вполнѣ оцѣнить всю чистоту и все безкорыстіе его намѣреній.

Лудовикъ IX обратилъ особенное вниманіе на судебное устройство Франціи. Нигдѣ не обнаруживались такъ ясно недостатки феодальнаго государства, какъ въ этой сферѣ. Коренное, основанное на глубокомъ раздѣленіи сословій начало средневѣковаго суда было очень просто: каждый долженъ быть судимъ судомъ своихъ перовъ, т. е. людей, равныхъ ему по происхожденію. Дѣла вассаловъ разбирались при дворѣ ихъ леннаго господина и подъ его предсѣдательствомъ, судомъ, составленнымъ изъ перовъ истца и отвѣтчика. Но бароны неохотно исполняли эту часть своихъ феодальныхъ обязанностей и уклонялись отъ судебныхъ съѣздовъ, сопряженныхъ съ разными неудобствами и даже опасностію. Недовольный приговоромъ подсудимый нерѣдко вызывалъ на поединокъ не только противника, но свидѣтелей и судей. Большая часть тяжбъ рѣшалась судебнымъ поединкомъ, который взялъ верхъ надъ всѣми другими доказательствами. Лудовикъ запретилъ прибѣгать къ этому средству въ собственныхъ и въ церковныхъ владѣніяхъ. Власть феодальныхъ судовъ была ограничена опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, которые исключительно подлежали разбору судовъ королевскихъ. Сверхъ того лица, недовольныя рѣшеніемъ мѣстныхъ феодальныхъ судовъ, получили право жалобы, т. е. аппелляціи въ суды королевскіе. Если бы кто нибудь изъ первыхъ Капетинговъ задумалъ такое нововведеніе, то встрѣтилъ бы упорное, вѣроятно, неодолимое сопротивленіе. Исчисленныя мною мѣры Лудовика не вызвали однако сильнаго противодѣйствія, потому что онъ лично внушалъ неограниченное довѣріе, и никто не подозрѣвалъ его въ честолюбивыхъ разсчетахъ, въ намѣреніи усилить власть свою къ ущербу другихъ. Въ тѣсной связи съ судебнымъ поединкомъ находилось право феодальной войны. Когда два владѣльца ссорились между собою и начинали войну, то въ ней обыкновенно принимали участіе всѣ ихъ родственники и

друзья. Такимъ образомъ мелкая распря, вспыхнувшая на одномъ концѣ Франціи, немедленно отзывалась на другомъ. Король постановилъ, приводя, кажется, въ исполненіе мысль, принадлежавшую его дѣду, чтобы отнынѣ между поводомъ къ войнѣ и ея началомъ протекало 40 дней (la quarantaine du roi); нарушитель постановленія подлежалъ наказанію, какъ государственный измѣнникъ. Этимъ не ограничился законодатель: онъ предоставилъ каждому члену феодальнаго сословія право обращаться прямо къ верховной власти, въ случаѣ предстоявшей ему борьбы съ противникомъ, болѣе сильнымъ или богатымъ. Разумѣется, такой переворотъ въ укоренившихся привычкахъ средневѣковой аристократіи не могъ совершиться разомъ: для этого нужно было много времени и много усилій, но Лудовикъ IX подалъ примѣръ, отъ котораго не отступали болѣе его преемники. Его постановленія относительно судебныхъ поединковъ и частныхъ войнъ легли въ основаніе позднѣйшаго законодательства. Помощниками Лудовика въ этихъ преобразованіяхъ были пользовавшіеся его особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ ученые юристы. Преобразованія, которыхъ они были виновниками, конечно не входили въ виды короля, думавшаго только объ облагороженіи и прочнѣйшемъ утвержденіи феодальныхъ учрежденій большею правдою и нравственностію. Онъ зналъ, что рыцари плохіе судьи, и замѣнялъ ихъ по возможности людьми, изучавшими право, какъ науку. Послѣдствія обнаружились уже по смерти Лудовика. Выведенные имъ на поприще практической дѣятельности юристы составили цѣлое сословіе, непріязненное идеямъ и формамъ Средняго вѣка. Они противопоставили строго-логическія и общеприложимыя опредѣленія Римскаго права мѣстнымъ и своенравнымъ обычаямъ, которые развились въ основанныхъ Германцами государствахъ западной Европы. Они засудили средневѣковое папство въ лицѣ Бонифація VIII, духовное рыцарство — въ тампліерахъ. Феодальное дворянство и община равно испытали ихъ вліяніе. Судьба французскихъ юристовъ XIV и XV столѣтій не лишена нѣкотораго трагическаго величія и поэзіи. Стараясь создать крѣпкую и стройную монархію, по образу Римской имперіи, они должны были вести постоянную и жестокую борьбу съ непривыкшими подчинять себя государственнымъ цѣлямъ силами феодально-общиннаго міра. Почти каждый новый король принужденъ былъ жертвовать вѣрнѣйшими совѣтниками своего предшественника ненависти вассаловъ, смутно понимавшихъ, что дѣло шло объ ихъ независимости. Но упраздненныя такимъ образомъ мѣста въ совѣтѣ и судахъ королевскихъ не долго оставались порожними. Сынъ казненнаго клерка смѣло садился на мѣсто отца и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и направленіи, не заботясь, повидимому, о предстоявшей ему участи. Лудовикъ IX не могъ предвидѣть политическаго значенія, какое получили впослѣдствіи юристы Римскаго права, и дорожилъ только ихъ судебною дѣятельностью. Не считаю нужнымъ повторять Вамъ слишкомъ извѣстный разсказъ Жуанвиля о томъ, какъ король, окруженный мужами опытными въ наукѣ права, самъ рѣшалъ тяжбы своихъ подданныхъ и произносилъ приговоры подъ знаменитымъ Венсенскимъ дубомъ. Король и правда сдѣлались въ то время однозначащими словами для Франціи. Въ цѣломъ

государствѣ, кромѣ его, не было нелицепріятнаго судьи, потому что онъ одинъ стоялъ внѣ, или, лучше сказать, выше всякихъ корыстныхъ стремленій. Идея монархической власти облекалась въ нравственное сіяніе неподкупнаго правосудія.

Мы видѣли глубоко-религіозное настроеніе Лудовиковой души. Можно бы подумать, что слѣдствіемъ такого настроенія была излишняя уступчивость сословію, которое въ западной Европѣ нерѣдко теряло изъ виду свое священное призваніе и предавалось чисто мірскимъ исканіямъ и помысламъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ королей французскихъ не оказывалъ большаго уваженія къ духовенству и не хранилъ такъ бережно его права, какъ Лудовикъ IX; но съ другой стороны немногіе умѣли такъ твердо отстаивать права свѣтской власти. Въ спорѣ между императоромъ и папою, Лудовикъ громко порицалъ послѣдняго. Когда французскіе епископы жаловались ему, что отлученіе отъ церкви не производитъ достаточнаго дѣйствія, онъ отвѣчалъ: не отлучайте отъ церкви ради корыстныхъ разсчетовъ и страстей вашихъ, и тогда я буду готовымъ исполнителемъ вашихъ приговоровъ. Для всякаго другаго государя, кромѣ Св. Лудовика, распри съ духовенствомъ могли быть въ то время опасны. Къ чести папъ надобно сказать, что они почти всегда были на сторонѣ благочестиваго короля противъ честолюбивыхъ епископовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ извѣстій о такъ называемой прагматической санкціи, которою Лудовикъ будто бы опредѣлилъ духовныя отношенія Франціи къ Римскому двору. Вопросъ о подлинности этого акта еще не рѣшенъ окончательно. Но допустивъ даже подлогъ, нельзя не признать, что въ этомъ памятникѣ высказалось только общественное мнѣніе о томъ, какъ поступалъ бы Лудовикъ IX при разграниченіи правъ своихъ съ правами папы и духовенства.

Но отчего же, среди столь обширной и богатой результатами дѣятельности, это благородное лицо носитъ почти постоянное выраженіе внутренней глубокой грусти? Въ дружескихъ разговорахъ Лудовика съ Жуанвилемъ, въ бесѣдахъ его съ учеными, которыми онъ любилъ окружать себя, въ дошедшихъ до насъ словахъ его молитвы—часто слышится скорбный голосъ души, недовольной дѣйствительностію, не обрѣтшей въ ней удовлетворенія своимъ требованіямъ. Нигдѣ это чувство не высказалось такъ просто, какъ въ слѣдующихъ словахъ духовника королевы Маргариты. Позвольте мнѣ привести это мѣсто въ подлинникѣ—я боюсь испортить его переводомъ: „Li benoiez rois désirroit merveilleusement grâce de larmes, et se compleignoit à son confesseur de ce que larmes li défailloient, et li disoit débonnérement, humblement et privéement, que quant l'on disoit en la litanie ces moz: Biau sire Diex, nous te prions que tu nous doignes fontaine de larmes, li sainz rois disoit devotement: O sire Diex, je n'ose requerre fontaine de larmes; ainçais me soufisissent petites gouttes de larmes à arouser la sécheresse de mon coeur.... Et aucune fois reconnut-il à son confesseur privéement que aucune fois li donna à nostre sir larmes en avoison: les quelles, quant il les sentait courre per sa face souef (doucement), et entrer dans sa bouche, elles li semblaint si savoureuses et très douces, non pas seulement au cuer, mès a la

bouche". Недовольный міромъ Лудовикъ нѣсколько разъ обнаруживалъ намѣреніе отказаться отъ власти и искать покоя въ стѣнахъ монастыря. Но жизнь, которую онъ велъ во дворцѣ своемъ, была такъ чиста и строга, что могла служить достойнымъ образцемъ для тогдашняго духовенства. Государственная дѣятельность не тяготила Лудовика, ибо онъ по преимуществу былъ мужемъ долга и подвига. Въ отношеніяхъ его къ семейству раскрывались не внесенныя нами въ эту краткую характеристику свойства нѣжной и любящей души, которой суждено было совмѣстить всѣ добродѣтели государя, рыцаря, инока и простаго гражданина.

Скорбь Св. Лудовика исходила изъ сознанія непрочности того міра, на поддержаніе котораго онъ употребилъ лучшія свои силы. Онъ не могъ не чувствовать несостоятельности средневѣковыхъ формъ жизни. Поддерживая одной рукою разлагавшійся порядокъ вещей, Лудовикъ IX другою закладывалъ зданіе новой гражданственности. Собственнымъ чувствомъ права и введеніемъ въ суды юристовъ, проникнутыхъ идеями Римскаго законодательства, онъ убилъ феодальную неправду. Святостію жизни и нравственною чистотою, онъ осуществилъ самый возвышенный изъ нравственныхъ идеаловъ Средняго вѣка, но чрезъ это самое укрѣпилъ монархію, полное развитіе которой было несовмѣстно съ сохраненіемъ средневѣковыхъ учрежденій, потому что за ними каждое сословіе укрывало свои корыстныя и исключительныя притязанія. Народъ привыкъ видѣть въ королѣ верховнаго, чуждаго всякаго пристрастія судью. Въ великія эпохи своей исторіи, во дни блестящихъ торжествъ и тяжелыхъ испытаній, французскіе короли называли себя не даромъ сынами Св. Лудовика. Его дѣломъ было нравственное значеніе французской монархіи. Предшественники его дѣйствовали силою и искусствомъ: къ этимъ двумъ орудіямъ онъ присоединилъ третье, — право. Онъ внушилъ къ монархическому началу довѣріе, котораго долго не могли поколебать ни грѣхи, ни несчастія его преемниковъ. Читая нѣкоторые изъ законодательныхъ памятниковъ его царствованія и смотря на нихъ съ современной намъ точки зрѣнія, нельзя иногда не удивиться жестокости наказаній, опредѣленныхъ за проступки, которые нынѣ караются только общественнымъ презрѣніемъ. Но въ такихъ случаяхъ Лудовикъ IX былъ вѣренъ основному началу всей своей дѣятельности: онъ смотрѣлъ на государство, какъ на христіанскую общину, и не давалъ въ немъ мѣста грѣху. Въ сферѣ науки онъ допускалъ споръ и разногласіе, самъ посѣщалъ аудиторіи Парижскаго университета и охотно слушалъ лекціи и пренія знаменитыхъ наставниковъ. Но споръ съ еретиками, обличеніе ихъ словомъ, предоставлялъ онъ исключительно ученымъ; мірянинъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ, по его мнѣнію, дѣйствовать однимъ мечемъ, не подвергая своего беззащитнаго ума ненужному искушенію.

Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло

впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но не рѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былаго. За то за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Большее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники. Къ числу такихъ принадлежитъ Лудовикъ IX. Онъ былъ завершителемъ средневѣковой жизни, осуществленіемъ ея чистѣйшихъ идеаловъ. Но ни тѣмъ, ни другимъ, ни поборникамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ, не дано совершить ихъ подвига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ нежданный и невѣдомый имъ выводъ. Счастливъ тотъ, кто носитъ въ себѣ благое убѣжденіе и можетъ заявить его внѣшнимъ дѣломъ. На великихъ и на малыхъ, незамѣтныхъ простому глазу, дѣятеляхъ исторіи лежитъ общее всѣмъ людямъ призваніе трудиться въ потѣ лица. Но они несутъ отвѣтственность только за чистоту намѣреній и усердіе исполненія, а не за далекія послѣдствія совершеннаго ими труда. Онъ ложится въ исторію, какъ таинственное сѣмя. Восходъ, богатство и время жатвы принадлежатъ Богу. Не будемъ же ставить въ вину Лудовику IX его заблужденіе. Думая поддержать феодальное государство, онъ влагалъ въ него несродныя ему начала и готовилъ великую монархію Лудовика XIV. Онъ не докончилъ своего личнаго дѣла и не видалъ его завершенія, подобно тѣмъ средневѣковымъ зодчимъ, которые завѣщали новому времени недостроенные, полные чудной и таинственной красоты готическіе соборы.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

БЭКОНЪ.

Предметомъ нынѣшняго чтенія будетъ характеристика Бэкона Веруламскаго.

За Александромъ Великимъ, за Лудовикомъ IX, за мужами историческаго подвига, за героями исторіи, слѣдуетъ герой мысли, не уступая имъ шагу, съ равными правами на Ваше вниманіе. Нужно ли повторять здѣсь давно сказанное замѣчаніе о томъ, что біографія ученаго рѣдко представляетъ ту занимательность, какою отличаются біографіи другихъ дѣятелей на поприщѣ историческомъ? Его подвигъ укладывается въ книгу, его незримое дѣло болѣе чѣмъ всякое другое отрѣшено отъ личности самаго совершителя и обнаруживается иногда по прошествіи многихъ поколѣній. Между совре-

менниками Бэкона есть люди, которыхъ біографіи представили бы гораздо болѣе занимательности, болѣе драматическаго интереса; я нарочно выбралъ его, чтобы указать на значеніе науки, отрѣшенной отъ всякаго другаго интереса.

Конечно, между учеными XVI столѣтія не трудно найти человѣка, болѣе возвышеннаго сердцемъ, съ болѣе благородною и чистою участію, но трудно найти личность, имѣющую болѣе правъ на наше вниманіе. Есть вѣка, отмѣченные особенною печатію силы и энергіи дѣйствующихъ поколѣній; къ числу такихъ безспорно принадлежитъ XVI столѣтіе, у входа въ которое стоятъ Колумбъ и Васко де Гама. Они открыли народамъ западной Европы два міра: одинъ — ветхій, забытый, сохранившій въ цѣлости древнѣйшую цивилизацію человѣческаго рода, отъ которой такъ далеко отошли современники Лютера и Макіавелли; другой — новый, нетронутый, не початый исторіею. Безконечныя пустыни Америки манили къ себѣ Европейца, вызывали его на новые опыты, на устроеніе новыхъ общественныхъ формъ, для которыхъ не было мѣста въ Европѣ, окрѣпшей въ своихъ историческихъ преданіяхъ. Одновременно съ этими великими открытіями въ Европѣ рушилось феодальное государство; его мѣсто заступила новая монархія, сдѣлавшаяся представительницею непризнанныхъ дотолѣ, заслоненныхъ сословіями народностей. Въ то-же время поколебалось и единство Западной церкви, соединявшей въ одну паству латино-германскіе народы. Все это движеніе, столь сильно охватившее умы, отозвалось и въ наукѣ. Можно сказать, что оно выразилось въ ней еще съ бóльшею силою и энергіею. Читая произведенія, вышедшія въ первой четверти XVI столѣтія, нельзя не замѣтить въ нихъ какой-то свѣтлой радости, какого-то юношескаго чувства надежды. Такою надеждою пропитана духовная атмосфера той эпохи: великія событія, которыми ознаменованы конецъ XV и начало XVI вѣка, казались людямъ только предвѣстниками чего-то еще бóльшаго, небывалаго въ исторіи. Во всѣхъ сферахъ науки пробуждается веселая, исполненная вѣры въ достиженіе своихъ цѣлей дѣятельность. Это движеніе началось на той почвѣ, которая издавна была любимою почвою исторіи, въ той сторонѣ, на которую уже давно съ завистію и жадностію смотрѣли иноземцы. Я говорю объ Италіи. Здѣсь-то подъ вліяніемъ весьма понятныхъ условій, впервые началась разработка оставшихся памятниковъ классическаго міра и явились первыя плодотворныя попытки возстановленія древней науки и древняго искусства. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, съ какимъ одушевленіемъ и успѣхомъ дѣйствовали италіянскіе ученые въ такъ называемую эпоху возрожденія наукъ и какъ много обязана имъ обще-европейская образованность. Многіе изъ нихъ зашли слишкомъ далеко. Въ порывахъ вызваннаго высокими образцами восторга, они забыли, что сами принадлежатъ новому міру и отвратили отъ него лицо свое. Погруженные въ созерцаніе прошедшаго, они потеряли изъ виду настоящее и мечтали о формахъ жизни, въ которыя не могло установиться общество болѣе сложное и богатое духовными силами, чѣмъ республики Греціи и Рима. Италіянцы не даромъ жалуются на несправедливость судьбы, отдавшей въ руки иноплеменника завершеніе того, что начато было ими.

Въ самомъ дѣлѣ, между людьми, которые были представителями италіянской науки въ XVI столѣтіи, мы найдемъ много геніальныхъ личностей и героическихъ характеровъ. Немногіе изъ нихъ пользуются теперь общею извѣстностію. Заслуги и страданія большей части погребены въ спеціальныхъ сочиненіяхъ объ исторіи философіи, доступныхъ только ограниченному числу ученыхъ. Отъ Помпонація до Джордано Бруно тянется рядъ смѣлыхъ умовъ, самоотверженно и страстно посвятившихъ себя исканію истины. Разсматриваемые съ точки зрѣнія нынѣшней науки, ихъ опыты и умозрѣнія покажутся недостаточными. Они на столько же поэты, на сколько ученые; ихъ любовь къ истинѣ была безгранична, силы велики, но у нихъ не выработались ученые пріемы, не было метода, безъ котораго невозможно никакое плодотворное изслѣдованіе. Они трудились не одною головою, но и сердцемъ, и часто смѣшивали чувство съ мыслію. Послѣдняя нерѣдко облекалась у нихъ въ форму мистическаго диоирамба. Многія изслѣдованія того времени написаны стихами. Жизнь этихъ людей шла въ уровень съ ихъ внутреннимъ настроеніемъ. Они переходили изъ одной страны въ другую, разнося повсюду свои знанія, заводя споры, и рѣдко оканчивали жизнь естественною смертію. За много вѣковъ до того, на той же почвѣ Италіи, произведшей такъ много мыслителей, одинъ древній философъ бросился, говоритъ преданіе, въ жерло Этны, чтобы узнать таинственныя нѣдра земли. По его слѣдамъ шли мыслители XVI столѣтія: они погружались въ бездонныя пропасти человѣческаго мышленія и умирали потомъ на кострахъ. Результатомъ вакхическаго упоенія, какимъ были одержимы высочайшіе умы того времени, было глубокое довѣріе къ магіи, каббалѣ, алхиміи и астрологіи. Въ этихъ наукахъ заключалась, по тогдашнимъ понятіямъ, глубокая и таинственная мудрость, которая нѣкогда дана была человѣку свыше. Онъ утратилъ ее, предавшись обольщенію суетныхъ мірскихъ цѣлей.

Съ половины XVI столѣтія движеніе мысли останавливается въ Италіи: оно пришло въ рѣзкое столкновеніе съ папскимъ дворомъ и навлекло на себя его гоненіе. Итальянцы должны были искать духовнаго удовлетворенія въ сферѣ уже готовой и менѣе опасной новаго искусства. Но то, что было начато въ Италіи, продолжалось на почвѣ, не столь богатой дарами природы, но болѣе счастливой въ своемъ историческомъ развитіи, въ Англіи. Всѣмъ извѣстно, какое блестящее время англійской исторіи представляетъ царствованіе королевы Елизаветы: не даромъ къ этому времени обращаются Англичане, какъ къ золотымъ днямъ своей родины, и зовутъ королеву уменьшительнымъ именемъ (Queen Bess), въ которомъ звучитъ народная любовь къ ней. Но не одному только счастію и личнымъ талантамъ своимъ обязана Елизавета особеннымъ развитіемъ, можно сказать напряженіемъ народныхъ силъ, которое сообщило такой блескъ ея царствованію: она окружена была людьми, которыхъ имена произноситъ съ законною гордостію каждый Англичанинъ, каковы бы ни были личныя политическія или религіозныя убѣжденія. Не говоря о томъ великомъ поколѣніи государственныхъ мужей, которые подняли свое отечество на неслыханную до тѣхъ поръ степень политическаго могущества, я укажу Вамъ только на сферу умствен-

ную, на науку и искусство. Вспомните, что тогда жили и дѣйствовали Бэконъ, Шекспиръ, Вальтеръ Ралли, Бенъ Джонсонъ и много другихъ не съ столь громкими именами, но съ заслугами, которыя во всякое другое время дали бы право на первыя мѣста въ исторіи отечественной литературы. Сама королева была въ уровень съ высшимъ образованіемъ современнаго ей общества: она знала, кромѣ новыхъ европейскихъ языковъ, оба языка классической древности, читала по - еврейски, писала комментаріи къ Платону и переписывалась съ друзьями своими по-латыни.

Въ это время, въ 1561 году, родился у канцлера Николая Бэкона сынъ Францъ, впослѣдствіи баронъ Веруламскій. Извѣстно, какое вліяніе имѣютъ на ребенка первыя впечатлѣнія, въ особенности какъ сильно дѣйствуетъ вліяніе матери. Мать Франца принадлежала къ числу образованнѣйшихъ женщинъ Англіи въ то время, когда женщины получали крѣпкое и мужественное воспитаніе и примѣръ королевы Елизаветы не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Мать Бэкона знала греческій и латинскій языки и занималась богословіемъ; она была первою наставницею сына. Судя по складу ея ума и строгому воззрѣнію на жизнь, можно себѣ составить понятіе о характерѣ ея преподаванія, приготовившаго Бэкона къ тому великому подвигу, который ему суждено было совершить. Мысль его окрѣпла преждевременно. Въ тѣхъ лѣтахъ, когда дѣтей занимаютъ приличными ихъ возрасту играми, Бэконъ задумывался надъ явленіями, которыя обыкновенно ускользаютъ даже отъ вниманія взрослыхъ. На восьмомъ году его занимали законы звука: онъ ходилъ прислуживаться къ эху и доискивался причины этого явленія. На двѣнадцатомъ году онъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ. Оксфордскій и Кембриджскій университеты принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ учрежденій Англіи, которая обязана имъ почти всѣми своими значительными людьми, дѣйствовавшими на поприщѣ государственномъ или ученомъ. Но каждое изъ этихъ заведеній имѣетъ свои особенныя преданія и отмѣчено характеромъ, ему исключительно принадлежащимъ. Такимъ образомъ съ самаго ранняго времени Кембриджскій университетъ отличался отъ Оксфордскаго бо̀льшею готовностію принимать новыя идеи, новыя формы и системы. Но въ исходѣ XVI столѣтія, въ Кембриджскомъ университетѣ преобладала еще схоластика, и Бэконъ вынесъ оттуда, послѣ трехлѣтняго пребыванія, презрѣніе къ этой безплодной наукѣ, въ которой идеи замѣнялись словами, а живое діалектическое развитіе—мертвымъ силлогизмомъ. Схоластика, утратившая блестящія свойства, съ какими она выступила въ XII столѣтіи, не соотвѣтствовала ни духовнымъ требованіямъ, ни практическому направленію поколѣній, предъ которыми уже открылись сокровища древнихъ литературъ.

По окончаніи университетскихъ занятій, Бэконъ отправился во Францію, въ свитѣ англійскаго посольства. Онъ прибылъ туда въ эпоху религіозныхъ войнъ. Молодому дипломату представилось обширное поприще для наблюденій всякаго рода. Предъ глазами его совершались величайшія событія и дѣйствовали самыя значительныя лица современной Европы. Онъ присутствовалъ при борьбахъ Лиги съ дворомъ и Гугенотами, видѣлъ Екатерину

Медичи, Гизовъ и Генриха Наварскаго. Трудно было выбрать лучшую школу для практическаго изученія исторіи и политики.

На двадцатомъ году Бэконъ написалъ небольшое сочиненіе о современномъ ему состояніи Европы. Гордые славою великаго соотечественника своего, Англичане высоко ставятъ этотъ начальный опытъ его умственныхъ силъ. Признаемся, книга молодаго Бэкона произвела на насъ тяжелое впечатлѣніе. Раннiй холодъ мысли, умѣвшей сохранить совершенное спокойствіе среди взволнованнаго до глубины своей общества, эта независимая и равнодушная оцѣнка партій, которыя съ такимъ жаромъ спорили о самыхъ важныхъ для человѣка вопросахъ, непріятно поражаютъ читателя, которому извѣстны лѣта автора. Бэконъ смотрѣлъ на Европу какъ посторонній свидѣтель, а не какъ участникъ въ ея радостяхъ и страданіяхъ. Пребываніе его на материкѣ было, впрочемъ, непродолжительно. Старый канцлеръ Бэконъ умеръ во время его отсутствія, не оставивъ ему никакого имѣнія. Францъ Бэконъ долженъ былъ воротиться на родину и жить своими трудами. Можно было подумать, что его ожидало скорое и вѣрное повышеніе при дворѣ. Любимый министръ королевы Елизаветы, Бурлей, былъ женатъ на его теткѣ. Отецъ его заслугами своими купилъ сыну право на вниманіе королевы. Елизавета давно замѣтила даровитаго мальчика, ласкала его, забавлялась его остроумными выходками и часто называла своимъ маленькимъ канцлеромъ. Но воротившись въ Англію, Бэконъ не нашелъ того, чего могъ по праву ожидать. Причиною его первыхъ неудачъ была зависть Бурлея, который понялъ тотчасъ все превосходство геніальнаго племянника надъ хитрымъ и трудолюбивымъ, но не отличавшимся особенною даровитостію сыномъ своимъ. При равныхъ условіяхъ успѣха, молодой Сесиль не могъ идти рядомъ съ двоюроднымъ братомъ и долженъ былъ бы по необходимости уступить ему то положеніе, которое уже было приготовлено для него заботливымъ родителемъ. Бэконъ избралъ юридическое поприще, не вслѣдствіе внутренняго призванія (замѣтимъ мимоходомъ, что великіе англійскіе юристы считали его посредственнымъ знатокомъ своей науки и ставили несравненно выше его современнаго ему юриста Эдварда Кока), но для того, чтобы доставить себѣ средства къ безбѣдному существованію и проложить дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Служба его шла впрочемъ медленно. Бурлей явно отстранялъ его. Его отношенія къ Бурлею ясно выражаются въ письмахъ его, изъ которыхъ проглядываетъ какое-то странное, не внушающее къ себѣ довѣрія смиреніе. Онъ очевидно поддѣлывается подъ характеръ стараго дяди, терпѣливо сноситъ его оскорбительныя причуды, льститъ двоюродному брату и ни однимъ словомъ не даетъ замѣтить, что ему извѣстны причины ихъ нерасположенія къ нему. Источникомъ такого долготерпѣнія было не равнодушіе къ земнымъ благамъ, а осторожность и опасеніе обратить въ явную вражду скрытое недоброжелательство. Между тѣмъ блестящій дворъ Елизаветы манилъ къ себѣ честолюбиваго юношу. Преемникъ Лейчестра въ милости королевы, молодой графъ Эссексъ далеко превосходилъ своего предшественника благородствомъ мыслей и блестящими, истинно рыцарскими свойствами характера. Онъ одинъ изъ

первыхъ оцѣнилъ по достоинству Бэкона и предложилъ ему свои услуги. Помощь эта пришла во время. Обстоятельства Франца Бэкона были самыя плохія: ему грозила тюрьма за долги. Эссексъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы доставить ему выгодное мѣсто; но Бурлей твердо рѣшился не давать хода племяннику. Вліяніе опытнаго министра превозмогло старанія Эссекса, который, въ вознагражденіе горькой для Бэкона неудачи, подарилъ ему довольно значительное имѣніе. Подарокъ этотъ былъ сдѣланъ такимъ благороднымъ образомъ, что самъ Бэконъ говорилъ впослѣдствіи: „я не зналъ, чему мнѣ болѣе радоваться и за что болѣе благодарить: за самый подарокъ или за то, какъ онъ мнѣ былъ предложенъ". Отправляясь потомъ въ походъ противъ Испаніи, Эссексъ завѣщалъ друзьямъ своимъ беречь Бэкона, будущую славу и надежду Англіи. Извѣстно, какая судьба постигла Эссекса. Увлеченный пылкимъ характеромъ своимъ, высоко поставленный королевою, любимый народомъ, онъ въ минуту негодованія рѣшился на поступокъ, которому нѣтъ оправданія, и поднялъ оружіе противъ правительства. Елизавета хорошо знала горячій нравъ своего любимца. Ей были извѣстны несчастныя обстоятельства, которыя помрачили его разсудокъ и довели его до безумнаго возстанія, котораго исходъ онъ могъ легко предвидѣть. Есть причины думать, что королева искренно желала спасти Эссекса и противъ воли уступила настояніямъ его враговъ. Противъ него была могущественная партія, въ рядахъ которой сталъ знаменитый Вальтеръ Ралли. Это одна изъ тѣхъ личностей, мимо которыхъ нельзя пройти безъ вниманія. Ралли соединялъ дарованія полководца, моряка, поэта и ученаго съ ловкостію искуснаго царедворца. Онъ долго боролся съ Эссексомъ и наконецъ при помощи Сесилей (Бурлея) достигъ своей цѣли. Я долженъ по этому поводу упомянуть о той печальной роли, которую Бэконъ, повидимому добровольно, принялъ на себя въ процессѣ, кончившемся казнію Эссекса. Сначала онъ старался оправдать своего бывшаго покровителя предъ королевою, но когда дѣло это приняло дурной оборотъ и подало поводъ къ толкамъ о друзьяхъ и соумышленникахъ графа, Бэконъ поспѣшно отступился отъ него и перешелъ на сторону его непріятелей: онъ участвовалъ между прочимъ въ составленіи обвинительнаго акта. Во все продолженіе процесса, Эссексъ ни разу не упрекнулъ осыпаннаго его благодѣяніями обвинителя въ неблагодарности и не напомнилъ ему прежней дружбы. Должностныя обязанности не могли служить Бэкону оправданіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ обнаружилъ болѣе усердія, чѣмъ требовалось. Послѣ казни Эссекса онъ даже написалъ и издалъ небольшое сочиненіе, въ которомъ съ обыкновеннымъ талантомъ своимъ доказывалъ справедливость исполненнаго приговора и жестоко нападалъ на память несчастнаго графа, загладившаго вину свою искреннимъ раскаяніемъ и смертію. Поведеніе Бэкона было замѣчено и оцѣнено по достоинству современниками. Тогда уже въ обществѣ утвердилось глубокое уваженіе къ его дарованіямъ и недовѣріе къ его нравственнымъ свойствамъ. Королева не сочла нужнымъ благодарить его за послѣднія услуги, и Бэконъ долженъ былъ терпѣливо ждать новаго царствованія. При преемникѣ Елизаветы дѣла его дѣйствительно поправились. Іаковъ I былъ человѣкъ до-

вольно ограниченнаго ума, но онъ любилъ науки и высоко цѣнилъ ученые труды. Великія дарованія и обширныя свѣдѣнія Бэкона проложили ему наконецъ дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Говорить ли о томъ, какъ онъ пользовался своею властію и своимъ вліяніемъ? Разсказъ мой представитъ Вамъ мало отрадныхъ и свѣтлыхъ подробностей. Нельзя, конечно, отрицать заслугъ, оказанныхъ Бэкономъ Англіи на поприщѣ политической дѣятельности, но съ другой стороны нельзя также не сознаться, что дѣла его стояли не въ уровень съ его силами и что отечество его было въ правѣ ожидать и требовать несравненно бо̀льшей пользы отъ геніальнаго сановника, превосходившаго умомъ и знаніями всѣхъ своихъ современниковъ. Никто, быть можетъ, не понималъ такъ глубоко, какъ онъ, движеній общественнаго мнѣнія въ Англіи; но онъ едва-ли когда нибудь сказалъ королю слово о необходимости мѣръ, способныхъ отвратить опасности, грозившія престолу и народу. Дорожа своимъ положеніемъ при дворѣ, онъ былъ малодушнымъ угодникомъ всѣхъ временщиковъ, которыми такъ богато царствованіе Іакова I, и не разъ выказывалъ постыдную готовность на услуги, несогласныя съ его убѣжденіями и съ достоинствомъ благороднаго человѣка вообще. Укажемъ на содѣйствіе его въ раздачѣ вредныхъ для государства монополій, на дѣла, рѣшенныя имъ противъ закона въ пользу знатныхъ и сильныхъ просителей, на его преступную уступчивость въ вопросахъ политическихъ. Достаточно для нашей характеристики одного примѣра. У стараго, выжившаго изъ ума проповѣдника Пичама найдена была въ рукописи проповѣдь, содержавшая въ себѣ выраженія, изъ которыхъ ясно слѣдовало, что авторъ принадлежалъ къ сектѣ пуританъ, уже обратившей на себя вниманіе смѣлою борьбою съ англиканской церковью. Замѣтимъ притомъ, что по произведенному слѣдствію не только не доказано, что Пичамъ дѣйствительно произнесъ найденную у него проповѣдь, но даже подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ ее писалъ. Тѣмъ не менѣе Бэконъ взялъ на себя это дѣло и обязался вынудить у подсудимаго полное признаніе. Средство, употребленное имъ для достиженія этой цѣли, была пытка. Всѣ усилія лорда Бэкона, лично присутствовавшаго при допросахъ, были однако безполезны. Пичамъ, какъ кажется, отъ страха и боли окончательно потерявшій разсудокъ, не далъ никакихъ показаній. Есть писатели, которые оправдываютъ поступки Бэкона въ этомъ случаѣ духомъ вѣка. Мы сознаемъ вполнѣ перевѣсъ понятій, принадлежащихъ цѣлой эпохѣ и цѣлому народу, надъ умственными силами отдѣльнаго лица и не поставимъ въ укоръ Греку или Римлянину поступковъ и мнѣній, неприличныхъ человѣку нашего времени; но такое оправданіе едва ли можетъ быть допущено въ пользу Бэкона. Неужели ему, стоявшему во главѣ умственнаго движенія своей эпохи, обнимавшему самыя разнородныя сферы знанія, можно было вѣрить въ признаніе, вырванное орудіями пытки? Неужели въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ниже другихъ англійскихъ юристовъ, которые уже давно возставали противъ безчеловѣчнаго уголовнаго судопроизводства Среднихъ вѣковъ? Скажемъ лучше, что суетность слабаго характера взяла верхъ надъ силою мысли и заставила Бэкона дѣйствовать вопреки пониманію и сердцу, потому что отъ

природы онъ былъ добродушенъ и кротокъ. Вѣроятно находились и найдутся еще люди, для которыхъ нравственное паденіе Бэкона было предметомъ нечистой радости, ибо оно служило извиненіемъ ихъ собственнаго ничтожества; но тому, кто дорожитъ достоинствомъ человѣческой природы и вѣруетъ въ благородное назначеніе нашего рода на землѣ, нельзя безъ глубокой скорби читать страницы, содержащія въ себѣ печальную повѣсть о гражданской дѣятельности одного изъ величайшихъ мужей всеобщей исторіи. Не думаю однако, чтобы мы были вправѣ, изъ ложнаго уваженія къ памяти знаменитаго мыслителя, таить содержаніе этихъ страницъ. Въ нихъ заключается высокій, хотя горькій, урокъ умственной гордости. И къ чему привели Бэкона дѣла, навлекшія на него справедливое презрѣніе современниковъ? Мелкими угожденіями лицамъ, онъ отнялъ у себя возможность истинно-великихъ заслугъ отечеству. Съ его талантами и тѣмъ краснорѣчіемъ, о которомъ съ единодушнымъ восторгомъ отзываются всѣ современники, ему было бы легко дать иное направленіе оппозиціи, которая уже обнаруживалась въ нижней камерѣ и вела прямо къ кровавому перевороту, стоившему жизни и престола Карлу I-му. Почести и награды, сыпавшіяся на Бэкона, повидимому ослѣпили его. Въ теченіи немногихъ лѣтъ онъ былъ возведенъ въ должности хранителя государственной печати и канцлера, получилъ титулы барона Веруламскаго и виконта Сентъ Альбана. Онъ стоялъ у конца своего гражданскаго поприща. Выше ему уже нельзя было подняться на этой лѣстницѣ. Но страхъ утратить положеніе, купленное цѣною такихъ нравственныхъ жертвъ, пересиливалъ въ Бэконѣ всѣ другія благороднѣйшія побужденія. Онъ прикладывалъ ввѣренную ему государственную печать къ актамъ, которые принадлежатъ къ числу самыхъ постыдныхъ памятниковъ жалкой эпохи, составляющей продолженіе великаго царствованія Елизаветы. Не могу также умолчать объ отношеніяхъ его къ любимцамъ Іакова I-го. Однажды случилось ему навлечь на себя гнѣвъ герцога Боккингама заступленіемъ за правое дѣло. Верховный судья англійскаго королевства явился униженнымъ просителемъ въ прихожей наглаго временщика и съ колѣнопреклоненіемъ молилъ о прощеніи ему неосторожнаго поступка. А между тѣмъ Бэкона нельзя назвать положительно дурнымъ, тѣмъ меньше жестокимъ или злымъ человѣкомъ. Онъ былъ только суетенъ и малодушенъ. Подобно многимъ, онъ ставилъ внѣшнія блага, украшающія жизнь, выше самой жизни. Быть можетъ онъ нашелъ бы въ высокомъ умѣ своемъ силу, нужную для того, чтобы умереть съ достоинствомъ; но жить въ бѣдности и неизвѣстности былъ онъ не въ состояніи. Ему нуженъ былъ внѣшній блескъ, почести, богатство,—однимъ словомъ, всѣ условія изящнаго и роскошнаго быта. Современники съ похвалою отзываются о его щедрости и томъ радушномъ пріемѣ, какой находили у него ученые и писатели. Великолѣпное помѣстье, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ свободные отъ служебныхъ занятій лѣтніе мѣсяцы, было сборнымъ мѣстомъ для самаго образованнаго общества Англіи. Бэконъ охотно принималъ къ себѣ юношей, оказывалъ имъ покровительство и дѣлился съ ними своими знаніями. Въ началѣ 1621 года Бэконъ былъ возведенъ въ званіе виконта Сентъ - Альбана. Вскорѣ послѣ

праздника, которымъ сопровождалось его возвышеніе, созванъ былъ парламентъ. Первымъ дѣломъ нижней камеры было составленіе коммиссіи, которой поручено было изслѣдовать состояніе судопроизводства въ Англіи. Чрезъ двѣ недѣли докладчикъ коммиссіи сиръ Робертъ Филиппсъ, котораго имя потому вошло въ исторію, доложилъ камерѣ, что въ судахъ Англіи нѣтъ правды, что правосудіе можно покупать за деньги, и что главнымъ виновникомъ и покровителемъ злоупотребленій былъ человѣкъ, „котораго имя", сказалъ Филиппсъ, „нельзя произнести безъ особеннаго уваженія, въ похвалу котораго ничего не говорю, ибо онъ выше всѣхъ похвалъ; этотъ человѣкъ — лордъ канцлеръ". Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти слова. Прежніе проступки Бэкона были закрыты величіемъ обнаруженныхъ имъ дарованій; мягкій и общежительный нравъ пріобрѣлъ ему расположеніе даже такихъ людей, въ глазахъ которыхъ геній не могъ служить замѣною нравственнаго достоинства или оправданіемъ душевной низости. Процессъ Бэкона обратилъ на себя вниманіе цѣлой Европы. Дѣло было ведено не только съ строгимъ соблюденіемъ законныхъ формъ, но съ возвышеннымъ чувствомъ приличій. Судьи были очевидно проникнуты сознаніемъ, что ихъ приговоръ долженъ пасть на главу, освященную высшими дарами Бога. Они судили, по словамъ одного англійскаго писателя, Манлія въ виду Капитолія. Обвинительныхъ пунктовъ набралось болѣе двадцати. Злоупотребленія лорда канцлера въ отправленіи правосудія не подлежали никакому сомнѣнію, хотя многое изъ того, что̀ прямо ему приписывалось, было дѣломъ подчиненныхъ, къ которымъ онъ оказывалъ излишнюю, объясняемую впрочемъ собственнымъ поведеніемъ, снисходительность. Къ тому же, какъ мы уже замѣтили, у него не доставало твердости въ чемъ нибудь отказать Боккингаму или другому сильному при дворѣ человѣку.

При первомъ извѣстіи о грозившемъ ему несчастіи, Бэконъ слегъ въ постель, пересталъ пускать къ себѣ членовъ своего семейства и просилъ только, чтобы объ немъ скорѣе забыли: да исчезнетъ имя мое изъ книги живыхъ, твердилъ онъ. Когда къ нему явилась депутація отъ палаты лордовъ за изустными показаніями, онъ призналъ справедливость большей части обвиненій и не сдѣлалъ ни малѣйшаго покушенія къ оправданію себя. До насъ дошло письмо, писанное имъ къ палатамъ. Сознавая вполнѣ вину достойную самаго строгаго наказанія, Бэконъ молилъ судей своихъ не ломать окончательно уже надломанной трости. Въ камерѣ лордовъ засѣдали многіе изъ личныхъ враговъ канцлера. Въ числѣ ихъ были друзья графа Эссекса, замѣшанные въ его дѣло. Они вѣроятно помнили роль, какую тогда игралъ Бэконъ, но никто изъ нихъ не оскорбилъ его намекомъ на прошедшее, никто не обнаружилъ непріязненнаго къ нему чувства. Даже сиръ Едвардъ Кокъ, равно знаменитый юридическими знаніями и доходившею до жестокости грубостію формъ, велъ себя въ этомъ случаѣ какъ „истинный джентльменъ", по словамъ историка.

Приговоръ состоялся. Верховный судья англійскаго королевства былъ объявленъ лихоимцемъ, недостойнымъ засѣдать въ палатахъ или исправлять какую либо государственную должность. Сверхъ того онъ былъ при-

сужденъ къ заключенію въ Лондонской Башнѣ и къ уплатѣ 40,000 фунтовъ пени. Милость короля отвратила исполненіе тяжкаго приговора и даже возвратила Бэкону часть утраченныхъ имъ почестей; но онъ не рѣшился явиться снова въ верхней камерѣ и сѣсть рядомъ съ бывшими своими судьями. Подъ бременемъ заслуженнаго позора прожилъ онъ еще пять лѣтъ. Не смотря на измѣнившееся положеніе, онъ не могъ отстать отъ прежнихъ привычекъ къ роскоши и не умѣлъ примириться съ своею участію. Онъ умеръ въ 1626 году жертвою своей любознательности. На возвратномъ пути изъ Лондона въ помѣстье, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ время, ему пришла въ голову мысль набить снѣгомъ только что убитую птицу и испытать, какъ долго можетъ дѣйствіе холода удержать разложеніе организма. Занятый этою мыслію, онъ вышелъ изъ экипажа и приготовилъ все нужное для задуманнаго опыта. Чрезъ нѣсколько минутъ, онъ почувствовалъ сильный ознобъ и принужденъ былъ просить гостепріимства въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ и скончался. Послѣднія минуты его были посвящены религіи и наукѣ. Предъ самою смертію, онъ собралъ угасавшія силы и написалъ къ одному изъ друзей своихъ письмо, въ которомъ между прочимъ увѣдомляетъ „что опытъ съ птицею удался ему превосходно“. Въ духовномъ завѣщаніи своемъ онъ съ гордымъ смиреніемъ поручаетъ память и имя свое милосердію людей, чуждымъ народамъ и отдаленнымъ вѣкамъ.

Но до сихъ поръ еще мы не видали заслугъ Бэкона. Въ Васъ быть можетъ уже возникалъ вопросъ: зачѣмъ я вызвалъ передъ Вами его опозоренную тѣнь? по какому праву поставилъ его на ряду съ Александромъ Великимъ и Лудовикомъ Святымъ, на ряду съ тѣми мучениками науки, которые, презирая всѣ блага и обольщенія жизни, радостно гибли за свои убѣжденія? Позвольте мнѣ предварительно напомнить Вамъ о томъ, что̀ было сказано мною въ началѣ этой лекціи о великомъ движеніи умовъ въ XVI столѣтіи. Отдавая полную справедливость высокимъ стремленіямъ тогдашнихъ мыслителей къ истинѣ, мы должны однако сказать, что ихъ отдѣльные труды и цѣлая литература той эпохи носятъ на себѣ печать лихорадочной тревоги духа, не уяснившаго себѣ задачу собственной дѣятельности. Съ одной стороны видимъ доведенное до безумныхъ крайностей поклоненіе древности, съ другой безусловное отрѣшеніе отъ прошедшей и настоящей жизни человѣчества въ пользу какихъ-то неопредѣленныхъ идеаловъ, имѣющихъ осуществиться въ будущемъ. Великія открытія въ сферѣ естествовѣдѣнія идутъ рядомъ съ глубокою вѣрою въ магію и алхимію. Идеализмъ и мистика, ищущія въ каббалѣ разгадки тайнъ, неразрѣшимыхъ для разума, граничатъ съ самымъ грубымъ матеріализмомъ. Жизнь науки состоитъ изъ борьбы, изъ разрѣшенія противорѣчій; но XVI вѣкъ представляетъ намъ не борьбу, а хаотическое броженіе необузданныхъ, враждебныхъ между собою стихій.

Здѣсь не можетъ быть мѣста изложенію Бэконовой дѣятельности въ сферѣ науки и разбору его системы. Мое дѣло показать только, въ чемъ заключались его историческія заслуги. Слава Бэкона долго основывалась на странномъ недоразумѣніи. Ему приписывали изобрѣтеніе новаго метода, т. е.

наведенія, противопоставленнаго имъ схоластическому силлогизму. Какъ будто наведеніе было дотолѣ неизвѣстно и не принадлежитъ къ числу тѣхъ необходимыхъ орудій, которыми отъ начала міра снабженъ для ежедневнаго употребленія умъ человѣческій? Также несправедливо мнѣніе людей, называющихъ лорда Веруламскаго создателемъ новой системы логики. Novum organum вовсе не имѣетъ такого значенія. Величіе Бэкона опирается на другія основанія. Отдѣльныя открытія, которыми ознаменовано его время, принадлежатъ не ему. Другіе далеко опередили его глубиною и важностію частныхъ изслѣдованій. Но никто изъ современниковъ не взглянулъ съ такою ясностію и отчетливостью на цѣлое движеніе, которое совершалось кругомъ. У Бэкона не закружилась голова отъ этого зрѣлища. Онъ не впалъ въ малодушное отчаяніе отъ массы не переработанныхъ мыслію матеріаловъ, не погрузился въ скептицизмъ и съумѣлъ однако устоять противъ вакхическаго упоенія умовъ. Онъ вступилъ, какъ законодатель, въ область, гдѣ до него господствовало безначаліе, подвелъ итоги всему сдѣланному и указалъ на цѣли дальнѣйшей дѣятельности. Ему первому пришла мысль о построеніи всѣхъ знаній нашихъ въ одну органическую науку. Онъ задумалъ такую энциклопедію, какая невозможна даже теперь, черезъ два вѣка послѣ его кончины. Величіе его заключается во всеобъемлемости и независимости взгляда. Онъ не искалъ истины въ діалектической игрѣ опредѣленіями, которую такъ любили средневѣковые философы, и не думалъ найти ее готовую въ завѣщанныхъ намъ памятникахъ классической древности. „Обыкновенное мнѣніе о древности, по его словамъ, весьма не точно и даже въ самыхъ словахъ едва ли соотвѣтствуетъ своему значенію, потому что древностью должно по настоящему считать старость и многолѣтіе міра, которыя слѣдуетъ приписать нашимъ временамъ, а не тому младшему возрасту вселенной, котораго свидѣтелями были древніе. Та эпоха въ отношеніи къ нашей, конечно, древняя и старѣйшая, но въ отношеніи къ самому міру она новая и младшая. И какъ отъ стараго человѣка ожидаемъ мы, по его опытности, болѣе знанія въ дѣлахъ человѣческихъ и болѣе зрѣлости въ сужденіяхъ, чѣмъ отъ молодаго, такъ точно и отъ нашей эпохи должны мы ожидать бо́льшаго, нежели отъ древнихъ временъ, потому что она представляетъ собою старѣйшій возрастъ міра и обогащена безконечнымъ множествомъ опытовъ и наблюденій“. Исполненный вѣры въ силы разума, даннаго намъ Творцемъ, Бэконъ питалъ глубокое уваженіе къ наукѣ, ибо „знаніе и могущество человѣческое сходятся во едино. Наука есть ничто иное, какъ образъ истины. Истина бытія и истина познанія одно и то же“. Но съ другой стороны онъ не требовалъ отъ науки невозможнаго и напередъ указалъ на грани, которыя отдѣляютъ ее отъ другихъ, недоступныхъ пытливому уму областей. Практическое воззрѣніе Англичанина высказалось въ слѣдующихъ словахъ: „истинная цѣль всѣхъ наукъ состоитъ въ надѣленіи жизни человѣческой новыми изобрѣтеніями и богатствами“. Природа должна служить постояннымъ матеріаломъ для духа, который располагаетъ ею только тогда, когда сознаетъ ея законы и подчиняется имъ. Неприложимое къ дѣйствительнымъ потребостямъ человѣка знаніе не имѣло

значенія въ глазахъ Бэкона. Слова его возвышаются до поэзіи, когда онъ говоритъ о будущихъ побѣдахъ разума, о его призваніи облагородить жизнь устраненіемъ тѣхъ золъ, которыхъ корень заключается въ невѣжествѣ. Торжественная рѣчь его звучитъ въ такихъ случаяхъ какъ обращенное къ намъ велѣніе идти по пути имъ указанному.

Я не скрылъ отъ Васъ грѣховъ лорда Веруламскаго. Но его гражданская дѣятельность забыта, смѣю сказать искуплена другой, которой онъ посвящалъ немногіе часы дневнаго досуга и безсонныя ночи свои. Тогда продажный и суетный лордъ-канцлеръ уступалъ мѣсто благородному мыслителю, проникнутому горячею любовію къ человѣчеству и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. „Поверхностное знаніе отдаляетъ насъ отъ религіи, сказалъ онъ, основательное возвращаетъ къ ней снова". Въ сочиненіяхъ Бэкона находится собраніе сложенныхъ имъ молитвъ. Повторяемъ еще разъ: его заслуга заключается не въ отдѣльныхъ открытіяхъ или трудахъ, а въ цѣломъ взглядѣ на науку, въ томъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на дальнѣйшую образованность Европы. Его мысли вошли въ умственную атмосферу двухъ послѣднихъ вѣковъ, проникли въ литературу, въ общее мнѣніе, сдѣлались ходячими истинами, общими мѣстами. Прибавимъ, что никто ни прежде, ни послѣ не превзошелъ его въ благородномъ пониманіи науки. Онъ болѣе чѣмъ кто другой знакомитъ насъ съ ея зиждительными и благими силами. Знаніе есть нѣчто положительное: оно отражаетъ и приводитъ къ ясному сознанію явленія духа и природы, но разрушеніе не его дѣло. Чаянія и требованія Бэкона приходятъ въ исполненіе: въ наше время образованность сдѣлалась необходимымъ условіемъ могущества для государствъ и сознательно-нравственной жизни для отдѣльныхъ лицъ.

Англія давно простила Бэкону проступки сановника и поставила имя его на ряду съ самыми чистыми и благородными именами своей исторіи. Намъ неприлично быть строже соотечественниковъ Бэкона. Намъ нѣтъ дѣла до его человѣческихъ слабостей; мы не отвѣчаемъ за нихъ, но заслуги имъ совершенныя существуютъ и для насъ. Мы принимаемъ отъ Европы только чистѣйшій результатъ ея духовнаго развитія, устраняя всѣ стороннія или случайныя примѣси. Наука Запада есть единственное добро, которое онъ можетъ передать Россіи. Примемъ же это наслѣдіе съ должною признательностію къ тѣмъ, которые приготовили его для насъ, нежданныхъ наслѣдниковъ, и не будемъ требовать у нихъ отчета въ томъ, какъ они нажили достающіяся намъ сокровища. Наше дѣло увеличить эти сокровища достойными вкладами Русской мысли и Русскаго слова.

ПѢСНИ ЭДДЫ О НИФЛУНГАХЪ.

Посвящено гр. Е. В. Сальясъ *).

Въ сферѣ поэзіи нерѣдко встрѣчаются произведенія, наслажденіе которыми достается читателю, можно сказать, съ боя, вслѣдствіе напряженнаго усилія и изученія. Стыдливая красота такихъ произведеній неохотно выступаетъ наружу изъ подъ причудливой формы, въ которую заключило ее своенравіе художника или особенный, историческими условіями опредѣленный складъ народной мысли. Этою независимою отъ внѣшняго убора красотою внутренняго содержанія отличаются поэтическіе памятники Исландской литературы. Въ нихъ не должно искать ни изящной формы классическаго и вообще южнаго искусства, ни свѣтлаго, успокоивающаго душу взгляда на жизнь. За то въ сумрачномъ мірѣ скандинавской поэзіи мы встрѣтимъ образы, дивно отмѣченные трагическою красотою страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новыхъ европейскихъ литературъ.

Заселеніе Исландіи началось въ одно время съ разложеніемъ древняго языческаго и гражданскаго быта на Скандинавскомъ полуостровѣ. Въ концѣ IX вѣка по Р. Х. пали мелкія владѣнія прежнихъ конунговъ, уступая мѣсто единодержавію Эйриха Упсальскаго въ Швеціи, Горма Стараго въ Даніи и Гаральда Прекрасноволосаго въ Норвегіи. Тогда же проникли въ пустыни и лѣса Скандинавіи первые проповѣдники христіанства,—Св. Ансгарій и его послѣдователи. Царствованію Одина и Азовъ наступилъ конецъ. Но этотъ переломъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и привычкахъ не могъ совершиться безъ мучительной и упорной борьбы. Многочисленные приверженцы старины ушли добровольными изгнанниками отъ новаго, возникавшаго на ихъ родинѣ порядка вещей. Исландія была для нихъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Америка для гонимыхъ сектъ и мнѣній западной Европы въ XVII столѣтіи. Далекій, бѣдный дарами природы островъ (1) принялъ на свою почву не

*) Эта статья напечатана въ учено-литературномъ альманахѣ „Комета", изданномъ И. Щепкинымъ въ 1851 г.

бездомныхъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ преслѣдованій закона или отъ голодной смерти, а цвѣтъ норвежскаго и вообще скандинавскаго племени, потомковъ древней аристократіи, ведшихъ свое происхожденіе отъ Азовъ и не хотѣвшихъ измѣнить религіознымъ и политическимъ преданіямъ, съ которыми связано было значеніе ихъ родовъ. Они принесли съ собою въ новое отечество, вмѣстѣ съ прекраснымъ и звучнымъ языкомъ, цѣлую вымиравшую въ собственной Скандинавіи миѳологію и изумительное богатство героическихъ пѣсенъ и преданій.

Такимъ образомъ Исландія досталось на долю быть послѣднимъ убѣжищемъ скандинавскаго язычества и связаннаго съ нимъ гражданскаго быта. Отрѣшенная своимъ положеніемъ отъ живаго движенія исторіи, страна въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ хранила этотъ бытъ, какъ поучительную для будущихъ поколѣній окаменѣлость. Даже по принятіи христіанства, Исландцы оставались вѣрны обычаямъ старины. Тамошнее духовенство не принимало участія въ честолюбивыхъ стремленіяхъ римско-католической іерархіи и предпочитало родной языкъ латинскому, сковавшему надолго самостоятельное развитіе западныхъ литературъ. Исландскіе священники не только не истребляли, по примѣру своихъ южныхъ собратій, памятниковъ языческой старины, но тщательно собирали ихъ и хранили при помощи ими же введенной азбуки. Такъ образовалась исландская литература, главныя произведенія которой принесены были на этотъ островъ колонистами IX и X столѣтій, хранились долго въ памяти народа и потомъ уже, въ эпоху христіанства и грамотности, преданы письму. Однимъ изъ древнѣйшихъ сборниковъ такого рода считается старая Эдда, составленная въ началѣ XII вѣка изъ миѳологическихъ и эпическихъ пѣсенъ, записанныхъ священникомъ Семундомъ Вѣщимъ. Семундова Эдда относится къ позднѣйшей поэзіи скальдовъ, отъ которой ее не всегда должнымъ образомъ отличаютъ (2), какъ вообще народная пѣсня относится къ искусственной поэзіи, подчиненной многосложнымъ правиламъ и носящей на себѣ отпечатокъ личности поэта. Пѣсни Эдды, въ особенности миѳологическія, принадлежатъ самой глубокой древности. Въ нихъ Скандинавъ высказалъ вполнѣ свое воззрѣніе на жизнь боговъ и человѣка. Воззрѣніе это мрачно, какъ природа и исторія, которыя его воспитали. Поклонникъ Азовъ носитъ въ груди своей скорбное сознаніе, что боги его не вѣчны, что они такія же преходящія существа, какъ онъ самъ. Немолчно поетъ пророчица Вола о предстоящей богамъ погибели. Въ другой пѣсни Эдды (Loka-sena), злой Азъ Локи осыпаетъ прочихъ Азовъ язвительными насмѣшками и бранью. Впечатлѣніе, производимое этою пѣснію, которую многіе ошибочно принимали за позднѣйшую вставку христіанскаго монаха, глубоко трагическое. Въ ея звукахъ слышится болѣзнь языческой души, противъ воли отрѣшающейся отъ древнихъ вѣрованій и горько сѣтующей на оставленныхъ ею боговъ за ихъ несостоятельность. Въ изступленіи недовольной обычными опасностями отваги, скандинавскіе витязи часто вызывали на бой Одина и Тора, самыхъ сильныхъ въ сонмѣ Азовъ, и ругались надъ ними за то, что они не отвѣчали на безумный вызовъ. Только христіанство могло божественною силою своею успо-

коить эту страшную тревогу сѣвернаго духа и обуздать его титаническіе порывы.

Эпическій отдѣлъ Эдды посвященъ судьбѣ трехъ знаменитыхъ, обреченныхъ богами на великую славу и великія страданія родовъ: Вользунговъ, Нифлунговъ и Будлинговъ. До насъ дошла только часть этихъ исполненныхъ высокой поэзіи и по содержанію тѣсно связанныхъ между собою пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ равно германскому и сѣверному эпосу. Сигурдъ Эдды и нѣмецкій Сигфридъ — одно и тоже лицо; Нифлунги суть Нибелунги; Атли — Этцель. За то пѣсни о Вользунгахъ составляютъ исключительную собственность Скандинавіи. Изъ этихъ пѣсенъ сохранились только три, которыхъ героемъ является Гельги, внукъ Вользунга и братъ Сигурда. Гельги вовсе неизвѣстенъ нѣмецкой сагѣ, но между скандинавскими героями ему нѣтъ равнаго. Онъ стоитъ выше даже брата своего Сигурда, связующаго судьбу Вользунговъ съ судьбою Нифлунговъ. Преданіе о послѣднихъ составитъ содержаніе нашей статьи. Мы не войдемъ въ разборъ отношенія, существующаго между пѣснями Эдды и германскимъ Эпосомъ, который очевидно моложе. Слѣдуя примѣру, съ такимъ успѣхомъ поданному Гротомъ (Groote) при изложеніи греческихъ миѳовъ и народныхъ преданій, мы не станемъ доискиваться таинственнаго смысла, сокрытаго въ сагѣ о Нифлунгахъ, и постараемся передать нашимъ читателямъ простое содержаніе этихъ пѣсенъ, жившихъ въ устахъ и памяти древняго Скандинава. Онъ вѣрилъ имъ на слово и конечно былъ бы глубоко оскорбленъ попытками новыхъ толкователей, старавшихся обратить могучихъ и полныхъ жизни героевъ сѣверной поэзіи въ блѣдные призраки, символы или аллегоріи.

Источники наши суть: старая Эдда, новая Эдда Снорри Стурлузона (3) и Вользунга-сага (4).

Въ то время, когда Азы еще странствовали по свѣту, случилось Одину, Локи и Гениру проходить мимо водопада, у котораго сидѣла выдра и ѣла, зажмуривъ глаза, пойманную ею рыбу. Локи бросилъ въ выдру камень и убилъ ее. Довольные такою удачею, Азы пошли далѣе. Вечеромъ они пришли къ хижинѣ чародѣя Грейдмара и попросили у него ночлега. Готовясь къ ужину, они показали своему хозяину добычу Локи. Грейдмаръ узналъ въ убитомъ звѣрѣ сына своего Отура, славнаго охотника, который подъ видомъ выдры ловилъ рыбу. Раздраженный отецъ позвалъ другихъ сыновей своихъ, Фафнира и Регина, и вмѣстѣ съ ними напалъ на неосторожныхъ гостей. Связанные по рукамъ и ногамъ, Азы предложили, въ видѣ выкупа за совершенное ими убійство, наполнить снятую въ выдры шкуру золотомъ и покрыть ее сверху тѣмъ же металломъ (5). Грейдмаръ согласился, и Локи отправился за обѣщаннымъ золотомъ. Онъ поймалъ карлу Андвари, который жилъ какъ рыба въ водѣ, и потребовалъ отъ него его сокровищъ, спрятанныхъ на рѣчномъ днѣ. Андвари отдалъ все, кромѣ кольца, которое онъ скрылъ въ рукѣ. Кольцо это одарено было свойствомъ обогащать своего владѣльца. Но Локи замѣтилъ хитрость Андвари и, не смотря на его просьбы, отнялъ у него волшебное кольцо. Оно погубитъ всѣхъ будущихъ

своихъ владѣльцевъ, сказалъ ограбленный карла. Кольцо очень нравилось Локи; но ему въ свою очередь не удалось скрыть его отъ Грейдмара, который взялъ его съ остальнымъ золотомъ какъ выкупъ за смерть Отура; при чемъ Одинъ подтвердилъ проклятіе, произнесенное Андвари.

Дѣйствія роковаго кольца не замедлили обнаружиться. Грейдмаръ былъ убитъ сыновьями, съ которыми онъ не хотѣлъ подѣлиться полученными отъ Азовъ богатствами. Потомъ возникла ссора между Фафниромъ и Региномъ. Первый овладѣлъ наслѣдіемъ отца, удалился на равнину Гвитагейди и, обратившись въ змѣя, сталъ сторожить свои сокровища. Регинъ нашелъ убѣжище при дворѣ короля Хіалпрека. Онъ воспиталъ тамъ послѣдняго изъ Вользунговъ, Сигурда Сигмундсона. Регинъ былъ искусный кузнецъ и сковалъ для своего воспитанника мечъ Грамъ, до того крѣпкій и острый, что имъ можно и разрубить наковальню, и разрѣзать надвое плывшую по водѣ прядь шерсти (6).

Когда Сигурдъ достигъ совершеннолѣтія, онъ взялъ свой мечъ, сѣлъ на коня Грани и отправился за славою. Пѣсни Эдды объ немъ начинаются съ бесѣды его съ Грипиромъ, братомъ его матери (7). Грипиръ одаренъ знаніемъ будущаго: неохотно повинуется онъ волѣ племянника и открываетъ ему судьбу, его ожидающую. Сигурдъ не довольствуется обѣщанною ему славою; онъ хочетъ знать напередъ, какой конецъ предстоитъ ему. Грипиръ заключаетъ свои предсказанія, составляющія мрачное введеніе къ трагическому эпосу, въ средоточіи котораго стоитъ Сигурдъ, утѣшительными словами: „лучшаго мужа, чѣмъ ты,—не будетъ подъ солнцемъ, Сигурдъ!“ Вользунгъ не палъ духомъ предъ неотразимымъ жребіемъ. Онъ благодаритъ дядю: „Простимся же мирно! судьбы никто не одолѣетъ. Ты исполнилъ желаніе мое, Грипиръ! Я знаю: ты предсказалъ бы мнѣ лучшую участь, если бы она была въ твоей волѣ“.

Регинъ не забылъ обиды, нанесенной ему Фафниромъ. Онъ убѣждаетъ Сигурда овладѣть сокровищами, которыя были причиною кроваваго раздора въ семействѣ Грейдмара. Но у Сигурда есть другія обязанности. Онъ долженъ отмстить за смерть дѣда и отца, павшихъ въ битвѣ противъ сыновъ Гундинга. „Громко смѣялись бы сыны Гундинга“, говоритъ онъ, „отнявшіе старость у Эйлими (отца Гіордисы, матери Сигурда), если бы отвагу витязя воспламеняли золотыя кольца, а не месть за отца“. По совершеніи этой мести, Вользунгъ отправляется на змѣя Фафнира. Онъ вырылъ глубокую яму и сѣлъ въ нее. Кромѣ страшной силы, у Фафнира былъ еще шлемъ Эгира (морскаго духа), наводившій ужасъ на всю живую тварь. Сигурдъ вонзилъ однако мечъ свой прямо въ сердце змѣя, когда тотъ ползъ надъ ямою къ водѣ. Умирающій братъ Регина совѣтуетъ своему побѣдителю быть осторожнымъ и ссылается на собственный примѣръ:

Фафниръ. Съ тѣхъ поръ какъ берегу мое сокровище, я ношу шлемъ Эгира. Я думалъ, что между людьми нѣтъ никого сильнѣе меня. Не много смѣлыхъ видѣлъ я.

Сигурдъ. Не всегда можетъ шлемъ Эгира служить защитою тамъ, гдѣ бьются отважные мужи...

Фафниръ. Черный ядъ билъ изъ ноздрей моихъ, когда я лежалъ на богатомъ наслѣдіи отца моего.

Сигурдъ. Змѣй, сверкающій чешуею, грозно было шипѣніе твое и жестоко сердце. Легко ростетъ смѣлость у того, которому данъ шлемъ Эгира.

Совѣты Фафнира, убѣждающаго Сигурда не брать проклятаго Андвари золота и не довѣрять Регину, безполезны. Регинъ приходитъ самъ послѣ смерти брата, пьетъ его кровь и проситъ Сигурда изжарить для него сердце убитаго. Этимъ способомъ надѣялся онъ достигнуть большей мудрости. Сигурдъ, исполняя возложенное на него коварнымъ воспитателемъ порученіе, дотронулся рукою до лежавшаго на огнѣ сердца, обжегъ себѣ палецъ и невольно поднесъ его къ губамъ. Капля Фафнировой крови упала ему въ ротъ, и онъ сталъ понимать языкъ птицъ. Семь орлицъ сидятъ кругомъ его на деревьяхъ и ведутъ между собою рѣчь объ умыслѣ Регина погубить убійцу своего брата и присвоить себѣ его богатства. Сигурдъ слышитъ ихъ разговоръ; ему нельзя болѣе сомнѣваться въ опасности, которая ему угрожаетъ, онъ убиваетъ Регина и, навьючивъ на коня своего Грани Фафнирово золото, ѣдетъ далѣе.

На высокой горѣ стоитъ окруженная пламеннымъ сіяніемъ и составленная изъ щитовъ ограда. Сигурдъ нашелъ въ ней спавшаго въ полномъ доспѣхѣ воина. Снявъ съ соннаго шлемъ, онъ увидѣлъ черты женскаго лица. То была валкирія Брингильда (8). Она убила въ битвѣ Гіалмгуннара, которому покровитель его Одинъ обѣщалъ побѣду, и въ наказаніе была погружена въ непробудный сонъ. Сигурдъ разрѣзалъ на ней очарованную броню и положилъ конецъ наложенному Одиномъ заклятію. Брингильда объяснила Сигурду значеніе и дѣйствіе различныхъ рунъ. Не смотря на всѣ старанія новыхъ толкователей и переводчиковъ, эта часть Эдды весьма темна. Ясно только то, что подъ различными рунами здѣсь должно разумѣть мудрость и знаніе вообще. Къ загадочнымъ наставленіямъ своимъ валкирія присоединила нѣсколько характеризующихъ образъ мыслей древняго Скандинава совѣтовъ. Будь вѣренъ друзьямъ, говоритъ она; держи данную клятву; остерегайся совѣта людей, не покидавшихъ родины; избѣгай волшебницъ. „Для смѣлости въ битвѣ воину нужны бодрыя очи, а на ратномъ пути часто сидятъ злыя колдуньи, притупляющія духъ и мечъ". Не соблазняйся приданымъ дѣвы; не зачинай ссоры подъ вліяніемъ вина; не дай себя сжечь въ оградѣ, окруженной врагами; лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ; не искушай къ легкомысленнымъ поступкамъ чужихъ женъ и дѣвицъ. „Девятый совѣтъ мой тебѣ: не оставляй безъ покрова трупы, лежащіе въ полѣ, какая бы ни была ихъ смерть: отъ заразы, отъ волнъ морскихъ или отъ оружія. Насыпь холмъ въ честь отшедшему, умой ему руки, расчеши и осуши волосы, прежде чѣмъ положить его въ гробъ. Потомъ моли о сладкомъ снѣ ему. Не довѣряй словамъ родственниковъ убитаго тобою человѣка: вѣрь, что вражда и затаенный гнѣвъ не засыпаютъ никогда. Смотри, какими путями идетъ на тебя бѣда". Валкирія знаетъ также судьбу Сигурда и свою собственную. Въ словахъ ея много намековъ, обличающихъ это знаніе.

Вользунга-Сага описываетъ знакомство Сигурда съ Брингильдою подробнѣе, чѣмъ Эдда. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей заимствованы изъ пѣсенъ, до насъ не дошедшихъ, другія вставлены, или, лучше сказать, сочинены самимъ составителемъ Саги. Въ пѣсняхъ Эдды не говорится вовсе о любви Брингильды къ Сигурду до брака ея съ Гуннаромъ. Можно догадываться, что она любитъ Вользунга; но яснаго свидѣтельства нѣтъ. Такая осторожность показываетъ простое и глубоко поэтическое чувство, которымъ проникнуты эти произведенія народной фантазіи. Въ Сагѣ, напротивъ, находится длинный разсказъ о томъ, какъ Сигурдъ и Брингильда полюбили другъ друга, какъ они обмѣнялись брачными обѣщаніями и даже прижили дочь Аслогу.

Сигурду не нужно быть супругомъ валкиріи. Онъ женится на прекрасной Гудрунѣ, дочери короля Гіуки и Гримхильды. У Гіуки было еще три сына: Гуннаръ, Гогни и Готтормъ. Они носятъ названіе Гіукунговъ или Нифлунговъ. Сигурдъ соединенъ съ ними тѣсною дружбой и обѣтами ратнаго братства. Когда Гуннаръ задумалъ жениться на дочери Будли, сестрѣ Атли,— Брингильдѣ, Сигурдъ предложилъ ему свою помощь и поѣхалъ съ нимъ за страшною невѣстой. Надобно было побѣдить большія, неодолимыя для Гуннара трудности. Жилище Брингильды окружено со всѣхъ сторонъ яркимъ пламенемъ. Никому еще не удавалось перешагнуть чрезъ эту ограду. Пораженный страхомъ конь Гуннара остановился. Тогда Сигурдъ принялъ видъ Гуннара и на своемъ Грани, который не терпѣлъ другаго всадника, промчался чрезъ пламя. Такимъ образомъ была обманута Брингильда, обѣщавшая руку свою тому, кто, преодолѣвъ всѣ опасности, которыми она окружила себя, явится предъ нею женихомъ. Она дала кольцо свое Сигурду, принимая его за Гуннара. Князь Гунновъ (9), такъ называетъ пѣсня Сигурда, провелъ съ нею три ночи, но каждый разъ клалъ между ею и собою обнаженный мечъ. Онъ не коснулся ея ни устами, ни рукою, и передалъ ее во всей чистотѣ непорочной дѣвы ожидавшему ихъ Гуннару.

Цвѣтущее семейство окружаетъ короля Гіуки и супругу его Гримхильду. При дворѣ ихъ живутъ дружно сыновья ихъ и зять съ женами своими. Но сердце Брингильды не спокойно: злыя норны смутили его. Она любитъ Сигурда и мучительно завидуетъ Гудрунѣ. Полная дурныхъ помысловъ уходитъ она на снѣжныя горы ночью, когда Сигурдъ ведетъ Гудруну на брачное ложе и заботливо одѣваетъ милую жену. Однажды случилось имъ обѣимъ, Гудрунѣ и Брингильдѣ, мыться въ Рейнѣ (10). Послѣдняя сошла въ рѣку, говоря, что не хочетъ мочить себѣ голову водою, текущею съ волосъ ея невѣстки. „Мой отецъ былъ сильнѣе твоего отца; мой мужъ совершилъ болѣе великихъ дѣлъ, чѣмъ твой: онъ переѣхалъ чрезъ пламенную ограду, а Сигурдъ былъ слугою короля Хіалпрека“. Тогда сказала ей Гудруна всю правду и показала ей обручальное кольцо, полученное Вользунгомъ, когда онъ принялъ видъ Гуннара. Кольцо это красовалось теперь на рукѣ Гудруны. Брингильда поблѣднѣла какъ мертвецъ и не молвила болѣе слова. Споръ возобновился однако на другой день. Гудруна хвалилась, что люди поютъ объ ея мужѣ: „его побѣда надъ змѣемъ Фафниромъ лучше всего

царства Гуннарова“. Брингильда легла на ложе свое и лежала какъ мертвая. Когда къ ней пришелъ Гуннаръ, она стала упрекать его въ обманѣ и хотѣла убить его. Скорбь ея тронула даже Гудруну, которая послала къ ней утѣшителемъ Сигурда. Предъ нимъ высказала горе свое Брингильда, призналась ему въ ненависти къ малодушному мужу и въ желаніи погубить его самого. Но отмстить Гуннару обманомъ за обманъ она не хотѣла и рѣшилась сохранить ему вѣрность. Во время этой бесѣды у Сигурда такъ билось сердце, что панцырь его треснулъ на немъ (11).

Брингильда убѣждаетъ мужа умертвить Сигурда, Гогни совѣтуетъ брату не слушать злой жены; но совѣты его безплодны. Онъ принужденъ самъ согласиться на убійство, въ которомъ впрочемъ ни ему, ни Гуннару нельзя принять личнаго участія, потому что они ратные братья Сигурда и клялись ему въ дружбѣ. Меньшой братъ ихъ Готтормъ не давалъ такихъ обѣтовъ. Они накормили его волчьимъ и змѣинымъ мясомъ и научили убить соннаго Сигурда. Готтормъ исполнилъ ихъ волю, но умирающій Вользунгъ бросилъ въ него мечъ свой Грамъ и разрубилъ его на двое. Прощаясь предъ смертью съ женою, Сигурдъ сказалъ ей: „я знаю, кто задумалъ преступленіе. Всему виною одна Брингильда. Она любила меня болѣе, чѣмъ другихъ людей, а Гуннару я всегда служилъ добромъ“.

Плачъ Гудруны разнесся по всему дому Гіуки, „и засмѣялась отъ полнаго сердца Брингильда, дочь Будли, когда долетѣлъ до нея пронзительный стонъ дочери Гіуки“. Гуннаръ упрекаетъ жену за этотъ злобный хохотъ; но онъ въ то-же время замѣчаетъ, что прекрасное лице ея блѣднѣетъ. Ты задумала не доброе, говоритъ онъ, ты, кажется, близка къ смерти. Брингильда отвѣчаетъ ему признаніемъ, что она, кромѣ Сигурда, не любила никого, и предвѣщаетъ Нифлунгамъ погибель отъ руки ея брата Атли. Гуннаръ напрасно хочетъ ее успокоить. Она твердо рѣшилась умереть. Слуги ея и рабыни, которыхъ она приглашаетъ послѣдовать ея примѣру, предлагая имъ для предсмертнаго убора свои драгоцѣнности, отказываются, говоря: „довольно труповъ здѣсь, мы хотимъ жить“. Покрытая бѣлымъ покрываломъ, въ золотой бронѣ валкиріи, Брингильда исполняетъ свой замыслъ и убиваетъ себя. Въ послѣднихъ словахъ ея странно, но поэтически звучитъ жестокая воля валкиріи и грусть женщины, которой судьба „не дала счастливой любви“. Она предсказываетъ еще разъ будущую участь Нифлунговъ и брата своего Атли; жалѣетъ о малодушіи Гудруны, остающейся въ живыхъ, хотя ей суждено быть причиною гибели всѣхъ близкихъ, и проситъ похоронить себя вмѣстѣ съ Сигурдомъ, положивъ однако посрединѣ тотъ же мечъ, который лежалъ между ними, когда Сигурдъ подъ видомъ Гуннара дѣлилъ съ нею брачное ложе. „Положите намъ въ головы двухъ слугъ моихъ, да двухъ къ ногамъ. Еще двухъ собакъ, да двухъ ястребовъ, тогда все будетъ хорошо“, прибавляетъ она сообразно съ суровымъ обычаемъ родины. Слѣдующая за тѣмъ пѣсня Эдды передаетъ разговоръ умершей, находящейся на пути въ Гелу (подземный міръ) Брингильды съ исполинкою, которая осыпаетъ ее укорами. Брингильда въ оправданіе себѣ разсказываетъ повѣсть своей жизни. Разсказъ этотъ коротокъ

и не содержитъ почти ничего новаго. Видно изъ безпрестанныхъ повтореній, что судьба Сигурда и Брингильды была предметомъ многихъ пѣсенъ, которыя заимствовали одна изъ другой не только общія черты, но и самыя выраженія.

Первая изъ трехъ пѣсенъ, носящихъ имя Гудруны, описываетъ сѣтованіе Сигурдовой вдовы. Трудно себѣ представить что нибудь проще и поразительнѣе этой скорбной пѣсни.

Однажды хотѣлось умереть Гудрунѣ, когда она печальная сидѣла у ногъ Сигурда. Она не рыдала, не ломала себѣ рукъ и не плакала по женскому обычаю.

Пришли князья, и любовью своею хотѣли разогнать ея горькія думы. Не жаловалась, не плакала Гудруна. Сердце ея ломилось подъ тяжелымъ горемъ.

Блистающія, золотомъ украшенныя жены князей сидѣли предъ Гудруною. Каждая говорила о своихъ страданіяхъ, о самомъ горькомъ въ собственной жизни.

Гіафлога, сестра Гіуки, сказала: я извѣдала болѣе печали, чѣмъ многія другія. Пять разъ доходила до меня вѣсть о гибели супруговъ. Двухъ дочерей, трехъ сыновей, восемь братьевъ взяла смерть. Я живу одна.

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь объ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

Тогда молвила Герборга, королева Гуннской земли. Мнѣ можно пожаловаться на большее горе. Семь сыновъ и мужъ восьмой пали на южной землѣ подъ убійственною сталью.

Отца и мать и четырехъ братьевъ обманулъ вѣтеръ на морѣ. Волны ворвались въ досчатые бока корабля. Самой мнѣ пришлось хоронить ихъ всѣхъ, напутствовать ихъ въ Гелу. Все это вытерпѣла я въ полгода, и некому было утѣшать меня.

Скоро, послѣ печальныхъ дней, пришли враги, взяли и сковали меня. Каждое утро должна я была убирать жену ярла, завязывать ей обувь.

Она мучила меня ревностію; быстро сыпались на меня ея удары. Не было господина милостивѣе, не было госпожи суровѣе.

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь объ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

Тогда сказала Гюлронда, дочь Гіуки: ты мудра, пѣстунья, но ты не умѣешь облегчить утѣшеніемъ горе молодой жены. Она сняла покровъ съ головы князя. Сняла ему покровъ съ головы и обернула щекою къ колѣнамъ супруги. Взгляни на милаго, приложи уста къ его устамъ, какъ цѣловала его при жизни.

Гудруна подняла глаза, увидѣла запекшіеся въ крови волоса вождя и померкшія свѣтлыя очи и разсѣченную мечемъ обитель отваги.

Упала навзничь Гудруна; волоса ея разсыпались, щеки загорѣлись, и дождь полился изъ глазъ на колѣна. Тогда заплакала Гудруна, дочь Гіуки...

Нифлунги, которыхъ заслонялъ собою Сигурдъ, выступаютъ послѣ его смерти главными дѣйствующими лицами на сцену. Они овладѣли наслѣдіемъ

Фафнира и роковымъ кольцомъ, съ которымъ сопряжено проклятіе карлы Андвари. Чтобы отвратить отъ себя кровавое возмездіе за совершенное ими преступленіе, они убили Сигурдова сына и дали Гудрунѣ волшебный напитокъ, который на время отнялъ у нея память. Гримхильда заклинаетъ дочь свою выдти замужъ за брата Брингильды, Будлинга Атли. Этотъ Атли есть не кто другой, какъ знаменитый Аттила, царь Гунновъ. Извѣстія о владычествѣ его надъ скандинавскимъ сѣверомъ очевидно ложны; но слава его достигла до крайнихъ предѣловъ Европы, и народная поэзія овладѣла его именемъ, оставляя въ сторонѣ историческую обстановку, которою былъ окруженъ „Бичъ божій". Въ скандинавской Эддѣ и въ нѣмецкихъ Нибелунгахъ (гдѣ его зовутъ Этцелемъ) Аттила является могущественнымъ царемъ Гунновъ, при дворѣ котораго происходитъ кровавая развязка трагедіи, начавшейся смертію Сигурда или Сигфрида. Имена и подробности другія; но основа сказанія одна и таже. Замѣчательно, что ни Эдда, ни Нибелунги не приписываютъ Аттилѣ тѣхъ великихъ свойствъ, которыми отличаются прочіе герои. Онъ смотритъ издали на сѣчу и вообще не славится своими подвигами. Слова лѣтописца Іорнанда о царѣ Гунновъ, „что онъ былъ воздерженъ на руку" (manu temperans), подтверждаются такимъ образомъ свидѣтельствомъ народныхъ преданій. Гудруна не могла устоять противъ просьбъ матери и братьевъ, которые молили ее на колѣняхъ исполнить ихъ желаніе.

Она согласилась дать свою руку Атли; но грудь ея была полна тяжкихъ предчувствій, и новый бракъ не сулилъ ей радости. Атли не видалъ ни разу улыбки на лицѣ жены своей. Она не могла забыть перваго супруга, хотя родила двухъ сыновей отъ втораго.

У Атли, кромѣ Брингильды, была еще сестра Одруна. Она любила Гуннара, и была любима имъ; но Атли не далъ своего согласія на ихъ бракъ. Онъ завидовалъ богатству, доставшемуся Нифлунгамъ послѣ Сигурда. Собранные на совѣщаніе вожди Гунновъ присовѣтовали королю пригласить къ себѣ Гуннара и Гогни и поступить съ ними такъ, какъ они поступили съ Вользунгомъ. Атли принялъ совѣтъ и отправилъ гонца Винги (другая пѣсня называетъ его Кнефрудомъ) съ приглашеніемъ къ братьямъ Гудруны. Коварное намѣреніе Атли не скрылось отъ зоркой Гудруны: она не могла сама ѣхать къ братьямъ, но послала имъ предохранительныя руны и кольцо, обвитое волчьимъ волосомъ. Хитрый Винги испортилъ руны и, не смотря на разныя примѣты, грозившія бѣдою Нифлунгамъ, уговорилъ ихъ посѣтить его господина. Гуннаръ отвѣчаетъ на предостереженіе супруги своей Гломворы, видѣвшей зловѣщій сонъ: „поздно приходятъ рѣчи твои. Я рѣшился ѣхать. Къ чему бояться поѣздки, когда дано уже слово. Много было намъ предвѣщаній, что жизнь наша не продлится долго". Гогни былъ недовѣрчивѣе брата, но не хотѣлъ отпустить его одного. Только пять витязей рѣшились проводить ихъ ко двору Атли. Нифлунги такъ спѣшили на встрѣчу ожидавшей ихъ гибели, что у корабля, на которомъ они плыли, отскочилъ руль и переломались всѣ весла. При самомъ входѣ въ замокъ Атли, Винги смутился душою. Можетъ быть, ему стало жаль обреченныхъ на гибель

гостей; можетъ быть, Азы помрачили разсудокъ его въ наказаніе за вѣроломные обѣты, данные имъ сынамъ Гіуки. Онъ открылъ имъ истину и совѣтовалъ бѣжать. Гогни отказался отъ постыднаго средства къ спасенію. Онъ убилъ вмѣстѣ съ братомъ обманувшаго ихъ гонца и, не сходя съ мѣста, сталъ ругаться надъ Гуннами. „Худо удается дѣло, вами придуманное. Вы еще не готовы къ бою, а мы уже убили до смерти одного изъ вашихъ“. Гудруна услышала въ свѣтлицѣ своей шумъ начинавшейся битвы, сорвала съ себя въ гнѣвѣ золото и серебро, которыми была убрана, и поспѣшила къ братьямъ. „Смѣло вышла она на встрѣчу Нифлунгамъ, цѣловала ихъ и обвивала руками. То былъ послѣдній привѣтъ ея. Она крѣпко любила витязей и сказала имъ: „я хотѣла отвратить васъ отъ поѣздки сюда предостереженіемъ; но судьба сильнѣе человѣка. Вамъ суждено было быть здѣсь“. Увѣщанія ея положить конецъ распрѣ выкупомъ были безуспѣшны. Съ обѣихъ сторонъ ей отвѣчали: нѣтъ. Тогда она сняла съ себя покрывало, взяла мечъ и стала рядомъ съ Гуннаромъ и Гогни. Два брата Атли пали подъ ея ударами. Дѣти Гіуки бились смѣлѣе другихъ отъ ранняго утра до обѣда. Осьмнадцать Гуннскихъ трупповъ свидѣтельствовали объ ихъ мужествѣ. Атли видитъ издали гибель своихъ воиновъ. Изъ пяти сыновъ Будли онъ остался одинъ и укоряетъ Гудруну: „рѣдко посѣщала насъ радость съ тѣхъ поръ, какъ ты живешь съ нами“. По его приказанію Гунны нападаютъ снова на Нифлунговъ и одолѣваютъ ихъ числомъ своимъ. Атли радуется напередъ горю супруги. Онъ осудилъ ея братьевъ на мучительную казнь: велѣлъ у живаго Гогни вырѣзать сердце, а скованнаго Гуннара заключить въ башню, наполненную змѣями.

Въ разсказѣ о смерти Гогни есть черты, превосходно характеризующія нравы героическаго вѣка въ Скандинавіи. Атли приказалъ спросить у Гуннара о мѣстѣ, гдѣ хранится сокровище Фафнира. Гуннаръ обѣщаетъ отвѣчать на вопросъ, когда ему принесутъ вырѣзанное изъ груди его брата сердце. Но участь Гогни внушаетъ участіе Бейти, одному изъ вождей Гуннскихъ. Онъ хочетъ спасти плѣнника и приказываетъ убить вмѣсто его Гіаллина, царскаго повара. „Ему подобаетъ такая кончина, говоритъ Бейти: если онъ проживетъ долѣе, онъ будетъ лѣнивъ и безполезенъ“. Робкій Гіаллинъ стонетъ и гнется отъ страха; онъ молитъ о пощадѣ: „я могу еще возить навозъ въ садъ и исправлять черныя работы“. Гогни не выдержалъ его плача. Онъ сжалился надъ несчастнымъ рабомъ и потребовалъ себѣ скорой казни. Бейти не терялъ однако надежды спасти братьевъ королевы, доставивъ Атли сокровища, которыхъ онъ такъ жадно домогался. Гуннару показали вырѣзанное у Гіаллина и положенное на блюдо сердце. Нифлунгъ узналъ сердце раба: „оно дрожитъ на блюдѣ и дрожало еще сильнѣе въ груди, его носившей“. Когда ему подали наконецъ настоящее сердце умершаго со смѣхомъ на устахъ Гогни, Гуннаръ сказалъ: „оно почти не дрожитъ на блюдѣ и не дрожало вовсе, когда лежало въ груди“. Потомъ онъ объявляетъ, что, кромѣ его и брата, никому не было извѣстно, гдѣ спрятано погубившее ихъ золото, и что оно не достанется ни Атли, ни другимъ. Сокровище Фафнира погружено было Нифлунгами, предъ отъѣздомъ къ

Гуннскому царю, въ волны Рейна. Оно лежитъ до сихъ поръ на днѣ рѣки. Гудруна прислала заключенному въ змѣиную башню Гуннару арфу. Руки у него были связаны, но онъ игралъ ногами такъ сладко, что женщины плакали, воины скорбѣли, и змѣи, усыпленныя дивными звуками, не трогали узника. Только одна ехидна не заснула. То была мать Атли. Она впилась Гуннару въ грудь, и звуки умолкли.

Атли издѣвался надъ страданіемъ Гудруны, но она была хитра и умѣла говорить льстивыя рѣчи, по словамъ пѣсни. На другой день послѣ побоища, Атли пировалъ съ вождями своими, совершая тризну въ честь павшихъ. Гудруна подносила гостямъ дорогіе напитки во славу братьевъ: супругъ ея пилъ за умершихъ въ бою родственниковъ своихъ. Ненависть грызла сердце Гудрунѣ. Она ушла отъ пирующихъ, „позвала потихоньку малыхъ дѣтей своихъ и положила ихъ предъ собою. Грустно стало смѣлымъ дѣтямъ, но глаза ихъ были сухи. Они ласкались къ матери и спрашивали, что она дѣлаетъ. Не спрашивайте меня: я хочу изрубить васъ обоихъ. Давно задумала я умертвить васъ.—Убей маленькихъ дѣтей своихъ; никто не увидитъ... Часто спрашивалъ Атли, не видя дѣтей своихъ: не пошли ли они играть?“ Пиръ между тѣмъ продолжался. Гудруна угощала гостей и мужа. Наконецъ она сказала ему: „Я дочь Гримхильды. Не хочу болѣе обманывать тебя. Не хорошъ покажется тебѣ разсказъ мой. Ты вызвалъ большое горе, убивши братьевъ моихъ. Не спала я, Атли, съ тѣхъ поръ какъ ихъ не стало. Помнишь ли: я обѣщала тебѣ горькую отплату. Ты говорилъ со мною утромъ—я ношу еще слова твои въ сердцѣ; послушай моей рѣчи вечеромъ“... Гудруна разсказываетъ потомъ, что она убила дѣтей, накормила Атли ихъ изжаренными сердцами и напоила виномъ изъ ихъ череповъ.— Пѣсня поетъ далѣе: „не радостно сидѣли они рядомъ, глядя грозными очами, говоря гнѣвныя рѣчи“. Въ туже ночь Гудруна убила Атли при помощи Нифлунга, сына Гогни. Въ характерѣ умирающаго Атли не видно той суровой силы, которою такъ богаты Вользунги и Нифлунги. Родъ Будли стоитъ гораздо ниже славою и доблестями. Гудруна прямо обвиняетъ супруга въ недостаткѣ ратнаго мужества. „До меня не доходила молва о совершенной тобою мести, о побѣдѣ твоей надъ другимъ. Ты уклонялся отъ нелюбимаго тобою боя, хотя молчалъ объ этомъ“. — На просьбу Атли похоронить его достойнымъ образомъ, Гудруна отвѣчаетъ обѣщаніемъ исполнить его волю такъ, какъ будто они жили въ любви между собою. Пѣсня оканчивается странною для насъ, но понятною въ устахъ язычника-Скандинава похвалою. „Счастливъ тотъ, у кого родится такая дочь, какъ у Гіуки. Люди, слышавшіе о мщеніи могучей Гудруны, не забудутъ о ней во вѣки“.

Смертью Атли замыкается собственно исторія Нифлунговъ; но есть еще двѣ пѣсни, въ которыхъ разсказана послѣдующая судьба Гудруны. Похоронивъ мужа, она бросилась въ море; волны бережно отнесли ее въ землю короля Іонакура, который женился на ней и прижилъ трехъ сыновъ. Гудрунѣ суждено было пережить и погубить родъ свой. Дочь ея отъ Сигурда вышла замужъ за готскаго Іормунрека (Эрменриха нѣмецкой саги) и была,

по его приказанію, предана позорной казни. Сыновья Гудруны предприняли, по наущенію матери, отмстить за сестру, убили Іормунрека и погибли сами. Готы, которымъ помогалъ лично Одинъ, забросали ихъ каменьями. Безродная Гудруна оплакала послѣднихъ помковъ Гіуки. Вользунги и Нифлунги сошли въ могилу, но пѣсни о нихъ не умолкали на скандинавскомъ сѣверѣ. Ихъ пѣли Скальды „для укрѣпленія отваги въ мужахъ, для облегченія скорби въ женахъ“, по прекрасному выраженію самой пѣсни.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТАТЬѢ О НИФЛУНГАХЪ.

1) Впрочемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до X-го столѣтія климатъ Исландіи былъ мягче и почва плодороднѣе, чѣмъ теперь. Островъ, по свидѣтельству Исландскихъ сагъ, былъ покрытъ лѣсами, которыхъ въ настоящее время нѣтъ вовсе, и жители занимались земледѣліемъ. Теперь хлѣбъ не родится болѣе, а выписывается изъ Даніи.

2) Такъ напр., Мармье называетъ Эдду „antique monument de la mythologie et de la poésie des scaldes“. Chants populaires du Nord, p. 5.

3) Новая Эдда, составленіе которой приписывается знаменитому Исландскому ученому Снори Стурлузону въ XIII столѣтіи, есть нѣчто въ родѣ назначенной для употребленія молодыхъ скальдовъ піитики. Она состоитъ изъ трехъ частей: 1) Краткаго обзора скандинавской миѳологіи; 2) Собранія поэтическихъ выраженій и оборотовъ, заимствованныхъ у древнихъ скальдовъ, и 3) Собственной Скальды, въ которой изложены правила скандинавскаго стихосложенія.

4) Вользунга-сага есть написанное въ прозѣ, взятое изъ пѣсенъ старой Эдды повѣствованіе о Вользунгахъ. Въ особенности подробно изложена исторія Сигурда. Видно, что у составителя этой саги были подъ рукою пѣсни, до насъ не дошедшія.

5) Этотъ родъ выкупа сохранился въ Германіи почти до нашихъ временъ. Въ Эрленбахѣ, что на Цюрихскомъ озерѣ, существовало въ концѣ прошлаго столѣтія кошачье право. Крестьянинъ, убившій кошку у другаго, обязанъ былъ засыпать рожью или другимъ хлѣбомъ растянутую шкуру убитаго животнаго. См. Mone, Anzeiger für Kunde des deutschen Mittelalters, г. 1836.

6) Вользунга-сага.

7) Первая пѣснь о Сигурдѣ называется также Gripispa (предсказаніе Грипира).

8) Валкиріи въ скандинавской миѳологіи — дѣвы Одина, которыхъ онъ посылаетъ въ битву за душами падшихъ воиновъ. Изъ исторіи Брингильды и другихъ подобныхъ сказаній видно, что Валкиріи сами принимали участіе въ бою. Въ этихъ воинственныхъ дѣвахъ соединяются божественныя свойства Азовъ съ человѣческими наклонностями. Онѣ обыкновенно обречены на безбрачіе.

9) Подъ этимъ именемъ Эдда разумѣетъ здѣсь не историческихъ Гунновъ, а какое-то германское племя. Земля Гунновъ лежитъ на югѣ, но гдѣ именно, этого не опредѣляетъ своеправная географія скандинавской пѣсни. Настоящіе Гунны, по всей вѣроятности, только подданные Атли, или Аттилы.

10) О Рейнѣ можно то-же сказать, что и о Гуннахъ. Дѣло идетъ не о настоящемъ нѣмецкомъ Рейнѣ, а о рѣкѣ вообще. Rin, Hrinn,—названіе, общее многимъ рѣкамъ. См. Ettmüller, die Lieder der Edda von den Nibelungen, стр. 28.

11) Этотъ разсказъ взятъ изъ Вользунга-саги, которая очевидно заимствовала его цѣликомъ изъ древней пѣсни. Доказательствомъ могутъ служить сохранившіеся въ прозаическомъ повѣствованіи стихи.

БАРТОЛЬДЪ ГЕОРГЪ НИБУРЪ *).

I.

Съ именемъ каждаго оставившаго прочный слѣдъ въ литературѣ писателя мы привыкли соединять какое-нибудь представленіе, характеризующее особенности его таланта. Такого рода представленія и выражающіе ихъ постоянные эпитеты не всегда бываютъ справедливы. Кто скажетъ, напримѣръ, почему при имени Нибура неизбѣжно приходитъ въ голову мысль о сухой, разрушительной критикѣ, отвергающей поэтическія преданія древняго Рима? Сочиненія знаменитаго историка у насъ извѣстны немногимъ, читавшимъ ихъ въ подлинникѣ или во французскомъ переводѣ Гольбери. Но трудность этого чтенія заключается не въ языкѣ, а въ повѣркѣ сложныхъ изслѣдованій, основанныхъ на сближеніи мельчайшихъ подробностей, на самыхъ отдаленныхъ аналогіяхъ. Сверхъ рѣдкаго запаса знаній, Нибуръ требуетъ отъ своихъ читателей твердаго и напряженнаго вниманія. Наши журналы, изъ которыхъ многіе заимствуютъ готовые приговоры и мнѣнія, мало говорили о трудахъ автора „Римской Исторіи". Важнѣе остального, помѣщенный въ „Московскомъ Телеграфѣ" переводъ, написанной еще въ 1816 году А. В. Шлегелемъ, рецензіи на первое изданіе Нибурова творенія. Но эта статья не могла имѣть успѣха и найти много читателей. Она направлена противъ частностей и не даетъ никакого понятія о цѣломъ. Сверхъ того, въ ней на каждой страницѣ проглядываетъ мелкое, завистливое чувство, подъ вліяніемъ котораго она была написана. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но сумма ходящихъ въ нашей литературѣ свѣдѣній о Нибурѣ едва ли увеличилась. Немногіе изъ добытыхъ имъ результатовъ перешли въ наши учебныя книги. Главное, т. е. методъ изслѣдованія и критика, остались незамѣченными. А между тѣмъ въ матеріялахъ не было недостатка. Дѣятельность Нибура давно замкнулась. Личнымъ недоразумѣніямъ и зависти нѣтъ болѣе мѣста. Его труды легли въ основаніе всѣхъ

*) Этотъ біографическій очеркъ, оставшійся неоконченнымъ, составленъ на основаніи переписки Нибура, изд. въ 1838—39 году подъ названіемъ Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr, и напечатанъ въ „Современникѣ" 1850 года, Январь и Февраль. Онъ можетъ служить вступленіемъ къ статьямъ нашего автора о „Чтеніяхъ Нибура".

новѣйшихъ розысканій о римской исторіи. Его нельзя болѣе обойти, занимаясь древностями. *Ingenti gradu occupavit pontem.* Зато друзья и ученики съ уваженіемъ собираютъ все написанное или сказанное имъ. Въ 1838 году издана его переписка, по которой можно прослѣдить весь ходъ его развитія. Теперь издаются лекціи, которыя онъ читалъ, когда былъ профессоромъ въ Боннѣ. Не говоримъ о множествѣ статей, посвященныхъ разбору его мнѣній или содержащихъ въ себѣ разсказы о немъ. Пора бы, кажется, свести итогъ всѣхъ этихъ явленій и представить вѣрный отчетъ о заслугахъ Нибура въ наукѣ, снять съ него странное обвиненіе въ скептицизмѣ и показать, сколько было положительнаго въ его выводахъ и сколько поэзіи въ его воззрѣніи на исторію. Изложеніе его біографіи можетъ скорѣе всего привести насъ къ этой цѣли. Біографическая форма даетъ возможность объяснять книгу жизнью и жизнь—книгою.

Біографіи ученыхъ XIX вѣка рѣдко отличаются занимательностію содержанія. Въ судьбѣ человѣка, котораго лучшіе годы проходятъ въ рабочей комнатѣ, трудно найти стороны, способныя возбудить живое любопытство или участіе. Въ Средніе вѣка и въ началѣ новой исторіи отношенія были другія. Тогда для служенія наукѣ недостаточно было одного дарованія: нужны были самоотверженіе, сильный характеръ. Борьба съ препятствіями начиналась уже въ школѣ, гдѣ безъ руководствъ и пособій, теперь доступныхъ каждому изъ насъ, надобно было учиться со словъ ненадежнаго наставника. Высшія свѣдѣнія пріобрѣтались только въ немногихъ центрахъ европейской образованности, гдѣ изустное преподаваніе замѣняло до Гуттенбергова открытія недостатокъ книгъ. Знанія, здѣсь пріобрѣтенныя, пополнялись потомъ самостоятельнымъ трудомъ, упорнымъ напряженіемъ мысли, путешествіями и личными наблюденіями. Сколько драматическихъ эпизодовъ входило въ такую жизнь. То были могучіе, гордые, страстные труженики, судьба которыхъ имѣетъ для насъ, изнѣженныхъ дѣтей эпохи, не знающей, что дѣлать съ своею образованностію, какую-то сказочную прелесть. Исторія наукъ отъ Іоанна Эригены до Вальтера Ралли и Галлилея, написанная съ талантомъ и съ сохраненіемъ біографическаго интереса, конечно, могла бы занять важное мѣсто въ современной литературѣ и принести много пользы. Ни въ какой другой сферѣ не могли такъ самобытно опредѣлиться личности. Онѣ привлекаютъ къ себѣ наше участіе сами по себѣ, независимо отъ тѣхъ великихъ идей, которыхъ были представителями. Этого рода занимательность почти не существуетъ въ біографіяхъ теперешнихъ ученыхъ. Спокойная кабинетная дѣятельность не въ состояніи воспитать крѣпкихъ характеровъ и рѣдко ставитъ человѣка въ такое положеніе, въ которомъ его участь получаетъ право на общее вниманіе. Исключеній мало. Некрологи самыхъ знаменитыхъ мужей, которыми по праву гордится XIX столѣтіе, состоятъ большею частію изъ перечня изданныхъ ими сочиненій и предпринятыхъ трудовъ. Но есть книги, которыхъ полное пониманіе возможно только при близкомъ знакомствѣ съ авторомъ, положившимъ на нихъ печать своей особенности. Къ числу такихъ принадлежатъ творенія Нибура. Письма его и дошедшія до насъ бесѣды съ друзьями представляютъ не только за-

нимательное, но и поучительное чтеніе. Въ нихъ виденъ весь внутренній процессъ, результатомъ котораго была „Римская Исторія". Самыя сухія розысканія, въ ней находящіяся, состоятъ въ тѣсной органической связи съ отдѣльными переходами этого процесса. Немногіе принимали исторію такъ горячо къ сердцу и понимали ее такъ цѣльно, какъ Нибуръ. Онъ не дробилъ ее на отрѣшенныя одна отъ другой части. Поэтому ему случалось вносить въ древность впечатлѣнія, принятыя отъ новой исторіи; еще чаще слышится въ его отзывахъ о современныхъ ему событіяхъ отголосокъ античныхъ воззрѣній на государство. Въ этой особенности заключается его сила и отчасти его слабость. Мы постараемся характеризовать его собственными словами.

Бартольдъ Георгъ Нибуръ родился въ Копенгагенѣ 27 августа 1776 г. Отецъ его Карстенъ Нибуръ, знаменитый своими путешествіями по Востоку, былъ въ то время инженернымъ капитаномъ въ датской службѣ. Лѣтомъ 1778 года онъ занялъ другую должность по гражданскому вѣдомству и переѣхалъ въ Мельдорфъ, небольшой городокъ въ южномъ Дитмарсенѣ. Трудно себѣ представить болѣе глухую и унылую мѣстность. Между городскими жителями мало было образованныхъ людей. Окрестности состояли изъ болотъ; деревьевъ не было вовсе. Однообразіе мельдорфской жизни изрѣдка прерывалось пріѣздами должностныхъ лицъ или путешественниковъ, которыхъ привлекала въ этотъ отдаленный уголокъ датскихъ владѣній извѣстность Карстена Нибура, пользовавшагося великимъ авторитетомъ во всемъ, что̀ касалось до Азіи. При всемъ томъ Бартольдъ Георгъ не могъ жаловаться на печальное дѣтство. Онъ вспоминалъ о немъ съ теплымъ чувствомъ и любилъ Дитмарсенъ, какъ свою родину. Исторія и современныя отношенія этой области, гдѣ сохранились замѣчательные остатки древне-германскаго быта, были ему коротко знакомы. Впослѣдствіи это знаніе принесло ему нежданную и большую пользу: оно послужило ему къ объясненію аналогическихъ явленій въ другихъ странахъ. Вообще надобно замѣтить, что глубокое и подробное изслѣдованіе исторіи и учрежденій одного народа, какъ бы ни маловажно было его политическое значеніе, служитъ лучшимъ проводникомъ и комментаріемъ къ исторіи другихъ, даже болѣе значительныхъ народовъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Карстенъ Нибуръ былъ почти единственнымъ наставникомъ своего сына. Онъ училъ его французскому и нѣмецкому языкамъ и математикѣ. Недостатокъ педагогической опытности и терпѣнія онъ замѣнялъ умѣньемъ сообщать своему преподаванію занимательность. Онъ требовалъ отъ ученика не одного напряженія памяти, но и участія къ предмету занятій и по возможности самостоятельнаго труда. Не находя въ Мельдорфѣ хорошаго латинскаго учителя, Карстенъ прочелъ съ сыномъ Цезаревы комментаріи. На грамматику языка онъ обращалъ, впрочемъ, гораздо менѣе вниманія, чѣмъ на содержаніе книги. Въ особенности занимала его географія. Девятилѣтній Бартольдъ долженъ былъ безпрестанно справляться съ составленною Данвилемъ картою Галліи. Мальчикъ самъ пристрастился къ этимъ занятіямъ, научился чертить карты, съ жадностію

читалъ всѣ путешествія, какія ему попадались въ руки, и слушалъ разсказы отца. „Я живо помню — говоритъ онъ, въ написанной имъ біографіи Карстена Нибура — все слышанное мной въ дѣтствѣ объ устройствѣ вселенной и о Востокѣ. Впрочемъ, передъ отходомъ ко сну, отецъ часто бралъ меня на колѣни къ себѣ и вмѣсто сказокъ забавлялъ меня такими разсказами. Исторія Магомета, первыхъ калифовъ, именно Омара и Али, къ которымъ онъ питалъ глубокое уваженіе, завоеванія и распространеніе Ислама, подвиги тогдашнихъ героевъ новой религіи, исторія Турокъ врѣзались мнѣ рано, и въ самомъ привлекательномъ видѣ, въ память. Помню также, какъ отецъ, желая обрадовать меня въ сочельникъ (мнѣ было около девяти лѣтъ), вынулъ изъ великолѣпной шкатулки, гдѣ хранились его рукописи и на которую дѣти и всѣ домашніе смотрѣли съ великимъ уваженіемъ, свои записки объ Африкѣ и сталъ ихъ мнѣ читать. При его одобреніи, я немедленно начертилъ карты Габеша и Судана. Ему было очень пріятно, когда я подносилъ ему составленныя мною ко дню его рожденія географическія описанія восточныхъ странъ и переводы путешествій. Работа была, разумѣется, дѣтская. Онъ сначала ничего такъ не желалъ, какъ образовать изъ меня своего преемника для путешествія по Востоку. Но вліяніе нѣжной и мнительной матери на мое физическое воспитаніе разстроило эти планы въ самомъ ихъ основаніи; впослѣдствіи отецъ окончательно пожертвовалъ ей своими надеждами и намѣреніями. Любимою его мечтою было пристроить меня съ раннихъ лѣтъ въ Индіи. Онъ могъ надѣяться на успѣхъ при общемъ расположеніи, какимъ онъ пользовался, и при заслугахъ, оказанныхъ имъ Остъ - Индской компаніи относительно судоходства въ верхней части Краснаго моря. Мысль эта не осуществилась, что̀ было потомъ ему такъ же пріятно, какъ и мнѣ; но съ нею было связано многое въ его преподаваніи. Онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ англійскія учебныя книги, давалъ мнѣ читать всякаго рода сочиненія на этомъ языкѣ, даже пріучилъ меня съ дѣтства къ постоянному чтенію англійскихъ журналовъ". Послѣдняго обстоятельства не должно упускать изъ виду. Оно имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе молодаго Нибура. Чтеніе политическихъ журналовъ рано обратило его вниманіе на вопросы статистики и государственнаго права. Будучи мальчикомъ, онъ уже писалъ статьи политическаго содержанія и забавлялся устройствомъ страны, существовавшей только въ его воображеніи, сочинялъ для нея законы, объявлялъ войну и заключалъ миръ. Потомъ его занятія получили болѣе положительный характеръ: онъ приступилъ къ составленію таблицъ смертности въ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ. Объемъ и основательность его статистическихъ свѣдѣній радовали отца, принадлежавшаго къ числу отличныхъ знатоковъ въ этой сферѣ. Эти, повидимому, сухіе труды дѣйствовали благотворно на Бартольда Нибура. Природа одарила его съ избыткомъ воображеніемъ и творческою фантазіей. Надобно было обуздать эти способности, сдержать ихъ неправильное развитіе. Авторъ „Римской Исторіи" родился художникомъ, хотя мало оказалъ успѣховъ въ рисованіи и въ музыкѣ, понимая только простыя мелодіи народныхъ пѣсенъ. Но поэзія сильно на него дѣйствовала. Въ 1781 году поселился по дѣламъ

службы въ Мельдорфѣ литераторъ Бойе, пользовавшійся нѣкоторой извѣстностію въ качествѣ издателя журнала „Нѣмецкій музей". Онъ былъ человѣкъ съ разборчивымъ вкусомъ и привезъ съ собою хорошую библіотеку. Ему обязанъ Нибуръ первымъ знакомствомъ съ героями тогдашней нѣмецкой литературы. Положительный, нѣсколько односторонній отецъ не могъ служить ему руководителемъ въ области изящнаго. Тѣмъ сильнѣе обнаружилось вліяніе Бойе, который въ свою очередь привязался къ геніальному ребенку. Приводимъ слѣдующій отзывъ его изъ письма, писаннаго Бойе къ невѣстѣ въ 1783 году: „Маленькій Нибуръ доставляетъ мнѣ много пріятныхъ часовъ своими способностями къ ученію, трудолюбіемъ и любовію ко мнѣ. Я недавно читалъ его родителямъ Макбета, не обращая на него особеннаго вниманія, пока не замѣтилъ произведеннаго на него впечатлѣнія. Тогда я постарался объяснить ему это произведеніе и даже убѣдилъ его, что колдуньи суть существа поэтическія. По уходѣ моемъ, онъ тотчасъ сѣлъ за дѣло (ему еще нѣтъ семи лѣтъ) и на семи листахъ написалъ все содержаніе драмы, не пропуская ни одного важнаго обстоятельства и не заботясь вовсе о будущихъ похвалахъ. Онъ плакалъ отъ опасенья, что сдѣлалъ не то, что̀ слѣдовало, когда отецъ взялъ у него написанное и показалъ мнѣ. Съ тѣхъ поръ онъ записываетъ все для него замѣчательное изъ словъ отца и моихъ"... Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ Бартольдъ Одиссею и Оссіана.

Вообще кругъ его занятій становился съ каждымъ годомъ шире. Кромѣ древнихъ и новыхъ языковъ, въ него постепенно вошли самыя разнообразныя науки и даже нѣкоторыя искусства. Карстенъ училъ своего сына по арабски, доставилъ ему возможность брать уроки рисованья и музыки, составилъ, какъ пособіе для начатаго изученія нумизматики и геральдики, собраніе слѣпковъ съ монетъ и печатей, и, наконецъ, дабы объяснить наглядньмъ образомъ начала фортификаціи, выстроилъ въ своемъ саду небольшую крѣпость и осаждалъ ее по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Необычайная память, любознательность и прилежаніе ученика значительно облегчали трудъ наставника, который, конечно, зналъ не все то, чему училъ. Бо̀льшую часть своихъ знаній Бартольдъ Нибуръ пріобрѣлъ изъ книгъ, безъ посторонней помощи. Городскую школу онъ посѣщалъ не болѣе года. Ректоръ Мельдорфской школы, умный и ученый человѣкъ, самъ далъ ему совѣтъ не ходить въ классы, гдѣ ему нѐчего было дѣлать, и предложилъ ему свое руководство при чтеніи древнихъ писателей. Это случилось въ 1790 году. Въ теченіи слѣдующихъ четырехъ лѣтъ у Бартольда, кажется, не было другихъ учителей. Его любовь къ классической филологіи укрѣпилъ своимъ вліяніемъ знаменитый переводчикъ древнихъ поэтовъ І. Г. Фоссъ, который нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Мельдорфъ. Впрочемъ, неосторожность Карстена, рано предоставившаго сыну полную свободу въ выборѣ чтенія и занятій, могла имѣть вредныя послѣдствія. Молодой Нибуръ жаловался потомъ на безпорядокъ въ своихъ понятіяхъ, на хаотическое броженіе собранныхъ имъ въ первой молодости свѣдѣній. Счастливыя условія развитія и сильная память помогли ему управиться съ избыткомъ накопившихся у него умствен-

ныхъ богатствъ. Въ 1792 году онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ профессора Бюша, директора коммерческаго училища, въ которомъ находились юноши изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Карстенъ Нибуръ прислалъ сюда сына, желая доставить ему возможность усовершенствоваться въ новыхъ языкахъ и познакомиться съ торговыми науками. Но молодой Нибуръ, научившійся въ безлюдномъ Мельдорфѣ десяти языкамъ (онъ уже зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій, нѣмецкій, датскій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій и португальскій), привыкшій къ одинокой, самостоятельной работѣ, не находилъ въ Гамбургѣ ожидаемой пользы и, не смотря на образованное общество, собиравшееся въ домѣ Бюша, скучалъ и просилъ родителей взять его назадъ. Онъ вынесъ отсюда только одно пріятное воспоминаніе о Клопштокѣ, который узналъ и полюбилъ его.

По возвращеніи въ Мельдорфъ, онъ съ радостію принялся за прежніе труды; но мысль его не ограничивалась предѣлами книжнаго міра: она слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за великими событіями, которыя тогда совершались въ Европѣ. Это горячее участіе въ современной исторіи, составляющее одно изъ главныхъ условій Нибурова таланта, обнаружилось въ немъ съ 1788 года, по поводу войны, которую Россія и Австрія вели тогда съ Портою. Онъ не только читалъ съ жадностью военныя извѣстія, но даже бредилъ ими во снѣ. Подробное знаніе мѣстностей и прежнихъ турецкихъ войнъ давало ему возможность слѣдить за всѣми отрядами дѣйствовавшихъ армій и угадывать ихъ назначеніе. Писанныя имъ въ то время письма къ дядѣ служатъ этому доказательствомъ. Государственный переворотъ, совершившійся во Франціи, еще въ бо̀льшей степени возбудилъ его любопытство. Замѣчательно, что Нибуръ, не смотря на свою молодость, устоялъ противъ общаго почти увлеченія. Онъ тогда уже сказалъ о революціи свое строгое мнѣніе и остался ему вѣренъ. Онъ былъ глубоко̀ убѣжденъ въ непрочности республики и въ скоромъ возстановленіи монархіи.

Весною 1794 года Бартольдъ отправился въ Киль, для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ. Онъ поѣхалъ туда нѐхотя, скрѣпя сердце. Студентскій бытъ не имѣлъ для него никакой прелести. Отъ лекцій онъ не ждалъ себѣ большой пользы. Тѣмъ не менѣе онъ провелъ въ Килѣ около двухъ лѣтъ, и эти годы прошли для него не даромъ. Слава Карстена Нибура доставила его сыну легкій доступъ къ профессорамъ, которыхъ поразила, при ближайшемъ знакомствѣ, обширная ученость и оригинальный взглядъ на науку осьмнадцатилѣтняго юноши, искавшаго у нихъ дополненія къ своимъ свѣдѣніямъ. Уже тогда у него было свое мнѣніе объ образованіи греческихъ племенъ, о распространеніи городовъ греческихъ, о переселеніи народовъ и т. д. Вопросъ о породахъ человѣческихъ его сильно занималъ въ то время. Онъ принималъ его за основное начало исторіи и думалъ, что при изслѣдованіи племенныхъ различій должно обращать болѣе вниманія на физіологическія примѣты, чѣмъ на языки. Мысли, высказанныя имъ по этому поводу, въ письмѣ къ отцу отъ 7-го іюня 1794 года, едва-ли приходили въ голову многимъ изъ тогдашнихъ историковъ. Ранняя зрѣлость ума не мѣшала ему, впрочемъ, пользоваться опытностію и знаніемъ другихъ.

Онъ усердно посѣщалъ лекціи правовѣдѣнія, естественныхъ наукъ, исторіи и философіи. Къ изученію послѣдней онъ приступилъ съ великимъ, но скоро остывшимъ жаромъ. Далѣе Кантовой системы онъ не пошелъ. Вообще философія мало соотвѣтствовала особенному складу его поэтическаго, не любившаго отвлеченныхъ мыслей ума. Впослѣдствіи онъ смотрѣлъ на эту науку болѣе съ формальной точки зрѣнія. Она казалась ему средствомъ къ укрѣпленію мысли, но не внушала ему довѣрія, когда дѣло шло о ея результатахъ. Болѣе всего привлекала его къ себѣ исторія, хотя онъ еще не былъ увѣренъ въ своемъ призваніи и не зналъ, на что̀ рѣшиться. Исключительно ученой, академической дѣятельности онъ не хотѣлъ, можетъ быть, потому, что вблизи видѣлъ сухой, узкій бытъ кильскихъ профессоровъ. Онъ составилъ себѣ высшій идеалъ жизни—соединеніе глубокаго теоретическаго образованія съ способностію практическихъ приложеній. Это видно изъ писемъ, въ которыхъ онъ отдавалъ родителямъ отчетъ въ своихъ трудахъ и видахъ на будущее. „Я составилъ очень обширный планъ для моихъ занятій — пишетъ онъ — но утѣшаю себя мыслію, что изъ многихъ наукъ, напримѣръ астрономіи, механики, химіи, бо̀льшей части другихъ отраслей естествовѣдѣнія, мнѣ достаточно будетъ основательныхъ общихъ свѣдѣній, которыя не трудно увеличить въ случаѣ надобности. Я думаю, что такимъ образомъ, въ теченіи семи лѣтъ, остающихся до моего двадцатипятилѣтія, мнѣ можно будетъ положить основаніе всѣмъ полезнымъ для меня знаніямъ. Тогда я буду не только въ состояніи слѣдить за вѣкомъ во всѣхъ его направленіяхъ, но даже получу возможность идти впередъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, укрѣпивъ ихъ связью съ цѣлымъ. Вся эта работа должна служить введеніемъ къ настоящему творчеству въ наукѣ и доставить мнѣ тѣ знанія, которыхъ Болингброкъ требуетъ отъ зрѣлаго государственнаго мужа". Какъ ни обширны были эти замыслы, они могли быть осуществлены при трудолюбіи и памяти Нибура. Онъ работалъ безъ устали. Въ часы досуга онъ читалъ, для развлеченія, писателей, которыхъ чтеніе составляетъ для другихъ настоящій трудъ: Спинозу, Демосѳена, англійскихъ историковъ. Онъ тогда уже замѣтилъ отсутствіе строгой критики у Юма, стоявшаго на вершинѣ своей славы. Греческіе трагики производили на него слишкомъ сильное впечатлѣніе. Прочитавши нѣсколько страницъ, онъ приходилъ въ волненіе и жаловался на невозможность выговаривать языкомъ варвара ихъ сладкіе, внятные его внутреннему слуху звуки. Часто на него находило горькое чувство недовольства самимъ собой. Онъ падалъ духомъ, упрекалъ себя въ недостаткѣ твердости и самобытности. Даже прилежаніемъ своимъ онъ былъ недоволенъ и находилъ, что можно было бы сдѣлать болѣе! Ему показалось, что память его развивается въ ущербъ мышленію, и онъ сталъ искусственнымъ образомъ ослаблять ее. Къ счастію, опытъ не удался. Въ бытность свою въ Килѣ онъ продиктовалъ пріятелю всю исторію французскихъ войнъ отъ 1792 — 1794 такъ, какъ онѣ изложены были въ журналахъ, не прибѣгая къ справкамъ, даже когда рѣчь шла о самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Получившій отъ природы глубокую потребность дружбы, Нибуръ составилъ въ Килѣ много связей, имѣвшихъ вліяніе на остальную

жизнь его. Между друзьями, которыхъ онъ тамъ пріобрѣлъ, находились люди, пользовавшіеся уже европейскою славою: историкъ Гегевишъ, философы Рейнгольдъ и Якоби. Ближе, чѣмъ съ другими, сошелся онъ съ графомъ Адамомъ Мольтке и съ семействомъ профессора Генслера. Въ домѣ послѣдняго онъ провелъ лучшіе часы своей университетской жизни; здѣсь встрѣтилъ онъ въ первый разъ будущую супругу свою, Амалію Беренсъ, сестру Доротеи Генслеръ, невѣстки профессора, женщины великаго ума и благороднаго характера, которой дѣятельное участіе въ судьбѣ Бартольда пережило его самого. Она заступила мѣсто матери при его осиротѣлыхъ дѣтяхъ.

Неожиданный случай положилъ преждевременно конецъ университетскимъ занятіямъ Нибура. Датскій министръ графъ Шиммельманъ, слышавшій о его рѣдкихъ знаніяхъ и трудолюбіи, предложилъ ему при себѣ мѣсто частнаго секретаря. Совѣты отца и друзей заставили его принять это предложеніе и перейти прямо отъ книгъ къ практической дѣятельности, которая до сихъ поръ являлась ему отдаленною цѣлью всѣхъ его трудовъ. На двадцатомъ году отъ рожденія, онъ переѣхалъ въ совершенно незнакомый ему Копенгагенъ. Вслѣдствіе счастливыхъ политическихъ обстоятельствъ и внутренняго благосостоянія, которымъ Данія была обязана государственнымъ людямъ, которые ею тогда правили, именно графамъ Бернсторфу и Шиммельману, Копенгагенъ стоялъ на ряду съ самыми значительными столицами Европы. Торговые обороты и дѣятельныя дипломатическія сношенія привлекали сюда много иностранцевъ. Нибуру, перенесенному изъ скромнаго круга кильскихъ ученыхъ въ блестящую гостиную графа Шиммельмана, гдѣ собиралось лучшее общество Копенгагена, было сначала неловко. Онъ былъ застѣнчивъ и раздражителенъ. Условія новаго міра, въ которомъ ему пришлось жить, были ему часто тягостны. Но постоянное вниманіе и дѣйствительное расположеніе къ нему его министра, соединявшаго съ высокимъ саномъ обширную образованность и благородный, ясный образъ мыслей, скоро доставили ему пріятное положеніе въ обществѣ. Ему поручались важные труды, познакомившіе его съ главными вопросами администраціи, между прочимъ составленіе отчета о положеніи бѣдныхъ классовъ въ Копенгагенѣ. Эти занятія не отвлекали его отъ науки, хотя онъ, по привычкѣ, былъ недоволенъ самъ собой и винилъ себя въ безполезной тратѣ времени. Не смотря на свою молодость, онъ успѣлъ пріобрѣсти уваженіе государственныхъ людей и дипломатовъ, находившихся тогда при датскомъ дворѣ. Къ числу его короткихъ знакомыхъ принадлежали австрійскій посланникъ графъ Лудольфъ, повѣренный французской республики Грувель и португальскій посланникъ графъ Суза. Лудольфъ, долго жившій въ Константинополѣ, былъ отличный знатокъ восточныхъ языковъ. Онъ былъ радъ встрѣтить на скандинавскомъ сѣверѣ любознательнаго юношу, съ которымъ могъ дѣлиться своими свѣдѣніями и говорить о любимомъ предметѣ занятій. Подъ его руководствомъ Нибуръ началъ учиться по персидски и усовершенствовался въ арабскомъ. По заключеніи Толентинскаго договора (1797 года), по которому Франція получила право взять на выборъ 500 рукописей изъ Папскихъ биб-

ліотекъ въ Римѣ, Грувель обратился къ Нибуру съ просьбою составить для французскаго правительства списокъ важнѣйшихъ рукописей Ватикана. Этотъ актъ, доставленный Грувелемъ Директоріи, изданъ Гольбери въ приложеніяхъ къ переводу „Римской Исторіи". Изъ него видно, какимъ довѣріемъ пользовался уже въ то время сынъ Карстена. Во время поѣздки, предпринятой имъ для свиданія съ родителями, онъ нашелъ случай видѣть Доротею Генслеръ и сказалъ ей о своемъ намѣреніи искать руки сестры. Дѣло было вскорѣ улажено. Осенью 1797 года онъ возвратился въ Копенгагенъ женихомъ и началъ думать о прочномъ мѣстѣ. Отказавшись еще прежде отъ предложенной ему временной должности датскаго генеральнаго консула въ Парижѣ, онъ вступилъ библіотекаремъ въ Копенгагенскую библіотеку. Служба эта не представляла ему почти никакихъ выгодъ, но соотвѣтствовала съ его тогдашними планами и требованіями. Онъ надѣялся перейти на каѳедру филологіи или исторіи въ Киль. Слѣдующія извлеченія изъ его писемъ къ Доротеѣ Генслеръ и къ невѣстѣ познакомятъ читателей съ его занятіями и настроеніемъ его духа въ бытность его въ столицѣ Даніи.

„1797 года, іюля 18. Я систематически работаю надъ Римской исторіей. Чѣмъ знакомѣе мнѣ становятся дѣйствующія лица, тѣмъ болѣе нахожу наслажденія въ этой мало извѣстной или педантически обработанной области. Въ такомъ же отношеніи темнѣютъ и отдаляются отъ меня нынѣшнія событія. Во мнѣ проснулось дѣтское желаніе посѣтить классическую почву. Я почти ничего не читаю, кромѣ древнихъ писателей".

„6 сентября. Послѣ долгой работы надъ отдѣльными изслѣдованіями, которыя могутъ служить только средствомъ, или надъ массою матеріаловъ, имѣющихъ получить новое назначеніе, я упадаю духомъ. Нужно нѣсколько дней для приведенія въ порядокъ собраннаго. Тогда мнѣ становится легче. Но до тѣхъ поръ у меня мало, мало радости. Участь ученаго, работающаго по книгамъ, тяжела. Путь его лежитъ на краю бездны педантизма... Въ наукахъ, которыхъ начало лежитъ въ умозрѣніи, напримѣръ философіи и математикѣ, нѣтъ такихъ неудобствъ. Всякое успѣшное занятіе ими освѣжаетъ и живитъ умъ. Даже тотъ, кто безъ малѣйшей философіи наблюдаетъ и описываетъ отдѣльные любопытные предметы, какъ явленія природы, и тотъ не тяготится своимъ дѣломъ. Но ученый, изучающій грамматику и реторику, открывающій собственнымъ изслѣдованіемъ или усвоивающій себѣ найденныя другими правила и законы, долженъ постоянно поддерживать въ себѣ мужество, ободрять свое сердце, чтобы не отстать отъ работы, чтобы не погрузиться въ механическое занятіе буквами. Все это имѣетъ важность относительно вопросовъ, занимающихъ его лично, можетъ даже имѣть бо́льшее значеніе, но взятое въ своей отдѣльности такъ сухо и большею частію такъ ничтожно! Исторія представляетъ высшую занимательность. Но ея необозримый объемъ, трудность удержать въ памяти все нужное, еще бо́льшая трудность найти твердую и вѣрную точку зрѣнія, тяжелая необходимость собирать съ сознаніемъ неполнаго результата важнѣйшіе отрывки изъ безчисленныхъ книгъ и читать всякую пустошь, пока

нея эта масса не сдѣлается способною къ принятію изящной формы — на это нужны годы!“.

Персидская литература доставляла Нибуру много наслажденія. Онъ писалъ къ отцу въ мартѣ 1797 года: „Мнѣ жаль, что вы приписываете пристрастію мои похвалы персидской литературѣ. Какъ бы мнѣ хотѣлось представить вамъ свои или хотя англійскіе переводы. Гафица сравнивали съ Анакреономъ, думая оказать ему большую честь; но пѣсни псевдо-Анакреона, котораго обыкновенно принимаютъ за настоящаго, даже уцѣлѣвшіе остатки стихотвореній дѣйствительнаго Анакреона не могутъ идти въ сравненіе съ лучшими одами Ширазскаго пѣвца, которыя помѣщены въ *Asiat. Miscellany.* Впрочемъ, Персы стоятъ, безъ сомнѣнія, ниже Грековъ. Лудольфъ въ высшей степени доволенъ мной, и находитъ, что я превзошелъ его ожиданія. Вамъ пріятно будетъ слышать, что чѣмъ болѣе я оказываю успѣховъ, тѣмъ искреннѣе и теплѣе становится его дружба ко мнѣ...“. Нибуръ собирался перевести какого нибудь изъ лучшихъ персидскихъ историковъ и много занимался ими. Прибавимъ къ этимъ выпискамъ важный въ психологическомъ отношеніи отрывокъ изъ дневника, который онъ велъ въ Копенгагенѣ. Дѣло идетъ о тѣхъ припадкахъ тоски, отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлаться даже впослѣдствіи, когда блестящіе результаты его дѣятельности оправдали его въ собственныхъ глазахъ и разсѣяли прежнія опасенія.

„Меня часто мучитъ унизительное, раздирающее душу чувство безсилія, отвращеніе отъ всякой благородной дѣятельности. Другіе также приходятъ къ оскорбительному сознанію, что ихъ умственныя силы не всегда находятся въ одномъ состояніи: труды, которые имъ прежде казались пріятными и легкими, обдуманныя и осмотрѣнныя ими со всѣхъ сторонъ предпріятія вдругъ становятся имъ противны, кажутся неисполнимыми. Но съ такимъ сознаніемъ не соединяются ни лѣнь, ни тупость, которыя, къ стыду моему, давятъ меня. Зло это, слѣдовательно, не есть нѣчто необходимое, врожденное: оно вкралось мнѣ въ душу и утвердилось въ ней вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ и собственной моей вины. Чтобы истребить его, надобно обратиться къ его началу, вырвать его съ корнемъ, со всѣми пущенными въ землю отпрысками. При постоянной праздности и безконечныхъ мечтаніяхъ, въ которыхъ прошли годы моего дѣтства, я, разумѣется, не могъ думать о такихъ явленіяхъ. Но сѣмя, изъ котораго они такъ роскошно и прочно выросли, было положено въ то время. Я привыкъ отдѣлять мое вниманіе отъ присутствія занимавшихъ его предметовъ, принимать равнодушно впечатлѣнія, ни о чемъ не размышлять. Мое небо находилось въ мірѣ фантазій. Эти фантазіи и жажда доставляемыхъ ими наслажденій наполняли мою бѣдную душу. Тщеславіе, желаніе извѣстности служили мнѣ впослѣдствіи побужденіемъ къ занятіямъ; но мнѣ не позволилъ отдаться труду вполнѣ точившій мое сердце недугъ. Первое замѣчательное появленіе болѣзни, о которой я теперь пишу, относится къ зимѣ 1790 года. Тогда зло не встрѣтило противодѣйствія, и я бросилъ занятія, которыя мнѣ нравились сами по себѣ. Сколько дней, сколько недѣль провелъ я праздно въ теченіи слѣдующихъ двухъ годовъ. Весною 1792 года я съ успѣхомъ и

жаромъ принялся за итальянскій языкъ. Это былъ единственный удачный опытъ, совершенный мной въ то время; но и тутъ успѣхъ былъ болѣе внѣшній, чѣмъ дѣйствительный. Зимою я сдѣлалъ еще болѣе счастливую попытку, но безъ любви, безъ стремленія къ цѣли труда. Въ бытность мою въ Гамбургѣ это состояніе умственной дремоты достигло высшей степени".

Изъ другихъ мѣстъ этого дневника видно, что Нибуръ упорно боролся съ посѣщавшимъ его недугомъ. Онъ задавалъ себѣ срочныя работы, распредѣлилъ занятія для каждаго дня и противопоставилъ умственной дремотѣ постоянную, напряженную дѣятельность мысли. Можетъ быть, болѣзнь, на которую онъ жаловался, была именно слѣдствіемъ этого напряженія. Во всякомъ случаѣ, она представляетъ любопытное психологическое явленіе. Странно слышать такія жалобы на самого себя изъ устъ двадцатилѣтняго молодаго человѣка, который по объему и глубинѣ своихъ занятій стоялъ гораздо выше большей части своихъ современниковъ. Нибуръ наслѣдовалъ отъ матери раздражительность и наклонность къ ипохондріи.

Въ іюнѣ 1798 года исполнилось его давнишнее желаніе посѣтить Англію. Ни одинъ народъ въ тогдашней Европѣ не внушалъ Нибуру такого участія и не пользовался съ его стороны такимъ уваженіемъ, какъ Англичане. Языкъ и исторія этой страны были ему хорошо извѣстны. Онъ предпринялъ свое путешествіе съ цѣлью отдохнуть отъ исключительно книжныхъ занятій и дополнить свои теоретическія знанія наблюденіемъ и опытомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ положилъ въ Англіи прочное основаніе своимъ политико-экономическимъ и финансовымъ свѣдѣніямъ. Здѣсь также окончательно опредѣлились его политическія убѣжденія. Къ сожалѣнію, письма его къ отцу, писанныя во время путешествія, потеряны; остались только письма къ невѣстѣ, въ которыхъ, разумѣется, рѣчь идетъ болѣе о личныхъ впечатлѣніяхъ и встрѣчахъ, нежели о предметахъ, имѣющихъ ученое или государственное значеніе. Англійскіе друзья и знакомые Карстена Нибура радушно приняли его сына. Но онъ прибылъ въ Лондонъ не въ пору: достаточные люди уже разъѣзжались изъ города по дачамъ и помѣстьямъ.

„Третьяго дня — пишетъ онъ отъ 21 іюля 1798 года своей Амаліи—я отнесъ письма отца къ Реннелю (знаменитому географу), Русселю и Малле (дю Панъ). День прошелъ очень пріятно. Первые два просты и добродушны. Они видимо были мнѣ рады и дѣлаютъ для меня все, что можно. Главное различіе между нашимъ нѣмецкимъ и здѣшнимъ обхожденіемъ съ иностранцами состоитъ въ томъ, что мы скорѣе полюбимъ и болѣе заботимся объ удовольствіяхъ гостя; Англичанинъ въ подобныхъ случаяхъ хлопочетъ безъ устали о пользѣ пріѣзжаго, но предоставляетъ ему самому заботиться о своихъ удовольствіяхъ... Здѣсь все дѣятельно. Праздность и лѣнь не такія обыкновенныя вещи, какъ у насъ. Практическихъ дарованій здѣсь болѣе; ложная, только кажущаяся ученость встрѣчается рѣже. Блестящая внѣшность не обращаетъ на себя вниманія. За то нельзя не признать, что въ Англіи много посредственностей, пользующихся уваженіемъ. Ученые здѣсь, какъ и вездѣ, не столько смотрятъ на талантъ и умъ, сколько на авторитетъ".—„Сентября 21. Я работалъ въ публичныхъ библіотекахъ надъ ли-

тературою и статистикою, дома читалъ историческія и другія книги. Занимался также языками. Отъ безполезныхъ собраній здѣшнихъ ученыхъ я давно отказался. Наиболѣе удовольствія доставляетъ мнѣ здѣшній театръ. Не смотря на всѣ его недостатки, мы за моремъ не знаемъ ничего подобнаго. Иностранцы, которымъ вообще трудно свыкнуться съ чисто - англійскимъ бытомъ и понять его, осуждаютъ многое. Есть вещи, конечно, достойныя порицанія. Но англійскій театръ можетъ развеселить самаго мрачнаго ипохондрика, если онъ только не глупъ и въ состояніи насладиться шуткою".

Послѣ трехмѣсячнаго, проведеннаго большею частію въ библіотекахъ, пребыванія въ Лондонѣ, Нибуръ отправился въ Шотландію. Съ санскритологомъ Вилькинсомъ и еще нѣкоторыми знаменитостями ученаго міра ему не удалось сойтись поближе, потому что ихъ не было въ городѣ. Въ Эдимбургѣ молодаго путешественника ждалъ родственный пріемъ въ домѣ стараго капитана Скотта, который за тридцать пять лѣтъ до того познакомился въ Индіи съ Карстеномъ и оказалъ ему тамъ важныя услуги. Нибуръ вступилъ въ число студентовъ Эдимбургскаго университета. Онъ слушалъ только лекціи естественныхъ наукъ, агрономіи и математики. Въ прочихъ наукахъ онъ ставилъ Нѣмцевъ выше Англичанъ.

„Эдимбургъ, 14 января 1799 года. На чужбинѣ я начинаю любить Германію, какъ страну ученыхъ, хотя каждый шагъ напоминаетъ мнѣ, что народъ нѣмецкій погруженъ въ глубокій сонъ. Непосредственное знакомство съ англійскою литературою убѣдило меня вполнѣ въ нашемъ настоящемъ превосходствѣ почти во всѣхъ отрасляхъ науки. Это превосходство признается даже здѣсь лучшими изъ молодаго поколѣнія и нѣкоторыми старыми учеными. Очень многіе учатся по нѣмецки". — „11 февраля. Сочиненія Канта здѣсь въ большомъ ходу, но понятія объ его философіи самыя странныя, и, если я не ошибаюсь, его система не утвердится въ этой странѣ. Ученія французскихъ софистовъ XVIII столѣтія распространяются съ быстротою и при помощи политическихъ событій могутъ сдѣлаться господствующими въ народѣ". — „Февраля 26. У Англичанъ нѣтъ въ настоящее время ни одного великаго писателя. Зато у нихъ много полезныхъ писателей въ сферахъ математики и естественныхъ наукъ. Философія въ совершенномъ упадкѣ. Исторія не выше посредственности. Даже въ политической литературѣ, которою славится Англія, не выходитъ ничего достойнаго вниманія". — „7 мая. Съ самаго начала реформаціи Шотландія пользуется высокою славою благочестія. Но духовенство вообще не соотвѣтствуетъ своему призванію. Это скажетъ всякій, кто знаетъ край. Набожность народа внѣшняя, безъ всякаго вліянія на образъ мыслей и поступки. Шотландцы читаютъ вытверженныя ими наизусть молитвы, исполняютъ наружные обряды и проклинаютъ невѣрныхъ и невѣрующихъ со всею гордостію души, знающей свои привиллегіи. Я не ставлю болѣе Юму въ укоръ его строгаго, насмѣшливаго отзыва о пресвитеріянахъ временъ Карла I. Я ожидалъ найти у нихъ нравы суровые, а встрѣтилъ одну грубость". — „28 мая. Я слушаю лекціи сельскаго хозяйства у доктора Ковентри. Вѣроятно, мнѣ не придется

приложить ихъ къ дѣлу, но знакомство съ столь важнымъ отдѣломъ гражданской жизни доставляетъ большую выгоду: оно снимаетъ преграду, отдѣляющую ученаго отъ дѣйствительнаго работника, и можетъ быть полезно мнѣ на поприщѣ общественной дѣятельности. Сверхъ того оно объясняетъ многое въ древнихъ писателяхъ"... Въ промежуткахъ между лекціями Нибуръ успѣлъ посѣтить нѣкоторыя части Шотландіи и осмотрѣть тамошнія хозяйственныя заведенія. Отзывы его о сельскомъ народонаселеніи не такъ строги, какъ о городскомъ. Видно, что онъ наблюдалъ внимательно все, что ему встрѣчалось на пути. Ровно черезъ годъ послѣ отъѣзда изъ Лондона, онъ возвратился въ этотъ городъ и черезъ нѣсколько дней отправился на родину. Приготовительные труды его были кончены. Оставался выборъ поприща. Нибуръ могъ быть натуралистомъ, историкомъ, филологомъ, государственнымъ человѣкомъ. Онъ былъ готовъ ко всему. Путешествіе по Англіи развило въ немъ, по его словамъ, практическія способности, которыхъ онъ въ себѣ не подозрѣвалъ, но съ другой стороны оно охладило въ немъ юношескій, поэтическій жаръ и заставило смотрѣть на міръ съ болѣе положительной точки зрѣнія. Вскорѣ послѣ возвращенія на родину, онъ женился на Амаліи Беренсъ и уѣхалъ съ нею въ Копенгагенъ, гдѣ Шиммельманъ доставилъ ему должность ассессора въ Коммерцъ-коллегіи и секретаря при дирекціи африканскихъ консульствъ.

За исключеніемъ поѣздокъ въ Мельдорфъ къ родителямъ и предпринятаго, по порученію датскаго правительства, путешествія въ Германію, Нибуръ прожилъ въ Копенгагенѣ около шести лѣтъ. Его почти исключительно занимала служба. Въ 1804 году онъ былъ назначенъ директоромъ банка и получилъ въ свое завѣдованіе Остъ-индское отдѣленіе въ Коммерцъ-коллегіи. Притомъ онъ остался членомъ дирекціи африканскихъ консульствъ. Бо́льшая часть дня проходила въ должностной перепискѣ и въ переговорахъ съ банкирами и другими лицами торговаго сословія. Нибуръ могъ по праву сказать, что онъ немало содѣйствовалъ къ поддержанію датскаго кредита и порядка въ финансахъ въ эту бѣдственную для Даніи эпоху. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ двукратнаго бомбардированія Копенгагена Англичанами, и, не смотря на свою любовь къ этому народу, сохранилъ на всю жизнь горькое воспоминаніе о его политикѣ въ 1801 и 1806 гг. Послѣ дневныхъ заботъ, Нибуръ отдыхалъ вечеромъ, читая что-нибудь своей женѣ, или за ученою работою. Онъ не могъ совершенно отстать отъ науки, хотя удѣлялъ ей рѣдкіе часы. Въ 1803 году онъ вспомнилъ свое дѣтство и перевелъ съ арабскаго, къ рожденію отца, часть написанной Эль-Вакиди исторіи завоеваній въ Азіи при первыхъ калифахъ. Онъ думалъ со временемъ кончить и издать этотъ переводъ вполнѣ и долго берегъ рукопись. Къ тому же періоду принадлежитъ напечатанное въ запискахъ Скандинавскаго Общества разсужденіе его о Вильгельмѣ Лейслѣ и о датской торговлѣ съ Остъ-Индіею. Но любимымъ предметомъ его занятій была, впрочемъ, классическая древность. Онъ собиралъ матеріялы для исторіи политическихъ учрежденій въ греческихъ республикахъ и написалъ изслѣдованіе о римскихъ общественныхъ поляхъ. Это былъ его первый важный трудъ по римской исторіи. Изученіе древнихъ

утѣшало его въ злополучіяхъ современной исторіи. Онъ черпалъ изъ этого источника новыя силы и надежды. Вѣсть объ Аустерлицкой битвѣ потрясла его очень сильно. Находя сходство между тогдашнимъ состояніемъ Германіи, занятой Французами, и положеніемъ Греціи при Филиппѣ Македонскомъ, онъ перевелъ первую Филиппику Демосѳена и посвятилъ ее императору Александру. Примѣчанія къ этому переводу, въ которыхъ находились явные намеки на современныя обстоятельства, обратили на переводчика вниманіе прусскаго министра Штейна. Онъ предложилъ Нибуру перейти въ прусскую службу. Предложеніе пришло тѣмъ болѣе кстати, что послѣдній былъ обиженъ назначеніемъ на обѣщанное ему датскимъ правительствомъ мѣсто молодаго человѣка знатной фамиліи, уступавшаго ему въ знаніи дѣлъ и въ заслугахъ. Въ Пруссіи ему открывалась болѣе обширная и не столь утомительная мелочными подробностями дѣятельность. Его звали на мѣсто директора банка въ Берлинѣ. Онъ прибылъ въ этотъ городъ въ то самое время, когда дѣло шло о существованіи Прусскаго государства.

II.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Берлинъ, Нибуръ долженъ былъ оставить этотъ городъ. Государство Фридриха II не выдержало столкновенія съ Франціею Наполеона. Битвы при Іенѣ и Ауэрштэдтѣ рѣшили споръ въ пользу послѣдней. Прусская армія не существовала болѣе; крѣпости, которыя могли бы остановить движеніе побѣдителей и дать русскимъ войскамъ время придти на помощь, сдавались безъ сопротивленія. Старые генералы, начавшіе свое поприще въ семилѣтней войнѣ, потеряли голову послѣ Іенскаго разгрома и прежде мирныхъ гражданъ заговорили о необходимости покориться Наполеону. Король со всѣмъ семействомъ, со всѣми правительствующими лицами переѣхалъ изъ Берлина въ Кенигсбергъ. Туда же отправился и Нибуръ. Положеніе его было печально. Здоровье его жены совершенно разстроилось; его служебная будущность была связана съ судьбою государства, за дальнѣйшее существованіе котораго онъ имѣлъ причины опасаться. Полагая, что ему нечего болѣе дѣлать въ прусской службѣ, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и думалъ посвятить себя исключительно ученымъ трудамъ или торговымъ оборотамъ. Рижскій банкиръ Клейнъ сдѣлалъ ему даже предложеніе вступить къ нему въ товарищество. Но прусское правительство, болѣе чѣмъ когда либо, нуждалось тогда въ такихъ людяхъ, какъ Нибуръ: вмѣсто отставки, онъ получилъ нѣсколько новыхъ и важныхъ порученій; между прочимъ на него было возложено попеченіе о продовольствіи русской арміи, вступившей въ прусскія владѣнія. Не смотря на всѣ трудности этого дѣла, онъ исполнилъ его съ честію для себя и вступилъ въ довольно близкія отношенія къ генералу Беннигсену и тайному совѣтнику Попову. Изъ писемъ его видно, что онъ хорошо узналъ качества нашего солдата и отдалъ имъ полную справедливость. Обремененный должностными трудами, не имѣя подъ рукою книгъ, онъ однако не упускалъ изъ виду науки и сталъ учиться по русски. Доротеѣ Генслеръ,

которая требовала отъ него творческой дѣятельности и упрекала его за расточеніе силъ и безплодное накопленіе неприлагаемыхъ къ дѣлу матеріяловъ, онъ отвѣчалъ слѣдующими словами: „Если бы природа назначила меня быть поэтомъ, твои упреки были бы справедливы: такая тяжелая работа ниже поэта. Но историкъ долженъ допросить каждый народъ, по возможности, на его родномъ языкѣ. Языки и характеры народовъ происходятъ изъ одного и того же необъяснимаго начала: тотъ не знаетъ вполнѣ народа, кто не понимаетъ его языка. Человѣку, знакомому съ восточными языками, нельзя не сердиться на сказки и бредни, пущенныя объ Арабахъ и Персахъ людьми, не знающими ни по арабски, ни по персидски. Какъ можетъ судить о Французахъ тотъ, кто читаетъ Телемака въ переводѣ? Жаль, что нельзя изучить всѣхъ языковъ... Полагаю, что занятія мои въ теченіи нынѣшней зимы (1806—1807) принесли мнѣ пользу: я составилъ себѣ о древнихъ и новыхъ Русскихъ болѣе опредѣленное понятіе, нежели другіе иностранцы, за исключеніемъ Шлецера. Славянскій языкъ привелъ меня къ очень важнымъ историческимъ открытіямъ, относительно общаго происхожденія народовъ. Я читалъ также славянскую Библію и пришелъ къ новымъ богословскимъ соображеніямъ. Ты видишь, что я сидѣлъ не надъ одними словами и не обременялъ памяти мертвыми матеріялами". Труды и хлопоты Нибура не прекращались до Тильзитскаго мира. Онъ принужденъ былъ оставить больную жену въ Мемелѣ и провелъ первую половину 1807 года въ постоянныхъ разъѣздахъ. Не задолго до заключенія мира, прусское правительство отправило его въ Ригу съ кассою и архивами... Французы приближались къ русской границѣ. Большей части чиновниковъ, оставшихся безъ дѣла и безъ жалованья, разрѣшено было искать службы въ другихъ государствахъ. Друзья совѣтовали Нибуру подумать о томъ же: ему открывалась возможность получить мѣсто въ Россіи или въ Англіи. Шиммельманъ звалъ его обратно въ Данію. Но онъ остался вѣренъ новому застигнутому бѣдою отечеству. Графъ Гарденбергъ просилъ его со слезами не покидать службы королю.

Тильзитскій миръ свелъ Пруссію съ положенія первостепенной державы, которое ей доставилъ геній Фридриха Великаго. Она потеряла всѣ за-эльбскія и бóльшую часть присоединенныхъ отъ Польши областей съ четырьмя милліонами жителей. Сверхъ того, Наполеонъ наложилъ на нее огромную контрибуцію, запретилъ ей держать болѣе 42 тысячъ человѣкъ войска и вмѣшивался въ ея внутреннее управленіе. Министръ Гарденбергъ долженъ былъ по его требованію удалиться отъ дѣлъ; въ слѣдующемъ году такая же участь постигла Гарденбергова преемника, барона Штейна, великаго гражданина, стоявшаго во главѣ тѣхъ смѣлыхъ государственныхъ людей и воиновъ, которые не отчаялись въ судьбѣ прусской монархіи и надѣялись вознаградить внѣшнія утраты развитіемъ и напряженіемъ духовныхъ силъ народа. Для обезсиленной послѣднею войною Пруссіи наступила пора внутренняго возрожденія. Устарѣвшія учрежденія смѣнились новыми; войско было преобразовано; оскорбленное чувство гражданъ поднято надеждою на новую, болѣе славную борьбу. Подозрительный надзоръ французскихъ властей могъ

вредить лицамъ, а не дѣлу. Въ людяхъ, окружавшихъ съ 1807 года престолъ Фридриха Вильгельма III, соединялись строгія доблести древняго міра съ средневѣковымъ рыцарствомъ. Какой рядъ поэтическихъ и крѣпкихъ характеровъ отъ античнаго Шарнгорста до падшаго жертвою юношескаго героизма майора Шиля! Нибуръ занялъ непослѣднее мѣсто въ этой величавой дружинѣ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ преобразованіи финансовыхъ учрежденій Пруссіи. Эта часть законодательства обязана ему многимъ, хотя не всѣ его планы были приняты. Законъ 9 октября 1807 года, совершенно измѣнившій отношенія сельскаго народонаселенія, былъ отчасти его дѣломъ.

Въ началѣ 1808 года онъ отправился въ Голландію съ порученіемъ прусскаго правительства заключить тамъ заемъ для уплаты контрибуціи Наполеону. Политическое положеніе Пруссіи не внушало большаго довѣрія банкирамъ, и потому Нибуръ долженъ былъ бороться съ значительными трудностями. Онъ прожилъ около года въ Амстердамѣ; исправляя въ тоже время должность дипломатическаго агента, коротко познакомился съ языкомъ, литературою и исторіею Голландіи, но не могъ привыкнуть къ холодному и разсчетливому характеру народа. Отсутствіе близкихъ людей, недостатокъ привычныхъ занятій часто наводили на него уныніе, которое высказывается въ его письмахъ къ Доротеѣ Генслеръ... „Никто не можетъ въ такой степени довольствоваться положеніемъ зрителя, какъ я: я даже не аплодирую и не шикаю. Между тѣмъ мои мирныя занятія прерваны. Чтобъ не отстать отъ нихъ совершенно, я читаю всего Демосѳена и не безъ пользы. Больно, что со мной нѣтъ моихъ книгъ. Я бы могъ превосходно воспользоваться настоящимъ досугомъ и написать исторію той эпохи, которую понимаю, какъ будто самъ жилъ съ Демосѳеномъ. Въ ней можно найти живое изображеніе нашихъ современниковъ съ ихъ легкомысліемъ, поверхностностію и бездарностію. Сходство простирается даже до той жажды веселій, въ которыхъ мы ищемъ себѣ утѣшенія, между тѣмъ какъ въ другую эпоху всемірной печали и разложенія осмѣиваемые теперь отшельники уходили въ пустыни, образованные люди собирались въ монастыри и сосредоточивали въ сердцахъ своихъ всю силу скорби, которую несли въ загробный міръ. Неужели моя жизнь пройдетъ безплодно, и я не сдѣлаю ничего, достойнаго существованія?.. Со дня заключенія Тильзитскаго міра, я высказываю тѣже мнѣнія, какія Фокіонъ высказывалъ Аѳинянамъ, но между декламаторами противной стороны я не встрѣтилъ ни одного Демосѳена. Даже Гиперидовъ нѣтъ; Діеевъ много *)“... Бесѣды съ ученымъ дипломатомъ Валькнаеромъ доставляли Нибуру пріятное развлеченіе среди однообразной и скучной жизни, которую онъ велъ въ Амстердамѣ. „Давно уже, пишетъ онъ, не случалось мнѣ встрѣчать такого умнаго знатока древней литературы. Онъ знаетъ Римъ и классиковъ, какъ Нѣмцы или другіе народы, у которыхъ есть своя литература, знаютъ собственныхъ писателей и свою исторію. Съ нимъ могу я говорить какъ съ равнымъ. Знаменитѣйшіе филологи, которыхъ мнѣ удалось до сихъ

*) Діей, продажный стратегъ Ахейскаго союза.

поръ видѣть, принимаютъ такой тонъ, какъ будто они одни посвящены въ тайны науки, чего я никакъ не могу допустить. Валькиаеръ много видѣлъ на свѣтѣ (онъ былъ прежде посланникомъ) и понимаетъ древнихъ не потому только, что знаетъ грамматику. Онъ ищетъ въ классикахъ не однихъ древностей или словъ. Въ нашихъ понятіяхъ много сходнаго". Не задолго до отъѣзда своего изъ Амстердама, гдѣ ему не удалось, по разнымъ причинамъ, исполнить возложеннаго на него порученія, Нибуръ былъ пораженъ вѣстію о паденіи Штейна. Гнѣвъ Наполеона разразился надъ прусскимъ министромъ, который принужденъ былъ не только сложить съ себя свое званіе, но искать убѣжища сначала въ Австріи, потомъ въ Россіи. Положеніе Нибура, какъ человѣка близкаго Штейну, пользовавшагося его полнымъ довѣріемъ, было не совсѣмъ безопасно. Тогдашній король голландскій, Лудовикъ Бонапарте, увѣдомилъ его тайно о надзорѣ за нимъ французской полиціи. На возвратномъ пути въ Пруссію, Нибуръ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Голштиніи, въ кругу родныхъ и друзей своихъ. Но судьба европейскихъ государствъ не переставала его сильно тревожить. Онъ менѣе, чѣмъ кто другой, могъ быть равнодушнымъ зрителемъ трагедіи, которая разыгрывалась предъ его глазами. Воображеніе его рисовало мрачными красками будущность нашей части свѣта. Въ возрастающей безнравственности народовъ видѣлъ онъ признакъ неудержимаго разложенія и не ожидалъ пользы отъ отдѣльныхъ, личныхъ усилій. Въ маѣ 1809 года онъ писалъ изъ Мельдорфа: „прочти въ Гиббонѣ исторію императора Майоріана. Онъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ добродѣтелью и не уступалъ ни одному изъ нихъ въ дарованіяхъ и мужествѣ. Силы его были еще значительны и могли казаться малыми только въ сравненіи съ прошедшимъ. Онъ былъ мудрый правитель и ясно понималъ свои отношенія къ народу; однако и ему не удалось бы ничего сдѣлать противъ вѣка, даже при болѣе долгой жизни и при полнотѣ вѣрованій. Для него лично смерть была высшимъ благомъ: она настигла его среди надеждъ на успѣхъ". Смѣлый поступокъ майора Шиля возбудилъ въ немъ скорбное недоумѣніе. „Не знаю, какъ назвать его, великимъ человѣкомъ или простымъ искателемъ приключеній", говоритъ Нибуръ. „Во всякомъ случаѣ онъ счастливецъ, даже если ему суждено погибнуть. Это первое смѣлое, небывалое въ теченіи многихъ лѣтъ дѣло. Разрушеніе гражданскихъ отношеній и формъ совершилось. Теперь начинается гніеніе или зарождается новая жизнь. Но гдѣ зародыши этой жизни? Не знаю, на кого больше сердиться: на тѣхъ, которые рукоплещутъ удальцу, потому что ихъ тѣшитъ отвага, или на тѣхъ, которые бранятъ Шиля за необдуманную дерзость". Эти горькія мысли уступили мѣсто другимъ, болѣе отраднымъ во время пребыванія Нибура въ Нютшау, помѣстьѣ его друга, графа Адама Мольтке. Здѣсь наконецъ отдохнулъ онъ душой послѣ долгаго, мучительнаго напряженія. Въ письмѣ къ Доротеѣ Генслеръ отъ 3 августа высказывается это измѣнившееся подъ вліяніемъ дружбы и природы настроеніе духа. „Жадное требованіе покоя, которое ты такъ часто читала на лицѣ моемъ, можетъ служить тебѣ ручательствомъ, что жизнь съ Мольтке, тишина здѣшнихъ мѣстъ и свѣжій, сельскій воздухъ на меня благотворно дѣйствуютъ.

Струны, въ продолженіи многихъ лѣтъ болѣзненно натянутыя, почти утратившія силу вслѣдствіе постояннаго раздраженія, успокоились и задремали. Здѣсь, гдѣ меня не жжетъ болѣе мелкій огонь новостей, не мучать изнуряющія страсти разговора, я могу устранять отъ себя безнадежное созерцаніе вещей, даже не думать о собственной участи. Перенесенному изъ отдаленной дѣйствительности въ тѣсный кругъ ближайшаго, непосредственнаго настоящаго мнѣ удалось воскресить въ себѣ интересы, отъ которыхъ я давно отвыкъ, и полузабытыя идеи. Чистый воздухъ, поле, лѣсъ, трава удѣляютъ мнѣ часть своей жизни. Мнѣ часто бываетъ не хорошо, рѣдко бываетъ легко, но я чувствую, что мнѣ лучше на просторѣ, чѣмъ въ городѣ, и что выздоровленіе и радость для меня еще возможны. До свободнаго, творческаго, оживленнаго фантазіею размышленія, въ которомъ одномъ я могъ бы обрѣсти внутреннюю полноту и удовлетвореніе, я еще почти не доходилъ. Быть можетъ, я стремлюсь къ элементу мнѣ не свойственному. Влекущій меня инстинктъ не можетъ, однако, обманывать: иначе я нашелъ бы успокоеніе въ низшей, предназначенной мнѣ сферѣ. Но крылья мои подрѣзаны, мышцы отъ долгой неподвижности утратили гибкость, умственныя привычки загрубѣли. Что на моемъ столѣ накопляются книги, извинительно, хотя и несообразно съ моими цѣлями. Я такъ давно лишенъ былъ счастія пользоваться библіотекою, что не въ состояніи устоять противъ искушенія и наслаждаюсь книгами. Съ другой стороны, это полезно. Только чрезъ прикосновеніе къ струнамъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ нетронутымъ, возстановляется моя память. Я долженъ снова привыкать къ ученому труду, справкамъ и чтенію".

„Въ Діонисіи Галикарнасскомъ нашелъ я дополненія къ старой моей работѣ, прослѣдилъ также доказательства въ пользу моего мнѣнія, что между Римомъ и Греками рано возникли сношенія и образовались связи. Мимоходомъ встрѣтилъ я кое - что для обозрѣнія древнѣйшихъ племенъ западной Европы, потомъ прочелъ съ почтеніемъ и восторгомъ (эти чувства доставляютъ мнѣ высокое удовольствіе) нѣсколько сочиненій Мирабо о финансахъ. Они напомнили мнѣ мои собственныя, давно, впрочемъ, мною понятыя ошибки, которыхъ я вѣроятно избѣжалъ бы при такомъ руководствѣ. Но притомъ я вспомнилъ также о страшныхъ ошибкахъ людей, предъ которыми былъ зажженъ этотъ свѣтильникъ, которые, по зрѣлости своей, могли имъ пользоваться, и однако бродили, какъ слѣпые, во тьмѣ. Такъ вотъ мнимая польза великихъ писателей! Отечество Мирабо не хотѣло его слушать и ринулось въ бездну, на которую онъ съ воплемъ отчаянія указывалъ. Другимъ народамъ не пошли въ прокъ ни истины, имъ сказанныя, ни примѣръ. Меня очень занимаютъ физико - философскія сочиненія Баадера, проникнутыя самымъ мистическимъ духомъ. Вообще, они столько же вредны, сколько безплодны по темнотѣ своей. Для каждаго, кто не довольствуется словами и обращающимися въ одномъ кругѣ толкованіями, ясно, что надъ нашими науками есть истина, которая къ нимъ относится, какъ живое существо къ своему изображенію. Но мы не въ состояніи обойтись безъ науки, и всѣ наши чаянія и догадки получаютъ смыслъ только при твердомъ опредѣленіи

границъ положительнаго знанія. Взятыя отдѣльно, онѣ обращаются въ сны и воздушные образы“. Нибуръ питаетъ, впрочемъ, большое уваженіе къ характеру и глубокомыслію Баадера и совѣтовалъ даже своей свояченицѣ читать его статьи чисто философскаго содержанія.

Подробный разсказъ о служебной дѣятельности Нибура въ 1809 и 1810 годахъ былъ бы здѣсь неумѣстенъ. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и получилъ въ завѣдованіе отдѣленіе государственныхъ долговъ и кредитныхъ учрежденій. Сверхъ того, онъ заступилъ мѣсто І. Мюллера въ званіи прусскаго исторіографа и былъ принятъ въ число членовъ Берлинской академіи. Друзья его боялись за его здоровье при такомъ множествѣ и разнообразіи трудовъ. Но работа была стихіею, въ которой ему всего привольнѣе и здоровѣе было жить. Она отвлекала его отъ мрачныхъ думъ и сообщала спокойствіе его раздражительному характеру. Къ сожалѣнію, внѣшнія отношенія не соотвѣтствовали требованіямъ и ожиданіямъ Нибура. Онъ не могъ согласиться съ планами финансовыхъ реформъ, предложенными королю графомъ Гарденбергомъ, который съ согласія французскаго правительства, снова сталъ главою прусскаго министерства. Нибуръ, считая мнѣнія графа объ этомъ предметѣ вредными для государства, не соглашался на введеніе бумажныхъ денегъ, на выкупъ поземельной подати, на земскій акцизъ и на высокіе ремесленные налоги. Руководствуясь своими убѣжденіями, онъ подалъ прямо королю возраженіе на предложенные Гарденбергомъ планы. Поступокъ этотъ навлекъ на него неудовольствіе короля и вообще былъ перетолкованъ Берлинскою публикою въ дурную для Нибура сторону. Уваженіе людей, которыхъ мнѣніемъ онъ наиболѣе дорожилъ, между прочимъ самого Гарденберга, вознаградило его за несправедливость большинства. Осенью 1810 года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ своихъ должностей по вѣдомству финансовъ и впервые послѣ университетской жизни занялся исключительно наукою.

Ему было тогда тридцать четыре года. Онъ вступилъ на новое поприще съ огромнымъ запасомъ природныхъ силъ и пріобрѣтенныхъ средствъ. Многолѣтняя дѣятельность въ высшихъ сферахъ государственнаго управленія, обширныя и разнообразныя связи сообщили ему твердый, практическій, рѣдкій у нѣмецкихъ ученыхъ взглядъ на исторію. Онъ видѣлъ своими глазами живое движеніе событій и принималъ въ судьбѣ народовъ не одно теоретическое участіе. Съ этой стороны, онъ примыкаетъ къ школѣ англійскихъ политическихъ историковъ, у которыхъ въ свою очередь много общаго съ древними. Но у Нибура болѣе поэтическаго чувства, болѣе истиннаго творчества, чѣмъ у Англичанъ. Ученостію онъ превосходилъ самого Гиббона. Мы уже имѣли случай говорить объ объемѣ и глубинѣ его знаній. Въ 1810 году онъ зналъ болѣе двадцати языковъ, — на многихъ онъ говорилъ и писалъ, какъ на своемъ родномъ. Всѣ значительныя произведенія древнихъ и новыхъ литературъ были ему извѣстны въ подлинникѣ. Короче, онъ былъ великій филологъ, основательный знатокъ естественныхъ наукъ, за успѣхами которыхъ не переставалъ слѣдить, историкъ и камералистъ. Такое соединеніе разнородныхъ свѣдѣній въ одномъ человѣкѣ можетъ показаться

невѣроятнымъ. Оно объясняется только чудесною памятью Нибура. Онъ не имѣлъ надобности въ выпискахъ изъ книгъ, ибо помнилъ все читанное имъ. Ссылки на древнихъ писателей онъ обыкновенно дѣлалъ на память, и никто еще не уличилъ его въ невѣрной цитатѣ. Будучи посломъ въ Римѣ, онъ встрѣтилъ тамъ члена англійскаго парламента, искавшаго справокъ для какого-то статистическаго вопроса. Нибуръ вспомнилъ, что англійскіе журналы занимались этимъ предметомъ за двадцать лѣтъ до того, во время его пребыванія въ Эдинбургѣ, и продиктовалъ своему знакомому длинный рядъ удержанныхъ имъ въ памяти цифръ. Цифры оказались вѣрными. Въ другой разъ онъ подвергся слѣдующему опыту. Жена его взяла Гиббонову „Исторію паденія Римской Имперіи“ и стала спрашивать его по указателю о самыхъ мелкихъ фактахъ и темныхъ именахъ, упоминаемыхъ въ этомъ великомъ твореніи. Нибуръ былъ занятъ другимъ дѣломъ. Не прерывая начатой работы, онъ выдержалъ долгій допросъ, не сдѣлавъ ни одной ошибки.

Нибуръ еще не сосредоточилъ своихъ изслѣдованій на одномъ любимомъ предметѣ. Его мысль свободно гуляла по обширному полю науки и долго не стояла на одномъ мѣстѣ. Изъ уцѣлѣвшей, можетъ быть еще въ Копенгагенѣ составленной записки видно, что онъ колебался между Римомъ, Греціею и Аравійскимъ калифатомъ. Для всѣхъ этихъ трудовъ у него были приготовлены въ головѣ богатые матеріялы. Счастливый случай опредѣлилъ его призваніе. Въ августѣ 1810 года, въ день отъѣзда Доротеи Генслеръ, пріѣзжавшей въ Берлинъ для свиданія съ родными, къ Нибуру, который былъ разстроенъ проводами, пришелъ его пріятель Спальдингъ. Въ разговорѣ онъ сказалъ между прочимъ, что намѣренъ, въ качествѣ академика, читать лекціи въ открывшемся тогда Берлинскомъ университетѣ. Нибуръ былъ сильно пораженъ этой мыслью. Ему показалось, что само небо указывало ему на дѣло, которымъ онъ могъ успокоить свою внутреннюю тревогу. Его затруднялъ только выборъ предмета для задуманнаго имъ курса. Въ половинѣ сентября онъ рѣшился читать Римскую исторію. „Я начну— пишетъ онъ къ Доротеѣ Генслеръ—съ древнѣйшихъ временъ Италіи и постараюсь изобразить древніе народы не съ узкой точки зрѣнія ихъ подчиненія Риму, а независимо отъ этого факта, такими, какъ они были до римскаго завоеванія. Въ Римской исторіи займусь учрежденіями и администраціею, о которыхъ я составилъ себѣ живое представленіе. Мнѣ хотѣлось бы довести разсказъ до того времени, когда формы, развившіяся изъ античныхъ началъ, совершенно вымерли и уступили мѣсто средневѣковымъ“. Онъ принялся за работу съ истиннымъ одушевленіемъ. Для него наступили безспорно лучшіе, самые свѣтлые дни его жизни.

1 ноября онъ началъ чтеніе своихъ лекцій передъ многочисленною и внимательною аудиторіей, въ которой находились почти всѣ ученыя знаменитости тогдашняго Берлина: Савиньи, Бутманъ, Спальдингъ, Шлейермахеръ, Ансильонъ и другіе. Курсъ открылся превосходнымъ, произведшимъ сильное впечатлѣніе на слушателей введеніемъ. Нибуръ объяснилъ имъ свою точку зрѣнія на Римскую исторію и указалъ на живую связь этой исторіи

съ современностью. Въ Германіи происходила тогда, подъ вліяніемъ новѣйшихъ событій и ненависти къ Французамъ, сильная реакція противъ всего латинскаго. Романтическая школа, стоявшая во главѣ литературнаго движенія, пользовалась этимъ настроеніемъ умовъ и доводила до нелѣпой крайности уваженіе къ нѣмецкой національности и презрѣніе къ иноземнымъ вліяніямъ, исказившимъ, по ея мнѣнію, чистоту народнаго характера. У Нибура, какъ у большей части замѣчательныхъ людей этой эпохи, были общія стороны съ романтиками; но онъ безконечно превосходилъ ихъ ясностію своихъ воззрѣній на исторію. Онъ заключилъ свое введеніе слѣдующими словами, имѣвшими для его слушателей не одно научное значеніе. „Мы смѣло можемъ сказать, что тѣ германскія племена, которыя остались на родной почвѣ и не отреклись отъ родины, живя среди побѣжденныхъ ими Римлянъ, были съ избыткомъ награждены за вѣковую борьбу свою съ Римомъ выгодами, которыя произошли для нихъ изъ римскаго владычества надъ міромъ. Безъ этого явленія и созрѣвшихъ, благодаря ему, плодовъ, мы едва ли бы перестали быть варварами. Достойныя почтенія, невозвратимыя свойства нашихъ предковъ были вытѣснены не формами, которыя они взяли съ классической почвы и усвоили себѣ при распространеніи литературы, а безсмысленнымъ заимствованіемъ чужаго вкуса и чужихъ идей, которыя, къ нашему вреду, проникли къ намъ еще прежде и надолго лишили насъ теплоты и истины“. У каждаго народа слышится по временамъ жалоба на порчу собственной національности, на преобладаніе чужеземныхъ началъ. Такъ жаловался Римъ на Грецію, Нѣмцы на Италію и Францію, Франція на Англію. Многимъ ли понятенъ смыслъ этой жалобы?...

При чтеніи своихъ лекцій, Нибуръ не довольствовался передачею однихъ результатовъ. Онъ вводилъ своихъ слушателей во всѣ подробности труднаго, глубокомысленнаго изслѣдованія. Возстановленіе Римской исторіи совершалось передъ ихъ глазами, можно сказать, при ихъ содѣйствіи. Ученая и мыслящая аудиторія въ свою очередь благотворно дѣйствовала на преподавателя. Онъ довѣрчиво подвергалъ ея приговору участь своихъ смѣлыхъ предположеній. Между нимъ и ею образовалась живая связь обоюднаго вліянія, постоянный, богатый результатами обмѣнъ идей. Каждая лекція входила новымъ и важнымъ фактомъ въ исторію науки. Такъ думалъ Савиньи, по словамъ Нибура — первый знатокъ этого дѣла между современниками. Въ самомъ дѣлѣ, заслуги Нибура были велики. Онѣ состояли не въ одной отрицательной критикѣ, не въ простомъ отдѣленіи поэтическихъ примѣсей отъ дѣйствительныхъ событій, которыя такимъ образомъ теряли для насъ привычную красоту: въ его трудѣ было безконечно много творчества. Подобно сказочному колдуну, онъ попеременно поливалъ свой предметъ мертвою и живою водою, разсѣкалъ его какъ трупъ и потомъ слагалъ снова въ органическое тѣло. Въ основаніи его критики лежала слѣдующая положительная мысль: исторія, какъ наука, или какъ отчетливое сознаніе прошедшаго, начинается у народовъ уже вслѣдствіе долгихъ опытовъ и жизни. Ей предшествуетъ поэтическое, не ясное, но и не лживое воспоминаніе о первой эпохѣ народнаго существованія. Эти воспоминанія облека-

ются въ соотвѣтствующіе ихъ внутреннему характеру внѣшніе образы. Пѣсня и поэтическое сказаніе являются задолго до лѣтописи. Народъ дорожитъ ими, потому что они говорятъ ему доступнымъ для него языкомъ о его дѣтствѣ; онъ вѣритъ имъ потому, что узнаетъ въ нихъ самого себя. Отъ памятниковъ такого рода не должно требовать точности хронологическихъ или географическихъ опредѣленій. Безсознательное дѣтство народовъ принадлежитъ темному Хроносу, пожирающему собственныхъ дѣтей, т. е. лица и событія. Опредѣленное, индивидуальное тонетъ безъ слѣда въ неокрѣпшей еще памяти человѣка, удерживающей только общія черты и, можно сказать, массы происшествій. Этими смутными, разбѣгающимися подобно облакамъ образами играетъ впослѣдствіи народная фантазія. Она даетъ имъ ясную форму и выразительный, большею частію символическій обликъ. По мѣрѣ того, какъ укрѣпляется въ народѣ сознаніе, ослабѣваетъ его фантазія. Чѣмъ тверже и рѣзче принимаются памятью отдѣльныя явленія, тѣмъ менѣе остается мѣста поэтическому элементу. Но такой переходъ изъ области фантазіи въ область дѣйствительности совершается не вдругъ, а постепенно. Первыя лѣтописи заимствуютъ многое изъ пѣсенъ. Задача мыслящаго историка—указать сначала на рубежъ, отдѣляющій чистую исторію отъ поэтической, потомъ оцѣнить по достоинству послѣднюю. Въ ней есть своя истина. Кромѣ того, что въ ней чище, чѣмъ гдѣ либо, отражается непосредственный, еще не измѣненный никакими вліяніями характеръ народа, она содержитъ въ себѣ указанія на дѣйствительныя событія и нерѣдко раскрываетъ ихъ внутренній смыслъ. Критика Нибура не посягала на красоту римскихъ сказаній: она была разрушительна для басенъ, внесенныхъ писателями, а не для созданій народной фантазіи, которыхъ историческое значеніе онъ понималъ какъ немногіе. Едва ли кто другой обходился такъ осторожно съ античными миѳами и преданіями, и эти великолѣпные, но нѣжные цвѣты не теряли своей свѣжести отъ его прикосновенія. Это подтвердитъ всякій знакомый съ трудами великаго историка. Мы скажемъ далѣе о его превосходномъ разборѣ римскихъ историковъ. Никогда политическія учрежденія державнаго города не подвергались такому строгому и вмѣстѣ многостороннему изслѣдованію. Нибуръ объяснялъ ихъ не одними текстами источниковъ, но и аналогическими явленіями въ жизни другихъ народовъ. Его колоссальная память и огромная начитанность давали ему возможность пользоваться мелкими, ускользающими отъ вниманія обыкновенныхъ читателей фактами для самыхъ любопытныхъ сближеній и выводовъ. Отношенія поземельной собственности въ Дитмарсенѣ дали ему ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ законовъ и вообще объяснили ему значеніе государственныхъ земель въ Римѣ. Мексиканское лѣтосчисленіе привело его къ циклической системѣ древнихъ италійскихъ племенъ. Впрочемъ, онъ не почиталъ своихъ розысканій оконченными и думалъ о дальнѣйшихъ трудахъ. Доказательства находятся въ его письмахъ къ Доротеѣ Генслеръ. „19 марта 1811 года. Мнѣ кажется, что важность моихъ изслѣдованій о Римской исторіи возрастаетъ съ каждою недѣлею. Я надѣюсь разрѣшить такія загадки, надъ которыми одни трудились до сихъ поръ напрасно; другіе

ихъ осторожно обходили. Но все это еще не составляетъ настоящей исторіи. — 18 мая. Я приближаюсь къ концу моихъ чтеній. Скоро начну ихъ печатать. Я приступаю къ этому дѣлу съ яснымъ сознаніемъ того, что̀ находится въ моей книгѣ, и ея будущаго значенія. Первый пріемъ меня нѣсколько безпокоитъ, частію потому, что многое можно и должно было лучше отдѣлать; частію оттого, что нашей публикѣ нельзя безнаказанно предложить такъ много новаго, какъ бы ни были убѣдительны доводы. Пріемъ любви мнѣ уже былъ сдѣланъ со стороны Савиньи и другихъ друзей; теперь предстоитъ пріемъ непріязни. Въ похвалѣ и порицаніи, въ самомъ изслѣдованіи я не отступалъ отъ убѣжденія и готовъ умереть за свою книгу. Для чтенія она годится только отчасти. Я знаю самъ, что рядомъ съ удавшимися мѣстами находятся другія, тяжелыя и нескладныя. Достоинство моей книги заключается въ критикѣ и въ объясненіи многихъ частностей въ учрежденіяхъ, законахъ и т. д.“.

Зима 1810 — 1811 года быстро прошла для Нибура среди занятій, доставлявшихъ ему высокое наслажденіе. Сверхъ чтенія лекцій, онъ написалъ статью для академіи, трудился надъ планами административныхъ улучшеній по просьбѣ министра графа Дона̀, и принималъ самое дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ небольшаго, частнымъ образомъ составившагося общества филологовъ, котораго членами были лучшіе друзья Нибура: Савиньи, Спальдингъ, Бутманъ, Гейндорфъ и еще нѣсколько человѣкъ ему близкихъ по занятіямъ и направленію. Они сходились каждую пятницу, объясняли древнихъ писателей съ грамматической и исторической стороны и потомъ заключали вечеръ веселою бесѣдою. Нибуръ вынесъ изъ этого избраннаго кружка самыя отрадныя воспоминанія. Ему необходимо было съ кѣмъ-нибудь дѣлиться своими мыслями. Въ Берлинѣ онъ могъ вполнѣ удовлетворять этой потребности. Безъ поощренія со стороны друзей онъ вѣроятно не приступилъ бы даже къ чтенію своего курса. На это намекаютъ слова, сказанныя имъ въ предисловіи къ первому тому Римской исторіи. „Есть вдохновеніе, источникомъ котораго бываетъ присутствіе и бесѣда любимыхъ нами людей. Ихъ непосредственное вліяніе сообщаетъ намъ поэтическое настроеніе духа, даетъ силу, бодрость и ясность взгляда. Этому вліянію обязанъ я всѣмъ лучшимъ, что̀ было въ моей жизни. Я обязанъ друзьямъ моимъ успѣшнымъ возвратомъ къ давно покинутымъ или слабо поддерживаемымъ занятіямъ. Благословляю за то дорогую мнѣ память почившаго Спальдинга. Примите и вы громкое выраженіе моей признательности, Савиньи, Бутманъ, Гейндорфъ. Безъ васъ и нашего умершаго друга я никогда не рѣшился бы приступить къ этому труду; безъ вашего участія и живительнаго присутствія онъ едва ли могъ быть приведенъ къ окончанію“. Впрочемъ, жизнь въ кругу людей, которые были въ состояніи понимать его, поддерживая внутреннюю дѣятельность Нибура, иногда отвлекала его отъ литературной производительности. Высказанная и уясненная въ разговорѣ мысль теряла для него прелесть новизны. Онъ переставалъ считать ее своею собственностію и былъ доволенъ тѣмъ, что изустно передалъ ее другимъ, способнымъ ею воспользоваться. Онъ не таилъ своихъ открытій и охотно сообщалъ ихъ въ частной

бесѣдѣ. Смерть Спальдинга, умершаго въ іюнѣ 1811 года, была для него тяжкимъ ударомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой потери онъ отправился на родину въ Гольштейнъ, гдѣ снова провелъ два пріятныхъ мѣсяца. Давно не видали его родственники его такимъ бодрымъ и веселымъ. Но на днѣ души его таилось больное, намъ изъ предыдущаго извѣстное чувство сожалѣнія о безплодно потерянныхъ силахъ. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ писалъ къ Якоби о своемъ нравственномъ состояніи. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этой любопытной исповѣди.

„Отлученіе отъ міра въ небольшомъ городкѣ, жизнь, съ раннихъ лѣтъ ограниченная домомъ и садомъ, пріучила меня удовлетворять ненасытныя требованія моей дѣтской фантазіи не изъ дѣйствительности и природы, а изъ книгъ, картинъ и разговоровъ. Воображеніе мое отрѣшалось отъ настоящаго и переносило въ свою область все, что я читалъ; а я читалъ безъ мѣры и безъ цѣли. Дѣйствительность скрылась отъ меня, такъ что я могъ понимать только на основаніи чужихъ понятій и смотрѣлъ на вещи не своими глазами. Этотъ міръ изъ вторыхъ рукъ былъ мнѣ хорошо извѣстенъ: я даже обладалъ преждевременною зрѣлостію разсудка; но истина во мнѣ самомъ и внѣ меня была недоступна моему взору. Даже древность, къ изученію которой я приступилъ впослѣдствіи съ такою страстію, служила долгое время преимущественно къ наполненію новыми образами моего мечтательнаго міра и къ его оживленію. Затворничество, къ которому я былъ приговоренъ болѣзнію и опасеніями родныхъ за мое здоровье, сдѣлало изъ меня комнатную птицу. Особенности зрѣлаго возраста основаны на наблюденіяхъ и понятіяхъ, пріобрѣтенныхъ въ дѣтствѣ, такъ какъ крѣпость тѣлесная развивается изъ ранняго употребленія нашихъ силъ; но для меня дѣтскіе годы прошли безплодно. Никому не приходило въ голову спросить у меня, что я дѣлаю. Только на тринадцатомъ году началъ я порядкомъ учиться. Родители радовались, видя, что я всегда занятъ и что не только иду въ уровень, но даже обгоняю моихъ ровесниковъ въ предметахъ, которымъ ихъ учили, а меня нѣтъ. Сверхъ того я могъ толковать какъ взрослый о множествѣ вещей, извѣстныхъ мнѣ изъ книгъ. Мнѣ самому становилось страшно: я убѣдился, что, не смотря на принадлежавшее мнѣ царство призраковъ, я въ дѣйствительномъ мірѣ былъ бѣденъ и безсиленъ. Тогда я понялъ, что истина заключается въ положительномъ воззрѣніи на предметы, изъ котораго исходитъ настоящая поэзія. Систематическое занятіе наукою казалось мнѣ тяжелымъ, и, къ сожалѣнію, я обходилъ трудность, оставляя въ сторонѣ то, чего не могъ себѣ усвоить. Я былъ близокъ къ внутреннему перерожденію и не дошелъ до него. Путешествіе въ Англію, пребываніе среди народа, отличающагося опредѣленностію мысли и рѣшительностію дѣйствій, невольное занятіе облагороженными здѣсь достоинствомъ формы и приноровленіемъ къ цѣли житейскими предметами помогли мнѣ перейти въ реальную сферу и открыли глаза на многое. Тогда я подавилъ въ себѣ воображеніе, подчинился строгой духовной діэтѣ и долго жилъ въ совершенной зависимости отъ внѣшняго міра. Я чувствовалъ себя,

впрочемъ, бѣднѣе, чѣмъ когда-либо... Странный случай заставилъ меня, вскорѣ послѣ вашего отъѣзда изъ Голштейна, оставить Копенгагенъ. Со мной былъ мой ангелъ-хранитель. Я пріѣхалъ въ Берлинъ въ эпоху распаденія государства, которому хотѣлъ себя посвятить. Среди горя и заботъ, я испыталъ болѣе важнаго, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе годы. Обстоятельства мои безпрестанно измѣнялись: я долженъ былъ дѣйствовать осторожно и рѣшительно. Передо мной открылась великая сцена, не похожая на скучную драму моей прежней, мирной жизни. Я научился ставить самого себя на карту—и игралъ счастливо. Обломокъ, на которомъ я такъ долго носился по волнамъ, присталъ къ берегу, и я очутился въ странѣ моихъ юношескихъ желаній, среди самаго благопріятнаго для ученыхъ занятій досуга, въ пріятномъ кругу друзей".

Лѣтомъ 1811 года вышелъ въ свѣтъ первый томъ Нибуровой „Римской исторіи", доведенный до смерти Спурія Кассія, въ 269 году отъ основанія города. Въ началѣ зимняго семестра онъ приступилъ къ продолженію своего курса. Между его слушателями было много офицеровъ, которыхъ присутствіе радовало Нибура, ибо служило свидѣтельствомъ новаго духа и направленія въ прусской арміи. Самыя лекціи доставляли ему, впрочемъ, менѣе удовольствія, чѣмъ въ предъидущемъ году: ему приходилось болѣе разсказывать, чѣмъ изслѣдовать. „Распредѣленіе и развитіе событій—говоритъ онъ—не доставляетъ такого наслажденія, какъ открытіе новаго закона или общей, плодотворной истины. Мнѣ было бы полезнѣе и пріятнѣе кончить эти лекціи и перейти къ другому предмету розысканій. Слѣдующимъ лѣтомъ я думаю читать о Ѳукидидѣ или о законахъ и учрежденіяхъ греческихъ государствъ". Онъ жаловался на бѣдность матеріяловъ, при которой невозможна живая исторія. Между тѣмъ первый томъ „Римской исторіи" возбудилъ разнообразные толки. Публика была недовольна неровнымъ языкомъ этой книги. Нибуръ написалъ по этому поводу любопытное письмо къ Доротеѣ Генслеръ.

„Берлинъ 28 января 1812 года. Я ожидалъ упрековъ въ неровности слога. Справедливы они или нѣтъ, не знаю самъ. Тебѣ извѣстно, что у меня слогъ служитъ непосредственнымъ выраженіемъ мысли и что въ немъ нѣтъ ничего изысканнаго. Я готовъ, впрочемъ, утверждать, что неровность слога сама по себѣ не есть недостатокъ и что въ историческомъ сочиненіи возможно сочетаніе лѣтописной простоты съ поэзіею. Многое можетъ быть сносно сказано только при величайшей простотѣ; вслѣдъ за тѣмъ внутреннее созерцаніе предмета можетъ поднять выраженіе до поэзіи. Въ этомъ смыслѣ Ѳукидидъ очень неровенъ, такъ что древніе критики сомнѣвались, имъ ли написана осьмая книга. Какъ неровенъ Демосѳенъ въ одной и той же рѣчи! Развѣ въ этомъ нѣтъ соотвѣтственности съ измѣняющимися предметами? Цицеронъ очень однообразенъ; не думаю, однако, чтобы это свойство служило ему похвалою. Однообразіе или единство языка есть краска, которою авторъ покрываетъ свое твореніе. Допустивъ, что великій писатель до такой степени владѣетъ своимъ предметомъ, что можетъ внести одинъ тонъ въ самое разнообразное содержаніе, такъ, какъ сдѣлалъ Тацитъ въ

послѣднемъ сочиненіи, т. е. Лѣтописяхъ, мы должны признаться, что у новѣйшихъ писателей при такомъ изложеніи исчезаетъ живая сторона явленій. Если бы мнѣ, по окончаніи первыхъ томовъ, пришлось готовить второе изданіе, я бы тщательно провѣрилъ, на сколько тонъ въ каждомъ мѣстѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Здѣсь могутъ быть ошибки, которыхъ теперь я еще не въ состояніи усмотрѣть. Приговоръ читателей въ этомъ отношеніи меня не пугаетъ: смѣю сказать, что немногіе привыкли къ дѣйствительно античному и потому не узнаютъ его, когда оно является предъ ними въ другомъ образѣ. Сюда принадлежитъ и неровная рѣчь. Развѣ у Шекспира не встрѣчаемъ ежедневнаго, простаго языка въ одной сценѣ и высочайшей поэзіи въ другой? Развѣ можно говорить въ однихъ выраженіяхъ о войнѣ за Баварское наслѣдство и о битвѣ Өермопильской? Я недоволенъ первыми напечатанными листами втораго тома. Въ нихъ мало жизни и движенія"...

Вообще Нибуръ не былъ тогда такъ хорошо настроенъ, какъ при началѣ курса. Мы видѣли, что самое чтеніе лекцій было ему иногда въ тягость. Работая надъ вторымъ томомъ своего сочиненія, онъ не находилъ въ себѣ нужнаго одушевленія и потому былъ недоволенъ написаннымъ. Засѣданія филологическаго общества потеряли для него прежнюю занимательность вслѣдствіе смерти Спальдинга и отсутствія нѣкоторыхъ другихъ членовъ. Зато онъ много занимался нѣмецкою литературою. Мы приведемъ самые замѣчательные изъ его отзывовъ.

„1 ноября 1811 года. Автобіографія Гёте вышла, и я получу ее на дняхъ. Мнѣ всегда становится грустно, когда узнаю, что великій человѣкъ пишетъ о своей жизни. Это значитъ, что для него наступилъ вечеръ, и что корень его жизни сохнетъ.—16 ноября. Говоря, что автобіографіи вообще и Гётева въ особенности напоминаютъ мнѣ лебединую пѣснь, я употребилъ слишкомъ общее, неопредѣленное выраженіе. Вспоминая о своей молодости, Гёте снова сталъ молодъ. Можетъ быть, онъ не напишетъ болѣе ничего подобнаго; но онъ давно уже и не писалъ ничего хорошаго. Изложеніе несказанно прекрасно и мило. Я увѣренъ, что наши мнѣнія объ этой книгѣ сходны. Многочисленныя мелкія подробности не должны утомлять тебя: представь себѣ, что онъ ихъ самъ разсказываетъ. Превосходство слога заключается именно въ томъ, что можно подумать, что слышишь изустный разсказъ автора. Исторія первой любви увлекательно хороша. Другой такой не будетъ; по моему, ее можно бы не оканчивать.—6 марта 1812 года. Я еще не читалъ переписки Іоганна Мюллера съ друзьями, потому что не хочу ее покупать. Вѣроятно, она такъ же интересна, какъ переписка его съ Бонштетеномъ; но я увѣренъ, что всѣ чувства и сужденія Мюллера съ самаго дѣтства были искусственныя. Отъ его сочиненій не вѣетъ свѣжимъ дыханіемъ истины. У него была необычайная способность усвоивать себѣ чужую натуру и послѣдовательно поддерживать ее до обмѣна на новую. Еще до свиданія съ нимъ, я заключилъ изъ его сочиненій, отъ „*Bellum Cimbricum*" до „Трудовъ", что въ немъ нѣтъ внутренней выдержки. Въ немъ не было никакой гармоніи. Съ лѣтами онъ все болѣе и болѣе сохъ. По талантамъ ему слѣдовало быть ученымъ въ самомъ узкомъ значеніи слова; историче-

ской критики у него не было вовсе; воображеніе его сосредоточивалось на немногихъ пунктахъ; безпримѣрное накопленіе фактическихъ знаній составляло въ его головѣ однообразную, ничѣмъ не оживленную смѣсь. Не сердись на меня за этотъ отзывъ. Ты не подумаешь, что я, вступая на поприще исторической литературы, хочу унизить человѣка, который пользуется наибольшею славою между нами, хотя сочиненія его почти не читаются, а ничтожество его всеобщей исторіи признано даже его поклонниками". Ни одинъ изъ нѣмецкихъ писателей не внушалъ, впрочемъ, Нибуру такого сочувствія и уваженія, какъ Гёте. Онъ часто перечитывалъ его сочиненія, не смотря на то, что многія изъ нихъ, напримѣръ „Вильгельмъ Мейстеръ", ему положительно не нравились. „Меня бѣситъ этотъ звѣринецъ ручныхъ звѣрей", говорилъ Нибуръ. Вообще онъ былъ недоволенъ направленіемъ, принятымъ Гёте во второй половинѣ его жизни. „Гёте—пишетъ Нибуръ къ свояченицѣ—есть поэтъ страстей и возвышенной природы человѣка. Такимъ является онъ въ стихотвореніяхъ своей молодости. Вѣроятно, онъ могъ бы въ то время овладѣть всею сферою искусства, къ крайнимъ предѣламъ которой его уносилъ невольный, внутренній полетъ. Онъ не позаботился о единствѣ, которое могъ себѣ усвоить болѣе, чѣмъ кто либо, и потому въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ непріятно пораженъ отрывочнымъ и дикимъ характеромъ своихъ юношескихъ произведеній. По возвращеніи изъ Италіи, гдѣ онъ изучалъ искусство, онъ началъ искать единства и совершенства формы. Первые его опыты въ этомъ направленіи и все писанное имъ отъ 1786 до 1790 года недостойны его. Въ этихъ произведеніяхъ видна непоэтическая, съ трудомъ выработанная дѣйствительность. Но онъ умѣлъ и здѣсь сдѣлаться виртуозомъ и для того поставилъ границу собственному генію. Мнѣ горько думать объ этомъ".

Замѣчательны также слова Нибура о Клопштокѣ и современномъ ему періодѣ нѣмецкой литературы. Эти бѣгло набросанныя замѣтки могутъ найти приложеніе въ исторіи всякой другой европейской литературы. „Переписка Клопштока въ высшей степени замѣчательна и еще болѣе поучительна. Чѣмъ болѣе о ней думаешь, тѣмъ болѣе открываешь въ ней матеріяловъ для умственной исторіи нашего народа. Мы привыкли къ великому богатству и опредѣленности мыслей, и потому кругъ идей того времени намъ кажется скучнымъ и пустымъ. Тогдашнее поколѣніе много занималось собой, знало мало и приходило въ восторгъ отъ вещей и людей, которыхъ мы по праву называемъ посредственными. Всѣ писатели той эпохи такъ важны, такъ глубоко убѣждены въ томъ, что ихъ союзъ составляетъ золотой вѣкъ литературы. Поэтому-то всѣ они такъ скоро отцвѣли и увяли, кромѣ Клопштока, который въ невинности своей долго не подозрѣвалъ собственнаго превосходства. Въ немъ и въ лучшихъ изъ его друзей есть нѣчто дѣвственное... Отъ начала до конца Клопштоковой переписки не найдешь ни одной необыкновенной, даже остроумной мысли. Тоже можно сказать о всѣхъ его сочиненіяхъ, за исключеніемъ „Республики ученыхъ"... Странное явленіе представляютъ женщины, которыхъ Клопштокъ зналъ въ своей молодости. По образованію, онѣ безконечно выше дѣвицъ нашего времени. Такимъ пре-

восходствомъ обязаны онѣ не литературѣ, развившейся позже, а вліянію любви, которой эти прекрасныя существа были предметомъ. Послѣ тридцатилѣтней войны, женщины, особенно средняго сословія, отличались грубостію нравовъ и пошлостію, что̀ неоспоримо доказываетъ любопытная народная книга, купленная мною нынѣшней зимой. Слѣдовательно, странный переворотъ въ женскомъ образованіи совершился въ теченіи восьмидесяти лѣтъ, отъ 1660 до 1740 года; но мы не знаемъ, когда и какъ онъ начался".

Великій 1812 годъ отвлекъ снова вниманіе Нибура отъ науки, хотя онъ читалъ зимою курсъ римскихъ древностей, издалъ второй томъ своей исторіи и собиралъ матеріялы для третьяго. Но политическіе интересы взяли верхъ надъ учеными. Германіи было не до книгъ: въ Россіи рѣшалась ея собственная судьба. Въ началѣ 1813 года неудачи Наполеоновой арміи обнаружились вполнѣ: Французы выступили изъ Берлина, и сѣмя, брошенное въ Прусскую землю Штейномъ и его сподвижниками, взошло богатою жатвою. Все, что̀ въ народѣ было юнаго, образованнаго, благороднаго, взялось за оружіе. Нибуръ основалъ политическую газету, направленную противъ общаго врага, и подалъ королю прошеніе о разрѣшеніи ему вступить рядовымъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Онъ сталъ учиться ружейнымъ пріемамъ и нетерпѣливо ждалъ отвѣта на поданную просьбу. Жена его, больная, робкая женщина, не удерживала его и раздѣляла его одушевленіе. На возраженія Доротеи Генслеръ онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „не бойся за мои силы: ихъ достанетъ. Если король мнѣ откажетъ, я приму его волю за рѣшеніе судьбы. Тогда я буду оправданъ предъ самимъ собой: и долгъ и честь будутъ удовлетворены. Я думаю, что моя газета можетъ принести столько же пользы, какъ мое ружье. Но не мое дѣло судить объ этомъ. Проще всего взяться за оружіе, не разбирая, гдѣ можешь быть полезнѣе". Не получая долго отвѣта, Нибуръ просилъ, чтобы его временно причислили къ какому нибудь штабу, дабы приблизиться къ театру войны. Наконецъ пришло рѣшеніе короля: онъ призвалъ Нибура къ себѣ въ Дрезденъ, гдѣ находился также императоръ Александръ, и поручилъ ему вести переговоры съ Англіею на счетъ субсидій *).

---

*) Читателя, желающаго знать дальнѣйшую судьбу Нибура, мы должны отослать къ самой его перепискѣ.

ЧТЕНІЯ НИБУРА О ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ *).

B. G. Niebuhr. Vorträge über alte Geschichte an der Universität zu Bonn gehalten. 3 Bde. Berlin. 1847—1851.

I.

Изданіе историческихъ и филологическихъ лекцій, читанныхъ Нибуромъ въ Бонскомъ университетѣ, предпринятое его сыномъ, наконецъ приближается къ концу. Чисто-историческій отдѣлъ уже весь готовъ. Семь вышедшихъ до сихъ поръ томовъ содержатъ въ себѣ курсы древней этнографіи, древней исторіи (Востокъ и Грецію) и римской исторіи. Курсы эти составлены большею частію по запискамъ бывшихъ слушателей Нибура, потому что въ его собственныхъ бумагахъ оказалось мало пособій для издателей. Въ теченіи двадцати лѣтъ, прошедшихъ со смерти великаго историка, идеи, высказанныя имъ съ каѳедры Бонскаго университета, находились въ исключительномъ обладаніи его слушателей. Многое было пущено въ ходъ не только подъ чужимъ именемъ, но даже въ искаженномъ видѣ. Теперь лекціи напечатаны, и любознательные читатели могутъ сами оцѣнить бóльшую или меньшую степень добросовѣстности и умѣнья, съ какими пользовались этимъ богатымъ источникомъ тѣ немногіе, которые имѣли къ нему доступъ. Но кромѣ ихъ общаго значенія въ наукѣ, лекціи Нибура представляютъ для насъ занимательность другаго рода. Мы знали автора „Римской Исторіи“ какъ геніальнаго критика и глубокомысленнаго изслѣдователя; теперь онъ является намъ съ новой стороны, превосходнымъ повѣствователемъ, мужемъ живаго, увлекательнаго слова. Читая лекціи Нибура, можно понять вполнѣ глубокое впечатлѣніе, которое онѣ производили на его аудиторію. У него не найдемъ того обдуманнаго, академическаго краснорѣчія, которымъ отличаются чтенія знаменитыхъ французскихъ профессоровъ, напр., Гизо или Вильмена; его рѣчь проста и чужда всякихъ риторическихъ украшеній, но въ ней есть теплота и сила, происходящая изъ сознанія преподавателя, что предметъ, имъ излагаемый, находится совершенно въ его власти, вполнѣ ему покоренъ.

---

*) Напечатано въ „Пропилеяхъ“. Сборникѣ, издаваемомъ П. Леонтьевымъ, кн. III и V, 1853 и 1856 годовъ.

Нибуръ былъ одаренъ необыкновенною способностію переноситься въ прошедшее не только воображеніемъ, но личнымъ участіемъ. Въ этомъ заключается творческая, чисто-поэтическая сторона его таланта. Когда онъ начиналъ говорить о какомъ-либо значительномъ лицѣ греческой или римской исторіи, онъ тотчасъ извлекалъ изъ своей изумительной памяти всю современную обстановку, припоминая малѣйшія подробности и отношенія, и становился самъ въ ряды горячихъ приверженцевъ или враговъ описываемаго лица. О немъ можно безъ преувеличенія сказать, что онъ пережилъ сердцемъ борьбы всѣхъ великихъ партій Греціи и Рима. Уличить Нибура въ пристрастіи нетрудно, тѣмъ болѣе что онъ не находилъ нужнымъ скрывать своихъ личныхъ мнѣній и считалъ себя въ правѣ произносить рѣшительные приговоры надъ величайшими дѣятелями и событіями всеобщей исторіи; но самые рѣзкіе и несправедливые изъ этихъ приговоровъ поучительны для мыслящаго читателя, потому что въ ихъ основаніи почти всегда лежитъ какой-нибудь ускользнувшій отъ вниманія другихъ историковъ фактъ или оскорбленное нравственное чувство. Такой способъ изложенія исторіи конечно не можетъ служить образцомъ или примѣромъ для другихъ. Онъ былъ по плечу Нибуру. Но обыкновенный преподаватель, который вздумаетъ идти по его слѣдамъ и позволитъ себѣ такія частыя сближенія явленій древней и новой исторіи, такой смѣлый языкъ относительно лицъ и событій, неизбѣжно навлечетъ на себя заслуженный упрекъ въ смѣшной самонадѣянности и произволѣ.

Изъ трехъ выше названныхъ нами курсовъ первое мѣсто принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія „Чтеніямъ о Древней Исторіи", въ особенности последней части, которая содержитъ въ себѣ изложеніе судебъ Греціи отъ начала македонскаго владычества до смѣны его Римскимъ. Нибуръ, какъ видно изъ его переписки, много занимался этимъ временемъ, бѣднымъ источниками и печальнымъ по содержанію, но весьма важнымъ для Римской исторіи. Онъ читалъ древнюю исторію въ Бонскомъ университетѣ два раза: лѣтомъ 1826 года и въ зимнемъ семестрѣ 1829 — 30. Сверхъ того издатели пользовались въ видѣ дополненій лекціями 1845 года, объемлющими исключительно періодъ отъ Херонейской битвы до паденія Коринѳа. Въ порядкѣ разсказа Нибуръ слѣдовалъ всѣмъ извѣстному извлеченію, составленному Юстиномъ изъ утраченнаго сочиненія Трога Помпея.

Исторіи древняго Востока, или лучше сказать семитическихъ и зендскихъ племенъ—потому что Китай не входитъ вовсе, а Индія только эпизодически въ составъ разсматриваемыхъ нами чтеній, — Нибуръ посвятилъ самую малую часть своего курса, главное содержаніе котораго составляетъ греческая исторія. Вообще первыя 18 лекцій не могутъ вполнѣ удовлетворить читателя, знакомаго съ великими открытіями и трудами, совершенными съ 1830 года на поприщѣ восточныхъ древностей; но нельзя также не подивиться вѣрности взгляда, которымъ Нибуръ смотрѣлъ на настоящее состояніе и будущія судьбы своей науки. „Мы стоимъ, говоритъ онъ, на порогѣ новой эры для древней исторіи. Прошедшіе вѣка Ниневіи, Вавилоніи и Персіи выступятъ наружу, и древнѣйшія времена подымутся изъ мрака совершенно ясными и

опредѣленными въ своихъ частностяхъ. Конечно у этихъ народовъ нѣтъ индивидуальнаго, собственно человѣческаго, того, что̀ есть у Грековъ, Римлянъ и новыхъ народовъ, но ихъ бытъ и его измѣненія уяснятся совершенно. Новое настоящее наступитъ для древняго міра, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ появятся такія изслѣдованія объ исторіи упомянутыхъ народовъ, въ сравненіи съ которыми наши теперешнія знанія будутъ тѣмъ же, чѣмъ была химія сто лѣтъ тому назадъ въ сравненіи съ химіею Берцеліуса" (I. 74). Не забудемъ, что эти слова были сказаны съ каѳедры Бонскаго университета въ 1829 году, когда ни Ботта, ни Лейярдъ не думали начинать своихъ розысканій, и полковникъ Ролинсонъ еще не думалъ приступать къ разбору клинообразныхъ надписей.

При всей относительной краткости и неполнотѣ своей отдѣлъ „Чтеній о Древней Исторіи", посвященный Востоку, содержитъ въ себѣ много прекрасныхъ и поучительныхъ страницъ. Надобно при этомъ вспомнить, что Нибуру былъ извѣстенъ не одинъ только древній Востокъ, и что знанія его не были исключительно почерпнуты изъ книгъ. Еще въ ранней молодости онъ составилъ себѣ весьма живыя и подробныя представленія о странахъ и народахъ Азіи, по разсказамъ отца своего, знаменитаго путешественника Карстена Нибура. Впослѣдствіи эти свѣдѣнія были дополнены обширною начитанностію и личными сношеніями съ путешественниками всякаго рода, которыхъ Нибуръ любилъ разспрашивать обо всемъ, на что̀ не находилъ удовлетворительнаго отвѣта въ книгахъ. Собранные такимъ образомъ и очищенные критикою матеріялы служили ему пособіемъ для повѣрки древнихъ свидѣтельствъ. Такія сличенія привели его къ слѣдующему сужденію о степени достовѣрности Геродота относительно исторіи азіатскихъ народовъ. Нибуръ полагаетъ, что отецъ исторіи странствовалъ въ качествѣ купца, подобно другимъ Грекамъ того времени, которыхъ любознательность и врожденная цѣлому народу предпріимчивость влекли за предѣлы греческаго міра. Эти странствующіе торговцы, удовлетворяя двоякой потребности знанія и корысти, заходили глубоко въ Азію съ произведеніями своей родины и другими товарами, купленными или вымѣненными на дорогѣ. По мнѣнію Нибура, свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Геродотомъ, не всѣ равнаго достоинства. Такъ напр., Ассирія и Вавилонія изображены превосходно, потому что историкъ былъ самъ въ тѣхъ краяхъ, вѣроятно разумѣлъ тамошніе языки и собралъ на мѣстѣ, изъ хорошихъ источниковъ, нужныя ему свѣдѣнія; но Мидію онъ зналъ плохо, по чужимъ разсказамъ, вслѣдствіе чего его собственное изложеніе сбивчиво и исполнено противорѣчій. Тоже замѣчаніе можно сдѣлать относительно Египта. Природныя свойства страны и ея историческія судьбы съ царствованія Псамметиха, т. е. съ того времени, когда начинаются точныя и достовѣрныя преданія, описаны какъ нельзя лучше; но тамъ, гдѣ у Геродота не было средствъ къ собственному изслѣдованію фактовъ, онъ принималъ ихъ на вѣру и повторялъ безъ повѣрки все слышанное имъ отъ жрецовъ объ египетской древности. Чисто галленская ясность ума и мѣткая наблюдательность Геродота обнаруживаются преимущественно при изображеніи народныхъ свойствъ и особенно-

стей. Въ этомъ отношенiи, онъ едва ли имѣетъ себѣ равныхъ между древними, за исключенiемъ одного Тацита. Замѣченное Геродотомъ родство между Колхидянами и Египтянами, противъ котораго возстаетъ большая часть новыхъ ученыхъ, нашло въ Нибурѣ сильнаго заступника. Но еще съ большимъ жаромъ защищаетъ онъ сказанiя греческаго историка о племенахъ восточной Европы противъ нападокъ Шлёцера. „Показанiя Геродота, говоритъ онъ, часто подвергаются насмѣшкамъ со стороны людей довольно ученыхъ, но неосновательныхъ въ своихъ сужденiяхъ. Таковъ былъ Шлёцеръ. У него не было вкуса, хотя онъ могъ бы оказать великiя заслуги исторiи, если бы подъ конецъ не опустился и не облѣнился, вдавшись въ несчастную полипрагматiю, въ которой запутался. Онъ хотѣлъ быть политикомъ, дабы получить большее значенiе, не заботился о приращенiи своихъ свѣдѣнiй, и такъ какъ онъ былъ весьма живой человѣкъ, то писалъ горячо и заносчиво. Противъ древнихъ, всего классическаго и въ особенности противъ Геродота онъ питалъ рѣшительную ненависть. Вообще онъ настоящiй варваръ. Онъ занялъ бы высокое мѣсто въ наукѣ и оставилъ бы по себѣ великую память, если бы не помрачилъ ее самъ. Ему кажется смѣшнымъ Геродотъ, утверждающiй положительно, что Сѣверъ богатъ золотомъ, а теперь вниманiе цѣлой Европы обращено на Уральскiе золотые рудники. Слѣдовательно Геродотъ и скандинавскiе жители, говорящiе о Пермскомъ золотѣ и также осмѣянные Шлёцеромъ, правы. Эти рудники перестали разрабатываться или были преданы забвенiю вслѣдствiе невѣжества монгольскихъ племенъ. Золото древняго мiра добывалось частiю изъ этихъ странъ, преимущественно изъ Урала, частiю изъ Лидiи, Ѳракiи и Македонiи; потомъ изъ галльскихъ рудниковъ, частiю съ границъ Египта и Нубiи; небольшое количество приходило изъ Аравiи и чрезъ Карѳагенъ изъ внутренней Африки. Изъ этихъ источниковъ древнiе получали такъ много золота, что оно относительно было дешевле, чѣмъ теперь, и сравнительная его цѣнность съ серебромъ была ниже. Аѳинскiй золотой статеръ, который у древнихъ равнялся 20 драхмамъ, въ настоящее время стоитъ 32 драхмы серебра“ (I. 135). Мы нарочно привели характеристическiй отзывъ Нибура о Шлёцерѣ. Рускимъ читателямъ конечно покажется страннымъ упрекъ въ лѣности и легкомыслiи, обращенный къ автору изслѣдованiй о Несторѣ.

Возвратимся къ Геродоту. Четвертая книга его творенiя даетъ нашему автору поводъ къ слѣдующимъ соображенiямъ.

Геродотъ оставилъ намъ до того удавшееся ему описанiе Скиѳовъ, что тотъ, кто не ослѣпленъ предразсудками, не только можетъ узнать этотъ народъ въ его настоящемъ видѣ, но даже опредѣлить породу, къ которой онъ принадлежалъ. Съ этимъ описанiемъ согласно и прекрасное, не уступающее Геродотову, изображенiе того же народа Гиппократомъ въ сочиненiи De aëre, aquis et locis. Мнѣнiе людей, которые въ новѣйшiя времена вообразили себѣ, что Скиѳы, видѣнные Геродотомъ, не составляли опредѣленнаго народа, но что онъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ вообще кочевыхъ жителей украинскихъ степей, непонятно и свидѣтельствуетъ о большомъ легкомыслiи. Безспорно, что позднѣйшiе писатели, уже съ Плинiя и

Мелы, приходили въ затрудненіе отъ этого имени и называли имъ всѣхъ жителей Украйны безъ разбора. Впослѣдствіи этотъ обычай распространился далѣе. Источники III-го столѣтія называютъ Скиѳами германскія племена, жившія въ тѣхъ странахъ. Готы, Геркулы и т. д. носятъ въ изящномъ, литературномъ языкѣ имя Скиѳовъ; такимъ образомъ Дексиппъ далъ своей исторіи готскихъ нашествій названіе *Σκυθικά*... Изъ словъ Геродота и еще болѣе изъ словъ Гиппократа видно, что Скиѳы были монгольское племя. Послѣдній говоритъ, что они были мясисты и жирны съ весьма мало обозначенными суставами и сочлененіями мускуловъ и костей. Это поразительная особенность монгольскихъ народовъ. У нихъ круглое лицо, круглый черепъ, странный разрѣзъ глазъ; но замѣчательнѣе всего то, что мускуловъ и костей почти невидно. Они какъ будто изчезаютъ. Опредѣленность формъ теряется подъ толстою и жирною кожею. При сравненіи народовъ южной Европы съ сѣверными, мы найдемъ между ними рѣзкое различіе: у южныхъ жителей, у Итальянцевъ, у Грековъ и еще въ бо̀льшей степени у настоящихъ Азіятцевъ и у Барбаресковъ очертаніе мускуловъ на рукахъ и на ногахъ бросается въ глаза. Этого вовсе нѣтъ у Египтянъ, что̀ имѣло величайшее вліяніе на ихъ ваяніе. У другихъ названныхъ мною южныхъ племенъ мускулы въ такой необыкновенной степени развиты и обозначены, что я понялъ, почему древніе ваятели и художники не нуждались въ анатоміи. Ваятель могъ изучить на живомъ тѣлѣ все, что̀ ему было нужно знать изъ анатоміи: мертвая наука не нужна была тому, кто могъ прослѣдить на живомъ тѣлѣ всю игру мускуловъ. Прекрасно натянутая кожа не скрывала ихъ. Великое различіе между статуями древнихъ и новыхъ художниковъ заключается слѣдовательно не въ лицахъ, хотя оно обнаруживается и здѣсь, потому что новые ваятели облегчаютъ себѣ дѣло, давая лицамъ одно общее выраженіе, а въ игрѣ мускуловъ. Для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ это различіе, надобно сравнивать древнія и новыя статуи при факельномъ освѣщеніи. Такое изученіе доставляетъ большое удовольствіе. Древнія статуи оживаютъ и представляютъ на поверхности своей безконечное богатство, все разнообразіе живыхъ мускуловъ; наоборотъ, въ новыхъ мы не находимъ этой прозрачности: онѣ совершенно гладки; въ нихъ не видно жизни и движенія. Даже произведенія великихъ мастеровъ кажутся мертвыми. Барельефы Торвальдсена можно поставить на ряду съ древними, но не статуи его. У Египтянъ мускулы крѣпки, но имъ недостаетъ живости и развитія: этотъ недостатокъ въ произведеніяхъ египетскаго ваянія происходитъ частію отъ свойства массы, которую они употребляли для статуй, ибо они держались несчастной мысли, что надобно выбирать самые крѣпкіе, жесткіе матеріялы. На сколько племена германскія и сарматскія стоятъ въ этомъ отношеніи ниже южныхъ Европейцевъ, на столько превосходятъ они Монголовъ. Въ описаніи Геродота мы узнаемъ послѣднихъ. Дальнѣйшимъ доказательствомъ монгольскаго происхожденія Скиѳовъ служатъ отдѣльныя черты ихъ быта. У нихъ между прочимъ были паровыя бани, въ которыхъ они доводили себя до опьяненія, посыпая на раскаленные камни въ закрытыхъ палаткахъ одуряющія зелья. Такой же обычай существовалъ прежде

у Камчадаловъ. Наконецъ, нельзя не узнать Монголовъ по неопрятности, страсти къ пьянству и войлочнымъ палаткамъ (I, 179—181).

Приведенныя нами слова показываютъ, къ какимъ разнообразнымъ соображеніямъ подавали Нибуру поводъ свидѣтельства древнихъ писателей.

Персидская исторія занимаетъ въ „Чтеніяхъ" болѣе мѣста, нежели исторія другихъ народовъ Востока. Любопытно мнѣніе Нибура о національномъ характерѣ Персовъ. Несмотря на владычество чуждыхъ народовъ, несмотря на внутренніе перевороты и смѣшенія съ другими племенами, черты древнихъ Персовъ сохранились у поклонниковъ огня въ Іездѣ и Керманѣ. Черты эти гораздо жестче, чѣмъ у Персовъ - магомеданъ. Это столь же странно, какъ и великое различіе, существующее между Коптами-христіанами и магомеданскими жителями Египта, хотя послѣдніе, должно быть, такіе же потомки Египтянъ, принявшихъ исламъ. Отсюда видно, что національныя черты измѣняются не одиѣми внѣшними причинами, какъ напримѣръ климатомъ, но подвержены вмѣстѣ съ характеромъ народа вліянію религіи и образа жизни. Къ особенностямъ Персовъ всѣхъ вѣковъ принадлежатъ доведенныя до высочайшей степени раболѣпіе и низость. Персъ никогда не былъ свободнымъ и гордымъ человѣкомъ; въ этомъ отношеніи онъ не только рѣзко отличается отъ Араба, но даже отъ соплеменнаго ему Курда. Курдъ гордъ, прямодушенъ, не поддается гнету и предпочитаетъ всему приволье жизни подъ шатромъ; Персіянинъ, напротивъ, рабъ въ полномъ смыслѣ слова; у него притомъ много дарованій, ума, и онъ умѣетъ облекать свои пороки въ пріятную и красивую форму. Для него не существуетъ другихъ понятій, кромѣ шаха и раба. Характеръ Персовъ рѣзко выдается въ Геродотовомъ разсказѣ о Прексаспѣ и Камбисѣ. Камбисъ, поразивъ Прексаспова сына стрѣлою въ сердце, спросилъ у отца, похожъ ли онъ теперь на пьянаго *). Прексаспъ отвѣчалъ ему: сами боги не могли бы удачнѣе выстрѣлить. Этотъ отвѣтъ отца надъ трупомъ сына совершенно въ персидскомъ духѣ, и каждый персидскій вельможа отвѣчалъ бы такимъ же образомъ.—Къ тому же Персы чрезвычайно жестоки, что видно въ изобрѣтенныхъ ими казняхъ и утонченныхъ пыткахъ, напримѣръ въ жизни Артаксеркса. Это свойство сохранилось у нихъ до нынѣшняго времени... Востокъ рано развратился, и нигдѣ не найдемъ мы такой нравственной порчи, какая проходитъ черезъ всю исторію древняго Востока. Отъ Средиземнаго моря до Китая и Японіи азіятскіе народы испорчены и нравственно развращены: исправить ихъ можетъ только европейское владычество (I, 153). Не смотря на всѣ недостатки, ошибки и неудачи Англичанъ, ихъ иго, по мнѣнію Нибура, полезно и благотворно для Индіи. Эту мысль онъ высказываетъ нѣсколько разъ.

Въ немногихъ страницахъ, посвященныхъ Дарію Истаспу, показано вполнѣ важное значеніе его царствованія. Дарію безспорно обязано государство, случайно сложившееся изъ завоеваній его предшественниковъ, воз-

*) Прексаспъ передалъ Камбису отзывы Персовъ, которые обвиняли Кирова сына въ излишней склонности къ вину. Герод. III, 34—35.

можностію двухсотъ-лѣтняго существованія. Его учрежденія не только сохранились до временъ македонскаго владычества, но проникли даже въ Индію, гдѣ ихъ застали Европейцы. Индійскія субы соотвѣтствуютъ вполнѣ персидскимъ сатрапіямъ, и положеніе субадаря относительно ввѣренной ему области и верховной власти представляетъ поразительное сходство съ положеніемъ сатраповъ. Самыя войны Дарія носятъ на себя другой характеръ, нежели войны Кира и Камбиса. Видно, что онѣ были предприняты съ цѣлію придвинуть государство къ естественнымъ границамъ. На юго-западѣ такою границею сдѣлался Индъ. При послѣдующихъ персидскихъ царяхъ народы Пятирѣчія (Пенджаба) свергли съ себя иноземное владычество, и Александръ долженъ былъ воевать въ странахъ, нѣкогда покоренныхъ Даріемъ. Геродотъ говоритъ, что, кромѣ Индусовъ, Арабы повиновались сыну Истасна. Въ настоящее время невозможно опредѣлить ни объемъ, ни степень персидскаго владычества въ Аравійскомъ полуостровѣ, но стóитъ замѣтить, что одно изъ послѣднихъ предпріятій, задуманныхъ Александромъ, было направлено противъ Аравіи. Можно предположить, что македонскій завоеватель имѣлъ въ виду возстановленіе на востокѣ границъ, данныхъ Даріемъ своему государству. Знаменитый походъ Дарія противъ Скиѳовъ объясняется двоякою цѣлію. Съ одной стороны, надобно было однажды навсегда обезпечить сѣверныя области персидской монархіи отъ набѣговъ кочевыхъ хищниковъ, покорить или отбросить далѣе въ ихъ степи эти безпокойныя племена. Съ другой стороны, надобно было овладѣть всѣми берегами Чернаго моря и обратить его въ персидское озеро. Мы уже видѣли, какую важность имѣли для древняго міра земли, лежавшія на сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго. Кромѣ золота, шедшаго изъ далекой Скиѳіи черезъ упомянутое море въ Грецію, послѣдняя получала отъ черноморскихъ колоній значительную часть произведеній, которыя ей нужны были для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей ея населенія. Оттуда получала она всякаго рода соленую и вяленую рыбу, составлявшую, какъ извѣстно, главную пищу Грековъ. Значительное количество потреблявшагося въ Греціи хлѣба получалось тѣмъ же путемъ. Предметы вывоза изъ Греція далеко не равнялись цѣною съ предметами ввоза. Аѳины, находясь на высшей степени богатства и промышленной дѣятельности, постоянно отправляли въ черноморскія колоніи много денегъ, кромѣ товаровъ, такъ что торговый балансъ склонялся, по выраженію Нибура, на сторону колоній.

Мы не послѣдуемъ за великимъ историкомъ въ его изслѣдованіяхъ объ источникахъ греческой исторіи, составляющихъ довольно обширное и поучительное введеніе къ самой исторіи. Намъ еще не разъ придется приводить впослѣдствіи мнѣнія Нибура объ отдѣльныхъ писателяхъ греческой древности. Скажемъ однако напередъ, что, при всей геніяльности своей, при необычайной способности сводить въ одно цѣлое разсѣянные по разнымъ памятникамъ отрывки изъ утраченныхъ нами писателей, Нибуръ не всегда оставался вѣренъ собственному требованію осторожной критики. Увлекаясь творческимъ воображеніемъ, онъ на основаніи немногихъ сохранившихся строкъ произносилъ приговоръ надъ цѣлымъ твореніемъ и опредѣлялъ его

бо́льшую или ме́ньшую для насъ важность. Чтенія, посвященныя имъ началу греческой исторіи, содержатъ въ себѣ много остроумныхъ, обличающихъ глубокаго знатока, замѣчаній и намековъ, но въ цѣломъ не представляютъ особенной занимательности читателю, знакомому съ позднѣйшими трудами по этой части. Любопытно было бы впрочемъ прослѣдить въ частностяхъ вліяніе Нибуровыхъ идей и предположеній на современное состояніе науки. Мы предоставляемъ такой трудъ ученымъ, исключительно посвятившимъ себя изученію древности. Книга Грота, извѣстная читателямъ „Пропилеевъ" изъ подробнаго и основательнаго разбора, составляемаго профессоромъ Леонтьевымъ, содержитъ въ себѣ между прочимъ явныя доказательства того вліянія, о которомъ мы упомянули. Взглядъ Грота на развитіе Аѳинской исторіи и на характеръ Аѳинскаго народа, навлекшій автору обвиненіе въ пристрастіи, представляетъ удивительное сходство съ тѣмъ, что̀ Нибуръ сказалъ о томъ же предметѣ за много лѣтъ до выхода въ свѣтъ перваго тома „Греческой исторіи". Здѣсь, разумѣется, рѣчь идетъ не о простомъ заимствованіи чужихъ мыслей, а о томъ законномъ и неизбѣжномъ дѣйствіи, которое геніальные умы обнаруживаютъ на дальнѣйшія судьбы своей науки. Не доказанныя ими предположенія, ихъ бѣглые намеки составляютъ обильное наслѣдіе для послѣдующихъ поколѣній и опредѣляютъ надолго въ ту или другую сторону дѣятельность этихъ поколѣній.

Глубокое сочувствіе Нибура къ Аѳинамъ и главнымъ личностямъ Аѳинской исторіи высказывается на каждой страницѣ. Аѳины стоятъ у него по праву на первомъ планѣ при изложеніи великой борьбы Греціи съ Персами. Изложенію этихъ событій предшествуетъ общая оцѣнка греческой жизни до V-го столѣтія до Р. Х.

„Къ существенно характеристическимъ чертамъ отдѣльныхъ эпохъ принадлежитъ особенно чрезвычайное различіе въ болѣе или менѣе быстромъ движеніи жизни, которая въ извѣстной эпохѣ движется съ неимовѣрною скоростію, въ другія же времена тянется медленно и незамѣтно, такъ что цѣлыя поколѣнія проходятъ безъ всякихъ видимыхъ перемѣнъ. Я уже указалъ на этотъ разнообразный ходъ исторіи въ моихъ чтеніяхъ объ новѣйшей исторіи. Такого рода соображенія вносятъ дѣйствительную жизнь въ древнюю исторію и ставятъ ее рядомъ съ современною, переживаемою нами исторіею. Не удивительно, что на нее вообще смотрятъ, какъ на нѣчто такое, чего въ дѣйствительности никогда не было: обыкновенно ее не понимаютъ и при сужденіи о событіяхъ древности прилагаютъ совсѣмъ не тѣ законы, какіе прилагаются къ новой исторіи, которая, въ свою очередь, совсѣмъ не такъ понимаема, какъ бы должно понимать ее. Упомянутое нами различіе въ болѣе или менѣе ускоренномъ ходѣ событій въ особенности поразительно въ греческой исторіи. Уже къ началу персидскихъ войнъ обнаруживается усиленное движеніе жизни; съ этого времени до конца пелопонесской войны, въ продолженіи 80-ти лѣтъ, развитіе совершается съ такою быстротою, что народъ проходитъ, можно сказать, всѣ крайности добра и зла, всѣ возможныя измѣненія въ литературѣ и всемъ бытѣ и переходитъ съ неудержимою скоростію отъ увядающей юности къ совершенной зрѣлости.

Нѣчто подобное видѣли мы въ новѣйшей исторіи Германіи отъ вступленія на престолъ Фридриха II-го въ 1740-мъ году до конца прошедшаго столѣтія. Такія времена обозначаются обыкновенно именемъ одного лица, какъ напр. вѣкъ Перикла, Лудвига XIV, Фридриха Великаго. Но эти лица, именами которыхъ обозначаются извѣстныя эпохи, суть сами произведенія своего времени и не столько независимые дѣятели, сколько его органы... Иногда же проходятъ цѣлыя столѣтія безъ всякихъ великихъ и существенныхъ измѣненій. Такое однообразіе жизни находимъ мы въ Италіи въ XI, XII и XIII-мъ столѣтіяхъ; такое же время представляютъ намъ первый и второй вѣкъ римской исторіи, въ особенности же второй и третій“.

„Конечно, въ до-писистратовской Греціи не было совершеннаго застоя, было даже много жизни, но эта жизнь въ сущности вращалась на одномъ мѣстѣ и не подвигалась впередъ. Въ такія эпохи медленнаго развитія мало обнаруживается внѣшней дѣятельности, люди почти не живутъ въ современности, зависятъ отъ прошедшаго и обращаютъ свои мысли болѣе къ послѣднему, назадъ, нежели впередъ, къ будущему. Тамъ, гдѣ подобное состояніе народа есть здоровое, оно обличаетъ юную, готовую къ великому развитію жизнь: таково было, напр., въ англійской литературѣ время, предшествовавшее Шекспиру, въ италіанской—время передъ Дантомъ, то есть XIII-е столѣтіе. Но бываютъ также періоды, когда такой застой не предвѣщаетъ никакого развитія, а только представляетъ продолженіе стараго, существующаго безъ внутренней жизни, безъ способныхъ развернуться въ будущемъ зародышей, и потому обреченнаго на неизбѣжную смерть. Такимъ образомъ во Флоренціи литература XV-го столѣтія продолжала свое существованіе до XVIII-го. Въ эпохи юности, когда въ тишинѣ созрѣваетъ великое—при чемъ конечно можетъ случиться и то, что самыя значительныя явленія уже совершились и замкнули собою періодъ предшествовавшаго развитія—въ такія эпохи исторія представляетъ намъ нѣчто особенное. Человѣкъ погруженъ всею своею дѣятельностію въ гражданскую жизнь, исполняетъ свой долгъ, но событія, около него совершающіяся, теряютъ для него занимательность тотчасъ по совершеніи. Такъ напр., изъ первой миланской хроники XI-го столѣтія видно, что тогдашніе люди не приписывали ни себѣ, ни современникамъ своимъ никакого значенія, и что ихъ вниманіе исключительно было обращено на прошлое. Германцы XI-го столѣтія также считали себя и своихъ современниковъ за самыхъ обыкновенныхъ людей. Вообще та эпоха не гордится собою, не считаетъ себя героическою, и только личности, принадлежащія прошедшему, привлекаютъ къ себѣ ея участіе. Въ подобномъ состояніи находилась Греція почти до самыхъ персидскихъ войнъ; этимъ объясняется, почему тогда не было исторіи и даже прозы вообще, почему мало заботились о настоящемъ и о только-что минувшемъ: вниманіе было обращено къ героическому періоду, какъ къ чему-то высшему. Этотъ періодъ составлялъ живой міръ, въ которомъ Греки, какъ потомки героевъ, видѣли самихъ себя, въ которомъ они жили и дѣйствовали. Отсюда происходитъ и то, что древнѣйшіе эпическіе поэты почти до 60-й олимпіады заимствуютъ содержаніе своихъ пѣсенъ изъ однихъ источ-

никовъ съ Гомеромъ, который представилъ героическій періодъ во всей его красотѣ. Но по мѣрѣ того, какъ исчезало могущество и обаяніе прошедшаго, какъ усиливались занимательность и содержаніе настоящаго, это настоящее, уже значительно развитое, самодовольно сознававшее свое достоинство, стало переносить поэзію отъ прошедшаго къ себѣ самому и такимъ образомъ образовался поэтическій разсказъ. Но такъ какъ въ настоящемъ было много такого, чего нельзя было передать стихами, то за поэтическимъ разсказомъ послѣдовалъ историческій, въ которомъ событія удобнѣе сохранялись для памяти. Прежде другихъ выступилъ Гекатей и разсказалъ о томъ, что̀ въ его время случилось, что̀ онъ самъ видѣлъ въ своихъ путешествіяхъ и что̀ слышалъ о различныхъ народахъ. За повѣствованіями этого рода слѣдуетъ прагматическая исторія" (1, 361—363).

Нибуръ подвергаетъ строгой, но едвали вполнѣ справедливой критикѣ сказанія Геродота о персидской войнѣ. Нельзя, напримѣръ, никакъ согласиться, что у Геродота не было предшественниковъ и что онъ пользовался только одними преданіями, да твореніемъ эпическаго поэта Херила. Самое сравненіе разсказовъ, ходившихъ въ Греціи въ послѣдней половинѣ V-го столѣтія о Ксерксовомъ походѣ, съ разсказами, живущими въ устахъ египетскихъ Арабовъ о французской экспедиціи 1799 года, никакъ не можетъ, по нашему мнѣнію, быть допущено. Ни въ народномъ характерѣ, ни въ степени образованности, на которой стояли Геродотовы современники, не было ничего общаго съ египетскими Арабами въ концѣ прошлаго столѣтія. Извѣстно, какъ сильно воображеніе восточныхъ народовъ дѣйствуетъ на историческое изложеніе ближайшихъ событій. Это явленіе объясняется самымъ свойствомъ восточной исторіи, состояніемъ тамошней науки и всѣмъ складомъ мысли, составляющимъ характеристическое отличіе Азіятца отъ Европейца. Бонапартъ явился въ Египтѣ существомъ высшаго рода и произвелъ на умы поклонниковъ пророка впечатлѣніе до того сильное, что оно наложило особенную печать чудеснаго на всѣ событія, связанныя съ исторіею французской экспедиціи. Подобный процессъ рѣшительно не могъ совершиться въ ясномъ и отчетливомъ умѣ Грека; въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы отказаться отъ утвержденнаго вѣками критической разработки довѣрія къ источникамъ греческой исторіи вообще. Невозможно также предположить, что до Геродота никто не далъ себѣ труда записать подробности борьбы, рѣшившей споръ между греческимъ и варварскимъ міромъ, особливо если примемъ мнѣніе самого Нибура, утверждающаго, что Геродотъ началъ писать свое твореніе въ первое десятилѣтіе Пелопоннесской войны, слѣдовательно, около 70-ти лѣтъ послѣ Мараѳонской битвы и около 60-ти послѣ Платейской. Впрочемъ въ лекціяхъ своихъ 1826 года Нибуръ упоминалъ о Харонѣ Лампсакскомъ, который написалъ двѣ недошедшія до насъ книги о персидскихъ войнахъ и былъ предшественникомъ Геродота. Предположеніе Нибура о подложности этого сочиненія, которое могло, по его словамъ, появиться вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ подобныхъ произведеній въ александрійскую эпоху, не имѣетъ рѣшительно основанія. Мы не имѣемъ также никакого права принимать утраченную поэму Херила Самосскаго за

одинъ изъ источниковъ Геродота. Херилъ, какъ доказано всѣми новѣйшими изслѣдованіями, былъ моложе отца исторіи, могъ отъ него заимствовать историческія данныя для задуманнаго поэтическаго труда и никакъ не могъ служить образцемъ или путеводителемъ Геродоту.

Трудно также сказать, почему именно Нибуръ думаетъ, что находящееся въ VII-й книгѣ Геродота исчисленіе племенъ, составлявшихъ войско Ксеркса, и описаніе ихъ оружія заимствованы историкомъ цѣликомъ у Херила. Скорѣе можно сдѣлать обратное заключеніе. Описаніе оружія въ особенности кажется Нибуру нелѣпымъ и вовсе несогласнымъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о древней Азіи. Смѣемъ думать, что великій творецъ „Римской Исторіи" произнесъ это обвиненіе на Геродота въ минуту критическаго увлеченія, если позволено такъ выразиться. Пестрый составъ персидскаго войска, въ которое входили дружины почти всѣхъ азіатскихъ и нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, объясняетъ разнообразіе оружій. На Мараѳонскомъ полѣ найдены были стрѣлы съ завостренными камнями въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ дикари Тихаго-Океана. Стрѣлы эти лежали въ землѣ рядомъ съ металлическимъ оружіемъ, обличавшимъ совсѣмъ другую степень цивилизаціи. Если между падшими при Мараѳонѣ ратниками Датиса и Артаферна находились дикари, незнакомые съ употребленіемъ металловъ, то какъ можемъ мы удивляться разнообразію одеждъ и вооруженій въ войскѣ Ксеркса, которое далеко превосходило и числомъ и составомъ войско, бывшее подъ Мараѳономъ? По словамъ Геродота, въ ополченіи, которому Ксерксъ дѣлалъ смотръ на Дорискской долинѣ, было 46 различныхъ племенъ. Безпристрастный читатель найдетъ въ наружномъ описаніи этихъ племенъ много любопытнаго, очень мало неправдоподобнаго и ничего безобразно нелѣпаго (fratzenhaftes). Напротивъ, самое разнообразіе одежды и оружія превосходно характеризуетъ не только войско, но самое государство, которому служили рядомъ Ливіецъ, употреблявшій вмѣсто копья обожженный съ конца колъ, кочевой Сагартъ, вооруженный однимъ кинжаломъ, да арканомъ въ родѣ южно-американскаго лассо, и мало-азіатскій Грекъ, облеченный въ блестящій, но тяжелый доспѣхъ, котораго отдѣлка могла быть достаточнымъ доказательствомъ его умственнаго превосходства надъ другими соратниками. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о недостовѣрности Геродотовыхъ извѣстій относительно числа Ксерксовыхъ воиновъ; вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, надъ которыми историку незачѣмъ долго останавливаться. Ясно, что цифры Геродотовы невѣрны, но какое средство поправить его ошибку? Ѳукидидъ, едвали не самый точный и положительный историкъ древняго міра, былъ не въ состояніи опредѣлить число Грековъ, сражавшихся при Мантинеѣ. Какъ же можно требовать вѣрныхъ цыфръ отъ Геродота, особливо когда дѣло идетъ о войскѣ, число котораго, вѣроятно, не было извѣстно самому персидскому царю? Греческому историку не оставалось ничего другаго, какъ только собрать слухи, ходившіе о безчисленномъ множествѣ враговъ, и внести собранныя имъ извѣстія въ свою книгу. Вообще Востокъ мало дорожитъ вѣрностію въ статистическихъ данныхъ и мало объ нихъ заботится; едвали когда-либо была съ точностію опредѣлена чи-

слительная сила большой азіатской арміи. Гротъ приводитъ по этому же поводу весьма любопытное мѣсто изъ записокъ барона Тота. Во время войны Русскихъ съ Турками въ 1770 году, когда турецкая армія стояла у Бабадага, близъ Балканскихъ горъ, великій визирь потребовалъ къ себѣ барона Тота и спросилъ у него: какъ велика числомъ турецкая армія? Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ и что въ случаѣ надобности онъ самъ бы обратился къ визирю съ этимъ вопросомъ. Визирь сказалъ прямо, что ему совершенно неизвѣстно число ввѣренныхъ ему войскъ. — Откуда же мнѣ знать то, что̀ вамъ неизвѣстно? отвѣчалъ Тотъ. — Изъ австрійскихъ газетъ; вѣдь вы ихъ читаете, — сказалъ великій визирь.

Съ другой стороны нельзя не согласиться, что въ Геродотовыхъ разсказахъ о Ксерксовомъ походѣ есть многое, чего теперь, при недостаткѣ другихъ свидѣтельствъ, невозможно понять или объяснить. Огромное превосходство персидскаго флота надъ греческимъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Почему же Ксерксъ не отрядилъ часть этого флота для разоренія береговъ пелопоннесскихъ? Выгоды такой мѣры были очевидны и не требовали глубокихъ соображеній. Вообще во всѣхъ дѣйствіяхъ персидскаго флота есть что-то непонятное; онъ рѣшительно не пользуется своимъ числительнымъ перевѣсомъ и сражается съ Греками при постоянно неблагопріятныхъ для себя условіяхъ, въ узкихъ проливахъ, гдѣ Греки не могли быть обойдены съ фланговъ, а Персамъ невозможно было развернуть всей своей боевой линіи. Тоже самое можно замѣтить и о сухопутномъ войскѣ Ксеркса. Оно дѣйствуетъ съ какою-то осторожностію, похожею на робость, непостижимую при такихъ силахъ. Разоривъ Аѳины, Персы оставили въ покоѣ Элевсинъ, лежащій отъ Аѳинъ на разстояніи какихъ-нибудь четырехъ нѣмецкихъ миль. Конница персидская, составлявшая, по всей вѣроятности, лучшую часть арміи, и которой нечего было бояться встрѣчи съ врагами, потому что у Грековъ почти вовсе не было конницы, не предпринимаетъ однако ничего рѣшительнаго и не ходитъ далѣе Ѳріасійскаго поля, сколько намъ извѣстно. На Мегару, граничащую съ Аттикой, Персы не сдѣлали даже и покушенія. Какимъ образомъ все населеніе Аттики могло найти пристанище и достаточное продовольствіе на небольшомъ островѣ Саламинѣ и въ Трезенѣ? Всѣ эти вопросы, предложенные Нибуромъ, остаются и вѣроятно навсегда останутся нерѣшенными. Многое, но не все, объясняется робкимъ характеромъ Ксеркса и его неопытностію въ военномъ дѣлѣ.

Превосходно характеризуетъ Нибуръ дѣятельность Ѳемистокла, который, по его справедливому замѣчанію, не оцѣненъ еще надлежащимъ образомъ. Онъ является намъ не съ столь опредѣленными чертами, какъ, напримѣръ, Периклъ или Демосѳенъ. Но Ѳукидидъ питалъ къ нему глубочайшее уваженіе и вполнѣ сознавалъ важность совершенныхъ имъ подвиговъ и оказанныхъ заслугъ. Кому, какъ не Ѳемистоклу, обязаны Аѳины флотомъ, укрѣпленіемъ гавани и города, успѣшнымъ исходомъ персидской войны и главными основами своего будущаго величія? Къ сожалѣнію, не всѣ планы Ѳемистокла были исполнены. По отступленіи Персовъ, онъ хотѣлъ оставить совершенно разоренныя ими Аѳины и выстроить новый городъ въ Пиреѣ.

Новыя, придвинутыя къ самому морю, Аѳины представили бы болѣе удобствъ торговому населенію, и легче была бы защита противъ врага. Аѳиняне изъ благоговѣйной привязанности къ мѣсту, гдѣ жили ихъ предки, гдѣ стоялъ храмъ Аѳины-Поліады и Эрехѳея и т. д., отвергли совѣтъ Ѳемистокла и, конечно, горько каялись въ этомъ, когда Лисандръ явился передъ ихъ городомъ. Ѳемистоклъ опредѣлилъ отношенія иностранцевъ въ Аѳинахъ, доставилъ метёкамъ не только выгодное и болѣе прочное положеніе, но даже открылъ имъ возможность къ достиженію гражданства въ Аѳинахъ. Если бы его идеи получили дальнѣйшее развитіе въ эпоху Аѳинской гегемоніи, то, конечно, союзники не поддались бы такъ легко обѣщаніямъ Спарты. Главною причиною ихъ отложенія была политическая исключительность Аѳинянъ, не хотѣвшихъ дѣлиться съ союзными городами своимъ гражданствомъ. Это было уже замѣчено и древними. Мѣра, принятая Ѳемистокломъ относительно метёковъ, доставила опустошенному городу въ самомъ скоромъ времени населеніе, далеко превышавшее то, которое во время персидскаго нашествія принуждено было искать убѣжища на островѣ Саламинѣ.

„Обыкновенно, продолжаетъ Нибуръ, Ѳемистоклу противопоставляютъ Аристида, какъ мужа добродѣтельнаго человѣку искусному и ловкому, чрезъ что у послѣдняго нѣкоторымъ образомъ отрицается добродѣтель, и онъ самъ является какимъ-то грѣшникомъ. Настоящая причина этого мнѣнія заключается въ необычайномъ величіи Ѳемистокла, вызвавшемъ зависть. Согласно съ исходящимъ изъ сущности политеизма воззрѣніемъ (*τὸ θεῖον φθονερόν*), самые боги завистливыми глазами смотрѣли на счастіе Поликрата. Это понятно. Греческіе боги смотрятъ недовѣрчиво на возвышенныя стремленія человѣчества, потому что эти стремленія слишкомъ приближаютъ къ нимъ человѣка. Такая идея лежитъ въ основѣ политеизма и античныхъ воззрѣній на прошедшее и настоящее. *Φθόνος*, недоброжелательство боговъ къ человѣку, проходитъ черезъ всю исторію.

„Большинство съ трудомъ выноситъ все великое и прекрасное и, чтобы отдѣлаться отъ этого тяжелаго для него чувства, оно заботливо ищетъ слабостей и недостатковъ великихъ людей. Не изъ искренняго уваженія къ добродѣтели, а для того, чтобы унизить умственное величіе, мелкія души противопоставляютъ великому мужу, не лишенному впрочемъ нравственной чистоты, другаго, у котораго эта нравственная чистота является дѣйствительнымъ, но при томъ исключительнымъ свойствомъ. Рѣдко оправдываются слова Горація: virtutem incolumem odimus, sublatam ex oculis quaerimus invidi; обыкновенно ограниченная честность и отрѣшенная отъ генія нравственность высоко цѣнятся даже послѣ смерти, какъ будто только подъ такимъ условіемъ могутъ существовать эти качества во всей полнотѣ своей. Люди, въ которыхъ нѣтъ ничего чистаго, радуются возможности славить добродѣтель именно тамъ, гдѣ она не опирается на высокій разумъ. Такая зависть имѣла большое вліяніе на сужденіе о Ѳемистоклѣ и Аристидѣ. Я прошу не обвинять меня въ намѣреніи снять съ Аристида вѣнецъ его славы. Я вѣрю всѣмъ похваламъ, которыя ему воздаются; я вѣрю, что его добродѣтель вполнѣ заслужила то уваженіе, которое питала къ нему древность;

но я возражаю противъ тѣхъ сравненій, въ которыхъ онъ почти всегда возвышается на счетъ Ѳемистокла. Ѳемистоклъ выше. Для друзей Аристида, для всѣхъ, его видѣвшихъ и знавшихъ чистоту его мнѣній, жизнь его имѣла безконечное значеніе, но Ѳемистоклъ несравненно болѣе сдѣлалъ для спасенія и величія родины. — Вообще объ Аристидѣ думаютъ, что онъ былъ очень бѣденъ, но это несправедливо. Уже Димитрій Фалерскій основательно замѣтилъ, что Аристидъ никакъ не могъ быть бѣденъ, потому что онъ былъ архонтомъ эпонимомъ, слѣдовательно принадлежалъ къ самому богатому классу гражданъ, то есть къ *πενταχοσιομέδιμνοι*, потому что въ его время эту должность могли занимать только пентакосіомедимны, которые всѣ были Эвпатриды; это былъ еще листокъ изъ вѣнца Эвпатридовъ. Всѣ толки о бѣдности Аристида произошли отъ того, что по смерти его республика дала приданое его дочери. Мы видимъ здѣсь то же самое отношеніе, какъ и при общественныхъ погребеніяхъ великихъ Римлянъ, напримѣръ Валерія Публиколы: отсюда также вывели заключеніе, что люди, которыхъ погребала на свой счетъ *plebes*, а иногда *plebes* и *curiae* вмѣстѣ, умирали въ крайней бѣдности. Новые писатели пошли еще далѣе: они вообразили себѣ, что Валерій Публикола умеръ нѣкоторымъ образомъ въ богадѣльнѣ. Такое участіе республики было не бездѣлица, потому что въ Римѣ большія похороны обходились очень дорого, и когда сенатъ и народъ принимали на себя издержки, то они оказывали почесть покойнику и услугу его наслѣдникамъ.

Нельзя при этомъ случаѣ не отдать должной справедливости благородной воспріемлемости Аѳинскаго народа ко всѣмъ великимъ и патріотическимъ идеямъ. Когда Ѳемистоклъ предложилъ употребить на постройку флота принадлежавшіе всѣмъ гражданамъ доходы съ серебряныхъ рудниковъ, предложеніе его было тотчасъ принято. А между тѣмъ бо́льшая часть тогдашнихъ Аѳинянъ едва добывали себѣ насущный хлѣбъ и, конечно, лишались многаго, жертвуя государству своею скромною долею доходовъ съ рудниковъ. Впрочемъ, такія черты не рѣдки въ Аѳинской исторіи! Величайшіе люди Аѳинъ — Ѳемистоклъ, Периклъ и Демосѳенъ — хорошо знали эту сторону національнаго характера и умѣли на нее дѣйствовать въ видахъ общей пользы.

Нибуръ вполнѣ убѣжденъ въ совершенной невинности Ѳемистокла. Онъ приписываетъ его изгнаніе ненависти Спарты, которая не могла ему простить Аѳинскихъ укрѣпленій и вообще заслугъ его Аѳинамъ; къ тому же въ самихъ Аѳинахъ противъ Ѳемистокла образовалась сильная аристократическая партія, во главѣ которой стоялъ сынъ Мильтіада, Кимонъ, временно затмившій Ѳемистокла, который не былъ полководцемъ, славою своихъ военныхъ подвиговъ, въ особенности побѣдою при Эвримедонтѣ. Трудно себѣ представить, какихъ цѣлей могъ достигнуть Ѳемистоклъ, участвуя въ преступныхъ замыслахъ Павсанія, раскрывшаго впервые предъ лицемъ всей Греціи темную сторону спартанскаго характера. Извѣстно, какіе слухи ходили въ древности о самоубійствѣ Ѳемистокла и о причинахъ, побудившихъ его къ такому поступку. Во времена Аристофана уже господствовало убѣжденіе, что Ѳемистоклъ предалъ себя смерти, дабы избавиться отъ необхо-

димости служить персидскому царю, осыпавшему его благодѣяніями, противъ своихъ соотечественниковъ: слѣдовательно, мнѣніе ближайшаго потомства уже было на сторонѣ великаго гражданина, падшаго жертвою несправедливости современниковъ. Самый родъ смерти, избранный Ѳемистокломъ и вызвавшій справедливое сомнѣніе, объясняется слѣдующимъ образомъ Нибуромъ. „Конечно, говоритъ онъ, Ѳемистоклъ не могъ отравить себя бычачьею кровью, потому что кровь четвероногихъ не ядовита. Но сто лѣтъ тому назадъ синильная кислота добывалась у насъ изъ крови. Почему же не допустить, что древніе, о химическихъ свѣдѣніяхъ которыхъ мы слишкомъ низко думаемъ, знали, хотя и не вполнѣ, средство извлекать изъ крови самый смертельный изъ всѣхъ ядовъ? Если у этого препарата не было никакого особеннаго имени, то его могли за-просто называть бычачьею кровью". Вообще Нибуръ безпрестанно нападаетъ на господствующее еще въ наше время представленіе о состояніи отдѣльныхъ наукъ и искусствъ въ древнемъ мірѣ. Приводимъ слѣдующія слова, сказанныя по поводу Кимоновыхъ побѣдъ надъ Персами. „Я давно уже замѣтилъ, что мореплаваніе, морская тактика древнихъ и устройство ихъ галеръ подвергаются слишкомъ презрительнымъ отзывамъ. Галеры должно представлять себѣ какъ нѣчто, соотвѣтствующее нашимъ пароходамъ. Главная цѣль была одна и таже: возможность независимаго отъ вѣтра плаванія. Устройство древней галеры весьма было похоже на устройство пароходовъ; мѣсто нынѣшнихъ машинъ занимали человѣческія руки, которыя сообщали судну силу, необходимую для плаванія противъ вѣтровъ и теченій. Галеры были весьма легкія суда, назначенныя для скораго бѣга, съ какъ можно меньшею массою, дабы движущая сила находилась какъ можно въ большемъ отношеніи къ этой массѣ. Въ своемъ родѣ онѣ представляли нѣчто ужасное. На случай благопріятнаго вѣтра, на нихъ, какъ и на пароходахъ, имѣлось небольшое число парусовъ".

Жалобы, вызванныя гегемоніею Аѳинъ, были отчасти справедливы. Нигдѣ эти отношенія не изложены съ такимъ высокимъ безпристрастіемъ и съ такою вѣрностію, какъ у Ѳукидида. Но Ѳукидидъ не во всемъ оправдываетъ союзниковъ, почти добровольно вслѣдствіе собственнаго равнодушія къ общему дѣлу Греціи подпавшихъ подъ владычество Аѳинъ. Требованія ихъ не всегда были справедливы, ибо большею частію основаны были на ариѳметическомъ разсчетѣ. Жители Наксоса и Пароса разсуждали, напримѣръ, такимъ образомъ: „въ Аѳинахъ 20,000 гражданъ, у насъ 5,000, наши отношенія слѣдовательно какъ 4 : 1; за то если у всѣхъ союзниковъ 100,000 гражданъ, то Аѳинамъ принадлежитъ только пятая часть власти". Нибуръ справедливо вооружается противъ такого чисто внѣшняго и, по его словамъ, презрѣннаго способа опредѣлять взаимныя отношенія членовъ политическаго союза. Не числомъ своихъ гражданъ и не однимъ флотомъ завоевали Аѳины то высокое положеніе, которое онѣ занимали въ Греціи и котораго законность не оспариваетъ у нихъ всеобщая исторія.

Самыя гордыя надежды Ѳемистокла на будущее величіе роднаго города были не только оправданы, но и превзойдены въ эпоху Перикла. Мы смѣло можемъ

назвать эту эпоху самымъ свѣтлымъ пунктомъ древней исторіи. Да и вообще едвали какой народъ достигалъ такого гармоническаго и всесторонняго развитія своихъ силъ, какого достигли тогда Аѳиняне. Образованность, которая обыкновенно бываетъ принадлежностію немногихъ поставленныхъ въ особенно выгодное положеніе, гражданъ, была въ Аѳинахъ доступна всѣмъ и каждому и сдѣлалась общимъ достояніемъ. Воспитаніе Аѳинянина совершалось жизнію, а не въ школѣ. Онъ могъ обойтись безъ грамотности и, не смотря на то, стать наряду съ самыми просвѣщенными людьми своего времени, потому что жилъ въ такой умственной средѣ, которой вліяніе было неотразимо. Глазъ его привыкалъ съ дѣтства къ изящнымъ формамъ пластической красоты, его со всѣхъ сторонъ окружавшей въ памятникахъ искусства; сужденіе его изощрялось постояннымъ участіемъ въ судебныхъ и политическихъ преніяхъ, въ которыхъ расточали свое краснорѣчіе величайшіе ораторы Греціи; происходившія подъ открытымъ небомъ, приглашавшія всѣхъ къ участію бесѣды философовъ, непрерывные толки объ искусствѣ, составлявшемъ одинъ изъ главныхъ интересовъ общественной жизни, наконецъ дѣйствія драматическихъ представленій, которыя имѣли цѣлію не простую забаву, а соединенное съ эстетическимъ наслажденіемъ назиданіе, довершали умственное развитіе Аѳинянина, которому обстоятельства отказали въ возможности учиться въ молодости. Одна способность чувствовать красоты Эсхиловыхъ или Софокловыхъ трагедій свидѣтельствуетъ о высокомъ просвѣщеніи и строгомъ вкусѣ Аѳинянъ того времени. Имъ не нужно было сложной завязки, хитро веденной интриги, однимъ словомъ тѣхъ средствъ, къ которымъ принуждены бываютъ прибѣгать величайшіе драматическіе писатели для возбужденія любопытства въ своихъ зрителяхъ. Ко всему сказанному, къ необыкновенной воспріемлемости богато одареннаго природою южнаго племени, надобно прибавить историческія обстоятельства, въ высшей степени благопріятныя. Аѳины были торговое и промышленное государство; ихъ жители предавались самой разнообразной дѣятельности, но въ итогѣ у Аѳинскаго гражданина было несравненно болѣе досуга, нежели у живущаго такимъ-же трудомъ человѣка нашего времени. Причина этого явленія заключается въ условіяхъ частной жизни, далеко не столь сложной, какъ наша. Жена и рабы снимали съ Аѳинскаго гражданина большую часть домашнихъ заботъ. Дома онъ жилъ мало. Вся его дѣятельность, какъ общественная, такъ и частная, проходила подъ открытымъ небомъ въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей и впечатлѣній съ другими согражданами. Такой бытъ неминуемо усиливалъ вліяніе значительныхъ личностей, которыя со всѣхъ концовъ греческаго міра собирались въ Аѳины. Со временъ Перикла Аѳины дѣлаются средоточіемъ гелленской умственной жизни. Остальная Греція обѣдняла великими художниками, которые шли за вѣнцами своими въ единственный городъ, который давалъ и утверждалъ права на славу. Въ Коринѳѣ еще процвѣтала техническая часть искусства; но высшее, духовное начало развивалось въ Аѳинахъ, по словамъ Нибура. Богатство, естественное слѣдствіе торговли и промышленности, еще не находило приложенія къ цѣлямъ частной жизни, сохранившей до Пелопоннесской войны

прежнюю простоту свою. Зато Аѳинскіе богачи гордились красотою оснащенныхъ ими на свой счетъ государственныхъ галеръ, великолѣпіемъ хоровъ, выставленныхъ ими для драматическихъ представленій, и другими обязательными приношеніями *(λειτουργίαι)*, которыя въ эпоху, нами описываемую, еще не считались тягостными, но служили доказательствомъ почетнаго положенія въ республикѣ.

Конечно, не Периклъ вызвалъ къ жизни всѣ изящныя и великія явленія, которыя въ совокупности означаются его именемъ, но онъ стоялъ въ средоточіи этихъ явленій и болѣе, нежели кто-либо, сознавалъ ихъ значеніе. Власть его основана была на безпримѣрномъ дарѣ сообщать свои убѣжденія другимъ и на дѣйствительныхъ дарованіяхъ государственнаго мужа. По образованію, по объему идей, онъ стоитъ даже выше Ѳемистокла.

Отдавая справедливость великимъ качествамъ Перикла, Нибуръ произноситъ довольно строгій приговоръ надъ нѣкоторыми измѣненіями, которыя онъ произвелъ въ системѣ Аѳинскихъ государственныхъ учрежденій. Система эта намъ далеко не вполнѣ извѣстна. Къ числу самыхъ темныхъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о значеніи ареопага. Что власть ареопага не была опредѣлена положительно, это не подлежитъ сомнѣнію. Быть можетъ законодатель съ намѣреніемъ допустилъ такую неопредѣленность, дабы, не внушая излишнихъ опасеній усиливавшемуся демосу, сохранить въ государствѣ сильное, на охранительномъ началѣ основанное учрежденіе, которое могло оказать великія услуги въ критическія минуты народной жизни. Нибуръ полагаетъ, что во время персидскихъ войнъ ареопагъ пользовался неограниченною властію, соотвѣтствовавшею Римской диктатурѣ. Мы оставляемъ это мнѣніе на отвѣтственности великаго историка. Извѣстно, что при Периклѣ, по предложенію друга его Эфіальта, судебная власть ареопага была значительно ограничена. Но въ чемъ собственно состояло это ограниченіе, мы достовѣрно не знаемъ.

„Периклъ и Эфіальтъ заботились объ усиленіи народнаго собранія. Объ нихъ обоихъ можно сказать, что они не знали, что̀ дѣлали, потому что они безспорно повредили республикѣ. Гдѣ обращеніе крови совершается съ такою быстротою, какъ въ Аѳинскомъ народѣ, тамъ не для чего ускорять пульсъ; лучше внести какія-нибудь замедленія въ ходъ дѣлъ, потому что застоя нечего бояться. Эфіальтъ былъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ честный человѣкъ, его нельзя упрекнуть ни въ эгоизмѣ, ни въ честолюбіи; но по моему мнѣнію такое обвиненіе падаетъ на Перикла, котораго я ни въ какомъ случаѣ не могу оправдать. Периклъ сознавалъ свое вліяніе на народъ, который жилъ его жизнію; его убѣжденія, высказанныя имъ умно и съ жаромъ, проникали въ душу народа. Всѣ его предложенія принимались. Отношеніе его къ ареопагу было совсѣмъ другое. Слово Перикла не имѣло бы такого могущества, если бы ему пришлось говорить передъ ограниченнымъ по числу членовъ собраніемъ ареопага. Онъ вообще не имѣлъ возможности высказать передъ ареопагомъ своего мнѣнія, потому что не засѣдалъ въ немъ и не имѣлъ надежды вступить въ него съ тѣхъ поръ, какъ званіе архонта перестало быть избирательнымъ. Если бы нововводители не замѣ-

нили избранія жребіемъ, то Периклъ могъ бы сдѣлаться эпонимомъ, вступить въ ареопагъ и даже подчинить его себѣ. Теперь ему пришлось употребить другія средства.—Ареопагъ представляетъ замѣчательный примѣръ того, что называется esprit de corps, въ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. Такой esprit de corps существовалъ до французской революціи въ парижскомъ парламентѣ, котораго члены передавали другъ другу достоинство и независимость, отражавшіяся на всемъ ихъ образѣ жизни. Легкомысленный членъ парламента былъ презираемъ даже такими людьми, которые охотно мирились съ легкомысліемъ всего остальнаго міра. Такимъ же наслѣдственно передающимся духомъ отличаются члены извѣстныхъ фамилій въ Англіи; онъ составляетъ сущность, основу, на которой держатся государственныя учрежденія, замѣняя внутреннимъ побужденіемъ отсутствіе прекратившагося внѣшняго принужденія. Въ такихъ государствахъ, какъ Англія, политическія мнѣнія существуютъ неизмѣнно въ отдѣльныхъ семействахъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Какой-нибудь Россель, измѣнившій вигамъ и перешедшій на сторону торисма, былъ бы чудовищнымъ явленіемъ. Это настоящая и благотворная аристократія. У ареопага былъ также свой духъ: легкомысленный, презрѣнный человѣкъ, по словамъ, сказаннымъ Исократомъ въ эпоху общаго разложенія, вступая въ ареопагъ, долженъ по необходимости измѣниться, принять другой образъ мыслей. Поэтому ареопагъ былъ превосходнымъ учрежденіемъ. Онъ состоялъ изъ выбывшихъ изъ должности архонтовъ, которые засѣдали въ немъ во все продолженіе остальной жизни своей. Но такъ какъ ареопагъ былъ представителемъ охранительныхъ началъ, выраженіемъ разума въ республикѣ, то поступленію въ него должно было предшествовать испытаніе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ архонты стали избираться по жребію; иначе онъ обратился бы во вздорное учрежденіе. Всякій избранный по жребію архонтъ обязанъ былъ выдержать испытаніе въ чистотѣ жизни *(δοκιμασία)* предъ вступленіемъ въ должность; потомъ, сложивъ съ себя званіе архонта, при переходѣ въ ареопагъ онъ подвергался вторичному испытанію. Такъ поступали итальянскіе города Среднихъ вѣковъ съ своими подеста̀. Периклъ и Эфіальтъ унизили могущество этого судилища, по словамъ Аристотеля, глубочайшаго знатока отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій" (II, стр. 29 — 32).

Трудно впрочемъ предположить, чтобы судилище, пополнявшееся, какъ видимъ, по жребію, а не по избранію, могло быть проникнуто до такой степени однимъ и тѣмъ же духомъ, какъ говоритъ Нибуръ. Случай могъ ввести въ ареопагъ членовъ недостойныхъ, которые никакъ не получили бы доступа къ нему, если бы прежнее избраніе осталось въ силѣ. Съ другой стороны непонятно, почему Периклъ долженъ былъ отказаться отъ надежды быть архонтомъ и потомъ членомъ ареопага. Если бы онъ дѣйствительно домогался этихъ почестей, то, вѣроятно, достигъ бы ихъ и по жребію. Преобразованіе ареопага представляло болѣе трудностей.

Справедливѣе намъ кажутся другія замѣчанія Нибура. Онъ оправдываетъ Перикла въ допущеніи бѣдныхъ классовъ Аѳинскаго народа къ участію въ богатствахъ республики, достигнувшей высшей степени благосостоя-

нія и получавшей огромные доходы. Нехорошъ былъ, по мнѣнію Нибура, только способъ, употребленный Перикломъ, то-есть плата за участіе въ народныхъ и судебныхъ собраніяхъ. Но здѣсь, кажется, у Перикла была еще другая цѣль: онъ хотѣлъ доставить бѣднѣйшему Аѳинянину возможность пользоваться своими правами и воспитать его для жизни вполнѣ гражданской. Въ этомъ заключается различіе между законами Перикла и Римскими leges frumentariae, которые Нибуръ съ ними сравниваетъ. Вождь аѳинскаго демоса имѣлъ въ виду не одно утоленіе голода бѣдныхъ классовъ, но и умственное ихъ развитіе. Его мѣры нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствовали мѣрамъ новыхъ правительствъ касательно народнаго просвѣщенія. Впрочемъ, при избыткѣ населенія, которымъ уже начинали страдать Аттика и вся остальная Грецiя, при закрывшейся возможности высылать колоніи въ прежнихъ размѣрахъ, Периклъ могъ еще имѣть въ виду предупрежденіе государственныхъ переворотовъ.

Пелепоннесскою войною кончилось кратковременное, но принесшее плодъ для всей дальнѣйшей исторіи человѣчества процвѣтаніе греческой жизни. Война эта носитъ на себѣ особенный характеръ разрушенія: у враждовавшихъ сторонъ не было опредѣленной, ясно обозначенной цѣли. Споръ могъ, слѣдовательно, кончиться только совершенною побѣдою одной и уничтоженіемъ другой. Но и побѣдителямъ дорого обошлось торжество: proprium periculum fecerunt, qui vicerunt.

„Цвѣтущее состояніе Грецiи передъ Пелопоннесскою войною относится къ послѣдующему времени такъ, какъ Германія предъ Тридцатилѣтнею войной — къ Германіи послѣ Тридцатилѣтней войны, или Италія до нашествія Французовъ при Карлѣ VIII—къ Италіи послѣ этого нашествія. Это можно сказать не только о нравственныхъ и духовныхъ отношеніяхъ, но и о разореніи страны, хотя съ этой стороны Грецiя менѣе пострадала (?). Юношескій возрастъ Грецiи кончился рано, вмѣстѣ съ эпическими и первыми лирическими поэтами; Пелопоннесскою войною замыкается свѣжая пора зрѣлаго возраста. Сравнивая даже Демосѳена, одного изъ величайшихъ умовъ, являвшихся въ исторіи, почти одиноко стоящаго между своими современниками, съ людьми, жившими до Пелопоннесской войны, мы найдемъ, что поэзія уже исчезла. Она не долго сохранилась въ жизни послѣ паденія Аѳинъ, какъ отраженный горами блескъ заходящаго солнца. Въ вѣкъ Августа люди, которыхъ молодость совпадаетъ съ междоусобными войнами и битвою при Акціумѣ, совершили, по водвореніи относительной тишины и спокойствія, безсмертные труды, но труды эти по происхожденію своему принадлежатъ прошедшему. То же самое можно сказать о Пелопоннесской войнѣ, въ приложеніи ко всей литературѣ и къ цѣлому складу жизни. За движеніемъ, вызваннымъ Пелопоннесскою войною, слѣдуетъ общая усталость; какъ во Франціи черезъ 10-ть лѣтъ послѣ начала революціи прекращаются всѣ стремленія къ созданію новыхъ формъ, останавливаются умственная производительность и предпріимчивость, такъ и въ Грецiи все было утомлено и хило. Мечтанія и надежды были истощены и изношены. Война началась съ большою свѣжестію силъ; многое въ жизни и искусствѣ

уже достигло высшей степени развитія; многое приближалось къ этой степени. Трагедія еще до войны стояла такъ высоко, что не могла уже выше подняться; значительнѣйшія драмы явились, правда, въ самые годы войны, но онѣ суть плоды предыдущаго развитія. Въ комедіи было много безъименныхъ мастеровъ: величайшій между ними Аристофанъ. Но въ трагедіи съ Софокломъ некого сравнить. Ходъ образовательныхъ искусствъ былъ другой: они шли впередъ и во время войны, и послѣ и достигли такой оконченности, тонкости и красоты, о которыхъ прежде не имѣли понятія. Къ тому же времени принадлежитъ образованіе и развитіе прозы, которая дотолѣ не существовала, какъ искусство. Могущество и богатство Греціи были истреблены войною. До 431 года Греція была цвѣтущею страною, но богатство ея истощилось, и даже области, не испытавшія разоренія, потерпѣли сильные удары вслѣдствіе напряженій и поборовъ Спарты. Къ этому присоединилось глубокое нравственное огрубѣніе, общее разложеніе; чувства ненависти и озлобленія окрѣпли; чувства довѣрія и расположенія къ ближнимъ вымерли. Вмѣстѣ съ ними погибло невозвратно юношеское воззрѣніе на будущее время. Люди несли жизнь, какъ долгъ; жили безъ радостей, безъ надеждъ на нѣчто лучшее, свѣтлое, на исполненіе мечтаній и замысловъ".

„Пелопоннесская война есть самая безсмертная изъ всѣхъ войнъ, потому что она обрѣла величайшаго историка изъ всѣхъ, доселѣ существовавшихъ. Ѳукидидъ достигнулъ высшаго, доступнаго историку совершенства, касательно твердости, ясности и живаго изложенія. Въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ, можетъ быть, сравнился бы Тацитъ, если бы до насъ дошли утраченныя книги его исторіи: въ тѣхъ, которыя сохранились, онъ еще не является намъ очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, подобно Ѳукидиду. У Тацита нѣтъ такой непринужденности и наглядности. Ѳукидидъ пишетъ такъ, какъ будто онъ еще присутствуетъ при описываемомъ и видитъ его своими глазами. Въ этомъ онъ неподражаемъ; вѣроятно въ послѣднихъ книгахъ Ливія была такая же наглядность, хотя въ другомъ родѣ. Мы находимъ ее также въ рѣчахъ у Саллюстія. Можетъ быть, она была и въ утраченныхъ книгахъ его. Прежнія порицанія Ѳукидида безсмысленны: у него и у Демосѳена каждое слово тяжело вѣситъ". О Ксенофонтѣ Нибуръ отзывается очень строго: онъ находитъ, что Ксенофонтъ относится къ Ѳукидиду, какъ Глеймъ къ Гёте. „Его исторія никуда не годится: она написана лживо, нерадиво, на скорую руку". Не безъ причины удивляется Нибуръ Ксенофонтову пристрастію къ Спартѣ въ виду несчастій, которыя ея гегемонія навлекла на Грецію.

Прекрасно характеризуетъ Нибуръ послѣдніе годы Перикловой жизни, совпадающей съ началомъ Пелопоннесской войны. „Достовѣрно, говоритъ онъ, что Периклъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ нападеній; это объясняется обстоятельствами. По происхожденію онъ принадлежалъ къ аристократіи; по наклонностямъ и убѣжденію онъ стоялъ за демосъ и старался укрѣпить его. Но такъ какъ онъ окончательно разорвалъ прежнія, еще до него ослабленныя связи, существовавшія въ государствѣ, то поря-

докъ вещей, имъ созданный, не могъ быть органическимъ. Его правленіе не было творческое, органически развивающее, но чисто личное: благоденствіе и вліяніе Аѳинъ зависѣли отъ его лица; это была счастливая анархія подъ вліяніемъ великаго человѣка. Для будущаго не было создано ничего крѣпкаго. Но кто знаетъ, падаетъ ли вина такого опущенія на великаго мужа? кто можетъ утвердительно сказать, что въ этомъ ходѣ вещей не было необходимости? Часто за счастливѣйшею эпохою слѣдуетъ неизбѣжно время упадка; счастіе отдѣльныхъ лицъ или поколѣній ведетъ за собою упадокъ цѣлаго. При Периклѣ выступила наружу въ Аѳинахъ личность во всей силѣ своей. Покорность исчезла въ народѣ. Въ молодости Перикла государствомъ правили Ѳемистоклъ и Аристидъ, потомъ Ѳемистоклъ и Кимонъ, Кимонъ одинъ, наконецъ самъ Периклъ съ нѣсколько старшимъ его годами Кимономъ, и еще позже съ Ѳукидидомъ Алопекскимъ. Они составляли совокупность великихъ Аѳинскихъ государственныхъ мужей. Но въ послѣдніе годы Перикла выступаетъ на сцену толпа даровитыхъ людей, которые хотятъ управлять государствомъ. У нихъ было знаніе государственнаго дѣла и извѣстная степень образованности, въ особенности риторической, которая въ молодости Перикла была исключительною принадлежностію немногихъ, подобно ему замѣчательныхъ людей, и которою Периклъ самъ, можетъ быть, обладалъ не въ такой высокой степени, какъ его молодые соперники. Ни у кого изъ этой толпы не было впрочемъ укрѣпленной на прочномъ основаніи системы. Весьма немногіе изъ нихъ (Алкибіадъ былъ еще очень молодъ) хотѣли вызвать къ жизни тѣни древней аристократіи; большая часть состояла изъ демагоговъ, людей честолюбивыхъ, смотрѣвшихъ на Перикла, какъ на устарѣвшаго, заслонявшаго имъ дорогу человѣка, высокое положеніе котораго составляло предметъ желаній каждаго изъ нихъ. Такъ возникли нападки противъ Перикла, по печальному, но совершенно естественному ходу человѣческой жизни, который также повторяется въ литературѣ и наукѣ. Великіе люди пробиваютъ новые пути, но тѣ, которые обязаны имъ всѣмъ своимъ значеніемъ и существованіемъ, смотрятъ на нихъ, особливо въ смутныя времена, какъ на препятствія, мѣшающія ихъ собственному ходу. Гдѣ пульсъ народной жизни бьется медленнѣе, тамъ могутъ быть отношенія другаго рода“ (II, стр. 54).

Нелѣпые толки о личныхъ причинахъ, будто бы побудившихъ Перикла къ начатію войны, не заслуживаютъ опроверженія. Оправданіе Аѳинскаго государственнаго мужа находится въ безпристрастномъ разсказѣ Ѳукидида, который отнюдь не принадлежалъ къ числу его безусловныхъ почитателей. Пелопоннесская война была дѣломъ необходимости. Столкновеніе между Спартою и Аѳинами было неизбѣжно: происшествія въ Корцирѣ служили только внѣшнимъ поводомъ. Но начало войны было несчастливо для Аѳинянъ. Они, очевидно, не ожидали разоренія, которому подверглась Аттика со стороны Пелопоннесцевъ, истреблявшихъ оливковыя деревья, виноградники и вообще собственность земледѣльческаго класса. Праздное, заключенное въ стѣнахъ великаго города, населеніе смотрѣло издали на эти опустошенія и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сваливало вину

на людей, стоявшихъ во главѣ правительства, въ особенности на Перикла. Эти жалобы усилились съ появленіемъ страшнаго мора въ Аѳинахъ. Замѣчательно, что зараза, съ такою силою дѣйствовавшая въ Аттикѣ, весьма слабо обнаружилась въ Пелопоннесѣ. Извѣстно, что Нибуръ приписываетъ заразительнымъ болѣзнямъ большое историческое значеніе. По его мнѣнію, великія заразы почти всегда совпадаютъ съ эпохами упадка цивилизацій. Онѣ служатъ рубежами между отходящимъ, вымирающимъ порядкомъ вещей и зараждающимся новымъ. Читатели наши найдутъ въ „Чтеніяхъ о древней исторіи“ много относящихся къ этому предмету остроумныхъ, хотя не вполнѣ доказанныхъ предположеній. Могучимъ органомъ поднявшейся противъ Перикла оппозиція была комедія, игравшая въ общественномъ мнѣніи такую же роль, какую играютъ въ новой Европѣ политическіе журналы. Изъ комедій Аристофана видно, какія средства употребляли комическіе поэты для достиженія своихъ цѣлей. Пользуясь безграничною свободою, они не щадили ни лицъ, ни учрежденій. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на массу зрителей эти смѣлыя до цинизма выходки противъ мужей, занимавшихъ высшія должности въ республикѣ, эти недоказанныя обвиненія, или, лучше сказать, клеветы, поднятыя въ грязи площадныхъ толковъ и облагороженныя изящною поэтическою формою. Аристофанъ былъ безспорно величайшій комическій поэтъ всѣхъ вѣковъ, но ссылаться на его мнѣнія о современныхъ ему дѣятеляхъ аѳинской исторіи безразсудно. Въ немъ съ особенною силою и, можно сказать, съ ожесточеніемъ отразилось мнѣніе извѣстной политической партіи, и въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ другомъ, его творенія могутъ служить историческимъ источникомъ.

Мы уже замѣтили выше любовь Нибура къ Аѳинамъ. Это чувство высказывается почти на каждой страницѣ его разсказа о Пелопоннесской войнѣ. Къ Спартѣ онъ рѣшительно нерасположенъ, и мы вполнѣ сочувствуемъ великому историку. Спартанцы первые сообщили войнѣ тотъ жестокій характеръ, которымъ она отличается отъ всѣхъ предыдущихъ междоусобій, происходившихъ на греческой почвѣ. Прибавимъ къ этому, что жестокость Спарты была обдуманная, холодная; она истекала изъ политическаго разсчета, между тѣмъ какъ самыя темныя дѣла Аѳинскаго демоса совершены были подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія и нерѣдко вели за собою раскаяніе. Спартанцамъ вмѣняютъ въ особенное достоинство ихъ снисхожденіе къ провинившимся военачальникамъ. Строгость, которую обнаруживали Аѳиняне въ подобныхъ обстоятельствахъ, часто называютъ неблагодарностью. Но Спарта не менѣе была строга, когда дѣло шло объ опущеніи ея собственныхъ выгодъ. Она была снисходительна только въ тѣхъ случаяхъ, когда вина обращалась ко вреду другихъ. Исторія представляетъ много примѣровъ безнаказаннаго нарушенія договоровъ и оскорбленій всякаго рода, нанесенныхъ союзникамъ со стороны спартанскихъ сановниковъ. Въ доказательство того, какъ мало можно полагаться на разсказы, пущенные въ ходъ недоброжелателями Аѳинъ, Нибуръ приводитъ слѣдующій любопытный фактъ. Аѳинскій полководецъ Пахесъ оказалъ республикѣ важную услугу

покоренiемъ возставшей Митилены. Вмѣсто награды онъ былъ преданъ суду и предупредилъ грозившiй ему приговоръ добровольною смертiю. Въ такомъ видѣ дошли эти происшествiя до потомства. Примѣръ Пахеса служитъ, говорятъ, разительнымъ доказательствомъ легкомыслiя и несправедливости Аѳинянъ. Но въ греческой антологiи сохранилось стихотворенiе, показывающее совсѣмъ съ другой стороны все это дѣло. При взятiи Митилены, Пахесъ изнасиловалъ двухъ тамошнихъ благородныхъ женъ, которыя потомъ принесли на него жалобу его соотечественникамъ. Побѣдоносный полководецъ могъ разсчитывать на ненависть Аѳинянъ противъ глубоко ихъ оскорбившихъ Митиленцевъ, но чувства правды и сожалѣнiя къ несчастнымъ жертвамъ взяли верхъ надъ народнымъ озлобленiемъ. Пахесъ долженъ былъ умереть. Спартанскимъ начальникамъ сходили съ рукъ и не такiе поступки. Единственный Спартанецъ той эпохи, внушающiй къ своей личности глубокое сочувствiе и уваженiе — Брасидъ. Къ сожалѣнiю, онъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Кромѣ великихъ дарованiй, онъ отличался благородствомъ и возвышеннымъ, рѣдкимъ между его соотечественниками, возрѣнiемъ на обще-греческiя дѣла.

Относительно Клеона Нибуръ раздѣляетъ господствующее и едвали справедливое мнѣнiе. Въ VI-мъ томѣ Гротовой „Исторiи Грецiи“ находится превосходная и, по нашему мнѣнiю, вѣрная оцѣнка дѣятельности и характера Клеона. Этому человѣку пришлось заступить мѣсто Перикла среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ генiальныхъ дарованiй, которыхъ, конечно, у Клеона не было. Но съ другой стороны едвали возможно допустить, чтобы человѣкъ до того жалкiй и ничтожный, какимъ Клеона изображаютъ Ѳукидидъ и Аристофанъ, могъ выдвинуться впередъ изъ толпы образовавшихся въ блестящую эпоху Периклова владычества государственныхъ людей. Въ продолженiи нѣсколькихъ лѣтъ Клеонъ заслоняетъ всѣхъ своихъ соперниковъ, пользуется постояннымъ влiянiемъ на народъ и обнаруживаетъ въ отдѣльныхъ, пристрастно противъ него переданныхъ намъ, случаяхъ ясный и здравый взглядъ на современныя событiя. Примѣромъ можетъ служить дѣло о взятiи острова Сфактерiи, подробно и обстоятельно разобранное Гротомъ. Оно приноситъ большую честь Клеону. Несчастiе его заключается въ непрiязни, которую къ нему питали величайшiй поэтъ и величайшiй историкъ того времени. Ѳукидидъ, обыкновенно столь безпристрастный и спокойный цѣнитель людей, очевидно не любитъ Клеона. Онъ сообщаетъ намъ всѣ ошибки послѣдняго и едва намекаетъ на обстоятельства, которыми эти ошибки въ нѣкоторой степени оправдываются. Ѳукидидъ, между прочимъ, строго осуждаетъ Клеона за жестокiя мѣры, предложенныя имъ противъ жителей Митилены и Скiоне. Зачѣмъ же умалчиваетъ онъ имя оратора, предложившаго еще худшiя, болѣе несправедливыя мѣры противъ Мелiйцевъ, и не произноситъ надъ нимъ такого же приговора? Безразсудно было со стороны Аѳинянъ отправленiе Клеона во Ѳракiю, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ генiальнымъ Брасидомъ и защищать противъ него важнѣйшiя колонiи республики, отъ которыхъ зависѣло въ то время рѣшенiе войны. Но самое это довѣрiе показываетъ, что

Клеонъ не былъ въ глазахъ своихъ сограждан тѣмъ презрѣннымъ шутомъ, какимъ намъ его представляютъ.

Смерть Брасида была несчастіемъ для цѣлой Греціи. Онъ одинъ могъ примирить враждебныя стороны на условіяхъ разумныхъ и умѣренныхъ. Значительныя личности Алкибіада и Лисандра, опредѣляющія ходъ происшествій во второй половинѣ Пелопоннесской войны, далеко ниже Брасида въ безкорыстіи и чистотѣ намѣреній.

„Имя Алкибіада, говоритъ Нибуръ, принадлежитъ къ числу самыхъ громкихъ именъ древняго міра; объ немъ много толкуютъ, не показывая обыкновенно его характеристическихъ, отличительныхъ свойствъ. Большею частію говорятъ о его красотѣ, о его любезности, забывая то, что въ немъ главное, что составляетъ его значеніе. Его внѣшнія качества до такой степени бросались въ глаза, что вредили ему, заслоняя собою его блестящія дарованія. Мы вообще представляемъ себѣ Алкибіада, какъ человѣка, любующагося собственною красотою, выше всего ставящаго безумныя забавы, и упускаемъ изъ виду ту сторону его характера, которую намъ раскрыла исторія. Весьма немногіе понимаютъ его настоящимъ образомъ; новые писатели часто отзываются о немъ не только непріязненно, но даже съ пренебреженіемъ; весьма извѣстныя сочиненія содержатъ въ себѣ непростительно опрометчивыя, даже презрительныя сужденія объ Алкибіадѣ. По мнѣнію древнихъ, онъ былъ человѣкъ необыкновенный и принадлежалъ къ числу тѣхъ демоническихъ явленій, которыя иногда показываются въ исторіи, опредѣляя участь цѣлыхъ народовъ и странъ и перевѣшивая вліяніемъ одной своей личности счастіе и политику цѣлыхъ государствъ. Ѳукидидъ, котораго нельзя заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ Алкибіаду, говоритъ положительно, что отъ него зависѣла судьба Аѳинъ и что если бы Алкибіадъ не отдѣлилъ сначала поневолѣ, потомъ добровольно, своей участи отъ участи роднаго города, то ходъ Пелопоннесской войны принялъ бы совсѣмъ другой оборотъ, и что одно это лицо могло рѣшить споръ въ пользу Аѳинянъ. Это господствующее мнѣніе всей древности; всѣ значительные писатели древняго міра смотрѣли на Алкибіада съ этой точки зрѣнія. Только новые писатели думаютъ объ немъ иначе и говорятъ объ немъ, какъ о безумномъ гулякѣ, котораго никакъ нельзя поставить на ряду съ великими государственными мужами древности. Аристофанъ, который по уму не уступаетъ Ѳукидиду, но безконечно расходится съ нимъ во всемъ остальномъ, выразилъ свое сужденіе объ Алкибіадѣ въ „Лягушкахъ“ въ видѣ шутки, но въ такое время, когда Алкибіада надобно было снова поднять въ общественномъ мнѣніи. Это сужденіе содержитъ въ себѣ все, что можно сказать объ Алкибіадѣ. По словамъ Аристофана, появленіе такого чудовищнаго, демоническаго существа въ республикѣ составляетъ, конечно, несчастіе и опасность; но тамъ, гдѣ есть подобное существо, надобно ему подчиниться и не оказывать ему безполезное сопротивленіе. У Алкибіада совсѣмъ особенный характеръ. Во всей древней исторіи я не знаю никого, съ кѣмъ бы его можно было сравнить. Правда, мнѣ приходилъ Цезарь въ голову. Онъ также рано началъ позволять себѣ политическія вольности, нарушавшія

строгую, обычную законность; но въ немъ есть нѣчто другое; онъ несравненно разсудительнѣе Алкибіада. У Алкибіада была (въ этомъ всѣ согласны) не политическая, а тиранническая натура, φύσις τυραννική. Онъ не могъ никакъ приноровиться къ государству и законамъ, не могъ спокойно довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое отведено ему было политическими учрежденіями его родины. Цезарь былъ не таковъ. Онъ, конечно, также иногда уклонялся отъ законности и стремился выше, но это стремленіе у него было прикрыто, стояло на второмъ планѣ, до извѣстной поры его жизни; вообще онъ до самаго своего консульства былъ гражданиномъ республики. Къ тому же Цезарь былъ практическій человѣкъ, дѣйствовавшій въ формахъ даннаго государства. У Алкибіада напротивъ не было смысла для такой дѣятельности: онъ былъ страшный эгоистъ, заботился только о себѣ и о своей власти; республика должна была повиноваться. Аѳины вынесли отъ него много такого, чего не стерпѣли бы отъ другаго гражданина, но дѣлать было нечего, только при такихъ условіяхъ можно было разсчитывать на Алкибіада. Нельзя впрочемъ не признать, что съ лѣтами онъ становился значительно лучше, и что въ послѣдніе годы его жизни, послѣ его вторичнаго разрыва съ родиною, въ немъ обнаружились патріотическія чувства, показывающія, что въ зрѣломъ возрастѣ онъ сталъ несравненно лучшимъ гражданиномъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ съ самой ранней юности наглымъ образомъ обнаружилъ притязаніе на ту же власть и то же положеніе въ государствѣ, какими пользовался его опекунъ, Периклъ. Всѣ сознавали, что онъ былъ великій полководецъ и великій государственный человѣкъ, но онъ не любилъ ничего, что требовало тщательной работы, строгой добросовѣстности и постоянства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ безсовѣстенъ; но тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать на сердца, въ Аѳинахъ или внѣ Аѳинъ, тамъ, гдѣ надобно было запугать или убѣдить народъ, направить къ своимъ цѣлямъ политику другихъ государствъ или начальствовать надъ войсками, тамъ онъ былъ великій художникъ. Въ войскѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго; онъ былъ рѣшительно великій полководецъ. Въ личности его было нѣчто въ самомъ дѣлѣ очаровательное, подчинявшее ему все, что̀ его окружало. Онъ сознавалъ эту власть и пользовался ею, какъ хотѣлъ. Такія истинно демоническія натуры рѣдко употребляютъ свое могущество на добро. Ничто имъ не противится, всѣ сознаютъ ихъ превосходство надъ собою: онѣ же не признаютъ надъ собою ни божественнаго, ни человѣческаго закона; порою онѣ добровольно подчиняются этимъ законамъ, являются благородными, великодушными, исполненными любви, но при первомъ требованіи эгоизма сбрасываютъ съ себя принужденіе. Тогда люди кажутся имъ насѣкомыми, которыхъ они ставятъ ни во что. Таковъ былъ Алкибіадъ.

Въ новѣйшія времена подобнымъ могуществомъ обладалъ въ большей степени Мирабо, въ меньшей Фоксъ. Они причаровывали къ себѣ все, что къ нимъ приближалось, но оба уступали Алкибіаду. Наполеонъ былъ слишкомъ практическій человѣкъ. Такая же, сохранившая свою чистоту, натура была у Демосѳена: это высшее въ исторіи, но тотчасъ является зависть и начинаетъ грызть. Впрочемъ подобныя лица рѣдко остаются чистыми: боль-

шею частію они отдаются дьяволу. Катилина былъ человѣкъ въ этомъ родѣ, а не дюжинный злодѣй" (II, стр. 106—111).

Страшная участь Аѳинскаго флота и сухопутныхъ войскъ подъ Сиракусами опредѣлила позднѣйшія мнѣнія о предпріятіяхъ Аѳинянъ въ Сициліи. Мы привыкли смотрѣть на Сиракусскую экспедицію только чрезъ развязку ея, нанесшую Аѳинамъ ударъ, отъ котораго онѣ не могли оправиться. Нибуръ не повторяетъ обвиненій, которыя обыкновенно поэтому поводу возводятся на Аѳины и въ особенности на Алкибіада. Мысль о завоеваніи Сициліи могла придти въ голову истинно государственному человѣку и легко могла быть осуществлена при тогдашнихъ средствахъ Аѳинской республики и при постоянныхъ междоусобицахъ сицилійскихъ городовъ. О выгодахъ такого завоеванія можно составить себѣ понятіе уже изъ того обстоятельства, что Сицилія снабжала хлѣбомъ Пелопоннесъ. Цвѣтущее состояніе острова, на которомъ впослѣдствіи сошлись, споря о владычествѣ надъ историческимъ міромъ, Римъ и Карѳагенъ, великолѣпіе его городовъ и обширная торговля этихъ городовъ явствуютъ изъ всѣхъ древнихъ свидѣтельствъ. Въ Сициліи, по геніальной мысли Алкибіада, должна была рѣшиться Пелопоннесская война. Что̀ могли противопоставить отрѣзанныя отъ своей житницы Спарта и ея союзники Аѳинамъ, усиленнымъ всѣми богатствами Сициліи? Аѳиняне не сомнѣвались въ успѣхѣ задуманнаго ими предпріятія. Мало того, они думали о распространеніи своихъ владѣній на Западъ, о покореніи Сардиніи и самого Карѳагена. Въ надеждахъ этихъ не было ничего преувеличеннаго и несбыточнаго: войны Діонисія и Агаѳокла обличаютъ внутреннюю слабость тогдашняго Карѳагена. А между тѣмъ могущество Сиракусскихъ вождей никакъ не могло выдержать сравненія съ могуществомъ Аѳинъ, не говоря о геніи Алкибіада, передъ которымъ ничтожны и Діонисій, и Агаѳоклъ. Нибуръ прекрасно сравниваетъ по этому поводу характеръ Римскихъ и Аѳинскихъ войнъ. Римляне воевали потому, что безъ войнъ или внутреннихъ смутъ имъ было нечего дѣлать: скука одолѣвала цѣлый народъ. Аѳиняне также скучали праздностію, но отъ избытка внутреннихъ силъ, отъ жажды новыхъ ощущеній и великихъ событій. Впрочемъ Аѳинянину было хорошо и дома. „У него были великіе праздники, поэты и воспріемлемость для всего прекраснаго. Аттическіе поэты по преимуществу заслуживаютъ названія благотворительныхъ мужей; ихъ звуки, какъ лира Амфіона, укрощали дикія страсти толпы и занимали ее собою. Когда сердца были преисполнены пѣсенъ и дивныхъ трагедій, тогда въ Аѳинахъ всѣ были счастливы и веселы, никто не чувствовалъ своей бѣдности, не искалъ сильныхъ душевныхъ потрясеній". Но именно при такомъ настроеніи народа онъ легко подавался на великія, представленныя ему съ поэтической стороны, предпріятія. Римлянинъ имѣлъ въ виду практическую цѣль, результатъ войны; Аѳинянинъ находилъ наслажденіе въ подвигѣ, хотя и онъ далеко не былъ чуждъ поэтическаго разсчета. При содѣйствіи Алкибіада, успѣхъ сицилійской экспедиціи почти не подлежалъ сомнѣнію. Даже первыя дѣйствія Никія были довольно удачны, но мнительность и робкая осторожность этого несчастнаго полководца дали дѣлу другой оборотъ. Никій не воспользовался

первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ прибытіемъ Аѳинянъ въ Сиракусы, пропустилъ драгоцѣнное время и далъ Алкибіаду возможность принять изъ Спарты тѣ мѣры, конечнымъ слѣдствіемъ которыхъ было паденіе Аѳинъ.

Роковой геній Алкибіада раскрылся во всей полнотѣ своей въ эпоху его изгнанія. Алкибіадъ открылъ Спартанцамъ глаза на опасность, которая имъ грозила, и былъ виновникомъ новой, болѣе рѣшительной системы войны. Вмѣсто ежегодныхъ вторженій въ Аттику, Пелопоннесцы заняли, по его совѣту, на разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль отъ Аѳинъ небольшой городокъ Декелею, укрѣпили его и непрерывными разореніями не давали оправиться сельскому населенію. На помощь Сиракусамъ былъ отправленъ Гилиппъ, настоящій представитель тогдашняго спартанскаго характера, соединявшій съ достоинствами искуснаго полководца совершенное отсутствіе политической чести, или, лучше сказать, честности. Алкибіаду же были обязаны Аѳины вмѣшательствомъ Персіи въ Пелопоннесскую войну и отпаденіемъ значительной части своихъ прежнихъ союзниковъ. Персидскій флотъ пришелъ на помощь къ Спартанцамъ, которые сверхъ того получали отъ Персидскаго царя значительное денежное пособіе. Узкая, антинаціональная политика Спарты обнаружилась гораздо прежде Анталкидова мира; уже во время Пелопоннесской войны Спарта продала Персамъ независимость своихъ мало-азіатскихъ соплеменниковъ. Если бы Алкибіадъ не остановился во время и не употребилъ той же дѣятельности, какую онъ обнаружилъ ко вреду Аѳинъ, въ ихъ пользу, то участь послѣднихъ рѣшилась бы нѣсколькими годами ранѣе. Тѣ самые сатрапы, которыхъ онъ убѣдилъ оказать пособіе Спартѣ, сдѣлались орудіями его совершенно измѣнившихся намѣреній.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ познакомить читателей со всѣми подробностями Нибурова изложенія послѣднихъ годовъ Пелопоннесской войны. По нашему мнѣнію, это — одинъ изъ самыхъ удачныхъ отдѣловъ въ „Чтеніяхъ о Древней Исторіи“. Заживо затронутая событіями, отдѣленными отъ насъ разстояніемъ двадцати двухъ вѣковъ, личность историка высказывается въ каждомъ сужденіи, имъ произносимомъ. Не всѣ эти сужденія справедливы; о многихъ мы даже рѣшительно не знаемъ, на какихъ данныхъ они основаны, но едвали найдется мыслящій читатель, способный устоять противъ впечатлѣнія этихъ горячихъ, дышащихъ чувствомъ современника, страницъ.

Несчастія, испытанныя Аѳинами, привели многихъ гражданъ къ убѣжденію въ необходимости внутреннихъ преобразованій. Политическія формы Перикловой эпохи, установившіяся подъ вліяніемъ исключительно демократическихъ идей, не могли соотвѣтствовать требованіямъ республики, нуждавшейся въ крѣпкой, способной сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ государственныя силы, власти. Нибуръ справедливо замѣчаетъ, что въ тогдашнихъ Аѳинахъ не было правительства въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Личное вліяніе Перикла замѣняло отчасти недостатокъ учрежденій; Периклъ стоялъ во главѣ народа и сообщалъ рѣшеніямъ народныхъ собраній нѣкоторую послѣдовательность и единство; у него не было преемниковъ: Алкибіадъ выдавался впередъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые его особенно

занимали, но онъ не имѣлъ того цѣльнаго значенія въ республикѣ, какое принадлежало его опекуну. Короче, Аѳинамъ въ эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, нуженъ былъ диктаторъ, а политическіе реформаторы, о которыхъ мы упомянули выше, заботились только объ установленіи прочнаго аристократическаго элемента. Попытки эти оказались, какъ и слѣдовало ожидать, неудачными.

Въ числѣ лицъ, игравшихъ въ то время значительную роль, есть одно, надъ которымъ нельзя не задуматься историку. Мы говоримъ о Ѳераменѣ. Мужественная кончина въ періодъ владычества 30-ти тиранновъ, къ числу которыхъ онъ самъ принадлежалъ, доставила Ѳерамену незаслуженную славу героическаго характера. Разбирая подробно его предыдущую жизнь, нѣкоторые новые историки пришли къ заключеніямъ совсѣмъ другаго рода. Шлоссеръ въ своей Древней Исторіи (т. I, отд. II) называетъ Ѳерамена предателемъ и вообще произноситъ надъ нимъ самый жестокій приговоръ. Мнѣніе Нибура кажется намъ достойнѣе истиннаго историка, умѣющаго цѣнить вліяніе времени и обстоятельствъ на дѣйствія отдѣльныхъ людей.

„Ѳераменъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ характеровъ древней исторіи; я когда-нибудь буду писать о немъ. Онъ былъ отличный полководецъ, счастливъ, неутомимъ, искусенъ; онъ обладалъ необыкновеннымъ, быть-можетъ не обработаннымъ наукою, но могучимъ краснорѣчіемъ. Притомъ онъ былъ, чего наименѣе можно было ожидать, человѣкъ благонамѣренный и справедливый; его огорчала всякая неправда и все неразумное, но такъ какъ онъ жилъ только въ настоящемъ, въ текущемъ мгновеніи, то онъ не заботился ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Этимъ объясняются его внезапные переходы отъ одной партіи къ другой, когда та, къ которой онъ принадлежалъ, его болѣе не удовлетворяла или не принимала его справедливыхъ совѣтовъ. Такимъ же образомъ отставалъ онъ отъ новой партіи, когда былъ ею недоволенъ, или когда старая обращалась къ нему съ разумными предложеніями. Такая измѣнчивость доставила ему прозваніе котурна. Сандаліи дѣлались на одну ногу, котурнъ на обѣ, такъ что его можно было надѣвать по произволу на правую и на лѣвую ногу. Ѳераменъ часто мѣнялъ партіи. О немъ много было писано, но тѣ немногіе новые историки, которые имъ занимались, не справились съ нимъ. Я понимаю его совершенно и думаю, что характеръ его можно изобразить вполнѣ. Несмотря на всѣ его заблужденія и грѣхи, я не могу его не любить: онъ тяжело искупилъ свои проступки. Человѣкъ, которому угрожаетъ паденіе и падающій вслѣдствіе похвальныхъ побужденій, лучше того, кто остался чистымъ по неспособности и отсутствію соблазновъ. Поэтому Ѳераменъ меня не отталкиваетъ отъ себя; напротивъ я раздѣляю чувство, которое онъ вообще внушалъ въ древности. Цицеронъ его любитъ, хотя онъ, безъ сомнѣнія, оцѣнилъ отдѣльные поступки его жизни и вовсе не былъ намѣренъ ихъ защищать. У него есть, конечно, дѣла, которыхъ нельзя оправдывать, но которыя можно извинить, потому что за ними слѣдуетъ всегда прекрасное обращеніе къ лучшему и желаніе загладить дурное; сердце у него было самое открытое, которое не боялось признаться въ собственной

винѣ и ревностно стремилось къ ея исправленію. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые смотрѣли на тогдашнюю порчу Аѳинской демократіи, какъ на нѣчто, чему надлежало положить конецъ, которые желали перемѣны учрежденій и надѣялись этою перемѣною водворить въ Греціи миръ" (II, 168). Далѣе говоритъ объ немъ Нибуръ: „Веселость, съ которою онъ выпилъ за здоровье Критія чашу съ цикутою, обличаетъ спокойствіе человѣка необычайныхъ силъ, но утомленнаго жизнію, отъ которой онъ хочетъ отдѣлаться, какъ отъ тяжкой ноши" (II, 202). Къ сожалѣнію до насъ не дошло превосходное сочиненіе, написанное Ѳераменомъ въ оправданіе себя. У Лисія (Contra Eratosth. p. 127. Reisk.) находятся подлинныя мѣста. Рѣчь, которую Ксенофонтъ влагаетъ въ уста Ѳерамену, по мнѣнію Нибура, поддѣльная и написана самимъ историкомъ. Вообще Нибуръ, какъ мы уже показали выше, не любитъ Ксенофонта и говоритъ тутъ же (201), что всѣ его рѣчи на одинъ ладъ; Ѳракійцы, Персы, Аѳиняне, люди всѣхъ партій говорятъ у него однимъ и тѣмъ же языкомъ, то-есть нѣсколько распущеннымъ (etwas liederliche Manier) языкомъ самого Ксенофонта.

Смуты, предшествовавшія изгнанію 30-ти тиранновъ и возстановленію Аѳинской независимости, подали поводъ Нибуру къ слѣдующимъ словамъ, которыя съ одной стороны характеризуютъ его лично, съ другой могутъ служить превосходнымъ образцомъ истиннаго воззрѣнія на людей, призванныхъ дѣйствовать въ смутныя времена исторіи.

„Эти событія представляютъ намъ поучительное доказательство того, что не должно судить о нравственномъ достоинствѣ человѣка по цвѣту политической партіи, къ которой онъ принадлежалъ, и что нельзя сказать: такой-то принадлежитъ къ такой-то партіи, слѣдовательно онъ дурной человѣкъ, или наоборотъ — хорошій. Подобныя сужденія составляются безъ труда, но въ нихъ нѣтъ истины; исторія учитъ насъ другому, лучшему: часто подъ знаменами самаго благороднаго дѣла стоятъ самые порочные люди, и наоборотъ въ рядахъ дурной партіи мы не рѣдко встрѣчаемъ благороднѣйшихъ людей, воображающихъ, что они дѣлаютъ добро, тогда какъ поступки ихъ вредны и неразумны, потому что они ошиблись въ цѣли или недальновидны. Это явленіе повторилось и въ Аѳинахъ. Ѳрасибулъ былъ отличный, безукоризненный гражданинъ; но съ нимъ вмѣстѣ, въ числѣ начальниковъ, стоялъ за правое дѣло и участвовалъ въ возстановленіи прежняго порядка Анитъ, впослѣдствіи обвинитель Сократа. Обвинитель Сократа, виновникъ его погибели едвали могъ быть хорошимъ и добрымъ человѣкомъ: онъ былъ религіозный лицемѣръ. Наоборотъ, между находившимися въ городѣ противниками Ѳрасибула были вѣроятно превосходные люди. Самъ Сократъ и безъ сомнѣнія большая часть его друзей оставались въ городѣ *). Я навѣрно былъ бы въ Пиреѣ или въ Филѣ, но никакъ не бросилъ бы камня въ того, кто остался въ Аѳинахъ, а только пожалѣлъ бы о немъ" (II, 211).

*) Надобно при этомъ вспомнить, что Ѳрасибулъ и его партія держались въ Пиреѣ, а олигархя съ своими приверженцами въ самомъ городѣ.

Въ слѣдующей статьѣ мы отдадимъ читателямъ „Пропилеевъ“ отчетъ въ содержаніи остальныхъ „Чтеній о Древней Исторіи“, посвященныхъ печальнымъ, но поучительнымъ временамъ упадка греческой жизни.

II.

За Пелопонесскою войною слѣдуетъ въ „Чтеніяхъ о Древней Исторіи“ обзоръ исторіи персидской до возстанія младшаго Кира противъ Артаксеркса. Читателямъ „Пропилеевъ“ извѣстно, какое участіе принимали въ этомъ возстаніи греческіе наемники, которыхъ походъ и отступленіе подробно описаны въ лучшемъ изъ сочиненій Ксенофонта. Мы привели уже мнѣніе Нибура объ этомъ писателѣ. Какъ-бы нехотя признаетъ Нибуръ достоинство Анабасиса; но отзывъ его о личности самого сочинителя слишкомъ строгъ, хотя и въ немъ есть доля истины. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на превосходный отдѣлъ, посвященный отступленію 10-ти тысячъ Грековъ въ IX-мъ томѣ Гротовой „Исторіи Греціи“. Нибуръ вмѣняетъ Ксенофонту въ вину самое участіе его въ походѣ. Другіе шли, говоритъ онъ, наемниками ради денегъ, — Ксенофонтъ пошелъ изъ энтузіасма. Трудно найти въ Анабасисѣ признаки такого энтузіасма. Причины, побудившія молодаго Аѳинскаго всадника, Сократова ученика, стать въ ряды Кировыхъ мисѳофоровъ, были весьма просты. Послѣ Пелопонесской войны жизнь въ униженныхъ Аѳинахъ не представляла ничего особенно привлекательнаго даровитому и жаждавшему дѣятельности юношѣ. Другъ его Беотіецъ Проксенъ писалъ ему изъ Сардъ, гдѣ онъ находился при особѣ Кира, о предстоявшихъ персидскому государству переворотахъ и звалъ его къ себѣ. Ксенофонтъ принялъ охотно это приглашеніе. Не легко было Греку, въ особенности Аѳинянину, устоять противъ троякаго искушенія: войны, славы и странствованій по землямъ, о которыхъ въ Греціи ходили только смутные слухи.

Клеарха и другихъ начальниковъ греческаго наемнаго войска въ службѣ Кира Нибуръ не безъ основанія сравниваетъ съ полководцами Тридцатилѣтней войны, о которыхъ говоритъ слѣдующее: „Досадно, что на такихъ людей смотрятъ какъ на героевъ; это признакъ совершеннаго незнанія исторіи; у Банера, какъ и у Клеарха, были таланты великаго полководца; но, подобно Папенгейму, онъ является намъ чудовищемъ, какихъ, слава Богу, не встрѣчаемъ въ новѣйшихъ войнахъ Европы“.

Сраженіе при Кунаксѣ положило конецъ наступательному движенію Грековъ; но съ него начинается тотъ рядъ великихъ подвиговъ, которые доставили сборной наемной дружинѣ всемірно-историческое значеніе. Мы не считаемъ нужнымъ повторять всѣмъ знакомыя подробности отступленія 10 тысячъ Грековъ. Но едва ли до того времени могло развиться въ душѣ Грека такое глубокое сознаніе собственнаго превосходства надъ народами Востока. Воины Мараѳона, Ѳермопилъ и Платеи стояли на родной почвѣ; непріятель превосходилъ ихъ числомъ; за то на ихъ сторонѣ было много другихъ условій успѣха. Но спутники Ксенофонта находились совсѣмъ въ

другомъ положенін. Имъ надлежало прокладывать себѣ путь на родину чрезъ земли имъ вовсе неизвѣстныя, населенныя племенами, которыхъ имена дотолѣ не доходили до греческаго уха; имъ предстояла равно трудная борьба съ природою горныхъ и холодныхъ странъ, съ голодомъ и, наконецъ, съ врагами, которые напирали на нихъ со всѣхъ сторонъ, спереди и сзади. Прибавимъ къ тому, что лучшіе ихъ вожди были у нихъ отняты измѣною при самомъ началѣ отступленія. Надобно было замѣнить ихъ людьми новыми, едва извѣстными войску и не успѣвшими еще заслужить его довѣрія. Между этими новыми вождями первое мѣсто принадлежитъ безъ сомнѣнія Ксенофонту. У Грота есть нѣсколько умныхъ, по этому поводу написанныхъ страницъ (томъ IX, страницы 113—118). Онъ показываетъ, до какой степени Ксенофонтъ былъ обязанъ своимъ быстрымъ возвышеніемъ и вліяніемъ на умы сподвижниковъ той системѣ воспитанія, которая принадлежала къ числу отличительныхъ признаковъ Аѳинскаго гражданина и была одною изъ причинъ его несомнѣннаго превосходства надъ остальными Греками. Въ рядахъ Грековъ, которыхъ Киръ собралъ подъ свои знамена и привелъ къ Кунаксѣ, были конечно люди болѣе опытные, чѣмъ Ксенофонтъ, въ военномъ дѣлѣ и столь же мужественные. Между ними было много ветерановъ Пелопоннесской войны. Но когда войско падало духомъ въ виду почти неодолимыхъ препятствій, когда самые храбрые думали только о честной смерти, тогда Аѳинянинъ Ксенофонтъ, привыкшій къ волненіямъ народнаго собранія, находилъ слова и идеи, возстановлявшія бодрость и надежду. Уроки софистовъ и риторовъ принесли пользу на бранномъ полѣ. Ксенофонтъ равно умѣлъ, по словамъ Грота, мыслить, говорить и дѣйствовать. Только въ Аѳинахъ могъ онъ найти условія для такого гармоническаго и разнообразнаго развитія способностей, данныхъ ему природою.

Гротъ почти совершенно согласенъ съ Нибуромъ относительно возможныхъ результатовъ сраженія при Кунаксѣ. Побѣда Кира могла бы обнаружить большое вліяніе на участь древняго міра. Киръ вполнѣ сознавалъ значеніе греческой образованности, по крайней мѣрѣ въ политическомъ смыслѣ. Онъ былъ окруженъ Греками и доставилъ бы несомнѣнно на Востокѣ гелленизму то вліяніе, которое онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе Александровыхъ завоеваній. Эти завоеванія могли даже сдѣлаться невозможными, если бы Киру удалось осуществить свои планы. За то преобразованное, скрѣпленное греческими элементами персидское государство могло бы явиться опаснымъ врагомъ для Греціи и разыграть относительно упадавшихъ республикъ ту роль, которая потомъ досталась на долю Македоніи.

Участіе, принятое Спартанцами въ Кировомъ предпріятіи, увлекло ихъ въ войну съ Артаксерксомъ. Когда Агесилай принялъ начальство надъ спартанскимъ войскомъ въ Малой Азіи, при немъ было только 30 настоящихъ Спартанцевъ. Они занимали главныя должности въ арміи, состоявшей изъ періэковъ и вольноотпущенныхъ гелотовъ. Число спартанскихъ гражданъ въ то время не превышало тысячи. Государство должно было по необходимости беречь ихъ только въ качествѣ начальниковъ или офицеровъ вообще. Мнѣніе Нибура о самомъ Агесилаѣ представляетъ рѣзкую противополож-

ность съ похвалами, которыми обыкновенно осыпаютъ спартанскаго царя его древніе и новые біографы. Агесилая дѣйствительно нельзя причислить къ великимъ людямъ Греціи. Онъ былъ хорошій полководецъ и былъ чуждъ той жестокости, которою вообще отличались его соотечественники, въ особенности современникъ и соперникъ его Лисандръ. У него было много личныхъ друзей; но онъ простиралъ свою пріязнь до непозволительнаго пристрастія. При нѣкоторомъ добродушіи, у него были чисто спартанскіе пороки: презрѣніе къ праву, глубокій эгоизмъ и отсутствіе всякаго высшаго, гелленскаго національнаго чувства. Счастливый возвратъ 10 тысячъ Грековъ внушилъ Агесилаю мысль о возможности легкихъ завоеваній въ Персіи; но, несмотря на довольно усиленный ходъ его дѣйствій въ Малой Азіи, онъ не совершилъ ничего важнаго. Побѣды его надъ Персами весьма незначительны въ сравненіи съ побѣдами Александра или даже съ битвами V-го столѣтія. Вообще въ немъ есть нѣчто узкое и ограниченное; скажемъ впрочемъ въ оправданіе Агесилая, что ему недостало времени для полнаго раскрытія плановъ, съ которыми онъ пришелъ въ Азію. Онъ принужденъ былъ поспѣшить возвратиться въ Грецію, потому что большая часть прежнихъ союзниковъ Спарты подняли противъ нея оружіе и заставили ее думать о собственной безопасности.

Недавняя гегемонія Спарты была потрясена въ своихъ основахъ Коринѳскою войною. Греческія республики, отложившись отъ Аѳинъ, во время Пелопоннесской войны испытали уже сладость спартанскаго владычества и горько жалѣли о своихъ прошлыхъ отношеніяхъ. Ненависть къ надменной Спартѣ сдѣлалась общимъ чувствомъ греческаго міра. Къ сожалѣнію Аѳины были не въ состояніи воспользоваться такимъ настроеніемъ умовъ. Причиною тому была бѣдность республики, которая еще не успѣла оправиться отъ недавнихъ бѣдствій и потому требовала тяжелыхъ жертвъ отъ острововъ, которые охотно перешли снова на ея сторону. Недостатокъ источниковъ не позволяетъ намъ вполнѣ оцѣнить великія услуги, оказанныя въ эту эпоху Аѳинамъ Ѳрасибуломъ и Кономомъ. Безъ послѣдняго едва ли было бы возможно быстрое возстановленіе Аѳинскихъ укрѣпленій. Извѣстно, что Кононъ помогъ въ этомъ случаѣ своимъ согражданамъ деньгами, которыя онъ получилъ отъ персидскаго правительства и отъ Эвагора, царя Кипрскаго.

Нибуръ указываетъ на два важныя явленія, характеризующія эпоху Коринѳской войны, именно на первыя попытки образованія союзовъ, имѣвшихъ цѣлью независимость греческихъ республикъ, и на измѣненія, введенныя въ греческую тактику Ификратомъ. Относительно Анталкидова мира великій историкъ согласенъ съ большею частью писателей, упоминающихъ объ этой покорной сдѣлкѣ Спартанцевъ съ Персами. Здѣсь не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній. Никогда еще политическій эгоизмъ Спарты не высказывался съ такимъ безстыдствомъ.

Новая, скрѣпленная условіями Анталкидова мира гегемонія Спарты была еще тягостнѣе первой и неминуемо вела къ возстанію порабощенной, но еще не совершенно обезсиленной Греціи. Извѣстно, какимъ рядомъ политическихъ преступленій, какими нарушеніями народнаго права Спартанцы вызвали къ

бою Өивы, дотолѣ мало замѣтныя въ греческой исторіи. Въ великой личности Эпаминонда воплотились, можно сказать, и гнѣвъ Греціи на унизительное иго и надежды мыслящихъ умовъ на политическое возрожденіе родины. Пораженіе Спартанцевъ при Левктрѣ было событіе нежданное, удивившее самихъ побѣдителей. Нравственное впечатлѣніе, произведенное этою битвою, было для Спарты вреднѣе понесеннаго ею урона въ людяхъ, хотя и послѣдній былъ довольно значителенъ. Въ продолженіе восьми лѣтъ Эпаминондъ былъ первымъ человѣкомъ въ греческомъ мірѣ и держалъ въ своихъ рукахъ его судьбу. Умирая, онъ унесъ съ собою не только созданное имъ величіе Өивъ, но цѣлую систему политическихъ идей. Многое изъ начатаго имъ съ благими намѣреніями обратилось впослѣдствіи ко вреду Греціи, потому именно, что Эпаминонду не удалось довершить свое дѣло. Онъ ясно понималъ, что возстановленіе греческихъ республикъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали до Пелопоннесской войны, было невозможно. Мѣсто исчезавшихъ гражданскихъ доблестей, отсутствіе тѣхъ духовныхъ силъ, на которыя преимущественно опиралась независимость государствъ, побѣдившихъ при Саламинѣ и при Платеѣ, онъ хотѣлъ замѣнить внѣшними ручательствами (гарантіями) политической независимости для отдѣльныхъ республикъ. Съ этою цѣлью возвратилъ онъ свободу Мессеніи и старался связать въ одинъ союзъ разрозненные между собою города Аркадіи. Лучшаго оплота нельзя было противопоставить честолюбивымъ видамъ Спарты. Участіемъ своимъ въ дѣлахъ Өессаліи и Македоніи онъ тѣснѣе связалъ судьбу этихъ странъ съ судьбами Греціи, дотолѣ мало о нихъ помышлявшей. Предвидѣлъ ли Эпаминондъ опасность, которая грозила отсюда Греціи? Не знаемъ. Во всякомъ случаѣ отъ его зоркаго взгляда не скрылась важность этихъ земель, и онъ спѣшилъ ввести ихъ въ задуманную имъ систему равносильныхъ государствъ. На гегемонію Өивъ Эпаминондъ смотрѣлъ какъ на нѣчто преходящее. Не ее поставилъ онъ цѣлью своихъ подвиговъ. Съ законною, дозволенною только истинно великимъ людямъ гордостью шелъ онъ къ осуществленію своей теоріи, своей личной задачи. Өивы служили ему только орудіемъ. Въ политической дѣятельности Эпаминонда мы найдемъ гораздо болѣе теоретическихъ элементовъ, чѣмъ у Өемистокла или даже у Перикла, жившихъ въ эпоху отношеній болѣе простыхъ и естественныхъ. Сраженіе при Мантинеѣ положило конецъ подвигамъ Эпаминонда. Передъ смертью онъ спросилъ, кто изъ Өиванскихъ полководцевъ остался въ живыхъ. Лучшіе пали,—тѣ, которымъ онъ довѣрялъ завѣтныя думы свои. Роль Өивъ была кончена; имъ оставалось только съ честью выдти изъ борьбы, утратившей смыслъ. Цицеронъ называетъ Эпаминонда величайшимъ мужемъ Греціи; почти то же говоритъ о немъ Полибій. Ихъ мнѣніе основано на высокихъ свойствахъ Өивскаго вождя, а не на результатахъ его дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить лицо болѣе чистое, болѣе благородное, менѣе причастное къ мелкимъ страстямъ и побужденіямъ. Къ идеальному образу Эпаминонда старались приблизиться лучшіе между позднѣйшими политическими дѣятелями Греціи, Тимолеонъ и Филопеменъ. Какъ гражданинъ Өивъ и какъ Гелленъ, онъ вполнѣ совершилъ долгъ свой,

и мы не въ правѣ обвинять его за то, что сѣмя, брошенное имъ, не взошло благодатною жатвою. Онъ ослабилъ Спарту и какъ бы втянулъ въ греческія дѣла Македонію. Возрожденная Мессенія не забыла въ виду общей бѣды своихъ частныхъ страданій и отомстила Спартѣ на счетъ всей Греціи, поддерживая въ Пелопоннесѣ выгоды македонскихъ государей.

Послѣдній отдѣлъ „Чтеній о Древней Исторіи“, заключающій въ себѣ періодъ македонскаго преобладанія въ Греціи, проникнутъ горькимъ, въ частностяхъ пристрастнымъ противъ Македоніи чувствомъ. Такое чувство со стороны Нибура весьма понятно и придаетъ его разсказамъ что-то теплое и вызывающее сочувствіе читателя. Нибуръ конечно не хуже другихъ понималъ жестокую историческую необходимость, жертвою которой сдѣлались греческія государства. Онъ указываетъ самъ на причины упадка, на глубокую порчу греческой жизни, на неизбѣжную казнь, но совершители этой казни внушаютъ ему отвращеніе. Подъ часъ это отвращеніе заходитъ слишкомъ далеко; оно нарушаетъ спокойствіе чисто историческаго созерцанія. Историкъ становится человѣкомъ: онъ готовъ обнажить мечъ и стать въ ряды защитниковъ давно проиграннаго дѣла. Онъ очевидно несправедливъ противъ Александра, даже противъ тѣхъ Грековъ, которые преклонились предъ яркою звѣздою македонскаго завоевателя. Мы уже не разъ указывали на рѣдкія способности Нибура переноситься въ прошедшее и жить въ немъ всѣмъ сердцемъ. Признаемся, мы съ своей стороны не можемъ отказать въ сочувствіи великому историку, негодующему противъ Македоніи. Можно ли быть равнодушнымъ зрителемъ безжалостнаго истребленія всего живаго и свѣтлаго въ Греціи? Кто изъ Македонянъ, за исключеніемъ Великаго Александра, можетъ называться истиннымъ Гелленомъ?

„Въ Филиппѣ“, говоритъ Нибуръ, „надобно умѣть отличить явленіе природы отъ нравственнаго существа. Филиппъ былъ безспорно необыкновенный, изъ ряду выходящій человѣкъ, и мнѣніе древнихъ, что создатель македонскаго государства совершилъ подвигъ болѣе трудный, чѣмъ Александръ, который приложилъ къ дѣлу уже готовыя силы, совершенно вѣрно… Другой вопросъ, былъ ли онъ добрый и благородный человѣкъ. Что въ немъ были благородныя наклонности, этого я не намѣренъ отрицать. У него есть чисто человѣческія прекрасныя черты; онъ былъ другъ друзей своихъ и умѣлъ являться съ свѣтлой стороны тѣмъ, кто былъ къ нему близокъ. За то онъ ставилъ цѣль свою выше всего: никогда мысль о чести, о вѣрности, о добродѣтели, о совѣсти, не могла отвлечь его отъ предположенной цѣли. Александръ стоялъ выше его по воспитанію. Филиппъ провелъ дѣтство свое при полуварварскомъ дворѣ, которому неизвѣстно было даже чувство стыда. Онъ съ колыбели говорилъ по гречески; но духъ у него былъ не греческій. Конечно онъ былъ въ Ѳивахъ. Однако извѣстіе о томъ, что онъ былъ воспитанъ въ домѣ Эпаминонда, должно быть принято съ значительными ограниченіями. И кто можетъ сказать, что молодой князь былъ въ состояніи оцѣнить скромную и безъискусственную доблесть Эпаминонда!“.

Нибуръ отзывается впрочемъ съ должнымъ уваженіемъ о необыкновен-

ныхъ дарованіяхъ и дѣятельности Филиппа. Укажемъ для примѣра на стр. 321 и 322 тома II-го, гдѣ въ немногихъ словахъ изъяснена важность Филипповыхъ нововведеній въ войскѣ.

Къ лучшимъ мѣстамъ въ „Чтеніяхъ о Древней Исторіи“ принадлежатъ страницы, посвященныя Демосѳену. Нибуръ нашелъ въ Аѳинскомъ ораторѣ родную себѣ душу. Отзывы его о Демосѳенѣ исполнены глубокой, почтительной любви.

„Демосѳену было тогда (когда онъ выступилъ противъ Филиппа за Олинѳъ) около 34-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ находился на настоящей высотѣ мужескаго возраста, когда юношеская живость умѣряется опытомъ и размышленіемъ. О немъ много говорено; древность имъ много занималась. Теперь рѣчи его читаются болѣе ради ихъ собственнаго превосходства, а не ради эпохи и личности Демосѳена, которая гораздо важнѣе сама по себѣ, нежели изслѣдованія о жалкомъ времени, когда онъ жилъ: новѣйшіе ученые больше говорятъ объ немъ, чѣмъ знаютъ его. Изученіе такихъ личностей, какъ напримѣръ Цицеронъ и Гёте, еще важнѣе, нежели чтеніе ихъ твореній, потому что только такимъ образомъ мы можемъ узнать, до какой степени эти люди отличаются отъ обыкновенныхъ и какъ высоко они стоятъ надъ общимъ уровнемъ. Поэтому письма ихъ бываютъ весьма поучительны. Въ рѣчахъ Демосѳена надобно болѣе всего обратить вниманіе на самую личность оратора. Едвали встрѣтимъ въ исторіи положеніе болѣе трагическое. Истина рано открылась Демосѳену; онъ видѣлъ, какія неисправимыя ошибки совершались вокругъ него и какъ все шло къ погибели, а онъ не имѣлъ возможности помочь. Задолго до прихода бѣды онъ скорбно слѣдилъ за ея приближеніемъ, тогда какъ другіе обманывали себя надеждами и легкомысленно жили день за днемъ. Демосѳенъ испилъ съ чистѣйшею любовью къ родинѣ горькую чашу предвидѣнія. Такой человѣкъ конечно не могъ быть веселъ: всѣ его рѣчи проникнуты скорбью, задумчивостью и печалью. Въ нихъ нѣтъ веселости. Въ рѣчахъ Цицерона, именно въ тѣхъ, которыя были сказаны непосредственно послѣ его консульства, есть что-то радостное, глубокое чувство счастія, чего вовсе нѣтъ у Демосѳена. Но величіе его заключается въ томъ, что онъ неутомимъ, что его не останавливаетъ никакое несчастіе, никакое оскорбленіе, что его не смущаетъ равнодушіе или плохое исполненіе его печальныхъ совѣтовъ, хотя его же обвиняютъ впослѣдствіи въ томъ, что послушались его. Безъ отдыха придумываетъ онъ мѣры, годныя для каждой новой минуты; онъ постоянно совѣтуетъ, требуетъ и заклинаетъ.

„Онъ нашелъ дѣла въ самомъ печальномъ положеніи: только предъ битвою при Херонеѣ, когда онъ склонилъ Грековъ къ союзу съ Аѳинами, могъ онъ одно мгновеніе надѣяться на успѣхъ. Тогда насладился онъ всѣмъ счастіемъ, къ какому онъ былъ способенъ. Грецiя распадалась, Филиппъ былъ могуществененъ, и всюду поднималась его партія; во многихъ городахъ измѣнники дѣйствовали за Филиппа; въ Аѳинахъ было мало такихъ, но господствовавшіе вездѣ развратъ и порча нравовъ помогали Филиппу. Нѣкоторыя республики перешли совершенно на его сторону. Въ Аѳинахъ съ

Демосѳеномъ стояли нѣсколько даровитыхъ и благонамѣренныхъ, но ему совершенно чуждыхъ людей: таковъ былъ Ликургъ, человѣкъ высокой честности, но зараженный сикофантіей: accusatorem factitavit, по выраженію Цицерона. Онъ былъ озлобленъ и находилъ удовлетвореніе въ жалобахъ и доносахъ на другихъ; Демосѳенъ никогда не обвинялъ такимъ образомъ. Еще хуже было то, что многіе весьма честные люди смотрѣли на дѣла съ самой превратной точки зрѣнія. Фокіонъ, котораго обыкновенно называютъ образцомъ добродѣтели, постоянно и болѣе нежели кто-либо другой вредилъ своему отечеству: онъ принесъ пользу только въ послѣдней крайности. Тогда его личность произвела нѣкоторое впечатлѣніе, но не его добродѣтель спасла Аѳины, а Антипатръ, вспомнившій, что Фокіонъ былъ старый противникъ Демосѳена и всѣхъ ненавистниковъ Македоніи. Онъ не былъ предателемъ, какимъ, быть можетъ, былъ Эсхинъ и навѣрно Филократъ; онъ былъ неспособенъ къ измѣнѣ: но онъ составилъ себѣ несчастное убѣжденіе въ неизбѣжномъ торжествѣ Филиппа, вбилъ себѣ въ голову, что судьба Аѳинъ уже рѣшена, и вездѣ всѣми силами противодѣйствовалъ Демосѳену, думая, что дѣло уже кончено и что сопротивленіе можетъ сдѣлать еще болѣе тягостною для родины предстоявшую ей участь. Иронія жизни, выражаясь словами одного знаменитаго писателя, поставила его на сторону Филиппа... Въ такомъ положеніи, при общемъ распаденіи Греціи, безъ поддержки въ государствѣ, гдѣ демократія дошла до крайнихъ предѣловъ, среди измѣнчиваго, отвыкшаго отъ войны народа, съ плохими и несчастными полководцами предпринялъ Демосѳенъ борьбу съ Филиппомъ, стоявшимъ во всемъ величіи власти и дарованій. Это былъ безспорно самый смѣлый подвигъ, когда-либо предпринятый восторженнымъ и необыкновеннымъ мужемъ, сознававшимъ въ себѣ нравственную силу, способнымъ на все великое.

Аѳины сиротствовали, когда Демосѳенъ выступилъ на сцену. Превосходство Аѳинянъ заключалось въ ихъ воспріимчивости. Ни одинъ уголокъ въ мірѣ не произвелъ такого числа великихъ людей, какъ Аѳины, и нигдѣ народъ не былъ въ такой степени доступенъ впечатлѣніямъ, производимымъ великими личностями. Но время было несчастное. Народъ попалъ въ дурныя руки, и только благопріятствующая судьба спасла его отъ совершенной гибели. Къ несчастію Платонъ отдалился отъ государства. При его великомъ умѣ, онъ бы могъ совершить несказанное добро, если бы подошелъ къ народу поближе и не пренебрегъ его способностью принимать впечатлѣнія. Къ тому же самый народъ не всегда былъ воспріимчивъ и стоялъ въ то время гораздо ниже, чѣмъ во время Пелопоннесской войны, ниже, нежели впослѣдствіи, при Демосѳенѣ. Демосѳенъ поднялъ снова Аѳинянъ и развилъ въ нихъ духъ болѣе крѣпкій и благородный".

„Когда онъ явился въ народномъ собраніи, онъ нашелъ испорченный демагогами и обманываемый льстецами народъ, съ которымъ немного можно было сдѣлать хорошаго. Силою терпѣнія, таланта и патріотизма пріобрѣлъ онъ мало по малу довѣріе своихъ согражданъ, такъ что тысячи необразованныхъ людей шли за нимъ, какъ дѣти за отцемъ. Этимъ вліяніемъ онъ былъ единственно обязанъ своему слову, своимъ достоинствамъ и высокой

любви къ отечеству, потому что онъ никогда не занималъ должности, которая могла бы доставить ему средства понужденія, и жилъ въ государствѣ до того распущенномъ, что никто не былъ въ состояніи повелѣвать. Его личное вліяніе было могущественнѣе, чѣмъ самыя мудрыя рѣшенія тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть: рѣчь его увлекала людей, и въ управленіи ими онъ обнаруживалъ все превосходство дарованій, полученныхъ имъ отъ Бога. Онъ принадлежалъ къ числу величайшихъ администраторовъ: изслѣдованіе его плановъ доставляетъ высокое наслажденіе. Въ то время въ Аѳинахъ, какъ въ эпоху революціи, господствовало стремленіе къ измѣненіямъ въ государственномъ устройствѣ; это стремленіе обыкновенно прежде всего развивается въ ограниченныхъ умахъ, не заботящихся о томъ, найдутся ли для новыхъ учрежденій способные люди. Демосѳенъ вовсе не думалъ о перемѣнахъ: онъ зналъ, что̀ можно сдѣлать изъ настоящаго, и понималъ, что лучшее государственное устройство заключалось въ немъ самомъ. Ему надлежало бороться съ неистовыми нападеніями тѣхъ, кому не нравилась его роль, и съ самыми пошлыми интересами толпы. Тысячи бѣдняковъ до того были воодушевлены имъ, что отказались въ пользу государства отъ пособія, которое получали въ качествѣ державныхъ членовъ того государства; отвыкшій отъ военной службы народъ пришелъ въ воинственный восторгъ и снова привыкъ защищать отечество. Это болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Александръ, когда онъ съ 30-ю тысячами человѣкъ проникъ до Инда. Александръ могъ повелѣвать, у него была власть надъ подданными. Демосѳенъ, пробуждая возвышенныя чувства, доводилъ своихъ согражданъ до высочайшаго самоотверженія. Все выше подымались воспитанные имъ Аѳиняне, все доступнѣе становились они всему прекрасному и великому. Его враги расточали клевету, но поведеніе Аѳинянъ относительно Демосѳена было безукоризненное. Съ такимъ возрожденнымъ имъ народомъ онъ могъ предпринять дѣло, исходъ котораго былъ конечно печальный: но если бы сраженіе при Херонеѣ могло быть отсрочено года на два, или если бы побѣда перешла на другую сторону, что̀ очень легко могло случиться, то Аѳины возстали бы въ новой силѣ и молодости“ (томъ II, стр. 336—341).

Демосѳена, какъ и многихъ великихъ людей, въ томъ числѣ самого Наполеона, часто обвиняли въ недостаткѣ личнаго мужества. Вотъ что говоритъ по этому поводу Нибуръ. „Въ день Херонейской битвы Демосѳенъ сражался, какъ и всякій другой въ рядахъ Аѳинскаго войска. Въ жалкихъ анекдотахъ о жизни великихъ мужей безпрестанно повторяется, что Демосѳенъ потерялъ свой щитъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Что онъ бѣжалъ съ другими—этому я охотно вѣрю. Самые безстрашные полководцы бываютъ увлечены среди общаго бѣгства. Кто видалъ войну вблизи, тому это извѣстно. Даже какой нибудь Ахиллъ не могъ бы устоять среди разстроенной и бѣгущей массы. Она непремѣнно увлечетъ его съ собою. При изученіи греческой исторіи мы вовсе не принимаемъ къ соображенію, что содержаніе Плутарховыхъ біографій большею частью крайне плохо. Въ Александрійское время писалось очень много всякой дряни, въ особенности анекдотовъ и біографій: Плутархъ пользовался ими, хотя самъ писалъ несравненно лучше.

Его анекдоты заимствованы изъ сборниковъ, не имѣющихъ никакого права на довѣріе, и основаны частью на слухахъ, частью на свидѣтельствахъ писателей величайшей *κακοήθεια*; къ тому же у Плутарха вовсе нѣтъ критики. Прежде на него смотрѣли, какъ на одно изъ главныхъ украшеній древней литературы. По личному характеру, по образу мыслей, онъ, конечно, принадлежитъ къ числу самыхъ пріятныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи у него много общаго съ Монтанемъ, съ которымъ у него вообще большое сходство: для меня онъ даже еще любезнѣе и благороднѣе, чѣмъ Монтань. Если бы Плутархъ жилъ въ другое время, онъ былъ-бы такимъ же скептикомъ, какъ Монтань, и слѣдовалъ бы господствующему вкусу; но такъ какъ онъ жилъ въ эпоху суевѣрія, то онъ предался ему и изо всѣхъ силъ старался быть суевѣрнымъ, что ему болѣе или менѣе удается. Ни у того, ни у другаго нѣтъ критики; да они смѣялись бы надъ нашею критикою, потому что оба были убѣждены въ невозможности положительнаго знанія исторіи и потому считали главною задачею историка пріятное изложеніе происшествій. Въ этомъ заключалась собственно цѣль Плутарха. Историкъ, читающій его, съ идеями болѣе зрѣлаго времени, сто разъ выйдетъ изъ себя, если, по принятому обычаю, будетъ смотрѣть на него, какъ на историческаго свидѣтеля. Онъ вовсе не историкъ. Непонятно спокойствіе, съ какимъ онъ разсказываетъ величайшій вздоръ. Я охотно его читаю, и всякій филологъ долженъ читать его произведенія, не только біографіи, но и нравственныя сочиненія: у него цѣлая сокровищница отрывочныхъ извѣстій. Онъ также пріятенъ, какъ Монтань; онъ не строгій философъ, но добродушный старикъ, который чрезвычайно много читалъ и не можетъ достаточно наговориться. Первый, кто двадцать лѣтъ тому назадъ указалъ мнѣ на настоящее значеніе Плутарха, что меня въ то время весьма поразило, былъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ: „Я готовъ на все согласиться, лишь бы Плутарха не считали историкомъ", сказалъ онъ мнѣ. Я былъ тогда еще очень молодъ, но слова его мнѣ часто приходятъ на память.— Къ тому же Плутархъ писалъ ужасно скоро и вовсе не избѣгалъ противорѣчій. Отъ этого происходятъ такія странности! Напримѣръ: онъ не усомнился внести въ жизнь Демосѳена самыя вздорныя басни, такъ что нельзя не спросить, какъ онъ могъ отзываться съ почтительнымъ удивленіемъ объ этомъ человѣкѣ, если вѣрилъ всему тому, что самъ писалъ объ немъ. Сверхъ глупой исторіи о Гарпалѣ, къ распространенію которой онъ наиболѣе содѣйствовалъ, онъ же разсказываетъ о бѣгствѣ Демосѳена. Онъ не зналъ, можно ли было долѣе стоять, или нѣтъ; онъ не зналъ, что такое война. Только въ книгахъ своихъ вычиталъ онъ, что надобно умирать за отечество, и не понималъ, что когда бѣжитъ цѣлое войско, тогда отдѣльному человѣку остается только бѣжать вмѣстѣ съ прочими, или быть раздавлену подъ ногами бѣгущихъ" (II, 358—360).

„У Демосѳена было много весьма умныхъ современниковъ, но всѣ они стояли гораздо ниже его. Многіе изъ нихъ, вслѣдствіе нравственнаго различія, были его врагами и противниками. Въ числѣ такихъ былъ Демадъ, грубый матросъ, одаренный величайшимъ послѣ Демосѳена талантомъ. Де-

мадъ былъ сынъ гребца; въ молодости онъ занимался тѣмъ же ремесломъ; внушеніе генія побудило его выступить всенародно ораторомъ на вѣчѣ; безъ всякаго изученія, остроуміемъ, талантомъ, въ особенности способностью импровизаціи возвысился онъ до того, что пріобрѣлъ большую власть надъ народомъ и нерѣдко нравился ему болѣе самого Демосѳена. Съ безстыдствомъ, доходившимъ до прямодушія, высказывалъ онъ громко все, чтò думалъ самъ и вмѣстѣ съ нимъ остальная чернь. Чернь была очень довольна, ибо онъ сообщалъ ей сознаніе, что можно быть порочнымъ, не подвергаясь поруганію. За такое сознаніе люди обыкновенно бываютъ благодарны... Демадъ—замѣчательное лицо; онъ не былъ золъ и по моему гораздо лучше Эсхина. У Эсхина есть притязаніе быть хорошимъ гражданиномъ; онъ осмѣливается даже поносить истинно хорошихъ гражданъ: во всемъ этомъ ложь и обманъ. Въ ненависти Эсхина противъ Демосѳена видна и злоба посредственности противъ генія, и политическая непріязнь, и зависть умственной и нравственной низости ко всякому превосходству. Демадъ напротивъ смотрѣлъ на дѣло простодушно и высказывалъ прямо, что конечно прежде были другія времена, но что теперь все прежнее прошло невозвратно и что теперь каждый долженъ больше всего заботиться о себѣ: при управленіи государствомъ надобно какъ можно болѣе добывать денегъ, чтобъ можно было весело пожить. Онъ выражался безъ застѣнчивости. Впрочемъ у него не было ни къ кому ненависти. Отсюда объясняются его отношенія къ Демосѳену: онъ его не ненавидѣлъ, но, вѣроятно, находилъ его страшно глупымъ. Ему случалось иногда оказывать республикѣ дѣйствительныя услуги: въ смутныя времена благородный человѣкъ бываетъ часто вреденъ, а дурной полезенъ“ (II, 405—407).

Съ особенною похвалою отзывается Нибуръ о Гиперидѣ, хотя еще ему не были извѣстны новѣйшія открытія, познакомившія насъ ближе съ этимъ ораторомъ. Мы сказали выше о непріязненномъ и весьма понятномъ чувствѣ, которое Нибуръ питалъ противъ македонскаго владычества въ Греціи. Къ сожалѣнію это чувство помѣшало ему отдать должную справедливость Александру и насладиться вполнѣ этою изящною, чисто гелленскою личностью. Нибуръ, столь недовѣрчивый къ свидѣтельствамъ писателей позднѣйшей Греціи, повторяетъ за ними всѣ недоказанныя и даже частью опровергнутыя обвиненія, взводимыя на Филиппова сына. При всемъ предубѣжденіи, Нибуръ, какъ бы скрѣпя сердце, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ всемірно-историческое значеніе Александра: „Александръ былъ для Востока тѣмъ, чѣмъ Карлъ Великій былъ для Запада. На ряду съ Рустамомъ, онъ главный герой персидскихъ сказокъ и романовъ. Значеніе его, чрезвычайно важное для насъ, состоитъ въ томъ, что онъ измѣнилъ видъ тогдашняго міра. Онъ началъ то, чтò теперь, не смотря на всѣ препятствія, приближается къ осуществленію, именно — торжество Европы надъ Азіею. Онъ первый побѣдоносно привелъ Европейцевъ на Востокъ. Роль Азіи приходила къ концу: она была обречена служить Европѣ. Александръ сдѣлался народнымъ героемъ Греціи, хотя онъ для Грековъ былъ такимъ же иноплеменникомъ, какъ Наполеонъ для Французовъ“.

Замѣчательно, что при оцѣнкѣ великой попытки Александра слить въ одну семью всѣ народы своего огромнаго царства, попытки, результатомъ которой была гелленизація Востока, Нибуръ становится на разстояніи 22-хъ вѣковъ горячимъ защитникомъ идей, или лучше сказать предразсудковъ, съ которыми долженъ былъ бороться македонскій завоеватель. Съ точки зрѣнія исключительно греческой національности жители завоеванныхъ Александромъ странъ были варвары, и природою, и исторіею обреченные на безвыходное рабство. Это мнѣніе, принятое греческою наукою за неоспоримое положеніе, развитое до крайнихъ результатовъ народнымъ самолюбіемъ, нашло грубыхъ, но рѣшительныхъ толкователей и приверженцевъ въ македонскихъ полководцахъ, которымъ были непонятны великодушныя стремленія ихъ государя. Гелленисмъ и варварство утратили для Александра свое племенное значеніе; онъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на двѣ различныя степени образованности. Равняя, относительно политическихъ правъ, старыхъ своихъ подданныхъ съ новыми, онъ призвалъ послѣднихъ къ участію въ недоступной для рабовъ греческой образованности. Въ языкѣ Нибура слышится странный отголосокъ мнѣній, которыя могли господствовать въ народныхъ собраніяхъ въ Греціи и въ македонскомъ войскѣ, но которымъ уже нѣтъ болѣе мѣста въ наукѣ.

Вообще отдѣлъ, посвященный Александру Великому, неудовлетворителенъ, хотя мыслящій читатель найдетъ и здѣсь много прекраснаго и истинно поучительнаго. Мы приведемъ для примѣра слѣдующую характеристику печальной, но не лишенной трагическаго величія эпохи. Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ братьяхъ Менторѣ и Мемнонѣ, родосскихъ выходцахъ, занимавшихъ высокія должности въ персидскомъ государствѣ.

„Они представляли", говоритъ Нибуръ, „относительно способностей и нравственныхъ свойствъ совершенное сходство съ вождями лиги въ эпоху 30-ти лѣтней войны: они были Греки, но ничуть не лучше тогдашнихъ варваровъ, т. е. Персовъ. Въ это несчастное время, злое начало въ человѣкѣ пришло къ спокойному и полному сознанію самого себя. Все чистое, благородное, совѣсть, свойственный даже порочнымъ людямъ стыдъ дурныхъ и безчестныхъ дѣлъ совершенно исчезли, что̀ очень нерѣдко бываетъ у жителей Востока. Тоже самое видимъ мы у полководцевъ лиги и Валленштейнова войска, равно какъ и у современныхъ имъ испанскихъ генераловъ. Можно говорить, что̀ угодно, о кастильской чести, но нѣтъ конечно безсовѣстнѣе кастильскихъ полководцевъ, начиная съ Фердинанда. Они показали себя не одной только Америкѣ. Спинола составляетъ похвальное исключеніе, но одна ласточка не приноситъ лѣта. У предпріимчивыхъ и даровитыхъ людей IV-го столѣтія до Р. Х., у Грековъ и у Персовъ, были тѣ же самыя понятія, которыя мы находимъ въ книгѣ Макіавелли о государѣ: „люди—сволочь, на нихъ не надо смотрѣть какъ на братьевъ, созданныхъ по образу Божества. Любовь, самоотверженіе, привязанность — глупость и ложь; все дѣло въ могуществѣ и въ удовлетвореніи страстей нашихъ". — Макіавелли самъ не держится этихъ правилъ, но они господствовали въ его время; онъ не видалъ другихъ пружинъ для человѣческихъ поступковъ и

признавалъ ихъ за самыя дѣйствительныя. Вѣрность слову считалась безуміемъ, клятва была ничто иное, какъ слово, усиленное съ намѣреніемъ ловчѣе обмануть. Эта страшная порча заразила всѣхъ. Филиппъ также не избѣжалъ заразы и часто дѣйствовалъ на основаніи господствовавшихъ понятій, хотя по природѣ своей онъ былъ выше ихъ и не разъ обнаруживалъ человѣческія чувства, вовсе незнакомыя большинству. Мы еще встрѣтимся съ Мемнономъ: проклятіе, тяготѣющее надъ подобными эпохами, заключается именно въ томъ, что такіе люди, какъ Мемнонъ, являются главными силами исторіи, и что благороднѣйшія личности должны вступать въ сношенія съ ними для достиженія своихъ цѣлей; вотъ почему Демосѳенъ и греческіе патріоты принуждены были искать связи съ Мемнономъ и ожидали отъ него спасенія, хотя они его очень хорошо понимали. Болѣе ужасной участи не можетъ испытать народъ. Вотъ что̀ нужно знать и понимать для того, чтобы измѣрить все злополучіе тѣхъ временъ".

Третій томъ „Чтеній о Древней Исторіи" начинается вопросомъ о значеніи греческой исторіи послѣ Херонейскаго сраженія. Заслуживаютъ ли эти времена, вообще намъ мало извѣстныя, болѣе подробнаго историческаго изложенія? Нибуръ отвѣчаетъ утвердительно.

„Паденіе Греціи не даетъ намъ права произнести надъ нею рѣшительный приговоръ и сказать, что она заслужила столь тяжкую участь. Потомки были конечно хуже предковъ, но мы съ прискорбіемъ должны извинить многія слабости и многіе пороки угнетеннаго народа. Всѣ старыя учрежденія, даже религія, вымерли, и замѣнить утраченное было нечѣмъ. У фантазіи обрѣзаны крылья, а тамъ, гдѣ нѣтъ фантазіи, тамъ гибнетъ все высокое и благородное: жадное наслажденій и прибыли животное заступаетъ мѣсто разумнаго существа. Человѣкъ тогда только бываетъ великъ, когда у него есть цѣль, стоящая выше его животной природы. Въ народѣ было столько же, можетъ - быть даже болѣе ума, чѣмъ прежде; по крайней мѣрѣ было несравненно больше знаній, учености, понятій; недоставало только великаго духа предковъ и всего, что̀ съ этимъ духомъ было связано и отъ него зависѣло. У позднѣйшихъ Грековъ нѣтъ ни лирики, ни эпоса. Вмѣсто древней величавой трагедіи у нихъ комедія. За то они сдѣлали великіе успѣхи во всемъ, что̀ непосредственно касается жизни. Въ сферѣ мышленія болѣе тонкости и школьной правильности, но настоящей философіи природы нѣтъ болѣе. Политической опытности много, но политическихъ ораторовъ уже не находимъ. Не было также недостатка въ историкахъ, которые превосходили древнихъ практическимъ пониманіемъ и обширными свѣдѣніями: относительно государственной мудрости Полибій не уступаетъ Ѳукидиду, но у него нѣтъ того дивнаго генія и той пламенной фантазіи, которая одушевляетъ твореніе Ѳукидида"... (III, 3).

Нѣсколько далѣе Нибуръ говоритъ по тому же поводу: „Съ послѣднею вспышкою греческихъ силъ въ Ламійской войнѣ кончилось все. Краснорѣчіе исчезло съ перемѣною обстоятельствъ. У ораторовъ не стало слушателей; могущество слова прошло безслѣдно. Позднѣйшія рѣчи сухи и вялы. Никто не обращалъ болѣе вниманія на то, что ораторская рѣчь должна

занимать средину между поэзіей и прозой. Лирики нѣтъ, прозою писали много. Новая комедія и разсказы, заимствованные изъ обыкновенной жизни, были въ большомъ ходу безъ примѣси чего-либо высшаго. Въ философіи возникаетъ *Стоя*, произведеніе времени, склонившаго голову предъ рокомъ и искавшаго величія только въ отдѣльныхъ личностяхъ. „Стоя" не есть чисто греческое произведеніе: въ ней гораздо болѣе восточнаго, нежели думаютъ: Зенонъ былъ не даромъ Финикіяниннъ. Все идетъ къ одной цѣли: люди хотятъ утѣшить себя въ печальной современности, хотятъ себя убѣдить, что нѣтъ ничего истиннаго, что прекрасная, свѣтлая старина есть басня, что и тогда на свѣтѣ было ни чуть не лучше, чѣмъ теперь. Профессоръ Тиршъ, съ которымъ я когда-то спорилъ объ этой эпохѣ, утверждалъ, что никогда умственная жизнь въ Аѳинахъ не была такъ пріятна, какъ во время Менандра. Я думаю совсѣмъ другое. По моему, то была пора большой утонченности, весьма распространенной образованности, но эта образованность заключалась въ формахъ, въ наружныхъ явленіяхъ. Прежней, изнутри бьющей жизни не было".

Намъ кажется, что приведенныя выше слова Нибура относятся не къ одной только описываемой имъ эпохѣ греческой жизни. Читая ихъ, трудно удержаться отъ грустнаго раздумья. Можетъ быть Нибуръ вовсе не имѣлъ въ виду никакихъ аналогій, но онъ собралъ всѣ признаки, по которымъ можно узнать разложеніе общественной жизни вообще. Исторія все болѣе и болѣе становится наукою, основанною на опытахъ, хотя уроки ея безплодны для большинства.

Предѣлы нашей статьи, къ сожалѣнію, не позволяютъ намъ передать русскимъ читателямъ превосходныя страницы, заключающія въ себѣ исторію послѣдней борьбы, предпринятой Аѳинами за независимость Греціи. Нибуръ еще разъ возвращается къ Демосѳену, объясняетъ его участіе въ извѣстномъ дѣлѣ Гарпала и показываетъ, до какой степени безсмысленны обвиненія, которымъ подвергся Аѳинскій ораторъ по этому дѣлу. Тѣ же самые люди, которые называютъ его трусомъ, упрекали его въ корыстолюбіи. Это было дѣло партіи озлобленной и безнравственной. Слухи, ею пущенные, дошли до нашего времени и имѣли большое вліяніе на мнѣніе, сложившееся о Демосѳенѣ. Немногіе историки дали себѣ трудъ повѣрить по уцѣлѣвшимъ памятникамъ основательность обвиненій, взводимыхъ на Демосѳена. Иначе свидѣтельство Павсанія (II. 33. 5) обратило бы на себя бо́льшее вниманіе. Еще менѣе найдемъ писателей, способныхъ подобно Нибуру прочувствовать все, что̀ чувствовалъ Демосѳенъ, и понять вполнѣ его трагическое величіе. Весьма замѣчательны также отзывы Нибура о Гиперидѣ и о Фокіонѣ. Перваго онъ очень остроумно, хотя не знаемъ—на сколько справедливо, сравниваетъ съ Шериданомъ.

Войны Діадоховъ не внушаютъ нашему историку никакого участія. Онъ начинаетъ изложеніе принадлежащихъ сюда событій слѣдующими словами:

„Для меня въ цѣлой исторіи нѣтъ ничего запутаннѣе этихъ войнъ. Я много разъ ихъ перечитывалъ, дабы уяснить ихъ себѣ, однако, не смотря на счастливую память, которою былъ одаренъ съ дѣтства, я не могъ оси-

лить всѣхъ подробностей и часто въ нихъ путаюсь. Для настоящихъ лекцій мнѣ надобно готовиться и наводить справки, и все-таки я не могъ привести въ порядокъ пеструю массу событій. Путаница происходитъ отъ того, что передъ нами проходитъ цѣлая толпа людей, которые не отличаются другъ отъ друга никакими достойными вниманія признаками. Вопросъ постоянно одинъ и тотъ же: который изъ этихъ разбойниковъ одолѣетъ другихъ, но ни одинъ изъ нихъ не внушаетъ къ себѣ сочувствія. Птоломей, по моему мнѣнію, еще самый лучшій; онъ былъ полезенъ Египту; правленіе его было разумно: владѣнія его при немъ процвѣтали и благоденствовали; но нравственно онъ не вызываетъ участія. Личность его для насъ не занимательна. Единственное по характеру значительное лице—это Эвменъ; всѣ остальные сильны только оружіемъ. Въ древнѣйшей греческой исторіи великіе мужи встрѣчаются намъ на каждомъ шагу; но всѣ эти Македонцы оставляютъ насъ совершенно равнодушными; намъ все равно, кто бы ни побѣдилъ. Даже трагическая кончина Лисимаха не производитъ впечатлѣнія. Мнѣ кажется, что я съ бо́льшимъ участіемъ смотрѣлъ бы на бой быковъ, гдѣ благородное животное защищается противъ стаи натравленныхъ на него собакъ. Я желалъ бы, чтобы земля раскрылась и поглотила всѣхъ Македонцевъ. Съ такими чувствами конечно не легко заниматься этою частью исторіи" (III. 61).

Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отдѣлѣ „Чтеній о Древней Исторіи" разсѣяно множество глубокомысленныхъ замѣчаній и новыхъ взглядовъ на лица и событія. Укажемъ между прочимъ на характеристику Дмитрія Фалерейскаго, на страницы, посвященныя исторіи Родоса, и т. д.

Исторія Пирра изложена въ „Чтеніяхъ о Древней Исторіи" съ особенною любовью. По нашему мнѣнію, это одна изъ лучшихъ частей въ третьемъ томѣ. Никогда еще блестящая и геніальная, но безплодная личность эпирскаго вождя не была изображена такъ вѣрно и увлекательно. Читатели „Пропилеевъ" вѣрно не найдутъ излишнимъ переводъ слѣдующихъ страницъ. „Есть люди, которымъ врождена сила, чарующая сердца другихъ; иногда это замѣтно уже въ дѣтяхъ, но исчезаетъ вмѣстѣ съ дѣтствомъ. Такого рода чарующимъ могуществомъ надъ сердцами обладалъ Пирръ; во все продолженіе своей жизни онъ привлекалъ къ себѣ людей открытымъ умомъ, добродушіемъ, прекрасными свойствами воина: ни у одного государя военныя свойства не представляются намъ съ такой поэтической стороны. Прелести двухлѣтняго ребенка не могъ противостоять варваръ, къ которому онъ былъ принесенъ по смерти своего отца. Дѣятельность была постоянною и главною цѣлью Пирровой жизни: война была его важнѣйшимъ дѣломъ. Онъ велъ ее какъ художникъ; выиграть битву, воспользоваться побѣдою, доставляло ему художественное наслажденіе; поворотъ военнаго счастія, неудача, никогда не лишали его мужества. Онъ постоянно надѣялся воротить все потерянное. Онъ былъ похожъ на игрока, которому нѣтъ дѣла до того, проигрываетъ ли онъ или выигрываетъ. Я не знаю другаго полководца, который бы такъ любилъ войну ради наслажденія, ею доставляемаго. Разумѣется, въ этомъ заключалось нѣчто странное для его подданныхъ: Пирръ былъ бы ужаснымъ явле-

ніемъ, еслибъ въ немъ не было такъ много благородства и истинно-человѣческихъ свойствъ. Другіе вели войну изъ корыстныхъ или властолюбивыхъ разсчетовъ: онъ воевалъ ради своего таланта, вслѣдствіе внутренней потребности, такъ, какъ поетъ поэтъ и творитъ художникъ. Скорое окончаніе войны было ему непріятно. Такъ настоящій охотникъ доволенъ оленемъ или лисицею только по мѣрѣ трудностей, какія представляла охота. У Пирра было правило никогда не доводить побѣды до послѣднихъ крайностей, чтобъ не положить слишкомъ скораго конца охотѣ (III. 172). Не смотря на упадокъ Пирра въ послѣдніе годы его жизни, онъ единственный человѣкъ того времени, на котораго можно смотрѣть съ радостью. Среди всеобщаго разврата, онъ не обнаруживаетъ строгихъ правилъ, но тѣмъ не менѣе является благороднымъ человѣкомъ. Даже сообщество Дмитрія Поліоркета не могло испортить его. Дурные поступки его исходятъ не изъ порочныхъ или корыстныхъ побужденій, какъ напримѣръ у македонскихъ государей, а изъ пылкости. Онъ чувствовалъ потребность дружбы, былъ откровененъ и прямодушенъ. Древность вообще отдавала ему должную справедливость. Недостатокъ его заключался въ его непостоянствѣ; у него не было никакой цѣли: онъ жилъ только для дѣятельности. Онъ не думалъ объ обязанностяхъ государя и дѣйствовалъ какъ частный человѣкъ, не связанный никакимъ долгомъ, ищущій удовлетворенія въ проявленіи своей отваги. Молодость его была богата наслажденіями и благородными подвигами, но онъ ничего не оставилъ, ничѣмъ не запасся къ старости: такая жизнь не позволительна государю. Подобно Карлу XII, Пирръ существовалъ не столько для государства, сколько для себя. Только у него, да у Алкивіада, между древними, встрѣчаемъ мы истинно рыцарскій характеръ. Пирръ велъ войну противъ Римлянъ такъ, какъ рыцари, которые на турнирахъ бились на жизнь и на смерть для того только, чтобы получить награду изъ прекрасныхъ рукъ. Онъ скоро забылъ о своихъ побѣдахъ и такъ плѣнился прекрасными сторонами римскаго характера, что поступилъ несправедливо съ своими союзниками. Желательно было бы, чтобы такія *δορυξενίαι*, какая образовалась между Пирромъ и Римлянами, возникали почаще между политическими и литературными партіями. Этотъ благородный мужъ обладалъ также высокою образованностью: онъ писалъ свои записки и, хотя не былъ самъ поэтомъ, но далъ содержаніе нѣсколькихъ эпиграммъ, обличающихъ истинно поэтическій умъ и не носящихъ на себѣ характера того времени. Ихъ приписываютъ Леониду Тарентскому, но съ эпиграммами послѣдняго ихъ никакъ нельзя сравнивать“ (III. 311).

Мы заключимъ наши выписки изъ „Чтеній о Древней Исторіи“ изложеніемъ попытокъ Агиса и Клеомена обновить спартанское государство. Превосходныя изслѣдованія Грота о Ликурговомъ законодательствѣ заключаютъ въ себѣ самую вѣрную, хотя несогласную съ основными мнѣніями О. Мюллера оцѣнку этихъ попытокъ. Вотъ какъ смотритъ на этотъ предметъ Нибуръ, за 20 лѣтъ до Грота. Упомянувъ о жалкомъ состояніи общественной нравственности въ Спартѣ, онъ говоритъ: „Уваженіе Спартанцевъ къ старинѣ просто смѣшно. Они берегли мертвыя формы и воображали себѣ, что

сохраняютъ золотое время своей исторіи. Когда къ лирѣ прибавились двѣ новыя струны, эфоры отрѣзали ихъ: они не хотѣли допустить новыхъ мелодій! Даже въ покроѣ платья или обуви не позволялись нововведенія: такимъ образомъ Спартанцы думали удержать духъ Ликурговыхъ учрежденій, а между тѣмъ роскошь и корыстолюбіе распространялись между гражданами. Только къ концу Спарты явились люди, въ которыхъ еще разъ вспыхнуло прежнее пламя, Агисъ и Клеоменъ. Плутархъ ставитъ ихъ на ряду съ Гракхами. Агисъ былъ юноша исполненный сердца, ума и любви, и потому Плутархъ его хорошо понялъ, но Клеоменъ выходитъ изъ его сферы: онъ приписываетъ ему сентиментальность, которая такъ же не къ лицу Клеомену, какъ и Мирабо. Агисъ былъ очень молодъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Въ то время власть царей въ Спартѣ была такъ-же ничтожна, какъ власть дожей въ позднѣйшей Венеціи: все могущество перешло въ руки эфоровъ. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Спарта, оставалось не болѣе 700 гражданъ, которые среди великаго числа свободныхъ Лакедемонцевъ и Илотовъ занимали положеніе венеціянскихъ нобилей. Изъ этихъ семисотъ только у ста семействъ была собственность. Послѣднимъ принадлежали всѣ 9000 участковъ Ликурговыхъ, потому что законы не прилагались къ женщинамъ, у которыхъ, по этой причинѣ, скоплялись огромныя богатства. У остальныхъ гражданъ не было собственности: они были въ высшей степени бѣдны и обременены долгами. Упадокъ Спарты былъ совершенный: часть ея владѣній отошла къ Аркадіи и Аргосу. Члены царской фамиліи и другія знатныя лица отправлялись за границу и служили съ наемными дружинами иностраннымъ государямъ“ (III. 379).

Въ виду такого упадка, Агисъ задумалъ переворотъ, далеко превышавшій его силы и послѣдствій котораго невозможно было опредѣлить заранѣе. Онъ хотѣлъ возстановить въ первобытной чистотѣ Ликурговы учрежденія. Но кто изъ современниковъ Агиса имѣлъ надлежащее понятіе объ этихъ учрежденіяхъ, которыя тогда утратили историческую дѣйствительность и представлялись воображенію какимъ-то идеальнымъ порядкомъ вещей? Читатели наши найдутъ у Грота подробное объясненіе этого нерѣдкаго въ исторіи явленія. Люди, недовольные настоящимъ, часто обращаются къ прошедшему и пересоздаютъ его сообразно съ своими надеждами и требованіями. Въ прошедшемъ ищутъ они формы для будущаго. Такого рода антикварныя построенія общественныхъ отношеній едва-ли когда имѣли успѣхъ, но они не мало содѣйствовали къ порчѣ исторіи, какъ науки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мечты Агиса и его друзей значительно подѣйствовали на позднѣйшія, перешедшія къ намъ представленія о Ликурговомъ законодательствѣ.

Реформа, предпринятая Агисомъ, касалась самыхъ щекотливыхъ сторонъ гражданской жизни, именно отношеній собственности. Объемомъ своимъ она далеко превышала планы Гракховъ. Агисъ думалъ отобрать у ста семействъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась вся поземельная собственность Спартанскаго государства, ихъ огромныя владѣнія и раздѣлить ихъ снова по образцу Ликурга на 19,500 участковъ. Изъ этихъ 19,500—4,500 участковъ

назначались Спартанцамъ, число которыхъ должно было наполниться чрезъ принятіе новыхъ гражданъ; остальные 15 т. должны были принадлежать періэкамъ. Сверхъ того, Агисъ уничтожилъ всѣ долговыя обязательства.

„Чистота намѣреній и безкорыстіе Агиса не подлежатъ никакому сомнѣнію: онъ самъ, его мать и бабка принесли огромныя жертвы, потому что его семейство было самое богатое въ государствѣ и обладало самыми обширными землями, особенно чрезъ бабку Агиса, Архидамію. Но другіе не были такъ безкорыстны. Почти всегда негодяи обращаютъ въ собственную пользу перевороты, задуманные благородными людьми. У меня также былъ хорошій, нынѣ уже умершій пріятель, который 4-го августа 1789 года съ величайшимъ самоотверженіемъ отказался отъ значительныхъ феодальныхъ правъ: принося такія жертвы, онъ и люди ему подобные надѣялись, что другіе пойдутъ по ихъ слѣдамъ, но другіе думали только о собственныхъ выгодахъ. Съ Агисомъ случилось то-же самое, что съ Солономъ, о которомъ есть слѣдующее сказаніе: друзья Солона, узнавши о его намѣреніяхъ, надѣлали долговъ, и когда долговыя обязательства были уничтожены (или значительно измѣнены въ пользу должниковъ), они сохранили позорно пріобрѣтенное богатство“ (III. 383).

Трагическая развязка Агисовыхъ замысловъ извѣстна. Онъ заплатилъ жизнію за вѣру въ возможность воскресить прошедшее. Клеоменъ, котораго обыкновенно считаютъ продолжателемъ Агисовыхъ начинаній, былъ человѣкъ другаго рода и другихъ силъ. Уже въ древности находимъ двоякое воззрѣніе на него: уже тогда были у него страстные поклонники и горькіе порицатели.

„Полибій, въ качествѣ Ахейца и Мегалопольскаго гражданина, питалъ противъ него горькое чувство и называетъ его тираномъ, что очень можно допустить, потому что Клеоменъ не боялся проливать кровь для достиженія своихъ цѣлей. Другіе, которыхъ не коснулись дѣла его, смотрятъ на Клеомена, какъ на послѣдняго великаго Грека. Онъ былъ безспорно великій человѣкъ и въ другомъ родѣ, нежели Филопеменъ: онъ бы могъ возстановить Грецію. Между современниками Филархъ былъ его пламеннымъ поклонникомъ; между позднѣйшими писателями у него также много почитателей, напримѣръ Плутархъ, который преклоняется предъ Клеоменомъ, но въ то-же время очень уважаетъ Арата и потому находится въ большомъ затрудненіи, когда рѣчь идетъ объ ихъ столкновеніи, хотя они такъ же противоположны другъ другу, какъ огонь и вода. Полибій не скрываетъ своей ненависти къ нему, но признаетъ въ немъ необыкновенно замѣчательнаго человѣка, великаго полководца съ изумительнымъ характеромъ, всѣхъ увлекавшаго за собою и господствовавшаго надъ всѣми, кто приходилъ съ нимъ въ сношеніе. Отрицать у Клеомена его огромныя дарованія, ясность взгляда и невѣроятную силу воли невозможно: были ли его поступки справедливы и нравственны—это другой вопросъ. Здѣсь можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Когда доброе и милое дитя, какъ Агисъ, начинаетъ опасное дѣло и приводитъ въ движеніе тяжесть, которую поднять или остановить оно не въ силахъ, то это ничто иное, какъ ребячество; но когда такой исполинъ,

какъ Клеоменъ, предпринимаетъ подобное дѣло и, двигая массу, которая паденіемъ своимъ можетъ все задавить, носитъ въ себѣ силы, достаточныя для того, чтобы сдержать ея напоръ и дать ей правильное направленіе, тогда оцѣнка предпріятія должна быть совсѣмъ другая. Клеоменъ приступилъ къ своему плану обдуманно и сознательно. Для возрожденія Лаконіи онъ употребилъ частію тѣ же мѣры, которыя сдѣлали смѣшнымъ Агиса и принесли пользу однимъ только несостоятельнымъ должникамъ. Но его пріемы были другіе. Имя Спартанцевъ исчезло, остались одни Лакедемонцы. Положивъ конецъ этому различію, онъ далъ жителямъ Лаконіи новую собственность. Выгоды этого раздѣла были до того значительны, что можно забыть несправедливость самаго поступка. Величіе подвига заставило умолкнуть его противниковъ. Греки смотрѣли на подобныя явленія другими глазами, нежели мы: если бы Платонъ жилъ во времена Клеомена, онъ конечно не нашелъ бы ничего дурнаго въ совершенныхъ имъ перемѣнахъ. Клеоменъ особенно отличается отъ современниковъ своихъ высокимъ философическимъ и литературнымъ образованіемъ. Великое вліяніе стоической философіи простиралось и на него: онъ былъ окруженъ людьми замѣчательными по уму, знаніямъ, философическому образу мыслей; Сферъ изъ Ольвіи находился при немъ съ самой юности его и имѣлъ, повидимому, большое вліяніе на него. Онъ вовсе не похожъ на человѣка, получившаго Спартанское воспитаніе, и на людей того времени вообще. О домашней жизни его сохранилось достовѣрное извѣстіе (изъ Филарха, у Атенея IV. с. 21), которое показываетъ его съ самой любезной стороны. Онъ понималъ свое положеніе, сравнивалъ ничтожество Спартанскихъ государей съ величіемъ македонскаго владычества и ясно видѣлъ, что только презрѣніемъ къ внѣшнему блеску и личными качествами можно возстановить значеніе Спарты. Онъ умѣлъ соединить Спартанскую строгость съ изяществомъ. Въ разговорѣ онъ былъ, по свидѣтельству древнихъ, весьма пріятенъ; у него было мало потребностей, и потому онъ самъ жилъ очень просто, но иностранцевъ принималъ и угощалъ по обычаю ихъ родины. Умомъ, веселою бесѣдою, всею личностію своею онъ покорилъ себѣ сердца Грековъ. Въ жизни его встрѣчаются два страшные поступка, которые показываютъ, какъ трудно жить во времена, когда неодолимыя препятствія заграждаютъ прямой путь правды. Мы говоримъ объ умерщвленіи эфоровъ и объ убійствѣ Архидама. Эфоры составляли конечно наростъ въ государствѣ; они исказили все государственное устройство въ Спартѣ, уничтожили царскую власть и замѣнили ее собственною тиранніею, но Клеоменъ развязалъ узелъ ужаснымъ и—признаться — безполезнымъ образомъ, потому что вліяніе его на народъ было безгранично, всѣ голоса были за него: слѣдовательно, незачѣмъ было проливать кровь. Онъ не былъ ни тѣмъ чистымъ героемъ, какимъ его представляетъ Филархъ, ни чудовищемъ. Въ его время господствовали тѣ же нравственныя начала, которыя впослѣдствіи проповѣдовалъ Гоббесъ: bellum contra omnes. Цѣнились только умѣнье и успѣхъ, о правѣ и долгѣ не было рѣчи. Клеомена и Макіавелли надобно мѣрить одною мѣрою.—На сколько участковъ раздѣлилъ Клеоменъ Лаконію, неизвѣстно; знаемъ только, что

онъ могъ выставить четыре тысячи гоплитовъ и что онъ принялъ въ число граждан многo иностранцевъ и періэковъ. При раздѣлѣ собственности политическіе противники царя теряли не болѣе другихъ: даже изгнаннымъ имъ до возстановленія порядка лицамъ были отведены надлежащіе участки. Подробныхъ свѣдѣній о реформѣ у насъ нѣтъ. Нельзя сравнивать Арата съ Клеоменомъ: послѣдній былъ безконечно выше. Что̀ значилъ Аратъ, уроженецъ небольшаго и незначительнаго Сикіона, хотя онъ происходилъ отъ богатыхъ родителей, предъ Спартанскимъ царемъ Ираклидомъ? Аратъ уже былъ близокъ къ старости, а молодой Клеоменъ стоялъ во всей свѣжести силъ и начинаній: первому удалось счастливо совершить нѣсколько предпріятій, но всѣ знали, что ему недостаетъ личнаго мужества; Клеоменъ былъ герой и великій полководецъ. Аратъ зналъ только старыя формы и въ нихъ однѣхъ искалъ спасенія; Спартанскій царь стремился къ созданію новыхъ формъ, сообразныхъ съ его цѣлями и съ настоящимъ. Обоихъ ихъ характеризуетъ ихъ тактика: Аратъ даже и не думалъ отмѣнить старинное военное устройство Ахейцевъ: они не переняли македонской фаланги, а удержали древнюю греческую съ короткими пиками вмѣсто огромныхъ сариссъ, хотя Ахейцы не были связаны никакими военными преданіями. У Спартанцевъ были такія преданія; но, не смотря на суевѣрное уваженіе къ прежнему вооруженію, Клеоменъ преобразовалъ Спартанскую тактику и ввелъ македонскую. Далѣе Клеоменъ окружилъ себя, вопреки Спартанскимъ обычаямъ, людьми просвѣщенными и учеными; для него не существовала спартанская *Ξενελασία*, въ немъ не было ничего грубаго или изысканнаго. Напротивъ, Аратъ былъ необразованъ, разсудителенъ въ ограниченной сферѣ, тупъ" (III. 359—363).

Съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ объ Аратѣ можно сравнить еще подробнѣйшую характеристику, находящуюся на 331 стр. того же тома. Вѣрнѣе трудно опредѣлить характеръ и дѣятельность знаменитаго Сикіонца. Въ другомъ мѣстѣ (ст. 462) Нибуръ говоритъ, что Арату такъ же, какъ и Филопемену, который впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходилъ Арата, недоставало Музъ и Харитъ, т. е. той изящной образованности, которая составляетъ отличительную черту всѣхъ великихъ Аѳинянъ.

Надѣемся, что изъ многочисленныхъ выписокъ нашихъ читатели „Пропилеевъ" могутъ составить себѣ понятіе о духѣ и отчасти о самой формѣ „Чтеній о Древней Исторіи". Въ такомъ случаѣ цѣль составителя этой статьи будетъ совершенно достигнута. Разбирать по частямъ твореніе, изданное такъ долго послѣ смерти великаго историка, указывая на ощутительные недосмотры и даже ошибки — дѣло безполезное и притомъ нетрудное. Почти цѣлая четверть вѣка прошла съ того времени, когда лекціи были записаны слушателями Нибура. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ наукѣ, по крайней мѣрѣ относительно частностей; нерѣдко самъ преподаватель увлекался своею творческою фантазіей, т. е. избыткомъ того качества, безъ котораго невозможенъ великій историкъ. Мы не скрывали этихъ увлеченій. Не всѣ приговоры Нибура справедливы, не всѣ мнѣнія его вѣрны. Но можно смѣло сказать, что ни одна изъ его несправедливостей или погрѣшностей не исхо-

дитъ изъ незнанія или недобросовѣстности. Онъ владѣлъ всѣмъ матеріаломъ науки и распоряжался имъ честно. Въ самыхъ ошибкахъ его есть нѣчто глубоко поучительное для всякаго мыслящаго писателя.

ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРІЯ *).

Латинскіе императоры въ Константинополѣ и ихъ отношенія къ независимымъ владѣтелямъ греческимъ и туземному народонаселенію вообще. Историческое изслѣдованіе П. Медовикова. Москва, 1849.

Искусство составлять ученыя сочиненія, особливо историческаго содержанія, въ наше время значительно усовершенствовалось. Писателю, нѣсколько знакомому съ литературою предмета, не трудно пріискать въ источникахъ нужныя для его сочиненія мѣста и свести ихъ потомъ въ одно цѣлое. Такъ какъ дѣло обыкновенно идетъ о внѣшней полнотѣ и богатствѣ фактовъ, а не о дѣйствительной, въ глубь проникающей разработкѣ матеріаловъ, то цѣльное изученіе памятниковъ становится безполезнымъ и можетъ быть легко замѣнено справками. Такимъ образомъ возникаютъ сочиненія, не лишенныя нѣкотораго достоинства, приносящія даже своего рода пользу. Но читая ихъ, нельзя не вспомнить словъ, сказанныхъ Даубомъ одному изъ Гейдельбергскихъ профессоровъ, принесшему ему новое сочиненіе свое: „любезный собратъ, ваши ученые труды доставили вамъ довольно славы; вы довольно писали: пора вамъ наконецъ что нибудь прочесть".

Изъ „Исторіи латинскихъ императоровъ въ Константинополѣ" видно, что г. Медовиковъ обладаетъ значительными свѣдѣніями и пользовался бóльшею частію относящихся къ его предмету источниковъ и новыхъ сочиненій. Но общее впечатлѣніе, производимое его книгою, неудовлетворительно. Нельзя не спросить, какой потребности она удовлетворяетъ, для кого собственно написана? Сухость изложенія дѣлаетъ ее незанимательною для публики, читающей ученыя книги не по обязанности и потому требующей отъ нихъ сколько-нибудь привлекательной формы. Можно подумать, что г. Медовиковъ съ намѣреніемъ выпустилъ изъ своего разсужденія всѣ характеристическія подробности, все, чтò могло оживить его разсказъ. Онъ довольствуется одними очерками событій. Очерки эти большею частію вѣрны, точны, но въ нихъ нѣтъ жизни. Недостатки разсказа не вознаграждаются съ другой стороны новостію выводовъ, объемомъ розысканія или по крайней мѣрѣ перенесеніемъ на нашу почву выработанныхъ болѣе зрѣлыми литературами идей. Странны люди, толкующіе о самостоятельномъ творчествѣ и оригинальности по поводу какого-нибудь разсужденія; но нельзя не пожалѣть о силахъ и времени, употребленныхъ на составленіе книги, совершенно безполезной.

---

*) Напечатано въ „Современникѣ" 1850 года, № V, Май.

между тѣмъ какъ мы такъ нуждаемся въ добросовѣстныхъ труженикахъ. Масса совершенныхъ въ теченіи прошедшаго полустолѣтія историческихъ изслѣдованій достигла до колоссальныхъ размѣровъ. Мы не знаемъ сами, какими богатствами располагаемъ. Свести итоги по отдѣльнымъ частямъ, сказать русской публикѣ: вотъ до чего дошла европейская наука въ данномъ вопросѣ, не такъ легко, какъ думаютъ многіе. Не говоримъ уже о пользѣ. Хорошій хозяинъ, вступая во владѣніе новымъ имѣніемъ, составляетъ прежде всего подробную опись, смѣту находящихся въ его распоряженіи средствъ, и потомъ приступаетъ къ улучшеніямъ. Мы читали жалобы нѣмецкихъ ученыхъ на невозможность овладѣть содержаніемъ всѣхъ частныхъ изслѣдованій объ исторіи ихъ собственнаго народа. О другихъ отдѣлахъ можно сказать то же самое и еще въ большей степени. Результатомъ такого состоянія литературы должна быть значительная трата силъ. Сколько ошибокъ вкралось въ сочиненія лучшихъ французскихъ историковъ потому только, что они слишкомъ мало обращали вниманія на труды своихъ зарейнскихъ собратій и принимали за собственныя открытія то, что̀ давно было извѣстно въ Германіи. Въ чемъ же заключаются успѣхъ и органическій ростъ науки, если каждому поколѣнію и каждому народу должно съизнова передѣлывать все сдѣланное прежде его предшественниками. Нужно, слѣдовательно, опредѣлить пункты, до которыхъ доведены отдѣльныя изслѣдованія, и указать на требующія дальнѣйшей разработки стороны предметовъ. Что труды такого рода не исключаютъ оригинальности и самостоятельности, доказывается вышедшимъ недавно сочиненіемъ г. Леонтьева „О поклоненіи Зевсу въ Греціи". Эта превосходная монографія содержитъ въ себѣ не только полное изложеніе критически разобранныхъ фактовъ, относящихся къ поклоненію Зевсу, но, можно сказать, замыкаетъ собою всѣ прежнія изслѣдованія о томъ же предметѣ. Поэтому она можетъ служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ розысканій.

Исторія Византійской имперіи не пользуется большимъ почетомъ на Западѣ. Говоря о ней мимоходомъ, тамошніе писатели довольствуются повтореніемъ мнѣній, наслѣдованныхъ ими отъ XVIII столѣтія, и рѣдко берутъ изъ нея содержаніе для спеціальныхъ сочиненій. Замѣчательныя монографіи — Шлоссера объ императорахъ иконоборцахъ, Фальмерайера о Трапезундѣ, Мореѣ и нѣкоторые другіе, впрочемъ весьма немногочисленные, труды пролили много свѣта на отдѣльныя эпохи въ судьбѣ Восточной имперіи, но не разрѣшили главныхъ, можно сказать, жизненныхъ вопросовъ ея существованія. Очевидное равнодушіе западныхъ писателей къ государству Константина Великаго объясняется отчасти отношеніями этого государства къ латино-германскимъ племенамъ. Между ними не было органической связи. Французу или Англичанину Византія представляетъ такой же любопытный предметъ, какъ, напримѣръ, Аравійскій калифатъ, но она не имѣетъ въ его глазахъ другаго, высшаго значенія. Ея вліяніе на судьбу его предковъ не даетъ ей особенныхъ правъ на его сочувствіе. Самый блестящій изъ фактовъ, связующихъ Восточную имперію съ западными народами, ея участіе въ эпохѣ возрожденія наукъ, теряетъ при внимательномъ изученіи тотъ

характеръ, который ему такъ долго приписывался. Роль греческихъ выходцевъ XV ст. была большею частію внѣшняя: они торговали привезенными ими рукописями и учили языку; но ученики далеко превзошли своихъ наставниковъ въ настоящемъ пониманіи классическаго міра. Нельзя не задуматься при вопросѣ: отчего великія творенія древней Греціи, бывшія въ продолженіи многихъ вѣковъ предметомъ постояннаго изученія въ Константинополѣ, родныя тамошнимъ читателямъ по языку, на которомъ они написаны, обнаружили такъ мало вліянія на Византійскую литературу, между тѣмъ какъ одно ихъ прикосновеніе къ другой, болѣе свѣжей почвѣ вызвало движеніе, имѣвшее результатомъ всестороннее обновленіе умственной жизни на Западѣ.

Нужно ли съ другой стороны говорить о важности Византійской исторіи для насъ, Русскихъ? Мы приняли отъ Царьграда лучшую часть народнаго достоянія нашего, т. е. религіозныя вѣрованія и начатки образованія. Восточная имперія ввела молодую Русь въ среду христіанскихъ народовъ. Но кромѣ этихъ отношеній, насъ связываетъ съ судьбою Византіи уже то, что мы Славяне. Послѣднее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оцѣнено иностранными учеными. Мнѣніе Фальмерайера о заселеніи Пелопоннеса Славянами встрѣтило сильное противорѣчіе въ Германіи и въ Греціи. Авторъ „Исторіи полуострова Мореи“ подвергся жестокимъ нареканіямъ, даже грубой брани, за преступное посягательство на честь народа, котораго права на общее участіе основаны преимущественно на его предполагаемомъ происхожденіи отъ самаго изящнаго изъ племенъ, являвшихся въ исторіи. А между тѣмъ Фальмерайеръ прикоснулся къ своему предмету только слегка и съ одной стороны. Великое значеніе Славянъ въ Восточной имперіи не было имъ надлежащимъ образомъ признано. Въ IX столѣтіи по Р. Х. уже трудно было отвѣчать на вопросы: что̀ такое Византійская національность и откуда беретъ она силы для спора съ безчисленными врагами своими? Многія ли темы имперіи были заселены чистыми Греками? Поверхностное знакомство съ византійскими писателями достаточно для того, чтобы убѣдиться, что въ европейскихъ темахъ огромное большинство населенія состояло изъ Славянъ и что въ азіятскихъ областяхъ преобладали чуждыя эллинизму примѣси. Короче, мы видимъ здѣсь государство, а не народъ. Настоящихъ Грековъ нельзя даже принять за господствующее племя. Отъ Льва Исавра до Македонской династіи во главѣ имперіи стоитъ цѣлый рядъ государей, которыхъ происхожденіе подтверждаетъ высказанную нами мысль. Исавры, Славяне и Армяне сидятъ на престолѣ Константина и Θеодосія. Мы имѣемъ, слѣдовательно, полное право сказать, что условія существованія Византійской имперіи состояли не въ крѣпости одного національнаго начала. Какая же сила собрала воедино и сдерживала разнородныя, отчасти враждебныя между собою стихіи, замѣняя такимъ образомъ народность, или кровную связь населенія другою, чисто духовною связью? Эта сила заключалась въ религіи, утвержденной Отцами Восточной церкви, и въ образованности, наслѣдованной отъ классическаго міра вмѣстѣ съ языкомъ. Православные подданные православнаго импера-

тора сознавали себя братьями не по происхожденію, а по вѣрѣ. Въ этомъ сознаніи и въ нравственной энергіи, которую оно сообщало противъ иновѣрцевъ, заключается тайна продолжительнаго существованія Византіи, при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ. Прибавимъ къ этому образованность, которая служила большею частію для достиженія внѣшнихъ цѣлей и была могущественнымъ рычагомъ въ рукахъ умнаго правительства, имѣвшаго дѣло съ полудикими врагами. Разобранная съ этой точки зрѣнія исторія Восточной имперіи могла бы привести не къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ пришли Гиббонъ и Шлоссеръ, котораго сочиненіе объ императорахъ иконоборцахъ исполнено, впрочемъ, великихъ достоинствъ. Самый выборъ предмета показываетъ глубокій историческій смыслъ въ авторѣ. Эпоха иконоборства составляетъ переломъ въ Византійской жизни и даетъ ключъ къ уразумѣнію всѣхъ ея послѣдующихъ явленій. Но успѣшное рѣшеніе этой задачи возможно въ настоящее время только русскимъ или вообще славянскимъ ученымъ. Они ближе къ ней потому, что она связана съ исторіею ихъ собственнаго племени и требуетъ знаній въ тѣхъ областяхъ церковной исторіи и филологіи, которыя менѣе другихъ доступны западнымъ ученымъ. Можно прибавить, что на насъ лежитъ нѣкотораго рода обязанность оцѣнить явленіе, которому мы такъ многимъ обязаны.

Книга г. Медовикова о латинскихъ императорахъ въ Константинополѣ едва ли не первое оригинальное русское сочиненіе по части Византійской исторіи. Но авторъ остался вѣренъ старымъ воззрѣніямъ на избранный предметъ. Онъ не сказалъ ничего новаго и даже не вывелъ возможныхъ результатовъ изъ прежнихъ розысканій. Полагая слишкомъ узкіе предѣлы своему труду, онъ не счелъ нужнымъ объяснить читателямъ состояніе Восточной имперіи предъ бѣдственнымъ для нея 1203 годомъ. А между тѣмъ быстрые успѣхи крестоносцевъ непонятны безъ такого введенія. Число Латинцевъ съ населеніемъ взятой ими съ бою столицы и прилежавшихъ къ ней областей было такъ незначительно, что побѣда ихъ кажется чѣмъ-то загадочнымъ. Объяснять ее однимъ мужествомъ крестоносцевъ и трусостію Грековъ— смѣшно. Современная крестовымъ походамъ исторія Восточной имперіи при трехъ Комненахъ: Алексіи, Іоаннѣ и Эмануилѣ, и самый составъ ихъ арміи, въ которыхъ было гораздо болѣе иноплеменниковъ, чѣмъ настоящихъ Грековъ (допустивъ совершенное отсутствіе военныхъ доблестей въ послѣднихъ), опровергаетъ мнѣніе, понятное только подъ перомъ ослѣпленнаго невѣжествомъ и ненавистію франкскаго лѣтописца или малодушнаго Византійскаго ритора, въ родѣ Никиты Хоніата. Главныя причины паденія Византійскаго государства въ началѣ XIII вѣка заключаются, по нашему мнѣнію, въ измѣнившихся отношеніяхъ къ Славянамъ и въ глубокой порчѣ государственнаго организма, находившейся въ связи съ развращеніемъ высшихъ сословій въ Константинополѣ. Постепенное образованіе самостоятельныхъ славянскихъ государствъ на сѣверныхъ предѣлахъ имперіи отвлекло отъ нея силы, которыми она прежде исключительно располагала. Прочное утвержденіе церкви съ національнымъ духовенствомъ сообщило этимъ государствамъ внутреннюю самостоятельность, какой, разумѣется, не могли имѣть славян-

скія племена въ то время, когда они принимали христіянство непосредственно отъ Византіи. Исторія Охридскихъ архіепископовъ, которыхъ стремленіе освободиться изъ подъ вліянія цареградскаго патріарха и основать нѣчто въ родѣ славянскаго патріархата очевидно изъ отрывочныхъ, до насъ дошедшихъ извѣстій, можетъ пролить яркій свѣтъ на судьбы славянскаго просвѣщенія. Открытіе Охридскихъ грамотъ, на слѣдъ которыхъ указалъ В. И. Григоровичъ въ своемъ путешествіи по европейской Турціи (стр. 73 и 123), стало бы вѣроятно на ряду съ важнѣйшими находками такого рода, сдѣланными въ наше время. Съ другой стороны, отношенія Римской имперіи къ Германцамъ представляютъ поучительныя аналогіи. Исторію этихъ отношеній можно раздѣлить на три періода, между которыми, разумѣется, нельзя поставить твердыхъ граней, потому что переходы совершаются постепенно. Первый періодъ состоитъ весь изъ нестройнаго, но единодушнаго напора германскихъ дружинъ на завѣтные рубежи Рейна и Дуная. Во второмъ— часть этихъ дружинъ уступаетъ искушеніямъ Римской политики и дѣлается въ ея рукахъ могущественнымъ орудіемъ противъ собственныхъ соплеменниковъ и другихъ враговъ имперіи. Римъ держится силою своихъ преданій и государственною опытностію, наслѣдованной имъ отъ прежнихъ, славныхъ вѣковъ его исторіи. Онъ въ высокой степени обладалъ искусствомъ употреблять въ свою пользу средства своихъ противниковъ и противопоставлять ихъ опасностямъ, которыя ему грозили. Можно думать, что германскіе варвары иногда приходили къ сознанію той роли, какую они играли, служа къ достиженію чуждыхъ имъ цѣлей. Nos nobis confligimus, nobis perimus, tibi vincimus (мы между собою сражаемся, мы гибнемъ, а побѣда достается тебѣ), писалъ вестъ-готскій кунигъ Валлія къ императору Гонорію, извѣщая его о своихъ побѣдахъ надъ Вандалами. Но когда Германцы стали твердою ногою на Римской почвѣ и замѣнили кочевой бытъ дружины осѣдлымъ, государственнымъ, ихъ отношенія къ имперіи приняли другой характеръ. У нихъ явились свои интересы, свои политическія цѣли. Они перестали быть слѣпыми орудіями Римской власти и служили ей только тогда, когда ихъ частная выгода совпадала съ ея видами. Тѣ же явленія повторялись въ исторіи южныхъ Славянъ. Переходъ отъ быта общиннаго и дружиннаго къ государственному положилъ конецъ ихъ зависимости отъ Византіи и снялъ съ нихъ опеку, въ которой такъ долго держала ихъ цареградская политика. Другою причиною ослабленія Византійской имперіи была перемѣна, совершившаяся послѣ борьбы за поклоненіе иконамъ, въ правахъ и положеніи высшаго сословія. Прежняя образованность, въ которой преобладало богословское направленіе, уступала мѣсто другой, болѣе блестящей, но поверхностной и формальной. Вопросы догматическіе перестали занимать умы въ такой степени, какъ прежде. Духовные интересы общества Константинопольскаго вообще стали мельче. Не забудемъ, что въ этомъ обществѣ сосредоточивалось то, что мы называемъ Византійскою имперіей. Продолжительное, почти двухъ-вѣковое владычество Македонской династіи дало возможность окрѣпнуть въ занятыхъ при Василіи I положеніяхъ тѣмъ знатнымъ фамиліямъ, которыхъ имена связаны потомъ со всѣми важными

происшествіями и переворотами, совершающимися въ государствѣ. Аристократическое начало получило значеніе вовсе не сообразное съ положеніемъ страны, для которой неограниченное самодержавіе было условіемъ существованія. Всякое стѣсненіе монархической власти вело къ неминуемымъ бѣдамъ и опасностямъ. Знакомство съ феодальнымъ дворянствомъ въ эпоху крестовыхъ походовъ дурно подѣйствовало на Византійскую аристократію, сообщивъ ей развившіяся на иной почвѣ, при иныхъ обстоятельствахъ, понятія. Она заразилась отъ Западныхъ гостей привычками насилія и непокорности, но прибавила къ нимъ вошедшее въ пословицу лукавство и двоедушіе. Алексію Комнену и его потомкамъ такъ-же трудно было бороться съ домашними измѣнами и мятежами, какъ съ внѣшними врагами имперіи. Они принуждены были окружать себя иностранцами, на вѣрность которыхъ могли положиться. Сынъ Алексія, умный и храбрый Іоаннъ, ввѣрилъ начальство надъ войскомъ своимъ турецкому выходцу. Тѣлохранители императоровъ набирались изъ наемныхъ Англо-саксовъ и Нормановъ *). Обстоятельства, сопровождавшія его паденіе, озарили страшнымъ свѣтомъ тогдашнее состояніе Византіи. Черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ смерти Андроника, Венеціяне и Французы овладѣли его столицею.

Описывая военныя дѣйствія и переговоры, предшествовавшіе взятію Константинополя, г. Медовиковъ опустилъ многія любопытныя и важныя подробности. Между прочимъ онъ не сказалъ ничего о числительномъ отношеніи выставленныхъ съ обѣихъ сторонъ силъ. Въ источникахъ находится нѣсколько цифръ, которыя слѣдовало привести, ибо онѣ показываютъ, что въ началѣ войны крестоносцамъ грозила бо̀льшая опасность, чѣмъ Грекамъ. Одни жители столицы могли задавить числомъ своимъ отважную дружину иноплеменниковъ. Вильгардуенъ, историкъ и одинъ изъ главныхъ участниковъ въ этихъ событіяхъ, простодушно и прекрасно выразилъ чувство страха, овладѣвшее его сподвижниками при видѣ Цареграда.

„Когда они увидали — говоритъ онъ — высокія стѣны и великолѣпныя башни, которыми окруженъ городъ, богатые дворцы и храмы, которыхъ число можетъ показаться невѣроятнымъ тому, кто собственными глазами не видалъ во всемъ ея объемѣ царицу городовъ, — у самыхъ смѣлыхъ дрогнуло сердце. Дивиться тутъ нечему, ибо отъ начала міра не предпринимала горсть людей такого великаго дѣла“. За восемь вѣковъ до Вильгардуена, видъ Ѳеодосіевой столицы произвелъ такое же впечатлѣніе на вестъ-готскаго вождя Атанариха и внушилъ ему высокое понятіе о могуществѣ императора. Варварамъ казалось, что изъ-за этихъ твердынь и зданій имъ угрожаютъ таинственныя силы невѣдомой и недоступной имъ образованности. Но внутренность Константинопольскихъ улицъ не соотвѣтствовала его наружному величію. Этою стороною онъ напоминалъ поэтическіе издали, грязные внутри города Востока. „Городъ Константинополь — говоритъ монахъ Одонъ, спутникъ Лудовика VII во второмъ крестовомъ походѣ — грязенъ и вонючъ. Во

*) Здѣсь, кажется, надобно предполагать небольшой пропускъ, котораго мы не могли пополнить за недостаткомъ оригинала. *Ред. 1-го изд.*

многихъ частяхъ его царствуетъ вѣчный мракъ. Богачи застроили всѣ улицы своими зданіями и оставили бѣднымъ и иностранцамъ только нечистыя и темныя мѣста. Тамъ совершаются убійства и разбои, — словомъ, всѣ преступленія, которымъ благопріятствуетъ темнота. Управы нѣтъ никакой; богатые дѣлаютъ, что хотятъ; бѣдные воруютъ, злодѣи не знаютъ ни страха, ни стыда. Преступленія никогда не совершаются явно днемъ, и законъ ихъ никогда не наказываетъ. Городъ этотъ представляетъ крайности всякаго рода: онъ равно превосходитъ всѣ другіе своимъ богатствомъ и своими пороками". Многое, можетъ быть, преувеличилъ французскій монахъ, ненавидѣвшій Грековъ, но бо́льшую часть имъ сказаннаго нетрудно подтвердить свидѣтельствами другихъ, даже Византійскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, въ Европѣ не было города съ такою пестрою и испорченною чернью. Въ Константинополѣ можно было встрѣтить многочисленныхъ представителей всѣхъ народовъ тогдашняго міра. Ихъ привлекала сюда богатая торговля, промыслы, легкость, съ какою можно было найти средства къ существованію. Цѣлыя улицы принадлежали выселенцамъ изъ отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ. Венеціянцы, Генуэзцы, Пизанцы пользовались обширными торговыми привилегіями и подчинены были собственнымъ судьямъ. Магометане составляли также значительную общину, съ правомъ свободнаго и открытаго отправленія своего богослуженія. Не говоримъ о Славянахъ и другихъ подвластныхъ имперіи и тѣсно съ нею связанныхъ племенахъ. Съ конца XI столѣтія смѣшеніе языковъ и народностей въ Константинополѣ возрастаетъ въ неимовѣрной степени. Составъ крестоносныхъ ополченій извѣстенъ. Къ дружинамъ, которыхъ вело на Востокъ благочестивое желаніе освободить изъ-подъ власти мусульманъ страну, освященную земною жизнью Спасителя, присоединялись нестройныя и многочисленныя толпы людей всякаго рода, гонимыя изъ родины нищетою или совершенными ими преступленіями. Немногіе изъ нихъ достигали Палестины: бо́льшая часть погибла отъ нужды и подъ ударами ограбленныхъ ими жителей тѣхъ странъ, чрезъ которыя лежалъ ихъ путь. Константинополь обыкновенно служилъ мѣстомъ сбора и отдыха для крестоносцевъ. Здѣсь оставались уцѣлѣвшіе въ живыхъ бродяги, которыхъ не манила далѣе надежда на славныя битвы съ невѣрными. Вслѣдствіе самыхъ выгодъ своего положенія, столица Византійской имперіи должна была такимъ образомъ принимать въ себя нечистый отстой, подымавшійся въ эпоху общаго броженія со дна западной Европы. Она доставляла этимъ пришельцамъ возможность легкой и привольной жизни; но они ей дурно платили за гостепріимство. На ея улицахъ не разъ рѣзались буйные Латинцы съ жителями греческаго или славянскаго происхожденія. Тогдашній Константинополь заслуживалъ въ бо́льшей степени, чѣмъ древній Римъ или новый Парижъ, названіе cloaca maxima народовъ.

Понятно, что, при такомъ составѣ низшихъ классовъ своего населенія, Царьградъ не могъ противопоставить осадившимъ его въ 1203 году рыцарямъ религіознаго или патріотическаго одушевленія массъ. Съ другой стороны выступила наружу испорченность высшаго сословія. Въ виду общей опасности, оно крамольничало, составляло заговоры и измѣняло одному импе-

ратору за другимъ. Изъ разсказовъ Никиты Хоніата, который самъ занималъ важное государственное мѣсто, объ избраніи на престолъ Алексѣя и Канаба, можно себѣ составить понятіе о гражданскихъ доблестяхъ византійскихъ сановниковъ.

Мы уже сказали выше, что г. Медовиковъ въ первой главѣ своей монографіи ограничился описаніемъ военныхъ дѣйствій, не обращая вниманія на внутреннія условія событій. Онъ какъ будто не замѣтилъ за внѣшнею обстановкою, что подъ стѣнами Константинополя стояли лицомъ къ лицу двѣ глубоко различныя, въ основныхъ своихъ началахъ, цивилизаціи. Отсюда происходитъ бѣдность и безжизненность его разсказа. Охарактеризовать эти двѣ почти враждебныя цивилизаціи было нетрудно. Ихъ представителями могли служить автору „Латинскихъ Императоровъ“ тѣ лѣтописцы, которыми онъ наиболѣе пользовался: Французъ Вильгардуенъ и Грекъ Никита Хоніатъ. На нихъ обоихъ лежитъ печать ихъ національностей. При всей своей осторожности и риторическомъ патріотизмѣ, Никита иногда становится страшнымъ обличителемъ Византійской жизни. У него нельзя отрицать таланта, ума, знанія, но въ цѣломъ складѣ его понятій есть нѣчто, показывающее, до какой степени пришла въ упадокъ и обветшала въ его время образованность свѣтскихъ классовъ Византійскаго общества. Отрѣшенная движеніемъ исторіи отъ своего корня, т. е. эллинизма, она не приняла въ себя никакихъ новыхъ, живительныхъ стихій и обратилась въ лишенную нравственнаго содержанія форму. Одна церковь стояла высоко надъ общимъ уровнемъ, но она хранила свои сокровища для другихъ, болѣе свѣжихъ и способныхъ къ духовному развитію народовъ. Объемъ этой статьи не позволяетъ намъ дѣлать большихъ выписокъ, но мы укажемъ читателямъ на находящееся у Хоніата (861 стр.) изчисленіе погибшихъ при взятіи Константинополя крестоносцами памятниковъ искусства. Это мѣсто важно не для однихъ археологовъ: оно знакомитъ насъ не только съ утраченными произведеніями древняго ваянія, но и съ самымъ воззрѣніемъ на искусство просвѣщенныхъ Византійцевъ. Описывая бронзовую, переплавленную невѣжественными побѣдителями въ деньги статую Елены, Никита расточаетъ ей гомерическіе эпитеты, показывающіе его классическую образованность. Но нельзя не заподозрить искренности его восторговъ при чтеніи толкованій, въ родѣ слѣдующаго: „Латинцы растопили статую Елены, въ качествѣ потомковъ Энея, метя ей за пожаръ родной имъ Трои, котораго она была виновницею. Ей суждено было погибнуть отъ огня, ибо она сама зажгла огонь въ сердцахъ всѣхъ, кто видѣлъ ея прекрасный образъ“ (864 стр.). Впрочемъ, изъ разсказовъ того же лѣтописца слѣдуетъ, что не на однихъ крестоносцахъ лежитъ отвѣтственность за порчу и гибель находившихся въ Константинополѣ памятниковъ. Супруга Алексія III, Евфросинія, для гаданій своихъ, била розгами Геркулеса Лизимаховой работы, о чемъ очень жалѣетъ Хоніатъ, восклицающій, что ни Еврисоей, ни Омфала не подвергали героя такимъ истязаніямъ. По ея же приказанію, были обезображены многія другія статуи, въ томъ числѣ знаменитый калидонскій вепрь, котораго впослѣдствіи, по совѣту звѣздочетовъ, суевѣрный Исаакъ-Ангелъ ве-

лѣлъ поставить во дворцѣ своемъ, въ той надеждѣ, что видъ свирѣпаго звѣря въ состояніи внушить ужасъ мятежной черни цареградской. Колоссальный истуканъ Минервы, подробно описанный Хоніатомъ, былъ въ куски разбитъ народомъ, потому что лицо богини было обращено къ Западу и поднятая рука какъ будто манила крестоносцевъ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что многое было спасено Венеціянцами, которые украсили свой городъ этою добычею.

Говоря о раздѣлѣ имперіи между Венеціянцами и ихъ союзниками, г. Медовиковъ не разобралъ подробно весьма неясный, но важный въ географическомъ отношеніи актъ раздѣла. Памятникъ этотъ, изданный нѣсколько разъ, между прочимъ въ приложеніяхъ къ Исторіи крестовыхъ походовъ Вилькена, не былъ еще объясненъ надлежащимъ образомъ. Г. Медовиковъ напрасно ссылается на искаженіе именъ и неопредѣленность областныхъ границъ. Если бы раздѣльный актъ, составленный въ 1204 году, былъ написанъ совершенно ясно и не представлялъ ничего затруднительнаго при чтеніи, его не для чего было бы и объяснять...

Третья глава „Исторіи Латинскихъ Императоровъ" содержитъ въ себѣ обзоръ новаго, возникшаго вслѣдствіе завоеванія, Государственнаго устройства. Намъ кажется, что авторъ не оцѣнилъ по достоинству пересаженныя на Византійскую почву феодальныя учрежденія, единственную форму, какую могли дать покореннымъ ими землямъ крестоносцы. Ленная система удобнѣе всякой другой прилагалась тамъ, гдѣ между отдѣльными сословіями не было національнаго единства. Отсутствіе кровной связи, т. е. народности, феодализмъ замѣнилъ внѣшнимъ іерархическимъ союзомъ, достаточнымъ для цѣлей средневѣковаго государства. Зато г. Медовиковъ придалъ слишкомъ большое значеніе республиканскому, внесенному Венеціянцами элементу. Онъ говоритъ, что этотъ элементъ выразился въ завоеванныхъ частяхъ имперіи рѣзче, нежели въ Палестинѣ. „Тамъ онъ ограничился немногими поселеніями Италіанцевъ по морскому берегу, здѣсь являлся въ обширныхъ владѣніяхъ Венеціанцевъ" (стр. 43). Авторъ слишкомъ безусловно принялъ мнѣніе Лео (Geschichte der Italienischen Staaten, III, 16). Извѣстно, что значительная часть пріобрѣтенныхъ республикою въ 1204 году земель, особенно острова, поступили въ качествѣ ленъ св. Марка во владѣніе знатныхъ фамилій, которыя играли здѣсь роль княжескихъ династій, оставаясь, впрочемъ, Венеціянскими подданными. Таковы были герцоги Андроса, Наксоса и Пароса изъ дома Санудо, передавшаго потомъ свои владѣнія греческой фамиліи Криспо, — Гизи, которымъ принадлежалъ Теносъ, Скиросъ, Скіаоя, Скопела, — Карчери, владѣтель Негропонта, и многіе другіе, о которыхъ упоминаетъ г. Медовиковъ, на стр. 38. Разумѣется, что здѣсь не было мѣста республиканскому элементу, который могъ проявиться въ большихъ городахъ, гдѣ находились венеціянскія колоніи. Вообще на отношенія Венеціянскія не обращено должнаго вниманія въ разбираемой нами монографіи, хотя по важности своей они требовали подробнаго разбора.

Самая „Исторія Латинскихъ Императоровъ" изложена вѣрно и отчетливо. Но мы уже замѣтили выше, что эта вѣрность внѣшняя, не сообщающая

полнаго понятія о предметѣ. Укажемъ для примѣра на собранныя г. Медовиковымъ свѣдѣнія о Никейской имперіи. Вмѣсто сухаго и частію безполезнаго разсказа о войнахъ, веденныхъ Өедоромъ Ласкарисомъ и Іоанномъ Ватацесомъ, читатель желалъ бы найти подробности, характеризующія ихъ государство. Г. Медовиковъ упустилъ прекрасный случай показать чрезъ сравненіе все превосходство Византійскихъ административныхъ формъ и понятій надъ феодальными западными. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи царствованіе Іоанна Ватацеса, о которомъ находятся драгоцѣнныя, еще Гиббономъ (гл. 62) употребленныя въ дѣло извѣстія у Никифора Григорія и Георга Пахимера. За исключеніемъ Фридриха II, едва ли кто изъ современныхъ государей западной Европы смотрѣлъ такими глазами на государственное хозяйство. Только при подобномъ управленіи могла найти Никейская имперія средства для борьбы съ многочисленными врагами своими. Тамошніе императоры слѣдовали примѣру своихъ Византійскихъ предшественниковъ. Войско Өедора Ласкариса состояло, по словамъ изданной Бюшономъ греческой лѣтописи о войнахъ Франковъ въ Романіи и Мореѣ, стр. 28, изъ наемныхъ Турокъ, Кумановъ, Аланъ, Языговъ и Булгаръ. Латинскіе воины также недолго противились искушеніямъ Никейскаго золота. Папа Гонорій II принужденъ былъ предать проклятію крестоносцевъ, измѣнившихъ своему обѣту и воевавшихъ подъ знаменами Ласкариса противъ собственныхъ единовѣрцевъ. Эти свидѣтельства достаточно показываютъ, что Никейская имперія не была, какъ утверждаетъ г. Медовиковъ, выраженіемъ чистой греческой народности. Въ основаніи ея лежало отвлеченное отъ всякой національности начало образованной вѣками, мудрой государственной организаціи, которая принимала въ себя даже враждебные элементы и претворяла ихъ въ гибкіе, покорные ея волѣ матеріялы. Механизмъ былъ такого свойства, что могъ дѣйствовать при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Тоже самое можно сказать о Константинопольской имперіи, которой продолженіемъ была Никейская. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, феодальная форма является чѣмъ-то варварскимъ, безконечно грубымъ. Но когда эта форма утвердилась на Византійской почвѣ, она не могла не обнаружить нравственнаго вліянія на туземцевъ, не могла не вызвать въ нихъ новыхъ стремленій и потребностей. Вторженіе западной стихіи въ Византійскій бытъ послѣ событій 1204 года не подлежитъ сомнѣнію, хотя оно вовсе не замѣчено авторомъ „Исторіи Латинскихъ Императоровъ". Вмѣстѣ съ Іерусалимскими ассизами проникли даже въ Никейскія владѣнія суды перовъ и ордаліи. Разумѣется, что ихъ полному принятію мѣшали природныя и воспитанныя исторіей свойства народонаселенія. Практическій, ясный умъ Грека сказался въ отвѣтѣ Михаила Палеолога, который не хотѣлъ подвергнуть себя испытанію раскаленнымъ желѣзомъ, говоря, что это судебное доказательство годно для мраморныхъ произведеній Фидія или Праксителя, а не для живой человѣческой руки. Къ послѣдствіямъ пятидесяти-семи-мѣсячнаго владычества Латинцевъ въ Царьградѣ принадлежитъ совершенное ослабленіе связей, дотолѣ существовавшихъ между правительствомъ и жителями Византійской имперіи. Императоры иновѣрцы поколебали прежнее уваженіе и довѣ-

ріе православныхъ подданныхъ къ преемникамъ Константина. Религіозное единство могло быть возстановлено впослѣдствіи; но единство государственное, которое на немъ основывалось, погибло невозвратно. Въ Малой Азіи могла бы еще окрѣпнуть и принять въ себя свѣжія силы ветхая имперія, черезъ сплавленіе тамошнихъ, давно подверженныхъ греческому вліянію племенъ, въ одну новую народность. Въ Европѣ такое дѣло было невозможно. Славяне, на плечахъ которыхъ долго лежали судьбы имперіи, возложившей на нихъ свои послѣднія надежды, жили собственною жизнію. Все сказанное нами было понятно образованнымъ и мыслящимъ Грекамъ того времени. Извѣстіе о занятіи Константинополя Никейскими войсками въ 1261 году возбудило въ дальновиднѣйшихъ между ними недоступныя толпѣ опасенія. „Теперь рушились всѣ надежды наши"—сказалъ по этому поводу Михаилъ Сеннахерибъ, государственный сановникъ, уму и знаніямъ котораго отдаетъ справедливость, враждебный ему впрочемъ, Георгъ Пахимеръ (Т. I, стр. 92 и 149).

Сочиненіе г. Медовикова не удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ современной науки. „Исторія Латинскихъ Императоровъ" не прибавляетъ ничего къ суммѣ того, что̀ мы знали доселѣ объ этой эпохѣ. Но свѣдѣнія автора не подлежатъ сомнѣнію: мы въ правѣ ожидать отъ него другихъ, болѣе удачныхъ трудовъ.

ИТАЛІЯ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ОСТЪ-ГОТОВЪ, ЛАНГОБАРДОВЪ И ФРАНКОВЪ *).

Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Обозрѣніе Остгото-Лангобардскаго періода итальянской исторіи. Соч. Петра Кудрявцева. Москва. 1850.

Статья первая.

Русской критикѣ рѣдко приходится имѣть дѣло съ такими книгами, какъ „Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ“. Первый трудъ, съ которымъ г. Кудрявцевъ выступаетъ на ученое поприще, не только превосходитъ все, что̀ до сихъ поръ было написано по-русски объ исторіи Запада, но можетъ стать на ряду съ классическими монографіями иностранныхъ литературъ. Это не простое изложеніе первыхъ вѣковъ итальянской исторіи, а совершенное съ рѣдкою мѣткостью историческаго взгляда изслѣдованіе образованія итальянской народности. Въ предисловіи своемъ авторъ жалуется на недостатокъ учебныхъ пособій; но можно смѣло сказать, что этотъ недостатокъ не отразился на его книгѣ, въ которую вошло все существенное и необходимое для живаго пониманія эпохи, которой онъ посвятилъ свое изслѣдованіе. Съ другой стороны нельзя не согласиться, что занятіе исторіею Италіи сопряжено въ настоящее время съ особенными трудностями. Эти трудности существуютъ не для однихъ только русскихъ ученыхъ и происходятъ отъ недостатка литературныхъ сообщеній съ Апеннинскимъ полуостровомъ. Изъ выходящихъ тамъ книгъ весьма немногія пріобрѣтаютъ извѣстность въ остальной Европѣ. Бо̀льшая часть многочисленныхъ монографій, изданныхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ о городахъ средневѣковой Италіи, остается исключительно собственностью мѣстныхъ ученыхъ. Безъ критическихъ статей Миттермайера, да обзоровъ, изрѣдка являющихся въ нѣмецкихъ журналахъ, которымъ посчастливилось найти дѣятельныхъ корреспондентовъ за

---

*) Эти статьи напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1851 года, въ отдѣлѣ Критики, №№ 4 и 6, т. LXXV и LXXVI.

Альпами, мы не знали бы этихъ монографій даже по имени. Между тѣмъ, кромѣ самыхъ изслѣдованій, они содержатъ въ себѣ, въ видѣ приложеній, драгоцѣнные, взятые изъ городскихъ архивовъ памятники, которыхъ тщетно будемъ искать у Муратори. О богатствѣ и важности источниковъ, не вошедшихъ въ составъ собранія, составленнаго послѣднимъ, можно судить по „Историческому Архиву“, который Вьёсё (Vieusseut) издаетъ во Флоренціи.

Первая глава „Судебъ Италіи“ содержитъ въ себѣ обозрѣніе причинъ, которыя привели Западную Имперію подъ владычество германскихъ дружинъ. Причины эти заключались, какъ извѣстно, во внутреннемъ разложеніи римскаго общества. Обозначивъ главные признаки этого разложенія, г. Кудрявцевъ опредѣляетъ слѣдующими словами цѣль и объемъ своихъ изслѣдованій:

„Мы ограничиваемъ нашу задачу лишь первымъ періодомъ исторіи новой Италіи, который можно назвать періодомъ ея возрожденія. Дѣло многосложное и потому многотрудное; оно совершается очень медленно, впродолженіе цѣлыхъ трехъ столѣтій, и слагается изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментовъ. Рядомъ съ нимъ, и всегда въ самой тѣсной связи, идетъ и исторія одного изъ величайшихъ европейскихъ учрежденій, имѣющаго въ Италіи свое собственное значеніе. Мы прослѣдимъ, одинъ за другимъ, эти моменты и постараемся указать главныя силы и средства, наиболѣе содѣйствовавшія освобожденію Италіи отъ чужеземнаго владычества и возстановленію ея самобытности. Величайшее изъ предпріятій Карла Великаго—возстановленіе Римской имперіи, необходимо положитъ конецъ нашему очерку“.

Лежащая въ основаніи книги г. Кудрявцева мысль о тѣсной связи между происхожденіемъ новой итальянской народности и развитіемъ папской власти даетъ его труду оригинальное и самобытное значеніе, даже за предѣлами русской литературы. Явленія эти разсматривались до сихъ поръ порознь. Самъ Макіавелли, въ немногихъ словахъ сказавшій всю исторію средневѣковой Италіи, не понялъ и съ своей точки зрѣнія не могъ понять первыхъ вѣковъ папства и его связи съ судьбою народа, зарождавшагося изъ пестрой смѣси латинскаго и германскихъ племенъ. Позднѣйшіе историки превзошли Макіавелли только отдѣлкою подробностей, но они рѣдко возвышаются до того цѣльнаго пониманія итальянской исторіи, которымъ поражаетъ насъ великій Флорентинецъ. Сохранивъ, слѣдовательно, недостатки, которые были неизбѣжны въ эпоху, когда писалъ Макіавелли, они не переняли у него глубины взгляда и его строгой послѣдовательности при оцѣнкѣ явленій. Исчислять здѣсь сочиненія, подтверждающія нашу мысль, было бы безполезно. Но мы не можемъ не указать на помѣщенную въ 5 № „Современника“ за 1850 годъ „Исторію папской власти до смерти Карла Великаго“. Имя ученаго автора и отношеніе его статьи къ разбираемой нами книгѣ возлагаютъ на насъ эту обязанность. Статья г. Куторги отличается отъ „Судебъ Италіи“ объемомъ; но предметъ разысканій почти тотъ же. Мы не опасаемся оскорбить г. Куторгу, упрочившаго свою ученую извѣстность другими трудами, откровеннымъ выраженіемъ нашего мнѣнія. Его „Исторія папства“ не можетъ выдержать никакого сравненія съ трудомъ г. Кудряв-

цева. Главный недостатокъ этой статьи заключается не въ томъ, что она составлена исключительно по нѣмецкимъ сочиненіямъ: добросовѣстный авторъ назвалъ своихъ руководителей и тѣмъ отнялъ у критики право упрекать его въ неполномъ знаніи источниковъ. Но мы считаемъ себя въ правѣ требовать отъ такого ученаго, какъ г. Куторга, по крайней мѣрѣ вѣрной оцѣнки писателей, которыхъ трудами онъ пользовался. Вотъ почему насъ нѣсколько удивилъ его отзывъ объ „Исторіи Иннокентія III“ Гуртера. По словамъ г. Куторги, Гуртеръ „представилъ картину, написанную кистью великаго художника и съ безпристрастіемъ ученаго“. Не будемъ говорить о художественномъ достоинствѣ „Исторіи Иннокентія III“. Смѣемъ однако думать, что весьма немногіе изъ читателей этой книги согласятся съ приведенными выше словами. Что касается до безпристрастія Гуртера, то до-сихъ-поръ оно едва ли было кѣмъ-нибудь замѣчено. Гуртеръ, бывшій протестантскій пасторъ, принялъ римско-католическое исповѣданіе и считается въ нѣмецкой литературѣ однимъ изъ главныхъ представителей и защитниковъ средневѣковыхъ теорій папской власти и римско-католической іерархіи вообще. Вся статья г. Куторги написана съ небрежностью, къ какой онъ не пріучилъ насъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Какъ, напримѣръ, согласить слѣдующія противорѣчія? На стр. 41 сказано: „Папы не имѣли ни собственной территоріи, ни войска, ни финансовъ, ничего, что̀ составляетъ необходимую принадлежность государя; они обладали чрезвычайною, великою властію, но она была только духовною, не матеріяльною. Эта власть представляетъ намъ изумительное и единственное явленіе во всемъ мірѣ, что въ самое цвѣтущее и блистательное время папства, въ правленіе Григорія VII и Иннокентія III, когда римскіе первосвященники господствовали надъ всѣми странами Запада, возводили и низлагали государей, подчиняли себѣ цѣлыя царства, что и тогда они не владѣли никакою областію (?!) и даже самимъ городомъ Римомъ, остававшимся совершенно независимымъ“. А на стр. 64 читаемъ: „Всѣ маленькіе города, лежавшіе отъ Витербо до Террачины и отъ Нарни до устьевъ Тибра, соединились съ Римлянами и составили отдѣльное владѣніе подъ управленіемъ папы (727). Вотъ первое начало свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ: Григорій II не былъ уже только папою—онъ сталъ государемъ“. Гдѣ нашелъ авторъ доказательства въ пользу своего мнѣнія, что восточные императоры сами содѣйствовали къ увеличенію свѣтскаго значенія папъ и укрѣпили ихъ власть надъ Римомъ (стр. 66)? Какъ понять ссылку на Григорія Турскаго, будто-бы сказавшаго, что Дагоберъ I, король Франковъ, принесъ въ даръ монастырю св. Діонисія одною записью 27 деревень (стр. 45)? Григорій умеръ въ 594 году, а Дагоберъ началъ царствовать съ 622 года. Можно было бы привести еще нѣсколько подобныхъ противорѣчій и недосмотровъ, но мы полагаемъ, что показанныхъ выше достаточно для нашей цѣли. Намъ нужно было только показать великое разстояніе, отдѣляющее самостоятельный, на основаніи глубокаго изученія источниковъ совершенный трудъ г. Кудрявцева отъ бѣглаго очерка, представленнаго г. Куторгою.

Обзору остготскаго періода посвящены въ сочиненіи г. Кудрявцева двѣ

главы (2 и 3). Авторъ, излагающій пространно исторію Лангобардовъ, не счелъ нужнымъ входить въ такія же подробности относительно предшествовавшихъ имъ въ Италіи германскихъ племенъ. Упомянувъ слегка о патриціатѣ Одоакра, служившемъ только переходомъ отъ стараго императорства къ новому королевству, г. Кудрявцевъ представляетъ на немногихъ страницахъ характеристику Теодериха и основаннаго имъ государства. „Между передовыми людьми германскаго міра онъ (то-есть Теодерихъ) былъ первый, на которомъ ясно отразилось вліяніе того человѣчественнаго духа, который лежалъ въ самыхъ основахъ міра римско-христіанскаго. Между Германцами это первое ощутительное выраженіе того, что впослѣдствіи, болѣе опредѣлившись въ своемъ содержаніи, получило себѣ и опредѣленное имя въ названіи „гуманизма“. Что этотъ новый духъ не переродилъ совершенно Теодериха, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: дикіе инстинкты продолжали таиться въ немъ, хотя и противъ его воли, и временемъ обнаруживались жестокостію, мстительностію, даже вѣроломствомъ. Въ такія минуты опять нельзя не узнать въ Теодерихѣ германскаго варвара; но проходили минутныя вспышки, и Теодерихъ опять становился человѣкомъ добра, сочувствующимъ выгодамъ римской цивилизаціи и желающимъ устроить мирное счастіе своихъ подданныхъ“.

Въ этихъ словахъ не видно особенностей, отличающихъ Теодериха отъ другихъ великихъ вождей германскаго племени, жившихъ въ V вѣкѣ. У Атаульфа вестготскаго, у Вандала Стиликона мы найдемъ тѣ же стремленія къ высшему, только при условіяхъ римско - христіанской образованности возможному порядку. Въ нихъ такъ-же, какъ въ Теодерихѣ, энергія и разрушительныя страсти варвара соединяются съ благородными идеями, съ нравственно-политическими побужденіями, которымъ нельзя было развиться на почвѣ чистаго германизма. Подобно остготскому королю, они старались сохранить формы разлагавшейся имперіи ради духа, нѣкогда въ нихъ живщаго, и расточали для этой цѣли силы, которымъ исторія готовила другое назначеніе. Укажемъ читателямъ на извѣстное мѣсто въ исторіи Павла Орозія (VII, 43), гдѣ рѣчь идетъ о планахъ Атаульфа. Въ молодости своей онъ хотѣлъ, по собственному признанію, стереть съ лица земли самое имя „Римлянъ“, замѣнивъ его „Готами“; но опытъ показалъ ему, что Готы, вслѣдствіе ихъ необузданной дикости (propter effroenatam barbariem), неспособны подчиниться какому-либо закону, и онъ рѣшился употребить ихъ оружіе для возстановленія и увеличенія римской славы. Дошедшія до насъ извѣстія о Стиликонѣ обличаютъ въ немъ такія же намѣренія. Слѣдовательно, не одинъ Теодерихъ между германскими вождями былъ доступенъ вліянію древней цивилизаціи, и не онъ первый оцѣнилъ ея превосходство. Его отличіе отъ Атаульфа, Стиликона и другихъ заключается не въ оригинальности взгляда или пониманія, а въ степени даровитости и успѣха, въ самомъ положеніи. Онъ былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, можетъ быть, потому, что встрѣтилъ на пути своемъ Кассіодора. Трудно выдѣлить послѣднему принадлежащую ему въ славѣ остготскаго короля долю. Теодерихъ былъ, безспорно, замѣчательный человѣкъ, но онъ едва ли могъ воз-

выситься до тѣхъ политическихъ и нравственныхъ идей, которыми проникнута веденная отъ его лица Кассіодоромъ оффиціальная переписка. Есть понятія, до которыхъ нельзя дойти личною геніальностью, которыя могутъ вырасти только на готовой, вѣками правильнаго развитія удобренной почвѣ. Принимая въ соображеніе благопріятныя обстоятельства, содѣйствовавшія образованію Теодериха, его десятилѣтнее пребываніе при цареградскомъ дворѣ, его раннее знакомство съ языками классической древности (хотя грамотность его подлежитъ сомнѣнію), мы должны допустить, что онъ пришелъ въ Италію не простымъ начальникомъ дружины, имѣвшей цѣлью грабежъ и войну, и что онъ хорошо понималъ новыя отношенія, въ которыя его поставила побѣда надъ Одоакромъ. Въ немъ могла зародиться болѣе или менѣе ясная мысль о сліяніи Готовъ и Итальянцевъ въ одну народность; но онъ не только не могъ говорить тѣмъ языкомъ, какой влагаетъ ему въ уста Кассіодоръ—онъ не могъ даже думать такимъ образомъ. Читая „Epistolae Variae“, невольно приходишь къ мысли, что Кассіодору принадлежитъ не одна редакція, не одинъ слогъ этихъ актовъ: на нихъ лежитъ печать римскаго духа, въ нихъ виденъ римскій складъ ума. Нельзя не задать себѣ вопроса: не былъ ли Теодерихъ воспріимчивымъ и послушнымъ ученикомъ итальянской аристократіи, окружившей его послѣ паденія Одоакра? Къ такому вопросу приводятъ даже извѣстные факты изъ жизни знаменитаго готскаго короля. Дѣятельность его характеристически отличается отъ дѣятельности другихъ германскихъ начальниковъ. Всѣ они были по преимуществу воины: его военные подвиги оканчиваются взятіемъ Равенны. Въ остальные *тридцать - три года* своей жизни, Теодерихъ не ходилъ болѣе на войну и, повидимому, исключительно былъ занятъ дѣлами внутренняго управленія. Такой переходъ молодаго и счастливаго вождя отъ жизни въ станѣ, отъ боевыхъ трудовъ къ сухимъ административнымъ заботамъ страненъ, почти неестественъ. Замѣтимъ, что между близкими къ Теодериху людьми мало, или, лучше сказать, вовсе нѣтъ Готовъ. Либерій, оба Кассіодора (отецъ и сынъ), Симмахъ, Боэцій занимаютъ высшія должности въ государствѣ и составляютъ совѣтъ короля. Исключеніе Римлянъ изъ военной службы, предоставленной однимъ Германцамъ, не могло быть допущено безъ значительныхъ ограниченій. Доказательства можно найти у Кассіодора (Var. 1, ep. 17 и 40). Наконецъ, запрещеніе Итальянцамъ носить оружіе, воспослѣдовавшее послѣ страшнаго разрыва Теодериха съ римскою партіей, показываетъ, что до-тѣхъ-поръ они пользовались этимъ правомъ наравнѣ съ Готами. Еще поразительнѣе свидѣтельствуетъ о перевѣсѣ римскихъ вліяній уравненіе Готовъ съ Итальянцами относительно податей. Теодерихъ едва ли былъ съ состояніи самъ - собою рѣшиться на такое безпримѣрное въ исторіи того времени управленіе. Меровинги рѣшились подражать этой мѣрѣ почти чрезъ цѣлое столѣтіе послѣ занятія Галліи Франками. А они очень рано стали прилагать у себя римскую систему податей и налоговъ. Во всѣхъ бывшихъ областяхъ Западной имперіи мы видимъ постепенное и неотразимое вторженіе римскихъ началъ въ государственную жизнь занявшихъ эти области Германцевъ, но нигдѣ это явленіе не совершается такъ

скоро, въ такомъ объемѣ, съ такимъ пренебреженіемъ къ привычкамъ новыхъ властителей края, какъ въ Италіи. Сношенія Теодериха съ другими государствами представляютъ намъ также нѣчто странное. Его умная, дальновидная, наслѣдованная отъ лучшихъ временъ падшей имперіи политика не могла быть плодомъ его собственныхъ соображеній. Въ ней является не только великій умъ, но и обширное знаніе. Каждое событіе, происходившее въ Восточной имперіи или за ея предѣлами—въ разнообразномъ и бурномъ мірѣ варваровъ, обращало на себя вниманіе Равеннскаго двора, вызывало тотчасъ предосторожности или рѣшительныя мѣры. Мы вовсе не думаемъ посягать на славу Теодериха, но признаемъ, что образъ его намъ не ясенъ въ исторіи и что въ немъ много загадочнаго, чего нельзя объяснить при пособіи сохранившихся источниковъ. Даже народная поэзія, съ такою любовью передающая славныя дѣла Дитриха Бернскаго (то есть Веронскаго), сохранила ему таинственныя черты, съ какими онъ является въ исторіи. По однимъ преданіямъ, онъ сынъ ночнаго духа, обладаетъ способностью изрыгать огонь, которымъ жжетъ своихъ непріятелей, и вообще находится въ тѣсной связи съ враждебными человѣку адскими силами; по другимъ, онъ образецъ христіанскихъ доблестей, отмѣченный особеннымъ характеромъ кротости и мягкосердія, какимъ не видимъ ни одного изъ героевъ нѣмецкаго эпоса, за исключеніемъ Рюдигера Бехеларнскаго. На немъ очевидно вліяніе той земли, по которой нельзя было пройти варвару, не поникнувъ главою предъ ея поучительными, даже для него, развалинами. Какъ ни глубоко проникъ латинизмъ въ Испаніи и Галліи, но эти области не въ состояніи были дать Германцу того понятія о красотѣ древней цивилизаціи, какимъ исполняла его Италія.

Г. Кудрявцевъ справедливо замѣчаетъ, что въ борьбѣ между Теодерихомъ и Одоакромъ, отъ рѣшенія которой зависѣла судьба Италіи, послѣдняя не принимаетъ никакого видимаго участія и равнодушно переходитъ отъ одного господина къ другому. Явленіе это объясняется, впрочемъ, очень просто. Ни Одоакръ, ни Теодерихъ не были завоевателями края въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Переворотъ 476 года совершился не вслѣдствіе нашествія варваровъ извнѣ, а вслѣдствіе возстанія германскихъ дружинъ, состоявшихъ въ службѣ Западной Имперіи. Паденіе этой имперіи имѣетъ неоспоримо-великое значеніе; имъ окончательно замыкается древняя исторія, съ него начинается переходное время Среднихъ вѣковъ; но на самомъ театрѣ событія, въ самой Италіи, оно менѣе обнаружило вліянія и менѣе было замѣчено, чѣмъ пришествіе Вестготовъ или Франковъ въ Галлію. Низложеніе Августула не изумило умовъ, привыкшихъ видѣть власть въ рукахъ германскихъ вождей, тѣмъ болѣе, что идея имперіи не погибала и нашла себѣ готоваго представителя въ Константинополѣ, гдѣ продолжалъ царствовать преемникъ Константина Великаго. Одоакру не приходило въ голову присвоить себѣ „вмѣстѣ съ властію" титулъ, недоступный для честолюбія варваровъ. На іерархической лѣстницѣ тогдашнихъ властей онъ не только не думалъ стать на одну ступень съ восточнымъ императоромъ, но даже считалъ себя его слугою. У Малха (стр. 93) находится любопыт-

ное извѣстіе о посольствѣ, которое отправилъ сверженный уже Августулъ къ цареградскому императору Зенону. Признавая, что для всѣхъ областей имперіи достаточно одной главы, Августулъ просилъ Зенона назначить его намѣстникомъ, а Одоакра — патриціемъ въ Италіи. Цѣль и смыслъ этого посольства разгадать не трудно. Оно было отправлено Одоакромъ для опредѣленія его отношеній къ восточному императору. Новый властитель Италіи просилъ у него имперской должности, чтобъ скрѣпить ею свое непрочное право на покорность Итальянцевъ. Слѣдовательно, центръ государственной жизни былъ перенесенъ въ другое мѣсто, но главная идея и учрежденія остались тѣ же. Одоакръ не предпринялъ никакихъ перемѣнъ въ найденныхъ имъ формахъ римскаго суда и управленія. Ощутительнѣе могло отозваться владычество германскаго вождя на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и на отношеніяхъ собственности. Но и въ этой сферѣ особенно-благопріятныя обстоятельства значительно смягчили для Итальянцевъ переходъ подъ новую власть.

Изъ книги г. Кудрявцева видно, что ему хорошо извѣстны изслѣдованія Гаупа о германскихъ поселеніяхъ на римской почвѣ. Къ сожалѣнію, онъ не вполнѣ воспользовался 16 и 29 главами этого сочиненія, въ которыхъ изложены существовавшія въ Римской имперіи съ конца IV столѣтія узаконенія о военномъ постоѣ и вліяніе, обнаруженное этими узаконеніями на судьбу занятыхъ впослѣдствіи Германцами провинцій. Желая устранить неудобства и затрудненія по этому предмету, императоры Аркадій и Гонорій закономъ 398 года установили, что всякій несвободный отъ постоя домъ долженъ быть раздѣленъ на три части. Хозяинъ имѣлъ право на выборъ первой части, вторую выбиралъ военный постоялецъ, третья оставалась за хозяиномъ. Законъ не говоритъ, кому изъ двухъ предоставлено было дѣлить домъ на участки, но опредѣляетъ особенными выраженіями права̀ и обязанности каждаго: на сторонѣ воина hospitale jus, на хозяинѣ лежитъ hospitalitatis munus. Взаимное ихъ отношеніе называется hospitalitas. Армія давно уже перестала набираться изъ туземнаго народонаселенія. Она состояла преимущественно изъ германскихъ наемныхъ дружинъ, понемногу свыкавшихся съ формами римскаго быта, особенно вслѣдствіе вышеприведенныхъ законовъ о военномъ постоѣ. Hospitalitas служила связью между варваромъ и уступавшимъ ему треть своего дома Римляниномъ. Послѣдній, превосходствомъ своей образованности и своихъ привычекъ, не могъ не имѣть вліянія на перваго. Таково было положеніе Одоакровыхъ дружинъ въ Италіи въ эпоху, когда наступилъ конецъ призрачному существованію Западной имперіи. Наслѣдникъ Ромула Августула отдалъ своимъ дружинникамъ треть римскихъ земель, то-есть предоставилъ имъ въ собственность тотъ участокъ дома, которымъ они пользовались въ качествѣ постояльцевъ, и велѣлъ приписать къ этому участку треть всѣхъ земель, принадлежавшихъ бывшему хозяину, освобожденному, въ замѣнъ этой уступки, отъ прежнихъ повинностей для продовольствія арміи. Эта сдѣлка, которой выгода для Германцевъ не требуетъ доказательствъ, не произвела, слѣдовательно, особенной перемѣны въ состояніи бывшихъ римскихъ подданныхъ.

Прибавивъ къ этому дешевизну земель въ Италіи — необходимое слѣдствіе уменьшившагося народонаселенія и постоянной тревоги, въ какой находились уцѣлѣвшіе жители — мы увидимъ, что раздѣлъ имуществъ не былъ такъ разорителенъ для Итальянцевъ, какъ съ виду кажется. Въ самыхъ лучшихъ частяхъ Апеннинскаго полуострова лежали огромныя пустоши. Слѣдовательно, дѣятельному Итальянцу не трудно было вознаградить себя за выдѣленную у него треть земли, тѣмъ болѣе, что правленіе Одоакра, сколько извѣстно изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, было вообще благотворно для истощеннаго края.

Одоакръ, какъ сказано выше, считалъ необходимымъ, для прочности своей власти, признаніе ея со стороны восточнаго императора. Онъ даже не принялъ королевскаго титула (хотя въ источникахъ онъ называется rex), который носили другіе германскіе начальники, овладѣвшіе отдѣльными римскими провинціями, и не чеканилъ собственной монеты; по крайней мѣрѣ до-сихъ-поръ не найдено ни одной монеты съ его изображеніемъ. Но такое, можетъ быть, невольное смиреніе предъ идеею имперіи не спасло его отъ нашествія Остготовъ. Разсказъ Іорнанда о причинахъ этого похода не сходенъ съ извѣстіями, которыя находятся у Прокопія; противорѣчіе этихъ лѣтописцевъ не мѣшаетъ, однако, понять, въ чемъ заключалось дѣло. Остготы находились тогда въ службѣ Восточной Имперіи. Зенонъ смотрѣлъ недовѣрчиво на ихъ молодаго и честолюбиваго вождя, который, въ свою очередь, тяготился своимъ служебнымъ отношеніемъ. Его манили недавніе примѣры Хлодвига и Одоакра. Неизвѣстно, чѣмъ именно навлекъ на себя Одоакръ гнѣвъ императора, но Зенонъ воспользовался случаемъ для достиженія двоякой цѣли и предложилъ Теодериху наказать непокорнаго патриція. Понятно, съ какою радостью принялъ вождь Остготовъ это порученіе: его желанія на этотъ разъ совпадали съ видами Зенона. Для полнаго уразумѣнія остготскаго періода итальянской исторіи не должно забывать, что Теодерихъ пришелъ въ будущее свое королевство имперскимъ полководцемъ, а не самостоятельнымъ государемъ. Паденіе Одоакра было, разумѣется, весьма чувствительно для его дружины, но отнюдь не для Итальянцевъ, которыхъ положеніе осталось совершенно то же. Теодерихъ держался тѣхъ самыхъ правилъ, которыя мы замѣтили у его предшественника. Онъ раздалъ своимъ Готамъ *трети*, отнятыя у Одоакровыхъ Германцевъ, и на условіяхъ, еще болѣе выгодныхъ для туземнаго населенія, ибо Готы платили наравнѣ съ другими налоги, отъ которыхъ, кажется, были освобождены воины Одоакра. При новомъ распредѣленіи третей, предпринятомъ по приказанію Теодериха, главную роль игралъ Римлянинъ Либерій, человѣкъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, „соединившій (по словамъ Кассіодора) сердца и владѣнія обоихъ народовъ (Var. II, 16). Есть другія свидѣтельства, показывающія, что Итальянцы ничего не потеряли, или по крайней мѣрѣ потеряли весьма мало, вслѣдствіе пришествія Остготовъ. Византіецъ Прокопій говоритъ, что Теодерихъ, занявъ Италію, не нанесъ никакого никому вреда: „только Готы раздѣлили между собою часть полей, уступленную Одоакромъ своимъ приверженцамъ“ (De bello Gothico I, 1). Эннодій,

епископъ города Павіи, въ письмѣ къ названному нами выше Либерію говоритъ, что „онъ снабдилъ многочисленныя толпы Готовъ обширными землями незамѣтнымъ для Римлянъ образомъ, безъ всякаго ущерба для покореннаго племени“ (et nulla senserunt damna superati. Ennod. Ep. IX, 23). Такъ какъ число Готовъ, пришедшихъ съ Теодерихомъ, по всей вѣроятности, превышало число побѣжденныхъ ими Геруловъ и другихъ Германцевъ, то можно предположить, что они заселили, сверхъ отведенныхъ имъ, на основаніи Римскихъ законовъ о военномъ постоѣ, третей, тѣ огромныя пустоши, которыми была такъ богата тогдашняя Италія. Умѣренности, показанной въ этомъ случаѣ Теодерихомъ, нельзя объяснить его личнымъ характеромъ: онъ дѣйствовалъ въ римскомъ духѣ, какъ римскій сановникъ, чему легко найти доказательства, не вдаваясь въ такія крайности, какъ Глёденъ (von Glöden, Das Röm. Recht im Ostgoth. Reiche), отрицающій въ сущности самостоятельность Остготскаго государства. Въ сношеніяхъ своихъ съ Восточною Имперіей Теодерихъ является настоящимъ государемъ, что ясно видно изъ словъ Прокопія (I, 1) и вообще изъ всей исторіи той эпохи. Но въ дѣлахъ внутренняго управленія Теодерихъ не отступалъ отъ римскихъ преданій, и его царствованіе въ Италіи составляетъ, можно сказать, продолженіе римскаго періода, а не начало новаго времени. Отличіе Остготскаго королевства отъ другихъ, основанныхъ варварами на имперской почвѣ, заключается именно въ томъ, что Теодерихъ, при самомъ началѣ своего правленія, сталъ выше исключительно національнаго направленія и имѣлъ въ виду цѣльное государство, а не народъ готскій. Это отличіе замѣтилъ еще Монтескьё и выразилъ его слѣдующимъ образомъ: „Я покажу когда-нибудь въ особенномъ сочиненіи, что Остготская Монархія совершенно отличалась отъ другихъ монархій, основанныхъ въ то же время варварами, и что не только нельзя сказать, что такая-то вещь была въ употребленіи у Франковъ, потому-что мы находимъ ее у Остготовъ, но наоборотъ, есть справедливыя причины думать, что дѣлавшееся у Остготовъ не могло дѣлаться у Франковъ“ (Духъ Законовъ, кн. XXX, 12). Великій писатель, къ сожалѣнію, не исполнилъ своего намѣренія, но мысль его болѣе и болѣе подтверждается новыми изслѣдованіями. Въ этомъ отношеніи для исторіи все равно, самъ ли Теодерихъ пришелъ къ убѣжденіямъ, выразившимся въ его политической системѣ, или они были ему подсказаны и внушены окружавшими его лицами.

Мы нарочно указали на нѣкоторыя подробности, опущенныя г. Кудрявцевымъ, потому-что онъ также относитъ остготскій періодъ къ проходившему, а не къ зачинавшемуся порядку вещей. Впрочемъ, авторъ „Судебъ Италіи“ превосходно опредѣлилъ историческій подвигъ Теодериха и характеръ аріанства. „Дѣло Теодериха очевидно клонилось къ тому, чтобы изъ него выработалось наконецъ возобновленное римское государство съ римскимъ правомъ и римскими учрежденіями, можетъ быть не безъ нѣкоторой примѣси готскихъ понятій и обычаевъ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ стараго римскаго начала. Но для того ли происходила вся эта многотрудная работа вѣковъ, работа разложенія и новаго созиданія, чтобы на старомъ базисѣ

мы снова увидѣли и старое зданіе, переложенное въ томъ же стилѣ и съ тѣми же недостатками? Не къ такимъ убогимъ цѣлямъ направлялись историческія судьбы новой Италіи. Еще цѣлый рядъ новыхъ завоеваній, одно другое смѣняющихъ, угрожалъ ей впереди: какъ бы въ возмездіе за старую политику Рима, которая, не зная усталости, переносила власть свою отъ одного народа на другой, Италіи тоже суждено было впродолженіе очень длиннаго періода переходить изъ одиѣхъ рукъ въ другія. Но среди самаго плѣна, изъ противодѣйствія враждебнымъ элементамъ, зараждались уже индивидуальныя черты новой Италіи, возникали и новые интересы, которые вовсе не существовали для древняго Рима. Какъ ни благородны были намѣренія Теодериха, какъ ни постояненъ былъ онъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей,—зданіе имъ сооружаемое не носило въ себѣ никакого залога прочности: онъ преслѣдовалъ мечту, которая не могла осуществиться. Все благодушіе Готовъ, съ которымъ они, повидимому по крайней мѣрѣ, подчинялись видамъ своего короля, вся безотвѣтность Римлянъ, которые должны были принять съ благодарностью новый порядокъ вещей, ни къ чему не служили тамъ, гдѣ между двумя народами проходило глубокое внутреннее раздѣленіе. Отнюдь не всѣ вопросы рѣшались на политической аренѣ: наоборотъ, сознаніе политическое подчинялось во многихъ случаяхъ сознанію религіозному. Это было необходимое слѣдствіе того великаго переворота, который незадолго передъ тѣмъ совершился въ человѣческомъ сознаніи вообще. Мысль религіозная составляла въ то время высшій интересъ человѣчества, покрывавшій собою всѣ другіе: она соединяла людей разноплеменныхъ, раздѣляла кровныхъ. Напрасны были всѣ усилія короля Готовъ соединить Римлянъ и Готовъ политически: они сошлись уже раздѣленные своими религіозными убѣжденіями. Готы были аріане, Римляне — католики“ (стр. 34—36).

Усилія Теодериха слить Готовъ и Римлянъ въ одинъ народъ оказались безполезными. Замѣчательный эдиктъ, или, лучше сказать, эдикты 500 года остались памятникомъ этихъ неудачныхъ стремленій. Интересы государственные должны были уступить мѣсто религіознымъ. Здѣсь надобно замѣтить, что православное духовенство, которому, въ эпоху распаденія имперіи, досталось трудное и славное посредничество между туземнымъ населеніемъ и варварами, не противилось основанію Германской Монархіи. Превосходя образованіемъ и умственною дѣятельностью всѣ другіе классы римскаго общества, оно глубоко понимало невозможность спасти ветхую имперію и смотрѣло на нашествіе варваровъ, какъ на неизбѣжный выводъ предыдущей исторіи. Эти событія являлись ему заслуженною казнью за грѣхи язычества, еще не совсѣмъ умершаго въ государствѣ Константина и Ѳеодосія. Но, склоняясь предъ мірскою властью германскихъ вождей, православные епископы считали себя по праву духовными вождями своей паствы и не только отдѣляли вопросъ политическій отъ религіознаго, но даже подчиняли первый второму. Пока на Византійскомъ престолѣ сидѣлъ защитникъ ересей Анастасій, Теодерихъ царствовалъ спокойно; но, когда Анастасія смѣнилъ благочестивый Юстинъ, обстоятельства перемѣнились. Между Римомъ и Цареградомъ тот-

часъ начались сношенія, къ которымъ не могъ быть равнодушенъ остготскій король. Дѣло шло о судьбѣ его династіи, его народа. Трудно сказать, какое участіе принималъ въ этихъ отношеніяхъ римскій сенатъ, который имѣлъ причины дорожить Теодерихомъ. Римскую партію могла тревожить только невѣрная будущность при преемникахъ короля, уже приближавшагося къ старости. Какъ бы то ни было, обвинительные акты, на основаніи которыхъ были приговорены къ смерти Альбинъ, Боэцій и Симмахъ, не дошли до насъ, и мы не въ правѣ произнести окончательный приговоръ надъ Теодерихомъ. Г. Кудрявцевъ отступилъ въ этомъ случаѣ отъ своей привычки—самостоятельнаго изслѣдованія и повторилъ обвиненія, истину которыхъ доказать невозможно. Кассіодоръ былъ также преданъ Италіи, но онъ сохранилъ даже по смерти Теодериха свое положеніе и вліяніе въ государствѣ Остготовъ.

Зло, съ которымъ началъ борьбу Теодерихъ въ послѣдніе годы своего царствованія, выступило вполнѣ наружу только при его преемникѣ. Разнородные элементы стали каждый порознь и отреклись отъ неестественнаго союза. Этотъ разрывъ отозвался даже во дворцѣ остготскихъ королей: дочь Теодериха, правительница Амалазунта, стала во главѣ римской партіи. Готы окружили малолѣтняго короля Аталариха и старались устранить отъ него римское вліяніе. Они надѣялись воспитать въ немъ чисто германскаго вождя, представителя интересовъ племени, которому казалась недостаточною доля богатства и власти, данная ему Теодерихомъ въ занятой съ боя землѣ. Результаты этого спора извѣстны. Мы не послѣдуемъ за г. Кудрявцевымъ въ изложеніи послѣднихъ судебъ Остготскаго Государства, но позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на этотъ отдѣлъ его изслѣдованія. Говоря о возраставшей ненависти между Готами и Итальянцами, авторъ долженъ бы былъ упомянуть объ удаленіи Кассіодора отъ дѣлъ въ 538 году. Это важно не для біографіи Кассіодора, а потому, что показываетъ окончательный перевѣсъ германскаго начала надъ римскимъ. Либерій, о которомъ было сказано выше, вѣрный слуга Теодериха, не только послѣдовалъ примѣру Кассіодора, но является во время войны въ числѣ полководцевъ Юстиніана. Готы бьются одни и знаютъ, что дѣло идетъ о ихъ конечномъ истребленіи. Отсюда жестокій характеръ борьбы.

Юстиніанъ одолѣлъ, благодаря искусству своихъ полководцевъ и трудностямъ, съ которыми Готы должны были бороться среди населенія, имъ враждебнаго, смотрѣвшаго на составленныя изъ такихъ же или болѣе грубыхъ, чѣмъ Готы, варваровъ войска имперіи, какъ на своихъ избавителей. Италія снова вошла въ число имперскихъ областей,—но какая Италія? Отъ сѣверныхъ границъ до Мессинскаго пролива прошелъ мечъ - истребитель. Около двѣнадцати лѣтъ продолжалась ожесточенная война, которую вели, какъ сказано, ополченія равно чуждыя Италіи. Съ обѣихъ сторонъ стояли варвары, не щадившіе прекраснаго, преданнаго ихъ произволу края. Города безпрестанно переходили изъ рукъ въ руки и при каждой перемѣнѣ терпѣли новыя бѣдствія. При взятіи Рима Тотилою въ 546 году, въ вѣчномъ городѣ, по словамъ Прокопія, оставалось не болѣе 500 человѣкъ жителей, изъ низшихъ сословій; остальные разбѣжались или умерли съ голода (De bel. Goth.

III. 20). Въ одномъ Пиценумѣ (то-есть маркѣ Анконской) убыль населенія въ четвертый годъ войны ужъ достигла до 50 человѣкъ. По смерти послѣдняго готскаго короля Тейя, ворвались въ несчастную Италію дружины хищныхъ Франковъ и Аллемановъ и прошли отъ сѣвернаго до южнаго конца вдоль береговъ Адріатическаго и Тирренскаго морей, разоряя и губя все уцѣлѣвшее отъ прежнихъ разореній. Къ бѣдствіямъ войны присоединилась моровая язва, почти не прекращавшаяся въ продолженіе многихъ лѣтъ. Если принять въ основаніе вычисленіе Прокопія, очевидно преувеличенное, то въ Италіи не могло остаться жителей, какъ справедливо замѣчаетъ Гиббонъ (гл. 48). Но, оставляя въ сторонѣ эти преувеличенія, можно составить себѣ понятіе объ упадкѣ населенія, испытаннаго такими несчастіями.

Въ 554 году Юстиніанъ издалъ прагматическую санкцію, которою ввелъ въ Италіи постановленія, состоявшіяся въ Восточной Имперіи съ 476 года. Очевидно, что ожиданія партіи, столь ревностно помогавшей Юстиніану противъ Остготовъ, не сбылись, что она считала себя въ правѣ жаловаться на обманутыя надежды. „Ужь лучше бы намъ повиноваться Готамъ, чѣмъ Грекамъ“, говорили римскіе послы Юстиніану II и грозили добровольнымъ призваніемъ новыхъ варваровъ. Но въ Италіи было, однако, сословіе, которое смотрѣло на побѣды Велизарія и Нарцесса, какъ на свои собственныя, и могло оказать сильное содѣйствіе Византійскому правительству въ его отношеніяхъ къ отнятому у Готовъ краю.

„Католическое духовенство (говоритъ г. Кудрявцевъ) питало особенно-враждебное чувство къ готскому аріанизму и всего болѣе содѣйствовало къ тому, чтобы тѣснѣе связать виды Италіи съ интересами имперіи. Выгоды, которыя оно пріобрѣтало вслѣдствіе измѣненнаго порядка вещей, носили на себѣ также чисто-политическій характеръ. Уступая силѣ обстоятельствъ и духу времени, имперія вообще въ послѣднее время должна была предоставить духовенству, епископамъ въ особенности, гораздо больше дѣйствительнаго вліянія на мѣстное, всего болѣе городовое управленіе, нежели сколько это могло лежать въ ея видахъ. Почетное сословіе городскихъ владѣльцевъ, куріаловъ, изгибало, теряло всякій вѣсъ и значеніе; новая духовная аристократія становилась на его мѣсто, все болѣе и болѣе выдвигаясь впередъ своимъ высокимъ характеромъ, своимъ вліяніемъ на дѣла. Правительство только узаконивало то̀, что̀ уже вошло въ порядокъ вещей. Уступки, дѣлаемыя новеллами епископскому авторитету, почти заставляютъ забывать, что дѣло идетъ объ отношеніяхъ внутри самой имперіи. Не довольно того, что въ городѣ епископъ управлялъ выборомъ столько важныхъ городскихъ чиновниковъ, какъ defensor и pater civitatis (quinquennalis): ему еще предоставлялось право надзора за ними во все время ихъ общественной дѣятельности; онъ наблюдалъ за употребленіемъ городскихъ доходовъ, и отъ тѣхъ, которые распоряжались ими, могъ требовать себѣ ежегоднаго отчета. Но законное вліяніе и контроль епископовъ простирались еще далѣе: отъ нихъ же главнымъ образомъ зависѣли выборы тѣхъ гражданскихъ начальниковъ, которые, подъ именемъ судей, judices, поставлялись надъ цѣлою областью. Наконецъ, епископъ уполномочивался, по своему усмотрѣнію, вмѣшиваться

въ самыя отправленія служебныхъ обязанностей, которыя лежали на этихъ областныхъ судьяхъ, заступать иногда ихъ мѣсто и въ важныхъ случаяхъ представлять на нихъ жалобы самому императору. Не забудемъ притомъ, что епископъ, какъ духовный пастырь, имѣлъ еще право общаго надзора за нравами, право, котораго нисколько не думало оспоривать у него гражданское законодательство.

„Съ такимъ духовнымъ и гражданскимъ полномочіемъ, какого высокаго политическаго значенія не могло обѣщать себѣ католическое духовенство въ Италіи? Въ Римѣ особенно, гдѣ глава его былъ главнымъ двигателемъ политическихъ интересовъ, гдѣ, наконецъ, въ его рукахъ сосредоточивалось все управленіе обширными патримоніями римской церкви и все вліяніе, необходимо соединенное съ этимъ управленіемъ?"

Въ самомъ дѣлѣ, значеніе Римскаго епископа выросло впродолженіе остготскаго періода до огромныхъ, хотя не опредѣленныхъ современниками размѣровъ. Юстиніанъ не понялъ этого явленія. Свидѣтельствомъ служитъ, съ одной стороны, дѣло папы Вигилія, прекрасно объясненное г. Кудрявцевымъ, съ другой—назначеніе Равенны мѣстомъ пребыванія экзарху. Мы покажемъ во второй статьѣ, какъ отозвались эти ошибки въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ итальянской исторіи.

Статья вторая *).

Въ первой статьѣ мы показали, какъ мало выиграла Италія при обмѣнѣ остготскаго владычества на Византійское. Надобно, впрочемъ, согласиться, что завоеванія Нарцесса также ничего не прибавили къ дѣйствительнымъ силамъ имперіи. Бѣдная народонаселеніемъ, разоренная войною, Италія не только не могла давать ни людей, ни денегъ, но еще требовала значительныхъ издержекъ отъ Константинопольскаго правительства. Изгнаніе Остготовъ изъ Италіи было важно для Юстиніана, который, думая о возстановленіи имперіи въ прежнихъ предѣлахъ, успѣлъ овладѣть Африкою и частью приморскихъ городовъ Испаніи. Но послѣдующіе императоры, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ и увеличившихся трудностей своего положенія, должны были отказаться отъ великаго плана ихъ предшественника. Занятые другими, ближайшими заботами, они не могли въ такой степени, какъ Юстиніанъ, дорожить своими владѣніями на Апеннинскомъ полуостровѣ, особенно, когда владѣнія эти подверглись нападенію новаго врага, борьба съ которымъ потребовала обременительныхъ для имперіи усилій. „Силы варварскаго міра были неистощимы (говоритъ нашъ авторъ). Готы были лишь передовой его народъ, которому судьба назначила незавидную роль—первому вступить цѣлою массою на старую римскую почву, чтобъ тамъ найти себѣ преждевременную могилу. Самое это истребленіе Готовъ открывало пустоту въ передовыхъ рядахъ варварскихъ народовъ и приглашало тѣхъ, которые слѣдовали за ними въ ближайшемъ разстояніи, занять ихъ упразднившіяся

*) Напечатана въ „Отечеств. Записк.", 1851 г., т. LXXVI, № 6.

мѣста. Всего менѣе должно представлять варварскіе народы изолированными, разъединенными одинъ отъ другаго. Даже когда одному изъ нихъ удавалось завоеваніе на римской почвѣ, онъ не переставалъ быть въ частыхъ сношеніяхъ съ другими своими соотечественниками, даже съ тѣми, которые еще лежали въ глубинѣ Германіи. Дитрихъ, или Теодерихъ — было народное имя не у однихъ только Готовъ: его славили и другіе германскіе народы, къ нему слали посольства Гепиды, Лангобарды, Аллеманы; его дружбы, его покровительства заискивали многіе германскіе шефы. Все, что̀ дѣлалось внутри предѣловъ готскаго владычества, передавалось потомъ молвою въ отдаленные края Германіи. Паденіе Готовъ, народа столько доблестнаго, должно было произвести тяжелое впечатлѣніе на многихъ; но оно же должно было осмѣлить ближайшихъ ихъ сосѣдей на новое нападеніе на Италію. Римская земля была въ глазахъ варваровъ родъ общаго наслѣдства, которое преемственно переходило отъ одного изъ нихъ къ другому".

Новые Германскіе пришельцы, посѣтившіе Италію чрезъ 16-ть лѣтъ послѣ паденія Остготскаго Государства, были Лангобарды. Г. Кудрявцевъ излагаетъ вкратцѣ судьбы этого народа до Альбоина; но намъ кажется, что онъ недостаточно оцѣнилъ характеръ лѣтописца, которому мы обязаны главными свѣдѣніями о Лангобардахъ. Сочиненіе Павла Діакона, сына Варнефридова, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ памятниковъ средневѣковой литературы не потому только, что содержитъ въ себѣ богатый запасъ поэтическихъ преданій и разсказовъ, заимствованныхъ лѣтописцемъ прямо изъ устъ народа. Оно отличается существенно отъ однородныхъ твореній Григорія Турскаго и Беды Достопочтеннаго. У обоихъ послѣднихъ церковь стоитъ на первомъ планѣ, что̀ видно изъ самаго заглавія ихъ сочиненій. Въ „Historia ecclesiastica Francorum" и въ „Historia ecclesiastica gentis Anglorum" равно господствуетъ религіозное воззрѣніе, и всѣ прочія событія служатъ какъ-бы подножіемъ одному великому явленію, именно распространенію и укрѣпленію христіанства между Франками и Англо-Саксами. Въ личномъ благочестіи Павла Діакона нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться; однако лѣтопись его не безъ причины носитъ простое названіе: De gestis Longobardorum. Изъ нея не исключены факты церковной исторіи; напротивъ, авторъ излагаетъ ихъ съ очевидною вѣрою и благоговѣніемъ, но не даетъ имъ того господствующаго надъ остальными сторонами народной жизни значенія, какое видимъ у Григорія Турскаго и у Беды. Лангобардскому историку нельзя было разсматривать судьбу своего племени съ той же точки, съ какой смотрѣли на свое прошедшее Франкъ или Англо-Саксъ. Будучи монахомъ въ Монтекассино, Павелъ носилъ въ сердцѣ своемъ скорбь патріота и не могъ забыть участія, принятаго римскимъ дворомъ въ паденіи Лангобардскаго Государства. Онъ понималъ, что отношеніе западной церкви къ его отечеству было не такое, какъ въ Галліи или Британіи. Вообще надобно сказать, что трудъ Варнефридова сына не былъ еще подверженъ надлежащей критикѣ. Давно обѣщанныя изслѣдованія Бетмана до сихъ поръ не изданы. Краткое извлеченіе изъ этихъ изслѣдованій, помѣщенное въ IV томѣ „Собранія Лѣтописей", которыя, подъ особеннымъ покровительствомъ прусскаго короля.

выходятъ теперь въ нѣмецкомъ переводѣ (Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung), ускользнуло, повидимому, отъ вниманія ученаго автора разбираемой нами книги.

Извѣстіе о призваніи Лангобардовъ удаленнымъ отъ должностей Нарцессомъ возникло въ Италіи, подъ вліяніемъ мѣстныхъ ненавистей, которыя навлекъ на себя строгій экзархъ. Греческіе историки не говорятъ ничего объ его измѣнѣ; но народъ сложилъ на него вину своихъ новыхъ бѣдствій. Какъ будто Лангобардамъ нужно было особое приглашеніе! Путь въ Италію имъ былъ давно знакомъ. Многочисленные наемники изъ этого народа служили въ войскахъ Велизарія и Нарцесса. Въ 552 году Нарцессъ счелъ нужнымъ выслать изъ ввѣренныхъ ему областей часть лангобардскихъ наемниковъ за грабежи. Паденіе Теодерихова государства не могло, какъ замѣтилъ г. Кудрявцевъ, не отозваться далеко за Альпы и должно было возбудить въ тогдашнихъ германскихъ вождяхъ охоту взяться снова за дѣло, не удавшееся Одоакру и Теодериху. Альбоинъ не уступалъ имъ въ смѣлости и предпріимчивости. Въ 568 году Лангобарды пришли въ Италію, а въ 571 государство ихъ уже было готово, по крайней мѣрѣ снаружи; о внутренней организаціи, разумѣется, еще не могло быть рѣчи.

Третье Германское государство, такимъ образомъ возникшее на итальянской почвѣ, не походило на два ему предшествовавшія. Владѣнія Одоакра и Теодериха занимали не только весь Апеннинскій полуостровъ, но простирались даже далѣе. Лангобардскія завоеванія шли, постепенно съуживаясь, до Калабріи и Апуліи, опираясь, какъ на широкое основаніе, на равнину средняго По. Здѣсь легли главныя массы ихъ народнаго ополченія. По обѣимъ сторонамъ этой полосы тянулись вдоль морскихъ береговъ области восточнаго императора. Въ Равеннѣ жилъ по прежнему его экзархъ. Въ Римѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ начальствовали Византійскіе сановники, подчиненные однако власти того же экзарха. Лангобарды, разрѣзавъ на-двое владѣнія имперіи, затруднили до крайности сношенія между отдѣльными частями и тѣмъ ослабили административную и политическую связь этихъ частей. Зато Лангобарды были почти на всѣхъ пунктахъ отрѣзаны отъ моря, которое осталось за Византійцами. Эти географическія условія, важность которыхъ легко усмотрѣть при бѣгломъ взглядѣ на карту Италіи, прекрасно раскрыты нашимъ авторомъ на стр. 121—124 его сочиненія. Скорая смерть первыхъ вождей лангобардскихъ, Албоина и Клефа, и послѣдовавшее затѣмъ владычество тридцати-пяти герцоговъ помѣшало завоевателямъ полуострова овладѣть имъ вполнѣ. Отсюда развивается цѣлый рядъ фактовъ, опредѣлившихъ не одну политическую судьбу Италіи, но и самый нравственный характеръ ея населенія.

Албоинъ привелъ съ собою не народъ, а собранную изъ разныхъ племенъ рать. Кромѣ Лангобардовъ, составлявшихъ большинство, за нимъ шли Саксы, Гепиды, Булгары, Сарматы и т. д. Этихъ дружинъ нельзя сравнивать ни съ Германцами Одоакра, которые еще до 476 года стояли постоемъ въ Италіи, ни съ Остготами, которые также находились въ имперской службѣ и имѣли время познакомиться съ обычаями образованнаго міра. Ланго-

барды явились прямо изъ степей Венгріи не только завоевателями въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но завоевателями грубыми и жестокими, настоящими варварами. На нихъ еще лежала вся дикость первобытныхъ германскихъ нравовъ, и они дали ее сильно почувствовать несчастной странѣ, въ которой на два вѣка разбили свой лагерь. Ихъ государство сохранило впродолженіе своего существованія не только военный характеръ, общій ему съ другими государствами, возникшими около того же времени и при сходныхъ условіяхъ, но и враждебное отношеніе къ побѣжденнымъ, какое едва-ли найдемъ гдѣ-либо, кромѣ развѣ вандальской Африки. Презрѣніе Лангобардовъ къ римскому племени пережило даже ихъ собственную политическую независимость. Доказательствомъ могутъ служить слова, сказанныя посломъ Оттона Великаго, Кремонскимъ епископомъ Ліутпрандомъ, цареградскому императору Никифору Фокѣ: „Лангобарды, и вообще Германцы, въ минуту гнѣва, не иначе поносятъ враговъ своихъ, какъ оскорбительнымъ именемъ Римлянъ“ (Legatio, 12).

Причинъ къ взаимной ненависти между побѣдителями и побѣжденными было, впрочемъ, довольно. Мы знаемъ, какое вліяніе имѣлъ аріанизмъ на судьбу Остготовъ. Терпимость Теодериха, его высокое уваженіе къ римскимъ формамъ и идеямъ не примирили съ нимъ его католическихъ подданныхъ. Ересь лежала роковою чертою между Готами и Итальянцами и дѣлала невозможнымъ ихъ сліяніе въ новую національность, о которой мечталъ Одоакровъ побѣдитель. Лангобарды и ихъ союзники пришли въ Италію частію аріанами, частію язычниками. Но во главѣ ихъ не было Теодериха, и въ совѣтѣ ихъ начальниковъ не было Кассіодора. Религіознымъ ненавистямъ открылось свободное поприще. Г. Кудрявцевъ говоритъ (стр. 128), что Лангобардовъ нельзя обвинить въ религіозной пропагандѣ. Это справедливо, но они убивали иновѣрцевъ, не думая о передачѣ имъ собственныхъ вѣрованій. Мы приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, подтверждающихъ сказанное нами. Лангобарды умертвили сорокъ поселянъ, отказавшихся ѣсть посвященное идоламъ мясо (Greg. Dial., cap. 27). Такой же участи подверглись многочисленные плѣнники, не хотѣвшіе поклониться какой-то козьей головѣ (id., cap. 28). Православные жители Бресчіи должны были скрываться въ лѣсахъ отъ гоненій, поднятыхъ на нихъ аріанами (Vita St. Honorii. Bolland. 24 апрѣля). Чрезъ семь лѣтъ по прибытіи своемъ въ Италію, Лангобарды еще разоряли церкви и предавали смерти священниковъ, по словамъ Павла Діакона. Замѣчательно, что у нихъ почти вовсе нѣтъ легендъ и другихъ сказаній о житіи св. мужей и мучениковъ, которыхъ такъ много находимъ у другихъ народовъ, поселившихся на римской почвѣ. О Вандалахъ, разумѣется, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Св. Барбацій Беневентскій стоитъ одиноко между своими соплеменниками; но должно прибавить, что его слава распространилась уже послѣ паденія Лангобардскаго Королевства. Дѣятельность св. Барбація принадлежитъ второй половинѣ VII вѣка. Изъ житія его видно, что языческіе обряды тогда еще не вышли изъ употребленія у Лангобардовъ, хотя цѣлое столѣтіе прошло съ переселенія ихъ въ Италію, и большинство народа уже обратилось къ католицизму.

Особенно жестокое гоненіе на знатныхъ и богатыхъ Римлянъ началось, повидимому, при преемникѣ Албоина, Клефѣ. Многіе изъ нихъ были убиты, многіе принуждены искать спасенія въ бѣгствѣ (Paul. Diac. II. 31). Но у Павла находимъ еще два болѣе важныя свидѣтельства объ участи, постигшей населеніе областей, занятыхъ его соотечественниками въ первую эпоху завоеванія. Приводимъ эти мѣста, отъ различнаго пониманія которыхъ произошли два совершенно различныя воззрѣнія на положеніе Итальянцевъ въ Лангобардскомъ королевствѣ. „Въ то время (подъ владычествомъ герцоговъ) многіе благородные Римляне погибли отъ корыстолюбія (побѣдителей); прочіе же были такъ распредѣлены между врагами (hostes, но, по нѣкоторымъ рукописямъ, hospites—постояльцы), что сдѣлались ихъ данниками и стали платить Лангобардамъ третью часть своихъ произведеній" (II, 32). По возстановленіи королевской власти, при Автари, сынѣ Клефа, герцоги уступили королю половину своихъ имѣній, „но народъ былъ раздѣленъ между лангобардскими постояльцами" (populi tamen aggravati per Langobardos hospites partiuntur: III, 16). Ка́къ объяснить послѣднее извѣстіе? Повторилъ ли Павелъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ сказанное имъ выше объ обложеніи римской собственности данью въ пользу побѣдителей, или рѣчь идетъ о новомъ выдѣлѣ, о конечномъ разореніи прежнихъ владѣльцевъ? Почти всѣ итальянскіе изслѣдователи и между нѣмецкими историками Лео полагаютъ, что свободное туземное населеніе въ лангобардскихъ владѣніяхъ было частію истреблено, частію обращено въ сословіе, лишенное политическихъ правъ. Римской собственности, при такихъ условіяхъ, не могло остаться и слѣдовъ. Савиньи защищаетъ противоположное мнѣніе. Онъ утверждаетъ, что Лангобарды довольствовались сборомъ третьей части доходовъ съ оставленныхъ ими туземцамъ имуществъ и обширными пустошами, о которыхъ мы упоминали по поводу остготскаго дѣлежа земель. Г. Кудрявцевъ сталъ на сторонѣ итальянскихъ ученыхъ и принимаетъ всѣ результаты системы, развитой ими не безъ патріотическаго преувеличенія и пристрастія. Сказавъ объ обложеніи прежнихъ владѣльцевъ данью, которая равнялась трети ихъ доходовъ, онъ объясняетъ, по слѣдамъ Капеи, второе извѣстіе Павла Діакона такимъ образомъ: подѣлившіеся своими помѣстьями съ новымъ королемъ герцоги вознаградили себя на счетъ побѣжденнаго племени, потерявшаго при этомъ случаѣ половину своей, обремененной налогами, но еще оставшейся за нимъ собственности. Мы не будемъ оспаривать справедливости этого толкованія, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ; но позволимъ себѣ замѣтить, что нашъ авторъ слишкомъ скоро и легко рѣшаетъ вопросъ, едва-ли разрѣшимый при настоящихъ источникахъ. Ему слѣдовало бы обратить бо́льшее вниманіе на то, что говоритъ Павелъ Діаконъ въ той же главѣ о дивномъ времени короля Автари, „когда въ государствѣ Лангобардовъ не было никакихъ насилій и никакихъ казней; никто не принуждалъ другихъ къ незаконнымъ повинностямъ и никто не грабилъ". Трудно допустить такую тишину и такой порядокъ въ странѣ, только-что испытавшей огромный, затронувшій всѣ частные интересы переворотъ въ отношеніи собственности. Самая послѣдовательность, въ которой

событія представляются г. Кудрявцеву, неправдоподобна. Намъ кажется гораздо вѣрнѣе мысль, высказанная шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ геніальнымъ Шпитлеромъ (Spittler). По его мнѣнію, Лангобарды въ первой порѣ своихъ завоеваній въ Италіи брали какія хотѣли земли, такъ какъ они грабили и убивали Римлянъ безъ дальнѣйшихъ соображеній, опираясь на одно право недавней побѣды. Но когда образовалось, наконецъ, на завоеванной почвѣ настоящее государство (слѣдовательно, не ранѣе Автари), уцѣлѣвшіе и сохранившіе часть своего имущества Итальянцы были обложены правильными и постоянными налогами. Что касается до дальнѣйшаго существованія римской собственности въ лангобардскихъ владѣніяхъ, то доказательства, приведенныя Савиньи въ защиту этого факта, до сихъ поръ не опровергнуты. Чрезъ сто лѣтъ послѣ Албоина, король Гримоальдъ, въ гнѣвѣ на римскихъ жителей Одерцо (въ маркѣ Тревизской), разорилъ ихъ городъ и отнялъ у нихъ ихъ земли (Paul Diacon. V, 28). Если бъ эти провинившіеся предъ Гримоальдомъ Римляне не имѣли своей собственности и были только колонами, или вообще податными людьми Лангобардовъ, то наказаніе пало бы на нихъ лично, а не на домы и поля ихъ. Жестокое обращеніе Лангобардовъ съ побѣжденными не подлежитъ сомнѣнію; но итальянскіе историки и ихъ послѣдователи зашли слишкомъ далеко, отрицая на всемъ пространствѣ лангобардскихъ владѣній существованіе свободныхъ, жившихъ въ своихъ домахъ и на своей землѣ туземцевъ.

Первый памятникъ лангобардскаго законодательства въ Италіи—эдиктъ короля Ротари, явился въ 643 году, слѣдовательно, черезъ семьдесятъ-два года послѣ смерти Албоина. Такой поздній переходъ отъ обычнаго, возникшаго при совсѣмъ другихъ политическихъ условіяхъ права къ писаннымъ законамъ достаточно обличаетъ государственный бытъ Лангобардовъ. Они сохраняли характеръ дружинъ, старались о расширеніи своихъ владѣній и, довольствуясь совершенною покорностью подвластнаго имъ племени, не заботились о точномъ опредѣленіи юридическихъ отношеній между этимъ племенемъ и собою. Законы короля Ротари подтверждаютъ сказанное нами.

„Ни въ одномъ изъ законодательствъ, изданныхъ Германцами на римской почвѣ, не сохранилось оно въ такой чистотѣ, какъ въ эдиктѣ; нигдѣ не потерпѣло оно такъ мало отъ соприкосновенія съ римскимъ правомъ. Самое названіе Римлянина встрѣчается въ эдиктѣ только одинъ разъ — говоря точнѣе, названіе Римлянки—и то какъ будто лишь для того, чтобъ выразить все презрѣніе законодателя къ этой униженной національности (Римлянка поставлена ниже рабыни). Здѣсь найдете вы узаконеніе этой грубой нравственности первоначальнаго германскаго быта, по которой мужъ имѣлъ полное право убить жену за нарушеніе вѣрности, и отецъ свободной женщины — совершить ту же казнь надъ рабомъ, который имѣлъ бы дерзость вступить въ брачныя отношенія съ его дочерью. Здѣсь же найдете узаконенною самую высокую таксу денежнаго штрафа (900 солидовъ), хотя бы за ничтожное оскорбленіе свободной Лангобардки, и рядомъ—самую низкую (3 солида) за побои, нанесенные женщинѣ беременной, но несвободной, хотя бы оттого зависѣла участь самаго рожденія. Передъ нами, въ немногихъ

примѣрахъ, вся первоначальная грубость лангобардскихъ нравовъ, вмѣстѣ съ надменною исключительностью ихъ старыхъ свободныхъ родовъ! Формы суда чисто-германскія. Судебный приговоръ произносится не иначе, какъ на основаніи клятвеннаго показанія 12-ти присяжниковъ, въ числѣ которыхъ находится и самъ обвиненный. Въ случаѣ несогласія показаній, хотя бы обвиненный одинъ былъ противъ соприсяжниковъ, дѣло рѣшается Судомъ Божіимъ, обыкновенно судебнымъ поединкомъ. Впрочемъ, полное развитіе этого учрежденія принадлежитъ уже позднѣйшимъ временамъ.

Итакъ, эдиктъ былъ выраженіемъ права исключительно лангобардскаго, въ томъ смыслѣ, что въ основаніи его были положены чисто національные юридическіе обычаи Лангобардовъ. Что̀ еще важнѣе, это лангобардское право, какъ находимъ его въ эдиктѣ, должно было имѣть силу закона не только для самихъ Лангобардовъ, но и для всѣхъ побѣжденныхъ жителей, то есть для Римлянъ. Въ государствѣ Лангобардовъ не было мѣста особымъ личнымъ правамъ, вопреки тому, что̀ находимъ почти у всѣхъ германскихъ народовъ, поселившихся на римской землѣ. Римлянамъ, жившимъ въ лангобардскихъ предѣлахъ, не оставалось ничего болѣе, какъ составить въ лангобардскомъ обществѣ особое, полусвободное сословіе „альдіевъ“ и пользоваться лангобардскимъ правомъ на основаніи своего новаго состоянія. Только въ городахъ, гдѣ Римляне жили вмѣстѣ съ Лангобардами, но гдѣ не было извѣстныхъ отношеній, посредствуемыхъ землею, первые пользовались большею свободою, хотя также оставались въ податномъ состояніи. Даже самые варганги, подъ которыми надобно разумѣть всѣхъ пришельцевъ въ Италію не лангобардскаго происхожденія, также обязаны были жить по лангобардскому закону; если и могло быть сдѣлано какое исключеніе, то лишь за особенныя заслуги и съ особаго дозволенія короля. Такъ на всемъ видна старая лангобардская исключительность, которая никогда не могла ужиться даже съ Саксами. Прошло около ста лѣтъ, а между Лангобардами и Римлянами проходила все та же рѣзкая черта. Только тѣ Римляне вошли въ составъ лангобардскаго общества, которые были покорены оружіемъ, но и то съ потерею своихъ правъ и вообще съ большими утратами для своей національности“ (196—198).

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Кудрявцева и его предшественниковъ объ эдиктѣ короля Ротари. Это законодательство, возникшее въ виду новыхъ государственныхъ потребностей, какихъ не могло быть у Лангобардовъ до пришествія ихъ въ Италію, содержитъ въ себѣ опредѣленія юридическаго быта завоевателей и вовсе не касается побѣжденныхъ. Изъ молчанія законодателя, который не счелъ нужнымъ упомянуть о своихъ подданныхъ римскаго происхожденія, можно вывести два заключенія. Первое: у Римлянъ предполагается существованіе собственнаго, предшествующаго завоеванію *гражданскаго* права, по которому они рѣшаютъ свои частныя дѣла. Тамъ, гдѣ дѣло касается государственныхъ отношеній, имѣетъ силу, разумѣется, только лангобардскій законъ. Второе: у нихъ отнято ихъ собственное право и замѣнено находящимися въ эдиктѣ опредѣленіями. Но въ такомъ случаѣ исконное населеніе лангобардской Италіи или должно

было совершенно слиться съ своими властителями, что невозможно, или войти въ составъ новаго государства низшимъ, податнымъ сословіемъ, съ утратою всѣхъ своихъ гражданскихъ преданій. Г. Кудрявцевъ принимаетъ, вмѣстѣ съ Лео, послѣднее мнѣніе. Мы привели выше его слова о полусвободномъ классѣ альдіевъ, въ которыхъ онъ видитъ подвластныхъ Лангобардамъ Итальянцевъ. Однако эдиктъ 643 года, унижающій Римлянку предъ рабынею, цѣнящій позоръ первой въ 12, а второй въ 20 солидовъ, не оказываетъ такого презрѣнія къ женѣ или дочери альдія; слѣдовательно, онъ отличаетъ ее отъ Римлянки. Aldius statu liber, libertus cum impositione operorum, говоритъ старый глоссаторъ, котораго приводитъ Дюканжъ (Ducange) въ словарѣ своемъ (I, 175). Нельзя не замѣтить сходства между состояніемъ альдіевъ и римскимъ колонатомъ, на что, между прочимъ, намекаетъ древнее опредѣленіе, которое находится тамъ же у Дюканжа: Aldius qui adhuc servit *patrono*. Ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, что это сословіе поглотило остатки свободнаго римскаго населенія въ лангобардскихъ владѣніяхъ. Въ него вошли, вѣроятно, только прежніе колоны и часть разоренныхъ завоевателями собственниковъ. Справедливо, что Лангобарды не давали у себя такого простора личнымъ правамъ, какъ другіе Германцы, но они не исключали ихъ безусловно. Могли же жить варганги, съ разрѣшенія короля, по собственному закону! Мы думаемъ, что молчаніе Ротари о положеніи Римлянъ свидѣтельствуетъ противъ, а не за автора „Судебъ Италіи“. Когда прошелъ первый, ознаменованный насиліями всякаго рода періодъ лангобардскаго завоеванія; когда кончились безнаказанные грабежи и убійства, запуганные и выбитые изъ колеи прежняго своего развитія Римляне должны были снова собраться въ отдѣльное отъ Германцевъ общество. Взаимныя отношенія членовъ этого общества, частныя ихъ сдѣлки между собою, были напередъ опредѣлены вѣковымъ навыкомъ. Лангобарды, которые такъ долго обходились безъ писаннаго права, довольствуясь обычаями старины своей, едвали могли произвести большія перемѣны въ сферѣ юридическихъ отношеній *между* Римлянами. Къ тому-же имъ не было никакой надобности входить, или, лучше сказать, спускаться въ эту сферу. Римское общество стояло подъ лангобардскимъ и не смѣшивалось съ нимъ. Оно обязано было жертвовать ему частію своего труда и доходовъ, нести разныя повинности, было лишено всякаго политическаго значенія, но отнюдь не утратило всѣхъ особенностей своего юридическаго быта. Предъ Лангобардомъ у Римлянина не было своего права, но оно возвращалось ему, когда онъ входилъ въ сношенія съ соплеменными ему лицами. Такой порядокъ вещей сложился естественнымъ образомъ до Ротари, который потому именно и не означаетъ его подробнѣе въ эдиктѣ, изданномъ для Лангобардовъ. Впрочемъ, полное изслѣдованіе этого вопроса невозможно на основаніи одного эдикта 643 года. Г. Кудрявцевъ, Гегель (въ Исторіи городоваго устройства въ Италіи) и еще многіе другіе, рѣзко отдѣляя отъ этого памятника законодательство Лиутпранда, какъ позднѣйшее и возникшее при измѣнившихся условіяхъ, произвольно разрываютъ органическую связь явленій и вносятъ новыя и ненужныя трудности въ дѣло, и

безъ того запутанное по недостатку ясныхъ свидѣтельствъ. Законы короля Лiутпранда представляютъ несомнѣнныя доказательства, что въ его государствѣ существовалъ классъ людей, жившiй по римскому праву. Откуда взялись эти люди? Принимая въ соображенiе, что отъ эдикта Ротари до первыхъ законовъ Лiутпранда прошло не болѣе семидесяти лѣтъ, и допустивъ хотя до половины VII вѣка исключительное употребленiе лангобардскаго права въ отнятыхъ у Восточной Имперiи областяхъ Италiи, мы рѣшительно не найдемъ выхода изъ лабиринта болѣе или менѣе удачныхъ предположенiй и догадокъ. Гегель дошелъ до того, что видитъ въ „Romanus homo“, о которомъ говоритъ Лiутпрандово законодательство, переселенца, выходца съ римской земли. По его мнѣнiю, туземное населенiе Лангобардскаго Королевства лишилось своего права, которое было снова внесено туда позднѣйшими эмигрантами.

Г. Кудрявцевъ объясняетъ это явленiе иначе, но немногимъ удовлетворительнѣе: „Мы имѣемъ нѣкоторое основанiе утверждать (говоритъ онъ), что во времена Лiутпранда правомъ жить по римскому закону пользовались и туземцы, то есть исконные жители тѣхъ странъ, которыя были во владѣнiи Лангобардовъ... Было время, когда законъ только съ презрѣнiемъ упоминалъ объ особенныхъ правахъ; но потомъ, когда принужденiе отпало, они болѣе вышли наружу“. И все это совершилось въ теченiе 70 лѣтъ, безъ всякихъ намъ извѣстныхъ побудительныхъ причинъ! Зачѣмъ же было не сказать, почему именно и когда отпало принужденiе? Не проще ли допустить, что Римляне жили и при Ротари по собственному, а не по лангобардскому праву, которое касалось ихъ только своими государственными опредѣленiями, и что Лiутпрандъ призналъ этотъ фактъ не по новизнѣ его, а по возраставшей для государства важности?

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о правѣ, которое было въ употребленiи у покоренныхъ Лангобардами Итальянцевъ, находится другой, не менѣе значительный — о городахъ. Изъ предъидущаго можно уже составить себѣ приблизительное понятiе о точкѣ зрѣнiя, съ какой нашъ авторъ смотритъ на этотъ предметъ. Его выводы находятся въ рѣзкой противоположности съ извѣстною теорiею Савиньи:

„По идеѣ Савиньи, исторiя городской общины въ новой, особенно бывшей лангобардской Италiи сводится большею частью къ исторiи старой римской курiи, въ томъ предположенiи, что она не переставала существовать, именно въ Ломбардiи, до извѣстнаго движенiя ломбардскихъ городовъ въ XII вѣкѣ: гипотеза, съ перваго взгляда бросающаяся въ глаза своею кажущеюся простотою и естественностiю и, повидимому, представляющая легчайшiй путь къ разрѣшенiю одной изъ самыхъ трудныхъ историческихъ задачъ. Въ послѣднее время, однако, она встрѣтила себѣ сильное противорѣчiе даже отъ нѣкоторыхъ послѣдователей самого автора, и весьма основательно. На чемъ, въ самомъ дѣлѣ, основана гипотеза Савиньи? Прежде всего—на вѣроятныхъ соображенiяхъ, чтобы даже не сказать—на однихъ вѣроятныхъ соображенiяхъ. Утвердившись на нихъ, авторъ старался потомъ прибрать къ своей мысли во всѣхъ вѣкахъ и доказательства историческiя.

Послѣднія, къ сожалѣнію, оказались гораздо слабѣе самыхъ соображеній; но авторъ уже слишкомъ убѣдился въ *вѣроятности* своего предположенія, чтобъ повѣрить потомъ недостаточности историческихъ доказательствъ. Онъ остался при своемъ мнѣніи и развилъ его въ цѣлую систему.

„Всего страннѣе, что на самомъ первомъ планѣ Савиньи ставитъ „аналогію событій при основаніи другихъ германскихъ государствъ на римской почвѣ". Но эта аналогія идетъ вовсе не такъ далеко, чтобы сходство простиралось на всѣ явленія. Что̀, напримѣръ, общаго между тѣми началами, по которымъ дѣйствовалъ устроитель остготскаго государства, и тѣмъ духомъ, который управлялъ Лангобардами, когда они утвердились въ Италіи? Второе вѣроятное основаніе состоитъ въ сходствѣ самыхъ городскихъ учрежденій XII вѣка съ старыми муниципальными римскими учрежденіями. Но, кромѣ того, что это сходство ограничивалось лишь общими чертами, какую силу можетъ имѣть подобное основаніе, какъ скоро оно тутъ же, на мѣстѣ, не подкрѣплено настоящими историческими указаніями, которыя бы положительно засвидѣтельствовали дѣйствительное существованіе куріи во всѣ вѣка даннаго пространства времени? Безъ доказательствъ же, не равно ли сильно другое предположеніе, то есть, что учрежденія XII вѣка были взяты изъ непрерывно продолжавшейся традиціи? Какъ на послѣднее вѣроятное основаніе, указываетъ авторъ на непрерывное продолженіе римскаго права въ Италіи. Но, во первыхъ, не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для новыхъ предположеній такая мысль, которая требуетъ болѣе твердыхъ доказательствъ, нежели тѣ, какія приведены авторомъ. Во вторыхъ, непрерывное существованіе римскаго права, если бы оно было положительно доказано, не доказывало ли бы также возможности непрерывной римской традиціи и относительно самыхъ учрежденій? Если римское право вообще не умирало въ народѣ, то почему бы умерла въ немъ память о томъ, что̀ нѣкогда было ему особенно дорого?

„На подобныхъ зыбкихъ основаніяхъ едва ли можно воздвигать многое, или на нихъ можно строить такъ же мало, какъ и на основаніи совершенно противоположныхъ вѣроятностей, если только онѣ тотчасъ же не подкрѣплены дѣйствительными, историческими свидѣтельствами. Итакъ *вѣроятныя* основанія Савиньи имѣютъ силу только по мѣрѣ значительности *историческихъ* свидѣтельствъ, приводимыхъ имъ. Но, какъ мы уже замѣтили, эти свидѣтельства еще менѣе удовлетворительны. Каково бы ни было ихъ численное количество, во всякомъ случаѣ сила ихъ уже значительно ослабляется тѣмъ, что прямаго доказательства въ пользу мысли Савиньи—нѣтъ ни одного. Авторъ долженъ былъ ограничиться собираніемъ лишь косвенныхъ указаній, какъ-бы предполагающихъ существованіе куріи".

Смѣемъ думать, что приговоръ, произнесенный г. Кудрявцевымъ надъ знаменитымъ историкомъ римскаго права въ Среднихъ вѣкахъ, слишкомъ строгъ и требуетъ новыхъ, не найденныхъ нами въ сочиненіи о „Судьбахъ Италіи" подтвержденій. Должно, однако, замѣтить, что эта часть разбираемой нами книги отдѣлана съ особеннымъ стараніемъ и талантомъ. Авторъ свелъ въ одно цѣлое все, что̀ сдѣлано было его иностранными пред-

шественниками на этомъ поприщѣ, и дополнилъ ихъ изслѣдованія своими собственными. Но борьба съ Савиньи не легкое дѣло. Старый боецъ до сихъ поръ не сбитъ съ поля и не опустилъ меча предъ своими молодыми, отчасти имъ же воспитанными противниками. Нашимъ читателямъ, вѣроятно, извѣстно состояніе римской куріи въ эпоху распаденія Западной Имперіи и доводы Савиньи въ пользу дальнѣйшаго существованія этого учрежденія. Здѣсь не мѣсто подробному разбору, который потребовалъ бы отдѣльнаго сочиненія; мы ограничимся указаніемъ на главные пункты спора и выводомъ, къ которому привело насъ собственное изученіе предмета.

Г. Кудрявцевъ принимаетъ временное существованіе городской куріи въ Византійской Италіи, указывая при томъ на упадокъ этого учрежденія и его несоотвѣтственность съ новыми требованіями общества.

„По счастію, курія не была тождественна со всею городскою общиною; все, что было силою въ матеріальномъ или нравственномъ отношеніи и однако оставалось внѣ куріи, не истреблялось, не пропадало даромъ, но слагалось подлѣ нея, какъ элементъ для будущихъ зарожденій. Уже въ V вѣкѣ „honorati“ и „possessores“ не сливаются въ одно съ куріей, но стоятъ подлѣ нея, какъ особое сословіе, и вмѣстѣ съ куріалами составляютъ почетнѣйшее общество города. Принявъ характеръ наслѣдственной касты, курія, естественно, не могла вмѣщать въ себѣ ни выслужившихся чиновниковъ, отличаемыхъ по службѣ (honorati), которыхъ число должно было умножаться съ каждымъ поколѣніемъ, ни тѣхъ свободныхъ владѣльцевъ (possessores), которые вновь пріобрѣтали свои имѣнія и потому также оставались за предѣлами куріи. Это были новыя силы, которыя копились и росли въ тишинѣ, между тѣмъ какъ курія истощалась подъ бременемъ наложенныхъ на нее тяжестей“.

Въ примѣчаніи авторъ прибавляетъ: „Отдѣленіе honorati и possessores отъ собственной куріи есть безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ, добытыхъ изслѣдованіемъ Гегеля“. Признаемся, мы не видимъ здѣсь ничего особенно важнаго, потому что результатъ далеко не окончательный и нуждается въ тщательной повѣркѣ. Гегель, даже по словамъ нашего автора, остановился на общихъ признакахъ, не входя въ подробности. Но откуда вывелъ г. Кудрявцевъ, что курія приняла вполнѣ характеръ наслѣдственной, не обновляемой новыми элементами касты? Раскрываемъ кодексъ Өеодосія (de Decurion. 1, 12) и находимъ, что курія состояла изъ членовъ наслѣдственныхъ (originales) и избираемыхъ для пополненія числа куріаловъ (nominati). Долго ли она держалась въ этомъ составѣ, нельзя опредѣлить; но можно съ достовѣрностью сказать, что, при занятіи имперскихъ областей варварами, курія временно поднялась, получила высшее противъ прежняго значеніе и впослѣдствіи, уступая мѣсто новымъ, болѣе своевременнымъ городскимъ учрежденіямъ, оставила на нихъ слѣдъ своего существованія. Объ этомъ мы еще скажемъ нѣсколько словъ далѣе. Развивая свое мнѣніе о состояніи итальянскихъ городовъ, г. Кудрявцевъ прекрасно изложилъ происхожденіе и важность городскаго ополченія (militia). Можно не согласиться съ нимъ только въ двухъ пунктахъ. Во пер-

ныхъ, намъ кажется, что онъ слишкомъ поздно выводитъ на сцену это ополченіе, по всей вѣроятности образовавшееся до Лангобардовъ, или, по крайней мѣрѣ, тотчасъ послѣ ихъ прибытія. Достаточнымъ классамъ Италіи нельзя было не принять мѣръ для собственной безопасности въ виду постоянно грозившаго имъ германскаго нашествія съ одной стороны и бѣдности оборонительныхъ средствъ у экзарха съ другой. Города, поддерживаемые въ этомъ дѣлѣ правительствомъ, стали на военную ногу, составили собственныя ополченія и тѣмъ самымъ дали Византіи возможность удержать за собою берега Италіи. Раздѣленіе городскихъ жителей на „школы" по занятіямъ и національностямъ имѣло, очевидно, не одну полицейскую цѣль. Образцомъ служили scholae militiae, какъ замѣтилъ еще Лео (Исторія Италіи, I, 53). Во вторыхъ, г. Кудрявцевъ приписываетъ этой милиціи слишкомъ аристократическій характеръ, допуская въ ея составъ только почетныя сословія — honorati и possessores. Въ такомъ случаѣ она была бы крайне малочисленна и не въ состояніи играть той роли, какая принадлежала ей въ VII столѣтіи. Для насъ несомнѣнно участіе ремесленныхъ школъ, или цеховъ, въ городскомъ ополченіи.

Замѣтимъ еще, что классъ judices, которыхъ г. Кудрявцевъ принимаетъ за чиновниковъ, вообще имѣлъ, повидимому, не одно служебное значеніе. Изъ свидѣтельствъ, собранныхъ Вильмансомъ (Wilmans), въ статьѣ „Римъ отъ V до VIII вѣка", помѣщенной въ историческомъ журналѣ Шмидта (1844, II, 145), можно вывести заключеніе, что judices составляли высшее, аристократическое сословіе въ городахъ, безъ служебныхъ отношеній. Тщательное изслѣдованіе этого вопроса могло бы пролить свѣтъ на послѣднія судьбы куріи.

Допуская кратковременное существованіе куріи въ Византійской Италіи, нашъ авторъ отрицаетъ ее совершенно въ лангобардскихъ городахъ. Эта часть его изслѣдованій есть вѣрный и строго-логическій выводъ изъ невѣрнаго понятія, какое онъ себѣ составилъ о положеніи Римлянъ подъ владычествомъ Албоиновыхъ преемниковъ. Не считая нужнымъ повторять въ нашей статьѣ доводы, съ такою ясностью и остроуміемъ изложенные въ „Исторіи римскаго права въ Среднихъ вѣкахъ", ограничимся немногими возраженіями. Законы короля Ліутпранда упоминаютъ положительно о живущихъ по своему праву туземцахъ. Кто бы ни былъ этотъ homo Romanus— потомокъ прежнихъ жителей края, или выходецъ съ земель, не завоеванныхъ Лангобардами—онъ велъ свои тяжбы на основаніи римскаго гражданскаго права, слѣдовательно, въ особенномъ, не-лангобардскомъ судѣ. Современные памятники не упоминаютъ объ этомъ судѣ и его составѣ; существованіе его, однако, неоспоримо, если были люди, жившіе по римскому праву. Неужели лангобардскимъ судьямъ предоставлено было толкованіе введеннаго въ Италію послѣ Остготовъ Юстиніаномъ законодательства и соблюденіе строгихъ и ученыхъ формъ связаннаго съ нимъ судопроизводства? Такой вопросъ, кажется, не требуетъ отвѣта. Гдѣ же, какъ не въ куріи, быть-можетъ видоизмѣненной, сохранившей только часть своей прежней дѣятельности, именно судебную, находилъ удовлетвореніе римскій истецъ

противъ своего соплеменника? О правѣ, какъ сказано, молчатъ источники, до насъ дошедшіе. Они какъ будто не знаютъ ни римскаго суда, ни куріи. Слѣдуетъ ли изъ ихъ молчанія заключить, что въ лангобардскихъ городахъ не было ни того, ни другаго? Надобно притомъ принять въ соображеніе необыкновенную скудость историческихъ памятниковъ, относящихся къ періоду, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, и признаться, что ихъ отрывочныя и мутныя показанія сами по себѣ никакъ не могутъ служить основою для удовлетворительнаго изложенія тогдашнихъ отношеній. Догадливости новаго изслѣдователя открывается обширное поле, и г. Кудрявцевъ, обвиняющій Савиньи въ произволѣ, не устоялъ самъ противъ понятнаго искушенія возстановить мыслію, почти безъ фактовъ, цѣлый бытъ, завѣщавшій намъ такъ мало преданій о себѣ. Укорять его за эту попытку было бы несправедливо: она оправдана свойствомъ матеріаловъ и остроуміемъ отдѣльныхъ предположеній. Какъ ни возстаютъ противники Савиньи на приложеніе законовъ исторической аналогіи къ государству Лангобардовъ, которое дѣйствительно отличается оригинальнымъ своимъ положеніемъ и развитіемъ, но только чрезъ аналогію получимъ мы возможность объяснять, по-крайней-мѣрѣ приблизительно, многія, иначе вовсе необъяснимыя явленія. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ участь куріи подъ лангобардскимъ владычествомъ. Извѣстно, до какого состоянія дошли куріалы въ послѣдніе годы Западной Имперіи. Переходъ подъ власть германскихъ королей измѣнилъ ихъ положеніе къ лучшему, потому-что снялъ съ нихъ часть той тяжкой отвѣтственности, которой они были до-тѣхъ-поръ беззащитными жертвами. Сверхъ того, высшее, административное и судебное сословіе въ городахъ не могло не получить большей важности при паденіи всѣхъ другихъ властей, изъ которыхъ слагалось общее управленіе имперіи. Вотъ почему родовая и служебная аристократія римская, жившая въ провинціяхъ и избавленная своими привилегіями отъ засѣданія въ куріи, примкнула къ ней, утративъ свое имперское значеніе и часть поземельной собственности. Сенаторскія фамиліи и бывшіе государственные сановники спѣшили укрыться въ городахъ отъ обидъ и насилій, которымъ они подвергались, живя въ своихъ помѣстьяхъ. Они вступили въ курію и сообщили ей давно-утраченное достоинство и вліяніе. Званіе куріала перестало быть унизительнымъ... Мы приводимъ здѣсь не простыя, основанныя на вѣроятностяхъ предположенія наши, а факты, составляющіе результатъ превосходныхъ изслѣдованій ученаго, къ трудамъ котораго г. Кудрявцевъ питаетъ, подобно намъ, полное и совершенно заслуженное довѣріе. Вотъ что̀ говоритъ Форіель (Исторія Южной Галліи подъ владычествомъ Германцевъ. 453): „Многіе изъ благородныхъ Галло-Римлянъ, потерявъ высшія должности имперіи и предпочитая скромныя муниципальныя почести совершенной безвѣстности частной жизни, вступили въ сословіе декуріоновъ и приняли отъ него мѣста, которымъ естественно сообщили новый блескъ. Достовѣрно, что это случилось въ городѣ Вьеннѣ, около 500 года. Тамошній сенатъ былъ, по сохранившимся извѣстіямъ, весьма многочисленъ и наполненъ знатными лицами“. Около того же времени, многія куріи, не довольствуясь болѣе этимъ названіемъ, замѣнили его болѣе громкимъ име-

немъ — сената. Въ письмахъ Сидонія Аполлинарія встрѣчаемъ выраженія, показывающія, что куріалы пользовались значительнымъ уваженіемъ. Онъ называетъ ихъ: summates viri; civium maximi. О цѣлой куріи онъ отзывается такъ: civium honoratorum ordo praeclarus. Но это было въ Галліи, скажутъ намъ, а рѣчь идетъ объ Италіи. Мы ужъ упомянули о бѣдности источниковъ для лангобардскаго періода итальянской исторіи, но къ этому должно прибавить, что нигдѣ отношенія Германцевъ къ римскому населенію не представлены такъ отчетливо, какъ въ памятникахъ, принадлежащихъ Галліи. Изслѣдователь поневолѣ обращается къ этимъ памятникамъ, встрѣчая въ современной исторіи другихъ римскихъ провинцій, занятыхъ Германцами, явленія, которыя нельзя понять изъ мѣстныхъ источниковъ. Мы вовсе не думаемъ, впрочемъ, натягивать аналогіи и замѣнять недостатокъ лангобардскихъ извѣстій свидѣтельствами о Вестготахъ или Франкахъ, но, съ другой стороны, считаемъ себя въ правѣ прибѣгнуть къ употребленному нами роду доказательствъ, когда г. Кудрявцевъ говоритъ о паденіи куріи вообще. Признаки ея дальнѣйшей дѣятельности въ итальянскихъ городахъ ясно сохранились до VIII вѣка въ именахъ чиновниковъ, которыхъ занятія находились въ тѣсной связи съ римскими муниципальными учрежденіями. Сюда принадлежатъ curator, excerptor, monetarius, peraequator. „Все это очень далеко отъ того, чтобъ курія сохранила свою прежнюю самостоятельность", говоритъ нашъ авторъ, ссылаясь на Гегеля. О самостоятельности не можетъ быть и рѣчи, а говорится только о существованіи. Управленіе городомъ и надзоръ надъ уцѣлѣвшей въ неизвѣстномъ намъ составѣ куріей были, разумѣется, предоставлены лангобардскимъ сановникамъ. Наконецъ, неужели г. Кудрявцевъ, при его неоспоримомъ историческомъ смыслѣ, станетъ отрицать живую связь между лангобардской Италіей и ломбардскими республиками XII вѣка? Онъ упоминаетъ, правда, о непрерывной *традиціи*; но эта традиція (неохотно употребляемъ нерусское и безполезное у насъ слово) является у него чѣмъ-то отвлеченнымъ и теоретическимъ.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на Италію при Лангобардахъ и постараемся составить себѣ понятіе объ общемъ характерѣ этого края въ періодѣ, отдѣляющемъ пришествіе Албоина отъ Дезидеріева плѣна. Вставленное въ оправу Византійскихъ владѣній, протянутое между ними длинною, мѣстами чрезвычайно узкою полосою, лангобардское государство сохранило, какъ показано выше, часть своего первоначальнаго военнаго устройства. Задача его еще не была кончена: завоеваніе Апеннинскаго полуострова замедлилось, но отъ него не отказались вожди лангобардскіе. Они повидимому понимали непрочность своей власти, пока въ Италіи оставались независимыя отъ нихъ земли. Внутри государства совершалось нескоро, какъ бы неохотно съ обѣихъ сторонъ, сближеніе побѣдителей и покореннаго племени. Процессъ этого сближенія и его результатовъ прекрасно раскрытъ г-мъ Кудрявцевымъ.

„Два общества, нисколько не похожія одно на другое, но поставленныя рядомъ, стремятся, каждое, впрочемъ, своимъ образомъ, къ тому, чтобъ

сгладить раздѣляющую ихъ черту и слиться въ одно. Это главная черта, которая проходитъ черезъ все развитіе, хотя и мало сознается современниками. По какому закону слѣдуетъ это общее стремленіе? Гдѣ для него центръ тяготѣнія? Не въ римскомъ обществѣ — скажемъ сначала отрицательно. Лангобардъ хочетъ насильственнаго покоренія римскаго общества *своему* закону; Римлянинъ, ищущій для себя полноты гражданскихъ правъ, старается пробиться, болѣе ловкостью, нежели силою, также внутрь *лангобардскаго* общества. Итакъ послѣднее остается идеаломъ для той и другой стороны: къ его осуществленію направлены общія усилія. Но, вступая въ права свободнаго гражданина, или, что̀ то же, занимая мѣсто въ лангобардскомъ обществѣ, Римлянинъ переноситъ сюда свой языкъ, свои нравы, свои понятія; во всемъ этомъ онъ выше окружающихъ его варваровъ; онъ скорѣе самъ служитъ образцомъ для подражанія, чѣмъ подражаетъ другимъ. Нельзя, чтобы, принимая Римлянъ въ свое общество (или, что̀ тоже, дѣлая ихъ свободными), Лангобарды не перенимали и ихъ образованныхъ понятій, какъ они усвоивали себѣ ихъ языкъ, обычаи, одежду. Перевѣсъ оставался на сторонѣ *лангобардскаго* общества: *оно* привлекало, притягивало къ себѣ Римлянъ; но, входя въ общество Лангобардовъ, Римлянинъ вносилъ въ него съ собою свои народные элементы, которые вытѣсняли или закрывали собою соотвѣтствующіе имъ элементы лангобардскіе. Удерживая свой постъ, сохраняя даже прежнюю силу духа, прежнюю энергію, лангобардское общество въ тоже время переработывалось въ своемъ внутреннемъ содержаніи и принимало болѣе или менѣе римскія формы. Новое общество, которое выходило отсюда, не было ни лангобардское, ни римское, но въ немъ былъ элементъ *матеріальный* — лангобардскій, и элементъ *формальный* — римскій, или, говоря другими словами, непобѣдимая лангобардская энергія соединялась въ немъ съ тонко-развитымъ римскимъ смысломъ".

По отчего же Лангобарды, не уступавшіе въ смѣлости ни одному изъ племенъ германскихъ, не успѣли совершить того, что̀ такъ легко удалось дружинамъ Одоакра и Остготамъ? Что̀ помѣшало имъ овладѣть съ разу Италіей, на защиту которой Византійская имперія не расточала средствъ, ей самой необходимыхъ? Военное устройство городовъ, полагаемъ мы, то ополченіе, которое образовалось въ нихъ, вѣроятно, еще при Нарцессѣ и не безъ его содѣйствія. Долгая оборона Павіи противъ Албоина могла бы служить нѣкоторымъ образомъ подтвержденіемъ нашему мнѣнію. Борьбу велъ уже не экзархъ, располагавшій малочисленными Византійскими войсками—отдѣльные города защищали себя сами. Германская дружина встрѣтила вооруженную, воинственную общину и принуждена была остановиться въ наступательномъ движеніи своемъ. Такое отношеніе между лангобардской и Византійской Италіей сохранилось до VIII-го столѣтія и обнаружило большое вліяніе не только на внѣшнія судьбы края, но и на нравственный характеръ жителей.

Главнымъ слѣдствіемъ основанія Лангобардскаго Государства въ Италіи было, по мнѣнію Лео, которое мы позволяемъ себѣ привести здѣсь въ извлеченіи—совершенное измѣненіе національнаго итальянскаго характера. Рим-

ское владычество надъ полуостровомъ пріучило жителей къ порядку и покорности, сохранившимся до прихода Лангобардовъ. Завоеванія Албоина и его преемниковъ скоро развили то своеволіе мысли и поступковъ, которыми Итальянцы отличаются до-сихъ-поръ отъ другихъ европейскихъ народовъ. Воспитанное Римомъ уваженіе къ закону выразилось въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленіяхъ итальянской исторіи, но въ цѣломъ взяла верхъ новая, внесенная Лангобардами наклонность къ жизни, не связанной никакими обязательными для нравственнаго человѣка условіями. Кромѣ самой природы страны, два обстоятельства особенно содѣйствовали этой перемѣнѣ: 1) Лангобарды пришли дружиной и составили военную колонію на покоренной ими почвѣ; 2) смежность лангобардскихъ и византійскихъ владѣній, которыхъ границы образовали двѣ длинныя линіи вдоль всего полуострова и сообщили жителямъ болѣе внѣшней независимости, чѣмъ можно было ждать при другихъ географическихъ условіяхъ. Нужно ли говорить о вліяніи, какое имѣютъ на народъ постоянные переходы съ одного мѣста на другое, продолжительная отвычка отъ родины и домашняго очага? Тревожная, полукочевая жизнь, какую вели Лангобарды, покинувъ берега родимой Эльбы, неминуемо должна развивать особенные нравы и пороки. Выростаютъ цѣлыя поколѣнія бездомныхъ, воспитанныхъ подъ походнымъ шатромъ людей, у которыхъ боевая отвага и предпріимчивость замѣняютъ всѣ другія, нѣкогда принадлежавшія ихъ племени, добродѣтели. Счастливое удальство выкупаетъ недостатки, нестерпимые при иномъ бытѣ. Семейныя связи не могутъ сохраниться въ той чистотѣ и крѣпости, которыя даетъ мирная осѣдлая жизнь; связь съ отечествомъ—основа народной нравственности, слабѣетъ и умираетъ вовсе, по мѣрѣ отдаленія отъ него. Ко всему этому надобно прибавить безпрерывныя столкновенія съ чуждыми народами и смѣшеніе съ ними. Еще не доходя до границъ Италіи, лангобардское племя приняло значительную примѣсь отъ Саксовъ, Тюринговъ и Гепидовъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились Алеманны и Бавары. При такомъ составѣ дружинъ, приведенныхъ Албоиномъ въ Италію, при внутренней порчѣ, которая была слѣдствіемъ этого состава, судьба покореннаго края была рѣшена напередъ. Мы видѣли, какъ разыгралась дикая воля побѣдителей на счетъ отданнаго ей туземнаго населенія. У лангобардовъ незамѣтно вовсе, по крайней мѣрѣ въ первое столѣтіе ихъ государственной жизни, того почти суевѣрнаго уваженія къ остаткамъ римской древности, какимъ были проникнуты ихъ предшественники на той же почвѣ—Готы. Римское и германское начала сошлись въ Италіи враждебнѣе, чѣмъ гдѣ либо; и когда первое одержало, наконецъ, перевѣсъ надъ вторымъ, оно прямо примкнуло къ древнему міру и принадлежавшимъ ему формамъ, отвергая все промежуточное развитіе, какъ незаконное и ложное. Такъ смотрѣлъ на прошедшія судьбы роднаго полуострова Макіавель.

Доказательствомъ того, какъ труденъ былъ для лангобардскаго дружинника переходъ отъ прежней, необузданной воли къ новому, весьма, впрочемъ, не строгому гражданскому порядку, можетъ служить трагическая кончина Албоина, Клефа и другихъ королей лангобардскихъ. Изъ шести предшественниковъ Ротари только двое умерли естественною смертью. За то

первая статья эдикта Ротари, допускающаго кровавую месть и систему виръ, полагаетъ смертную казнь за всякое покушеніе противъ безопасности главы народа. Законодатель, имѣвшій въ виду государство, а не дружину, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ явнымъ вліяніемъ христіанскихъ и римскихъ идей о верховной власти. Но его дикари-Германцы не были въ состояніи возвыситься до его цѣлей и смотрѣли на его попытку, какъ на самовольное ограниченіе своихъ правъ и обычаевъ. Географическое положеніе очень много содѣйствовало безнаказанности преступленій въ государствѣ Лангобардовъ. Близость римской границы всегда давала возможность укрыться отъ преслѣдованій правительства. Экзархъ и другіе Византійскіе сановники охотно принимали бѣглецовъ. За то, недовольные своимъ положеніемъ или гонимые за совершенные ими проступки Римляне, преимущественно знатные и богатые, находили, въ качествѣ варганговъ, надежное убѣжище у Лангобардовъ. Изъ этого страннаго порядка вещей, образовавшаго многочисленный классъ людей, внутренно не подчинявшихся никакому закону, выросъ, можно сказать, характеръ новыхъ Итальянцевъ. Тогда уже обнаружилась у нихъ ненависть ко всякой сильной и близкой отъ нихъ власти. Итальянецъ рано высказалъ роковое начало, лежащее въ основаніи его средневѣковой политики: „кто хочетъ жить свободно, тотъ долженъ служить двумъ господамъ“ (Ліутпрандъ Кремонскій въ X столѣтіи). Вотъ почему прекраснѣйшая страна и самое даровитое племя юго-западной Европы обречены были на служеніе иноплеменникамъ. Только внѣшняя сила могла до сихъ поръ сообщать нѣкоторое политическое единство народу, которому не даромъ дано названіе gente inconsolabile.

Эти нравственныя причины дальнѣйшаго развитія итальянской исторіи не были, по нашему мнѣнію, достаточно оцѣнены г. Кудрявцевымъ, котораго вниманіе преимущественно обращено на развитіе папской власти, какъ учрежденія, имѣвшаго сверхъ своего всеобщаго, католическаго, еще мѣстный, чисто національный характеръ.

„Имперія была слишкомъ мало внимательна къ тому важному явленію, которое происходило теперь въ Италіи. На основаніи духовнаго авторитета и при помощи остатковъ старой національности, здѣсь полагались основанія новой общественной власти. Еще никѣмъ не признанная, еще сама не довольно сознавая свое новое значеніе, она ужь далеко вокругъ себя простирала свое дѣйствіе. Въ то время, какъ экзархъ, стѣсненный обстоятельствами, болѣе и болѣе сокращалъ свою дѣятельность въ предѣлахъ подлежащей ему области, авторитетъ римскаго престола распространялъ свое вліяніе даже за предѣлы экзархата. Подъ этимъ вліяніемъ раздѣленная Италія опять начинала находить нѣкоторое соединеніе. Начинали съ того, что признавали духовный авторитетъ римскаго престола, оканчивали тѣмъ, что не отвергали и нѣкотораго правительственнаго надзора съ его стороны. Въ той степени, какъ распространялось римское вліяніе, падалъ авторитетъ экзарха.

„Распространенію духовнаго авторитета римской церкви помогло самое нашествіе лангобардское. Въ сѣверной Италіи, именно въ Миланѣ, былъ особый архіепископскій престолъ, который, по своему положенію и автори-

тету, могъ бы соперничать съ римскимъ, по крайней мѣрѣ быть отъ него совершенно независимымъ. Спорное ученіе о „трехъ главахъ", на сторону котораго въ послѣднее время склонялся архіепископъ Миланскій, дѣлало раздѣленіе между ними еще болѣе рѣзкимъ. Нашествіе лангобардское, внесши съ собою аріанизмъ, почти сгладило имъ тотъ слабый оттѣнокъ, который до сего времени раздѣлялъ два престола въ религіозномъ отношеніи. Бѣжавъ отъ аріанъ-побѣдителей, Миланскій архіепископъ искалъ себѣ убѣжища въ Генуѣ. Вмѣстѣ съ нимъ удалился въ Генуя и весь Миланскій католическій клиръ. Это обстоятельство также обратилось въ пользу римскаго авторитета. Проживая въ Генуѣ, Миланскій архіепископъ не могъ обойтись безъ поддержки со стороны Римскаго престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на независимость и не противорѣчить, принимая поставленіе отъ Римскаго. Впослѣдствіи, если бы даже архіепископъ возвратился въ Миланъ, ему бы ужъ не легко было снять съ себя это подчиненіе. Не менѣе опаснымъ соперникомъ римскому престолу въ Италіи могъ бы быть епископъ Равеннскій. Но Равенна была также резиденціей экзарха, и положеніе епископа въ ней вовсе не было такъ свободно и самостоятельно, какъ въ Римѣ. Не отрицая подчиненія Риму, онъ хотѣлъ лишь удержать нѣкоторыя отличія, издавна принадлежавшія его престолу, впрочемъ ужъ не отрицалъ болѣе высшаго авторитета Римской церкви. А впереди еще лежала возможность новыхъ успѣховъ католической церкви среди аріано-лангобардскаго міра, которые должны были обратиться въ пользу того же авторитета.

Но гораздо болѣе, чѣмъ внѣшнимъ распространеніемъ круга своей дѣятельности, власть утверждается прямымъ, непосредственнымъ участіемъ въ главныхъ отправленіяхъ общественной жизни, силою и постоянствомъ того вліянія, которое она на нихъ оказываетъ, и, наконецъ, общимъ достоинствомъ своего поведенія. Мы уже видѣли частію ту дѣятельность, которую обнаруживалъ римскій престолъ въ принятіи мѣръ для безопасности Италіи отъ лангобардскаго нашествія;—мы видѣли ее въ большихъ и малыхъ размѣрахъ. Внутренняя жизнь Италіи того времени терпѣла впрочемъ не отъ внѣшнихъ только враговъ. Предсмертное разстройство имперіи оставило по себѣ много печальныхъ слѣдовъ, ощутительныхъ особенно во внутреннемъ управленіи страны, въ судебномъ порядкѣ, въ разложеніи и собираніи налоговъ, вообще въ тѣхъ отправленіяхъ гражданской жизни, отъ которыхъ наиболѣе зависитъ общественное благосостояніе. Это были коренные, вопіющіе недостатки, исправленіемъ которыхъ однако не могла озаботиться Восточная имперія, овладѣвъ Италіею, потому что сама страдала тѣмъ же недугомъ. Едва ли даже могли ждать этого исправленія въ Константинополѣ, гдѣ вообще такъ мало думали о настоящихъ интересахъ Италіи. Изъ Равенны тоже смотрѣли сквозь пальцы на безпорядки во внутреннемъ управленіи страною, потому что экзархи не приносили съ собою, сколько мы знаемъ, ни твердой воли, ни довольно средствъ, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ злоупотребленій. Пришельцы изъ чужой земли, они не показывали ни большаго усердіямъ къ выгодамъ Италіи, ни особен-

ной способности въ управленіи ею. Иначе чувствовали и думали въ Римѣ, чѣмъ въ Равеннѣ. Тамъ интересы Италіи принимались какъ свои собственные, тамъ хотѣли облегчать не внѣшнія только раны ея, но и внутреннія болѣзни; тамъ никогда не оставались равнодушны при видѣ тѣхъ страданій, которыя терпѣлъ народъ, но старались войти во всѣ нужды жителей и по мѣрѣ возможности подавать нуждающимся пособіе, дѣйствовать и авторитетомъ, и увѣщаніемъ. Въ дѣятельности этого рода Григорій былъ не менѣе неутомимъ, какъ и въ усиліяхъ своихъ помогать Италіи противъ нашествія Лангобардовъ (168).

На основаніи того полномочія, которое уже Юстиніанъ давалъ епископамъ по отношенію ко всему управленію въ провинціяхъ, Григорій присвоилъ себѣ право высшаго надзора за дѣйствіями правителей. Надзоръ болѣе моральнаго свойства, нежели правительственный, который могъ однако вести очень далеко, будучи поддерживаемъ общимъ сочувствіемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ Римскаго престола. Средства же держать эту моральную цензуру надъ правителями италіянскихъ провинцій были всегда въ рукахъ Григорія. Рѣдкій значительный городъ не имѣлъ своего епископа; а кому лучше было знать о распоряженіяхъ мѣстнаго управленія, какъ не мѣстнымъ епископамъ? Всѣ они, или почти всѣ, уже подчинены были римскому престолу, и кромѣ того, что находились съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, время отъ времени съѣзжались въ Римъ для совѣщаній съ Григоріемъ. О томъ, что происходило въ провинціяхъ, Григорій могъ быть также постоянно извѣщаемъ чрезъ своихъ респонсаловъ (responsales) или апокрисіаріевъ, особыхъ чиновниковъ, чрезъ которыхъ Римскій епископъ сносился съ своими субдіаконами и которые, часто переѣзжая съ мѣста на мѣсто, почти всегда были въ состояніи лично узнать состояніе той или другой провинціи (176)... Въ дѣятельности этого рода ревность Григорія не ограничивалась лишь предѣлами твердой земли Италіи: она простиралась и на всѣ близь лежащіе острова, на всю область Равеннскаго экзархата, временемъ заходила даже въ предѣлы африканской провинціи. Пренебреженіе религіозныхъ интересовъ со стороны свѣтскихъ правителей было естественно первое, чѣмъ они навлекали на себя строгую цензуру Григорія. Но она точно также падала потомъ и на тѣ злоупотребленія власти, которыми они грѣшили противъ гражданской совѣсти. Въ важныхъ случаяхъ, когда злоупотребленія пустили уже глубокіе корни, Григорій, минуя экзарха и всякое посредство, доводилъ свои жалобы прямо до свѣдѣнія Константинопольскаго двора (177)".

Можно смѣло сказать, что г. Кудрявцевъ первый прослѣдилъ во всѣхъ подробностяхъ отношенія папскаго престола къ возникавшей подъ его сѣнью итальянской народности. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ его превосходныхъ разысканіяхъ, потому что намъ, большею частью, пришлось бы повторять въ сокращеніи его же слова; но нельзя не указать читателямъ на образцовыя характеристики отдѣльныхъ папъ (особенно Григорія Великаго) и на весь отдѣлъ, посвященный Византіи. Всякій, кто нѣсколько знакомъ съ настоящимъ состояніемъ исторической литературы, оцѣнитъ по заслугамъ са-

мостоятельныя и остроумныя изслѣдованія нашего автора на трудномъ поприщѣ, гдѣ, кромѣ Гиббона и Шлоссера, у него не было достойныхъ предшественниковъ. Онъ пользовался трудами этихъ двухъ писателей, но шелъ собственнымъ путемъ и подвергъ ихъ выводы тщательному, почти недовѣрчивому пересмотру. Отсюда произошло значительное различіе и въ общихъ взглядахъ, и въ изложеніи частностей. Въ бо́льшей части такихъ спорныхъ случаевъ, мы, не колеблясь, готовы стать за русскаго историка; но не считаемъ себя въ правѣ согласиться безусловно съ его приговоромъ надъ политикою восточныхъ императоровъ относительно Италіи. Ихъ владѣнія по ту сторону Адріатическаго моря были для нихъ тѣмъ же, чѣмъ Алжиръ сталъ для Франціи. Уступка такихъ владѣній врагу кажется оскорбительною для народной чести, а сохраненіе и защита ихъ стоили огромныхъ, не вознаграждаемыхъ никакими выгодами издержекъ. Въ особенности несправедливъ г. Кудрявцевъ ко Льву Исавру и къ Константину Копрониму. Оставляя въ сторонѣ споръ за иконы, нельзя не признать въ этихъ государяхъ великихъ качествъ, дающихъ имъ полное право на уваженіе потомства. Западные историки высоко цѣнятъ подвигъ Карла Мартела, отразившаго напоръ передовой мухаммеданской рати и чрезъ то отвратившаго отъ европейскихъ народовъ опасность, которою грозили имъ со стороны ислама. Заслуга была, безспорно, великая. Но можно ли поставить на ряду съ побѣдою при Пуатье, одержанною надъ намѣстникомъ Испаніи, тѣ славныя войны, которыя Левъ Исавръ и его жестокій, но даровитый и смѣлый сынъ вели противъ всѣхъ силъ находившагося въ полной крѣпости калифата? Не была ли и съ этой стороны отражена опасность еще бо́льшая, быть можетъ? Принимая въ соображеніе тогдашнее положеніе имперіи, мы рѣшительно не въ правѣ ставить въ вину Льву и Константину ихъ равнодушіе къ далекимъ отъ нихъ итальянскимъ областямъ. Ихъ вниманіе устремлено было въ другую сторону. Вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи христіанскаго государства на берегахъ Воспора рѣшался въ Малой Азіи и заслонялъ собою все остальное.

Въ трехъ послѣднихъ главахъ своего сочиненія, авторъ „Судебъ Италіи“ подробно изложилъ исторію папскихъ сношеній съ Каролингами. Предметъ этотъ, повидимому, истощенъ прежними историками и не представляетъ уже ничего новаго знающему читателю. Однако внимательная повѣрка источниковъ доставила г. Кудрявцеву возможность сообщить особенную занимательность этой части своего труда. Мы должны, впрочемъ, замѣтить, что основная мысль, высказанная имъ по поводу вмѣшательства Франковъ въ дѣла Апеннинскаго полуострова, противорѣчитъ ходу событій и принадлежитъ къ числу остроумныхъ, но едвали плодотворныхъ для науки предположеній. Въ спорѣ между лангобардскими королями и папами, г. Кудрявцевъ горячо принимаетъ сторону первыхъ и предлагаетъ вопросъ: „что было бы съ Италіей, еслибъ призваніе Франковъ папами не помѣшало ей соединиться въ одно государство подъ властью Лангобардовъ?“ Отвѣтъ дала исторія, оправдавшая Захарію, Стефана и Адріана великолѣпнымъ развитіемъ итальянской жизни въ XII, XIII и слѣдующихъ вѣкахъ. И неужели

могло папство добровольно сойдти съ той высоты, на которую возвело его движеніе событій, и уступить мѣсто ненавистному племени, на которое до сихъ поръ итальянскіе историки слагають главную отвѣтственность за послѣдующія несчастія своей родины? Подробный разборъ этого вопроса, отъ рѣшенія котораго зависѣла не только судьба Италіи, но и вся исторія Среднихъ вѣковъ, не можетъ быть предметомъ настоящей статьи. Мы въ правѣ, впрочемъ, надѣяться, что г. Кудрявцевъ не остановится на порогѣ итальянской исторіи и что его дальнѣйшіе труды дадутъ намъ возможность изучить въ бóльшей связи съ позднѣйшими явленіями владычество Каролинговъ надъ Апеннинскимъ полуостровомъ и высказать вполнѣ наше противоположное его мнѣніямъ убѣжденіе.

Мы далеко не исчислили всѣхъ достоинствъ и не показали всѣхъ спорныхъ или недоказанныхъ положеній въ книгѣ г. Кудрявцева и остановились на немногихъ, но, какъ намъ кажется, особенно - важныхъ мѣстахъ. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ повторить то, что уже было сказано въ началѣ: „Судьбы Италіи“ составляютъ важное пріобрѣтеніе не только для русской, но и для исторической литературы вообще. Надобно желать, чтобъ эта книга вышла въ переводѣ на одинъ изъ иностранныхъ языковъ: это доставило бы ей болѣе обширный кругъ читателей и образованныхъ цѣнителей и, сверхъ того, показало бы заграничнымъ ученымъ съ самой выгодной стороны научную дѣятельность въ нашемъ отечествѣ. Да будетъ намъ, однако, позволено обратиться съ послѣднимъ упрекомъ къ автору: форма у него не вездѣ удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ. Рядомъ съ превосходными, рукою мастера написанными страницами, встрѣчаются другія, въ которыхъ мысль затемнена небрежнымъ и растянутымъ изложеніемъ. Непріятно также бросаются въ глаза иностранныя, безъ надобности внесенныя въ нашъ языкъ слова. Къ чему, напримѣръ, писать: шефъ, фортуна, традиція и т. д.? Такія заимствованія ничего не прибавляютъ къ дѣйствительному богатству языка и производятъ вдвойнѣ-непріятное впечатлѣніе при чтеніи такого даровитаго и блестящаго писателя, какъ г. Кудрявцевъ.

ИСПАНСКІЙ ЭПОСЪ *).

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О СИДѢ.

Dozy: Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. (Tome I. Leyde).

Книга г. Дози вышла около четырехъ лѣтъ тому назадъ; но она пріобрѣла извѣстность только въ тѣсномъ кругу ученыхъ, занимающихся исторіею Испаніи. Издавая свои замѣчательныя изслѣдованія, г. Дози вовсе не имѣлъ въ виду большинства читателей: онъ писалъ для спеціалистовъ. Внимательное чтеніе книги, заключающей въ себѣ болѣе 700 страницъ мелкой печати, требуетъ усилій и терпѣнія со стороны читателя. Это рядъ критическихъ статей, въ которыхъ разбираются подробно свидѣтельства источниковъ и труды новыхъ писателей, относящіеся къ исторіи средневѣковой Испаніи, преимущественно къ XI-му столѣтію. Г. Дози—Голландецъ и занимаетъ каѳедру восточныхъ языковъ въ Лейденскомъ университетѣ. Сочиненіе его написано по французски. Несмотря на нѣкоторую сухость, изслѣдованія г. Дози представляютъ весьма много новаго и занимательнаго.

Труды испанскихъ историковъ, жившихъ въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, до сихъ поръ, по справедливому замѣчанію нашего автора, не утратили своей цѣны. Къ сожалѣнію, этимъ ученымъ, съ неутомимымъ усердіемъ занимавшимся разработкою памятниковъ отечественной старины, недоставало весьма важнаго, можно сказать необходимаго пособія: они не знали арабскаго языка, безъ котораго невозможно полное знаніе средневѣковой Испаніи. Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія Казири издалъ извѣстный каталогъ Эскуріальской библіотеки, въ которомъ помѣстилъ много выписокъ изъ арабскихъ источниковъ, относящихся къ испанской исторіи. При всей своей важности трудъ этотъ вскорѣ оказался неудовлетворительнымъ. Казири плохо зналъ по арабски: переводы его невѣрны, выборъ статей обнаруживаетъ отсутствіе историческаго смысла и критики. Въ 1820 году появилось наконецъ сочиненіе, со всѣхъ сторонъ встрѣченное громкими по-

*) Напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1854 г., т. XCIV, № 6.

хвалами ученыхъ и, повидимому, удовлетворявшее давнишнимъ требованіямъ науки. Мы говоримъ объ „Исторіи Испаніи подъ владычествомъ Мавровъ“ Іосифа Конде, составленной исключительно по арабскимъ памятникамъ. Конде очень рѣдко приводитъ имена писателей, изъ которыхъ онъ заимствуетъ отдѣльныя свѣдѣнія; но въ предисловіи къ своему сочиненію исчисляетъ всѣ рукописи, которыми пользовался. Въ самомъ разсказѣ его есть какое-то простодушіе, заставляющее предполагать въ авторѣ человѣка добросовѣстнаго и честно изучившаго свой предметъ. „Исторія Испаніи подъ владычествомъ Мавровъ“ была переведена на нѣсколько языковъ и служила впродолженіе 30-ти лѣтъ для историковъ - неоріенталистовъ замѣною недоступныхъ имъ арабскихъ источниковъ. Можно навѣрно сказать, что съ 1820 года до настоящаго времени не вышло ни одной извѣстной книги о средневѣковой Испаніи безъ обширныхъ заимствованій изъ Конде. Такъ поступали Французы—Россевъ де-Ст. Иллеръ (Rosseeuw de St-Hillaire) и Роме, Нѣмцы — Шефферъ и Ашбахъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ изложили исторію средневѣковой Испаніи. Они довольствовались сличеніемъ арабскихъ писателей, переведенныхъ Конде, съ свидѣтельствами христіанскихъ памятниковъ. Едва-ли кому приходило въ голову заподозрить ученую честность испанскаго оріенталиста, хотя его часто упрекали въ сбивчивомъ изложеніи, не всегда вѣрномъ переводѣ арабскихъ подлинниковъ и неспособности къ критической оцѣнкѣ находившихся у него подъ-рукою матеріаловъ. Занимаясь литературою испанскихъ Арабовъ, г. Дози долженъ былъ безпрестанно прибѣгать къ книгѣ Конде и нашелъ въ ней странныя ошибки и неточности. Болѣе подробныя разысканія привели его наконецъ къ слѣдующему заключенію: „знаніе арабскаго языка у Конде не простиралось далѣе азбуки (?). Замѣняя чрезвычайнымъ богатствомъ воображенія отсутствіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, онъ съ неслыханною наглостью сочинялъ сотнями хронологическія цифры, создавалъ тысячами историческіе факты и выдавалъ свои вымыслы за вѣрный переводъ арабскихъ текстовъ.

„Vois que fourbe sur fourbe à nos yeux il entasse
Et ne fait que jouer des tours de passe-passe“.
(P. Corneille, „Le Menteur“, V, 6).

„Новѣйшіе историки, не подозрѣвая подлога, котораго они сдѣлались жертвами, простодушно повторяли всѣ эти небылицы; иногда они даже заходили далѣе своего наставника, стараясь согласить его вымыслы съ извѣстіями латинскихъ и испанскихъ лѣтописцевъ, которые такимъ образомъ искажались въ свою очередь“.

Трудно допустить безусловно справедливость приведеннаго нами мнѣнія. Г. Дози неоспоримо доказалъ, что Конде былъ плохой знатокъ арабскаго языка и что у него вовсе не было критическаго смысла. Но едва ли можно предположить, съ его стороны, сознательное желаніе обмануть ученую Европу. Книга Конде не принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ мистификацій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ исторіи нашей науки. Источникомъ ошибокъ, находимыхъ въ „Исторіи Мавровъ“, было невѣжество автора, который,

обманывая себя, обманулъ и другихъ. Во всякомъ случаѣ, книга его потеряла всякое право на довѣріе къ ней и отнынѣ не имѣетъ никакого значенія въ наукѣ. Строгое сужденіе г. Дози опирается, впрочемъ, на многочисленныя данныя и на согласіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ французскихъ оріенталистовъ: Рено, Дефремери и другихъ, которые, подобно Лейденскому профессору, имѣли случай свѣрить разсказы Конде съ тѣми рукописями, на которыя онъ ссылается въ своемъ предисловіи. Образчикомъ знаній и критики Конде можетъ служить слѣдующій случай. Въ Эскуріальской библіотекѣ хранится сочиненіе Ибн-аль-Аббара, заключающее въ себѣ біографіи знатныхъ испанскихъ Мавровъ, которые прославились своимъ поэтическимъ талантомъ. По ошибкѣ переплетчика, листы этой рукописи перемѣшаны, такъ что къ началу одной біографіи часто пришитъ конецъ другой, не имѣющей съ первою ничего общаго. Авторъ „Исторіи Мавровъ въ Испаніи" сдѣлался жертвою оплошнаго переплетчика и безъ малѣйшаго подозрѣнія переводилъ, какъ умѣлъ, нужныя для него біографіи. Такимъ образомъ миролюбивые писатели являются у него къ концу своей жизни и совершенно-неожиданно для читателя—полководцами, государственными мужами и т. д.

Въ настоящемъ видѣ своемъ, труды г. Дози не что иное, какъ превосходные, критически разработанные матеріалы для будущаго историка Испаніи. Изъ изслѣдованій Лейденскаго профессора можно извлечь довольно-полное представленіе о характерѣ образованности, которая развилась у Арабовъ, покорившихъ Пиренейскій полуостровъ. Образованность эта была исключительно-аристократическая. Она была обязана своимъ блескомъ и движеніемъ сначала покровительству калифовъ Омеядовъ, жившихъ въ Кордовѣ: потомъ—мелкимъ династіямъ, которыя въ началѣ XI-го столѣтія раздѣлили между собою наслѣдіе падшаго калифата. Арабская Испанія XI-го столѣтія напоминаетъ во многомъ Италію XIV-го и XV-го вѣковъ. Умственная жизнь народа, выражавшаяся преимущественно въ поэзіи, сосредоточивалась при дворахъ многочисленныхъ династовъ. Арабскіе князья полагали свою славу въ щедротахъ, которыми они осыпали современныхъ имъ поэтовъ; но произведенія этихъ поэтовъ, отличающіяся внѣшнею отдѣлкой и изяществомъ формы, никакъ нельзя назвать народными въ настоящемъ значеніи слова. Они содержатъ въ себѣ такъ много искусственнаго, условнаго и доступнаго только однимъ высшимъ классамъ общества, что не могли имѣть вліянія на образованность низшихъ сословій. Однородное явленіе представляетъ намъ искусственная поэзія провансальскихъ трубадуровъ, которая развилась въ рыцарскихъ замкахъ Южной Франціи, служила выраженіемъ аристократическихъ нравовъ и идей и потому не могла сдѣлаться общимъ достояніемъ не понимавшаго ее народа. Наука наравнѣ съ поэзіей пользовалась великодушнымъ покровительствомъ арабскихъ государей въ Испаніи. Въ X-мъ столѣтіи, въ владѣніяхъ Кордовскаго калифа считалось до 70-ти большихъ книгохранилищъ и до 17-ти высшихъ учебныхъ заведеній. Этотъ блестящій періодъ продолжался собственно только до второй половины XI-го столѣтія, то-есть до появленія въ Испаніи Альморавидовъ. Африканскіе пришельцы удержали напоръ христіанъ на мухаммеданскія государства Пиренейскаго

полуострова; но они принесли съ собой религіозный фанатизмъ, давно охладѣвшій у ихъ прежде-поселившихся на европейской почвѣ единовѣрцевъ и несовмѣстный съ дальнѣйшимъ развитіемъ ученой или изящной литературы.

Еще во времена Кордовскаго калифата испанскіе Мавры для войнъ своихъ съ христіанами принуждены были покупать рабовъ, составлявшихъ потомъ весьма-значительную часть мусульманскихъ войскъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Этимъ саклабамъ (напоминающимъ турецкихъ янычаровъ и египетскихъ мамелюковъ) обыкновенно ввѣряли калифы охраненіе собственной особы. Мелкіе династы XI-го столѣтія были не въ состояніи защищать себя противъ христіанскаго оружія и по необходимости уступили мѣсто пришлымъ изъ Африки династіямъ. Цвѣтущая пора искусственно-вызванныхъ къ жизни литературы и науки прошла. Массы народа смотрѣли равнодушно на упадокъ просвѣщенія, имъ чуждаго и порою оскорблявшаго сохранившееся у нихъ религіозное чувство. Вообще арабской образованности не доставало самостоятельности. Она могла развиваться только подъ вліяніемъ особенно-благопріятныхъ условій; ей необходимо было покровительство богатой и сильной аристократіи. Почва ислама неудобна для возращенія на ней цвѣтовъ человѣческаго мышленія. Г. Дози посвятилъ между прочимъ нѣсколько любопытныхъ страницъ (81—123) Аль-Мотассиму, князю Альмерійскому, знаменитому любителю поэзіи и наукъ. Эти страницы внушаютъ читателю участіе къ благородной умственной дѣятельности Мотассима и писателей, изъ которыхъ преимущественно состоялъ дворъ его. Въ государствахъ Западной Европы того времени мы конечно не найдемъ ничего подобнаго; но впечатлѣніе, производимое описаніями г. Дози, непродолжительно. Образцы, которые ученый авторъ „Изслѣдованій о средневѣковой Испаніи“ приводитъ изъ произведеній поэтовъ, жившихъ въ Альмеріи при Мотассимѣ, подтверждаютъ вполнѣ сказанное нами выше о характерѣ арабской поэзіи въ Испаніи. Она служила пріятнымъ занятіемъ изнѣженному и досужему сословію, а не выраженіемъ задушевной жизни цѣлаго народа. Вотъ, напримѣръ, одно изъ самыхъ знаменитыхъ стихотвореній той эпохи, сдѣлавшееся почти народнымъ, потому что всѣ его знали наизусть и пѣли его. Оно принадлежитъ Ибн-аль-Хаддаду, прозванному поэтомъ Андалузіи.

„Мнѣ говорятъ: покинь долину Акикскую, бѣги отъ любимой, но не внемлющей любви твоей дѣвы; не возвращайся болѣе къ Аль-Одайбѣ, къ тому ручью, гдѣ ты встрѣтилъ гордую красавицу, потому что тамъ снова поразятъ тебя острый мечъ и стрѣлы милой дѣвы, покрытой алмазами, наполняющей воздухъ благовоніями. Да, меня не допустили къ тебѣ, но никто не можетъ изгнать образа твоего изъ души моей: вдали отъ тебя мнѣ кажется, что ты всегда со мною. О, друзья, восхваляющіе меня за мое смиреніе предъ судьбою и за то, что я предпочитаю сонъ бдѣнію! я не заслуживаю похвалъ вашихъ; засыпая, я увѣренъ, что ты, возлюбленная, явишься мнѣ въ сновидѣніи“.

Одинъ изъ сыновей Мотассима, Рафи-ад-Даула, слылъ за великаго поэта. Въ доказательство его дарованій г. Дози приводитъ стихи, написанные имъ къ другу.

„Чаши, о Абулъ-Ала, наполнены виномъ и ходятъ по рукамъ веселыхъ собесѣдниковъ; вѣтеръ тихо колышетъ вѣтви деревьевъ; въ воздухѣ раздается пѣніе птицъ, а горлицы воркуютъ, сидя на самыхъ высокихъ вѣткахъ. Прійди жь и пей на берегу этого ручья вино чистое и красное, о которомъ можно подумать, что оно выжато изъ ланитъ милаго кравчаго, который намъ его подноситъ“.

Не смотря на двойной прозаическій переводъ, чрезъ который прошли эти стихотворенія, они сохраняютъ, въ особенности второе, слѣды первоначальной прекрасной формы. Но, сравнивъ ихъ содержаніе съ содержаніемъ первыхъ произведеній испанской народной поэзіи, мы поймемъ, почему Аль-Мотассимъ и другіе сходные съ нимъ владѣтели должны были искать защиты и покровительства у африканскихъ магометанъ, мало цѣнившихъ умственное наслажденіе, но ходившихъ въ бой съ непотрясенною вѣрою въ слово пророка.

Бо́льшую и главную половину книги г-на Дози занимаютъ изслѣдованія о Сидѣ. Кому не извѣстно это имя? Изъ кастильскаго героя Сидъ давно обратился въ представителя средневѣковаго рыцарства въ его общемъ, благороднѣйшемъ значеніи. Благодаря Гердеру, романсы о Сидѣ перестали быть исключительнымъ достояніемъ испанской литературы. Они переведены почти на всѣ европейскіе языки и принадлежатъ, по своему характеру, къ небольшому числу всѣмъ доступныхъ и всѣми любимыхъ произведеній чисто-народной поэзіи. Но историческая извѣстность кастильскаго рыцаря до сихъ поръ не соотвѣтствовала той славѣ, какою увѣнчала его поэзія. Еще въ XV-мъ столѣтіи извѣстный испанскій писатель Ферманъ Перецъ де-Гусманъ выразилъ свои сомнѣнія въ истинѣ событій, о которыхъ упоминаютъ романсы о Сидѣ. Сомнѣнія эти не прекращались до нашего времени. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Масдеу (Masdeu) посвятилъ почти цѣлый томъ своей „Критической исторіи Испаніи“ разбору извѣстій о Сидѣ. Онъ высказалъ результатъ своихъ разысканій въ слѣдующихъ словахъ: „У насъ нѣтъ о знаменитомъ Сидѣ ни одного свидѣтельства положительнаго и достовѣрнаго, или заслуживающаго мѣсто въ лѣтописяхъ нашего народа. Мы не только ничего о немъ не знаемъ, но у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ его существованія“. Г. Дози справедливо вооружается противъ неумѣстнаго скептицизма испанскихъ историковъ и возстановляетъ, на основаніи неоспоримыхъ свидѣтельствъ, историческое лицо Родрига Діаца, прозваннаго Сидомъ и Кампеадоромъ. Мы представимъ нашимъ читателямъ краткій обзоръ самыхъ источниковъ, въ которыхъ содержатся матеріалы для возможной біографіи Сида. 1) Едвали не древнѣйшій изъ этихъ памятниковъ есть латинское стихотвореніе о Сидѣ, принадлежащее XII столѣтію и свидѣтельствующее о томъ, какъ рано подвиги Сида перешли въ сферу поэзіи (Edélestand du Méril, Poésies populaires latines du moyen âge, Paris 1847, pg. 284 и слѣд.); 2) поэма о Сидѣ, „El poema del Sid“, возникшая, по всей вѣроятности, въ началѣ XIII столѣтія, и 3) почти современная съ поэмою стихотворная хроника „la Crônica rimada del Cid“. Къ этимъ двумъ памятникамъ примыкаютъ, по характеру и содержанію, 4) романсы о Сидѣ

(Romancero del Cid), собранные впервые Хуаномъ де Эскобаръ. Изъ прозаическихъ памятниковъ назовемъ слѣдующіе: 5) найденную въ Августинскомъ монастырѣ Св. Изидора въ Леонѣ лѣтопись, которую издалъ въ 1792 году Риско, подъ названіемъ „Gesta Roderici Campidocti“. Масдеу не признавалъ подлинности этой лѣтописи и отрицалъ существованіе самой рукописи. Неосновательность его возраженій нынѣ доказана. „Gesta Roderici“ относятся къ началу XIII столѣтія. Сочинитель писалъ до вторичнаго взятія Валенціи христіанами въ 1238 году. 6) „Crònica general“ Альфонса X-го, названнаго ученымъ. Альфонсъ X-й жилъ, какъ извѣстно, въ XIII-мъ столѣтіи. Четвертая часть его общей лѣтописи содержитъ въ себѣ весьма любопытныя, частью изъ арабскихъ источниковъ заимствованныя свѣдѣнія о Сидѣ. Изданная въ 1512 году „Crònica del Cid“, по рукописи, хранившейся въ монастырѣ Св. Петра Карденьскаго, есть не что иное, какъ плохая и относительно новая передѣлка той части общей хроники Альфонса X-го, въ которой разсказаны подвиги Сида.

Въ источникахъ для біографіи Сида, слѣдовательно, нѣтъ недостатка. Но Масдеу и писатели сходныхъ съ нимъ мнѣній основываютъ свои сомнѣнія на отсутствіи свидѣтельствъ, современныхъ Сиду. Дѣйствительно, всѣ памятники, нами исчисленные, принадлежатъ позднѣйшему времени. Испанскія лѣтописи, современныя Сиду, не упоминаютъ о немъ. Но можно ли изъ этого заключить, что самое существованіе кастильскаго героя есть фактъ недоказанный? Положимъ, что молчаніе современниковъ о такомъ лицѣ, какъ Родригъ Діацъ, въ самомъ дѣлѣ странно; но развѣ всѣ лѣтописи того времени дошли до насъ? Г. Дози приводитъ, между прочимъ, краткую лѣтопись Петра, епископа Леонскаго, излагающую исторію царствованія Альфонса VI-го и содержащую въ себѣ нѣсколько извѣстій о Сидѣ. Петръ Леонскій былъ современникъ Сида, и его словъ достаточно для опроверженія сомнѣній Масдеу и другихъ скептиковъ. Лѣтопись епископа Петра потеряна, но отрывки изъ нея сохранились въ сочиненіи Сандоваля „Cinco Reyes“, напечатанномъ въ 1615 году. Сверхъ того, критики, разбиравшіе преданія о Сидѣ, опустили изъ виду существованіе другихъ памятниковъ, неоспоримо доказывающихъ историческое существованіе самого героя. Такъ, напримѣръ, въ Бургосѣ находится подлинный актъ брачнаго договора между Родригомъ Діацомъ и Хименою, дочерью Діего, графа Овіедскаго. Актъ этотъ, писанный готическими буквами на пергаментѣ, составленъ 19 іюля 1074 года. Имя Родрига Діаца встрѣчается также въ нѣсколькихъ граматахъ, принадлежащихъ второй половинѣ XI-го столѣтія. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти о немъ ужь говорятъ лѣтописи Южной Франціи; около того же времени онъ ужь успѣлъ сдѣлаться героемъ народной поэзіи, которая, конечно, украсила дѣйствительность, но не могла однако создать ее изъ ничего. Въ виду такихъ данныхъ всякій скептицизмъ долженъ былъ бы умолкнуть. Г. Дози наноситъ ему рѣшительный ударъ. Онъ нашелъ въ Готской библіотекѣ сочиненіе Ибнъ-Бассама о поэтахъ, жившихъ въ Испаніи въ V-мъ столѣтіи гиджры. Эта рукопись содержитъ въ себѣ, между прочимъ, подробное описаніе покоренія Валенціи Сидомъ, составленное въ

1109 году, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ паденія Валенціи и черезъ десять послѣ смерти Сида. Это древнѣйшее лѣтописное свидѣтельство о Кампеадорѣ полагаетъ конецъ всѣмъ спорамъ. Оно носитъ на себѣ печать еще не охладѣвшей ненависти къ христіанскому вождю. Слѣдуя указаніямъ г. Дози, мы сообщимъ нашимъ читателямъ краткій очеркъ дѣйствительной, отрѣшенной отъ поэтическихъ примѣсей жизни Сида; потомъ мы разсмотримъ тѣ измѣненія, которымъ подвергся его образъ въ теченіе вѣковъ въ памятникахъ, созданныхъ народною фантазіею. Руководителемъ нашимъ будетъ постоянно г. Дози, у котораго отдѣлъ о Сидѣ обработанъ съ необыкновеннымъ талантомъ и полнымъ знаніемъ предмета.

Имя Родрига Діаца встрѣчается въ первый разъ въ граматѣ Фердинанда I-го отъ 1064 года. Годъ его рожденія неизвѣстенъ. Отца онъ лишился еще въ дѣтствѣ своемъ. Когда, по смерти Фердинанда I-го, владѣнія его перешли къ дѣтямъ, Родригъ остался при дворѣ старшаго сына, Санхо кастильскаго, и повидимому уже игралъ значительную роль. Междоусобія Санхо съ братьями и сестрами дали Родригу, которому король ввѣрилъ начальство надъ всѣмъ своимъ войскомъ, возможность обнаружить тѣ великія свойства, которыми онъ впослѣдствіи прославился. Въ 1071 году Санхо и братъ его Альфонсъ, король Леонскій, условились кончить споръ свой судомъ Божіимъ, то-есть битвою. Побѣжденный былъ обязанъ уступить свои владѣнія побѣдителю. Сраженіе произошло у деревни Гольпехары. Кастильцы были разбиты. Альфонсъ, увѣренный въ точномъ исполненіи условій, запретилъ своимъ воинамъ преслѣдовать бѣглецовъ и не хотѣлъ проливать крови будущихъ подданныхъ. Но Родригъ уговорилъ Санхо нарушить условіе. „Враги наши отдыхаютъ послѣ побѣды (сказалъ онъ ему ночью): если мы на разсвѣтѣ нападемъ на нихъ снова, то одолѣемъ въ свою очередь“. Санхо принялъ не совсѣмъ честный совѣтъ и съ остатками разбитаго войска напалъ рано утромъ на брата. Застигнутые въ расплохъ Леонцы разсѣялись; самъ Альфонсъ попался въ плѣнъ. Вскорѣ потомъ донъ-Санхо погибъ при осадѣ города Заморы, который онъ хотѣлъ отнять у сестры своей Урраки. Всѣ его владѣнія перешли по наслѣдству къ брату его Альфонсу VI-му, который предварительно долженъ былъ подвергнуться унизительному обряду и присягнуть въ томъ, что онъ не принималъ участія въ смерти убитаго предательскимъ образомъ брата. Присягу эту принялъ Родригъ Діацъ. Понятно, что Альфонсъ не могъ любить надменнаго вассала, который былъ причиной его плѣна и свидѣтелемъ его униженія. Это не помѣшало, впрочемъ, Родригу жениться на близкой родственницѣ короля, Хименѣ, дочери графа Овіедскаго. Около 1081 года Родригъ былъ изгнанъ изъ владѣній Альфонса VI-го. Мы не знаемъ, что послужило поводомъ къ этому изгнанію, но съ него начинается та часть жизни Сида, въ теченіе которой онъ сдѣлался любимцемъ испанскаго народа.

Слѣдующіе за тѣмъ годы Сидъ провелъ большею частію въ службѣ князя Юсуфа-Аль-Мутамина Сарагосскаго, изъ рода Бени-худовъ. Вотъ почему названный нами выше арабскій писатель говоритъ о Сидѣ, что онъ обязанъ былъ своей славой Бени-худамъ. Родригъ не только принималъ

участіе въ распряхъ мухаммеданскихъ династовъ, но онъ помогалъ имъ противъ христіанскихъ владѣтелей, именно противъ Санхо Рамирица, короля Аррагонскаго и Наварскаго, и противъ Раймунда Беренгара, графа Барцелонскаго. У Родрига была своя собственная дружина, въ родѣ итальянскихъ кондотъ. Самъ онъ былъ не что иное, какъ смѣлый кондотьеръ, мало заботившійся о соблюденіи уставовъ рыцарской чести. Не онъ одинъ жилъ такимъ образомъ въ тогдашней Испаніи; знаменитый родственникъ и сподвижникъ его Альваро Фанецъ служилъ съ наемною дружиною арабскому князю, которому принадлежала Валенція. Дружина эта состояла, по словамъ лѣтописи, изъ бродягъ всякаго рода. Альваро Фанецъ не обращалъ вниманія на различіе вѣръ; онъ принималъ въ ряды свои мухаммеданъ и христіанъ безъ разбора. За-то воины его пріобрѣли незавидную извѣстность. Они грабили, жгли селенія и убивали жителей несчастныхъ мѣстностей, черезъ которыя лежалъ ихъ путь. Плѣнниковъ своихъ они часто продавали въ рабство за одинъ хлѣбъ, кружку вина или фунтъ рыбы. Плѣнники, которыхъ нельзя было продать, подвергались несравненно худшей участи: имъ рѣзали языки, выкалывали глаза и травили ихъ пріученными къ этому дѣлу собаками. Г. Дози нашелъ въ источникахъ подробности до того отвратительныя, что не рѣшился сообщить ихъ своимъ читателямъ. Къ сожалѣнію, народный герой испанской поэзіи не отличался отъ современниковъ мягкостью нрава, и дружина его ни въ чемъ не уступала дружинѣ Альваро Фанеца. Весьма замѣчательно въ этомъ отношеніи находящееся въ лѣтописи о Сидѣ (Gesta) письмо Беренгара Барцелонскаго. Письмо это, въ которомъ Барцелонскій графъ обвиняетъ Сида въ томъ, что онъ поклоняется горамъ и хищнымъ птицамъ, а не истинному Богу, оканчивается слѣдующими словами: „Господь отмститъ вамъ за разрушенные вашимъ насиліемъ и поруганные храмы его".

Счастіе измѣнило Беренгару въ войнѣ съ Сидомъ, который разбилъ и взялъ его въ плѣнъ. Мы переведемъ съ перевода г-на Дози то мѣсто поэмы о Сидѣ, въ которомъ описывается освобожденіе Барцелонскаго графа изъ плѣна. Оно даетъ поразительно вѣрное понятіе о грубой и оригинальной эпохѣ, къ которой принадлежатъ эти событія.

„У Сида моего, дона Родрига, идетъ большая стряпня. Графу донъ Реймонду (Беренгару) нѣтъ до этого дѣла; ему приносятъ яства и готовятъ ихъ передъ нимъ, а онъ не хочетъ ѣсть. Онъ смѣется надъ всѣми кушаньями. „Я не съѣмъ ни одного куска за всѣ богатства цѣлой Испаніи. Пусть погибнетъ тѣло мое и пропадетъ душа моя, когда такіе оборванцы (mal calrados) побѣдили меня въ битвѣ". Послушайте, что говоритъ теперь мой Сидъ Рюи Діацъ: „Отвѣдайте, графъ, этого хлѣба, выпейте вина; если вы сдѣлаете то, о чемъ я прошу, вы не будете болѣе плѣнникомъ; если нѣтъ, вамъ не видать никогда земли христіанской". Графъ донъ Реймондъ отвѣчаетъ: „Ѣшьте, Родригъ, и предавайтесь радости, а я уморю себя, потому что я не хочу ѣсть". До третьяго дня они не могли уговорить его; пока они дѣлили богатую добычу, они не могли убѣдить его проглотить кусокъ хлѣба. Мой Сидъ сказалъ: „Съѣшьте что-нибудь, графъ; если вы не ста-

нете ѣсть, вамъ не видать болѣе христіанъ; но если вы съѣдите вдоволь для меня, я освобожу васъ и еще двухъ рыцарей и отпущу васъ домой". Когда графъ услыхалъ это, онъ сталъ повеселѣе. „Сидъ, если вы сдѣлаете, что̀ обѣщаете, я буду удивляться вамъ до конца жизни".—Ѣшьте же, графъ, а послѣ обѣда я отпущу васъ и двухъ другихъ. Но знайте, что изъ всего того, что̀ вы потеряли, а я добылъ на полѣ битвы, я не отдамъ вамъ ни одной фальшивой денежки; я ничего не отдамъ вамъ изъ всего потеряннаго вами, потому что оно мнѣ нужно для моихъ вассаловъ, которые служатъ при мнѣ и терпятъ нужду; я ничего не дамъ вамъ. Я беру у васъ и у другихъ и плачу вассаламъ". Графъ радуется; онъ требуетъ воды, чтобы умыть себѣ руки, и ему подаютъ воду, подаютъ тотчасъ. Графъ собирается кушать вмѣстѣ съ рыцарями, которыхъ Сидъ отпускаетъ съ нимъ. Боже мой, съ какою охотою принимается онъ за это дѣло! Напротивъ его сидитъ тотъ, кто родился въ благопріятный часъ. „Если вы мало станете ѣсть, графъ, не вдоволь для меня, мы останемся здѣсь, мы не покинемъ другъ друга". Тогда графъ сказалъ: „отъ всей души и съ большой охотой". Онъ обѣдаетъ проворно съ двумя рыцарями; мой Сидъ на него смотритъ и радуется тому, что графъ донъ Реймондъ такъ хорошо дѣйствуетъ руками. „Если позволите, мой Сидъ, мы готовы въ дорогу. Прикажите, чтобы намъ подали коней, и мы поѣдемъ тотчасъ. Съ того дня, какъ я сталъ графомъ, я не ѣлъ съ такой охотой. Не забуду удовольствія, которое испыталъ теперь". Имъ подали трехъ отлично осѣдланныхъ коней, хорошее платье, шубы и плащи. Графъ донъ Реймондъ скачетъ среди двухъ другихъ рыцарей. Кастильянецъ провожаетъ ихъ до крайней черты стана. „Вы ѣдете, графъ, на полную свободу. Благодарю васъ за то, что̀ вы мнѣ оставляете; когда вамъ захочется отмстить мнѣ и вы станете искать меня, вы меня легко найдете; если же вы не прикажете меня искать и оставите меня въ покоѣ, у васъ будетъ въ барышахъ кое-что изъ вашего или изъ моего добра". — „Веселитесь, мой Сидъ, будьте здравы и невредимы; я расплатился съ вами за этотъ годъ; никому не придетъ въ голову искать васъ". Графъ пришпорилъ коня и пустился въ путь; дорогой онъ поворачивалъ голову и посматривалъ назадъ: онъ боялся, чтобы Сидъ не раскаялся. За всѣ сокровища міра не поступилъ бы такъ безукоризненный рыцарь: онъ никогда не совершилъ безчестнаго дѣла".

Видно, графъ Барцелонскій былъ другаго мнѣнія. Есть причины думать, что характеръ его побѣдителя былъ ему извѣстенъ лучше, чѣмъ жившему цѣлымъ столѣтіемъ позже поэту. Суровая простота и драматическое движеніе, составляющія принадлежность приведеннаго нами отрывка изъ поэмы о Сидѣ, по справедливости обратили на себя вниманіе г-на Дози. Намъ однако кажется, что онъ не замѣтилъ весьма характеристической черты. Родригъ готовъ выпустить на волю плѣннаго графа, но изъ взятой въ битвѣ добычи онъ не уступитъ ничего, *ни даже фальшивой денежки*. Съ особенною энергіею и нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти слова. Таковы были феодальные герои XI столѣтія не въ одной Испаніи, но во всей западной Европѣ. Рыцарскія понятія только-что начинали развиваться и еще не успѣли

сгладить предшествовавшей грубости феодальныхъ нравовъ. Сидъ не скрываетъ своей любви къ чужому добру. Онъ совершаетъ часть своихъ подвиговъ ради добычи и денежныхъ выгодъ. Онъ ведетъ настоящую торговлю съ мухаммеданскими князьями: одни покупаютъ у него его услуги, другіе—просто миръ. Владѣлецъ альбарацинскій платилъ Сиду ежегодно 10,000 динаровъ; столько же получалъ онъ изъ Альпуенты, 6,000 изъ Мурвіедро, 6,000 изъ Сегорбіи, 4,000 изъ Херики, 3,000 изъ Альменары, 12,000 изъ Валенціи, пока не овладѣлъ совсѣмъ послѣднимъ городомъ. Это исчисленіе еще неполно. Въ книгѣ г-на Дози можно найти много подробностей, показывающихъ, какіе огромные доходы бралъ Родригъ съ меча своего.

Въ промежуткахъ между безпрерывными войнами, въ которыхъ принималъ корыстное участіе, изгнанный Сидъ служилъ и королю своему, Альфонсу VI кастильскому; но ему долго не удавалось смягчить гнѣвъ короля. Въ 1092 году Сидъ ходилъ вмѣстѣ съ Альфонсомъ на Альморавидовъ, въ южную Испанію. Въ виду непріятеля, превосходнаго числомъ, Альфонсъ разбилъ укрѣпленный лагерь на горѣ: Сидъ сталъ передъ нимъ внизу, на равнинѣ, выражая такимъ образомъ намѣреніе прикрыть своей дружиной королевское войско. Альфонсъ былъ глубоко оскорбленъ высокомѣріемъ вассала и осыпалъ его упреками. Для избѣжанія еще худшихъ послѣдствій, Сидъ поспѣшилъ удалиться и ушелъ ночью къ Валенціи, давно составлявшей цѣль его желаній.

Ослабленная внутренними смутами Валенція со всѣхъ сторонъ была окружена врагами. Сосѣдніе князья, христіане и мухаммедане равно старались овладѣть богатымъ городомъ. По смерти послѣдняго государя, царствовавшаго въ Валенціи, городомъ правилъ совѣтъ, составленный изъ самыхъ значительныхъ по положенію своему жителей. Это было нѣчто въ родѣ аристократической республики. Въ главѣ совѣта стоялъ Ибн-Джахафъ, человѣкъ безъ дарованій, но властолюбивый, искавшій себѣ опоры извнѣ. Онъ сносился съ Альморавидами и съ Сидомъ, въ надеждѣ со временемъ противопоставить ихъ другъ другу. Г-нъ Дози очень обстоятельно излагаетъ исторію Валенціи во второй половинѣ XI столѣтія. Мы заимствуемъ изъ его изслѣдованій только тѣ факты, которые относятся непосредственно къ Сиду. Лѣтомъ 1093 года Сидъ обложилъ Валенцію. Осада, подробности которой сохранены намъ арабскими писателями, продолжалась около года. Жители, напрасно разсчитывавшіе на помощь своихъ единовѣрцевъ, были доведены до послѣдней крайности. Они толпами выходили изъ города и предавали себя произволу Сидовыхъ наемниковъ, дабы избѣжать голодной смерти. Желая ускорить паденіе Валенціи, Родригъ запретилъ пускать въ лагерь свой этихъ выходцевъ; захваченныхъ имъ въ плѣнъ Мавровъ онъ жегъ на кострахъ и травилъ живыхъ собаками. 15-го іюня 1094 года городъ сдался. Сначала Сидъ очень благосклонно обходился съ побѣжденными и заслужилъ ихъ признательность. По его приказанію, были задѣланы всѣ обращенныя къ городу окна крѣпостныхъ башенъ, дабы нескромные взгляды не могли проникать во внутренность мухаммеданскихъ домовъ. Онъ также приказалъ христіанамъ кланяться Маврамъ и уступать послѣднимъ дорогу при встрѣчѣ

съ ними на улицѣ. Но кротость эта продолжалась не долго. При описаніи жестокостей, совершенныхъ Сидомъ къ Валенціи, авторъ разбираемаго нами сочиненія слишкомъ полагается на пристрастныя свидѣтельства арабскихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, Родригъ былъ суровый властелинъ. Желая овладѣть богатствами Ибн-Джахафа, онъ предалъ его пыткѣ и потомъ казнилъ за утайку нѣкоторыхъ драгоцѣнностей. Ибн-Джахафъ былъ сожженъ живой вмѣстѣ съ семнадцатью другими почетными Маврами. Въ числѣ ихъ погибъ, по предположенію г-на Дози, Абу-Джафаръ-аль-Бати, замѣчательный писатель, сочиненіемъ котораго объ осадѣ Валенціи Сидомъ воспользовался для своей хроники Альфонсъ X. Родригъ умеръ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ въ 1098 году. Черезъ четыре года послѣ его смерти христіане принуждены были снова покинуть Валенцію и уступили ее Альморавидамъ. У Сида осталось трое дѣтей: сынъ и двѣ дочери. Сынъ былъ убитъ въ войнѣ съ Маврами. Потомки его существовали еще въ XIV столѣтіи и жили въ городѣ Валенціи. Старшая дочь Сида, Христина, вышла за мужъ за дона Рамиро, инфанта Наварскаго; вторая, Марія, была супругою Раймонда III, графа Барцелонскаго.

Изъ этого краткаго, но по достовѣрнымъ источникамъ составленнаго очерка можно видѣть, что историческій Сидъ во многомъ отличается отъ того Сида, о которомъ поютъ испанскіе романсы. Г. Дози показалъ, впрочемъ, что въ поэтическихъ памятникахъ средневѣковой Испаніи образъ кастильскаго героя подвергся послѣдовательнымъ измѣненіямъ, соотвѣтствующимъ перемѣнамъ, которыя произошли въ политическомъ бытѣ и образѣ мыслей испанскаго народа. Ослушникъ, наказанный гнѣвомъ Альфонса VI, нарушитель договоровъ, наемный слуга арабскихъ князей, жестокій властитель Валенціи, обращается постепенно въ томнаго любовника Химены и представителя самыхъ утонченныхъ понятій о рыцарской чести и вѣрности. Приступая къ вопросу о древности отдѣльныхъ поэтическихъ памятниковъ, которыхъ героемъ является Сидъ, г. Дози отрицаетъ совершенно вліяніе Арабовъ на испанскую поэзію, о которомъ такъ много толковали другіе ученые. Извѣстно, что Конде приписывалъ Арабамъ самую форму романса; Гаммеръ нашелъ у нихъ первыя ottave rime; Форіэль посвятилъ цѣлую главу своего знаменитаго сочиненія о провансальской поэзіи изслѣдованію отношеній, существовавшихъ между арабскою и провансальскою литературами. Ученый знатокъ романскихъ литературъ, Фердинандъ Вольфъ, давно выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности арабскихъ вліяній на поэзію южныхъ народовъ Европы. Къ сожалѣнію, превосходные труды Вольфа не пользуются должною извѣстностью и не всѣмъ доступны, потому что онъ печаталъ ихъ статьями въ періодическомъ изданіи (Вѣнскихъ Лѣтописяхъ) и не издавалъ отдѣльно. Вотъ что говоритъ г. Дози:

„Арабо-испанская поэзія—класическая, потому что она подражала древнимъ образцамъ, была исполнена образовъ, заимствованныхъ изъ жизни въ пустынѣ, непонятныхъ для массы народа и еще въ бо́льшей степени для иностранцевъ. Языкъ поэтическій былъ языкъ мертвый; сами Арабы понимали его и писали на немъ только вслѣдствіе долгаго и основательнаго изу-

ченія древнихъ поэмъ, какъ напримѣръ Моаллакъ, Гамазы, Дивана шести поэтовъ, комментаторовъ и старыхъ лексикографовъ. Иногда даже поэты ошибались въ употребленіи нѣкоторыхъ устарѣвшихъ словъ. Эта родившаяся во дворцахъ поэзія обращалась не къ народу, а къ людямъ образованнымъ, вельможамъ и князьямъ. Могла ли поэзія, столь ученая, доставлять образцы смиреннымъ и невѣжественнымъ кастильскимъ жонглерамъ? Что касается до благородныхъ трубадуровъ Прованса, то прекрасныя дамы, пиры, турниры и война не оставляли имъ досуга, необходимаго для многолѣтняго изученія арабскихъ стихотвореній. Я сказалъ: многолѣтняго, и не беру назадъ своего выраженія. Даже въ настоящее время можно найдти много оріенталистовъ, вполнѣ понимающихъ обыкновенный арабскій языкъ историковъ, но ошибающихся почти на каждомъ шагу, когда дѣло идетъ о переводѣ стихотвореній. Языкъ поэтовъ требуетъ особаго изученія. Тотъ, кто хочетъ свободно читать арабскихъ поэтовъ, долженъ посвятить на это цѣлые годы. Языкъ поэзіи отличается, конечно, у всѣхъ народовъ отъ языка прозы; но нигдѣ это различіе не обозначилось такъ рѣзко, какъ у Арабовъ".

Къ подтвержденію мнѣнія г. Дози служитъ отсутствіе повѣствовательныхъ произведеній у испанскихъ Арабовъ, у которыхъ почти исключительно процвѣтала лирика. Нашему автору извѣстны только два стихотворенія такого рода, не имѣющія, впрочемъ, ничего общаго съ романсами. У Арабовъ нѣтъ вовсе романсовъ, и предположеніе, что мавританскіе романсы, „Romans moriscos", переведены на испанскій съ арабскаго, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Эти вычурныя произведенія принадлежатъ XVI-му и XVII-му столѣтіямъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу „Исторіи Испанской Литературы" Тикнора находятся любопытныя указанія на существованіе у испанскихъ Мавровъ чего-то въ родѣ народной поэзіи. До сихъ поръ, на сѣверномъ берегу Африки, тангерскіе и тетуанскіе Мавры поютъ пѣсни, содержащія въ себѣ брань на жителей Кордовы и Гранады и другіе намеки изъ временъ мухаммеданскаго владычества надъ Пиренейскимъ полуостровомъ. Лейденскому профессору были также, повидимому, неизвѣстны многіе образцы повѣствовательной поэзіи у Арабовъ, о которыхъ говорится въ вышеупомянутыхъ примѣчаніяхъ (томъ II, стр. 680).

Пороки Сида были принадлежностью цѣлой касты, а не одного лица; въ глазахъ современниковъ они были великими качествами. Непокорный вассалъ высказывалъ громко и заявлялъ дѣлами образъ мыслей всего феодальнаго сословія. Надобно, сверхъ того, сказать, что кастильское дворянство, далеко уступавшее въ силѣ и значеніи аррагонскому и французскому, постоянно стремилось къ такому же положенію въ государствѣ. Тѣмъ бо́льшее сочувствіе внушалъ ему строптивый Родригъ, котораго вся жизнь прошла въ распряхъ съ Альфонсомъ VI. Стихотворная хроника и древнѣйшіе романсы съ особенною любовью указываютъ на эту сторону въ характерѣ Сида. Не заботясь объ исторической точности, они приписываютъ ему всѣ великія дѣла Фердинанда I, хотя настоящая дѣятельность Сида начинается ужъ при сыновьяхъ этого короля. Когда (говоритъ стихотворная хроника) императоръ

германскій потребовалъ отъ Фердинанда присяги въ вѣрности, послѣдній не зналъ, что̀ дѣлать, и горько жаловался на судьбу свою. Жалобъ этихъ никто не слушалъ. Наконецъ онъ рѣшился послать за Родригомъ, который отвѣчалъ должнымъ образомъ на требованія германскаго императора и потомъ разбилъ соединенныя силы всѣхъ европейскихъ народовъ, грозившія его королю. Во время переговоровъ о мирѣ, Фердинандъ отправился съ Родригомъ, по словамъ той же хроники, въ непріятельскій лагерь, гдѣ никто не могъ отличить короля отъ вассала. Фердинандъ предлагаетъ наконецъ Сиду престолъ свой, отъ котораго послѣдній отказывается.

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного истиннаго событія; тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ занимательности. Изъ него можно, съ одной стороны, видѣть древнѣйшее воззрѣніе на Сида, съ другой — особенное, можно сказать, ей исключительно принадлежащее свойство древней испанской поэзіи. Въ ней мало лирическихъ элементовъ; нѣтъ ничего мечтательнаго; она заимствуетъ свое содержаніе изъ сферы дѣйствительной, изъ исторіи. Но здѣсь воображеніе поэтовъ создаетъ, въ угоду народной гордости, небывалыя событія и не полагаетъ никакихъ границъ своимъ правамъ. Оно по своему передѣлываетъ исторію. Черезъ столѣтіе послѣ смерти Фердинанда I, его эпоха уже была совершенно преображена народными поэтами. Ему была предоставлена отчасти та же роль, какую Карлъ-Великій играетъ въ романсахъ каролингскаго цикла. Сидъ замѣняетъ Роланда и Оливьера.

Мы видѣли отношенія Сида къ королю. Старинный романсъ поетъ также объ его поступкахъ съ папою.

Разсказъ, содержащійся въ этомъ романсѣ, принадлежитъ къ той же сферѣ, къ которой относятся баснословныя войны Фердинанда I, его побѣда надъ германскимъ императоромъ и взятіе Кастильцами Парижа. Сидъ никогда не былъ въ Римѣ. Свиданіе его съ папою — дѣло народнаго воображенія, которое приводило своего любимца въ соприкосновеніе со всѣми властями того времени. Замѣтимъ, впрочемъ, что Сидъ не былъ исключительно представителемъ одного феодальнаго сословія: низшіе классы народа также присвоивали его себѣ. По нѣкоторымъ преданіямъ, мать Сида была простая поселянка; по другимъ, отецъ его былъ мельникъ. Зятья его, инфанты коріонскіе, жаловались, по свидѣтельству романса, на то, что имъ, сыновьямъ королей, родственникамъ императоровъ, пришлось жениться на дочеряхъ пахаря. Такимъ образомъ Сидъ принадлежитъ по рожденію двумъ сословіямъ, къ которымъ преимущественно обращалась народная поэзія. Поэты того времени, по вѣрному замѣчанію Дози, жонглеры, переходили изъ за̀мка въ за̀мокъ, изъ деревни въ деревню и пѣли тамъ свои произведенія. Повидимому, они мало посѣщали города, потому что горожане, вѣроятно слишкомъ занятые матеріальными интересами, рѣдко являются въ поэмахъ и романсахъ. Жонглеры говорятъ только о дворянахъ, да о крестьянствѣ—сословіяхъ, которыя, по положенію своему въ Кастиліи, были тѣсно между собою связаны и за одно поддерживали феодальныя начала. Отношенія кастильскихъ городовъ были совсѣмъ другія: пользуясь значительными муниципальными льготами, они очень рѣдко вступали въ споръ съ монархическою

властью и доставили ей въ эпоху Фердинанда и Изабеллы, своими ополченіями, или Германдадой, рѣшительный перевѣсъ надъ феодальнымъ дворянствомъ.

Возьмемъ теперь другую сторону Сида, также смягченную впослѣдствіи. Всякому образованному читателю извѣстно, какимъ страстнымъ и почтительнымъ любовникомъ является Сидъ въ романсахъ позднѣйшаго происхожденія. Стихотворная хроника представляетъ его отношенія къ Хименѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Родригъ женился на ней противъ собственной воли, въ угоду королю, желавшему положить конецъ междоусобіямъ, которыхъ театромъ была Кастилія. Бракъ былъ, слѣдовательно, чисто политическій. Характеръ самой Химены не отличается вначалѣ особенною женственностью. Она отправляется ко двору короля Фердинанда съ жалобою на Родрига, убившаго ея отца и державшаго въ плѣну ея братьевъ. Король объясняетъ ей смутное положеніе государства и трудность наказать ея обидчика. Когда Химена Гомецъ услышала эти слова: „Ради Бога, государь“, сказала она, „не сердитесь на меня за то, что̀ я предложу вамъ. Я вамъ покажу, какъ можно успокоить Кастилію и другія государства ваши. Выдайте меня за̀мужъ за Родрига, за того, кто убилъ отца моего“.

Мы совершенно согласны съ слѣдующими замѣчаніями г-на Дози. Химена предлагаетъ свою руку Родригу не вслѣдствіе пламенной страсти, а изъ чувства долга. Она не любитъ Родрига, но жертвуетъ собою, ибо надѣется отвратить такимъ образомъ бѣдствія, угрожающія Кастиліи. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ романсовъ проглядываетъ, впрочемъ, личное чувство женщины, неясная надежда на счастіе. „Тотъ, кто надѣлалъ мнѣ такъ много зла, окажетъ мнѣ, быть можетъ, и добро“, говоритъ она. Родригъ сначала отвѣчаетъ отрицательно на предложеніе Фердинанда вступить въ бракъ съ Хименою, но потомъ женится и живетъ съ нею счастливо. Чувство рыцарской любви къ женщинѣ и почтительное обращеніе съ нею принадлежатъ, на равнѣ съ чувствомъ рыцарской вѣрности государю, къ позднѣйшимъ явленіямъ средневѣковой испанской жизни. XI-му вѣку они были почти неизвѣстны. Женщина въ тогдашней Испаніи была вѣрною подругою и отголоскомъ мнѣній мужа, а не идоломъ, принимающимъ поклоненіе обожателей. Въ извѣстномъ сочиненіи принца донъ Хуана-Эммануила, въ „Графѣ Луканорѣ“, находится весьма любопытный разсказъ объ Альварѣ Фанецъ и его супругѣ. Одинъ изъ родственниковъ Альвара замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ подчиняется своей женѣ, донѣ Васкуньянѣ. Донъ Альваръ обѣщалъ ему скорый отвѣтъ и черезъ нѣсколько дней выѣхалъ съ нимъ и женою на прогулку. Рыцари ѣхали впереди, дама слѣдовала за ними. На дорогѣ имъ встрѣтилось стадо коровъ, и донъ Альваръ сказалъ своему родственнику: „посмотрите, братъ мой, какія у насъ здѣсь прекрасныя лошади“.—„Какъ, лошади? вѣдь это коровы!“—„Я боюсь, не сошли ли вы съ ума, братъ мой. Это настоящія лошади“. Рѣшеніе спора предоставлено было подъѣхавшей къ тому времени донѣ Васкуньянѣ. Сначала ей самой показалось, что она видитъ коровъ, но узнавъ мнѣніе мужа, тотчасъ съ нимъ согласилась, ибо была увѣрена, что онъ никогда не ошибается. Нѣсколько разъ во время

прогулки повторилъ донъ Альваръ свой опытъ съ однимъ и тѣмъ же успѣхомъ, и тѣмъ доказалъ бѣдному родственнику, который начиналъ сомнѣваться въ свидѣтельствѣ собственныхъ глазъ, неосновательность его предположеній. Отсюда произошла испанская поговорка: когда мужъ говоритъ, что ручей течетъ обратно къ источнику, добрая жена должна ему вѣрить и съ нимъ соглашаться. Въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи, Химена походитъ на дону Васкуньяну. Особенно въ поэмѣ о Сидѣ хорошо обрисованы ея покорность и безграничная преданность волѣ супруга. Отъ нея вѣетъ нравственной чистотой, удаляющей возможность всякаго сравненія съ героинями бретанскаго цикла, которыя безъ зазрѣнія совѣсти отдаютъ руку убійцѣ отца или супруга, уступая голосу любви. Для нихъ не существуетъ понятій о долгѣ и нравственныхъ приличій. Г. Дози полагаетъ, что романсы бретанскаго цикла не имѣли успѣха въ Испаніи по причинѣ господствующаго въ нихъ воззрѣнія на женщинъ.

Къ числу самыхъ характеристическихъ эпизодовъ поэтической біографіи Сида принадлежитъ сватовство и женитьба инфантовъ коріонскихъ на его дочеряхъ. Сватомъ былъ самъ король Альфонсъ VI-й. Нехотя согласился Сидъ исполнить волю короля и выдалъ дочерей за инфантовъ.

„Сидъ мой жилъ въ Валенціи со всѣми вассалами своими; при немъ находились оба зятя его, инфанты коріонскіе. Онъ лежалъ на одрѣ покоя; Кампеадоръ спалъ. Тогда, знайте это, случилось очень нехорошее происшествіе. Левъ сорвался съ цѣпи, которою онъ былъ прикованъ, и вышелъ изъ клѣтки. Тѣ, которые стоятъ на дворѣ, исполнены страха; спутники Кампеадора обернули руки, вмѣсто щитовъ, плащами: они окружаютъ кровать и не хотятъ покинуть своего господина. Фернандъ Гонзалецъ *) не зналъ, куда спрятаться. Онъ не нашелъ двери ни въ комнату, ни въ башню; страхъ его былъ такъ великъ, что онъ забился подъ кровать. Діего Гонзалецъ выскочилъ въ дверь, крича: „никогда не видать мнѣ болѣе Коріона“. Испуганный, онъ спрятался за давильную (винограда) и вымаралъ свой плащъ и панцырь. Тогда проснулся тотъ, кто родился въ благопріятный часъ. Онъ видитъ своихъ храбрыхъ воиновъ около кровати своей: „Что случилось съ вами, товарищи, чего хотите вы?“. — „Ахъ, многоуважаемый господинъ, левъ насъ засталъ въ-расплохъ“. Но Сидъ оперся на локоть и всталъ. Накинувъ плащъ на плечи, онъ прямо пошелъ ко льву. Когда левъ завидѣлъ его, ему стало стыдно предъ Сидомъ: онъ склонилъ голову. Мой Сидъ, донъ Родригъ, взялъ его за гриву, отвелъ въ клѣтку и заперъ. Всѣ бывшіе тамъ удивлялись; оставивъ дворъ, они возвратились потомъ въ палаты. Сидъ позвалъ зятьевъ своихъ, но ихъ не могли отыскать; ихъ зовутъ, но они не откликаются; наконецъ ихъ нашли, и они явились. Оба были очень блѣдны. Никогда не прійдется вамъ слышать такихъ насмѣшекъ, какія говорились въ то время. Мой Сидъ Кампеадоръ не позволилъ болѣе смѣяться надъ зятьями, но инфанты коріонскіе считали себя жестоко

*) Одинъ изъ инфантовъ. Его не должно смѣшивать съ Фернандомъ Гонзалецомъ, который сдѣлался героемъ отдѣльнаго цикла романсовъ.

оскорбленными; они пришли въ бѣшенство отъ того, что̀ съ ними случилось".

Вскорѣ послѣ приключенія со львомъ, Родригъ одержалъ большую побѣду надъ Маврами. Инфанты не показали особеннаго мужества въ битвѣ, однако они получили на свою долю хорошую часть добычи. Тогда они рѣшились воротиться домой съ супругами своими. Родригъ согласился ихъ отпустить и далъ имъ въ провожатые племянника своего Фелеца Муніоса. При самомъ началѣ путешествія коріонскіе инфанты обнаружили вполнѣ свое коварство: они хотѣли убить и ограбить богатаго Мавра, Сидова друга, у котораго нашли гостепріимный пріемъ. Но у нихъ были еще худшіе замыслы, которые они намѣрены были привести въ исполненіе въ дремучемъ лѣсу. Здѣсь остановились на ночлегъ инфанты. На разсвѣтѣ они отправили впередъ свою свиту и остались наединѣ съ своими супругами. Въ надеждѣ на безнаказанность, вѣроломные рыцари высказали дочерямъ Сида свою ненависть и желаніе отомстить за обиды, нанесенныя имъ въ Валенціи. Бѣдныя жены умоляютъ инфантовъ отрубить имъ головы знаменитыми мечами Коладою и Тизономъ, которые Сидъ далъ зятьямъ, снаряжая ихъ въ дорогу. Предатели не слушаютъ моленій и до изнеможенія бьютъ женъ своихъ шпорами и ремнями. Когда жертвы ихъ жестокости перестали уже кричать отъ боли, инфанты оставили ихъ лѣснымъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ, а сами пустились въ дальнѣйшій путь. Но вѣрный Фелецъ Муніосъ видѣлъ издали поступокъ инфантовъ и во-время явился на помощь двоюроднымъ сестрамъ. Онъ привелъ ихъ въ чувство, напоилъ холодной водой и, посадивъ на своего коня, вывелъ изъ лѣса. Когда Сидъ узналъ о томъ, что̀ случилось, „онъ долго думалъ и молчалъ. Потомъ онъ поднялъ руку и коснулся ею бороды своей. Хвала Христу, владыкѣ міра! Инфанты коріонскіе оказали мнѣ большую честь. Клянусь этою бородою, до которой никто не дотрогивался, инфанты недолго будутъ радоваться своему дѣлу. Я съумѣю выдать дочерей моихъ замужъ".

Сидъ дѣйствительно отомстилъ зятьямъ своимъ; они принуждены были отдать назадъ богатое приданое, мечи Коладу и Тизона, и всенародно сознаться въ безчестномъ поступкѣ. Дочери Сида вышли вторично за̀мужъ за инфантовъ Наварскаго и Аррагонскаго. Г. Дози полагаетъ, что жонглеръ, которому мы обязаны поэмою о Сидѣ, руководился въ этомъ эпизодѣ личною ненавистью къ двумъ знатнымъ фамиліямъ Гомесъ и коріонскихъ инфантовъ. Трудно доказать вѣрность этого предположенія. Для насъ важнѣе всего черты жестокихъ феодальныхъ нравовъ, которыхъ представителями явились коріонскіе инфанты. Прибавимъ, сверхъ того, что въ поэмѣ о Сидѣ нравы и обычаи настоящіе выставлены не такъ рѣзко и сурово, какъ въ стихотворной хроникѣ, которая, очевидно, ближе къ народному преданію.

Мы привели выше нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что Родригъ не всегда строго держалъ данное слово. Конечно, въ этомъ отношеніи онъ такъ же отступаетъ, какъ и во многихъ другихъ, отъ правилъ рыцарской чести. Но современники едвали ставили ему въ укоръ эту черту, о которой не безъ удовольствія упоминаютъ поэтическіе

памятники. Когда изгнанный Сидъ выѣзжалъ изъ Бургоса (разсказываетъ поэма о немъ), ему понадобились деньги. Онъ велѣлъ набить пескомъ два большіе сундука и обманулъ двухъ Бургосскихъ Евреевъ, которымъ заложилъ эти ящики за 600 марокъ. Евреи повѣрили ему на-слово, приняли песокъ вмѣсто обѣщанныхъ драгоцѣнностей и обязались не открывать сундуковъ въ теченіе цѣлаго года. Позднѣйшій поэтъ, излагая этотъ случай, прибавляетъ, что въ этихъ ящикахъ хранилось „злато Сидова слова". У жонглера XIII-го столѣтія вовсе нѣтъ такихъ понятій. Онъ просто разсказываетъ происшествіе, въ которомъ, по его мнѣнію, обнаруживались умъ и хитрость кастильскаго героя. Вообще честность и правдолюбіе не считались на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ эпоху Сида, необходимыми принадлежностями феодальнаго воина. Здѣсь видно вліяніе мухаммеданскихъ нравовъ. „Воевать, значитъ обманывать", сказалъ Мухаммедъ. Когда Родригъ жилъ въ Валенціи, онъ, по словамъ Ибн-Бассана, заставлялъ себѣ читать сказанія о подвигахъ Арабовъ. Никто изъ мухаммеданскихъ вождей не возбуждалъ въ немъ такого восторга и не внушалъ къ себѣ такого участія, какъ Аль-Мохалабъ, прозванный лжецомъ. Къ этому Мохалабу обратился современный арабскій поэтъ съ слѣдующимъ стихомъ: „Ты былъ бы благороднѣйшій изъ витязей, если бъ ты имѣлъ привычку говорить правду". Упрекъ поэта не помрачилъ, повидимому, чести арабскаго героя. Г. Дози приводитъ о немъ другое, болѣе-положительное и согласное съ идеями той эпохи свидѣтельство: „Аль-Мохалабъ былъ ученый знатокъ Корана; ему извѣстны были слова пророка, сказавшаго, что всякая ложь будетъ сочтена за таковую, за исключеніемъ трехъ случаевъ: лжи, сказанной для примиренія двухъ ссорящихся; лжи мужа, обѣщающаго что-нибудь женѣ своей, и лжи воина, произносящаго угрозы предъ битвою".

Во всеобщей хроникѣ Альфонса X-го характеръ Сида является намъ уже нѣсколько смягченнымъ. Король-лѣтописецъ не могъ питать сочувствія къ мятежному вассалу и охотно приводитъ заимствованныя имъ изъ арабскихъ источниковъ показанія о жестокости Сида. Зато онъ изображаетъ его отношенія къ Альфонсу VI-му въ лучшемъ и болѣе приличномъ настоящему рыцарству видѣ, чѣмъ стихотворная хроника и даже поэма.

По мѣрѣ укрѣпленія въ Испаніи монархическихъ понятій и рыцарскихъ идей, составители романсовъ болѣе и болѣе стираютъ суровыя черты настоящаго Сида и приближаютъ его къ своей эпохѣ. Эти романсы вытѣснили изъ народнаго употребленія другіе, болѣе древніе памятники поэзіи, въ которыхъ дѣйствительность отразилась чище и вѣрнѣе. Можно сказать, что исторія и поэзія дѣйствовали въ этомъ случаѣ за-одно. Историческія компиляціи XVI и XVII столѣтій, упоминающія о Сидѣ, возникли подъ вліяніемъ идей, совершенно чуждыхъ XI-му вѣку. Даже Филиппъ II увлекся общимъ направленіемъ и питалъ глубокое уваженіе къ памяти представителя строптивой аристократіи, которая такъ долго задерживала въ Испаніи прочное укрѣпленіе монархическаго начала.

Оканчивая обзоръ прекрасной книги г. Дози, мы подѣлимся съ нашими читателями пріятнымъ извѣстіемъ о его намѣреніи издать полную исторію

средневѣковой Испаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ современныхъ ученыхъ никто не можетъ выполнить эту задачу съ такимъ успѣхомъ, какъ онъ. Да будетъ намъ позволено выразить еще одно желаніе. Русская литература крайне бѣдна переводами произведеній средневѣковой поэзіи. Поэма о Сидѣ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ памятниковъ этой поэзіи и способна возбудить участіе всякаго образованнаго читателя. Простотою формы, занимательностью содержанія она несравненно выше рыцарскихъ романовъ XII и XIII столѣтія, написанныхъ въ остальной Европѣ: это чисто эпическое произведеніе. Неужели никто изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ и ученыхъ не возьметъ на себя труда подарить насъ переводомъ замѣчательнаго памятника, изъ котораго лучше, чѣмъ изъ многотомныхъ разсужденій, можно понять жизнь Пиренейскаго полуострова въ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ его исторіи?

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВО ФРАНЦІИ И ГЕРМАНІИ ВЪ 1847 ГОДУ *).

Статья первая.

Литературная производительность Европы находится въ постоянномъ возрастаніи. Въ одномъ 1846 году вышло навѣрно болѣе книгъ, чѣмъ въ теченіе первыхъ ста лѣтъ, прошедшихъ послѣ Гуттенбергова изобрѣтенія. Но можно ли вмѣнить западнымъ литературамъ въ достоинство такое богатство явленій? Что̀ вызвало его: дѣйствительныя требованія науки и жизни, или болѣзнь дряхлѣющаго и празднаго общества, какъ говорятъ многіе? Они оправдываютъ строгость приговора сравненіемъ Римскаго общества временъ Имперіи съ настоящимъ европейскимъ. Для обоихъ наступила пора усталости послѣ страстнаго напряженія силъ. Новое поколѣніе холодно смотритъ на цѣли, достиженіе которыхъ составляло жизненную задачу отцовъ, но до сихъ поръ ему не удалось уяснить своихъ собственныхъ, болѣе достойныхъ цѣлей. Господствующій образъ мыслей отнялъ много побужденій, господствующій порядокъ вещей много средствъ къ дѣятельности. Положеніе не нормальное, не удовлетворяющее самымъ законнымъ потребностямъ отдѣльныхъ лицъ и народовъ. Римлянинъ искалъ въ спорахъ риторовъ, въ бойняхъ цирка вознагражденія за отнятыя у него пренія форума, за другія битвы, въ которыхъ и онъ могъ бы не краснѣя явиться ратникомъ. Человѣкъ нашего времени старается найти въ книгѣ то, чего не даетъ ему дѣйствительность: движеніе, захватывающіе вниманіе вопросы. Онъ хочетъ умственнымъ напряженіемъ замѣнить недостатокъ положительной дѣя-

*) Эти статьи, равно какъ и слѣдующія за ними, напечатаны въ „Современникѣ" 1847 (кн. 9) и 1848 года (кн. 1 и 11).

тельности. Странное явленіе! Жизнь наводитъ на душу сонъ; разгонять его должна литература, которая есть не что иное, какъ искуственное отраженіе жизни. Исторія сдѣлалась для насъ тѣмъ, чѣмъ былъ нѣкогда для Римлянъ циркъ: бойцами являются прошедшія поколѣнія, зрителями—томимые скукою, праздные Европейцы XIX вѣка. Справедливо ли это мнѣніе и историческая аналогія, на которой оно отчасти основано? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ должны служить отчеты о движеніи исторической литературы во Франціи и въ Германіи, которые отнынѣ будутъ постоянно помѣщаться въ „Современникѣ".

Быть можетъ, такое обѣщаніе покажется слишкомъ гордымъ. Не одна исторія обращаетъ на себя вниманіе читателей и усилія ученыхъ, слѣдовательно она не можетъ быть полною представительницею умственной жизни западныхъ народовъ. Любознательности открылась огромная область естественныхъ наукъ съ ея неистощимыми богатствами и нежданными откровеніями. Можно сказать, что ни одна отрасль человѣческаго знанія не возбуждаетъ теперь бо̀льшаго участія, ни одна не обѣщаетъ такихъ наградъ за трудъ, ей посвященный. Только ограниченность или невѣжество могутъ равнодушно смотрѣть на великіе успѣхи химіи и физіологіи. Кромѣ возможности безконечныхъ улучшеній во внѣшнемъ бытѣ обществъ, дѣло идетъ о рѣшеніи вопросовъ, нерѣшимыхъ во всякой другой сферѣ. Для историка, напримѣръ, различіе породъ человѣческихъ существуетъ, какъ нѣчто данное природою, роковое, необъяснимое ни въ причинахъ, ни въ слѣдствіяхъ. Можно догадываться, что это различіе находится въ тѣсной связи съ началомъ національностей, что оно, какъ тайный дѣятель, участвуетъ въ безконечномъ множествѣ явленій; но одна физіологія въ состояніи въ этомъ случаѣ перевести отъ догадки къ уразумѣнію самого закона. Во многихъ недавно вышедшихъ учебныхъ книгахъ исторіи уже находятся предварительныя свѣдѣнія о переворотахъ и состояніи самой планеты нашей, съ указаніемъ на новыя открытія геологіи и т. д. Число идей, выработанныхъ въ сферѣ естествовѣдѣнія и различными путями проникающихъ въ другія науки, безпрестанно увеличивается. Но нельзя въ то же время не замѣтить опаснаго заблужденія тѣхъ немалочисленныхъ защитниковъ естествовѣдѣнія, которые видятъ въ немъ вѣнецъ современной образованности и хотятъ дать ему первое мѣсто въ воспитаніи, съ рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ науками историческаго и филологическаго содержанія. Здѣсь говорится не о спеціалистахъ, которые отстаиваютъ свой предметъ потому только, что не знаютъ ничего другаго, а о людяхъ мыслящихъ и многосторонне образованныхъ, но увлеченныхъ складомъ ума болѣе мечтательнымъ, чѣмъ точнымъ. Ослѣпленные блестящими успѣхами естественныхъ наукъ, они не замѣтили, что эти успѣхи въ связи съ общимъ движеніемъ, совершающимся въ сферѣ знанія. Незнакомые съ великими завоеваніями исторіи и филологіи, съ новою критикою, которая на основаніи точныхъ и вѣрныхъ законовъ дѣйствуетъ съ математическою строгостію, они упустили изъ виду даже тѣ богатыя заимствованія, которыя гонимыя ими науки сдѣлали изъ области естествознанія. Но этотъ споръ имѣетъ не одно теоретическое значеніе; онъ

касается высшихъ вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Отъ его рѣшенія зависитъ воспитаніе и, слѣдовательно, участь будущихъ поколѣній. Смѣемъ думать, что побѣда останется не на сторонѣ такъ называемыхъ реалистовъ. Старая распря человѣка съ природою почти кончена: природа уступаетъ ему свои тайны и свои силы. Понятна вся важность этой побѣды. Ея слѣдствія должны обнаружиться не въ одномъ обогащеніи науки или внѣшнемъ благосостояніи народовъ, а въ болѣе ясномъ взглядѣ на самую жизнь. Но нравственныя потребности человѣка еще не удовлетворены такимъ торжествомъ. Природа противникъ ему не равносильный: ея сопротивленіе страдательное. Она есть только подножіе исторіи, въ сферѣ которой совершается главный подвигъ человѣка, гдѣ онъ самъ является зодчимъ и матерьяломъ. Въ пѣсняхъ скандинавской Эдды сохранился глубокій миѳъ о Торѣ и Бальдерѣ. Торъ — олицетвореніе природы, самый сильный изъ боговъ; но онъ безсмысленно добродушенъ и безсмысленно жестокъ, его сила служитъ другимъ, а не ему. Иное значеніе дано Бальдеру, представителю нравственной, т. е. исторической жизни. Онъ носитъ названіе бога крови и слезъ; но онъ разуменъ и прекрасенъ: около него вращается судьба скандинавскихъ боговъ. Его гибель влечетъ за собою ихъ паденіе. Такъ опредѣлялъ поэтическій смыслъ древнихъ поколѣній вопросъ, занимающій мыслителей XIX вѣка.

Исторія по самому содержанію своему должна болѣе другихъ наукъ принимать въ себя современныя идеи. Мы не можемъ смотрѣть на прошедшее иначе, какъ съ точки зрѣнія настоящаго. Въ судьбѣ отцовъ мы ищемъ преимущественно объясненія собственной. Каждое поколѣніе приступаетъ къ исторіи съ своими вопросами; въ разнообразіи историческихъ школъ и направленій высказываются задушевныя мысли и заботы вѣка. Вотъ на какомъ основаніи обзоръ исторической литературы можетъ быть отчетомъ о движеніи общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ.

Histoire des races maudites de la France et de l'Espagne, par Francisque Michel, Paris, 1847 (Исторія проклятыхъ породъ, Франциска Мишеля).

Францискъ Мишель давно извѣстенъ своими изданіями памятниковъ древней французской литературы. Въ исторіи „проклятыхъ породъ" онъ посвятилъ свои изслѣдованія одному изъ самыхъ странныхъ и темныхъ историческихъ вопросовъ. Книга его составлена съ величайшею добросовѣстностію. Не довольствуясь изученіемъ существующихъ уже сочиненій объ избранномъ имъ предметѣ, авторъ посѣтилъ большую часть мѣстностей, гдѣ живутъ или жили каготы и другіе отверженцы, собралъ изустныя преданія, народныя пѣсни и повѣрилъ ихъ свидѣтельствами архивовъ.

Исторія проклятыхъ породъ, говоритъ онъ, могла бы служить лучшимъ

доказательствомъ неодолимаго владычества предразсудковъ и безсилія закона надъ нравами, которые онъ осуждаетъ. Понятно, почему Евреи, потомки распявшихъ Христа, стали предметомъ ненависти и презрѣнія для христіанъ; сношенія съ ними почти всегда обращались къ невыгодѣ послѣднихъ; услуги ими оказанныя забывались, а тяжкія условія оставались въ памяти; самый родъ занятій и невольное смиреніе Евреевъ не могли возвысить ихъ во мнѣніи племенъ земледѣльческихъ и воинственныхъ. Еще понятнѣе причины народной вражды къ Цыганамъ, племени безъ вѣры и безъ законовъ, живущему воровствомъ и обманомъ. Но Каготы, Чуетасы, Вакеросы и т. д. ни въ чемъ не сходны съ Евреями и Цыганами; ихъ вѣра та же, что у ихъ сосѣдей; они жили честными и полезными промыслами. Гдѣ же основаніе ненависти и отвращенія, которыхъ они постоянно были предметомъ?

Самая замѣчательная и многочисленная изъ проклятыхъ породъ — каготы. Подъ разными именами разсѣяны они въ западной и южной Франціи: въ Нижней Наваррѣ, въ землѣ Басковъ, въ Беарнѣ, Гвіеннѣ, Нижнемъ Пуату, Бретани и Менѣ. Испанскіе каготы или аготы живутъ большею частью въ Верхней Наваррѣ и въ Бастанской долинѣ. Въ Бискаіѣ ихъ нѣтъ вовсе. Но въ сосѣдней Гвинускоѣ юнты не разъ принимали противъ нихъ жестокія мѣры. Происхожденіе каготовъ, уже загадочное въ концѣ Средняго вѣка, становится темнѣе день ото дня. Вопросъ этотъ подалъ поводъ къ предположеніямъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ и остроумнымъ; но достовѣрно то, что эти люди, униженные общественнымъ мнѣніемъ, носили на себѣ какую-то печать проклятія и были повсюду гонимы какъ прокаженные, которыхъ видъ и прикосновеніе наводили страхъ. Ихъ не называли по имени, а просто каготами или христіанами. Ихъ хижины строились подъ сѣнью колоколенъ и башенъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревень, въ которыя имъ разрѣшенъ былъ входъ только въ качествѣ кровельщиковъ и плотниковъ и для слушанія божественной службы. Въ церкви имъ назначена была особенная, небольшая дверь для входа и выхода; святую воду имъ подавали также изъ особенной кропильницы или на палкѣ. У нихъ было свое мѣсто въ храмѣ, гдѣ они стояли отдѣленные отъ прочихъ вѣрующихъ. Даже надъ прахомъ ихъ тяготѣло отверженіе; на кладбищахъ ихъ могилы заботливо отдѣлялись отъ тѣхъ, гдѣ опочили люди чистой породы. Мысль, что въ каготахъ нѣтъ ничего человѣческаго, до того укоренилась въ народѣ, что нищій отецъ могъ позволить дочери просить подаянія и ни зачто не далъ бы согласія на бракъ съ каготомъ. Предразсудокъ перешелъ отъ народа въ высшіе классы общества: церковь и государство согласно устраняли отъ всякихъ должностей жертвъ этого предразсудка; гоненіе дошло до того, что указаны были особые источники, гдѣ имъ было позволено черпать воду: у Пиренеевъ почти нѣтъ деревни, гдѣ бы не было *колодца каготовъ*. Не мудрено, что на нихъ падали самыя оскорбительныя клеветы и подозрѣнія. Ихъ обвиняли въ чародѣйствѣ. Народныя повѣрья приписывали имъ отвратительныя немощи. Народныя пѣсни ругались надъ ихъ семейными радостями и печалями. Съ XVII вѣка правительство на ихъ сторонѣ, но

законы оказались безсильными противъ обычая. Даже 1789 годъ не оправдалъ надеждъ несчастнаго племени: юридическіе памятники ихъ уничиженія исчезли, но остались унизительныя для многихъ фамилій преданія объ ихъ презрѣнныхъ предкахъ. Не только въ Испаніи, но и во Франціи не мало темныхъ угловъ, куда не проникало еще просвѣщеніе, и гдѣ историческія предубѣжденія сохранили всю страшную силу свою. Разспросы г. Мишеля часто подвергали его непріятности прослыть за кагота. „Было бы еще хуже, если бы я обратился прямо къ этимъ несчастнымъ, говоритъ онъ: и теперь, какъ за сто лѣтъ, иностранецъ, говорящій съ ними, внушаетъ подозрѣніе и недовѣріе къ себѣ". За нѣсколько лѣтъ до революціи, въ окрестностяхъ Бордо солдатъ отрубилъ богатому каготу руку за то только, что онъ осмѣлился взять святой воды изъ общей кропильницы. Подобные поступки теперь невозможны. Но въ Ше *(Cheust)*, въ департаментѣ Верхнихъ Пиренеевъ, разошлась въ 1841 г. свадьба очень выгодная для обѣихъ сторонъ потому, что женихъ принадлежитъ къ „проклятой породѣ". Авторъ приводитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Въ муниципальныя должности каготы почти никогда не избираются, хотя многіе изъ нихъ по богатству и образованію принадлежатъ къ самымъ почетнымъ гражданамъ. Въ 1843 г. была рѣшена замѣчательная тяжба двухъ наварскихъ каготовъ (мужа и жены), требовавшихъ равнаго съ прочими жителями Арискуна участія въ церковныхъ обрядахъ и церемоніяхъ. Епископъ Калагорскій, къ которому дѣло дошло по аппелляціи, произнесъ приговоръ въ пользу истцовъ, къ крайнему неудовольствію общины, отстаивавшей права чистой крови.

Первое свидѣтельство существованія каготовъ въ южной Франціи находится въ дарственной граматѣ Лукскому аббатству, составленной около 1000 года. Этимъ актомъ уступлены были монастырю мельничная плотина и домъ христіанина Доната. Подъ этимъ именемъ являются они въ древнѣйшихъ памятникахъ. Въ городовыхъ и областныхъ уставахъ XIV вѣка уже опредѣлены юридическія отношенія христіанъ. Беарнскій обычай 1303 года требуетъ въ уголовныхъ дѣлахъ, при совершенномъ отсутствіи доказательствъ, свидѣтельства 7 человѣкъ или 30 каготовъ. Но другая позднѣйшая статья того же обычая освобождаетъ ихъ жилища, на равнѣ съ церквами и больницами, отъ всякихъ повинностей и податей. Городовое право города Мармандъ (въ департаментѣ Лота и Гаронны) содержитъ болѣе жестокія опредѣленія. Каготамъ запрещено входить въ городъ безъ красной нашивки на платьѣ и безъ обуви; при встрѣчѣ съ прохожими они должны останавливаться поодаль, на краю дороги; только по понедѣльникамъ дано имъ право купли на рынкѣ; входъ въ питейные дома имъ возбраняется, равно какъ продажа всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Въ случаѣ жажды они могутъ черпать воду только изъ своего, имъ отведеннаго колодца. За каждое нарушеніе устава положена большая денежная пеня. Эти статьи Марманденскаго муниципальнаго права были приняты многими городами южной Франціи. Мы находимъ ихъ въ постановленіи, изданномъ Бордосскимъ магистратомъ въ 1573 году. Къ денежной пени прибавлено тѣлесное наказаніе.

Около того же времени ремесленные цехи города Бордо положили непремѣннымъ условіемъ при принятіи новыхъ мастеровъ и рабочихъ чистоту крови. Въ Сизѣ имъ не дозволялось держать скота, кромѣ одной свиньи для пищи и одного осла или лошади для перевоза вещей. Брачные союзы они могли заключать только между собой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каготамъ подъ опасеніемъ наказанія плетьми запрещалась работа на мельницахъ, всякое прикосновеніе къ мукѣ, назначенной въ продажу, и участіе въ плясках народныхъ. Самыя льготы, имъ данныя, были унизительны, ибо устраняли ихъ отъ всякой общественной дѣятельности. Такимъ образомъ они были избавлены отъ военной службы, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишены права носить оружіе; къ должностямъ они не допускались; освобожденіе отъ податей ставило ихъ на ряду съ прокаженными, а не съ высшими сословіями, хотя печальныя права его племени дали одному каготу поводъ къ замѣчанію, что французскіе дворяне и каготы одно и то же. Бо́льшая часть изъ нихъ занимались ремесломъ кровельщиковъ и плотниковъ: бретанскіе каготы, или *Caqueux* были веревочники.

Въ началѣ XVI вѣка наварскіе каготы принесли папѣ Льву жалобу на мѣстное духовенство, которое не допускало ихъ наравнѣ съ другими христіанами къ участію въ таинствахъ и торжествахъ церковныхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ предки помогали графу Тулузскому, возставшему противъ Римской церкви. Папа немедленно издалъ буллу, въ которой запрещалъ отличать каготовъ отъ остальныхъ католиковъ; но, несмотря на его приказаніе и содѣйствіе свѣтскихъ властей, воля его не была приведена въ исполненіе. Одинъ изъ сановниковъ королевскаго совѣта въ Наваррѣ протестовалъ противъ папскаго рѣшенія на томъ основаніи, что каготы происходятъ не отъ еретиковъ, бывшихъ союзниками графа Тулузскаго, а отъ слуги пророка Елисея, Гіезія, наказаннаго проказою за корыстолюбіе свое. Проклятіе, произнесенное надъ Гіезіемъ, перешло и на потомство его: каготы, по словамъ ихъ противника, заражены проказою; трава сохнетъ подъ ихъ ногами; плоды, къ которымъ они прикасаются руками, немедленно портятся; тѣло ихъ издаетъ злокачественный запахъ и т. д. Эти нелѣпыя обвиненія, сколько замѣтно, не имѣли вліянія на мѣры правительства, но нашли большое сочувствіе и опору въ народѣ, чему доказательствомъ служитъ приведенная выше тяжба, рѣшенная епископомъ Калагорскимъ. Положеніе Гвинускойскихъ каготовъ было еще хуже, чѣмъ въ Наваррѣ, потому что областныя юнты раздѣляли относительно ихъ всѣ предубѣжденія невѣжественной толпы. Изъ всего сказаннаго очевидно, что главный источникъ ненависти къ каготамъ заключается въ предположеніи, что они одержаны какою-то наслѣдственною и заразительною болѣзнію. Ихъ отличительными признаками полагали отсутствіе ушной мочки, густые волосы на ушахъ и непріятный запахъ. Слѣдующій разсказъ, сообщаемый г. Мишелемъ, показываетъ, что уже въ XVI вѣкѣ многіе стояли выше народнаго предразсудка. Генрихъ IV въ молодости былъ влюбленъ въ одну дѣвушку изъ селенія Билерь. Она призналась ему со слезами, что не смѣетъ отвѣчать его страсти потому, что принадлежитъ къ проклятому племени.—„Я самъ та-

кой же", отвѣчалъ будущій король французскій и не прекратилъ своихъ исканій.

Въ царствованіе Генриха IV, Тулузскій парламентъ сдѣлалъ благородную попытку примирить каготовъ съ обществомъ, которое ихъ такъ безжалостно и безсмысленно преслѣдовало. Въ 1606 году парламентъ поручилъ коммиссіи, составленной изъ докторовъ медицины и хирурговъ, произвести слѣдствіе и донести ему, дѣйствительно ли справедливо общее мнѣніе о болѣзняхъ каготовъ? Двадцать двѣ особы этой породы, разнаго пола и возраста, подверглись медицинскому осмотру и кровопусканію. Коммиссія единогласно заключила, что освидѣтельствованныя ею лица пользуются полнымъ здоровьемъ, не носятъ никакихъ признаковъ заразительныхъ или другихъ болѣзней и не могутъ законнымъ образомъ быть лишены участія въ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. Но ненависть, перешедшая въ обычай, не слушала словъ науки. 66 лѣтъ спустя провинціальные чины французской Наварры предписали точное исполненіе всѣхъ прежнихъ направленныхъ противъ каготовъ мѣръ.

Зато наука явилась ихъ вѣрнымъ и дѣятельнымъ ходатаемъ. Основываясь на приговорахъ медицины и на общихъ началахъ права, французскіе юристы боролись съ жестокимъ обычаемъ. Эвенъ *(Hevin)*, знаменитый бретанскій адвокатъ, подалъ примѣръ. Въ теченіи XVII вѣка парламенты Тулузскій, Реннскій и Наварскій (въ По) издали нѣсколько постановленій въ пользу каготовъ. Епископъ Тарбскій, умершій въ 1768 году, посвятилъ въ священство многихъ лицъ проклятой породы. Дотолѣ церковь давала имъ только разрѣшенія на браки въ запрещенныхъ степеняхъ родства. Литература не могла не принять участія въ такомъ вопросѣ. Можно угадать, на чьей сторонѣ стала философія XVIII вѣка. Въ 1786 году Испанецъ Лардисабаль издалъ небольшое сочиненіе о проклятыхъ породахъ Пиренейскаго полуострова, съ цѣлью обратить на нихъ большее вниманіе правительства. Онъ говоритъ, что единственная вина ихъ заключается въ происхожденіи отъ Мавровъ или Евреевъ, но что, по всей вѣроятности, они обратились къ христіанству прежде, чѣмъ бо́льшая часть ихъ гонителей. Въ путешествіи по Пиренеямъ Рамона встрѣчаются такія же идеи, хотя авторъ очевидно плохо былъ знакомъ съ предметомъ. Онъ смѣшиваетъ зобатыхъ *(goitreux)* съ каготами. Въ такое же заблужденіе впалъ Драле, хотя его книга безконечно выше книги Рамона. Самое полное и отчетливое изслѣдованіе о каготахъ принадлежитъ натуралисту Паласу. Ф. Мишель много имъ пользовался. Вотъ его главныя положенія: каготы не подвержены никакой особенной болѣзни и не отличаются отъ прочихъ жителей края ни нравами, ни сложеніемъ. Отсутствіе ушной мочки отнюдь не составляетъ отличительнаго признака этой касты. Этотъ недостатокъ встрѣчается у людей чистой крови, которые потому только иногда слывутъ за каготовъ.

Теперь неоспоримо доказано, что каготовъ не должно смѣшивать ни съ прокаженными Средняго вѣка, ни съ зобатыми, ни съ кретинами. Они составляютъ здоровое, большею частію красивое, трудолюбивое и умное племя.

Но злобный предразсудокъ еще удержался, хотя не въ прежней силѣ, во многихъ мѣстностяхъ. Не сохранила ли неумолимая память народа какого-нибудь преданія о древней винѣ проклятаго племени? Но ни въ пѣсняхъ, ни въ пословицахъ, ни въ разсказахъ стариковъ г. Мишель не нашелъ слѣдовъ опредѣленнаго преданія. Въ нихъ однообразно повторяются обвиненія, которыхъ нелѣпость доказана выше. Ученые, которые занимались вопросомъ о каготахъ, производятъ ихъ отъ Арабовъ, отъ Готовъ, отъ Альбигойцевъ и т. д. Ни одно изъ этихъ предположеній не оправдано достаточными доводами. Г. Мишель полагалъ, что каготы потомки тѣхъ жителей Пиренейскаго полуострова, которые при Карлѣ Великомъ переселились въ южную Францію, уходя отъ маврскаго владычества. Льготы, данныя имъ правительствомъ, и національныя особенности вызвали зависть и вражду ихъ галло-римскихъ сосѣдей, которые воспользовались упадкомъ каролингскихъ учрежденій и подчинили пришельцевъ игу болѣе тяжкому, чѣмъ было арабское. Сверхъ того, на нихъ пало подозрѣніе въ аріанской ереси, которой держались ихъ предки Вестъ-готы. Можетъ быть они принесли съ собою новую ересь, распространенную въ Испаніи Элипандомъ и Феликсомъ Ургельскимъ. Отсюда произошло вѣроятно мнѣніе объ ихъ наслѣдственной проказѣ, потому-что эта болѣзнь считалась въ Средніе вѣка наказаніемъ за всякое отпаденіе отъ чистоты вѣры. Г. Мишель защищаетъ свою гипотезу съ большею ученостію и остроуміемъ, но едвали съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ его предшественники. Откуда же взялись испанскіе каготы? Вопросъ остается нерѣшеннымъ.

Филологическія изслѣдованія о происхожденіи различныхъ названій, подъ которыми жили въ разныхъ областяхъ Франціи несчастные отверженцы, очень любопытны, хотя — что̀ неизбѣжно въ этой сферѣ — содержатъ въ себѣ много произвольнаго. Вовсе неудовлетворительно объяснено названіе христіанъ, данное каготамъ.

Изъ другихъ проклятыхъ породъ Франціи, коліберты Нижняго Пуату, по мнѣнію Г. Мишеля, также происходятъ отъ испанскихъ выходцевъ. Мараны, нѣкогда жившіе въ Оверни потомки Евреевъ и Мавровъ, исчезли, равно какъ уазелеры Бульонскаго герцогства. Но еще осталось нѣсколько общинъ недоказаннаго, очевидно чуждаго происхожденія въ Энскомъ департаментѣ, близь Шалона на Марнѣ и т. д.

Исторія майоркскихъ чуетасовъ столь же печальна, какъ и исторія каготовъ, но гораздо яснѣе. Это обратившіеся къ христіанству потомки испанскихъ Евреевъ. Обращеніе ихъ относится, кажется, къ 1435 году, но въ теченіи слѣдующихъ столѣтій они были постоянными жертвами инквизиціи и народнаго предубѣжденія. Въ 1679 году они подвергались особенно сильному гоненію. Многіе погибли на кострѣ за преданность закону Моисееву; у остальныхъ было конфисковано имѣніе. Доведенные до крайности, чуетасы рѣшились массою бѣжать изъ Майорки и наняли уже одно англійское судно. Намѣреніе ихъ было открыто въ 1691 году; костры зажглись снова, и все имущество несчастныхъ, уцѣлѣвшее отъ первой конфискаціи или пріобрѣтенное въ 12-лѣтній промежутокъ, отобрано въ пользу казны и инквизиціи.

Въ 1782 году на островѣ Майоркѣ находилось еще болѣе 300 семействъ отверженной породы; они несли всѣ повинности, но не участвовали ни въ какихъ правахъ гражданскихъ. Они занимались торговлею и металлическими издѣліями. Въ другіе цехи ихъ не допускали. Вакеросы живутъ въ горахъ Астуріи; происхожденіе ихъ неизвѣстно, но ихъ отдѣляетъ отъ остальнаго народонаселенія взаимная ненависть и недовѣріе. Селенія вакеросовъ называются „брана" и состоятъ изъ небольшаго числа весьма бѣдныхъ хижинъ, въ которыхъ въ случаѣ нужды находитъ убѣжище и скотъ. Скотоводство составляетъ ихъ главный, почти исключительный промыселъ. Въ маѣ они покидаютъ свои хижины и цѣлыми семействами, со всѣмъ имуществомъ своимъ, уходятъ искать пастбищъ на высшихъ горахъ Астуріи и Леона. Оттуда они спускаются обратно въ сентябрѣ. Подобно каготамъ они занимаютъ особое мѣсто въ церкви, подалѣе отъ алтаря. Впрочемъ, они счастливы своимъ невѣжествомъ, простотою нравовъ и отсутствіемъ потребностей. До сихъ поръ они не дѣлали попытокъ къ измѣненію своихъ общественныхъ отношеній.

Бо́льшую половину втораго тома „Исторіи проклятыхъ породъ" занимаютъ приложенія, между прочимъ народныя пѣсни. Онѣ бѣдны поэзіею и однообразны содержаніемъ, но въ нихъ страшно звучитъ застарѣлая злоба народной массы. Нѣкоторыя пѣсни упрекаютъ каготовъ въ происхожденіи отъ Гіезія, прокаженнаго раба Елисеева. Мы видѣли, что это мнѣніе было высказано въ XVI вѣкѣ въ Наваррѣ, по поводу буллы папы Льва X. Такое преданіе не могло образоваться въ народѣ, а перешло къ нему отъ ученыхъ враговъ каготовъ. Въ пѣсняхъ послѣднихъ много грусти и смиренія. Вотъ припѣвъ, который часто повторяется: „Не будемъ скорбѣть о томъ, что мы каготы; мы всѣ сыны общаго отца Адама и матери Еввы".

Изъ представленнаго краткаго обзора можно понять всю важность книги Г. Мишеля. Она принадлежитъ къ благороднымъ, нравственною мыслію согрѣтымъ явленіямъ исторической литературы. Но оправдывая отверженныя породы, снимая съ нихъ, во имя науки, незаслуженное проклятіе, авторъ приводитъ мыслящихъ читателей къ другимъ вопросамъ. Позволимъ себѣ въ заключеніе нѣсколько замѣчаній. Многочисленная партія подняла въ наше время знамя народныхъ преданій и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе къ массѣ неубыточно. Довольствуясь созерцаніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху. Массы, какъ природа или какъ Скандинавскій Торъ, безсмысленно жестоки и безсмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестію историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслію только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслію заключается процессъ исторіи. Ея задача — нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество. Не прибѣгая къ мистическимъ толкованіямъ, пущеннымъ въ ходъ нѣмецкими романтиками и принятымъ на слово многими у насъ въ Россіи, мы знаемъ, какъ образуются народныя преданія, и понимаемъ ихъ значеніе.

Смѣемъ однако сказать, что первыя представленія ребенка не должны опредѣлять дѣятельность зрѣлаго человѣка. У каждаго народа есть много прекрасныхъ, глубоко поэтическихъ преданій; но есть нѣчто выше ихъ: это *разумъ*, устраняющій ихъ положительное вліяніе на жизнь и бережно слагающій ихъ въ великія сокровищницы человѣка — науку и поэзію.

Vortrage über Römische Geschichte an der Universität zu Bonn gehalten von B. G. Niebuhr T. 1—2. Berlin, 1846—47 (Чтенія о римской исторіи, Нибура).

Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger, von K. W. Nitzsch, Berlin. 1847 (Исторія Гракховъ и ихъ ближайшихъ предшественниковъ, Нитча).

Семнадцать лѣтъ прошло послѣ смерти Нибура. Споры, вызванные его смѣлымъ построеніемъ Римской исторіи, утихли. Нынѣ едва ли кто усомнится признать его величайшимъ критикомъ не только нашего, но всѣхъ временъ. Его мнѣнія и частные выводы могутъ быть опровергаемы, но его способъ изслѣдованія принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ и важныхъ пріобрѣтеній науки XIX столѣтія. Наслѣдники Нибура приступили теперь къ изданію читанныхъ имъ въ Бонскомъ университетѣ лекцій филологическаго и историческаго содержанія. Уже вышли первый томъ курса древней исторіи и два тома чтеній о Римской исторіи. Эти нѣсколько запоздалыя явленія конечно не могутъ ничего прибавить къ славѣ знаменитаго ученаго, но они короче познакомятъ съ нимъ даже тѣхъ, для кого его „Римская Исторія“ была предметомъ постояннаго изученія. Изустное преподаваніе Нибура отличалось особенною силою и простотою. Здѣсь преимущественно любилъ онъ пользоваться историческими аналогіями. Событія французской революціи служатъ ему комментаріемъ къ переворотамъ Римской республики; аристократіи средневѣковыхъ городовъ объясняютъ характеръ древняго патриціата. Иногда факты, для другихъ маловажные, почти незамѣченные, приводятъ его къ самымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ. Такъ напримѣръ, новыя отношенія собственности, возникшія въ герцогствѣ Голштинскомъ вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго состоянія, дали Нибуру ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ законовъ. Никто изъ современниковъ, едва ли кто изъ предшественниковъ, обладалъ такою живостью взгляда, такимъ органическимъ пониманіемъ исторіи. Ему не достало только формы, художественнаго элемента, для того, чтобы стать во главѣ историческихъ писателей. Критическое направленіе было въ немъ преобладающею силою. Зато какъ расчистилъ онъ дорогу, какъ облегчилъ трудъ для преемниковъ своихъ. Съ 1811 года, когда вышло первое изданіе его великаго творенія, въ Германіи не явилось ни одной замѣчательной книги по части Римской исторіи, которая не носила бы на себѣ слѣдовъ его вліянія.

Къ числу такихъ принадлежитъ „Исторія Гракховъ и ихъ ближайшихъ предшественниковъ“ молодаго Кильскаго преподавателя Нитча. Съ обширною филологическою ученостью авторъ соединяетъ политико-экономическія свѣдѣнія, которыхъ недостатокъ такъ замѣтенъ въ большей части изслѣдователей древности. Подобно Нибуру, онъ часто обращается къ современности и ею объясняетъ минувшее. Онъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія слѣдующими прекрасными словами: „Древняя исторія есть основа и средоточіе всѣхъ такъ называемыхъ гуманическихъ наукъ. Эти науки, по моему мнѣнію, тогда только въ состояніи будутъ отразить съ успѣхомъ напоръ отвсюду грозящаго матеріализма, когда изложеніе древней исторіи, равно удаленное отъ сухаго исчисленія фактовъ и риторическаго паѳоса, покажетъ, что древній міръ былъ глубоко тревожимъ тѣми же жизненными вопросами, которые нынѣ неотступно занимаютъ каждаго благороднаго человѣка“. Къ сожалѣнію, эти слова едва ли найдутъ большое сочувствіе въ массѣ филологовъ.

Настоящее положеніе и будущность бѣдныхъ классовъ обращаютъ на себя преимущественно вниманіе государственныхъ людей и мыслителей западной Европы, гдѣ пролетаріатъ дѣйствительно получилъ огромное значеніе. Но защитники старины, которые въ этомъ явленіи видятъ нѣчто доселѣ небывалое, исключительно нашему времени принадлежащее и его обвиняющее, находятся въ странномъ, быть можетъ, добровольномъ заблужденіи. На тѣхъ путяхъ развитія, которыми шли всѣ историческія общества, за исключеніемъ патріархальныхъ государствъ Востока, нельзя было избѣжать пролетаріата. На Востокѣ этотъ вопросъ не могъ подняться вслѣдствіе особенныхъ историческихъ и нравственныхъ причинъ. Народные обычаи и религія создали тамъ многочисленный классъ беззаботныхъ нищихъ. Самое скудное подаяніе удовлетворяетъ ихъ потребностямъ, не оскорбляя ихъ притупленнаго лѣнью и привычкою чувства. Сверхъ того, тамъ существуетъ рабство въ простѣйшей, патріархальной формѣ. Эти два класса людей содержатъ въ себѣ ту часть азіатскаго народонаселенія, которое соотвѣтствуетъ европейскимъ пролетаріямъ. Въ книгѣ г. Нитча находится вѣрное и подробное изложеніе усилій, употребленныхъ государственными мужами Римской республики къ излѣченію этой язвы. Имъ были невѣдомы основныя начала политической экономіи. Безъ помощи ея путеводныхъ теорій, смѣлые Римляне шли на бой съ общественнымъ зломъ такъ, какъ они ходили на враговъ республики, вѣруя въ ея неизмѣнное счастіе и въ собственную силу. Но эта увѣренность продолжалась недолго. Самые великіе умы, самыя благородныя сердца древняго Рима—Фламиніи, Сципіоны, Катонъ, Гракхи изнемогли въ спорѣ съ неотвратимымъ ходомъ событій. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, исторія аграрныхъ законовъ получаетъ свой настоящій, можно сказать, трагическій характеръ.

Приведемъ заимствованныя изъ „Чтеній о Римской исторіи“ слова Нибура, которому принадлежитъ честь рѣшительныхъ, почти окончательныхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ. Читатели получатъ, сверхъ того, образецъ его преподаванія.

„Право аграрное тѣмъ для меня важнѣе, что оно впервые привело меня къ критическимъ изслѣдованіямъ о Римской исторіи. До тѣхъ поръ я болѣе занимался греческою древностію. Читая въ молодости сравнительныя жизнеописанія Плутарха и Аппіана, я никакъ не могъ понять аграрнаго закона. Можно было бы подумать, что въ немъ заключается нарушеніе собственности, ограниченіе ея извѣстною мѣрою. Каждому землевладѣльцу оставляется только 500 югеровъ земли, остальное отбирается для приращенія плебейскаго имущества, на счетъ патриціевъ. Такое грубое понятіе о правѣ вызвало однако похвалы Макіавеля, который жилъ въ эпоху политическихъ переворотовъ и потому оправдывалъ средства цѣлью, и Монтескьё, считавшаго возвращеніе минувшаго невозможнымъ... Первый, кому пришла мысль объ *ager publicus* (общественномъ полѣ), былъ Гейне, написавшій разсужденіе по поводу революціонныхъ конфискацій; но вопросъ, что̀ такое *ager publicus*, остался безъ отвѣта. Гейне часто понималъ истину вообще, но рѣдко доводилъ мысль свою до ясности... Я нашелъ на этотъ предметъ случайно. Въ мое время въ Голштиніи было уничтожено крѣпостное состояніе. У крестьянъ отобраны были при этомъ случаѣ земли, которыя до тѣхъ поръ переходили отъ отца къ сыну, и обращены въ мызы. Ихъ самихъ переселили на меньшіе и худшіе участки. Дѣло было ужасное. Не только противъ крѣпостныхъ, но даже противъ свободныхъ употреблялось насиліе. Возмущенный несправедливостію, я пришелъ къ вопросу: на основаніи какого права она совершилась? Это повело меня къ изслѣдованіямъ о владѣніи у различныхъ народовъ и дало нить къ Римскому аграрному праву. По общимъ понятіямъ италійскихъ племенъ, земля и право гражданства нераздѣльны, всякая поземельная собственность исходитъ отъ государства... Читая у Аппіана или у Плутарха, что *ager publicus* частію отводился подъ колоніи, частью оставался государственною собственностію, отдавался въ наемъ, поступалъ въ продажу, можно спросить: откуда же происходили затрудненія? Республикѣ стоило опредѣлить закономъ, сколько земли можно имѣть отдѣльному лицу, и дурныя послѣдствія были бы отвращены. Но дѣло въ томъ, что Аппіанъ и Плутархъ не поняли двусмысленнаго выраженія ихъ предшественника Посидонія, написавшаго исторію Гракховъ. Рѣчь идетъ не о настоящей отдачѣ въ наемъ участковъ земли, а о взиманіи съ нихъ подати, т. е. десятины съ хлѣба, пятины съ древесныхъ плодовъ, скота и т. д. Если бы государство получало этотъ сборъ самыми произведеніями, то оно должно было бы строить большіе магазины для хлѣба, содержать пастбища для скота, и доходъ измѣнялся бы по годамъ. Поэтому принята была другая система: сборъ отдавался на откупъ *публиканамъ* (откупщикамъ). Римскія государственныя формы и гражданское право представляютъ часто аналогіи съ греческими, но аграрное право принадлежитъ исключительно Римлянамъ... Согласно съ римскими юридическими представленіями, государство допускало каждаго квирита къ пользованію частію завоеванной земли. Сначала это право было у однихъ патриціевъ, какъ древнѣйшихъ гражданъ. Они могли брать любые участки. Это называлось *occupatio agri publici*. Обыкновенно раздавались опустошенныя войною земли на непріятельской границѣ: охотниковъ, слѣ-

довательно, не могло быть много. Обязанность платить десятину и пятину наступала тотчасъ. Этотъ сборъ отдавался на откупъ, чего до сихъ поръ не понимали... Законъ обезпечивалъ права такихъ владѣльцевъ противъ всякаго третьяго лица, но государство могло каждый часъ предъявить свои требованія и удалить владѣльца, сказавъ: я хочу основать здѣсь колонію или раздать земли поголовно. Въ такомъ случаѣ споръ былъ невозможенъ, потому что нельзя было сослаться ни на давность, ни на другое право... Вотъ въ чемъ заключается великое различіе между собственностію и владѣніемъ" (Т. I, стр. 252—257).

Раннее распространеніе общественныхъ полей чрезъ завоеваніе обратилось преимущественно въ пользу аристократіи, которая исключительно допускалась къ владѣнію ими. Такое явленіе должно было имѣть слѣдствіемъ совершенное измѣненіе сельскаго хозяйства во всѣхъ частяхъ Италіи, подвластныхъ Риму. Плиній говоритъ, что итальянская пшеница, весьма уважаемая въ Греціи во времена Софокла, значительно упала въ цѣнѣ и достоинствѣ около 150 лѣтъ спустя, т. е. при Александрѣ Великомъ. Не смотря на скудныя извѣстія источниковъ, не трудно объяснить это пониженіе общимъ упадкомъ земледѣлія въ Италіи. Скотоводство представляло несравненно болѣе выгодъ владѣльцамъ общественнаго поля: оно требовало меньшаго числа рукъ, при относительно высокой задѣльной платѣ и недостаткѣ рабовъ, которыхъ число усилилось только послѣ 2-й Пунической войны. Притомъ мѣстныя условія были чрезвычайно благопріятны: римскій хозяинъ не заботился ни о помѣщеніи, ни о зимнемъ продовольствіи своихъ стадъ; онъ могъ круглый годъ держать ихъ на подножномъ кормѣ и подъ открытымъ небомъ: лѣтомъ — въ горахъ, гдѣ лежали обширныя пастбища, отнятыя у Самнитовъ и другихъ горныхъ племенъ, зимою — на теплыхъ приморскихъ равнинахъ. Въ противоположности къ этимъ владѣніямъ находились мелкіе участки, составлявшіе родовую собственность плебеевъ. Здѣсь также сѣялось немного хлѣба; винодѣліе и садоводство составляли главный, хотя скудный, источникъ доходовъ. Но съ каждымъ поколѣніемъ эти семейства, которыхъ родоначальники получали отъ республики по 7 югеровъ земли, должны были приближаться къ большей бѣдности, тѣмъ болѣе, что на нихъ тяготѣли важнѣйшія повинности. До конца Самнитскихъ войнъ государство помогало имъ частою раздачею новыхъ участковъ. Непрерывное возрастаніе общественныхъ полей и неотчуждаемое право ими располагать давало Римской республикѣ постоянное средство къ уравненію отношеній собственности между низшими классами. Эта мѣра, которая составила бы эпоху въ исторіи другихъ народовъ, повторялась здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, но послѣ покоренія Самнитовъ ея исполненіе сдѣлалось очень труднымъ, вслѣдствіе сопротивленія высшихъ классовъ. Причины такого сопротивленія понять не трудно. Богатые владѣльцы не могли добровольно уступить пастбищъ, которыя имъ достались по наслѣдству и приносили болѣе прибыли, чѣмъ когда либо. По окончаніи 1-й Пунической войны Римъ сталъ морскою и торговою державой. Его произведеніямъ открылись новые рынки и пути для сбыта. Всѣ выгоды новой торговли шли въ руки капита-

листовъ, т. е. аристократіи, захватившей общественное поле, и публикановъ, которымъ отдавался на откупъ сборъ десятины и пятины. Отказаться отъ этого, съ такимъ напряженіемъ силъ завоеваннаго, положенія въ пользу плебеевъ, возвратиться къ простотѣ древняго италійскаго быта было невозможно. Надобно было только спасти сельское народонаселеніе отъ конечнаго разоренія, которое ему грозило при исключительномъ значеніи капиталистовъ. Съ такою мыслію предложилъ трибунъ К. Фламиній раздѣлъ земель, отнятыхъ у Галловъ въ Пиценумѣ. Онѣ принадлежали къ недавнимъ пріобрѣтеніямъ республики. Фламиній надѣялся помочь плебеямъ, не потревоживъ владѣльцевъ давно занятыхъ участковъ общественнаго поля. Тѣмъ не менѣе предложеніе его встрѣтило сильное противорѣчіе. Въ сенатѣ, относительно провинцій, господствовало другое мнѣніе, основанное на свойствѣ римскаго налога *tributum*. Теперь неоспоримо доказано, что *tributum* былъ не что иное, какъ государственный заемъ, который взыскивался съ внесенной въ цензъ собственности римскихъ граждан̆ъ только въ случаѣ необходимости и возвращался изъ казны республики (*aerarium*) при первой возможности. Такого рода сборъ не могъ приносить большой пользы государству и былъ крайне тягостенъ для плебеевъ, на которыхъ почти исключительно лежалъ, потому что общественныя поля, которыя составляли главный источникъ богатства аристократіи, не поступали въ цензъ, а платили десятину и т. д. Вотъ почему сенатъ не хотѣлъ допустить плебейской собственности въ провинціяхъ, которыхъ завоеванная почва обращена была въ *ager publicus*, обложенный разнородными и прибыльными казнѣ повинностями. Мѣра, предложенная Фламиніемъ, не имѣла тѣхъ послѣдствій, какихъ онъ отъ нея ждалъ. При выходѣ Аннибала изъ Италіи состояніе сельскаго народонаселенія было хуже, чѣмъ когда либо: на него обрушились всѣ тягости войны: служба въ легіонахъ и *tributum*, на скорое возвращеніе котораго правительствомъ мало было надеждъ. Усадьбы ихъ были выжжены непріятелемъ, поля опустошены. Зато *ager publicus* значительно увеличился: къ нему присоединились всѣ конфискованныя у невѣрныхъ союзниковъ земли.

Планъ Публія Сципіона Африканскаго былъ гораздо сложнѣе и обширнѣе, чѣмъ Фламиніевъ. Побѣдитель Аннибала былъ государственный мужъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Частію своего превосходства онъ былъ обязанъ своей высокой образованности, знанію политическихъ учрежденій Греціи. Извѣстно, что онъ стоялъ во главѣ цѣлаго направленія многочисленной партіи, которая, отрѣшаясь отъ древнихъ преданій, надѣялась оживить дряхлѣвшую республику свѣжими элементами.

Не смотря на блескъ недавнихъ побѣдъ и завоеваній, политическій составъ римской республики представлялъ неутѣшительное зрѣлище. Владычество находилось въ рукахъ аристократіи сенатскихъ фамилій, существенно отличной отъ стараго патриціата, дѣятельной, богатой и своекорыстной. Сословіе плебеевъ, вынесшее на своихъ плечахъ государство изъ всѣхъ опасностей, которыя его застигали, разлагалось. Мѣсто его заступалъ многочисленный классъ пролетаріевъ: гражданъ, которые, по недостатку вне-

сенной въ цензъ собственности, не несли военной службы, не платили трибута и жили задѣльною платою за сельскія и городскія работы. Имъ было очевидно лучше, чѣмъ настоящимъ плебеямъ. Затѣмъ слѣдовали италійскіе союзники въ іерархическомъ порядкѣ отношеній, болѣе или менѣе приближавшихъ ихъ къ правамъ римскаго гражданства. Вопросъ объ окончательномъ устройствѣ провинцій еще не былъ рѣшенъ, хотя точка зрѣнія на него совершенно измѣнилась. Собравъ разсѣянныя въ источникахъ свидѣтельства, г. Питчъ удачно возстановилъ планъ Замскаго героя. Цѣль Сципіона была демократическая реформа; средства—облегченіе военной службы, отмѣна трибута, увеличеніе числа гражданъ и болѣе ровное распредѣленіе повинностей. Начнемъ съ провинцій и государствъ, признавшихъ надъ собою верховное владычество Рима. Сципіонъ настаивалъ на сохраненіи ихъ мѣстныхъ учрежденій и обычаевъ. Полагая оставить имъ какъ можно большую внутреннюю независимость, онъ считалъ удобнымъ вывести изъ нихъ легіоны. Признательность къ республикѣ и опасеніе заслужить ея гнѣвъ достаточно ручались за ихъ покорность. Не одно уменьшеніе арміи было бы слѣдствіемъ такой политики. Доходы съ провинцій могли покрыть долги и издержки правительства и ставили его въ возможность не только навсегда отмѣнить *tributum*, но усилить жалованье.

Нѣсколько союзныхъ городовъ получили право полнаго римскаго гражданства. Самою замѣчательною въ этомъ отношеніи мѣрою Сципіоновой партіи былъ законъ, принятый по предложенію трибуна Теренція Куллеона. Вслѣдствіе этого закона всѣ Римляне, рожденные отъ свободныхъ родителей, поступили въ число гражданъ. Цензъ Сервія Туллія, давно измѣненный, окончательно потерялъ значеніе. Пролетаріи въ обширнѣйшемъ значеніи, дѣти вольноотпущенниковъ, поденщики и т. д., получили голосъ въ народныхъ собраніяхъ, распредѣлены были по трибамъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ подчинены обязанности служить въ легіонахъ или во флотѣ, смотря по состоянію. Положеніе плебеевъ улучшилось, но къ ущербу ихъ политическаго вліянія. Новые граждане пересилили ихъ въ народныхъ собраніяхъ своимъ числомъ. Перевѣсъ этотъ скоро обнаружился въ гоненіи на виновника реформы. Пролетаріи не столько радовались пріобрѣтеннымъ правамъ, сколько жалѣли объ утратѣ льготъ. Обвиненный въ похищеніи денегъ, принадлежащихъ республикѣ, облаянный Катономъ (употребимъ выраженіе римскаго историка), который тогда стоялъ на сторонѣ аристократіи, Сципіонъ понесъ въ добровольное изгнаніе горькую мысль неудавшагося подвига. „У насъ много—говоритъ Питчъ (стр. 131)—древнихъ бюстовъ Сципіона. Величавая, изящная голова въ лучшей порѣ славы и лѣтъ. Наслажденіе и заботы лишили его густыхъ кудрей, которыя такъ шли къ нему въ молодости; рубецъ отъ раны, полученной въ первой битвѣ, при Тицино, еще виденъ. Но отъ всѣхъ другихъ отличается базальтовый бюстъ, находящійся въ казино Роспильози, въ Римѣ. Уста и чело не носятъ того яснаго, спокойнаго выраженія, какое на другихъ изображеніяхъ; его мѣсто заступила глубокая, твердая скорбь. Онъ углубленъ въ себя, какъ разбитый полководецъ, котораго взглядъ безъ стыда обращается назадъ и безъ надежды впередъ.

Такимъ вѣроятно видали его въ Литернумѣ въ послѣдніе два года его жизни. Онъ умеръ въ одинъ годъ съ Аннибаломъ и Филопеменомъ".

Противъ Сципіоновой партіи дѣйствовали не одни новые граждане. Позади ихъ стояла другая, быть можетъ, болѣе опасная оппозиція аристократіи и капиталистовъ. Реформа лишала ихъ значительныхъ средствъ и силъ. До сихъ поръ обязанности военной службы и народныя собранія не отвлекали пролетарія отъ работы на богатаго господина. Слѣдствіемъ реформы было возвышеніе задѣльной платы и болѣе, чѣмъ прежде, ощутительный недостатокъ рукъ для работы. По малочисленности своей, рабы еще не могли замѣнить вольныхъ поденьщиковъ. Противники Сципіона надѣялись воспользоваться его неудачею, если не для полнаго возстановленія измѣненнаго порядка, по крайней мѣрѣ для утвержденія своего вліянія на новыхъ основахъ. Но здѣсь они встрѣтили нежданное противодѣйствіе. Дѣятельность Катона во время его цензуры представляетъ поразительныя аналогіи съ послѣднимъ министерствомъ величайшаго государственнаго мужа современной Европы, сира Р. Пиля. Подобно ему, римскій цензоръ состарѣлся въ рядахъ консервативной партіи. Упрямый защитникъ старины, онъ преслѣдовалъ дѣломъ и словомъ всякое нововведеніе: греческую образованность и политическое преобразованіе, задуманное Сципіономъ. Подобно Пилю, онъ умѣлъ отречься отъ прежнихъ союзниковъ и мнѣній, во имя инаго убѣжденія, въ немъ постепенно созрѣвшаго. Достигнувъ цензуры, Катонъ сталъ во главѣ крайней демократіи, т. е. новыхъ гражданъ, призванныхъ въ трибы Сципіономъ, и повелъ къ концу дѣло, начатое послѣднимъ. Происшедшая въ немъ перемѣна обнаружилась тотчасъ: онъ значительно поднялъ откупную плату за сборъ десятины и понизилъ ее за подряды къ общественнымъ работамъ. Эта мѣра, тяжкая для откупщиковъ, была только преддверіемъ къ другимъ, болѣе рѣшительнымъ. Мы показали выше, что̀ такое былъ римскій *tributum*. Занимая, по неопредѣленному сроку уплаты, средину между налогомъ и займомъ, трибутъ лежалъ почти исключительно на поземельной собственности плебеевъ. Катонъ сдѣлалъ покушеніе перенести его съ земли на капиталъ. Онъ внесъ въ списки ценза важнѣйшіе предметы роскоши по оцѣнкѣ, вдесятеро превышавшей настоящую, и обложилъ эту сумму тройнымъ трибутомъ, т. е. тремя ассами съ тысячи. Способъ, обличающій съ одной стороны младенчество финансовыхъ понятій и самовластіе республиканскихъ сановниковъ, съ другой—неукротимую энергію Катона. Его не остановилъ страхъ многочисленныхъ ненавистей, вызванныхъ его распоряженіями. Онѣ преслѣдовали его до могилы. Пятьдесятъ обвиненій выдержалъ онъ въ теченіи жизни своей: ему было 83 года, когда онъ въ послѣдній разъ долженъ былъ оправдываться передъ народомъ. Лишенная всякой поэзіи, личность стараго цензора не въ правѣ на то сочувствіе, какое внушаетъ Сципіонъ; уваженіе къ нему Нибура едва ли не чрезмѣрно, но его нельзя не признать однимъ изъ самыхъ великихъ людей республики и самыхъ замѣчательныхъ представителей древняго римскаго характера.

Книга Катона о земледѣліи служила богатымъ источникомъ г. Нитчу.

Ей обязанъ онъ главными чертами прекрасно составленнаго описанія сельскаго хозяйства въ Италіи въ концѣ VI вѣка отъ построенія города.

Сочиненіе это посвящено Л. Манлію, о помѣстьѣ котораго авторъ сообщаетъ слѣдующія подробности. Оно заключало въ себѣ 340 югеровъ и состояло изъ двухъ отдѣльныхъ дачъ: 100 югеровъ *) виноградника и 240 оливковой плантаціи. При каждой дачѣ были прикащикъ и прикащица (*villicus* и *villica*). Сверхъ того, къ винограднику было приставлено 8, къ оливковымъ деревьямъ 11 рабовъ. Для уборки винограда и выдѣлки масла нанимались по контракту свободные работники. Засѣянныя хлѣбомъ поля лежали отдѣльно и вѣроятно не были значительны. Съ тѣхъ поръ, какъ вывозъ хлѣба изъ Италіи былъ запрещенъ, а ввозъ изъ Сициліи, Сардиніи и т. д. не только удовлетворялъ, но часто превышалъ потребность, его почти перестали сѣять, особенно въ южной части полуострова. Жнецамъ платился за работу пятый, иногда девятый снопъ. Вообще, по вычисленіямъ Нитча, первоначальный плебейскій участокъ, т. е. 7 югеровъ, могъ прокормить цѣлое семейство, тѣмъ болѣе, что не требовалъ большаго числа рукъ для обработки. Но служба въ легіонахъ и трибутъ разорили мелкихъ собственниковъ. Катонъ думалъ создать новое сельское населеніе изъ прежнихъ работниковъ и поденщиковъ. Съ этой цѣлью основаны были многія колоніи въ равнинѣ, образуемой рѣкою По, и на самомъ полуостровѣ. Но его мысль не осуществилась, потому что отведенные участки были малы, а новые хозяева неопытны въ своемъ дѣлѣ. Большинство бѣдныхъ предпочитало работу по найму обработкѣ собственнаго поля, болѣе сложной и требовавшей капитала. Условія найма были различны. *Politor* получалъ 5-й или 9-й снопъ при жатвѣ; *partiarius* не довольствовался такою платою: господинъ давалъ ему рабочій скотъ, нужныя орудія и половину произведеній. Ихъ положеніе напоминаетъ нашихъ половниковъ. Наконецъ, колоны платили деньгами за небольшія помѣстья, которыя они брали на аренду. Но и эти отношенія продолжались недолго. По окончаніи македонской войны Павелъ Эмилій привелъ на Римскій рынокъ 150,000 рабовъ; младшій Сципіонъ продалъ 56,000 Карѳагенцевъ. Мятежныя племена Сардиніи и Испаніи заплатили такую же дань. Островъ Делосъ сталъ складочнымъ мѣстомъ для торговли невольниками, которые привозились съ Востока. Римскіе вельможи выписывали оттуда себѣ поваровъ, дѣтямъ — греческихъ наставниковъ, женамъ — искусныхъ рабынь. Не говоримъ о нравственномъ вліяніи этой разноплеменной массы, которая наводнила Италію и принесла на ея почву утонченный развратъ перезрѣлыхъ обществъ и звѣрскія страсти дикарей, нетронутыхъ просвѣщеніемъ. Надзоръ за стадами и уборка луговъ не требовали особеннаго умѣнья, а скудное содержаніе раба, *instrumentum vocale*, какъ его называетъ Варронъ, обходилось дешевле заработной платы. Свободный поденьщикъ уступилъ мѣсто купленному сопернику. У него осталось одно, дотолѣ мало принесшее ему пользы, право участія въ народномъ собраніи: теперь настала для него пора подать голосъ за самого себя, по-

*) Jugerum—римская мѣра въ 28,800 квадратныхъ футовъ.

требовать въ завоеванномъ его отцами мірѣ собственной доли, т. е. куска хлѣба.

Сочиненіе г. Нитча раздѣлено на 4 книги. Двѣ послѣднія содержатъ въ себѣ исторію Гракховъ. Политическая дѣятельность знаменитыхъ братьевъ еще никогда не была предметомъ такого основательнаго и дѣльнаго изслѣдованія. Но можно бы пожелать болѣе яснаго и живаго изложенія. Короткій и простой разсказъ Нибура сильнѣе характеризуетъ событія. Мы познакомимъ съ нимъ нашихъ читателей. Предварительно укажемъ на очень любопытную часть Нитчева труда. Въ 9-й главѣ III книги очень вѣрно показано отношеніе историка Полибія къ новымъ направленіямъ Римской демократіи. Излагая демократическую теорію происхожденія всѣхъ властей отъ народа, Полибій былъ органомъ многочисленной партіи, во главѣ которой стоялъ младшій Сципіонъ. Позволимъ себѣ, впрочемъ, одно замѣчаніе. Не далъ ли авторъ „Исторіи Гракховъ" Сципіону слишкомъ консервативнаго характера? Свидѣтельство Аппіана *(Bel. civ. I, 13 — 19)* намекаетъ на далекіе, честолюбивые виды. Цицеронъ не безъ причины *(de repub. 1, 35, 38)* влагаетъ въ уста разрушителю Карѳагена похвалу ограниченной монархіи. Любимое чтеніе его составляла Киропедія Ксенофонта, апологія монархической формы правленія. Его неопредѣленное положеніе въ сенатѣ въ послѣдній годъ жизни, презрительный, на форумѣ высказанный отзывъ о городскихъ плебеяхъ *(plebs urbana)*, отношеніе къ нему италіянскихъ союзниковъ, которые признавали его своимъ покровителемъ и вождемъ, наконецъ таинственная кончина, — все это ведетъ къ предположеніямъ, едва ли согласнымъ съ мнѣніемъ г. Нитча.

Говоря о сосредоточеніи поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, какъ о явленіи общемъ древней и новой Италіи, Нибуръ приводитъ примѣръ Тиволи, гдѣ по кадастру XV вѣка считалось въ пятьдесятъ, а въ концѣ XVIII вѣка въ пять разъ болѣе землевладѣльцевъ, чѣмъ теперь. Въ Зоннино 4000 жителей; изъ нихъ шесть человѣкъ владѣютъ всѣми землями около города, остальные живутъ милостынею и воровствомъ (Чтенія о Р. И. II, 272). Когда старшій изъ Гракховъ выступилъ на политическое поприще, почти всѣ плебейскія земли были скуплены аристократами и обработывались рабами. Аграрный законъ Лицинія, по которому запрещено было одному гражданину имѣть во владѣніи болѣе 500 югеровъ общественнаго поля и предписывалось содержать на каждомъ такомъ участкѣ извѣстное число свободныхъ работниковъ, былъ обойденъ со всѣхъ сторонъ. Закованные въ желѣзо невольники работали на поляхъ, свободные поселяне просили подаянія; низшіе классы городскаго населенія превращались въ настоящую чернь. Всѣ видѣли и понимали зло, но ни у кого не было мужества для борьбы съ нимъ. По ясному смыслу закона государство было въ правѣ отобрать общественныя поля для раздачи пролетаріямъ. Но прежніе владѣльцы, въ свою очередь, могли указать на вѣка, прошедшіе съ тѣхъ поръ, когда ихъ дѣды заняли пустыя, никому ненужныя земли, на капиталы, которыхъ стоило устройство хозяйства, и т. д. Вопросъ шелъ о совершенномъ переворотѣ въ отношеніяхъ собственности.

„Намѣренія Т. Гракха были совершенно чисты. Даже ослѣпленные духомъ партіи противники, самъ Цицеронъ, котораго благородное сердце всегда беретъ верхъ, когда онъ прямо смотритъ на вещи, называютъ его святымъ мужемъ *(sanctissimus homo)*. Не надобно представлять государственныхъ людей древности въ слишкомъ поэтическомъ видѣ; они должны были дѣйствовать съ такими же разсчетами, какъ и въ наше время. Тиверій понималъ, что Риму угрожаетъ погибель, и предложилъ новый, окончательный раздѣлъ общественныхъ земель въ Италіи. Зная, что буквальное исполненіе Лициніева закона было бы въ высшей степени несправедливо, онъ разрѣшилъ каждому изъ прежнихъ владѣльцевъ удержать 500 югеровъ себѣ и по 250 для двухъ сыновей въ полную собственность. За постройки и заведенія назначалось вознагражденіе по оцѣнкѣ. Слѣдовательно, онъ не нарушалъ собственности, а возводилъ владѣніе въ степень неприкосновенной собственности. Онъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство. Многіе пріобрѣли владѣніе куплею или другою денежною сдѣлкою. Отъ нихъ нельзя было требовать пожертвованія капиталомъ. Государству слѣдовало бы удовлетворить ихъ. 500 югеровъ составляютъ и теперь значительное состояніе въ Италіи. Я бы не желалъ большаго. Въ хорошемъ мѣстѣ они могутъ дать на арендѣ до 5,000 талеровъ годоваго дохода (около 5,000 рублей сер.)... На сторонѣ Гракха было много знатныхъ лицъ, которыя обладали такими же богатствами, какъ Сципіоны, однако предпочитали общее благо своей выгодѣ... Въ Римской исторіи встрѣчаются наслѣдственныя убѣжденія и характеры, которые выше политическихъ мнѣній. Состраданіе и любовь къ страждущимъ были фамильнымъ свойствомъ Гракховъ; мы видимъ его въ трехъ поколѣніяхъ, исторически извѣстныхъ: въ Т. Гракхѣ, во время второй Пунической войны, въ цензорѣ Т. Гракхѣ и въ обоихъ несчастныхъ братьяхъ (сыновьяхъ цензора), Тиверіи и Каѣ. Этотъ характеръ былъ всегда рѣдокъ въ Римѣ, потомъ онъ совсѣмъ исчезъ. Но въ свободныхъ государствахъ такая наслѣдственность обыкновенное явленіе. Политическое направленіе человѣка опредѣляется напередъ семействомъ, въ которомъ онъ родился: въ Англіи можно навѣрно сказать, какой партіи принадлежитъ членъ фамиліи Руссель“ (Чтеніе о Рим. Ист., т. II, стр. 274—278).

Предложеніе Тиверія было принято, не смотря на ожесточенное сопротивленіе олигарховъ, за которыхъ стояли итальянскіе союзники, опасавшіеся вредныхъ для себя слѣдствій новаго аграрнаго закона. У нихъ были также значительные участки общественнаго поля, которыхъ они могли лишиться при раздѣлѣ, порученномъ особымъ сановникамъ, тріумвирамъ *agrorum dividendorum*. Но Гракхъ заплатилъ жизнію за смѣлое покушеніе. Ему еще не было 30 лѣтъ отъ роду.

„Замѣчательно, что одолѣвшіе олигархи не отмѣнили должности тріумвировъ и допустили избрать преемника Тиверію. Впрочемъ, дѣятельность сановниковъ была весьма ограничена: надобно было приступить къ разбору разныхъ правъ на владѣніе, а владѣльцы не являлись и не представляли актовъ. Консулу Тудитану поручено было для приличія рѣшить спорные пункты: онъ ушелъ въ походъ, отложивъ это дѣло до другаго времени. По

смерти Ап. Клавдія (тестя Тиверія и тріумвира), его мѣсто занялъ Папирій Карбонъ, недостойный послѣдователь Гракха, шедшій той же дорогой, но съ злыми замыслами. Въ этомъ заключается бѣдствіе революцій: ходъ событій увлекаетъ за собою лучшихъ людей; возможность устранить отъ себя вліяніе событій дана только желѣзной волѣ, ни предъ чѣмъ не робѣющей, ничего не уважающей. Одинъ замѣчательный человѣкъ, который прошелъ чрезъ всѣ ужасы революціи, но не запятналъ рукъ, сказалъ мнѣ: странно вспомнить о революціи, въ которой самъ принималъ дѣятельное участіе. Пойдешь на приступъ съ самыми благородными, на проломѣ останешься съ мерзавцами. Не забывайте этого урока. Впрочемъ, намъ на нѣсколько вѣковъ нечего бояться революціи *). Мы дошли до такой эпохи Римской исторіи, гдѣ происшествія уже не могутъ быть объяснены государственными формами; надобно прибѣгнуть къ психологической оцѣнкѣ людей, изучить личность тѣхъ, которые дѣлили между собой останки умершаго государства. Карбонъ былъ очень умный, но озлобленный человѣкъ. Въ мирныя времена онъ сохранилъ бы, быть можетъ, прекрасную душу; при окружавшихъ его обстоятельствахъ онъ дошелъ до крайней степени порока и низости".

II. Нитчъ несправедливъ къ К. Гракху, ставя его ниже старшаго брата. Его собственныя изслѣдованія доказываютъ противное. У Кая было болѣе страстей, быть может болѣе личныхъ побужденій, чѣмъ у Тиверія, но онъ въ высшей степени обладалъ всѣми дарами государственнаго мужа и оратора. Такимъ считали его древніе. Его планъ реформы обширнѣе и дальновиднѣе, чѣмъ всѣ предъидущіе. Онъ не думалъ, что республику и плебеевъ можно спасти однимъ раздѣломъ полей. Цѣлый рядъ предложеній, изъ которыхъ многія намъ только отрывочно извѣстны, обличаетъ стройную, глубоко обдуманную систему. Закономъ о раздачѣ хлѣба *(lex frumentaria)* была въ самомъ дѣлѣ облегчена участь городскихъ пролетаріевъ. Бѣдный гражданинъ получилъ право на ежемѣсячное полученіе изъ государственныхъ магазиновъ извѣстнаго количества пшеницы за четвертую часть обыкновенной цѣны. По цѣли своей и по лежащей въ основаніи мысли, *lex frumentaria* представляетъ сходство съ англійскимъ налогомъ для бѣдныхъ. При такихъ политическихъ учрежденіяхъ, каковы англійскія или римскія, личность самаго убогаго гражданина получаетъ большое значеніе. Государство не можетъ оставить ее безъ призрѣнія, не утративъ части собственнаго достоинства. Въ связи съ этимъ закономъ былъ другой — о вооруженіи легіонеровъ на счетъ республики. Римскій воинъ получилъ возможность жить жалованьемъ и содержать семейство помощью ежемѣсячныхъ выдачъ хлѣба. Сѣть великолѣпныхъ, базальтомъ вымощенныхъ дорогъ свя-

*) Чрезъ полтора года послѣ этой лекціи настали іюльскіе дни. Извѣстно, что одною изъ причинъ Нибуровой смерти было потрясеніе, произведенное въ немъ нежданнымъ переворотомъ. Въ Германіи нашлись люди, которые не устыдились осмѣять по смерти, скорбные дни великаго историка. Для насъ есть что-то великое и святое въ его кончинѣ. Нибуру нечего было бояться за себя. Онъ умеръ жертвою страстнаго участія, какое принималъ въ событіяхъ древняго и новаго міра.

зала Италію. Это предпріятіе доставило Гракху равную признательность богатыхъ торговцевъ и рабочаго класса. При конечномъ раздѣлѣ общественныхъ полей государство теряло значительный доходъ, т. е. сборъ десятины; тріумвиры замѣнили его постояннымъ налогомъ со всей поземельной собственности, существенно отличнымъ отъ трибута. Союзники примирились съ реформою. Около сорока колоній и всѣ латинскіе города получили обѣщаніе полныхъ правъ гражданства. Остальныя племени Италіи, отъ Луканіи до Анконы, должны были вступить въ прежнія отношенія Латинцевъ, съ правомъ участія въ народныхъ собраніяхъ. Это былъ послѣдній шагъ къ гражданству. Цѣлая Италія—говоритъ Нибуръ—должна была войти въ составъ республики, до тѣхъ поръ заключавшейся въ одномъ Римѣ. Но мысль Гракха шагнула за предѣлы роднаго полуострова. Пристрастные приговоры сената отняли у провинцій всякую надежду найти защиту противъ самоуправства проконсуловъ,—и триста судей изъ сословія всадниковъ заступили мѣсто устраненныхъ сенаторовъ. Невыгоды этой перемѣны обнаружились впослѣдствіи. Въ началѣ она принесла неоспоримую пользу.

Нетрудно оцѣнить всю важность этихъ начинаній. Они обѣщали Римскому міру свѣжую, быть можетъ, долгую жизнь, но имъ не суждено было исполниться. Гибелью послѣдняго изъ Гракховъ и его греческихъ и римскихъ друзей замкнулся рядъ великодушныхъ попытокъ облегчить страданія древняго пролетарія. Но опозоренный неудачею, подвигъ Тиверія и Кая долго не нашелъ справедливыхъ цѣнителей. Ни похвалы, ни осужденія не были основаны на ясномъ пониманіи вопроса. Изслѣдованія Нибура объ общественномъ полѣ доказали впервые, что аграрные законы не имѣли цѣлью наглаго нарушенія правъ собственности. Его воззрѣніе нынѣ сдѣлалось господствующимъ не только между европейскими учеными, но и по ту сторону Атлантическаго океана. Знаменитый историкъ съ явнымъ удовольствіемъ говорилъ своимъ слушателямъ объ отзывахъ американской критики. Эти отзывы тѣмъ любопытнѣе, что въ Соединенныхъ Штатахъ совершаются теперь происшествія, которыя могутъ пролить много свѣта на римскіе споры о владѣніи.

Заимствуемъ нѣсколько подробностей изъ статьи Видаля „*de l'agrarianisme aux Etats-Unis*“, помѣщенной въ *Revue indépendante*, 25 апрѣля 1846 года. Общественныя земли, принадлежащія американскому союзу, составляютъ тысячу четыреста милліоновъ акровъ, т. е. пространство, въ десять разъ превышающее цѣлую Францію. Конгрессъ опредѣлилъ, по окончаніи послѣдней войны съ Англіею, продать часть этихъ неизмѣтныхъ владѣній для покрытія военныхъ издержекъ. Издержки давно уплачены, а земли продолжаютъ продаваться по самой дешевой цѣнѣ. Но бѣднымъ людямъ нѣтъ къ нимъ доступа. Образовались общества капиталистовъ, съ которыми нельзя бороться отдѣльнымъ лицамъ. Денежныя средства этихъ обществъ даютъ имъ возможность пріобрѣтать въ огромномъ количествѣ лучшія земли. Съ этою цѣлію они разсылаютъ всюду своихъ агентовъ. Хозяйственное обзаведеніе новыхъ имѣній, столь разорительное для небогатаго Американца, покупающаго на послѣднія деньги сотню или двѣ акровъ, имъ обходится

гораздо дешевле. Мелкіе владѣльцы принуждены продавать свои участки и работать на богатыхъ. Въ 1832 году президентъ Джаксонъ безуспѣшно предлагалъ конгрессу принять мѣры противъ этого зла. Вскорѣ потомъ начались народныя движенія, которыя привели къ образованію аграрнаго союза *(agrarian league)* въ Нью-Іоркѣ, 8 мая 1844 года. Въ рѣчи, сказанной при этомъ случаѣ г. Макенди, слышится отголосокъ римскихъ трибуновъ. Имя Гракховъ явилось на знамени новой партіи, которой президентъ Полькъ отчасти обязанъ своимъ избраніемъ. *The spirit of the Gracchi is rekindled in the West*, говорятъ члены аграрнаго союза. Вотъ ихъ основныя положенія. Существующая собственность остается неприкосновенной. Продажа государственныхъ земель должна быть прекращена, и земли раздѣлены на участки въ 160 акровъ. Эти участки составляютъ неотчуждаемую собственность государства, которое раздаетъ ихъ во владѣніе съ извѣстными повинностями. Каждый отецъ семейства имѣетъ право на полученіе 160 акровъ, но съ условіемъ обработывать ихъ самому или чрезъ дѣтей своихъ. Никто не можетъ владѣть двумя участками. Цѣли союза высказаны ясно. Такимъ образомъ, чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, за предѣлами древняго міра, поднялись вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ потратили столько силъ Фламиніи, Сципіоны, Катонъ и Гракхи.

Статья вторая.

Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums von Ad. Schmidt. Berlin. 1847 (Исторія свободы исповѣданій и мысли въ первое столѣтіе имперіи и христіанства. Ад. Шмидта).

Обращаясь съ любовью къ болѣе счастливымъ и менѣе сложнымъ эпохамъ греко-римской древности, ученые прошлаго столѣтія мало сдѣлали для временъ имперіи. Исключеніе составляютъ сухіе, но обширные и добросовѣстные труды Тильмона (первое изданіе „*Histoire des Empereurs etc.*" вышло въ 1700 году) и великое твореніе Гиббона, который многимъ обязанъ Тильмону. Но съ нѣкотораго времени эта эпоха стала обращать на себя особенное вниманіе не только историковъ, но всѣхъ мыслящихъ читателей. Шлоссеръ посвятилъ ей большую и лучшую часть своей древней исторіи. Изъ многочисленныхъ монографій, вызванныхъ такимъ направленіемъ, книга графа Шампаньи: „Римскіе цезари", извѣстна русской публикѣ. Она обязана своимъ успѣхомъ болѣе удачному выбору содержанія, чѣмъ внутреннему достоинству. Шампаньи диллетантъ. Его знаніе источниковъ поверхностно и неполно, самое воззрѣніе на предметъ неопредѣленно и часто невѣрно. Но онъ живо понялъ нѣкоторыя аналогіи и поставилъ послѣднія судьбы древняго міра, какъ *memento mori*, современнымъ обще-

ствамъ западной Европы. Съ подобной цѣлью написано сочиненіе г. Шмидта, издателя выходящаго въ Берлинѣ Историческаго журнала. „Исторія свободы мыслей и исповѣданій" конечно займетъ въ наукѣ мѣсто выше „Римскихъ цезарей", но найдетъ гораздо менѣе читателей. Такова обыкновенная и большею частію заслуженная участь нѣмецкихъ книгъ. Несмотря на постоянное изученіе древнихъ образцовъ, нѣмецкіе ученые не умѣли перенять у нихъ тайны изящнаго и живаго изложенія. Отъ этого имъ часто случается говорить о вѣчныхъ красотахъ греческаго искусства языкомъ, который можетъ заставить усомниться во вліяніи этого искусства на вкусъ его поклонниковъ. Забавно то, что многіе приписываютъ это рѣшительное неумѣнье управиться съ формою врожденной германскому племени основательности *(Gründlichkeit)*.

Въ цѣлой исторіи человѣчества едва ли найдется отдѣлъ въ такой степени поучительный и вызывающій къ раздумью, какъ послѣднія столѣтія Римскаго міра. Республиканскія формы пали, но заступившая ихъ мѣсто монархія должна бороться со всѣми живыми силами общества. Ей были равно враждебны его воспоминанія и его надежды. Религіозныя вѣрованія народовъ разрушены наукою, но наука въ свою очередь отвѣчаетъ горестнымъ признаніемъ собственнаго безсилія на жаркія требованія умовъ, измученныхъ сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Повсемѣстно распространенная образованность перестала быть благомъ. Формы ея изящны, но содержаніе испорчено. Явились неслыханные, чудовищные виды порока и въ связи съ ними цѣлое литературное направленіе. Безумный систематическій развратъ маркиза-де-Сада явленіе не новое въ исторіи. А между тѣмъ это разрушавшееся, больное общество, относительно внѣшнихъ средствъ развитія немногимъ уступало нашему. Книга г. Шмидта содержитъ въ себѣ значительное число фактовъ, подтверждающихъ высказанную нами мысль. Впрочемъ выводы нѣмецкаго ученаго не всегда вѣрны: иногда онъ очевидно увлекается желаніемъ показать не только сходство, но даже преимущество древней образованности надъ новою, тамъ, гдѣ такого преимущества не могло быть по очень понятнымъ причинамъ.

Гордясь по праву выгодами, какія доставляетъ книгопечатаніе, бо́льшая часть новыхъ ученыхъ составили себѣ слишкомъ ограниченное понятіе о средствахъ къ распространенію литературныхъ произведеній, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ. Быть можетъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей извѣстны любопытныя изысканія объ этомъ предметѣ, находящіяся въ книгѣ, изданной Жеро подъ названіемъ: *Essai sur les livres dans l'antiquité, particulièrement chez les Romains*. Къ матеріаламъ, собраннымъ его французскимъ предшественникомъ, г. Шмидтъ прибавилъ нѣсколько новыхъ и важныхъ указаній. Онъ справедливо замѣчаетъ, что рѣдкость и дороговизна рукописей въ Средніе вѣки подали поводъ къ ложному заключенію, что тоже самое было у Грековъ и Римлянъ. Надобно вспомнить, что въ Средніе вѣки перепискою книгъ занимались почти исключительно монахи, между которыми число грамотныхъ и способныхъ къ такой работѣ было очень незначительно. Рукописи большею частію оставались въ монастыряхъ: немно-

тія, поступавшія въ продажу, совершенно удовлетворяли бѣднымъ потребностямъ общества, занятаго совсѣмъ не литературными интересами. Но у древнихъ, особенно у Римлянъ, всѣ находящіяся въ связи съ литературою отрасли промышленности достигли высокаго развитія. Отсутствіе типографскаго станка замѣнялось грамотнымъ рабомъ — машиною древняго міра. У каждаго богатаго Римлянина были крѣпостные библіотекари, чтецы, переписчики, которые нерѣдко превосходили ученостію своихъ господъ. Даже женщины высшихъ сословій держали при себѣ образованныхъ рабынь, которыя читали имъ вслухъ греческихъ и латинскихъ писателей. Автору новой книги стоило только послать рукопись по своимъ знакомымъ: немедленно являлись многочисленные списки, которые разносили въ болѣе обширные круги извѣстность произведенія. У Помпонія Аттика, друга Цицеронова, было огромное заведеніе въ родѣ типографіи и книжной лавки. Множество невольниковъ занимались исключительно перепискою важнѣйшихъ новыхъ и древнихъ сочиненій, другіе заготовляли переплеты и матеріалы для письма. Такимъ образомъ Аттикъ издалъ Академическія Изслѣдованія, Оратора, письма и часть рѣчей Цицерона. Намъ извѣстно между прочимъ, что рѣчь за Лигарія была распродана съ большою выгодою. Впрочемъ, цвѣтущее состояніе книжной торговли въ Римѣ и провинціяхъ совпадаетъ съ началомъ имперіи. Г. Шмидтъ приводитъ (стр. 123) цѣлый рядъ знаменитыхъ книгопродавцевъ I столѣтія по Р. Х. Устройство магазиновъ очень походило на теперешнее. Заманчивыя, снаружи прибитыя объявленія о новыхъ книгахъ возбуждали любопытство прохожихъ; внутри, въ такъ называемыхъ гнѣздахъ, стояли болѣе или менѣе изящно переплетенныя книги. Но въ эти магазины приходили не одни покупатели. Сюда собиралось образованное общество для разговоровъ о литературныхъ и другихъ новостяхъ. Дѣятельность тогдашняго книгопродавца была сложнѣе, чѣмъ въ наше время, потому что у него обыкновенно выдѣлывался самый товаръ, т. е. переписывались рукописи. Этимъ дѣломъ занимались невольники и наемные работники. Скорость труда и великое число экземпляровъ, поступавшихъ въ продажу, можно объяснить только употребленіемъ стенографическихъ сокращеній и обычаемъ диктовать съ одной рукописи цѣлымъ десяткамъ писцовъ. Плиній Младшій разсказываетъ, что Регулъ издалъ сочиненіе, написанное имъ по случаю смерти сына, въ числѣ 1000 экземпляровъ; Цицероновы рѣчи расходились немедленно въ Римѣ и провинціяхъ, и т. д. У Марціала находятся любопытныя подробности о форматѣ книгъ, подтверждающія сказанное выше объ употребленіи стенографическихъ сокращеній. Можно было имѣть цѣлаго Гомера, Виргилія, даже Ливія въ одномъ томѣ. Слѣдовательно у древнихъ были также сжатыя изданія (*éditions compactes*). Каллиграфія производила иногда игрушки въ родѣ нашихъ миніатюрныхъ альманаховъ. Примѣромъ могутъ служить полные списки Иліады и Одиссеи, которые укладывались въ орѣховой скорлупѣ.

Литературная собственность не находила обезпеченій ни въ понятіяхъ общества, ни въ законахъ. Весьма немногіе изъ писателей получали плату за свои труды. Большая часть довольствовалась дѣйствительною или мни-

мою славою. Публика предпочитала новыя книги старымъ, и книгопродавцы старались наперерывъ угодить ея требованіямъ, пріобрѣтая посредствомъ просьбъ, лести, иногда денегъ сочиненія любимыхъ поэтовъ или прозаиковъ. Первые списки обыкновенно расходились въ столицѣ, остальные шли въ провинціи. Къ числу главныхъ статей сбыта принадлежали учебники. Не смотря на чрезвычайно низкія цѣны книгъ, книгопродавцы получали значительные барыши, но писатели жаловались, напр. Марціалъ: „Подъ знаменами Марса, въ снѣгахъ гетскихъ, суровый центуріонъ перелистываетъ мою книгу. Британія поетъ мои пѣсни. Но что̀ пользы? Слава не отзывается въ моемъ кошелькѣ“ (XI. 4).

Появленію сочиненія въ продажѣ почти всегда предшествовала болѣе или менѣе лестная молва о немъ, вслѣдствіе возникшаго при Августѣ обычая публичныхъ чтеній. Почти каждый авторъ заранѣе подвергалъ свое произведеніе суду будущихъ читателей. Онъ приглашалъ къ себѣ нарочными объявленіями не только знакомыхъ своихъ, но и всѣхъ желающихъ; въ случаѣ недостатка мѣста слушатели собирались къ богатому покровителю литературы или въ какое-нибудь общественное зданіе. Такія чтенія возбуждали иногда въ высшей степени любопытство публики, даже получали политическое значеніе. Но въ началѣ II вѣка Плиній Младшій уже жаловался на разсѣянность и невниманіе посѣтителей, на ихъ невѣжливую привычку уходить украдкою во время самаго чтенія и возвращаться по окончаніи. Послѣдняя черта нравовъ принадлежитъ не одному второму вѣку. Многіе изъ нашихъ читателей вѣроятно не разъ съ удовольствіемъ совершали тотъ грѣхъ, въ которомъ авторъ панегирика Траяну обвиняетъ своихъ современниковъ.

Дѣятельность книгопродавцевъ, огромныя общественныя и частныя библіотеки, наконецъ публичныя чтенія служили внѣшними проводниками идей, проходившихъ во всѣ слои римскаго общества. Заглавіе, данное Г. Шмидтомъ своимъ изслѣдованіямъ, не точно опредѣляетъ ихъ содержаніе. Его прямая цѣль—показать предсмертную борьбу древняго міра съ собственною наукою и мыслію. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ изложеніи (не представляющемъ ничего новаго) главныхъ философическихъ системъ, въ которыхъ выразилось отрицаніе многобожія и связаннаго съ нимъ языческаго государства.

Собственно это явленіе было продолженіемъ процесса, начавшагося въ Греціи, гдѣ народныя вѣрованія и общественныя формы давно уже были разъѣдены умозрѣніемъ. Политическій характеръ римской религіи наложилъ на нее необходимость участвовать во всѣхъ переворотахъ которые совершались въ государствѣ. Событія форума отзывались въ храмѣ. Въ эпоху паденія республиканскихъ учрежденій вожди римскихъ партій перестали вѣрить въ своихъ боговъ. Предъ цѣлымъ сенатомъ, Катонъ обвинялъ первосвященника Цезаря въ непризнаніи загробной жизни. Авгуръ Цицеронъ доказывалъ невозможность предсказывать будущее и двусмысленно рѣшалъ вопросъ о существованіи боговъ. Такъ же думалъ другъ Цицерона, жрецъ Котта, явный приверженецъ скептической Академіи. Но связанные своимъ

положеніемъ и консервативною точкою зрѣнія, Цицеронъ и Котта смотрѣли на римскій политеизмъ какъ на нѣчто полезное для народа, и отстаивали въ жизни то, отъ чего отрѣшились духовно. Это раздвоеніе досталось въ наслѣдство имперіи. Глава государства былъ въ то время первосвященникомъ, блюстителемъ древней религіи, среди новыхъ общественныхъ формъ. Въ стремленіи примирить эти начала онъ обоготворилъ самъ себя и заживо занялъ мѣсто въ сонмѣ небожителей. Конечно ни Августа, ни Тиберія нельзя было заподозрить въ искренней вѣрѣ въ собственное божество, но ложное положеніе заставило ихъ искать опоры въ самой колоссальной лжи, какая была высказана отъ начала міра. Отношеніе философіи къ такому порядку вещей было опредѣлено. Ей нельзя было остановиться на скромномъ и осторожномъ отрицаніи Цицерона. Умѣренность въ этомъ случаѣ принимала характеръ лицемѣрной сдѣлки, жалкаго потворства. Отъ лица всѣхъ школъ своихъ—эпикурейстовъ и стоиковъ, пиѳагорейцевъ и чистыхъ скептиковъ, философія бросила перчатку государству, такъ нагло ругавшемуся надъ истиною.

Передовое, самое опасное мѣсто въ этой битвѣ заняли стоики. Они опирались не на умозрѣніе, которое составляло слабую сторону, а на нравственное начало. Пользуемся случаемъ напомнить нашимъ читателямъ блестящую и вѣрную характеристику стоицизма, помѣщенную въ „Письмахъ объ Изученіи Природы" г. Искандера. „Ученіе стоиковъ по преимуществу нравственное; оно прямо идетъ къ вопросамъ жизненнымъ, стремится дать совѣтъ, укрѣпить грудь противъ ударовъ судьбы, возбудить гордое сознаніе долга и заставить всѣмъ жертвовать ему;—что другое могли проповѣдовать люди мысли, передъ глазами которыхъ разъигрывался послѣдній, замыкающій актъ трагедіи, гдѣ гибнулъ цѣлый міръ, и изъ-за видимыхъ развалинъ этого міра трудно было разсмотрѣть будущее, тихо и незамѣтно водворявшееся,—передъ этимъ страшнымъ зрѣлищемъ агоніи, исполненной старческаго, безсильнаго разврата, истощенья, гадкой въ своемъ циническомъ разболѣніи?—философу оставалось скрестить руки на груди и мужественно стать протестомъ, своимъ неучастіемъ заклеймить общество, громко обличить его позоръ, и когда нѣтъ надежды спасти его, употребить всѣ силы, чтобы спасти *нѣсколько лицъ*, оторвать ихъ отъ зараженной среды и пробудить нравственное чувство въ ихъ груди. Стоики обрекли себя на это. Но такое ученіе печально, угрюмо, „не жертвуетъ граціямъ",—оно учитъ умирать, учитъ цѣною головы подтверждать истину, быть непреклонно твердымъ въ несчастіяхъ, побѣждать страданія, пренебрегать наслажденіями:—все это добродѣтели, но добродѣтели человѣка въ несчастномъ положеніи; все это слишкомъ мрачно, чтобъ быть нормальнымъ... Римскій духъ, практическій, опредѣленный, рѣзкій и холодный, началъ тогда проникать всюду, началъ становиться всемірнымъ, господствующимъ дыханіемъ; на римской почвѣ стоики развились вполнѣ; въ Греціи они были болѣе теоретики; здѣсь они отворяли себѣ жилы и приготовляли въ собственномъ саду костры. Въ нихъ именно преобладалъ римскій элементъ: умы сухо-энергическіе и ожесточенные, груди твердыя, но наболѣвшія, люди практическіе, но чрезвычайно-

односторонніе и формальные,—правила ихъ просты, чисты,—но въ своей абстрактной чистотѣ они, какъ кислородъ, не составляютъ здоровой среды дыханія именно потому, что нѣтъ примѣси, которая бы смягчала рѣзкую чистоту *)".

Несмотря на бѣдность умозрительнаго содержанія, даже на презрѣніе къ наукѣ, взятой отдѣльно отъ жизни, стоики всѣми убѣжденіями и ученіями своими стояли въ рѣзкой противоположности къ политеизму и къ проникнутому его началами государству и оффиціальному обществу. Всякое явленіе изъ жизни этого общества вызывало ихъ упрекъ или насмѣшку. Добродѣтели древняго человѣка были по преимуществу гражданскія: источникомъ ихъ былъ патріотизмъ. Сенека противополагаетъ идеѣ отечества другую, болѣе обширную идею человѣчества. „Я рожденъ не для уголка земли, говоритъ онъ, родина моя — міръ". Въ другомъ мѣстѣ: „Смѣшонъ человѣкъ съ его рубежами и границами. Житель Дакіи не долженъ переступать Истра; Стримонъ служитъ границею Ѳракіи; Евфратъ отдѣляетъ насъ отъ Пароянъ, Дунай отъ Сарматіи... Дайте муравью умъ человѣка, можетъ быть и онъ раздѣлитъ часть сада на сто провинцій" (Epist. 47). Луканъ поетъ о святой любви ко вселенной (sacer orbis amor). Языческое государство уважало только гражданскую личность. Рабъ долго считался вещью. Сенека признаетъ святость каждой человѣческой личности: homo res sacra... „Каждый человѣкъ благороденъ, потому что происходитъ отъ Бога; если въ твоей родословной есть темная ступень, перешагни ее, стань выше. Подымись къ источнику благородства, къ тому, отъ кого мы всѣ произошли: мы всѣ сыны Бога". Въ этихъ выраженіяхъ звучитъ предчувствіе христіанства. Кровавыя зрѣлища Римскаго цирка возбуждаютъ въ немъ то же чувство, которое удалило отъ нихъ первыхъ христіанъ. Онъ обращается къ зрителямъ съ горькими словами: „Безъ гнѣва, безъ страха, ради забавы, вы предаете смерти человѣка и любуетесь его предсмертною тоскою. Вы скажете мнѣ, что это преступники, что они заслужили смерть. Согласенъ; но какое преступленіе совершили вы сами, за что приговорены быть зрителями казни?" Въ сочиненіяхъ Сенеки высказывается глубокая и неудовлетворенная религіозная потребность, приведшая его, подобно старшему Плинію, къ пантеизму. Противорѣчія, которыя у него такъ часто встрѣчаются, обличая недостатокъ строгой системы и неопредѣленное отношеніе къ прошедшему и будущему, рѣзко характеризируютъ переходное состояніе умовъ. Къ сожалѣнію, г. Шмидтъ недостаточно воспользовался этими матеріалами, особенно важными для возстановленія нравственной физіономіи эпохи, которую онъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій.

Но у Сенеки есть другая, нами еще не указанная сторона, которою онъ вполнѣ выражаетъ свое время. Это мрачная, до отчаянія доходящая скорбь, которая просится наружу изъ-подъ философскихъ сентенцій. Опутанный безвыходными антиноміями и сомнѣніями, глубоко оскорбленный дѣйствительностію, которой развращающее вліяніе отразилось на его собствен-

---

*) Письмо 4-е.

ной жизни, онъ смотритъ на смерть, какъ на успокоеніе отъ тревогъ бытія. „Она есть конецъ и разрѣшеніе печалей". Страданіе является у него нормальнымъ состояніемъ человѣка. „Да утѣшитъ тебя смерть", говоритъ онъ несчастному. „Взгляни на старыхъ ратниковъ. Они тверды подъ ножомъ врага, который касается ихъ ранъ и рѣжетъ ихъ члены... Будь же ратникомъ несчастія. Къ чему жалобы, вопли, приличное женамъ горе! Твои бѣдствія были безплодны, если ты не научился страдать". Онъ осуждаетъ состраданіе какъ слабое, недостойное мудраго чувство и видитъ въ самоубійствѣ самое вѣрное ручательство свободы, хотя въ другомъ мѣстѣ осуждаетъ его съ нравственной точки зрѣнія.

Это трагическое воззрѣніе не принадлежитъ исключительно наставнику Нерона. Плиній Старшій, который по образу мыслей принадлежитъ къ эклектикамъ, самой многочисленной изъ тогдашнихъ школъ, но нравственною стороною примыкалъ къ стоицизму, думалъ такъ же: „Изъ всѣхъ существъ самое гордое и жалкое есть человѣкъ. Онъ начинаетъ бытіе свое слезами, плачемъ... Одна половина его короткой жизни проходитъ во снѣ, изъ другой надобно выключить безсмысленное дѣтство и страдальческую старость. А между тѣмъ эта краткость существованія—лучшій изъ даровъ, полученныхъ нами отъ природы. Но человѣкъ дорожитъ бытіемъ. Его мучитъ жажда безсмертія. Онъ вѣритъ въ свою душу и въ другую жизнь. Онъ покланяется манамъ. Развѣ человѣку не суждено найти покоя? Неужели у него будетъ отнято высшее благо жизни, т. е. смерть, непредвидѣнная и скорая... Намъ отказано въ высочайшемъ счастіи небытія, зачѣмъ же лишать себя единственнаго возможнаго утѣшенія, надежды на возвратъ въ ничтожество?"... Онъ ставитъ въ недостатокъ богамъ безсмертіе, на которое они осуждены. При господствѣ такихъ мнѣній самоубійство сдѣлалось обыкновеннымъ поступкомъ. Къ нему приводило людей не отчаяніе, а тоска, равнодушіе къ жизни—*taedium vitae*, по выраженію Тацита. Знатный Римлянинъ, рѣшаясь на добровольную смерть, не скрывалъ своего намѣренія: онъ торжественно прощался съ друзьями и семействомъ и отворялъ себѣ въ ихъ присутствіи жилы. Бесѣда продолжалась до послѣдняго вздоха. Альбуцій Силъ изложилъ на форумѣ передъ народомъ причины своей смерти и потомъ уморилъ себя голодомъ. Рѣдко кто противился исполненію такихъ намѣреній, потому что они были въ духѣ времени. Иногда самоубійству предшествовало совѣщаніе съ близкими людьми о пользѣ такого поступка. У Сенеки находимъ примѣръ Туллія Марцеллина. Тѣлесныя страданія заставили его желать смерти. Мнѣнія друзей были раздѣлены: одинъ изъ нихъ, принадлежавшій къ стоической школѣ, сказалъ больному: „зачѣмъ придавать важность этому вопросу? Развѣ жизнь такое великое дѣло? Рабы и животныя также живутъ". Въ письмахъ Младшаго Плинія много подобныхъ фактовъ, обличающихъ страшное положеніе общества, котораго члены такъ легко отрѣшались отъ „сладкой привычки къ бытію". Приведемъ разсказъ о смерти Кореллія, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ.

„Кореллія привели къ его поступку требованія разума, въ которыхъ заключается необходимость мудраго. Впрочемъ у него было много побужде-

ній къ жизни: чистѣйшая совѣсть, громкая слава, высокое положеніе; сверхъ того дочь, жена, внукъ, сестры и, при такихъ залогахъ счастія, истинные друзья. Но онъ боролся съ недугомъ столь долгимъ и злымъ, что всѣ вычисленныя приманки бытія уступили наконецъ доводамъ смерти. На тридцать третьемъ году отъ рожденія (слышалъ я отъ него самого) его посѣтила подагра, наслѣдованная отъ отца: подобно другимъ вещамъ, болѣзнь переходитъ по наслѣдству. Въ лѣтахъ мужества онъ побѣждалъ зло воздержаніемъ и строгостію жизни; подъ старость, когда боли усилились, онъ противопоставилъ имъ душевную твердость. Однажды, — это было при Домиціанѣ, — я посѣтилъ его въ загородномъ домѣ. Онъ терпѣлъ несказанныя муки, потому что болѣзнь не ограничивалась ногами и перешла въ другія части тѣла. Рабы вышли изъ комнаты: у него былъ обычай высылать ихъ, когда пріѣзжалъ кто-либо изъ близкихъ друзей. Потомъ удалилась жена, впрочемъ способная сохранить всякую тайну. — Знаешь ли, сказалъ онъ мнѣ, озираясь кругомъ: почему я выношу такія страданія? Хочу пережить хищника *) хотя однимъ днемъ. — Если бы душѣ его было дано равносильное тѣло, онъ самъ исполнилъ бы свое желаніе. Однако какой-то богъ услышалъ его молитву; тогда, свободный и спокойный, разорвалъ онъ многочисленныя, но слабыя нити, которыя привязывали его къ жизни... Четыре дня онъ воздерживался отъ пищи"...

Изъ словъ Плинія можно заключить, что Кореллій держался ученія Зенона; изнѣженные послѣдователи Эпикура умѣли умирать съ не меньшимъ равнодушіемъ. На Римской почвѣ эпикуреизмъ и стоицизмъ сошлись въ одномъ: въ глубокомъ презрѣніи къ дѣйствительности, въ затаенномъ на днѣ ученія отчаяніи. Вотъ чѣмъ объясняется рѣшительный перевѣсъ этихъ системъ надъ всѣми прочими. Непреклонное, безотрадное исполненіе отвлеченнаго долга и упоеніе оргіи и необузданный разгулъ чувственнаго наслажденія служили равно выходомъ изъ среды, въ которой задыхались лучшіе изъ Римлянъ. Подъ женоподобными формами, подъ невольною праздностію молодой аристократіи часто скрывались могучія страсти и глубокія скорби. Въ „Исторіи свободы исповѣданій и мысли" находятся біографическіе очерки стоиковъ Музонія Руфа и Пета Тразеи, циника Димитрія и пиоагорейца Аполлонія Тіанскаго, характеризующіе отношеніе ихъ школъ къ обществу. Жаль, что г. Шмидтъ не упомянулъ о представителяхъ эпикуреизма, который числомъ послѣдователей и внутреннимъ значеніемъ далеко превосходилъ тогдашнихъ циниковъ и пиоагорейцевъ. Ему стоило только перевести двѣ превосходныя главы, въ которыхъ Тацитъ (*annal.* XVI. 18 — 20) разсказываетъ судьбу извѣстнаго друга Нерона, Гаія-Петронія.

„Петроній посвящалъ день сну, ночь дѣламъ и веселью; изнѣженностію своею онъ пріобрѣлъ славу, которой другіе достигаютъ трудами. Его не считали простымъ развратникомъ или мотомъ, какъ другихъ, расточающихъ свое имѣніе, а художникомъ въ дѣлѣ наслажденія. Чѣмъ вольнѣе были его рѣчи и поступки, чѣмъ менѣе онъ ихъ, повидимому, обдумывалъ, тѣмъ бо-

*) Т. е. Домиціана.

гдѣ они нравились своею простотою. Будучи проконсуломъ въ Виѳиніи и консуломъ, онъ обнаружилъ силу и способность къ дѣламъ. Потомъ онъ снова предался разврату, быть можетъ наружному. Неронъ принялъ его въ число немногихъ друзей своихъ и призналъ судьею изящнаго (*elegantiae arbiter*): только одобренное Петроніемъ казалось ему пріятнымъ и могло ему нравиться. Отсюда зависть Тигеллина къ сопернику, превосходившему его въ наукѣ наслажденій. Онъ обратился къ самой сильной изъ наклонностей Нерона — къ его жестокости. Петроній былъ обвиненъ въ дружбѣ съ Сцевиномъ. Подкупленный рабъ явился съ доносомъ; средства къ защитѣ были отняты, бо̀льшая часть слугъ заключена въ оковы. Въ это время цезарь отправился въ Кампанію; Петроній ѣхалъ съ нимъ до Кумъ, гдѣ его задержали. Онъ не захотѣлъ жить между страхомъ и надеждою. Впрочемъ, онъ не спѣшилъ разстаться съ жизнью, но перерѣзалъ себѣ жилы такъ, что могъ по произволу перевязывать ихъ и снова открывать. Съ друзьями бесѣдовалъ шутливо, не заботясь о славѣ, которую могла ему доставить его твердость. Они говорили ему не о безсмертіи души и не объ ученіяхъ мудрецовъ, а читали легкія стихотворенія. Нѣкоторыхъ изъ рабовъ своихъ онъ одарилъ, другихъ велѣлъ наказать. Онъ ѣлъ, спалъ по обыкновенію, и невольную смерть его можно было бы принять за случайную. Даже въ завѣщаніи своемъ онъ не льстилъ (какъ бо̀льшая часть погибающихъ) ни Нерону, ни Тигеллину и никому другому изъ властителей, но описалъ пороки цезаря и новоизобрѣтенные разнообразные виды разврата, называя по имени опозоренныхъ мужей и женщинъ. Рукопись эту онъ запечаталъ и отправилъ къ Нерону, потомъ сломалъ перстень, на которомъ находилась печать, чтобы никого не ввести въ опасность"...

Въ исторіи греко-римскаго пантеизма можно различить двѣ главныя эпохи развитія — непосредственно-религіозную и сознательную, научную. Благоговѣйное поклоненіе отдѣльнымъ силамъ и явленіямъ природы, выраженнымъ символами, въ которыхъ поэтическая вѣра народа не отдѣляла содержанія отъ формы, предшествовало признанію природы, какъ всевмѣщающей, всеобъемлющей, единой и нераздѣльной жизни. Произволъ небожителей уступилъ мѣсто вѣчнымъ законамъ естества. Холодное дуновеніе науки обратило прекрасные символы въ простыя аллегоріи. Раціонализмъ былъ послѣднимъ словомъ философскихъ школъ I столѣтія по Р. Х. Только новые пиѳагорейцы пытались подложить падавшему многобожію мистическую основу, оправдать его философіею религіи, составленною подъ явнымъ вліяніемъ Платонова идеализма. Главнымъ поборникомъ этой языческой мистики является въ жизни и ученіяхъ своихъ Аполлоній Тіанскій — загадочное, двусмысленное лицо съ притязаніями на роль пророка и реформатора. Направленіе такого рода могло найти сочувствіе только въ самомъ тѣсномъ кругу. Низшимъ классамъ народа былъ непонятенъ таинственный, полупророческій, полуученый языкъ Аполлонія и его приверженцевъ. Рѣзкій раціонализмъ образованныхъ классовъ дѣлалъ для нихъ невозможнымъ всякій возвратъ или примиреніе съ древними вѣрованіями. Онъ опирался не на одни доводы философіи, но на свидѣтельство другихъ наукъ, напр. на историческую критику,

приложенную къ религіознымъ миѳамъ. За три столѣтія до Р. Х. Грекъ Эвгемеръ написалъ „священную исторію". Въ основаніе своего сочиненія онъ положилъ мысль, что греческіе боги были не что иное, какъ люди, обоготворенные вслѣдствіе своихъ великихъ дѣлъ, обмана жрецовъ или невѣжества черни. Содержаніе миѳовъ и преданій было подвержено строгой и ѣдкой критикѣ. Въ подтвержденіе собственныхъ мнѣній Эвгемеръ приводилъ свидѣтельство памятниковъ всякаго рода. Впрочемъ, онъ отрицалъ не существованіе боговъ вообще, а греческую миѳологію. Книга его, написанная съ большимъ умѣньемъ и знаніемъ, пріобрѣла огромный успѣхъ. Современникъ второй Пунической войны, Энній перевелъ ее на латинскій языкъ и пересадилъ эвгемеризмъ на итальянскую почву. Сѣмя, какъ мы видѣли, принялось хорошо и принесло плодъ. Большинство, всегда чуждающееся умозрѣній, легко и охотно приняло выводы, добытые положительнымъ путемъ историческаго изслѣдованія, не догадываясь, что историческая критика коснулась этихъ вопросовъ и рѣшила ихъ именно такъ, а не иначе, потому только, что была подъ вліяніемъ философіи. Въ первое столѣтіе христіанства Римскій политеизмъ уже сталъ на степень исключительно оффиціальной религіи. Его поддерживало правительство — изъ разсчетовъ, народъ — по привычкѣ, но духовныя потребности человѣка перестали находить въ немъ удовлетвореніе. Всѣмъ извѣстно, какою смѣсью невѣрія и суевѣрій запечатлѣны послѣдніе вѣка язычества. Доказательствомъ общаго равнодушія служатъ опустѣлые храмы. Въ Римѣ ихъ посѣщали высшія сословія изъ приличія, въ провинціяхъ не было и этого. „Паукъ заткалъ своею сѣтью внутренность храма, дурная трава обвилась около покинутыхъ боговъ", поетъ Проперцій. Мистическое направленіе новыхъ пиѳагорейцевъ, жестокій фанатизмъ немногочисленныхъ языческихъ піэтистовъ, ихъ возгласы противъ современнаго движенія, ихъ доносы правительству, ихъ гоненіе на философію не опровергаютъ вышесказаннаго. Эти явленія рѣзче другихъ обличали ветхость рушившейся религіозной системы, были ея предсмертными судорогами. Казни христіанскихъ мучениковъ, свирѣпое участіе, съ которымъ народъ смотрѣлъ на эти кровавыя зрѣлища, ввели въ заблужденіе многихъ. Но источникомъ такихъ преслѣдованій рѣдко бываетъ фанатизмъ. Правительство наказывало политическое невѣріе, не склонявшее колѣнъ предъ обоготвореннымъ цезаремъ. Одичавшая на скамьяхъ цирка толпа съ радостію принимала новыя жертвы, брошенныя ей въ забаву. Она ругалась не надъ ученіемъ, ей непонятнымъ и невѣдомымъ, а надъ нравственностію христіанъ, такъ несходной съ античною. По подобной причинѣ, люди, принадлежавшіе къ тѣмъ философскимъ школамъ, которыхъ споръ съ духомъ и формами древней жизни начался за долго до христіанства, явились не только спокойными зрителями смерти мучениковъ, но ихъ строгими судьями. Неустрашимые теоретики, они оробѣли предъ практической задачей общественной реформы, основанной на началахъ, взятыхъ не изъ науки, хотя въ сущности эти начала не противорѣчили наукѣ. Они не поняли лучшихъ идей своихъ въ переводѣ на простой языкъ нравственно - религіознаго убѣжденія; встрѣтившись нежданно на собственномъ пути съ христіанствомъ, они боязливо отступили

назадъ и стали защитниками порядка вещей, надъ разрушеніемъ котораго до тѣхъ поръ трудились съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ. Впрочемъ, никто, знакомый съ исторіей человѣческой мысли, не станетъ винить этихъ стоиковъ, скептиковъ, эпикурейцевъ за ихъ непослѣдовательность. Ихъ призваніемъ была критика, ихъ дѣло было понять прошедшее — не болѣе. Они стояли, какъ врачи, у одра больнаго общества, внимательно слѣдили за ходомъ неисцѣлимаго недуга, сознавали опасность, не таили ея отъ другихъ, но не рѣшались на послѣднее признаніе, не находили въ себѣ смѣлости сказать, что смерть неизбѣжна. Больной былъ имъ слишкомъ близокъ; они съ нимъ родились, выросли; возможность его кончины являлась имъ чѣмъ-то чудовищно-страннымъ. Выраженіе, которое Фридрихъ Шлегель употребилъ, говоря объ исторіи, можно справедливо отнести и къ философіи: она есть пророкъ, обращенный къ минувшему. Она идетъ за исторіею, какъ сознаніе за поступкомъ. Изъ волнующейся дѣйствительности она принимаетъ въ себя только идеи совершившихся событій, ихъ духовный отсѣдокъ, *die Mütter* (матерей) явленій, о которыхъ Мефистофель говоритъ Фаусту... На рубежѣ между замыкающимся и возникающимъ періодами историческаго развитія философія становится двуликимъ Янусомъ. Но выраженіе этихъ двухъ лицъ неодинаково: обращенное вспять, къ былому, спокойно и строго: недвижныя черты утратили возможность отражать летучія впечатлѣнія бытія: видно, что тревога явленій утихла, что разсчетъ съ жизнію конченъ, что она отвѣтила на предложенные ей вопросы. Не такъ смотритъ въ даль ликъ, устремленный къ будущему: безпокойная мысль бродитъ на челѣ; въ очахъ видно юношеское чаяніе, нетерпѣливыя требованія. Но это чаяніе неясно, требованіе неопредѣленно.—Отрицая настоящее, философія оправдываетъ наступающее время, хотя она не сознаетъ его, и рано или поздно разлагаетъ его такъ же, какъ разложила его предшественниковъ.

Не натягивая, подобно г. Шмидту, не существующихъ аналогій, можно понять всю важность эпохи, имъ разбираемой, для объясненія законовъ историческаго развитія вообще. Увлеченный частными сближеніями, нѣмецкій ученый глядѣлъ на свой предметъ не съ этой единственно вѣрной и достойной нынѣшней науки точки зрѣнія. Прогрессивное движеніе человѣчества перестало быть вопросомъ для большинства мыслящихъ людей нашего вѣка, но излучистый ходъ этого движенія, его внѣшняя неправильность вызываютъ со стороны его упрямыхъ отрицателей нѣкоторыя возраженія, не лишенныя правдоподобія. Ихъ теорія опирается преимущественно на двойственномъ характерѣ прогресса, который, если его разсматривать только съ одной стороны, всегда является порчею чего-нибудь существующаго, извѣстнаго, въ пользу еще не существующаго, не вызваннаго къ жизни. Такое постепенное искаженіе формы, осужденной на смерть, можетъ продолжаться долго и быть тѣмъ оскорбительнѣе, чѣмъ прекраснѣе она была въ порѣ своей зрѣлости, чѣмъ неопредѣленнѣе выступаютъ наружу очертанія новой, не сложившейся формы. Но ссылка на это явленіе, много разъ повторившееся въ судьбѣ цѣлаго человѣчества и каждаго отдѣльнаго историческаго народа, обнаруживаетъ въ защитникахъ теоріи попятнаго движенія —одно-

сторонность взгляда или, что часто бываетъ, недобросовѣстную, добровольную слѣпоту. Перемѣна, происшедшая въ семейныхъ отношеніяхъ римскаго гражданина послѣ паденія республики, можетъ служить къ поясненію и оправданію нашихъ мыслей. Древнее семейство существовало не для себя, а для государства и его цѣлей. Отсюда жестокость юридическихъ опредѣленій. Римскій законъ обрекалъ дѣтей на рабство до смерти отца и отдавалъ женщину подъ вѣчную опеку. Изъ-подъ власти родительской она переходила подъ власть мужа. Со смертію отца дѣти становились свободны, но ея положеніе не измѣнялось: законъ не признавалъ ея совершеннолѣтнею и назначалъ ей новаго опекуна, въ лицѣ сына или родственника. Ея призваніе было родить и воспитать новыхъ гражданъ, сохранять собственность супруга отъ расхищенія, снять съ него ярмо хозяйственныхъ заботъ, несовмѣстное съ полнымъ служеніемъ отечеству. Уклоненіе отъ однообразнаго долга влекло за собою наказаніе, опредѣленное совѣтомъ родственниковъ, безславный разводъ, иногда смерть. *Domi mansit, lanam fecit* (сидѣла дома, пряла шерсть): въ этихъ словахъ заключалась высшая похвала римской матронѣ. Вторичный бракъ вмѣнялся ей въ проступокъ. Зато общество награждало ее внѣшнимъ почетомъ. Она не уступала дороги консулу, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ; ликторъ, разгонявшій толпу, не смѣлъ коснуться ея длинной одежды; оскорбленіе ея слуха нечистымъ словомъ, взгляда—непристойнымъ движеніемъ, подлежало наказанію. Когда вѣчному городу грозила опасность, сенатъ обращался къ молитвамъ матронъ, которымъ приписывалась особенная сила. Наложенный ими на себя трауръ считался послѣднимъ высшимъ воздаяніемъ заслугамъ умершаго гражданина. Самая строгость закона свидѣтельствовала о ихъ достоинствѣ: снисходительный къ пороку вольноотпущенницы и иностранки, онъ былъ неумолимъ къ проступкамъ супруги квирита. Женское цѣломудріе было такимъ образомъ поставлено въ числѣ исключительно національныхъ, аристократическихъ добродѣтелей. Но еще задолго до совершеннаго паденія республиканскихъ учрежденій семейный бытъ Рима уступилъ напору идей, разрушительно проникавшихъ въ жизнь. Подъ тройнымъ вліяніемъ ослабѣвшей нравственности, философскихъ ученій и согласныхъ съ этими ученіями юристовъ, положеніе женщины измѣнилось. Она допущена была къ пользованію правами, до тѣхъ поръ предоставленными одному мужчинѣ, къ наслажденіямъ, прежде ей строго запрещеннымъ. Императоръ Клавдій довершилъ ея освобожденіе снятіемъ вѣчной опеки. Цѣль усилій, благородныхъ по характеру, разумныхъ по мысли, великихъ по результатамъ, была достигнута, потому что они приготовляли будущую супругу и мать христіанскаго семейства. Но какъ выразился этотъ успѣхъ въ нравахъ общества, среди котораго совершился? Отсылаемъ читателей къ 6-й сатирѣ Ювенала, къ разсказамъ Тацита, къ жалобамъ Сенеки, къ циническимъ отрывкамъ Петронія. Односторонніе опредѣленія Римскаго семейства понемногу исчезли, но съ ними вмѣстѣ рушилось самое семейство. *Mulier multarum nuptiarum* заступила мѣсто жены *univirae*. Пользуясь свободою развода, она переходила отъ одного брака къ другому и означала прошедшіе годы именами не

консуловъ, а покинутыхъ ею супруговъ. Скоро ей показался недостаточнымъ такой закономъ допущенный развратъ. Въ позорномъ спискѣ эдиля явились знаменитыя имена римской аристократіи. Небывалыя гостьи удивили своимъ присутствіемъ нечистое населеніе лупанаровъ. При Неронѣ, жены сенаторовъ добровольно сходили на арену цирка, и толпа рукоплескала ихъ ловкости, ихъ отвагѣ. У Сенеки (*de Ben.* 1, 9. 111, 16) сохранился отголосокъ ихъ толковъ, выдержки изъ нравственной теоріи, которую онѣ прилагали къ жизни. Мужъ, требовавшій соблюденія внѣшнихъ приличій, назывался неучемъ, невѣждою, провинціаломъ. На молодаго человѣка, которому не удалось увезти чужую жену, прославиться гласною интригою, смотрѣли съ презрѣніемъ. Связь съ однимъ любовникомъ считалась на равнѣ съ бракомъ. Понятно все негодованіе, вся горечь сожалѣній о минувшемъ, какую подобныя явленія возбуждали въ благородныхъ и мыслящихъ современникахъ. У нихъ не было, какъ у насъ, пояснительныхъ историческихъ опытовъ. Поставленные зрителями одного изъ тѣхъ страшныхъ переломовъ, которые мы называемъ переходными эпохами, они могли видѣть только одну, къ нимъ обращенную сторону событія, и не поняли его. Освобожденіе женщины изъ-подъ гнета юридическаго семейства, гдѣ ея душевныя требованія не находили никакого признанія, было разумно и необходимо для существованія другаго нравственно-религіознаго семейства; но оно совершилось сначала, какъ отрицаніе и порча прежняго порядка, а не какъ непосредственное возникновеніе новаго.

Философскія системы рѣдко бываютъ предметомъ непосредственнаго изученія для такъ называемой образованной публики. Она неохотно слѣдитъ за діалектическимъ ходомъ чистой мысли и принимаетъ конечные выводы этого развитія чрезъ посредство литературныхъ произведеній, которыхъ чтеніе не требуетъ сильнаго умственнаго напряженія. Г. Шмидтъ посвятилъ цѣлую главу своей книги римской беллетристикѣ, какъ посредницѣ между философіей и общественнымъ сознаніемъ. Но онъ разсматриваетъ только поэтовъ, преимущественно лириковъ и сатириковъ. На историческую литературу, на положительныя науки, въ ихъ связи съ господствовавшимъ, матеріальнымъ направленіемъ вѣка, онъ не обращаетъ вниманія. А въ этихъ сферахъ быть можетъ звучнѣе, чѣмъ въ поэзіи, отзывалась современность.

Переписка Младшаго Плинія съ друзьями представляетъ живое изображеніе литературнаго быта въ Римѣ, въ исходѣ I-го и въ началѣ II-го вѣка по Р. Х. Стоитъ сравнить этотъ памятникъ съ другимъ однороднымъ, но болѣе древнимъ, съ перепискою Цицерона, чтобы оцѣнить перемѣну, которая произошла въ жизни и въ понятіяхъ Римскаго общества въ теченіи полутораста лѣтъ, отдѣляющихъ Траянова друга отъ послѣдняго оратора республики. Письма Цицерона и его современниковъ отличаются особенною простотою: высокая образованность переписывающихся лицъ, ихъ участіе въ вопросахъ науки и искусства очевидны, но не трудно замѣтить, что это люди по преимуществу практическіе. Имъ некогда обтачивать фразы; однако языкъ какъ будто послушенъ ихъ волѣ и передаетъ съ изумительною точностію оттѣнки мысли, всегда отчетливой и ясной. Чтеніе этихъ страницъ,

набросанныхъ въ короткія минуты досуга людьми, почти не выходившими изъ страшной битвы, въ которой рѣшилась судьба древняго міра, въ высшей степени увлекательно. Здѣсь вся исторія, всѣ страсти великой эпохи.

Въ письмахъ Плинія и его пріятелей мы находимъ совсѣмъ иное содержаніе и иную форму. Видно, что они писаны съ мыслію о будущихъ критикахъ, съ притязаніями на литературное достоинство. Записка въ нѣсколько строкъ, содержащая въ себѣ упреки въ долгомъ молчаніи или изъявленіе благодарности за присылку дроздовъ, носитъ печать тщательной отдѣлки. За исключеніемъ оффиціальной переписки съ Траяномъ, въ этомъ сборникѣ почти не говорится о политическихъ событіяхъ, зато извѣстія ученыя и взятыя изъ частной жизни многочисленны и любопытны. Они вводятъ читателя въ тотъ кругъ, къ которому принадлежалъ Плиній. Онъ состоялъ изъ лучшихъ членовъ Римской аристократіи, въ которыхъ воспитаніе, богатство, досугъ развили потребность умственныхъ наслажденій. Въ теоріи они были бо́льшею частію эклектики, въ жизни — стоики или эпикурейцы, смотря по личному настроенію. Они ставили науку и искусство выше практической дѣятельности, отъ которой впрочемъ не отрекались, но въ сужденіяхъ и трудахъ своихъ ближе подходили къ дилетантамъ, чѣмъ къ настоящимъ ученымъ и художникамъ. Лучшимъ представителемъ этого круга можетъ служить самъ Плиній. Онъ былъ человѣкъ даровитый, многосторонне образованный, благородный, съ горячею любовью къ истинѣ и добру. Въ его дѣятельности есть сторона новая, незнакомая республиканскому періоду, которую можно по праву назвать филантропическою. Онъ заботится о благѣ бѣдныхъ классовъ, заводитъ школы, проповѣдуетъ кроткое обращеніе съ рабами, съ негодованіемъ смотритъ на игры цирка. Траянъ возвелъ его въ высшія государственныя должности; онъ служилъ съ честью и не безъ пользы, но заботился столько же, если не болѣе, о выправкѣ своихъ сочиненій. Литераторъ нерѣдко бралъ верхъ надъ сановникомъ. При всемъ томъ Плиній очень посредственный писатель, не столько по таланту, сколько по направленію и по бѣдности того содержанія, которое дается самою жизнію. Отсюда происходитъ его заботливость о фразѣ, какъ формѣ, которая должна прикрыть внутреннюю пустоту. Изъ всѣхъ друзей Плинія одному Тациту дано было такое богатство собственныхъ силъ, такая глубина гражданской скорби, что онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ вліяніемъ среды, его окружавшей. Другимъ такая побѣда была невозможна. Но прочтите ихъ письма, ихъ отзывы о своемъ вѣкѣ: васъ поразитъ увѣренность, съ какою они ставятъ его, относительно умственнаго развитія, выше всѣхъ предъидущихъ. Ихъ вводило въ заблужденіе внѣшнее распространеніе просвѣщенія, масса идей, находившихся въ общественномъ оборотѣ, наконецъ количество произведеній, ежедневно поступавшихъ на литературный рынокъ.

У всѣхъ этихъ явленій была другая, темная сторона, отъ которой отворачивались оптимисты I-го столѣтія. Но часто въ ихъ собственномъ кругѣ являлись страшныя лица съ циническою улыбкою на губахъ, съ выраженіемъ ненависти и презрѣнія во взорѣ, — тѣ знаменитые обвинители (*delatores*), которыхъ краснорѣчіе стоило жизни лучшимъ гражданамъ Рима.

Бо́льшею частію это были люди знаменитаго рода, съ замѣчательными талантами, знакомые со всѣми направленіями современной науки и жизни. Они совершали свое дѣло всенародно. Въ полномъ присутствіи сената они произносили великолѣпныя обвинительныя рѣчи, которыхъ обыкновенною темою было неуваженіе къ религіи, оскорбленіе нравственности, отсутствіе патріотизма, и потомъ возвращались снова къ привычкамъ образованнаго, аристократическаго общества: бесѣдовали о поэзіи и философіи, посѣщали публичныя чтенія и разыгрывали роль меценатовъ относительно бѣдныхъ писателей.

Перейдемъ къ поэзіи и беллетристикѣ. Посмотримъ, какія религіозныя, нравственныя, гражданскія идеи проводили онѣ въ среду читателей, которые черпали свое образованіе изъ этихъ источниковъ. Мы видѣли упадокъ вѣрованій въ народѣ; но человѣкъ не можетъ обойтись безъ понятій или представленій о какой-нибудь верховной силѣ, о законѣ бытія. Умы положительные находили разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ теоріяхъ Лукреція. Его знаменитая поэма познакомила Римскую публику съ философіей природы, съ тѣмъ ученымъ пантеизмомъ, о которомъ мы говорили выше. Успѣшное воздѣлываніе естественныхъ наукъ въ Александріи содѣйствовало этому направленію, которое не безъ основанія казалось уцѣлѣвшимъ ревнителямъ язычества — явнымъ безбожіемъ. Другіе, напримѣръ Ювеналъ, ставили на мѣсто природы разумъ; но разумъ, взятый какъ законъ явленій, а не какъ нѣчто внѣ ихъ существующее. Остальные склоняли главу предъ владычествомъ слѣпаго, неизбѣжнаго, неразумнаго рока или просто повторяли слова Горація: *nulla mihi religio est* (у меня нѣтъ никакой религіи). Религіозный индиферентизмъ Римскихъ лириковъ, ихъ равнодушіе къ вопросамъ нравственно - политическимъ, служеніе цѣлямъ исключительно литературнымъ, вызвали справедливый, но строгій приговоръ г. Шмидта, съ которымъ впрочемъ едвали будутъ согласны филологи. Приводимъ его мнѣніе о Гораціи: „Онъ принадлежалъ къ той бездушной и легкомысленной школѣ, которая не хотѣла знать ни боговъ, ни философіи и предавалась одному наслажденію. Поэтому онъ сознается въ своемъ невѣріи, въ равнодушіи къ священнымъ торжествамъ, поэтому онъ считаетъ загробную жизнь баснею и смѣется надъ философами, стоиками и эпикурейцами равно. Жизнь и поэзія его были посвящены чувственному упоенію, любви и вину. Жизнь коротка, лови минутныя наслажденія, избѣгай заботъ и дѣлъ, не думай о завтрашнемъ днѣ, — таковы были начала, на основаніи которыхъ онъ жилъ и писалъ. Онъ ихъ заимствовалъ изъ испорченнаго эпикуреизма, хотя смѣялся надъ нимъ. Общій характеръ его стихотвореній опредѣленъ имъ самимъ: *jocos, venerem, convivia, ludum*... (шутки, любовь, пиры, забавы). Безпримѣрное самолюбіе и бѣдность заставили его льстить наклонностямъ двора; ни одинъ поэтъ не грѣлся съ такою радостію на солнцѣ придворныхъ милостей и не любовался въ такой степени собственною славою, дѣйствіемъ своихъ произведеній“...— Вырывающіяся у него нравоучительныя наставленія, жалобы на упадокъ вѣрованій въ народѣ, похвалы философіи, болѣе въ смыслѣ практической мудрости, не обличаютъ другаго направленія, а только способность увлеченія, отсутствіе твердаго взгляда на жизнь, наконецъ жела-

ніе угодить Августу, который, какъ извѣстно, по утвержденіи своей власти, много заботился объ исправленіи нравовъ въ Римѣ.

Еще далѣе пошли Тибуллъ и въ особенности Проперцій. Послѣдняго можно назвать поклонникомъ и жрецомъ плоти. У него нѣтъ другаго божества, нѣтъ другаго служенія. Онъ молитъ для человѣчества только одного: вѣчнаго міра, чтобы оно могло вполнѣ предаться чувственнымъ влеченіямъ и найти блаженство въ сладострастіи. Умалчиваемъ о тѣхъ (большею частію переведенныхъ съ греческаго) сочиненіяхъ, которыя тайкомъ читались Римскими женами и юношами и вводили ихъ во всѣ тайны систематическаго разврата. Не трудно составить себѣ понятіе о томъ обществѣ, къ потребностямъ котораго приноровлена была такая поэзія. Оно гордилось своимъ просвѣщеніемъ, ясностію и вѣрностію своихъ воззрѣній, забавляясь мнимымъ отсутствіемъ предразсудковъ, и не замѣчало, что оно купило эти блага утратою тѣхъ идеаловъ, безъ которыхъ жизнь народовъ и отдѣльныхъ лицъ лишена всякаго достоинства и значенія. Отрекшись во имя философіи отъ боговъ, оно не умѣло сохранить благороднаго уваженія къ покинутымъ поэтическимъ вѣрованіямъ собственной юности, преслѣдовало ихъ циническимъ смѣхомъ и въ то же время ругалось надъ философіей во имя здраваго смысла, т. е. самаго грубаго матеріализма. Персій вложилъ въ уста старому центуріону исповѣдь большей части своихъ современниковъ: „Мнѣ достаточно собственной философіи; я не хочу походить на какого - нибудь Аркезилая или Солона... пускай они обдумываютъ собственныя слова или больныя бредни какого - нибудь изъ древнихъ, въ родѣ: ничто не можетъ произойти изъ ничего, ничто не возвращается въ ничто. Стòитъ ли изъ этого блѣднѣть или отказываться отъ обѣда?“

Не на всѣхъ произведеніяхъ поэзіи I-го вѣка имперіи лежалъ такой характеръ. Музами римской сатиры были ненависть и иронія. Ея свирѣпый хохотъ странно врѣзывался въ хоръ изнѣженныхъ голосовъ, которые пѣли послѣднія пѣсни древняго міра. Но, враждуя съ настоящимъ, римскіе сатирики были причастны ему. Въ наше время никто не дастъ въ руки незрѣлому юношѣ или женщинѣ сатиръ Ювенала, не говоря уже о Марціалѣ или Петроніи, которыхъ насмѣшка надъ порокомъ обличаетъ короткое знакомство съ нимъ. Это не свобода греческаго искусства, чуждаго условныхъ приличій и потому не краснѣвшаго передъ настоящими названіями вещей, а съ любовью набросанныя изображенія сценъ, почти непонятныхъ нашему воображенію. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Петроній, талантъ первостепенный, не подавленный, но развращенный вліяніемъ нечистой эпохи, которую онъ понималъ можетъ быть глубже и вѣрнѣе, нежели кто-либо изъ тогдашнихъ писателей.

Г. Шмидтъ былъ въ правѣ умолчать о драмѣ. Она перешла въ пьесы съ великолѣпнымъ спектаклемъ и балетъ, особенно любимый публикою, искавшей только поразительныхъ эффектовъ и чувственнаго раздраженія. Машинистъ смѣнилъ поэта, пантомимъ—художника-актера.

Впрочемъ, антиноміи тогдашней жизни нигдѣ не выступали такъ ярко наружу, какъ въ системахъ воспитанія. Древняя школа не знала тѣхъ отно-

шеній зависимости отъ государства и церкви, въ какія поставлена новая. Правительство предоставляло дѣло воспитанія частному произволу родителей съ одной стороны, грамматиковъ и риторовъ—съ другой. Не понимая всей важности вопроса, оно добровольно отказывалось отъ всякаго вліянія и надзора за многочисленными заведеніями, изъ которыхъ исходила образованность, разлитая въ обществѣ. Ихъ было три рода: школы грамматиковъ, риторовъ, философовъ. Подъ руководствомъ грамматиковъ дѣти обоего пола получали, за весьма дешевую плату, первоначальное образованіе. Ихъ учили греческому и родному языку. Способъ преподаванія заключался въ чтеніи и объясненіи классическихъ писателей и въ письменныхъ упражненіяхъ, то есть въ составленіи сентенцій, хрій и этологій. Въ школѣ ритора довершалось воспитаніе юноши, назначавшаго себя къ государственной или вообще практической дѣятельности. Преподаваніе философовъ относилось только къ личнымъ потребностямъ высшаго знанія и развитія. Здѣсь являлись учениками не одни молодые люди, а лучшіе представители зрѣлаго поколѣнія.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ равнодушнаго отношенія, въ какомъ правительство стояло къ воспитанію, было отчужденіе послѣдняго не только отъ цѣлей, которыя преслѣдовало государство, но отъ современной жизни вообще. Римскому педагогу предстояла неразрѣшимая задача: онъ долженъ былъ или лицемѣрить предъ своимъ воспитанникомъ, внушая ему уваженіе къ религіознымъ и политическимъ формамъ, которымъ самъ отказывалъ въ признаніи, или, дѣйствуя откровенно, знакомить его съ всестороннимъ отрицаніемъ въ тѣ годы, когда душа неотступно требуетъ положительной истины, вѣрованій и убѣжденій. Исхода не было. Школа, частію сознательно, частію вслѣдствіе внѣшней необходимости, разошлась съ жизнію. Обратившись спиной къ настоящему, грамматики и риторы заботились преимущественно о передачѣ ученикамъ своимъ тѣхъ знаній, о развитіи въ нихъ тѣхъ способностей, которыя были необходимы гражданину временъ республики и почти безполезны подданному цезарей. Сюда особенно принадлежало краснорѣчіе, на которое болѣе всего обращалось вниманіе. Результатомъ была не одна трата времени и силъ, а нѣчто худшее — ложное направленіе, нравственная порча, всегдашній выводъ лжи. Ораторскіе таланты юношей, посѣщавшихъ школы риторовъ, упражнялись надъ темами, взятыми не изъ современности или дѣйствительности вообще, а изъ порядка вещей невозвратно прошедшаго или изъ міра вымышленныхъ отношеній. Ихъ заставляли разбирать небывалые юридическіе случаи на основаніи небывалыхъ законовъ, говорить рѣчи отъ лица Агамемнона, разсуждающаго о томъ, долженъ ли онъ принести въ жертву Ифигенію, или нѣтъ,—Александра, колеблющагося вступить въ Вавилонъ,—еще чаще отъ лица и въ смыслѣ героевъ республиканской древности. Отецъ Сенеки - философа, знаменитый своими успѣхами риторъ Маркъ-Энній Сенека, оставилъ намъ два сборника такихъ упражненій (*Libri controversiarum* и *Liber suasoriarum*). Въ XI главѣ „Исторіи Исповѣданій" собрано много любопытныхъ указаній, къ которымъ отсылаемъ нашихъ читателей. Это одна изъ лучшихъ частей всего сочиненія.

Понятно, какъ долженъ былъ смотрѣть на настоящую жизнь молодой

человѣкъ, прошедшій чрезъ школы грамматиковъ и риторовъ. Не приготовленный къ ней соотвѣтственнымъ ея требованіямъ воспитаніемъ, онъ слагалъ на нее вину своихъ неудачъ и рано становился въ густые ряды недовольныхъ и праздныхъ членовъ общества. Исключеніе составляли немногіе, пробившіе себѣ дорогу высшими способностями, практическимъ смысломъ, взявшимъ верхъ надъ вліяніемъ школы, стеченіемъ особенно счастливыхъ обстоятельствъ или смѣлыми пороками. Но эти частные успѣхи, эти изъятія изъ общаго правила искушали массу полуобразованныхъ родителей, смотрѣвшихъ на науку, какъ на самую надежную проводницу къ богатству и почестямъ. Истинное, чисто человѣческое значеніе образованности разумѣется не входило въ разсчеты такого рода. У Петронія есть страница, живо характеризующая утилитарное направленіе Римскихъ отцовъ. Одинъ изъ гостей Трималхіона, узнавъ между прочими собесѣдниками ритора Агамемнона, обращается къ нему: „на дняхъ я какъ-нибудь уговорю тебя пріѣхать къ намъ въ деревню, заглянуть въ нашу хижину; найдемъ, что̀ съѣсть: цыпленка, яицъ. Урожай отъ непогоды неравный, однако голодны не будемъ. У меня подростаетъ тебѣ ученикъ, сынъ мой Цикаро. Онъ уже знаетъ, что̀ стоитъ ассъ *); если живъ будетъ, онъ не отойдетъ отъ тебя. Ужъ теперь, когда свободенъ, не сводитъ глазъ съ письменной доски. Отличныя способности и сердце предоброе, только до птицъ охотникъ. Это его болѣзнь. Я у него задушилъ трехъ щегленковъ и сказалъ, что ихъ ласточка съѣла, а онъ отыскалъ новыхъ, ручныхъ. Къ живописи большая наклонность. Впрочемъ греческій языкъ бросилъ, за латинскій принимается не дурно, хотя его учитель очень занятъ собою. Но на мѣстѣ усидѣть не можетъ; придетъ, попроситъ у меня книгъ, а работать не хочетъ. Есть у него другой учитель; онъ не ученъ, но усерденъ, учитъ даже тому, чего самъ не знаетъ. Приходитъ по праздникамъ и доволенъ всѣмъ, что̀ ему дашь. Я купилъ мальчику кой-какія юридическія книги, потому что хочу для домашняго употребленія, чтобы онъ немного познакомился съ законами (это дѣло хлѣбное). Литературы онъ набрался довольно. Если заупрямится, я рѣшился отдать его въ обученіе хорошему ремеслу, хоть къ цирюльнику, уличному глашатаю или къ стряпчему. Этого добра не отниметъ у него никто, кромѣ смерти. Я ему толкую ежедневно: сынъ мой, повѣрь, ты учишься для собственной пользы. Посмотри на стряпчаго Филерона: если бы онъ не учился, пришлось бы ему зубы на полку положить. Еще очень, очень недавно былъ онъ простымъ носильщикомъ, а теперь не уступаетъ самому Норбану. Наука сокровище; знаніе не уморитъ съ голоду“.

Приведемъ другой отрывокъ изъ того же писателя. Здѣсь высказалъ онъ собственное мнѣніе о состояніи краснорѣчія и воспитанія въ Римѣ.

„Я думаю, что глупость юношей, учащихся въ школахъ, происходитъ оттого, что имъ не приходится ни видѣть, ни слышать того, что̀ дѣлается въ обыкновенной жизни. Имъ являются разбойники, стоящіе на берегу моря, съ готовыми оковами; тираны, издающіе законы, предписывающіе дѣтямъ

*) Ассъ — римская монета.

рубить головы отцовъ; приговоры оракуловъ, требующихъ для прекращенія язвы смерти трехъ или болѣе дѣвъ. Все это облекается въ медовыя, посыпанныя пряностями рѣчи... Высокое, если можно выразиться, цѣломудренное краснорѣчіе не терпитъ румянъ и напыщенности: оно довольствуется естественною красотою. Недавно перешло изъ Азіи въ Аѳины надутое и чрезмѣрное многословіе; какъ гибельное свѣтило, отравило оно своимъ вліяніемъ умы юношей, стремившихся къ великому. Испорченная рѣчь остановилась и умолкла. Кому впослѣдствіи удалось достигнуть верховной славы Ѳукидида или Гиперида? Тоже совершилось въ поэзіи. Она утратила блескъ здоровья. Пропитанное ядомъ искусство умираетъ, не доживъ до старости. Таковъ же конецъ живописи, съ тѣхъ поръ какъ египетская отвага изобрѣла средства къ упрощенію великаго художества". На это отвѣчаетъ риторъ Агамемнонъ: „Молодой человѣкъ, такъ какъ слова твои не отзываются общимъ мнѣніемъ и ты, что̀ нынѣ очень рѣдко, дорожишь здравымъ смысломъ, я сообщу тебѣ тайну искусства. Не вини наставниковъ: они должны уступить общему безумію. Если бы ихъ преподаваніе не находило одобренія слушающихъ юношей, имъ пришлось бы, какъ говоритъ Цицеронъ, остаться однимъ въ пустыхъ школахъ. Ловкіе льстецы, гоняясь за обѣдами богатыхъ людей, обдумываютъ прежде всего пріятныя слушателямъ рѣчи: риторъ долженъ дѣйствовать также, — или какъ рыбакъ, который сажаетъ на крючокъ любимую рыбами приманку. Иначе онъ просидитъ безъ надежды на скалѣ своей. Кто жъ виноватъ? Одни родители, которые не хотятъ дать дѣтямъ воспитанія, основаннаго на строгихъ началахъ. Они жертвуютъ всѣми надеждами своими честолюбію; спѣша достигнуть желанной цѣли, они гонятъ на форумъ умы еще незрѣлые и, признавая превосходство краснорѣчія надъ всѣмъ прочимъ, требуютъ его отъ мальчиковъ, только что вышедшихъ изъ пеленокъ". Замѣчательно, что Петроній вложилъ эти слова, обличающія такое полное сознаніе зла, въ уста героевъ своей грязной повѣсти. Сочетанія ясной теоріи, вѣрнаго взгляда на жизнь и на искусство съ страшнымъ нравственнымъ развратомъ глубоко характеризуетъ больную эпоху. Къ этимъ выпискамъ изъ Петронія можно было бы прибавить жалобы Тацита (*de orat*. 28, 29) и Квинтиліана (1, 2) на упадокъ домашняго воспитанія. Онъ обнаружился въ одно время съ упадкомъ древняго семейства. Освобожденной матронѣ не было времени смотрѣть за дѣтьми: она сложила съ себя эту обязанность. Прежде, говоритъ Тацитъ, дѣти римскихъ гражданъ росли не въ комнатѣ купленной кормилицы, а подъ глазами цѣломудренной матери. Такъ Корнелія воспитывала Гракховъ, Аціа—Августа. Въ наше время ребенка поручаютъ греческой рабынѣ и одному или двумъ рабамъ мужескаго пола. Нелѣпые разсказы этихъ наставниковъ составляютъ первую пищу юныхъ умовъ.

Императоръ Веспазіанъ первый понялъ связь между школою и государствомъ и назначилъ жалованье учителямъ. Этимъ онъ улучшилъ ихъ положеніе, но не излѣчилъ главнаго недуга. Отнявъ у науки независимость, которою она до него пользовалась, онъ не могъ дать преподаванію ни новаго содержанія, ни новой методы.

Мы подробно разсмотрѣли замѣчательную книгу Г. Шмидта. Ея достоинства неоспоримы; но кромѣ указанныхъ недостатковъ есть одинъ, налагающій на все сочиненіе печать односторонняго, неполнаго воззрѣнія. Слово христіанство находится въ заглавіи книги, но авторъ не показалъ, въ какое отношеніе стала истина Евангелія къ разлагавшейся языческой жизни. Въ исторіи послѣднее, обличительное слово умирающаго порядка вещей выговаривается не имъ самимъ, а новымъ, замѣняющимъ его порядкомъ. Чтобы понять Римское общество временъ имперіи, надобно поставить его лицомъ къ лицу съ христіанствомъ, надобно заставить его повторить скорбный вопросъ Пилата Спасителю: что̀ есть истина?

РЕФОРМА ВЪ АНГЛІИ *).

Histoire de Henri VIII et du schisme d'Angleterre, par m. Audin. Paris, 1847, 2 vols (Исторія Генриха VIII и отпаденіе Англіи отъ Римскаго католицизма, соч. г. Одена. Парижъ, 1847, два тома).

Статья первая.

Несмотря на блестящіе успѣхи, совершенные въ теченіи нашего столѣтія историческими науками, никогда, быть можетъ, практическая польза изученія исторіи не подвергалась такимъ сомнѣніямъ, какъ въ настоящее время. Вызванный педантскими притязаніями Іоанна Мюллера и его школы парадоксъ Гегеля, сказавшаго, что исторія никогда никого ничему не научила, нашелъ большое сочувствіе, особливо въ той части публики, которая радуется всякому оправданію своей умственной лѣни. Авторитетъ великаго мыслителя снялъ съ нея окончательно обязанность тратить время на изученіе безплодной въ приложеніи науки. Съ другой стороны, быстрая смѣна событій, число явленій, такъ нежданно и рѣзко измѣнившихъ характеръ европейскихъ обществъ, ввели въ раздумье много мыслящихъ и положительныхъ людей. Неразрѣшимою и грозною задачею сталъ предъ ними вопросъ о связи прошедшаго съ настоящимъ въ эпоху ожесточенныхъ нападокъ на историческое преданіе. Исполненные довѣрія къ опытамъ собственной жизни, они усомнились въ возможности извлечь пользу изъ вѣковыхъ опытовъ цѣлаго человѣчества. Э. Жирарденъ сказалъ прямо, что теперь хорошо устроенная фабрика можетъ быть поучительнѣе для народа, чѣмъ вся его исторія. И этотъ грубый до цинизма, обличающій рѣдкую ограниченность пониманія и чувства отзывъ, былъ однако многими принятъ съ одобреніемъ! А между тѣмъ весьма немногія событія отмѣчены характеромъ совершенно новыхъ,

---

*) Напечатано въ „Современникѣ“ 1848 года, № XI.

небывалыхъ явленій: для бóльшей части существуютъ поучительныя историческія аналогіи. Въ способности схватывать эти аналогіи, не останавливаясь на одномъ формальномъ сходствѣ, въ умѣньи узнавать подъ измѣнчивою оболочкою текущихъ происшествій сглаженныя черты прошедшаго заключается, по нашему мнѣнію, высшій признакъ живаго историческаго чувства, которое въ свою очередь есть высшій плодъ науки.

Давно ли успѣхи католицизма въ Англіи, пюзеизмъ и однородныя движенія обращали на себя напряженное вниманіе не только приверженцевъ англійской государственной церкви, но всѣхъ протестантовъ вообще? Нѣмецкіе богословы усердно собирали ученыя пособія въ пользу своимъ англиканскимъ собратамъ. Надобно было общими силами отстаивать дѣло реформаціи противъ стараго врага, въ-расплохъ на него нагрянувшаго. Въ Римѣ проснулись надежды, дремавшія съ паденія Стюартовъ. Теперь успокоились опасенія, и охладѣли надежды. Главнымъ результатомъ католическаго движенія осталась богатая литература историческихъ и богословскихъ сочиненій, написанныхъ съ явною полемическою цѣлью. На читателя, знакомаго съ англійскою стариною, отъ этихъ книгъ и брошюръ, напечатанныхъ не много лѣтъ тому назадъ, по поводу современнаго вопроса, вѣетъ чѣмъ-то ветхимъ, давно слышаннымъ. Это старый споръ, рѣшенный въ 1688 году англійскимъ народомъ. Мы уже слышали эти рѣчи въ XVII столѣтіи, но тогда онѣ раздавались громче, въ нихъ звучало болѣе силы и болѣе вѣры; тогда онѣ сманили въ изгнаніе цѣлый царственный родъ. Подогрѣтое, нерѣшительное ученіе пюзеистовъ не въ состояніи побудить къ великимъ жертвамъ и дѣламъ. Его минутный успѣхъ объясняется только двойственнымъ характеромъ англиканской церкви, страннаго полуготическаго, полуноваго зданія. Своенравный зодчій не позаботился о единствѣ своего зданія. Зато католицизмъ, какъ привидѣніе, бродитъ въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ храма, нѣкогда ему одному посвященнаго.

Вся ученая дѣятельность аббата Одена, писателя, уже пріобрѣтшаго довольно большую извѣстность, носитъ на себѣ отпечатокъ движеній, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Она очевидно вызвана свѣжими надеждами католической партіи, не унывающей послѣ трехвѣковыхъ неудачъ. „Исторіею Генриха VIII“ замыкается рядъ монографій, посвященныхъ г. Оденомъ эпохѣ реформаціи. Направленіе автора извѣстно изъ изданныхъ имъ жизнеописаній папы Льва X, Лютера и Кальвина. Его послѣднее сочиненіе написано въ томъ же духѣ, съ цѣлью показать, что главной виною религіознаго переворота въ Англіи была страсть, которую поддерживали запуганные сановники и раболѣпный парламентъ. Великое событіе вставлено въ раму мелкой, безнравственной интриги. Мысль, какъ увидимъ, невѣрная и неновая. Вообще французскій историкъ Генриха VIII не отличается самостоятельностію своихъ воззрѣній или частныхъ изслѣдованій. При неоспоримой начитанности, онъ охотно беретъ готовое у своихъ предшественниковъ, смотрѣвшихъ на предметъ съ той же или сходной точки зрѣнія. Его многочисленныя ссылки на протестантскихъ писателей могутъ показаться доказательствомъ свободнаго отъ всякихъ предубѣжденій изученія источниковъ, но не трудно замѣ-

тить, что эти ссылки составляютъ только внѣшнюю обстановку сочиненія и что постоянными руководителями г. Одена были пристрастные заступники папизма: кардиналъ Поль, Сандерсъ, Лингардъ и другіе. Онъ стоитъ на ихъ плечахъ. За нимъ остается одно достоинство полноты. Его книга, богатая подробностями, популярно написанная, есть самый подробный обвинительный актъ противъ начинателей англійской церковной реформы. Она не можетъ пройти незамѣченной, не обнаружить вліянія. Прибавимъ, что вмѣсто предисловія напечатано исполненное похвалъ сочинителю письмо аббата Сибура, одного изъ самыхъ значительныхъ членовъ высшаго французскаго духовенства, того самаго, который занялъ мѣсто падшаго на іюньскихъ баррикадахъ Парижскаго архіепископа.

Изъ трехъ юношей, которые въ первомъ двадцатилѣтіи XVI вѣка вступили на главные престолы западной Европы, Генриху VIII предстояла, по всѣмъ вѣроятностямъ, самая блестящая будущность. Ему было только осьмнадцать лѣтъ, когда, при радостныхъ надеждахъ цѣлой Англіи, началъ онъ свое царствованіе. Великая эпоха, ознаменованная италіянскими войнами, возрожденіемъ наукъ и реформаціею, призывала къ великимъ подвигамъ. У молодаго, славолюбиваго короля были всѣ условія удачи: умъ, образованность, смѣлость. Во внѣшнихъ средствахъ не было недостатка. Генрихъ VII завѣщалъ сыну крѣпкое, покорное государство и богатую казну, о которой ходили самые преувеличенные слухи.

Есть какое-то можно сказать семейное сходство между государями западной Европы, стоящими на рубежѣ средняго и новаго времени. При всемъ различіи личныхъ дарованій и свойствъ, въ Лудовикѣ XI, Фердинандѣ-Католикѣ, Генрихѣ VII, современныхъ имъ италіянскихъ князьяхъ, нельзя не узнать дѣтей одной могучей и оригинальной эпохи. На всѣхъ этихъ лицахъ есть общая черта холодной ироніи, изъ-за которой проглядываетъ внутренняя тревога, безпокойная жажда дѣятельности. У всѣхъ нихъ было одинаковое невыгодное расположеніе къ феодальному обществу и нетерпѣливое желаніе замѣнить его другимъ, еще не ясно сознаннымъ порядкомъ вещей. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Современника мы будемъ имѣть случай развить эту мысль подробнѣе по поводу Лудовика XI, котораго пора перестать считать за эксцентрическое, въ отдѣльности отъ другихъ стоящее лицо. Мы увидимъ, что даже въ мелкихъ особенностяхъ своихъ Лудовикъ XI былъ самымъ полнымъ типическимъ представителемъ переходной эпохи XV вѣка. Доказательствомъ служитъ примѣръ Генриха VII. На англійскій престолъ возвела его Босвортская побѣда, которую онъ одержалъ надъ Ричардомъ III. Трудно было удержаться на шаткомъ тронѣ, за который шла кровавая распря двухъ Розъ. Со всѣхъ сторонъ подымались новыя притязанія, для которыхъ существовали ручательства успѣха въ воинственныхъ, безпокойныхъ наклонностяхъ поколѣнія, выросшаго и возмужавшаго среди междоусобій. Одичалый въ этихъ смутахъ народъ привыкъ къ насильственнымъ смѣнамъ властей и повиновался имъ только до первой неудачи. Но Генрихъ умѣлъ воспользоваться благопріятнымъ для утвержденія прочнаго правительства условіемъ, какое онъ нашелъ при вступленіи на престолъ: общею усталостію, требо-

ваніемъ порядка и покоя, всегдашнимъ слѣдствіемъ долгихъ гражданскихъ тревогъ. Удовлетворяя этому требованію, онъ могъ останавливать и измѣнять дѣйствіе учрежденій, развившихся въ пользу всѣхъ сословій англійскаго народа изъ хартіи, вынужденной мятежными баронами у Іоанна Безземельнаго. Съ 1485 года парламентъ собирается рѣдко, большею частію только для выслушанія и утвержденія своимъ согласіемъ монаршей воли. Суды присяжныхъ утратили свою независимость, право собственности — свою неприкосновенность. Денежныя нужды часто ставили предшественниковъ Генриха въ самое затруднительное отношеніе къ нижней камерѣ, составленной изъ представителей городовъ и графствъ, т. е. тѣхъ классовъ, которые несли всю тягость тогдашнихъ налоговъ. Генрихъ избѣгалъ этихъ опасныхъ столкновеній. Онъ замѣнялъ, сколько могъ, обыкновенные подати и налоги такъ называемыми добровольными приношеніями подданныхъ и доходами съ конфискованныхъ или обложенныхъ судебными пенями имѣній. Для этого нарочно были разосланы во всѣ области Англіи преданные правительству юристы. На основаніи давно вышедшихъ изъ употребленія или произвольно ими истолкованныхъ законовъ, они подымали безчисленные иски отъ казны противъ частныхъ лицъ. Обвиненіе въ государственной измѣнѣ стало простою финансовою мѣрою, которой исполненіе было ввѣрено Звѣздной Камерѣ. Противъ ея напередъ готовыхъ приговоровъ не могли служить защитой ни невинность, ни высокое положеніе, ни даже несомнѣнныя заслуги подсудимаго. Сэръ Вильямъ Стенли, спаситель короля при Босвортѣ, умеръ на эшафотѣ. Его главная вина состояла, по мнѣнію современниковъ, въ огромномъ богатствѣ. Впрочемъ, въ бóльшей части случаевъ, можно было откупиться отъ наказанія. Аббатъ Оденъ заимствовалъ у англійскихъ историковъ любопытныя свидѣтельства этой торговли правосудіемъ. Приведемъ нѣсколько образцевъ.

Эмсонъ (онъ и Додли были главными агентами въ подобныхъ дѣлахъ) доноситъ, что Н. заплатилъ пять марокъ за обѣщанное ему помилованіе, съ условіемъ однако, что деньги эти будутъ ему возвращены въ случаѣ отказа. Вмѣсто денегъ велѣно было отдать что-нибудь другое, въ ту же цѣну. Нѣкто Каррель, обвиненный вмѣстѣ съ сыномъ своимъ въ преступленіи намъ неизвѣстномъ, сознался въ справедливости обвиненія и предложилъ 1000 фунтовъ за прощеніе. На это согласились, даже съ разсрочкой въ платежѣ условленной суммы. Каррель внесъ 100 фунтовъ немедленно, а въ остальныхъ 900 далъ росписку. Заключенный въ темницѣ графъ Дерби просилъ о пощадѣ. Помилованіе дано ему за 6000 фунтовъ. Подобныхъ актовъ хранится много въ англійскихъ архивахъ.

Побѣдитель Ричарда не уступалъ послѣднему въ суровости, но не любилъ безполезнаго кровопролитія. Онъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ преемнику казнь Суффолька, но, побѣдивъ самозванца Симнеля, онъ обманулъ ожиданія Лондонскихъ жителей, привыкшихъ къ кровавымъ зрѣлищамъ. Вмѣсто ведомаго на казнь преступника, они увидѣли въ свитѣ возвратившагося послѣ побѣды надъ Симнелемъ короля — новаго поваренка. Генрихъ опредѣлилъ въ эту должность молодаго противника, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ грозившаго опасностію его престолу и жизни. Несмотря

на удачу всѣхъ своихъ военныхъ предпріятій, на свое рѣшительное мужество, Генрихъ не искусился приманкою бранной славы и заботливо уклонялся отъ войны. Его холодному, разсчетливому уму были равно противны духъ и формы рыцарства, вообще вся поэтическая сторона средневѣковой жизни. Онъ правилъ Англіею какъ осторожный хозяинъ, преслѣдуя однѣ практическія, ясно опредѣленныя цѣли, независимо отъ теоретической важности совершаемаго имъ дѣла, т. е. сокрушенія феодальнаго государства. Онъ не имѣлъ любви народа и былъ нелюбимъ, хотя низшимъ классамъ было при немъ лучше, нежели при его блестящихъ предшественникахъ. За то ему удалось то, чего не могли сдѣлать ни Генрихъ V, ни Эдуардъ IV, ни одаренный дивными силами ума и воли Ричардъ III: онъ утвердилъ на престолѣ свою династію и упрочилъ за Тюдорами одинъ изъ самыхъ славныхъ вѣковъ англійской исторіи.

Нерасположеніе народа къ отцу обратилось въ пользу сына. Оно составляло часть, быть можетъ не самую маловажную, оставленнаго наслѣдства. Old merry England съ любовью встрѣтила прекраснаго юношу, сравнивая его съ суровымъ покойникомъ, который въ теченіи 24 лѣтъ отучалъ ее отъ привычекъ прежней привольной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, природа богато надѣлила Генриха VIII всѣми качествами, которыхъ отсутствіе было такъ поразительно въ его отцѣ, и которыя между тѣмъ болѣе всего бросаются въ глаза и дѣйствуютъ на воображеніе. Новый король представлялъ совершенный типъ англо-саксонской красоты. Онъ былъ ловокъ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, привѣтливъ и щедръ до расточительности. Черезъ десять лѣтъ послѣ вступленія его на престолъ, Джюстиніани, посолъ Венеціанской республики въ Лондонѣ, доносилъ своему правительству: „Его Величеству теперь двадцать девять лѣтъ. Прекраснѣе наружности не могла создать природа. Онъ красивѣе всѣхъ христіанскихъ государей нашего времени, гораздо красивѣе французскаго короля (Франца I). Тѣло его отличается необыкновенною бѣлизною, всѣ члены—совершенною правильностію и соразмѣрностію. Онъ отличный музыкантъ и композиторъ, превосходный ѣздокъ и борецъ; сверхъ того, онъ обладаетъ основательнымъ знаніемъ языковъ латинскаго, французскаго и испанскаго. Онъ страстно любитъ охоту и всякій разъ загоняетъ до усталости 8 или 10 лошадей. Игра въ мячъ также доставляетъ ему большое удовольствіе. Нельзя себѣ представить ничего прекраснѣе англійскаго короля, когда онъ, сбросивъ верхнее платье, предается этой игрѣ. Доступъ къ нему нетруденъ; вообще онъ ласковъ и не оскорбляетъ никого. Часто говоритъ онъ мнѣ: „я бы желалъ, чтобъ всѣ были довольны своимъ положеніемъ такъ, какъ мы довольны нашими островами". — Извѣстно, какое вліяніе имѣли на мнѣнія XVI вѣка гуманисты, представители новой науки, основанной на изученіи классической древности. Они составляли партію, шедшую во главѣ умственнаго движенія эпохи и сильную не только превосходствомъ знаній или талантовъ, но сверхъ того числомъ и общественнымъ значеніемъ ея членовъ. Въ рядахъ этой дружины стояли простыми ратниками лучшіе люди западной Европы. Генрихъ VIII былъ воспитанъ въ ихъ идеяхъ, подъ ихъ надзоромъ. На одиннадцатомъ

году отъ рожденія онъ уже переписывался съ главою гуманистовъ, Эразмомъ, и жадно читалъ его сочиненія. Нетрудно себѣ представить, съ какими надеждами они ждали его царствованія. Тотчасъ по смерти Генриха VII, лордъ Монтжой, ученикъ и покровитель Эразма, написалъ къ своему учителю: „я увѣренъ, что вѣсть о вступленіи на престолъ нашего Генриха VIII, или, лучше сказать, Октавія (игра словъ: Octavus seu potius Octavius), разгонитъ всѣ твои заботы. О, мой Эразмъ, если бы ты былъ свидѣтелемъ радости, которою всѣ здѣсь исполнены, общаго восторга и общихъ желаній долгой жизни королю, ты конечно не могъ бы удержать сладкихъ слезъ! Кажется, само небо улыбается, земля радостно трепещетъ... Нашъ король не ищетъ ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней, ни металловъ: онъ жаждетъ только вѣчной славы и доблестныхъ дѣлъ". Эразмъ немедленно прибылъ въ Англію, былъ принятъ съ великими почестями, и въ письмахъ своихъ къ нѣмецкимъ и итальянскимъ друзьямъ осыпаетъ похвалами молодаго монарха, какъ знатока и благоразумнаго покровителя науки. Десять лѣтъ спустя, переселившись въ Нидерланды, онъ еще поздравлялъ юношей съ наступленіемъ золотаго вѣка въ Англіи. Отношенія Генриха къ гуманистамъ, вліяніе этихъ отношеній на него лично и на исторію англійской церковной реформы вообще не были до сихъ поръ надлежащимъ образомъ оцѣнены. Въ книгѣ г. Одена есть нѣсколько страницъ объ англійскихъ гуманистахъ, но его сужденія о нихъ поверхностны и вовсе не опредѣляютъ ихъ значенія, хотя одна переписка Эразма могла бы доставить ему содержаніе превосходной главы о литературной и ученой жизни въ Англіи въ первой половинѣ Генрихова правленія. Кромѣ Эразма, въ этой жизни принимали особенно значительное участіе архіепископъ Кентербюрійскій Варгамъ, епископы Фишеръ, Фоксъ, Стоксли, Тонсталь, лордъ Монтжой, Пэсъ, Скельтонъ—учитель короля, врачъ Линакръ, Колетъ — основатель знаменитой школы при храмѣ св. Павла, и авторъ „Утопіи", будущій канцлеръ Моръ. Всѣ они были не только глубоко ученые, но образованные, остроумные люди, которымъ происхожденіе или личныя достоинства открыли доступъ ко двору. Генрихъ часто и охотно вмѣшивался въ бесѣды этого блестящаго круга и горячо принималъ къ сердцу его интересы. Когда въ англійскихъ университетахъ началась распря между *греками*, т. е. поклонниками филологіи и древнихъ, и *троянами*, защитниками схоластики, возводившими на своихъ противниковъ обвиненіе въ ереси, Генрихъ сталъ крѣпко за первыхъ и поддержалъ ихъ своею властію. Гуманисты воспользовались его покровительствомъ. Не только въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ, но съ церковной каѳедры осыпали они неумѣстными, хотя заслуженными насмѣшками невѣжественныхъ троянъ. Въ перепискѣ Эразма очень забавно разсказаны нѣкоторые эпизоды этой войны, въ которой онъ игралъ главную роль. Непримиримый врагъ Генриха, кардиналъ Поль, котораго пристрастныя, озлобленныя сочиненія служили главнымъ источникомъ позднѣйшимъ порицателямъ англійской церковной реформы и ея виновниковъ, отзывается о первой порѣ Генрихова царствованія слѣдующимъ образомъ: „тогда онъ жилъ не для своего, а для общаго счастія. Какихъ надеждъ

не подавали высокія добродѣтели, ярко въ немъ блиставшія — благочестіе, справедливость, кротость, щедрость и благоразуміе! Ко всему этому природа присоединила какую-то простодушную скромность, бывшую великимъ украшеніемъ его тогдашняго возраста и залогомъ его достоинства и счастія въ будущемъ". Замѣтимъ, что эта прекрасная пора продолжалась около двадцати лѣтъ.

Откуда же произошла рѣзкая перемѣна? Что измѣнило великодушнаго, изящнаго монарха, на котораго, по выраженію врага, кардинала Поля, съ любовью и надеждой обращены были взоры не однихъ подданныхъ, а всѣхъ образованныхъ и благородныхъ людей Европы, въ суроваго и недовѣрчиваго правителя, какимъ мы его видимъ послѣ дѣла о разводѣ съ Екатериною Аррагонскою?

Историки XVIII столѣтія любили объяснять великія событія мелкими причинами. Въ такихъ сближеніяхъ высказывалось не одно остроуміе писателей, но задушевная мысль вѣка, не вѣрившаго въ органическую жизнь человѣчества, подчинявшаго его судьбу своенравному вліянію личной воли и личныхъ страстей. Исходя изъ этого начала, нетрудно было придти къ убѣжденію, что въ исторіи, преданной господству случая, нѣтъ ничего несбыточнаго, что для цѣлыхъ народовъ возможны salti mortali—скачки изъ одного порядка вещей въ другой, отдѣленный отъ него длиннымъ рядомъ ступеней развитія. Наше время перестало вѣрить въ безсмысленное владычество случая. Новая наука, философія исторіи, поставила на его мѣсто законъ, или, лучше сказать, необходимость. Вмѣстѣ съ случаемъ утратила бо̀льшую часть своего значенія въ исторіи отдѣльная личность. Наука предоставила ей только честь или позоръ быть орудіемъ стоящихъ на очереди къ исполненію историческихъ идей. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія событія получили иной, болѣе строгій и величавый характеръ: они явились не результатомъ человѣческаго произвола, а неизбѣжнымъ, роковымъ выводомъ прошедшаго, началомъ, напередъ опредѣляющимъ будущее... Мы не станемъ отрицать достоинствъ новаго воззрѣнія, конечно болѣе разумнаго, чѣмъ предшествовавшее ему, но не можемъ не замѣтить, что оно такъ же сухо и одностороние. Жизнь человѣчества подчинена тѣмъ же законамъ, какимъ подчинена жизнь всей природы, но законъ не одинаково осуществляется въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются гораздо однообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи. Растеніе цвѣтетъ и даетъ плодъ въ данную, намъ заранѣе извѣстную пору, животное не можетъ ни растянуть, ни сократить возрастовъ своей жизни. Такого правильнаго, опредѣленнаго развитія нѣтъ въ исторіи. Ей данъ законъ, котораго исполненіе неизбѣжно, но срокъ исполненія не сказанъ — десять лѣтъ или десять вѣковъ, все равно. Законъ стоитъ какъ цѣль, къ которой неудержимо идетъ человѣчество; но ему нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ и много ли потратитъ времени на пути. Здѣсь-то вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь лицо выступаетъ не какъ орудіе, а самостоятельно, поборникомъ или противникомъ историческаго закона, и принимаетъ на себя по праву отвѣтственность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ или задержан-

ныхъ событій. Вотъ почему его характеръ, страсти, внутреннее развитіе, становятся для мыслящаго историка важнымъ и глубоко занимательнымъ предметомъ изученія. Къ сожалѣнію, историки нашего времени слишкомъ мало обращаютъ вниманія на психологическій элементъ въ своей наукѣ. Сколько намъ извѣстно, одинъ только Макинтошъ заглянулъ глубоко въ душу Генриха VIII и вѣрно обозначилъ главную причину его поступковъ послѣ несчастнаго развода.

Судьба долго благопріятствовала Генриху. Общественное мнѣніе вмѣняло ему въ готовую заслугу надежды, которыя на него возлагались, и стеченіе благопріятныхъ ему обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ положеніи Европы, Англія должна была, независимо отъ личныхъ свойствъ своего короля, играть блестящую роль державы, отъ вмѣшательства которой зависѣло рѣшеніе великой борьбы между Франціею и Австрійскимъ домомъ. Обѣ стороны домогались союза съ нею и не скупились на лесть Генриху, на подарки и обѣщанія его любимцамъ. Разсказъ объ участіи Англіи въ итальянскихъ войнахъ занимаетъ у г. Одена значительную часть перваго тома, но рѣшительно ничего ни прибавляетъ къ суммѣ нашихъ историческихъ свѣдѣній. Авторъ даже не вполнѣ воспользовался всѣми извѣстными сочиненіями теперешнихъ нѣмецкихъ ученыхъ о первой половинѣ XVI вѣка. Несмотря на свои исключительныя занятія эпохою реформаціи, онъ произноситъ странные приговоры надъ людьми и событіями того времени. Онъ называетъ, напримѣръ, императора Максимиліана самымъ могущественнымъ и искуснымъ изъ преемниковъ Карла Великаго. Достаточно поверхностнаго знанія нѣмецкой исторіи, чтобы оцѣнить всю невѣрность этихъ эпитетовъ. Максимиліанъ былъ, безспорно, чрезвычайно даровитый, но безпокойный, нерѣдко легкомысленный государь. Изъ безчисленнаго множества своихъ большею частію несбыточныхъ, фантастическихъ замысловъ ему удалось осуществить весьма немногіе. Обыкновенною причиною его неудачъ была, сверхъ опрометчивости, крайняя бѣдность въ средствахъ всякаго рода. Вспомнимъ жалкія развязки его походовъ въ Италію, его намѣреніе искать папскаго престола и т. д. Въ 1513 году онъ убѣдилъ великолѣпными обѣщаніями Генриха VIII сдѣлать высадку въ сѣверной Франціи и привелъ ему въ помощь нѣсколько сотенъ всадниковъ. Во все продолженіе этой кампаніи онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, дѣйствовалъ на счетъ своего союзника. У него не было ни денегъ, ни войскъ. Средства къ войнѣ давалъ ему Генрихъ, показавшій въ это время много рыцарской отваги. Но гораздо важнѣе дѣйствій Генриха во Франціи была выигранная въ его отсутствіе графомъ Соррей битва при Флоденѣ, въ которой погибъ цвѣтъ шотландскаго дворянства и самъ король Яковъ IV. Вся честь этихъ успѣховъ досталась молодому королю, отвѣтственность за неудачи пала на его министровъ и совѣтниковъ, особенно на Вользея. Кардинальская шляпа, кажется, скрыла отъ г. Одена значительную часть пороковъ этого временщика, торговавшаго силами Англіи и своимъ вліяніемъ на короля. Вользей не былъ государственный человѣкъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Гибкость характера и смѣтливый умъ, умѣвшій рано разгадать Генриховы слабости

и къ нимъ прикоровиться, были главными причинами его быстраго повышенія. Но, не довольствуясь блестящимъ положеніемъ, которое заставляло такихъ государей, какъ Карлъ V и Францъ I, искать его благосклонности, сынъ Ипсвичскаго мясника не таилъ своихъ видовъ на папскую тіару. Этой цѣли подчинилъ онъ политику государства, которымъ правилъ. Англія была постоянно на сторонѣ того, кто могъ располагать наибо́льшимъ числомъ голосовъ въ конклавѣ. А между тѣмъ Генрихъ покровительствовалъ наукѣ, болѣе и болѣе предавался своей страсти къ наслажденіямъ всякаго рода и простодушно считалъ себя рѣшителемъ судебъ Европы, а кардинала Вользея—покорнымъ исполнителемъ своей воли. Надобно впрочемъ отдать справедливость искусству, съ какимъ кардиналъ поддерживалъ эти самолюбивыя мечты и выискивалъ средства къ ихъ удовлетворенію. Когда къ политическимъ смутамъ тогдашней Европы присоединился религіозный вопросъ реформаціи, и на смѣлое слово Лютера отвсюду раздались отголоски, Генрихъ VIII, по совѣту Вользея, подалъ также свое мнѣніе, не какъ монархъ, а какъ ученый богословъ. Поводомъ было извѣстное сочиненіе Лютера о „Вавилонскомъ плѣненіи“. Генрихъ, который при жизни своего брата готовился занять мѣсто примаса Англіи, Кентербюрійскаго архіепископа, занимался въ ранней молодости богословіемъ и прилежно изучалъ сочиненія Ѳомы Аквинскаго, на котораго, какъ на верховный авторитетъ, опирались заступники западной церкви и средневѣковой науки. Рѣзкіе отзывы нѣмецкаго реформатора объ этомъ писателѣ оскорбили его царственнаго ученика. Генрихъ ожидалъ легкаго успѣха. Онъ думалъ, что ему, посреднику между сильнѣйшими державами Европы, нетрудно рѣшить споръ между папою и Лютеромъ. Въ 1521 году онъ отправилъ къ папѣ Льву X книгу, напечатанную имъ въ защиту седьми таинствъ (Assertio septem Sacramentorum). Многіе не хотѣли вѣрить, что эта книга написана самимъ королемъ, и приписывали ее разнымъ лицамъ: доктору Ли, Мору, Фишеру, наконецъ Эразму. Сомнѣнія эти, кажется, неосновательны. Генрихъ не присвоилъ себѣ чужаго труда, хоть прибѣгалъ, безъ сомнѣнія, къ совѣту и пособію ученыхъ друзей своихъ. Моръ совѣтовалъ ему, между прочимъ, осторожнѣе говорить объ объемѣ папской власти и не терять изъ виду возможности непріязненныхъ столкновеній въ будущемъ. Король отвѣчалъ ему, что о папской власти нельзя сказать ничего лишняго, что онъ считаетъ ее источникомъ своего собственнаго могущества. Такъ далеко завлекла его полемика противъ Виттенбергскаго реформатора. Имя автора ручалось за успѣхъ книги. Эразмъ и его многочисленные поклонники поставили ее на ряду съ твореніями Блаженнаго Августина. Левъ X наградилъ державнаго богослова титуломъ заступника вѣры (defensor fidei) и обѣщалъ отпущеніе грѣховъ на десять лѣтъ каждому читателю „Защиты седьми Таинствъ“. Другой пользы не могла впрочемъ принести книга, бѣдная содержаніемъ, исполненная сильныхъ порицаній противъ Лютера. Генрихъ называетъ его адскимъ волкомъ, гнилымъ сердцемъ, членомъ дьявола и приглашаетъ нѣмецкихъ князей приступить съ огнемъ и мечемъ къ немедленному истребленію ереси. Вользей подкрѣпилъ эти увѣщанія дѣломъ. 12 мая 1521 г. сочиненія Лютера были

торжественно сожжены на одной изъ Лондонскихъ площадей, въ присутствіи императорскаго посла, при огромномъ стеченіи народа. Но Генрихъ обманулся, разсчитывая на страхъ своего противника. Отвѣтъ, вызванный его нападеніемъ, встревожилъ даже друзей Лютера, привыкшихъ къ его жесткому слову. „Многіе думаютъ — говоритъ онъ — что не самъ король Генрихъ составилъ эту книгу. Мнѣ все равно, кто бы ни написалъ ее"... Этотъ отвѣтъ нанесъ глубокую рану самолюбію Генриха и имѣлъ значительное вліяніе на его отношенія къ реформаціи. Впервые пришлось ему, любимцу гуманистовъ, изнѣженному изящной лестью Эразма, слышать такую горькую рѣчь. Впечатлѣніе было тяжело. Самъ Лютеръ понялъ впослѣдствіи свою ошибку и хотѣлъ поправить ее почтительнымъ письмомъ, смиренною просьбою забыть о прошедшемъ. Генрихъ не могъ забыть. Онъ жаловался саксонскому курфирсту и другимъ князьямъ на наглость Лютера. Жалобы остались безъ удовлетворенія. Тогда онъ крѣпче примкнулъ къ папѣ и католицизму. Когда мятежныя войска императора, приведенныя конетаблемъ Бурбономъ къ стѣнамъ Рима, разграбили вѣчный городъ и грозили Клименту VII, Генрихъ показалъ ему горячее, дѣятельное участіе. Мысль о возможности разрыва не приходила ему въ голову, а судьба, или, что все равно, собственныя страсти и общее настроеніе умовъ, неудержно вели его къ этому разрыву. Нуженъ былъ только поводъ. Поводъ явился въ формѣ женщины, въ лицѣ Анны Болейнъ, напомнившей Генриху, что бракъ его съ Екатериной аррагонской беззаконенъ... *).

Статья вторая.

Генрихъ VIII и церковная реформа въ Англіи.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1502 года умеръ старшій сынъ Генриха VII, Артуръ принцъ Валлисскій, оставляя по себѣ шестнадцатилѣтнюю вдову Екатерину, дочь Фердинанда Католика, принесшую ему значительное приданое и скрѣпившую родствомъ династій важный для Англіи союзъ съ Испаніею. Опасаясь потерять выгоды этого родства, Генрихъ VII, съ согласія Фердинанда, выхлопоталъ у папы Юлія II разрѣшеніе на бракъ своего меньшаго сына со вдовой старшаго. Обрученіе праздновалось тотчасъ по полученіи папской буллы, но свадьба была отложена до совершеннолѣтія жениха, который былъ семью годами моложе своей невѣсты. Несмотря на всѣ усилія католическихъ писателей доказать противное, ясно, что ни король, ни народъ не были увѣрены въ законности новаго брака. Папская булла не могла рѣшить всѣхъ возникшихъ по этому поводу сомнѣній и вопросовъ и наложила

*) Обѣщанное продолженіе этой статьи, въ которомъ авторъ намѣренъ былъ разсказать переходъ Генриха къ реформѣ, не состоялось. Въ черновыхъ бумагахъ Грановскаго найденъ лишь помѣщаемый ниже отрывокъ второй статьи.

молчаніе только на богослововъ, которые сначала прямо противились нарушенію каноническаго правила. Въ числѣ ихъ былъ Варгамъ, архіепископъ Кентерберійскій. „Здоровье короля, пишетъ современникъ Ландсоунъ, становится все хуже и хуже. Онъ считаетъ недавнюю кончину супруги своей Елизаветы наказаніемъ, ниспосланнымъ на него свыше за нарушеніе закона Моисеева о бракѣ. Его мучатъ угрызенія совѣсти“... Доходившіе до него отголоски общественнаго мнѣнія и собственное раннее знакомство съ богословскими науками вызвали такія же сомнѣнія въ самомъ женихѣ. Когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, онъ подписалъ съ вѣдома отца и съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ протестъ противъ союза, заключеннаго безъ его воли и согласія. Этотъ актъ не помѣшалъ ему однако обвѣнчаться съ Екатериною черезъ два мѣсяца по вступленіи на престолъ. Мы не знаемъ, что побудило его отказаться отъ собственнаго протеста—легкомысліе ли молодости, вліяніе партіи, дорожившей испанскимъ союзомъ и ставившей политическій разсчетъ выше церковныхъ уставовъ, или просто не увядшая еще, замѣчательная красота Екатерины. Но между молодыми супругами было мало общаго. Противоположности не замедлили обнаружиться. Генрихъ любилъ наслажденіе во всѣхъ видахъ и отдавался ему съ увлеченіемъ страстнаго человѣка. Королева неохотно выходила изъ своихъ покоевъ и среди веселаго, великолѣпнаго двора вела скромную жизнь инокини. Она посвящала молитвѣ не менѣе восьми часовъ въ день, сверхъ времени, назначеннаго для чтенія благочестивыхъ книгъ, исповѣдывалась два раза въ недѣлю и строго соблюдала всѣ посты и обряды, предписанные Западною церковью. Конечно не безъ скорбнаго упрека смотрѣла она на забавы блестящаго супруга, котораго впрочемъ глубоко любила. Но на эту любовь Генрихъ могъ отвѣчать только признательностію и уваженіемъ—единственными чувствами, которыя она въ состояніи была внушать, когда годы и постоянная неизлѣчимая болѣзнь унесли ея красоту и наложили еще болѣе мрачный отпечатокъ на нравъ отъ природы строгій и задумчивый. Горячее желаніе короля имѣть наслѣдниковъ мужскаго пола не было удовлетворено. Изъ всѣхъ дѣтей его отъ Екатерины осталась въ живыхъ только Марія. Сколько извѣстно, она никогда не пользовалась расположеніемъ отца. Между тѣмъ годы шли, права Маріи на англійскій престолъ были повидимому обезпечены. Въ началѣ 1527 года, французскій дворъ вступилъ въ переговоры о ея рукѣ, которую Францъ I-й просилъ для себя или для третьяго сына своего герцога Орлеанскаго. Во время этихъ переговоровъ французскій посолъ въ Лондонѣ, епископъ Тарбскій обнаружилъ нѣкоторыя опасенія на счетъ вредныхъ послѣдствій, которыя могъ имѣть для Маріи бракъ ея родителей, совершенный съ явнымъ нарушеніемъ церковныхъ уставовъ. Сомнѣнія, тревожившія пятнадцатилѣтняго юношу, пробудились съ новою силой въ зрѣломъ мужѣ.

НАЧАЛО ПРУССКАГО ГОСУДАРСТВА *).

1. Geschichte des Preussischen Staats. von G. A. Stenzel. t. 1—3. Hamburg. 1830—1841.
2. Geschichte Deutschlands von 1806—1830, von Fr. Bülau. Hamburg. 1842.

Обѣ названныя здѣсь книги принадлежать къ извѣстному собранію сочиненій объ исторіи отдѣльныхъ европейскихъ государствъ, которое издавалось книгопродавцемъ Пертесомъ, подъ надзоромъ Герена и Укерта. Одинъ изъ редакторовъ умеръ, но имя его осталось на заглавномъ листѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ Геренъ, еще стоявшій въ числѣ героевъ германской науки, позволилъ Пертесу назвать его редакторомъ сборника, въ которомъ онъ, впрочемъ, не принималъ дѣятельнаго участія: славное имя ручалось за успѣхъ предпріятія. Теперь признательный книгопродавецъ нашелъ средство отплатить бывшему патрону. „Исторія Европейскихъ Государствъ", изданная Гереномъ и Укертомъ, на долѣе упрочитъ извѣстность редакторовъ, чѣмъ ихъ собственныя, старѣющія и далеко обойденныя новою наукою изслѣдованія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ сочиненій, вошедшихъ доселѣ въ составъ „Исторіи Европейскихъ Государствъ", находятся превосходные труды, занимающіе первыя мѣста въ исторической литературѣ Германіи. Достаточно будетъ назвать исторію Италіи—Лео, Даніи—Дальмана, Швеціи—Гейера, Англіи — Лапенберга, Польши — Репеля. Не равняясь въ ученомъ достоинствѣ съ названными, Исторія Пруссіи Штенцеля и Германіи съ 1806—1830 Бюлау по современной важности содержанія имѣютъ полное право на вниманіе читающей публики. Вслѣдствіе причинъ, очень понятныхъ, мы соединили обзоръ обоихъ сочиненій въ одной статьѣ. Съ половины прошлаго столѣтія судьбы Германіи преимущественно опредѣлены судьбою Пруссіи.

Первый, вышедшій въ 1830 году, томъ Штенцеля далеко не оправдалъ общихъ ожиданій. Авторъ очевидно работалъ не по источникамъ, а бралъ готовый матеріалъ у своихъ предшественниковъ. Почти половину тома занимаетъ ненужный разсказъ о тридцатилѣтней войнѣ, въ которомъ, въ добавокъ, нѣтъ ничего новаго; но отвѣтственность за недостатки книги не должна падать исключительно на Штенцеля, котораго превосходная моно-

*) Статья эта была напечатана въ „Москвитянинѣ" 1843 года, ч. II. № 4.

графія объ „Императорахъ Франконскаго дома" еще прежде поставила на ряду съ первоклассными нѣмецкими историками. Написать исторію Пруссіи до 1640 года невозможно, потому что такое сочиненіе противъ воли автора должно принять форму отдѣльныхъ статей. До 1640 г. Прусскаго государства не было: существовали разбросанныя отъ Нѣмана до Рейна владѣнія Гогенцоллернскаго дома, соединенныя подъ общимъ правителемъ случайностію брачныхъ союзовъ, наслѣдствъ и дипломатическихъ сдѣлокъ, но чуждыя и внутренняго, народнаго единства, и внѣшней политической связи общихъ выгодъ. Что было общаго между подданными маркграфа Бранденбургскаго и герцога Прусскаго? Одни принадлежали къ системѣ Нѣмецкой имперіи, другіе горою стояли за связь свою съ Польшею. У каждой области были свои права, свои особенности, свои частныя отношенія къ общему государю. Самое время соединенія большей части Гогенцоллернскихъ земель способствовало къ удержанію ихъ въ состояніи обособленія и противоположности. Реформація, уничтоживъ единство, которымъ католицизмъ связывалъ Европу Среднихъ вѣковъ, вывела на поприще новые религіозно-политическіе интересы. Въ XVI столѣтіи эти интересы, неясно сознанные, часто представляютъ странныя противорѣчія. Исторія государей Гогенцоллернскаго дома богата примѣрами противорѣчій такого рода. Въ 1539 году Бранденбургскій курфирстъ Іоахимъ II перешелъ къ лютеранской церкви и чрезъ восемь лѣтъ сталъ на сторонѣ Карла V, въ борьбѣ послѣдняго съ нѣмецкими протестантами, когда эта борьба приняла политическій характеръ. Ревностный приверженецъ новаго религіознаго начала, курфирстъ старался о сохраненіи старыхъ формъ жизни, неспособныхъ сдержать въ себѣ этого начала. Онъ отложился только отъ католическаго догмата, а не отъ стариннаго быта, проникнутаго и условленнаго католицизмомъ. Между приверженцами обоихъ главныхъ протестантскихъ исповѣданій существовала глубокая ненависть, которую напрасно старался уничтожить въ своихъ владѣніяхъ курфирстъ Іоаннъ Сигизмундъ, который наконецъ самъ перешелъ на сторону кальвинистовъ, къ великому соблазну большей части его подданныхъ. По этому случаю въ Берлинѣ поднялся народный мятежъ, а прусскіе чины имѣли наглость объявить нарушителемъ общественнаго спокойствія каждаго, кто не принадлежалъ къ лютеранской или католической церкви. При сынѣ Іоанна Сигизмунда, Георгѣ Вильгельмѣ, началась Тридцатилѣтняя война. Время было строгое: оно требовало отъ каждаго рѣшительнаго отвѣта на свои вопросы. Надобно было сказать твердое да или нѣтъ, стать подъ то или другое знамя. Гогенцоллернскія земли распались на два враждебные стана: Бранденбургскіе и Прусскіе лютеране явно радовались неудачамъ Богемскихъ кальвинистовъ; на Рейнѣ преобладали ревностное реформатское убѣжденіе и искренняя преданность общему дѣлу протестантизма. Курфирстъ не съумѣлъ занять твердаго, опредѣленнаго началами положенія. Лично онъ былъ усердный протестантъ, но когда рѣшеніе современной задачи было предоставлено мечу, онъ сталъ робкимъ ратникомъ подъ знамя католическаго императора. Дома, у себя въ государствѣ, онъ радѣлъ о пользахъ протестантизма; во внѣшней политикѣ онъ былъ его врагомъ. Онъ ду-

малъ, что можно согласить два враждебныя начала, раздѣливъ ихъ, отрѣзавъ каждому свой участокъ. А между тѣмъ ненавистный ему родственникъ, великій Густафъ Адольфъ говорилъ: „не ходите среднею дорогою, если хотите уберечь себя и государство. Спасеніе въ крайностяхъ“ *). Курфирстъ не послушалъ. До конца жизни игралъ онъ безславную, нейтральную роль и выпилъ до дна чашу унизительнаго наказанія. Его владѣнія были разоряемы съ обѣихъ сторонъ. Ни протестанты, ни католики не вѣрили ему. Въ 1640 году онъ умеръ, оставляя государство въ самомъ жалкомъ положеніи: часть провинцій была занята Шведами, другая имперцами. Сверхъ того надлежало давать войска императору, деньги Шведамъ, терпѣть оскорбленія отъ обоихъ. Несвязанныя части государства готовы были разложиться при первомъ сильномъ ударѣ. Тогда принялъ правленіе Фридрихъ Вильгельмъ, впослѣдствіи Великій Курфирстъ. Весь второй томъ Штенцелева сочиненія посвященъ царствованію Фридриха Вильгельма. Этотъ томъ далеко превосходитъ первый. Самый предметъ помогалъ Штенцелю, который въ этотъ разъ удовлетворилъ справедливымъ требованіямъ.

Изъ сказаннаго выше легко представить, въ какомъ трудномъ положеніи находился молодой курфирстъ по смерти отца. Его земли пострадали во время войны болѣе, чѣмъ земли князей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ борьбѣ. Одна Пруссія спаслась отъ общаго разоренія. Но эта провинція, впослѣдствіи давшая свое имя всему государству, въ то время мало содѣйствовала къ приращенію могущества Гогенцоллернскаго дома. Курфирстъ, въ качествѣ Прусскаго герцога, былъ вассаломъ Польши, и Чины Прусскіе, пользуясь этимъ отношеніемъ, упрямо ограничивали власть своихъ государей. Безпрерывныя апелляціи къ Польскому королю на каждомъ шагу останавливали герцога. Тогдашнее прусское дворянство мало разнилось отъ польской шляхты и подобно ей своевольничало на сеймахъ; а въ городахъ, во главѣ которыхъ стоялъ Кенигсбергъ, господствовалъ строптивый духъ средневѣковыхъ общинъ. По силѣ старыхъ земскихъ привилегій, за соблюденіе которыхъ ручалась Польша, герцогъ не могъ ни держать въ Пруссіи войскъ, набранныхъ въ другихъ его областяхъ, ни брать налоговъ безъ воли непокорныхъ сеймовъ, ни опредѣлять чиновниковъ не-Пруссаковъ; наконецъ, его собственное вѣроисповѣданіе, кальвинизмъ, не было терпимо въ бывшихъ орденскихъ земляхъ и подвергалось жестокимъ, обиднымъ для властителя гоненіямъ соединенныхъ лютеранъ и католиковъ; словомъ, герцогъ, вслѣдствіе ленныхъ отношеній своихъ, стоялъ немногимъ выше обыкновеннаго богатаго магната. Предки Фридриха Вильгельма даже добивались чести польскаго индигената и принятія ихъ въ число Государственныхъ Чиновъ тогда еще сильнаго королевства. Въ другихъ Гогенцоллернскихъ владѣніяхъ существовали также свои, хотя не такъ сильныя и надежно огражденныя, какъ въ Пруссіи, мѣстныя права, вынесенныя еще изъ Среднихъ вѣковъ и стѣснявшія всякое развитіе и не односторонно-провинціальное направленіе центральной власти. Но время, когда эти права были священнымъ

*) Слова Густава Адольфа.

содержаніемъ и выраженіемъ полной народной жизни, уже прошло невозвратно. Въ XVII столѣтіи они держались, какъ историческіе наросты, увѣчившіе и дробившіе государство на безконечное множество частныхъ, одна другой противоположныхъ цѣлей. Какъ карантины, стояли они между землями и сословіями и останавливали свободное движеніе жизни, возникшей послѣ реформаціи.

Такимъ образомъ Великій Курфирстъ получилъ въ наслѣдство отъ отца разоренныя войною и голодомъ владѣнія, власть, униженную безсмысленными ограниченіями, и позорныя внѣшнія отношенія. Черезъ сорокъ восемь лѣтъ онъ завѣщалъ сыну новое государство, отринувшее всѣ условія государства Среднихъ вѣковъ, основанное не на природномъ началѣ національности, а на сознанномъ единствѣ разумныхъ направленій. Онъ понялъ политическое значеніе реформаціи, непрочность Шведскаго могущества, досел͡ѣ главнаго оплота противъ католической реакціи, и смѣло сталъ во главѣ протестантовъ. Съ меньшею, быть-можетъ, чистотой нравственныхъ побужденій, но съ равнымъ дарованіемъ и съ бóльшею осторожностію занялъ онъ мѣсто дяди своего, Густава Адольфа. Участь Нѣмецкой имперіи была рѣшена образованіемъ нѣмецкой державы, которая приняла въ себя всѣ стихіи новаго времени и по возможности отвѣчала на всѣ его требованія. Германія раздвоилась на двѣ системы: Австрія осталась на сторонѣ католицизма и условленныхъ имъ формъ жизни, Пруссія взяла себѣ на часть развитіе и движеніе впередъ, котораго конецъ еще не виденъ. Гдѣ и какъ остановитъ она свой блистательный бѣгъ — этого не въ состояніи сказать настоящее и едва ли скажетъ будущее поколѣніе. Антагонизмъ религіозныхъ вѣрованій утратилъ теперь свою силу, но Пруссія, вѣрная принятому въ XVII столѣтіи направленію, продолжаетъ развивать протестантское начало въ наукѣ и въ жизни. Съ Фридриха Вильгельма начинается внутренній процессъ, которымъ уничтоженъ въ Гогенцоллернскихъ земляхъ провинціализмъ и создана искусственная, но сильная народность, сознающая себя не въ общемъ происхожденіи отъ какого-нибудь Прусса, а въ единствѣ государственной цѣли.

Многихъ лѣтъ и трудовъ стóила Фридриху Вильгельму закладка зданія, которое довелъ до кровли правнукъ его. Прежде всего надлежало сгладить упрямыя особенности мѣстныхъ и частныхъ правъ, безъ чего невозможно было существованіе новаго государства. Только по совершеніи этого подвига могъ курфирстъ надѣяться на успѣшное окончаніе другаго, то есть на удержаніе за собою мѣста, которое онъ такъ отважно и самонадѣянно занялъ въ политической системѣ Европы. Въ преслѣдованіи этихъ двухъ главныхъ направленій заключается глубокая занимательность и важность исторіи Бранденбургскихъ владѣній отъ 1640—1688. Штенцель понялъ это и посвятилъ, какъ сказано выше, этому времени цѣлый томъ. Большею частію употребленнаго имъ матеріала обязанъ онъ старой, но превосходной книгѣ Самуила Пуфендорфа: De rebus gestis Friderici Wilhelmi magni electoris Brandenburgensis commentariorum libri XIX. Berol. 1694. Пуфендорфу были открыты государственные архивы, вскорѣ послѣ смерти Вели-

каго Курфирста, его сыномъ, и ученый изслѣдователь умѣлъ соединить съ терпѣливымъ трудолюбіемъ смѣлость изложенія, замѣчательную и по соображенію обстоятельствъ, при которыхъ онъ писалъ, и по времени, когда вышло сочиненіе. Штенцелю оставалось только разобрать, привести въ порядокъ его извѣстія и дополнить ихъ, особливо для внутренней исторіи, другими данными.

Первымъ поводомъ къ непріязненному столкновенію Фридриха Вильгельма съ областными правами и сословіями были его денежныя требованія. Эти требованія были дѣйствительно чрезмѣрны: они надолго истощили вещественное благосостояніе народонаселенія и извинялись только необходимостію. Наиболѣе сопротивленія встрѣтилъ курфирстъ, разумѣется, въ Пруссіи, гдѣ сеймы постоянно протестовали противъ каждаго новаго налога, имѣя въ виду исключительно положеніе собственной провинціи и отрицая всякую общность интересовъ съ остальными Бранденбургскими владѣніями. Въ упрямомъ эгоизмѣ своемъ Прусскія сословія ссылались на обычай предковъ, на грамоты, данныя имъ прежними правителями, на всѣ оплоты, которыми ограждаетъ свое преходящее существованіе формальное историческое право. У Великаго Курфирста не было ничего такого: не на ветхихъ грамотахъ, не на примѣрахъ отцовъ основалъ онъ свои притязанія. Новое, неодолимое, жестокое время вело тяжбу съ стариною, и курфирстъ явился его полномочнымъ ходатаемъ. Онъ выигралъ формально неправую тяжбу и не искалъ юридическаго оправданія для своего дѣла. Впослѣдствіи совершенное дѣло оправдало его. Для противниковъ, для современниковъ вообще, онъ могъ и долженъ былъ казаться самоуправнымъ эгоистомъ, но содержаніемъ его эгоизма были идеи, которыя легли въ основаніе Прусскаго государства. До 1657 года отношенія къ Польшѣ заставляли Фридриха Вильгельма поступать очень осторожно и уклончиво въ герцогствѣ. Въ этомъ году Велаускій и Бромбергскій договоры сняли съ него иго ленной зависимости отъ Польши и дали ему возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. Изъ Польскаго вассала онъ сталъ настоящимъ государемъ. Но это новое положеніе не тотчасъ и не безъ тяжелой борьбы было признано непривычными подданными. Прусаки не хотѣли дать новой присяги, измѣнявшей ихъ обычныя отношенія къ герцогу. Начальниками оппозиціи были два замѣчательные человѣка: полковникъ Христіанъ Калькштейнъ, отъ дворянства, и Кенигсбергскій бюргермейстеръ Іеронимъ Роде, отъ городовъ. На сеймѣ 1661 года оппозиція высказала вполнѣ свое направленіе: она не хотѣла разрывать связей Пруссіи съ Польшею и отправила депутацію въ Варшаву къ королю Іоанну Казиміру съ просьбою о заступничествѣ, съ обѣщаніемъ присоединить совершенно къ его королевству бывшія орденскія земли, въ случаѣ если онъ согласится на требованія депутатовъ и дастъ войско для вооруженнаго сопротивленія курфирсту. Къ счастію для послѣдняго, при польскомъ дворѣ были сильныя партіи, и король былъ слабъ. Коронный гетманъ Любомирскій, подкупленный Фридрихомъ Вильгельмомъ, держалъ горячо его сторону. Курфирстъ съ своей стороны не терялъ времени, не жалѣлъ ни денегъ, ни обѣщаній и дѣйствовалъ съ грозною рѣшительностію. Часть членовъ сейма

не устояла противъ его искушеній и стала за него. Въ рядахъ оппозиціи господствовало несогласіе: дворянство ссорилось между собою и съ городами. Несмотря на все это, жители Кенигсберга дошли до того, что подняли оружіе и готовы были вступить въ бой съ стоявшимъ у нихъ гарнизономъ. Курфирстъ прибылъ лично въ непокорный городъ и потребовалъ выдачи ему Іеронима Роде, котораго онъ, не безъ основанія, почиталъ зачинщикомъ Кенигсбергскихъ смутъ. За отказомъ жителей послѣдовало неудачное покушеніе взять бюргермейстера силою. Наконецъ, 30-го Октября 1662 года, курфирстъ, подъ предлогомъ совѣщанія, созвалъ гражданъ въ ратушу: между тѣмъ полковникъ Гилле съ сотнею всадниковъ и обозомъ вышелъ изъ замка и пошелъ къ городскимъ воротамъ. Вдругъ онъ свернулъ въ сторону, заперъ своими телѣгами улицу, гдѣ жилъ Роде, ни мало не подозрѣвавшій опасности, и взялъ его подъ стражу. Пока всадники удерживали сбѣжавшійся народъ, арестанта успѣли отвезти въ за́мокъ, изъ оконъ котораго курфирстъ и князья Ангальтъ-Дессау и Радзивиллъ смотрѣли на то, что̀ происходило. Три тысячи солдатъ съ заряженными и направленными противъ города пушками выстроились на дворцовой площади. На замкѣ было поднято кровавое знамя. Послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ дней городъ покорился. Роде, для суда надъ которымъ была наряжена особая коммиссія, былъ уличенъ въ государственной измѣнѣ, хотя собственная совѣсть и общее мнѣніе оправдывали его. „Innocens et magnanimus vir“, по выраженію умнаго и благороднаго современника, поляка Залускаго. Шестнадцать лѣтъ провелъ онъ въ крѣпости, не измѣнивъ глубокому убѣжденію. Курфирстъ не могъ не оцѣнить и не уважать его. Онъ предложилъ ему свободу, съ тѣмъ только, чтобы онъ попросилъ милости. Бывшій Кенигсбергскій бюргермейстеръ отвѣчалъ, что онъ долженъ быть освобожденъ по праву и не нуждается въ милосердіи. Онъ умеръ въ своемъ заточеніи въ 1678 году. Ровно черезъ два года послѣ описанныхъ событій, Чины герцогства присягнули Фридриху Вильгельму на полное подданство, но воспоминанія о прежнемъ и надежды на будущее, въ которомъ прусскіе патріоты безумно надѣялись воскресить невоскресающее, не угасли. Эти воспоминанія и надежды поддерживались Поляками, ненавидѣвшими курфирста за его дѣйствія во время шведской войны, и Калькштейномъ, который наконецъ бѣжалъ въ Варшаву и дѣйствовалъ оттуда.

Участь послѣдняго составляетъ любопытный эпизодъ тогдашней исторіи. Полковникъ Христіанъ Калькштейнъ и отецъ его, генералъ-лейтенантъ Альбрехтъ Калькштейнъ, пользовались особенною милостію Фридриха Вильгельма до самаго начала его споровъ съ прусскими Чинами. Знатность рода, богатство, заслуги и рѣдкія дарованія, соединенныя съ необыкновенной силою воли, давали имъ полное право на высшія мѣста въ государствѣ. Еще во время шведской войны молодой Калькштейнъ былъ начальникомъ коннаго полка, даннаго ему курфирстомъ. Черезъ годъ отношенія ихъ измѣнились. Оба Калькштейны стали во главѣ дворянской оппозиціи на сеймахъ и рѣзко высказали свои убѣжденія. Отецъ умеръ до рѣшенія борьбы за старое право; сынъ, грозившій въ запальчивости покушеніемъ на жизнь Фридриха

Вильгельма, былъ приговоренъ къ смерти и помилованъ только по ходатайству супруги курфирста. Свобода и имѣніе были возвращены ему послѣ годичнаго заточенія; но онъ не могъ остаться празднымъ свидѣтелемъ перемѣнъ, которыя совершались въ его родинѣ. Въ мартѣ 1670 года онъ является въ Варшавѣ, при дворѣ новаго короля Михаила, гдѣ уже находился сынъ Роде. Не одна личная опасность привела ихъ въ Польшу: они принесли туда съ собою задушевную мысль о возстановленіи старины и непримиримую вражду къ своему герцогу. Въ особенности былъ опасенъ Калькштейнъ, человѣкъ въ высшей степени даровитый, смѣлый и съ обширными связями въ королевствѣ и въ герцогствѣ. Курфирстъ требовалъ отъ короля Михаила выдачи мятежнаго подданнаго. Разсказъ Штенцеля объ этихъ переговорахъ и о трагическомъ концѣ Калькштейновыхъ усилій основанъ на оффиціальныхъ актахъ и хорошо характеризуетъ съ одной стороны—дѣйствующія личности, съ другой — печальное состояніе тогдашней Польши. Фридрихъ Вильгельмъ, какъ сказано выше, требовалъ чрезъ своего резидента въ Варшавѣ, Бранта, выдачи Калькштейна.

„Король устранилъ это требованіе подъ предлогомъ, что Калькштейнъ прибылъ въ Варшаву только для принятія польскаго полка, ему прежде даннаго. Ожесточенный Калькштейнъ съ свой стороны дурно отзывался о курфирстѣ, хлопоталъ объ уничтоженіи Бромбергскаго договора и хвалился тѣмъ, что заставитъ курфирста снова признать Пруссію польскимъ леномъ. Онъ могъ при этомъ положиться на содѣйствіе многихъ Поляковъ, которые, вслѣдствіе событій шведской войны, ненавидѣли Фридриха Вильгельма. Послѣдній написалъ собственноручно къ королю и повторилъ требованіе о выдачѣ ему Калькштейна, какъ нарушившаго присягу измѣнника. Прусское правительство выслало въ то же время резиденту Бранту копію съ дѣла, которое производилось противъ Калькштейна, для того чтобы его преступленія были извѣстны королю и сенаторамъ. Вторичный отказъ короля усилилъ заносчивость Калькштейна и Роде... Удаленный на нѣсколько времени отъ двора по настояніямъ прусскаго резидента, Калькштейнъ возвратился въ Варшаву къ открытію сейма. Онъ, казалось, успокоился, просилъ Бранта ходатайствовать за него предъ курфирстомъ и обѣщалъ ничего не предпринимать съ своей стороны. Чрезъ нѣсколько дней онъ подалъ королю и сейму, отъ имени Прусскихъ Чиновъ, двѣ грамоты, въ которыхъ Чины просили, самымъ обиднымъ для курфирста языкомъ, объ освобожденіи ихъ отъ тяготѣвшаго надъ ними ига. Сеймовой маршалъ прочелъ публично эти грамоты и вмѣстѣ съ ними рѣчь Калькштейна, исполненную колкихъ выходокъ противъ курфирста. Вслѣдъ за тѣмъ Брантъ подалъ ѣхавшему въ сенатъ королю ноту, въ которой требовалъ, чтобы Калькштейна допросили, отъ кого онъ получилъ полномочіе на подачу прусскихъ грамотъ. Въ случаѣ, если бы такого полномочія не оказалось, резидентъ обвинялъ Калькштейна въ подлогѣ и измѣнѣ и полагалъ необходимою выдачу его курфирсту для заслуженной казни. Коронный референдарій собирался по приказанію короля прочесть въ сеймѣ Брантову ноту, но Калькштейнъ, настроенный вице-канцлеромъ, взошелъ на ступени трона, вырвалъ бумагу изъ рукъ

референдарія, стоявшаго подлѣ самаго короля, и потомъ сошелъ спокойно внизъ. Референдарій закричалъ своему секретарю, чтобы онъ далъ пощечину полковнику; секретарь не рѣшился этого сдѣлать. Между тѣмъ Калькштейнъ прочелъ Брантову ноту и передалъ ее вице - канцлеру, который, прочитавъ, въ свою очередь сказалъ, что рѣшеніе дѣла принадлежитъ не сейму, а обыкновенному польскому суду, который разберетъ споръ между курфирстомъ и его подданными.

Переходъ Калькштейна къ католицизму доставилъ ему новое и могущественное покровительство польскаго духовенства. Встревоженный курфирстъ уполномочилъ своего резидента въ Варшавѣ на крайнія мѣры, для исполненія которыхъ къ нему былъ тайно присланъ конный отрядъ подъ начальствомъ капитана Монгомери. Нѣсколько подкупленныхъ Поляковъ знали обо всемъ и обѣщали помочь въ случаѣ нужды. Неосторожный Калькштейнъ сдѣлался жертвою насилія, котораго возможность объясняется только тогдашнимъ положеніемъ Польши и общимъ характеромъ дипломатовъ 17-го вѣка, вовсе не разборчивыхъ въ выборѣ средствъ. Брантъ зазвалъ къ себѣ Калькштейна и, среди бѣлаго дня, велѣлъ скрытымъ у него солдатамъ связать несчастнаго гостя, завернуть его въ коверъ и вынести въ приготовленный закрытый экипажъ. За городомъ плѣнника посадили на лошадь и такимъ образомъ доставили въ Пруссію. Послѣ четырехдневныхъ напрасныхъ поисковъ, участь полковника открылась, и общее негодованіе поднялось противъ Фридриха Вильгельма и его агентовъ. Король былъ лично оскорбленъ; вице-канцлеръ и Литовскій гетманъ Пацъ, поддерживаемые сильною партіею, требовали войны и взятія подъ стражу Бранта. Послѣдній долженъ былъ бѣжать изъ Варшавы. Но начатые по этому случаю переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ: курфирстъ далъ остыть жару своихъ враговъ, сдѣлалъ нѣсколько наружныхъ уступокъ и настоялъ на своихъ требованіяхъ. Для удовлетворенія польскихъ жалобъ, Брантъ и его сообщники были преданы суду и приговорены къ строгимъ наказаніямъ. Судьи и подсудимые были, впрочемъ, увѣрены, что они играютъ роли въ комедіи, заранѣе обдуманной, и были равно спокойны на счетъ развязки. Брантъ провелъ два года въ праздности, потомъ возвратился ко двору, гдѣ его ожидали почести и великолѣпныя награды за оказанную имъ услугу. Онъ постоянно пользовался довѣріемъ курфирста и занималъ впослѣдствіи очень важныя мѣста.

Не такъ судили Калькштейна. Его привезли въ Мемель, и коммиссія, составленная изъ членовъ, которыхъ мнѣнія заранѣе опредѣлили участь подсудимаго, произнесла смертный приговоръ. Курфирстъ подтвердилъ его. Калькштейнъ умеръ спокойно, даже весело. Онъ только просилъ разгнѣваннаго государя не оставить милостью бѣдную вдову и сиротъ, невинныхъ въ преступленіяхъ отца и мужа. Штенцель сообщаетъ о его послѣднихъ минутахъ нѣсколько любопытныхъ подробностей, взятыхъ изъ современнаго, не напечатаннаго свидѣтельства. Борьба кончилась этой кровавой развязкой. Роде и Калькштейнъ пали жертвами искреннихъ, но одностороннихъ и ограниченныхъ убѣжденій. Не собственная вина, а несчастное дѣло, за которое

они стояли, обрекло ихъ на гибель. Ихъ вина заключалась только въ превосходствѣ дарованій и въ силѣ убѣжденій, не допускавшихъ никакихъ уступокъ, никакихъ сдѣлокъ съ современностію. Они одни стоили гнѣва и казни. Когда ихъ голоса умолкли, Пруссія вошла гибкимъ и послушнымъ членомъ въ организмъ новаго государства. Современники жестоко порицали Фридриха Вильгельма; потомство молча оправдало его, хотя оно не могло отказать въ участіи падшимъ защитникамъ старины. Вопросъ этотъ разрѣшается просто и ясно. Въ случаѣ, если бы курфирстъ проигралъ свое дѣло, если бы побѣда перешла на сторону его противниковъ—Прусскаго государства не было бы.

Несравненно легче достигъ Фридрихъ Вильгельмъ своей цѣли въ остальныхъ Гогенцоллернскихъ земляхъ. Только въ Пруссіи борьба центральной власти съ мѣстными и сословными особенностями приняла трагическій характеръ. Въ другихъ областяхъ устарѣлыя, истлѣвшія учрежденія не выдержали первыхъ ударовъ и развалились. Главный трудъ состоялъ теперь въ расчисткѣ этихъ развалинъ, которыхъ нестройныя груды продолжали стѣснять свободное развитіе новыхъ жизненныхъ формъ. Къ концу своего царствованія великій курфирстъ могъ сказать еще съ бо́льшимъ, быть можетъ, чѣмъ Лудовикъ XIV, правомъ: l'état c'est moi. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ тогда монархъ, государь въ новомъ смыслѣ, который исторія дала этому слову. Онъ далъ своему народу единство: остальное совершилось само собою.

Государство было признано внутри; враждебные элементы его умирены; но надобно было доставить ему признаніе и уваженіе извнѣ. Надобно было пріучить Европу къ мысли о новой и сильной державѣ, между тѣмъ какъ самое существованіе этой державы было еще только замысломъ основателя. Смѣлостью предпріятій, ловкостью и удачею исполненій курфирстъ достигъ и этой цѣли. Общественное мнѣніе предположило, что у него гораздо болѣе силъ, чѣмъ ихъ было въ самомъ дѣлѣ, и въ свою очередь сдѣлалось однимъ изъ средствъ его могущества. Исторія сношеній Великаго Курфирста съ иностранными государствами превосходно обработана Штенцелемъ и составляетъ лучшую часть его книги. Здѣсь вполнѣ высказывается характеръ Фридриха Вильгельма, составленный изъ самыхъ противоположныхъ качествъ,—изъ хитрости, соображающей для собственной пользы малѣйшія политическія обстоятельства, осторожности, часто принимающей видъ робости, и смѣлости, готовой на дѣла, трудность которыхъ остановила бы государей съ гораздо большими способами исполненія.

Еще во время Вестфальскихъ переговоровъ обнаружилъ онъ этотъ характеръ. Онъ требовалъ чрезъ своихъ дипломатовъ въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ такихъ вознагражденій за утраты, понесенныя отцомъ и имъ во время войны, которыхъ несоразмѣрность равно возбудила негодованіе въ представителяхъ Австріи, Швеціи, Франціи и Нѣмецкихъ княжествъ. Въ 1646 году воевавшія стороны готовы были соединиться противъ него и принудить его силою къ болѣе справедливымъ условіямъ. Курфирстъ уступилъ, но при заключеніи мира онъ съумѣлъ удержать за собою почти все, чего требо-

валъ, хотя впослѣдствіи не переставалъ жаловаться на то, что съ нимъ беззаконно поступили. Другіе нѣмецкіе князья были въ самомъ дѣлѣ обижены и гораздо менѣе роптали на свою участь.

Вестфальскій миръ не надолго успокоилъ Европу. Швеція нуждалась въ войнѣ, потому что война была условіемъ ея искусственнаго, не изъ естественныхъ силъ народа вышедшаго величія. Въ 1654 г. преемникъ Христины, Карлъ X, уже былъ готовъ напасть на Польшу, которая по внутреннему состоянію представляла самое удобное поприще для подвиговъ и завоеваній. Графъ Шлиппенбахъ былъ отправленъ Карломъ X къ курфирсту съ предложеніемъ союза. Шведы обѣщали Фридриху Вильгельму часть будущихъ, но вѣрныхъ завоеваній въ Польшѣ, за что онъ, съ своей стороны, долженъ былъ уступить имъ прусскія гавани. Важность и неосторожность подобной уступки была очевидна. На возраженія курфирста относительно справедливости предлагаемой сдѣлки, Шлиппенбахъ далъ характеристическій для дипломатіи 17-го столѣтія отвѣтъ. Положеніе Фридриха Вильгельма было самое затруднительное. Онъ не могъ остаться нейтральнымъ, а дѣятельное участіе въ предстоявшей войнѣ могло быть гибельнымъ для него. Ему угрожала равная опасность въ случаѣ побѣды Шведовъ и Поляковъ. Польша не простила бы ему нарушенія ленной присяги. Средства къ отмщенію были у нея въ рукахъ: ей стòило только вмѣшаться въ прусскія дѣла. Съ другой стороны, утвержденіе шведскаго могущества по сю сторону Балтійскаго моря обрекало Бранденбургскихъ князей на второстепенное политическое положеніе и могло имѣть еще худшія послѣдствія. Карлъ X былъ безпокойный, опасный сосѣдъ. Между тѣмъ носились слухи, что Польша собирается отвратить отъ себя близкую грозу, уступивъ Карлу X свои права на Пруссію; что она даже готова помочь ему силою въ случаѣ войны съ курфирстомъ. Курфирстъ не долго колебался. Онъ заключилъ въ одно и то же время два союза: одинъ со Швеціею противъ Польши, другой съ Голландіею противъ Швеціи. Война продолжалась пять лѣтъ, и не менѣе пяти разъ переходилъ Фридрихъ Вильгельмъ отъ одной стороны къ другой. И всякій переходъ его былъ ознаменованъ новыми выгодами и пріобрѣтеніями. Рѣшеніе борьбы находилось къ концу въ его рукахъ. Казалось, что Швеція и Польша наперерывъ старались усилить его, что только для этого вели онѣ войну между собою. Карлъ предлагалъ ему, цѣною союза, титулъ короля и значительную часть Польши; Іоаннъ Казиміръ освобождалъ его отъ ленной зависимости. Уже тогда возникла мысль о раздѣлѣ Польскаго королевства: участниками въ предполагаемомъ раздѣлѣ были царь Алексѣй Михайловичъ, Императоръ, Швеція и Бранденбургъ. Курфирстъ прежде другихъ отступился отъ этой мысли: онъ сталъ въ ряду самостоятельныхъ государей и предпочиталъ сосѣдство съ ослабленной и униженною Польшей всякому другому. Такимъ образомъ война, которой начало грозило бѣдами курфирсту, принесла пользу ему одному. Вотъ почему онъ такъ долго и упорно уклонялся отъ мира, который возвратилъ бы его къ обыкновеннымъ отношеніямъ. Онъ былъ вѣренъ своей цѣли и не много заботился о нравственномъ значеніи поступковъ. Самъ никому не вѣрилъ, да и ему не мно-

ніе вѣрили: таковъ былъ вѣкъ. У него былъ одинъ только твердый и искренній союзникъ, Король Датскій, соединившій открыто свою судьбу съ мятежною судьбою курфирста; но когда послѣднему представился удобный случай, онъ заключилъ отдѣльный миръ. Зато Копенгагенская чернь едва не убила Бранденбургскаго посла.

Небольшая, но превосходно устроенная и всегда готовая къ бою армія давала Фридриху Вильгельму постоянный перевѣсъ надъ прочими, менѣе сильными и дѣятельными нѣмецкими князьями. Ни въ одно столѣтіе новой европейской исторіи не было столько войнъ, сколько въ XVII. Военная сила стала главною основою политическаго значенія. Такимъ образомъ, Швеція, безъ внутреннихъ условій могущества, стала во главѣ сѣверо-восточной Европы, потому только, что у нея со временъ Густава Адольфа было всегда на готовѣ отличное войско. Издержки на содержаніе этого войска далеко превышали средства шведскаго народа, но оно само вырабатывало себѣ нужное, съ избыткомъ, въ безпрерывныхъ браняхъ. Примѣръ Швеціи нашелъ подражателей. Собственно это было явленіе уже не новое. Еще въ Средніе вѣка италіанскіе кондотьеры, нѣмецкіе ландскнехты и Швейцарцы вели войну ради выгодъ, которыя она доставляетъ. Въ службѣ каждаго государя были толпы вооруженныхъ наемниковъ, которымъ онъ довѣрялъ болѣе, чѣмъ своему рыцарству и земскому ополченію. Они были опытнѣе въ своемъ дѣлѣ и надежнѣе. Нерѣдко начальники такихъ вольныхъ дружинъ играли важную роль въ политическихъ переворотахъ. Стóитъ вспомнить Сфорцу Миланскаго и нѣмецкаго рыцаря Франца фонъ Сикингенъ, который при началѣ реформаціи едва не далъ новой формы всей нѣмецкой жизни. Французскія междоусобія XVI вѣка и тридцатилѣтняя война не дали исчезнуть обычаю и провели его въ новую исторію. Графъ Мансфельдъ, Христіанъ Брауншвейгскій, Валленштейнъ и Бернгардъ Веймарскій были кондотьеры, но въ огромномъ размѣрѣ. Во второй половинѣ XVII столѣтія система военныхъ наймовъ получила новое развитіе. Мелкіе нѣмецкіе князья стали держать довольно значительныя арміи, которыми они, въ настоящемъ смыслѣ слова, торговали. Они продавали свои полки Франціи, Австріи, Нидерландамъ — не заботясь о вопросѣ, который рѣшался оружіемъ. Замѣчательнѣе другихъ былъ Бернгардъ фонъ-Галенъ, епископъ Мюнстерскій. Несмотря на тѣсные предѣлы его владѣній, у него было подъ ружьемъ 20,000 человѣкъ. При дворѣ воинственнаго прелата не прекращались дипломатическіе происки, обыкновенная принадлежность дворовъ гораздо бóльшихъ государствъ. Союзъ съ нимъ былъ предметомъ исканій Императора, Людовика XIV и Голландіи. Епископъ бралъ деньги со всѣхъ. Впрочемъ, въ началѣ слѣдующаго столѣтія нашелся нѣмецкій государь, который превзошелъ Бернгарда въ этомъ отношеніи. Курфирстъ Саксонскій и Король Польскій Августъ, во время войны за испанское наслѣдство, продавалъ саксонскіе полки кому угодно, и самъ получалъ жалованье за солдатъ, между тѣмъ какъ его собственныя земли разорялись Шведами. Въ этомъ отношеніи Фридрихъ Вильгельмъ былъ гораздо чище другихъ князей. При всей измѣнчивости своей политики, онъ никогда не прибѣгалъ къ подобнымъ средствамъ, никогда не былъ наемнымъ слугою

чужихъ интересовъ, и подданные его дрались только за честь и выгоды собственной земли.

Самую блестящую эпоху въ политической дѣятельности Фридриха Вильгельма составляетъ промежутокъ 1671—1679 гг. Въ это время онъ сталъ безконечно выше всѣхъ современныхъ ему государей не по однимъ дарованіямъ и удачамъ, но по благородному и твердому положенію, которое онъ занялъ относительно всемогущей Франціи. Война 1668 года обнаружила съ одной стороны грозные Европѣ планы Лудвига XIV, съ другой—важное значеніе Голландской республики, указавшей предѣлы завоеваніямъ королевскихъ армій. Лудвигъ не могъ забыть обиды и понялъ, что конечное ослабленіе Голландіи есть необходимое условіе его собственнаго могущества. Къ этой цѣли были направлены всѣ движенія французской дипломатіи. Въ 1671 намѣренія Лудвига уже не были тайною, и успѣхъ ихъ почти обезпеченъ. Большая часть нѣмецкихъ князей была на сторонѣ Франціи, которой вліяніе въ Германіи далеко превышало императорское; Англія явно готовилась помогать врагамъ республики; подкупленный австрійскій министръ Лобковичъ убѣдилъ императора Леопольда подписать договоръ, который обязывалъ его къ соблюденію строгаго нейтралитета; Швеція за 600,000 талеровъ ежегодныхъ субсидій обѣщала немедленно занять владѣнія членовъ германскаго союза, которыхъ помощь могла бы принести пользу обреченнымъ гибели Штатамъ. Можно навѣрно сказать, что въ цѣлой Европѣ не было ни одного министра иностранныхъ дѣлъ, не бравшаго денегъ отъ французскаго правительства. Этого мало—не только мелкіе нѣмецкіе князья, но сильные властители, какъ Карлъ II въ Англіи и нѣкоторые изъ курфирстовъ, получали лично пенсіоны отъ Лудвига XIV и стояли къ нему въ отношеніи самой унизительной зависимости. Еще за нѣсколько лѣтъ до начала войны съ Голландіею, писалъ въ донесеніи къ своему правительству знаменитый англійскій дипломатъ Уильямъ Темпль: „Мы должны обратить вниманіе не столько на настоящее великое могущество Франціи, сколько на силу ума и геній, съ какими нынѣшній король и его министры ведутъ дѣла свои. Изъ писемъ французскихъ пословъ, перехваченныхъ или купленныхъ маркизомъ Кастель - Родриго (правителемъ Испанскихъ Нидерландовъ), ясно, что отъ Италіи и Португаліи до Польши, въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ, нѣтъ уголка, ими не замѣченнаго и не вошедшаго въ составъ ихъ политическихъ соображеній". На основаніи матеріаловъ, обнародованныхъ въ послѣдніе годы Капфигомъ, Минье и другими французскими учеными, можно было бы составить очень любопытную смѣту суммъ, употребленныхъ Лудвигомъ XIV на подкупы, составлявшіе одно изъ главныхъ средствъ его политики.

Среди общаго паденія устоялъ одинъ Бранденбургскій курфирстъ. Онъ тотчасъ предложилъ помощь свою Нидерландскимъ Штатамъ, несмотря на непріязнь, которая существовала между нимъ и тогдашнимъ правительствомъ республики. Въ то же время онъ старался открыть глаза нѣмецкимъ князьямъ и указать имъ всю важность предстоявшаго вопроса и опасность, грозившую Германіи. Его не послушали—такъ, какъ отецъ его не послушалъ Густава Адольфа. Императоръ, обманутый продажными совѣтниками, на-

ружію уступилъ угрозамъ курфирста, который объявилъ, что въ случаѣ, если Австрія не выставитъ войска противъ Французовъ, онъ рѣшительно перейдетъ на сторону Лудвига XIV и подѣлится съ нимъ неизбѣжными завоеваніями въ Нидерландахъ и Германіи. Подобныя предложенія со стороны Франціи были имъ уже не разъ отвергнуты. Австрійскій отрядъ двинулся, дѣйствительно, къ берегамъ Рейна, но генералы получили тайное приказаніе избѣгать всякаго дѣла. Положеніе Фридриха Вильгельма стало еще хуже. Онъ одинъ стоялъ съ полнымъ сознаніемъ за свободу Германіи и Европы— но борьба была не по силамъ молодому государству. Голландія не платила обѣщанныхъ субсидій и вела отдѣльные переговоры; Польша и Швеція грозили войною; Рейнскіе князья настоятельно требовали денежныхъ вознагражденій за убытки, причиненные имъ присутствіемъ Бранденбургскихъ войскъ въ ихъ земляхъ, между тѣмъ какъ часть собственныхъ владѣній курфирста находилась въ рукахъ Французовъ, разорявшихъ ихъ по произволу. Послѣдующія событія извѣстны. Высокій примѣръ Фридриха Вильгельма далъ наконецъ общее направленіе европейскимъ интересамъ; планы Лудвига удались только въ половину, и Швеція, вызванная имъ на театръ войны, проиграла Фербеллинское сраженіе. Эта битва, въ которой съ обѣихъ сторонъ было не болѣе 20,000 человѣкъ, принадлежитъ къ великимъ событіямъ Новой Исторіи. Шведы утратили славу непобѣдимости, главное условіе ихъ могущества, и на цѣлую четверть вѣка, до походовъ Карла XII, были отрѣшены отъ незаконнаго вліянія на дѣла Европы; наслѣдниками ихъ военной славы были Фербеллинскіе побѣдители: Фридрихъ Вильгельмъ и его армія. О впечатлѣніи, произведенномъ этою побѣдою, можно судить по опасеніямъ Вѣнскаго двора, чтобы при Балтійскомъ морѣ не возникло новое Вандальское царство: „Caesari haud placere regnum Vandalicum ad mare Balticum exsurgere“, сказалъ открыто президентъ австрійскаго военнаго совѣта. Изъ подобныхъ опасеній произошли трудности, встрѣченныя курфирстомъ при заключеніи мира. На этотъ разъ онъ не вынесъ изъ борьбы ничего, кромѣ славы. Несмотря на частныя сближенія съ Франціей, Великій Курфирстъ остался вѣренъ политическимъ идеямъ, которыя заставили его поднять оружіе въ 1672 году. Искусительныя предложенія Лудвига XIV, поколебавшія его ближайшихъ совѣтниковъ, изъ которыхъ многіе получали жалованье отъ французскаго короля, не соблазнили его. Онъ началъ оппозиціонное направленіе, котораго заключеніемъ была война за испанское наслѣдство, и по странному рѣшенію судьбы, въ самый годъ кончины Фридриха Вильгельма, вступилъ на англійскій престолъ его племянникъ и продолжатель, Вильгельмъ III.

Не даромъ сказалъ Фридрихъ II, склоняясь предъ могилою дивнаго предка: celui-ci a beaucoup fait. Во всѣхъ направленіяхъ государственной дѣятельности указалъ онъ прямой путь своимъ преемникамъ, и ни одному изъ нихъ не удалось безнаказанно свернуть въ сторону. Есть одна мало оцѣненная часть дѣятельности Великаго Курфирста. — Мы говоримъ объ его участіи въ умственномъ движеніи вѣка, о его уваженіи къ наукѣ, съ вольнымъ развитіемъ которой связаны отнынѣ слава и значеніе Прусскаго государства.

Курфирстъ понялъ и оцѣнилъ эту новую силу, входившую въ жизнь народовъ образовательнымъ началомъ изъ затворничества, въ какомъ держали ее Средніе вѣка. Это пониманіе обнаружилось въ величавой, хотя фантастической формѣ, въ намѣреніи Фридриха Вильгельма основать всемірный университетъ. Мысль объ этомъ сообщилъ курфирсту Бенедиктъ Скиште, шведскій государственный совѣтникъ, ученый энтузіастъ, вѣроятно вовсе не ожидавшій найти покровителя въ государѣ, котораго извѣданный практическій умъ, повидимому, былъ чуждъ всякой мечтательности. Памятникомъ ихъ общихъ предположеній остался изданный на латинскомъ языкѣ 22-го апрѣля 1667 г. и подписанный курфирстомъ уставъ новаго университета. Въ началѣ изложена цѣль основателя—доставить ученымъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, безъ различія религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, пріютъ, гдѣ каждому было бы возможно развивать науку независимо отъ внѣшнихъ стѣснительныхъ вліяній. Ученые Евреи и Магомедане допускаются также, но съ условіемъ не распространять своихъ вѣрованій. Городъ Тангермюнде, на Эльбѣ, предоставленъ въ полное распоряженіе ученой республикѣ, подвѣдомой одному курфирсту. Съ этою цѣлью городъ освобожденъ отъ всякихъ государственныхъ повинностей, и сверхъ того Фридрихъ Вильгельмъ собирался войти въ сношенія съ иностранными дворами и просить ихъ о признаніи всемірнаго университета и объ обезпеченіи ему вѣчнаго нейтралитета среди войнъ, которыхъ перевороты могли остановить труды мирныхъ служителей науки. Несмотря на всѣ эти мѣры и на приготовленный капиталъ, европейскіе ученые не отозвались на приглашеніе государя, котораго средства еще далеко не равнялись съ его замыслами. Подробныя извѣстія объ этомъ любопытномъ предметѣ находятся въ книгѣ Эрмана: Sur le projet d'une ville savante dans le Brandenbourg. Berlin, 1792.

Третій томъ Штенцеля содержитъ въ себѣ царствованіе двухъ первыхъ королей прусскихъ. Кому не извѣстны эти двѣ странныя, совершенно противоположныя историческія личности? Слабый, роскошный Фридрихъ I, и его суровый до жестокости сынъ — оба безсознательно ведшіе государство къ его великому назначенію. Вмѣстѣ съ землями Великаго Курфирста наслѣдовали они созданную имъ систему. Каждый изъ нихъ понялъ ее односторонно и развивалъ ее по своему; но основы протестантскаго государства были уже крѣпки, и односторонность правителей не могла поколебать ихъ. Въ слѣдующей книжкѣ Москвитянина мы познакомимъ читателей съ окончательными результатами Штенцелевыхъ изслѣдованій и съ книгою Бюлау *).

---

*) Это обѣщаніе, къ сожалѣнію, осталось неисполненнымъ.

РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ СРЕДНЕЙ ИСТОРІИ ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, СОЧИНЕННОЕ С. СМАРАГДОВЫМЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1841, с. 357 *)

При настоящемъ состояніи русской ученой литературы, въ особенности по предмету Всеобщей исторіи, критика не имѣетъ права произносить строгихъ приговоровъ. Въ основаніе своихъ сужденій она большею частію должна брать не чистое отношеніе книги къ наукѣ, а условное отношеніе къ потребностямъ читающей или, лучше сказать, учащейся публики. Весьма немногія сочиненія имѣютъ у насъ значеніе самостоятельныхъ явленій: большая часть суть только учебныя пособія.

„Руководство къ познанію Средней Исторіи“ не есть книга ученая въ настоящемъ смыслѣ: въ ней нѣтъ ни новыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій, ни даже результатовъ большой начитанности; но она заключаетъ въ себѣ главныя условія, требуемыя отъ учебника: довольно богатый запасъ фактическихъ свѣдѣній, отчетливое расположеніе частей, облегчающее обзоръ цѣлаго, и хорошее изложеніе, совершенно соотвѣтствующее назначенію книги. Авторъ положилъ въ основаніе своего труда извѣстное сочиненіе нѣмецкаго историка Лео: Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters. Halle. 1830, и воспользовался сверхъ того вторымъ томомъ его же Всеобщей исторіи (Lehrbuch der Universalgeschichte. Halle. 1836), въ которомъ заключается Исторія Среднихъ вѣковъ, не столь подробная, но исправленная результатами изслѣдованій, сдѣланныхъ въ промежуткѣ 1830—1836 г. Г. Смарагдовъ очень удачно сократилъ и слилъ эти двѣ книги въ одно цѣлое. Тѣ части его учебника, гдѣ онъ отступилъ отъ Лео, наименѣе удались ему. Во всякомъ случаѣ, исторія г. Смарагдова гораздо выше всего, что у насъ сдѣлано въ этомъ родѣ, и даже несравненно лучше изданной имъ въ прошломъ году Древней исторіи.

Мы укажемъ теперь на нѣкоторые бросившіеся намъ въ глаза недостатки, которые легко можно исправить при второмъ изданіи.

Передъ каждою отдѣльною статьею г. Смарагдовъ приводитъ литературу принадлежащихъ къ ней источниковъ и учебныхъ пособій. До сихъ поръ у

*) Статья напечатана въ „Москвитянинѣ“ 1841 года, ч. VI. № 12, въ отдѣлѣ критики

насъ этого не дѣлали, къ большому вреду учителей и учащихся. Исчисленіе литературныхъ пособій къ изученію предмета должно составлять необходимую принадлежность хорошаго учебника. Разумѣется, что при этомъ надобно имѣть въ виду не полноту указаній, а отчетливость въ выборѣ, сообразуясь съ практическою цѣлію книги. „Руководство къ познанію Средней Исторіи“ писано для среднихъ учебныхъ заведеній. Учителямъ этихъ заведеній необходимо знать лучшія, новѣйшія книги по ихъ предметамъ; такое знаніе можетъ принести большую пользу даже ученикамъ. Г. Смарагдовъ понялъ эту потребность, но не удовлетворилъ ей. Лео, писавшій для учебныхъ заведеній Германіи, которыхъ средства гораздо богаче нашихъ, ограничился въ своей Средней исторіи (въ Древней совсѣмъ другое дѣло: между источниками Средней и Древней исторіи огромная разница во всѣхъ отношеніяхъ) исчисленіемъ однихъ новѣйшихъ, представляющихъ науку въ современномъ видѣ и притомъ доступныхъ всѣмъ книгъ. Послѣднее условіе очень важно. Къ чему приводить въ учебникѣ, назначенномъ для гимназій, книги, которыя находятся въ весьма немногихъ большихъ библіотекахъ и читаются только людьми, посвятившими себя исключительно частнымъ изслѣдованіямъ по своей наукѣ? Это роскошь, вовсе не идущая къ книгѣ, имѣющей практическую учебную цѣль. Г. Смарагдовъ своимъ примѣромъ доказываетъ справедливость этихъ замѣчаній: несмотря на всю добросовѣстность труда своего, онъ впадаетъ въ самыя странныя заблужденія почти всякій разъ, когда ему приходится говорить объ источникахъ. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 46 приводятся источники исторіи Остъ-Готовъ и между прочимъ сказано, что Іорнандово сочиненіе de Gothorum origine et rebus gestis дошло до насъ въ сокращеніи, сдѣланномъ Кассіодоромъ. Совсѣмъ наоборотъ: Іорнандъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ извлеченіе изъ 12 книгъ, написанныхъ Кассіодоромъ объ исторіи Остъ-Готовъ. Далѣе на стр. 51 находится еще болѣе важная ошибка: рядомъ съ Павломъ Варнефридомъ въ числѣ лѣтописцевъ Лонгобардскихъ являются два ученые 17 столѣтія, Камиллъ Перегринъ и Фр. Христіусъ, котораго диссертація о происхожденіи Лонгобардовъ названа здѣсь источникомъ. На стр. 132 Дюшенъ названъ продолжателемъ Букетова сборника, хотя онъ издалъ свое собраніе лѣтописей французскихъ за сто лѣтъ до Букета. Эти погрѣшности, которыхъ можно было бы насчитать и болѣе, произошли очевидно оттого, что г. Смарагдовъ не знакомъ самъ съ литературою источниковъ, не имѣя подъ рукою драгоцѣнныхъ собраній, которыя онъ приводитъ. Кому и какую пользу можетъ принести подобное вычисленіе источниковъ? Не лучше ли было бы указать на нѣсколько главныхъ лѣтописцевъ, какъ напр. Григорія Турскаго, Прокопія, Беду, Павла Діакона, Луитпранда, Ламберта Ашаффенбургскаго и Саксона Грамматика, какъ на представителей современной имъ образованности, и выпустить это множество безполезныхъ заглавій, въ особенности предъ Византійскою исторіей. Вообще отдѣлъ литературы самый слабый въ книгѣ г. Смарагдова. За исключеніемъ сочиненій, приведенныхъ у Лео, ему мало извѣстны труды современныхъ европейскихъ историковъ. Отсюда произошли нѣкоторые другіе недостатки его руководства.

Такимъ образомъ, если бы автору были извѣстны сочиненія Ферд. Мюллера и Цейсса о племенахъ Германскихъ, онъ навѣрно иначе написалъ бы § 11 своей книги: о первобытной исторіи Германцевъ. На какомъ основаніи онъ дѣлитъ Германцевъ на Кимровъ и Суевовъ, намъ неизвѣстно. До сихъ поръ Кимры (которыхъ надобно отличать отъ Кимвровъ) обыкновенно причислялись къ племени Кельтическому. Если брать въ основаніе этимологическіе выводы, то старая, оставленная нынѣ гипотеза Мозера, что Германцы раздѣлялись по образу жизни на осѣдлыхъ (Саксовъ отъ Sassen) и блуждающихъ (Суевовъ отъ schweifen), все еще должна взять перевѣсъ надъ мнѣніемъ г. Смарагдова. Въ § 14 читаемъ: „община (германская) имѣла во время мира начальника, который носилъ титулъ графа и избирался изъ важнѣйшихъ фамилій". Это несправедливо: графы суть главные члены дружины, они спутники, comites (gravo, grafio, gerefa, socius, см. Іак. Гримма Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 752) кунига. Должность и названіе графовъ перешли отъ Франковъ къ подчиненнымъ имъ племенамъ. Отъ этой ошибки могъ бы предостеречь автора руководитель его Лео, который очень справедливо говоритъ: „гдѣ графы или comites являются во главѣ народа въ качествѣ вождей ополченія и — что̀ съ этимъ связано — въ качествѣ предсѣдателей суда, тамъ древнее общинное устройство уступало мѣсто дружинному". Объ Аттилѣ повторяется, § 26, выдуманная позднѣйшими венгерскими писателями, которые почитаютъ его своимъ землякомъ, басня, что онъ называлъ себя бичемъ Божіимъ, о чемъ не говоритъ ни одинъ изъ современныхъ и даже послѣ него жившихъ лѣтописцевъ. Такъ же неосновательно извѣстіе, § 182, о происхожденіи турнировъ, будто бы введенныхъ въ Германію королемъ Генрихомъ I-мъ. У всѣхъ воинственныхъ народовъ бываютъ военныя игры; такія были безспорно у Германцевъ еще при Каролингахъ, и вѣроятно ранѣе; но настоящіе рыцарскіе турниры вошли въ употребленіе, прежде всего во Франціи, только въ 12 столѣтіи. Здѣсь Лео ввелъ г. Смарагдова въ заблужденіе; онъ повторилъ выдумку Рикснера, который въ 1530 издалъ книгу о турнирахъ, исполненную вздорныхъ извѣстій. Опроверженіе находится у Дюканжа Glossarium mediae et infimae latinitatis s. v. torneamenta. Мы обращаемъ вниманіе на эти подробности, потому что отъ учебной книги можно и должно преимущественно требовать точности и вѣрности свѣдѣній. Подобныхъ недосмотровъ много въ книгѣ г. Смарагдова; но мы оставимъ ихъ, въ надеждѣ, что второе изданіе явится очищенное и исправленное по новымъ пособіямъ, которыми такъ богата теперь наука.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: авторъ совершенно правъ, говоря, что Исторія Среднихъ вѣковъ носитъ характеръ борьбы, что это періодъ броженія силъ молодой Европы; но едва ли кто изъ занимавшихся основательно Исторіею Среднихъ вѣковъ согласится со слѣдующими словами: „съ одной стороны, въ папствѣ духовныя силы стремятся овладѣть тогдашнимъ міромъ, съ другой—физическія силы рыцарства и ленной монархіи шагъ за шагомъ защищаютъ свое господство". Въ этомъ противоположеніи рыцарство и ленная монархія являются какъ бы представителями неразумной, стихійной силы. Но въ основаніи рыцарства и имперіи въ Среднихъ вѣкахъ

лежали также духовныя начала. По этому только борьба императорской власти съ папскою, совершавшаяся въ одно и то же время въ области теорій и въ области политической дѣйствительности, получила такое всемірно-историческое значеніе и такой величавый характеръ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЖИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ ВЪ ЭПОХУ ЕЯ ВОЗРОЖДЕНІЯ. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ ИВАНА БАБСТА. МОСКВА. 1851 ГОДА *).

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ наша литература обогатилась нѣсколькими замѣчательными произведеніями, посвященными классической древности. Этотъ отдѣлъ науки, на который у насъ долго не обращали надлежащаго вниманія, вошелъ теперь окончательно въ кругъ самостоятельныхъ занятій русскихъ ученыхъ. Доказательствомъ можетъ служить монографія г. Леонтьева „о Поклоненіи Зевсу“, изданные имъ же „Пропилеи“, наконецъ книга г. Бабста „Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія“. Нельзя, при этомъ случаѣ, не помянуть признательнымъ словомъ незабвеннаго, такъ рано отнятаго у насъ смертію профессора Крюкова. Его кратковременная академическая дѣятельность должна служить благороднымъ образцомъ и поощреніемъ для каждаго русскаго преподавателя. Покойный Крюковъ не успѣлъ совершить задуманныхъ имъ трудовъ, хотя въ его бумагахъ остались значительные, теперь безплодные матеріалы, по которымъ можно судить только объ объемѣ и разнообразіи его изслѣдованій; но лекціи, читанныя имъ въ продолженіи немногихъ годовъ, въ Московскомъ Университетѣ, пали богатыми сѣменами на плодотворную почву. Цѣлый рядъ даровитыхъ, уже пріобрѣтшихъ собственную извѣстность учениковъ свидѣтельствуетъ о силѣ рано отшедшаго учителя.

Предвидимъ неизбѣжный, столь часто въ наше время повторяемый вопросъ о настоящемъ значеніи и пользѣ науки древностей. Противники классическихъ литературъ нападаютъ на нихъ съ разныхъ сторонъ. Одни говорятъ, что поле этихъ изслѣдованій до такой степени воздѣлано или лучше сказать истощено, что новымъ труженикамъ остается только безплодная переработка стараго, отвлекающая ихъ силы отъ занятій болѣе полезныхъ. Другіе, не ограничиваясь такимъ отрицательнымъ обвиненіемъ, идутъ далѣе и утверждаютъ, что изученіе греко-римской древности отрываетъ умъ отъ дѣйствительности и вноситъ въ него понятія, принадлежащія чуждому намъ, по своимъ направленіямъ, міру. Замѣтимъ, впрочемъ, что между порицателями классической древности рѣдко встрѣчаются люди основательно съ нею знакомые и способные произнести самостоятельный приговоръ въ спорѣ, отъ котораго зависитъ образованіе будущихъ поколѣній. — Нѣтъ никакого со-

*) Напечатано въ 58 № „Московскихъ Вѣдомостей“ 1851 г.

мнѣнія, что новый, христіанскій міръ отдѣленъ отъ языческаго огромнымъ разстояніемъ, которое измѣряется не одними вѣками. По ту сторону Евангелія остался быть естественнаго человѣка, носившаго въ себѣ самомъ источники неполнаго знанія и самонадѣянной силы. Созданные его воображеніемъ, призрачные боги не могли ни спасти отъ разрушенія, ни пережить порядка вещей, ввѣрившаго имъ свое существованіе. Духовная жизнь и политическія формы Аѳинъ и Рима прошли невозвратно. Всякая попытка воскресить ихъ была бы признакомъ историческаго безумія, которое можетъ овладѣвать лишь устарѣлыми, безсильными къ живому творчеству народами. Съ другой стороны, это замкнутое въ себѣ, вполнѣ совершившееся время богато высокими и благородными назиданіями. Мы не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь то, что уже много разъ было сказано о красотѣ античнаго искусства, наслажденіе которымъ само по себѣ можетъ быть достаточною цѣлью и оправданіемъ изученія древности. Умолчимъ также о наукѣ, которой представителями были Платонъ и Аристотель, неисчерпанные двадцатью двумя вѣками источники умозрительнаго вѣдѣнія. Проповѣдники иной высшей мудрости, отцы нашей Церкви, разрушая язычество, бережно вынимали изъ его развалинъ великія произведенія писателей, непросвѣщенныхъ христіанствомъ, но силою благородной мысли неослабно искавшихъ высшей истины. Не должно забывать, что мы обязаны Церкви сохраненіемъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древнихъ литературъ. Почти такое же право имѣютъ на наше вниманіе политическія судьбы Греціи и Рима. Образованіе и упадокъ древнихъ гражданскихъ обществъ были не даромъ предметомъ постоянныхъ размышленій для величайшихъ умовъ послѣдующихъ временъ. Они не искали въ прошломъ примѣровъ и формъ, неприложимыхъ къ настоящему, а напротивъ, укрѣпляли себя созерцаніемъ явленій, которыя раскрылись въ античномъ мірѣ, уже столь отдаленномъ, что онъ можетъ служить предметомъ совершенно спокойнаго изученія, свободнаго отъ всякихъ практическихъ увлеченій.

Г. Бабстъ избралъ предметомъ для своего прекраснаго разсужденія одну изъ самыхъ любопытныхъ эпохъ Греческой исторіи, именно время разложенія республиканскихъ формъ жизни и перехода къ монархіи. Предоставляя себѣ въ будущемъ болѣе подробный разборъ этой книги, мы желали бы предварительно обратить на трудъ г. Бабста вниманіе читателей Московскихъ Вѣдомостей. Авторъ не довольствовался передачею собранныхъ имъ съ большимъ тщаніемъ и критикою свидѣтельствъ. Онъ согрѣлъ матеріалъ своимъ сочувствіемъ къ нему и живымъ изложеніемъ. Особенно хороши представленныя имъ характеристики государственныхъ мужей Греціи въ IV столѣтіи до Р. Х. Укажемъ для примѣра на страницы, посвященныя Ксенофонту. Намъ не удавалось читать болѣе ясной и умной оцѣнки этого философа-кондотьери. Дабы познакомить читателей съ способомъ изложенія г. Бабста, мы приведемъ его слова о греческихъ наемникахъ.

„Наемники были необходимымъ слѣдствіемъ разложенія жизни греческой. Мы видѣли выше, какъ падали всѣ коренныя начала ея; изъ описанія внутренняго состоянія Аѳинъ и Спарты мы видѣли, какъ не было уже болѣе уваженія къ древнимъ обычаямъ; открыто надъ всѣмъ смѣялись, суды по-

теряли все значеніе, храмы не служили болѣе убѣжищемъ; отчизна потеряла для всѣхъ свою прелесть, потому что никто не считалъ себя безопаснымъ, и каждый боялся за свои убѣжденія; партіи преслѣдовали другъ друга съ ожесточеніемъ, и каждая побѣда сопровождалась изгнаніемъ или добровольнымъ удаленіемъ. Вмѣсто привязанности къ родинѣ видимъ мы озлобленіе и желаніе мести; одни скрывали свои капиталы, ибо опасались налоговъ; другіе бѣжали, потому что жить было нечѣмъ, и вотъ вся Греція наполнилась бѣглецами *(φυγάδες)*, которые, не видя ничего утѣшительнаго въ будущемъ, продавали свои услуги первому желающему. Имъ честнѣе казалось умереть съ мечемъ въ рукахъ, нежели гибнуть по навѣтамъ доносчиковъ. Таково происхожденіе греческихъ наемниковъ, — явленія, которому подобныя мы встрѣчаемъ не разъ въ исторіи. Такъ образовались кондотьери въ Италіи; то же самое было во время религіозныхъ войнъ въ періодъ реформаціи. Въ Греціи давно служили Аркадяне и Критяне наемниками, но это было вслѣдствіе географическаго положенія ихъ родины. Аркадяне были Швейцарцами древней Греціи. Гористое, бѣдное отечество заставляло ихъ съ раннихъ лѣтъ продавать свои услуги всѣмъ и каждому. Остальныя государства Греціи не знали этого обыкновенія, и каждый Грекъ считалъ позорнымъ продавать свою кровь иноземцамъ, тѣмъ болѣе еще варварамъ. Во время войны Пелопонезской мы встрѣчаемъ уже наемниковъ, а въ послѣдніе ея годы этотъ обычай вполнѣ укоренился. Ожесточеніе, съ которымъ боролись въ каждомъ почти городѣ враждебныя партіи, выслало много народу для пополненія рядовъ въ наемныхъ войскахъ; уже Ѳукидидъ говоритъ, что возвышеніе жалованья на одинъ оболъ можетъ переманить матросовъ на непріятельскій флотъ (Thucyd. 8, 45). Какъ много было изгнанниковъ, видно изъ того, что Киръ Младшій могъ легко набрать себѣ 13,000 греческихъ воиновъ. Въ полномъ разгарѣ являются наемники во время Коринѳской войны. „Съ этого времени", говоритъ Ксенофонтъ, „граждане составляютъ обыкновенно гарнизонъ, войну же ведутъ наемники (Xenoph. Hell. 4, 4)". Кононъ нанялъ на персидское золото цѣлую толпу ихъ. Главнымъ сборнымъ мѣстомъ наемниковъ былъ въ это время Коринѳъ *(ξενικὸν ἐν Κορίνθῳ* Schol. Aristoph. Plut. 173). Предводителями ихъ были Ификратъ и Хабрій, создавшіе новую тактику, о которую сломилось старинное военное искусство греческое. Агезилай привелъ также наемниковъ изъ Азіи, которыми начальствовалъ Герипидъ, и съ этого времени мы почти уже не видимъ войскъ изъ самихъ гражданъ, но всѣ войны ведутся наемниками, которыхъ можно было имѣть за весьма дешевую цѣну. „Гораздо болѣе воиновъ можно набрать, говоритъ Исократъ, между праздношатающимися, нежели между гражданами (Isocr. epist. 9)". „Наши предки, говоритъ онъ въ одной своей рѣчи (De pace, 16), собственной кровью освободили Грековъ; мы же не дерзаемъ сражаться для собственныхъ нашихъ выгодъ, а предоставляемъ все наемникамъ, готовымъ всякаго продать за деньги. Мы такъ ихъ высоко цѣнимъ, что не обращаемъ вниманія на жалобы, которыми ихъ осыпаютъ, но напротивъ радуемся, слыша объ нихъ что-нибудь подобное; мы сами страдаемъ отъ бѣдности, а лишаемъ себя

послѣдняго, чтобы заплатить наемникамъ; этого не дѣлали не только предки наши мараѳономахи, но даже и тѣ, которыхъ ненавидѣли наши союзники, потому что они все-таки сражались сами, мы же напротивъ и не думаемъ о битвахъ, а употребляемъ наемниковъ, какъ царь Персидскій. Прежде брали въ гребцы чужестранцевъ и рабовъ, теперь же наоборотъ: Аѳинскій корабль пристаетъ къ берегу, чужестранцы идутъ съ оружіемъ на враговъ, а бывшіе владыки Генленовъ сидятъ съ веслами въ рукахъ". Такъ жаловался Исократъ и всѣ лучшіе патріоты, но они не могли помочь горю. Наемники были такимъ же законнымъ явленіемъ, такимъ же результатомъ всей предыдущей жизни, какъ и многія другія черныя стороны описываемой нами эпохи. Когда старинный городовой бытъ былъ подорванъ, то гражданину житья не было на родинѣ, и онъ шелъ искать на чужбинѣ добычи, а часто и хлѣба. Прежде бывало Греки, вытѣсняемые изъ родины политическими распрями или недостаткомъ, основывали на чужбинѣ колоніи, но теперь и этого не могло быть. Кому была радость запереться въ узкой городовой жизни, когда личность высказывала столько новыхъ требованій? Передъ греческими наемниками открылась Азія со всѣми ея сокровищами, богатый Египетъ; ихъ вездѣ принимали радушно, ихъ ласкали Ѳессалійскіе князья и великій царь Персидскій. Не одно корыстолюбіе и желаніе добычи, не одни политическія невзгоды или притѣсненія были главными причинами, выславшими столько бойцевъ въ Азію: Греку нуженъ былъ наконецъ просторъ, а его онъ не находилъ на родинѣ и шелъ попытать счастія на чужбинѣ.

„Наемниковъ обвиняютъ въ развратѣ, въ томъ, что они дерутся за свободу и противъ нея, за царя Персидскаго и противъ него, что они ввели на родину чуждые дотолѣ пороки; все это справедливо, но какое же время разложенія старинныхъ формъ общественныхъ отличается строгою нравственностью? Толпы изгнанниковъ и наемниковъ доказали ясно, что время требуетъ иныхъ формъ, и служили лучшимъ протестомъ противъ старины. Много свѣжихъ силъ бродило въ Греціи, и онѣ были гибельны для Греціи старой, но ихъ нужно было только направить на одно великое дѣло, и когда явилась такая личность, она доказала, что эти же самые наемники завоевали цѣлый Востокъ во имя греческой цивилизаціи. Александръ Македонскій многимъ обязанъ военачальникамъ, воспитаннымъ въ школѣ наемниковъ.

„Время наемниковъ—это эпоха въ исторіи военнаго искусства древняго міра, такъ же точно какъ 30-ти-лѣтняя война — эпоха въ военномъ дѣлѣ новаго времени. Наемники, подъ предводительствомъ Ификрата и другихъ знаменитыхъ вождей, были такъ отлично выучены и дисциплинированы, что могли въ случаѣ нужды драться безъ полководца. Примѣръ тому мы встрѣчаемъ у Ксенофонта. Послѣ вѣроломнаго умерщвленія полководцевъ, новые начальники выбираются изъ солдатъ. Кто пріобрѣлъ себѣ извѣстность храбростью или силою, могъ всегда собрать легко подъ своимъ начальствомъ толпу удальцовъ, съ которыми отправлялся предлагать свои услуги первому желающему, а работы было вездѣ много. Кто достаточно награбилъ, и въ состояніи былъ давать порядочное жалованье, могъ всегда найти удальцовъ,

готовыхъ идти съ нимъ на промыселъ. Ему стоило только отправиться на мысъ Тенаронъ, гдѣ былъ знаменитый храмъ Посидона; тамъ всегда толпились праздные наемники, ожидавшіе прибыльнаго дѣла. Наборъ ихъ происходилъ часто очень страннымъ образомъ. Ксенофонтъ разсказываетъ, что въ числѣ 10,000 грековъ былъ одинъ Олинфіецъ Эписоенъ, извѣстный своею храбростью воинъ. Онъ выбиралъ себѣ всегда самыхъ красивыхъ и самыхъ молодыхъ воиновъ, и во главѣ ихъ совершалъ чудеса храбрости (Anab. VII, 4). Многіе изъ извѣстныхъ начальниковъ наемныхъ войскъ начинали свое поприще разбоями, такъ напр. Харидемъ, о которомъ будемъ говорить ниже. Вообще это сословіе не отличалось разборчивостью въ средствахъ добывать деньги. Главною цѣлью была добыча, а какъ она достается, до этого никому не было дѣла".

Такихъ мѣткихъ, объясняющихъ цѣлое историческое явленіе мѣстъ въ сочиненіи г. Бабста много. Но желаніе приблизить къ русскому читателю описываемыя событія и лица, заставляетъ автора иногда говорить языкомъ, по нашему мнѣнію, несовсѣмъ свойственнымъ содержанію его книги. Не измѣняя смысла событія, онъ въ разсказѣ своемъ употребляетъ иногда выраженія, какъ-то нейдущія къ Греческому міру. Это, впрочемъ, единственный упрекъ, какой ему можно сдѣлать относительно формы, данной имъ своему замѣчательному труду. „Государственные мужи Греціи" обнаруживаютъ въ авторѣ рѣшительный историческій талантъ и даютъ намъ право поздравить Русскую историческую литературу съ новымъ и даровитымъ дѣятелемъ.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЮ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО ВЪ 1799 ГОДУ. СОСТАВЛЕНА ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-ГО. ПЯТЬ ТОМОВЪ. СОЧИНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА МИЛЮТИНА. СПВ. 1853 *).

Большей части русскихъ читателей, вѣроятно, уже давно извѣстны первые три тома „Исторіи войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I-го". Вышедшими недавно IV и V томами достойнымъ образомъ заключается превосходный трудъ полковника Милютина. Его книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя необходимы каждому образованному Русскому, и займетъ, безъ сомнѣнія, весьма почетное мѣсто въ обще-европейской исторической литературѣ.

Въ ожиданіи подробнаго, уже приготовленнаго для Московскихъ Вѣдомостей отчета, мы поздравляемъ нашу публику съ важнымъ пріобрѣтеніемъ и считаемъ не излишнимъ познакомить ее въ бѣгломъ обзорѣ съ содержаніемъ двухъ послѣднихъ томовъ книги г. Милютина. При этомъ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ ея значеніи для новѣйшей исторіи вообще.

Дѣйствія русскихъ войскъ, отправленныхъ въ 1799 году Императоромъ Павломъ I-мъ противъ Франціи, составляютъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи войнъ, вызванныхъ Французскою революціею. Театромъ этихъ дѣйствій были Италія, Швейцарія и Голландія. Успѣхъ не вездѣ увѣнчалъ предпріятія русскихъ полководцевъ, но славы намъ досталось довольно. Отвѣтственность за неудачи должна большею частію пасть на тогдашнихъ союзниковъ Россіи, которыхъ своекорыстная политика, оплошность и нерѣшительность положили преждевременный конецъ подвигамъ русскихъ армій. Несмотря на важность этихъ событій, въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ ни одного удовлетворительнаго сочиненія о войнѣ 1799 года. Исторія Россійско-Австрійской кампаніи, изданная въ 1825 году С. С. Фуксомъ, содержитъ въ себѣ только поверхностный обзоръ дѣйствій Суворова, съ весьма любопытными, но не всегда точно переведенными съ оригиналовъ, и вообще небрежно напечатанными приложеніями. Авторъ, который, какъ извѣстно, находился во все продолженіе кампаніи при особѣ

*) Напечатано въ 61 № „Московскихъ Вѣдомостей" 1853 г.

Суворова, завѣдовалъ его походною канцеляріею и велъ всю оффиціальную переписку, былъ очевидно не въ состояніи воспользоваться выгодами своего положенія. Многочисленныя сочиненія, вышедшія за границею о кампаніяхъ 1799 года, не могутъ, несмотря на относительныя достоинства свои и даже желаніе нѣкоторыхъ писателей представить безпристрастную оцѣнку событій, удовлетворить требованіямъ исторической истины, потому что они составлены на основаніи одностороннихъ источниковъ, безъ всякаго знанія обильныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Россіи. Читатели найдутъ обстоятельное подтвержденіе нашихъ словъ въ краткомъ, но весьма отчетливо и добросовѣстно составленномъ указателѣ источниковъ и пособій, которыми пользовался г. Милютинъ для своей книги. Указатель этотъ приложенъ къ IV-му тому и самъ по себѣ заслуживаетъ благодарность всѣхъ занимающихся новѣйшею исторіею Европы. Изъ этого приложенія нетрудно составить себѣ понятіе объ отношеніи г. Милютина къ его предшественникамъ.

„Исторія войны Россіи съ Франціею" есть трудъ въ полномъ смыслѣ слова самостоятельный и оригинальный. Автору хорошо извѣстно все, что было писано до него объ его предметѣ, но онъ заимствуетъ свѣдѣнія не изъ вторыхъ рукъ, а непосредственно изъ оффиціальныхъ актовъ и другихъ памятниковъ, большею частію еще не изданныхъ и хранящихся въ государственныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ. Можно смѣло сказать, что книга, о которой здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ въ первый разъ полное и правдивое изложеніе какъ военныхъ событій, такъ и дипломатическихъ сношеній, происходившихъ въ 1799 году. Приведенные полковникомъ Милютинымъ дипломатическіе акты и документы другаго рода проливаютъ яркій и для большинства западныхъ историковъ, можетъ быть, нежданный свѣтъ на дѣйствія союза, образовавшагося противъ Франціи въ предпослѣдній годъ XVIII-го столѣтія. Высокое прямодушіе императора Павла, рыцарское безкорыстіе, съ какимъ онъ принялъ участіе въ борьбѣ, представляютъ странную противоположность съ образомъ дѣйствій другихъ союзниковъ. Въ 1799 году республиканской Франціи грозила несравненно бо̀льшая опасность, чѣмъ въ 1792. Суворовъ не походилъ на герцога Брауншвейгскаго. Читатели узнаютъ изъ книги г. Милютина обстоятельства, остановившія побѣдное шествіе великаго полководца и не позволившія ему прибавить къ длинному ряду прежнихъ подвиговъ новые, еще болѣе громкіе и уже зрѣло обдуманные и приготовленные къ исполненію.

Г. Милютинъ пользовался сокровищами открытыхъ ему по волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА государственныхъ архивовъ не только какъ трудолюбивый и добросовѣстный собиратель, но какъ истинный историкъ, умѣющій извлекать изъ массы разнородныхъ матеріаловъ ихъ внутренній смыслъ и сущность. Приложенія къ „Исторіи войны Россіи съ Франціею", занимающія цѣлую половину книги, составляютъ сами по себѣ драгоцѣнный подарокъ исторіи; но, повторяемъ, не въ этомъ одномъ заключается заслуга г. Милютина. Его собственное изложеніе событій отличается необыкновенною ясностію и спокойствіемъ взгляда, не отуманеннаго никакими предубѣжденіями, и тою благородною простотою, которая, по нашему мнѣнію, со-

ставляетъ необходимую принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія. Намъ рѣдко случалось читать книгу, въ такой степени поучительную и увлекательную, а между тѣмъ авторъ очевидно не заботился о сообщеніи своей книгѣ того рода занимательности, котораго болѣе всего требуетъ публика, читающая историческія сочиненія. Онъ оставилъ въ сторонѣ анекдотическую часть, столь рѣзко выдающуюся впередъ въ жизни Суворова, сдѣлавшагося еще при жизни героемъ преданій, ходившихъ не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ классахъ русскаго и всего Европейскаго общества. За то немногія характеристическія черты, мастерски вставленныя полковникомъ Милютинымъ въ свой разсказъ, тѣмъ сильнѣе поражаютъ читателя.

Четвертый томъ „Исторіи войны Россіи съ Франціею" содержитъ въ себѣ изложеніе военныхъ дѣйствій нашихъ въ Швейцаріи и оканчивается рѣшительнымъ разрывомъ между Австрійскимъ и Русскимъ дворами. Каждому изъ насъ случалось слышать разсказы стариковъ и читать отдѣльные эпизоды изъ чудеснаго похода, совершеннаго въ Швейцаріи Русскими войсками, по выходѣ ихъ изъ Италіи. Въ самой Швейцаріи подвиги нашихъ соотечественниковъ оставили неизгладимое впечатлѣніе въ памяти жителей. Непривычные къ горной природѣ солдаты взбирались въ виду смѣлаго и предпріимчиваго непріятеля на вершины Альповъ по тропинкамъ, пробитымъ только одними охотниками. Мы не можемъ не привести нѣсколькихъ страницъ, заимствованныхъ нами изъ главы 58-й, носящей названіе: „С. Готардъ":

„Со стороны Италіи позиція на С. Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроло по крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные потоки Соречіа и Тремола, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ — Госписъ (Hospice, Ospizio), въ которомъ жили нѣсколько капуциновъ: эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погибавшимъ, приносили полузамерзшихъ въ обитель и, отогрѣвая ихъ, многимъ несчастнымъ спасали жизнь. Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ велъ въ Швейцарію свою малочисленную армію... Обходное движеніе князя Багратіона и Барановскаго къ верховьямъ рѣчки Соречіа заставило республиканцевъ начать отступленіе. Однакожъ они держались еще шагъ за шагомъ, останавливались на выгодныхъ позиціяхъ и наконецъ поднялись на самую вершину горы. Здѣсь предстояло русскимъ войскамъ одолѣть самое упорное сопротивленіе непріятеля и самыя ужасныя преграды мѣстности. Бригада Гюденя, уже подкрѣпленная ближайшими войсками Луазона, заняла сильную позицію впереди Госписа. Какъ ни была недоступна эта позиція съ фронта, однакожъ войска Ферстера и Швейковскаго отважно пошли на приступъ. Французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ: укрываясь за утесами и каменьями,

республиканцы цѣлили какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сильною потерею; но войска русскія ничего не считали невозможнымъ: одушевленныя присутствіемъ Суворова и великаго князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облитыя кровью. И снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго: уже до 1,200 человѣкъ выбыло изъ строя. Однакожъ упрямый Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился во что бы ни стало выбить непріятеля изъ сильной позиціи. Видя упорное сопротивленіе Французовъ на С. Готардѣ, фельдмаршалъ опасался за колонну Розенберга, о которой не имѣлъ еще никакихъ извѣстій. Время было дорого: день уже приближался къ вечеру, а князь Багратіонъ все еще взбирался на крутыя ребра С. Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ неимовѣрными усиліями карабкались со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Даже и привычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на эти недосягаемыя выси. Войска были утомлены до крайности, гора казалась имъ безконечною; вершина ея какъ будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду. Было уже 4 часа пополудни, когда Суворовъ въ третій разъ повелъ атаку на С. Готардъ. Въ то же время и князь Багратіонъ появился наконецъ на снѣжной вершинѣ, противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, не ждавшіе никакъ нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпиталь. Русскіе заняли С. Готардъ. Утомленныя до изнеможенія войска стягивались мало по малу на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь, у входа въ обитель, встрѣтили его капуцины. Настоятель (пріоръ), 70-лѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, пригласилъ полководца войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ. „Нѣтъ, святой отецъ", — сказалъ ему Суворовъ,—„какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу; отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ и въ трапезу"... Усердно молился русскій полководецъ на вершинѣ С. Готарда. Послѣ молебствія вошелъ онъ въ домъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ; капуцины угощали русскихъ картофелемъ и горохомъ. Суворовъ былъ веселъ, разговаривалъ съ настоятелемъ на разныхъ языкахъ; хвалилъ христіанскіе подвиги отшельниковъ и благодарилъ ихъ за гостепріимство. Образованный монахъ дивился разнообразнымъ знаніямъ и начитанности русскаго генерала. Они разстались весьма довольные другъ другомъ; Суворовъ, напутствуемый благословеніями капуциновъ, отправился къ войскамъ".

Слѣдующая 59-я глава содержитъ въ себѣ описаніе дѣйствій Суворова отъ перехода русскихъ войскъ чрезъ Урнерское подземелье и атаки Чертова моста до вступленія ихъ въ Муттенскую долину. Нигдѣ и никогда, быть можетъ, не обнаружились геній и отвага безсмертнаго полководца, какъ въ эти два дня (15-го и 16-го сентября), при сопряженномъ съ трудностями всякаго рода переходѣ отъ Альторфа до Муттена, на разстояніи всего 16 верстъ. Но подъятые труды и устраненныя препятствія не привели Суворова къ задуманной цѣли. Несчастное Цюрихское дѣло разстроило все

его планы. Въ сочиненіи г. Милютина дѣло это изложено со всѣми его печальными, но не безславными для насъ подробностями. Результаты извѣстны. Послѣ пораженія Корсакова подъ Цюрихомъ и тѣхъ поступковъ, которыми австрійское правительство вызвало справедливое недовѣріе и негодованіе Императора Павла, Суворову нельзя и незачѣмъ было долѣе оставаться въ Швейцаріи.

„Хотя цѣль похода, говоритъ г. Милютинъ, и не была достигнута, хотя союзники принуждены покинуть всю Швейцарію, однакоже неудачная эта кампанія принесла Русскому войску болѣе чести, чѣмъ самая блистательная побѣда. Нѣсколько тысячъ Русскихъ, заброшенныхъ въ самую недоступную часть Альповъ, въ продолженіе 16-ти дней боролись безпрерывно со всѣми препятствіями суровой природы, переносили тяжкія лишенія, голодъ, непогоду, и несмотря на изнуреніе, геройски дрались вездѣ, гдѣ только встрѣчались съ непріятелемъ. Чрезвычайныя затрудненія, свойственныя вообще горной странѣ, особенно въ позднее время года, должны были бы казаться неодолимыми для русскаго солдата, привыкшаго къ простору родимыхъ равнинъ, къ раздолью необозримыхъ степей. Однако же грозные великаны Альповъ, съ своими снѣжными вершинами, съ отвѣсными ребрами, съ мрачными ущельями, нисколько не испугали нашихъ войскъ. Смѣло проходили они съ артиллеріею и вьюками тамъ, гдѣ ступали до нихъ только привычные охотники. Въ одномъ мѣстѣ на пути русской арміи попалась надпись на скалѣ: „Здѣсь прошелъ пустынникъ“... Сколько разъ случалось рускимъ войскамъ взбираться на снѣговые хребты! Сколько разъ, дрожа отъ стужи, перебирались они въ бродъ, выше колѣнъ въ водѣ, чрезъ быстрые горные потоки. Промоченные до костей страшнымъ ливнемъ, они вдругъ были застигаемы снѣгомъ, вьюгой, мятелью; мокрая одежда покрывалась ледяною корой. Съ трудомъ добравшись наконецъ до вершины горъ, солдаты ночевали на снѣгу или на голыхъ скалахъ и не имѣли ни одного прута, чтобы отогрѣть окостенѣлые члены. По нѣскольку дней оставаясь безъ провіанта, братски дѣлились они между собою ничтожными крохами, которыя находили въ ранцахъ убитыхъ Французовъ, и даже приносили добродушно начальникамъ часть добычи своей. Офицеры и генералы сами были не въ лучшемъ положеніи: лишившись своихъ вьюковъ, они не имѣли ни пищи, ни обуви, ни теплой одежды; солдаты кое-какъ на ночлегахъ чинили своимъ офицерамъ остатки сапоговъ. При самомъ бѣдственномъ положеніи русскихъ войскъ, никогда не слышалось ни ропота, ни жалобъ. Невесело было на душѣ; подъ часъ ворчали солдаты на погоду, на горы, на голодъ, но унынія не знали; не заботились вовсе о томъ, что окружены непріятелемъ, не боялись нисколько встрѣчи съ Французами. Напротивъ того, Русскіе только и желали скорѣе сразиться съ противникомъ, чтобы выдти наконецъ изъ тяжкаго положенія. Въ успѣхѣ боя никто не сомнѣвался, несмотря на всю несоразмѣрность въ силахъ, несмотря на всѣ преимущества на сторонѣ непріятеля. Французы имѣли въ горной войнѣ гораздо болѣе навыка и сноровки, чѣмъ Русскіе; умѣли искусно пользоваться мѣстностію; стрѣляли мѣтко; имѣли хорошую артиллерію. За то Русскіе брали отвагою и штыками; вездѣ, гдѣ только могли, бросались прямо въ рукопашную схватку.

и на голодный желудокъ, молодецки расправлялись съ противникомъ. Самъ Суворовъ переносилъ съ изумительною твердостію всѣ труды физическіе и страданія нравственныя. То подъ дождемъ проливнымъ, то въ мятель и вьюгу, 70-лѣтній полководецъ ѣхалъ бодро на казачьей лошадкѣ, въ обыкновенной своей легкой одеждѣ. Можно представить себѣ, какъ должно было тревожить фельдмаршала опасное положеніе его арміи. По свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ его, были минуты, когда онъ даже отчаивался спасти свое войско; однакожъ и тутъ сохранялъ всю свою силу душевную и твердую рѣшимость спасти по крайней мѣрѣ честь русскаго оружія.—„Не дамъ костей своихъ врагамъ",—говорилъ онъ:—„умру здѣсь, и пусть на могилѣ моей будетъ надпись: Суворовъ, жертва измѣны, но не трусости"... Передъ войсками фельдмаршалъ старался неизмѣнно сохранять наружность спокойную. Въ числѣ весьма извѣстныхъ анекдотовъ о Суворовѣ, разсказываютъ, будто бы въ Муттенской долинѣ, находясь совершенно въ безвыходномъ положеніи, полководецъ нашъ, чтобы скрыть тревожное состояніе души своей, велѣлъ подать шкатулку, въ которой всегда возилъ онъ съ собою всѣ свои ордена и другіе знаки Монаршихъ милостей; медленно раскладывалъ предъ собою всѣ эти украшенія, любовался ими и приговаривалъ: „вотъ это за Очаковъ! это за Прагу!"... и такъ далѣе. Однажды на походѣ, когда колонна съ необыкновенными трудами пробиралась по недоступнымъ горамъ, солдаты, въ присутствіи самого Суворова, начали было ворчать: „Старикъ нашъ выжилъ изъ ума; Богъ вѣсть куда завелъ насъ!"... Слыша это собственными ушами, фельдмаршалъ обратился къ своей свитѣ и громко сказалъ: „Какъ они хвалятъ меня! Помилуй Богъ! такъ точно они хвалили въ Туречинѣ и Польшѣ". Въ другой разъ, также на походѣ, замѣтивъ, что солдаты выбились изъ силъ и начинали унывать, Суворовъ во всю силу затянулъ пѣсню: „Что̀ дѣвушкѣ сдѣлалось? что̀ красной случилось?"... Общій хохотъ раздался въ колоннѣ, и солдаты ободрились. На ночлегахъ и привалахъ Суворовъ иногда подходилъ къ солдатскому кружку, вмѣшивался въ разговоры, по обыкновенію шутилъ, смѣшилъ разными поговорками. Появленіе стараго вождя еще имѣло дивное вліяніе на войско. Суворовъ умѣлъ оживить его въ обстоятельствахъ самыхъ безотрадныхъ. Указывая впереди высокія горы или неприступную позицію непріятельскую, фельдмаршалъ только твердилъ о побѣдѣ, о славѣ, о милости царской; по прежнему называлъ солдатъ: „чудо-богатыри", „чада Павловы",—и по прежнему отвѣчали ему восторженные клики: „рады стараться, отецъ нашъ! веди, всюду пойдемъ за тобою!"...

Остальная часть IV тома посвящена послѣднимъ дѣйствіямъ русскихъ войскъ на театрѣ войны и удаленію Суворова съ этого театра. Главное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаютъ сношенія Россіи съ другими членами образовавшагося противъ Франціи союза. Читатели найдутъ здѣсь чрезвычайно много новаго и въ высокой степени занимательнаго. Мы укажемъ для примѣра на Сардинскія дѣла, въ которыхъ такъ рѣзко обнаружились съ одной стороны великодушная политика императора Павла, съ другой—корыстные виды тогдашняго австрійскаго правительства.

Въ V томѣ разсказана несчастная участь Англо-Русской экспедиціи въ Голландіи, гдѣ Германа постигла та же судьба, какую Корсаковъ испыталъ въ Швейцаріи. И въ этомъ случаѣ мы въ правѣ сказать, не навлекая на себя упрека въ патріотическомъ пристрастіи, что виною неудачи были отчасти слишкомъ медленныя дѣйствія нашихъ союзниковъ. Исторія этого похода, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ является на русскомъ языкѣ. Авторъ „Исторіи войны Россіи съ Франціею" представляетъ самый ясный и отчетливый выводъ изъ сочиненій иностранныхъ писателей, свѣренныхъ и дополненныхъ имъ при пособіи богатыхъ и еще неизданныхъ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Неудачная экспедиція не осталась однако безъ выгодъ для Англичанъ, которые овладѣли значительною частію Батавскаго флота. Чрезъ это они въ сущности достигли своей главной цѣли. Всѣ невыгоды и главный уронъ понесли Русскіе. Изъ 17,000 человѣкъ, отправленныхъ изъ Ревеля въ августѣ 1799 года, къ январю 1800 осталось на лицѣ только 10,539 человѣкъ, въ томъ числѣ 3,308 больныхъ. Весьма любопытенъ, по новости подробностей и ясному взгляду на цѣлое, разсказъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ Австрійцевъ противъ Французовъ въ Италіи и объ участіи, какое принимали въ этихъ дѣйствіяхъ русскія войска, находившіяся на эскадрѣ адмирала Ушакова. Особеннаго вниманія заслуживаетъ глава, въ которой разсказана осада Анконы. Едва ли гдѣ раскрылись такъ явно непріязненные намъ виды нашихъ союзниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ основанное на оффиціальныхъ актахъ изложеніе политическаго состоянія Европы въ промежуткѣ отъ конца кампаніи 1799 г. до возстановленія общаго мира въ 1801 году. Послѣдніе дни Суворова и его кончина описаны въ особой главѣ.

Къ сочиненію г. Милютина приложены многочисленные планы и карты, необходимые не для однихъ только военныхъ читателей. Изъ бѣглаго очерка, нами представленнаго, читатели могутъ составить себѣ понятіе о богатствѣ содержанія двухъ послѣднихъ томовъ сочиненія, которое, по всей вѣроятности, не замедлитъ обратить на себя вниманіе ученыхъ западной Европы. Автору можно спокойно ждать ихъ приговора, ибо онъ является передъ ними съ трудомъ новымъ и оригинальнымъ, значительно раздвигающимъ кругъ нашихъ знаній о великихъ событіяхъ, происходившихъ въ Европѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Исправляя ошибочныя мнѣнія, пущенныя въ ходъ иностранными писателями, вслѣдствіе явнаго недоброжелательства къ Россіи или по невѣдѣнію, полковникъ Милютинъ сохраняетъ вездѣ высокое безпристрастіе, воздающее по заслугамъ и врагамъ и союзникамъ. Книга его можетъ вызвать возраженія, но никто не станетъ у ней оспаривать значенія первоклассnúmero историческаго труда.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ *).

Въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1847 года напечатана статья г. Хомякова „О возможности Русской художественной школы“. Оставляя другимъ разборъ самой статьи, замѣчательной именемъ автора и странностію, не впервые, впрочемъ, высказанныхъ мнѣній, я считаю нужнымъ обратить вниманіе читателей только на выноску, находящуюся на стр. 327—28. Дѣло идетъ о критикѣ изданнаго покойнымъ Валуевымъ „Сборника Историческихъ и Статистическихъ Свѣдѣній“, напечатанной въ іюльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ прошлаго года. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ читателей еще памятно содержаніе этой статьи, которой нельзя не отнести къ числу замѣчательныхъ явленій нашей журнальной литературы. Прекрасныя особенности изложенія и взгляда даютъ право узнать въ безъименномъ рецензентѣ молодаго ученаго, уже извѣстнаго дѣльными изслѣдованіями по исторіи русскаго права и древней Руси вообще. Но критика „Отечественныхъ Записокъ“ не понравилась г. Хомякову. Приводимъ его приговоръ вполнѣ: „Этотъ рецензентъ, повидимому, очень добродушно увѣряетъ меня, что Гунны не могли подвинуть Бургундовъ на западъ, потому-де, что Бургунды жили давно уже на Рейнѣ. Ему неизвѣстно, что въ началѣ V вѣка часть Бургундовъ жила еще на верховьяхъ Дуная у Римскаго вала и что отдѣленіе Бургундовъ при-Балтійскихъ было увлечено общимъ движеніемъ племенъ даже въ Гишпанію. Ему также, повидимому, совсѣмъ неизвѣстны критическіе труды Нѣмцевъ объ сагахъ и старыхъ пѣсняхъ Германіи. Тамъ могъ бы онъ сколько-нибудь узнать про отношенія Гунновъ къ Бургундамъ. Рецензентъ увѣряетъ публику, что я подшучиваю надъ нею, говоря о развратѣ Франковъ: видно, онъ много читалъ писателей IV и V столѣтій. Чтò сказать о такой учености? мой деревенскій сосѣдъ называетъ ее первоклассной въ такомъ смыслѣ, что она годна только для 1-го класса гимназіи, а и такіе рецензенты ратуютъ за просвѣщеніе на западный ладъ! Впрочемъ, можетъ быть, г. критикъ пожелаетъ когда-нибудь узнать что-нибудь о тѣхъ вещахъ, о которыхъ онъ писалъ, ничего объ нихъ не зная: напримѣръ, что-нибудь объ исторіи Бургундовъ, о томъ, какъ они сражались съ Гепидами на нижнемъ Дунаѣ, какъ бѣжали на Западъ и поселились около

*) Помѣщено въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1847 г., томъ LI, кн. 4, Смѣсь.

верховьевъ Майна, гдѣ жили при Валентиніанѣ; какъ потомъ въ началѣ VI вѣка (!!!) подались на самые берега Рейна вслѣдъ за народами, бѣгущими отъ Гунновъ (Аланами, Свевами, Вандалами); какъ потомъ были на берегахъ Рейна разбиты Гуннами и, потерявъ царя своего Гундихара, бѣжали подъ предводительствомъ новаго царя Гундіоха (отца Гундебальдова) на Юго-Западъ, прося убѣжища и покровительства у Римлянъ, и пр. и пр. На этотъ случай я могу рекомендовать ему на память (такъ какъ книгъ при мнѣ нѣтъ) Тюрка: Розыски въ области исторіи, тетрадь 2; Цейсса: Нѣмцы, и Миллера: Нѣмецкія племена и ихъ князья. Со временемъ можно будетъ дойти и до древнихъ памятниковъ, западныхъ или Византійскихъ. Полагая, что я такимъ образомъ уже получилъ нѣкоторыя права на благодарность моего рецензента, осмѣливаюсь прибавить маленькій совѣтъ. Если онъ когда-нибудь вздумаетъ опять на меня нападать, ему выгоднѣе будетъ стрѣлять въ меня изъ непроходимой чащи пустыхъ словъ и теорій, чѣмъ отважиться на открытое поле историческихъ фактовъ".

Можно позволить себѣ надежду, что въ будущей наукѣ, которую намъ обѣщаетъ г. Хомяковъ, критика будетъ говорить съ бо́льшимъ смиреніемъ и съ ме́ньшею заносчивостью. Гордость—порокъ западный... Но обратимся къ содержанію и разсмотримъ порознь обвиненія г. Хомякова.

Во-первыхъ, Бургунды, въ которыхъ принимаетъ такое теплое участіе авторъ статьи „О возможности Русской художественной школы", жили въ началѣ V вѣка *не на Дунаѣ*, а *на Майнѣ*, откуда еще въ исходѣ III вѣка они дѣлали набѣги на Галлію (см. Панегирикъ Мамертина императору Максиміану, 1. 5). Во второй половинѣ IV-го столѣтія, здѣсь имѣли съ ними дѣло Юліанъ и Валентиніанъ I-й, что извѣстно и г. Хомякову (см. Амміана Марцеллина 18, 2; 28, 5). Въ 412 году они заняли Майнцъ, а въ слѣдующемъ году часть Прирейнской Галліи (см. Хронику Проспера Аквитанскаго ad an 413: Burgundiones partem Galliae propinquantem Rheno obtinuerunt). То же самое и почти тѣми же словами въ лѣтописи Кассіодора подъ тѣмъ же годомъ. Но гдѣ свидѣтельство о части Бургундовъ, жившей будто бы на Дунаѣ? Гдѣ вычиталъ г. Хомяковъ, что отдѣленіе *при-Балтійскихъ* Бургундовъ было увлечено даже въ Испанію? Орозій говоритъ, конечно, о Стиликонѣ, что онъ: Alanorum, Suevorum, Vandalorum (gentes) ipsoque simul motu impulsorum Burgundionum... suscitavit (7, 38). Но дѣло идетъ очевидно о тѣхъ Бургундахъ, которые давно жили у Римскаго вала и при этомъ случаѣ принуждены были податься передъ массою племенъ, шедшихъ на Западъ. Какъ ни великъ авторитетъ г. Хомякова, мы осмѣлимся ему противопоставить тѣхъ самыхъ писателей, на которыхъ онъ такъ гордо указалъ своему противнику (см. Цейса, стр. 468, и Ферд. Мюллера, т. I, стр. 339—40). Они говорятъ совсѣмъ не то, что́ г. Хомяковъ. Тюрка у меня нѣтъ, но по ссылкамъ на него у Мюллера можно заключить, что и онъ ненадежный союзникъ нашему ученому. Къ нѣмецкимъ изслѣдованіямъ прибавимъ славянское свидѣтельство Шафарика, которому, кажется, можно повѣрить. Вотъ его слова: „Съ этого времени (съ 277 года) имя Бургундовъ не упоминается ни на Одерѣ, ни на Дунаѣ, но тѣмъ чаще встрѣчаемъ его

у Некара, а съ 407 года въ Галліи. Откуда же они пришли къ Аллеманамъ, а потомъ въ Галлію, прямо ли изъ древнихъ жилищъ своихъ на Вартѣ, или съ Дуная — это загадка, которой рѣшеніе я предоставляю другимъ". (Slow. Starožitnosti, стран. 341). Г. Хомяковъ смѣлѣе Шафарика: подобно древнему Эдипу, онъ рѣшаетъ всѣ загадки. Но извѣстно ли ему, что многіе ученые сомнѣваются даже въ тожествѣ сѣверныхъ и южныхъ Бургундовъ?...

Обвиненіе рецензента „Отеч. Записокъ" въ незнаніи критическихъ трудовъ о сагахъ и пѣсняхъ нѣмецкихъ едва-ли у мѣста. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о циклѣ Нибелунговъ. Но вопросъ объ отношеніи этихъ пѣсенъ къ исторіи, объ ихъ историческомъ содержаніи, не рѣшенъ величайшими учеными Германіи. Ссылаюсь на Deutsche Heldensage Вильгельма Гримма, въ особенности на стр. 13 и 70, потомъ на труды Лахмана. Впрочемъ, жаль, что г. Хомяковъ не заглянулъ самъ въ пѣсни Нибелунговъ. Онъ нашелъ бы въ самомъ началѣ, т. е. въ первомъ стихѣ 6-й строфы, что бургундскіе куниги жили: Ze Wormze bî dem Rine, т. е. въ Вормсѣ на Рейнѣ. Предоставляя рецензенту „Отеч. Записокъ" лично отстаивать свое дѣло, не могу, однако, не замѣтить, что даже при такомъ глубокомъ знаніи исторіи Бургундіи, какое обнаружилъ г. Хомяковъ, рецензентъ имѣлъ бы полное право не говорить о томъ, какъ Бургунды сражались съ Гепидами, потому что у него была въ виду не исторія этого племени, а разборъ семи страницъ, написанныхъ de rebus omnibus et quibusdam aliis (обо всемъ, да еще кое-о-чемъ). Да и что̀ сказать о войнахъ Гепидовъ съ Бургундами, когда единственное свидѣтельство объ этомъ находится у Іорнанда (гл. 17) и состоитъ только изъ слѣдующихъ словъ: „Gepidarum rex Fastida... Burgundiones paene usque ad internecionem delevit". Можно подумать, что ученый авторъ не читалъ или забылъ эти мѣста! Далѣе, онъ сообщаетъ читателямъ, что Бургунды въ началѣ VI вѣка явились на Рейнѣ съ другими народами, бѣжавшими отъ Гунновъ, что потомъ были сами разбиты Гуннами и ушли на Юго-Западъ, прося убѣжища у Римлянъ. Здѣсь странно смѣшаны и годы, или, лучше сказать, столѣтія, и факты. Мы уже видѣли, когда именно Бургунды перешли за Рейнъ; въ 435 — 36 они потерпѣли сильное пораженіе отъ римскаго полководца Аэція, котораго войско преимущественно состояло изъ наемныхъ Гунновъ, а въ 443 году получили отъ императора земли, лежащія на западномъ склонѣ Альповъ. Sapandia Burgundionum reliquiis datur... (Tironis Chronic. ad an. 443. Ср. Цейса, стр. 470). Эти мѣста остались за ними и послѣ роковаго для нихъ нашествія Аттилы, до самаго конца политическаго существованія Бургундскаго государства: слѣдовательно, они не бѣжали на Юго-Западъ. Въ эпоху разложенія имперіи, они присвоили себѣ силою Римскую Долину. Теперь предложимъ иной вопросъ: ка̀къ могли Гунны разбить Бургундовъ въ VI вѣкѣ, когда съ половины V-го, т. е. по смерти Аттилы и междоусобій его сыновей, нѣтъ болѣе Гунскаго царства?— На кого же падетъ упрекъ въ незнаніи? Кому слѣдуетъ учиться? Здѣсь дѣло идетъ уже не о Византійскихъ или западныхъ источникахъ, которые г. Хомяковъ обѣщаетъ со временемъ показать

своему критику, а о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя можно почерпнуть изъ книгъ покойнаго профессора Кайданова...

Во-вторыхъ, писатели IV и V столѣтій не много сообщили бы рецензенту „Отеч. Записокъ“ извѣстій о развратѣ Франковъ, за который такъ упорно держится г. Хомяковъ. Эти писатели весьма бѣдны свѣдѣніями о внутреннемъ бытѣ франкскаго племени. Григорій-Турскій, Прокопій, другіе важные источники въ этомъ отношеніи — всѣ принадлежатъ къ VI вѣку... Трудно, впрочемъ, понять такое озлобленіе противъ цѣлыхъ племенъ. Найдется ли хотя одинъ народъ, который въ продолженіе своего историческаго существованія былъ постоянно нравственъ или порочен? У каждаго есть свой характеръ, своя духовная особенность, которая никогда не стирается; но развратъ народный есть всегда слѣдствіе данныхъ временемъ обстоятельствъ, преходящихъ вліяній, и потому самъ бываетъ преходящимъ явленіемъ, не болѣе.

Зачѣмъ же было подымать такой громкій кличъ? Къ чему было пугать робкихъ своею силою *на открытомъ полѣ историческихъ фактовъ?* Это поле скользкое, и какъ ни крѣпокъ на ногахъ авторъ статьи „Московскаго Сборника“, онъ можетъ оступиться.

У г. Хомякова есть безусловные противники. Согласиться съ ними невозможно. Его обширной образованности, его многостороннимъ дарованіямъ нельзя отказать въ признаніи. Но, являясь органомъ новаго мнѣнія въ обществѣ, новой школы въ наукѣ, осуждая такъ строго ограниченность западной мысли и поверхностность согласившихся съ нею въ Россіи, онъ долженъ былъ поддержать достоинство своихъ убѣжденій уваженіемъ къ истинѣ и добросовѣстностью трудовъ. Русской, да и всякой другой публикѣ мало дѣла до Бургундовъ; она никого не обязываетъ говорить ей объ ихъ исторіи, но никому не дастъ права себя морочить. Вопросъ этотъ касается собственно до однихъ ученыхъ въ узкомъ смыслѣ слова; онъ требуетъ мелкихъ розысканій, справокъ и т. д.—а г. Хомяковъ перенесъ его въ сферу легкой литературы! Вмѣсто дѣльныхъ опроверженій, онъ бросилъ въ своего рецензента нѣсколько колкостей, подкрѣпивъ ихъ, по ученой привычкѣ, ссылками на три книги, которыхъ, по собственнымъ словамъ, у него не было подъ рукою, да на деревенскаго сосѣда, своеобразно раздѣляющаго ученость на классы. Неужели новая наука, во имя которой говорятъ г. Хомяковъ и другіе, раздѣляющіе его образъ мыслей, останется при такихъ начаткахъ? Обѣщанія ея мы слышали давно, такъ давно, что они перестали для насъ быть надеждами и превратились въ воспоминанія. Гдѣ жъ исполненія? гдѣ великіе, на почвѣ исключительной національности совершенные труды, предъ которыми могли бы сознать свое заблужденіе люди, такъ же глубоко любящіе Россію и, слѣдовательно, дорожащіе самостоятельностью русской мысли, но не ставящіе ее во враждебную противоположность съ общечеловѣческою и не приписывающіе ей особенныхъ законовъ развитія? Изъ всѣхъ свойствъ молодости, новая наука обнаружила, преимущественно чрезъ г. Хомякова, одну только самонадѣянность. Во всѣхъ остальныхъ она дѣйствуетъ осторожно, довольствуется общими формулами, неохотно

вдается въ опасность частныхъ розъисканій и рѣдко выходитъ на открытое поле историческихъ фактовъ, на которыхъ, до сихъ поръ, — употребимъ выраженіе Великаго Петра, — она „въ авантажѣ не обрѣталась“.

Москва.
25 марта, 1847.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА СТАТЬЮ Г. ГРАНОВСКАГО *).

Въ статьѣ, служащей введеніемъ къ Сборнику Историческихъ и Статистическихъ Свѣдѣній, изданному покойнымъ Волуевымъ, я назвалъ Бургундовъ въ числѣ народовъ, брошенныхъ на Западъ великою бурею гуннскаго нашествія. Безъименный критикъ въ Отечественныхъ Запискахъ объявилъ съ добродушною насмѣшкою, что я ошибся, потому-де, что Бургунды уже жили издавна (значитъ до гунской эпохи) на берегахъ Рейна. Такое странное возраженіе заставило меня оподозрить критика въ совершенномъ незнаніи дѣла, о которомъ онъ писалъ. Теперь въ Отечественныхъ Запискахъ явилось письмо, подписанное г-мъ Грановскимъ съ доказательствами въ пользу моего критика и, я прибавилъ бы, противъ меня, да нельзя потому, что онъ дѣйствительно противъ моего короткаго разсказа объ исторіи Бургундовъ не сказалъ ни полслова.

Первый и главный вопросъ: было ли движеніе Бургундовъ изъ Германіи въ область, получившую отъ нихъ свое имя, слѣдствіемъ гуннскаго нашествія? Отвѣтъ будетъ ясенъ изъ всего хода происшествій тогдашняго времени.

Я сказалъ утвердительно, что Бургунды (также какъ Аланы, Вандалы, Готы и проч.) были отодвинуты на Западъ натискомъ Гунновъ. Сказалъ ли г-нъ Грановскій противное? Нѣтъ: онъ, кажется, этого и не думаетъ. Миллеръ, съ которымъ онъ справлялся, говоритъ ясно объ ихъ послѣднемъ переселеніи: „Die neuen durch die Hunnen veranlassten Völkerbewegungen führten die Burgunder ihrer spätern Heimath zu“. Ни одинъ добросовѣстный ученый въ Германіи не сомнѣвается въ этой истинѣ, и дѣйствительно, утверждать независимость бургундскаго переселенія отъ гунскаго натиска было бы такъ-же разумно, какъ считать походъ баварскаго корпуса въ Россію въ 1812 году независимымъ отъ похода Наполеонова. За то г-нъ Грановскій и не говоритъ этого! онъ просто ведетъ мелкую войну безъ всякой цѣли.

Онъ замѣтилъ, напримѣръ, что у меня нашествіе Гунновъ на Галлію помѣщено въ VI вѣкѣ, а оно было въ V-мъ. Въ этомъ онъ правъ. Онъ еще замѣтилъ, что Бургунды жили на нижнемъ Дунаѣ не въ V-мъ вѣкѣ, какъ у меня напечатано, а въ III-мъ; ибо въ IV-мъ они уже жили на верховьяхъ Майна, куда Валентиніанъ посылалъ къ нимъ пословъ, что̀ и я сказалъ въ примѣчаніи своемъ. Кажется, уже изъ моихъ словъ можно было догадаться, что въ

*) Для полнаго уясненія полемики, начатой въ предъидущей статьѣ, здѣсь помѣщаются, съ согласія почтеннаго А. С. Хомякова, оба его возраженія Т. Н. Грановскому. *Ред. Перваго изданія.* Возраженія эти были напечатаны въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“, 1847 г., №№ 86 и 97.

означении столѣтій вкралась опечатка, потому что трудно вообразить, чтобы я сказалъ: „Бургунды бѣжали въ V вѣкѣ съ низовьевъ Дуная къ верховьямъ Майна, гдѣ и жили при Валентиніанѣ въ IV-мъ“. Также нѣсколько трудно повѣрить, чтобы я дѣйствительно полагалъ нашествіе Гунновъ на Галлію въ VI вѣкѣ. Вѣроятно, въ книгахъ, которыя дали мнѣ имена царей и подробности объ исторіи сравнительно незначительнаго племени Бургундовъ, были и кое-какія хронологическія показанія. Съ своей стороны я могу сказать, что если бы мнѣ встрѣтились такія двѣ ошибки въ статьѣ г-на Грановскаго, я догадался бы, что это опечатки. А кто знаетъ? если бы я взялся защищать неправое дѣло, и я бы впалъ, можетъ быть, въ искушеніе. Человѣкъ слабъ *). Впрочемъ, будь это ошибки или опечатки, такъ какъ онѣ нисколько не измѣняютъ отношеній Бургундовъ къ Гуннамъ, можно ихъ оставить въ сторонѣ и перейти къ другимъ нападеніямъ г-на Грановскаго. По случаю войны Гепидовъ съ Бургундами на Дунаѣ, онъ говоритъ, что единственное свидѣтельство объ ней находится въ Іорнандѣ: онъ могъ бы прибавить, что это свидѣтельство подтверждается словами древнѣйшаго свидѣтеля и современника, Мамертина: Gothi Burgundios penitus exscindunt, гдѣ общее имя Готѳовъ замѣняетъ частное имя Гепидовъ; да что жъ изъ этого? менѣе ли вѣренъ былъ бы мой разсказъ, если бъ Іорнандъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ?—Еще замѣчаетъ г-нъ Грановскій, что я напрасно привожу Нибелунги, потому что въ нихъ обозначено уже житье Бургундовъ на Рейнѣ. Правда; но изъ этого слѣдуетъ ли, чтобы въ нихъ не было упомянуто объ ударѣ, который былъ нанесенъ Гуннами и отбросилъ Бургундовъ съ береговъ средняго Рейна на Юго-Западъ? А въ этомъ все дѣло. Къ тому жъ я прибавлю, что, кромѣ Нибелунговъ, были мѣстныя преданія о гибели Бургундовъ въ Вормсѣ и отдѣльныя саги (каковы: Вольсунга сага или Вилькина сага и другія), принадлежащія къ циклу Нибелунговъ, но не входящія въ составъ поэмы. Эти саги собраны и отчасти разобраны учеными нѣмцами, и слѣд. я имѣлъ право упомянуть объ нихъ отдѣльно отъ самой пѣсни Нибелунговъ **). Наконецъ г-нъ Грановскій упоминаетъ еще о сомнѣніи нашего Шаффарика, на счетъ пути, по которому Бургунды пришли на верховья Майна съ береговъ Бальтики, и о томъ, что есть даже ученые Нѣмцы, которые сомнѣваются въ тождествѣ сѣверныхъ и южныхъ Бургундовъ, что совсѣмъ къ дѣлу не идетъ, и только.

Постараемся разсмотрѣть вкратцѣ исторію Бургундовъ, и тогда дѣло будетъ яснѣе.

Въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. является имя Бургундовъ на Сѣверо-Востокѣ Германіи, рядомъ съ именами племенъ готѳскихъ и отчасти свевскихъ. Оно, очевидно, принадлежало семьѣ или дружинѣ довольно значительной: ибо оставило слѣды до нашего времени (островъ Борнгольмъ). Въ III вѣкѣ уже помина объ немъ нѣтъ на Сѣверѣ, но за то оно является на берегахъ Чернаго моря и при низовьяхъ Дуная ***). Само по себѣ, такое перемѣщеніе имени указы-

*) Въ Московскомъ же Сборникѣ, въ статьѣ г. Ригельмана, сказано: что Славяне извѣстны Исторіи въ теченіе 150 вѣковъ (вмѣсто 15-ти). Прошу г-дъ критиковъ обратить вниманіе на такую страшную ошибку.

**) Замѣчательно, что изъ нихъ нѣкоторыя были извѣстны изстари въ Новгородѣ: объ Дитрихѣ Бернскомъ упоминается въ Новгородской лѣтописи. Не знаю, было ли это до сихъ поръ замѣчено.

***) Многіе писатели даютъ имъ настоящее имя ихъ. Зосимъ называетъ ихъ Уру-

вало бы съ большою вѣроятностію на перемѣщеніе самой дружины или, по крайней мѣрѣ, значительной части этой дружины; но вѣроятность обращается въ доказательство неоспоримое тѣмъ обстоятельствомъ, что имя Бургундовъ подвигается на Юго-Западъ не одно, а вмѣстѣ съ именами почти всѣхъ племенъ при-Балтійскихъ, или сѣверовосточной Германіи, т. е. Вандаловъ, Готѳовъ и Свевовъ. Для разумной критики историческій фактъ переселенія не подлежитъ сомнѣнію. Бургунды въ эту эпоху повинуются общему закону движенія свево-готѳскихъ семей на Востокъ и Юго-Востокъ. Во 2-й половинѣ 3-го вѣка (около 270 г.), вслѣдствіе одного изъ тѣхъ междоусобій, которыми волновалась вся эта масса завоевательныхъ дружинъ, Бургунды, на голову разбитые Гепидами, изчезаютъ съ низовьевъ Дуная и являются (около 275 годовъ) на верховьяхъ Майна, въ сосѣдствѣ Алеманновъ. Внѣшними доказательствами тождества при-Майнскихъ Бургундовъ съ при-Евксинскими (тѣми же при-Балтійскими) служатъ: 1) тождество имени, 2) синхронизмъ исчезанія этого имени въ одной мѣстности и появленія его въ другой и 3) неоспоримое свидѣтельство Мамертина, сказавшаго: Готѳы уничтожаютъ Бургундовъ; за Бургундовъ вступаются Алеманны (Rursum pro victis armantur Alamanni). Къ внѣшнимъ доказательствамъ, которыя сами по себѣ неоспоримы, присоединяется внутреннее: сродство нравовъ и обычаевъ между Готѳами и исторически извѣстными Бургундами. Это сродство, непримиримое съ предположеніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ о туземности Бургундовъ въ при-Майнской области, признано всѣми истинно добросовѣстными критиками, и можетъ быть еще доказано двумя обстоятельствами, слишкомъ мало замѣченными: 1-е то, что истинный циклъ Нибелунговъ принадлежитъ вполнѣ свево-готѳскимъ семьямъ и нисколько не принимаетъ въ себя иноплеменныхъ (напр. Алеманновъ, или Франковъ, или Саксовъ), а въ немъ главное мѣсто занимаютъ Бургунды; 2-е обстоятельство то, что Бургунды (по свидѣтельству Григорія Турскаго и другихъ) отчасти приняли аріанство, принесенное Готѳами съ Востока: — это явленіе, непонятное въ Западной Европѣ, объясняется только племеннымъ сродствомъ по одному изъ законовъ здравой критики, прекрасно изложенному нашимъ покойнымъ Венелинымъ. Итакъ тождество при-Дунайскихъ и при-Майнскихъ Бургундовъ есть опять фактъ несомнѣнный. Былъ ли сверхъ того новый приливъ остатковъ бургундской дружины съ береговъ Одера и Варты, на это нѣтъ достаточнаго указанія: приняли ли Бургунды въ себя примѣсь туземную, т. е. романизированныхъ Германцевъ при-Майнскихъ,—это болѣе чѣмъ вѣроятно не только по сказаніямъ современниковъ, но и по промышленному и ремесленному характеру, отличавшему Бургундовъ въ первое время ихъ жительства въ Галліи. Впрочемъ, это дѣло постороннее *). Болѣе ста лѣтъ жили Бургунды на верховьяхъ Майна, зани-

---

гундами, очевидно тоже, что Бургунды. Это, кромѣ вѣроятности внѣшней, подтверждается тѣмъ внутреннимъ доказательствомъ, что о Бургундахъ упоминается какъ о морякахъ, слѣд. издавна приморскихъ жителяхъ.

*) Мнѣ кажется, эта эпоха исторіи Бургундовъ и отношенія ихъ къ Алеманнамъ объясняются слѣдующимъ образомъ: Алеманны, заносвавъ часть Ретіи и области, прилегавшія къ Римскому валу, приняли въ себя сильную примѣсь Римлянъ и романизированныхъ Германцевъ и Ретійцевъ (оттого множество латинскихъ именъ у этого дикаго народа). Когда же Алеманны дали убѣжище Бургундамъ, бѣгущимъ отъ Гепидовъ, полу-римская стихія отдѣлилась отъ свирѣпыхъ Алеманновъ и присоединилась къ болѣе кроткимъ Готѳамъ-Бургундамъ. При таковъ предположеніи понятны усиленіе Бур-

маясь хлѣбопашествомъ, ссорясь иногда съ сосѣдями, но не порываясь пробиться ни черезъ римскую границу на Югъ, ни черезъ сплошное населеніе Франковъ и Алеманновъ на Западъ. Такъ проходитъ все 4-е столѣтіе. Между тѣмъ море гунискаго царства разливается все шире и шире на Востокѣ Европы, гоня передъ собою или поглощая Германцевъ. Бѣглые Германцы, лишенные жилищъ и рабовъ (которые имъ были едва ли не нужнѣе самыхъ жилищъ), сперва просятъ униженно убѣжища въ Имперіи, потомъ идутъ на нее войною. Двѣ ужасныя бури готовятся на Римъ: одна—бѣглые Вестготы, подъ предводительствомъ Алариха; другая—смѣсь разныхъ бѣглецовъ: Вандаловъ, Свевовъ, Алановъ (не германскихъ) и множество другихъ подъ начальствомъ Радагайса. Все это очевидно въ прямой зависимости отъ Гунновъ. Около того же времени переходятъ Бургунды на Рейнъ. Былъ ли этотъ переходъ независимъ отъ перемѣнъ въ восточной Европѣ? Должно замѣтить, что немедленно послѣ гунской эпохи верховья Майна и области на Сѣверъ и на Югъ отъ нихъ представляются уже жилищемъ Тюринговъ, подручниковъ гуннскихъ въ Тюрингіи, Словянъ-союзниковъ и несомнѣнно братьевъ Гунновъ на Редницѣ (см. Миллера, Нѣмецкія племена, томъ I, стр. 401 и 402), а на Югѣ покорныхъ Гуннамъ Свевовъ и вскорѣ потомъ Байеровъ, въ которыхъ еще недавно Нейманъ призналъ при-Днѣпровскихъ Баирковъ, также гуннскихъ подручниковъ. Въ этомъ переселеніи ясно видна причина бѣгства Бургундовъ на западъ къ Рейну; но положимъ, что одинъ изъ моихъ критиковъ не зналъ этого, а другой не замѣтилъ. Какой же былъ поводъ къ переселенію Бургундовъ на Западъ отъ верховьевъ Майна къ среднему Рейну? Буря бѣглецовъ, собравшихся въ Германіи подъ предводительствомъ Радагайса, готова была обрушиться на Италію. Стиликонъ призвалъ на помощь Гунновъ: они явились съ князькомъ своимъ Ульдиномъ. Радагайсъ погибъ, и его сподвижники, уже разъ выгнанные Гуннами изъ родины и ими же отогнанные отъ Италіи, побѣжали искать жилищъ на Западѣ за Рейномъ. Они-то (Свевы, Вандалы, Аланы и друг.) увлекли съ собою Бургундовъ; они-то пробили не безъ великихъ усилій франко-алеманнскую преграду, непреодолимую для Бургундовъ, и привели невольныхъ переселенцевъ (около 412 г.) на берега Рейна и устья Майна. Итакъ, Бургунды удалялись вмѣстѣ съ народами, бѣгущими отъ Гунновъ, а мѣсто ихъ занимали подручники и союзники Гунновъ. Было ли это переселеніе Бургундовъ на Западъ независимо отъ Гунновъ? Кажется, тутъ сомнѣніе невозможно. Посмотримъ далѣе. Бургунды поселились на среднемъ Рейнѣ, по обоимъ берегамъ его и около устьевъ Майна (см. Миллера, т. I, стр. 340). Оттуда въ 435 году пытались они прорваться въ Сѣверо-Восточную Галлію, но были разбиты на голову Аэціемъ и его наемными Гуннами; потомъ часть ихъ попросила жилищъ у Римлянъ и была принята въ видѣ данниковъ въ при-альпійскую Сабодію (теперешнюю Савою: у г-на Грановскаго, по опечаткѣ, Сабандія), но масса народа оставалась на Рейнѣ и Майнѣ и дождалась Аттилы. Гроза германскаго міра налетѣла на нихъ въ 450 или 51 году и сокрушила ихъ силу. Съ тѣхъ поръ нѣтъ уже ихъ ни на

гундовъ, раздоры ихъ съ Алеманнами, не-готская и даже не-германская примѣсь въ племени готскомъ; напр. имя жрецовъ *Синистенъ*, котораго корень не похожъ на тевтонскій и едва ли не въ сродствѣ съ словомъ *Senis*, или *Senex*, и *Гендимосъ*, король, которое также едва ли германское слово, и многое другое. Впрочемъ, это только догадка, которую считаю вѣроятною.

устьяхъ Майна, ни на среднемъ Рейнѣ: они уже живутъ въ долинѣ Роны, какъ подручники Рима, и даже до береговъ Луары (около Ниверпума). Бѣжали ли Бургунды на Юго-Западъ отъ Гунновъ? просили ли они убѣжища у Римлянъ, къ которымъ они поступили въ подручники? или все это движеніе на Западъ, отъ верховьевъ Майна до Роны и Луары, было дѣйствіемъ собственнаго желанія? Дѣло слишкомъ ясно не только для меня и для читателей, но даже и для моихъ критиковъ. Первый мой критикъ далъ промахъ: въ этомъ промахѣ можно было предположить или незнаніе, или недобросовѣстную придирку. Я предположилъ незнаніе по тону его статьи: онъ не похожъ на тотъ тонъ, которымъ ученые говорятъ о другихъ людяхъ, добросовѣстно трудящихся для науки.

Перейдемъ къ другому вопросу. Въ своей статьѣ я назвалъ Франковъ развратнымъ племенемъ. Критикъ Отеч. Записокъ объявилъ это шуткой надъ публикой. Въ томъ же примѣчаніи, въ которомъ я указалъ на его незнаніе исторіи Бургундовъ, я прибавилъ, что ему видно неизвѣстны свидѣтельства о Франкахъ писателей 4-го и 5-го вѣка. И за это нападаетъ на меня г-нъ Грановскій. „Объ этомъ развратѣ едва-ли что-нибудь можно найти въ писателяхъ того времени“, говоритъ онъ. Я съ своей стороны ему скажу, что едва-ли онъ найдетъ хоть одного писателя, на котораго не могъ бы я сослаться. Франковъ, когда не говорятъ собственно объ ихъ мужествѣ и не называютъ „praeter ceteros truces“ или „omnium in bello ferocissimi“, что можно считать за похвалу, постоянно называютъ „genus mendax et dolosum“, или „gens perfidissima“, или „gens perjura“ (въ Панегирикѣ Анонима Константину), „fallax Francia“ (Клавдіанъ, Пан. Гонорію) или „gens infidelis“, „homines mendaces“ (Сальвіанъ). Объ нихъ говоритъ тотъ же Сальвіанъ: „Какъ попрекнешь ты Франка въ клятвопреступленіи, когда ему оно кажется не видомъ преступленія, а только оборотомъ рѣчи“. Объ нихъ Вопискъ: „Франки его (т. е. Боноза) призвали, Франки же и предали; ибо у нихъ обычай давать обѣщаніе, а потомъ нарушать обѣщаніе, а потомъ смѣяться надъ нимъ“. Объ нихъ же другіе современники, которыхъ у меня теперь подъ рукою нѣтъ: „Франкъ любитъ давать клятву, потому что находитъ наслажденіе въ ея нарушеніи“, или хваля ихъ гостепріимство, такъ же какъ Сальвіанъ: „Франки гостепріимны, хотя никакой другой человѣческой добродѣтели не имѣютъ“. Не явныя ли это свидѣтельства въ глубочайшемъ нравственномъ развратѣ народа? Я бы могъ привести еще десятки другихъ цитатовъ, но убѣжденъ, что г-нъ Грановскій знаетъ ихъ не хуже моего, и не хочу, чтобы читатели мои усомнились въ этомъ убѣжденіи. Нельзя сказать, чтобъ тутъ выразилась особенная вражда римскихъ писателей; ибо Имперія страдала отъ многихъ народовъ болѣе, чѣмъ отъ Франковъ (напр. отъ Готѳовъ, Вандаловъ или Гунновъ), а ихъ хвалятъ, и не рѣдко. Довольно только вспомнить, какъ часто встрѣчаются похвалы честности и правдолюбію страшнѣйшимъ бичамъ Имперіи—Гуннамъ, Аварамъ и Славянамъ. Нельзя также сказать, чтобы выраженія о Франкахъ были пустыя фразы риторовъ. Ужасы эпохи Меровейской, извѣстные всѣмъ, и о которыхъ Миллеръ (т. 2, стр. 9) говоритъ, что едва ли имъ найдутся подобные въ исторіи человѣческой, доказываютъ слишкомъ явно справедливость приведенной мною характеристики. Мнѣ кажется, лучше и полезнѣе было бы отыскать причину историческаго факта (что я и постарался сдѣлать въ статьѣ, поднявшей споръ, хоть г-ну Грановскому и не угодно было обратить на это вниманіе), чѣмъ опровергать

неоспоримую истину и даже украшать это безполезное опровержение красивыми фразами, общими мѣстами дурнопонятаго гуманизма, которыя не помѣшают исторiи признать развращеннымъ народъ развращенный, точно такъ же, какъ географъ называетъ людоѣдами народъ, который ѣстъ человѣческое мясо.

Итакъ, кажется, я могу сказать безъ самоувѣренности и безъ гордости, что поле факта историческаго осталось за мною, или, по словамъ г-на Грановскаго, за новою наукою; но между нами я могу также сказать со всевозможнымъ смиренiемъ, что эта новая наука очень похожа на старую, только нѣсколько забытую своими защитниками.

Впрочемъ, такъ какъ я всегда готовъ отдавать справедливость г-ну Грановскому, я считаю себя въ правѣ прибавить, что его статья (за исключенiемъ содержанiя, а отчасти и направленiя) все-таки служитъ украшенiемъ Отечествен. Записокъ. Онъ замѣчаетъ очень справедливо двѣ опечатки въ хронологiи и очень искусно нападаетъ на нихъ, какъ на ошибки, въ чемъ я готовъ ему уступить; онъ шутитъ очень остроумно надъ равнодушiемъ публики къ спорному вопросу, надъ новою наукою, которая, разумѣется, не равнодушна ни къ какому вопросу; надъ тѣмъ, что эта наука, по извѣстному слову, „обрѣтается не въ авантажѣ", хоть, разумѣется, не на сей разъ и проч. и проч. Вся статья можетъ быть прочтена съ удовольствiемъ.

ОТВѢТЪ Г-НУ ХОМЯКОВУ *).

Въ письмѣ изъ Москвы, помѣщенномъ мною въ послѣдней книжкѣ Отечеств. Записокъ, сказано между прочимъ, что г. Хомяковъ напрасно переноситъ въ область легкой литературы вопросы, исключительно принадлежащiе наукѣ. Прочитавъ въ 86 № Московскаго Городскаго Листка отвѣтъ на мою статью, я готовъ взять назадъ сдѣланный мною упрекъ. Я понимаю теперь, что исторiя Бургундскаго племени такъ, какъ ее разсказываетъ г. Хомяковъ, не принадлежитъ наукѣ. Споръ собственно конченъ. Я позволю себѣ только нѣсколько необходимыхъ примѣчанiй.

Начну изъявленiемъ признательности г. Хомякову за его благосклонный отзывъ о 3-хъ страницахъ, помѣщенныхъ мною въ Отечеств. Запискахъ. Онъ говоритъ, что, несмотря на недостатокъ содержанiя и направленiя, онѣ служатъ украшенiемъ Журналу и что вообще могутъ быть прочтены съ удовольствiемъ. Прошу у читателей снисхожденiя къ самолюбiю, заставившему меня перепечатать эти строки. Я не могу не гордиться похвалою, даже умѣренною, изъ устъ столь знаменитаго ученаго. Прибавлю безъ лести, что статьи г. Хомякова доставляютъ также удовольствiе и, можетъ быть, еще большее его противникамъ, чѣмъ его друзьямъ.

Г. Хомяковъ находитъ, что я не сказалъ ни полслова противъ его ко-

*) Помѣщено въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1847 г., № 50.

роткаго разсказа объ исторіи Бургундовъ. Въ такомъ случаѣ не для чего было писать возраженіе; можно было довольствоваться моимъ невольнымъ согласіемъ. Затѣмъ слѣдуютъ: взглядъ на причины переселенія народовъ, очеркъ исторіи Бургундовъ и новыя доказательства разврата Франковъ.

Есть факты, которыхъ въ наше время никто не станетъ ни защищать, ни оспаривать: до такой степени они всѣмъ извѣстны, всѣми признаны. Къ такимъ принадлежитъ переселеніе народовъ и появленіе Гунновъ, бывшее ближайшею причиною этого великаго движенія. Рецензентъ „Сборника Историческихъ и Статистическихъ свѣдѣній“ замѣтилъ г. Хомякову, что въ числѣ племенъ, выгнанныхъ Монгольскими пришельцами изъ прежнихъ жилищъ въ восточной Европѣ, не могли быть Бургунды, съ которыми Гунны сошлись впервые на Рейнѣ. Г. Хомяковъ обвинилъ его въ невѣжествѣ на томъ основаніи, что Бургунды были вытѣснены съ верховьевъ Майна уходившими отъ Гунновъ Германскими дружинами. Но въ Исторіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо надобно различать причины прямыя отъ косвенныхъ, иначе можно придти къ страннымъ заключеніямъ. Объяснюсь примѣромъ. Реформѣ Петра Великаго, пересадившей на русскую почву европейскую науку, обязаны мы, между прочимъ, удовольствіемъ читать такія статьи, какова „О возможности Русской художественной школы“. Но едва ли кому придетъ въ голову вмѣнить эту статью въ непосредственную заслугу самому Петру. Она есть конечно блестящій, но непредвидѣнный преобразователемъ результатъ его подвига. Suum cuique. Далѣе г. Хомяковъ говоритъ обо мнѣ: „Онъ замѣтилъ, что Бургунды жили на *нижнемъ* Дунаѣ не въ началѣ V-го вѣка, какъ у меня напечатано, а въ III-мъ, ибо въ IV-мъ они уже жили на верховьяхъ Майна, куда Валентиніанъ посылалъ къ нимъ пословъ, что̀ я и сказалъ въ примѣчаніи своемъ. Кажется уже изъ словъ моихъ можно было догадаться, что въ означеніи столѣтій вкралась опечатка“... Иной, прочитавъ эти строки, могъ бы подумать, что ученый авторъ не знаетъ содержанія статей, подписанныхъ его именемъ, потому что въ приведенномъ имъ мѣстѣ рѣчь идетъ не о нижнемъ, а о *верхнемъ* Дунаѣ: „Рецензентъ (От. Зап.) увѣряетъ меня, что Гунны не могли подвинуть Бургундовъ на Западъ, потому де, что Бургунды жили давно уже на Рейнѣ. Ему неизвѣстно, что *въ началѣ V-го вѣка часть Бургундовъ жила еще на верховьяхъ Дуная*, у Римскаго вала“... (Моск. Сборн., стр. 327).—Не придется ли корректору Моск. Гор. Листка испытать участь своего собрата по Сборнику и принять на себя отвѣтственность за эту опечатку? „Трудно повѣрить, продолжаетъ мой противникъ, чтобы я дѣйствительно полагалъ нашествіе Гунновъ въ Галлію въ VI вѣкѣ“. Не совсѣмъ трудно тому, кто сколько-нибудь знакомъ съ историческимъ методомъ и точностію указаній г. Хомякова. Впрочемъ, допуская опечатку въ цыфрѣ, можно предложить вопросъ: въ началѣ какого столѣтія жили Бургунды у верховьевъ Дуная? Въ началѣ III ихъ еще не было въ западной Европѣ, въ началѣ IV они живутъ на Майнѣ, отъ Дуная ихъ отдѣляютъ Ютунги. Въ началѣ V они являются на Рейнѣ. Г. Хомяковъ ссылается на сношенія съ Бургундами императора Валентиніана. Валентиніана котораго? ихъ было три. Знаемъ изъ Ам. Марцеллина, что Валентиніанъ I, умершій

въ 375 году, отправлялъ къ Бургундамъ пословъ; но при Валентиніанѣ III, царствовавшемъ въ V вѣкѣ (424 — 55), это племя поселилось въ Галліи и слѣдовательно вступило въ безпрерывныя сношенія съ Римскимъ правительствомъ. Вообще противникъ мой неохотно или неудачно употребляетъ цифры для точнаго опредѣленія лицъ и событій. Ему, какъ поэту, привычнѣе въ сферѣ свободныхъ вымысловъ, не стѣсненныхъ мелкими условіями хронологіи и географіи. Такимъ образомъ, онъ замѣтилъ, что я ошибся, назвавъ лѣтопись Іорнанда единственнымъ источникомъ, въ которомъ упоминается о войнѣ Бургундовъ съ Гепидами. „Можно было бы прибавить, говоритъ онъ, свидѣтельство Мамертина: Gothi Burgundios penitus exscindunt, гдѣ общее имя Готовъ замѣняетъ частное Гепидовъ". При такой смѣлости объясненій не трудно отвѣчать на самые загадочные вопросы исторіи. Къ сожалѣнію, г. Хомяковъ не потрудился прочесть до конца дважды приведенное имъ мѣсто изъ Мамертина, тутъ же упоминающаго о Гепидахъ: rursum pro victis armantur Alemanni (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Alani) itemque Thervingi pars alia Gothorum adjuncta manu Thaifalorum adversum Vandalos Gipedesque concurrunt. Въ 17-й главѣ Іорнанда читаемъ также, что Фастида, кунигъ Гепидовъ, разбивъ Бургундовъ, напалъ на Готовъ. Слѣдовательно, оба писателя отличаютъ Готовъ отъ Гепидовъ и знаютъ, съ кѣмъ именно воевали Бургунды. Обвиненіе рецензента От. Записокъ въ незнаніи сагъ, до которыхъ тому рѣшительно не было дѣла, г. Хомяковъ оправдываетъ своимъ правомъ говорить объ этихъ сагахъ. Право неотъемлемое, на основаніи котораго въ статьѣ „О возможности Русской художественной школы" нѣтъ ничего о самомъ предметѣ, но встрѣчается много нежданнаго, какъ-то: замѣчанія о безполезной тратѣ барды въ Октябрѣ, Маѣ и Іюнѣ, о гомеопатіи, объ укатываніи зимнихъ дорогъ, о пюзеизмѣ и т. д. Ближе къ цѣли и полезнѣе было бы опредѣлить историческое содержаніе самыхъ сагъ или, по крайней мѣрѣ, сказать вкратцѣ, что̀ извлекли изъ нихъ для исторіи нѣмецкіе критики. Вопросъ о томъ, кстати ли я привелъ свидѣтельство Шафарика, предоставляю суду читателей.

Не считаю нужнымъ входить въ подробный разборъ краткой исторіи Бургундовъ. Мнѣніе мое объ ней я сказалъ выше. Прибавлю, что этотъ отдѣлъ статьи г. Хомякова можно раздѣлить на двѣ части: ненужную и невѣрную. Къ чему, напримѣръ, было доказывать, что Бургунды не всегда жили у верховьевъ Майна, а пришли сюда въ III вѣкѣ. Развѣ я утверждаю противное? Къ чему было повторять всѣмъ извѣстный разсказъ о Радагайзѣ, говорить о Гуннскомъ князькѣ Ульдинѣ и т. д.? Это безплодное расточеніе учености напоминаетъ неумѣніе пользоваться собственными средствами, въ которомъ г. Хомяковъ упрекаетъ русскихъ винокуровъ на страницѣ 339 Московскаго Сборника. Укажу теперь на нѣсколько вкравшихся въ изложеніе ошибокъ, или, можетъ быть, опечатокъ. Происхожденіе имени Борнгольмъ отъ Бургундовъ фактъ еще не-совсѣмъ доказанный. См. Цейса, 465. Г. Хомяковъ указываетъ на два обстоятельства, по его словамъ слишкомъ мало замѣченныя. Во 1-хъ, на то, „что истинный циклъ Нибелунговъ принадлежитъ вполнѣ свево-готоскимъ семьямъ и нисколько не принимаетъ

въ себя иноплеменныхъ, напримѣръ, Аллемановъ или Франковъ"; во 2-хъ, на принятіе аріанства Бургундами отъ Готоовъ, „явленіе непонятное для западной Европы и объяснимое только законами критики, изложенными покойнымъ Венелинымъ". На первое можно замѣтить, что Аллеманы не были иноплеменниками Свевамъ и состояли съ ними въ тѣсной родовой и политической связи. См. Eichhorn. D. Staats und Rechtsgeschichte 1. § 21. Gaupp. Das alte Gesetz der Thüringer, 42 и т. д. Почему принятіе аріанства Бургундами отъ Готоовъ не можетъ быть понятно западной Европѣ—отвѣчать трудно. Но если дѣло идетъ о родовыхъ связяхъ и вліяніяхъ между германскими племенами, я позволю себѣ обратить вниманіе моего противника на 1-й томъ Нѣмецкой исторіи Филипса, гдѣ онъ найдетъ много новаго. Въ 443 году Римское правительство уступило Бургундамъ нынѣшнюю Савойю, тогда носившую названіе Сабаудіи (Sabaudia, Sapaudia), а не Сабодіи, какъ пишетъ г. Хомяковъ, искушенный французскимъ произношеніемъ. Наконецъ слова: „Гроза Германскаго міра налетѣла на нихъ (Бургундовъ) въ 450 или 451 году и сокрушила ихъ силу. Съ тѣхъ поръ... они живутъ въ долинѣ Роны, какъ подручники Рима", не совсѣмъ согласны съ исторіею. Бургундское государство пережило Западную Имперію и достигло высшаго могущества своего именно въ концѣ V-го вѣка, при кунигѣ Гундбальдѣ (470—516). Доказательства можно найти не только въ источникахъ, но во всѣхъ новыхъ книгахъ, касавшихся этого предмета.

Остается вопросъ о Франкахъ. Я сказалъ, что писатели IV-го и V-го вѣковъ *бѣдны* извѣстіями о внутреннемъ бытѣ Франкскаго племени и что главные источники въ *этомъ отношеніи* принадлежатъ къ VI-му. Приводя мои слова, г. Хомяковъ счелъ нужнымъ ихъ нѣсколько поправить и сообщить имъ другой смыслъ. Благодарю за услугу, но не могу ею воспользоваться. Корректоръ От. Зап. отнялъ у меня право оправдываться опечатками. Отношенія Франковъ къ имперіи начинаются съ III-го столѣтія, слѣдовательно Римскіе писатели не могли не говорить объ нихъ. Но, повторяю, на внутренній бытъ племени они обратили мало вниманія и бѣдны извѣстіями о немъ. Что доказываютъ эпитеты, собранные ученымъ обвинителемъ Франковъ: gens mendax, infidelis, perjura, къ которымъ я могъ бы прибавить еще нѣсколько имъ не замѣченныхъ? Гдѣ приведены доказательства отличительной безнравственности Франковъ до VI-го столѣтія? Было время, когда Французы иначе не называли Англію, какъ perfide Albion. Однако, какой историкъ рѣшится основать на этомъ выраженіи свое понятіе о характерѣ англійскаго народа. Чѣмъ же выше риторы IV и V вѣка французскихъ журналистовъ временъ республики и имперіи? Значительная часть оскорбительныхъ для Франкскаго племени эпитетовъ взята г. Хомяковымъ изъ панегириковъ, читанныхъ галльскими риторами императорамъ. Въ панегирикахъ императору Константину чаще чѣмъ въ другихъ упоминается имя Франковъ. Посмотримъ, при какихъ случаяхъ. Плѣнные вожди Франковъ затравлены на Трирскомъ амфитеатрѣ въ угоду языческой черни (306). Риторъ привѣтствуетъ императора, еще не просвѣщеннаго истиною христіанства, оправдываетъ его дѣло и ругается надъ жертвами. „Ты не усомнился,

говоритъ онъ, казнитъ ихъ страшными муками. Ты не убоялся неистощимой ненависти, вѣчнаго гнѣва оскорбленнаго народа. Гдѣ теперь ихъ дикая отвага, гдѣ коварное непостоянство?... Ихъ села выжжены, ихъ плѣнные юноши, неспособные по коварству быть нашими воинами, по гордости рабами, выведены въ циркъ для принятія казни. Числомъ своимъ они утомили разъяренныхъ звѣрей". Eumenii paneg. cap. 10 и 12. Въ другомъ панегирикѣ, сказанномъ послѣ новой побѣды надъ Франками, читаемъ почти то же: tantam captivorum multitudinem bestiis objicit, ut ingrati et perfidi non minus doloris *ex ludibrio* sui quam ex ipsa morte patiantur. Anonym. paneg. cap. 23. Кто жъ безнравственнѣе: умирающій въ циркѣ Франкъ, или ликующій при казни риторъ, вмѣняющій жертвѣ въ коварство ея нехотѣніе служить своимъ палачамъ? Значеніе панегириковъ IV и V вѣка опредѣлено критикою: это плохіе источники историческихъ свѣдѣній, но любопытные памятники развращенной эпохи. Не говорю о наглой лести, составляющей ихъ главное содержаніе. Злоупотребленіе слова, искаженіе самыхъ чистыхъ понятій, презрѣніе къ истинѣ едва ли когда доходили до подобнаго цинизма. Впрочемъ, г. Хомякову вѣроятно также извѣстенъ характеръ панегириковъ. Обратимся теперь къ другимъ свидѣтельствамъ, имъ приведеннымъ противъ Франковъ. „Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобы тутъ выразилась особенная вражда Римскихъ писателей, ибо Имперія страдала отъ многихъ народовъ болѣе чѣмъ отъ Франковъ (напр. отъ Готовъ, Вандаловъ или Гунновъ), а ихъ хвалятъ, и не рѣдко". Справедливо ли это? Увидимъ. Слова жалкаго компилатора Вописка не имѣютъ большой важности, — это плохой риторъ, пишущій исторію; но отзывъ Салвіана, писателя даровитаго и благороднаго, заслуживаетъ полнаго вниманія. Его приговоръ, конечно, можетъ рѣшить тяжбу между г. Хомяковымъ и мною. Привожу вполнѣ главныя мѣста, относящіяся къ спорному вопросу: „Готы коварны, но цѣломудренны; Аланы развратны, но не столь коварны; Франки лживы, но гостепріимны; Саксы свирѣпы, но заслуживаютъ уваженіе за чистоту нравовъ". De providentia lib. VII. „Саксы жестоки, Франки лживы, Гепиды безчеловѣчны, Гунны развратны: вся жизнь варваровъ порочна; но развѣ ихъ пороки можно судить наравнѣ съ нашими? развѣ развратъ Гунна или коварство Франка подлежатъ такому же суду, какъ развратъ и коварство христіанъ? Неужели наклонность къ пьянству Аллемана, корыстолюбіе Алана можно сравнивать съ тѣми же пороками у христіанъ? Что̀ удивительнаго въ томъ, что Гуннъ и Гепидъ прибѣгаютъ къ обману, когда имъ неизвѣстна вина лживаго поступка? Какъ обвинить Франка въ клятвопреступленіи, когда оно ему кажется не видомъ преступленія, а оборотомъ рѣчи?" Ibid. Lib. IV. Такъ понималъ, такъ оправдывалъ вліяніемъ язычества и невѣжества пороки полудикихъ племенъ Массилійскій священникъ V-го столѣтія. Читатели, надѣюсь, замѣтятъ различіе воззрѣній, господствующихъ въ скорбныхъ твореніяхъ Салвіана и въ обвинительныхъ актахъ на цѣлые народы, остроумно составляемыхъ г. Хомяковымъ. Можетъ быть, прочитавъ вполнѣ приведенный мною отрывокъ, изъ котораго ему кажется были извѣстны только послѣднія строки, г. Хомяковъ упрекнетъ Салвіана

въ дурно понятомъ гуманизмѣ. Зато другіе найдутъ въ 86 № М. Г. Л. не совсѣмъ неудачное подражаніе ритору, славившему зрѣлища Трирскаго амфитеатра. Спрашиваю: гдѣ доказательства отличительной предъ другими племенами порочности Франковъ? Они не лучше, но и не хуже другихъ. Ссылаюсь на исторію Вандаловъ Виктора Витенскаго, на отзывы Ам. Марцелина и Іорнанда о Гуннахъ, Прокопія о Герулахъ, Григорія Турскаго о Готоахъ и т. д. Здѣсь можно найти богатый матеріалъ для составленія кондуитныхъ списковъ народамъ, принимавшимъ участіе въ великой эпохѣ переселенія. Характеръ Меровингской эпохи представляетъ особенное явленіе, котораго разборъ не можетъ быть предметомъ этой статьи. Въ тогдашнемъ развращеніи Франковъ не сомнѣвается никто. Для такого убѣжденія достаточно прочесть Тьерри. Но можно сказать съ полною увѣренностію, что всякое другое племя при подобныхъ условіяхъ испытало бы ту же участь. Вопросъ о гуманизмѣ мы оставимъ въ сторонѣ. Дѣло шло не объ немъ, а о легкомысленной игрѣ историческими фактами, о капризѣ, вошедшемъ въ область науки.

Споръ съ моей стороны конченъ. Кто изъ насъ правъ, за кѣмъ осталось поле историческихъ фактовъ, рѣшатъ читатели, знакомые съ дѣломъ или по крайней мѣрѣ заглянувшіе въ книги, на которыя указали г. Хомяковъ и я. Всякое преніе можно протянуть до безконечности, отнявъ у него прямую цѣль, т. е. рѣшеніе спорнаго вопроса. Такого рода словесные турниры могутъ быть блистательны, но я не чувствую призванія ломать на нихъ копья. Охотно признаю превосходную ловкость моего противника въ умственной гимнастикѣ, готовъ любоваться его будущими подвигами, — но въ качествѣ зрителя, безъ всякаго желанія возобновить борьбу.

ОТВѢТЪ Г. ХОМЯКОВА НА ОТВѢТЪ Г. ГРАНОВСКАГО *).

Г-нъ Грановскій на возраженіе мое, напечатанное въ Московскомъ Листкѣ, напечаталъ отвѣтъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Отвѣтъ его дѣлится на двѣ части: возраженія на вводныя разсужденія или мнѣнія мои по вопросамъ историческимъ и возраженія на главные спорные пункты, именно: о движеніи Бургундовъ съ Мейна на Рону и о нравственности Франковъ. Разсмотримъ сначала первыя.

Я сказалъ, что свидѣтельство Іорнанда объ изгнаніи Бургундовъ изъ области при-эвксинской Гепидами подтверждается Мамертиномъ, современникомъ самому происшествію, и привелъ слова Мамертина, гдѣ, по моему мнѣнію, Гепиды должны быть подразумѣваемы подъ общимъ именемъ Готѳовъ. Г-нъ Грановскій удивляется смѣлости моей догадки и думаетъ, что при такой смѣлости всякій вопросъ историческій разрѣшался бы слишкомъ легко. Посмотримъ свидѣтельства Іорнанда и Мамертина.

Мамертинъ, поздравляя имперію съ раздоромъ ея враговъ, говоритъ: „Готѳы совершенно уничтожаютъ Бургундовъ: за Бургундовъ вступаются Алеманны; между тѣмъ Тервинги **) *другая часть Готѳовъ* ***), съ помощію дружины Тайфаловъ, нападаетъ на Вандаловъ и Гепидовъ". Іорнандъ, разсказывая о подвигахъ Готѳовъ, говоритъ: „Фастида, царь Гепидовъ, возбуждая свой народъ, расширилъ войной его грани, уничтожилъ почти совершенно Бургундовъ и покорилъ не мало другихъ племенъ; потомъ, несправедливо оскорбляя Готѳовъ, нарушилъ союзъ единокровности". Далѣе находимъ, что Гепиды просили у Готѳовъ земли и вызвали ихъ на бой, вслѣдствіе чего и были побѣждены царемъ Остроготомъ (очевидно вымышленнымъ), подъ властію котораго были и Вестъ-готѳы (Тервинги).

Во-первыхъ: оба разсказа принадлежатъ къ одной и той же эпохѣ, сколько можно судить по сбивчивой хронологіи Іорнанда. Во-вторыхъ: оба свидѣтельствуютъ о гибели Бургундовъ, вслѣдъ за которою произошли междоусобія въ племени готѳскомъ. Въ третьихъ: отдѣльныя племена готѳскія называются общимъ именемъ Готѳовъ (смотри Іорнанда „о послѣдованіи временъ"), а

*) Помѣщенъ въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ", 1847 г. № 97.

**) То есть Древляне, прозвище Вестъ-готѳовъ, которое они приняли отъ Древлянъ, у которыхъ они тогда царствовали, какъ Остъ-готѳы приняли имя Грютунговъ (т. е. Полянъ) отъ Полянъ при-днѣпровскихъ.

***) Другая часть Готѳовъ, слѣдовательно прежде не о всѣхъ Готѳахъ рѣчь, также не о Вестъ-готѳахъ, которые отдѣлены самимъ писателемъ, и не о далекихъ Остъ-готѳахъ. явно, что рѣчь была о Гепидахъ.

Гепиды принадлежали къ общему готѳскому союзу и по многимъ свидѣтельствамъ считались сначала главою его. Это видно изъ имени Гаптъ, родоначальника Готѳовъ, и изъ того, что въ преданіяхъ Пруссіи Готѳы первоначально являлись подъ предводительствомъ Гаптовъ. Самъ Іорнандъ, вообще предпочитающій Вестъ и Остъ-готѳовъ Гепидамъ, указываетъ на то же, говоря: „Острогота пошелъ на бой противъ Гепидовъ, дабы они не слишкомъ превозносились“ (ne nimii judicarentur). И такъ, мы видимъ, что Готѳы, т. е. Гепиды, Вестъ и Остъ-готѳы, составляли общій союзъ до той эпохи, когда Гепиды, возгордясь своей побѣдой, вздумали давать законы всему союзу, весьма еще твердому и священному, ибо мнимый царь Готѳовъ (Острогота) называетъ эту междоусобную войну жестокою и преступною. Гдѣ же сомнѣніе, что подъ именемъ Готѳовъ Маммертинъ понимаетъ союзъ Готѳовъ подъ предводительствомъ Гепидовъ? гдѣ же смѣлость въ догадкѣ? Развѣ только въ томъ, что ученые нѣмцы, Миллеръ или Цейсъ или Луденъ или кто другой, не замѣтили тождества въ свидѣтельствахъ Іорнанда и Маммертина? Въ этой смѣлости я прошу извиненія у ученыхъ нѣмцевъ, которые этого не замѣтили; впрочемъ, они понимаютъ права исторической критики, и отъ ихъ безпристрастнаго суда я скорѣе бы ожидалъ похвалы, чѣмъ осужденія.

Далѣе г-нъ Грановскій считаетъ сомнительнымъ происхожденіе имени *Борнгольмъ* отъ Бургундовъ, и въ этомъ ссылается на Цейса. Это сомнѣніе, дѣло чистаго произвола, вполнѣ опровергается свидѣтельствомъ Вулфстана. Описывая королю Альфреду путешествіе свое по Балтійскому морю, совершенное въ концѣ 9-го вѣка, онъ говоритъ: „Съ права оставили мы Сконегъ и Фальстеръ, которые принадлежатъ Даніи, а съ лѣва Бургенда*ландъ* (то же, что *гольмъ)*, который управляется своимъ королемъ; потомъ далѣе... Готаландъ“. Это свидѣтельство не допускаетъ никакого сомнѣнія *).

Далѣе г-нъ Грановскій находитъ, что очень трудно понять одно изъ доказательствъ, приведенныхъ мною въ пользу единоплеменности Бургундовъ и Готѳовъ. „Принятіе аріанства Бургундами, явленіе непонятное въ западной Европѣ, объясняется только кровнымъ сродствомъ по закону, прекрасно изложенному нашимъ покойнымъ Венелинымъ“, сказалъ я, и кажется, всякій, кто мало-мальски знакомъ съ историческою критикою, пойметъ, почему принятіе аріанства въ западной Европѣ, оставшейся въ то время вѣрною Никейскому исповѣданію, явленіе совершенно противорѣчащее всѣмъ другимъ явленіямъ обращенія Германцевъ въ христіанство на Западѣ, можетъ быть объяснено только изъ племеннаго сродства Бургундовъ съ аріанцами-Готѳами. Вотъ все то, что въ первой части отвѣта г-на Грановскаго подлежитъ ученому возраженію: все остальное, о сагахъ, о моей статьѣ въ Московскомъ Сборникѣ и прочее, служитъ только украшеніемъ отвѣта и можетъ быть оставлено безъ особаго вниманія.

Перейдемъ ко второй части, къ главнымъ спорнымъ пунктамъ: о переходѣ Бургундовъ съ верховьевъ Мейна на Рону и о нравственномъ достоинствѣ Франковъ.

---

*) Можно предположить, что имя этихъ островныхъ Бургендовъ представляетъ только случайное сходство съ именемъ древнѣйшихъ Бургундовъ, но такое предположеніе опровергается именемъ *Готаландъ* и иными параллелизмомъ островнаго міра съ береговымъ. Вообще Цейсъ, важный по сбору матеріаловъ, очень слабъ, какъ критикъ. Таково мнѣніе истинныхъ ученыхъ, каковы Миллеръ и Нейманъ.

Г-нъ Грановскій дѣлаетъ очевидную уступку мнѣ на счетъ вліянія Гунновъ на движеніе Бургундовъ на западъ, признавая косвенное вліяніе, но въ то же время отличая его отъ вліянія прямаго. Я могъ бы довольствоваться такою уступкою, но за всѣмъ тѣмъ считаю ее весьма недостаточною. Переходъ Бургундовъ съ верховьевъ Мейна къ его устью находится, какъ я уже сказалъ, въ явной зависимости отъ движенія Тюринговъ, Словянъ, Свевовъ, Байеровъ, Ругіевъ и другихъ данниковъ Гуннскихъ, которые въ началѣ V-го вѣка мало по малу захватываютъ всю среднюю и южную Германію, вытѣсняя старожиловъ. Неужели это вліяніе косвенное? По этому большая часть монгольскихъ завоеваній (и между прочимъ завоеваніе Россіи) должны были названы косвенными, потому что вся передовая сила Монголовъ состояла изъ ихъ подручниковъ, племенъ турецкихъ (или тюркскихъ). Такое мнѣніе имѣло бы достоинство новости.

Но каково же мнѣніе г-на Грановскаго о вліяніи Гунновъ на переходъ Бургундовъ отъ устьевъ Мейна на берега Роны и даже Луары? Я сказалъ „Гунны, гроза германскаго міра, налетѣли на Бургундовъ (тогда еще жившихъ на среднемъ Рейнѣ и на устьяхъ Мейна) въ 450-мъ или 51-мъ году и сокрушили ихъ силу. Съ тѣхъ поръ ихъ нѣтъ уже ни на Мейнѣ, ни на среднемъ Рейнѣ; они живутъ на берегахъ Роны, какъ подручники Рима. Бѣжали ли они передъ Гуннами? искали ли они убѣжища у Римлянъ, къ которымъ поступили въ подручники?“ Вопросъ мой былъ положителенъ: посмотримъ на отвѣтъ. Г. Грановскій говоритъ, что „мои слова не совсѣмъ вѣрны, ибо Бургундское царство пережило Западную Имперію“. Гдѣ же тутъ отвѣтъ или возраженіе? Положимъ, что употребленіемъ глагола *жить* въ настоящемъ времени я ввелъ г-на Грановскаго въ ошибку, и онъ думаетъ, что я считаю Западную Имперію существующею до нашего времени, а Бургундовъ ея подручниками: все-таки спрашиваю, гдѣ же отвѣтъ на вопросъ о бѣгствѣ Бургундовъ? Очевидно, вліяніе Гунновъ оказывается совершенно прямымъ, а отвѣтъ г. Грановскаго развѣ только косвеннымъ.

Перейдемъ къ Франкамъ. Я привелъ множество свидѣтельствъ изъ писателей IV-го и V-го вѣка о глубокомъ нравственномъ развратѣ Франковъ; многихъ свидѣтелей я назвалъ, прибавивъ, что могъ бы еще привесть много другихъ. Я сказалъ, что эти свидѣтельства не внушены враждою, ибо въ писателяхъ Римскихъ и Византійскихъ находятся похвалы народамъ, гораздо болѣе вредившимъ имперіи, чѣмъ Франки. Я сказалъ, что это также не пустыя риторскія фразы, ибо ихъ истина подтверждается позднѣйшею исторіею.—Что же отвѣчаетъ г-нъ Грановскій? „Ему извѣстны“, говоритъ онъ, „эти свидѣтельства и множество другихъ“, но ему мои свидѣтели не нравятся. „Одинъ - гнусный и безнравственный риторъ, другой—поэтъ, третій—компиляторъ (почему компиляторъ не свидѣтель въ дѣлѣ современномъ ему? не совсѣмъ ясно). Остается одинъ Сальвіанъ, честный и добросовѣстный писатель: онъ могъ бы рѣшить вопросъ, да, къ несчастію, онъ осыпаетъ упреками всѣхъ варваровъ и слѣдовательно не можетъ служить уликою противъ Франковъ“. Во первыхъ, одинъ свидѣтель, какъ бы онъ ни былъ добросовѣстенъ, не можетъ рѣшить вопроса; во вторыхъ, тутъ опять нѣтъ никакого отвѣта на мои доказательства. Я цитовалъ не Вописка, не Евменія, не Сальвіана и цитовалъ всѣхъ и ихъ общее согласіе въ одномъ показаніи. Сальвіанъ бранитъ Вандаловъ; но похвалы Вандаламъ слышимъ отъ другихъ современниковъ и даже отъ духовенства африканскаго, много страдавшаго отъ

ихъ фанатическаго аріанства. Сальвіанъ и другіе не хвалятъ Готѳовъ, но сколько похвалъ тѣмъ же Готѳамъ у другихъ писателей, сколько историческихъ свидѣтельствъ въ ихъ пользу; какія благородныя личности украшаютъ ихъ лѣтопись отъ Тевдемира и Ѳеодорика до Тотилы и Тейи! Сальвіанъ бранитъ Гунновъ, которыхъ онъ, вѣроятно, довольно плохо зналъ; но его свидѣтельство опровергается вполнѣ Византійцами, близко знавшими ихъ. Г-нъ Грановскій отрицаетъ ли эти похвалы Франкамъ? И то и другое невозможно. И такъ, важенъ не Сальвіанъ, не Клавдіанъ, не безъименный панегиристъ; а важно, какъ я говорилъ, общее молчаніе о какихъ-нибудь добродѣтеляхъ Франковъ; важно общее согласіе въ свидѣтельствахъ о ихъ совершенной безсовѣстности и нравственномъ развратѣ; важно согласіе этихъ свидѣтельствъ съ первыми вѣками ихъ исторіи. Вотъ что̀ имѣетъ значеніе въ глазахъ критики, вотъ что̀ неопровержимо. Тутъ уже не помогутъ ни перетасовываніе чужихъ словъ, ни сравненіе противника съ Трирскимъ риторомъ, ни даже остроумная шутка о кондуитныхъ спискахъ народовъ. Вопросъ рѣшается очень просто. Я долженъ еще замѣтить, что равнодушіе и пренебреженіе къ факту нравственному нисколько не доказываетъ особой строгости въ критикѣ фактовъ вещественныхъ: оно показываетъ только односторонность въ сужденіи и ложное пониманіе исторіи, ибо явленія жизни нравственной оставляютъ такіе же глубокіе слѣды, какъ и явленія жизни политической.

Вообще о второмъ отвѣтѣ г-на Грановскаго можно сказать, что въ немъ опять, какъ и въ первомъ, не было никакого отвѣта, и я могъ бы не возражать; но я долженъ былъ сказать нѣсколько словъ потому, что г-нъ Грановскій, отступая съ поля сраженія, еще отстрѣливается, по обычаю Парѳянъ. Впрочемъ, отказываясь отъ дальнѣйшей борьбы, онъ обезоруживаетъ противника, и я отлагаю съ истинною радостію оружіе, неохотно поднятое мною для собственной обороны.

НѢМЕЦКІЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ *).

ПРЕДАНІЯ О КАРЛѢ ВЕЛИКОМЪ.

Кромѣ записанной исторіи, у каждаго народа есть изустныя преданія о великихъ дѣлахъ и людяхъ стараго времени. Такія преданія занимаютъ средину между исторіею и поэзіей. Содержаніемъ ихъ служитъ всегда дѣйствительная быль, но разсказъ, переходившій отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ, часто носитъ на себѣ печать сказки. Простой народъ не знаетъ книжной исторіи. Прошедшія событія ему не кажутся чѣмъ-то неподвижнымъ, конченнымъ: онъ какъ будто играетъ ими, свободно измѣняя подробности разсказа. Исторія, какъ наука, старается рѣзко обозначить каждое явленіе, опредѣлить его время и мѣсто; преданіе не заботится о такой вѣрности. Въ немъ есть истина другаго рода. Въ немъ высказывается любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину. Чѣмъ сильнѣе событіе или человѣкъ коснулись народной жизни, тѣмъ глубже западаютъ ихъ образы въ память, тѣмъ болѣе хранится объ нихъ разсказовъ. У Германскаго племени много прекрасныхъ историческихъ преданій. Они частію собраны и записаны учеными людьми, между которыми первое мѣсто принадлежитъ двумъ братьямъ: Якову и Вильгельму Гриммамъ **). Ихъ благородныя имена должны быть извѣстны нашимъ молодымъ читателямъ.

Дѣла и заслуги Карла Великаго всѣмъ извѣстны. Онъ соединилъ въ одно большое государство почти всю западную Европу, обвелъ это государство твердыми границами и скрѣпилъ общими учрежденіями и законами. Языческіе Саксы, жившіе въ сѣверной Германіи, были обращены имъ къ Христіанству. Множество школъ возникло по его волѣ. Короче, онъ былъ обновителемъ духовной и гражданской жизни на Западѣ. Многое изъ созданнаго имъ вскорѣ исчезло, еще болѣе сохранилось. О такихъ людяхъ не забываютъ народы. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ хранятъ они ихъ память. Вотъ нѣсколько преданій о Карлѣ Великомъ.

---

*) Какъ эта, такъ и слѣдующая статья *Рыцарь Баярдъ*, помѣщены въ „Библіотекѣ для Воспитанія" 1845 г., Отдѣленіе Первое, части 3 и 2.

**) Deutsche Sagen, herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin, 1816.

1. Карлъ и Дезидерій Лонгобардскій.

Когда Карлъ Великій пошелъ войною на Лонгобардовъ, при дворѣ ихъ короля Дезидерія жилъ Огеръ, благородный Франкъ, бѣжавшій изъ отечества, гонимый гнѣвомъ Карла. Услышавъ о приближеніи Франкскаго войска къ Павіи, Дезидерій и Огеръ взошли на вершину башни, съ которой можно было обозрѣть всю окрестность. Вдали показались обозы Франковъ. Они покрывали большое пространство. „Не здѣсь ли самъ Карлъ?“ спросилъ король Дезидерій. „Его здѣсь нѣтъ“, отвѣчалъ Огеръ. Потомъ явилось ополченіе, собранное со всѣхъ концовъ государства. „Карлъ вѣрно самъ идетъ съ этими воинами“, сказалъ опять Дезидерій. „Нѣтъ еще, нѣтъ еще“, отвѣчалъ Огеръ. Тогда смутился Лонгобардскій король и молвилъ: „Что же будетъ съ нами, если съ Карломъ ихъ придетъ еще болѣе?“ „Когда и какъ онъ придетъ, сказалъ Огеръ, ты увидишь самъ; что съ нами будетъ—не знаю“. Между тѣмъ приблизилась новая толпа. На вопросъ Дезидерія Огеръ отвѣчалъ по прежнему: „Его еще нѣтъ, подожди“. Потомъ они увидѣли съ башни своей длинные ряды епископовъ, аббатовъ, священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ, шедшихъ вмѣстѣ съ войскомъ. Дезидерій не взвидѣлъ свѣта и зарыдалъ. „Сойдемъ скорѣе внизъ,—говорилъ онъ,—и скроемся гдѣ-нибудь подъ землею предъ лицомъ страшнаго врага“. Тогда вспомнилъ Огеръ о прошедшихъ, лучшихъ годахъ своей жизни и о великой силѣ короля Карла. Онъ сказалъ Дезидерію: „Когда поля твои покроются желѣзными колосьями, когда рѣки потекутъ на городъ желѣзными волнами, тогда жди Карла. Онъ явится передъ тобою“. Онъ еще не успѣлъ кончить, какъ съ Запада и съ Сѣвера поднялись мрачныя тучи и затьмили ясный день. Немного спустя наступила настоящая тьма. Тогда явился самъ Карлъ. Онъ былъ въ желѣзѣ. На головѣ у него былъ желѣзный шлемъ, на рукахъ желѣзныя рукавицы, на широкой груди желѣзныя латы. Лѣвой рукою онъ держалъ желѣзное копье. Въ правой рукѣ былъ мечъ; щитъ былъ желѣзный; даже конь его, по крѣпости и цвѣту, казался желѣзнымъ. Воины, шедшіе съ Карломъ и позади его, и остальная дружина были почти такъ же вооружены. Стѣны Павіи задрожали. Огеръ взглянулъ на страшную рать. „Вотъ тотъ, о которомъ ты спрашивалъ меня“, сказалъ онъ королю Лонгобардовъ, и безъ памяти повалился на землю.

2. Карлъ Великій и змѣя.

Въ бытность свою въ Цюрихѣ, императоръ Карлъ приказалъ поставить столпъ и привязать къ нему колоколъ. Отъ колокола къ землѣ была спущена веревка. Когда императоръ сидѣлъ за обѣдомъ, каждый могъ подойти къ столпу, звонить и требовать себѣ суда и расправы. Одинъ разъ случилось, что колоколъ зазвонилъ, но вышедшіе служители не замѣтили никого у веревки. Звонъ раздался снова. Карлъ приказалъ служителямъ выйти опять и узнать о причинѣ звона. Тогда только увидѣли они большую змѣю, кото-

рая дергала зубами веревку и такимъ образомъ приводила въ движеніе колоколъ. Испуганные слуги возвратились назадъ и донесли о видѣнномъ своему государю. Ни человѣку, ни животному не хотѣлъ Карлъ отказать въ судѣ и правдѣ. Онъ самъ пошелъ къ странной просительницѣ. Змѣя, завидѣвъ его, почтительно преклонила голову и поползла предъ нимъ къ берегу озера, гдѣ указала ему на гнѣздо свое. Въ немъ сидѣла огромная жаба. Карлъ разсудилъ ихъ: змѣѣ возвратилъ гнѣздо, а жабу приказалъ сжечь. Черезъ нѣсколько дней змѣя снова пришла ко двору, вползла на столъ, за которымъ сидѣли императоръ и его гости, и подняла крышку съ одного изъ кубковъ. Она опустила въ кубокъ драгоцѣнный камень, который держала во рту, преклонилась передъ Карломъ и отправилась назадъ. Впослѣдствіи тамъ, гдѣ онъ нашелъ гнѣздо змѣи, Карлъ Великій выстроилъ церковь, а камень подарилъ супругѣ своей.

3. Возвратъ короля Карла изъ Венгріи.

Король Карлъ отправился въ походъ для обращенія язычниковъ, жившихъ въ нынѣшней Венгріи, къ Христіанству. Предъ разлукою онъ обѣщалъ супругѣ своей возвратиться черезъ десять лѣтъ. По прошествіи этого срока, она должна была считать его мертвымъ и молиться за его душу. Девять лѣтъ прошло такимъ образомъ безъ него. Въ государствѣ не было ни порядка, ни мира: вездѣ пожары, да разбои. Тогда вельможи собрались у королевы и стали ее просить, чтобъ она выбрала себѣ другаго мужа, способнаго охранять государство. Королева долго отказывалась, но наконецъ принуждена была уступить общимъ требованіямъ и жалобамъ на бѣдствія государства. Нашелся женихъ, богатый и сильный король. До свадьбы оставалось только три дня.

Богъ не допустилъ этому исполниться. Ангелъ увѣдомилъ Карла о томъ, что ему угрожало. „Но какъ же мнѣ поспѣть къ сроку?“ сказалъ король, „осталось только три дня, а путь великъ“. — „Не заботься объ этомъ, — отвѣчалъ ему Ангелъ, — Богъ милосердъ и всемогущъ. Поди и купи у твоего писаря его крѣпкаго коня. Черезъ болота и поля донесетъ онъ тебя въ одинъ день къ городу на Раабѣ. Тамъ ты переночуешь и накормишь лошадь. На другой день, рано утромъ отправляйся вверхъ по Дунаю къ Пассау. Тамъ ты еще разъ ночуешь. Въ Пассау оставь своего коня. У хозяина дома, гдѣ ты остановишься, есть жеребенокъ: купи его. Онъ принесетъ тебя на третій день въ родной край твой“.

Карлъ поступилъ, какъ ему приказано: купилъ у своего писаря его коня и въ одинъ день поспѣлъ къ Раабу. На другой день, солнце еще не заходило, а онъ уже прибылъ въ Пассау, гдѣ нашелъ хорошій ночлегъ. Вечеромъ, когда скотъ возвращался съ поля, Карлъ замѣтилъ прекраснаго жеребенка, схватилъ его за гриву и сказалъ: „Хозяинъ, уступи его мнѣ; завтра я на немъ уѣду“. — „Нѣтъ, молвилъ хозяинъ, — жеребенокъ еще молодъ, и ты сѣдокъ ему не по силамъ. Онъ не снесетъ тебя“. — Король сталъ снова просить. Тогда хозяинъ, видя его желаніе, согласился, а Карлъ

въ свою очередь продалъ ему коня, на которомъ совершилъ уже такой длинный путь.

На третій день, рано, король пустился въ дорогу. Онъ мчался, не останавливаясь, до самыхъ воротъ столицы своей — Ахена. Тутъ онъ сталъ на ночлегъ. Въ городѣ было большое веселье: пѣсни и пляски. Карлъ спросилъ: „Это что̀ такое?“ Хозяинъ дома сказалъ ему: „Сегодня празднуется большая свадьба: королева наша выходитъ замужъ за богатаго короля. Пиръ идетъ великій. Молодыхъ и старыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ угощаютъ виномъ и кушаньемъ. Для коней также много приготовлено корму“. — Король Карлъ сказалъ: „Я останусь у тебя. Свадебнаго угощенія мнѣ не нужно. Вотъ тебѣ золото, поди и купи мнѣ ѣсть, чтобы всего было довольно“. Хозяинъ, смотря на золотыя деньги, удивился и про себя подумалъ: „Вотъ настоящій, благородный рыцарь. Я такихъ еще не видывалъ“. Кушанье было приготовлено богатое. Когда Карлъ поужиналъ, онъ позвалъ къ себѣ на ночь хозяйскаго сторожа и легъ спать. Передъ сномъ онъ просилъ сторожа разбудить его, какъ только начнутъ благовѣстить въ соборѣ. Въ награду за эту службу онъ обѣщалъ ему золотой перстень. При первомъ ударѣ колокола, сторожъ подошелъ къ спящему королю и сталъ его будить: „Вставайте, господинъ. Въ соборѣ звонятъ. Дайте мнѣ заслуженный перстень“. Карлъ поспѣшно поднялся, надѣлъ дорогую одежду и попросилъ хозяина проводить его. Рука объ руку, пошли они къ королевскому за̀мку, но ворота были заперты большими запорами. — „Вамъ придется лѣзть подъ ворота, если вы непремѣнно хотите войти,— сказалъ хозяинъ:—только тогда вы замараете платье“.—„Я объ этомъ не забочусь“, отвѣчалъ король и пролѣзъ вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ въ за̀мокъ. Потомъ Карлъ вошелъ въ соборъ, сѣлъ на стоявшій тамъ престолъ и положилъ себѣ на колѣни обнаженный мечъ. А по древнему Франкскому обычаю, всякій, кто сидѣлъ на престолѣ, что̀ стоялъ въ соборѣ, становился королемъ. Вскорѣ пришелъ одинъ изъ церковниковъ. Увидѣвъ сидящаго Карла съ обнаженнымъ мечемъ, онъ испугался и поспѣшилъ увѣдомить священника: „Сѣдой, незнакомый человѣкъ сидитъ на престолѣ и держитъ голый мечъ на колѣняхъ“. Священникъ и другіе каноники не хотѣли вѣрить ему; одинъ изъ нихъ взялъ свѣтильникъ и смѣло пошелъ въ церковь. Когда передъ его глазами явился Карлъ, онъ бросилъ въ ужасѣ свѣтильникъ свой на полъ и бѣжалъ къ самому епископу. Епископъ приказалъ двумъ изъ прислужниковъ своихъ взять свѣчи и отправился съ ними къ собору. Подойдя къ Карлу, онъ робко спросилъ у него: „Скажи намъ, кто ты такой, здѣшній или загробный жилецъ, и что побудило тебя сѣсть на этотъ престолъ?“ Тогда поднялся сѣдой незнакомецъ и молвилъ: „Ты зналъ меня, когда меня звали королемъ Карломъ и не было государя сильнѣе меня“. Онъ приблизился къ епископу, чтобы тотъ могъ его разсмотрѣть. Епископъ тотчасъ его узналъ, радостно поздравилъ и обнялъ. Потомъ онъ повелъ его въ богатый домъ свой. Начался большой звонъ, и свадебные гости стали спрашивать о причинѣ этого звона. Когда имъ сказали, что возвратился король Карлъ, они проворно разошлись, и каждый спѣшилъ

убраться домой. Но епископъ просилъ Карла перемѣнить гнѣвъ на милость и любить по прежнему королеву, которая противъ воли согрѣшила передъ нимъ. Король послушалъ его просьбы, простилъ вельможамъ и съ королевою сталъ жить по прежнему въ любви и согласіи.—

Много другихъ разсказовъ сохранила признательная память западныхъ народовъ объ императорѣ и королѣ Карлѣ. Изъ приведенныхъ выше видно, въ какомъ образѣ являлся онъ народному воображенію.

РЫЦАРЬ БАЯРДЪ.

Петръ дю-Тераль, впослѣдствіи рыцарь Баярдъ, родился въ 1476 году, недалеко отъ Гренобля, въ Баярдѣ, замкѣ отца своего, стараго израненнаго воина. Фамилія Тераль принадлежала къ числу самыхъ славныхъ и благородныхъ въ провинціи Дофине, которой дворянство издавна отличалось воинственнымъ духомъ и гордо называло себя „l'écarlate des gentilshommes de France“.

Въ отцовскомъ замкѣ съ братьями и сестрами росъ молодой Баярдъ. Согласно съ дворянскими понятіями того времени, при воспитаніи его болѣе обращали вниманія на развитіе тѣлесной силы и ловкости, чѣмъ на умственное образованіе, которое считалось необходимостью только для духовенства. Мальчики, которые не готовили себя къ этому званію, читали мало, развѣ одни рыцарскіе романы, зато въ тѣлесныхъ упражненіяхъ они далеко превосходили изнѣженныхъ дѣтей нашего времени. Они съ раннихъ лѣтъ привыкали носить тяжелое вооруженіе, которое однако не стѣсняло свободы ихъ движеній, потому что они могли въ немъ танцовать, прыгать черезъ глубокіе рвы, вскакивать безъ помощи стремянъ на коня, взлѣзать безъ лѣстницы на гладкія, каменныя стѣны и т. д. Такая сила и гибкость членовъ были необходимы для людей, которыхъ главнымъ занятіемъ должна была быть война, и война не такая, какъ въ наше время, когда общее употребленіе огнестрѣльнаго оружія уничтожило почти всякое различіе между крѣпкимъ и безсильнымъ. Пушки и ружья конечно употреблялись уже въ концѣ XV столѣтія, но гораздо менѣе, чѣмъ теперь, и, по плохому тогдашнему ихъ устройству, они не могли имѣть такой важности. Баярду было тринадцать лѣтъ, когда старый рыцарь дю-Тераль созвалъ сыновей своихъ и спросилъ у каждаго изъ нихъ: какой родъ жизни онъ намѣренъ для себя избрать? Старшій хотѣлъ остаться въ родовомъ замкѣ помощникомъ отца въ его хозяйственныхъ заботахъ; два меньшихъ просили, чтобы ихъ учили наукамъ, нужнымъ для достиженія высшихъ духовныхъ должностей; одинъ только Петръ объявилъ желаніе служить Франціи, какъ служили его прапрадѣдъ, прадѣдъ и дѣдъ, всѣ убитые въ сраженіяхъ. Отецъ благословилъ его выборъ и просилъ близкаго родственника своего, епископа Гренобль-

скаго, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, помѣстить Петра при особѣ какого-нибудь знатнаго господина, у котораго молодому человѣку можно было бы научиться хорошему обращенію и насмотрѣться на благородные примѣры. Таковъ былъ тогдашній обычай. Вѣрный слуга рыцаря Баярда, который оставилъ намъ прекрасную и простодушную повѣсть о подвигахъ своего господина *), разсказалъ подробно о его прощаніи съ родителями. Мать молодаго Петра дала ему предъ разлукою небольшой кошелекъ съ деньгами и четыре совѣта: жить съ твердою вѣрою въ Бога, говорить правду, оказывать уваженіе и вѣжливость къ равнымъ себѣ и быть крѣпкимъ защитникомъ и другомъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ. Деньги онъ истратилъ скоро, совѣты сберегъ на всю жизнь.

Епископъ Гренобльскій помѣстилъ своего племянника пажемъ ко двору герцога Карла Савойскаго, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ, герцогъ собрался посѣтить молодаго короля Французскаго, Карла VIII, жившаго тогда въ Ліонѣ, и взялъ съ собою, въ числѣ прочихъ служителей, пажа дю-Тераля. Общее вниманіе остановилось на тринадцатилѣтнемъ мальчикѣ, который съ необыкновенною смѣлостію и ловкостію правилъ конемъ своимъ и въ то же время былъ кротокъ и застѣнчивъ, какъ дѣвушка. Король Французскій выпросилъ Баярда у прежняго господина и передалъ его для окончательнаго воспитанія другу и родственнику своему, графу Люксембургскому. Черезъ три года Баярдъ былъ уже настоящимъ воиномъ. По примѣру большей части тогдашнихъ Французскихъ дворянъ, онъ началъ службу въ конницѣ. Пѣхота, кромѣ главныхъ начальниковъ, состояла изъ людей низшаго класса и Нѣмецкихъ или Швейцарскихъ наемниковъ, которые за деньги служили кому угодно, даже противъ соотечественниковъ. Несмотря на мирное время, Баярдъ умѣлъ заслужить извѣстность своими побѣдами на турнирахъ, въ которыхъ воинственное дворянство, скучая праздностію, выказывало передъ дамами силу и смѣлость, часто съ опасностію самой жизни. Товарищи и бѣдные любили его за простоту нрава и безграничную щедрость. Съ другомъ и недругомъ дѣлился онъ послѣднимъ добромъ своимъ и не думалъ о собственной нуждѣ. Онъ едва выходилъ изъ дѣтства, но будущій „рыцарь безъ страха и упрека“ уже былъ виденъ.

Въ 1494 году Карлъ VIII выступилъ съ большимъ войскомъ въ Италію. Это было начало такъ называемыхъ Италіянскихъ войнъ, которыми открывается новая исторія Европы. Съ этого времени до самой смерти, Баярдъ почти не сходилъ съ поприща войны. Походъ Карла былъ сначала очень удаченъ. Онъ прошелъ вдоль всю Италію и безъ труда занялъ королевство Неаполитанское, на которое у него были наслѣдственныя права. Французы дивились слабости Итальянцевъ, такъ легко уступавшихъ иноземцамъ самыя дорогія достоянія человѣка — независимость и родную землю. Въ простотѣ и невѣжествѣ своемъ, они приписывали эту слабость духа той блестящей

---

*) Подъ заглавіемъ: Très joyeuse, plaisante et récréative histoire, composée par le loyal serviteur des faicts, gestes, triomphes et prouesses du beau chevalier sans paour et sans reproches, gentil seigneur de Bayard.

образованности, которою дѣйствительно тогдашніе Итальянцы отличались предъ всѣми другими народами. Но настоящая образованность не ослабляетъ мужества; напротивъ того, она его укрѣпляетъ и направляетъ къ цѣлямъ разумнымъ и достойнымъ. Есть другая образованность, ложная и вредная, которая нѣжитъ и балуетъ умъ, отучая его отъ строгихъ, общеполезныхъ помысловъ. Такая образованность, конечно, можетъ развить въ человѣкѣ прекрасную способность наслаждаться картинами, музыкою, стихами, но наслажденіе будетъ безплодно; оно будетъ похоже на наслажденіе лакомки. Человѣкъ, который, ради картинъ или книгъ, въ состояніи забыть о другихъ людяхъ и не думать объ ихъ участи, не многимъ лучше безнравственнаго ребенка, который ѣстъ тайкомъ сладкій кусокъ, когда мать и отецъ его умираютъ съ голоду. Итальянцы XV вѣка съ жаромъ изучали великихъ писателей Греческой и Римской древности, но они болѣе обращали вниманія на изящную форму изучаемыхъ произведеній, чѣмъ на ихъ глубокій, нравственный смыслъ. Упиваясь сладкозвучною рѣчью, они не думали объ усвоеніи себѣ той доблести, той нравственной красоты, того человѣческаго достоинства, которыми такъ ярко сіяютъ великіе люди Греческой и Римской исторіи. Зато тѣ Итальянцы, которые поняли древность съ настоящей стороны, не уступали ни Французамъ, ни другимъ народамъ въ мужествѣ военномъ, и далеко превосходили ихъ во всемъ другомъ. Къ несчастію, такихъ было немного.

Главная причина, почему Италія такъ легко поддавалась иноплеменникамъ, заключалась въ ея раздробленіи на множество княжествъ и республикъ, которыя безпрерывно воевали другъ съ другомъ и не могли соединиться въ прочный союзъ, даже при общей всѣмъ опасности. Впрочемъ, Карлъ VIII не долго удержалъ за собою такъ скоро завоеванное имъ Неаполитанское королевство. Въ то самое время, когда, среди пировъ и рыцарскихъ забавъ, онъ собирался въ новый походъ, котораго цѣлью были изгнаніе Турокъ изъ Европы и освобожденіе изъ подъ власти Магометанъ гроба Господня, до него дошла вѣсть, что тотъ самый Лудовикъ Моро, правитель Миланскій, который призвалъ его себѣ на помощь въ Италію, теперь соединился противъ него съ папою и могущественною Венеціанскою республикою. Такимъ образомъ Французамъ былъ отрѣзанъ возвратный путь на родину. Карлъ, встревоженный этими извѣстіями, отказался на время отъ своихъ прежнихъ намѣреній, оставилъ значительный отрядъ для защиты Неаполя, а самъ съ прочимъ войскомъ пошелъ къ сѣверу. На берегахъ рѣки Таро, близъ Форново, ожидали его соединенные Итальянцы. Смѣлымъ нападеніемъ Французы смяли многочисленныхъ противниковъ и прочистили себѣ дорогу. Девятнадцатилѣтній Баярдъ совершилъ здѣсь свой первый, блистательный подвигъ. Онъ поднесъ королю отнятое имъ лично непріятельское знамя. Въ жаркой схваткѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади.

Черезъ три года умеръ Карлъ VIII. Преемникъ его, Лудовикъ XII, прозванный отцемъ народа, предпринялъ новый походъ въ Италію, откуда Французы уже были совершенно вытѣснены. Онъ считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ герцогства Миланскаго. Баярдъ отличился въ самомъ началѣ

войны. Преслѣдуя разбитый отрядъ Миланскихъ войскъ, онъ ускакалъ отъ болѣе осторожныхъ товарищей, и одинъ, вмѣстѣ съ бѣглецами, ворвался въ городъ Миланъ. Его, разумѣется, немедленно окружили и принудили сдаться. Лудовикъ Моро почтилъ его отвагу и возвратилъ ему безъ выкупа свободу и оружіе. Но Баярдъ самъ осудилъ свою запальчивость. Ему такъ же незнакомо было тщеславіе, какъ и чувство страха. Впослѣдствіи, онъ никогда не искалъ ненужныхъ опасностей и пренебрегалъ суетною славою удальства. Французы вскорѣ завоевали Миланское герцогство и вторично проникли въ Неаполь, но на этотъ разъ они должны были уступить часть прекрасной добычи Фердинанду католику, королю Испанскому. Согласіе между Фердинандомъ и Лудовикомъ XII было непродолжительно. Въ 1502 году, въ южной Италіи завязалась новая война, въ которой съ обѣихъ сторонъ стояли самые знаменитые воины того времени. Со стороны Испанцевъ: блестящій побѣдитель Мавровъ, Гонзальвъ Кордуанскій, заслужившій отъ современниковъ, по преимуществу, имя „великаго полководца“; Донъ Педро Наварра, который началъ службу простымъ солдатомъ въ пѣхотѣ и сдѣлался графомъ. Для него не было недоступной крѣпости. Онъ умѣлъ всюду подвести подкопъ и взрывалъ на воздухъ цѣлыя горы. Педро де-Пацъ, горбатый карликъ съ косыми глазами; когда онъ сидѣлъ на конѣ, его почти нельзя было видѣть, по малому росту, но въ цѣломъ мірѣ едва ли было сердце болѣе смѣлое. Онъ не боялся ни живыхъ враговъ, ни привидѣній, въ которыхъ крѣпко вѣрили тогдашніе люди. Съ такимъ же безстрашіемъ ходилъ онъ въ битву, съ какимъ спускался въ ославленныя суевѣріемъ пещеры, гдѣ, по народному повѣрью, злые духи берегли богатые клады. Со стороны Французовъ были: Добиньи, изъ царственнаго дома Шотландскихъ Стуартовъ; Лапалисъ, на полѣ битвы провозглашенный Французскимъ маршаломъ изумленными Испанцами. Король утвердилъ его въ санѣ, признанномъ благородными противниками. Монтуазонъ, дряхлый и больной старикъ, который становился бодрымъ юношею, „соколомъ сраженія“, при видѣ непріятеля; Имберкуръ, Фонтраль и Баярдъ. Имя молодаго рыцаря уже было славно. Въ частыхъ, почти ежедневныхъ сшибкахъ ему было можно обнаружить великія военныя качества, которыми одарила его природа. Однажды онъ взялъ въ плѣнъ знатнаго Испанца, Алонзо де-Сото-Майоръ. Въ ожиданіи условленнаго выкупа, побѣдитель, полагаясь на честное слово плѣнника, освободилъ его отъ всякаго надзора. Испанцу скоро наскучила праздная жизнь въ плѣну; онъ нарушилъ рыцарское обѣщаніе и бѣжалъ. Побѣгъ не удался. Взятый въ другой разъ, Донъ Алонзо былъ заключенъ въ башню, откуда его освободили только по уплатѣ имъ тысячи червонцевъ выкупа. Эти деньги Баярдъ немедленно роздалъ подчиненнымъ своимъ. Ему достаточно было одной чести. Но самолюбіе Испанскаго рыцаря было глубоко тронуто: онъ жаловался въ оскорбительныхъ выраженіяхъ на строгость надзора, на неприличное обхожденіе съ нимъ Баярда. Въ то время подобныя ссоры обыкновенно оканчивались поединкомъ. Другихъ средствъ къ отвращенію обидъ или клеветы не знали. Несмотря на тяжкую болѣзнь Баярда, поединокъ между нимъ и Донъ Алонзо былъ неизбѣженъ. Они бились на

смерть, въ присутствіи значительнаго числа свидѣтелей изъ обѣихъ армій. Предъ началомъ боя Баярдъ преклонилъ колѣна, произнесъ молитву и приложился къ землѣ. Сото-Майоръ былъ убитъ. Впрочемъ, такого рода подвиговъ въ жизни Баярда немного, хотя поединки принадлежали къ числу самыхъ обыкновенныхъ случаевъ. Высокое, всѣми признанное безстрашіе соединялось въ немъ съ такою чистою скромностію, такою простотою души и уваженіемъ къ чести другихъ, что онъ не могъ ни наносить, ни получать тѣхъ мелкихъ оскорбленій, которыя въ то время неминуемо влекли за собою кровавую расправу. Ему случилось отбить у Испанцевъ 15,000 червонныхъ, сумму огромную, которая превышала все его родовое имѣніе и по праву принадлежала ему одному. Несмотря на то, одинъ изъ его товарищей незаконно потребовалъ участка въ этой добычѣ. Баярдъ отказалъ наглому требованію и предоставилъ дѣло на разборъ начальниковъ. Рѣшеніе было въ его пользу. Тогда онъ раздѣлилъ деньги на двѣ половины и добровольно отдалъ одну опечаленному противнику, другую — солдатамъ. Великодушіе его обогатило многихъ, самъ онъ остался бѣденъ до конца жизни.

Между тѣмъ, война приняла дурной для Французовъ оборотъ. Они были слишкомъ опрометчивы, а вели дѣло съ врагомъ осторожнымъ и осмотрительнымъ. Проигравъ нѣсколько сраженій, въ 1504 году, имъ наконецъ пришлось совсѣмъ оставить Неаполитанское королевство. Баярду обязана была Французская армія спасеніемъ отъ совершенной погибели, которая ей однажды грозила. Оба непріятельскія войска стояли въ виду одно-другаго, на противоположныхъ берегахъ рѣчки Гарильяно. Узкій и плохой мостъ представлялъ опасную переправу. Въ этой увѣренности, Французы безпечно расположились въ лагерѣ своемъ и не ждали никакого нападенія. Испанцы замѣтили ихъ оплошность. Донъ Педро де-Пацъ пошелъ съ довольно сильнымъ отрядомъ внизъ по рѣкѣ, какъ бы отыскивая броду, и обратилъ на себя все вниманіе французскихъ начальниковъ. Между тѣмъ, двѣсти человѣкъ конницы понеслись къ мосту, оставленному безъ охраны. Одинъ Баярдъ замѣтилъ это движеніе и бросился имъ на встрѣчу. Узость моста не позволяла Испанцамъ развернуться: они должны были идти по три въ рядъ. Этимъ воспользовался рыцарь безъ страха и упрека. Онъ сбросилъ передовыхъ противниковъ въ рѣку и устоялъ противъ остальныхъ, пока къ нему не подоспѣла помощь. Суевѣрные Испанцы были убѣждены, что съ ними бился демонъ. Они не вѣрили, чтобы человѣкъ могъ выдержать такую неравную борьбу. Наградою за это дѣло былъ данный королемъ Баярду девизъ: unus vires agminis habet *)

Праздность Баярда, по выступленіи Французовъ изъ Неаполя, продолжалась недолго. Онъ оказалъ Лудовику XII важныя услуги при взятіи Генуи. По заключеніи Камбрейскаго договора, соединившаго противъ одной Венеціи силы Нѣмецкаго императора, папы и королей Французскаго и Испанскаго, сверхъ Итальянскихъ князей, давнихъ завистниковъ республики, Ба-

*) У него одного сила цѣлаго войска.

ярдъ явился опять на поприщѣ своихъ первыхъ подвиговъ. Этотъ разъ Венеція вела войну благородную. Она созвала подъ свои знамена лучшихъ юношей Италіи и указала на святую для нихъ цѣль войны, на освобожденіе родины отъ иностранцевъ, которые нагло дѣлили ее между собою. Но счастіе измѣнило республикѣ, дотолѣ почти не знавшей неудачъ. 14 мая 1509 года, при Аньяделло, Венеціанская армія была на голову разбита Французами. Цвѣтъ Итальянскихъ юношей, самые благородные, самые образованные легли въ битвѣ. Побѣдители должны были признать высокое мужество побѣжденныхъ и поняли, что есть образованность, которая не дѣлаетъ человѣка малодушнымъ. Венеціане съ гордостію разсказывали, что убитые ихъ ратники почти всѣ были ранены въ грудь. Это было единственное, но прекрасное утѣшеніе Италіи, навсегда утратившей свою независимость. Баярдъ былъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ Аньядельской побѣды. При осадѣ Павіи, онъ заставилъ императора Максимиліана сказать, что онъ завидуетъ королю Французскому, у котораго есть такой слуга. Потомъ онъ былъ отправленъ на помощь герцогу Феррарскому противъ папы Юлія II. Баярдъ едва не захватилъ въ плѣнъ не по сану воинственнаго папу и велѣдъ за тѣмъ спасъ ему жизнь, которой грозила опасность со стороны измѣнника. Въ началѣ 1512 года, у Французовъ почти не оставалось союзниковъ. Они должны были вести войну съ тѣми же государствами, которыя въ Камбре соединились съ ними противъ Венеціи. Тогда начальство надъ войсками Людовика XII принялъ двадцати-четырехлѣтній Гастонъ де Фуа, герцогъ Немурскій. Его военное поприще было коротко и славно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ завоевалъ почти всю сѣверную Италію и грозилъ выгнать Испанцевъ изъ южной. Самый близкій совѣтникъ его былъ Баярдъ. На кровавомъ приступѣ къ Бресчіи, Баярдъ велъ передовой отрядъ и рѣшилъ успѣхъ предпріятія, но былъ тяжело раненъ. Его перенесли въ одинъ изъ лучшихъ домовъ завоеваннаго города. Несмотря на свои страданія, добрый рыцарь прежде всего позаботился о томъ, чтобы хозяева его не потерпѣли оскорбленій отъ раздраженныхъ побѣдителей, грабившихъ Бресчію. По выздоровленіи, онъ не хотѣлъ принять никакого выкупа отъ богатой хозяйки дома, которая, по тогдашнимъ законамъ войны, была его плѣнницею. Часть денегъ, ею принесенныхъ, онъ подарилъ ея дочерямъ въ приданое, остальныя велѣлъ раздать въ женскихъ монастыряхъ наиболѣе пострадавшимъ во время приступа. Онъ прибылъ въ станъ герцога Немурскаго за нѣсколько дней до славной битвы Равенской.

Въ самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, день радости и примиренія для христіанъ, сошлись не для мирнаго дѣла Испанская и Французская арміи. Многіе, глядя на кровавый цвѣтъ восходившаго солнца, предсказывали страшную сѣчу, смерть какого-нибудь великаго вождя. Съ ранняго утра Гастонъ былъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ. Съ Баярдомъ и еще нѣсколькими спутниками подъѣхалъ онъ къ небольшому ручью, по ту сторону котораго стоялъ непріятель. Гастону хотѣлось взглянуть на его положеніе. За ручьемъ было человѣкъ двадцать или тридцать Испанцевъ. Они въ свою очередь обозрѣвали Французскій станъ. Баярдъ обратился къ нимъ.

съ рыцарскимъ привѣтомъ и словами: „Вы, государи мои, кажется, гуляете, подобно намъ, въ ожиданіи болѣе веселой забавы. Запретите пока стрѣлять съ вашей стороны, я отдалъ такое же приказаніе своимъ". Донъ Педро де-Пацъ спросилъ объ его имени и, когда узналъ, что съ нимъ говоритъ рыцарь безъ страха и упрека, котораго онъ полагалъ еще въ Брешіи, то поздравилъ его съ прибытіемъ: „Я радъ васъ видѣть, благородный господинъ, хотя присутствіе ваше для насъ не прибыль. Французская армія усилилась двумя тысячами человѣкъ въ вашемъ лицѣ. Дай Богъ, чтобы между нашими государями когда-нибудь состоялся прочный миръ и чтобы намъ, наконецъ, можно было сойтись не для битвы, а для дружеской бесѣды". Потомъ Донъ Педро спросилъ: „Кто этотъ статный молодой господинъ, которому всѣ вы оказываете такое почтеніе?"

Баярдъ отвѣчалъ: „Это герцогъ Немурскій, братъ вашей королевы". Тогда Испанцы сошли съ коней и, преклонивъ колѣни, привѣтствовали Гастона: „Мы преданные вамъ слуги, герцогъ, во всемъ, что не противорѣчитъ вѣрности, обѣщанной нами королю Фердинанду". Гастонъ поблагодарилъ ихъ, и они разъѣхались. Немного спустя началось дѣло. Соединенное войско Фердинанда и папы стояло за глубокими рвами. Доступъ къ нему былъ труденъ, почти невозможенъ. Но когда Французскія пушки открыли огонь, Испанская конница не выдержала. Она перескочила черезъ рвы и понеслась въ чистое поле на встрѣчу Гастону, Баярду и Ла-Палису, которые того только и ждали. Они опрокинули запальчивыхъ враговъ и погнали ихъ передъ собою. Потомъ Французская пѣхота овладѣла окопами. Сраженіе было проиграно Испанцами. Главные начальники ихъ арміи были убиты или ранены. Въ числѣ плѣнныхъ были Донъ Педро Наварра и молодой маркизъ Пескара, впослѣдствіи одинъ изъ великихъ генераловъ Карла V. Военное поприще его только начиналось. На щитѣ его было написано: „съ нимъ или на немъ". Но онъ забылъ гордый девизъ и отдалъ побѣдителю щитъ и мечъ. Двѣ тысячи человѣкъ Испанской пѣхоты сохранили строй въ общемъ безпорядкѣ. Тихо и гордо отступали они къ Равеннѣ. Гастонъ отрѣзалъ имъ дорогу къ городу. Но въ упоеніи выигранной имъ побѣды, онъ не замѣтилъ, что при немъ было не болѣе тридцати всадниковъ. Бой былъ непродолжителенъ. Четырнадцать ранъ получилъ Гастонъ и палъ мертвый. Жаль было не его, а Французской арміи, потерявшей такого начальника. Его смерть была прекрасна. Ей можно завидовать, но не жалѣть объ ней. Онъ умеръ молодъ, въ торжественную минуту жизни, исполненный гордой радости и высокихъ надеждъ. Совершились ли бы его надежды, кто знаетъ? Онъ унесъ ихъ съ собою.

Онъ унесъ съ собою и счастіе Франціи. Равенская побѣда не привела тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ нея можно было ожидать. Враги Людовика XII удвоили усилія: его армія должна была снова оставить Италію. При отступленіи, Баярдъ, по обыкновенію своему, занялъ самое опасное мѣсто: онъ велъ задній отрядъ и отбивалъ напиравшаго непріятеля. Больной, тяжело раненый, онъ прибылъ въ Гренобль. Жизнь его, повидимому, угасала. Народъ съ горячимъ участіемъ толпился около дома, гдѣ онъ лежалъ. Въ

церквахъ молились о его выздоровленіи. Баярдъ жалѣлъ объ одномъ: о томъ, что Богъ не далъ ему умереть смертью воина, вмѣстѣ съ Гастономъ, въ битвѣ Равенской. Но ему не суждено было умереть такъ рано. Передъ нимъ было еще нѣсколько годовъ славной и благородной жизни.

Вскорѣ по выздоровленіи, Баярдъ отправился въ Испанію, гдѣ шла война за Наварру, которою незаконно овладѣлъ Фердинандъ Католикъ. Оттуда его призвалъ Лудовикъ XII для защиты границъ собственнаго государства. Императоръ Нѣмецкій Максимиліанъ и Генрихъ VII, король Англійскій, соединились въ Французской провинціи Пикардіи и обложили городъ Теруанъ. Надобно было подать помощь осажденнымъ. Но Французская конница, объятая страннымъ страхомъ, ускакала съ поля, не дожидаясь нападенія. Впослѣдствіи это дѣло было названо битвою шпоръ (la bataille des éperons). Баярдъ, Лапалисъ и еще немногіе остались назади, не рѣшаясь бѣжать. Лапалису удалось потомъ отбиться; Баярдъ, со всѣхъ сторонъ окруженный, бросился на непріятельскаго офицера, который вовсе не ждалъ нападенія со стороны разсѣянныхъ Французовъ, приставилъ ему мечъ къ горлу и принудилъ сдаться. Тогда Баярдъ отдалъ ему въ свою очередь мечъ и сказалъ: „Вы мой плѣнникъ, а я вашъ. Ведите меня къ императору“. Максимиліанъ и Генрихъ приняли его съ высокимъ уваженіемъ и рѣшили, что онъ не обязанъ платить выкупа, потому что былъ взятъ не какъ другіе. Англійскій король предложилъ ему вступить къ нему въ службу, на самыхъ блестящихъ условіяхъ. Баярдъ отвѣчалъ, что у него одинъ Богъ на небѣ и одно отечество на землѣ и что онъ не можетъ измѣнить ни тому, ни другому. Подобный отвѣтъ далъ онъ еще прежде папѣ Юлію II. Предложенія Генриха и папы были основаны на неблагодарности Французскаго правительства, которое, пользуясь службою благороднаго рыцаря, не умѣло цѣнить его по достоинству и не хотѣло его поставить на приличное ему мѣсто. Изъ всѣхъ Французскихъ генераловъ того времени, онъ былъ самый знаменитый; несмотря на то, до самой смерти своей, онъ долженъ былъ повиноваться начальникамъ, которые были моложе его и лѣтами и службою. Но Баярду не нужно было никакихъ наградъ. Онъ никому не завидовалъ, никогда не искалъ повышенія. Въ высокой скромности и чистотѣ сердца, онъ былъ доволенъ сознаніемъ совершеннаго долга и отвращеніемъ опасностей, которыя грозили его родинѣ. Другихъ цѣлей жизни у него не было.

Лудовикъ XII умеръ. Его мѣсто заступилъ Францискъ I. Новый король былъ молодъ, смѣлъ, исполненъ жаркой любви къ славѣ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ задумалъ о завоеваніи отнятаго у его предшественника Миланскаго герцогства. Баярдъ былъ назначенъ королевскимъ намѣстникомъ въ родную провинцію Дофине и получилъ приказаніе наблюдать за Швейцарцами и папскими войсками, которыя сторожили проходы въ Италію. Онъ началъ военныя дѣйствія взятіемъ въ плѣнъ папскаго генерала, Проспера Колонны, и значительнаго отряда конницы. Первая удача имѣла большое вліяніе на остальной ходъ предпріятія. Недалеко отъ Миланскихъ воротъ, у Мариньяно, Швейцарцы остановили Французскую армію. Это случилось 13 сентября 1515 года. Швейцарская пѣхота слыла неодолимою.

Въ то время ей не было равной, за исключеніемъ развѣ Турецкихъ янычаровъ, на другомъ концѣ Европы пользовавшихся такою же славою. Густыми рядами, уставивъ впередъ длинныя копья, ходили Швейцарцы въ битву и ломили все, что попадалось имъ на встрѣчу. Никакая конница не могла удержать ихъ. Частыя побѣды убѣдили ихъ въ собственной непобѣдимости и исполнили презрѣнія къ другимъ. Французскихъ латниковъ они называли вооруженными зайцами. Два дня бились они при Мариньяно; нѣсколько разъ они были близки къ побѣдѣ, наконецъ, сдѣлавъ послѣднее отчаянное усиліе, потерявъ двѣ трети своихъ убитыми и ранеными, они отступили. Подобной сѣчи не могли запомнить самые старые воины. Бѣшеная лошадь унесла Баярда въ средину непріятелей, смерть его казалась неизбѣжною, но онъ не потерялъ присутствія духа, свалился въ глубокій ровъ и кое-какъ пробрался къ своимъ. Послѣ побѣды, король Францискъ просилъ Баярда возвести его въ достоинство рыцаря. Рыцарю безъ страха и упрека принадлежала по праву такая честь.

Вскорѣ потомъ у Франциска явился соперникъ, столько же молодой, столь же честолюбивый, и болѣе могущественный. То былъ Карлъ, король Испанскій, по смерти Максимиліана избранный императоръ Нѣмецкій. Прочный миръ между ними былъ невозможенъ. Въ 1521 году императорскія войска вошли во Францію, заняли часть Шампаніи и подступили къ Мезьеру. Взятіе этого города открыло бы имъ путь во внутренность королевства. Испуганные придворные совѣтовали Франциску сжечь скорѣе Мезьеръ, чтобы онъ не достался непріятелю, отдать на разореніе Шампанію и собрать всѣ силы государства около Парижа. Баярдъ возсталъ противъ малодушныхъ и безчеловѣчныхъ мнѣній. „Мезьеръ плохая крѣпость, сказалъ онъ, но храбрые люди стоютъ крѣпкихъ стѣнъ“. Онъ вызвался защищать городъ. Дѣло было трудное; онъ доказалъ, что оно не превышало его силъ. Нѣсколько недѣль простояли Карловы генералы передъ городомъ почти безъ укрѣпленій, который они надѣялись взять безъ сопротивленія; наконецъ имъ должно было снять осаду и удалиться въ Германію. За эту великую услугу Францискъ наградилъ Баярда орденомъ св. Михаила; народъ считалъ его спасителемъ Франціи. Баярдъ не долго пробылъ при дворѣ, гдѣ его осыпали почестями. Его призывали опасности новаго рода. Въ провинціи Дофине открылась моровая язва. Онъ поспѣшилъ туда, успокоилъ народъ и дѣятельными мѣрами умѣлъ остановить распространеніе страшной болѣзни. Потомъ онъ усмирилъ Генуэзцевъ, которые снова отложились отъ Франціи, и взялъ городъ Лоди. Начальникомъ Французской арміи былъ тогда адмиралъ Бонниве, любимецъ короля, человѣкъ лично храбрый, но самонадѣянный и неопытный въ военномъ дѣлѣ. Несмотря на возраженія Баярда, онъ заставилъ его занять въ деревнѣ Ребекѣ, близъ Милана, невыгодное положеніе, которое предавало его въ руки врагамъ. Испанцы воспользовались ошибкою и дѣйствительно окружили Ребекъ. Съ страшными усиліями удалось Баярду пробиться назадъ къ арміи, но онъ былъ глубоко опечаленъ потерями, которыя отрядъ его понесъ въ неравной борьбѣ. Онъ былъ щедръ только на свою кровь; кровь и жизнь другихъ онъ берегъ свято. Легкомысліе Бонниве

казалось ему преступнымъ, и онъ не скрылъ своего мнѣнія. Поправить испорченное дѣло было невозможно: Французы отошли отъ Милана, тѣснимые Испанцами, которые надѣялись на совершенную побѣду. Раненый Бонниве понялъ, что одинъ Баярдъ въ состояніи принять начальство надъ арміею и спасти ее. Онъ обратился къ нему. „Теперь поздно, отвѣчалъ Баярдъ, я могу вамъ обѣщать одно: пока я живъ, мы не сдадимся". Въ виду многочисленнаго непріятеля надобно было переправиться черезъ рѣчку Сезію, между Романьяно и Гатинарою. 30 апрѣля 1524 года, въ десять часовъ утра, Баярдъ былъ раненъ на вылетъ каменною пулею, которая перебила ему спинную кость. Онъ дважды призвалъ имя Божіе и тихо свалился съ лошади. Его положили подъ дерево, лицемъ къ приближавшимся Испанцамъ. „Я всегда смотрѣлъ имъ въ лице", сказалъ онъ, „умирая, не хочу обратиться спиною". Потомъ, онъ отдалъ нѣсколько приказаній на счетъ поспѣшнаго отступленія, исповѣдалъ грѣхи свои одному изъ бывшихъ при немъ служителей и приложилъ къ губамъ крестъ, бывшій на рукояткѣ его меча. Въ такомъ положеніи нашли его непріятели. Они обступили его съ знаками глубокаго участія. Помочь ему было невозможно: онъ отходилъ отъ жизни. Не одни Французы скорбѣли о великой утратѣ. Адріанъ де Круа, Испанскій генералъ, слѣдующими словами увѣдомилъ императора Карла о кончинѣ рыцаря безъ страха и упрека: „Государь, хотя Баярдъ служилъ врагу вашему, смерть его достойна сожалѣнія. Онъ былъ благородный рыцарь, и всѣ любили его. Едва ли кто могъ поравняться съ нимъ чистотою жизни, а кончина его была такъ хороша, что я никогда не слыхалъ о подобной". Слѣдствія его смерти не замедлили обнаружиться. Менѣе чѣмъ черезъ годъ, Французская армія была совершенно разбита и разсѣяна при Павіи. Король Францискъ былъ взятъ въ плѣнъ. Тогда оцѣнилъ онъ Баярда. „О, рыцарь Баярдъ! рыцарь Баярдъ! воскликнулъ онъ въ горѣ своемъ: еслибы ты былъ живъ, я бы не былъ въ плѣну".

Баярду было сорокъ восемь лѣтъ, когда онъ былъ убитъ. По словамъ современниковъ, онъ былъ высокъ ростомъ и худъ. У него были черные глаза, темные волосы и орлиный носъ. Лице было блѣдное, съ выраженіемъ безконечной доброты. Съ перваго взгляда, его никакъ нельзя было принять за стараго воина, привыкшаго къ битвамъ и кровопролитію. Онъ болѣе походилъ на человѣка, посвятившаго себя молитвѣ и мирному служенію больнымъ и скорбнымъ братьямъ. Здоровье у него было не крѣпкое. Кромѣ ранъ, онъ страдалъ семь лѣтъ сряду лихорадкою; но болѣзни не мѣшали ему служить Франціи и дѣлать свое дѣло. Онъ побѣждалъ ихъ силою души. Онъ отличался высокимъ благочестіемъ, хотя не любилъ молиться въ присутствіи свидѣтелей; служители его разсказывали, что онъ вставалъ по ночамъ, когда думалъ, что другіе уже спятъ, и тогда совершалъ долгую и горячую молитву. Милосердіе его къ бѣднымъ не имѣло предѣловъ. Il estoit grant aumosnier et faisait ses aulmosnes secrètement, говоритъ его простодушный біографъ. Когда нужно было подать помощь, онъ не отличалъ враговъ отъ своихъ. Болѣе ста бѣдныхъ дѣвицъ надѣлилъ онъ приданымъ во Франціи и завоеванныхъ ею краяхъ. Зато онъ умеръ бѣденъ, при огромныхъ сред-

ствахъ къ обогащенію себя. Среди ужасовъ войны, продолжительной и свирѣпой, онъ сохранилъ всю свѣжесть юношескаго сердца и до конца не могъ равнодушно смотрѣть на пожары и грабежи, которыми сопровождались движенія воевавшихъ армій. Чуждый тщеславія, онъ бережно хранилъ честь свою, потому что понималъ ее не такъ, какъ понимала ее большая часть его современниковъ и какъ понимаютъ много людей настоящаго времени. Его чувство чести было основано на глубокомъ уваженіи къ личности человѣческой. Всякую обиду, неправо нанесенную человѣку, онъ считалъ грѣхомъ и преступленіемъ, и потому равно отвращалъ ее отъ себя и отъ другихъ. Однимъ словомъ, онъ законно носитъ названіе рыцаря безъ страха и упрека, и le loyal serviteur не напрасно сказалъ объ немъ: „ne s'est trouvé, en cronicque ou hystoire, prince, gentil-homme, ne autre condition qu'il ait esté, qui plus furieusement entre les cruels, plus doulcement entre les humbles, ne plus humainement entre les petis ait vescu que le bau chevalier dont la présente hystoire est commencée“.

ПЕТРЪ РАМУСЪ *).

У науки есть также свои герои мученики. Къ числу такихъ принадлежитъ Петръ Рамусъ (Pierre la Ramée), одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей XVI вѣка, столь богатаго великими личностями. Онъ родился въ Пикардіи, отъ очень бѣдныхъ родителей, около 1515 года. Влекомый раннею страстію къ знанію, онъ, подобно нашему Ломоносову, бѣжалъ изъ отцовскаго дома – въ Парижъ, гдѣ надѣялся найдти средства къ ученію. Но въ Парижѣ его встрѣтила нищета. Два раза возвращался онъ домой, но не терялъ смѣлости, и третья попытка была удачнѣе. Его приняли слугою въ Наварскій коллегіумъ: днемъ онъ исправлялъ обязанности своего званія, ночью учился. Съ равнымъ жаромъ занимался онъ философіею, филологіею и математикою. Тогдашнее состояніе науки, скованной схоластическими опредѣленіями, не могло удовлетворить требованій его яснаго и отъ природы полемическаго ума. При полученіи степени магистра онъ уже обратилъ на себя вниманіе смѣлымъ тезисомъ: все ученіе Аристотеля ложно. Его лекціи были въ томъ же духѣ. Въ 1543 году онъ издалъ двѣ книги, опредѣлившія на всю жизнь его отношенія къ современнымъ ему ученымъ: Institutiones dialecticae и Aristotelicae animadversiones. Въ первой онъ изложилъ

*) Эта и двѣ слѣдующія статьи напечатаны въ „Живописной Энциклопедіи“ 1847 г., т. I, стр. 57—60, 278—281, 177—180. Къ статьямъ приложены три рисунка: 1) Смерть Петра Рамуса, 2) Инквизиціонная пытка, 3) Собраніе Квакеровъ въ XVIII столѣтіи.

собственную систему логики, во второй подвергъ строгому и отчасти несправедливому разбору ученіе Аристотеля. Но цѣль Рамуса была благородна: онъ боролся не столько съ греческимъ философомъ, сколько съ его толкователями, которыхъ формализмъ былъ ему ненавистенъ. Онъ требовалъ отъ науки простоты, положительности и прямого вліянія на жизнь. Всѣмъ этимъ требованіямъ противорѣчила схоластика.

Враги Рамуса употребили противъ него средство, которое обыкновенно употребляютъ защитники старыхъ, отживших учeній. Они обвинили его передъ правительствомъ въ оскорбленіи религіи и нравственности. Не надѣясь на содѣйствіе парламента, они обратились прямо къ королю Франциску I. Король поручилъ рѣшеніе дѣла коммиссіи, составленной изъ пяти извѣстныхъ ученыхъ. Противники Рамуса находились въ большинствѣ и одержали верхъ. У него было отнято право преподаванія; на книги его наложено запрещеніе. Этотъ приговоръ былъ изданъ на латинскомъ и французскомъ языкахъ, обнародованъ на улицахъ Парижскихъ и разосланъ въ главные города Европы. Но месть побѣдителей не ограничилась этимъ: имя Рамуса стало ругательнымъ словомъ; въ драматическихъ пьесахъ, нарочно съ такою цѣлью написанныхъ, явилось его опозоренное и осмѣянное лице. Рамусъ не поникъ главою предъ бурею. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему было разрѣшено преподаваніе философіи, а въ 1551 году онъ былъ утвержденъ профессоромъ философіи и краснорѣчія. Тогда наступило для него время богатой и страстной дѣятельности. Почти во всѣхъ отрасляхъ знанія явился онъ преобразователемъ. Въ наукѣ и въ способахъ ея изученія указывалъ онъ новые пути, составилъ планъ полнаго физико-математическаго курса, издалъ грамматики языковъ французскаго, латинскаго, греческаго и еврейскаго; съ защитниками старыхъ методъ и системъ онъ продолжалъ неутомимую полемику. Средневѣковыя формы Парижскаго университета требовали обновленія въ духѣ времени. Назначенный членомъ коммиссіи для преобразованія учебныхъ заведеній, Рамусъ представилъ Карлу IX мнѣніе, отличающееся вѣрнымъ и практическимъ взглядомъ на предметъ. Между прочимъ, онъ доказывалъ необходимость безвозмезднаго преподаванія для устраненія опаснаго университету совмѣстничества школъ духовенства. Мнѣніе Рамуса не было принято, но предвидѣнія его оправдались событіями послѣднихъ годовъ во Франціи. Безспорно, въ Европѣ не было тогда профессора равнаго ему по вліянію на слушателей. Съ многостороннею ученостію и смѣлостію мыслей онъ соединялъ блестящее краснорѣчіе. Въ уровень съ дарованіями стоялъ его характеръ, неукоризненный даже для враговъ. Рамусъ былъ человѣкъ самой строгой и высокой нравственности. Значительную часть скромныхъ доходовъ своихъ онъ употреблялъ на вспоможеніе бѣднымъ юношамъ, приходившимъ учиться въ Парижъ; сверхъ того, онъ успѣлъ составить капиталъ, на который завѣщалъ основать новую каѳедру математическихъ наукъ. Поставленный судьбою среди суровыхъ, озлобленныхъ кровавыми смутами поколѣній, онъ заимствовалъ отъ нихъ только презрѣніе къ смерти и отчасти преобладавшее въ немъ полемическое направленіе.

Понятно, что при такомъ настроеніи духа Петръ Рамусъ не могъ остаться равнодушнымъ къ политическимъ и религіознымъ вопросамъ, которые колебали европейскія общества въ XVI вѣкѣ. Онъ былъ усердный протестантъ и не скрывалъ своихъ вѣрованій въ католическомъ Парижѣ. Несмотря на сильное покровительство кардинала Карла Лотарингскаго и другихъ знатныхъ лицъ, онъ не разъ былъ принужденъ искать убѣжища въ станѣ своихъ единовѣрцевъ, во время междоусобныхъ войнъ. Въ 1568 году онъ посѣтилъ Германію, гдѣ у него было столько же почитателей, сколько врагавъ, т. е. защитниковъ Аристотеля и схоластики. Появленіе Рамуса придало новую живость спору. Въ Гейдельбергѣ онъ подвергся публичнымъ оскорбленіямъ, но не смутился и изложилъ съ каѳедры основы своихъ ученій. Болоньскій и Краковскій университеты предлагали ему каѳедру философіи. Рамусъ отказался и просилъ мѣста профессора въ Женевѣ, въ средоточіи кальвинизма. Желаніе его не сбылось. Ѳеодоръ Беза, преемникъ Кальвинова вліянія въ Женевѣ, былъ самъ поклонникъ Стагирита. Вообще Рамусъ, несмотря на свое глубокое благочестіе, не былъ любимъ начальниками реформатской церкви. Его нововведенія въ области науки и мышленія внушали имъ недовѣріе, отчасти оправданное его дѣйствіями на Нимскомъ Соборѣ, гдѣ онъ предложилъ ограничить власть консисторій и подчинить ее волѣ общинъ. Между тѣмъ наступилъ роковой для французскихъ протестантовъ 1572 годъ.

Мы не будемъ повторять слишкомъ извѣстныхъ подробностей о Варѳоломеевской ночи. Гораздо любопытнѣе извлеченныя изъ недавно-изданныхъ источниковъ и новыхъ изслѣдованій свѣдѣнія о причинахъ страшнаго событія. Никогда, можетъ быть, не было въ ходу такъ много историческихъ софизмовъ и парадоксовъ, какъ въ наше время. Нашлись ученые, которые, не раздѣляя страстей 16 вѣка, не устыдились однако оправдывать Варѳоломеевскую ночь такъ-называемою государственною необходимостью. Примѣръ былъ поданъ давно Гавріиломъ Ноде, не говоря о современныхъ Варѳоломеевской ночи апологетахъ. Эти кровавыя теоріи развиты теперь Капфигомъ и другими писателями того же мнѣнія. Убійство протестантовъ является у нихъ дѣломъ народа, справедливо раздраженнаго оскорбленіемъ его вѣрованій и посягательствомъ на его политическія права со стороны гугенотской аристократіи. Руководимыя чувствомъ самоохраненія, массы дѣйствовали самостоятельно, независимо отъ всякой посторонней воли или заранѣе обдуманнаго политическаго плана. Справедливо ли это?

Мысль о совершенномъ истребленіи французскихъ протестантовъ родилась задолго до Варѳоломеевской ночи. Партія Гизовъ питала такое намѣреніе въ эпоху своего владычества при Францискѣ II. Смерть короля остановила исполненіе, котораго трудности были очевидны. Но въ самый день Пасхи 1561 года, 6 апрѣля, герцогъ Гизъ, коннетабль Монморанси и маршалъ Сентъ-Андре заключили между собою союзъ, скрѣпленный актомъ, котораго подлинникъ хранится въ Парижской Королевской Библіотекѣ. Цѣль союза высказана ясно и смѣло: умерщвленіе всѣхъ Французовъ, принадлежащихъ или даже принадлежавшихъ къ сектѣ Кальвина, безъ разбора пола и возраста. Екатерина Медичи, знавшая о планѣ тріумвировъ, испугалась

его послѣдствій, понимая всю опасность, которая грозила королевской власти, если бы во главѣ упоенной кровью и фанатизмомъ черни стали Гизы. Благодаря ея проискамъ и усиліямъ партіи умѣренныхъ, тройственный союзъ не достигъ своихъ цѣлей. Во время знаменитыхъ совѣщаній въ Байоннѣ (1565) герцогъ Альба, представитель Филиппа II, къ которому безпрестанно обращались начальники католической партіи во Франціи, доказывалъ Екатеринѣ необходимость принять самыя рѣшительныя мѣры противъ гугенотовъ. Его мнѣніе поддерживали бывшіе тутъ же герцоги Гизъ, Монпансье, маршалъ Монлюкъ, Бурдильонъ и другіе. Очевидно, что мысль, лежавшая въ основаніи тройственнаго союза, не была оставлена. Но читатели могутъ въ то же время усмотрѣть, что эта мысль принадлежала не народу и не изъ него вышла. Въ 1572 году, начальники гугенотовъ собрались, какъ извѣстно, въ Парижѣ для празднованія свадьбы Генриха Наваргскаго съ Маргаритою Валуа. Бракъ этотъ долженъ былъ скрѣпить миръ между враждебными сторонами. Король Карлъ IX, молодой человѣкъ раздражительнаго характера, благородный по природѣ, но испорченный воспитаніемъ, искренно желалъ мира. По окончаніи междоусобій, онъ замышлялъ начать войну противъ Испаніи. Адмиралъ Колиньи сталъ его ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ. Королева-мать боялась его вліянія такъ же, какъ боялась Гизовъ. Она поспѣшила принять свои мѣры и остановила сына на новомъ пути, по которому онъ пошелъ, успѣвъ передать ему свои опасенія. Ея планъ былъ достоинъ учителя ея, Макіавеля, котораго книга о Государѣ замѣняла ей молитвенникъ, по словамъ современника. Зная о намѣреніи Гизовъ убить адмирала, она надѣялась, что раздраженные гугеноты нападутъ на виновниковъ, и что въ этомъ безпорядкѣ не трудно будетъ сбыть съ рукъ самихъ Гизовъ. Съ этой цѣлью, вѣроятно, былъ призванъ въ Парижъ полкъ королевскихъ стрѣлковъ, на который правительство могло положиться. Предпріятіе не удалось, потому что Мореверъ ранилъ, а не убилъ Колиньи. Но люди близкіе ко двору догадывались, что протестантамъ угрожаетъ опасность, хотя не знали откуда и какая. Епископъ Валенскій Монлюкъ, отправляясь посломъ въ Польшу, звалъ съ собою Рамуса и совѣтовалъ другимъ гугенотамъ быть осторожными. Въ самый день свадьбы, т. е. 18 августа, Карлъ IX отправилъ гонца къ Ліонскому губернатору. Въ письмѣ своемъ, изданномъ г. Пари, король предписываетъ губернатору не пропускать никого черезъ Ліонъ безъ особеннаго приказанія, до истеченіи шести дней *„отъ сего числа“*. Черезъ шесть дней ровно наступила Варѳоломеевская ночь. 20 августа, глава (prevôt) Парижскаго купечества получилъ изъ королевскаго казначейства 2100 ливровъ на покупку *лошадей и оружія, для собственной защиты и употребленія противъ враговъ Божіихъ и королевскихъ*. Екатерина говорила впослѣдствіи, что у нея на совѣсти только шесть человѣкъ изъ убитыхъ въ роковую ночь. Этимъ словамъ можно повѣрить. Ей нужна была смерть вождей: объ остальныхъ она не заботилась; они погибли жертвами личныхъ ненавистей и искусственно раздраженной черни. Король колебался до конца. Въ послѣднемъ рѣшительномъ совѣщаніи, кромѣ особъ королевской фамиліи, участвовали только четыре совѣтника: изъ нихъ одинъ

былъ Французъ, три остальные Итальянцы. Они принесли изъ родины своей, развитыя ея трагическою судьбою, политическія теоріи, такъ смѣло и жестоко высказанныя Макіавелемъ, и опыты, завѣщанные князьями, каковы были Борджіи, послѣдніе Висконти, Сфорцы и т. д. Карлъ не съумѣлъ отразить страшныхъ доводовъ, приведенныхъ этими людьми, и, почти безумный, далъ свое согласіе. Колоколъ церкви св. Германа долженъ былъ возвѣстить начало убійствъ. Но еще прежде, среди глубокой тишины, раздался гдѣ-то пистолетный выстрѣлъ. Этотъ слабый, едва слышный звукъ поразилъ ужасомъ не только короля, но и мать его. Они тотчасъ отправили приказаніе остановиться. Но посланный ихъ возвратился съ отвѣтомъ: поздно! Колоколъ св. Германа упредилъ его.

Въ числѣ погибшихъ былъ Петръ Рамусъ. Воинъ науки, онъ умеръ не за религіозныя свои вѣрованія, а за ученыя убѣжденія. Къ нему привелъ убійцъ его товарищъ, профессоръ Шарпантье, горячій защитникъ Аристотеля. Побѣжденный словомъ, онъ прибѣгнулъ къ кинжалу и кончилъ споръ.

Число жертвъ Вароѳоломеевской ночи различно показывается. Католики уменьшаютъ его, протестанты увеличиваютъ. Считать ихъ было некому и некогда. Сена и Лоара унесли много труповъ въ море. Но не числомъ погибшихъ опредѣляется значеніе дѣла, положившаго темную печать на цѣлый отдѣлъ жизни и на самый характеръ французскаго народа. Говорятъ, что народный организмъ подвергается болѣзнямъ, требующимъ иногда страшныхъ, кровавыхъ лѣкарствъ. Есть школа, которая возвела это мнѣніе въ историческую аксіому. Основываясь на опытахъ исторіи, мы думаемъ иначе. Такія лѣкарства, какъ Вароѳоломеевская ночь, изгоняя одинъ недугъ, заражаютъ нѣсколько другихъ, болѣе опасныхъ. Они вызываютъ вопросъ: заслуживаетъ ли спасенія организмъ, нуждающійся въ такихъ средствахъ для дальнѣйшаго существованія? Государство теряетъ свой нравственный характеръ, употребляя подобныя средства, и позоритъ самую цѣль, къ достиженію которой стремится. Въ 1572 году французское правительство показало народу примѣръ самоуправства и убило надолго въ немъ чувство права. Политическое преступленіе 24 августа оправдало множество частныхъ, потому что частная нравственность всегда въ зависимости отъ общественной.

ИСПАНСКАЯ ИНКВИЗИЦІЯ.

Исторія испанской инквизиціи можетъ служить доказательствомъ того страшнаго вліянія, какое дурныя государственныя учрежденія имѣютъ на судьбу и характеръ цѣлыхъ народовъ. Печальная исторія Испаніи со времени Филиппа II, упадокъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, постепенное огрубѣніе и порча народа, отъ природы благороднаго и даровитаго, были слѣдствіемъ инквизиціоннаго суда, основаннаго Фердинандомъ и Изабеллою.

Мысль объ учрежденіи духовныхъ судовъ для преслѣдованія и конечнаго истребленія ересей была не новая. Она возникла во время альбигойскихъ войнъ въ южной Франціи и была приведена въ исполненіе извѣстною буллою 1233 г., папы Григорія IX. Новые суды, изъятые изъ-подъ надзора мѣстныхъ епископовъ и непосредственно подчиненные папѣ, были ввѣрены монахамъ доминиканскаго ордена и получили страшную власть располагать имуществомъ, свободою и жизнію несчастныхъ, которыхъ мнѣнія основывались не на католическомъ догматѣ. Учрежденіе, вызванное требованіями эпохи, раздираемой религіозными противорѣчіями, перешло изъ южной Франціи въ другія земли Западной Европы, но встрѣтило вездѣ недовѣріе и ненависть, положившія границы его дѣятельности. Причину этого явленія надобно искать не въ религіозной терпимости, которая принадлежитъ къ самымъ благороднымъ плодамъ образованности, и слѣдовательно не могла быть свойствомъ средневѣковыхъ обществъ, а въ оскорблявшихъ всякое чувство права формахъ, которыя исключительно употреблялись такъ называемыми „священными судами“ (sanctum officium). Поощреніе тайныхъ доносовъ, частая утайка именъ пристрастныхъ свидѣтелей, пытки во всѣхъ видахъ, лишали подсудимаго и средствъ и надежды оправданія. Крѣпкіе духомъ узники, у которыхъ пытка не могла вынудить признанія въ небывалой винѣ, подвергались искушеніямъ другаго рода. Выписываемъ характеристическое мѣсто изъ „Руководства инквизиторамъ“, составленнаго Николаемъ Эммерихомъ, въ XIV столѣтіи, въ Арагоніи. „Инквизитору надобно стараться свести узника съ однимъ изъ участниковъ въ его преступленіи или съ прежнимъ еретикомъ, давшимъ достаточныя свидѣтельства своего раскаянія. Послѣдній долженъ сказать, что онъ исповѣдуетъ прежнюю ересь свою и отрекся отъ нея только наружно, для того чтобы обмануть судей и избѣжать

наказанія. Вкравшись такимъ образомъ въ довѣріе подсудимаго, новый другъ долженъ посѣтить его въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ послѣобѣденное время, и остаться на ночь въ темницѣ, подъ предлогомъ, что домой идти уже поздно. Тогда разсказомъ о собственной жизни можно побудить узника къ такой же откровенности. Между тѣмъ тайные свидѣтели и надежный чиновникъ должны стоять у дверей и подслушивать, чтобы потомъ донести о томъ, что происходило". Можно составить себѣ понятіе о дѣятельности суда, который прибѣгалъ къ подобнымъ средствамъ.

Въ эпоху соединенія Кастиліи и Арагоніи подъ правленіемъ Фердинанда и Изабеллы, монархическая власть, одолѣвшая въ остальной Европѣ непокорные ей элементы феодализма и городовыхъ общинъ, еще была далека отъ такой цѣли въ государствахъ Пиренейскаго полуострова. Ей надобно было бороться съ сильнымъ и богатымъ дворянствомъ, котораго отдѣльные члены имѣли право войны съ королемъ; съ городами, которыхъ муниципальныя льготы ставили на ряду самостоятельныхъ республикъ; съ духовенствомъ, болѣе зависѣвшимъ отъ папы, чѣмъ отъ свѣтской власти, и съ рыцарскими орденами, которые сами по себѣ составляли государства. Каждое изъ этихъ сословій было ограждено противъ возможныхъ посягательствъ на его независимость безчисленными привилегіями. Но Фердинандъ и его супруга умѣли воспользоваться распрями враждебныхъ одно другому сословій. Они стали во главѣ городоваго ополченія (германдады) противъ дворянства и во главѣ возстановленной ими, съ цѣлью болѣе политическою, чѣмъ религіозною, инквизиціи противъ всѣхъ стѣснительныхъ для ихъ власти привилегій, преданій и лицъ.

Внѣшній поводъ къ учрежденію новой инквизиціи подали испанскіе Евреи. Ихъ число, богатство, образованность сдѣлали ихъ съ давнихъ поръ предметомъ зависти и ненависти для духовенства и простаго народа. Вслѣдствіе преслѣдованій и насилія, противъ нихъ употребленнаго, многія еврейскія семейства приняли христіанство. Но обращеніе, вынужденное силою, было у многихъ наружнымъ. Они хранили скрытую привязанность къ вѣрѣ отцовъ своихъ и втайнѣ совершали ея обряды. Впрочемъ, короли Арагонскіе и Кастильскіе обыкновенно покровительствовали Евреямъ и новообращеннымъ христіанамъ, которые нерѣдко достигали важныхъ государственныхъ должностей. При Фердинандѣ и Изабеллѣ отношеніе измѣнилось, отчасти виною самихъ Евреевъ. Будучи образованнѣе другихъ классовъ испанскаго народонаселенія, они первые замѣтили опасность, грозившую со стороны монархической власти дворянству, съ которымъ были тѣсно связаны, какъ управители и арендаторы его имѣній, и старались обратить вниманіе аристократіи на мѣры правительства. Въ 1478 году папа Сикстъ IV, по настоятельному требованію Фердинанда, разрѣшилъ учрежденіе инквизиціи въ королевствахъ Кастильскомъ и Арагонскомъ, для истребленія еврейской ереси. Впрочемъ, переписка продолжалась еще два года до совершеннаго открытія суда. Папа долго не одобрялъ мѣры, которой послѣдствія могли быть полезны свѣтской власти, но явно ограничивали его собственное вліяніе на духовенство.

17 сентября 1480 года, послѣдовало наконецъ назначеніе двухъ монаховъ доминиканскаго ордена инквизиторами. Вмѣстѣ съ ними получили право засѣдать въ судѣ два другія лица духовнаго званія, изъ которыхъ одному поручена была должность казначея. Судьи эти получили приказаніе отправиться въ Севилью и начать свои дѣйствія безъ отлагательства. 2 Генваря 1481 года, они издали нѣсколько предписаній мѣстнымъ властямъ и отдѣльнымъ лицамъ, въ которыхъ доносъ вмѣнялся въ обязанность и молчаніе о знакомомъ еретикѣ въ преступленіе. Это было первое посягательство на свободу и честь людей, лично непричастныхъ ереси, но почему-либо возбудившихъ подозрѣніе правительства. Можно судить о дѣйствіяхъ инквизиціи по признакамъ, которые ей казались достаточными для уличенія подсудимаго въ тайномъ соблюденіи Моисеева закона. Надобно было только доказать, что онъ надѣвалъ лучшее платье или чистое бѣлье въ субботу, что наканунѣ этого дня у него въ домѣ не было огня, что ему случалось обѣдать за однимъ столомъ съ жидами, или ѣсть мясо убитаго ими животнаго, или пить какой-то любимый ими напитокъ, и пр. Обвинители не были обязаны объявлять своихъ именъ. 6 Генваря были казнены шесть еретиковъ. Къ 4 ноября того же года погибло въ одной Севильѣ не менѣе 289 человѣкъ. Сверхъ того, значительное число людей подверглись такъ называемому примиренію съ священнымъ судомъ, т. е. лишились свободы или имѣнія и гражданской чести. Жизнь была имъ оставлена въ награду за признаніе, вынужденное страхомъ или пыткою. Эта строгость простиралась не на однихъ живыхъ: лица давно умершія подвергались слѣдствію и приговору, кости ихъ, вырытыя изъ могилъ, предавались огню, имѣніе отнималось у наслѣдниковъ и поступало въ казну. Замѣчательно, что большая часть жертвъ принадлежали къ богатымъ классамъ. Въ теченіе первыхъ годовъ своего существованія инквизиція произнесла болѣе двухъ тысячъ смертныхъ приговоровъ, которые всѣ были исполнены. Число примиренныхъ дошло до 17,000.

Жестокость новаго судилища возбудила общій ропотъ и частныя возстанія въ Кастиліи и Арагоніи. Папа Сикстъ порицалъ дѣйствія Севильскихъ инквизиторовъ, требовалъ отъ нихъ большей снисходительности къ подсудимымъ и даже сдѣлалъ попытку передать надзоръ за еретиками мѣстнымъ епископамъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было бы большимъ благомъ для Испаніи. Но Фердинандъ слишкомъ хорошо понималъ важность этого дѣла и потому настоялъ на своемъ намѣреніи. Изабелла поддерживала его изъ видовъ болѣе чистыхъ, изъ обманутаго религіознаго чувства, хотя многочисленныя казни возбуждали въ ней состраданіе и ужасъ. Сикстъ IV, которому грозилъ совершенный разрывъ съ Испаніей, долженъ былъ уступить. Двумя буллами 1483 г., онъ утвердилъ бывшаго духовника королевы, Торквемаду, верховнымъ инквизиторомъ соединенныхъ королевствъ Кастильскаго и Арагонскаго и поручилъ ему дать окончательное устройство инквизиціи. Торквемада учредилъ 13 судовъ въ отдѣльныхъ областяхъ государства и составилъ подробныя наставленія для судопроизводства. Они отличались отъ тѣхъ, которыхъ образецъ мы видѣли въ руководствѣ Ни-

колая Эммериха, только большею жестокостію формы допроса и богатствомъ средствъ, направленныхъ противъ подсудимыхъ. Верховный совѣтъ инквизиціи, въ который приходили апелляціи отъ областныхъ судовъ, состоялъ изъ главнаго инквизитора и 6 или 7 членовъ, назначавшихся по выбору короля. Сначала этотъ совѣтъ засѣдалъ въ Севильѣ, потомъ былъ перенесенъ въ Мадридъ. Число чиновниковъ всякаго рода, принадлежавшихъ къ инквизиціи, было весьма значительно. Сверхъ настоящихъ членовъ и чиновниковъ, священный судъ держалъ еще до 20,000 служителей (familiares), которые были обязаны доносить на замѣченныя ими преступленія противъ вѣры и брать подъ стражу обвиненныхъ. Лица высшихъ фамилій не стыдились вступать въ ряды такихъ служителей, для того чтобы пользоваться нѣкоторыми правами, предоставленными этому классу людей, и обезпечить самихъ себя противъ ложныхъ доносовъ, что̀ впрочемъ не всегда удавалось. Смертный приговоръ и „примиренія" постоянно сопровождались конфискаціею имѣнія, которое, какъ сказано выше, поступало въ казну и усиливало денежныя средства правительства. Нельзя безъ содроганія читать описанія страшныхъ орудій пытки, которая такъ часто и охотно употреблялась инквизиторами. Филиппъ II запретилъ повтореніе пытки надъ однимъ лицомъ; но члены св. судилища истолковали и исполняли королевское предписаніе особеннымъ образомъ. Пытка при допросѣ употреблялась только одинъ разъ, но продолжалась нѣсколько дней, съ промежутками, необходимыми для возстановленія силъ и выслушанія показаній жертвы.

За произнесеніемъ приговора слѣдовало такъ называемое „дѣло вѣры" (auto da fé). Читателямъ нашимъ вѣроятно извѣстны, если не изъ историческихъ сочиненій, то изъ романовъ, подробности этого страшнаго обряда, при которомъ присутствовали нерѣдко король и дворъ. Гранды королевства являлись при такихъ торжествахъ служителями (familiares) священнаго суда. Приговоренные къ смерти отличались отъ примиренныхъ одеждою. Первые предавались огню, послѣдніе, по окончаніи процессіи, возвращались въ темницу или получали свободу, но съ утратою собственности и гражданскихъ правъ. Мы сказали выше, что вмѣстѣ съ живыми сожигались кости умершихъ еретиковъ. Торквемада началъ было жечь книги, но, несмотря на всѣ усилія, инквизиція не успѣла овладѣть цензурою. Впрочемъ, при существованіи подобнаго судилища, всякое движеніе въ литературѣ стало скоро невозможнымъ. Число ученыхъ и писателей, преданныхъ суду и пострадавшихъ отъ инквизиціи, весьма значительно. Послѣ вступленія на престолъ Филиппа V, дѣятельность ея ослабѣла; но сто̀итъ прочесть процессъ Олавидеса, чтобы понять, съ какими опасностями боролись тѣ благородные Испанцы, которые хотѣли перенести на родную почву результаты философіи 18-го вѣка. Инквизиція остановила умственное развитіе Испаніи и отняла у нея всѣ политическія учрежденія, которыми она по праву гордилась въ теченіе среднихъ вѣковъ. Самый характеръ народа измѣнился: достаточно было такихъ праздниковъ, каковы были ауто-да-фе, чтобы развратить массу, такъ сильно принимающую внѣшнія впечатлѣнія. Изъ Испаніи инквизиція перешла въ земли ей подвластныя. Но нигдѣ, кромѣ южно-американскихъ

областей, не могла она утвердиться. По вычисленію Льоренте, инквизиція сожгла въ одной Испаніи болѣе тридцати тысячъ человѣкъ; около 100,000 подверглись примиренію. Не говоримъ объ изгнаніи Евреевъ и Мавровъ.

КВАКЕРЫ.

Секта квакеровъ возникла въ самую смутную и богатую событіями эпоху англійской исторіи. Древнія формы государства и церкви клонились къ упадку: республиканскія идеи побѣдоносно боролись съ монархическими преданіями, англиканская церковь уступала пресвитеріанизму, который, въ свою очередь, едва выдерживалъ напоръ безчисленныхъ религіозныхъ сектъ, смѣло высказывавшихъ самыя странныя мнѣнія и требованія. Умы, еще непривычные къ недавней свободѣ, упоенные быстрыми успѣхами народнаго дѣла, не ставили границъ своимъ надеждамъ. Ежедневно являлись новыя политическія и религіозныя теоріи. Вопросы, которыхъ дотолѣ боязливо касались высшіе представители умственной жизни англійскаго народа, утратили свой таинственный характеръ и сошли въ сферу общихъ толковъ. Неопредѣленное состояніе общества, котораго силы находились въ такомъ броженіи, не могло не отразиться на отдѣльныхъ лицахъ. Чѣмъ болѣе подымалось партій, чѣмъ упорнѣе старалась каждая навязать свою истину остальнымъ, тѣмъ глубже становились сомнѣнія и мучительнѣе требованія людей, которые не рѣшились стать ни подъ одно изъ выставленныхъ знаменъ.

Къ числу такихъ независимыхъ искателей истины принадлежалъ Георгъ Фоксъ. Онъ родился въ Лейчестерскомъ графствѣ, 1624 года. Отецъ его былъ бѣдный ткачъ. Онъ отдалъ сына въ Ноттингамъ, на обученіе къ сапожнику, который держалъ небольшое стадо. Хозяинъ поручилъ молодому ученику, повидимому неохотно принявшемуся за ремесло, къ которому его назначали, присмотръ за своими овцами. Одинокая пастушеская жизнь пришлась по душѣ Георгу, отъ природы мечтательному и задумчивому. Онъ уносилъ съ собою въ поле Библію и жадно читалъ священную книгу, которая служила ему единственнымъ источникомъ знанія. Лишенный всякихъ пособій, онъ многаго не понималъ. Отъ времени до времени, до него долетали неясные отголоски мнѣній, боровшихся въ англійскомъ обществѣ, и усиливали его внутреннюю тревогу. Ему было не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, когда онъ впалъ въ уныніе, тѣмъ болѣе тяжкое, что онъ не могъ дать себѣ отчета въ собственномъ состояніи. Онъ озирался на прошлую жизнь свою, но она была чиста и безгрѣшна, какъ жизнь младенца. Совѣсть его ни въ чемъ не упрекала. Отвѣты англиканскихъ и пресвитеріанскихъ священниковъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ съ просьбою разрѣшить его сомнѣнія, казались ему слабыми или темными. Изъ Лондона, куда онъ ходилъ нарочно, въ надеждѣ найти тамъ, какъ въ средоточіи народной жизни, болѣе средствъ къ удовлетворенію своей духовной жажды, онъ вы-

несъ только недовѣріе къ пользѣ богословскихъ преній и къ наукѣ вообще. По возвращеніи на родину, близкіе люди совѣтовали ему для успокоенія душевныхъ мукъ жениться, другіе — вступить въ армію Кромвеля. Онъ не принялъ этихъ совѣтовъ, но рѣшился искать истины въ себѣ самомъ, на днѣ собственной души. Для него настало время несказанныхъ страданій и искушеній. На скользкихъ путяхъ свободнаго изслѣдованія онъ было пришелъ къ пантеизму и обоготворилъ природу, хотя внутренній голосъ неотступно требовалъ „живаго Бога". Впрочемъ, этотъ періодъ исканія и сомнѣнія въ жизни Георга Фокса былъ непродолжителенъ. Въ 1648 году онъ достигъ положительнаго убѣжденія, что истина находится не въ наукѣ университетовъ, не въ католицизмѣ или англиканствѣ и отложившихся отъ нихъ сектахъ, а въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ. Онъ называетъ ее внутреннимъ свѣтомъ, гласомъ Божіимъ. Этотъ голосъ не возвѣщаетъ новыхъ истинъ вѣры—онѣ уже высказаны въ Св. Писаніи,—но служитъ свидѣтельствомъ вѣчнаго присутствія Христа въ человѣкѣ, онъ указываетъ добро, отводитъ отъ грѣха и никогда не противорѣчитъ ясному смыслу Св. Писанія и разуму.

Фоксъ немедленно принялся распространять это убѣжденіе, которое ему досталось вслѣдствіе такихъ напряженныхъ усилій. Одаренный сильнымъ, но не обдѣланнымъ, не сдержаннымъ наукою умомъ, онъ самъ не всегда понималъ себя, впадалъ въ мистическіе восторги и предоставлялъ другимъ логическое развитіе ученія изъ высказаннаго имъ начала. Число его послѣдователей однако возрастало съ такою быстротою, особенно между сельскими классами, что уже въ 1649 году возбудило опасенія пресвитеріанскаго духовенства. Сорокъ священниковъ явились предъ Ланкастерскими ассизами съ обвиненіями и показаніями противъ основателя новой секты. Его приговорили къ тюремному заключенію и угрожали висѣлицею, но онъ не измѣнилъ своей дѣятельности и продолжалъ проповѣдовать. Многочисленныя квакерскія общины образовались въ Валлисѣ и Лейчестерскомъ графствѣ; въ 1654 г. мы находимъ ихъ уже въ Лондонѣ. „Этихъ людей нельзя подкупить ни деньгами, ни почестями", сказалъ объ нихъ Кромвель. Кругъ дѣятельности Фокса уже не ограничивался роднымъ островомъ: онъ написалъ посланіе къ папѣ Иннокентію XI, убѣждая его вступить въ ряды „друзей". Ревностные проповѣдники внутренняго свѣта отправились въ Турцію, въ Іерусалимъ, въ Египетъ, въ Америку; другіе собирались еще далѣе, въ Китай, въ Японію, въ таинственное царство попа Іоанна. Большею частію это были люди простые, не знавшіе даже языковъ тѣхъ странъ, куда несли свое ученіе. Между ними было нѣсколько женщинъ.

Молодой общинѣ недоставало образованныхъ и даровитыхъ представителей, которые могли бы оправдать ея направленіе въ глазахъ высшихъ сословій и доказать нелѣпость обвиненій, взведенныхъ на нее пресвитеріанами и приверженцами англиканской церкви. Эту услугу оказали квакерамъ Пеннъ и Барклей, еще при жизни основателя. Уилльямъ Пеннъ принадлежалъ по рожденію къ аристократіи: его богатство, просвѣщенный умъ, прекрасная наружность давали ему право на блестящій успѣхъ въ жизни. Отецъ

его, покоритель Ямайки, пользовался особенною милостію короля Карла II; но двадцатилѣтній Уилльямъ пожертвовалъ своимъ честолюбіемъ, отрекся отъ искусительной будущности и пошелъ во слѣдъ Фоксу. Его поступокъ, послѣдующая жизнь и сочиненія имѣли большое вліяніе на общее мнѣніе и заставили многихъ образованныхъ людей обратить вниманіе на ученіе, которое до тѣхъ поръ находило сочувствіе только между простолюдинами.

Религіозная истина, по мнѣнію квакеровъ, дается человѣку не преданіемъ и не внѣшними чувствами, а свидѣтельствомъ собственнаго духа. „Многіе ищутъ правды въ книгахъ, говоритъ Пеннъ, другіе у ученыхъ мужей, не догадываясь, что цѣль ихъ исканій находится въ нихъ самихъ". Такъ какъ голосъ Божій слышенъ всякой душѣ, то душа должна быть свободна. Ее нельзя подчинять никакимъ внѣшнимъ уставамъ, ни папскимъ булламъ, ни постановленіямъ соборовъ, ни приговорамъ науки. Внутренній голосъ всегда согласенъ съ Св. Писаніемъ; но и земная мудрость не подлежитъ безусловному осужденію: „ибо Христосъ, по словамъ Пенна, пришелъ не угасить, а очистить языческое знаніе. Различіе между квакерами и греческими мудрецами заключается болѣе въ наружности, нежели въ сущности. Въ Пиѳагорѣ, Платонѣ, Плотинѣ горѣлъ внутренній свѣтъ". Всякое гоненіе за вѣру преступно. Проповѣдь должна быть свободнымъ выраженіемъ вдохновенія, которое приходитъ каждому вѣрующему, и потому *друзья* (такъ называютъ себя послѣдователи Фокса, на основаніи словъ, употребленныхъ апостоломъ Іоанномъ, Послан. III, 15) отвергаютъ необходимость отдѣльнаго духовенства и полагаютъ грѣхомъ сборъ десятины и вообще всякое денежное вознагражденіе за толкованіе или распространеніе слова Божія. Ихъ богослуженіе отличается особенною простотою и совершеннымъ отсутствіемъ символизма. Въ мѣстахъ, гдѣ квакеры собираются для совѣщаній и общей молитвы (meeting-houses), нѣтъ ни алтарей, ни образовъ; пѣнье и музыка изгнаны. Право проповѣди принадлежитъ всѣмъ присутствующимъ, не исключая женщинъ; но имъ преимущественно пользуются лица, заслужившія довѣріе и уваженіе общины. Смѣшныя и странныя сцены, происходившія въ первоначальныхъ собраніяхъ квакеровъ, т. е. вздохи, подымавшіеся crescendo, стоны и кривлянья теперь почти вездѣ вывелись. Нынѣшніе „друзья" заботятся о строгомъ соблюденіи приличій. Въ ихъ собраніяхъ царствуетъ глубокая тишина, прерываемая только голосомъ проповѣдниковъ; иногда проповѣди не бываетъ вовсе, потому что ни на кого изъ членовъ не сходитъ вдохновеніе, необходимое для такого дѣла, и присутствующіе, проведя нѣсколько часовъ въ благоговѣйномъ молчаніи и размышленіи, расходятся по домамъ.

Квакеры не допускаютъ никакихъ обрядовъ и не признаютъ таинствъ. Они не отрицаютъ совершенно крещенья водою, но почитаютъ его излишнимъ. Браки совершаются чрезъ простое обѣщаніе сожитія и вѣрности въ присутствіи старшинъ. Погребенія отправляются въ тишинѣ, безъ всякихъ церемоній. Родственники умершаго не надѣваютъ траура; памятники и эпитафіи не въ употребленіи. Но по смерти членовъ, которыхъ добродѣтели

заслужили общее признаніе, составляютъ и печатаютъ ихъ жизнеописаніе въ назиданіе новымъ поколѣніямъ.

Устройство общины, основанной Фоксомъ, чисто демократическое. Всѣ друзья равны между собою. Важныя частныя и общественныя дѣла рѣшаются въ періодическихъ собраніяхъ избранныхъ представителей. Подчиненные положительному закону государствъ, которымъ они принадлежатъ по рожденію, квакеры не теряютъ своей самостоятельности и не дѣлаютъ уступокъ. Они ни въ какомъ случаѣ не даютъ присяги и предъ судомъ довольствуются утвердительнымъ или отрицательнымъ показаніемъ. Послѣ долгихъ преній англійскій парламентъ оставилъ за ними это право въ дѣлахъ гражданскихъ, но въ уголовныхъ ихъ свидѣтельство, не подкрѣпленное клятвою, не имѣетъ законной силы. По этой же причинѣ они не допускаются къ государственнымъ должностямъ. Войну они считаютъ беззаконіемъ, и потому не только отказываются отъ обязанностей военной службы, но не участвуютъ въ торжествахъ народныхъ по случаю побѣдъ, осуждаютъ торгъ оружіемъ или порохомъ, и т. д. Съ этой же точки зрѣнія смотрятъ они на смертную казнь, которую называютъ оборонительною войною, и на дуэль. Возстаніе Американскихъ Штатовъ противъ Англіи подало поводъ къ расколу между квакерами: многіе изъ американскихъ квакеровъ взялись за оружіе, оправдывая свой поступокъ святостію дѣла, и образовали отдѣльную общину „свободныхъ и воинственныхъ (free and fighting) друзей". Изъ ихъ рядовъ вышли извѣстные своими заслугами въ войнѣ за независимость генералы Метлакъ, Мифлинъ и Гринъ. Исповѣдуя совершенное равенство и братство между людьми, квакеры въ сношеніяхъ своихъ съ властьми и знатными лицами не употребляютъ почетныхъ выраженій, принятыхъ обычаемъ, а означаютъ только должность или санъ. Такимъ образомъ квакеръ, обращаясь къ королю англійскому, говоритъ просто: король, а не ваше величество. Они ни предъ кѣмъ не снимаютъ шляпы и говорятъ *ты* всѣмъ, безъ разбора состояній. Впрочемъ, они строго и честно исполняютъ гражданскія обязанности, не противорѣчащія ихъ ученію, исправно платятъ подати и несутъ всѣ повинности. Выше сказано, что сборъ десятины въ пользу духовенства считается у нихъ грѣхомъ; но они безпрепятственно допускаютъ сборщиковъ входить въ дома свои и брать нужную сумму деньгами или вещами. Общественныя и нравственныя теоріи замѣчательной секты, о которой здѣсь идетъ рѣчь, основаны на глубокомъ уваженіи къ человѣческому достоинству, на вѣрѣ въ постоянное улучшеніе и развитіе нашей духовной природы. Только безбожнику можно сомнѣваться въ успѣхахъ человѣчества, въ его неудержимомъ движеніи впередъ, къ лучшему, говоритъ Пеннъ. Съ 17 вѣка начинаются ихъ усилія къ уничтоженію торговли Неграми и рабства вообще. Французскій квакеръ Бенезе (род. въ 1728) посвятилъ этому дѣлу все состояніе и всю жизнь свою. Въ 1754 году общины „друзей" положили исключить изъ среды своей всѣхъ членовъ, не возвратившихъ еще свободы своимъ чернымъ невольникамъ. Дѣятельность „друзей" въ этомъ отношеніи могла бы служить прекраснымъ примѣромъ нынѣшнимъ аболиціонистамъ, которые для достиженія благородной цѣли не всегда упо-

требляютъ честныя средства. Въ 1795 г. американскіе квакеры составили комитетъ для распространенія христіанства и просвѣщенія между Индійцами, которые питаютъ къ нимъ особенное довѣріе еще со временъ Пенна. Многочисленныя человѣколюбивыя заведенія, основанныя квакерами, отличаются превосходнымъ порядкомъ и устройствомъ. Бѣдные пользуются щедрыми пособіями, но между самыми квакерами не встрѣчается нищихъ. Старость и болѣзнь находятъ призрѣніе въ больницахъ и страннопріимныхъ домахъ; здоровымъ доставляется возможность труда, который вмѣняется въ обязанность каждому члену общества. Честность „друзей" въ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ давно заслужила общее признаніе: во время войны за американскую независимость, когда ассигнаціи значительно упали въ цѣнѣ, квакеры принимали ихъ отъ своихъ должниковъ, но сами постоянно расплачивались звонкою монетою. Отъ членовъ, совершившихъ безчестный поступокъ или измѣнившихъ ученію, община отрекается.

Семейный и домашній бытъ квакеровъ носитъ тотъ же характеръ простоты съ нѣкоторою примѣсью ригоризма. Обязанности брачныя соблюдаются строго. Въ ребенкѣ родители уже уважаютъ будущаго человѣка и основываютъ на этомъ свою систему воспитанія. Дѣти „друзей", по свидѣтельству путешественниковъ, рѣзко отдѣляются отъ своихъ сверстниковъ, не принадлежащихъ къ сектѣ: ихъ можно узнать по открытому, смѣлому и спокойному выраженію лица. До конца прошлаго столѣтія частная жизнь квакеровъ была очень однообразна и бѣдна наслажденіями, потому что изъ нея изгонялись искусства. Теперь эта ограниченность проходитъ: молодые квакеры позволяютъ себѣ участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ, занимаются изящными художествами, литературою, и вообще менѣе дорожатъ внѣшностями, чѣмъ ихъ предки. За то, число членовъ, выходящихъ совсѣмъ изъ общины или образующихъ новыя подраздѣленія секты, увеличивается.

Общины квакеровъ въ Европѣ существуютъ только въ Англіи, Голландіи, Германіи, близъ Пирмонта и въ торговыхъ городахъ Норвегіи. Въ Америкѣ онѣ очень многочисленны: Георгъ Фоксъ посѣтилъ эту страну и указалъ на нее своимъ послѣдователямъ: Пеннъ купилъ у англійскаго правительства земли на Делаварѣ и прибылъ туда въ 1682 году. Плоды его дѣятельности и дальнѣйшая судьба Пенсильваніи извѣстны.

Ученіе „друзей", говоритъ извѣстный историкъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Банкрофтъ, есть философія, переведенная на языкъ низшихъ классовъ общества. Читатели наши могутъ сами оцѣнить справедливость такого сужденія.

ОБЪ ОКЕАНІИ И ЕЯ ЖИТЕЛЯХЪ *).

Чтеніе Т. Н. Грановскаго.

Покойный Т. Н. Грановскій много читалъ, много работалъ въ своемъ кабинетѣ, но мало писалъ для публики. Онъ былъ очень строгъ къ своимъ работамъ. Тѣмъ дороже для насъ каждая его строка, уцѣлѣвшая въ бумагахъ, тѣмъ больше цѣны получаютъ въ нашихъ глазахъ сдѣланныя прямо со словъ его записки. Современемъ мы надѣемся сообщить нашимъ читателямъ выдержки изъ его лекцій, записанныхъ его слушателями. На этотъ разъ передаемъ публикѣ извѣстное лишь весьма немногимъ лицамъ чтеніе Грановскаго объ Океаніи. Два слова о происхожденіи этой замѣчательной статьи, неожиданной даже для многихъ друзей покойнаго. Грановскій любилъ брать свой предметъ широко и часто уходилъ въ сосѣдственныя съ нимъ области, всегда сохраняя впрочемъ историческую точку зрѣнія. Такимъ образомъ въ памяти и мысли его собирался обильный матеріалъ, которому часто вовсе не находилось мѣста въ университетскомъ курсѣ. Но по необыкновенной общительности своей природы, онъ любилъ передавать свои мысли и воззрѣнія самымъ близкимъ къ нему лицамъ и для того избиралъ также любимую имъ форму лекцій. Такъ, лѣтомъ 1852 года, находясь въ селѣ Рубанкѣ, онъ предложилъ бывшимъ съ нимъ друзьямъ чтенія объ Океаніи, въ которыхъ думалъ изложить результаты своихъ размышленій о судьбахъ малоизвѣстнаго, заброшеннаго племени, составляющаго ея народонаселеніе. Первое изъ этихъ чтеній было записано г. Фроловымъ и просмотрѣно самимъ авторомъ. Предупреждаемъ читателя: пусть не ищетъ онъ здѣсь той изящной формы, которую Грановскій обыкновенно приносилъ на публичныя лекціи. Чтеніе объ Океаніи, назначенное для небольшаго круга нѣсколькихъ лицъ, замѣчательно именно своею простотою, безыскуственностію, при новости и оригинальности воззрѣнія на предметъ. Въ какую бы отдаленную область ни увлекался Грановскій своими занятіями, онъ всегда и вездѣ оставался неизмѣнно вѣренъ своему призванію историка. *Ред. 1-го изд.*

---

*) Напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1856 года, Январь, книжка 2, съ пояснительнымъ примѣчаніемъ, которое и здѣсь предпосылается этой статьѣ.

Я буду говорить объ Океаніи. Вамъ извѣстно, что подъ этимъ именемъ разумѣются группы острововъ, лежащихъ между Азіей, Африкой и Новой Голландіей. Между этими островами самые большіе: на сѣверѣ—Сандвичевы острова, а на югѣ — Новая Зеландія; прочіе острова невелики. Природа щедрою рукою разсыпала здѣсь все, что нужно человѣку; хотя формы растительности не разнообразны, но онѣ вполнѣ удовлетворяютъ его непосредственнымъ потребностямъ. Кукъ могъ справедливо сказать, что островитянинъ, посадившій въ жизнь свою только десять хлѣбныхъ деревьевъ, совершилъ такой же подвигъ относительно своего семейства и потомства, какой совершаетъ Европеецъ, трудящійся цѣлую жизнь надъ воздѣлываніемъ зерноваго хлѣба.

Острова Океаніи были почти неизвѣстны до половины прошлаго вѣка. Немногіе смѣлые моряки касались ихъ. Ходили только смутные слухи и басни о жестокостяхъ и людоѣдствѣ племенъ, населявшихъ эти острова. Точныя и положительныя свѣдѣнія получены объ нихъ только со временъ Кука, изслѣдовавшаго ихъ во время троекратныхъ путешествій своихъ вокругъ свѣта (съ 1769 года по 1779) и погибшаго на Сандвичевыхъ островахъ. Слѣдовательно, прошло не болѣе восьмидесяти лѣтъ, какъ Океанія описана обстоятельно и сдѣлалась достояніемъ науки.

Важныя перемѣны произошли съ тѣхъ поръ. На тѣхъ же самыхъ Сандвичевыхъ островахъ, на которыхъ Кукъ въ 73-мъ году былъ принятъ за бога и получилъ божескія почести, а потомъ, въ 79-мъ, палъ жертвою своей любознательности, а отчасти и жестокаго обращенія съ туземцами, на этихъ островахъ находится теперь европейское населеніе, крѣпости, гавань Гонолулу, производится торговля съ Китаемъ и Европой, введены парламентскія формы правленія и идетъ рѣчь о присоединеніи ихъ къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Изъ многочисленныхъ разсказовъ разныхъ путешественниковъ и мореплавателей, посѣщавшихъ Океанію, можно вывести два противоположныя заключенія о нравахъ ея жителей. По мнѣнію однихъ, жители острововъ Товарищества и Маркизиныхъ являются кроткими, добродушными, счастливыми и неиспорченными; если же оказалась порча, то она произошла отъ вліянія англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, играющихъ тамъ весьма важную роль. Другіе же описываютъ ихъ самыми черными красками — развратными, жестокими, погруженными во всѣ пороки. Чрезвычайно трудно примирить эти противоположныя воззрѣнія; это будетъ возможно только, когда мы вникнемъ въ источники этихъ противорѣчій. Извѣстія самыя выгодныя для нравственности жителей всѣ исходятъ отъ мореплавателей. Понятно, что эти смѣлые люди, открывавшіе одинъ островъ за другимъ цѣною безчисленныхъ опасностей, находили наслажденіе въ отдыхѣ посреди роскошной природы и населенія, въ самомъ дѣлѣ добродушнаго, и не имѣли нужды близко всматриваться въ ихъ нравы; островитяне приносили имъ кокосовые орѣхи, плоды хлѣбнаго дерева, довольствуясь въ началѣ весьма малымъ вознагражденіемъ; молодые офицеры и матросы пользовались здѣсь еще наслажденіемъ другаго рода: островитянки отличались красотой и большою снисходительностью. Съ этой стороны извѣстны рос-

конныя описанія мореходцевъ. Самъ строгій Кукъ увлекся и съ восторгомъ говоритъ объ Отаити; другой знаменитый мореплаватель, Бугенвиль, назвалъ этотъ островъ новою Цитерой. Болѣе всѣхъ утвердилъ это понятіе извѣстный натуралистъ Рейнгольдъ Форстеръ, сопутствовавшій Куку, вмѣстѣ съ знаменитымъ сыномъ своимъ Георгомъ Форстеромъ, въ его кругосвѣтномъ путешествіи. Почему Рейнгольдъ Форстеръ смотрѣлъ на Океанію съ идиллической точки зрѣнія и отступилъ отъ своихъ привычекъ строгаго наблюденія? Это легко объяснить идеями XVIII столѣтія. Европейское общество начинало въ то время разлагаться. Оба Форстера принадлежали къ числу нововводителей и радикаловъ, противопоставлявшихъ испорченности образованнаго общества идеалъ въ близкомъ къ природѣ бытѣ. Вотъ почему обоимъ Форстерамъ бытъ островитянъ Океаніи показался съ самой выгодной стороны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы Руссо посѣтилъ ихъ, то оставилъ бы еще болѣе восторженное описаніе.

Извѣстія, противоположныя этимъ идиллическимъ описаніямъ, шли отъ англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, послѣ мореходцевъ явившихся здѣсь для проповѣдованія слова Божія. Боровшись съ такими же трудностями и преодолѣвая, быть можетъ, бо́льшія препятствія, они увидѣли картину съ другой стороны. Они нашли народъ погруженный въ грубые пороки, происходящіе отъ разложенія всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ понятій, живущій исключительно чувственною жизнію, съ которою миссіонеры пришли вести брань. Этимъ объясняются противорѣчивыя мнѣнія мореплавателей, натуралистовъ и миссіонеровъ.

Ограничиваясь описаніемъ быта жителей Океаніи въ пору открытія этихъ острововъ Европейцами, мы находимъ здѣсь весьма красивое, далеко не лишенное дарованій, населеніе. Оно пришло сюда вѣроятно съ запада, съ великихъ азіатскихъ острововъ: Явы, Суматры и другихъ, и разсѣянное по великому пространству Океаніи, представляетъ удивительное однообразіе въ языкѣ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Рейнгольдъ Форстеръ даже думалъ, что здѣсь былъ когда-то материкъ, раздробленный какимъ-то земнымъ переворотомъ, и что изъ обломковъ этого материка образовались настоящіе острова Океаніи. Сходство между ея жителями объясняется ихъ одинаковымъ происхожденіемъ отъ малайскаго племени, заселившаго ее съ запада, съ острововъ Индійскаго моря.

Первые европейскіе путешественники XVIII столѣтія нашли это народонаселеніе въ такомъ положеніи, которое заставляетъ насъ думать, что оно и тогда находилось въ порѣ совершеннаго распаденія. Разсмотримъ ближе общественный бытъ тогдашняго времени. Во-первыхъ, религія уже не была согрѣваема внутреннею жизнію; мы видимъ одни остатки и развалины старыхъ вѣрованій; язычество потеряло отъ времени свою крѣпость. Можно предполагать, что была нѣкогда одна общая религіозная система въ Океаніи, но число общихъ боговъ непрерывно уменьшалось. Европейцы нашли уже не болѣе пяти боговъ, которымъ поклонялись на томъ или другомъ островѣ. Такъ память о прежнемъ поклоненіи очевидно стиралась и исчезала. За то возникала другая, странная религія, поклоненіе людямъ.

Замѣтимъ сперва, что нигдѣ не было болѣе рѣзкаго раздѣленія сословій, какъ въ Океаніи. Это раздѣленіе перешло въ религію. Всѣ цари, даже лица, принадлежавшія къ высшему сословію, обоготворялись, но не по смерти, какъ это было въ древнемъ мірѣ, напримѣръ въ Римѣ. Здѣсь каждый царь былъ богъ при жизни; ему приносили жертвы и поклонялись какъ божеству за-живо; когда онъ умиралъ, его причисляли къ богамъ. То же было съ каждымъ членомъ его двора. Такимъ образомъ эти новые боги вытѣсняли прежнихъ миѳологическихъ боговъ и разрушали связь прежней религіи. Каждый островъ имѣлъ своихъ новыхъ боговъ; народная память не хранила старыхъ; не мудрено, что островитяне жаловались прибывшимъ Европейцамъ на то, что они не могутъ исполнять обрядовъ своей религіи и не могутъ запомнить боговъ своихъ.

Всякая религія связана съ понятіями о вѣчной жизни. Вѣчное бытіе для островитянъ выражалось въ слѣдующихъ представленіяхъ. Когда умиралъ кто-нибудь изъ тѣхъ, которые пользовались божескими почестями при жизни своей, то боги съѣдали тѣло его, духъ же освобождался, былъ трижды пожираемъ высшими богами и, послѣ троекратнаго пребыванія во чревѣ ихъ, становился богомъ. Высшія божества очищали этимъ божества низшаго разряда. Имѣлъ ли простой народъ какія-нибудь понятія о загробной жизни намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что они думали, что умершій простолюдинъ блуждалъ около своего жилища и былъ пожираемъ богами. Эта черта бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на людоѣдство, существовавшее на островахъ Океаніи, гдѣ оно было какъ бы освящено религіозными представленіями. Храмовъ не было. На нѣкоторыхъ островахъ найдены развалины зданій, служившихъ кладбищами. Это были огромныя огражденныя мѣста подъ открытымъ небомъ, имѣвшія болѣе или менѣе важное значеніе на различныхъ островахъ. Замѣтимъ еще, что когда царь или одинъ изъ его вельможъ принималъ произвольно какое-нибудь названіе, то это слово выбрасывалось изъ народнаго языка, и никто не смѣлъ произносить его. Истребленное слово замѣнялось вымышленнымъ.

Въ связи съ религіею находится не только въ Океаніи, но и за предѣлами ея обычай *табу*. Подъ этимъ именемъ разумѣется собственно запрещеніе, заклинаніе; но оно имѣетъ сверхъ того болѣе глубокое значеніе, представляя нѣчто освященное, божественное. Божественная сущность божескихъ лицъ переносится на внѣшній предметъ и дѣлаетъ его неприкосновеннымъ. Такъ короли могли сообщать божественное значеніе любому предмету. Если король входилъ въ какой-нибудь домъ, то онъ становился „табу" и дѣлался его принадлежностью. Король могъ налагать „табу" на все; вельможи дѣлали то же самое, съ тою разницею, что король могъ снимать „табу", наложенное вельможами, а не на оборотъ, и „табу" высшихъ лицъ тяготѣло надъ низшими. Этотъ обычай имѣлъ самое ощутительное и бѣдственное вліяніе на весь бытъ жителей Океаніи. Король былъ богъ, аристократы были боги; простому же человѣку перейти изъ одного класса въ другой не было никакой возможности. Но такая страшная власть королей налагать на все „табу" была ограничена оппозиціей аристократіи. Короли могли при-

своивать себѣ лучшіе участки земли, проходя по нимъ; аристократія же, чтобы препятствовать королямъ касаться земли, носила ихъ. Точно также, для того чтобы короли не входили въ домы и не дѣлали ихъ своею собственностью, имъ устраивали подвижные дома, такъ что они, переносясь съ одного мѣста на другое, всегда находились у себя. Аристократія же пользовалась для своихъ выгодъ страшнымъ правомъ „табу“; она накладывала его на извѣстные съѣстные припасы, на плоды кокосоваго, хлѣбнаго дерева, и простой народъ не смѣлъ касаться ихъ. Лучшая рыбная ловля была „табу“; оно распространялось на женщинъ, которыя не могли употреблять ту же пищу, что мущины. Нѣкоторыя работы, какъ напримѣръ, построеніе военныхъ судовъ, употребленіе большихъ сѣтей для рыбной ловли, подвергались „табу“. Иногда же „табу“, отчуждавшее народъ отъ всѣхъ благъ и предоставлявшее ихъ однимъ высшимъ сословіямъ, обращалось въ полезную полицейскую мѣру; во время голода „табу“ налагалось на извѣстные предметы: на незрѣлые плоды; такъ, въ Новой Зеландіи жатва не снятая съ поля подвергалась „табу“. Нѣкоторые реформаторы хотѣли воспользоваться этимъ обычаемъ, употребляя для своихъ политическихъ цѣлей орудіе всѣхъ бѣдствій народа и многочисленныхъ злоупотребленій.

Переходя отъ религіи къ политическому быту, и тутъ находимъ совершенное распаденіе прежняго лучшаго порядка вещей. Европейцы застали въ Океаніи монархическія формы правленія, уже ограниченныя властію аристократіи, которая всѣми силами старалась оградить себя отъ королевскаго „табу“. Цари имѣли свои участки земли съ неограниченною властію надъ извѣстнаго рода предметами. Острова раздѣлялись на участки, во главѣ которыхъ стояла аристократія. Эти участки подраздѣлялись и раздавались низшему дворянству; простой народъ не имѣлъ собственности и въ силу „табу“ пользовался только извѣстными рыбами и съѣстными произведеніями земли, работая на высшій классъ, какъ на существа великія и божественныя, на основаніи религіозныхъ вѣрованій рѣзко отдѣленныя отъ него какъ на землѣ, такъ и за гробомъ. Всякій споръ былъ безполезенъ, и народъ покорялся своей участи безропотно и совершенно спокойно. Европейскія идеи могли проникнуть сюда только съ новыми потребностями, не могшими здѣсь развиться въ прежнемъ порядкѣ вещей. Даже въ формахъ монархическаго правленія, образованнаго патріархально по образцу семейства, видно было разложеніе. Между высшими сословіями, представлявшими сперва какъ бы ближайшихъ родственниковъ царя, и самимъ царемъ существовала распря, и мало по малу на островахъ Товарищества обоготвореніе перешло на аристократію. Низшія сословія, какъ мы сказали, находились внѣ общества; надъ ними возникали новыя царственныя фамиліи не преемственно, но одна возлѣ другой, въ распряхъ и несогласіяхъ раздѣляя землю на болѣе дробные участки и падая въ уваженіи народа.

На одномъ изъ Маркизиныхъ острововъ оставалось семьдесять девять жителей и два царя, на другомъ сто жителей и три царя. Но нигдѣ это раздробленіе не было такъ велико, какъ на островахъ Товарищества и Новой Зеландіи. Общество распалось на отдѣльныя семейства, существующія

каждое подъ начальствомъ своего старѣйшаго. Исчезъ государственный союзъ — исчезло всякое связующее начало, всякое понятіе о правѣ. Одно и то же преступленіе, наказываемое смертію въ одномъ мѣстѣ, оставалось безнаказаннымъ въ другомъ. Все зависѣло отъ произвола какого-нибудь сильнаго начальника.

Не только въ религіи и общественномъ бытѣ, но даже въ языкѣ существовали признаки страшнаго распаденія, неизвѣстнаго и въ Америкѣ, гдѣ видна гибель цѣлыхъ породъ. Въ геніальномъ твореніи своемъ о Кави, священномъ языкѣ жителей Явы, Вильгельмъ Гумбольдтъ коснулся нарѣчій Океаніи, составляющихъ отрасль малайскаго языка. Онъ вникнулъ въ процессъ одичанія и искаженія этихъ нарѣчій не только въ грамматическомъ устройствѣ ихъ, но и въ лексикальномъ. Глаголы потерялись, переставъ спрягаться для изображенія временъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; необходимо стало прибавлять частицы, отчего языкъ сдѣлался бѣднымъ. Въ самыхъ словахъ обнаруживаются слѣды изнѣженности и разслабленія; чѣмъ далѣе мы подвигаемся на востокъ, тѣмъ мягче и дряблѣе становится языкъ, тѣмъ больше выброшено согласныхъ и тѣмъ многочисленнѣе гласныя. Цѣлыя слова исчезали, вслѣдствіе упомянутаго нами выше обычая не употреблять болѣе словъ, выбранныхъ для прозванія обоготворяемыми лицами; для замѣщенія ихъ необходимо было выдумывать безпрестанно новыя; чрезъ это языкъ лишился всякаго органическаго развитія, органической связи. Здѣсь кстати можно упомянуть о заслугахъ миссіонеровъ, употребившихъ большое усиліе, чтобы изучить этотъ языкъ, составляя грамматики, лексиконы, азбуки и переводя Священное Писаніе и другія книги; но такія усилія не могутъ спасти языка, искаженнаго въ своихъ основаніяхъ.

Это распаденіе религіи, государственныхъ учрежденій и языка отозвалось въ остальныхъ сферахъ жизни, въ нравахъ и въ физическомъ бытѣ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ представить нѣсколько любопытныхъ данныхъ. Хотя трудно составить себѣ точное понятіе о числѣ жителей Океаніи, и нѣтъ сомнѣнія, что Кукъ и Форстеръ преувеличили народонаселеніе этихъ острововъ, но нельзя не признать, что оно было значительнѣе, чѣмъ теперь. Изъ показаній моряковъ, ученыхъ, китолововъ, миссіонеровъ можно опредѣлить приблизительно число жителей по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ острововъ. Изъ двухъ милліоновъ жителей, которыхъ насчитывали къ концу XVIII столѣтія, теперь считается едва 600,000. Есть острова, гдѣ вычисленіе точнѣе: такъ на Отаити въ началѣ нынѣшняго вѣка было до 100,000; въ тридцатыхъ годахъ оно понизилось до 17,000, а теперь считаютъ тамъ только 7,000. Это обстоятельство приписывали вліянію Европейцевъ, принесшихъ будто бы въ Океанію заразительныя болѣзни, употребленіе крѣпкихъ напитковъ и огнестрѣльное оружіе. Впрочемъ еще не рѣшено, не были ли заразительныя болѣзни уже давно тамъ; множество накожныхъ болѣзней, сходственныхъ съ сифилитическими, получали отвратительный видъ; низшіе классы въ особенности подвергались имъ, лишенные одежды и всякихъ пособій въ этомъ жаркомъ и сыромъ климатѣ, не имѣя здоровыхъ жилищъ, питаясь кореньями, морскими раками и нѣкоторою только рыбою,

ибо „табу“ было наложено на лучшую пищу, принадлежавшую, какъ и всѣ блага земныя и удобства жизни, только высшимъ классамъ. Крѣпкіе напитки не играли здѣсь той роли, какую они играли въ Америкѣ; островитяне даже неохотно пили водку, имѣя свой крѣпкій напитокъ *ава*, приготовленный изъ туземныхъ растеній и имѣющій болѣе крѣпости, чѣмъ самые крѣпкіе изъ нашихъ напитковъ. Также не могло дѣйствовать слишкомъ разрушительно и огнестрѣльное оружіе. Прежнія войны островитянъ велись съ бóльшимъ ожесточеніемъ. Ихъ рукопашные бои кончались не иначе, какъ когда одна часть совершенно истребляла другую, а если и забирали плѣнныхъ, такъ только для принесенія ихъ въ жертву. Вообще Европейцы дѣйствовали здѣсь не такъ истребительно на туземцевъ, какъ въ Америкѣ, Новой Голландіи и Вандименовой Землѣ. Если же Европейцы и употребляли во зло свое превосходство въ Океаніи, то это были частные случаи; причины упадка народонаселенія лежали глубже, въ самомъ общественномъ порядкѣ Океаніи.

Это страшное разъединеніе между классами столь поразительно, что многіе пытались объяснить его различіемъ породъ, и Коцебу приписывалъ происхожденіе высшихъ сословій Сандвичевыхъ острововъ Испанцамъ, потерпѣвшимъ здѣсь кораблекрушеніе. Мы видѣли, что аристократія, пользуясь большими удобствами жизни, могла сохранять свое тѣло въ здоровьи, красотѣ и силѣ, никогда не смѣшиваясь съ кровью низшаго сословія, ибо ребенокъ, приживаемый лицами двухъ разныхъ сословій, предавался смерти.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія, Ванкуверъ присутствовалъ въ Гаваи на праздникѣ, данномъ ему Камеамегой; на военныхъ играхъ сначала выступили воины низшаго класса и поразили моряка своею неловкостью; но когда выступили воины высшаго сословія, то красота и ловкость ихъ такъ были изумительны, что нельзя было найти ничего общаго между первыми и вторыми. Это явленіе повторяется повсемѣстно, но ничто лучше не выражаетъ нравственнаго распаденія этихъ острововъ, какъ общество Ареои (на островахъ Товарищества), замѣченное Европейцами вскорѣ послѣ ихъ прибытія. Подозрительный союзъ этотъ показался сначала сходственнымъ съ масонскимъ. Онъ состоялъ изъ семи отдѣльныхъ классовъ; переходъ изъ одного класса въ другой былъ сопряженъ съ извѣстными церемоніями и обрядами; у этого общества были свои суда, знамена, своя татуировка и свои символическіе или масоническіе знаки. Цѣль же его была самый дикій необузданный развратъ. Члены общества состояли изъ мужчинъ и женщинъ. Въ немъ исчезали всѣ понятія о бракѣ, родствѣ и сословіяхъ, и дѣти, происходящія отъ такого неограниченнаго смѣшенія половъ, были немедленно убиваемы. Такого кровожаднаго и ужаснаго разврата не видано было ни въ одномъ обществѣ, и, повторяемъ, ни въ чемъ не выразилось такъ сильно конечное разложеніе нравовъ. Хотя въ общество Ареои вступали болѣе лица высшаго сословія, но примѣръ его не остался безъ вліянія и на низшій классъ. Сначала дѣтоубійство совершалось по предписанію закона, для истребленія плода преступленія, совершеннаго лицами двухъ различныхъ сословій, но въ началѣ XIX-го столѣтія оно вошло уже въ нравы, и роди-

тели убивали дѣтей своихъ просто для избавленія себя отъ труда воспитывать ихъ. Это могло содѣйствовать къ уменьшенію народонаселенія.

Всѣ изложенные нами факты, истекая изъ человѣческой воли и заблужденій, могли бы быть повидимому исправимы, но надъ ними виситъ какой-то неумолимый законъ природы, видимо обрекающій на погибель это племя. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни общества Ареои и никакихъ другихъ очевидныхъ причинъ къ истребленію, оно уменьшается какъ бы само собою. Въ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ замѣчается слѣдующее: на 100 мужчинъ приходится 75 или 80 женщинъ, а въ другихъ мѣстахъ на двухъ мужчинъ—одна женщина. На островахъ Сандвичевыхъ правительство старалось усилить народонаселеніе и положило извѣстныя льготы отцамъ семейства, имѣющимъ трехъ дѣтей,—что же? въ нѣкоторыхъ округахъ съ 8-ю тысячами жителей оказалось только по три семейства съ тремя дѣтьми. Большая часть браковъ были бездѣтны. Туземцы будто предчувствуютъ предстоящую гибель ихъ племени. Одинъ вождь Новой Зеландіи говорилъ англійскому миссіонеру и путешественнику съ глубокою грустью и смиреніемъ: „Наше племя осуждено на смерть; бѣлый человѣкъ завладѣетъ нашими полями". Этотъ законъ приходитъ въ исполненіе, ускользая отчасти отъ нашего пониманія.

Въ оправданіе миссіонеровъ замѣтимъ, что тамъ, гдѣ миссіи дѣятельнѣе, народонаселеніе остается на одной точкѣ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Остается рѣшить, остановитъ ли христіанство упадокъ народонаселенія въ Океаніи? Во всякомъ случаѣ можно сказать, что связь съ Европейцами внесла сюда новый источникъ жизни, которая необходимо должна развернуться подъ этимъ роскошнымъ небомъ; но спасетъ ли она жителей Океаніи, не слишкомъ ли опоздала эта помощь—трудно рѣшить. Пока остановимся на этомъ и постараемся далѣе разсказать о первомъ столкновеніи Европейцевъ съ туземцами, о распространеніи между ними христіанства, и представить характеристику океанійскихъ народовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОКОЙНОМЪ НИКОЛАѢ ГРИГОРЬЕВИЧѢ ФРОЛОВѢ *).

Четвертый томъ „Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій" выходитъ въ свѣтъ по смерти издателя, приготовившаго его къ печати и на смертномъ одрѣ выправлявшаго корректурные листы послѣднихъ статей. Друзья покойника, принявшіе на себя обязанность продолжать начатое имъ предпріятіе, нашли этотъ томъ совершенно готовымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является на судъ читателей. Дѣло ихъ слѣдовательно впереди.

Но съ принятою ими на себя обязанностію соединена другая, къ сожалѣнію, не всегда выполняемая у насъ въ Россіи. Сколько благородныхъ и заслуженныхъ дѣятелей всякаго рода сошло у насъ въ могилу, не вызвавъ своею смертію признательной и безпристрастной оцѣнки совершенныхъ ими трудовъ! Люди близкіе какъ будто совѣстятся говорить о дорогомъ для нихъ покойникѣ; посторонніе, которымъ нечего бояться упрека въ лицепріятіи, при самомъ искреннемъ желаніи сказать что-нибудь, должны молчать по недостатку свѣдѣній. А между тѣмъ, ничто не даетъ человѣку такой твердости въ исполненіи обязанностей, ничто такъ не укрѣпляетъ его въ трудѣ и честной борьбѣ, какъ увѣренность въ томъ, что по смерти его ему воздано будетъ должное и что посильная дѣятельность его найдетъ благодарныхъ цѣнителей.

Николай Григорьевичъ Фроловъ родился въ исходѣ 1812 года. На седьмомъ году отъ рожденія, онъ уже поступилъ въ Пажескій корпусъ, куда былъ принятъ по Высочайшему повелѣнію, въ уваженіе заслугъ отца его, храбраго воина, убитаго въ чинѣ генералъ-майора, подъ Полоцкомъ. Въ 1830 году Фроловъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ гвардію, въ Семеновскій полкъ. Онъ любилъ службу и занимался ею съ тою добросовѣстностію, которая составляла отличительную черту его характера. Несмотря на то, онъ вышелъ черезъ четыре года въ отставку. Побудительнымъ поводомъ къ этому поступку, на который онъ рѣшился не безъ борьбы съ самимъ собою, была горячая потребность высшаго образованія, не дававшая ему покоя. Онъ уѣхалъ въ Дерптъ, а оттуда въ Германію, гдѣ провелъ около пяти лѣтъ въ постоянной работѣ. Тамъ встрѣтилъ онъ первую супругу свою

*) Напечатано при IV томѣ „Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій".

(Е. П. Галахову), женщину необыкновенно умную и просвѣщенную, вліяніе которой окончательно утвердило его въ намѣреніи посвятить себя наукѣ. Трудность заключалась въ выборѣ предмета занятій. Любознательность Фролова долго не позволяла ему остановиться на одной какой-нибудь отрасли знанія и требовала самой разнородной пищи. Съ этою цѣлью онъ въ 1837 г. поселился въ Берлинѣ и слушалъ въ тамошнемъ университетѣ курсы исторіи, философіи, права и естественныхъ наукъ. Многія изъ ученыхъ знаменитостей, которыми въ то время такъ богатъ былъ Берлинъ, знали лично Фролова, цѣнили надлежащимъ образомъ его благородныя стремленія и помогали ему своими совѣтами. Но планъ, по которому онъ трудился, былъ слишкомъ обширенъ и потому не могъ быть выполненъ. Къ счастію, Фроловъ умѣлъ во-время остановиться: изъ разнообразныхъ занятій своихъ онъ вынесъ не пресыщеніе и усталость, а многосторонне развитый умъ и непоколебимую вѣру въ достоинство всѣхъ частей науки. Въ лекціяхъ знаменитаго Риттера онъ наконецъ нашелъ то, чего онъ такъ долго и такъ жадно добивался. Эти лекціи опредѣлили всю его послѣдующую дѣятельность. Въ бумагахъ покойника сохранились слѣды его юношескихъ думъ и исканій. Неустановившіяся, бродившія въ немъ идеи искали себѣ выхода и выраженія: онъ много писалъ въ этотъ періодъ своей жизни, но писалъ для себя и для немногихъ близкихъ ему людей. Всѣ эти опыты проникнуты чистою любовью къ добру и къ истинѣ. Видно, что вниманіе молодаго писателя рано остановилось на вопросахъ, которые не переставали занимать его до самой кончины. Развалины Картезіанскаго монастыря близь Павіи внушили ему горячо прочувствованную статью объ отношеніи жизни созерцательной къ жизни дѣятельной. Результатомъ посѣщенія Женевской тюрьмы было цѣлое изслѣдованіе, обнаруживающее не одно участіе къ предмету, но и добросовѣстное изученіе всѣхъ исправительныхъ системъ, какія въ то время были въ ходу.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Россіи, болѣзнь супруги, вскорѣ потомъ умершей, побудила Фролова снова покинуть родину и провести еще нѣсколько лѣтъ за границею. Испытанный горькими личными утратами, онъ крѣпче привязался къ наукѣ, надежной цѣлительницѣ душевныхъ ранъ. Онъ много путешествовалъ, видѣлъ большую часть Европы и учился не по однимъ книгамъ, заготовляя матеріалы для будущихъ скромныхъ, съ цѣлью общей пользы, а не извѣстности, задуманныхъ имъ трудовъ. Когда вышелъ первый томъ „Космоса“, Фроловъ тотчасъ принялся за переводъ этого творенія, которымъ великій естествоиспытатель завершалъ свое славное поприще. Три тома русскаго перевода „Космоса“ давно находятся въ рукахъ нашей публики. Они снабжены пояснительными дополненіями и примѣчаніями, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ и которыя свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ трудолюбіи и добросовѣстности переводчика. Сверхъ того, Фроловъ намѣревался приложить къ своему переводу полное обозрѣніе дѣятельности Александра Гумбольдта, въ которую, можно сказать, входитъ вся исторія естественныхъ наукъ съ конца прошлаго столѣтія. Но этотъ трудъ, изъ котораго извлечено было нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ Современникѣ, не

удовлетворилъ самого автора, много разъ возвращавшагося къ нему съ новымъ жаромъ и оставившаго въ бумагахъ своихъ только, незадолго до смерти, снова написанную исторію первыхъ путешествій Гумбольдта.

Съ 1847 года Фроловъ постоянно жилъ въ Россіи. Поселившись въ Москвѣ, гдѣ у него былъ немногочисленный, но горячо любившій и уважавшій его кругъ друзей, онъ, несмотря на новыя, поразившія его несчастія и потери, остался вѣренъ дѣлу, которому думалъ посвятить всѣ силы свои. Понимая вполнѣ значеніе сравнительнаго землевѣдѣнія, созданнаго почти на глазахъ нашихъ Гумбольдтомъ, Риттеромъ и ихъ даровитыми послѣдователями, онъ хотѣлъ участвовать въ перенесеніи на русскую почву этой еще новой и у насъ столь мало извѣстной науки. Въ эти планы и надежды не входили никакіе разсчеты личнаго самолюбія. Источникомъ ихъ было чувство, которое мы смѣло позволимъ себѣ назвать гражданскимъ. Способный понимать науку въ ея самостоятельномъ, независимомъ величіи, покойный другъ нашъ смотрѣлъ на нее преимущественно съ точки зрѣнія пользы, какую она можетъ принести Россіи. Вотъ откуда черпалъ онъ свое неослабное рвеніе. Онъ очень хорошо зналъ, что труды собирателя и переводчика ученыхъ сочиненій обращаютъ на себя мало вниманія и не даютъ правъ на почетную извѣстность, но это не мѣшало ему работать до изнеможенія.

Русское Географическое общество, къ числу членовъ котораго принадлежалъ Н. Г. Фроловъ, неоднократно обращалось къ нему съ предложеніями, доказывающими довѣріе, какимъ онъ пользовался со стороны людей, наиболѣе способныхъ къ вѣрной оцѣнкѣ его трудовъ и знаній. Ему, между прочимъ, предложено было взять на себя редакцію Географическаго словаря Русской имперіи. Недовѣріе къ собственнымъ силамъ побудило Фролова отклонить отъ себя это порученіе. Слѣдя съ живымъ участіемъ за блестящею и обширною дѣятельностію Географическаго общества, онъ надѣялся служить ему частными изданіями, направленными къ той же цѣли и проникнутыми тѣмъ же духомъ. Такимъ образомъ родилась въ немъ мысль о „Магазинѣ Землевѣдѣнія и Путешествій“, съ дополненіями, имѣвшими состоять изъ „Собранія старыхъ и новыхъ путешествій“. Обстоятельства не позволили ему осуществить вполнѣ свои предположенія. Съ 1852 года вышло три тома „Магазина“. Многочисленные, частію совершенно готовые, частію заказанные матеріалы для „Собранія старыхъ и новыхъ путешествій“, войдутъ въ „Магазинъ“ особеннымъ отдѣломъ. Друзья покойника исполнятъ свято его волю и постараются вполнѣ передать публикѣ все то, что онъ такъ заботливо и безкорыстно для нея готовилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, безкорыстнѣе и самоотверженнѣе Фролова нельзя было дѣйствовать. Онъ жертвовалъ деньгами, временемъ, наконецъ, даже здоровьемъ, безъ всякихъ надеждъ на личное вознагражденіе. Кромѣ общей пользы, у него ничего не было и не могло быть въ виду. Цѣна, положенная имъ за его книги, была такъ незначительна, что, даже въ случаѣ самой успѣшной продажи, она не въ состояніи была бы покрыть издержки изданія. Назначивъ высокую плату за оригинальныя статьи, онъ надѣялся дать молодымъ талантливымъ ученымъ возможность трудиться надъ любимою его

наукою. Богатая книгами и географическими картами, собранная имъ еще въ то время, когда денежныя средства его были крайне ограничены, библіотека предоставлялась свободному пользованію всѣхъ участниковъ въ „Магазинѣ“.

Первый томъ „Магазина“ былъ довольно холодно принятъ журнальною критикою и читателями. Намъ кажется, что причина этой неудачи заключается въ пестротѣ статей, рѣзко переходящихъ отъ строго ученаго къ чисто популярному способу изложенія. Отсюда происходитъ какая-то неопредѣленность въ характерѣ цѣлой книги. Тѣмъ не менѣе, она содержитъ въ себѣ нѣсколько статей истинно превосходныхъ, которыхъ было бы достаточно для успѣха всякаго ученаго сборника. Второй и третій томы были счастливѣе перваго. Изъ нихъ видно, что Фроловъ пріобрѣлъ бо́льшую опытность въ своемъ дѣлѣ и вѣрнѣе сталъ понимать дѣйствительныя потребности русской публики. Въ предисловіи ко второму тому, составленному изъ переводовъ географическихъ статей Риттера и „Воззрѣній на природу“ Александра Гумбольдта, издатель ясно высказалъ мысль, заставлявшую его такъ часто обращаться къ иностраннымъ литературамъ. „Вносить въ отечественную словесность произведенія чуждыхъ литературъ“—говоритъ онъ—значитъ дѣлать ее соучастницею въ движеніи всемірной литературы. Черезъ это созданія человѣческой мысли расширяютъ свой кругъ дѣйствія, пріобрѣтаютъ, внѣ своей тѣсной родины, новое отечество и, подъ другимъ небомъ, воздѣлываемыя другою рѣчью, приносятъ новые плоды. Чужеземныя творенія только переложеніемъ на народный языкъ дѣлаются истиннымъ достояніемъ нашей отечественной почвы и могутъ на ней плодотворно перерабатываться; испытуемыя, повѣряемыя нашимъ роднымъ говоромъ, только помощію изящнаго переводнаго языка эти творенія соглашаются съ нашимъ народнымъ духомъ, приспособляются къ потребностямъ народной образованности, входятъ въ умственное обращеніе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ и всемірно-историческое мѣрило для нашихъ туземныхъ литературныхъ произведеній“. Эти слова, опредѣляя точку зрѣнія самого Фролова, могутъ въ то же время служить превосходнымъ отвѣтомъ на толки людей, утверждающихъ, что намъ не для чего переводить ученыя творенія Запада, потому что тѣ, кого занимаетъ содержаніе подобныхъ книгъ, читаютъ ихъ въ подлинникѣ, а другимъ онѣ вовсе не нужны.

По поводу перевода географическихъ статей Риттера намъ случалось слышать другія, столь же основательныя и дѣльныя возраженія, къ сожалѣнію, находящія всегда готовый отголосокъ въ массѣ, такъ называемыхъ, любителей *легкаго чтенія*. По мнѣнію многихъ, издатель „Магазина“ не долженъ былъ бы помѣщать въ своемъ изданіи статей до такой степени неясныхъ и трудныхъ. Ихъ, по крайней мѣрѣ, надобно было бы передѣлать, приноровить къ свойствамъ русскаго ума, который во всемъ любитъ ясность и простоту, говорили критики, которыхъ мы имѣемъ въ виду. Но трудность пониманія Риттеровыхъ статей существуетъ въ равной степени для Нѣмца и для Русскаго, на обоихъ языкахъ. Эта трудность состоитъ не столько въ тяжеломъ изложеніи, сколько въ новизнѣ идей, къ которымъ

мы еще не успѣли привыкнуть и для яснаго уразумѣнія которыхъ необходимы многостороннія свѣдѣнія. Въ настоящее время этихъ глубокомысленныхъ теорій никакъ нельзя сдѣлать популярными и общедоступными, по той причинѣ, что онѣ невполнѣ выработались и не представляютъ замкнутаго въ себѣ цѣлаго. Мы должны пока принимать идеи Риттера въ той формѣ, въ какой онѣ вышли и выходятъ изъ-подъ пера геніальнаго географа, не посягая на эту форму, которую еще трудно отдѣлить отъ содержанія. Печатая переводъ Риттеровыхъ изслѣдованій, Фроловъ имѣлъ въ виду не большинство читателей, которымъ онъ въ той же книгѣ далъ самое изящное изъ твореній Гумбольдта, а тѣхъ немногочисленныхъ, но горячихъ, разсѣянныхъ по разнымъ концамъ нашего отечества *тружениковъ*, до которыхъ никогда не дойдетъ подлинникъ Риттера. И если нѣмецкая мысль, прикосновеніемъ своимъ къ одному изъ такихъ, вдали отъ центровъ просвѣщенія изнывающихъ русскихъ умовъ, оплодотворитъ его и подвинетъ къ самостоятельной дѣятельности на поприщѣ юнаго землевѣдѣнія, то цѣль, которую поставилъ себѣ издатель „Магазина", будетъ вполнѣ достигнута и трудъ его богато вознагражденъ. Знакомый съ современнымъ состояніемъ географическихъ наукъ и съ ихъ литературою, Фроловъ твердо шелъ своей дорогой, прислушиваясь къ мнѣнію настоящихъ цѣнителей и не обращая вниманія на дешевые совѣты придирчиваго и взыскательнаго дилеттантизма.

Третій томъ, въ которомъ помѣщено много статей, написанныхъ русскими учеными, служитъ доказательствомъ, что предпріятіе Фролова было по достоинству оцѣнено представителями нашего просвѣщенія. Со всѣхъ сторонъ, изъ Сибири, съ Кавказа, получалъ онъ письма съ предложеніями сотрудничества, матеріаловъ. Нельзя было не радоваться такому, можно сказать, съ боя взятому успѣху. Но эта радость была непродолжительна. Часть полученныхъ писемъ осталась безъ отвѣта. Въ то самое время, когда передъ нимъ расширялось поприще благотворной и отрадной дѣятельности, когда ему, повидимому, предстояло успокоеніе послѣ испытанной тяжкими страданіями жизни, Богу угодно было положить конецъ этой жизни. Фроловъ скончался 15-го января 1855 года, на 43-мъ году отъ рожденія, въ Черниговскомъ имѣніи своей супруги. Онъ умеръ спокойно, съ твердымъ сознаніемъ своего положенія и съ неохладѣвшимъ участіемъ ко всему, что любилъ въ дни молодости и здоровья. Только съ послѣднимъ біеніемъ сердца затихла въ немъ потребность дѣлать добро и приносить пользу.

Слово труженикъ у насъ давно получило ироническое, оскорбительное для того, къ кому оно относится, значеніе. А между тѣмъ это слово выражаетъ рѣдкое, въ высшей степени благородное свойство. Гордясь богатыми дарами, которыми природа такъ щедро надѣлила Русскаго человѣка, въ особенности его способностію исправлять въ нѣсколько часовъ упущенія, происходящія отъ цѣлыхъ мѣсяцевъ лѣни и праздности, мы какъ будто свысока смотримъ на всякую упорную и непрерывную дѣятельность. Мы готовы называть труженикомъ каждаго, кто подчинилъ свой день извѣстному, неизмѣнному порядку и никогда не откладываетъ до завтра то, что онъ долженъ сдѣлать сегодня. Къ числу такихъ тружениковъ принадлежалъ Фро-

ловъ. Природа не обидѣла его дарами своими, обстоятельства часто давали ему возможность пользоваться совершеннымъ досугомъ; но онъ носилъ въ душѣ непреклонное, до жестокости доходившее чувство долга.

Умирая, онъ имѣлъ право сказать, что сдѣлалъ все, что̀ могъ сдѣлать въ предѣлахъ отмѣренной ему Провидѣніемъ жизни. Такое сознаніе было для него тѣмъ утѣшительнѣе, что онъ глубоко вѣрилъ въ нравственную силу просвѣщенія, которому такъ честно и безкорыстно служилъ съ ранней молодости своей.

1855-й годъ богатъ утратами для Россіи. Передъ славными кончинами Севастопольскихъ защитниковъ блѣднѣетъ тихая, хотя мужественная смерть скромнаго труженика науки. Но его отсутствіе будетъ замѣтно въ тѣсныхъ рядахъ того войска, которому Россія ввѣрила знамя своей образованности.

ОСЛАБЛЕНІЕ КЛАССИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И НЕИЗБѢЖНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ЭТОЙ ПЕРЕМѢНЫ *).

Отмѣна въ 1851 году преподаванія греческаго языка въ бо̀льшей части русскихъ гимназій не безъ причины изумила и, смѣю сказать, опечалила всѣхъ, принимающихъ къ сердцу судьбы русскаго просвѣщенія и знакомыхъ съ ходомъ его развитія. Этою мѣрой безспорно нарушалось строгое единство системы, оправдавшейся на дѣлѣ въ семнадцатилѣтнее, столь богатое успѣхами всякаго рода, министерство графа С. С. Уварова. Державная мысль, которой графъ Уваровъ былъ счастливымъ и искуснымъ истолкователемъ, ясно опредѣлила задачу русскаго просвѣщенія, возвративъ насъ къ кореннымъ началамъ русской жизни, отъ которыхъ въ продолженіе полутора столѣтія мы болѣе или менѣе постоянно уклонялись. Исключительное и вредное преобладаніе иноземныхъ идей въ дѣлѣ воспитанія уступило мѣсто системѣ, истекшей изъ глубокаго пониманія русскаго народа и его потребностей. Эта система, изгоняя изъ нашихъ учебныхъ заведеній все ненужное, случайно занесенное извнѣ, значительно усилила чисто научную и учебную часть. Неоспоримые факты доказываютъ, какъ быстро двинулась у насъ наука въ эти семнадцать лѣтъ и насколько стала она независимѣе и самостоятельнѣе. Обязанности русскаго преподавателя, отъ профессора университета до сельскаго учителя, были опредѣлены съ возможною отчетливостью. Каждому указана была цѣль его трудовъ, состоявшая въ преподаваніи слушателямъ *нужныхъ имъ* знаній въ надлежащей полнотѣ и современномъ, достойномъ науки

*) Статья эта написана въ 1855 году и напечатана въ № 97 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1860 года подъ названіемъ „Офиціальной Записки“ съ пропускомъ нѣсколькихъ неразобранныхъ словъ, возстановленныхъ затѣмъ во 2-мъ изданіи 1866 г. Записка эта была найдена въ черновыхъ бумагахъ и неизвѣстно достигла ли она своего назначенія.

видѣ, безъ стороннихъ, нейдущихъ къ преподаванію примѣсей. Умственная связь Россія съ европейскою образованностію не была ослаблена; но отношеніе измѣнилось къ нашей выгодѣ. Мы продолжали учиться у старшихъ братьевъ нашихъ, мы не отреклись отъ благъ просвѣщенія, но пріобрѣли право критики и самостоятельнаго приговора.

Мѣры, принятыя въ 1851 г. противъ преподаванія древнихъ языковъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, остановили правильное развитіе системы, зрѣло обдуманной и превосходно приводимой въ исполненіе. Люди, понимавшіе дѣло, были тѣмъ болѣе огорчены, что мѣры эти должны были неизбѣжно вести къ усиленію тѣхъ именно идей, противъ которыхъ онѣ очевидно были направлены.

Споръ между такъ называемымъ *реальнымъ* и *классическимъ* образованіемъ, основаннымъ на знаніи древнихъ языковъ, давно начался въ Европѣ. Одностороннее направленіе, господствовавшее въ западныхъ школахъ, рано вызвало противодѣйствіе общественнаго мнѣнія. Монтень и Баконъ уже указывали на больныя стороны современныхъ имъ педагогическихъ методъ, хотя ни того, ни другаго, въ особенности Монтеня, нельзя назвать реалистомъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Записные филологи признавали недостатки воспитанія, главною цѣлью котораго было образовать хорошихъ латинистовъ. Знанія, пріобрѣтаемыя въ училищахъ 16 и 17 столѣтій, могли быть прилагаемы къ жизни только весьма немногими лицами; настоящія потребности огромнаго большинства учащихся не находили себѣ удовлетворенія. О народномъ образованіи, въ обширномъ смыслѣ, не могло быть рѣчи при такомъ направленіи. Нельзя сказать впрочемъ, чтобы ученыя школы трехъ послѣднихъ столѣтій постоянно достигали даже той ограниченной цѣли, которую онѣ преимущественно имѣли въ виду. Тяжелый методъ преподаванія требовалъ страшнаго напряженія памяти, но рѣдко обращался къ мышленію и отнималъ у большей части учениковъ всякую охоту къ занятіямъ. Дѣло критики было, слѣдовательно, легкое. Здѣсь было бы неумѣстно изложеніе полемики, начавшейся еще въ эпоху Тридцатилѣтней войны и продолжающейся донынѣ. Нельзя однако не замѣтить, что, начиная отъ Вольфганга Ратиха, который, сколько намъ извѣстно, первый выступилъ съ готовою педагогическою системою противъ существовавшихъ въ его время учебныхъ методъ, до современнаго намъ, заслужившаго громкую извѣстность прусскаго педагога Дистервега, всѣ противники исключительно-классическаго образованія сходятся въ основныхъ началахъ своей теоріи. Они требуютъ отъ школы непосредственнаго примѣненія къ цѣлямъ жизни; ослабляя научный элементъ преподаванія въ пользу практически-пригоднаго или такъ называемаго реальнаго, они хотятъ дѣйствовать какъ можно болѣе на разсудокъ ученика и оставляютъ какъ можно менѣе дѣла памяти и фантазіи; наконецъ, они требуютъ отъ самыхъ методъ преподаванія какъ можно большей легкости, простоты и однообразія. Во всемъ этомъ есть безспорно много справедливаго, вѣрнаго, но столѣтній опытъ успѣлъ показать недостатки и положительно вредныя стороны новыхъ теорій общественнаго воспитанія, получившихъ особенно важное значеніе для Европы съ тѣхъ поръ, какъ въ

числѣ ихъ защитниковъ явились такіе писатели, какъ Жанъ-Жакъ Руссо, и такіе благородные, самоотверженные наставники юношества, какъ Песталоцци. Девизомъ преобразователей было, какъ намъ кажется, худо понятое изреченіе: non scholae, sed vitae discendum (надобно учиться не для школы, а для жизни).

Въ 1747 году въ Берлинѣ возникла первая, заслуживающая этого названія реальная школа. Основатель ея, пасторъ Гекеръ, ввелъ для своихъ воспитанниковъ преподаваніе всѣхъ полезныхъ въ житейскомъ быту наукъ, искусствъ и ремеслъ, начиная съ древнихъ языковъ до выдѣлки кожъ. Ежедневное число учебныхъ часовъ состояло изъ *одиннадцати*, не считая времени, которое шло на приготовленіе уроковъ. По странному, но характеристическому случаю, первое имя, встрѣчаемое въ спискахъ пансіонеровъ Берлинской реальной школы, было имя *Николаи*, столь извѣстнаго въ послѣдствіи книгопродавца, писателя и журналиста. Онъ всю свою жизнь ратовалъ за *просвѣщеніе*, понимая подъ этимъ отрицаніе всякаго рода предразсудковъ. Но по мнѣнію Николаи и его друзей, всѣ вѣрованія, идеи и убѣжденія человѣчества, которыхъ нельзя доказать математически или ощупать рукою, принадлежатъ къ числу вредныхъ предразсудковъ. Конечно, не одинъ Николаи вышелъ изъ Берлинской реальной школы съ такой идеей о просвѣщеніи. Тѣмъ не менѣе реализмъ дѣлалъ быстрые успѣхи. „Эмиль", этотъ краснорѣчивый протестъ противъ искусственнаго воспитанія, написанный человѣкомъ, который не вѣрилъ въ пользу просвѣщенія и науки— „Эмиль" сдѣлался настольною книгою матерей семействъ и воспитателей. Европейскіе государи съ живымъ участіемъ слѣдили за педагогическими опытами Базедова; давали ему денегъ на изданіе сочиненій, которыми онъ надѣялся произвести переворотъ въ дѣлѣ общественнаго образованія, и поддерживали своими щедротами учрежденный имъ въ Дессау „филантропинъ". Еще большее и вполнѣ заслуженное вниманіе обратила на себя дѣятельность Песталоцци.

Настала французская революція. Событія двигались съ быстротою, не допускавшею въ зрителяхъ никакихъ другихъ ощущеній, кромѣ удивленія или ужаса. Но буря пронеслась, и умы нѣсколько успокоились; тогда явилась потребность уяснить смыслъ пережитыхъ потрясеній и отыскать ихъ причины. Такихъ причинъ нашлось много. Между прочимъ въ число причинъ французской революціи попало преподаваніе древнихъ языковъ и древней исторіи въ школахъ. Этимъ путемъ, говорили близорукіе обвинители классическаго образованія, проникаютъ развившіяся въ Греціи и Римѣ республиканскія идеи въ незрѣлые умы юношества, отрываютъ ихъ отъ дѣйствительности и поселяютъ въ нихъ опасныя мечты свободы и равенства. Такимъ образомъ бѣдныя заведенія, въ которыхъ процвѣтали еще древніе языки, подверглись двоякому нареканію. Съ одной стороны, ихъ упрекали въ томъ, что они стоятъ далеко отъ жизни и не приготовляютъ воспитанниковъ своихъ къ практической дѣятельности; съ другой, они должны были отвѣчать за страшный переворотъ, до дна возмутившій жизнь европейскаго общества. Противорѣчіе, заключающееся въ этихъ обвиненіяхъ, очевидно.

Вообще вопросъ былъ поставленъ съ крайнимъ легкомысліемъ. Французы временъ Людовика XV и XVI не отличались вовсе глубокимъ знаніемъ классической древности или даже пристрастіемъ къ ней. Люди, участвовавшіе въ революціи, заимствовали свои идеи не изъ греческихъ или римскихъ писателей, а изъ ближайшихъ источниковъ современной имъ литературы, менѣе подчиненной вліяніямъ древности, чѣмъ литература предъидущаго XVII столѣтія; между главными дѣятелями революціи встрѣчается столько же, если не болѣе, математиковъ, врачей и натуралистовъ, сколько и людей съ общимъ образованіемъ, которое въ тогдашней Франціи не было уже исключительно основано на филологическихъ знаніяхъ. Что въ эпоху революціоннаго опьяненія парижскіе парикмахеры и портные, отрекаясь отъ христіанскихъ именъ, данныхъ имъ при крещеніи, величали себя Солонами, Брутами и Катонами,—ничего не доказываетъ, кромѣ жалкаго невѣжества ремесленнаго класса, котораго свѣдѣнія о великихъ людяхъ Греціи и Рима ограничивались знаніемъ именъ. Позволимъ себѣ разсказать по этому поводу слѣдующій случай. Въ эпоху отпаденія отъ Испаніи ея американскихъ владѣній, жители Парагвая провозгласили у себя, по примѣру сосѣдей, республиканскую форму правленія, но были въ большомъ затрудненіи насчетъ титулованія новыхъ властей. По счастію, у кого-то нашелся разрозненный томъ сочиненій Роллена, содержавшій въ себѣ часть Римской исторіи. Руководствуясь свѣжимъ знаніемъ, только что почерпнутымъ изъ открытой ими книги, законодатели парагвайскіе ввели немедленно въ употребленіе званіе диктатора, консуловъ и т. д. Едва ли кому придетъ однако въ голову заподозрить ихъ въ намѣреніи перенесть на свою почву политическія формы и идеи Римской республики? Французская революція не одинокое, не безпримѣрное явленіе въ новой исторіи. Ей предшествовала свобода Нидерландовъ, англійская революція семнадцатаго вѣка, провозглашеніе республики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Она тѣснѣе связана съ этими событіями, нежели съ преданіями классическаго міра. Никто однако не думалъ выводить образа мыслей и дѣйствій Вильгельма Оранскаго, Кромвеля или Франклина изъ Ѳукидида и Тита Ливія. И несмотря на все, что можно было сказать въ защиту классическаго образованія, предупрежденное противъ него общественное мнѣніе болѣе и болѣе дружилось съ реальнымъ направленіемъ. Политическія обстоятельства помогали этому направленію. Небывалое развитіе промышленности, послѣдовавшее за миромъ 1815 г., побудило европейскія правительства усилить средства техническаго образованія для подданныхъ. Сверхъ спеціальныхъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью заведеній, въ большей части обыкновенныхъ общеобразовательныхъ училищъ, въ гимназіяхъ и т. д., введено преподаваніе естественныхъ и математическихъ наукъ, почти всегда къ ущербу чисто-классическаго элемента. Безразсудно было бы возставать противъ явленій, въ которыхъ выражалась существенная потребность, но, удовлетворяя этой потребности, не слѣдуетъ терять изъ виду другихъ, быть можетъ, высшихъ благъ и цѣлей воспитанія. Не о единомъ хлѣбѣ сытъ *человѣкъ*. Рѣшительный перевѣсъ положительныхъ, примѣняемыхъ къ матеріальнымъ сторонамъ жизни знаній надъ

тѣми, которыя развиваютъ и поддерживаютъ въ сердцахъ юношества любовь къ прекраснымъ, хотя, быть можетъ, и неосуществимымъ идеаламъ добра и красоты, неминуемо приведетъ европейское общество къ такой нравственной болѣзни, отъ которой нѣтъ другаго лѣкарства кромѣ смерти. Въ настоящее время Европа покрыта реальными заведеніями всякаго рода, отъ высшихъ (Bürgerschulen) до элементарныхъ, но на томъ же началѣ основанныхъ школъ. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній вовсе изгоняютъ преподаваніе древнихъ языковъ и близкихъ къ нимъ предметовъ (древняя исторія излагается гораздо короче средней и новой), другія допускаютъ ограниченное небольшимъ числомъ учебныхъ часовъ преподаваніе латинскаго языка. Впрочемъ, споръ объ отношеніи классическаго элемента къ реальному еще не конченъ, еще не найдена возможность согласить ихъ въ одной гармонической системѣ народнаго воспитанія.

Говорить ли о печальныхъ событіяхъ 1848 года? Роль, какую въ то время играли нѣкоторые изъ профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ въ качествѣ членовъ Франкфуртскаго парламента, повидимому укрѣпила прежнее предубѣжденіе противъ „ученыхъ школъ", откуда могли выйти люди съ такимъ вреднымъ образомъ мыслей. Но развѣ гимназіи или университеты, гдѣ обращено особенное вниманіе на древніе языки и древнюю исторію, служатъ исключительными разсадниками революціонныхъ идей? Самое извѣстное изъ реальныхъ заведеній въ Европѣ, Политехническая школа, со дня своего основанія сохранила республиканское направленіе. Альфортская ветеринарная школа постоянно высылала своихъ воспитанниковъ на баррикады, какъ только въ Парижѣ подымался какой-нибудь мятежъ. Австрійское правительство заводило у себя техническія и реальныя училища; оно никогда не оказывало большаго поощренія классическому образованію, а Вѣнскіе студенты составили академическій легіонъ. И что общаго между греко-римскимъ міромъ и идеями коммунизма и соціализма, возмущающими западныя массы? Не ближе ли эти идеи, не родственнѣе ли такъ называемому реализму? Сохрани насъ Богъ отъ намѣренія заподозрѣвать въ дурномъ какую-либо науку. Наукъ вредныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Каждая заключаетъ въ себѣ часть божественной истины, открывающейся нашему разуму съ разныхъ сторонъ въ духѣ и во внѣшней природѣ. Не естественныя науки произвели французскую революцію или нынѣшнія нравственныя болѣзни западной Европы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ рѣшительное преобладаніе въ воспитаніи, какъ всякая односторонность, вредно и опасно. Задача педагогіи состоитъ въ равномѣрномъ (гармоническомъ) развитіи всѣхъ способностей учащагося, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой. Знакомя юношу только со внѣшнею природой и съ ея механическими и химическими законами, естествознаніе, отрѣшенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму. Само по себѣ, оно не въ состояніи удовлетворить нравственнымъ потребностямъ человѣка. Шлецеръ, говоря о вліяніи отдѣльныхъ наукъ на просвѣщеніе народовъ, сказалъ, что можно представить себѣ цѣлый народъ отличныхъ математиковъ, погруженный въ глубокое

варварство. Почти то-же можно сказать и о естествовѣдѣніи. Можно предположить существованіе народа натуралистовъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ и твердыхъ понятій о добрѣ и злѣ. Прибавимъ, что въ настоящую минуту естественныя науки находятся на особенной ступени развитія. Гордясь недавними и дѣйствительно блестящими успѣхами, онѣ присвоиваютъ себѣ право окончательнаго рѣшенія вопросовъ, въ продолженіе тысячелѣтій занимающихъ разумъ человѣческій и постоянно вынуждающихъ у него сознаніе собственнаго безсилія. Такое самоупоеніе науки конечно не можетъ быть продолжительно. Рано или поздно она должна признать снова существованіе роковыхъ граней, за которыя не дано перешагнуть нашей любознательности. Но въ ожиданіи неизбѣжнаго возврата къ болѣе трезвымъ и согласнымъ съ законами разума воззрѣніямъ, естествовѣдѣніе сообщаетъ юнымъ умамъ холодную самоувѣренность и привычку выводить изъ недостаточныхъ данныхъ рѣшительныя заключенія. Оно много содѣйствовало къ развитію въ образованномъ поколѣніи Запада той безотрадной и безсильной на великіе нравственные подвиги положительности, которая принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ явленій нашей эпохи.

Но если польза, приносимая естественными науками, соединена, какъ показано выше, съ нѣкоторымъ вредомъ, то, повторяемъ, виною тому не самыя науки, а мѣсто, данное имъ въ господствующихъ системахъ воспитанія, упускающихъ изъ виду цѣлый рядъ способностей и потребностей, которыя такимъ образомъ остаются безъ надлежащей воздѣлки и удовлетворенія. Мы привели выше девизъ реалистовъ: „надобно учиться не для школы, а для жизни". Принимая это изрѣченіе въ его настоящемъ смыслѣ, они должны допустить, что или ихъ теорія недостаточна, или самое понятіе ихъ о жизни узко и скудно. Требованія жизни безконечно разнообразны: на нихъ можно отвѣчать только всестороннимъ развитіемъ всѣхъ силъ, которыхъ зародыши положены Творцомъ въ духѣ человѣка. Здѣсь рѣчь идетъ не о первоначальномъ образованіи низшихъ классовъ, котораго задача и объемы опредѣляются каждымъ государствомъ сообразно съ его положеніемъ внутреннимъ и внѣшнимъ, а о тѣхъ, призванныхъ къ высшей и болѣе обширной дѣятельности сословіяхъ, спеціальному образованію которыхъ должно предшествовать *общее*, безъ котораго нѣтъ ни полнаго гражданина, ни полнаго человѣка.

Но развѣ древніе языки должны быть вѣчною и неизбѣжною принадлежностью общаго образованія? Неужели, кромѣ исчерпаннаго до дна міра классической древности, намъ неоткуда болѣе заимствовать идей, которыя можно было бы съ успѣхомъ противопоставить угрожающему намъ матеріализму? Неужели христіанская исторія новыхъ государствъ, въ этомъ отношеніи, бѣднѣе языческой, и мы не найдемъ въ ней духовныхъ средствъ противъ загрубѣнія сердецъ и умственнаго упадка?

Отвѣчать на эти вопросы можно, по нашему мнѣнію, не иначе, какъ раздѣливъ ихъ на двѣ части—строго ученую, научную, и потомъ педагогическую.

Излишне было бы говорить о пользѣ, которую изученіе древней фило-

логіи успѣло уже принести всей совокупности нашихъ знаній. Мало наукъ, которыхъ начала не примыкаютъ къ трудамъ греческихъ мыслителей и ученыхъ. Но польза эта уже принесена, и каждая наука успѣла совершить длинный путь, отдѣляющій ее отъ точки отправленія. Зачѣмъ же постоянно возвращаться къ этой точкѣ и повторять безъ надобности зады? говорятъ люди, считающіе себя по преимуществу представителями умственнаго движенія и защитниками прогресса. Но истинно великія произведенія духа человѣческаго отличаются именно своею неисчерпаемостью. Въ этомъ-то и заключается тайна ихъ безсмертія. Нельзя же намъ отказаться отъ наслажденія поэзіею древнихъ потому только, что отцы, дѣды и прадѣды упивались ея непреходящими красотами. Дѣло идетъ вовсе не о превосходствѣ античнаго искусства надъ новымъ, а о томъ, что одно не можетъ замѣнить другаго, что у каждаго есть своя, ему исключительно принадлежащая область и прелесть. Можно предпочитать Софоклу Шекспира, намъ болѣе близкаго и доступнаго, но кто осмѣлится сказать, что Софоклъ сталъ ненуженъ съ тѣхъ поръ, какъ явился Шекспиръ. Безсмыслie подобнаго приговора бросается въ глаза, потому что оно объяснено рѣзкимъ примѣромъ; однако приговоръ этотъ истекаетъ изъ цѣлой теоріи, имѣющей многочисленныхъ защитниковъ, которые считаютъ себя въ правѣ отказываться за насъ отъ благороднѣйшихъ памятниковъ, созданныхъ геніемъ угасшихъ народовъ. Къ счастію, наука не скрѣпляетъ такихъ отреченій своимъ согласіемъ и бережно хранитъ ввѣренныя ей сокровища до другихъ эпохъ, болѣе способныхъ ихъ оцѣнить и ими воспользоваться. Но искусство, скажутъ намъ, не удовлетворяетъ всѣхъ потребностей современнаго человѣка, осужденнаго на бой съ дѣйствительностью, крайне положительною и трудною. Пусть наслаждается онъ имъ, какъ предметомъ роскоши, въ минуту досуга. Трудовые часы его должны безъ раздѣла принадлежать наукѣ, которая одна въ состояніи сообщить ему силы, нужныя для успѣха въ борьбѣ. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, можно ли смотрѣть на искусство какъ на предметъ роскоши и не будемъ повторять тысячу разъ приведенныхъ доказательствъ его благотворнаго вліянія на нравственную жизнь народовъ. Посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ намъ нечему болѣе учиться изъ древней науки; начнемъ съ той именно отрасли, которая повидимому наиболѣе совершила успѣховъ въ новое время и по этому далѣе другихъ отошла отъ колыбели своей, — начнемъ съ естествовѣдѣнія. Относящіеся къ нему труды Аристотеля служатъ достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами о неисчерпаемости истинно великихъ произведеній разума. Ссылаемся на добросовѣстное свидѣтельство всѣхъ натуралистовъ, изучавшихъ науку не по однимъ новѣйшимъ учебникамъ, а знакомыхъ съ ея историческимъ развитіемъ. Неужели они истощили сполна запасъ истинъ, находящихся у безсмертнаго стагирита? Вмѣсто отвѣта, укажемъ на то, что̀ высказали объ Аристотелѣ такіе авторитеты, какъ Кювье и Жоффруа Сентъ-Илеръ. Но ихъ отзывы о трудахъ этого великаго мыслителя по части естественныхъ наукъ можно въ такой же мѣрѣ приложить ко всему, сдѣланному имъ и въ другихъ сферахъ знанія. Какой философъ, какой историкъ, политикъ или критикъ въ

состоянии обойтись безъ его сочиненій, когда дѣло идетъ о главныхъ вопросахъ философіи, политической жизни древнихъ или искусства? Но самъ Аристотель былъ только представителемъ того умственнаго движенія, которое началось гораздо прежде его и продолжалось еще долго по его смерти. Слѣдовательно, онъ можетъ быть изучаемъ только въ связи съ тѣмъ цѣлымъ, къ которому принадлежитъ. Какъ отдѣльное явленіе, онъ почти непонятенъ.

Набросавъ эти строки, мы вовсе не думаемъ, что объяснили значеніе античной науки и органическую связь ея съ настоящимъ. Наша цѣль была только указать на это отношеніе, а раскрыть его потребовало бы времени и свѣдѣній, которыхъ у насъ нѣтъ. Остановимся однако еще на одномъ предметѣ, заслуживающемъ особеннаго вниманія, именно на древней исторіи.

Изъ всѣхъ отдѣловъ древней исторіи одна только греко-римская представляетъ нѣчто оконченное и въ себѣ замкнутое. Въ ней одной находимъ мы полное развитіе народной жизни, отъ младенчества до дряхлости и конечнаго разложенія. Можно сказать, что каждое значительное явленіе этого длиннаго жизненнаго процесса совершилось подъ солнцемъ исторіи, предъ глазами остальнаго человѣчества. Вотъ почему судьбы Греціи и Рима всегда были и останутся надолго любимымъ предметомъ думы и изученія для великихъ историковъ и мыслящихъ умовъ, ищущихъ въ исторіи такихъ же законовъ, какимъ подчинена природа. Явленія новой, христіанской исторіи еще далеки отъ своего завершенія; каждое можетъ своими послѣдними результатами представить горькое обличеніе невѣрности сужденій, которыхъ они были предметомъ. Чрезъ всѣ событія, составляющія содержаніе послѣднихъ пятнадцати вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ Константина Великаго, тянется одна живая нить, и концы ея въ рукѣ Божіей. Органическая нить, которою были связаны событія языческаго міра, перерѣзана христіанствомъ. Грецію и Римъ можно теперь сравнить съ превосходно сохранившимся трупомъ, надъ которымъ анатомъ-историкъ не только изучаетъ строеніе народныхъ организмовъ, но изъ котораго онъ извлекаетъ притомъ законы, приложимые и къ мимобѣгущей, неуловимой для него жизни. Для науки классическій міръ еще не утратилъ своего значенія; сокровища, хранящіяся въ его глубинѣ, еще не истощились и способны обогащать смѣлыхъ дѣятелей, не утратившихъ вѣры въ древнюю мудрость.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ же вопросѣ съ *педагогической* точки зрѣнія.

Non scholae, sed vitae discendum, говоритъ реальная школа и торопится снабдить юношу какъ можно большимъ количествомъ разнородныхъ свѣдѣній, какъ бы внушая ему тѣмъ, что въ жизни некогда учиться, что онъ долженъ взять на дорогу такой запасъ учености, котораго бы было достаточно до конца его земнаго странствованія. Мы уже позволили себѣ выразить сомнѣніе на счетъ правильнаго, со стороны реалистовъ, пониманія выбраннаго ими девиза. Неужели они въ самомъ дѣлѣ думаютъ дать въ школѣ все нужное для жизни и проводятъ такую рѣзкую черту между по-

слѣднею и ученіемъ? Въ дѣйствительности существованія этого ошибочнаго воззрѣнія, котораго впрочемъ не раздѣляли ни Песталоцци, ни другіе достойнѣйшіе представители того же направленія, насъ отчасти убѣждаетъ самое накопленіе учебныхъ часовъ и предметовъ, которое встрѣчаемъ въ большей части реальныхъ школъ. Ясно, что здѣсь дѣло не въ качественномъ, внутреннемъ, а въ количественномъ, внѣшнемъ приготовленіи къ жизни. Осьмнадцатилѣтній мальчикъ, вставая въ послѣдній разъ со скамьи высшаго класса средняго реальнаго заведенія, долженъ обыкновенно знать законъ Божій, два новыхъ языка сверхъ отечественнаго, алгебру, геометрію, физику, химію, естественную исторію органическихъ царствъ природы, исторію, географію и даже право—на столько, на сколько этихъ свѣдѣній нужно для практическаго приложенія. Спрашиваемъ, есть ли возможность достигнуть этой цѣли безъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и тѣмъ самымъ охлажденія любознательности въ учащемся?

Иначе понимаетъ свою задачу здравая педагогія, менѣе заботящаяся о накопленіи знаній и болѣе обращающая вниманіе на развитіе и упражненіе духовныхъ силъ. Ограничивая по мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, она ставитъ на первомъ планѣ древнюю филологію, какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія. Основательное изученіе древнихъ языковъ, которыхъ правила получили математическую точность и опредѣленность, не только сообщаетъ эти же свойства уму, но въ высшей степени облегчаетъ занятіе новыми языками, такъ что простое грамматическое знаніе греческаго и латинскаго языка ведетъ за собою цѣлый рядъ другихъ пріобрѣтеній, съ избыткомъ вознаграждающихъ за употребленное время. Но не въ этомъ заключается главная польза изученія классической литературы. Гдѣ какъ не въ ея отборныхъ памятникахъ, найдемъ мы столь совершенное сочетаніе изящной формы съ благороднымъ содержаніемъ? Откуда вынесетъ юноша столь чистое понятіе о красотѣ и столь возвышенныя чувства нравственнаго долга и человѣческаго достоинства? Въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ Греціи и Рима было безспорно много ложнаго и непримѣнимаго къ быту новыхъ гражданскихъ обществъ; но умному наставнику не трудно отдѣлить чисто-историческое, временное, отъ общечеловѣческаго, вѣчно-истиннаго элемента въ твореніяхъ греческихъ поэтовъ и мыслителей. Вліяніе античныхъ политическихъ теорій могло быть опасно при незнакомствѣ съ исторіей; но въ настоящее время и эта опасность прошла, или по крайней мѣрѣ грозитъ уже совсѣмъ не съ той стороны.

До 1851 г. русскія гимназіи шли медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ къ указанной имъ цѣли. Имъ предстояла задача осуществить идеалъ средняго заведенія, приготовляющаго своихъ воспитанниковъ не къ одному университету, но и къ жизни, не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей. Цѣль эта теперь отодвинута на задній планъ. Но гдѣ же плоды семнадцатилѣтняго классическаго направленія? говорятъ его противники, ссылаясь на въ самомъ дѣлѣ неудовлетворительное состояніе древнихъ языковъ въ нынѣшнихъ гимназіяхъ.

Отвѣтъ на этотъ упрекъ не труденъ: полезное и плодотворное дѣйствіе филологіи возможно только при достаточномъ количествѣ хорошихъ, знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей.

О КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДАХЪ *).

Не вдаваясь въ исчисленіе всѣхъ такъ называемыхъ причинъ и послѣдствій великаго событія, котораго значеніе мнѣ теперь надлежитъ опредѣлить, я постараюсь показать, въ какомъ состояніи находилась Западная Европа въ исходѣ XI и въ началѣ XIV-го вѣка, то есть предъ началомъ и по окончаніи крестовыхъ походовъ. Полагаю, что такимъ образомъ легче всего можно раскрыть историческій смыслъ этихъ движеній.

Идея государственнаго единства была чужда XI-му вѣку если не въ теоріи, то по крайней мѣрѣ въ осуществленіи своемъ. Тогдашнее общество состояло изъ разнородныхъ, другъ другу враждебныхъ и упрямо самостоятельныхъ элементовъ. Церковь, феодальная аристократія и только что вышедшія на сцену исторіи городскія общины требовали въ своей исключительности не только совершенно независимаго, отдѣльнаго бытія, но даже посягали, каждый въ свою пользу, на самостоятельность другихъ общественныхъ элементовъ. Примиреніе этихъ эгоистическихъ требованій, прекращеніе страшной борьбы, наконецъ подчиненіе этого смутнаго, анархическаго быта одному началу или закону—таково было стремленіе, высказавшееся въ великой распрѣ между папою и императоромъ, между Западною Церковью и феодальнымъ государствомъ. У Григорія VII и Генриха IV была въ виду одна и та-же цѣль, но они шли къ ней разными путями. Трудность достиженія этой цѣли обнаружилась скоро. Когда прошелъ первый жаръ борьбы, когда разсѣялись надежды партій, которыя ее завязали, тогда начались крестовые походы. Время для нихъ настало. Нѣсколько десятилѣтій прежде или послѣ проповѣдь Петра Пустынника и увѣщанія папы Урбана не могли бы обнаружить такого сильнаго вліянія.

Осуществленіе того отвлеченнаго, основаннаго не на самой природѣ общества, а на искусственныхъ соображеніяхъ, политическаго быта, о которомъ мечтали, каждый по своему, феодальный владѣтель, клерикъ и горожанинъ XI-го вѣка, было невозможно въ Европѣ. Здѣсь существовало слишкомъ много историческихъ условій, слѣдовъ прошедшаго, при которыхъ ни одна изъ господствовавшихъ тогда политическихъ формъ не могла развиться во всей полнотѣ и чистотѣ своей. Окончательному развитію феодальнаго государства мѣшали ѳеократическія притязанія папъ. Города, еще молодые, еще робкіе въ своихъ требованіяхъ, приставали то къ той, то къ

*) Напечатано впервые въ 1892 г. въ Сборникѣ *Русскихъ Вѣдомостей* „Помощь Голодающимъ," по автографу, вновь найденному въ черновыхъ бумагахъ Т. Н. Грановскаго. Время происхожденія и назначеніе статьи неизвѣстны.

другой сторонѣ, не отдаваясь совершенно впрочемъ ни той, ни другой и стремясь къ самостоятельности, которой конечно не хотѣли за ними признать ни императоръ, ни папа. Но исходъ борьбы былъ сомнителенъ. Первыя двадцать лѣтъ не привели ни къ какому результату, утомили боровшихся и поколебали у всѣхъ надежду на успѣхъ скорый и рѣшительный. Таково было состояніе умовъ, когда явился Петръ Пустынникъ. Онъ указалъ Западной Европѣ на край, гдѣ жилъ и страдалъ Спаситель, гдѣ еще были видны слѣды его земнаго странствованія. Этотъ край надлежало освободить отъ невѣрныхъ. Во всѣхъ классахъ европейскаго общества поднялись вмѣстѣ съ религіознымъ воодушевленіемъ иныя темныя надежды. Тамъ, на освященной жизнію Спасителя почвѣ, думала Церковь создать, по идеалу своему, ѳеократическое государство; тамъ, въ землѣ имъ завоеванной у враговъ христіанства, надѣялся феодальный баронъ утвердить незыблемо права свои, не стѣсняясь, какъ въ Европѣ, возраженіями другихъ если не равныхъ, то и не подчиненныхъ ему членовъ общества. Наконецъ сюда же шли—горожанинъ въ надеждѣ жизни болѣе твердой, болѣе обезпеченной противъ притѣсненій феодализма, и бѣдный рабъ (villanus), мечтавшій найти свободу у гроба Того, Который умеръ за всѣхъ. Не надобно забывать также, что въ это время поприще для великихъ феодальныхъ предпріятій въ Европѣ уже замкнулось покореніемъ Англіи Норманами. Младшіе сыновья ленныхъ владѣльцевъ, бездомные рыцари, которымъ въ наслѣдіе отъ отца шло только вооруженіе и конь, пошли на Востокъ добывать себѣ новыя лена. Въ Европѣ имъ не было мѣста и надеждъ.

Въ лекціяхъ Гизо (Histoire de la civilisation en Europe) и исторіи Франціи Мишлё прекрасно показаны первые результаты столкновенія міра христіанскаго съ міромъ ислама. Я не буду повторять того, что̀ уже столько разъ сказано. Крестовые походы, или лучше сказать Крестовый походъ продолжался двѣсти лѣтъ, и въ это время, которое можно назвать „періодомъ стремленія къ идеаламъ", лице Европы измѣнилось. Императоръ и папа кончили вѣковую тяжбу свою; силы того и другаго были истощены, значеніе потрясено. Оба отказались отъ недостижимой цѣли. Политическіе идеалы средняго вѣка не осуществились въ Европѣ, не осуществились они и въ Палестинѣ. Въ королевствѣ Іерусалимскомъ боролись тѣ же элементы, которые не уживались въ Европѣ. Попытка основать тамъ политическое общество на отвлеченныхъ, не изъ дѣйствительности взятыхъ схемахъ не удалась.

Въ началѣ XIV вѣка Венеціанецъ Марино Сануто написалъ книгу подъ названіемъ „Secreto fidelium crucis", въ которой онъ предлагаетъ новые планы къ завоеванію Палестины, но у него въ виду не одинъ гробъ Спасителя, не идеальное устройство новыхъ обществъ, которымъ нѣтъ мѣста въ Европѣ, — онъ показываетъ торговыя выгоды, которыя можно извлечь изъ обладанія землями, лежащими у Средиземнаго моря. Эта книга обличаетъ совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи. Средній вѣкъ оканчивается: онъ потерялъ вѣру въ свои идеалы, въ возможность тѣхъ учрежденій, которыя составляютъ его характеристическую особенность.

УЧЕБНИКЪ.

ЗАПИСКА И ПРОГРАММА УЧЕБНИКА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

„Записка“ и „Программа учебника Всеобщей Исторіи“ составлены по порученію министерства народнаго просвѣщенія въ 1850 году. Подлинникъ этой работы проф. Грановскаго хранится въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. № дѣла 404. 1850 г. „Записка“ и „Программа“ напечатаны М. Стасюлевичемъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1866 г., томъ III, сентябрь. М. Стасюлевичъ предпослалъ имъ слѣдующія слова: „Въ 1850 году, слѣдовательно какъ разъ вслѣдъ за тѣмъ годомъ, когда послѣ февральской революціи въ Парижѣ, у насъ почти было прекращено обученіе классическимъ языкамъ, на которые тогда смотрѣли точно такъ же недовѣрчиво, какъ нынѣ смотрятъ на естественныя науки, въ эпоху, слѣдовательно, весьма трудную и тяжелую вообще для гуманныхъ наукъ, къ числу которыхъ относится исторія, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій - Шихматовъ обратился къ попечителю Московскаго Университета В. И. Нахимову съ объясненіемъ „о необходимости предварительнаго начертанія программъ, которыя могли бы служить основаніемъ при составленіи новаго руководства“. Побужденіемъ къ тому выставлялась „давно ощущаемая у насъ потребность въ *хорошемъ* руководствѣ къ изученію всеобщей исторіи, написанной (!) въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія“. Руководства (между которыми царило тогда руководство Смарагдова, худшее даже своего предшественника Кайданова) дѣйствительно были неудовлетворительны; но относительно ихъ духа и точки зрѣнія справедливѣе было бы сказать, что они были не только не русскіе, но и вообще не представляли никакого духа и никакой точки зрѣнія. Принимая въ соображеніе переворотъ, который произошелъ въ нашихъ педагогическихъ идеяхъ послѣ 1849 года, мы поймемъ легко настоящую цѣль побужденія къ составленію новаго историческаго учебника въ 1850 г. До 1849 г. руководства были тѣ же, слѣдовательно ни хуже, ни лучше, и никто не заботился о ихъ исправленіи; если въ 1850 году оказалась вдругъ потребность къ тому, то собственно дѣло шло опять не о хорошемъ учебникѣ, а о такомъ, въ которомъ не было бы и тѣни вліянія классическаго духа. Дѣйствительно, въ ту эпоху нашлись у насъ такіе педагоги, которые безъ улыбки, самымъ серіознымъ образомъ утверждали, что вся греческая и римская исторія до временъ Августа должны быть исключены изъ историческаго курса; они полагали, что греческая и римская исторія, написанныя республиканскими историками, какъ Геродотъ, Ѳукидидъ, или по крайней мѣрѣ вырос-

ними въ республиканской сферѣ, какъ Титъ-Ливій и особенно Тацитъ, должны вредно дѣйствовать на умы молодыхъ людей; притомъ же всѣ эти писатели были язычники, слѣдовательно есть опасность и со стороны морали. Всѣ эти факты мы приводимъ, чтобы понять положеніе того лица, которому приходилось въ такую эпоху не столько написать, сколько „начертать" программу историческаго курса, на основаніи которой должно было потомъ составить и то хорошее руководство... Все, что можно сказать: положеніе составителя было трудно, но Грановскій рѣшилъ свою задачу съ соблюденіемъ полнаго достоинства. Несмотря на гоненіе классической науки, онъ въ ту пору тѣмъ не менѣе настаивалъ на необходимости и пользѣ изученія исторіи Греціи и Рима".

Записка Т. Н. Грановскаго къ Программѣ Учебника Всеобщей Исторіи *).

Недостатокъ хорошаго руководства къ изученію Всеобщей Исторіи давно ощутителенъ въ нашей учебной литературѣ. Удовлетворить этой потребности, повидимому, весьма нетрудно. Стóитъ только перевести на русскій языкъ одно изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій такого рода, которыми такъ богаты Германія и Франція. Неоднократно повторенные и постоянно неудачные опыты однако убѣждаютъ въ противномъ. Признавая вполнѣ ученыя достоинства, которыми отличаются многіе изъ иностранныхъ курсовъ Всеобщей Исторіи, мы не можемъ не замѣтить, что они составлены подъ вліяніемъ совершенно другихъ научныхъ и общественныхъ условій. Они не въ состояніи удовлетворить ни учебнымъ, ни гражданскимъ потребностямъ русскаго юношества.

Иностранныя руководства къ изученію Всеобщей Исторіи опираются на обширную историческую литературу, въ которой не только наставникъ, но и ученикъ легко могутъ найти дополненія къ намёкамъ и указаніямъ, которыя содержатся въ учебной книгѣ. Не имѣя подъ рукою такихъ богатствъ, мы должны требовать отъ русскаго учебника такого полнаго изложенія фактовъ, которое могло бы служить достаточнымъ запасомъ для всякаго образованнаго человѣка. Слѣдовательно, наши руководства должны быть подробнѣе иностранныхъ, не превышая ихъ объемомъ, ибо въ противномъ случаѣ затруднится самое преподаваніе. Составитель русской учебной книги долженъ съ особенною осторожностію выбирать факты и вносить въ свое сочиненіе только то, что дѣйствительно необходимо для яснаго понятія объ исторіи человѣчества. При этомъ не мѣшало бы, въ видѣ пособія, ввести въ наши учебныя заведенія историческую христоматію, составленную изъ замѣчательныхъ мѣстъ, переведенныхъ изъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей. Такая книга познакомитъ ученика съ литературою предмета не по однимъ именамъ и поставитъ его въ непосредственное отношеніе съ перво-

*) Черновая рукопись этой записки есть въ найденныхъ въ 1892 году бумагахъ Т. Н. Грановскаго.

начальнымъ источникомъ нашей науки. Для трехъ послѣднихъ вѣковъ такая христоматія невозможна по самому свойству относящихся къ новой исторіи источниковъ. Участіе и любопытство ученика не могутъ быть возбуждены выписками изъ дипломатическихъ актовъ и другихъ памятниковъ такого рода.

Разсматривая иностранныя руководства къ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія нашей церкви и нашихъ государственныхъ учрежденій, мы найдемъ, что они вовсе не приспособлены къ употребленію въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Византійская исторія, столь важная для насъ по связи съ судьбою славянъ вообще и древней Руси въ особенности, излагается въ заграничныхъ сочиненіяхъ весьма поверхностно. Нѣмецкіе и французскіе ученые показываютъ намъ только темную сторону Византіи и не обращаютъ вниманія на живое религіозное начало, которое оттуда перешло къ славянскимъ племенамъ. Столько же неудовлетворительно оцѣнена и объяснена въ историческомъ развитіи своемъ монархическая форма правленія. Воззрѣніе на эту форму писателей либеральной школы извѣстно: о немъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Смѣемъ думать, что учебныя сочиненія, вышедшія изъ-подъ пера западныхъ писателей, враждебныхъ либерализму, далеко не достигаютъ своей цѣли и болѣе принесли вреда, чѣмъ пользы. Въ большей части изъ нихъ видно не живое и глубокое пониманіе монархическаго начала, не основательное опроверженіе противоположныхъ теорій, а намѣреніе обмануть ученика, скрывъ отъ него или представивъ ему въ ложномъ видѣ факты важные, но не подходящіе подъ точку зрѣнія автора. Такіе учебники употреблялись въ австрійскихъ школахъ и не мало содѣйствовали къ развитію превратныхъ понятій, обнаруженныхъ тамошнимъ юношествомъ въ 1848 году. Умышленная утайка или обманъ, внесенный въ учебную книгу, не могутъ не открыться любознательному и опытному ученику. Послѣдствія такого открытія опредѣлить не трудно: оно неминуемо разовьетъ въ юношахъ гибельный духъ недовѣрія къ преподавателямъ и заставитъ ихъ искать истины внѣ школы, въ мутныхъ и лживыхъ источникахъ, вліяніе которыхъ можетъ быть устранено только честнымъ и вѣрнымъ изложеніемъ науки.

Монархическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ великихъ явленій русской исторіи; оно есть корень, изъ котораго выросла наша государственная жизнь, наше политическое значеніе въ Европѣ. Это начало должно быть достойнымъ образомъ раскрыто и объяснено въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для достиженія такой цѣли нѣтъ надобности прибѣгать къ утайкамъ и лжи. Дѣло науки и преподаванія показать, что русское самодержавіе много отличается отъ тѣхъ формъ, въ которыя монархическая идея облекалась въ другихъ странахъ. Непросвѣтленныя христіанствомъ, чуждыя понятія о правѣ и законности, деспотіи Востока и основанная на случайномъ успѣхѣ и матеріальной силѣ Римская имперія являются равно искаженіемъ монархической формы. Даже въ христіанскихъ государствахъ новой Европы форма эта не всегда сохранялась въ должной чистотѣ. Латино-германскія государства возникли большею частію вслѣдствіе завоеванія, результатомъ котораго было рѣзкое отдѣленіе и потомъ борьба сословій, образовавшихся изъ побѣдившихъ и покоренныхъ племенъ. Государи западной Европы не могли

не принять участія въ этихъ междоусобныхъ спорахъ, чрезъ что дѣятельность ихъ утратила тотъ высокій характеръ безпристрастія и безкорыстія, который по мирному происхожденію своему и ходу нашей исторіи сохранило русское самодержавіе. Между тѣмъ какъ развитіе западныхъ народовъ совершалось во многихъ отношеніяхъ не только независимо отъ монархическаго начала, но даже наперекоръ ему, у насъ самодержавіе положило свою печать на всѣ важныя явленія русской жизни: мы приняли христіанство отъ Владиміра, государственное единство отъ Іоанновъ, образованіе отъ Петра, политическое значеніе въ Европѣ отъ его преемниковъ. Положивъ такое чисто руское воззрѣніе въ основаніе своему труду, составитель предполагаемаго руководства къ Всеобщей Исторіи будетъ имѣть надежное и вѣрное мѣрило для оцѣнки политической жизни у другихъ народовъ. Полное и отчетливое изложеніе исторіи древнихъ и новыхъ республикъ не представитъ ему особенныхъ трудностей, когда напередъ будутъ объяснены географическія и историческія условія, при которыхъ подобныя явленія становятся возможными. Но при этомъ надобно показать учащемуся, что благосостояніе правильно устроенныхъ республиканскихъ государствъ основано также на уваженіи и довѣріи гражданъ къ той власти, которая замѣняетъ у нихъ монархическую. Политическая сила и значеніе народа выражается постоянно въ силѣ правительства, ослабленіе котораго неминуемо ведетъ государство къ упадку. Съ другой стороны, составитель рускаго учебника, опредѣливъ по достоинству святость монархической идеи и показавъ ея благотворное осуществленіе на родной почвѣ, не будетъ поставленъ въ необходимость искушать юные умы безусловными похвалами тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ видно только искаженіе этой идеи.

Программа Всеобщей Исторіи.

Содержаніе Всеобщей Исторіи составляетъ земная жизнь человѣчества. Обнимая эту жизнь во всей ея полнотѣ и цѣлости, исторія не есть только наука прошедшаго. Она принимаетъ въ себя настоящее и, слѣдуя въ этомъ случаѣ методу естественныхъ наукъ, выводитъ изъ извѣстныхъ, уже совершившихся явленій вѣчные законы, которымъ подчинена судьба человѣческихъ обществъ. Отношеніе Всеобщей Исторіи къ другимъ наукамъ. Общее понятіе о лѣтосчисленіи. Лѣтосчисленіе у древнихъ, средневѣковыхъ, новыхъ народовъ. Географія и этнографія. Важность географическихъ условій въ исторіи. Языкознаніе. Историческое значеніе языковъ. Историческіе источники: а) преданія; б) памятники: надписи, граматы и дипломатическіе акты; разные виды историческихъ сочиненій. Значеніе нашей науки въ древности, въ средніе вѣка и въ новое время.

Происхожденіе нашей планеты. Геологическій очеркъ ея образованія. Допотопныя животныя и растительное царство. Истина Моисеевыхъ сказаній подтверждается наукою. Появленіе человѣка на землѣ. Породы.

Начало человѣческихъ обществъ. Выводъ монархическаго начала изъ семейнаго.

Китай. Географическій очеркъ страны. Краткая исторія. Однообра́зіе этой исторіи. Патріархальный и неподвижный характеръ учрежденій. Исключительная образованность. Характеръ народа.

Индія. Географическій очеркъ страны. Взглядъ на исторію. Религія. Касты. Характеръ индійской образованности. Литература и искусство. Будаизмъ.

Ассирія и Вавилонія. Обзоръ исторіи. Необходимо упомянуть объ открытыхъ недавно памятникахъ искусства. Клинообразныя надписи.

Египетъ, Мерое и Аммоніумъ. Географическій характеръ страны. Исторія древняго Египта. Бытъ, учрежденія, искусство Египтянъ.

Племена семитическія. Театръ ихъ исторіи. Народъ Израилевъ (такъ какъ исторія Евреевъ подробно излагается въ учебныхъ книгахъ Священной Исторіи, здѣсь достаточно будетъ краткаго перечня событій съ указаніемъ на великое значеніе Іудеи въ Всеобщей Исторіи человѣчества). Время патріарховъ. Исходъ изъ Египта. Моисей. Судьи. Форма правленія. Переходъ къ монархіи. Саулъ и Самуилъ. Давидъ и Соломонъ. Пророки. Раздѣленіе царства. Ассирійское и Вавилонское плѣненіе. Ветхій Завѣтъ. Языческія вѣрованія семитовъ. Сирія. Финикія. Истерія. Судоходство. Промышленность. Торговля (характеръ торговли у древнихъ). Колоніи. Кареагенъ. Обзоръ Кареагенской исторіи до перваго столкновенія съ Римлянами. Формы правленія. Характеръ народа.

Племена иранскія. Мидія. Персія. Религіозныя вѣрованія. Зороастръ. Зендавеста. Обзоръ исторіи—до Дарія Истаспа. Устройство персидскаго государства. Взглядъ на его составныя части.

Географическія отличія Европы отъ другихъ частей свѣта. Первобытное населеніе Европы.

Греція. Географическій очеркъ страны. Древнѣйшее народонаселеніе. Пелазги. Пришельцы съ Востока. Греки. Раздѣленіе на племена. Героическій періодъ. Бытъ и вѣрованія тогдашнихъ Грековъ. Нашествіе Дорійцевъ. Колоніи. Общія греческимъ племенамъ учрежденія: амфиктіоніи, игры, оракулы. Эпическая поэзія. Исторія Спарты. Ликургъ и его учрежденія. Мессенскія войны. Обзоръ исторіи остальныхъ дорійскихъ государствъ. Характеръ древней тираніи.

Аттика до Солона. Законодательство Солона. Пизистратъ и его сыновья. Изгнаніе Гиппія. Клисеенъ.

Умственная жизнь Греціи предъ началомъ Персидскихъ войнъ. Лирика. Философія. Начатки исторіи.

Возстаніе малоазіатскихъ грековъ. Вмѣшательство Аоинъ. Первыя предпріятія Персовъ противъ собственной Греціи. Мардоній. Мараеонская битва. Мильтіадъ. Еемистоклъ и Аристидъ. Походъ Ксеркса. Пораженіе Персовъ. Причины и результаты этихъ событій. Нравственное превосходство Грековъ надъ врагами. Перемѣна отношеній между греческими республиками. Образованіе союза, во главѣ котораго становятся Аоины. Зависть Спарты. Про-

долженіе войны съ Персами. Кимонъ. Внутренняя исторія Греціи. Периклъ. Его характеръ и значеніе. Аѳины на высшей степени могущества. Причины Пелопонесской войны. Исторія Пелопонесской войны. Походъ Аѳинянъ въ Сицилію. Исторія этого острова. Сиракузы. Участіе Персовъ въ междоусобіяхъ Грековъ. Алкивіадъ и Лизандръ представители нравственнаго состоянія тогдашнихъ Аѳинъ и Спарты. Паденіе Аѳинъ. 30 тирановъ. Возстановленіе прежнихъ формъ правленія. Взглядъ на умственную жизнь Греціи отъ начала Персидской до конца Пелопонесской войны. Сократъ и Аристофанъ. Исторія Греціи до войны Ѳивъ съ Спартою. Отношеніе къ Персамъ. Агезилай. Эпаминондъ. Отличіе его отъ прежнихъ государственныхъ людей Греціи. Неудачная попытка возстановить на новыхъ философскихъ основаніяхъ разрушавшійся политическій бытъ. Безсиліе отдѣльныхъ республикъ послѣ Мантинейской битвы. Ѳессалія. Священная война. Македонія. Ея вмѣшательство въ дѣла Греціи при Филиппѣ. Филиппъ. Демосѳенъ и Фокіонъ. Послѣднія усилія старой Греціи. Битва Херонейская. Александръ Великій. Его войны и планы. Характеръ его завоеваній. Распространеніе эллинизма. Платонъ и Аристотель. Войны полководцевъ Александра.

Государства, образовавшіяся изъ Александровой монархіи. Египетъ. Сирія. Государства въ Малой Азіи. Македонія. Греція. Союзы Этольскій и Ахейскій. Александрійскій періодъ науки. Окончательный выводъ изъ греческой исторіи.

Италія въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи. Древнее народонаселеніе края. Начало Рима. Періодъ царей. Мнѣнія Нибура и О. Мюллера. Патриціи и плебеи. Законодательство Сервія Туллія. Изгнаніе царей. Аристократическая республика. Угнетеніе плебеевъ. Войны съ сосѣдними племенами. Учрежденіе трибуната. Споръ патриціевъ съ плебеями. Децемвиры. Законы XII таблицъ. Двоякая борьба: внутренняя и внѣшняя. Нашествіе Галловъ. Законы Лицинія. Покореніе Италіи. Вмѣшательство Пирра. Столкновеніе съ Карѳагеномъ. Римъ предъ началомъ Пуническихъ войнъ. Важность Пуническихъ войнъ. Исторія двухъ первыхъ Пуническихъ войнъ. Аннибалъ. Его великіе замыслы. Опасность, грозившая Риму. Побѣда Рима надъ Аннибаломъ въ Азіи. Вліяніе этихъ завоеваній на Римскую жизнь. Сципіонъ и Катонъ, представители древнихъ и новыхъ идей. Упадокъ плебейскаго сословія. Нравы: религія; литература; право. Вліяніе Греціи. Цензура Катона. Усилія его безплодны. Попытки великихъ гражданъ примирить новыя идеи съ древнею нравственностію. Сципіонъ Младшій. Возстаніе рабовъ. Понятіе объ античномъ рабствѣ. Оно условливалось язычествомъ. Возстаніе Римскихъ рабовъ въ 132 году. Гракхи и аграрные законы. Характеристика Гракховъ и оцѣнка ихъ намѣреній. Аристократическое противодѣйствіе. Война съ Югуртою. Марій. Появленіе новыхъ народовъ въ исторіи. Кимвры и Тевтоны. Побѣды Марія. Новое возстаніе рабовъ. Война союзническая: ея причины, ходъ и результатъ. Вражда между новыми и прежними гражданами. Борьба Марія съ Суллою. Смерть перваго. Возстаніе угнетенныхъ провинцій. Война съ Митридатомъ. Диктатура Суллы. Проскрипціи. Законодательныя реформы.

Возвратъ къ прошедшему. По смерти Суллы Помпей защищаетъ его учрежденія. Война съ Серторіемъ. Возстановленіе трибуната. Конецъ войны съ Митридатомъ. Цезарь и Катилина. Эти два явленія характеризуютъ Римское общество въ эпоху, о которой идетъ рѣчь. Цицеронъ консулъ. Заговоръ Катилины. Катонъ. Крассъ. Политика Цицерона. Первый тріумвиратъ. Консульство Цезаря. Клодій. Изгнаніе Цицерона. Удаленіе Катона. Законы Цезаря. Его характеръ. Война галльская. Слава Цезаря. Римъ во время его отсутствія. Борьба между Цезаремъ и Помпеемъ. Характеристика враждебныхъ партій. Пораженіе и смерть Помпея. Войны Александрійская, Африканская и Испанская. Великіе планы и идеи Цезаря. Брутъ и защитники стараго порядка. Смерть Цезаря. Невозможность дальнѣйшаго существованія республики. Состояніе Рима въ это время. Нравы. Образованность. Литература. Брутъ и его партія. Второй тріумвиратъ. Антоній и Октавій. Августъ. Его личность и планы. Измѣненія въ Римѣ. Исторія императоровъ Августова дома. Состояніе древняго міра въ I столѣтіи по Р. Х. Веспасіанъ и сыновья его. Траянъ. Антонины. Золотой вѣкъ имперіи. Характеръ этого періода. Образованность. Литература. Паденіе древнихъ вѣрованій и формъ. Скорбь отходящаго языческаго міра. Сенека. Плиній. Тацитъ. Имперія до Константина Великаго.

Начало христіанской церкви. Явленіе Христа. Апостолы. Гоненія на христіанъ. Устройство церкви въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ. Начало ересей. Константинъ Великій отрываетъ имперію отъ языческихъ и республиканскихъ преданій. Никейскій соборъ. Монашество. Церковная литература. Паденіе язычества. Юліанъ Отступникъ.

Германцы. Обзоръ германскаго міра. Бытъ и учрежденія германскихъ племенъ. Отношенія къ Римской имперіи. Нашествіе Гунновъ. Происхожденіе этого народа. Бѣдствія Восточной имперіи. Ѳеодосій Великій. Окончательное раздѣленіе имперіи. Постепенное занятіе Римскихъ провинцій германскими дружинами. Аттила. Паденіе Гуннскаго государства. Паденіе Западной имперіи.

Исторія среднихъ вѣковъ. Общій характеръ этого періода. Отличія отъ древней и новой исторіи. Основаніе германскихъ государствъ на Римской почвѣ. Англо-Саксы. Вандалы. Вестъ-Готы. Остъ-Готы. Бургунды. Франки. Тюринги. Вліяніе церкви и Римскихъ идей. Отношеніе государей къ германской дружинѣ и новымъ подданнымъ.

Византійская имперія. Ея значеніе въ исторіи среднихъ вѣковъ. Отношенія къ славянскимъ племенамъ. Религіозные споры. Юстиніанъ. Партіи цирка. Законодательство. Мысль о возстановленіи прежней имперіи. Завоеванія. Паденіе царствъ Вандальскаго и Остъ-Готскаго. Преемники Юстиніана. Лонгобарды въ Италіи. Персы. Ираклій.

Исламъ. Аравія до Магомета. Магометъ. Его ученіе. Коранъ. Калифатъ. Завоеваніе Арабовъ. Расколъ. Оммайяды. Появленіе Арабовъ въ Ев-

ропѣ. Войны съ Византіею. Положеніе Византіи. Паденіе Вестъ-Готскаго государства. Магометанская образованность. Противоположность ея христіанству и безконечное превосходство послѣдняго. Аббассиды. Распаденіе калифата.

Государство Франковъ при Меровингахъ. Палатные мэры. Упадокъ королевской власти. Каролинги. Карлъ Мартелъ. Опасность, угрожающая христіанской Европѣ. Побѣды Карла надъ Арабами и германскими язычниками. Св. Бонифацій. Пепинъ Короткій. Низложеніе Меровинговъ.

Положеніе Европы предъ вступленіемъ на престолъ Карла Великаго. Германскія и славянскія языческія племена. Византійская имперія. Иконоборство. Отпаденіе Италіи отъ Византіи. Римскіе папы. Ихъ отношенія къ Лонгобардамъ.

Карлъ Великій. Его войны. Характеръ и результатъ этихъ войнъ. Марки. Возстановленіе Западной имперіи. Законодательство. Заботы Карла о распространеніи образованности.

Распаденіе Каролинскаго государства. Лудовикъ Благочестивый и его сыновья. Договоръ Вердюнской. Раздѣлъ Имперіи по низложеніи Карла Толстаго. Норманы. Славяне. Мадьяры.

Возрастаніе папской власти. Ложныя декреталіи.

Скандинавскій полуостровъ. Исландія. Открытія. Завоеванія Норманов. Исторія Англо-Саксовъ до появленія Датчанъ. Альфредъ Великій. Его ученая дѣятельность. Канутъ Великій.

Норманы во Франціи. Покореніе ими Англіи. Норманы въ южной Италіи. Начало Русскаго государства. Пресѣченіе Каролинскаго рода въ Германіи. Императоры саксонской династіи. Обзоръ германскихъ герцогствъ. Оттонъ Великій. Отраженіе Мадьяровъ. Походы въ Италію. Состояніе Рима. Подчиненіе папства императору. Франконская династія. Генрихъ III. Малолѣтство Генриха IV.

Франція при первыхъ Капетингахъ. Филиппъ I.

Пиринейскій полуостровъ. Образованіе христіанскихъ государствъ на сѣверѣ. Паденіе Кордовскаго калифата.

Восточная Европа. Россія. Остальныя славянскія государства.

Составныя стихіи средневѣковой общественности: феодализмъ (рыцарство); городъ (община); церковь. Здѣсь должно показать, что такихъ явленій, какъ феодализмъ, у насъ не было вовсе, а церковь и города носили совсѣмъ другой характеръ.

Споръ между императорскою и папскою властію. Значеніе этого спора. Теорія средневѣковыхъ властей. Григорій VII и Генрихъ IV. Генрихъ V.

Крестовые походы. Причины этого движенія заключались не въ одних религіозныхъ побужденіяхъ, а въ хаотическомъ состояніи общества, котораго отдѣльные элементы надѣялись осуществить свои цѣли внѣ Европы, на почвѣ, завоеванной общими усиліями и освященной земною жизнію Спасителя.

Вѣкъ Гогенштауфеновъ. Вельфы и Вайблинги (Гибелины). Конрадъ III. Второй крестовый походъ. Фридрихъ I (Барбаросса). Его цѣли и харак-

теръ. Борьба съ Лонгобардскими городами. Вмѣшательство папъ. Миланъ. Битва при Леньяно. Генрихъ Гордый. Костницкій миръ. Государство Норманновъ въ южной Италіи. Крестовый походъ и смерть Фридриха I. Генрихъ VI. Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV. Иннокентій III. Фридрихъ II, величайшій изъ Гогенштауфеновъ. Его борьба съ папами и городами сѣверной Италіи. Четвертый и пятый крестовый походъ. Латинскіе императоры въ Византіи. Гибель Гогенштауфеновъ. Манфредъ Конрадинъ. Упадокъ папства и императорской власти. Крестовые походы Людовика IX. Монголы въ Азіи. Паденіе христіанскихъ государствъ на Востокѣ.

Франція до смерти Людовика IX. Утвержденіе монархической власти. *Англія* отъ смерти Вильгельма Завоевателя до Эдуарда I. Великая Хартія. Парламентъ.

Пиринейскій полуостровъ до конца XIII столѣтія.

Скандинавскій полуостровъ. Венгрія и славянскія земли. Покореніе *Россіи* Монголами.

Науки, литература и искусство среднихъ вѣковъ. Университеты.

Вліяніе крестовыхъ походовъ. Разложеніе средневѣковыхъ формъ жизни.

Состояніе Германіи послѣ Гогенштауфеновъ. Союзы городовъ. Ганза. Междуцарствіе. Рудольфъ Габсбургскій. Его преемники. Швейцарія. Отношеніе къ Италіи. Генрихъ VII. Домъ Люксембургскій. Домъ Австрійскій: Максимиліанъ I. Италія въ XIV и XV вѣкѣ.

Франція и Англія въ XIV и XV вѣкѣ. Филиппъ Красивый. Домъ Валуа. Войны Франціи съ Англіею. Дѣва Орлеанская. Карлъ VII. Людовикъ XI. Война алой и бѣлой розы. Генрихъ VII.

Пиринейскій полуостровъ. Фердинандъ и Изабелла. Іоаннъ II въ Португаліи. *Скандинавскій полуостровъ* до Христіана II.

Славянскія земли до исхода XV вѣка. Венгрія. Россія до Іоанна IV.

Византійская имперія и турки. Османы. Взятіе Константинополя. Магометъ II.

Упадокъ западной церкви. Расколъ. Соборы въ началѣ XV вѣка. Предвѣстники реформаціи.

Умственное движеніе въ XIV и XV вѣкѣ. Литература. Возвращеніе къ классической древности. Изобрѣтеніе книгопечатанія.

Открытія и изобрѣтенія. Порохъ. Компасъ. Открытіе пути въ Вестъ-Индію. Открытіе Америки. Вліяніе этихъ явленій на общество.

Новая исторія. Характеристическія отличія исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Преобладаніе монархическаго и національнаго начала.

Состояніе Европы въ исходѣ XV вѣка. Италіанскія войны. Карлъ VIII. Людовикъ XII. Вмѣшательство Испаніи. Упадокъ Венеціи. Уклоненіе папства отъ своего назначенія. Швейцарцы. Францъ I. Битва при Мариньяно. Значеніе Италіанскихъ войнъ. Макіавелли.

Начало религіознаго движенія въ Германіи. Связь съ предъидущими явленіями. Борьба старыхъ и новыхъ мнѣній. Рейхлинъ. Эразмъ Роттердамскій. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Левъ X. Лютеръ. Ученіе объ индульген-

ціяхъ. 95 положеній. Начало и ходъ реформаціи. Смерть Максимиліана. Избраніе Карла V. Могущество австрійскаго дома. Вормскій сеймъ. Переводъ священнаго писанія Лютеромъ во время его заключенія въ Вартбургѣ. Меланхтонъ. Волненіе въ народѣ. Возстаніе имперскаго рыцарства. Крестьянская война. Секуляризація Пруссіи. Война Франца съ Карломъ V. Участіе Англіи. Битва при Павіи. Мадритскій договоръ. Констабль Бурбонъ.

Взятіе Рима императорскими наемниками. Новая война съ Франціею. Миръ Камбрейскій. Распространеніе новыхъ ученій въ Германіи.

Сеймы. Протестація 1529. Аугсбургское исповѣданіе. Нюрнбергскій религіозный миръ. Ульрихъ Цвингли, швейцарскій реформаторъ. Его дѣятельность и смерть. Отношенія къ Лютеру. Политическая дѣятельность Карла V. Солиманъ турецкій. Походы въ Тунисъ и Алжиръ. Третья война съ Франціею. Филиппъ Гессенскій. Анабаптисты. Усилія императора примирить католиковъ и протестантовъ. Попытка къ соглашенію обѣихъ партій въ Регенсбургѣ. Послѣдняя война съ Францомъ. Миръ въ Кресси. Смалькальденская война. Пораженіе протестантовъ. Тридентскій соборъ. Аугсбургскій interim. Магдебургъ. Морицъ Саксонскій. Перемиріе въ Пассау. Смерть Морица. Безсиліе Карла. Аугсбургскій миръ. Карлъ слагаетъ съ себя корону. Фердинандъ I и Филиппъ II.

Ходъ реформаціи въ остальной Европѣ. Кальвинъ въ Женевѣ. Характеръ и распространеніе кальвинизма. Генрихъ VIII въ Англіи. Начало англиканской церкви. Эдуардъ VI. Марія Тюдоръ. Временное возстановленіе католицизма. Елисавета. Христіанъ II въ Даніи и Швеціи. Окончательный разрывъ Кальмарскаго союза. Густавъ Ваза. Ганза. Реформація на Скандинавскомъ сѣверѣ. Польша.

Противодѣйствіе католицизма. Орденъ іезуитовъ. Тридентскій соборъ. Дѣятельность папъ.

Филиппъ II. Объемъ его владѣній. Завоеванія Испанцевъ въ Новомъ Мірѣ. Миръ съ Франціею. Планы Филиппа. Война съ Нидерландцами. Вильгельмъ Оранскій. Вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ. Армада. Упадокъ Испаніи. Португалія. Независимость Нидерландовъ. Ихъ торговля и сила на морѣ. Дортрехтскій соборъ.

Исторія Франціи при послѣднихъ Валуа. Религіозныя войны. Гизы. Екатерина Медичи.

Варооломеевская ночь. Генрихъ Наварскій. Лига. Генрихъ IV. Возстановленіе покоя во Франціи.

. *Англія* при Елисаветѣ. Религіозныя партіи. Шотландія. Марія Стюартъ. Величіе Англіи, которая становится во главѣ протестантской Европы. Смерть Елисаветы. Взглядъ на тогдашнее состояніе Англіи.

Европа предъ 30-лѣтнею войною. Императоръ Рудольфъ. Унія и лига. Матвѣй. Начало войны въ Чехіи. Фердинандъ II. Фридрихъ V Пфальцкій. Битва при Бѣлой горѣ. Сила лиги и Максимиліана Баварскаго. Тилли и Мансфельдъ. Валленштейнъ. Вмѣшательство Даніи. Могущество Австріи. Реституціонный эдиктъ. Удаленіе Валленштейна. Швеція. Густавъ Адольфъ въ Германіи. Его побѣды, дѣла и смерть. Валленштейнъ. Гейльбронскій со-

юзъ. Явное участіе Франціи. Бернардъ Саксенъ-Веймарскій. Жестокій характеръ войны. Вестфальскій миръ и его послѣдствія.

Христина Шведская. Карлъ X. Война съ Польшею и съ Даніею. Измѣненіе государственныхъ учрежденій на Скандинавскомъ Сѣверѣ.

Англія при первыхъ Стюартахъ. Слабость Якова I. Умственная жизнь въ Англіи. Шекспиръ. Баконъ. Религіозное броженіе. Карлъ I. Первые парламенты. Страфордъ. Шотландія. Долгій Парламентъ. Междоусобія. Характеристика партій. Смерть Карла. Республика. Возстановленіе Стюартовъ. Испанія при Филиппѣ III и Филиппѣ IV. Отпаденіе Португаліи. Карлъ II. Франція. Укрѣпленіе монархической власти. Сюлли. Ришелье. Мазарини. Вѣкъ Лудовика XIV:

1) Внутреннее состояніе Франціи при Лудовикѣ XIV. Централизація. Промышленность и благосостояніе народа (Кольберъ). Отмѣна Нантскаго эдикта. Упадокъ въ концѣ царствованія. Умственная жизнь. Вліяніе на Европу.

2) Обзоръ исторіи европейскихъ государствъ въ это время. Отношеніе ихъ ко Франціи. Великая роль Нидерландовъ. Курфирстъ Бранденбургскій. Паденіе Стюартовъ. Вильгельмъ Оранскій. Испанія.

3) Обзоръ войнъ Лудовика XIV. Ослабленіе Франціи. Миры Утрехтскій и Раштатскій. Смерть короля. Регентство герцога Орлеанскаго. Кардиналъ Флери.

Сѣверная война. Обозрѣніе русской исторіи до Петра Великаго. Вступленіе Россіи въ систему сѣверныхъ государствъ. Здѣсь необходимо показать различіе между развитіемъ Россіи и другихъ европейскихъ державъ. Характеръ русскаго самодержавія. Исторія Сѣверной войны, излагаемая подробно въ учебныхъ книгахъ русской исторіи, можетъ быть изложена короче. Упадокъ Швеціи.

Борьба съ средневѣковыми идеями и учрежденіями. Французскіе писатели XVIII вѣка. Возвышеніе Пруссіи. Великій курфирстъ и его преемники. Фридрихъ Великій. Состояніе Германіи при его вступленіи на престолъ: 1) гражданскій бытъ, 2) образованность. Вліяніе Франціи. Войны Австріи съ турками. Война за Австрійское наслѣдство. Война семилѣтняя. Пруссія въ послѣдніе годы Великаго Фридриха. Германія.

Россія отъ смерти Петра Великаго до Екатерины II. Вѣкъ Екатерины. Возрастающее вліяніе Россіи. Раздѣлъ Польши.

Скандинавскій полуостровъ. Струензе. Густавъ III.

Англія при Ганноверскомъ домѣ. Развитіе учрежденій. Отпаденіе Америки. Вестъ-Индія.

Испанія при Бурбонахъ. Португалія. Италія. Турція. Внутреннія преобразованія въ европейскихъ государствахъ.

Исторія революціи. Изложеніе причинъ: порча нравовъ; вліяніе вредныхъ сочиненій, безпечность правительства во Франціи. Запутанные финансы.

Событія революціоннаго періода должны быть разсказаны кратко, но

отчетливо, такъ чтобы ученикъ могъ видѣть внутреннюю связь явленій. Крайнимъ предѣломъ, до котораго можетъ быть доведено изложеніе событій въ учебной книгѣ всеобщей исторіи, должно принять 1815 годъ.

Предъ каждымъ отдѣломъ должны быть приведены лучшія, относящіяся къ этому отдѣлу, историческія сочиненія.

УЧЕБНИКЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Содержаніе Всеобщей Исторіи составляетъ земная жизнь человѣчества. Обнимая эту жизнь во всей ея полнотѣ и цѣлости, исторія не есть только наука прошедшаго. Она принимаетъ въ себя настоящее и, слѣдуя въ этомъ случаѣ методу естественныхъ наукъ, выводитъ изъ извѣстныхъ, уже совершившихся, явленій вѣчные законы, которымъ подчинена судьба человѣческихъ обществъ. Такое богатство содержанія ставитъ исторію въ тѣсную связь со всѣми другими науками, которыя входятъ въ нее своими результатами, ибо каждая наука обнаруживаетъ большее или меньшее вліяніе на умственный и вещественный бытъ народовъ. Историкъ не обязанъ, да и не можетъ быть всезнающимъ полигисторомъ. Такое требованіе отъ него было бы безразсудно, потому что оно неисполнимо, но онъ обязанъ составить себѣ ясное понятіе о значеніи каждой науки въ общей системѣ человѣческихъ знаній и долженъ быть въ состояніи объяснить своимъ читателямъ или слушателямъ вліяніе отдѣльныхъ наукъ на извѣстные періоды исторіи. Можно ли, напримѣръ, представить удовлетворительную картину аѳинской жизни, не коснувшись вопросовъ, которыхъ разрѣшеніе принадлежитъ собственно теоріи искусства и философіи вообще? Или, есть ли возможность изложить надлежащимъ образомъ событія трехъ послѣднихъ вѣковъ, не освѣщая ихъ свѣтомъ политической экономіи?

Но есть науки, въ пособіи которыхъ исторія нуждается преимущественно, отъ которыхъ она находится въ постоянной зависимости. Онѣ называются въ отношеніи къ ней вспомогательными. Таковы землевѣдѣніе и языкознаніе.

I. Подъ именемъ землевѣдѣнія мы разумѣемъ не одну политическую или историческую географію, а ту великую науку, созданную въ наше время трудами К. Риттера и его послѣдователей, которая смотритъ на землю, какъ на храмину, назначенную Провидѣніемъ для воспитанія человѣческаго рода. Первоначальная дѣятельность и слѣдовательно судьба каждаго народа опредѣляется совокупностію природныхъ условій его родины. Въ климатѣ, формахъ почвы и произведеніяхъ данной страны долженъ историкъ искать ключа

къ характеру народа, въ ней живущаго. Человѣкъ относится къ природѣ, какъ воспитанникъ къ воспитательницѣ, но отношеніе это не остается однообразнымъ и видоизмѣняется съ успѣхами просвѣщенія. Развитіе духа превращаетъ ребенка въ мужа, сообщаетъ воспитаннику права господина надъ прежнею воспитательницей, но вліяніе послѣдней продолжаетъ существовать. Какъ ни сглаживаетъ европейская образованность племенныя различія, подводя ихъ подъ одинъ общій уровень, она не въ силахъ стереть главныхъ, природою поставленныхъ, рубежей. Югъ и сѣверъ, горы и равнины, близость или отдаленность моря и вообще водныхъ сообщеній остаются, несмотря на всѣ усилія человѣка, опредѣляющими дѣятелями его исторіи. Итальянскій бытъ такъ же невозможенъ подъ небомъ Скандинавіи, какъ невозможенъ для населенія обширныхъ равнинъ Россіи образъ жизни Англичанина, находящагося въ постоянномъ сношеніи съ моремъ. Чѣмъ менѣе образованъ народъ, тѣмъ въ большей зависимости онъ находится отъ внѣшнихъ вліяній, глубоко проникающихъ въ его духовную жизнь. Религіозныя вѣрованія языческихъ племенъ носятъ на себѣ ясный отпечатокъ природы, среди которой они возникли. Тоже самое можно сказать о памятникахъ искусства и т. д.

Karl Ritter: Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte der Menschen. 2-е изд.

Его же: Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie. Berlin. 1852. Собраніе статей, заключающихъ въ себѣ основныя положенія великаго географа.

II. Языкознаніе (Лингвистика и Филологія) не только открываетъ намъ непосредственный доступъ къ литературнымъ памятникамъ главныхъ историческихъ народовъ, но даетъ средства прослѣдить въ самой исторіи языковъ измѣненія идей, которымъ эти языки служили органами. Тамъ, гдѣ нѣтъ положительныхъ преданій и свидѣтельствъ, языкъ становится для насъ единственнымъ источникомъ. „Не зная доисторической жизни народа, говоритъ по поводу русскаго языка г. Буслаевъ, мы можемъ составить себѣ общее о ней понятіе только потому, какъ отразилась она въ языкѣ. Слѣдовательно для историка, повѣствующаго объ отдаленномъ періодѣ жизни народа, языкъ есть не только вспомогательное пособіе, но и существенный источникъ, историческій памятникъ отжившей старины. Какъ языческіе обычаи и обряды, за отсутствіемъ нѣкогда оживлявшаго ихъ начала, оставались въ жизни народа безо всякаго развитія, и дошли до насъ въ современныхъ суевѣріяхъ, забавахъ, играхъ и преданіяхъ, хранимыхъ въ народѣ болѣе по привычкѣ и притомъ безъ яснаго сознанія въ томъ, что это остатки языческой старины и что ими нарушается чистота нравовъ: такъ и языкъ, несмотря на послѣдовавшее совершенствованіе народа при свѣтѣ христіанскихъ идей, постоянно сберегалъ слова и выраженія, чуждыя христіанскому міру, хотя и безо всякаго участія сознанія говорившихъ". Итакъ, служа вѣрнымъ органомъ всѣхъ умственныхъ успѣховъ и одухотворяясь по требованію мысли, языкъ, въ своихъ первоначальныхъ формахъ, искони образовавшихся и донынѣ живущихъ, долженъ быть разсматриваемъ, съ точки зрѣнія исторической критики, какъ памятникъ, изученіе котораго необходимо

для возсозданія древнѣйшаго періода народной жизни. Кромѣ того, сравнительное изученіе языковъ проливаетъ свѣтъ на неразрѣшимые другимъ путемъ этнографическіе вопросы о происхожденіи и родствѣ древнѣйшихъ племенъ, являющихся въ исторіи. Надобно однако замѣтить, что изслѣдованія такого рода требуютъ крайней осторожности и самой строгой критики. Наша наука уже много потерпѣла отъ неумѣстнаго употребленія этимологіи для объясненія запутанныхъ вопросовъ посредствомъ случайнаго сходства именъ и словъ. Въ великихъ твореніяхъ В. Гумбольдта: Ueber die Kawi Sprache и Якова Гримма: Deutsche Grammatik и другихъ трудахъ, совершенныхъ по этимъ образцамъ, можно найти подтвержденіе всего, сказаннаго нами о пользѣ, какую исторія можетъ извлечь изъ языкознанія.

Въ числѣ вспомогательныхъ историческихъ наукъ мы не помѣстили хронологіи, потому что она входитъ въ исторію, какъ составная ея часть, и не имѣетъ права на названіе отдѣльной самостоятельной науки. Историческая или техническая хронологія (въ основаніи которой должно лежать астрономическое ученіе объ измѣреніи времени) объясняетъ принятые у важнѣйшихъ историческихъ народовъ способы дѣленія времени.

Ideler: Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Berlin, 1825.

Brinckmeier: Practisches Handbuch der historischen Chronologie aller Zeiten und Völker, besonders des Mittelalters. Leipzig, 1843.

L'Art de vérifier les dates des faits histroriques. Paris, 1818.

Источники, изъ которыхъ наша наука заимствуетъ свои матеріалы, раздѣляются на три главные отдѣла: 1) изустныя преданія, 2) памятники и 3) письменныя свидѣтельства.

1) Преданія, живущія въ устахъ народа въ разнообразныхъ, преимущественно поэтическихъ формахъ, въ видѣ пѣсенъ, сказокъ и т. д., составляютъ важный источникъ для исторіи отдаленныхъ и бѣдныхъ другими свидѣтельствами эпохъ. Отъ такихъ преданій не должно требовать вѣрнаго изложенія отдѣльныхъ событій, точности хронологической и географической; но они часто изображаютъ яркими чертами общій характеръ давно прошедшаго времени, его вѣрованія, бытъ и нравы.

2) Памятники, то-есть разсѣянные по лицу историческаго міра слѣды древней жизни народовъ, какъ-то: развалины городовъ и зданій, разнородныя произведенія искусствъ и ремеслъ, монеты, медали, гербы, домашняя утварь и проч., возстановляютъ передъ нами прошедшее не съ одной только внѣшней, но съ внутренней, духовной стороны. При внимательномъ изученіи они отчасти замѣняютъ отсутствіе положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Колоссальные храмы Индіи также ясно обличаютъ преобладаніе ѳеократическаго начала, какъ изящные образы, созданные греческимъ искусствомъ свидѣтельствуютъ о свѣтломъ воззрѣніи на жизнь народа, среди котораго могло возникнуть и развиться такое искусство. Описаніемъ и объясненіемъ памятниковъ занимается археологія, или наука древностей вообще. Нумизматика, то-есть ученіе о монетахъ, геральдика, ученіе о гербахъ, и другія подобныя отрасли знанія, которыя нѣкогда вноси-

лись въ число вспомогательныхъ историческихъ наукъ, суть части археологіи.

3) Письменныя свидѣтельства составляютъ самый важный и обширный отдѣлъ историческихъ источниковъ. Сюда принадлежатъ всѣ виды письменныхъ свидѣтельствъ: надписи, государственныя грамоты, дипломатическіе и юридическіе акты, лѣтописи, записки современниковъ, даже ученыя сочиненія, составленныя на основаніи утраченныхъ источниковъ.

Понятіе о всеобщей исторіи, объемлющее судьбы цѣлаго человѣчества, не было извѣстно ни древнему востоку, ни греко-римскому міру. Происхожденіе нашей науки относится къ новому времени. Азіатскимъ народамъ не чужда врожденная человѣку потребность знать свое прошедшее, но ихъ любознательность находитъ себѣ легкое удовлетвореніе въ самыхъ бѣдныхъ формахъ историческаго преданія: въ родословныхъ спискахъ (генеалогіяхъ), пѣсняхъ и болѣе или менѣе подробныхъ перечняхъ событій (лѣтописяхъ). Къ тому же на этихъ памятникахъ лежитъ обыкновенно печать исключительности религіозной или національной. Какъ по происхожденію, такъ и по содержанію своему священныя книги еврейскаго народа стоятъ безконечно выше другихъ историческихъ свидѣтельствъ о жизни древняго востока и составляютъ неизсякаемый источникъ поученія для всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Во времена такъ называемой классической древности исторія получила другое, болѣе практическое назначеніе, чѣмъ на востокѣ. Она сдѣлалась наставницею жизни, magistra vitae, по выраженію Цицерона. Греческіе и римскіе историки имѣли въ виду нравственное усовершенствованіе своихъ читателей, развитіе въ нихъ патріотизма, гражданской доблести, посредствомъ уроковъ и примѣровъ прошедшаго. Исторіею занимались высшіе умы Греціи и Рима, преимущественно государственные мужи, желавшіе передать потомству событія, въ которыхъ они сами принимали дѣятельное участіе. Такимъ образомъ возникли безсмертныя произведенія, служащія образцами изящнаго и прагматическаго изложенія. Прагматизмъ древнихъ, представляющій факты въ связи причинъ и слѣдствій и ограничивающійся сферою политическихъ явленій, замѣнялъ собою то, что въ настоящее время называется философіей исторіи. При всѣхъ высокихъ достоинствахъ своихъ историческіе труды греческихъ и римскихъ писателей суть ни что иное, какъ превосходныя монографіи, объемлющія болѣе или менѣе значительные періоды, но отнюдь не удовлетворяющія нашимъ требованіямъ отъ всеобщей исторіи. Послѣдняя предполагаетъ понятіе о единствѣ рода человѣческаго, котораго не было и не могло быть въ языческомъ мірѣ, представляющемъ зрѣлище безчисленныхъ, враждебныхъ между собою и разрозняющихъ народы религій. Только христіанство, провозгласившее всѣхъ людей дѣтьми Единаго Отца и соединившее ихъ въ одну духовную семью, внесло въ жизнь тѣ идеи, на основаніи которыхъ могла наконецъ возникнуть и наша наука.

Ростъ ея былъ медленъ. Господствующею формою историческихъ сочиненій въ теченіи среднихъ вѣковъ была лѣтописная. Лѣтописцы, большею

частію монахи, записывали доходившія до нихъ свѣдѣнія происшествія, не разбирая ихъ значенія и не заботясь о естественной связи причинъ и послѣдствій. Факты излагались въ хронологическомъ порядкѣ, по годамъ. Иной системы не было и не требовалось. Если лѣтописецъ касался временъ отдаленныхъ, то онъ вносилъ въ свой трудъ цѣликомъ слова другаго, предшествовавшаго ему, лѣтописца. Исключеніе составляютъ только немногія, преимущественно въ Италіи возникшія произведенія. Но итальянскіе историки примыкаютъ непосредственно къ древнимъ языческимъ образцамъ. Политическій прагматизмъ былъ въ ихъ глазахъ высшею цѣлію историческаго искусства.

Первая попытка изложить Всеобщую Исторію, какъ нѣчто цѣлое, и сообщить ей систематическое единство науки была совершена въ началѣ XVI столѣтія, въ эпоху реформаціи. Въ 1532 году была издана въ Виттембергѣ хроника Іоанна Каріона, берлинскаго придворнаго астролога. Меланхтонъ, ученикъ Каріона, выправилъ и дополнилъ трудъ своего наставника (Chronicon Carionis latine expositum et auctum. Viteb. 1558—60). Переведенное на большую часть европейскихъ языковъ сочиненіе это въ продолженіи двухъ вѣковъ пользовалось исключительнымъ авторитетомъ не только въ протестантскихъ, но и въ католическихъ училищахъ. Каріонъ раздѣляетъ исторію на періоды четырехъ всемірныхъ монархій: Ассирійской, Персидской, Македонской и Римской. Въ основаніи этого дѣленія лежала вѣрная, но не ко всѣмъ временамъ приложимая идея о преемственности всемірно-историческихъ народовъ. Эта идея, вполнѣ оправданная древностію, никакъ не можетъ быть приложена къ новой исторіи, которая слагается изъ совокупной дѣятельности нѣсколькихъ народовъ, стоящихъ почти на ровной высотѣ могущества и просвѣщенія. Новая исторія мало входила въ книги, написанныя по образцу Каріоновой; древняя и средняя состояла изъ краткаго и сухаго изложенія войнъ и государственныхъ переворотовъ. На внутреннюю жизнь народовъ, на развитіе образованности, и религіозныхъ и политическихъ учрежденій не обращалось почти никакого вниманія. Такое состояніе науки было тѣмъ неудовлетворительнѣе для мыслящихъ умовъ, что XVI и XVII столѣтія весьма богаты превосходными сочиненіями, посвященными исторіи отдѣльныхъ государствъ и народовъ. Въ знаменитомъ твореніи своемъ: Discours sur l'histoire universelle (рѣчь о всеобщей исторіи) Боссюэтъ представилъ великолѣпный, но неполный очеркъ исторіи. Почти одновременно съ нимъ Неаполитанецъ Ж. Б. Вико, изучая съ геніальною проницательностію памятники римской древности, пришелъ къ заключенію, что римская исторія представляетъ нормальное развитіе человѣческихъ обществъ и что изъ ея явленій можно извлечь вѣчные законы исторіи. Его новая наука (Principi di una scienza nuova; Neap. 1725), не оцѣненная современниками, исполненная странностей и темная по изложенію, сохранитъ однако навсегда высокое значеніе, какъ первый и притомъ глубокомысленный опытъ указать въ игрѣ вѣчно измѣняющихся явленій исторіи такіе же незыблемые, божественные законы, какимъ подчинена внѣшняя природа. Главная ошибка Вико происходитъ отъ того, что онъ слишкомъ держался нормъ, данныхъ

ему римскою жизнію, и недостаточно былъ знакомъ съ развитіемъ средневѣковой и новой жизни. Исторія, по его мнѣнію, искони описываетъ одинъ и тотъ же кругъ, выходя изъ дикаго состоянія человѣчества и возвращаясь къ нему чрезъ патріархально-ѳеократическій, героическій и наконецъ гражданскій бытъ народовъ. Между тѣмъ Англичанинъ Болингброкъ, разсматривавшій исторію съ точки зрѣнія государственнаго мужа и древнихъ, подвергалъ строгой и насмѣшливой критикѣ сухія компиляціи, изъ которыхъ большинство тогдашнихъ читателей черпало свои историческія свѣдѣнія. Оплодотворенная этими разнородными вліяніями наука наша получила въ теченіи XVIII столѣтія новое содержаніе и новыя формы. Къ ученымъ изслѣдованіямъ прошедшаго присоединились великія открытія въ настоящемъ. Путешествія знаменитыхъ мореплавателей (Кука и другихъ), подробныя описанія народовъ, занимающихъ на лѣстницѣ общественнаго развитія самыя отдаленныя между собою ступени, расширили значительно историческій горизонтъ. Европеецъ, сличая свой бытъ съ бытомъ островитянъ Тихаго океана, невольно задумался о томъ, чѣмъ были его предки, и началъ считать шаги, сдѣланные ими на пути отъ дикости къ просвѣщенію. Тогда историки раздѣлились на двѣ главныя школы: одни подъ именемъ Всемірной исторіи разумѣли по возможности отчетливое изложеніе судебъ всѣхъ племенъ, обитающихъ на земномъ шарѣ. Малоизвѣстнымъ народамъ Африки отводилось на страницахъ учебной книги почти такое же мѣсто, какъ Грекамъ или Римлянамъ. Другіе, противопоставлявшіе слову: всемірная, названіе всеобщей, не допускали въ исторію всѣхъ народовъ безъ разбора, выбирали изъ нихъ только главные и при изложеніи событій довольствовались только важнѣйшими. Но гдѣ было найти мѣрило этой важности? Какъ избѣжать личнаго произвола при оцѣнкѣ разнородныхъ фактовъ, имѣющихъ право на мѣсто въ наукѣ? Споры эти были собственно рѣшены внѣ строгихъ предѣловъ самой исторіи, въ сферѣ другой науки, именно въ философіи. Лесингъ, принимавшій исторію за воспитаніе рода человѣческаго Провидѣніемъ, Гердеръ, возставшій противъ сухаго ученія о прогрессѣ, заключающемся во внѣшнемъ накопленіи благъ, совокупность которыхъ составляетъ цивилизацію, и въ передачѣ этихъ благъ отъ одного поколѣнія къ другому для дальнѣйшаго приращенія, и доказывавшій, что дѣйствительные успѣхи человѣчества совершаются не такимъ образомъ, а чрезъ постоянное углубленіе духа въ самого себя, чрезъ возрастающее самосознаніе, наконецъ Кантъ, искавшій цѣли гражданскихъ обществъ, сообщили нашей наукѣ движеніе, которое не остановилось доселѣ и исходъ котораго трудно предвидѣть. Еще значительнѣе было вліяніе Шеллинговой системы тождества, или единства законовъ, господствующихъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій и въ мірѣ духа, въ природѣ и въ исторіи. Такимъ образомъ оправдались цѣлымъ рядомъ великихъ трудовъ и многостороннихъ изслѣдованій геніальныя предположенія Вико о законности въ исторіи. Но признавая вполнѣ тѣсную связь и даже нѣкоторую зависимость послѣдней отъ философіи, мы должны отстаивать ее противъ произвольнаго построенія ея фактовъ, которое такъ часто позволяютъ себѣ философы.

Настоящая задача Всеобщей исторіи показана нами въ начальныхъ стро-

кахъ этого введенія. Задача трудная и многосложная. Въ рѣшеніи ея должны принять дѣятельное и дружное участіе всѣ другія науки, имѣющія войти въ исторію, какъ рѣки въ океанъ. До такого рѣшенія еще далеко, но оно становится съ каждымъ днемъ возможнѣе и вѣроятнѣе. Всякій шагъ, сдѣланный впередъ человѣческою мыслію, обращается въ пользу исторіи. Въ настоящее время она уже оставила за собою политическій прагматизмъ древнихъ и устранила отъ себя требованіе непосредственной пользы и практическихъ приложеній, о чемъ такъ много заботился XVIII вѣкъ. Мѣсто прагматической связи событій заступилъ промыслъ, управляющій ходомъ судебъ человѣческихъ. Благоговѣйно созерцаетъ историкъ ряды стройно развивающихся по указанію божественнаго перста явленій, въ которыхъ случаю предоставлена роль слѣпаго исполнителя. Польза исторіи является намъ уже не въ видѣ возможности прилагать къ измѣнившейся современности примѣры прошедшаго, а въ цѣльномъ и живомъ пониманіи прошедшаго. Такое пониманіе, основанное на долгой бесѣдѣ съ минувшими вѣками и народами, приводитъ насъ къ сознанію, что надъ всѣми открытыми наукою законами историческаго развитія царитъ одинъ верховный, то-есть нравственный законъ, въ осуществленіи котораго состоитъ конечная цѣль человѣчества на землѣ. Высшая польза исторіи заключается, слѣдовательно, въ томъ, что она сообщаетъ намъ разумное убѣжденіе въ неминуемомъ торжествѣ добра надъ зломъ. Поддерживаемый этимъ убѣжденіемъ человѣкъ пріобрѣтаетъ новыя силы для борьбы съ искушеніями жизни, для исполненія назначеннаго ему Провидѣніемъ скромнаго долга или великаго призванія. Теплымъ участіемъ въ прошедшихъ и будущихъ судьбахъ человѣчества мы расширяемъ объемъ нашего личнаго существованія и дѣлаемся нѣкоторымъ образомъ причастными всѣмъ уже совершеннымъ или еще имѣющимъ совершиться подвигамъ добра и просвѣщенія.

Изъ Книги Бытія мы знаемъ, что человѣкъ вышелъ изъ рукъ Создателя въ послѣдній, то-есть шестой день творенія. Истина священнаго сказанія подтверждается изслѣдованіями новой, почти въ наше время возникшей науки, именно геологіи. Занимаясь изученіемъ пластовъ, составляющихъ кору земнаго шара, геологія пришла къ заключенію, что человѣкъ относительно недавній гость на землѣ и что его появленію предшествовало созданіе безчисленнаго множества другихъ, частію уже не существующихъ организмовъ. Остатки этихъ организмовъ сохранились въ древнѣйшихъ слояхъ земной коры, соотвѣтствующихъ періодамъ ихъ существованія. Но кости человѣка и вообще слѣды его бытія, то есть дѣла его рукъ, встрѣчаются только на самой поверхности коры, въ пластахъ новѣйшаго образованія. Изъ того же священнаго сказанія заимствуемъ мы наши свѣдѣнія о судьбахъ Адамова потомства до раздѣленія его на отрасли Сима (Семитовъ), Хама (Хамитовъ) и Яфета (Яфетидовъ). Отрасли эти разселились въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, подраздѣлились въ свою очередь на многочисленныя племена, утратили подъ вліяніемъ разнообразныхъ географическихъ и историческихъ условій первоначальное сходство между собою и представляютъ намъ нынѣ изумительную пестроту народныхъ особенностей, языковъ и внѣшнихъ или

физіологическихъ признаковъ. Послѣдніе обратили на себя вниманіе естествоиспытателей и привели къ классификаціи рода человѣческаго на породы. Блуменбахъ, котораго можно назвать основателемъ сравнительной антропологіи, принимаетъ пять главныхъ породъ: 1) кавказскую, или бѣлую, 2) монгольскую, или желтую, 3) эѳіопскую, или черную, 4) американскую, или мѣдно-красную, и 5) малайскую, или бурую. Въ основаніи своей классификаціи Блуменбахъ полагалъ сверхъ цвѣта кожи и волосъ преимущественно форму черепа. Новѣйшіе натуралисты находятъ эти признаки недостаточными и, опираясь на другія, не принятыя Блуменбахомъ въ соображеніе данныя, какъ-то на языки, принимаютъ частію большее, частію меньшее число породъ. Не входя въ разборъ ихъ доводовъ, мы скажемъ только, что результатъ важнѣйшихъ антропологическихъ наблюденій вполнѣ подтверждаетъ сказаніе о происхожденіи человѣчества отъ одной четы. Теперь уже доказано, что цвѣтъ кожи можетъ измѣняться не только при перемѣнѣ климатовъ, но даже отъ рода пищи. Въ Африкѣ есть черныя племена, красотою формъ не уступающія ни мало самымъ красивымъ отраслямъ кавказской породы. Вліяніе природы, быта и образованности вообще на размѣры и форму частей тѣла не подлежитъ сомнѣнію. У народовъ образованныхъ, говоритъ академикъ Беръ, полость черепа развитѣе, чѣмъ у дикарей. Черепъ негра, родившагося въ Америкѣ, уже превосходитъ объемомъ черепъ его же соплеменника, живущаго въ Африкѣ. Слѣдовательно человѣчество, имѣющее слиться въ лонѣ христіанства въ одну духовную семью, уже составляетъ семью естественную, соединенную общимъ праотцемъ Адамомъ. Допустивъ такое родство, существующее между обитателями земнаго шара, мы должны необходимо принять и истекающую изъ этого родства равную способность всѣхъ породъ къ образованности и совершенствованію.

Несмотря на единство начала, различіе породъ играло до сихъ поръ подъ преобладающимъ вліяніемъ естественныхъ опредѣленій важную, хотя еще не совсѣмъ объясненную роль. Каждая порода или группа племенъ, отмѣченныхъ сходными физіологическими примѣтами, выразила въ теченіи исторіи какія-нибудь особенныя, ее характеризующія, духовныя свойства. Господствующею, опредѣляющею ходъ всемірно-историческихъ событій породою является бѣлая, или кавказская. Вотъ почему нѣкоторые историки нашего времени называютъ ее по преимуществу дѣятельною (active) въ противоположность другимъ страдательнымъ (passive).

Образованіе первыхъ гражданскихъ обществъ лежитъ за предѣлами историческихъ воспоминаній. Народы входятъ въ исторію уже готовыми, совершенно сложившимися. Ихъ зарожденіе и начальный ростъ ускользаютъ отъ нашихъ наблюденій. Но въ основаніи каждаго народа лежитъ, какъ первоначальная единица, отдѣльное семейство. Семейство разростается въ родъ или колѣно, изъ рода образуется народъ. Формы семейной жизни переходятъ на родъ и на его дальнѣйшее развитіе. Мѣсто отца семейства заступаетъ въ родѣ родоначальникъ, т. е. старшій изъ родичей, патріархъ. Онъ правитъ родомъ, какъ семействомъ, соединяя въ себѣ значеніе отца, судьи и первосвященника. Первыя возникающія на землѣ государства носятъ на

себѣ характеръ семействъ. Отдѣльные родоначальники подчиняются одному государю, въ лицѣ котораго выражается кровное или политическое единство нѣсколькихъ родовъ.

Древнѣйшія государства возникли, сколько намъ извѣстно, въ Африкѣ и въ Азіи, у подножія той неровной нагорной плоскости, которая образуетъ средину этой части свѣта. Верхняя Азія была исконною родиною племенъ кавказской и монгольской породы. Они вели здѣсь жизнь охотничью, кочевую. Когда кавказскія племена спустились къ юго-западнымъ и южнымъ низменностямъ, а монгольскія къ восточнымъ, новая родина вызвала въ нихъ новыя потребности и привычки осѣдлой жизни, которыя не могли развиться въ безконечныхъ и однообразныхъ пустыняхъ средней Азіи, представляющихъ доселѣ бѣдныя условія для земледѣлія и полный просторъ охотнику или кочевнику, переходящему со стадами своими отъ одного пастбища къ другому.

Тысячелѣтія отдѣляютъ насъ отъ того неопредѣленнаго никакими хронологическими данными времени, когда въ исторіи явились первыя гражданскія общества въ формахъ патріархальнаго государства. Съ тѣхъ поръ человѣчество совершило длинный путь, знаменуя каждый шагъ свой побѣдами надъ природою и развитіемъ новыхъ формъ жизни. Но событія, наполняющія минувшія тысячелѣтія, могутъ быть органически раздѣлены на два большие отдѣла: на исторію языческаго міра, или древнюю, и исторію христіанскаго міра, которая въ свою очередь подраздѣляется по свойству явленій, составляющихъ ея содержаніе, на среднюю и новую. Рубежемъ, отдѣляющимъ древнюю исторію отъ христіанской, мы принимаемъ царствованіе Константина Великаго. Средняя исторія замыкается великими событіями, совершившимися въ исходѣ XV и началѣ XVI-го вѣка, т. е. возрожденіемъ наукъ, открытіемъ Америки и новаго пути въ Остъ-Индію, реформаціей и т. д. Три послѣднія столѣтія принадлежатъ къ новой исторіи.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Китай.

Природныя границы Китая, т. е. обширныя степи, почти непроходимыя горныя системы и море, омывающее бѣдный удобными пристанями берегъ, отрѣшаютъ живущія здѣсь племена, принадлежащія къ монгольской породѣ, отъ сообщеній съ остальнымъ міромъ. Китайская исторія представляетъ намъ изумительное явленіе государства, существующаго безъ значительныхъ внутреннихъ измѣненій съ одиѣми и тѣми же формами жизни въ продолженіе слишкомъ 4,000 лѣтъ. Нигдѣ не выразилось съ такою силою начало исключительной, отрицающей всѣ стороннія вліянія, національности. Сердце Китайской имперіи составляетъ равнина, спускающаяся отъ западной возвышенности къ морю между рѣками Гоан-хо и Янъ-це-Кяномъ. Здѣсь на богатой, призывающей человѣка къ земледѣлію и промышленности почвѣ

началась китайская исторія и положены основанія китайской образованности. На этой равнинѣ, покрытой многочисленнымъ, превышающимъ средства къ продовольствію населеніемъ, растутъ въ изобиліи рисъ, составляющій главную пищу Китайца, сахарный тростникъ, шелковица, хлопчатникъ и другія полезныя растенія. Почва превосходно обработана и изрѣзана каналами, проведенными между Гоан-хо, Янъ-це-Кяномъ и ихъ притоками. Эти каналы служатъ путями сообщеній и доставляютъ средства для искусственнаго орошенія полей. Нигдѣ земля не имѣетъ такой цѣнности и нигдѣ человѣкъ такъ не привязанъ къ ней, какъ въ китайской месопотаміи, или междурѣчіи. Здѣсь подъ вліяніемъ естественныхъ условій развились отличительныя черты китайскаго характера: упорное трудолюбіе, любовь къ родному очагу и преобладающее стремленіе къ чувственнымъ, матеріальнымъ цѣлямъ бытія. Къ югу отъ Кяна природа представляетъ болѣе разнообразный, частію альпійскій характеръ: отлогости горъ и холмовъ усѣяны чайнымъ растеніемъ, разведеніемъ котораго преимущественно занимаются жители. На сѣверъ отъ Гоан-хо климатъ довольно суровый; но земля производитъ разные роды хлѣба и овощей, и трудъ земледѣльца не остается безъ вознагражденія.

Китайскія преданія говорятъ, что въ глубочайшей древности сто семействъ спустились съ западныхъ горъ (Кюнъ-луна) на равнину, лежащую между великими рѣками, и заселили ее, вытѣснивъ или покоривъ первоначальныхъ полудикихъ обитателей. Отъ этихъ ста семействъ произошла большая часть нынѣшняго, до 400,000,000 душъ простирающагося населенія срединной имперіи. Историческому періоду предшествуютъ баснословныя времена неопредѣленнаго объема. Незнающій настоящей цѣны времени, которое проходитъ, не производя существенныхъ перемѣнъ въ его судьбѣ, востокъ привыкъ измѣрять прошедшее десятками тысячелѣтій. Положительное лѣтосчисленіе и болѣе достовѣрныя историческія преданія начинаются для Китая съ императора Яо, или съ 2357 года до Р. Х. Когда Яо вступилъ на престолъ, почва его государства была уже обработана, жившіе на ней до пришествія человѣка хищные звѣри большею частію истреблены, орудія земледѣлія уже были изобрѣтены и главныя учрежденія гражданской и семейной жизни установились. Направленный къ практическимъ цѣлямъ умъ китайскаго народа приписываетъ героямъ древности, которые у другихъ народовъ являются всегда въ поэтическомъ видѣ, преимущественно полезные, хотя и прозаическіе подвиги. Нынѣ въ Китаѣ царствуетъ уже 22-я династія, но династическіе перевороты, частыя дробленія государства и даже его двукратное завоеваніе иноплеменниками не измѣнили основныхъ формъ государственной жизни, хотя внутренно эти формы искажены и прикрываютъ собою испорченный и лживый порядокъ вещей. Китайская исторія однообразна; несмотря на свою оригинальность и на богатство внѣшнихъ явленій, она представляетъ гораздо менѣе занимательности, чѣмъ исторія другихъ не только европейскихъ, но даже азіатскихъ народовъ. Патріархальная, построенная на семейномъ началѣ монархія раздробилась на многочисленныя удѣльныя княжества, которыхъ владѣльцы, пользуясь слабостію

императоровъ третьей династіи Чжоу (1122—256 до Р. Х.), получили самостоятельное значеніе. Народъ, по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, нересталъ уважать обычаи предковъ и предался опаснымъ нововведеніямъ. Тогда явились два мудреца: Лао-цзы и Кхун-цзы, котораго мы привыкли называть Конфуціемъ. Первый (род. около 604 г. до Р. Х.), по всей вѣроятности, знакомый съ умозрѣніями Индусовъ, проповѣдовалъ человѣколюбіе, презрѣніе благъ земныхъ и призывалъ всѣхъ къ жизни исключительно созерцательной. Источникомъ всякаго бытія онъ признавалъ вѣчный разумъ (Тао). Послѣдователи Лао-цзы образовали значительную, до сихъ поръ существующую секту Тао-цзы. Секта эта обоготворила своего основателя и исказила его ученіе примѣсью всякаго рода суевѣрій. Несравненно важнѣе для Китая была дѣятельность Кхун-цзы (551 — 478 до Р. Х.). Кхун-цзы посвятилъ жизнь свою на возстановленіе потрясенной нравственности своихъ соотечественниковъ. Съ этою цѣлью онъ собралъ и привелъ въ порядокъ преданія старины, которыя, по его мнѣнію, должны служить постояннымъ примѣромъ новымъ поколѣніямъ. Всякое отступленіе отъ старины гибельно. Ученіе Кхун-цзы весьма просто. Онъ смотритъ на народъ свой, какъ на большое семейство, и выводитъ изъ этого начала необходимость трехъ главныхъ отношеній: между государемъ и подданными, между отцемъ и дѣтьми, между мужемъ и женою.

На вопросы религіозные онъ обращалъ мало вниманія и коснулся ихъ мелькомъ. Видно впрочемъ, что онъ признавалъ верховное существо и загробную жизнь. Вообще китайскій народъ до сихъ поръ не обнаруживалъ сильной религіозной потребности. Въ составленныхъ изъ разнородныхъ источниковъ кинахъ, или книгахъ Кхун-цзы заключается вся китайская мудрость. Главные изъ киновъ суть И-кинъ, или книга перемѣнъ, непонятное сочиненіе, содержащее въ себѣ нѣчто въ родѣ философіи природы; Шу-кинъ, книга лѣтописей, въ которой изложена древнѣйшая исторія Китая; Ши-кинъ, состоящая изъ 310 народныхъ пѣсенъ и стихотвореній, выбранныхъ Кхун-цзы изъ 3000 бывшихъ у него подъ рукою; наконецъ Ли-кинъ, или книга обрядовъ. Позднѣйшая литература представляетъ только развитіе тѣхъ идей, которыя находятся въ кинахъ (см. Pauthier, Livres Sacrés de l'Orient. Paris, 1841. Здѣсь переведены нѣкоторыя изъ сочиненій Кхун-цзы и его учениковъ). Высокая нравственность Кхун-цзы и чистота его ученій, извлеченныхъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ китайской жизни, доставили ему многочисленныхъ приверженцевъ, которые посвятили себя изученію его твореній и дѣйствовали въ томъ же духѣ на общественное мнѣніе. Въ 256 г. до Р. Х. династія Чжоу была свержена съ престола. Мѣсто ея заступила династія Цинь. Императоръ Цинь Ши-Хуанъ-ди (246 — 209) принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ людей Востока. Онъ покорилъ всѣ удѣльныя княжества и возстановилъ въ Китаѣ единодержавіе. Дабы положить конецъ набѣгамъ и грабежамъ кочевыхъ племенъ, съ которыми его предшественники вели непрестанныя войны, онъ построилъ великую стѣну, имѣвшую служить сѣверной границею срединной имперіи. Эта стѣна, протянутая впослѣдствіи далѣе до самаго моря, превосходитъ колоссальностію раз-

мѣровъ всѣ другіе памятники, созданные человѣкомъ. Сверхъ того, Ши-Хуанъ-ди устроилъ удобные пути сообщенія, завоевалъ области, лежащія къ югу отъ Янъ-це-Кяна, приказалъ составить статистическую опись своихъ владѣній и положилъ основаніе административной системы, донынѣ господствующей въ Китаѣ. Нововведенія пренебрегавшаго стариною и исполненнаго смѣлыхъ замысловъ императора возбудили ропотъ ученыхъ, т. е. послѣдователей Кхун-цзы, которые составляли могущественный числомъ и вліяніемъ классъ людей. Въ ожесточенной борьбѣ съ защитниками древности, Ши-Хуанъ-ди велѣлъ сначала сжечь всѣ книги, находившіяся въ Китаѣ, а потомъ предать смерти строптивыхъ ученыхъ. 460 человѣкъ было казнено въ одной столицѣ. Но величіе дома Цинь не долго пережило Ши-Хуанъ-ди. Черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти, на престолъ вступила новая династія Ханъ, которая держалась другой, болѣе согласной съ духомъ народа политики. Уцѣлѣвшія отъ сожженія книги были тщательно собраны, и ученые получили въ государствѣ значеніе аристократическаго сословія. Въ настоящее время въ ихъ рукахъ сосредоточено все правленіе.

Однообразный ходъ китайской исторіи не допускаетъ возможности ея раздѣленія на самостоятельныя части. Древняя исторія срединной имперіи ни чѣмъ не отличается отъ новой. Главныя событія, совершившіяся въ теченіе 15-ти вѣковъ, отдѣляющихъ паденіе династіи Цинь отъ завоеванія Китая Монголами, суть: принесеніе изъ Индіи (въ 56 г. по Р. Х.) буддизма, составляющаго теперь господствующую въ низшихъ классахъ религію: высшія, или образованныя сословія исповѣдуютъ отвлеченный деизмъ Кхун-цзы: внѣшнее распространеніе государства, котораго западныя границы придвинулись къ области Каспійскаго моря; наконецъ различныя изобрѣтенія весьма важныя по себѣ, но не обнаружившія на судьбы народа того вліянія, какое тѣ же самыя изобрѣтенія обнаружили въ Европѣ. Въ X-мъ столѣтіи по Р. Х. Китайцы уже знали употребленіе пороха, книгопечатаніе, писчую бумагу, компасъ и вообще внѣшними сторонами своей образованности стояли гораздо выше западныхъ народовъ. Самый блестящій періодъ китайской образованности совпадаетъ съ царствованіемъ двухъ династій Тханъ и Сунъ отъ 618—1279 года. Но ни великая стѣна, ни умственное превосходство Китайцевъ не спасли ихъ отъ иноземнаго владычества. Уже во II-мъ столѣтіи до Р. Х. Китайцы должны были платить дань сѣвернымъ сосѣдямъ своимъ Хуннамъ и покупать у нихъ миръ. Въ 1279 г. Монголы овладѣли разложившеюся на три государства срединною имперіею и властвовали надъ нею 88 лѣтъ, по истеченіи которыхъ они были изгнаны. Но Китай не съумѣлъ сохранить своей независимости: въ 1644 году онъ подпалъ подъ власть царствующей донынѣ манжурской династіи Цинъ.

Примѣръ Китая доказываетъ, что историческое значеніе государствъ опредѣляется не столько цыфрами населенія и квадратныхъ миль, сколько духовными силами народа. Китай имѣлъ вліяніе только на племена монгольской породы, которыя постоянно, даже въ качествѣ завоевателей, подчинялись его высшей образованности. Но характеръ этой образованности чисто внѣшній. Въ китайскомъ языкѣ отразилась духовная бѣдность на-

рода. Этотъ языкъ состоитъ собственно изъ 447 или 450 звуковъ, т. е. односложныхъ словъ, которыя при помощи удареній выражаютъ разныя понятія. Есть звуки, имѣющіе до ста значеній. Слова не измѣняются по падежамъ и временамъ, и взаимное ихъ отношеніе опредѣляется только порядкомъ, въ которомъ они слѣдуютъ одно за другимъ. Азбука китайская представляетъ не менѣе странное явленіе: она почти совершенно независима и отрѣшена отъ изустнаго языка, ибо состоитъ изъ условныхъ знаковъ или іероглифовъ, изображающихъ большею частію не звуки, а предметы и понятія. Число такихъ знаковъ простирается до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, изученіе которыхъ представляетъ большія трудности, несмотря на то, что они подведены подъ 214 ключей. Китайская азбука первоначально состояла изъ изображеній видимыхъ предметовъ, къ которымъ въ послѣдствіи присоединились символическія фигуры для отвлеченныхъ понятій, и наконецъ уже звуковые, или фонетическіе знаки, соотвѣтствующіе нашимъ буквамъ, но передающіе цѣлые слоги или слова. При крайне скудномъ языкѣ и необыкновенно сложной системѣ письменъ умственное развитіе народа должно было встрѣтить много препятствій, независимо отъ другихъ историческихъ условій. Литература Китая богата сочиненіями всякаго рода, свидѣтельствующими о необыкновенномъ трудолюбіи и даже остроуміи тамошнихъ ученыхъ, но настоящаго знанія мало. Незнакомые съ просвѣщеніемъ другихъ народовъ, исполненные раболѣпнаго уваженія къ старинѣ, китайскіе ученые посвящаютъ цѣлую жизнь на усвоеніе себѣ огромнаго выработаннаго прежде матеріала и не выходятъ изъ тѣснаго круга исключительно національныхъ идей. Можно смѣло сказать, что духовное содержаніе китайской образованности не получило никакихъ приращеній со временъ Кхун-цзы. Владычество ученыхъ, которымъ ввѣрены всѣ государственныя должности, поддерживаетъ существующую систему, съ паденіемъ которой должно пасть ихъ собственное значеніе. Патріархальныя формы не соотвѣтствуютъ болѣе характеру многочисленнаго, испорченнаго народа и выражаются только внѣшнимъ образомъ, въ лицемѣрномъ соблюденіи древнихъ обрядовъ и обычаевъ. Разнообразныя религіозныя вѣрованія, господствующія въ Китаѣ, не въ состояніи поддержать упадающей нравственности народа, у котораго до сихъ поръ почти не просыпалась жажда высшей духовной истины. Событія послѣднихъ десятилѣтій, обнаружившія вполнѣ слабость и внутреннее разложеніе срединнаго царства, открыли въ то же время новые пути европейскимъ вліяніямъ и положили конецъ той національной исключительности, которая отчасти довела Китай до его нынѣшняго состоянія.

Въ китайскомъ государствѣ монгольская порода выразила свое призваніе къ образованности и свою способность къ формамъ гражданской жизни. Выше этой ступени она еще не поднималась въ исторіи. Мы перейдемъ теперь къ судьбамъ Бѣлой, или Кавказской породы, которая при самомъ вступленіи своемъ въ исторію распадается на двѣ большія отрасли, рѣзко отмѣченныя свойствомъ языковъ и нравственными особенностями народовъ,— Семитическую и Индо-Германскую.

АРІЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

1. Зендская отрасль.

Древнѣйшіе слѣды исторической жизни Индо-Германцевъ приводятъ насъ къ подножью Индукуша, горнаго хребта, отдѣляющаго восточную часть возвышенной плоскости азіатскаго материка отъ западной. На Югъ и на Западъ отъ Индукуша, между рѣками Оксомъ (Аму-Дарія), Тигромъ и Индомъ тянется обширное, отмѣченное изумительнымъ разнообразіемъ почвы и климата пространство, называемое Ираномъ. Здѣсь впервые встрѣчаемъ мы Айрійское, или Арійское племя. У Арійцевъ сохранилось сказаніе о первобытной ихъ родинѣ, Айрьянѣ-Ваеджѣ, лежавшей, по всей вѣроятности, у истоковъ Окса. Страна эта, говоритъ сказаніе, превосходила богатствомъ и красотою всѣ остальныя части міра. Но климатъ измѣнился: мѣсто продолжительнаго лѣта заступила жестокая десятимѣсячная зима, принудившая Арійцевъ покинуть прежнюю, нѣкогда прекрасную родину и искать себѣ новыхъ жилищъ. Театромъ ихъ странствованій былъ верхъ Ирана. Исполненное глубокаго смысла преданіе изображаетъ постепенный переходъ отъ кочеваго пастушескаго быта къ земледѣльческому и гражданскому. Установителемъ послѣдняго былъ Іима-Кшаета, т. е. Іима Блистательный, въ позднѣйшемъ искаженіи Джемшидъ. Онъ пришелъ съ народомъ своимъ въ землю Варъ (неизвѣстную намъ часть Ирана, быть можетъ Бактрію), построилъ города, соединилъ ихъ дорогами, составилъ законы и провелъ въ недавно занятой имъ почвѣ глубокую борозду золотымъ кинжаломъ, полученнымъ имъ въ даръ отъ божества. Тогда земля покрылась растеніями; полезныя человѣку животныя расплодились, и водворилось общее благоденствіе. Поселившіеся въ Варѣ Арійцы называются по языку, которымъ они говорили и на которомъ писаны ихъ священныя книги, Зендскими, въ отличіе отъ соплеменныхъ имъ Арійцевъ Индійскихъ, которые во время общаго странствованія перешли за Индъ.

Устроенное Іимою государство продолжало процвѣтать при потомкахъ его (династія Пишдадіевъ); но сыновья внука его Феридуна поссорились между собой и основали два враждебныя царства Иранъ и Туранъ. Послѣднее лежало къ Сѣверу отъ Окса, или Аму-Даріи, и заключало въ себѣ дикіе народы, еще не знакомые съ благами образованной гражданской жизни. Историческая борьба между Ираномъ и Тураномъ получила впослѣдствіи высшее, символическое значеніе. Въ ней выразилась для послѣдователей Заратуштры внѣшнимъ образомъ вѣчная распря добра со зломъ, свѣта съ мракомъ, Ормузда съ Ариманомъ.

По пресѣченіи рода Пишдадіевъ въ Иранѣ царствовала династія Кааніевъ (отъ слова ка — царь на языкѣ древнихъ Персовъ; кава по зендски). Царствованіемъ кавы Вистаспы, или Густаспа, замыкаются историческія пре-

данія Зендскихъ Арійцевъ. У насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія времени, когда жилъ кава Вистаспа, современникомъ котораго былъ Заратуштра, болѣе извѣстный подъ испорченнымъ именемъ Зороастра. Изъ дошедшихъ до насъ скудныхъ извѣстій видно, что Заратуштра явился въ эпоху упадка первобытныхъ религіозныхъ вѣрованій Зендскаго народа. Его дѣломъ было возстановленіе и, какъ кажется, приведеніе въ систематическое единство этихъ вѣрованій, основанныхъ на обоготвореніи силъ природы и отвлеченныхъ нравственныхъ понятій. Вотъ вкратцѣ содержаніе ученій, приписываемыхъ Заратуштрѣ. Въ началѣ существовало одно только безконечное, несозданное время (Зрване-Акаране). Отъ Зрване-Акаране произошли Аурамазда, или Ормуздъ, и Аграмайніу, или Ариманъ. Ормуздъ есть всесовершенный, всевидящій и чистѣйшій создатель міра. Его окружаютъ и служатъ ему свѣтлая іерархія духовъ: 6-ть Амеша-Спенти: 28 Язатовъ, или Изедовъ, между которыми особенно замѣчательны Митра (Солнечный свѣтъ) и Серожъ (слово), сверхъ того безчисленные Фроваши, или Феруеры, т. е. божественныя идеи, первообразы всего существующаго. У каждаго человѣка, у каждаго живаго существа есть свой Феруеръ, т. е. его чистый первообразъ, его живой духъ. Міръ, созданный Ормуздомъ, былъ міромъ свѣта и добра. Внѣ его лежитъ царство Аримана, источника тьмы, зла и всего нечистаго. Ариману повинуются Девы, духи зла: они искажаютъ твореніе Ормузда. Но борьба послѣдняго съ Ариманомъ должна кончиться полнымъ торжествомъ свѣта. Самъ Ариманъ возвратится въ сонмъ чистыхъ духовъ, отъ которыхъ онъ нѣкогда отложился.

Дуализмъ, борьба двухъ противоположныхъ отвлеченныхъ началъ, олицетворенныхъ въ Ормуздѣ и Ариманѣ, составляетъ отличительный характеръ азіатской религіи. Мы упомянули выше о простыхъ основахъ этихъ вѣрованій, первоначально общихъ зендскимъ и индійскимъ Арійцамъ. Ученія, приписываемыя Заратуштрѣ, представляютъ намъ уже позднѣйшую, подъ вліяніемъ жреческихъ умозрѣній и другихъ условій развившуюся религіозную систему. Совокупность этихъ ученій была изложена въ Авестѣ (т. е. текстѣ), составленіе которой принадлежитъ конечно не одному Заратуштрѣ и было, вѣроятно, дѣломъ нѣсколькихъ поколѣній жрецовъ. Авеста заключала въ себѣ, по персидскимъ преданіямъ, 21 отдѣлъ, или наскъ. До насъ дошли только отрывки, частью въ переводахъ на позднѣйшія нарѣчія Персовъ. Остальное погибло или было истреблено въ эпоху Македонскаго завоеванія. Содержаніе уцѣлѣвшихъ отрывковъ составляютъ религіозные гимны, молитвы, изложеніе отдѣльныхъ догматовъ и разговоръ Ормузда съ Заратуштрою, предлагающимъ божеству разные вопросы (въ Вендидадѣ). Въ Европѣ эти памятники сдѣлались извѣстными не ранѣе половины прошлаго столѣтія; но французскій переводъ Зендъ-Авесты, изданный Анкетилемъ Дюперрономъ, крайне неудовлетворителенъ, особенно при нынѣшнемъ состояніи восточной филологіи. Зендскіе тексты могутъ быть объяснены только при пособіи родственнаго зендскому санскритскаго языка, котораго не знали ни Анкетиль, ни его наставники Парсы, или Гебры, исповѣдующіе ученіе Заратуштры, поклонники огня, досселѣ существующіе въ Индіи и на бере-

тахъ Каспійскаго моря въ Баку. Народъ Зендскій раздѣлялся на четыре сословія: жрецовъ (atharva); воиновъ (rathaestar, т. е. стоящіе на колесницѣ; земледѣльцевъ (vaiçtrya) и ремесленниковъ. Жрецы составляли главное наслѣдственное сословіе, или касту, сохранившуюся подъ именемъ маговъ въ позднѣйшихъ царствахъ Мидійскомъ и Персидскомъ. Если царь не принадлежалъ по рожденію къ кастѣ жрецовъ, то онъ, по всей вѣроятности, причислялся къ ней при вступленіи на престолъ. Жрецы занимали важнѣйшія государственныя должности: изъ нихъ избирались судьи и десторы, или правители округовъ. Во главѣ каждаго изъ трехъ высшихъ сословій стоялъ отдѣльный начальникъ. Только у четвертаго сословія, къ которому сверхъ ремесленниковъ принадлежали купцы, не было начальника: вообще оно занимало, какъ видно, весьма низкое положеніе въ древнѣйшемъ государствѣ, въ которомъ не могла еще развиться городская жизнь. Все гражданское законодательство Авесты находится въ тѣсной связи съ нравственными ученіями и основано на непосредственныхъ заповѣдяхъ Ормузда.

Сверхъ полумиоическаго Вара, Зендская вѣтвь Арійскаго племени основала еще государства Бактрійское, Мидійское и Персидское. Судьбы перваго намъ неизвѣстны; въ глубокой древности оно уже было покорено Ассирійцами, владычество которыхъ простиралось почти на весь Иранъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, Бактрія была театромъ дѣятельности Заратуштры. Исторія Мидіи и Персіи будетъ изложена далѣе. Мы перейдемъ теперь къ Арійцамъ Индійскимъ.

2. Индійскіе Арійцы.

Chr. Lassen, Indische Alterthumskunde, 1843—1853, 2 тома. Самое полное собраніе относящихся къ древней Индіи свѣдѣній. Weber, Akademische Vorlesungen über Indische Litteraturgeschichte. Berlin, 1852.

Къ Югу отъ Гималайскаго хребта, составляющаго его сѣверную и сѣверо-восточную границу, лежитъ великій Индійскій полуостровъ. На Сѣверо-Западѣ его отдѣляютъ отъ Ирана горы, спускающіяся къ правому берегу Инда. Южная часть полуострова, заключающаго въ себѣ около 65,000 кв. миль съ 140 или 150 милліонами населенія, выдается въ море. Виндійскія горы (Vindhia) и ихъ отрасли раздѣляютъ переднюю Индію на два большіе треугольника, изъ которыхъ сѣверный, континентальный, носитъ названіе Индостана въ тѣсномъ смыслѣ, южный, съ трехъ сторонъ омываемый моремъ, называется Деканомъ. Ни одна изъ историческихъ странъ Востока не протянута такъ далеко на Югъ, какъ передній Индійскій полуостровъ, лежащій между 34½ и 6-мъ град. сѣв. широты. Весьма небольшая, начинающаяся близъ Кантона часть китайскихъ владѣній находится за тропикомъ; Вавилонія едва достигаетъ до 30-го гр. сѣв. широты; одна Нильская долина представляетъ въ этомъ отношеніи, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, нѣкоторое сходство съ Индіею, большая часть которой

принадлежитъ къ тропическимъ странамъ. Но необычайное богатство и разнообразіе индійской природы условлено не одною широтою географическаго положенія. Почти весь Индостанъ состоитъ изъ обширной равнины, главную часть которой составляютъ низменности, образуемыя теченіемъ Инда и Гангеса. Орошаемая множествомъ притоковъ область средняго и нижняго Гангеса считается по справедливости садомъ и житницею Индіи. Земля даетъ тамъ двѣ и даже три жатвы въ годъ. Произведенія растительнаго и животнаго царства отличаются своими противуположностями. Тропическія растенія зрѣютъ въ виду покрытой вѣчными снѣгами и произведеніями полярныхъ странъ Гималаіи. Климатъ постепенно переходитъ отъ Гималайской стужи къ влажной и теплой температурѣ Гангесской долины. У Инда жары сильнѣе и воздухъ суше. Вообще берега послѣдней рѣки не плодородны. Часть лѣваго берега входитъ въ составъ большой тянущейся къ востоку песчаной пустыни. Но Пенджабъ, или Пятирѣчіе, служитъ исключеніемъ и доставляетъ въ изобиліи все нужное для жизни земледѣльческаго народа. По ту сторону Виндійскаго хребта почва подымается и образуетъ плоскую возвышенность Декана, спускающуюся на Западъ и на Востокъ уступами Гатовъ. Тропическій зной умѣряется здѣсь высотою положенія. За исключеніемъ узкой низменной полосы, между Гатами и моремъ, природа гораздо бѣднѣе, чѣмъ въ Гангесской долинѣ. Нигдѣ не расточаетъ она впрочемъ такъ щедро даровъ своихъ, какъ на составляющемъ географическое продолженіе Индіи и тѣсно связанномъ съ нею исторіею островѣ Цейлонѣ (Ланка). Это по преимуществу страна пальмъ, пряныхъ растеній и драгоцѣнныхъ камней. Жатва собирается три раза въ годъ. У береговъ происходитъ богатая ловля жемчуга. Находящееся въ Рамаянѣ сказаніе о завоеваніи Ланки Рамою свидѣтельствуетъ о древнихъ сообщеніяхъ острова съ ближайшею частію материка.

Благодаря такому богатству природы, удовлетворяющей всѣмъ потребностямъ туземнаго населенія, Индія не имѣетъ надобности въ другихъ народахъ. Но ея сокровища въ продолженіи тысячелѣтій не перестаютъ привлекать иноземныхъ завоевателей и купцовъ. Древній путь, которымъ проходили войска и торговые караваны, шелъ съ С.-З. черезъ Пенджабъ. Вообще, Индія имѣла съ Ираномъ частыя, хотя невольныя сношенія, въ которыхъ она постоянно играла страдательную роль. Отношенія ея къ восточнымъ сосѣдямъ были другого рода: она сама дѣйствовала на нихъ своими религіозными вѣрованіями и идеями. Вліяніе ея не ограничилось Китаемъ и загангесскимъ полуостровомъ, принявшими отъ нея Буддизмъ; оно проникло глубоко въ среднюю Азію до предѣловъ нашей Сибири и распространилось на лежащій къ Ю.-В. отъ нея архипелагъ, въ особенности на острова Яву и Суматру. Открытый Португальцами въ исходѣ XV столѣтія морской путь проложилъ къ Индіи свободный доступъ судамъ и не прекращавшемуся съ тѣхъ поръ вліянію Европейскихъ народовъ. Въ настоящее время она сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ породъ и племенъ человѣческихъ. Завоеванія и торговля соединили на индійской почвѣ Монголовъ и Малайцевъ, Иранцевъ и Семитовъ, Африканцевъ и Европейцевъ.

Выше было сказано, что часть Арійцевъ перешла черезъ Индъ, отложившись отъ своихъ оставшихся въ Иранѣ соплеменниковъ. Эти индійскіе Арійцы, или Индусы, какъ мы ихъ будемъ отнынѣ называть, поселились первоначально въ Пенджабѣ, откуда владычество ихъ постепенно распространилось на весь Индостанъ и значительную часть остальнаго полуострова. Туземное населеніе, состоявшее изъ народовъ Деканскихъ, по всей вѣроятности кавказской породы, и Виндійскихъ, близкихъ къ черной, не могло удержать напора пришельцевъ, которые отодвинули его на Югъ къ Виндійскому хребту и на Сѣверъ, къ подножію Гималаія. Общее происхожденіе Индусовъ съ Зендскими народами доказывается тѣсною связью языковъ зендскаго и санскритскаго (древне-индійскаго), именемъ Арійцевъ, которымъ называютъ себя три высшія касты Индусовъ (слово Arya обратилось здѣсь въ прилагательное, значущее благородные, достойные уваженія) и уцѣлѣвшими обломками нѣкогда общихъ обѣимъ отраслямъ вѣрованій и быта. Изложеніе этихъ вѣрованій въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до раздѣленія племени и до перехода одной половины Арійцевъ за предѣлы Ирана, теперь невозможно, ибо ихъ дальнѣйшее развитіе происходило съ одной стороны подъ могучимъ вліяніемъ индійской природы, съ другой — при особенныхъ, намъ мало извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ совершенная или доконченная Заратуштрою религіозная реформа. Поразительнымъ свидѣтельствомъ уклоненія отъ одного общаго корня служитъ слово *дева*, которое у Индусовъ принимается въ древнѣйшемъ, повидимому, смыслѣ божества, а въ Авестѣ уже означаетъ злаго духа. За то Зендскій Аура (Ормуздъ) отнесенъ въ индійской миѳологіи подъ именемъ Азуры къ числу злыхъ духовъ. Изъ сохранившихся по обѣимъ сторонамъ Инда религіозныхъ обычаевъ и преданій мы укажемъ на слѣдующіе. Поклоненіе и жертвоприношенія Сомѣ (санскритское Сома совершенно соотвѣтствуетъ зендскому Ома, Haoma) остались у обоихъ народовъ. Сома есть божество и въ то же время растеніе и выжимаемый изъ этого растенія сокъ, который пьется съ извѣстными богослужебными обрядами. Эпитеты Сомы одни и тѣже въ Санскритскихъ и Зендскихъ памятникахъ. У обоихъ народовъ существовалъ обычай препоясанія мальчиковъ, вслѣдствіе котораго они вступали въ священный составъ своей касты или племени. У тѣхъ и другихъ находимъ мы сказаніе о Іимѣ, или Ямѣ. Послѣдній (въ санскритской формѣ) является судьею мертвыхъ; роль законодателя и устроителя гражданскаго общества перешла у Индусовъ на брата его Ману. Но родословныя индійскаго Ямы и зендскаго Іимы представляютъ большое сходство.

Исторіи въ собственномъ смыслѣ мы не найдемъ у Индусовъ. У нихъ нѣтъ хорошихъ лѣтописей или другихъ достовѣрныхъ историческихъ сочиненій, но древнія судьбы народа, въ особенности перемѣны, совершившіяся въ его внутренней жизни, могутъ быть изложены по другимъ памятникамъ санскритской литературы. Самый языкъ, на которомъ писаны эти памятники, занимаетъ по своему благозвучію, богатству и совершенству грамматическихъ формъ первое мѣсто между индо-германскими языками и былъ по

праву назвать ихъ средоточіемъ. Онъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ развитаго мышленія и также отчетливо передаетъ тончайшіе оттѣнки поэтическаго чувства, какъ самыя отвлеченныя философскія понятія. Слово (Watch) и Рѣчь (Saraswati) были для Индусовъ предметами религіознаго поклоненія. Мы уже видѣли подобное явленіе у Зендскихъ Арійцевъ, принимавшихъ слово (Serosch) за одного изъ 28 Язатовъ, или Изедовъ. Санскритскій языкъ давно вышелъ изъ устнаго употребленія и сохранился только въ книгахъ, доступныхъ однимъ ученымъ. Еще въ глубокой древности отъ него отдѣлились народныя нарѣчія, извѣстныя подъ именемъ Пракрита. Эти языки относятся къ санскритскому такъ, какъ романскіе языки новой Европы относятся къ латинскому. Языки Деканскіе, несмотря на примѣсь санскритскихъ словъ, принадлежатъ къ другой группѣ, еще недостаточно опредѣленной лингвистическими изслѣдованіями.

Во главѣ произведеній санскритской литературы стоятъ четыре Веды. 1-я Ригъ-Веда, богатый сборникъ религіозныхъ и другихъ пѣсенъ, возникшихъ въ народѣ еще во время его пребыванія въ Пенджабѣ. Не всѣ эти пѣсни относятся къ богослуженію. Онѣ отличаются свѣжестью и глубиною создавшаго ихъ чувства. 2-я Яджуръ-Веда и 3-я Сама-Веда содержатъ въ себѣ молитвы и религіозные гимны, значительная часть которыхъ заимствована изъ Ригъ-Веды, но уже въ примѣненіи къ извѣстнымъ обрядамъ и жертвоприношеніямъ. Позже другихъ произошла четвертая. Атхарва-Веда. Она нѣкоторымъ образомъ служитъ дополненіемъ къ первой Ведѣ, ибо въ ней находятся, между прочимъ, сложенныя очевидно послѣ выхода Индусовъ изъ Пенджаба молитвы и заклинанія разнаго рода. Къ Ведамъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. гимнамъ, поэтической части, которая называется Самхитою, примкнули впослѣдствіи обширныя приложенія или комментаріи: Браманы, къ которымъ принадлежатъ частію Упанишады и Сутры. Къ одной Атхарва-Ведѣ относятся болѣе 50 (52?) Упанишадъ. Эти комментаріи: Браманы, Упанишады и Сутры возникли въ разныя времена и въ разныхъ школахъ. Они заключаютъ въ себѣ въ зародышѣ всю позднѣйшую санскритскую литературу. Въ нихъ уже можно найти начало развившихся гораздо позже религіозныхъ и философскихъ системъ. Комментаторы обращали большое вниманіе на грамматику, которая рано достигла у Индусовъ высокаго совершенства. Вѣрованія и бытъ перешедшихъ за Индъ и поселившихся въ Пенджабѣ Арійцевъ были весьма просты, по свидѣтельству Ригъ-Веды. Предметами религіознаго поклоненія были силы природы и духа въ ихъ главныхъ проявленіяхъ. Высшія божества, упоминаемыя въ Ведахъ, суть Индра—Эѳиръ, сіяющее небо. Индра держитъ въ рукахъ своихъ громъ и молнію. Его можно принять за главу Ведическихъ боговъ. Савитри, солнце (зендскій Митра является здѣсь въ качествѣ полуденнаго солнца): Агни, огонь, представитель свѣта на землѣ, наконецъ Варуна, небесная влага, источникъ водъ, твердь всеобъемлющая и всезрящая. Варуна поставленъ въ непосредственное отношеніе къ человѣку, самыя таинственныя дѣла котораго ему открыты. Слѣды господствовавшаго поклоненія свѣту очевидны: почти всѣ переходные оттѣнки между свѣтомъ

и тьмою олицетворены въ отдѣльныхъ божествахъ. По числу обоготворенныхъ явленій можно судить о большемъ богатствѣ и разнообразіи природы въ новой родинѣ Арійцевъ. Отъ названныхъ доселѣ боговъ отличается, какъ представитель духовной или нравственной жизни, Браманаспати, или Брихаспати, олицетвореніе напряженнаго благочестіемъ духа, покровитель молитвы, посредникъ между богами и людьми.

Жившіе въ Пятирѣчіи Арійцы раздѣлялись на племена и общины, которыхъ члены назывались виса, т. е. осѣдлые. У каждой общины былъ свой князь виспати, или рачжа. Земледѣліе и скотоводство составляли главныя занятія народа. Каждый отецъ семейства былъ жрецомъ въ собственномъ домѣ: онъ зажигалъ огонь и совершалъ священные обряды. Но для общественныхъ жертвоприношеній рачжи приглашали мужей, извѣстныхъ мудростію и знаніемъ обрядовъ (purohita). Пурогиты отдѣльныхъ племенъ враждовали между собою и составляли особыя сословія. Вообще дѣленіе на касты еще не извѣстно народу, къ отличительнымъ чертамъ котораго принадлежитъ, между прочимъ, воинственная отвага и предпріимчивость. Женщины пользовались большою свободою. Мужъ и жена считались владыками дома (dampati).

Подъ вліяніемъ новыхъ условій этотъ порядокъ долженъ былъ уступить мѣсто другому, изображенному въ законахъ Ману и въ великихъ эпопеяхъ Рамаянѣ и Магабаратѣ. Трудно опредѣлить время, когда явилось законодательство, приписываемое Ману. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно испытало значительныя измѣненія и дошло къ намъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Несмотря однако на позднѣйшую редакцію этого памятника, онъ носитъ на себѣ несомнѣнные признаки глубокой древности, ибо въ немъ вовсе не упоминается о нѣкоторыхъ обычаяхъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ общее употребленіе. Законы Ману состоятъ изъ 12-ти книгъ, объемлющихъ вполнѣ общественную и частную жизнь Индусовъ. Миѳическій законодатель начинаетъ сказаніемъ о сотвореніи міра, переходитъ потомъ къ воспитанію и законамъ о бракѣ, къ семейнымъ обязанностямъ, къ праздникамъ и обрядамъ очищенія, къ богослуженію, къ формамъ правленія и законодательству, торговлѣ, смѣшаннымъ кастамъ, покаянію. Онъ заключаетъ ученіемъ о переселеніи душъ и о загробной жизни. За законами Ману слѣдуютъ названныя нами выше эпическія поэмы Рамаяна и Магабарата. Содержаніе Рамаяны составляютъ подвиги Рамы, или седьмое воплощеніе бога Вишну, сошедшаго на землю въ образѣ героя Рамы, для того чтобы положить конецъ злодѣяніямъ жившаго на островѣ Ланкѣ (Цейлонѣ) царя исполиновъ Раваны. Въ Магабаратѣ (великой войнѣ), которая объемомъ своимъ вчетверо превосходитъ Рамаяну и заключаетъ въ себѣ 100,000 двустишій (слокъ), описывается распря между потомками Куру и Панды, театромъ которой были берега Ганга, уже заселенные Арійскими племенами. Къ основному сказанію обѣихъ эпопей присоединились многочисленные эпизоды, очевидно позднѣйшаго происхожденія и не имѣющіе никакого органическаго отношенія къ цѣлому. Такъ напримѣръ, въ Магабарату вставлено большое, изъ 18 частей состоящее стихотвореніе Багавадгита, въ которомъ находится полное изложеніе индійскаго

пантеизма. Есть вставки, явно обличающія частныя цѣли религіозныхъ сектъ и философскихъ школъ, возникшихъ въ періодъ развитія браманизма. Вотъ почему мы должны признать, что индійскія эпопеи сложились постепенно и не могли быть сочинены двумя поэтами Вальмики и Віазою, которыхъ историческое существованіе такъ-же мало можетъ быть доказано, какъ существованіе Ману, именемъ котораго названо гражданское устройство, образовавшееся изъ результатовъ всей предшествовавшей жизни Индійскихъ Арійцевъ. Рамаяна и еще въ бóльшей степени Магабарата суть произведенія цѣлаго народа и нѣсколькихъ вѣковъ. Въ связи съ этими поэмами находятся 18 Пуранъ, огромные по объему памятники (въ нихъ считается до 800,000 слокъ), представляющіе пеструю смѣсь миѳическихъ и историческихъ преданій.

За XII вѣковъ до Р. Х. или даже ранѣе Арійцы уже покорили нынѣшній Индостанъ, подвигаясь изъ Пенджаба въ двухъ направленіяхъ на Ю.-З. по теченію Инда до самаго его устья и на Ю.-В. вдоль Гангесской долины. Послѣдняя сдѣлалась театромъ главныхъ событій Индійской древности и средоточіемъ всего дальнѣйшаго развитія народной жизни. Здѣсь окончательно опредѣлились религія и государство Индусовъ. Отсюда ихъ вѣрованія, образованность и языкъ проникли къ народамъ Деканскимъ и далѣе на Югъ до острова Цейлона. На гангесской долинѣ Арійскія общины, состоявшія дотолѣ подъ властію наслѣдственныхъ вождей, слились въ большія массы, или государства. Мы знаемъ нѣсколько такихъ государствъ на берегахъ священныхъ рѣкъ Гангеса и Джумны (Ямуны). Небольшая вытекающая изъ предгорій Гималая рѣчка Сарасвати получила въ этотъ періодъ Индійской исторіи высокое священное значеніе. Она сдѣлалась границею между Браманскою Индіею и Западными странами. Между Сарасвати и Дримадвати находилась Брамаварта, область Брамы, гдѣ хранились чистѣйшія ученія. Къ Востоку отъ Брамаварты, по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Джумны и Гангеса, лежала Мадьядешъ, или Срединная страна. Низовья Гангеса, т. е. нынѣшній Бенгалъ, составляли восточный край Арійскихъ владѣній въ Индостанѣ, которыхъ совокупность называлась Аріавартою. Отличительною чертою новыхъ политическихъ учрежденій было раздѣленіе народа на касты, т. е. безвыходныя, замкнутыя сословія съ наслѣдственностію занятій. Происхожденіе кастъ, теряющееся во мракѣ глубокой древности, объяснялось различнымъ образомъ. Обыкновенно ихъ принимаютъ за результатъ завоеванія, обращающаго цѣлый народъ побѣдителей въ господствующее, а побѣжденныхъ въ низшія сословія новаго государства. Нѣсколько послѣдовательныхъ завоеваній одной страны разными народами образуютъ столько же общественныхъ слоевъ, лежащихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ приходили иноплеменники. Древнѣйшее туземное населеніе находится въ такомъ случаѣ въ самомъ низу. Согласно съ этою теоріею происхожденія кастъ, Арійцы составили высшіе классы въ подвластной имъ странѣ (Аріавартѣ) и обрекли покоренное ими населеніе на службу себѣ. Слово каста есть чужое, принесенное въ Индію извнѣ; ему соотвѣтствуетъ санскритское варна (varna), означающее собственно цвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ не только уцѣлѣвшіе среди завоевателей остатки настоящихъ туземцевъ, принадлежащихъ къ нечи-

стымъ, презрѣннымъ кастамъ, но четвертая, низшая каста слугъ (судра) отличается отъ трехъ высшихъ, т. е. Арійскихъ, болѣе смуглымъ цвѣтомъ лица, обличающимъ иную породу. Теперь доказано, что именемъ Судра назывался цѣлый народъ, жившій повидимому еще до пришествія Арійцевъ на низовьяхъ Инда. Но принимая завоеваніе за единственную причину образованія кастъ, мы не будемъ имѣть возможности объяснить раздѣленіе самихъ Арійцевъ на замкнутыя и раздѣленныя неприступными рубежами сословія жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ. Надобно слѣдовательно допустить другія, одновременно съ завоеваніемъ дѣйствовавшія причины такого раздѣленія.

Въ гимнахъ Ведъ еще не упоминается о кастахъ, но въ нихъ уже видно высокое значеніе жреца (purohita), отъ „обращенія съ которымъ зависитъ счастіе и несчастіе властителей". Это значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ трудности жреческаго сана возрасли въ сильной степени, когда число жертвоприношеній увеличилось, а обряды стали сложнѣе. Пурогита былъ не только обязанъ знать порядокъ и формы богослуженія, но еще собирать и хранить въ памяти относившіеся къ этому служенію священные гимны. Гимны въ свою очередь требовали объясненія, основаннаго на изученіи всей религіозной системы Индусовъ. Такимъ образомъ возникла цѣлая наука, переходившая обыкновенно отъ отца къ сыну и потому доступная немногимъ семействамъ, тѣсно между собою связаннымъ общими занятіями и выгодами. Наслѣдственная передача знаній привела за собою наслѣдственность правъ и вліянія. Сынъ пурогиты сдѣлался его законнымъ и необходимымъ преемникомъ. Школы (çakhâ), въ которыхъ объяснялась жреческая наука, были открыты только юношамъ, принадлежавшимъ по рожденію къ жреческимъ семействамъ. Такъ отдѣлилась отъ остальнаго народа каста брамановъ. Слово браманъ означаетъ приносящаго молитву богамъ. Законодательство Ману изображаетъ страшное могущество, до котораго достигли браманы въ эпоху происхожденія этого памятника. Въ качествѣ посредниковъ между богами и людьми, они стояли во главѣ общественнаго порядка. Имъ однимъ принадлежало право толковать Веды. Изъ ихъ сословія исключительно выходили главные совѣтники царей, ученые, правовѣды, врачи, однимъ словомъ всѣ представители умственной жизни Индусовъ. Имъ предоставленъ былъ надзоръ за точнымъ соблюденіемъ опредѣленнаго религіею порядка въ жизни другихъ кастъ. Этому надзору были равно подчинены политическая дѣятельность государей и самые мелкіе поступки частныхъ лицъ. Жизнь и собственность брамана считались неприкосновенными даже въ случаѣ совершеннаго имъ преступленія. Земли его были свободны отъ податей. Всякое оскорбленіе, ему нанесенное, влекло за собою жестокое наказаніе. Судрѣ, дерзнувшему обратиться къ браману съ какимъ-нибудь наставленіемъ, заливали ротъ и уши кипящимъ масломъ. Съ своей стороны браманы были обязаны вести строгій, въ малѣйшихъ подробностяхъ предписанный религіозными уставами образъ жизни. Происхожденіе и назначеніе второй, слѣдующей за браманами касты кшатріевъ, т. е. воиновъ, объясняется самымъ ея именемъ. Зендское хшатра значитъ царь; въ Ведахъ же подъ словомъ кшатра разумѣется сила, могущество. Мы видѣли, что до выхода

ихъ изъ Пенджаба индійскіе Арійцы дробились на общины, которыми правили отдѣльные, независимые князья. Переселеніе на Гангесскую долину положило конецъ этому порядку вещей.

Въ Мадьядешѣ возникли древнѣйшія индійскія государства, которыхъ цари подчинили себѣ окрестныхъ общинныхъ князей и стали относительно ихъ въ положеніе верховныхъ вождей, или самрачжей. Тоже самое явленіе повторилось потомъ во всей Аріавартѣ. Лишившіеся прежней власти княжескіе роды не вошли однако въ массу низшаго народа, а образовали особенное сословіе, касту воиновъ, отмѣченную въ индійскихъ преданіяхъ ей исключительно принадлежавшимъ героизмомъ. Рамаяна и Магабарата славятъ преимущественно доблести кшатріевъ. Не безъ спора уступили они первое мѣсто браманамъ. Объ этомъ спорѣ свидѣтельствуетъ между прочимъ превосходный эпизодъ Рамаяны, въ которомъ разсказана распря царя Висвамитры съ браманомъ Васиштою. Поводомъ къ распрѣ была одаренная безсмертіемъ и волшебными силами корова Забава, которую царь хотѣлъ отнять у отшельника. Войско царя гибнетъ въ безполезныхъ усиліяхъ овладѣть Забавою. Пламенемъ благочестія своего Васишта спалилъ вождей царскихъ. Тогда побѣжденный Висвамитра рѣшается употребить противъ врага его же оружіе. Неслыханными подвигами покаянія онъ колеблетъ установленный порядокъ мірозданія; солнце меркнетъ отъ блеска его совершенствъ, и приведенные въ ужасъ боги умоляютъ Браму положить конецъ покаянію Висвамитры исполненіемъ его требованій. Брама даруетъ ему мудрость брамана; но возрожденный духовно царь забываетъ свою ненависть къ Васиштѣ и примиряется съ нимъ. Смыслъ этого сказанія ясенъ. Висвамитра является въ немъ представителемъ древняго воинственнаго быта, уцѣлѣвшаго, повидимому, въ Пенджабѣ, но уступившаго въ позднѣйшей родинѣ Индійскихъ Арійцевъ мѣсто преобладанію жреческой касты, высокое превосходство которой выражено въ лицѣ Васишты. Главное оружіе кшатріевъ составляли лукъ и стрѣлы. Въ битвахъ употреблялись военныя колесницы и слоны. О пользѣ, приносимой этими животными человѣку, упоминаютъ уже Веды. По отдѣленіи Брамановъ и кшатріевъ съ присвоенными имъ занятіями, торговля, земледѣліе и скотоводство достались на долю третьей касты, Вансіевъ (Vaiçya). Эти три касты составляютъ народъ Аріевъ. Ихъ члены называются дважды рожденными (dviga), ибо торжественный обрядъ, сопровождающій принятіе юноши въ касту его родителей, знаменуетъ его вторичное рожденіе. Четвертая каста слугъ, или Судръ, составилась изъ покоренныхъ туземцевъ, какъ уже замѣчено выше, и обречена была на служеніе чистымъ Арійцамъ. Чтеніе Ведъ запрещено Судрамъ. Въ настоящее время вторая и третья касты почти вымерли въ Индостанѣ, и Судры составляютъ большинство промышленнаго и земледѣльческаго класса. Нельзя при этомъ не замѣтить сходство между Зендскими сословіями и Индійскими кастами, на развитіе которыхъ дѣйствовали, быть можетъ, между прочимъ и вынесенныя изъ Ирана воспоминанія. Впрочемъ, въ Иранѣ одни жрецы составляли настоящую касту; остальные классы народа не были такъ рѣзко раздѣлены между собою, какъ въ Индіи. Сверхъ названныхъ досел҃ существовали еще

многія другія, смѣшанныя, или нечистыя касты, образованіе которыхъ объясняется частію запрещенными закономъ браками между членами разныхъ кастъ, частію происхожденіемъ отъ порабощенныхъ Арійцами, полудикихъ племенъ. Нечистыя касты не входятъ собственно въ составъ арійскаго государства и занимаются ремеслами, недостойными настоящаго Индуса. Ниже всѣхъ стоятъ Паріи, которымъ запрещено жить въ сосѣдствѣ городовъ и селеній. Ихъ прикосновеніе, самое дыханіе оскверняютъ людей и предметы. Даже вода, на которую пала тѣнь Паріи, теряетъ, по мнѣнію Индусовъ, чистоту свою.

Индійскіе Арійцы никогда не составляли одного государства. Полуостровъ былъ постоянно раздѣленъ на нѣсколько царствъ. Царскія династіи большею частію, хотя не всегда, происходили отъ военной касты. Власть царя была ограничена браманами, изъ которыхъ онъ избиралъ главныхъ сановниковъ своихъ. За исключеніемъ земель браманскихъ, вся почва въ государствѣ принадлежала царю, который отдавалъ отдѣльные участки во временное владѣніе, или пользованіе своимъ подданнымъ. Главное занятіе и обязанность царя заключались въ судѣ и расправѣ. Онъ былъ верховнымъ представителемъ правды на землѣ своей. Въ каждой области былъ свой изъ десяти опытныхъ и ученыхъ брамановъ состоявшій судъ. Рѣшенія областныхъ судовъ подлежали разбору высшаго, находившагося при царскомъ дворѣ. Въ числѣ судебныхъ доказательствъ находимъ ордаліи, или такъ называемые божіи суды (посредствомъ вѣсовъ, огня, яда и т. д.). Области каждаго государства были раздѣлены на округа и другіе болѣе дробные участки, при чемъ обыкновенно соблюдалась десятичная система. Десять селеній составляли малый округъ, десять малыхъ округовъ большой и т. д. Основною единицею было отдѣльное селеніе съ находившеюся въ его пользованіи землею. Земля эта обрабатывалась всею общиною, и собранныя произведенія дѣлились сначала на три части: одна шла царю, другая состоявшимъ на жалованіи общины лицамъ (ихъ считалось въ полномъ составѣ до 18, въ томъ числѣ: браманъ, учитель, врачъ, танцовщица, поэтъ, музыкантъ и разные ремесленники); остальное распредѣлялось между поселянами. Отдѣльной поземельной собственности не было. Каждая община составляла нѣчто цѣлое и самостоятельное, отрѣшенное отъ всякаго участія въ жизни другихъ общинъ *).

Подъ двоякимъ вліяніемъ жреческихъ умозрѣній и народной фантазіи религіозныя вѣрованія, выраженныя въ Ведахъ, подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Между тѣмъ какъ браманы послѣдовательно развивали систему пантеизма, отрицавшую многобожіе Ведъ и замѣнявшую его поклоненіемъ единой божественной сущности, всюду разлитой и внѣ которой нѣтъ ничего, при чемъ ведическіе боги являлись только представителями отдѣльныхъ сторонъ этой сущности, народъ продолжалъ обоготворять силы и яв-

*) Далѣе печатается впервые по найденному въ 1899 году автографу, представляющему исправленную редакцію. Въ III-мъ изданіи тотъ-же отрывокъ изданъ на основаніи болѣе ранней редакціи.

ленія великолѣпной и еще новой для него природы. Главные изъ этихъ безчисленныхъ, созданныхъ воображеніемъ Индусовъ боговъ были Вишну, поклоненіе которому процвѣтало, какъ кажется, на равнинѣ Гангеса, и Шива, древнѣйшіе приверженцы котораго жили у подножія Гималаія. Поклоненіе Вишну совершалось независимо отъ поклоненія Шивѣ. Каждый изъ этихъ боговъ составлялъ средоточіе самостоятельной религіозной системы. Изъ упоминаемыхъ въ Ведахъ боговъ только Индра сохранилъ отчасти прежнее хотя подчиненное Вишну и Шивѣ значеніе: прочіе сошли на степень второстепенныхъ и третьестепенныхъ божествъ, которыми такъ богата Индійская миѳологія. Усилія брамановъ предупредили окончательное распаденіе Индусовъ на враждебныя между собою религіозныя секты. Опираясь на слова Ведъ о тройственной дѣятельности божества создающаго, хранящаго и разрушающаго, брамaны внесли въ народную миѳологію божество ей первоначально чуждое, обязанное своимъ происхожденіемъ пантеистической философіи, развившейся въ жреческихъ школахъ. Примирителемъ и посредникомъ между Шиваизмомъ и Вишнуизмомъ явился Брама. Брама (въ среднемъ родѣ и въ настоящемъ смыслѣ) есть душа вселенной, основная сущность, изъ которой истекаютъ и въ которую возвращаются всѣ явленія. Брама (въ мужескомъ родѣ, приспособленный къ народному пониманію) есть создатель міра, Вишну хранитель, Шива разрушитель. Въ вѣрованіяхъ народа Шива и Вишну остались, впрочемъ, верховными божествами, несмотря на старанія жрецовъ доставить первенство своему Брамѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе искусственнаго соединенія народныхъ вѣрованій съ философскими ученіями сложилось позднѣйшее представленіе о Тримурти, т. е. троичности, состоящей изъ бога творящаго, бога охраняющаго твореніе и бога разрушающаго. Значеніе Шивы или Махадевы (великаго бога) не ограничивается впрочемъ однимъ разрушеніемъ: въ началѣ онъ былъ олицетвореніемъ производительныхъ силъ природы, богомъ всего животнаго царства. Почти у каждаго изъ главныхъ индійскихъ божествъ мы найдемъ нѣсколько именъ и еще болѣе совершенно противорѣчащихъ одно другому свойствъ, свидѣтельствующихъ о постепенныхъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, совершавшихся измѣненіяхъ религіозной системы. Эта внутренняя работа индійского духа не прекратилась до сихъ поръ: изъ разсказовъ новѣйшихъ путешественниковъ видно, что безконечное число индійскихъ божествъ не перестаетъ возрастать. Одаренный избыткомъ воображенія народъ приписываетъ божественныя свойства каждому поразившему его вниманіе явленію внутренняго или внѣшняго міра. Обоготвореніе благочестивыхъ и мудрыхъ мужей принадлежитъ глубокой древности. Весьма важное мѣсто въ миѳологіи Индусовъ занимаютъ аватары, или воплощенія Вишну, неоднократно и въ разныхъ видахъ сходившаго на землю подъ именами Рамы, Кришны, въ видѣ карлика, рыбы, черепахи и т. д. для возстановленія на ней потрясенной правды и угоднаго богамъ порядка. Всѣхъ аватаровъ Вишну насчитываютъ до 10-ти. У боговъ существуетъ такая же іерархія, какъ и въ человѣческомъ обществѣ: они раздѣляются на нѣсколько разрядовъ. Отъ Брамы спускается великая лѣстница существъ, оканчивающаяся самыми низкими организмами.

чистотою жизни, соблюденіемъ предписанныхъ уставовъ и обрядовъ и самопогруженіемъ въ созерцаніе вѣчнаго (Joga), душа человѣческая можетъ, переходя отъ одной высшей формы къ другой, подняться на вершину лѣстницы до Брамы; грѣхи низводятъ ее до послѣдней ступени. Съ вѣрою въ переселеніе душъ связано кроткое обращеніе Индусовъ съ животными, ибо въ каждомъ животномъ обитаетъ наказанная и стремящаяся къ прежней формѣ своей человѣческая душа.

Мы можемъ теперь составить себѣ понятіе о перемѣнахъ, которыя произошли въ нравахъ и бытѣ арійскаго племени со времени его выхода изъ Пенджаба до окончательной редакціи памятниковъ, изъ которыхъ мы заимствуемъ наши свѣдѣнія о древнѣйшей исторіи Индіи. Огромное разстояніе отдѣляетъ народъ Ведъ отъ народа, среди котораго уже возникли законы Ману и великія эпопеи. Въ самыхъ эпопеяхъ вставленные позже эпизоды рѣзко отличаются по духу отъ древняго, основнаго сказанія. Взятая въ цѣлости своей санскритская литература представляетъ намъ картину медленнаго и неудержимаго разслабленія арійскаго народа. Мѣсто вынесенной имъ изъ Ирана предпріимчивой отваги заступила воспитанная расточительною и величавою природою Индіи наклонность къ спокойной, созерцательной жизни. Мысль, отрѣшенная отъ дѣйствительности, погруженная въ самую себя, утратила связь съ міромъ положительныхъ, историческихъ явленій и отвыкла отъ него. Распущенная, не сдержанная разсудкомъ фантазія произвела сложную, глубокомысленную въ отдѣльныхъ миѳахъ, но въ цѣломъ чудовищную миѳологію, подъ вліяніемъ которой запутались и исказились нравственныя понятія народа. Доказательствомъ могутъ служить многочисленныя секты, изъ которыхъ нѣкоторыя исповѣдуютъ самыя развратныя и жестокія ученія. Наука, которой раннее и блестящее развитіе свидѣтельствуетъ о высокой даровитости Индусовъ, остановилась неподвижно, достигнувъ извѣстной степени. Причины этого уже много вѣковъ продолжающагося застоя въ умственной жизни заключаются съ одной стороны въ подчиненіи науки религіознымъ системамъ, съ другой въ исключительно умозрительномъ ея направленіи при крайней бѣдности положительныхъ данныхъ и опытовъ. Не менѣе вреднымъ оказалось вліяніе ѳеократическихъ идей на государственныя учрежденія Индусовъ. Эти учрежденія несовмѣстны съ развитіемъ гражданскихъ доблестей. Настоящая любовь къ отечеству есть чувство недоступное Индусу, живущему въ тѣсномъ кругѣ отдѣльной общины или касты. Внѣ общины и касты у него нѣтъ ничего ему близкаго и роднаго. Отсюда происходитъ то глубокое равнодушіе, съ какимъ племена индійскія переносятъ и переносили владычество иноземцевъ.

Отдѣленная отъ остальнаго міра природными границами Индія долго оставляла своему населенію возможность самостоятельнаго, непрерываемаго сторонними вліяніями развитія. Разсказы греческихъ писателей о завоеваніяхъ Египетскаго царя Сезостриса въ Индіи не заслуживаютъ вѣроятія, ибо не подтверждаются свидѣтельствами Египетскихъ памятниковъ. Принадлежащіе къ глубокой древности походы Ассирійцевъ (Семирамиды) не оставили никакихъ слѣдовъ на Индійской почвѣ. Важны были торговыя сноше-

нія съ иностранцами. Не нуждаясь сама въ произведеніяхъ чуждыхъ странъ, Индія издревле снабжала образованныя государства востока своими пряностями, драгоцѣнными камнями, жемчугомъ, тканями и т. д. Офиръ, куда ходили суда Соломоновы, лежалъ на Малабарскомъ берегу, близь устьевъ Инда. Вѣрованія и образованность брамановъ распространились за предѣлы собственнаго Индостана, между племенами Деканскими. Арійскія государства возникли на прибрежной низменной полосѣ, лежащей между Гатскими горами и моремъ. Упомянутая выше наклонность къ созерцательной, сопровождаемой подвигами покаянія жизни служила поводомъ къ переселенію благочестивыхъ брамановъ въ лѣса и пустыни Деканской возвышенности. Многочисленные ученики обыкновенно сопровождали этихъ отшельниковъ, селились вблизи отъ нихъ и распространяли свои вѣрованія между туземцами, дѣйствуя преимущественно примѣромъ. Такимъ образомъ браманизмъ проникъ до острова Цейлона и далѣе на великіе острова Индійскаго архипелага.

Къ числу важнѣйшихъ событій не только Индійской, но вообще азіатской исторіи принадлежитъ появленіе Буддизма (см. Eug. Burnouf, Introduction à l'histoire du Buddhisme. Paris, 1841). Основатель этой религіи происходилъ отъ царствовавшей въ Капилавасту династіи Шакья. Отсюда имя его— Шакья муни, т. е. отшельникъ изъ рода Шакья. Онъ назывался также Гаутамою, по имени одного изъ предковъ своихъ, и Буддою. Послѣднее слово означаетъ мудреца вообще и „пробужденнаго" (отъ сна заблужденій). Будда жилъ въ шестомъ столѣтіи до Р. Х. и по наиболѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, сохранившимся у южныхъ Буддистовъ, умеръ въ 543 г. Ему было 28 лѣтъ отъ рожденія, когда онъ оставилъ дворецъ отца своего и удалился въ пустыню. Плодомъ его отшельнической жизни было религіозное ученіе, которое онъ не противопоставлялъ браманизму, а считалъ только завершеніемъ послѣдняго. Дѣйствительно, несмотря на очевидное различіе, родство обѣихъ выросшихъ изъ одного общаго корня, т. е. пантеизма, религіозныхъ системъ не подлежитъ сомнѣнію *). Вопросъ о началѣ міра рано сдѣлался предметомъ умозрѣній Индійскихъ мудрецовъ и подалъ поводъ къ образованію древнѣйшихъ философскихъ школъ, изъ которыхъ нѣкоторыя пришли впослѣдствіи къ совершенному матеріализму. Особенно замѣчательна по вліянію своему и по тѣсной связи съ Буддизмомъ, котораго она была предшественницею въ сферѣ наукъ, система Санкія. Основатель этой школы, Капила, выводилъ міръ изъ самобытнаго развитія вещества, не признавалъ важности заключающихся въ Ведахъ правилъ и наставленій для жизни, и полагалъ высшее благо и высшую мудрость въ освобожденіи отъ мукъ, сопряженныхъ со всякимъ существованіемъ, чрезъ отрѣшеніе отъ него и сознаніе, что все существующее есть ложь, а истина заключается въ небытіи. Это ученіе нашло много приверженцевъ между браманами, которые одни понимали его, и сдѣлалось общимъ достояніемъ только тогда, когда Будда обратилъ свою проповѣдь не къ однѣмъ высшимъ кастамъ, а ко

*) Далѣе печатается впервые по найденному въ 1899 году автографу. Въ III-мъ изданіи этотъ отрывокъ отсутствуетъ.

всѣмъ классамъ индійскаго населенія, безъ различія, приглашая даже нечистыя, отверженныя арійцами касты къ участію въ принесенной имъ истинѣ. Эту истину онъ полагалъ не въ ведахъ и не въ жреческой наукѣ, а въ себѣ самомъ. Такимъ образомъ, не отвергая предшествовавшаго ему порядка вещей, онъ нанесъ ему сильный ударъ, ибо почти уничтожилъ религіозное значеніе ведъ и кастъ. Отмѣною кровавыхъ жертвоприношеній и сложныхъ обрядовъ богослуженія онъ поколебалъ въ основаніи могущество брамановъ, не навлекая однако на себя ихъ ненависти. Многіе признавали его даже за девятое воплощеніе Вишну. Будда требовалъ отъ своихъ приверженцевъ любви къ ближнимъ, милосердія къ животнымъ, умерщвленія плотскихъ наклонностей, наконецъ жизни, исключительно посвященной исканію истины. Собственною жизнію онъ подавалъ имъ высокій примѣръ. Нравственная сторона Буддизма содержитъ въ себѣ вообще много прекраснаго и безконечно выше его религіозной части, которая представляетъ намъ безотрадный и логически вѣрный выводъ изъ началъ философіи Санкія. Собственно въ Буддизмѣ нѣтъ мѣста божеству. Міръ, по мнѣнію Гаутамы, есть произведеніе атомовъ, которые совокупляются и отдѣляются другъ отъ друга въ силу слѣпыхъ, вѣчныхъ, неизвѣстно какимъ образомъ возникшихъ законовъ. Всякое бытіе есть тревога, безпрерывный переходъ отъ смерти къ рожденію и отъ рожденія къ смерти, слѣдовательно въ немъ нѣтъ ничего прочнаго: въ сущности оно ничто иное какъ призракъ. Цѣлью бытія должно быть успокоеніе въ блаженномъ небытіи, въ Нирванѣ.

Есть три сферы бытія: первая низшая, къ которой принадлежатъ люди и животныя; вторая, гдѣ нѣтъ уже плоти, но существуютъ цвѣта и образы; третья область безцвѣтныхъ, прозрачныхъ, незаключенныхъ ни въ какія формы духовъ ведетъ прямо къ Нирванѣ. Въ Нирванѣ угасаютъ послѣдніе признаки и явленія бытія. Покой, вкушаемый тамъ очищенными переходомъ чрезъ три сферы душами, есть ничто иное, какъ уничтоженіе сознанія, смерть безъ пробужденія, полное ничтожество. Совершеннымъ умерщвленіемъ плоти и погруженіемъ мысли въ невозмутимое никакими внѣшними впечатлѣніями созерцаніе истины человѣкъ можетъ еще на землѣ приблизиться къ святости Будды и къ блаженному состоянію Нирваны. По смерти грѣшника душа его обречена переходить изъ тѣла одного животнаго въ другое, до тѣхъ поръ, пока не искупитъ грѣховъ своихъ и не совершитъ ряда необходимыхъ перерожденій. По словамъ Гаутамы, каждыя пять тысячъ лѣтъ долженъ являться новый Будда для обновленія и очищенія міра. Различіе между этими періодическими появленіями Буддъ и аватарами Вишну заключается въ томъ, что Браманизмъ низводитъ божество на землю, а Буддизмъ обоготворяетъ человѣка. Въ промежуткахъ между Буддами мѣсто ихъ заступаютъ Бодисатвы, т. е. постоянныя возрожденія однихъ и тѣхъ же одаренныхъ божественными свойствами лицъ. Гаутама самъ не оставилъ никакихъ писаній, но ученики его собрались вскорѣ послѣ его смерти и изложили его ученіе. Языкъ Пали (Магали?), на которомъ написаны эти древнѣйшіе памятники Буддистской литературы, происходитъ отъ санскритскаго и подобно ему принадлежитъ къ числу мертвыхъ языковъ. Еще при

жизни Гаутамы между послѣдователями его, говоритъ преданіе, обнаружилось значительное различіе мнѣній, послужившее впослѣдствіи поводомъ къ образованію многочисленныхъ сектъ, исказившихъ первоначальное ученіе. Буддисты обоготворили основателя своей религіи и въ то-же время приняли миѳологію брамановъ, подчиняя ея боговъ Буддѣ, какъ верховному главѣ. Его изображенія и хранимые въ куполообразныхъ каменныхъ зданіяхъ, называемыхъ ступами, останки сдѣлались предметами суевѣрнаго поклоненія. Вмѣсто запрещенныхъ имъ животныхъ жертвъ ему приносились въ даръ цвѣты, плоды и благоуханія. Вообще уваженіе къ жизни животныхъ всякаго рода дошло у Буддистовъ (именно у южныхъ) до смѣшныхъ крайностей. Жрецы и жрицы новой религіи назывались Бикшу, или нищими, потому что они отрекались отъ богатства и всѣхъ благъ земныхъ. Они произносили также обѣтъ безбрачія. Вслѣдствіе этого обѣта Бикшу, не могли образовать наслѣдственнаго сословія и принимали въ ряды свои людей всякаго происхожденія. Они раздѣлялись на нѣсколько степеней, смотря по лѣтамъ, благочестію и знанію такъ называемыхъ высшихъ истинъ. Бикшу сначала жили порознь, большею частію отшельниками въ пустыняхъ, но вскорѣ, когда число ихъ возросло, они устроили общія жилища (вигары). Ученіе ихъ быстро распространилось по Индіи и было въ особенности поддерживаемо царями, которые старались положить предѣлъ честолюбивымъ притязаніямъ брамановъ.

Основанное Киромъ персидское государство простиралось до береговъ Инда, по имени котораго Персы назвали лежащій къ югу отъ него полуостровъ. Дарій Истаспъ велъ счастливыя войны съ племенами, жившими у Инда, и вѣроятно покорилъ ихъ своей власти. По его приказанію Скилаксъ совершилъ путешествіе, результатомъ котораго было распространеніе болѣе подробныхъ, но едва-ли точныхъ свѣдѣній объ Индіи. Можно сказать, что только съ Александра Македонскаго начинается настоящее знакомство западныхъ народовъ съ великимъ полуостровомъ, о красотѣ и богатствѣ котораго до тѣхъ поръ въ Европу доходили самые странные, смѣшанные съ баснею всякаго рода, слухи. Походъ Александра В. въ Индію имѣлъ для этого края то-же значеніе, какое французская экспедиція подъ начальствомъ генерала Бонапарта имѣла для Египта. Хотя Александръ не ходилъ далѣе Пенджаба, но сопровождавшіе его ученые собрали много болѣе или менѣе вѣрныхъ извѣстій о собственной Индіи. Въ битвахъ съ Македонцами жители Пенджаба обнаружили упорное мужество. У нихъ, повидимому, не было кастъ; у нѣкоторыхъ племенъ не было даже царей: вообще они были ближе къ первоначальному арійскому характеру и быту, чѣмъ ихъ южные, смотрѣвшіе на нихъ какъ на полуварваровъ соплеменники. Возмущеніе войска заставило Александра остановиться на берегахъ Гифазиса и отказаться отъ дальнѣйшихъ завоеваній. Онъ построилъ нѣсколько городовъ въ покоренной странѣ, оставилъ своихъ намѣстниковъ и возвратился назадъ. Вскорѣ послѣ его смерти индійскій вождь Чандрагупта (Греки называли его Сандракотомъ) уничтожилъ послѣдніе остатки Македонскаго владычества, покоривъ себѣ всю Аріаварту, т. е. земли отъ Пенджаба включительно до устьевъ Ган-

теса, и основалъ могущественное государство, столицею котораго была Полиботра (нѣкогда столица древняго царства Магадскаго). Сношенія съ Греками не прекратились при Чандрагуптѣ. Отразивъ нападеніе сирійскаго царя Селевка Никатора, онъ вступилъ съ нимъ въ дружественныя отношенія. Посланникомъ Селевка въ Полиботрѣ былъ ученый Мегасоенъ, составившій подробное, къ сожалѣнію не дошедшее до насъ описаніе края. Кромѣ Сирійскихъ царей Лагиды Египетскіе присылали впослѣдствіи также пословъ въ Полиботру. Чандрагупта былъ родоначальникъ династіи Мауріевъ (Maurja). Самый замѣчательный изъ государей этой династіи былъ Асока (263—226), знаменитый приверженецъ и ревнитель Буддизма. Многочисленныя надписи, высѣченныя на скалахъ и колоннахъ, свидѣтельствуютъ о направленной ко благу подданныхъ дѣятельности этого царя, о его человѣколюбіи и вѣротерпимости. При немъ Буддизмъ получилъ свое всемірно-историческое значеніе *).

Въ торжественномъ собраніи Буддистскихъ Бикшу они опредѣлили распространять свою религію посредствомъ проповѣди между иноплеменниками. Тогда (въ половинѣ 3-го столѣтія) принесено было по всей вѣроятности ученіе Будды на о. Цейлонъ, сдѣлавшійся потомъ центромъ его дальнѣйшаго распространенія по Индійскому океану. Превосходство Буддизма надъ Браманизмомъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи обнаружилось вполнѣ въ лицѣ царя Асоки, которому Индійскія преданія приписываютъ между прочимъ построеніе 84,000 (??) зданій, посвященныхъ общей пользѣ. По смерти Асоки его владѣнія распались на три самостоятельныя царства, изъ которыхъ сѣверо-западное, къ которому принадлежалъ Кашемиръ, было самое сильное. Это государство вело продолжительныя войны и находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Греческою династіею, которая царствовала въ Бактріи, отложившейся отъ монархіи Селевкидовъ. Бактрійскіе греки завоевали большую часть Пенджаба; владычество отдѣльныхъ Греческихъ вождей (Менандра) простиралось даже до береговъ Джумны. Такимъ образомъ сложившееся изъ обломковъ Александровой монархіи Греко-Бактрійское государство служило не только политическимъ звеномъ между Индіею и Европою, но посредникомъ между двумя совершенно противоположными системами образованности. Въ концѣ втораго вѣка до Р. Х. на границахъ Индіи явилось пришедшее отъ сѣверо-востока Туранское племя Скиоовъ, или Саковъ, которое основало въ Пенджабѣ Индо-Скиоское царство (около 85 лѣтъ до Р. Х.). Въ 57 году до нашей эры Саки были побѣждены Индійскимъ царемъ Викрамадитіей. Событіе это принадлежитъ къ числу немногихъ, хронологически опредѣленныхъ въ исторіи Индусовъ, которые ведутъ съ этого года свое лѣточисленіе. Несмотря однако на громкую славу Викрамадитіи, у насъ очень мало положительныхъ свѣдѣній объ его царствованіи. Его нерѣдко смѣшиваютъ съ другими одноименными государями, жившими гораздо позже. Владѣнія его, сколько извѣстно, заклю-

*) Далѣе и до конца главы объ индійскихъ арійцахъ печатается впервые по найденному въ 1899 году автографу, представляющему позднѣйшую редакцію. Въ III-мъ изданіи тотъ же отрывокъ изданъ на основаніи редакціи болѣе ранней.

чали въ себѣ сѣверо-западную часть Индостана, Пенджабъ и Кашемиръ. Его время считается, хотя безъ достаточнаго основанія, золотымъ вѣкомъ Санскритской литературы. Вопросъ о томъ, былъ-ли великій драматическій и лирическій поэтъ Калидаса современникомъ этого Викрамадитіи, еще не рѣшенъ. Лучшая изъ драмъ Калидасы Саконтала исполнена высокой красоты и переведена на бо́льшую часть Европейскихъ языковъ. Въ драматической поэзіи Индусовъ мы встрѣчаемъ особенный родъ произведеній, въ которыхъ мѣсто дѣйствующихъ лицъ заступаютъ олицетворенныя философскія понятія. Образцомъ такой метафизической драмы можетъ служить переведенное на русскій языкъ г. Коссовичемъ Торжество свѣтлой мысли. Во второй половинѣ 2-го столѣтія по Р. Х. въ восточной части Индостана возникла новая и сильная династія Гупта, которая подчинила себѣ почти всю Аріаварту и оказала большія услуги краю побѣдами, одержанными ею надъ Туранскими племенами, которыя еще продолжали свои нападенія на Индію.

Содержаніе слѣдующихъ вѣковъ индійской исторіи составляетъ кровавая борьба Браманизма и Буддизма, пришедшихъ наконецъ къ сознанію своей враждебности. Дотолѣ они существовали другъ подлѣ друга, какъ двѣ секты одной и той-же религіи. Изображенія Будды находятся въ храмахъ рядомъ съ изображеніями боговъ Тримурти. Подробности борьбы намъ неизвѣстны: одержавшіе побѣду браманы истребили почти всѣ памятники (кромѣ колоссальныхъ, можно сказать, неразрушимыхъ произведеній зодчества), относящіеся къ исторіи Буддизма. Въ Деканѣ, впрочемъ, существуетъ до сихъ поръ секта Джайна, которой вѣрованія представляютъ смѣсь буддистскихъ и браманскихъ ученій. Вытѣсненная изъ Индіи религіозная система пріобрѣла рѣшительное господство у народовъ средней, восточной и юго-восточной Азіи, сообщила этимъ народамъ небывалое дотолѣ духовное единство и обнаружила сильное вліяніе на ихъ образованность какъ заключавшимися въ ней нравственными идеями, такъ и распространеніемъ письменности, посредствомъ переводовъ буддистскихъ сочиненій съ языка Пали, на которомъ они, какъ мы видѣли, были первоначально написаны. Многіе изъ языковъ азіатскихъ обязаны буддизму своею азбукою и всѣмъ литературнымъ развитіемъ. Буддисты не употребляли насильственныхъ средствъ обращенія и дѣйствовали только словомъ, но ученіе ихъ почти вездѣ примѣнялось къ существовавшимъ уже вѣрованіямъ и характеру каждаго народа. Китайскій Буддизмъ, или Фоизмъ (Китайцы называютъ Будду—Фо), утратилъ среди положительнаго и холоднаго племени созерцательное направленіе, которымъ онъ отличался въ Индіи, и обратился въ грубое идолопоклонство, поддерживаемое вліяніемъ многочисленныхъ жрецовъ, живущихъ въ совершенной праздности и извлекающихъ значительныя выгоды изъ суевѣрія черни. Въ нѣкоторыхъ странахъ (напр. въ Цейлонѣ и на островахъ Индійскаго океана) буддизмъ, уничтоживъ религіозное значеніе кастъ, оставилъ за ними часть ихъ политическихъ правъ, въ другихъ (напр. въ за-Гангесскомъ полуостровѣ), гдѣ браманизмъ не успѣлъ пустить глубокихъ корней, онъ сгладилъ это различіе. Число боддисатвъ, т. е. постоянно возраждающихся для примѣра и назиданія человѣчеству святыхъ мужей, до-

вольно значительно въ средней Азіи. Не всѣ они впрочемъ пользуются одинакимъ почетомъ. Выше другихъ стоитъ духовный глава Тибета, пребывающій въ Лассѣ, Далай-Лама. Въ этомъ обоготвореніи простыхъ смертныхъ участвуютъ въ равной степени обманъ, фанатизмъ и невѣжество. Въ настоящее время число живущихъ въ Азіи буддистовъ далеко превосходитъ 200 милліоновъ душъ.

Побѣдивъ своего противника, браманизмъ окончательно закрѣпилъ формы индійской жизни. Послѣ паденія буддизма внутренняя исторія Индіи теряетъ занимательность, ибо не представляетъ болѣе настоящаго развитія, хотя, какъ уже было сказано выше, религіозное движеніе не прекратилось до сихъ поръ и выражается въ образованіи новыхъ сектъ и новыхъ божествъ. Въ эпоху самой жестокой борьбы съ буддизмомъ развилось особенное поклоненіе Кришнѣ (воплощеніе Вишну), котораго браманы противопоставляли Буддѣ. Возникшіе вслѣдствіе этого поклоненія миѳы и обряды имѣли весьма вредное вліяніе на нравственность народа. Политическія событія, можно сказать, приходятъ извнѣ въ видѣ завоеваній полуострова иноплеменниками и т. д. Замѣченное уже нами равнодушіе Индуса къ исторіи выражается, между прочимъ, въ отсутствіи точнаго лѣтосчисленія и въ миѳической географіи. Индусъ рѣдко бываетъ въ состояніи опредѣлить время и мѣсто совершившагося происшествія. Вопросы: когда и гдѣ? его не занимаютъ. Его фантазія играетъ тысячелѣтіями и создаетъ небывалыя пространства. Тѣмъ не менѣе народъ этотъ имѣлъ значительное, хотя еще не изслѣдованное въ подробностяхъ вліяніе на умственную жизнь остальнаго міра. Индія внесла много идей въ общую образованность человѣчества, но идеи эти, смѣшавшись съ другими, утратили признаки своего происхожденія. Изъ положительныхъ отраслей знанія Индусы обрабатывали съ успѣхомъ только математическія науки: мы заняли у нихъ чрезъ посредство арабовъ употребляемыя нами цыфры и основанія алгебры. Успѣхами своими въ астрономіи Индусы обязаны Грекамъ.

Въ искусствѣ Индусовъ сказалось то-же преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ, которое характеризуетъ бо́льшую часть произведеній ихъ умственной дѣятельности. Памятники индійскаго зодчества можно раздѣлить на два разряда. Къ 1-му принадлежатъ огромные храмы, высѣченные или выдолбленные частію подъ землею въ каменной почвѣ, частію надъ поверхностію земли въ гранитныхъ горахъ. Главные памятники такого рода находятся въ Деканѣ (преимущественно въ сѣверо-западной части), именно на островахъ Сальсетѣ и Элефантѣ близь Бомбея, въ Эллорѣ и т. д. На Коромандельскомъ берегу лежитъ цѣлый городъ (Мага-Малай-пуръ), высѣченный въ выдающихся въ море скалахъ. Въ настоящее время онъ заросъ лѣсомъ и служитъ убѣжищемъ дикимъ звѣрямъ. Ко 2-му разряду относятся зданія въ обыкновенномъ смыслѣ, т. е. сложенныя изъ камня и кирпича постройки. Храмы такого рода называются пагодами. Форма ихъ пирамидальная съ закругленнымъ въ видѣ купола верхомъ. Нѣкоторые возвышаются до 15 этажей въ вышину. Въ храмахъ всегда находится множество изваяній и рѣзныхъ украшеній вообще. Но впечатлѣніе, производимое на Евро-

нейца этими колоссальными остатками индійской древности, тягостно. Здѣсь нѣтъ настоящаго искусства, ясно сознающаго свои цѣли и средства. Огромные размѣры пугаютъ воображеніе, не плѣняя его гармоническимъ отношеніемъ отдѣльныхъ частей, изящнымъ соблюденіемъ мѣры. Храмы эти созданы не мыслію художника, а волею жрецовъ. Надъ ними работали цѣлыя поколѣнія, не отдававшія себѣ отчета въ результатѣ собственнаго труда. Вездѣ видна игра причудливаго, раздраженнаго воображенія, почти нигдѣ не отразилось спокойное и ясное чувство красоты. Чудовищныя изображенія боговъ внушаютъ отвращеніе и ужасъ множествомъ головъ, рукъ и уродливыми сочетаніями членовъ человѣческаго тѣла съ членами животныхъ. Не красота, а безобразіе вдохновляло ваятеля. Отдѣлка частностей обличаетъ большое терпѣніе, трудолюбіе и даже вкусъ. Главные памятники зодчества, какъ въ самой Индіи, такъ и въ странахъ, заимствовавшихъ отъ нея свою религію и образованность, т. е. на островѣ Цейлонѣ и на островахъ Индійскаго океана, принадлежатъ къ періоду Буддизма.

СЕМИТИЧЕСКІЯ ПЛЕМЕНА.

На Западъ отъ азіатскихъ Индо-Германцевъ лежитъ область семитическихъ народовъ, т. е. Арамъ, въ обширномъ смыслѣ (между Тигромъ и Средиземнымъ моремъ), и Аравійскій полуостровъ. Судьбы послѣдняго не входятъ въ составъ древней исторіи. Историческое значеніе Аравіи начинается съ появленія Ислама, въ VII стол. по Р. Х.

1. Ассирія и Вавилонія.

A. H. Layard, Niniveh and its remains. London, 1849. 2 т. Его-же, Monuments of Niniveh; second series, 1853.

Равнина, орошаемая съ двухъ сторонъ текущими отъ горъ Арменіи къ Персидскому заливу рѣками, Тигромъ и Евфратомъ, носитъ названіе Месопотоміи, или Междурѣчія. Сѣверная часть Междурѣчія представляетъ степь, удобную для быта кочевыхъ пастушескихъ народовъ; южная, которая начинается тамъ, гдѣ рѣки подходятъ одна къ другой на самое близкое разстояніе (здѣсь была впослѣдствіи проведена Мидійская стѣна), называлась въ древности Сеннааромъ, Халдеей и Вавилоніей. Безгорная и безлѣсная почва этой страны образуетъ покатую плоскость, спускающуюся отъ Евфрата къ бурному и быстрому Тигру. Недостатокъ дождей съ избыткомъ вознаграждается періодическими разлитіями Евфрата, котораго воды, выступая изъ береговъ, бѣгутъ къ текущему ниже Тигру и сообщаютъ посредствомъ наноснаго ила изумительное плодородіе цѣлому краю, который иначе обратился бы въ песчаную пустыню. Но дабы воспользоваться естественными богатствами Сенаарской равнины, человѣкъ долженъ былъ пред-

варительно обуздать рѣки и подчинить собственному произволу ихъ страшные разливы. Такая борьба съ природою содѣйствовала раннему развитію Вавилонской образованности и опредѣлила ея практическій, положительный характеръ. Донынѣ сохранились остатки сложенной и превосходно устроенной системы водяныхъ сообщеній между обѣими рѣками. Видны еще слѣды колоссальныхъ плотинъ, которыми сдерживались разлитія Евфрата. Избытокъ водъ хранился въ искусственныхъ озерахъ или водоемахъ, откуда онѣ спускались въ каналы въ тѣ года, когда Евфратъ не достигалъ надлежащаго уровня. Благодаря искусственному орошенію полей, жатва въ 200 и даже въ 300 разъ превосходила посѣвъ. Лѣсомъ Месопотамія была искони бѣдна. Въ Вавилоніи встрѣчаются впрочемъ пальмовыя рощи. Но эта царица растеній удовлетворяетъ здѣсь, какъ и вездѣ, самымъ разнообразнымъ потребностямъ физической жизни. Камня нѣтъ вовсе въ Вавилоніи; мѣсто его заступалъ кирпичъ, который обжигался изъ превосходной и въ большомъ изобиліи находящейся тамъ бѣлой глины.

Исторіи неизвѣстны древнѣйшіе обитатели Сенаарской равнины. Основателями Вавилонскаго государства были пришедшіе съ Сѣвера отъ горъ Арменіи около 20 вѣковъ до Р. Х. Халдеи, именемъ которыхъ долго потомъ называлась область, лежащая на нижнемъ Евфратѣ близъ его устьевъ. Первымъ царемъ Вавилонскимъ былъ, по свидѣтельству Книги Бытія, Нимвродъ, „ловецъ предъ Господомъ". Народныя сказанія Вавилонянъ, собранныя жившимъ въ III столѣтіи по Р. Х. жрецомъ Берозомъ, состоятъ изъ миѳовъ и басенъ, которыхъ настоящій смыслъ разгадать почти невозможно. Достовѣрно только, что по географическому положенію и богатству почвы и промышленной дѣятельности жителей, Вавилонія рано сдѣлалась средоточіемъ торговыхъ сношеній между главными народами Азіи. За тринадцать вѣковъ до Р. Х. ткани Вавилонскія были уже въ большомъ употребленіи въ западной Азіи. Вавилонъ славился своимъ объемомъ и великолѣпіемъ зданій. Огромный городъ составлялъ четвероугольникъ, каждая сторона котораго простиралась до 3-хъ географическихъ миль, и былъ обнесенъ рвомъ и стѣною въ 200 локтей высоты и 50 локтей толщины. Главныя зданія были храмъ Ваала и два царскіе дворца. Въ Вавилонѣ находились также знаменитые висящіе, т. е. на террасахъ устроенные, сады. Развалины Вавилона доставляли въ продолженіи многихъ вѣковъ матеріалы для постройки новыхъ, возникавшихъ на Евфратѣ, городовъ. Отъ восьмиэтажнаго Ваалова храма уцѣлѣли, хотя не вполнѣ, три нижніе этажа, которыхъ высота равняется 235 футамъ. Вавилоняне поклонялись Ваалу, или Белу, дѣятельной силѣ природы, божеству неба и свѣта, и Мелиттѣ, страдательной силѣ природы, которой принадлежатъ земля, мракъ и воды. Сверхъ этихъ главныхъ боговъ—планеты и звѣздное небо вообще были предметомъ поклоненія. Обряды, сопровождавшіе богослуженіе, обличаютъ развратный и преданный чувственности народъ. Жрецы назывались халдеями по преимуществу, составляли наслѣдственное сословіе и славились глубокими свѣдѣніями въ астрономіи и астрологіи. Храмъ Ваала служилъ обсерваторіей. Древнѣйшія астрономическія наблюденія Вавилонскихъ жрецовъ восходятъ

до 2000 лѣтъ до Р. Х. Халдеи изобрѣли зодіакъ и опредѣлили семидневную недѣлю по четвертямъ мѣсяца. Для измѣренія времени они употребляли наполненные водою сосуды. Вавилонскіе вѣсы и мѣры перешли черезъ Финикію къ Грекамъ и Римлянамъ. Халдеямъ же принадлежитъ, по всей вѣроятности, изобрѣтеніе клинообразныхъ письменъ, которыя отъ нихъ перешли къ Ассирійцамъ, а въ послѣдствіи—къ народамъ Арійскаго племени. Къ сожалѣнію клинообразныя надписи, находимыя въ большомъ количествѣ въ развалинахъ Вавилонскихъ, еще не разобраны. Въ незапамятныя времена Вавилонія была покорена Ассирійцами. Основателемъ Ассирійскаго царства, лежавшаго на Востокъ отъ Тигра, между горами Арменіи и Иранскою возвышенностью, обыкновенно называютъ Нина. Нельзя съ достовѣрностью опредѣлить время возникновенія этого государства. Нинъ и знаменитая въ преданіяхъ Востока супруга его Семирамида прославились своими завоеваніями и покорили значительную часть передней Азіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ассирійцы ходили въ Индію. Доказательствомъ могутъ, между прочимъ, служить изображенія слоновъ и другихъ индійскихъ животныхъ, найденныя на древнихъ ассирійскихъ памятникахъ. О времени и подробностяхъ этихъ походовъ мы не знаемъ впрочемъ ничего положительнаго. Многіе принимаютъ Семирамиду за миѳическое олицетвореніе цѣлаго періода ассирійской исторіи. Ниневія, столица Ассиріи, равнялась объемомъ своимъ Вавилону. Колоссальные размѣры этихъ городовъ объясняются положеніемъ обѣихъ странъ, лишенныхъ природныхъ рубежей. Ассирія и Вавилонія равно открыты набѣгамъ хищныхъ сосѣднихъ народовъ. Жители собирались большими массами, не рѣдко съ стадами и всѣмъ имуществомъ своимъ подъ защиту городскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ городъ вмѣщалъ въ себѣ огромное населеніе и представлялъ подобіе укрѣпленнаго лагеря. Въ 1843 г. Ботта, французскій консулъ въ Моссулѣ, открылъ къ Сѣверо-Востоку отъ Моссула на лѣвомъ берегу Тигра въ Хорсабадѣ развалины великолѣпныхъ зданій, по всей вѣроятности принадлежавшихъ Ниневіи. Въ 1845 г. Англичанинъ Лейярдъ совершилъ къ Югу отъ Моссула (въ Нимрудѣ, близь устьевъ Цаба въ Тигръ) еще болѣе замѣчательныя открытія. Въ разрытыхъ имъ дворцахъ найдены древнѣйшіе памятники ассирійскаго искусства. Съ тѣхъ поръ поиски не прекращались. Изъ нѣдръ земли передъ нами возникаетъ древній, давно забытый міръ. Многочисленныя изображенія, находимыя на ассирійскихъ памятникахъ, свидѣтельствуютъ о значительномъ развитіи искусствъ, вѣроятно, заимствованныхъ у Вавилонянъ, и сообщаютъ наглядное понятіе объ общественной жизни Ассирійскаго народа. Ассирійцы были смѣшанное изъ Семитовъ и Арійцевъ племя. Ихъ религіозныя вѣрованія представляютъ большое сходство съ вавилонскими. Съ 13-го столѣтія до Р. Х. ассирійскіе государи властвовали въ передней Азіи, но въ IX столѣтіи ихъ могущество было, повидимому, потрясено возстаніемъ и отторженіемъ нѣкоторыхъ областей, наприм., Мидіи. Около 800 лѣтъ до Р. Х. династія, которая вела свой родъ отъ Нина и Семирамиды, была свергнута съ престола. Государей этой древней династіи называютъ Деркетадами, потому что Семирамида считалась дочерью богини Деркето. При новой, смѣ-

шившей Деркетадовъ династіи, оружіе Ассирійцевъ было обращено противъ ихъ западныхъ сосѣдей. Библія повѣствуетъ намъ о завоеваніяхъ ассирійскихъ государей въ Сиріи и Палестинѣ. Походы Фула, Тиглатъ-Пилесара, Салманассара и Санхериба (всѣ они царствовали въ 8-мъ столѣтіи до Р. Х.) имѣли цѣлью придвинуть Ассирійское государство къ Средиземному морю. Эти намѣренія встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны Египтянъ. Война Санхериба съ Египтянами кончилась истребленіемъ его войска ниспосланнымъ отъ Бога моромъ. По смерти убитаго сыновьями (въ 681 г.) Санхериба государство его клонится къ упадку. Въ 606 г. возставшій намѣстникъ Вавилоніи Набополассаръ и Кіаксаръ, царь Мидійскій, осадили царя Сарданапала въ Ниневіи, взяли и разрушили этотъ городъ, имя котораго рѣдко потомъ встрѣчается въ памятникахъ. Значеніе Ассиріи для передней Азіи наслѣдовало, хотя не надолго, Ново-Вавилонское царство. При сынѣ Набополассара Навуходоноссорѣ оно уже достигло высшей степени своего могущества. Навуходоноссоръ шелъ по слѣдамъ ассирійскихъ завоевателей. Онъ разбилъ въ 604 г. египетскаго царя Неко при Каркезіумѣ, или Кархемишѣ, и присоединилъ къ Сенаару остальную Месопотамію и всю Сирію. Царство Іудейское было имъ разрушено. Финикійскіе города признали его своимъ властителемъ. Онъ украсилъ Вавилонъ великолѣпными зданіями и довершилъ значительными работами устройство системы водяныхъ сообщеній, о которой мы упомянули выше. Навуходоноссоръ умеръ въ 561 году. Двадцать три года потомъ (въ 538 г.) при царѣ Набонетѣ, или Вальтассарѣ, Персы положили конецъ самобытному существованію Вавилоніи, которая вошла въ составъ основанной Киромъ монархіи.

2. Финикія.

Между рѣчною областью Тигра и Евфрата и Средиземнымъ моремъ лежитъ Сирійская возвышенность, которая постепенными уступами поднимается отъ праваго берега Евфрата и круто спускается къ морю. Эта возвышенность, Арамъ въ настоящемъ смыслѣ слова, была театромъ главныхъ событій, которыми ознаменована исторія Семитическаго племени. Изъ многочисленныхъ отраслей этого племени, здѣсь живущихъ, Финикіяне и Іудеи по преимуществу имѣютъ право на наше вниманіе. Прочіе Сирійскіе, или Арамейскіе народы никогда не возвышались до всемірно-историческаго значенія. Исторія упоминаетъ объ нихъ только въ связи съ судьбами Финикіи и Іудеи.

Подъ именемъ Финикіи разумѣется узкая полоса земли, лежащая между Средиземнымъ моремъ и горами Ливанскими и Антиливанскими. Сѣверною границею можно принять рѣку Элевтеросъ, на Югѣ мысъ Кармель. Все это пространство не превышаетъ 200 □ м. За 13-ть вѣковъ до Р. Х. Финикійскій берегъ уже былъ усѣянъ крѣпками и богатыми городами. Самые значительные изъ этихъ городовъ были Сидонъ, Тиръ, Беритъ, Библусъ и Арадъ. Кромѣ собственнаго многочисленнаго населенія Финикія служила убѣжищемъ выходцамъ изъ остальной Сиріи, которые покидали родину вслѣдствіи завоеваній египетскихъ фараоновъ и ассирійскихъ и вавилонскихъ государей. Не-

достатокъ почвы, которая, несмотря на трудолюбіе Финикійцевъ, обратившихъ край свой въ прекрасный садъ, не могла удовлетворять потребностямъ накопившагося въ городахъ населенія, рано заставилъ жителей Финикіи обратиться къ торговлѣ и промышлености. Близость моря и богатство корабельныхъ лѣсовъ, которыми покрыты склоны горъ, опредѣлили дѣятельность Финикіянъ, древнѣйшаго народа-мореплавателя. Города финикійскіе составляли союзъ, отдѣльные члены котораго пользовались полною самостоятельностью внутренняго управленія. Во главѣ союза стоялъ сначала Сидонъ, въ послѣдствіи мѣсто Сидона занялъ Тиръ. Для прекращенія споровъ о первенствѣ жители Сидона, Тира и Арада основали въ неизвѣстное намъ время общими силами Триполисъ, гдѣ рѣшались дѣла союза сеймомъ, составленнымъ изъ старѣйшинъ отдѣльныхъ городовъ. Во главѣ Финикійскихъ городовъ стояли наслѣдственные цари, которыхъ власть была ограничена вліяніемъ аристократическихъ родовъ. Старшины этихъ родовъ составляли городскіе совѣты, или сенаты, въ которыхъ была сосредоточена большая часть управленія. Низшій классъ населенія состоялъ изъ бѣдныхъ туземцевъ и иностранцевъ, которые стекались въ Финикійскіе города частью по причинамъ нами выше изложеннымъ, частью ради выгодныхъ промысловъ, которые представляли торговые города. Религіозныя вѣрованія арамейскихъ Семитовъ основаны на одних҃ началахъ съ вавилонскими. Но свѣтила небесныя, играющія важную роль въ вавилонской миѳологіи, имѣли гораздо менѣе значенія у Финикіянъ...

ЕГИПЕТЪ.

Изъ всѣхъ частей свѣта Африка наименѣе представляетъ удобствъ для историческаго развитія гражданскихъ обществъ. Средина этого огромнаго материка едва обитаема. Къ Югу она состоитъ изъ горныхъ высотъ, палимыхъ лучами тропическаго солнца и бѣдныхъ водою. Спускаясь къ Сѣверу, эти высоты образуютъ песчаную степь Сахару, отмѣченную почти совершеннымъ отсутствіемъ всякой животной и растительной жизни. Только рѣдкіе, разбросанные на обширномъ пространствѣ Сахары оазисы представляютъ возможность существованія человѣку и звѣрю. За то прибрежная, довольно узкая полоса, лежащая между моремъ и высотами средней Африки, изобилуетъ на большей части своего протяженія дарами южной природы. Рѣки, сбѣгающія водопадами и стремительными потоками съ сосѣднихъ вершинъ, медленно текутъ по плоской равнинѣ, отдѣляющей ихъ отъ ихъ устьевъ. Разливами своими онѣ сообщаютъ почвѣ изумительное плодородіе. Но чрезмѣрная расточительность природы обращается здѣсь во вредъ человѣку. Одни привыкшіе къ нему туземцы въ состояніи выносить губительный климатъ цвѣтущихъ низменностей западнаго и восточнаго берега. Иностранецъ обыкновенно дѣлается жертвою болѣзней, происходящихъ отъ соединенія нестерпимаго дневнаго зноя съ ночною сыростію и отъ злокачественныхъ испареній разлагающихся въ огромномъ количествѣ органическихъ веществъ. Число вредныхъ гадовъ и пресмыкающихся весьма велико. Море со всѣхъ сторонъ,

кромѣ Суецкаго перешейка, омывающее берега Африканскаго материка, не можетъ имѣть на судьбы его обитателей того живительнаго вліянія, которое оно обнаруживаетъ вообще на дѣятельность народовъ и государствъ. Берега этого великаго полуострова тянутся въ однообразно прямомъ направленіи, не представляя тѣхъ изгибовъ и выемовъ, посредствомъ которыхъ море какъ-бы вторгается въ сушу и вызываетъ ее на дружное, совокупное дѣйствіе. Въ Африкѣ нѣтъ большихъ, глубоко вдающихся въ нее заливовъ, мало бухтъ и хорошихъ гаваней. Тоже самое можно сказать о водныхъ путяхъ внутренняго сообщенія. Судоходныхъ рѣкъ весьма немного. Только Нилъ и Нигеръ въ сѣверной половинѣ африканскаго материка могутъ выдержать сравненіе съ великими рѣками, которыми такъ богаты Европа и Азія, обязанныя этимъ естественнымъ проводникамъ международныхъ вліяній частію своего историческаго значенія. Есть причины думать, что первые поселенцы бѣлой породы пришли въ Африку изъ сосѣдней съ нею Азіи. Коренное, туземное населеніе состоитъ изъ черныхъ племенъ. Эти племена до сихъ поръ не выходятъ изъ полудикаго состоянія. У нихъ еще не было исторіи. Сдѣланныя подъ вліяніемъ Европейскихъ идей попытки основать благоустроенныя государства изъ негровъ были или неудачны, или по кратковременности нерѣшительны (С. Доминго, Либерія). Вообще характеръ негра отличается странною смѣсью дѣтскаго добродушія, безпечности и веселости съ способностью на самые звѣрскіе поступки и величайшее притворство.

Только сѣверная, лежащая между Сахарою и Средиземнымъ моремъ полоса Африки была въ древности театромъ историческихъ событій, въ которыхъ черныя племена не принимали никакого дѣятельнаго участія. Благодаря здоровому освѣжаемому сѣверными вѣтрами климату и легкости сообщеній съ Азіею и Европою сюда рано пришли бѣлые люди и заняли весь берегъ отъ Суецкаго перешейка до Атлантическаго океана. Многіе думаютъ, что они составляли одно племя, отъ котораго происходятъ, хотя съ разными позднѣйшими примѣсями, нынѣшніе Берберы. Древнѣйшее основанное этими пришельцами государство было Египетское.

Выходящій изъ покрытыхъ снѣгами, недалеко отъ экватора лежащихъ горъ внутренней Африки Бѣлый Нилъ (Бахръ-эль-Абіадъ) течетъ въ направленіи къ С.-В. и соединяется тамъ съ Голубымъ Ниломъ (Бахръ-эль-Азрекъ) и Такацемъ. Ихъ соединенныя воды пробиваются въ Нубіи чрезъ многочисленные пороги и входятъ въ Египетъ широкою и судоходною рѣкою. Послѣдніе пороги у Сіены, на самой границѣ Верхняго Египта; ширина рѣки простирается здѣсь до 3000 футовъ. Горы, которыя доселѣ мѣшали теченію Нила, заграждая ему дорогу, измѣнивъ направленіе, тянутся отъ Ю. на С. двумя невысокими хребтами, по обѣимъ сторонамъ рѣки и образуютъ узкую долину, которая въ книгахъ Моисея называется Мизраимъ, а на языкѣ собственныхъ жителей—Хеми, черной, въ противоположность ослѣпительной бѣлизнѣ сосѣднихъ песковъ. Данное ей Греками имя Египетъ происходитъ, кажется, отъ имени народа Гипты, Кипты, или Копты.

Египетъ есть даръ Нила. Безъ періодическихъ разливовъ этой рѣки, почва верхняго Египта была бы совершенно безплодна, потому что дожди

принадлежать здѣсь къ числу самыхъ рѣдкихъ явленій природы. Верхній Египетъ (столица Оивы) простирается отъ Сіенны до города Хеммиса; средній (ст. Мемфисъ) отъ Хеммиса до Керкасора. У Керкасора Нилъ раздѣляется на два большіе рукава (Пелузійскій и Канопскій) и образуетъ Дельту, или Нижній Египетъ. Освѣжаемая въ продолженіи 8 мѣсяцевъ дующими съ моря сѣверными вѣтрами и довольно частыми дождями Дельта есть самая благословенная часть Египта. Между многочисленными городами ея первое мѣсто принадлежитъ Саису.

Въ продолженіи тысячелѣтій Нилъ представляетъ однообразно однѣ и тѣ же явленія. Весною, когда начинаются тропическіе дожди и таютъ снѣга въ горахъ, откуда текутъ Бѣлый Нилъ и его притоки, вода постепенно прибываетъ въ нижнемъ Нилѣ и къ концу іюля уже выступаетъ изъ береговъ. Въ августѣ и сентябрѣ вся долина Египта до самыхъ горъ, служащихъ ему границами, покрыта водою и походитъ на большое озеро. Съ октября вода, которая подымается до 20 ф. надъ обыкновеннымъ уровнемъ своимъ, медленно убываетъ и въ декабрѣ вступаетъ обратно въ берега. Такіе разливы Нила не только заступаютъ для верхняго и средняго Египта мѣсто дождей, но еще удобряютъ почву плодороднымъ иломъ, который рѣки приносятъ съ собою изъ Абиссиніи и Нубіи. Этимъ наноснымъ иломъ объясняется очень замѣтное повышеніе египетской почвы. Каждыя 100 лѣтъ уровень ея поднимается на 4 вершка. Можно сказать, что царство жизни прекращается на той чертѣ, до которой доходятъ разливы рѣки: за этимъ предѣломъ начинается безплодная степь. Ливійская цѣпь, идущая по лѣвому берегу Нила, отдѣляетъ Египетъ отъ Сахары и защищаетъ его отъ песчаныхъ вихрей, несущихся съ Запада.

Населеніе древняго Египта было смѣшанное изъ пришлыхъ азіатскихъ и туземныхъ, т. е. африканскихъ составныхъ частей. Высшія сословія очевидно принадлежали къ кавказскому племени. Но мнѣніе, выводящее ихъ изъ Индіи, въ настоящее время должно быть оставлено. Гораздо правдоподобнѣе ихъ сродство съ сосѣдними Семитами, хотя характеръ египетской образованности представляетъ нѣчто самостоятельное, отнюдь не семитическое. Нынѣшніе Копты суть потомки древнихъ Египтянъ. Языкъ коптскій уже давно вышелъ изъ живаго употребленія и сохранился только въ переводѣ Св. Писанія и въ немногихъ богослужебныхъ книгахъ. Важность его для исторіи обнаружилась только съ того времени, когда найденъ былъ ключъ къ чтенію іероглифовъ. Новѣйшія изслѣдованія о древне-египетскомъ языкѣ показали, что при относительной бѣдности онъ отличался точностію и опредѣленностію. Одинъ и тотъ-же корень, при помощи придаточныхъ слоговъ, выражалъ нѣсколько частей рѣчи. Напр., слово: *anch* означаетъ жизнь, жить и живой, слѣд.—существительное, глаголъ и прилагательное. Двойственное число означается простымъ прибавленіемъ къ корню слога *ti*; для множественнаго употреблялось *u*. Вообще этотъ чисто механическій способъ замѣнялъ у Египтянъ существующіе въ другихъ богаче развитыхъ языкахъ переходы изъ одной буквы въ другую и другія органическія измѣненія словъ. Здѣсь отразился систематическій складъ народнаго ума, съ особенною за-

ботливостью выработавшаго всѣ выраженія, означающія время, число или мѣсто.

Около 3000 лѣтъ до Р. Х. Менесъ соединилъ подъ своимъ владычествомъ всю Нильскую долину и основалъ въ среднемъ Египтѣ городъ Мемфисъ, сдѣлавшійся столицею новаго царства. Городъ былъ выстроенъ на огромной насыпи, посредствомъ которой Менесъ отодвинулъ къ В. ложе Нила, дотолѣ, по Египетскимъ преданіямъ, протекавшаго почти у самой подошвы Ливійскихъ горъ. Вообще постройки, уцѣлѣвшія отъ этого періода, свидѣтельствуютъ уже о могуществѣ государей (фараоновъ) и изобрѣтательности народа, который безъ пособія машинъ воздвигалъ памятники, приводящіе въ изумленіе европейскихъ путешественниковъ математическою правильностію размѣровъ и величиною своею. На З. отъ Мемфиса надъ высѣченными въ каменистомъ грунтѣ могилами подданныхъ расположены отдѣльными группами пирамиды, въ которыхъ погребены тамошніе цари. Ихъ считаютъ до 40. Пирамиды суть правильныя четырехугольныя зданія, различной величины, постепенно суживающіяся кверху и оканчивающіяся тупымъ шпицемъ или площадкою. Онѣ выстроены изъ кирпича и камня, но снаружи были выложены гранитными или известковыми плитами. Въ каждой пирамидѣ есть узкіе проходы, ведущіе къ камерамъ, гдѣ стоятъ царскія гробницы. Проходы эти закладывались потомъ большими камнями. Самая замѣчательная группа находится у Гизе. Она состоитъ изъ 10 пирамидъ, между которыми 3 особенно отличаются своею колоссальностію и красотою. Геродотъ говоритъ, что онѣ были построены царями Хефреномъ (Хафра), Хеопсомъ (Хуфу) и Микериномъ (Менкера). Всѣ они принадлежатъ къ четвертой династіи. Надпись на саркофагѣ послѣдняго уцѣлѣла; мумія его хранится теперь въ Британскомъ музеѣ. Вышина Хеопсовой пирамиды простиралась въ древности до 480 ф. Въ настоящее время по снятіи съ нея верхняго яруса и плитъ, которыми она была обложена, она все еще доходитъ до 450 ф. Цари-строители пирамидъ не всѣ впрочемъ принадлежатъ къ одной династіи. Государство, основанное Менесомъ, нѣсколько разъ распадалось на части, и потомки Менеса не удержались на Мемфисскомъ престолѣ. Послѣ продолжительнаго періода внутренняго упадка, государямъ оивскимъ, или верхне-египетскимъ (12 династія) удалось около 2300 лѣтъ до Р. Х. опять соединить въ одно цѣлое весь Египетъ. Надписи называютъ ихъ владыками обоихъ Египтовъ, т. е. Верхняго и Нижняго. Цари этой династіи распространили завоеваніями свои владѣнія и украсили ихъ новыми общеполезными или великолѣпными зданіями. Сезортезенъ I, или Узертезенъ, покорилъ часть Нубіи и поставилъ въ Геліополисѣ древнѣйшій извѣстный намъ обелискъ. Еще большаго могущества достигъ Сезортезенъ II. На одномъ изъ памятниковъ Бенигасанскихъ въ Среднемъ Египтѣ находятся изображенія 37 данниковъ, представляющихъ столько-же африканскихъ и азіатскихъ народовъ, преклоняющихся предъ этимъ царемъ, которому приписывается раздѣленіе египетской почвы на равные, обложенные податью участки. Аменема III, котораго Греки ошибочно называли Мерисомъ, провелъ каналъ изъ Нила къ нынѣшнему Файуму, большой, до того времени

безплодной котловинѣ, лежащей среди Ливійскихъ горъ. Здѣсь было вырыто или, что вѣроятнѣе, значительно распространено озеро, служившее водохранилищемъ для уравненія Нильскихъ разливовъ. Когда половодье рѣки не доходило до надлежащаго уровня, тогда вода спускалась изъ озера, въ противоположномъ случаѣ озеро принимало въ себя избытокъ нильскихъ водъ. Миломѣръ. Каналъ давно засорился; но остатки плотинъ еще существуютъ, равно какъ и часть прежняго озера, сообщившаго Файуму удивительное плодородіе. Въ этой оплодотворенной имъ странѣ, близь озера, построилъ тотъ-же Аменема III городъ Крокодиловъ (впослѣдствіи Арсиное) и великолѣпный дворецъ, извѣстный подъ именемъ Лабиринта. Развалины Лабиринта найдены были во время французской экспедиціи въ Египетъ, но назначеніе его объяснено трудами новѣйшихъ ученыхъ. Это колосальное зданіе, въ которомъ, по словамъ Геродота, было 3000 комнатъ, въ томъ числѣ 1500 подземныхъ, служило символическимъ выраженіемъ единства Египетской земли и мѣстомъ сбора для великихъ торжествъ политическихъ и религіозныхъ, въ которыхъ принималъ участіе весь Египетъ. Каждому египетскому округу соотвѣтствовало особое отдѣленіе Лабиринта, въ которомъ помѣщались прибывшіе жрецы и сановники того округа и гдѣ они находили изображенія своихъ мѣстныхъ боговъ и мѣстной исторіи. Такимъ образомъ, лабиринтъ былъ религіозно - гражданскимъ святилищемъ египетскаго народа и полнымъ музеемъ его исторіи.

Черезъ 10 вѣковъ послѣ Менеса, при 13-й династіи, Египетъ былъ завоеванъ пришедшими съ С.-В., изъ Азіи, Гиксосами, т. е. арабскими, филистимлянскими и другими семитическими племенами. Только въ Верхнемъ Египтѣ, въ Ѳивахъ, удержались туземные властители. Владычество Гиксосовъ, которыхъ цари жили въ Мемфисѣ и жестоко притѣсняли покоренный ими народъ, продолжалось болѣе 600 лѣтъ. Наконецъ, послѣ упорной и долгой борьбы Ѳивскіе фараоны побѣдили ихъ и принудили удалиться обратно за Суецкій перешеекъ. Съ этого времени Ѳивы сдѣлались главнымъ городомъ возстановленнаго государства и далеко превзошли Мемфисъ великолѣпіемъ своихъ храмовъ и чертоговъ. Всѣ новые путешественники единогласно говорятъ, что невозможно передать впечатлѣніе, производимое видомъ Ѳивскихъ развалинъ, среди окружающей ихъ нынѣ пустыни. Судя по колосальнымъ памятникамъ, можно подумать, что здѣсь нѣкогда жили не обыкновенные люди, а вымершее племя великановъ. Развалины Ѳивъ расположены по обоимъ берегамъ Нила. На правой сторонѣ рѣки, на искусственныхъ терассахъ возвышаются остатки Карнакскаго и Луксорскаго храмовъ-чертоговъ. Эти зданія служили, повидимому, храмами богамъ и дворцами для царей. Нынѣшнія названія свои они получили отъ Карнака и Луксора, деревушекъ, занимающихъ весьма малую часть разрушенныхъ зданій. Въ большой залѣ Карнакской было 320 ф. длины и 160 въ ширину. Каменныя плиты составляли его потолокъ, опиравшійся на 134 исполинскія колонны. Выше и толще другихъ 12 колоннъ, стоящія по срединѣ; въ каждой изъ нихъ 70 футовъ вышины при 11 футахъ въ поперечникѣ. Отъ Карнака къ Луксору ведетъ длинная аллея, образуемая двумя рядами огром-

ныхъ сфинксовъ. У входа въ храмы стояли обелиски, четырехугольные, гранитные, заостренные къ верху столбы, до 80 ф. вышиной; они посвящались солнцу. Обелиски и стѣны зданій покрыты іероглифами, рельефными изображеніями разныхъ событій египетской исторіи и рисунками, краски которыхъ сохраняютъ до сихъ поръ свою свѣжесть. На противоположномъ, лѣвомъ берегу Нила находятся остатки дворцовъ Аменофиса III, Сетоса и Рамзеса Великаго съ колоссальными, но уже разбитыми статуями фараоновъ и ихъ супругъ. Статуя Мемнона (Letronne, la statue vocale de Memnon). Изображенія и надписи, которыя здѣсь находятся въ большомъ количествѣ, проливаютъ яркій свѣтъ на исторію фараоновъ. Слава Ѳивъ разнеслась далеко уже въ глубокой древности. Гомеръ говоритъ объ этомъ городѣ:

Ѳивы Египтянъ,
Градъ, гдѣ богатства безъ смѣты въ обителяхъ гражданъ хранятся;
Градъ, въ которомъ сто вратъ, а изъ оныхъ изъ каждыхъ по двѣсти
Ратныхъ мужей въ колесницахъ на быстрыхъ коняхъ выѣзжаютъ.
Ил. IX, 381.

У Египтянъ существовалъ обычай хоронить мертвыхъ на З. отъ жилыхъ мѣстъ, на той сторонѣ, гдѣ заходитъ солнце, на границѣ между царствомъ жизни, т. е. Нильскою долиною, и царствомъ смерти, Ливійскою степью. Недалеко отъ Ѳивъ, въ Ливійскихъ горахъ высѣчены рукою человѣка знаменитыя катакомбы, служившія мѣстомъ погребенія для Ѳивскихъ жителей. Онѣ расположены въ нѣсколько этажей и соединены между собою безчисленными лѣстницами и корридорами. Погребальныя камеры богатыхъ и знатныхъ людей находятся внизу. Это подземное кладбище, наполненное тысячами мумій, т. е. бальзамированными трупами древнихъ Египтянъ, въ настоящее время сдѣлалось неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній о домашнемъ бытѣ египетскаго народа. Стѣны и потолки катакомбъ покрыты изваяніями и фресками; при муміяхъ находятся въ большомъ количествѣ разнаго рода домашняя утварь, исписанные свертки папируса и талисманы. Нѣсколько далѣе къ З., въ тянущейся параллельно съ первою цѣпью отрасли Ливійскихъ горъ, въ великолѣпныхъ подземныхъ храминахъ погребены Ѳивскіе фараоны.

Вообще время 18 и 19 династій, отъ изгнанія Гиксосовъ (1580) до перенесенія столицы изъ Верхняго въ Нижній Египетъ, около 1200 лѣтъ до Р. Х., составляетъ лучшій періодъ египетской исторіи. Оригинальная образованность этого народа достигла тогда полнаго развитія своего и политическое могущество фараоновъ стояло на небывалой ни прежде, ни послѣ степени. Особенно важны царствованія Сетоса (1445 — 1394) и сына его Рамзеса Великаго, Міамуна, т. е. любимца Аммонова (1394 — 1328). Но слава Сетоса была поглощена славою сына, и Греческіе писатели, которымъ Рамзесъ извѣстенъ подъ именемъ Сезостриса (Геродотъ) и Сезосиса (Діодоръ Сицилійскій), приписываютъ ему не только подвиги отца, но, повидимому, дѣла другаго, гораздо древнѣйшаго государя, Сезортезена II. Изъ сохранившихся памятниковъ и преданій о войнахъ Рамзеса Великаго можно вы-

вести достовѣрное заключеніе, что онъ завоевалъ въ Африкѣ Нубію до горы Баркала въ Донголѣ, а въ Азіи Сирію, Месопотамію и, вѣроятно, Аравію. Гораздо сомнительнѣе походы его или другаго египетскаго царя въ Малую Азію, Европу и Индію. Близъ древняго Финикійскаго города Берита найдены высѣченныя въ скалѣ изображенія египетскихъ божествъ и имя Рамзеса. Многочисленные оивскіе и нубійскіе памятники Рамзесова царствованія, дворцы и храмы покрыты превосходными, свидѣтельствующими о высокомъ состояніи египетскаго искусства, изображеніями Великаго фараона и его подвиговъ. Со смерти Рамзеса начинается новый упадокъ египетскаго могущества. Азіатскія владѣнія перешли въ другія руки. Только царь Сизакъ, или Сезонхизъ, въ 976 году успѣшно воевалъ съ Іудеями и даже овладѣлъ на нѣкоторое время Іерусалимомъ. Въ половинѣ 8-го ст. до Р. Х. Египетъ подвергся вторично иноплеменному владычеству. Южныя Нубійскія и Абиссинскія племена, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ повиновавшіяся фараонамъ, сбросили съ себя иго и подъ предводительствомъ Сабакона въ свою очередь овладѣли Нильскою долиною. Еѳіопскіе цари (составляющіе 25 династію Манеѳона), давно усвоившіе себѣ Египетскую образованность, дѣйствовали въ духѣ вытѣсненныхъ ими предшественниковъ. Доказательствомъ могутъ служить ихъ пристройки къ Оивскимъ зданіямъ и воздвигнутые ими въ Египетскомъ вкусѣ памятники, развалины которыхъ открыты у г. Баркала. Преемники Сабакона—Севиховъ и Тирака принимали участіе въ войнахъ царствъ Израильскаго и Іудейскаго съ Ассирійцами.

Общее возстаніе Египтянъ положило конецъ полувѣковому владычеству пришельцевъ. Съ 695 г. двѣнадцать туземныхъ князей правили раздробившимся на части государствомъ (Додекархія). Эти князья въ знакъ взаимнаго согласія и союза возстановили лабиринтъ Аменемы III. Но одинъ изъ додекарховъ, Псаметихъ, которому достался удѣлъ въ Нижнемъ Египтѣ съ г. Саисомъ, призвалъ къ себѣ на помощь Іонійцевъ и Финикіянъ, одолѣлъ прочихъ князей и въ 650 г. возстановилъ единодержавіе. Столицею новой династіи остался Саисъ. Обязанный престоломъ иностранцамъ, Псаметихъ не только открылъ греческимъ и финикійскимъ судамъ всѣ гавани Нижняго Египта, но даже позволилъ имъ селиться въ своемъ государствѣ. На восточномъ рукавѣ Нила, между Пелузіумомъ и Бубастисомъ, поселились греческіе выходцы и охраняли новую родину со стороны Азіи. Жители Милета основали колонію Навкратисъ. Въ Мемфисѣ была отведена цѣлая часть города финикійскимъ наемникамъ. Права и льготы, которыми пользовались эти иностранцы, возбудили негодованіе туземной касты воиновъ. По свидѣтельству греческихъ писателей, 200 тыс. египетскихъ воиновъ ушли тогда на югъ въ Еѳіопію. При Псаметихѣ внѣшняя торговля египетская, которая дотолѣ производилась на небольшомъ островѣ Фаросѣ, приняла самые обширные размѣры. Иноземныя вліянія проникли въ царство фараоновъ и поколебали его древнія вѣрованія и обычаи. Сынъ Псаметиха, Нехао (610—600), шелъ по слѣдамъ отца. Подобно ему, онъ хотѣлъ воспользоваться ослабленіемъ ассирійскаго могущества и покорить себѣ Сирію. Счастіе благопріятствовало ему до самой войны его съ Навуходоноссоромъ Вавилонскимъ, ко-

торый одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду при Кархеминѣ на Евфратѣ въ 605 г. и заставилъ его отказаться отъ обладанія прибрежною Сиріей. У Нехао былъ значительный флотъ. По его порученію финикійскія суда совершили плаваніе вокругъ Африки и за 20 слишкомъ вѣковъ до Португальца Гамы обогнули мысъ Доброй Надежды. Они вышли изъ Чермнаго моря и на третій годъ пришли чрезъ Средиземное къ устьямъ Нила. Еще Рамзесъ Великій думалъ о соединеніи Средиземнаго моря съ Краснымъ посредствомъ канала и началъ работы, которыя потомъ были брошены; Нехао продолжалъ ихъ, но также безуспѣшно. Вѣроятно, Сирійская война отвлекла его отъ великаго предпріятія. Родъ Псаметиха пресѣкся въ лицѣ Гофры, или Апріи (588—570), государя, навлекшаго на себя ненависть подданныхъ несчастными войнами противъ Навуходоносора и противъ греческой республики Кирены, основанной на сѣверномъ берегу Африки. Онъ погибъ жертвою народнаго возстанія. Мѣсто его заступилъ Амазисъ, человѣкъ низкаго происхожденія, презиравшій обычаи родной старины и не скрывавшій своего пристрастія къ Грекамъ. Съ его согласія и при его содѣйствіи на Египетской почвѣ возникли храмы, посвященные греческимъ богамъ. Онъ умеръ въ 526 г.; въ слѣдующемъ-же году, при сынѣ его Псаменитѣ, Египетъ былъ покоренъ Персами.

Религія. Государственныя учрежденія. Просвѣщеніе. Обычаи. Египетская религія сложилась постепенно изъ мѣстныхъ вѣрованій, господствовавшихъ въ Нильской долинѣ до соединенія ея въ одно государство. Египтяне поклонялись олицетвореніямъ великихъ силъ и явленій природы. Слѣды мѣстнаго независимаго образованія культовъ сохранились, несмотря на усилія жрецовъ сгладить ихъ въ единствѣ цѣльной системы. Такъ, напримѣръ, въ Нижнемъ Египтѣ считалось 7 боговъ перваго разряда и въ Верхнемъ—9. Значеніе отдѣльныхъ божествъ недостаточно опредѣлено. Образы ихъ сливаются между собою. При древнихъ Мемфисскихъ царяхъ особеннымъ поклоненіемъ пользовались боги Средняго и Нижняго Египта, во главѣ которыхъ стояли Ра и Пта. Ра, или Фра („ф" приставляется какъ членъ), лучезарное, животворное солнце, отецъ боговъ и владыка обоихъ міровъ. Египетскіе цари величали себя сынами Ра; отъ слова Фра происходитъ названіе фараоновъ. Въ г. Геліополисѣ, въ Нижнемъ Египтѣ, находился главный храмъ этого бога, куда, по увѣренію жрецовъ, каждыя 500 лѣтъ прилеталъ съ В. для самосожженія и возрожденія Фениксъ. Мемфисскій Пта представляетъ большое сходство съ Геліополисскимъ Ра; подобно ему, онъ владыка обоихъ міровъ, богъ прогоняющаго тьму свѣта. Сверхъ этихъ мужескихъ боговъ жители Средняго и Нижняго Египта глубоко чтили богинь: Нейту (въ Саисѣ), воплощеніе женственнаго начала, матерь боговъ, корову, родившую солнце, и Пахту (въ Бубастѣ), подругу Пта, владычицу Мемфиса. Когда, по изгнаніи Гиксосовъ, Ѳивская династія утвердила свое владычество надъ Египтомъ, Ѳивскіе боги взяли верхъ надъ мемфисскими и нижне-египетскими. Малоизвѣстный дотолѣ Аммонъ (невѣдомый, скрытый) сдѣлался царемъ боговъ. Онъ даже слился въ одно съ сѣвернымъ Ра, присвоилъ себѣ его значеніе и является на памятникахъ подъ именемъ Аммона-Ра. Первое

мѣсто послѣ Аммона занималъ въ Оиваидѣ Кнефъ, податель влаги, владыка наводненій. Онъ также соединился въ послѣдствіи съ Аммономъ. Этому двойственному божеству Аммону-Кнефу посвященъ былъ храмъ, котораго развалины сохранились въ оазисѣ Сиваитѣ, нѣкогда славившійся своимъ прорицалищемъ. Саиской Нейтѣ соотвѣтствовала въ Верхнемъ Египтѣ Мутъ, матерь. Къ числу второстепенныхъ боговъ принадлежитъ Тотъ, небесный писецъ, котораго Греки приняли за своего Гермеса. Онъ владыка слова и истины. Онъ написалъ священныя книги, и потому жрецы воздаютъ ему большія почести. Позже другихъ возникло поклоненіе Озирису и Изидѣ. Это единственный богато развитый и ясный по содержанію миоъ египетской миоологіи. Въ Озирисѣ, Изидѣ и сынѣ ихъ Горосѣ воплощены органическая жизнь земли и дѣятельность природы, въ противоположность злому Тифону, представителю жгучаго солнца, засухи, соленаго, безплоднаго моря, владыкѣ всѣхъ вредныхъ звѣрей и растеній. Каждому божеству посвящено было какое-нибудь животное. Богу Ра — кончикъ и бѣлый или желтый быкъ Мневисъ; Пта — жукъ и отмѣченный особыми примѣтами быкъ Аписъ; Кнефу — баранъ. На памятникахъ боги изображены большею частію съ человѣческимъ туловищемъ и головою посвященныхъ имъ животнаго или птицы. Эти священныя животныя пользовались въ свою очередь религіознымъ уваженіемъ, такъ что иностранцы принимали ихъ за настоящихъ боговъ Египта. Египтяне вѣрили въ безсмертіе души и въ загробныя наказанія и награды. Озирисъ—судья въ царствѣ мертвыхъ, Тотъ записываетъ его приговоры. Душамъ грѣшниковъ предстоитъ Адъ или долгое странствованіе изъ одного животнаго въ другое до очищенія и возврата въ прежнее человѣческое тѣло. Вѣрою въ переселеніе душъ объясняется заботливость Египтянъ о сохраненіи тѣлъ умершихъ. Они тщательно бальзамировали трупы своихъ покойниковъ и не жалѣли трудовъ на сооруженіе имъ прочныхъ могилъ. Пирамиды. Катакомбы. Мумін.

Обоготворивъ силы окружающей его могучей, но однообразной въ своихъ явленіяхъ природы, Египетскій народъ старался сообщить всей жизни своей печать такого же однообразія и неизмѣннаго порядка. Все измѣнчивое, непостоянное, неправильное приписывали они Тифону. Египтяне раздѣлялись на касты, т. е. безвыходныя, замкнутыя сословія съ наслѣдственностію занятій. Происхожденіе кастъ, теряющееся въ глубокой древности, объяснялось различнымъ образомъ. Обыкновенно ихъ принимаютъ за результатъ завоеванія, обращающаго цѣлый народъ побѣдителей въ господствующія и побѣжденныхъ въ низшія сословія новаго государства. Нѣсколько послѣдовательныхъ завоеваній одной страны разными народами образуютъ столько же общественныхъ слоевъ, лежащихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ приходили иноплеменники. Древнѣйшее туземное населеніе находится въ такомъ случаѣ въ самомъ низу. Но Египетскія касты образовались не чрезъ завоеванія, а изъ замѣченнаго выше стремленія народа къ однообразію и порядку. Наслѣдственность занятій была господствующимъ правиломъ, нормою жизни. Впрочемъ, это правило допускало, сколько намъ извѣстно, исключенія и не соблюдалось въ такой строгости, какъ въ Индіи, гдѣ касты возникли изъ

другихъ началъ. Нельзя сказать съ достовѣрностію, сколько кастъ было въ Египтѣ. Геродотъ говоритъ, что ихъ было 7; Діодоръ Сицилійскій—5. Причина этого противорѣчія заключается въ согласномъ съ духомъ народа постоянномъ дробленіи низшихъ кастъ на болѣе мелкія подраздѣленія. Каждое ремесло или занятіе служило основаніемъ новой кастѣ. Когда Псаметихъ позволилъ Грекамъ селиться въ Египтѣ, онъ далъ имъ въ обученіе египетскихъ мальчиковъ, изъ которыхъ немедленно образовалась особая каста переводчиковъ. Есть даже свидѣтельство о существованіи касты воровъ. Жрецы и воины составляли двѣ главныя касты. Жрецы были настоящими представителями и двигателями египетскаго просвѣщенія. Они не только совершали богослуженіе и развивали свое ученіе объ отношеніи человѣка къ божествамъ и загробной жизни, но засѣдали въ верховныхъ судахъ и въ царскомъ совѣтѣ, занимались науками и строили колоссальные памятники, которые служатъ столь очевиднымъ доказательствомъ ихъ положительныхъ знаній. Содержаніе этой касты было обезпечено добровольными дарами богомольцевъ и приписанными къ храмамъ землями. Жрецы раздѣлялись по занятіямъ своимъ на нѣсколько разрядовъ, но всѣ они должны были вести весьма строгій образъ жизни. Ихъ пища, одежда, число ежедневныхъ омовеній и т. д. были опредѣлены закономъ. Каста воиновъ не пользовалась въ Египтѣ особенными правами. Каждому воину отводился опредѣленный участокъ свободной отъ налоговъ земли. Главная сила состояла въ пѣхотѣ, которая двигалась въ порядкѣ, при звукѣ трубъ. Конницы не было вовсе. Мѣсто ея занимали военныя колесницы, въ большомъ количествѣ изображаемыя на памятникахъ. Любимымъ оружіемъ Египтянъ былъ лукъ. Во времена персидскаго владычества Египетъ еще могъ выставить до 400 тыс. воиновъ. По происхожденію, цари египетскіе, кажется, принадлежали къ военной кастѣ, но, вступая на престолъ, они переходили въ жреческую. Власть этихъ царей переходила отъ отца къ сыну и ограничивалась одними религіозными уставами. Впрочемъ, фараоны не только сами приносили жертвы богамъ и совершали другіе обряды безъ посредства жрецовъ, во главѣ которыхъ они стояли, но даже пользовались со стороны подданныхъ такимъ же поклоненіемъ, какъ боги. Они воздвигали себѣ храмы и величали себя сынами Аммона. Обыкновенный титулъ ихъ „Могучій Горосъ", богъ-покровитель Египта. Царица принимала названіе Изиды. Однимъ словомъ, царь былъ живымъ воплощеніемъ божественнаго начала. Ему принадлежала вся почва Нильской долины. Участки, отведенные на содержаніе жрецовъ и воиновъ, не составляли ихъ собственности. Прочіе классы платили царю за пользованіе его землею. Домашняя и общественная жизнь фараоновъ была подчинена строгому порядку, и придворный церемоніалъ опредѣленъ съ большою точностію. Государство раздѣлялось на округа, которыми правили царскіе намѣстники. Послѣ изгнанія Гиксосовъ такихъ округовъ считалось 36. Несмотря на общую всѣмъ восточнымъ народамъ жестокость казней, законы египетскіе свидѣтельствуютъ о значительномъ развитіи общественныхъ отношеній и мягкости нравовъ. Египтяне не знали рабства за долгъ, принадлежащаго къ числу самыхъ обыкновенныхъ явленій древней исторіи.

Убійство раба наказывалось у нихъ наравнѣ съ убійствомъ свободнаго человѣка. Женщины пользовались несравненно бо́льшею свободою, чѣмъ въ другихъ восточныхъ государствахъ. Въ случаѣ малолѣтства царя за него нерѣдко правила мать. Особенно строгимъ наказаніямъ подвергались преступники, виновные въ подлогѣ письменныхъ документовъ, мѣръ или вѣсовъ. Судопроизводство было все письменное. Египетскія письмена, или іероглифы, изобрѣтены и усовершенствованы жрецами. Іероглифы начались съ простаго изображенія, или рисунка видимыхъ предметовъ. Затѣмъ явились символическіе знаки, состоявшіе изъ такихъ же изображеній, но означавшіе не видимые предметы, а отвлеченныя представленія и понятія. Такъ наприм., три горизонтально одна надъ другой расположенныя, параллельно проведенныя кривыя линія представляютъ воду. Теленокъ къ нимъ бѣгущій означаетъ уже понятіе жажды. Отъ этихъ образныхъ и символическихъ іероглифовъ Египтяне перешли къ фонетическимъ, или звуковымъ. Они стали означать буквы или звуки изображеніемъ предметовъ, которыхъ названія начинаются съ этихъ буквъ. Примѣнивъ эту систему къ русскому языку, мы могли бы означить букву *л* изображеніемъ лошади, льва, лебедя и т. д. Изъ іероглифическаго письма образовалось впослѣдствіи іератическое, т. е. скоропись, состоящая изъ сокращенныхъ іероглифическихъ знаковъ; еще новѣе третій общеупотребительный родъ письменъ—демотическій, въ которомъ видно явное стремленіе замѣнить буквами образы и символы. Ключемъ къ египетской азбукѣ мы обязаны геніальному французскому ученому Шамполіону младшему. Главныя трудности, встрѣчающіяся при разборѣ памятниковъ египетской грамотности, заключаются во множествѣ знаковъ, выражающихъ одинъ и тотъ же звукъ, и въ самомъ языкѣ, къ которому Коптскій относится какъ позднѣйшее и притомъ искаженное нарѣчіе. У Египтянъ заимствовали азбуку усовершенствовавшія ее Семитическія племена, которыя, въ свою очередь, передали ее Грекамъ и остальной Европѣ.

Сверхъ важныхъ въ историческомъ и миѳологическомъ отношеніи надписей на зданіяхъ, мы обладаемъ многочисленными юридическими актами, найденными въ катакомбахъ, купчими, контрактами и т. д., свидѣтельствующими о весьма распространенномъ употребленіи письма въ древнемъ Египтѣ. Папирусъ, на которомъ писаны эти документы, соединялъ въ себѣ многія изъ удобствъ нашей писчей бумаги и даже превосходилъ ее прочностію. Онъ выдѣлывался изъ высокаго тростника, растущаго на низовьяхъ Нила. Чисто литературныхъ памятниковъ еще не найдено, хотя намъ извѣстно существованіе 42 священныхъ книгъ, въ которыхъ заключалась вся жреческая наука. Египетскимъ жрецамъ принадлежитъ, по всей вѣроятности, честь древнѣйшихъ астрономическихъ наблюденій. Они не только опредѣляли по положенію свѣтилъ время Нильскихъ разливовъ, но ввели такъ называемый періодъ созвѣздія собаки, для соглашенія Египетскаго гражданскаго изъ 365 дней состоявшаго года съ астрономическимъ. Календарь Египетскій. Каждый день былъ посвященъ особенному божеству и считался его праздникомъ. Къ положительнымъ астрономическимъ знаніямъ примѣшивались бредни астрологіи, возникшей въ Египтѣ и отсюда перешедшей къ

другимъ народамъ. Египту обязаны мы также основными началами геометріи, зодчества и ваянія. Вѣсы и мѣры опредѣлены съ такою точностію, что Ньютонъ могъ изъ размѣровъ Хефреновой пирамиды вывести настоящую величину Египетскаго локтя. Жрецы занимались и медициною, но каждый врачъ лѣчилъ только отъ одной болѣзни. На искусствѣ Египетскомъ лежитъ отпечатокъ народнаго духа, старавшагося сообщить своимъ созданіямъ прочность и математическую правильность, однообразіе формы и преобладаніе прямыхъ линій. Въ лицахъ статуй и рисунковъ, изображающихъ высшія сословія Египетскаго народа, постоянно повторяется одинъ и тотъ же задумчивый и спокойный типъ. Памятники блестящаго періода Оивскихъ фараоновъ отличаются впрочемъ бо́льшею свободою и богатствомъ формы. Низшія касты занимались ремеслами, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Предметы домашняго употребленія, находимые въ гробницахъ, служатъ доказательствомъ искусства Египетскихъ ремесленниковъ. Ихъ металлическія и стеклянныя издѣлія извѣстны были въ самой глубокой древности. Слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. Египтяне уже умѣли добывать мѣдную руду на Синайскомъ полуостровѣ. Изъ рисунковъ видно, что одежды и жилища богатыхъ людей отличались роскошью и разнообразіемъ украшеній. Вообще Египтяне любили удобства и наслажденія жизни. Праздники ихъ сопровождались музыкою и пляскою. Земледѣліе процвѣтало. Сверхъ различныхъ хлѣбныхъ злаковъ, жители Нильской долины разводили сады и виноградники и выдѣлывали масло и вино. Скотоводство существовало въ большихъ размѣрахъ и пастухи составляли отдѣльную, ниже другихъ стоявшую касту. Несмотря на презрѣніе, котораго они были предметомъ, вѣроятно вслѣдствіе ихъ полукочевой, ненавистной остальнымъ Египтянамъ жизни, эти пастухи обладали большою опытностію въ своемъ дѣлѣ; они между прочимъ знали полезныя свойства травъ, растущихъ на Нильской долинѣ.

Сознавая свое дѣйствительное превосходство надъ другими народами, Египтяне долго избѣгали сношеній съ ними и считали ихъ нечистыми. Только война и торговля открывали иноплеменникамъ таинственное царство фараоновъ. По подобно Японіи, которая до нашего времени держалась этой системы, торговля Египтянъ съ чужеземными купцами производилась на немногихъ указанныхъ правительствомъ рынкахъ. Египтяне получали изъ сосѣднихъ странъ Африки и Азіи лѣсъ, металлы, слоновую кость, рабовъ, благовонія, масло и вино. Сами они отпускали за-границу разную утварь, стекло, оружіе, военныя колесницы, лошадей и хлѣбъ. Съ 7-го столѣтія Египетъ вступилъ въ болѣе тѣсную связь съ народами, жившими по берегамъ Средиземнаго моря.

Къ Югу отъ Египта, между Ниломъ и Такацомъ лежало жреческое государство Мерое, откуда, по мнѣнію многихъ, вышло не только населеніе Нильской долины, но и вся египетская образованность. Дѣйствительно, жители Мерое поклонялись Аммону и другимъ богамъ верхняго Египта; они также раздѣлялись на касты, между которыми первое мѣсто занимала жреческая, памятники искусства представляютъ, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, сходство съ Египетскими, но на основаніи всѣхъ доселѣ пріоб-

рѣтенныхъ историческихъ данныхъ, мы въ правѣ заключить, что просвѣщеніе двигалось не внизъ, а вверхъ по Нилу. Сходство, замѣчаемое между Мерое и Египтомъ, объясняется очень просто ранними завоеваніями и продолжительнымъ владычествомъ фараоновъ въ Нубіи. Исторія Мерое намъ мало извѣстна. Жрецы пользовались большою властію; назначали государей и сводили ихъ съ престола. Въ 3-мъ столѣтіи до Р. Х. царь Ергаменъ, при содѣйствіи касты воиновъ, истребилъ жрецовъ и утвердилъ самодержавіе.

Отъ не опредѣленнаго наукою, смѣшаннаго изъ азіатскихъ и африканскихъ элементовъ населенія Нильской долины мы переходимъ къ изложенію судебъ двухъ великихъ вѣтвей, на которыя раздѣлилась Кавказская порода съ самаго начала исторіи. Языками, нравами, свойствами ума народы Семитической вѣтви рѣзко отличаются отъ народовъ Яфетическихъ, или Индогерманскихъ. Изъ борьбы и совокупной дѣятельности этихъ двухъ группъ слагалась въ продолженіи тысячелѣтій жизнь историческаго человѣчества.

ПЛЕМЕНА СЕМИТИЧЕСКІЯ.

Семитическіе народы, составляющіе потомство пяти сыновъ Симовыхъ, занимали въ древности земли, лежащія между Средиземнымъ моремъ и рѣчною областью Тигра, между Армянскими горами и южною оконечностью Аравійскаго полуострова. Несмотря на различіе историческихъ судебъ и мѣстныхъ условій, мы находимъ въ вѣрованіяхъ и нравахъ Семитовъ много общихъ чертъ, обличающихъ ихъ кровное и духовное родство между собою. Вообще Семитъ несравненно упорнѣе Индогерманца и не такъ легко поддается чуждымъ вліяніямъ. Въ его могучей, но себялюбивой природѣ есть нѣчто жестокое и исключительное. Онъ способенъ къ самымъ чистымъ и возвышеннымъ вѣрованіямъ и къ самымъ мрачнымъ заблужденіямъ религіознаго и нравственнаго чувства. Восторженный героизмъ въ немъ часто соединяется съ холоднымъ разсчетомъ корыстолюбія. Но во всѣхъ направленіяхъ своей дѣятельности онъ равно исполненъ нетерпимости и всегда ненавидитъ иновѣрца, политическаго противника и соперника по торговлѣ. Можно сказать, что Семитамъ не достаетъ внутренняго спокойствія и гармоническаго согласія ихъ духовныхъ силъ, изъ которыхъ одна постоянно беретъ перевѣсъ надъ другими. Отсюда происходитъ страстный и неровный характеръ ихъ исторіи. Эти особенности племеннаго духа отразились въ поэзіи и искусствѣ семитическихъ народовъ. Они богато развили и довели до высокой красоты свою лирику, потому что въ этой формѣ можетъ свободно высказываться личное чувство поэта; но у нихъ нѣтъ ни эпоса, ни драмы, однимъ словомъ, нѣтъ тѣхъ родовъ поэзіи, въ которыхъ лицо поэта исчезаетъ за его произведеніемъ. По той-же причинѣ музыка была ихъ любимымъ и у всѣхъ одинаково національнымъ искусствомъ, ибо музыка, вы-

ражающая звуками разнообразныя движенія души, занимаетъ въ сферѣ искусства мѣсто, соотвѣтствующее тому, которое принадлежитъ лирикѣ между родами поэзіи. Религіозныя вѣрованія языческихъ Семитовъ основаны на обоготвореніи свѣтилъ небесныхъ и животворящаго начала въ природѣ, которое обыкновенно выражается двумя божествами—мужескимъ и женскимъ. Главными божествами семитическихъ народовъ были Ваалъ, богъ солнца и неба; супруга Ваала есть влажная, оплодотворяемая солнцемъ земля, производительная способность органической природы вообще. Эта богиня носила названіе Мелиты и Ваалтисы въ Вавилоніи, Ашеры въ Сиріи, Ма въ Малой Азіи и т. д. Ваалу и его супругѣ противоположны грозные, враждебные жизни и разрушающіе ее Молохъ и Астарта. Воображеніе Семитовъ нерѣдко совокупляло женскія и мужскія божества въ одно двуглавое. Ассирійскій Сандонъ. Нигдѣ не обнаруживаются въ такой степени темныя стороны характера семитическихъ народовъ, какъ въ ихъ кровавыхъ и нечистыхъ культахъ. Приношеніе въ жертву людей было у нихъ въ большомъ употребленіи. Но изъ этой-же Симовой семьи избралъ Господь народъ, принявшій первыя откровенія Божественной истины и, несмотря на частыя отпаденія, показывающія, что онъ не былъ чуждъ пороковъ, общихъ всему племени, сохранившій эту истину до Новаго Завѣта.

1. **Евреи**.

Источники: Св. книги Ветхаго Завѣта. Пособія: Филаретъ, Исторія Ветхаго Завѣта.

Происхожденіе Евреевъ. Ханаанъ.

Въ Урѣ Халдейскомъ (Уръ-Хаздимъ), на южномъ склонѣ Армянскихъ горъ жили родоначальники Еврейскаго народа. Отсюда вышелъ съ дѣтьми своими Өара, потомокъ сына Симова Арфаксада, и поселился въ Харранѣ близъ Евфрата. По смерти Өары, сынъ его Авраамъ съ семействомъ своимъ и племянникомъ Лотомъ откочевалъ за Евфратъ и пришелъ въ землю Ханаанскую. Ханааномъ называлась западная, ближайшая къ морю часть Сиріи. Между Ханааномъ (низменность) и Арамомъ (высота), или восточною Сиріею, которая отъ подымающихся до 11,000 ф. вершинъ Антиливанскаго хребта спускается неровными уступами къ Евфрату и песчаною степью подходитъ къ самой рѣкѣ, тянется въ видѣ широкодоннаго оврага продолговатая долина, съ обѣихъ сторонъ сжатая горными хребтами. По этой знойной и мѣстами необыкновенно плодородной впадинѣ текутъ рѣки Оронтъ къ СЗ. и Іорданъ къ Югу. Послѣдній проходитъ чрезъ образуемыя горными ручьями озера Меромское и Генезаретское и потомъ впадаетъ въ Мертвое море, лежащее на 1,300 ф. ниже уровня Средиземнаго моря. Когда Авраамъ пришелъ въ южный Ханаанъ и разбилъ у Хеврона шатры свои, Мертваго моря еще не было. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ оно находится, стояли въ цвѣтущей долинѣ Сиддимской города Содома и Гоморра, близъ которыхъ поселился Лотъ. Но Господь, разгнѣванный грѣхами жителей,

истребилъ огнемъ своимъ преступные города и обратилъ всю окрестную страну въ пустыню, которая свойствомъ своей почвы и горько-солеными водами находящагося въ ней Мертваго моря доселѣ свидѣтельствуетъ о страшномъ переворотѣ, здѣсь нѣкогда совершившемся. Среди общей гибели пощажены были ради Авраама только Лотъ и его дочери, отъ которыхъ ведутъ родъ свой Моавитяне и Аммонитяне, жившіе впослѣдствіи на Востокъ отъ Іордана. Въ землѣ Ханаанской Авраамъ свято хранилъ принесенную имъ съ Востока вѣру отцовъ и поклонялся единому Богу, творцу неба и земли (покорность его волѣ Божіей—жертвоприношеніе Исаака). Наградою Аврааму было благословеніе Господне и обѣщаніе владычества надъ Ханааномъ его потомству.

Потомство Авраама.

Изъ сыновей Авраама старшій Измаилъ, рожденный отъ Агари, сталъ родоначальникомъ Измаилитянъ, т. е. племенъ западной и сѣверной Аравіи; Исаакъ, рожденный отъ Сарры, наслѣдовалъ благочестіе отца и данное ему Богомъ обѣтованіе; Мидіанъ былъ родоначальникомъ Мидіанитянъ. У Исаака, продолжавшаго вести пастушескую жизнь, по примѣру предковъ, было два сына: Исавъ, или Эдомъ, и Іаковъ, или Израиль. Послѣдній купилъ у брата право первородства и получилъ отъ отца благословеніе, въ силу котораго онъ сдѣлался старшимъ въ родѣ Авраама. Отъ Исава произошли Эдомитяне, племя, поселившееся къ Югу отъ Іудеи. Такимъ образомъ, многія изъ жившихъ по сосѣдству съ Евреями племенъ происходили отъ одного съ ними корня, но племена эти утратили чистоту крови чрезъ смѣшеніе съ другими частію Семитическими, частію Хамитскими (отъ Хама) народами.

Переселеніе въ Египетъ.

При Іаковѣ совершилось переселеніе Евреевъ въ Египетъ (1800) (Исторія Іосифа). Около четырехъ вѣковъ продолжалось пребываніе сыновъ Израиля въ Египтѣ. Они пасли стада свои въ землѣ Гесемъ, въ восточной части Нильской Дельты. Ихъ быстро возраставшее число и пастушескій, какъ сказано выше, ненавистный Египтянамъ образъ жизни навлекли на нихъ гоненія фараоновъ (Работы Египетскія. Избіеніе младенцевъ). Но въ самое тяжкое для Израильтянъ время Господь послалъ имъ избавителя въ лицѣ Моисея, сына Амрамова, изъ колѣна Левіина.

Моисей.

Спасенный отъ смерти дочерью Фараона, Моисей выросъ при царскомъ дворѣ и познакомился съ наукою Египетскихъ жрецовъ. Совершенное имъ изъ горячаго участія къ оскорбленному Египтяниномъ соотечественнику убійство заставило его удалиться къ Мидіанитянамъ, жившимъ на восточной границѣ Египта. Здѣсь провелъ онъ 40 лѣтъ (Пламенная купина). Посланный Богомъ, Моисей возвратился въ Египетъ и въ соединеніи съ братомъ своимъ Аарономъ принудилъ Фараона изъявить согласіе на исходъ Евреевъ

изъ предѣловъ Египетскихъ (Язвы. Гибель Египетскаго войска въ водахъ Чермнаго моря). Моисей привелъ избавленный имъ отъ рабства народъ къ горѣ Синаю и получилъ здѣсь отъ Господа 10 заповѣдей, содержавшія въ себѣ правила вѣры и нравственности, которымъ должны были слѣдовать Евреи. Въ основаніи этого доселѣ чтимаго народомъ закона лежитъ чистая, чуждая тогдашнему, преклонявшемуся предъ обоготворенными силами природы человѣчеству, идея единаго Бога, царящаго надъ созданною имъ и служащею ему подножіемъ природою. Божественный законодатель сталъ самъ вождемъ избраннаго имъ народа и изъ таинственной скиніи свидѣнія, гдѣ хранился ковчегъ со скрижалями, на которыхъ начертаны были заповѣди, постоянно напоминалъ Израилю о незримомъ присутствіи своемъ. Раздѣленіе народа на 13 колѣнъ по числу 12 сыновъ Іакова и двухъ сыновъ Іосифа (Манассіи и Ефрема), который не оставилъ колѣна, названнаго его именемъ. Левиты исключительно занимались богослуженіемъ и получали за то десятину и часть отъ жертвъ и другихъ приношеній. Они составляли самое просвѣщенное сословіе въ народѣ. Наслѣдственное въ родѣ Аарона званіе первосвященника.

Покореніе Іорданской долины и разселеніе колѣнъ.

Въ продолженіи сорока лѣтъ кочевали Евреи по пустынямъ, окружающимъ землю Ханаанскую, и уже по смерти Моисея заняли подъ начальствомъ Іисуса Навина глубокую долину, орошаемую Іорданомъ, истребивъ или поработивъ большую часть прежняго, преимущественно Аморитянскаго населенія. Только въ немногихъ крѣпкихъ городахъ и недоступныхъ горныхъ ущельяхъ удержались среди Евреевъ независимые остатки языческихъ племенъ. Лежащая къ западу нагорная и приморская часть Ханаана осталась также въ рукахъ язычниковъ. Южными сосѣдями Евреевъ съ этой стороны были Филистимляне, къ Сѣверу отъ Филистимлянъ жили Финикіяне.

Филистимляне.

За 15 или даже болѣе вѣковъ до Р. Х. Филистимляне уже славились своимъ могуществомъ и воинственнымъ духомъ. По всей вѣроятности, имъ принадлежало первое мѣсто между племенами, которыя подъ именемъ Гиксосовъ покорили Египетъ. У Филистимлянъ было пять главныхъ городовъ: Газа, Аскалонъ, Асдодъ, Гатъ и Экронъ. Въ Асколонѣ находился знаменитый храмъ богини Деркето (Филистимлянской Ашеры), которую Греки называли Афродитой-Ураніей. Князья названныхъ нами пяти городовъ начальствовали надъ войсками Филистимлянъ и управляли ихъ краемъ въ мирное время. Отъ Филистимлянъ произошло имя Палестины, данное впослѣдствіи всему южному Ханаану. При разселеніи колѣнъ Израильскихъ въ завоеванной ими странѣ, девять колѣнъ съ половиною сѣли на правой сторонѣ Іордана, остальныя два съ половиною (Рувимъ, Гадъ и половина Манассіи) на лѣвой. Левиты не получили особеннаго округа, но имъ было дано по 4 города въ участкѣ каждаго колѣна съ достаточными лугами и пажитями, не считая доходовъ, о которыхъ сказано выше.

Періодъ судей.

Бытъ Еврейскаго народа въ этотъ періодъ его исторіи былъ патріархальный, полупастушескій, полуземледѣльческій. Во главѣ отдѣльныхъ колѣнъ стояли старшины, которые рѣшали тяжбы при участіи родоначальниковъ, т. е. старшихъ тѣхъ родовъ, изъ которыхъ состояло колѣно, и вмѣстѣ составляли совѣтъ народный. По смерти Іисуса Навина религіозная и гражданская связь, соединявшая въ одно цѣлое все потомство Іакова, ослабѣла. Колѣна не только не помогали одно другому противъ общихъ непріятелей, но враждовали между собою и даже не сохраняли вѣрности небесному царю своему. Они стали поклоняться кумирамъ Сирійскихъ божествъ: Ваалу, Астартѣ и т. д. Наказаніе не замедлило. Несмотря на геройскіе подвиги вождей, носившихъ званіе судей, Израиль едва отстаивалъ свою независимость противъ иноплеменниковъ. Онъ долженъ былъ постоянно отражать нападенія воинственныхъ, большею частію однокровныхъ съ нимъ племенъ, жившихъ вдоль его южной и восточной границы (Амалекитяне, Мидіанитяне, Эдомитяне, Моавитяне, Аммонитяне) и вести войну съ уцѣлѣвшими въ сѣверной части обѣтованной земли язычниками (Баракъ и Девора, Гедеонъ, Іеффай). Но опаснѣе всѣхъ другихъ враговъ были Филистимляне (Самсонъ). При Иліи (1130), въ лицѣ котораго впервые соединились санъ первосвященника и званіе судьи, Израильтяне потерпѣли страшное пораженіе отъ Филистимлянъ, которые даже овладѣли Кивотомъ Завѣта. Илія не пережилъ извѣстія объ этомъ несчастіи. Побѣдители покорили себѣ всѣ колѣна, жившія на правомъ берегу Іордана, и приняли надежныя мѣры къ упроченію своего владычества надъ ними. Въ то-же время Аммонитяне тѣснили колѣна, сидѣвшія за Іорданомъ. Самуилъ поднялъ падшій духъ народа побѣдою надъ Филистимлянами, которые возвратили ему кивотъ, и возстановилъ чистоту религіозныхъ вѣрованій. Уничтоженіе кумировъ и заимствованныхъ отъ сосѣдей суевѣрныхъ обрядовъ. Основаніе училищъ для левитовъ. **Самуилъ былъ послѣднимъ изъ судей.**

Начало царей. Саулъ.

Народъ Еврейскій, видя необходимость бо́льшаго внутренняго единства для успѣшной борьбы съ врагами, поставилъ царемъ надъ собою (1095) Саула (изъ колѣна Веніаминова), одержавшаго блестящія побѣды надъ Аммонитянами и Филистимлянами. Нехотя далъ свое согласіе на это избраніе Самуилъ и еще при жизни Саула помазалъ на царство Давида, сына Іессеева, изъ колѣна Іудина. Подвиги Давида. Покушеніе Саула на его жизнь. Проигравъ при горѣ Гелвуйской битву противъ Филистимлянъ, Саулъ не захотѣлъ пережить своего пораженія и смерти трехъ убитыхъ сыновей. Онъ поразилъ себя мечемъ своимъ. Одно только колѣно Іудино признало тогда царемъ Давида; остальныя продолжали повиноваться Извозееу, сыну Саулову. По смерти Извозеоа, Давидъ былъ провозглашенъ въ Хевронѣ царемъ всего Израиля.

Завоеванія Давида и внутреннія преобразованія.

Длиннымъ рядомъ побѣдъ и внутреннихъ преобразованій Давидъ создалъ самое могущественное государство въ Сиріи. Онъ покорилъ одноплеменныя съ Евреями народы, живиіе близь Іорданской долины, и обложилъ данью Дамаскъ, Зобу и другія Сирійскія княжества. Власть его простиралась отъ Ливанскихъ горъ до Евфрата и отъ Дамасской области до Аравійскаго залива, на которомъ у него были города и гавани. Разбитые имъ Филистимляне не смѣли тревожить его владѣній. Финикійскіе города, особенно Тиръ, находились въ тѣсномъ союзѣ съ нимъ. Отнявъ у Іевусеевъ, небольшаго Аморитскаго племени, Іерусалимъ, Давидъ избралъ его своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Крѣпкій по положенію своему городъ съ Сіонской горой, на которой стоялъ отдѣльный замокъ, представлялъ большія удобства для защиты въ случаѣ вторженія внѣшнихъ враговъ или междоусобной войны. На Сіонѣ выстроилъ себѣ Давидъ дворецъ и перенесъ въ новую столицу кивотъ завѣта, который со времени Іисуса Навина находился въ Силоамѣ, у колѣна Ефремова, имѣвшаго поэтому нѣкоторый перевѣсъ надъ прочими колѣнами. Іерусалимъ сдѣлался средоточіемъ религіозной и политической жизни Еврейскаго народа. Давидъ содержалъ большое войско; онъ завелъ у себя многочисленную конницу и военныя колесницы. Стража царская состояла большею частію изъ иностранныхъ наемниковъ. Сверхъ дани, которую ему платили подвластные народы, Давидъ получалъ значительные доходы отъ стадъ, полей и садовъ, имъ пріобрѣтенныхъ. Мѣсто существовавшаго дотолѣ патріархальнаго быта заступила система управленія, основанная на монархическомъ началѣ. Давидъ замѣнилъ прежнихъ наслѣдственныхъ старшинъ, стоявшихъ во главѣ колѣнъ, назначенными имъ судьями и ввелъ много другихъ сановниковъ. Народная перепись. Съ качествами великаго государя и полководца, Давидъ соединялъ вдохновеніе поэта. Содержаніе его исполненныхъ высочайшей красоты пѣсенъ (псалмовъ) составляютъ слава Іеговы и скорбь сердца, сокрушеннаго глубокимъ сознаніемъ своихъ грѣховъ. Последніе годы Давидовой жизни были отравлены возстаніемъ и смертію старшаго сына его Авессалома и распрями за престолонаслѣдіе, которыя возникли между двумя другими сынами его Адоніей и Саломономъ. Назначивъ послѣдняго своимъ преемникомъ, Давидъ скончался въ 1015 году.

Саломонъ. Храмъ. Слава Саломона. Начало государственнаго упадка.

За воинственнымъ царствованьемъ Давида послѣдовало мирное царствованье Саломона, который въ дѣлахъ внутренняго управленія шелъ по слѣдамъ отца и довершилъ начатыя имъ перемѣны. Войско было увеличено: укрѣпленія Іерусалима и пограничныхъ городовъ усилены. На торговыхъ путяхъ, которыми ходили караваны, возникли новые города, между прочимъ Тадморъ, или Пальмира въ покрытомъ пальмами оазисѣ Сирійской пустыни. Не довольствуясь дворцомъ Давида, Саломонъ выстроилъ себѣ новый болѣе великолѣпный и обширный. Сверхъ того у него были лѣтнія палаты на про-

хладномъ склонѣ Ливана. Самое значительное изъ зданій Саломоновыхъ есть храмъ, воздвигнутый имъ Единому Богу, на холмѣ Моріи, противъ Сіона. По недостатку туземныхъ художниковъ, зодчіе и другіе мастера были вызваны изъ Финикіи. Великолѣпію сіявшаго драгоцѣнными камнями и металлами храма соотвѣтствовали торжественность и красота богослуженія. При дворѣ царскомъ господствовала рѣдкая даже на Востокѣ роскошь. Для такихъ издержекъ недостаточно было казны, собранной Давидомъ, и прежнихъ доходовъ. Саломонъ обложилъ подданныхъ своихъ неизвѣстными до его времени податями и налогами. Участіе его въ Финикійской торговлѣ доставляло ему, кромѣ того, значительную прибыль. Изъ принадлежавшей ему на Чермномъ морѣ гавани Эсіонгевера ходили построенныя тамъ съ его согласія финикійскія суда вдоль береговъ Аравіи въ Офиръ (къ устьямъ Инда или даже, быть можетъ, южнѣе) и возвращались назадъ съ богатымъ грузомъ золота и другихъ драгоцѣнностей, которыхъ часть шла на долю Еврейскаго царя. Тѣсный торговый и политическій союзъ соединялъ Саломона съ сосѣдними фараонами. Чрезъ его владѣнія лежалъ путь, по которому караваны ходили изъ внутренней Азіи къ границѣ Египта. Сынъ Давида славился не однимъ богатствомъ и роскошью своею. Молва о его мудрости (Книга Премудрости, Пѣснь Пѣсней) разнеслась по всему Востоку и привлекала ко двору его другихъ государей, приходившихъ къ нему за поученіями. Изъ южной Аравіи, съ отдаленнаго конца Семитическаго міра, его посѣтила, ради назидательной бесѣды, царица Савская. Но мудрость Саломона не спасла его отъ ошибокъ и заблужденій. Его многочисленныя, изъ разныхъ странъ взятыя жены поклонялись въ Іерусалимѣ языческимъ божествамъ своей родины. Близъ храма, сооруженнаго истинному Богу, возникли капища Молоха, Астарты и другихъ семитическихъ божествъ. Самъ царь приносилъ имъ жертвы. Нечистые, безобразные Сирійскіе культы распространились между потомками Авраама. Простота земледѣльческихъ и пастушескихъ нравовъ не устояла противъ вліянія тѣхъ примѣровъ, какіе подавали высшія сословія. Роскошь привела за собою развратъ. Съ другой стороны народъ роталъ на тяжесть налоговъ. Дамаскъ и другія Сирійскія владѣнія, подвластныя Давиду, отложились отъ его сына и перестали платить ему дань. Саломонъ добровольно уступилъ царю Тирскому цѣлый округъ съ двадцатью селеньями у границы Финикійской. Онъ умеръ въ 975 году.

Распаденіе государства на Іудейское и Израильское.

Въ Сихемѣ, на землѣ колѣна Ефремова, болѣе другихъ недовольнаго новымъ порядкомъ вещей, собрался народъ Еврейскій и требовалъ отъ Ровоама, сына Саломонова, уменьшенія податей. Надменный отказъ Ровоама подалъ поводъ къ возстанію. Только колѣна Іуды, Симеона и часть Веніаминова остались вѣрными дому Давида и образовали небольшое царство Іудейское, главная сила котораго заключалась въ столицѣ его Іерусалимѣ. Сѣверныя и заіорданскія колѣна провозгласили царемъ Израильскимъ Іеровоама. Религіозное единство рушилось почти одновременно съ политическимъ.

Израиль.

Цари Израильскіе, которыхъ столицею былъ сначала Сихемъ, а потомъ Самарія, стараясь ослабить значеніе храма Іерусалимскаго, куда ихъ подданные стекались на поклоненіе единому Богу во дни великихъ праздниковъ, покровительствовали въ своихъ владѣніяхъ язычеству и содѣйствовали распространенію Египетскихъ и Сирійскихъ культовъ. Уже Іеровоамъ поставилъ кумиры на высотахъ въ Данѣ и Веѳилѣ. Большая часть Левитовъ переселилась тогда изъ Израиля въ Іудею. Тщетно боговдохновенные пророки (Илія, Елисей и другіе) обличали нечестивыя нововведенія царей Израильскихъ и грозили имъ гнѣвомъ Іеговы, истиннаго Бога. Въ продолженіи 250-лѣтняго существованія Израильскаго государства, въ немъ не могъ утвердиться прочный порядокъ престолонаслѣдія. Девять разъ мѣнялся царственный домъ въ Израилѣ и немногіе изъ 19 царей Израильскихъ вступили на престолъ или удержались на немъ безъ кровавыхъ смутъ и возстаній. Сосѣднія племена пользовались этими внутренними безпорядками и почти не прекращавшимися раздорами между царями Израильскими и Іудейскими. До появленія Ассиріянъ самымъ опаснымъ врагомъ Израиля были цари Дамасскіе, которые со времени Рехона, освободившаго еще при Саломонѣ, около 980, Дамаскъ изъ-подъ владычества Евреевъ, владѣли значительною частію сѣверной Сиріи и неоднократно отрывали отъ Израиля области, лежавшія на лѣвомъ берегу Іордана. Іеровоаму II (822—780) удалось на время возстановить прежнія границы государства, но по смерти его дѣла приняли еще худшій оборотъ. Несмотря на увѣщанія пророка Осіи, царь Манаимъ призвалъ къ себѣ на помощь противъ Дамаска Ассирійцевъ (760) и сдѣлался чрезъ то данникомъ Ассирійскихъ государей, которые съ тѣхъ поръ принимаютъ постоянное участіе въ дѣлахъ Сиріи. Въ 740 году Тиглатъ-Пилесаръ положилъ конецъ царству Дамасскому и переселилъ много Израильтянъ во внутреннія области Ассиріи. Попытка Осіи свергнуть, при пособіи Египтянъ, ассирійское иго кончилась совершеннымъ паденіемъ Израильскаго царства. Послѣ трехлѣтней упорной обороны Салманассаръ взялъ Самарію (721) и отвелъ за Евфратъ царя и лучшую часть населенія. Опустѣвшіе города и села Израиля отданы были колонистамъ изъ Финикіи и Сиріи, которые въ соединеніи съ остатками прежнихъ жителей образовали смѣшанный народъ—Самаритянскій.

Іудейское царство.

Около 150 лѣтъ простояло еще царство Іудейское, до конца сохранившее вѣрность династіи Давидовой, давшей ему 20 государей. Несмотря на невыгодное положеніе свое между враждебными и превосходившими его могуществомъ сосѣдями (къ Сѣв. Израиль и Дамаскъ, къ Югу Египетъ и племена аравійской пустыни, отъ Запада — Филистимляне); несмотря на частыя отпаденія царей Іудейскихъ и высшихъ сословій отъ поклоненія Іе-

говѣ: несмотря даже на собственныя беззаконія, народъ Іудейскій въ продолженіи четырехъ вѣковъ съ усиліемъ отстаивалъ свою политическую независимость. Постоянное сообщеніе съ храмомъ Іерусалимскимъ, вмѣщавшимъ въ себѣ святыню, которая свидѣтельствовала о союзѣ между Творцемъ и праотцами народа, примѣры священниковъ и левитовъ, которые со времени распаденія царства крѣпче примкнули ко храму Саломонову и съ большимъ противъ прежняго рвеніемъ служили Господу, наконецъ, увѣщанія пророковъ служили Іудеямъ неисчерпаемымъ источникомъ нравственной силы. Объясненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ принадлежитъ церковной исторіи. Мы можемъ указать здѣсь только на ихъ историческое значеніе. Хотя рѣчи пророковъ обращены были къ одному народу Іудейскому, но онѣ содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о состояніи всей западной Азіи и правила глубочайшей всюду примѣнимой политической мудрости. Прозрѣвая въ будущее, пророки Іудейскіе были въ то-же время краснорѣчивыми и дальновидными истолкователями современныхъ имъ событій (Исаія, Іеремія, Іезекіилъ). Но рѣчи боговдохновенныхъ мужей не всегда находили должное послушаніе. Ни царь, ни народъ не въ состояніи были идти твердо путемъ, указаннымъ пророками, дабы отвратить отъ себя заранѣе предсказанныя бѣдствія. Уже при Ровоамѣ, около 970 г., Египтяне совершили опустошительное нашествіе на Іудею и разграбили самый Іерусалимъ.

При преемникахъ Ровоама борьба шла преимущественно съ Израилемъ, которому иногда помогали въ этой войнѣ Дамасскіе цари. Неосторожный поступокъ Манахима, пригласившаго Ассирійцевъ вступить въ Сирію, имѣлъ рѣшительное вліяніе на судьбу земли Ханаанской. Какъ въ Израилѣ, такъ и въ Іудеѣ пророки напрасно убѣждали государей не прибѣгать къ ненадежной помощи Ассирійцевъ. Царь Ахазъ Іудейскій не внималъ словамъ Исаіи и, слѣдуя примѣру Манахима, заключилъ союзъ съ Тиглатъ-Пилесаромъ (741). Послѣдствія намъ уже извѣстны: черезъ годъ Тиглатъ разрушилъ Дамаскъ, укрѣпилъ власть свою надъ Израилемъ и наложилъ дань на Іудею. Походъ Сеннахерима. Упадокъ Ассиріи не спасъ Іудейскаго царства отъ предвѣщанной ему участи. Мѣсто Ассирійцевъ заняли сначала Египтяне, которые при царяхъ своихъ Псаметихѣ и Нехао овладѣли прибрежною Сиріей. Въ 608 году Нехао побѣдилъ при Мегеддѣ благочестиваго царя Іосію и подчинилъ себѣ Іудею, но владычество Египтянъ было не продолжительно. Черезъ 4 года послѣ битвы Мегеддской разбитый Навуходоноссоромъ Вавилонскимъ Нехао отступилъ въ свои владѣнія и завоеванія его достались побѣдителю. Въ 604 г. Навуходоноссоръ отвелъ царя Іоакима съ лучшими людьми народа въ Вавилонію. Несмотря на утрату политической самостоятельности, Іудейское государство существовало еще 18 лѣтъ. Въ 586 г. отчаянное возстаніе Іудеевъ кончилось ихъ совершеннымъ порабощеніемъ, разрушеніемъ Іерусалима и храма Господня. Послѣдній царь Седекія былъ, по приказанію Навуходоноссора, лишенъ зрѣнія и съ частію подданныхъ отведенъ за Евфратъ. Плѣненіе Вавилонское

2. Финикіяне.

Въ Сѣверо-Западной части Ханаана, лежащей между Средиземнымъ моремъ и Ливанскими горами, обитали задолго до занятія Евреями Іорданской долины пять небольшихъ племенъ, между которыми Сидонцы считались главнымъ. Узкая прибрежная полоса, которую занимали эти племена, получила у Грековъ названіе Финикіи, отъ растущей по склонамъ Ливана Финиковой пальмы. Завоеванія фараоновъ въ Сиріи и потомъ вторженіе Евреевъ оттѣснили къ морскому берегу часть жителей внутренняго Ханаана. Такимъ образомъ, за 14 вѣковъ до Р. Х. Финикія уже страдала избыткомъ населенія, не находившаго достаточныхъ средствъ продовольствія въ странѣ, которой длина не превышала 30, а ширина нигдѣ не доходила до 5 геогр. миль. Близость моря служила вознагражденіемъ за скудость почвы. Изрѣзанный многочисленными бухтами и гаванями берегъ Финикіи приглашалъ жителей къ мореплаванію. Ливанскія горы доставляли въ изобиліи нужный для постройки судовъ лѣсъ.

Книга Бытія называетъ Сидонъ первенцемъ Ханаана. Сидонъ былъ долгое время „торжищемъ народовъ". Покровительницею города была Астарта, жестокая богиня войны и разрушенія. Свѣтиломъ ея былъ мѣсяцъ. Только непорочныя дѣвы поступали въ число жрицъ Астарты. Сидонскіе выходцы основали къ Югу отъ родного города Тиръ, или Цоръ, существовавшій уже во времена Іисуса Навина. Старый Тиръ лежалъ на твердой землѣ. Новый возникъ около 12 вѣковъ до Р. Х. на небольшомъ островѣ, противъ стараго города. Когда эти двѣ общины слились въ одно цѣлое, Тиръ далеко оставилъ за собою Сидонъ. Въ Новомъ Тирѣ находился великолѣпный храмъ Мелькарта, котораго Греки принимали за Финикійскаго Геракла. Въ Мелькартѣ соединяются Ваалъ и Молохъ, солнце благотворное и солнце палящее, пожирающее. Въ сказаніяхъ о странствованіяхъ Тирскаго Мелькарта можно прослѣдить пути финикійской торговли. Къ Сѣверу отъ Сидона находились города Беритъ, Библосъ, гдѣ процвѣтало нечистое служеніе Анерѣ, и Арадъ, построенный, подобно Тиру, на маленькомъ островѣ. По недостатку мѣста всѣ дома въ Арадѣ были въ нѣсколько этажей. Позже другихъ возникъ Триполисъ, общая колонія Сидона, Тира и Арада. Вообще весь берегъ отъ горы Кармельской до Арада былъ покрытъ сплошнымъ рядомъ городовъ и пригородовъ, за которыми лежали богатыя дачи, сады и превосходно обработанныя поля Финикійскихъ купцовъ, которыхъ пророкъ Исаія называетъ князьями земли. Одѣтый густыми лѣсами, надъ которыми высоко поднимались его снѣжныя вершины, хребетъ Ливана замыкалъ собою эту дивную, съ моря открывавшуюся панораму.

Во главѣ отдѣльныхъ городовъ стояли наслѣдственные цари, которыхъ власть была ограничена вліяніемъ древнихъ, аристократическихъ родовъ. Старшины родовъ составляли совѣтъ, или сенатъ города. Благодаря преобладанію торговыхъ интересовъ, формы политической жизни были у Финикіянъ болѣе развиты, нежели у другихъ Семитовъ, которыхъ патріотизмъ

рѣдко возвышается надъ мѣстнымъ или племеннымъ. Съ 12-го столѣтія начинается перевѣсъ Тира надъ другими финикійскими городами. Но перевѣсъ этотъ никогда не обращался въ полное господство. Сидонъ и Арадъ удержали до конца за собою значительную долю вліянія на общія всей Финикіи дѣла. Въ Триполисѣ происходили совѣщанія о такихъ дѣлахъ. Низшій классъ населенія состоялъ въ Финикіи изъ многочисленныхъ матросовъ, ремесленниковъ и вообще рабочихъ людей всякаго рода, со всѣхъ сторонъ стекавшихся въ промышленные и богатые города, доставлявшіе имъ обильныя средства существованія. Эта разнородная и нерѣдко буйная демократія пользовалась, повидимому, нѣкоторыми политическими правами...

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКЦІИ.

Примѣчаніе къ стр. 13. „Рѣчь о Современномъ Состояніи и Значеніи Всеобщей Исторіи“ издана кромѣ того отдѣльной брошюрой: „Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ Торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 января 1852 года“.

Примѣчаніе къ стр. 15. По изданію Тейбнера, подъ редакціей Рота, цитата изъ Светонія „De Rhetoribus, 3“ читается: „L. Voltacilius Pilutus etc“.

Примѣчаніе къ стр. 134. Диссертація „Іомсбургъ и Винета. Историческое Изслѣдованіе“ была выпущена и отдѣльнымъ оттискомъ въ 1845 г. съ прибавленіемъ слѣдующихъ Тезисовъ:

1. Волинъ, Юмна и Юлинъ суть имена одного и того-же города.

2. Адамъ Бременскій и Саксонъ граматикъ смѣшиваютъ Норманскую крѣпость Іомсбургъ съ Славянскимъ городомъ Волиномъ.

3. Сказанія о Винетѣ образовались вслѣдствіе ошибки Гельмольда или его переписчиковъ, не разобравшихъ слова: Jumneta. Ученые XVII вѣка развили эти сказанія до той формы, въ какой они дошли до насъ.

4. Первыя книги Саксона граматика не выдержатъ никакой исторической критики. Онъ безпрестанно переноситъ новыя отношенія въ глубокую древность. Важность, приписанная Штуромъ этимъ книгамъ Саксоновой лѣтописи, преувеличена.

5. Сказанія о подвигахъ Пальнатоки и Вильгельма Теля равно сомнительны.

6. Такъ называемыя народныя преданія не всегда образуются въ народѣ, но часто переходятъ къ нему изъ книгъ.

7. Въ основаніи историческихъ воззрѣній, которыя высказаны въ лѣтописяхъ средняго вѣка, лежитъ книга блаженнаго Августина: de civitate Dei. Это философія исторіи для того времени.

8. Нападенія Шлёцера и его школы на достовѣрность Скандинавскихъ Сагъ неосновательны. Отъ Саги, какъ отъ всякаго другаго разсказа, въ продолженіи многихъ лѣтъ исключительно жившаго въ устахъ народа, нельзя требовать точности хронологической и географической, но событія вообще переданы въ ней вѣрно. Умышленныхъ искаженій почти не могло быть. Самыя пѣсни Скальдовъ составляютъ источникъ важный и правдивый.

Примѣчаніе къ стр. 173. Въ черновыхъ бумагахъ Т. Н. Грановскаго, найденныхъ въ 1892 г., есть листокъ съ тезисами къ диссертаціи „Аббатъ Сугерій“, написанными его рукой:

1. Каролинги пали не вслѣдствіе личныхъ недостатковъ отдѣльныхъ членовъ этой династіи. Виною ихъ паденія была политическая система, наслѣдованная ими отъ Карла Великаго, неприложимая къ государствамъ 9 и 10 вѣка.

2. Первые государи второй династіи не приписывали себѣ тѣхъ правъ, за которыя стояли Каролинги. Вообще, положеніе Капетингской династіи на престолѣ было не прочно, въ продолженіи трехъ вѣковъ. При каждой перемѣнѣ царствованія Капетингамъ грозила опасность.

3. Сохраненіемъ французскаго престола преемники Гугона Капета болѣе всего обязаны покровительству западной церкви.

4. Новыя понятія о правахъ и призваніи монархической власти, которыя видимъ у французскихъ королей въ 12 вѣкѣ, развились въ запад. церкви и отъ нея перешли въ государство.

5. Сугерій былъ представителемъ этой теоріи при Лудовикѣ VI и его преемникѣ. Онъ сдѣлалъ первый опытъ ея приложенія.

6. Написанная имъ „жизнь Л. Т.“ есть первый памятникъ, въ которомъ высказаны основныя черты новой теоріи.

7. Эту теорію не должно смѣшивать съ теоріею свѣтскихъ властей, которая развилась въ борьбѣ нѣмецкихъ императоровъ съ папствомъ. Онѣ основаны на разныхъ началахъ.

8. Ни Лудовикъ VI, ни Сугерій не благопріятствовали городскимъ общинамъ. Послѣдній, по положенію и характеру, долженъ былъ быть противникомъ общиннаго движенія.

9. Мнѣніе Гегеля объ исключительномъ вліяніи германскихъ учрежденій на образованіе городскихъ общинъ не можетъ быть принято наукою.

10. Дошедшее до насъ духовное завѣщаніе Герцога Вильгельма X Аквитанскаго есть актъ подложный.

Примѣчаніе къ стр. 264. Публичная лекція профессора Грановскаго о Лудовикѣ IX, читанная 13-го марта 1851 г., напечатана впервые въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1851 г. въ № 94. Редакція газеты сдѣлала при ней слѣдующее примѣчаніе... „Предлагаемая лекція записана, какъ и прочія, г-дами студентами, которые и безъ помощи стенографіи умѣютъ достигать тѣхъ же результатовъ, и провѣрена самимъ профессоромъ... въ скоромъ времени должны выдти въ свѣтъ, особымъ изданіемъ, всѣ эти четыре лекціи проф. Грановскаго“.

Примѣчаніе къ стр. 288. Статья „Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ“ была выпущена и отдѣльными оттисками.

Слѣдующія замѣтки, принадлежащія Грановскому, заимствованы изъ біографическаго словаря Императорскаго Московскаго Университета, ср. предисловіе этого изданія, стр. VIII и IX.

Вигантъ, Іоганнъ, Ординарный Профессоръ Всеобщей Исторіи, Коллежскій Ассессоръ, былъ опредѣленъ на каѳедру Всемірной Исторіи и вспомогательныхъ ея наукъ при Московскомъ Университетѣ въ 1784 году. О прежней его жизни извѣстно, что онъ много путешествовалъ и занималъ мѣсто проповѣдника при Евангелической церкви Сарептскаго Общества. Лекціямъ Исторіи онъ обыкновенно предпосылалъ лекціи наукъ вспомогательныхъ, а потомъ по порядку проходилъ древнюю, среднюю и новую исторію, заключая сію послѣднюю многими статистическими замѣчаніями о существующихъ государствахъ. Въ 178^{5}_{6} году преподавалъ онъ византійскую, турецкую исторію, государствъ, возникшихъ на развалинахъ Римской Имперіи, и предполагалъ читать русскую. Онъ оставилъ каѳедру въ 1793 году, и умеръ въ Сарептѣ, 31-го Августа 1808 года. Изъ сочиненій его извѣстны только двѣ рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Университета, одна на латинскомъ, а другая на Французскомъ языкѣ. Современники съ

большимъ уваженіемъ отзываются о его знаніяхъ и способѣ преподаванія. Онъ читалъ 8 часовъ въ недѣлю, по четыре лекціи, на русскомъ языкѣ. Несмотря на книжный складъ рѣчи, обличавшій иностранца, онъ излагалъ свой предметъ живо и даже краснорѣчиво. Слушателямъ своимъ онъ выдавалъ сверхъ того краткія записки на латинскомъ языкѣ.– Въ силу завѣщанія его, послѣ смерти напечатано было въ Московскихъ Вѣдомостяхъ слѣдующее извѣщеніе: „Бывшій Императорскаго Московскаго Университета Профессоръ Иванъ Вигандъ, скончавшійся 31-го Августа сего года (1808), просилъ передъ кончиною своею засвидѣтельствовать всѣмъ любящимъ его ту приверженность и любовь, коими душа его до послѣдняго издыханія къ нимъ была преисполнена, съ чѣмъ онъ себя на вѣки препоручилъ въ неизмѣняемую ихъ дружескую память".

Черепановъ, Никифоръ Евстратевичъ, Всемірной Исторіи, Статистики и Географіи Профессоръ. П. Ординарный, Статскій Совѣтникъ, ордена св. Анны 3-й степ Кавалеръ, родился въ Вяткѣ и получилъ начальное образованіе въ тамошней духовной Семинаріи. Въ 1782 году онъ поступилъ въ Философскій Факультетъ Московскаго Университета, гдѣ занимался преимущественно исторіею. По окончаніи курса, онъ былъ назначенъ преподавателемъ Исторіи и Географіи въ бывшей при Университетѣ Академической гимназіи. Въ 1799 году онъ получилъ званіе Адъюнкта Философскаго Факультета и началъ преподаваніе Исторіи и Географіи въ Московскомъ Университетѣ. При преобразованіи Университета въ 1804 г. онъ былъ произведенъ въ Экстраординарные, а въ 1810 г. въ Ординарные профессоры. Въ 1812—1813 г. онъ занималъ должность Декана въ Отдѣленіи словесныхъ наукъ. Сверхъ того онъ занимался преподаваніемъ въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ около 30 лѣтъ, въ Московскомъ отдѣленіи ордена св. Екатерины 16 лѣтъ, и былъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду членомъ Училищнаго Комитета. Въ 1804 году препоручено ему было открытіе Губернскихъ Гимназій въ Костромѣ и Вологдѣ; въ томъ же году осматривалъ, въ качествѣ визитатора, училища Ярославской и упомянутыхъ двухъ губерній. Съ 1808 г. до кончины занималъ должность помощника библіотекаря въ Университетѣ. Скончался въ чинѣ Статскаго Совѣтника, на 61 году отъ рожденія, Августа 13-го 1823 г. Издалъ: 1) *Начертание знатнѣйшихъ народовъ свѣта по ихъ происхожденію, распространенію и языкамъ*, пер. съ нѣмецкаго. Москва 1798 г. 2) *Атласъ древней Географіи*, пер. съ французскаго. 3) *Древняя и Новая Всеобщая Исторія Шрекка*, пер. съ нѣмецкаго съ дополненіями. Москва, 1814 — 1815 г. 4) Въ торжественномъ собраніи Университета 1803 г. произнесена имъ рѣчь: *О способахъ, какъ постепенно восходило просвѣщеніе народовъ* и 5) Для употребленія въ классахъ Екатерининскаго института перевелъ съ французскаго Всеобщую Исторію, съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. — Смиреніе, простота и христіанская нравственность были отличительными чертами его жизни.

Цѣна два рубля.